

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DAVIS

106140

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Водянскаго.

1869

Іюль — Сентябрь.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

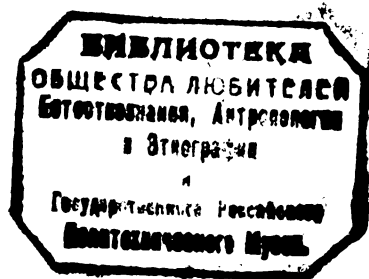

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

1869.

LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DAVIS

Время поступ. _____

Инвент. № _____

№ 15 98 р:

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

THE END OF THE WORLD

II

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

0

СОЕДИНЕНИИ ПОДЪ ОБЩИМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ

БОЛГАРСКАГО РЫЛЬСКАГО И РУССКАГО АЕОНСКАГО МОНАСТЫРЕЙ.

Братія Болгарскаго Рыльскаго монастыря, посѣщая, по временамъ, Св. Аеонскую Гору, которая не перестала и, надѣмся, не перестанетъ никогда быть духовною школою для Православнаго иночества, оказываютъ особенное расположеніе нашей Русской Аеонской обители (Руссику). Расположеніе это, по ихъ объясненію, кромѣ духовныхъ причинъ, имѣетъ и основы историческія; въ доказательство чего они, въ 1867 году, привезли въ Русскіе копію съ акта, хранящагося у нихъ, въ числѣ отборныхъ бумагъ, въ особомъ кивотѣ. Актъ этотъ относится къ 1466 году, и составленъ возстановителями Болгарскаго Рыльскаго монастыря (послѣ запустѣнія его, въ слѣдствіе разоренія Турками, при завоеваніи Болгарскаго Царства, въ концѣ XIV столѣтія), Игуменомъ Давидомъ и, братомъ его, Іеромонахомъ Теофаномъ, по смерти старшаго ихъ брата, перваго Игумена обновленной обители, отца Іоасафа.

Исторія этого возстановленія и обратнаго перенесенія изъ Тернова въ обновленную обитель мощей ея основателя, Преподобнаго Іоанна Рыльскаго (содѣйствіемъ вдовы, Царицы Мары, супруги Султана Амурата II-го, а младшей дочери Сербскаго Деспота, Георгія Бранковича, 1428—1457), описана подробно и обстоятельно въ драгоценномъ сборникѣ, именуемомъ «Панегирики», составленномъ въ XV же столѣтіи Грамматикомъ Владиславомъ и хранящемся въ томъ же Рыльскомъ монастырѣ. Описание это со-

ставляетъ добавленіе къ Житію Пр. Іоанна Рыльского, написанному, какъ извѣстно, послѣднимъ Терновскимъ Патріархомъ, блаженнымъ Евѣиміемъ, и принадлежитъ перу самого составителя Сборника, Владиславу Грамматіку (см. «Гласникъ Српскога Ученога Друштва,» новаго реда кн. V, 1867 года). Упоминаемыхъ въ этомъ актѣ хрисовуловъ прежнихъ святыхъ ктиторовъ (Рыльской обители): «како суть были оба монастыра (Рыльскій Болгарскій и Русскій Аеонскій) едино и прежде,» (т. е., прежде разоренія Рыльской обители Турками въ концѣ XIV, или началѣ XV, столѣтія), хрисовуловъ, которые, по объясненію отцевъ Давида и Ѳеофана, видѣны были ими нѣкогда въ Русскомъ Аеонскомъ монастырѣ, нынѣ нѣтъ, такъ какъ большинство древнихъ Славянскихъ актовъ этой обители утратилось во время оставленія ея Русскими иноками въ прошломъ столѣтіи. По нашему заключенію обстоятельство, упоминаемое въ актѣ, то есть, соединеніе обоехъ монастырей подъ общимъ управленіемъ при прежнихъ ктиторахъ, судя по извѣстнымъ намъ историческимъ событіямъ обихъ обителей, можно съ достовѣрностію отнести къ первой половинѣ XIV столѣтія, по слѣдующимъ соображеніямъ: Обновителемъ Болгарскаго Рыльского монастыря, послѣ обветшанія его зданій, былъ, какъ извѣстно, одинъ изъ вельможъ Царя Стефана Душана (владѣвшаго тогда всею Македоніею), Правитель Струмицкой области, Протосевасть (а потомъ Кесарь) Хреля Охмучевичъ, скончавшійся въ 1343 году, въ монашескомъ образѣ подъ именемъ Харитона, и погребенный въ обновленной имъ обители, гдѣ доселѣ указываютъ надгробную плиту съ полуистертой надписью. Воздвигнутыя Хрелею въ Рыльскомъ монастырѣ зданія истреблены пожаромъ въ началѣ текущаго столѣтія; уцѣлѣла лишь одна каменная башня, которую народъ и доселѣ зоветъ «Релинъ пиргъ»; на ней находится надпись, составленная изъ каменнаго кирпича: «При держакн Господина пресысокаго Степана Доушана Крапа созда сен пиргъ Гбсподникъ Протосевасть Хрель с троудомъ великимъ и ексодомъ скетомоу отцоу Йолиноу Рыльскомоу и Матери Кожіей, нарицаемъй Осеновница, въ лето 7261г (6843=1334), Ноемкрѣл ѣ (5).» Владиславъ Грамматикъ, говоря о современномъ ему возстановленіи обители Рыльской въ 1460 году, упоминаетъ и объ обновленіи ея въ XIV столѣтіи Хрелемъ, говоря: «юже (обитель) добре зѣло и благоустроенъ же прѣвзорьнынъ онъ Кесаръ Хреля, образомъ же

иноуѣскимъ нареуены Харитонъ монахъ, къ славословіе Божіе и въ уѣсть преподобномоу, отъ основанна къзденже и създа» (Гласникъ кн. V, стр. 288).

Относительно Русской Аѳонской обители Св. Пантелеимона также извѣстно, что въ 1340 г. (по завоеваніи Душаномъ всей Македоніи и части Оракіи) она была принята Стефаномъ Душаномъ подъ его личное покровительство, и онъ, видя «нищету послѣдню монастыря и всакаго промышленія и попушенія тырь и пѣсть, и ієще отъ Русіе въсекоуноу оставленіе», сдѣлавшись, по просьбѣ иноковъ, ктитормъ сей обители, «наложилъ попушеніе и промышленіе» о ней на одного «многолюбимаго и кѣрнаго» ему монаха, Исаію, «томъ и не хотещъ, одва зпросишь ѹго, съ великимъ змилненіемъ и метаніемъ, възпѣ и съ Царицею Кѣра Еленою.» * По прошенію избраннаго такимъ образомъ настоятеля, щедролубивый Царь надѣлилъ монастырь метохіями въ той же Струмицкой области, которою управлялъ тогда Кесарь Хреля, а послѣ него Царица Евдокія (вдова Деака), съ сыновьями Деспотами, Костандиномъ и Драгашемъ. Такое видимое благоволеніе Царя къ Русской Аѳонской обители, сравненной при томъ въ правахъ своихъ, по просьбѣ того же многолюбимаго Царемъ старца Исаіи (Игумена обители), съ Царскою Сербскою Хилендарскою Лаврою, не могло не привлечь къ Русскому монастырю вниманія и Сербскихъ владѣтелей. Вотъ по чему и ктиторъ возобновленной тогда же Рыльской обители, Кесарь Хреля Охмучевичъ (Харитонъ), легко могъ присоединить свой монастырь къ Русской Аѳонской обители на томъ же основаніи, какъ сдѣлалъ это Правитель сосѣдней Овчепольской области, Великій Воевода Оливеръ (братъ супруги Душановой, Царицы Елены), относительно обновленнаго имъ монастыря Пр. Гавріила Лѣсновскаго (между Истибомъ и Кюстендилемъ), «записавъ златопечатнымъ хрисовоуломъ и предавъ оныи (монастырь) оу скетоу гороу Богородици Хилендарской съ всакимъ

* См. хрисовулъ Царя Стефана Душана Русіку 1349 г., Іюня 12, въ «Гласникѣ 1868 г., кн. VII, статья: «Стара Сръска писма», стр. 232 и слѣд. Въ этомъ хрисовулѣ, конитъ онъ подтверждаетъ за монастыремъ его владѣнія внутри и внѣ Св. Горы, объ упомянутыхъ выше событіяхъ, по устройству монастыря, говорится въ прошедшемъ времени, слѣдовательно, онъ относится къ началу 40-хъ годовъ XIV столѣтія.

оутвержденіемъ» (см. «Описаніе Сербской Хиландарской Лавры,» стр. 70—71, въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древности Россійскихъ,» 1867 г., кн. IV, отд. 3, и особо). Словомъ, достовѣрность событія XIV столѣтія, упоминаемого въ актѣ XV столѣтія, не смотря на утрату относящагося къ сему хрисовула, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и въ этомъ смыслѣ актъ 1466 года лишь обновляетъ, для обѣихъ существующихъ понынѣ обитателей, «память лѣтъ древнихъ.» Долго ли продолжалось условленное этимъ актомъ вторичное соединеніе обоихъ монастырей подъ общимъ управленіемъ, * намъ не извѣстно; но и донынѣ, при совершенной независимости сихъ монастырей одного отъ другого, память ихъ двукратнаго соединенія означаетъ сохраненіемъ духовнаго и дружелюбнаго общенія между братствомъ обоихъ монастырей, образуя одну изъ тѣхъ мало примѣтныхъ, но тѣмъ не менѣе крѣпкихъ, нитей, которыми черезъ цѣлые вѣка поддерживается взаимный духовный союзъ родственныхъ и единовѣрныхъ племенъ, въ терпѣливомъ ожиданіи того вождедѣннаго для всѣхъ Славянъ дня, когда, не опасаясь болѣе ни чьего предательства и не боясь ни чьего преслѣдованія, они будутъ въ состояніи откровеннымъ лицомъ взглянуть другъ на друга и, ясно сознавая свое духовное и племенное родство, братски протянуть другъ другу руки на вѣчный союзъ, для общаго блага, какъ своего, такъ и своихъ нынѣшнихъ насельниковъ.

* Первое соединеніе, какъ легко догадаться, окончилось вмѣстѣ съ разореніемъ Рыльской обители, во время паденія Болгарскаго Царства, въ концѣ XIV, или въ началѣ XV, столѣтія.

АКТЪ 1466 ГОДА.

Благодатію и уелокъколюбіемъ гдѣ и бгѣ и спса нашего іисуса хрѣта, и молитвами преуныта вѣщы нашей богородицы и преподобнаго и бгѣноснаго оца нашего іованна, пастыни жителя рыльскаго, мы иноцы, иже въ монастырь пастыни рыльскѣа, игъменъ іеромонахъ давидъ и іеромонахъ феофанъ и съ братомъ нашимъ стопоукишнимъ игъменомъ іеромонахомъ іоасафомъ, ѡбрѣтохомъ стѣи монастырь рыльскій запустѣвшій ѡ многихъ лѣтъ, и мѣтию бжїею и помощію преуныта и молитвами стѣаго, воздвигохомъ его и ѡбновихомъ и оу державныхъ царей и господъ всакнимъ записаніемъ и оутвержденіемъ свободихомъ ѡ телоса * царѣва, и всакныхъ иныхъ дѣланій проуиныхъ господъ. По времєни же видѣхомъ во стѣи горѣ въ монастырь стѣаго великомученика хрѣтова и цѣлѣбника панделенимона хрѣсовъаы прѣжнихъ стѣихъ ктѣторѣвъ, какѡ сѣтъ былъ ѡба монастыри ѣдино. Тѣмъ же и мы, совѣщавшєся по преставленіи брата нашеѡ, куръ іоасафа, сотворихомъ, да сѣтъ пакн ѡба монастыра ѣдино, ꙗко же сѣтъ и прѣжде былъ, и да си поставляютъ наставника здѣ, ѡ нихъ монастыра стронти ѡвзи монастырь, намъ же, двѣма братама, іеромонахъ давидъ и іеромонахъ феофанъ, ꙗще прилѣхунтєся прїити во стѣю горѣ, въ стѣи монастырь, да имамо свободу ѡ всакныхъ работъ; ꙗще ли пакн превъдемъ здѣ, такожде да имамо ѡрадъ; тѣи же да стрѡатъ монастырь, ꙗкоже хотатъ; по преставленіи же нашемъ или тамо, или здѣ, да имамо кѡлѣва и лѣтѣргѣи ꙗко же и проуаа братїа, и вса иже сѣтъ монастырскаа, или внѣтръ, или внѣ цю, да се ѡбрѣтає, предѣсмотѣмъ съ писаніемъ по имени, и записанїа царскаа и господскаа. И такози оуиинисмо междѣ собою, что либо да естъ здѣ въ монастырь, да се не возметъ ѡносити ѡ монастыра, кромѣ нужди расыпанїа монастырскаго. И иже дерзнетъ разорити сїє наше вѣиенїє или ѡ тѣхъ, или ѡ насъ, таковаго да разоритъ гдѣ богъ въ день страшнаго испытанїа, и да га оубїетъ сила уєстнаго и животворящаго крєста, и да є проклетъ ѡ триста и осмыаесетъ стѣихъ и бгѣносныхъ оцъ иже въ нїкен, и ѡ всѣхъ стѣихъ ѡ вѣка бгѣ оугождашихъ, и да мѣ є сопѣрница преунытаа бгѣматн, и стѣи великомучѣ-

* Дани.

никъ хрѣтовъ панделенмонъ, и прендобный и бѣгосный оцъ іоаннъ
 рыльскій, на страшнѣмъ сздѣ хрѣтокомъ. И ради изъясненія и оутвержде-
 нія, иже сѣа куннишій, вписаномъ здѣ по имени: игъменъ обнѣтел
 стагѣ веланкомъуенника хрѣтока и цѣлбника панделенмона іеромонахъ
 аверкѣ, и игъменъ обнѣтел прендобнагѣ и бѣгоснагѣ оца іоанна
 рыльскаго іеромонахъ давидъ, и іеромонахъ феофанъ, пронгъменъ
 рѣшки харѣтонъ, пронгъменъ герасимъ, пронгъменъ іеромонахъ
 аверкѣ, пронгъменъ никандръ, пронгъменъ малахія, ексиліархъ іеро-
 монахъ діомидѣ, духокиникъ іеромонахъ ефремъ, старецъ афанасіе,
 старецъ рафанъ, старецъ карлаамъ, старецъ григоріе, старецъ досіѣе,
 еходіастъ понъ митрофанъ, и ксѣ иже во хрѣте брати обонхъ мона-
 стырей; и писасе въ лѣто 7500, мѣа іхнѣа 5.

Лаурентиосъ граматикосъ.

(М. П.) Тутъ находятся двѣ печати восковыя: одна Рус-
 скаго монастыря Святаго Валикомученика Панте-
 леимона, а другая Рыльскаго монастыря Пре-
 подобнаго Іоанна.

Февраль,
 1869 года.

Константинополь.

Д. Членъ Архимандритъ Леонидъ.

ВРЕМЕНИ СДАЧИ ПОЛЯКАМИ РУССКИМЪ КРЕМЛЯ ВЪ 1612 ГОДУ.

Очищеніе Кремля отъ Поляковъ въ 1612 г. было вѣнцемъ тяжелыхъ усилій народа Русскаго для освобожденія столицы своей отъ чуждаго господства. Это событіе положило конецъ смутѣ, порожденной Самозванцами и притязаніями иноземцевъ на Русскій престолъ; оно уничтожало опасеніе владычества Поляковъ надъ Русскою землею.

Казалось бы, день, когда совершилось подобное событіе, долженъ былъ вѣзаться въ памяти современниковъ и остаться припомянутымъ для потомства. Но на дѣлѣ не такъ. Дошло до насъ не мало сказаній современниковъ объ этомъ событіи, даже отъ принимавшихъ личное и дѣятельное участіе въ ономъ, но показанія ихъ или неопредѣленны, или разнорѣчивы. Два событія предшествовали сдачѣ Кремля Поляками: отбитіе Хоткевича и взятіе Русскими приступомъ Китая города.

Всѣ свидѣтельства согласны въ томъ, что Хоткевичъ 21-го Августа подошелъ къ Москвѣ и 23-го Августа, отбитый Русскими, отступилъ отъ нея.

Большая часть свидѣтельствъ днемъ взятія Китая города назначаетъ 22 Октября. Въ Лѣтописи о мятежахъ, писанной очевиднымъ свидѣтелемъ событій, говорится, что Китай городъ взятъ

былъ Октября 22 дня, на память Аверкія, Епископа Іеропольскаго. ¹

Аврамій Палицынъ, бывшій тогда при войскѣ Русскомъ, говоритъ также, что Воеводы взяли Китай городъ приступомъ Октября въ 22-й день. ²

Во второмъ сказаніи о Самозванцахъ, сходномъ съ сказаніемъ Аврамія Палицына, указывается тоже число. ³

Въ Никоновской лѣтописи говорится, что на память Аверкія Великаго (22 Октября) Китай взяша. ⁴

Въ Новомъ лѣтописцѣ, сходномъ съ Никоновскою лѣтописью, также говорится, что Китай городъ взяли 22 Октября. ⁵

Въ Прологѣ, на который часто ссылается Новый лѣтописецъ, сказано: «Взяша градъ Китай Октября въ двадесять второй день.» ⁶ Тоже читаемъ въ Филаретовой рукописи (Сбор. Мух., изд. 2-е, стр. 320). Отдѣльнымъ стоитъ свидѣтельство отписки Воеводъ Трубецкаго и Пожарскаго къ Новгородскому Митрополиту, Исидору, въ которой днемъ взятія Китая города назначается Сентября 22-й. ⁷ При сличеніи съ предшествующими событіями, должно думать, что здѣсь допущена описка и, вмѣсто Сентября, слѣдуетъ читать Октября 22-й.

Въ иномъ сказаніи о Самозванцахъ говорится: «Пріяпа вои Русскія Москву Октября въ 24 день, на память Святаго муче-

¹ Стр. 265: «Какъ убо взяли Китай, что сами видѣхомъ очима своимъ, что многіе чаны насолегы быша человѣческими мясами.»

² Осада Троицкаго монастыря, 245.

³ Временникъ, кн. XVI, 130.

⁴ Никонов. лѣт. VIII, 196.

⁵ Временникъ, кн. XVII, 158.

⁶ Первая и вторая часть Пролога напечатаны въ первый разъ въ 1642 г.

⁷ Дополн. къ Акт. Истор. т. 1-й, № 166.

ника Арееы.» Здѣсь на два дня позднѣе полагается взятіе Китая города.⁸

Взятіе Кремля въ большей части сказаній сливается съ взятіемъ Китая города.

Въ статьѣ, помѣщенной предъ Дворцовыми Разрядами, сказано, что въ память взятія Китая города и Кремля уставлено празднованіе образу Пречистой Богородицы Казанскія Октября въ 22-й день.⁹

Въ грамотѣ Царя Алексѣя Михайловича говорится, что въ 121 г., Октября 22, Московское Государство отъ Литовскихъ людей очистилось, по сему и установлено при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ праздновать въ Москвѣ въ сей день явленіе Казанской иконы Божіей Матери.¹⁰

Въ сказаніи о дѣйственныхъ чинахъ Московскаго Успенскаго Собора, писанномъ въ третій годъ Патріаршества Филарета (1621 г.), говорится о большомъ ходѣ крестномъ Октября 22-го. Къ сему сказанію прибавлено объясненіе происхожденія сего крестнаго хода, именно, что въ сей день въ 1612 г. Москву отъ Польскихъ людей взяли, и всѣхъ ихъ изымали.¹¹

У Аврамія Палицына, въ Прологѣ и въ Никоновской лѣтописи, говорится, что въ день недѣльный Русскіе вступили въ Кремль.

⁸ Временникъ, кн. XVI, 71. Что подъ Москвой здѣсь разумѣется Китай городъ, видно изъ слѣдующихъ за сими словъ: «потомъ же и крѣпкій Кремль градъ пріяша, и множество Польскихъ и Литовскихъ людей побяша.» Сказаніе это составлено современникомъ, какъ замѣтилъ издатель его въ предисловіи.

⁹ Дворцов. Разряд. стр. 8.

¹⁰ Акты Археогр. IV, стр. 60.

¹¹ Вивл. Росс. ч. 6, стр. 179. Объясненіе праздника, конечно, приписано послѣ.

Въ Новомъ лѣтописцѣ сказано: «Октября 23-го вошли въ Кремль, и очистися царствующій градъ Москва отъ Латинъ, 7121, мѣсяца Октября въ 23 день.» ¹²

Въ первой Псковской лѣтописи говорится: «въ 121 г., Октября въ 20 день, Москву взяли у Литвы.» ¹³

Въ отпискѣ Воеводъ Трубецкаго и Пожарскаго къ Митрополиту Новгородскому, Исидору, говорится, что они вошли въ Кремль Октября 26 дня. ¹⁴

Книга Дворцовыхъ Разрядовъ даетъ отличное отъ всѣхъ свидѣтельство. Она начинается извѣстіемъ: «Лѣта 7121... промысломъ и радѣніемъ ко всеі земли Боярина и Воеводы, Дмитрія Тимоѣевича Трубецкаго, да Стольника и Воеводы, Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго... царствующій градъ Москву отъ Поляковъ, и отъ Литовскаго Короля, и отъ Польскихъ и Литовскихъ людей, изъ плѣну и изъ работы очистили и учинили свободно Ноября въ 27 день.» ¹⁵

При такомъ разногласіи современныхъ свидѣтельствъ неудивительно, что и у нынѣшнихъ историковъ мы встрѣчаемъ не одинаковое опредѣленіе времени очищенія Кремля отъ Поляковъ. Для примѣра приводимъ выписки изъ сочиненій Гг. Соловьева и Костомарова. С. М. Соловьевъ припоминаетъ, что 22 Октября Казаки взяли Китай городъ. Въ Кремлѣ Поляки держались еще мѣсяцъ, 27 Ноября Русскіе вступили въ Кремль. ¹⁶

По разсказу Н. И. Костомарова: 22 Октября Трубецкой приступомъ взялъ Китай городъ. 24 Октября Поляки оттворили во-

¹² Новый лѣт. во Временникѣ, кн. XVII, стр. 158.

¹³ П. С. Р. Л. IV, 340.

¹⁴ Допол. къ Акт. Ист. т. 1, № 166.

¹⁵ Дворц. Разр. стр. 9.

¹⁶ Истор. Рос. т. VIII, стр. 455, 456.

рота на Неглинную и стали выпускать Бояръ и Русскихъ людей. На другой день, 25 Октября, отворились всѣ ворота Кремля, и Русскіе торжественно вступили въ Кремль.¹⁷

Г. Соловьевъ основалъ свое показаніе, очевидно, на свидѣтельствѣ Дворцовыхъ Разрядовъ. Держаться этого свидѣтельства побудила его, вѣроятно, невозможность въ два, три, дня помѣстить тѣ событія, какія совершились послѣ взятія Китая города до выхода Поляковъ изъ Кремля.

Что Кремль очищенъ былъ отъ Поляковъ въ Октябрѣ, въ этомъ, кажется, не можетъ быть ни какого сомнѣнія. Отписка Трубецкаго и Пожарскаго къ Митрополиту Новгородскому, Исидору, извѣщающая объ очищеніи Кремля, писана 15 Ноября, слѣдовательно, за двѣ почти недѣли до 27 Ноября, которое указываетъ Г. Соловьевъ. Вступленіе въ Кремль они въ отпискѣ своей относятъ къ 26 Октября; на Октябръ указываютъ и всѣ прочія свидѣтельства. Дворцовые Разряды, указывая на 27 Ноября, разумѣютъ здѣсь, вѣроятно, тотъ день, когда миновала опасность для Москвы отъ Сигизмунда съ Владиславомъ, подходившаго къ Москвѣ. Только тогда, какъ Сигизмундъ началъ свое отступление въ Польшу, можно было сказать: «царствующій градъ Москву отъ Поляковъ, и отъ Литовскаго Короля, и отъ Польскихъ и Литовскихъ людей, изъ пѣну и изъ работы очистили и учинили свободно.» Такъ связываетъ 27 Ноября Бантышъ-Каменскій съ отступленіемъ Сигизмунда. Онъ пишетъ: «22 Октября Поляки, бывшіе подъ предводительствомъ Николая Струся, принуждены были сдаться военноплѣнными. Неожиданную сію вѣсть получа Король Польскій, въ пути своемъ уже изъ Вязьмы, съ печалію поворотилъ въ Польшу. Симъ образомъ очистивъ столичный городъ отъ непріятелей, посланы были, Ноября 27, отъ Московскихъ Бояръ во всѣ города Указы, повелѣвающіе, чтобы въ Москву высланы были со всѣхъ сторонъ Депутаты отъ духовенства, Дворянъ и мѣщанъ, для избранія новаго Россіи Государя.»¹⁸

¹⁷ Вѣстн. Евр. 1867, ч. III, стр. 31, 32.

¹⁸ Чтенія въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1861, кн. 1, отд. 2: «Переписка между Россією и Польшею», ч. II, стр., 124, 125.

Такимъ образомъ мнѣніе Г. Соловьева не можетъ быть принято.

Отписка Воеводъ къ Митрополиту Исидору, въ которой говорится, что они вступили въ Кремль 26 Октября, не позволяетъ согласиться и съ тѣмъ распредѣленіемъ времени, какое принимаетъ Г. Костомаровъ. Она подтверждается и показаніемъ Филаретовой рукописи, въ которой сказано: «Октября 22 взяша Китай градъ и много Литвы побивша, а иніи побѣгоша въ Кремль и тамо затворишася, и сидя во градѣ три дня, чтобы града не сдати.»¹⁹ Если Поляки три дня послѣ 22 Октября держались въ Кремлѣ, то сдача ихъ также и по Филаретовой рукописи должна происходить 26 Октября.

Статья можетъ, Г. Костомарова привело къ назначенію торжественнаго вступленія въ Кремль въ 25 день Октября то указаніе, что оно было въ день недѣльный. Но это указаніе можетъ быть объяснено инымъ образомъ. Октября 22 въ 1612 г. было дѣйствительно въ Четвертокъ, и по тому первый Воскресный день послѣ 22 Октября приходится 25 Октября. Но, за исключеніемъ Новаго лѣтописца, ни одно свидѣтельство не говоритъ, чтобы Поляки сдались въ тотъ же день, когда взяли Китай городъ, или на другой день. Изъ предшествующаго разсказа въ самомъ Новомъ лѣтописцѣ видно, что отъ 22 Октября прошелъ не одинъ день до вступленія Русскихъ въ Кремль. Здѣсь говорится, что, послѣ взятія Китая города, Королевскіе люди, и съ ними измѣнники, «запрошася во градъ Кремль, гладъ же тамо паче соодолѣ ихъ и утѣсненіе; Королевскіе же люди повелѣша измѣнникомъ всѣмъ женъ своихъ и дѣтей изъ града выпустить.» Послѣ выпуска женъ и дѣтей, Королевскіе люди и пзмѣнники начали переговоры о сдачѣ, и сначала вышли Русскіе, а на другой день Поляки. Очевидно, что эти событія не могли совершиться въ одинъ день. Предварительная высылка женъ и дѣтей изъ Кремля, вопреки желанію Бояръ, бывшихъ съ Поляками въ Кремлѣ, показывала намѣреніе Поляковъ сохранить нѣкоторое количество жиз-

¹⁹ Собрн. Мух., изд. второе, стр. 320.

ценныхъ запасовъ для выдержанія осады. Воеводы писали также Митрополиту Исидору, что они приступомъ хотѣли брать Кремль: очевидное доказательство намѣренія Поляковъ держаться въ Кремлѣ. Но жизненныхъ припасовъ не было; еще до 22 Октября Поляки питались кошками, крысами и даже человѣческимъ мясомъ. Рѣшимость защищаться въ Кремлѣ была не болѣе, какъ порывомъ отчаяннаго мужества. Не ожидая пощады, въ случаѣ взятія Кремля приступомъ, и съ изнеможенными голодомъ не надѣяся отразить его, Струсь созвалъ свою дружину, указавъ на бѣдственное положеніе, невозможность дальнѣйшаго сопротивленія. Рѣшено было сдаться. На канунѣ сдачи Поляковъ отпущены были изъ Кремля Бояре Русскіе, и 26 Поляки сдали Кремль.

Г. Костомаровъ вынужденъ въ своемъ разсказѣ допустить, что прежде войска Русскаго вступило въ Кремль духовенство съ крестнымъ ходомъ; за нимъ ополченія, которыя раздѣлили между собою бросившихъ оружіе Поляковъ. Но вѣроятно ли, чтобы Русскіе пошли съ крестнымъ ходомъ въ Кремль прежде, нежели были обезоружены и отданы подъ присмотръ Поляки, которыхъ было въ Кремлѣ до 9000? Вожди могли ожидать, что безъ кровопролитія не обойдется сдача Поляковъ, какъ и случилось. Притомъ удобно ли было ити крестнымъ ходомъ въ Кремль, въ которомъ, по словамъ современниковъ, было всякое оскверненіе святыни и скажденіе, когда вездѣ валялись трупы, кости и головы человѣческія? Можно ли было въ такое короткое время собрать все нужное для крестнаго хода? И какимъ образомъ могъ первенствовать въ этомъ ходу Архимандритъ Троицкій, Діонисій, за которымъ, по словамъ самаго Г. Костомарова, нарочно послали? Конечно, Троицкая Лавра всего въ 65 верстахъ отъ Москвы, но въ осеннюю пору, безъ насыпной дороги, сутки приходилось ѣхать въ одинъ конецъ по этому пути.

По тому мы полагаемъ, что торжественное вступленіе Русскихъ въ Кремль съ крестнымъ ходомъ было уже въ слѣдующее Воскресенье, то есть, 1-го Ноября, когда празднуется память Святыхъ Безсребренниковъ Космы и Даміана. Пять дней прошли въ распоряженіяхъ касательно плѣнныхъ Поляковъ, въ приведеніи въ извѣстность того, что осталось отъ Царской казны, въ очищеніи

храмовъ и Кремля отъ нечистотъ и труповъ, въ посылкѣ въ Лавру за Діонисіемъ и въ приготовленіи къ крестному ходу.

Остается вопросъ: почему 22 Октября поставлено было праздновать освобожденіе Москвы отъ Поляковъ? Конечно, по тому, что взятіемъ Китая города рѣшена была судьба Поляковъ, державшихся въ Москвѣ; это была послѣдняя, рѣшительная побѣда народнаго ополченія, имѣвшая слѣдствіемъ сдачу Поляковъ. Первые переговоры, можетъ быть, начались и на другой день, и показывая рѣшимость защищаться, Поляки хотѣли выпросить себѣ болѣе выгодныя условія сдачи. Сдача же безъ битвы послѣдовала вскорѣ; по тому у многихъ современниковъ оба событія сливаются вмѣстѣ, и 22 Октября осталось навсегда для Православной Церкви днемъ воспоминанія освобожденія Москвы отъ Поляковъ.

По чему въ этотъ день празднуется Казанской иконѣ Божіей Матери, лучше всего, по нашему мнѣнію, разъясняетъ Новый лѣтописецъ. Нелсныя извѣстія Лѣтописи о мятежахъ и Никоновской лѣтописи подали нѣкоторымъ мысль, что въ Москвѣ находится подлинная Казанская икона Богоматери. Новый лѣтописецъ излагаетъ обстоятельно исторію сей иконы: «Егда во градѣ Москвѣ сидѣша Королевскіе люди во obleжаніи отъ Боярина отъ Князя Дмитрія Тимоѣевича Трубецкаго съ товарищи, тогда въ таборы ихъ изъ града Казани принесли образъ Пресвятыя Богородицы, списанный съ того явившагося образа въ Казани, и былъ сей образъ Ея въ таборахъ подъ Москвою до зимы.» Конечно, по мысли Патріарха Гермогена, описавшаго явленіе Казанской иконы и составившаго Службу Ей, принесена была сія икона изъ Казани. Полный усердія и вѣры къ ней, онъ хотѣлъ, чтобы она знаменемъ и щитомъ была для воинства Русскаго. «Бояринъ же Князь Дмитрій Тимоѣевичъ Трубецкой (говорится далѣе въ лѣтописцѣ), отпусти образъ той съ Протопопомъ Казанскимъ вспять. Протопопъ же съ образомъ прииде въ Ярославль, а въ Ярославль въ тоже время прииде изъ Нижняго Новгорода со множествомъ воинства Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, и видѣвъ оную икону и слыша, что пришествіемъ Ея подъ Москву подъ Королевскими людьми Новодѣвичей монастырь

взяша, повелѣ съ онаго образа списати, и съ онымъ Протопопомъ отпустить, а тую икону поставити повелѣ въ Ярославлѣ, и начатъ къ ней велию вѣру имѣти, и многія сотворишася чудеса отъ иконы тоя во время бою съ Гетманомъ съ Хоткевичемъ, и во взятіи града Москвы; того ради по взятіи Кремля, Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій воздвигну храмъ Пресвятѣй Богородицѣ честнаго Ея въ церковь Введенія, и оную икону внесе и постави ту въ церкви въ своемъ приходѣ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ слышавъ о чудесѣхъ устави..... ходъ Октября въ 22 день, егда царствующій градъ очистися.»

Патріархъ Гермогенъ, возбудитель новаго ополченія и мученикъ за независимость Отечества, по своей вѣрѣ привлекъ Казанскую икону Богоматери въ Русское ополченіе, стоявшее подъ Москвою. Князь Пожарскій, наслѣдовавъ его ревность къ освобожденію Москвы отъ Поляковъ, наслѣдовалъ усердіе и вѣру Патріарха Гермогена къ Казанской иконѣ Богоматери. Чувства двухъ великихъ дѣятелей времени междуцарствія сошлись въ одномъ упованіи на помощь Пресвятой Богородицы. На что надѣялся только Гермогенъ, то Пожарскій видѣлъ исполненнымъ. По сему учрежденіе праздника Казанской иконѣ Богоматери, въ память освобожденія Москвы отъ Поляковъ, имѣетъ глубокій историческій смыслъ.

Д. Членъ Пётръ Казанскій.

ГЛАВА XLIV.

Нечаянное безпокойство.

Проживъ дней съ пять въ Одессѣ и осмотрѣвъ все, что въ ней было любопытнаго, я уже задумывалъ о нашемъ отъѣздѣ, и совсѣмъ собрался уѣхать 12-го числа; простился съ Дюкомъ, объявя, что ѣду въ Крымъ, къ чему и онъ меня подстрекалъ не мало и на сей конецъ былъ у меня самъ, по крайнему снисхожденію, начертилъ маршрутъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, кои тамъ примѣчательнѣе: любить Крымъ значило приласкать самага Дюка. Всѣ пособія въ пути отъ него мнѣ доставлены были; всѣ ордера и подорожныя даны, словомъ, за однимъ только собственнымъ моимъ произволомъ могло остановиться такое предпріятіе. Тамошній Губернаторъ, старый пріятель, звалъ къ себѣ прямо на мызу. Все привлекательное соединялось съ моимъ любопытнымъ намѣреніемъ, какъ встрѣтило его вдругъ нечаянное препятствіе.

Проведя день по обыкновенію почти на улицѣ, уже я легъ спать съ тѣмъ, чтобъ на завтра ѣхать, какъ жена меня будить и отдаетъ мнѣ записку. Я протираю глаза, дивлюсь необычайной перепискѣ; ибо я давно уже почныхъ записокъ не получаю; узнаю руку Сентъ-При, читаю въ ней дружеское увѣдомленіе, что флотъ Турецкій въ виду Севастополя и, можетъ быть, высадить войска на Крымскіе берега, или придетъ показать себя въ Одессу, и что Дюкъ, получивъ съ сими извѣстіемъ нарочнаго, поскакалъ въ Херсонъ; далѣе проситъ меня предохранить жену мою отъ всякаго страха и безпокойства, которое дамамъ столь свойственно имѣть и безъ основательныхъ причинъ, отъ однихъ слуховъ; а ими Одесса вся уже наполнена была, по случаю внезапнаго отъѣзда Дюка опять въ Херсонъ, изъ котораго онъ такъ недавно прибылъ.

Я сообщилъ женѣ вѣсточку, закутался въ одѣяло и легъ опять спать въ твердомъ намѣреніи еще на сутки остаться въ Одессѣ, дабы видѣть, чѣмъ кончится вся эта суматоха. «Ну, пусть придутъ, думалъ я, Турки къ Одессѣ: что они сдѣлаютъ? Ни чего!

А я, между тѣмъ, погляжу на нихъ и потолкую объ этомъ въ Москвѣ.» Сонъ скоро замѣнилъ своими грезами мечты воображенія; я уснулъ и проспалъ долго. На завтра, т. е., 13 числа побѣжалъ къ Сентъ-При. Онъ, бѣдный, отъ простуды разнемогался горячкой, и я его не могъ видѣть: это меня еще болѣе Турокъ на сутки задержало. «Нѣтъ, сказалъ я женѣ, не уѣду отсюда, не видавшись съ Сентъ-При, и не увѣрять, что ему лучше: я слишкомъ подлюбилъ его, чтобъ съ нимъ разстаться равнодушно.»

Однако жена моя, наслушавшись о Туркахъ, колебалась въ намѣреніи ѣхать въ Крымъ; пробывъ цѣлыя сутки почти одни, мы имѣли все время одумать наше предпріятіе. Крымъ хорошъ, любопытенъ, не спору; тамъ, говорятъ, царствовалъ Митридатъ; тамъ крестился Владиміръ; тамъ Ифигенія принесена была на жертву; а чего стоитъ Чатырдагъ, гора, просѣкающая облака? Все это очень заманчиво; но ѣздить въ одну лошадь верхомъ, по скаламъ и утесамъ между пропастей, и ѣздить, потерявъ такъ, какъ я, совершенно привычку къ верховой ѣздѣ, это также имѣло большой вѣсъ въ нашей думѣ. Въ коляскѣ всѣхъ прелестей Крыма не увидишь, срокъ отпуска недалекъ. Надобно будетъ торопиться, глядѣть безъ примѣчанія и все потомъ забыть. Сколько сильныхъ причинъ приводили меня въ недоумѣніе, а на жену, какъ женщину, дѣйствовалъ одинъ страхъ и Турки; къ тому же одинъ изъ нашихъ товарищей отправился, не доѣзжая Одессы изъ Николаева, въ Крымъ; и такъ онъ намъ все объ немъ разскажетъ, будто какъ видѣли, говорила мнѣ жена. Я молчалъ, ни кто не противорѣчилъ, и мы рѣшились оставить Крымъ въ сторонѣ, а возвращаться по прежнему плану, прямо изъ Одессы въ Кіевъ. Какъ быть съ бумагами, выпрошенными у Дюка: извиниться и оставить ихъ у Графа. «Такъ, точно такъ!» закричала вся компанія. И пославши за лошадьми, уложили все съ тѣмъ, чтобъ 14 числа уѣхать. Не судила мнѣ судьба видѣть природу во ужасѣ въ нашей Россійской Португаліи; и чего смотрѣть? Руинъ древностей! Разрѣ не вездѣ онѣ одинаковы болѣе или менѣе? Онѣ же и молчать; а исторія, какъ сказка: не разберешь, что было въ правду, что къ стати солгала. О! передъ исторіей виноватъ я, какъ Ѳома передъ Мессією: вѣрю тому, что слышалъ отъ самаго видца; а далѣе что было, Богъ то вѣдаетъ. Что лежитъ до на-

туры, то гдѣ она не равна? У нея нѣтъ пасынковъ: рѣже, или чаще, но ясный день также хорошъ и въ Колѣ, какъ и въ Су-дацкой долині; солнце вездѣ одно и то же, и захождение его лучезарное также восхищаетъ Вотяка, какъ и Абиссинца, скажите, Господа, скажите, я прощакъ: «Вотъ какъ невѣжество ищетъ най-ти предлогъ, когда чего сдѣлать не хочется!»

Въ самую меланхолическую минуту моего о томъ размышле-нія подають мнѣ письма: откуда? Не еще ли Турки? Ахъ! нѣтъ, я узнаю руку моихъ домашнихъ: это изъ Москвы. Слава Богу! Они живы и насъ помнятъ: свѣчка первое чувство въ природѣ. Тотчасъ пакетъ растерзанъ; съ какимъ удовольствіемъ видѣлъ я почеркъ каждаго изъ дѣтей, изъ ближнихъ! Такъ, милые моему сердцу, надобно быть розно съ вами, чтобъ умѣть цѣнить добро быть неразлучно вмѣстѣ. Что дѣлать? Такая противоположность въ естествѣ нашемъ. Я тщетно искалъ тутъ же извѣстія изъ Во-лодиміра: ни слова! Нѣтъ полной радости; я опять унылъ. И такъ у меня есть друзья, которыхъ память жизнь мою красить.

Г Л А В А XLV.

Отъѣздъ изъ Одессы.

На канунъ отъѣзда нашего день былъ не хорошъ, дождливъ, пасмуренъ. Одесскіе жители такъ привыкли къ солнцу, что они грустятъ, когда его не видятъ: это имъ въ диковинку, а мы, Сѣ-верные бродяги, къ непостоянству этого свѣтила привыкли. Не смотря на непогоду, мы весь день то тамъ, то сямъ, прошатались и ходили на военную гавань. Пріятно было видѣть, что тамъ всѣ пушки вычищены, приготовлены, какъ полы въ церквахъ на Свѣтлый День Христовъ, все на мази; только покажись Чалма, то и батцъ изъ нѣсколькихъ сотъ орудій; а все, однако, это при-крыто скромностію, будто не нарочно, будто такъ и всегда. На-добно было вглядываться, чтобъ увидѣть, что подлинно на ба-тареяхъ было что-то суетнѣе прочихъ дней. Впрочемъ, отдадимъ это и на счетъ предубѣжденія.

Нашатались мы еще до полного удовольствія по рядамъ, театру и клубной залѣ, въ которой тогда встрѣтились намъ Графъ Раз.... и Апраксинъ какой-то: первый лѣчится, какъ слышалъ я, отъ мотовства и глупости, а послѣдній страждетъ нервическими болѣзнями. Подъ вечеръ любовались съ купеческой гавани на отходящій корабль. Вѣтеръ воздымалъ море, и корабль, какъ наша шлюбка онамеднишная, очень высоко прыгалъ, не смотря на свою величавую фигуру, когда онъ прикованъ якорями къ матерой землѣ. О! вода, раскачавшись отъ бури, научить вальсировать всякое человѣческое строеніе, хотя бы тысячи лѣтъ на созиданіе его употребили. Чго выше природы? Кто сладить съ разъяренными ея стихіями?

Когда мы не обѣдывали и не вечеряли у Графа, или у нашей доброй и любезной хозяйки, которая такъ мило насъ угощала въ своемъ уединеніи, то намъ носили ѣсть изъ трактира, и кормили довольно хорошо, разумѣется, за хорошую плату. Здѣсь все дорого, кромѣ природы, которая прекрасна и ни кому ни чего не стоитъ: богачъ и нищій равно ея наслаждаются!

Г. Р. общался со мною заѣхать по дорогѣ изъ Одессы въ Болгарскую колонію и показать славныя заведенія овецъ Г. Пиктета, къ чему я и готовился, но съ утра рано прислалъ извиниться и сказать, что плотину прорвало отъ дождя и доѣхать туда нельзя. Не изыскивая прямой причины такого отзыва, я мало тужилъ, что не видалъ овчарни, а Болгарскія населенія имѣлъ еще въ надеждѣ видѣть подъ Николаевымъ.

14 числа побѣжалъ я къ Графу, но онъ еще былъ въ жару въ постелѣ; и такъ я принужденъ былъ, не простясь съ нимъ, уѣхать изъ Одессы. Сердце мое, эта самая привязчивая часть всего меня, стократно о томъ съговало. Я неоднократно прочитывалъ тѣ прекрасныя стихи, кои онъ мнѣ вписалъ въ мои «Сумерки.» У всѣхъ есть альбомъ; а я, какъ странный человѣкъ, вожду, вмѣсто того, съ собой «Сумерки» мои съ бѣлыми листами и прозвалъ ихъ: «Nigrum.»

Пора, пора оставить край волшебный, пріятный, непостижимый въ скорости своего созиданія. Простясь съ Графиней,

поблагодаря ее за всѣ ласки и пріязнь, простясь съ почтенною Госпожею Турчаниновой, я еще разъ сходилъ на балконъ взглянуть, и можетъ быть въ послѣдній разъ въ жизни, на Черное море, отъ котораго столько имѣлъ отрадъ по вечерамъ и страха въ прогулку. Оно меня учило тогда не быть дерзкимъ. Поскакалъ еще въ крѣпость, окинулъ глазами море съ самой высокой точки горы, откуда ужъ оно не кажется ни какихъ границъ, а въ городѣ видны еще Очаковской области берега. Тамъ, воздавъ хвалу Творцу, показавшему мнѣ прелести новаго міра, я воротился домой. Дрожки меня разтрясли до смерти; я тихонько побранилъ ихъ хозяина, который вѣрно охотнѣе потратитъ свой доходъ на покупку лишняго вола, чѣмъ на ресоры. Есть люди, для коихъ барышъ драгоцѣннѣе покоя.

Лошади были уже готовы. Мы сѣли въ наши коляски и поскакали въ Россію. Такъ изъясняются всѣ, говоря здѣсь о нашей сторонѣ, когда въ нее собираются ѣхать. Прости, Одесса! Можно тебя не полюбить, и по причинамъ, мнѣ собственно свойственнымъ; но не дивиться тебѣ, не похвалить тебя, не возможно. Правда, что ты предметъ хвастовства многихъ журналистовъ; объ тебѣ, какъ и о красавицахъ, хорошіе наши писатели много пишутъ лишняго, но простимъ имъ маленькую крайность: она плодъ восхищенія отъ истинныхъ твоихъ добротъ и льстивыхъ о тебѣ наслышекъ.

Изъяснимъ, однако, отъ чего собственно мнѣ не совсѣмъ полюбилась Одесса. Я признаюсь въ моемъ свойствѣ. Мнѣ милы тѣ удовольствія и разсѣянія, которыя не требуютъ рекомендательныхъ писемъ и знакомствъ. Они хороши для пріязни и дружества, но для забавы хорошо жить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ даромъ, или за деньги, можно видѣться со всякимъ въ саду, въ трактирѣ, на площади, словомъ, въ публичномъ мѣстѣ, а не безпрестанно въ гости ѣздить, рекомендоваться, знакомиться съ скучнымъ иногда хозяиномъ, съ вертопрашной хозяйкой, для того только, что они богаты и у нихъ можно видѣть то, чего публично нигдѣ не увидишь, по тому что оно слишкомъ дорого для частнаго содержателя. А этѣ принужденія несносны! Я люблю всѣхъ видѣть, но видѣться только съ тѣми, съ кѣмъ я знакомъ.

Я надѣюсь, что читатель захочетъ различить силу, которую я даю слову видѣть просто и видѣться. Гдѣ есть такія общія увеселенія, я называю ихъ публичною жизнію; а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ неволя и, ея несносныя послѣдствія, скука, тоска. Но можно ли требовать того общаго разсѣянія въ Одессѣ, какого мы еще и въ столицѣ нашей, въ моей родинѣ, которая столько вѣковъ живетъ на свѣтѣ, не имѣемъ? Прошу здѣсь припомнить начало моей книжки: «Уѣхалъ бы въ Парижъ,» и проч., и проч., и проч.

Г Л А В А XLVI.

Ночлегъ въ Анчекрагѣ.

Погода вдругъ перемѣнилась: дождь проливной лилъ два дни сряду. Стало вѣтрено и холодно; понадобился капотъ, а жена закуталась въ ватку. И въ Одессѣ также холодно, какъ въ нашемъ градусѣ! Въ 10 часовъ утра 14 числа отправились мы въ любимый Николаевъ. Вездѣ, гдѣ мы проѣзжали мимо маленькихъ морскихъ заливовъ, кои называются балками и вдаются въ матерую землю, видѣли воду зеленую. Она цвѣтетъ и очень тяжело пахнетъ. На самомъ Черномъ морѣ отмели его такъ зелены, что издали кажутся лугомъ. Мы ѣхали шибко; въ Дофинѣ остановясь мѣнять лошадей, взглянули еще разъ на Одессу. Отсюда она очень видна: обѣдали худо на станціи Г. Коменданта Коблева, по тому что поваръ нашъ занемогъ, и я весь день ѣхалъ сердить. По всей дорогѣ ни чего примѣчательнаго не нашли, кромѣ могилы и камня надъ какимъ-то Маіоромъ, котораго люди свои убили. Видно, хотѣлъ похозяйничать прилежно и скорѣй набогатиться.

До города не успѣли доѣхать; ночь застигла насъ въ Анчекрагѣ: * послѣдняя станція въ 28 верстахъ отъ Николаева. Нужно указать пристанище. Здѣсь жила сама помѣщица того мѣста, Госпожа Генеральша Гаксъ. Она случилась дома, приняла насъ, позволила у себя почевать, угостила вкуснымъ ужиномъ; спасибо

* Анчокракъ или Янчокракъ при колодцахъ на балкѣ того же имени, въ 95 верстахъ отъ Уѣзднаго города (Одессы), съ 82 дворами и церковью. О. Б.

ей, много разъ спасибо! Эта заслуженнаго Офицера вдова поселилась здѣсь по необходимости. Не имѣя достатка жить въ Россіи, она купила тутъ 130 душъ счеютомъ, а нашла только 30; на работу выходитъ 15; остальные всѣ въ ревизскихъ сказкахъ, а въ натурѣ разбѣжались. Что мудренаго? Сторона новая, завоеванная, вся заселена бѣглецами и бродягами. Въ самой Одессѣ ихъ 20 тысячъ слишкомъ душъ, кои только числятся по окладу; у многихъ нѣтъ ни какого виду, и откуда взялись, ни кто не знаетъ; всякой поселянинъ бѣжить, куда глаза глядятъ и гдѣ нахвастаютъ ему, что лучше. Границы близки: одинъ скрывается въ Молдавіи, другой въ Турціи; и такъ нѣтъ у помѣщика ни чего надежнаго. Съ одной стороны это очень хорошо и спокойно для полиціи кроткой: помѣщики мягче обходятся съ своими вассалами, чтобъ не растерять ихъ. Сверхъ такого непрочнаго состоянія хлѣбопашца, погода имѣетъ свои непостоянства: засухи часто лишаютъ вовсе жатвы; пожары истребляютъ въ степяхъ сѣнокосы. Всякой помѣщикъ подверженъ большимъ потерямъ въ зимну большихъ иногда барышей. Здѣшняя хозяйка увѣряла меня, что для прибытка въ самой торговлѣ нужны часто протекція и хитрость; иначе ни чего не достанешь. Кизикъ у нея поставленъ пропасть. Странно видѣть Русскому человѣку такіе огромные кучи жесткаго навозу. Столъ ея чистъ и вкусенъ. Черезъ ея сѣденіе гоняютъ рекрутскія партіи, и она очень этимъ распорядкомъ скучаетъ.

Семейство ея состоитъ изъ нея съ замужней дочерью, зятя, и двухъ родственницъ, съ ней въ сосѣдствѣ живущихъ. Всѣ они очень не худо говорятъ по Французски. въ домѣ водятся клави-корды и, натурально, очень разстроены. Тѣмъ больше этого жаль, что меньшая изъ барышень имѣетъ склонность къ музыкѣ и довольно твердо уже играетъ; въ степи слышать фортепіано не-обыкновенно. Мы, по благосклонности Господжи Генеральши, у нея переночивали и проспали до 10 часовъ, между тѣмъ какъ Дюкъ уже возвращался мимо насъ изъ Херсона, а Графъ Безбородько, преслѣдуемый свитой своей, спѣшилъ въ свои Римскія развалины. Довольно было услышать, что Дюкъ пріѣхалъ, чтобъ всякому на догадкѣ своей основать причину отъѣзда его туда. Вотъ что при насъ объ этомъ сказывали сторонніе въ Анчекрагѣ:

Турки потерялись, де, около нашихъ судовъ съ хлѣбомъ, посечались маленько и ушли. Видно, что голодъ ихъ пронялъ не на шутку.

На завтра Іюля 15 предстоялъ намъ великій подвигъ: надлежало переѣхать Бугъ прежде, нежели наслаждаться роскошнымъ покоемъ въ Николаевѣ, а буря рѣку сильно трясла. Напившись чаю въ Анчекрагѣ, поблагодаря, какъ умѣли лучше, благодѣтельную Генеральшу, скоро перебѣжали мы лоскутокъ степи до Буга: но тутъ какъ бытъ! Кромѣ бѣднаго хутора ни какого жила; не допросишься ни яицъ, ни молока, нѣтъ ни чего: убожество пустынное! Вотъ бы гдѣ хорошо жить монахамъ! Поварня наша была уже въ Николаевѣ, слѣдовательно, и пища тамъ. Бугъ разгоряченъ былъ волнами; одна другую пробивала и берега во кругъ его взмылились отъ пѣны; легкая лодка давала по три и по четыре оборота изъ края въ край и не могла прибиться къ пристани. На большихъ баркахъ поднять паруса не можно: вѣтеръ изорветъ, какъ паутину, да и противъ вѣтра ити тяжело. Мы выжидали часъ, два и три: буря не утоляется. Какое зрѣлище ужасное разъяренная рѣка! Бугъ же по натурѣ своей безпокоенъ. Мощное дѣтище бѣшенаго моря! Между тѣмъ голодъ насъ пошевеливалъ; ночи дожидаться тутъ еще болѣе боялись: надобно было рѣшиться. Сперва послали мы слугу въ городъ за чѣмъ ни будь съѣстнымъ, чтобъ надежнѣе располагать остатками дня, естли вихрь на ту сторону ни какъ не перепустить. Поѣхала лодка и зачала съ слугой нашимъ нырять такъ сильно, что мы ее изъ глазъ теряли.

Это насъ остановило опять на полчаса; межъ тѣмъ день склонялся къ вечеру, и мы рѣшились пустить впередъ нашу карету порожнюю на баркасѣ по канату, чтобъ видѣть ея движеніе и по оному ввѣрить себя волнамъ. Кольмагу нашу сильно било, однако она шла, и уже мы начинали ей завидовать. Взглянулись другъ на дружку, чтобъ занять взаимно храбрости—и пустились. Баркасѣ былъ великъ, обширенъ, но канатъ не весьма надеженъ. Однако сѣли, поставили тутъ же нашу коляску; кинулись къ намъ на судно еще Казакъ и Офицеръ Казацкій; отчалили, потянули насъ матросы по канату поперекъ рѣки: вода ревѣла подъ

нами и подымала насъ очень высоко; вспомнилъ я тутъ 9-й вальсъ, надъ которымъ такъ смѣялся въ несчастной оперѣ своей: «Любовное волшебство,» которой ни кто не покупаетъ; отмыслилъ мои насмѣшки мнѣ этотъ вальсъ и внутренность вся во мнѣ мучилась: одному изъ нашихъ товарищей Казаковъ сдѣлалось такъ дурно, что онъ бросился на полъ и метался, какъ угорѣлый. «Казаки ваши братья, говорилъ я другому, велико дѣло на конѣ, а на водѣ дрянь!»

Лодка съ пищей шла къ намъ на встрѣчу и перекинула на баркасъ хлѣба, мяса кусокъ, вина. Добрый нашъ Кл. пекся объ нашемъ благосостояніи. Онъ насъ ожидалъ на томъ берегу. Мы плавали съ часъ и, не смотря на страхъ и ужасъ, среди качки ѣли и пили. По мѣрѣ приближенія вечера, сталъ стихать и вѣтеръ, рѣка по немножку успокоилась; поверхность ея снова получила кристальный свой блескъ и гладкую струю. Весело было приставать къ тому берегу, и я издали восклицалъ уже Николаеву:

Утихло на Бугѣ волненье;
Отъ сердца прочь отходить страхъ;
Гостепріимно утѣшенье
Вблизи насъ ждетъ на берегахъ.
Бѣгутъ пріатели на встрѣчу,
Несутъ всѣхъ радостей предтечу,
Край хлѣба, пищу и вино.
Хвала тебѣ, Творецъ вселенной,
Что насъ стихіи разъяренной,
Еще не погрузилъ на дно!

Вотъ доказательство, что и страхъ не мѣшаетъ стиховъ сочинять! Къ счастью нашему, уцѣлѣлъ канатъ: порвись — и бѣда! Баркасъ унесетъ къ чорту; онъ же и худъ былъ. «Великъ Богъ Русской!» справедливая пословица. Онъ одинъ охраняетъ насъ отъ нашей неосторожности. Если бы изъ каждой минуты нашей безпечности должна была родиться новая бѣда, какъ бы жить нашему лѣнивому народу! Скажемъ еще: «Подлинно великъ Богъ Русской!» Съ Нимъ все и прочно и надежно.

На берегу нашли мы Кл., который провожалъ въ Одессу Г. Ф. Дук., главного товарища или повѣреннаго Господина

Пертца. Особа толстая, пышная, богатая и, слѣдовательно, рѣдко учтивая! Я думаю, что я съ нимъ тутъ увидѣлся и простился вдругъ. Не на чемъ было еще всѣ наши экипажи довести въ городъ; намъ хотѣлось всѣмъ поскорѣй до мѣста. Въ нетерпѣніи сѣли мы двое, жена и я, на дрожки къ нему. Ахъ, какъ мы обрадовались его комнатамъ, какъ будто бы своимъ собственнымъ! Тотчасъ насъ напоили чаемъ, скоро мы отдохнули, согрѣлись; все насъ занимало, веселило, пошли розсказы, появились шутки. Кто изъ путешествовавшихъ въ свой вѣкъ не признается, что отрады искренняго гостепріимства въ краяхъ самыхъ отдаленнѣйшихъ отъ нашей хижины обольщать и заставлять подумывать, что ты дома? Виновать добрый нашъ хозяинъ!

Г Л А В А XLVII.

Валъ на берегахъ Буга.

Какъ скоро свѣдали о нашемъ пріѣздѣ въ Николаевъ Господа морскіе Офицеры и тѣ, кои болѣе прочихъ намъ были знакомы, тотчасъ насъ посѣтили. Недавно воротясь изъ чужихъ краевъ, имѣли они чѣмъ наполнить бесѣду. Всякой хвасталъ своими диковинками: кто хвалилъ Триестъ, кто Корфу, а домохѣды восхищались Крымомъ. На это я одному пустилъ свою шутку: конечно, Богъ изъ 7 дней цѣлые сутки употребилъ на то только, чтобъ отдѣлать Крымъ и удивить міръ своимъ искусствомъ, а прочія части свѣта слѣпилъ, за недосугомъ, на скорую руку, и отъ того на нихъ смотрѣть не такъ пріятно. Мы всѣ посмѣялись этой мысли. Она насъ завела въ другія: поохотали и надъ Страховой Одесской Конторой, которая все беретъ на страхъ и сама всего боится, и заключили день нашего пріѣзда тѣмъ опредѣленіемъ, что торговля есть банкъ, въ который не всякой играетъ съ увѣренностію выиграть. Безпокойства путевыя мнѣ дали почувствовать ночью лихорадочный пароксизмъ; одолѣли меня грехы одна другой чернѣе. Сильный потъ разорвалъ жаръ, и я прогнулся здоровъ и бодръ по прежнему.

Въ планѣ моемъ было ѣхать смотрѣть окрестностей города; но разшумѣлись небеса: громъ былъ большой во все утро и вечеромъ пошелъ дождикъ. Мы остались на весь день въ стѣнахъ. Утромъ я заходилъ съ моимъ почтеніемъ къ Адмиралу: нашелъ его, какъ и всегда, одного, совсѣмъ одного. Уединеніе не моя страсть; я ее даже понять не могу и въ другихъ. А у насъ, разумѣется, что цѣлый день были люди. Спасибо добрымъ и вѣжливымъ мореходамъ: они насъ не покидали. Отецъ Ефимій потчивалъ своими абрикосами. Бостонъ и бесѣда скоро прочтали день и набѣжалъ вечеръ: къ ужину разговоръ всегда бываетъ отважнѣй, зашелъ споръ; кто вступается за Французовъ, кто за Англичанъ. Виноваты! я послѣднихъ не люблю: этотъ народъ все продаетъ за гиней, и всему измѣнить. Что намъ до чужихъ народовъ? Поговоримъ лучше, Господа, объ нашихъ. Какъ вы проживали въ Корфу? Дешево ли тамъ, дорого ли? «Изрядно! Хлѣбъ ставили туда мукой; она сюда обходилась въ 10 руб. четверть подрядомъ, а туда становилась въ 20 руб.; завезли ее до 40 тысячъ четвертей, и когда флотъ нашъ, снявъ людей, былъ отданъ и съ орудіями Французамъ, то все сіе количество хлѣба въ Триестѣ брошено: предметъ, составляющій до милліона рублей убытка. Сюда теперь въ Николаевъ Г. Перетцъ порядился ставить хлѣба въ Черноморское Адмиралтейство по 6 руб. четверть слишкомъ.»

Между прочими баснями, Господа наши путешественники Средиземнаго моря рассказали мнѣ анекдотъ, очень пріятный для имени Русскаго. Французы, принимая наши корабли, низко цѣнили мачты, и хотѣли принять ихъ въ качествѣ дровъ и по той же самой оцѣнкѣ. Отважный начальникъ эскадры обидѣлся такимъ пренебреженіемъ. «Коль такъ, сказалъ онъ, пусть берутъ дрова, а не мачты!» велѣлъ ихъ изрубить въ полѣнья и сдавалъ дровами, а не уронилъ чести кораблей уничтоженіемъ мачтъ. Прямая Скиѣская гордость! Если это и выдуманно, скажемъ Италіанскимъ выходцамъ тамошнюю пословицу!

«Si non è vero, è ben trovato.»

17 числа Іюля время поправилось; утро было прекрасное, и мы въ селѣ Божьемъ слушали обѣдню: отправлялъ ее отецъ Ефимій, пѣли морскіе пѣвчіе. Послѣ обѣдни старшій и добрый Іерей

убѣдилъ насъ посѣтить его зятя, у котораго въ саду мы нашли пропасть плодовъ и винограду, но еще зеленого. Самыя малыя усадьбы тамъ разрабатываются съ большимъ тщаніемъ, и на сады въ этой сторонѣ залюбуется всякой путешественникъ. Обѣдали дома въ семействѣ Черноморскихъ Офицеровъ, и я прибавилъ знакомство Флотскаго монаха изъ Черногоровъ: хворый человѣкъ, замученный въ походахъ, но довольно интересный. Странно слышать Италіянскій языкъ въ устахъ монаха: уши наши къ тому не приготовлены: впрочемъ, этотъ монахъ въ одежѣ только и похожъ на нашихъ черноризцевъ: я говорю о самыхъ послѣднихъ, о тѣхъ, кои въ церквахъ носятъ поясъ усменъ, а въ кельяхъ пьютъ крѣпкую брагу.

Я рѣдко проводилъ такъ пріятно вечеръ, какъ сегодня! По Воскресеньямъ бываетъ сѣздъ въ Спаскомъ. Я уже объ немъ говорилъ, ѣхавши въ Одессу. Пусть позволяютъ мнѣ повториться въ послѣдній разъ. Спаское стоитъ того, чтобъ остаться въ памяти. Мы поѣхали туда на гулянье. Ахъ, какое очаровательное мѣсто! Какой божественный уголокъ въ природѣ! Натура! Гдѣ ты взяла свои замыслы и планы, кои образовала на этой благословенной почвѣ земнаго шара? Надъ горой, изчерченной садовыми дорожками, усаженной плодоносными деревьями, скрывающей овраги невинные, откуда не хищные выбѣгаютъ звѣри, но, какъ изъ курильницъ огромныхъ, вылетаютъ на воздухъ благоуханія тысячи разныхъ ароматическихъ растений и окуриваютъ вокругъ васъ весь воздухъ, надъ этой горой нѣкогда великой человѣкъ, Потемкинъ, построилъ залу, пожилъ въ ней и бросилъ. Преемники его поддерживали строеніе и открыли въ немъ публичныя сѣзды. Маркизь де Траверсе, полубогъ Николаева, давалъ тутъ балы и пріохочивалъ публику къ прогулкамъ; привычка увѣнчала благія его намѣренія успѣхомъ. Сюда сѣзжается весь городъ, а кто не имѣетъ коня, тотъ бѣжитъ пѣшкомъ: это не далеко.

По склоненію горы, которую не надобно представлять крутой, разсыпаны для отдохновенія лавки и убѣжища, а сойдя весь шонать до низу, вы находитесь на пологомъ берегу рѣки Буга. Обдѣланный родникъ на подобіе фонтана четырьмя кранами выливаетъ воду въ воду и возвратно ее получаетъ. По краямъ зем-

ли гладкая тропинка помогаетъ идеямъ и развертываетъ тѣ картины, которыми пылкое воображеніе всегда обогащается. Тутъ-то мы пріѣхали погулять среди 300 человѣкъ свободныхъ и веселыхъ людей. Морскіе Офицеры, одушевленные самой тонкой и прихотливой вѣжливостью, безпрестанно въ залѣ танцовали, и каждая дѣвушка почитала этотъ день особымъ праздникомъ въ ихъ сторонѣ: никогда здѣсь такого множества кавалеровъ не собиралось. Все шутило, смѣялось и плясало. Роговая музыка раздавала по рѣкѣ свои унылые звуки; духовая въ куцѣ, утаенной отъ общества, наигрывала меланхолическія пѣсенки; а скрипки, бубны, барабаны гремѣли Польскіе и вальсы на широкомъ предверьѣ залы. Въ ней было душно и тѣсно; я протанцовалъ одинъ Польской, и бросился дышать въ садъ. О, какая величественная картина! Сколько нѣги для глазъ и ушей!

Въ обществѣ Черноморскихъ краевъ я забывалъ, что я въ Россіи, гдѣ такъ часто молодые люди безъ извиненія толкаютъ дамъ и дѣвушекъ, мараютъ ихъ нѣжныя платья грубыми своими сапогами, дерутъ ихъ шпорами безбожно. Я думалъ, что я въ какой ни будь иностранной пристани Средиземнаго моря: всѣ говорятъ чужеземными языками, или своего природнаго не коверкаютъ.

Гулявши по саду, я скоро задумался и, очутившись мечтательно одинъ, дошелъ до любимой моей стихіи: я такъ люблю смотрѣть на воду; ходя по берегу Буга, размышленія мои увлекли далеко мое воображеніе. Я мечталъ, не умѣя дать самому себѣ ни въ одной мысли отчета. Бугъ зачинаетъ здѣсь стремиться въ Лиманъ и обдѣлывать его; суда по нему плаваютъ, и мореходы прислушиваются къ музыкѣ, на горѣ все пляшетъ; я слышу топотъ ногъ, нестройную смѣсь голосовъ, гулъ страшный сверху катится по воздуху къ ушамъ моимъ; а рядомъ со мной шумятъ быстрыя струи Буга, бьютъ въ берегъ и сливаютъ звукъ свой со звономъ струнъ. Пещаный берегъ ноги не беспокоитъ; густый рядъ деревъ служитъ вамъ оградой; чистый родникъ въ разные смыслы бѣжитъ изъ каменной колонны и даетъ животворную прохладу жаждающему. Царь міра, Фаетонъ, кончаетъ бѣгъ свой и въ глазахъ моихъ скрывается въ антиподы. О, какъ я тутъ наслаждался! Здѣсь не Крымскія одни прелести натуры,

нѣтъ; здѣсь подлѣ меня, среди неописанныхъ красоть той же натуры, люди, миръ, забавы, нѣга, роскошь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весь видъ дикаго уединенія и шумной водопадъ: хочу я,—одинъ, хочу я—въ кучѣ непринужденныхъ весельчаковъ. Вотъ, гдѣ можно писать романы, пылать страстью, и дать ее почувствовать другому! Но что я говорю? Мое воображеніе уже вездѣ погасло; старость остудила восторги ума и сердца.

Долго любовался я берегомъ, небомъ и водой. Между тѣмъ сумерки опустошили залу; собранье, которое никому ни чего не стоитъ, по тому что музыка казенная, оканчивается подъ вечеръ за тѣмъ, что зала не освѣщается. И такъ надобно было и намъ ѣхать домой; но прежде чѣмъ уѣду, долженъ дать читателю идею еще объ одной руинѣ на этомъ же самомъ мѣстѣ. На нижней площади горы представляется развалившаяся хижина. «Что такое?» спросилъ—я. «Баня Потемкина.» Онъ властвовалъ надъ самой натурой: вода, поднятая насосами вверхъ до нарочитой высоты, сбѣгала къ нему подъ крышку, и сквозь потолокъ, уподобленный сити, упала въ его купальню и орошала его внезапно съ головы до ногъ: какая сладострастная выдумка! Подумайте, что былъ Николаевъ при немъ: конечно, Царство радостей мірскихъ въ Россіи! Когда Екатерина набивала сваи въ Петербургскія болота и творила каналы, Потемкинъ на другомъ краю свѣта нашелъ дѣвственную природу и въ степи насаждалъ вертограды! Посадилъ колъ, и черезъ годъ онъ, какъ жезлъ Аарановъ, покрывается зеленью и даетъ плодъ. Роскошь столько же чудотворна въ затѣяхъ богатаго владыки, какъ натура въ десницѣ премудраго своего Творца.

Еще поговоримъ о Спаскомъ. За симъ отдѣленіемъ сада для прогулки онъ простирается еще далеко чрезъ оврагъ: я и тамъ былъ. Какая дичь! Густой лѣсъ скрываетъ почти сводъ небесный и сквозитъ мѣстами одинъ Бугъ: но тамъ онъ позволяетъ шутить съ собой и играть своей волной; а здѣсь онъ кажетъ свои одни ужасы; вездѣ около его стремнины, ущелины и взглянуть на него страшно. Одна узенькая тропа доводитъ къ прозрачному источнику. Утомисься, ходя по горамъ и оврагамъ. О милый вечеръ въ Николаевѣ! Я тебя никогда не забуду: ты много

дорожныхъ безпокойствъ вознаградилъ мнѣ собою. Дышать всегда и вездѣ возможно: преимущество не важное! Но жить, какъ жилъ я часа два сегодня на берегу Буга, и именно въ Спаскомъ, это такой даръ неба, котораго ни чѣмъ оцѣнить нельзя

Г Л А В А XLVIII.

Описаніе Богоявленскаго.

Поживи Потемкинъ, и Николаевъ сталъ бы шире Москвы: отъ города до Богоявленскаго считается 12 верстъ, а все это пространство было уже разбито на кварталы. Дорога лежитъ по берегамъ Буга, подобно Петергофской; на ней розданы были мѣста подъ загородные домики многимъ приближеннымъ. Иной строился для своего, иной для его, удовольствія. Мѣста безлѣсныя, но быстрый токъ воды утѣшаетъ зрѣніе. Вельможа умеръ, и все исчезло!

Въ самомъ Богоявленскомъ прелесть: я туда ѣздилъ и не могъ довольно налюбоваться этимъ мѣстомъ. Я нигдѣ не видалъ такого соединенія вдругъ богатства природы, роскоши искусственной и нищеты. Потемкинъ любилъ это мѣсто, и разводилъ тутъ сады. Всякое растеніе и дерево, какое только въ томъ климатѣ достать можно около Крыма, все сюда превезено было на подводахъ и посажено безъ пощады человѣческаго поту; все принялось и пустилось, а послѣ все поросло тростникомъ и облеклось въ пустыню. Тутъ уже не садъ теперь пышный и пространный, а дичь одна необработанной природы.

Посреди сада видна еще купальня. Она изъ дикаго камня на 8 столбахъ. Нѣсколько ступеней сводятъ васъ въ чистую и прохладную воду; подъ сводомъ гранитнымъ васъ солнце не печетъ. Тутъ орошался нѣкогда исполинъ, и ни кто, кромѣ нимфъ, приблизиться къ нему не смѣлъ. Дабы сохранить и нынѣ, сколь возможно, сей памятникъ роскоши его отъ суровости погоды, а

паче соблюсти источникъ въ чистотѣ, поставлена бѣдная избушка, не стоящая ни чего, изъ хворосту и тростника: одинъ широкій шагъ поставитъ васъ на ея кровлю; но взгляните вокругъ этого убогаго шалаша, въ которомъ старичекъ стражъ шлететь лапти и курить табакъ, взгляните: около его разрослись не рябина, или черемуха, нѣтъ; тутъ отягченныя вѣтки абрикосами, бергамотами, осѣняютъ верхъ его и обвиваютъ столбы его ограды. Высокій кустъ Грецкихъ орѣховъ царствуетъ надъ прочими плодами; съ нимъ сблизила природа и каштановое дерево. Старикъ глядѣлъ на насъ съ изумленіемъ; онъ не понималъ, отъ чего мы такъ дивимся: столь для него сіе зрѣлище было обыкновенно! Гдѣ жъ вы такъ тѣсно найдете вмѣстѣ рѣдкія прозябенія лучшихъ странъ свѣта, нищету хижины, вросшей въ землю, и великолѣпную купальню? О деревьяхъ обыкновенныхъ, какъ-то: грушѣ и яблони, говорить ужъ нечего: пропасть!

Сердце ноетъ, когда видишь въ такомъ все запущеніи. Садъ этотъ отданъ одному фабриканту, который тутъ содержитъ суконную фабрику и все мѣсто получилъ изъ казны въ аренду. Онъ печется о своемъ промыслѣ и, конечно, мало думаетъ о садѣ. Я весь его исходилъ съ конца до другого, неоднократно возвращался къ банѣ, близъ которой обрывалъ бергамоты, запивалъ хорошимъ виномъ и задумывался о скоромъ теченіи случаевъ и всей жизни нашей.

Я сидѣлъ на самой той скамейкѣ, на которой Потемкинъ смотривалъ рано по утру, какъ возятъ въ садъ щебень, песокъ, деревья, какъ все шевелится для прихоти его и ищетъ его благосклоннаго взора. Натура, думалъ я, все та же, но снятъ съ нея нарядъ; душа сихъ мѣстъ удалилась въ другія селенія: все мертво было около меня.

Садъ при немъ назывался Витовкой. Въ то время, какъ онъ убиралъ его, Госпожа Витъ кружила ему голову. О, я въ томъ стою, умру съ тѣмъ, что въ жизни нашей то только время и можно счесть блаженнымъ, въ которое любовь сводитъ насъ съ ума.

Меня водилъ по дорожкамъ, кои трудно отыскать уже въ густой травѣ, одинъ современникъ Потемкина и тѣхъ самыхъ

дней, когда Богоявленское во всей красѣ своей сіяло: одинъ морской Офицеръ былъ въ нашемъ обществѣ, который видѣлъ здѣшнее мѣсто въ 89 году. Онъ намъ казалъ тамъ сухіе рвы и болотистыя тинныя мѣста, гдѣ я ни какъ не повѣрилъ бы, что были когда либо токи свѣжей воды, естли бѣ онъ не засвидѣтельствовалъ намъ, что тутъ прорыты были вездѣ каналы и стоявша наполнены водою, что Князь развѣзжалъ на нихъ въ раззолоченныхъ лодочкахъ. Гребцы пѣли, кричали, весла отражали лучи яркаго дневнаго свѣтила; вода сливаясь съ нихъ крупныя свои перлы, а Князь не вышлагалъ своихъ восторговъ. Вездѣ тутъ шныль, камышъ и на каждомъ шагу увязнешъ. Въмѣсто торжественныхъ пѣсенъ и кликовъ народныхъ, одинъ слышенъ крикъ неугомонныхъ лягушекъ. Ахъ, что печальный сей картины!

Домъ Княжой сломанъ, но онъ былъ такъ великъ, что изъ матеріаловъ его вышелъ прекраснѣйшій лазаретъ для морскихъ силъ. Онъ тутъ же расположенъ; ни что не заслуживаетъ такою прилежнаго вниманія; его построилъ Маркизъ, и къ оимей опромной больницѣ присоединилъ лагерный госпиталь, какого я еще нигдѣ не видывалъ: самое счастливое изобрѣтеніе для недужныхъ, истинный, а не тщеславный только, омытъ челоуѣколюбія! Сказывали мнѣ, что и во всѣхъ вортахъ настроены такіе же. Вотъ его расположеніе:

Все строеніе состоитъ изъ стѣны деревянной не выше 1½ аршина, и съ самою крутой и высокой крышкою, которая уносится полотняному намету. Эта кровля не доходитъ до земли, слѣдовательно, воздухъ не стѣсненъ и проходитъ между ею и стѣною чрезъ всю галерею. Кровать больного поставлена головами къ стѣнѣ и въ крышкѣ надъ каждою сдѣланъ окошко, которое занавѣсомъ защищаетъ больного отъ солнца. Полъ земляной, но крѣпко убитъ, усыпанъ зеленью и всегда свѣжъ, чистъ и сухъ: больному покойно, прохладно и пространно: выгодная замѣна зимнимъ лазаретамъ, въ коихъ лѣтомъ такъ сгущается воздухъ; а между тѣмъ двоякая польза: ибо когда хворые переносятся сюда, тогда зимнія казармы больничныя провѣтриваются и дѣлаются въ нихъ необходимыя починки; самая перемѣна мѣста столь часто для больного служить отрадой. При насъ было

ихъ здѣсь до 100 человѣкъ, а иногда накапливается до 400. При больницѣ 6 лѣкарей, докторъ одинъ и сверхъ того Инспекторъ. Все содержаніе этого лазарета, относительно пищи, бѣлья, опрятства и чистоты около постелей, отмѣнную честь дѣлаетъ надзирателямъ. Рѣдко немощное человѣчество видитъ подобныя о себѣ попеченія.

И такъ кромѣ сада есть въ Богоявленскомъ и полезныя заведенія. Я упомянулъ о больницѣ. Скажу нѣчто и о фабрикѣ. Арендаторъ на многихъ станахъ точетъ здѣсь сукно изъ тонкой шерсти въ свою пользу. Чтобъ доказать, домой пріѣхавши, что можно уже обходиться и безъ иностранныхъ суконъ, я сдѣсь купилъ на фракъ, по 6 руб. аршинъ, сукно, которое выткано было изъ шерсти не совсѣмъ Испанской, но снятой съ породы отъ смѣси Крымскихъ нашихъ овецъ съ мериносами, т. е., отъ *métis* происшедшей. Оно нѣсколько сурово, но носить можно; за то какая же разница въ цѣнѣ съ иноземными сукнами! Передъ нашими щеголями тѣмъ-то оно и виновато, что дешево. Хозяинъ фабрики работаетъ съ усердіемъ и успѣхомъ: становъ много, заведеніе обширное, строеніе казенное, работники вольные. Есть тутъ машина, посредствомъ которой одинъ ткачъ очень легко отдѣлываетъ сукно въ 3 аршина слишкомъ ширины, но онъ не ломается, какъ тотъ, о которомъ я говорилъ, бывши въ Полтавѣ; этотъ, просто одной кистью руки шевеля рукоятку, посылаетъ челнокъ съ удивительною скоростію чрезъ всю основу съ края стана на другой. Главный предметъ этой фабрики — выдѣлка солдатскихъ суконъ. Бывъ въ Богоявленскомъ, надобно зайти и ее посмотреть, какъ заведенія достойнаго примѣчанія.

Но я, не будучи смышленъ въ этой промышленности, все обращалъ глаза мои на сады, источники и купальню. Сколько разъ я обошелъ ее вокругъ, сколько пилъ тутъ воду и подставлялъ черепъ подъ фонтанъ и, подъ тѣнью пожилаго орѣшника, оплакивалъ мысленно разрушеніе такихъ драгоценныхъ прелестей! Изъ саду пошедши къ коляскѣ, я еще наполненъ былъ тѣми идеями, кои мѣстоположеніе и исторія его въ нестройной кучѣ вселяли въ мое воображеніе, какъ наступилъ на мягкое и жирное тѣло. «Ай!» закричала жена. «Что такое?» — «Убитая змѣя.»

Онѣ часто, говорятъ, изъ густыхъ травъ вытягиваются и шипятъ. Согласимся, сказалъ я своимъ товарищамъ, что вездѣ есть добро и зло: прекрасенъ садъ, но змѣя не хороша.

Гдѣ чижъ поетъ вверху, тамъ змѣѣ шипитъ въ травѣ,
 Не все то хорошо, что взоръ прельщенный хвалитъ.
 Червь точитъ алыѣ цвѣтъ на мягкой муравѣ,
 И прежде, чѣмъ ѣсть медъ, пчела тебя ужалитъ.

«Правда, правда!» закричали мои товарищи: сѣли въ коляску и поскакали въ Николаевъ. Отѣхавъ съ версту, я кинулъ еще взоръ на вѣтвистый орѣшникъ и на куполъ великолѣпной ванны. Витовка! мѣста безподобныхъ очарованій! Естьли ты и нынѣ дивиши любопытныхъ, что жъ была ты тогда, какъ вельможа сыпалъ въ тебя всѣ свои сокровища! Конечно, рай земной!

Г Л А В А ХЛХ.

П о т е м к и н ѣ .

Естьли кто хочетъ имѣть прямое понятіе о Потемкинѣ, нигдѣ такъ не усидѣть, какъ здѣсь. Мнѣ удавалось объ немъ слышать въ свѣтѣ разныя разсужденія: иные чли его лѣнивцемъ, другіе человѣкомъ немилосердымъ, большая часть порицали гордостью. Здѣсь скоро я нашелъ доказательство, что все то болѣе изъ предубѣжденія и ненависти разглашали, чѣмъ по любви къ истинѣ и справедливости. Лстить ему теперь мудрено: онъ умеръ и никому ни на что не надобенъ; и такъ естьли можно что похвальное объ немъ сказать, то теперь самая пора.

Начальники морскіе, изъ любви и особенной ко мнѣ довѣренности, позволили мнѣ прочесть двѣ большія книги въ хорошемъ переплетѣ, въ которыя съ большимъ тщаніемъ собраны разныя Князя Потемкина Ордера къ Фалѣву и предложенія Черноморскому Адмиралтейству. Я ихъ всѣ прочелъ, и не одинъ разъ, нѣкоторыя изъ нихъ выписалъ, и думаю, что сообща публикѣ, принесу ей

удовольствіе: каждое слово чрезвычайнаго человека, каковъ былъ Потемкинъ, и которому, если не воя можно дать титула великаго, по крайней мѣрѣ, ни кто не отниметь у него названія чрезвычайнаго, каждое его, говорю, слово, мысль, строка, должны быть предметомъ общаго вниманія.

Повѣрять ли, что этотъ лѣнивый Князь въ состояніи былъ исписывать, когда прямая нужда и польза того требовали, цѣлыя страницы своей рукой, и давать самыя подробныя предписанія, не только на счетъ отличныхъ работъ и распоряженій, но даже въ иныхъ мѣстахъ упоминалъ, какой фрегатъ течетъ, отъ чего именно, и что къ исправленію его потребно: приказанія его иногда доходили до самыхъ крайнихъ мелочей. Повѣрять ли, что этотъ вельможа, котораго донинѣ едва не тираномъ ли своего времени многіе почитаютъ, былъ столько сострадателенъ, сколько то увидать въ письмѣ его къ Фалѣеву, отъ 6-го Іюля изъ Колотени?

Извѣстно, что онъ не щеголялъ перомъ, и по тому въ его бумагахъ не надобно искать ни слога, ни красоты. Онъ писалъ просто, но вразумительно, бранился не рѣдко подлыми выраженіями и на письмѣ, въ бумагахъ официальныхъ. Кто поспорить, что это не прилично? Конечно, нѣтъ. Но гдѣ жъ мы находили человека чрезвычайнаго въ его дѣланіяхъ, который бы въотъ съ тѣмъ не имѣлъ чрезвычайныхъ странностей и наывковъ своевольныхъ? Этѣ люди уже не подходятъ подъ общія правила. Они сами себѣ законъ. Довольно, если въ нихъ душа, умъ и сердце расположены къ благу; впрочемъ, Потемкинъ былъ, что мы называемъ, чудакомъ.

Онъ особенно любилъ здѣшнее мѣсто: Николаевъ, Боговляненскъ, Спасское были его утѣшеніе и отрада! Изъ самой переписки его видно, сколько онъ пекся о малѣйшемъ украшеніи своихъ садовъ, какъ часто отвлекался онъ отъ своихъ занятій, чтобъ объ нихъ подумать. Многіе иностранцы живыми красками описали его портретъ, и дали объ немъ понятіе всему свѣту. Я не умѣю дать преимущества ни которому изъ тѣхъ двухъ, коихъ читалъ и въ самѣе даже мое путешествіе около Николаева. Хо-

рошо обрисовалъ его Сегюръ, но живо изобразилъ также и де Линь. Кто не читалъ ни того, ни другого, тотъ, конечно, не осердится на меня, прочтя обоихъ, что я у него выпросилъ на этотъ трудъ полчаса времени: оба стоятъ вниманія и каждый приличной ему похвалы.

Наслушавшись здѣсь отъ всѣхъ очень много о Потемкинѣ, я пожелалъ видѣть гробъ его, и для этого только съѣздилъ въ Херсонъ. Тамъ онъ похороненъ въ Соборѣ, который отстроенъ изъ удивленіемъ Екатерины и представляетъ на фронтонѣ своемъ слѣдующую надпись: «Спасителю рода человѣческаго Екатерина II посвящаетъ.» Коротко, но чувствительно и красно! Тутъ подъ церковью былъ сдѣланъ погребъ и поставленъ гробъ исполина. Передъ нимъ горѣлъ неугасаемый елей въ золотой лампѣ; окружали мертвенность его и собраніе сухихъ костей богатыя подсвѣчники со свѣчами. Все возвышало въ преисподнемъ и мрачномъ томъ жилищѣ, что скрытъ тутъ въ землю прахъ знаменитаго вождя Екатерининныхъ храбрыхъ воевъ. И все засыпано землею. Нѣтъ уже нынѣ туда ни входа, ни отверстія. Я любопытствовалъ узнать хотя снаружи то мѣсто, подъ коимъ онъ погребенъ былъ: не хотѣли, или не умѣли, мнѣ и того причетники указать. Я, выходя изъ Собора, вспомнилъ столь извѣстныя слова псаломника: «Мимо идохъ, и се не бѣ, и не обрѣтеса мѣсто его.» Подлинно правда! Многіе нашлись съ готовыми доказательствами о правѣ своемъ на раздѣлъ оставшагося послѣ Князя имѣнія,—и кто тогда, какъ онъ былъ въ силѣ, не приклепывался ему въ родственники?—а нынѣ, когда дѣло идетъ о томъ только, чтобъ открыть гробъ его, оживить его памятникъ, воспрославить, воскресить, такъ сказать, имя его въ потомствѣ, нѣтъ ни друга, ни сродника, ни благодѣтельствованнаго, кто бы хлопоталъ о томъ. Учитесь, вельможи, читать глубже и яснѣе въ сердцахъ вашихъ тварей!

Я ни чего еще здѣсь не говорю о Херсонѣ, хотя упоминаю уже о самой первой тамошней рѣдкости; но, начавъ рѣчь мою о Потемкинѣ, мнѣ хотѣлось все то сказать вдругъ, что лично до него относилось. За симъ слѣдуютъ списки нѣкоторыхъ его писемъ. Они не изъ самыхъ уважительныхъ по его начальству и

званію, но мнѣ показались всѣхъ замысловатѣе, въ его собственномъ вкусѣ:

4 Августа. Бендеры.

«Я черезъ нѣсколько дней буду къ вамъ, батюшка Михайла Леонтьевичъ!

Поворачивайся!»

«Николаевъ.

Федотъ течетъ по четыре дюйма; приказалъ его отправить, и уже ему не быть военнымъ. Поговори съ Семеномъ Ивановичемъ; я думаю хорошенько разбирать старые фрегаты и что годное употреблять на меньшія суда, а то коштъ и трудъ напрасно пропадаетъ, да и конструкція ихъ дурна. Кораблей умножается; лучше людей на нихъ употребить; такъ и оставьте Матвѣя и Григорья Богослова.

Наши, благодаря Бога, такого перцу задали, что любо. Спасибо Федору Федоровичу.—Коли бы трусъ былъ В., то бы онъ ср. у Тарфанова куста, либо въ гавани.

Вашъ другъ

К. Потемкинъ Таврической.»

Получено 16 Августа.

«Бендеры, 14 Августа.

Я вчера къ обѣду рано пріѣхалъ, употребя въ дорогѣ 15 час.

Прикажи домъ въ Богоявленскѣ скорѣй отстроивать и на крышу гонтъ доставить, оштукатурить, а паче внутри ровнѣе; ибо по стѣнамъ письмо будетъ. Скажите Аладову, что ему готовится бархатный кафтанъ, или брань жестокая, а коли разсержусь, то въ матросы. Алексѣевъ скоро отправится. Найдя хорошихъ арбузовъ и дынь, пришлите съ изрочнымъ, да и моркови.

Вѣрный слуга

К. Потемкинъ Таврической.

Рс. Пріискивайте воду около Николаева, также покопайтесь в лѣсковѣ!»

Получено 4 Декабря, 1788 года.

«Послушай, Михайло Леонтьевичъ! Когда былъ ты у меня, то всему былъ просторъ, а теперь сдѣлалось тѣсно. Я говорю тебѣ, что людей много, а ты сказалъ, что еще мало; а теперь кричите караулъ, что некуда помѣстить. О конвойныхъ я тогда же тебѣ приказывалъ, и еще, какъ помнится, изъ Дубоссаръ, чтобъ содержать имъ караулъ, и когда бы ты мнѣ сказалъ, что Астраханскому быть у тебя не нужно, я бы ихъ въ то время поставилъ въ другомъ мѣстѣ, а теперь трудновато ходить, однако я приказалъ перевести.

Князь Репнинъ, говоря о землянкахъ Танбовскихъ, упоминаетъ, что хотя и просторно расположены, но больныхъ у насъ, вездѣ умножается, а вы мнѣ о такомъ умноженіи ни слова не говорите, тоже и объ успѣхѣ Елинговъ не увѣдомляете. Молчите, молчите, да вдругъ потребуєте чего ни будь прислать изъ Сибири, или изъ Астрахани.

На одежду я приказалъ ассигновать сумму.

О святой Аннѣ возьмите мѣры, чтобъ не повредила въ зиму. Судно въ ходу было самое легкое. Вы не дивитесь, что я ворчу. Богу извѣстно, что силъ не достаетъ: вездѣ самому быть нельзя, а все до малѣйшихъ способовъ отъ меня требуютъ.

К. Потемкинъ Таврической.»

«Оберъ-Интендантъ по моему требованію о числѣ пушекъ, о чемъ и тебѣ записка дана была, ни слова не отвѣчаетъ, а я не могу сдѣлать распредѣленія.

Объ желѣзѣ говняли изъ Таганрога. Нанимали перевозить, промѣнивали, да вдругъ ко мнѣ кинулись, чтобъ я велѣлъ доставить. Какъ уже теперь возить одному? Словомъ: мнѣ кажется, что они любятъ остановки, и ихъ ищутъ.»

Получено 10 Іюля.

«Колотени. 6 Іюля.

Лучше въ десятеро заплачу, нежели отдать жиду Гильму поставку. Пора отстать отъ мошенниковъ подрядчиковъ, кои истощили сумму и все недостатками потчивали; чрезъ нихъ разворовали много. Прикажи въ Чутъ заготовлять больше тѣхъ членовъ, какихъ тамъ найти можно, прочее въ Смѣлѣ.

Канатному заводу въ Херсонѣ быть, или нѣтъ, посмотрю самъ. На прочія донесенія дамъ резолюцію, пріѣхавши въ Богоявленское, а теперь только скажу о числѣ умершихъ, которыхъ не могло бы больше и въ чуму пропасть. Что прибыли доставать людей, ежели ихъ моряť, какъ нарочно? Вамъ бы надлежало мнѣ доносить правду, и я не знаю, какъ вамъ не совѣстно скрывать отъ меня истину! Я опредѣлялъ людей въ работу, да еще и съ платою, а изъ сего сдѣлали каторгу, и по нещастію, какъ вездѣ мое имя, то они могутъ думать, что я тиранъ, а вмѣсто того мучать другіе, а потекаете вы.

К. Потемкинъ Таврической.»

ГЛАВА I.

Херсонъ.

Отъ Николаева Херсонъ очень близко, только 60 верстъ: дорога ровная и степная. Мы двое съ женой послѣ обѣда туда поѣхали, и ранѣ вечера прибыли. На пути нѣтъ ни какого жилья, кромѣ почтоваго сарая, въ которомъ, на половинѣ дороги, мѣняють лошадей. Полиція тутошная позаботилась о нашей квартирѣ, и отвела намъ ее въ лѣсной конторѣ Г. Перетца, у одного Жиды: вездѣ намъ судьба судила стоять въ его домахъ, но не вездѣ такіе у него хозяева, какъ въ Николаевѣ. Поздно было ходить по городу; тотчасъ съ пріѣзда мы отъужинали и легли спать, но разныя твари, коихъ пыль и нечистота производять, не дали намъ заснуть хорошенько.

На завтра прїѣзда нашего, 19 числа, дождь пошелъ пресильный и безъ экипажу нельзя было выйти изъ дому; окошки наши на дворъ: и такъ, сидя въ четырехъ стѣнахъ въ скукѣ, я имѣлъ досугъ одумать все состояніе неволи, которой подвержены заключенные въ тюрьму, какъ въ кѣтку, и не имѣющіе передъ глазами ни какого предмета. Я только могъ замѣтить, не выходя изъ торницы, что здѣсь пропасть Жидовъ и комаровъ: либо перваго увидишь, либо послѣдняго убьешь. Я старался прогонять скуку прїятнѣйшимъ для сердца упражненіемъ: я писалъ письма къ домашнимъ, къ друзьямъ, готовилъ ихъ заранѣе къ отсылкѣ, при случаѣ удобномъ.

Около полудня улыбнулось небо: стало ясно, тихо, хорошо, и здѣшній Г. Губернаторъ посѣтилъ меня. По приглашенію его, я у него обѣдалъ, ужиналъ и весь день пробылъ. Онъ молодъ, но наполненъ усердія къ своей должности; супруга его—барыня прелюбезная и мастерица играть на фортепіано. Цѣлый вечеръ слушалъ я ее безъ усталости. Съ ними жили тогда, по случаю родинѣ ея, нѣсколько ихъ родственниковъ. Они дома въ городѣ не имѣютъ: онъ еще строится, а между тѣмъ занимаютъ домъ Военнаго Губернатора, верстахъ въ двухъ отъ города, въ крѣпости: это удаляетъ отъ нихъ общество городское, особливо въ осенніе длинные вечера, въ которые такъ нуженъ всякому кто ни будь; они по большей части одни въ своей семьѣ. Кабинетъ его наполненъ бумагами:—обыкновенная роскошь и убранство внутреннихъ покоевъ дѣловыхъ людей! Боже мой! Какая куча пакетовъ, и когда это все читать! Я одни сутки провелъ въ ихъ бесѣдѣ довольно прїятно; сожалѣлъ только объ ихъ собственной скукѣ, которую, кажется, ни кто изъ цѣлаго ихъ дома скрыть не можетъ. И правда, что Херсонъ мѣсто не прекрасное. Губернаторъ далъ мнѣ свой экипажъ, и самъ безъ принужденія возилъ меня по всѣмъ занимательнымъ мѣстамъ города. Станемъ говорить объ немъ.

Городъ разбитъ на Днѣпрѣ, но очень непрїятенъ: улицы нечисты, строеніе скверное, ни одного нѣтъ хорошаго дома, кромѣ, такъ называемаго, обжорнаго ряду, который выстроенъ изъ городскихъ доходовъ. Надобно знать, что Херсонъ имѣлъ въ пользу свою весь собираемый съ него въ тогдашнее 4-хлѣтіе от-

купный доходъ. Онъ населенъ бродягами, бѣглецами, всякимъ сбродомъ. Крѣпость, хотя еще не стара, однако требуетъ уже значительныхъ поправокъ и только что поддерживается отъ совершеннаго разрушенія. Внутри много разныхъ каменныхъ строеній, какъ-то: домъ Военнаго Губернатора, Комендантскій и Ордонансъ-Гаузъ, тутъ же и Соборъ. Я объ немъ говорилъ прежде, а теперь добавлю то только, что въ этомъ великолѣпномъ и огромномъ храмѣ нѣтъ ни какой примѣчательной утвари. Иконостасъ сведенъ круглымъ куполомъ на 8 столцахъ голубаго цвѣта; ризница неважная; показывали мнѣ ризы и стихарь, кои приложены Екатериной, но безъ отличнаго богатства, и естли бъ не снабдила здѣшній Соборъ многими драгоценными вещами Госпожа Мартынова, у коей сынъ, убитый на ратномъ полѣ, похороненъ здѣсь, то бы и похвастать не чѣмъ было; ея приклады всѣ роскошны и со вкусомъ въ отдѣлкѣ.

Сколько знаменитыхъ гробницъ около Собора! Тутъ увидите вы храбраго Миллера. Я остановился у его мавзолея: шишакъ надъ нимъ столько жъ чистъ еще понинѣ, какъ и слава его. Она сохранилась безъ пятна: рѣдкое счастье для воина. Тамъ подалѣе былъ его сынъ, достойный такового отца. Тутъ Князь Волконскій. Кто не знаетъ его кончины подъ Очаковымъ? Кто не оплакалъ отважности его геройской: я первые тогда почувствовалъ восторги славы; смерть его восхитила мою душу, еще прикованную къ школьнымъ теоріямъ; я развернулся и осмѣлился первые мои стихи выдать въ свѣтъ на смерть его. Здѣсь предана землѣ нѣжная отрасль Царскаго Дома. Въ молодости сущей Принцъ Виртембергскій позналъ нетлѣнной жизни сокровище. Камень надгробный его великъ, огроменъ, но безъ всякой красоты.

Корабельная верфь любопытна; при насъ отстроивался тутъ одинъ корабль 74 пушечный; такого же размѣра дѣлались еще два и одинъ 100 пушечный былъ уже заложенъ. Капитанъ надъ портомъ, Г. Мизъ.—Газъ всѣ работы намъ показывалъ. При насъ корабль обивали мѣдью: предосторожность необходимая отъ морскихъ червей, кои, какъ говорятъ, въ Черномъ морѣ очень скоро проѣдаютъ корабль. Какое страшное зданіе на берегу, а на морѣ—лукошко; подъ него готовятся уже и катели для спуска его

къ тому мѣсту, гдѣ онъ оснащиваться будетъ. Говорили, что онъ полетитъ въ Днѣпръ 8-го Августа. На лѣвой сторонѣ рѣки весь берегъ усыпанъ корабельными лѣсами: они лежатъ на открытомъ мѣстѣ, отъ чего удобно и повреждаются. Видно, что или еще лѣсу много, что нѣтъ нужды его беречь, или издержки для предохраненія его болѣе важны, нежели сама цѣна вещи; въ такомъ случаѣ жаль, что не оставили тамъ множества дубовъ и соснѣ на корнѣ: они бы еще пожили и не опоздали стать на своемъ мѣстѣ въ корабль.

Гавань купеческая очень хороша: въ ней строится много транспортныхъ судовъ по самымъ прекраснымъ образцамъ. Многіе изъ нихъ при насъ были въ отдѣлкѣ. Торговля животворитъ совершенно берега Днѣпровы при скучномъ Херсонѣ. Лѣсная пристань обогащена бревнами и досками. Днѣпръ приносить сюда все богатство лѣсовъ Бѣлорусскихъ: на немъ чрезъ Кременчугъ приплыло сюда въ 1810 году до 150 тысячъ деревьевъ. Какое важное пособіе для Крыма и Николаевской степи! Днѣпръ по берегу убить сваями, и отъ пристани сажень на сто убавили его широты.

Чего не дѣлають искусство и труды?

Капаль, Азовъ и Понтъ вѣнчаютъ, какъ пруды.

И древній Бористень, теряя здѣсь свободу,

Сто сажень отступилъ для пристави народу.

Канатная фабрика помѣщается въ огромномъ строеніи на 240 саженьхъ длины. Внизу крутятъ веревки, а вверху подъ крышкой, на чердакѣ съ просторомъ, прядется пенька. Народъ употребляется ссылочный, осуждаемый по приговорамъ къ каторжнымъ и крѣпостнымъ работамъ. Ни на одно лицо взглянуть нельзя равнодушно: всякаго черты ужасны; печать злодѣйства отражаетъ всякое состраданіе. То ли бы было, подумалъ я, ходя по этой пространной галереѣ и прислушиваясь къ нестройному звону желѣзъ, если бы по обоимъ концамъ поставили громкіе оркестры и вдоль строенія вытянуть въ два фрунта экосесъ? Всякой, думаю, воленъ дѣлать въ себѣ и про себя, какія хочетъ, примѣчанія. Волтеръ гдѣ-то сказалъ: «*Les volontés sont libres.*» Кажется, онъ ошибся: а тому, кто скажетъ: «*Les pensées sont libres,*» не чѣмъ возразить.

Много здѣсь хорошаго и полезнаго вздумала Екатерина; скажемъ же и то, что Потемкинъ многое и исполнилъ хорошо. Память Херсонской Царицы здѣсь незабвенна; цѣлы еще стѣны того строенія, въ которомъ нѣкогда она ужинать изволила; говорить, что на столѣ, вмѣсто обыкновеннаго убранства, въ модели изображенъ былъ искусственнымъ образомъ весь ея флотъ, и что какъ скоро она сѣла кушать, то на немъ поднялись флаги. Скажемъ это тысячу разъ: «Вѣкъ ея былъ вѣкъ очарованія.»

Здѣсь я опять настигъ нитку политическихъ происшествій: нѣсколько прочелъ № «Сѣверной Почты,» узналъ о новой монетной системѣ. Удалясь нѣсколько отъ центра новостей, всякой листочикъ свѣженькой печати займетъ чрезвычайно. Я часто это испытывалъ дорогой. Здѣшнему Губернатору нѣкогда лишній часъ проспать. Дюкъ опять сегодня проскакалъ въ Крымъ: видно, флотъ Турецкой хоть не страшень, да и не забавень.

Вездѣ есть диковинки: почтеть ли читатель мой ею то, что я готовлюсь ему сказать, не знаю; но для меня весьма удивительно было услышать, что въ Херсонѣ Городской Голова—Французъ, поселившійся здѣсь болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Чудо!

Въ день отъѣзда нашего отсюда, 20 числа, я, съ дозволенія Господина Губернатора, ходилъ купаться въ Днѣпръ: у него закрытая и пловучая ванна. Прохлада не совсѣмъ пріятная; вода мутна и съ зеленью. Въ Володимірской Губерніи Нерль не Днѣпръ, но какая разница для этого наслажденія! Мы позавтракали у Губернатора, простились съ нимъ, съ его семействомъ, и поѣхали, какъ будто домой, въ Николаевъ. Въ четыре часа съ половиною мы проскакали 60 верстъ: лошади не бѣгутъ, летятъ, и ихъ дикія лошади у насъ не отпрягали. Я долженъ эту строчку объяснить; иначе она будетъ казаться непонятною.

Одинъ путешественникъ, напечатавъ многое объ Одессѣ и здѣшнихъ мѣстахъ, между прочимъ, помѣстилъ слѣдующее извѣстіе:*

* Пр. «Письма о Крымѣ,» переводъ съ Французскаго сочиненія, съ которымъ рядомъ вышечатанъ и оригиналъ.—1810. Полное заглавіе его таково: «Письма о

«Сія степь сколь ни худа, однако питаетъ дикихъ лошадей, которыя и имѣютъ странный инстинктъ освобождать лошадей, если увидятъ запряженными: онѣ нападаютъ иногда толпами на запряженныхъ лошадей, разбивая повозки, перерываютъ збрую, потомъ убѣгаютъ съ новыми товарищами, если удастся имъ освободить ихъ.»

Я Херсонскую степь, т. е., разстояніе между Херсономъ и Николаевымъ, проѣхалъ два раза, и по утру и въ вечеру, но ни отъ кого этого не слыхалъ, нигдѣ этого не видалъ. Замысловатія лошади! Видно, и въ ихъ родѣ водятся республиканскія головки, кои узды не терпятъ. Благодаря Бога, или лучше сказать Херсонскую фею, это все ея, видно, превращенія! Наши кони очень смирно довели насъ до Николаева, гдѣ мы нашли всю свою домашнюю бесѣду, и въ ней отстатокъ дня весьма пріятно проводили.

ГЛАВА II.

Отъѣздъ изъ Николаева.

Въ послѣдній день нашего пребыванія въ Николаевѣ расхарчился нашъ хозяинъ, зазвалъ много гостей и не пожалѣлъ хорошей бутылки вина. По утру я таскался по рядамъ, по базару: купилъ, во первыхъ, сукно, но ошибся въ выборѣ, сукно гнило; однако фракъ стоилъ 30 рублей: изрядныя бы деньги и не для фрака лѣтъ 20-ть ранѣе. Арбузовъ и дынь въ Николаевѣ пропасть и дешевы. Купя за 40 копѣекъ двѣ штуки, я на силу ихъ съѣлъ въ моей компаніи, которая была не мала въ тотъ день.

Откланявшись Господину Адмиралу, зашелъ проститься къ отцу Ефимію: засталъ благоговѣйнаго Іерея, читающаго Соломона.

Крымъ, Одессѣ и Азовскомъ морѣ; соч. Г-жи Гутри, перевелъ съ Французскаго Н. Снегиревъ, на Россійскомъ и Французскомъ языкахъ. М. Въ типографіи Всеволожскаго. 1810. 8.» О. Б.

Поговорили мы съ нимъ о многихъ предметахъ суеты человѣческой. Онъ, провожая меня, кричалъ: «Всяческая суета!» а я ему отвѣчалъ: «Безъ нея нельзя!» и съ этѣмъ мы разстались.

Господа морскіе пожаловали къ намъ на вечеръ и привезли всю свою роговую музыку. Какое прекрасное изобрѣтеніе! Оно питаетъ унылыя мысли, развертываетъ ихъ и даетъ душу меланхоліи. Я не могъ равнодушно слушать звуковъ этѣхъ мѣдныхъ, разноголосныхъ трубъ. Лакримальные сосуды мои напряжились, и я потихоньку плакалъ, ходя одинъ въ саду. Есть такія минуты, въ которыя печаль, одна печаль, овладѣя всѣми нашими чувствами, среди самыхъ шумныхъ бесѣдъ и роскошныхъ вечеринокъ, даетъ намъ чувствовать всю свою тягость. Это было на канунъ 22-го Іюля, дня именинъ покойной дочери моей. Я вспомнилъ Машу, которая, когда я слушалъ искусственные мусикійскіе звуки, плѣнялась уже далеко отъ меня согласіемъ превосходной небесной гармоніи. Хорошо дѣлаетъ Русской человѣкъ, что пьетъ, когда ему грустно: самое вѣрное лѣкарство отъ печали! Я изъ саду вышелъ въ комнаты; всѣ пили пуншъ, давайте-ка и мнѣ! Выпилъ очередную чашу, голова закружилась, и я скоро забылъ, что радость и что печаль. Въ такомъ расположеніи чувствъ мы отужинали и ѣли много. Всякой рассказывалъ свое, кто былъ, кто небылицу. Помѣстите, куда вамъ угодно, слѣдующее:

Въ Триестѣ, сказывалъ намъ нѣкто изъ собесѣдниковъ нашихъ, содержатель Театра обязанъ платить очень дорого за привилегію свою Французскому Двору. Какъ-то сборъ началъ упадать и содержатель сдѣлался неисправнымъ. Правительство не шутитъ: давай деньги! Содержатель жалуется, что многіе богатые жители не ѣздятъ въ Театръ, не берутъ ложъ изъ одного ругательства Французамъ. Правительство, чтобъ выручить свои деньги, принуждаетъ богачей брать мѣста годовыя. Они ихъ откупаютъ, насильно ѣздятъ забавляться, а содержатель оплачиваетъ долгъ свой, и всѣ довольны. Славная контрибуція! Вотъ что называется прекраснымъ насосомъ выжимать изъ чужихъ кармановъ деньги. Вѣдь, можетъ быть, это и вздоръ!

Распростиаясь со всѣми, мы расположились на другой день, 22 числа, рано по утру, выѣхать, и намѣреніе наше исполнилось. Въ

минуту нашихъ сборовъ узнали мы, что часть Россійской эскадры заняла Сухумъ-Кале, крѣпостцу на матеромъ берегу Мингреліи. Ею управлялъ отцеубійца. Кого пощадить тотъ, кто не чтить родителя? Народъ взволновался, звалъ Русскихъ на помощь, увидѣлъ флаги ихъ и покорился.

Прости, Николаевъ! Я тебя вспомню всегда и вездѣ въ радости и въ печали. Настоящія наши наслажденія суть рода удовольствій нашихъ въ будущемъ. Если бѣ воспоминанія не оживотворяли души человѣческой, она бы отходила къ своему Создателю, не испытывъ ни какой радости въ свѣтѣ. Такъ, такъ мы живемъ въ прошедшемъ стократно болѣе, чѣмъ въ настоящемъ: это нашъ удѣлъ, это участь человѣка чувствительнаго! Простите, Спаское, Богоявленское, мѣста славы знаменитаго вельможи, мѣста изнѣженныя самой природой! Вы всегда привлечете къ себѣ восторги тѣхъ, кои любятъ жить въ натурѣ, по натурѣ и не разлучно съ нею; равно обратятся къ вамъ и мысль и взоры тѣхъ, коихъ изумляло когда ни будь и изумить впредь, въ лѣтописяхъ нашихъ, величество Потемкиныхъ:

Таврической! Тебѣ въ твой вѣкъ дивился Питеръ:

Но въ немъ ты былъ лишь Князь, а здѣсь ты былъ Юпитеръ.

Съ этѣмъ восклицаніемъ я уѣхалъ, и скоро скрылся отъ глазъ моихъ Бугъ. Съ великолѣпными его берегами пропали высокія Ингульскія тросты. Опять я скачу въ степи и возвращаюсь въ Елисавету.

4 версты отъ Николаева есть селеніе Терновки. Сюда проводили насъ хозяинъ нашъ и Бобъ. Прежде тутъ была Турецкая слободка; въ ней видны и подишь разоренный домъ Паши и маленькая рощица, подъ которой бѣжитъ чистый ключъ воды. Здѣсь въ уединеніи онъ, чаю, исповѣдывался въ тайнѣ своему Пророку и лобызалъ раболѣпныхъ наложницъ; а нынѣ тутъ обитаютъ Болгары, выгнанные Турками изъ Адрианополя и прибѣгшіе подъ покровительство Россіи. Здѣсь они забываютъ смутныя времена своего отечества и живутъ спокойно. Вотъ прямо полезная колонія! Болгары трудолюбивы, любятъ хлѣбопашество

и разумѣютъ искусство воздѣлывать землю: у нихъ ни одна черта земли не теряется, все засѣяно и воспитано. По огороженнымъ своимъ усадьбамъ они еще разводятъ и шелковичныя деревья. Я долго радовался, глядя на ихъ сельскія упражненія.

Старая мечеть обращена въ Греческую церковь; башни ея однако сохранены, какъ памятникъ, и этѣ два различныя по началу своему зданія страшное представляютъ соединеніе язычества съ Православіемъ. На одной изъ нихъ повѣшены колокола. Я ходилъ на самый верхъ ея, по видовъ пріятныхъ она не открываетъ. При храмѣ семь Священникъ изъ Болгаръ; иконостасъ въ Греческомъ вкусѣ, но безъ всякихъ украшеній, рѣзнаго нѣтъ ничего. Утварь пожалована Государемъ не богатая, но полная.

Здѣсь послѣднюю рюмку вина выпилъ я съ добрымъ моимъ хозяиномъ и съ Черноморскимъ пріелемъ Б. и, разцѣловавши обоихъ, прижавши крѣпко къ сердцу, надвинулъ шляпу на сырыя очи и ускорилъ во всю конскую скачку.

Доѣхавъ со мною до первой станціи, читатель вспомнилъ, что ее зовутъ Кандыбино, что тутъ славный источникъ въ горѣ. Я подошелъ къ ней, выпилъ стаканъ воды изъ ключей ея, освѣжилъ осеннюю свою голову и, перемѣня лошадей, удалился отъ Николаева. На пути встрѣтился намъ какой-то Ливонецъ Бар., ѣдетъ въ Крымъ искать ужасовъ и развалинъ. Счастливый ему путь! Право я ему не позавидовалъ. Крымъ, признаюсь, ни сколько не раздражалъ моего любопытства.

Въ Виландовой мызѣ или, по здѣшнему, трактирѣ (пустомъ, однако) мы потерпѣли задержку въ лошадяхъ, по тому что день былъ почтовый и лошади въ оба конца въ разгонѣ; объ обѣдѣ въ суетахъ мы не подумали; поварня ѣхала съ нами и успѣла дать намъ только яичницу, которую очень скоро сварили и вдвое скорѣе мы съѣли. Лежа на травѣ, похлебали молока, и за трапезой простой натуры насытившись, поспѣшали на почлегъ, который судьба, случай, печальность, такъ часто гораздо лучше о насъ промышляющія, нежели самыя заботливыя наши суеты, приготовили намъ на пути, въ мызѣ доброй Госпожи Лореновой, гдѣ мы уже очутились въ 64 верстахъ отъ Николаева.

ГЛАВА III.

Ночлегъ у Госпожи Лореновой. Путь до Новоміргорода и прїѣздъ туда.

Послѣ такой ночи, какую провели мы, естли вспомнить читатель, въ Громоклеѣ, въ степи, на сырой землѣ, нынѣшній ночлегъ нашъ казался Божественнымъ угощеніемъ; въ самомъ дѣлѣ, случай намъ очень благопріятствовалъ. Помѣщица здѣшняго хутора, Госпожа Лоренова охотно насъ къ себѣ приняла, не смотря на тѣсноту своихъ комнатъ; и какое было мое удивленіе, когда въ самыхъ маленькихъ ея горенкахъ, по нашему даже убогихъ, ибо въ нихъ не было дощатыхъ половъ, а набитая земля вымазана желтой глиной и подкрашена, нашелъ я краснаго дерева мебель, т. е., зеркала, столы, Турецкій диванъ, хорошіе клавикорды, на которыхъ нѣкогда играла, вышедшая за мужъ, дочь нашей хозяйки, и шкафъ съ книгами: тутъ были романы Госпожи Сталь и Жанлисъ на оригинальномъ ихъ языкѣ: все это мнѣ такъ было странно, что я думалъ быть въ области какой ни будь феи. Въ степи находить книги, музыку, нѣкоторую роскошь не только просвѣщенныхъ, но уже и испорченныхъ отъ излишнихъ наслажденій, городовъ, все это меня очень удивляло; а къ удивленію мало по малу присоединилось и уныніе. Вотъ причина:

Все, что мы видѣли, занимало любопытство; намъ хотѣлось узнать, у кого мы. Госпожа Лоренова, добрая и гостепріимная наша хозяйка, сестра родная извѣстному по Москвѣ (что нужды, впрочемъ, съ какой стороны!) К. Ц., котораго жена, любезная и достойная барыня, нѣкогда въ Москвѣ, бывъ случайно очень съ домомъ отца моего знакома, крестила дочь мою, Машу. Крестницы ея уже нѣтъ на свѣтѣ, а мать ея крестную мнѣ не случилось видѣть съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ она милое мое дитя въ Москвѣ принимала отъ купели. Надобно было мнѣ самымъ неожиданнымъ образомъ попасть на ночлегъ въ такой домъ, который живѣйшее представить могъ мнѣ напоминаніе о Машинкѣ въ самый день ея именинъ, чтобъ умножить тѣмъ сердечную

болѣзнь. Какое странное стеченіе случаевъ! Непостижимая судьба! Для чего я именно сего дня, а не вчера, не въ другой день, попалъ къ Госпожѣ Лореновой, съ которой никогда болѣе, можетъ быть, не увижусь? Тщетно я тебя спрашиваю: ты смертнымъ никогда ни на что не отвѣчаешь.

Госпожа Лоренова не удовольствовалась однимъ нашимъ по-мѣщеніемъ: при недостаткахъ своихъ она дала намъ хорошій ужинъ. Комнатки ея тѣсны, но опрятны. Видно изъ книгъ и инструментовъ, что она о воспитаніи дочери своей не клась съ усердіемъ и разумомъ. Мы тутъ спокойно провели ночь въ верхней свѣтлѣ, и на завтра отправились въ путь, осыпавъ ее признательнѣйшими ласками. Мы не могли ни чѣмъ, кромѣ благодарности, платить за благосклонность къ намъ тутошнихъ жителей. Тѣмъ цѣннѣе были въ глазахъ нашихъ малѣйшія ихъ услуги.

Проѣзжая Громоклею, мы порадовались за будущихъ путешественниковъ: тутъ уже строится чей-то довольно огромный домъ деревянный; и такъ здѣсь можно будетъ года черезъ три ночевать, и не на голой землѣ.

Въ Судоклеѣ хотѣли обѣдать, но только поѣли. На столъ поставить было нечего: ни яицъ, ни молока, ни масла. Привелъ бы сюда главнаго ресторатора Aimé, далъ бы ему сто рублей и велѣлъ показать свое искусство. Изъ ни чего выходитъ ни чего: самая вѣрная посылка. Мы поглодали старыхъ засушенныхъ запасовъ и поскакали. Отдыхалъ съ нами тутъ же проѣзжіи церковникъ: онъ пробирался домой верстъ за 20-ть отсюда. На досугѣ и онъ собесѣдникъ, вошли мы въ рѣчь: гдѣ и чему учился, давно ли славить Всепѣтаго? Каково жить, дорого ли, дешево ли? Что даютъ за молебень и пр. и пр.? Добился только того, что онъ Дьяконъ, ходилъ пѣшкомъ верстъ за 500 ставиться въ чинъ. Это, подумалъ я, тяжелѣе старой нашей Герольдіи. Бѣдные люди! Здѣсь есть мѣста, за 1000 верстъ отъ Владыки отстоящія, и Дьячекъ долженъ пройти весь Крымъ до Екатеринославля, чтобъ получить право, воротясь домой, надѣть изорванный стихарь. Вотъ, хоть и не прилично, да къ стати вспомнить пословицу иностранную: игра свѣчи не стоитъ! Дьяконъ мой, однако, здоровъ и

дюжъ; голосъ у него прекрасный; мы съ нимъ пропѣли: «О паче ума,» въ честь Богородицы, и распростились. Я думаю, что онъ съ восторгомъ, а можетъ быть и съ насмѣшкой, рассказывалъ, пришедъ къ себѣ, домашнимъ, что проѣзжіи заставилъ его пѣть, любовался его голосомъ, самъ съ нимъ подтягивалъ, и знаетъ также, какъ онъ, съ конца до другого, Осмогласникъ.

Въ Елисаветѣ мы долго слонялись по городу безъ квартиры; старая была заперта: хозяинъ куда-то отъѣхалъ, а хозяйка пьяна, и мы толку не добились; на силу нашли мы какого-то доброхота купца, который изъ тщеславія растворилъ для насъ огромную залу съ картинами, эстампами и прочими красотами купеческихъ домовъ въ провинціяхъ. Кони насъ сюда очень скоро поставили, мы проѣхали 100 верстъ; погода была въ степномъ климатѣ прекрасная, не жарко и не пыльно: сильный дождь выпалъ за сутки до насъ, и избавилъ отъ этого безпокойства. Надлежало за то вытерпѣть другое, т. е., посѣщеніе Молдаванскаго Князя, который у насъ посидѣлъ и помолчалъ.

Весь вечеръ мы освѣдомлялись, отъ кого могли, какъ доѣхать до Кіева и гдѣ лучше выбрать туда дорогу. Переночевавъ тутъ, я имѣлъ еще время, прежде нежели привели намъ лошадей, коихъ мы и не очень торопили, сходить въ Соборъ къ обѣднѣ. Храмъ пространный и хорошъ, письмо старинное. Народу было много для Воскресенья, и опять появились здѣсь около паперти нищіе: мы давно ихъ не видали. Пѣвчіе кричали во весь голосъ, басы ревѣли безъ всякаго вкуса; обѣдня шла до полудня, и, къ несказанному отягощенію Православныхъ, Пресвитеръ разсудилъ пощеголять проповѣдью. Я ушелъ, не дослушавши конца, и онъ вѣрно принялъ меня за певѣжу.

Изъ Собора ѣздилъ я съ визитомъ къ Молдаванамъ въ ихъ экипажѣ. Опять тоже великолѣпіе, цугъ въ шорахъ, а кучеръ съ широкими усами въ Турецкомъ своемъ одѣяніи. У нихъ не много посидѣвши (ибо они уже были мнѣ не въ диковинку), пріѣхалъ домой, отобѣдалъ, сѣлъ въ коляску, взглянулъ раза два еще на Елисаветградъ, и пустился въ Кіевъ.

ГЛАВА III.

Новоміргородъ и Златополь.

Отъ Елисаветы сюда 60 только верстъ, хотя словарь и утверждаетъ, что 150. Дорога прекрасная: мы проѣхали ее очень скоро. Стень продолжается, но не такъ уже гола; появились пріятные виды; показался мѣстами кустарникъ; вездѣ золотыя нивы радуютъ взоръ путешественника. Жатва, сѣнокосъ, все въ своей порѣ и народъ въ движеніѣ. Разнообразіе предметовъ украсило для насъ этотъ путь совершенно. Я съ удовольствіемъ любовался на сарафанъ нашего покроя, какого уже давно не видалъ. Подъ самымъ Новоміргородомъ селились при насъ Обоянскіе крестьяне, душъ до 100.

Недалеко отъ города встрѣтились намъ кучи Турокъ плѣнныхъ, коихъ везутъ на волахъ также селить подалѣе отъ своей родины. Война гоняетъ людей съ мѣста на мѣсто, какъ садовникъ пересаживаетъ деревья. И къ стати вспомнилъ: у самой заставы увидите вы старинный садъ, и также, какъ и я, вѣрно объ немъ потужите. Нѣкогда владѣлъ имъ Архіерей; потомъ, по стеченію случаевъ, обратился въ оброчную статью и поступилъ въ казенное вѣдомство, а тамъ, разумѣется, и брошенъ; всѣ плодовые деревья погибли, осталась одна только густая зелень, которая свидѣтельствуешь, что человѣкъ столько удобенъ все воздвигнуть и создать, столько же и разорить все можетъ: однако и этотъ нечистый лѣсокъ, что былъ прежде садъ, здѣсь для глазъ пріятенъ.

Вѣхавши въ городъ довольно рано, мы остановились у Г. Пот..., тутошняго Гор., который прямо принялъ насъ въ свой домъ и позволилъ у себя ночевать. Съ нимъ жены не было, онъ хозяйничалъ одинъ. Домикъ у него маленькой, но крайне опрятенъ; впрочемъ, лучшей квартиры въ городѣ нѣтъ, хотя тутъ до 2000 душъ считается народу. Время было прекрасное, и мы имъ воспользовались, просидя на крыльцѣ весь вечеръ. Я неосторожно напустилъ на группу: ихъ здѣсь очень много.

Природа никогда насильи не прощаетъ:

Невоздержаніе педуги привлекаетъ.

И подлинно: натура, чтобъ доказать мнѣ справедливость моихъ стиховъ, потѣшила меня индигестіей и сильной мигреной, отъ которой я самую худую ночь провелъ. Это мнѣ не помѣшало, оставляя Новоміргородъ, на завтра взять грушъ съ собою хорошихъ въ дорогу запасъ, и на упреки жены моей, что я неумѣренъ въ прихотяхъ своихъ, или короче и яснѣе сказать, жаждень, я ей отвѣчалъ слѣдующими стихами:

Безъ груши нѣтъ въ саду хорошаго плода;

Безъ груши земляной нѣтъ вкуснаго стола;

Безъ груши для невѣсть серегъ нѣтъ драгоценныхъ,

Безъ груши для меня нѣтъ въ жизни дней блаженныхъ.

Жену мою зовутъ Аграфеной: что ей оставалось сдѣлать, какъ улыбнуться, замолчать и дать мнѣ волю наѣдаться грушъ?

Виноваты! Я ужь собрался изъ Новоміргорода, не сказавъ ни чего объ немъ самомъ. Городъ не важный; домовъ хорошихъ деревянныхъ въ немъ очень мало, все мазанки. Онъ заштатный и безъ уѣзда: въ немъ нынѣ только Магистратъ, Городничій, два частныхъ Пристава, и нѣсколько Десятскихъ: вотъ все его правительство! Нѣтъ ни Ст. Ком., ни Казначейства, и обыватель ѣздитъ судиться судомъ и расправой въ Елисавету, и когда доводится Уѣздному Суду съ Магистратомъ держать общее присутствіе, то членъ Уѣзднаго Суда изъ Елисаветы наѣзжаетъ въ Новоміргородъ.

Въ Россіи все дѣлается творческимъ духомъ: да будетъ то, — и бысть! Здѣсь нѣкогда была граница наша къ Польшѣ и жили иностранные Консулы, цвѣла торговля. Вдругъ потомъ поставленъ былъ здѣсь же престолъ Вознесенской Губерніи. Губернскій ея городъ хотя и назначенъ былъ въ Вознесенскъ, посреди области Бугскихъ Казаковъ, но, до отстройки того мѣста, все гражданское его сословіе поселилось въ Новоміргородъ. Недолго это такъ побывало; наконецъ Новоміргородъ, обратясь въ посады, удостоенъ остаться безуѣзднымъ городомъ, и теперь весь составленъ изъ развалинъ: судьба многихъ нашихъ городов!

Я полюбопытствовалъ видѣть здѣшнее рекрутское депо. Командиръ его, Г. С., принялъ меня очень учтиво и дозволилъ весь свой лагерь видѣть. Шалаши ихъ лѣтніе, кои повсемѣстно уже зовутъ биваками, хотя, думаю, Французское слово *bivac* совсѣмъ не то значить: сдѣланы изъ прутника и обмазаны глиною; на строеніе ихъ матеріалъ отводятъ имъ изъ казеннаго лѣсу. Пекарни очень хороши, и здѣсь уже топятъ дровами: мы по маленьку расстаемся съ кизикомъ. Лазаретъ въ особомъ домѣ, который отводитъ купеческое общество. Сюда собираются рекруты Харьковской и Симбирской Губерній.

Чтобъ договорить о Новомірогородѣ, скажу еще нѣчто на счетъ здѣшняго мѣста весьма странное. Городъ этотъ принадлежитъ къ Херсонской Губерніи; отъ него въ верстѣ мѣстечко Златополье въ Кіевской уже Губерніи. Мірогородскіе жители сами покупаютъ хлѣбъ въ Златопольѣ, однако проходящія команды обыватель Златопольскій обязанъ кормить за 8-мь, а въ Мірогородѣ за 5-ть копѣекъ.

Златополье не что иное, какъ очень не важная полоса земли подъ городомъ. Мы тутъ, продолжая путь свой, остановились: я не знаю, кому оно принадлежитъ. Тутъ выстроены ряды, по наружности своей ни чего не обещающіе; въ нихъ торгуютъ Жида всѣмъ, что только вздумать можно. Вы найдете въ нихъ прекраснѣйшія сукна, казимиръ, бархатъ, дамскіе уборы и старые богатые придворные кафтаны, совсѣмъ сшитые, которые распродали, конечно, съ плеча 18-го вѣка Господа Камергеры, когда увидѣли, что сѣдинъ ихъ и шитые кафтаны уже не красятъ. Нынѣ такое платье обратилось въ театральнѣйшій костюмъ, и въ немъ увидишь только Урасова въ оперномъ домѣ въ Москвѣ; признаюсь, что я не могъ надивиться той обширной торговлѣ, какую я здѣсь нашелъ, въ разныхъ предметахъ роскоши, почти на чистомъ полѣ. Кому купить, кому продать? однако, все это идетъ своимъ чередомъ, а Жида еще долго будутъ здѣсь Польскія злотыя притягивать въ свои запачканные карманы.

ГЛАВА LIV.

Путь до Звенигородки.

Проѣхавши Златополь, мы впали въ предѣлы Кіевской Губерніи. Ахъ! какая разница со степью! По всѣмъ сторонамъ открылись пѣкнотельныя зрѣлища плодородной земли и благосклонной къ мѣстамъ симъ природы: изобильная жатва вездѣ, наметаны огромныя скирды хлѣба. Дорога хуже степной тѣмъ, что гориста, но отъ того-то самого она кажется разныя пріятныя картины; селенія встрѣчаются чаще; во всякомъ изъ нихъ увидишь ручей, чего глаза наши лишены были уже такъ давно. По нѣкоторымъ мѣстамъ сохранились отъ бурь и лѣсныхъ надзирателей дубовыя и кленовыя рощи, но весьма уже рѣдки: дубъ одинъ отъ другого въ большой разлукѣ. При всемъ томъ каждое дерево густотою своею окружаетъ около себя довольно большую тѣнь. Я не примѣтилъ валежника въ прозрачныхъ сихъ лѣснахъ, въ коихъ болѣе площадей, нежели живыхъ деревьевъ; все очень выметено: не валяется ни пруть, ни кустъ. По такой примѣтѣ можно бы думать, что нуждающійся въ дровахъ обыватель, для тепла своей хижины, бережливо вычищаетъ свою дачу; но видѣлъ же я и сухостою пропасть, который сохраняется, не знаю для чего, а между тѣмъ печалитъ взоръ самого веселаго странника. Для меня нѣтъ ни чего способнѣе къ возбужденію меланхоліи самой мрачной, какъ видъ сухаго дерева: мертвецъ обнаженный на ногахъ — такая страшная идея для воображенія! Безъ того этѣ рощи могли бы показаться садами.

Вообще можно залюбоваться всѣмъ этѣмъ лоскуткомъ старой Польши, * который имѣетъ разнovidныя прелести. Въ селеніяхъ роскошь; Жидаы вездѣ торгуютъ и копышатыся, какъ пчелы въ ульяхъ; на поляхъ трудники собираютъ дары природы и города ставятъ хлѣба.

* По понятіямъ Польскимъ, собственно же это часть исконной Южной Руси, или Украины, Малой Россіи. О. Б.

У самой почти большой дороги, у подошвы небольшой горы, при чистомъ источникѣ, омывающемъ нѣсколько жилъ крестьянскихъ, разсѣянныхъ на зеленой лужайкѣ, увидѣли мы часовню. «Вотъ нѣчто наше, Россійское!» закричалъ я, и мы остановились. Подошелъ къ намъ старецъ съ крестомъ: онъ изъ монастыря, который въ 5-ти верстахъ отсюда во имя Георгія поставленъ. Здѣсь молятся о Митрополитѣ Кіевскомъ, и мы уже приближаемся къ селеніямъ святымъ, гдѣ Провидѣнію угодно было воздвигнуть вѣчные памятники своей славы.

Лошадей мѣняли мы въ Шполѣ. Это мѣсто принадлежитъ, по наслѣдству, послѣ Князя Потемкина, племянникъ его, Госпожѣ Лопухиной. Село огромное, но ни чего не значущее ни по мѣстоположенію, ни по строенію, а съ перваго взгляда оно обѣщаетъ очень много, по тому, что въѣдешь какъ бы въ заставу городскую: двѣ колонны и рогатки. Лошадей даютъ тутъ прескверныхъ, не смотря на большой перегонъ, и мы съ большимъ трудомъ доѣхали до Звенигородки, гдѣ и остановились ночевать.*

За нѣсколько верстъ отъ нея проѣхали мы сквозъ большое нѣміе Потоцкаго, по имени Богачево.** Здѣсь должно замѣтить, и съ большимъ вниманіемъ, огромные камни, кои природа раскидала по берегамъ умѣренной рѣки. Издали и при упадающемъ свѣтѣ дня они наводятъ ужасъ разнообразіемъ своихъ фигуръ. Нѣтъ! Изъ такихъ каменьевъ не выдолбить того, что въ Одесскихъ каменоломняхъ надѣлать можно. Тотъ спусходительнѣе гораздо этого. Я очень долго дивился на дикіе хребты камней, кои опоясуютъ, кажется, большое пространство здѣшнихъ земель.

* Она напоминаетъ намъ городъ Звенигородъ, близъ Кіева, на р. Ветѣ, упоминаемый не разъ въ Исторіи, и другой Звенигородъ, Уѣздный городъ Московской Губерніи, въ 50 верстахъ отъ столицы. Звенигородка теперь Уѣздный городъ, на лѣвомъ берегу рѣки Гиплаго Тикича, впадающаго въ Синюху, съ 21,000 жителей, въ 188 верстахъ отъ Губернскаго города. Въ концѣ прошлаго вѣка Звенигородка была мѣстечкомъ Екатеринославскаго Уѣзда Вознесенскаго Намѣстничества. О. Б.

** Теперь Богачевка. О. Б.

Съ большимъ сожалѣніемъ принужденъ я былъ проскакать подъ городомъ самую пріятную долину, но сумерки не позволили мнѣ мѣшкать въ дорогѣ. Днемъ коляска—прекрасная квартира, но не ночью. Самая худая изба для меня ея лучше. Извѣстно тѣмъ, кто меня читывалъ, что

Я почью не ѣздохъ, хоть дай почтовыхъ даромъ.

Спустился съ горы, лежитъ путь между холмами, въ долу, покрытомъ зеленью, какъ эмалью, и усыпаннымъ благовонными цвѣтами. Никто ихъ не разсаживалъ: вѣтеръ ихъ сюда занесъ; солнце пригрѣло, выросли и курать воздухъ. Отъ долины версты на три пошелъ небольшой дубовый лѣсокъ: тѣнь повсюду вокругъ его разстилается. Уходить сюда въ жаръ—безподобно. Пріятно и вечеркомъ полежать на травѣ, отдохнуть и поблагодарить натуру. Еще я все это придумывалъ и загадывалъ, какъ ужъ кони наши подвезли къ Звенигородкѣ. И мы очутились на квартирѣ,—уже темно было.

Звенигородка, Повѣтовый или Уѣздный городъ Кіевской Губерніи, населенъ Жидами и Козаками. Квартиръ хорошихъ нѣтъ, все мазанки, или Жидовскія корчмы; и въ тѣхъ, и въ другихъ не чисто; во всемъ городѣ одинъ только каменный домъ, занимаемый Присутственными Мѣстами, можетъ быть названъ зданіемъ. За недостаткомъ жилъ удобныхъ, Городничій принужденъ былъ пустить насъ къ себѣ, и изрядно потѣшилъ: безъ театра комедія! Этотъ добрый, заслуженный Офицеръ, молодецъ на штурмѣ, станется; но въ гражданскомъ состояніи, увы! Мы почти насильно къ нему вѣхали и заняли одну только комнату. На бѣду нашу Господинъ Маіоръ, лѣтъ до 60-ти дожившій, судя по лицу, за три передъ симъ мѣсяца, рассудилъ жениться, и тѣмъ сдѣлалъ домъ свой еще тѣснѣе для услугъ гостямъ.

Поселику мы не прямо еще ѣхали въ Кіевъ, а хотѣлось взглянуть на славную въ томъ краю Софіевку, садъ Графа Потоцкаго, куда, по слухамъ, дорога сворачивала отсюда въ сторону, то мы и просили нашего Городничаго наставить насъ, какъ держать путь въ Умань, той же Губерніи и такой же Уѣздный городъ, какъ и здѣш-

ній; но онъ, какъ человѣкъ не романическій, до диковинокъ природы не охотникъ, и не умѣлъ намъ дать совѣта. Мы послали спросить у Почтоваго Смотрителя, и тотъ ни чего не знаетъ, и кабы насъ, просто сказать по Русски, не надоумилъ одинъ добрый обыватель, то бы мы толку не нашли, а, кажется, рѣчь шла не о Китаѣ. Смѣшно было видѣть, какъ они, всѣ трое, заспорили между собою: одинъ шлетъ на сѣверъ, другой на югъ, третій ни туда, ни сюда; наконецъ перебрались и ушли. Я давно такъ не хохоталъ.

Вспыльчивый нашъ хозяинъ, отдохнувши на постелѣ, зашелъ къ намъ опять, чтобъ снова разсердиться, но уже не на Экспедитора, а на всѣхъ насъ. Между рѣдкостями, какими онъ въ домѣ своемъ хвасталъ, показывалъ намъ Г. Маіоръ картину, висящую у него надъ дверьми. Она представляла страннаго виду урода каріатиду, пронзенную отсюду стрѣлами и въ безобразномъ положеніи. На спросъ: «Что это такое?» Отвѣтъ, что въ «прошедшую Прусскую войну было такое явленіе на небѣ,» и онъ называлъ эту малевку оказіей. Подлинно оказія и онъ и картина. Ему подарилъ какой-то пріятель и сослуживецъ, и онъ чтитъ ее гораздо больше, нежели Жиды свой Декалогъ. Мы всѣ хохотали; и какъ иначе? Онъ разсердился, надвинулъ усы, раза два харкнулъ и ушелъ. У него же мы поучились бить гвоздемъ въ кольцо; это упражненіе въ его гостиной; кольцо воткнуто въ стѣну, а гвоздь на ниткѣ: искусство въ томъ, что, раскачавши гвоздь, отступя нѣсколько шаговъ отъ стѣны, попасть мѣтко въ кольцо и не дать промаху. «Забава не простая и очень увеселительное времяпровожденіе,» сказалъ я ему, какъ онъ сталъ мнѣ свое мастерство показывать и смѣялся надъ моей неудачей. «Тото же!» возразилъ онъ, улыбувшись, и ретировался во внутренній свой чуланъ: много еще проказниковъ на свѣтѣ! Вы можете вообразить, какія въ этой головѣ соображенія, умозрѣнія, системы, планы, идеалы и пр. Кто имѣетъ теоретическое только понятіе о дурачествѣ, тотъ можетъ пріѣхать въ Звенигородку разсмотрѣть его на практикѣ.

ГЛАВА LV.

Дорога до Умани.

Отъ Звенигородки до Умани 78 верстъ, но хуже ста въ другомъ мѣстѣ;—добрый день ѣзды по тому, что дорога боковая, а не широка; горъ множество, особливо въ послѣдней станціи; лошади обывательскія самыя тощія и на силу насъ довели. Къ тому же повсюду за ними остаковки. Мы выѣхали въ 8 часовъ утра, а пріѣхали въ 10-ть, и очень уже было темно.

Но для глазъ по пути пріятнаго много: горы вездѣ рисуютъ ландшафты; селенія очень часты: въ нихъ костелы и церкви издали видны; травы и хлѣбы вездѣ прекрасные: сладкая надежда для обывателя и приманчивая картина для путешественника! На поляхъ жнутъ и поютъ, а на перекресткахъ Жидовскія корчмы, въ которыхъ запахъ горѣлки привлекаетъ проѣзжихъ и прохожихъ: тутъ всегда людно.

Мы обѣдали въ селеніи, по названію Талня; въ ней бѣжитъ рѣчка Якичъ*—мѣсто прекрасное. По берегу ея тянется хребетъ каменныхъ высокихъ горъ и такія иныѣ видны скалы, которыя ужаснѣе гораздо самыхъ береговъ Чернаго моря. Источникъ неширокъ и перерѣзанъ частыми островками; за каменной его оградой лѣсокъ убираетъ вдаль этотъ пріятной рисунокъ природы. Мы здѣсь съ часъ помѣшкали на почтовомъ дворѣ и безпрестанно то въ ту, то въ другую, сторону на мѣстоположеніе глядѣли.

Не меньше пріятно было взглянуть среди полей, украшенныхъ безчисленными копнами, на полосу земли, застѣянную гречей. Она, какъ лента, на полверсты протянута. Греча тогда была въ самомъ сильномъ цвѣтѣ, и ее проросли какіе-то еще другіе желтые цвѣты: соединеніе сихъ двухъ красокъ такой производило къ солнцу прекрасный отливъ, что я, имѣвъ привычку въ

* Горный Тикичъ? О. Б.

коляскѣ читать и рѣдко отрываясь отъ книги, тутъ, не смотря на самое занимательное сочиненіе, закрылъ книгу, велѣлъ ѣхать шагомъ и все глядѣлъ на двуличневую гречу. Ни какой живописецъ, конечно, не подобралъ бы искусною кистію на холстѣ столь живыхъ тѣней, ни самъ Рафаель, хотя онъ для живописи былъ то, что Богъ для естества.

Подъ самой Уманью прекрасная роща. Остановитесь тутъ погулять, естли вы рано пріѣдете, а мы торопились на квартиру: вечеръ страдалъ своей темнотой. Что ближе къ Умани, то горы круче и чаще, лошади наши утомились и насилу везли. Облака спрятали мѣсяцъ, зги не видать: поскорѣй хотѣлось вонъ изъ коляски въ комнату и напиться чаю въ комнатѣ; повозки отъ насъ всѣ отстали: ни поварни съ нами, ни постели; все надобно было брать чужое. Пріѣхавши въ Умань, мы заняли квартиру у богатаго и семьянистаго Жида. Онъ снабдилъ насъ своими постелями; отъужинавши очень дурно, мы на нихъ повалились, и ночь провели безпокойно. На разсвѣтѣ собрались наши люди и повозки.

Къ умноженію досады съѣхался здѣсь со мной человекъ, котораго оставлялъ я въ Николаевѣ для доставленія мнѣ писемъ изъ дому; но онъ, доставя мнѣ разныя извѣстія тамошняго края, по отъѣздѣ моемъ оттуда дошедшія, ни строчки не привезъ отъ родныхъ и друзей. Какъ я разсердился! Топалъ ногами, бѣгалъ по широкимъ комнатамъ стараго Еврея, который думалъ, что я въ бѣлой горячкѣ; но что ни дѣлай, писемъ нѣтъ. Ахъ! Сколько бываетъ неудачъ на нашей пакостной планетѣ. Признаюсь, что этотъ день былъ одинъ изъ самыхъ тяжкихъ въ нашемъ путешествіи. «Увидимъ, увидимъ,» ворчалъ я про себя, «что за прелести такія необыкновенныя въ хваленомъ саду Потоцкаго, и стоятъ ли они такихъ сильныхъ безпокойствъ, какія для него мы терпимъ.» Скоро увидя Софіевку, согласился, что подлинно для такого зрѣлища много труда перенести возможно, и пакостная планета обратилась въ прекраснѣйшій міръ во всемъ твореньи. Это стоитъ Іониной тыквы.

ГЛАВА LVI.

Умань и разные въ ней предметы.

Умань есть Повѣтовый городъ Кіевской Губерніи, и какъ онъ, такъ и весь его Уѣздъ, составленъ изъ имѣнія Потоцкаго, и до нынѣ ему принадлежитъ. Казна имѣетъ здѣсь своего Полицій-мейстера и Уѣздный Судъ. Городъ сидитъ на горѣ, но не хорошъ: строеніе тѣсно и безъ правильности, а вкуса и совѣтъ нѣтъ. Каменныхъ зданій важныхъ не найдете, по большей части все Жидовскія корчмы. Наша квартира была изъ лучшихъ въ цѣломъ городѣ.

Среди большой улицы выстроенъ каменный тюремный домъ по обѣ стороны и связанъ двумя колоннами со сводомъ, кои издали кажутъ видъ торжественныхъ воротъ; но какъ удивившись, когда, подойдя къ нимъ, услышишь жалостный стонъ колодничій. Я не думаю, чтобъ это было хорошо, во первыхъ, по тому, что заключенные въ тѣсномъ сообщеніи съ народомъ и проходящими, а во вторыхъ, и для того, что имъ на воздухъ выйти некуда: они окружены строеніемъ и улицами.

При насъ тутъ стоялъ Гусарской полкъ и содержалъ караулъ въ городѣ: прекрасные люди, одѣты щегольски, мастера своего дѣла. Каждое утро разводъ съ музыкой; каждый вечеръ заря отправляется съ музыкой; а народъ, какъ и вездѣ, около гауптвахты толнится, слушаетъ и дивуется.

Церковь Россійская бѣдна, но велика; иконостасъ въ ней круглый на столбахъ и съ куполомъ. Храмъ строенъ еще во время Польскаго владѣнія Потоцкимъ, и въ немъ стоятъ портреты его и женины. Священникъ старъ, и 30 уже лѣтъ поетъ тутъ своему Господу. Онъ съ большимъ тщеславіемъ хвалился мнѣ тѣмъ, что приводилъ въ этой церкви къ присягѣ Князя Прозоровскаго на чинъ Фельдмаршала. Рядомъ съ большимъ или главнымъ престоломъ, на поворотѣ въ другую сторону, и по нашему совѣту не на востокъ, поставленъ тутъ же подвижный храмъ полковый, въ которомъ иногда для полку поется и обѣдня. Духовные люди пусть разсудятъ, прилично ли такое несходство съ

правилами. Для меня собственно, когда дѣло идетъ о призваніи Бога, Востокъ и Западъ, Югъ и Сѣверъ, все равно. Лучшій домъ молитвы предъ Вышнимъ есть сердце праведнаго.

Я ходилъ въ костелъ и слушалъ тутъ Уніятскую обѣдню: мнѣ очень пріятно было видѣть образъ ея отправленія. Смѣсь Католикаго съ нашимъ. Двѣ важныя разницы, кои я нашелъ противъ нашей обѣдни, состоятъ въ томъ, что поминаютъ Папу на ектеніяхъ и на выносѣ даровъ, и въ Символѣ Вѣры исповѣдуютъ происхождение Духа Святаго не по Гречески. Впрочемъ, существо литургій тоже, но образъ совсѣмъ различенъ. Подобно Католикамъ, Уніаты не имѣютъ иконостаса и трехъ вратъ, къ нему принадлежащихъ. Престолъ ихъ наружи; Священникъ служитъ предъ нимъ, открытъ отсюда; выходитъ изъ особой комнаты боковой въ полномъ облаченіи, какъ наши Іереи, выносить утвари церковныя, ставитъ ихъ на престолъ и начинается обѣдня; ектеніи всѣ читаются и крылосы поютъ по Русски. Причетъ тутошній похвастаться хотѣлъ пѣвчими. Они отправляли при мнѣ службу и многое довольно хорошо пѣли по нотѣ; одѣты всѣ б чловѣкъ въ стихаряхъ бѣлыхъ.

Во время отправленія сей службы предъ главнымъ престоломъ въ слухъ, вышелъ другой Священникъ изъ другой комнатки со всѣми церковными принадлежностями и въ облаченіи, уставиъ ихъ на особомъ престолѣ въ боковой стѣнѣ и въ одно и то же время съ первымъ отправлялъ свою обѣдню, но все читалъ про себя. Самая молчаливая и сокровенная молитва! Странно было весьма слышать и видѣть этѣ двѣ обѣдни въ одно время и въ томъ же храмѣ, особливо на нашемъ природномъ языкѣ. Естьли дозволено о вкусахъ разсуждать и въ этомъ предметѣ, то признаюсь, что мнѣ Уніятскіе обряды не показались. Скажемъ просто: ни то, ни се — немножко нашего, немножко Папскаго. Согласимся, что все можетъ имѣть двоякой видъ въ свѣтѣ, и даже въ самой природѣ, кромѣ Вѣры, которая вездѣ, всегда, для всѣхъ одна, и обряды ея должны въ сложеніи своемъ быть началу сему совершенно подобны, т. е., одно и тоже вездѣ. *

* Известно, что Уніаты первоначально отличались отъ Православныхъ только од-

Костелъ весь вообще огромное строеніе; въ немъ нѣсколько престоловъ по сторонамъ, кромѣ главнаго въ срединѣ. Стѣны зданія внутри убраны колоннадой: это даетъ храму видъ великолѣпный. При этомъ домѣ учреждена и школа: строеніе большое, уважительное. Здѣсь преподають науки, Философію и Богословію. По случаю вакаціи въ настоящее время, мы ни кого не видали изъ учащихся. Замѣьте, что почти вездѣ, при всѣхъ отличныхъ костелахъ или Католическихъ и Уніятскихъ храмахъ, заведены училища: отъ этого величайшая происходитъ польза для духовенства и прихожанъ; первое не терпитъ унынія и скуки, обыкновеннаго плода праздности; ибо всякой болѣе или менѣе занять и не имѣетъ времени удовлетворять подлымъ страстямъ низкаго человѣка; а послѣдніе, приходя въ церковь слушать внятныхъ поученій, не все выпускають въ другое ухо, что въ одно приходитъ. Общая выгода!

ГЛАВА LVII.

О Жидахъ вообще, ихъ промыслѣ и Богослуженіи.

Городъ наполненъ Жидами; много и Хохловъ. Русскаго и Польска мало примѣтишь. При насъ былъ въ Умани торговый день, и народу собралось пропасть; я цѣлое утро шатался въ рядахъ. Торговля обширная, и все найдете, что вамъ угодно. Товары привозятся прямо изъ чужихъ краевъ; о цѣнѣ ихъ нечего и говорить: все отменно дорого. Сверхъ того, безъ большой потери трудно за что ни будь платить бумажками. Лучшая монета здѣсь червонныя; ихъ много, и они очень ходки; потомъ серебро, и чѣмъ старѣе, тѣмъ выгоднѣе. Жида въ лавкахъ обступятъ проѣзжаго, какъ мухи, и, не купя чего отъ нихъ, не отобьешься: я самъ это

нимъ признаніемъ главенства Папы надъ собою въ дѣлахъ духовныхъ, но въ послѣдствіи, мало по малу, Езуиты и ихъ воспитанники стали приносить много изъ Католическаго въ Православное Богослуженіе, и тѣмъ показали, что Унія есть для признающихъ ее просто ступенькой къ Католичеству. О. Б.

испыталъ: одинъ ухватился за фалду, другой держитъ за другую; всякой хочетъ заманить къ себѣ въ лавку и, подъ благовиднымъ словомъ продажи, ищетъ обмануть.

Я въ лавкѣ своего хозяина купилъ сукна на фракъ, и не успѣлъ выйти изъ гостиннаго ряду, какъ человекъ 5 портныхъ Жидовъ меня окружили; и всякому хотѣлось меня одѣть. Пока я договаривался съ однимъ, остальные съ мѣрками своими около меня прыгали и требовали преимущества; наконецъ снялъ ее одинъ, и въ тотъ же вечеръ принесть мнѣ фракъ совсѣмъ готовый. «Ну! что за работу (прикладъ его)?» — «Три червонныхъ.» По тамошней цѣнѣ это составляло 27 рублей. Бѣшеная ряда! Но дѣлать нечего: надобно было заплатить. Пошумѣлъ я напередъ немножко, и Жидъ, чтобъ смягчить мою досаду и уловить меня другимъ образомъ, повинился мнѣ коротко и ясно, что онъ взялъ лишняго половину: «Но съ кого же, прибавилъ, мнѣ и взять? Свой братъ не даетъ. Вы путешествуете по доброй волѣ, тратите деньги на то и на другое: для чего же не кинуть лишній пѣназь и въ мою кису? Вѣдь и все, что вы расточаете дорогой, лишнее: сидя дома, ни кто бы съ васъ ни чего не взялъ.» — «Резонъ! Спасибо, Жидъ, за правду; по крайней мѣрѣ ты не льстивъ, и вотъ тебѣ за твои червонныя!»

Около рядовъ мѣняловъ пропасть, и въ на многихъ столахъ увидите кучи огромныя серебра и мѣди. Злѣсь-то, я думаю, они черезъ разные обороты и плаваютъ и выбѣгаютъ за границу. Жиды—великіе мастера повертывать деньги, и въ ихъ рукахъ червонной прытко вальсируетъ.

Между ими есть особые услужники, кои называются факторы. Совѣтую ихъ остерегаться: это, по Русски сказать, сводчикъ; онъ вамъ достанетъ все, что вамъ нужно и не нужно; чтобы вамъ на мысль ни пришло, одно слово фактору,—и готово. Онъ вамъ натаскаетъ хлѣба, вина, мяса, пригонитъ четверню и цугъ лошадей въ коляску, или карету, отнесетъ письма, исправитъ комиссію, заманитъ рядовича съ товаромъ, размѣняетъ деньги; словомъ, для фактора нѣтъ не возможнаго, но ужъ не плачьте, какъ дѣло дойдетъ съ нимъ до счету. Ни какой аптекаръ вамъ

такого не подастъ, и мой портной противъ этого—бездѣлка. Мало того, что онъ за все съ васъ возьметъ двойную цѣну и прибавитъ къ тому плату себѣ за труды, онъ еще на каждый рубль бумажный возьметъ лажъ, приводя его въ равную цѣну съ мѣднымъ рублемъ; да, разочтясь съ вами, еще возьметъ и съ того, у кого забиралъ для васъ припасы, или товары, за то только, что онъ у него, а не у другого, для васъ ихъ бралъ. О! факторы—люди отмынной чести и доброты души, а при всемъ томъ и голы и босы. Если увидите Жидъ въ отрепьяхъ, не спрашивайте, кто такой—факторъ!

Едва успѣли мы попасть въ Умань, какъ къ намъ набѣжало ихъ нѣсколько, и я принужденъ былъ на угадъ вѣрнуться изъ нихъ любому. Поживши дни съ три, благочестивый мой Еврей подалъ мнѣ свой счетъ, самое трогательное сочиненіе для всякаго Православнаго кармана; я сокрушенно вздохнулъ, оросилъ итогъ чувствительными слезами и расплатился, съ намѣреніемъ крѣпкимъ бѣгать впередъ отъ фактора, какъ отъ пивки: одна лишаетъ крови естественной, а тотъ высосетъ всю сущность живота.

И здѣсь я былъ въ ихъ Синагогѣ. При мнѣ случилось обрѣзаніе—отвратительной обрядъ Ветхозаконной Церкви. Младенца внесутъ въ преддверіе ихъ сборища: оно уже наполнено Жидами. Ближній къ дверямъ беретъ его у бабки, а прочіе всѣ по очереди принимаютъ его одинъ отъ другого, и такъ передаютъ въ пеленкахъ до Раввина, который въ клѣткѣ, сидя подъ столярнымъ зонтомъ, наживаетъ его съ ланцетомъ. Принявъ его, кладетъ на колѣни, возводитъ глаза горѣ, кричитъ какъ бѣснуемый, и всѣ Жиды за нимъ: ребенокъ испуганъ, пищитъ; операція скоро: все кончено въ минуту; младенецъ обрѣзанъ; среди шуму и крику вопль его не слышанъ. Раввинъ потомъ подноситъ его къ табернаклу, гдѣ Декалогъ у нихъ хранится, нарицаетъ ему имя и, надъ стаканомъ пива прокричавъ еще нѣсколько стиховъ, оmyваетъ имъ уста младенца и отдаетъ его принесшей женщинѣ; тѣмъ все и оканчивается. Сколько я любопытствовалъ это видѣть, столько потомъ унесъ съ собою изъ хранины ихъ непріятныхъ впечатлѣній. Врачи говорятъ, будто въ горячихъ климатахъ обрѣзаніе

необходимо, для сохраненія мужескаго пола отъ разныхъ болѣзней. Я этого не знаю, но только знаю то, что это очень не миловидно. Я спрашивалъ ученыхъ Жидовъ, для чего всѣ они берутъ младенца и на перерывъ его изъ рукъ въ руки передаютъ. «Мы это дѣлаемъ, отвѣчали они мнѣ, въ увѣренности такой, что чѣмъ болѣе людей занимается въ это время младенцемъ, тѣмъ для него будто бы спасительнѣе; равно и тотъ для души своей получаетъ пользу, кто услугой своей способствуетъ сему дѣйствию.» Вотъ какъ всякой самъ себя сочиняетъ законъ и Вѣру!

Въ тотъ самый день, когда происходила у нихъ эта церемонія, Жиды постились и воспоминали разореніе храма во Іерусалимѣ. Этотъ постъ называется у нихъ констернація Іерусалимская и продолжается весь день: они не должны ѣсть до заката солнечнаго и не обуваются, сходятся въ Синагогу и по обыкновенію въ шляпахъ: такъ имъ велитъ ихъ заповѣдь; тутъ они тужать о своемъ храмѣ, сѣтуютъ, поютъ жалобнымъ напѣвомъ «Плачь Іереміи,» и этотъ превосходный псаломъ, вдохновенный Царю Давиду любовью къ родинѣ: «На рѣкахъ Вавилонскихъ» оканчиваетъ ихъ унылое Богослуженіе. Нигдѣ такъ сильно не выражено чувство любви къ отечеству, какъ въ этомъ прекрасномъ стихѣ: «Аще забуду тебе, Іерусалиме.» Сколь ни омерзительно настоящее положеніе Жидовъ, ихъ обряды, службы и сходбища, я не могъ, однако, не тронуться, видя кучку людей, сошедшихся оплакивать свое отечество, свою церковь, свою землю, гонимую повсюду, посѣщенную гнѣвомъ Божиимъ, не имущую ни алтаря, ни кадила, ни всесоженія. Въ эту трогательную минуту я забывалъ всѣ предубѣжденія разсудка и, по внушенію сердца единого, глядѣлъ на послѣдняго Жида, какъ на брата своего по человечеству.

ГЛАВА LVIII.

О семействѣ нашего хозяина.

Послѣ описанія не весьма обольстительнаго, которое я сдѣлалъ Жидамъ вообще, справедливость требуетъ, чтобъ я ознакомилъ нѣсколько читателя съ моимъ хозяиномъ. Мы квартировали въ Умани, въ домѣ богатаго Еврея, имѣющаго знатный торгъ во всей Кіевской Губерніи, по имени Гуровича. Онъ имѣлъ сына 24 лѣтъ, съ которымъ я проводилъ вечера въ самой пріятной бесѣдѣ. Онъ никуда, кромѣ Лейпцига, не ѣзжалъ, и нигдѣ не былъ, воспитался дома, но, какъ видно, съ большимъ тщаніемъ: очень хорошо знаетъ по Нѣмецки, по Французски и по Русски, а еще лучше на каждомъ изъ сихъ языковъ пишетъ, нежели говоритъ. Упражнялся съ охотой и даже съ жаромъ въ Словесности, онъ перевелъ на Еврейскій языкъ Французское сочиненіе подъ именемъ: — «*La découverte de l' Amerique.*» Образъ мыслей его гораздо выше его сферы: онъ рассуждаетъ о вещахъ здраво, понятія остраго и въ разговорахъ со мною о разныхъ нравственныхъ предметахъ удивилъ меня качествомъ своего сердца. Этотъ молодой человекъ очень занимателенъ. Онъ сидитъ въ лавкѣ у своего отца, торгуетъ, ѣздитъ за товаромъ иногда въ Прусскія области, и сѣтуетъ только о разныхъ глупыхъ обычаяхъ своей собратіи, отъ которой онъ отличается умомъ, поведеніемъ, благопристойностію и чистотою. Чтобъ лучше еще дать объ немъ понятіе, я передамъ публикѣ здѣсь одинъ разговоръ мой съ нимъ, который, по рѣзкимъ чертамъ его характера, тогда же записалъ въ свою книжку; онъ со мной говорилъ всегда по Французски. Вотъ переводъ нашей бесѣды:

«Чего недостаетъ къ вашему счастью?»

— «Я бы желалъ, чтобъ намъ запретили прежде всего носить наше шутовское платье, по тому что оно кладетъ на насъ печать безчестія и срамоты. Кто презрѣнъ, тотъ теряетъ духъ, теряетъ уваженіе къ самому себѣ и вдается въ слабость: вотъ отъ чего нашъ народъ нынѣ такъ сраменъ, глупъ и невѣжественъ. Всякой, кто

меня увидить въ моей скуфѣ, указываетъ пальцемъ и говорить: «Это Жидъ!» а я слишкомъ человѣкъ, чтобъ плюнуть на этотъ несправедливый позоръ, который всегда запираетъ мнѣ входъ и отчуждаетъ меня отъ свѣта.»

«Для чего же вы не перемѣните вашей одежды?»

—«Когда бы на это послѣдовалъ Указъ: о! ни кто скорѣй бы меня его не исполнилъ; но самъ собою не смѣю, не могу.»

«Да для чего?»

—«У меня мать старуха и суевѣрна: перемѣня платье, я бы ее огорчилъ.. а я лучше вынесу уничтоженіе ста Христіанъ православныхъ, нежели допущу мать свою отъ меня уронить одну слезу.»

О! какое превосходное чувство! Скажи мнѣ, читатель-философъ, а я тебя спрошу на ушко, много ли нашей братьи Православныхъ такъ чувствуютъ и разсуждаютъ? Я забылъ въ ту минуту, что онъ Жидъ, вскочилъ ему на шею и расцѣловалъ его.

«Любите ли вы чтеніе?»

—«Очень! Я читалъ неоднократно вашъ Новый Заветъ. У меня онъ есть, и я хочу его перевести на Еврейскій языкъ. За то вся моя братья почитаетъ меня атеистомъ, или еретикомъ.»

«Какъ вы не боитесь читать Евангелистовъ?»

—«А что жъ такое! Развѣ это запрещенная переписка? (очень остро!) Рано, или поздно, насъ надобно насильно осчастливить. Мораль Евангельская превосходнѣе всего въ нравственномъ мірѣ. Я хочу съ ней ознакомить моихъ соотчичей, хочу, чтобъ они ее читали. Мы властны вѣрить, или нѣтъ, Евангелію, но вкушать изыщенное всегда пріятно. Пора сжечь нашъ Талмудъ, который не что иное, какъ книга, наполненная дурачествами, обезобразившая совсѣмъ истинный законъ Моисеевъ. Пусть намъ оставить одни его книги въ неприкосновенномъ ихъ видѣ: его правила суть наилучшія для насъ.»

«Нравятся ли вамъ Христіане?»

—«Безъ нихъ намъ обойтись нельзя. Мы погибли бы въ Палестинѣ, если бы насъ туда услали. Когда у насъ празднуютъ шабашъ, мы не смѣемъ даже пожара домашняго потушить безъ пособія Христіанскаго: намъ ни за что не велятъ тогда приниматься, и въ этой глупой нѣгѣ мы бы въ несчастную минуту въ гробъ вселились.»

«За то у васъ въ этѣ дни гораздо свѣтлѣе!»

«Напротивъ: мы зажжемъ пропасть свѣтъ, это правда; а у васъ одна, или двѣ; но наши нагораютъ, мы ихъ не смѣемъ снять, и отъ того вѣчная темнота въ шабашѣ у Жида. Для чего не уничтожить всѣхъ этѣхъ глупостей? Народъ Еврейскій не посмѣетъ тому воспротивиться; а если кто изъ невѣждъ и покусился бы на то, пусть его ѣдетъ, куда знаетъ; какая польза отъ шалуновъ? Всѣ дурачества, какъ цѣпь, связываются между собою звеньями. Сорвите первое кольцо, подъ которымъ разумѣю Талмудъ, всѣ прочіе вздоры разсыплются сами собою, и этѣмъ только способомъ прервутся всѣ узы нашихъ глупыхъ предубѣжденій, отъ которыхъ мы столько бѣдствуемъ въ свѣтѣ. Когда отъ насъ приглашали депутатовъ, для участія въ образованіи нашего народа, старики послали глупцовъ, которые ни за что болѣе не стояли, какъ за свою одежду, и снисходительное Правительство насъ оставило въ этомъ поганомъ нашемъ рубищѣ.»

Вотъ каковъ былъ сынъ Жида, нашего хозяина. Онъ много читалъ, обогатилъ память свою разными историческими произшествіями, и умѣетъ въ разговорѣ приложить познаніе свое къ стати, никогда не забывается, всегда скромнѣе, вѣжливѣе, не уступчивѣе, когда торгуется, и счета не теряетъ. Я рѣдко видалъ подъ Еврейскимъ саваномъ такого воспитаннаго человѣка. Жаль, что суевѣріе его ближнихъ препятствуетъ ему открыть себѣ дорогу къ лучшему состоянію! Онъ горячо любитъ свой народъ, жарко защищаетъ его выгоды и, кажется, готовъ жизни лишиться, чтобъ только возспособствовать благоденствію своей собратіи.

И такъ мы дни съ три провели въ Умани очень пріятно: утромъ шатались въ рядахъ и мотали, днемъ ѣзжали гулять въ Софіевку, а по вечерамъ, воротясь домой, толковали съ нашимъ молодымъ хозяиномъ. Хвала и честь родителямъ его, что они такъ пеклись объ его воспитаніи! Можетъ быть, далеко доведенное понятіе о сравнительномъ добрѣ прочихъ народовъ съ его племенемъ приготовить ему многія злословія въ свѣтъ; ибо не всѣ еще его сотоварищи могутъ вмѣстить истинное просвѣщеніе и не расположены къ оному; но лучше, я такъ думаю, по крайней мѣрѣ, кончить вѣкъ непрочный, но пережить его въ наслажденіяхъ любомудрія и чувствительности, нежели очень глубоко состарѣться и умереть, не вкусивъ прямыхъ отрадъ ума и сердца въ жизни.

Естьли ты поѣдешь, читатель, въ Умань, смотрѣть на торжество натуры, въ Софіевку, то заверни поговорить съ Гуровичемъ, и вѣрно имъ будешь доволенъ.

ГЛАВЫ.

Предисловіе къ описанію Софіевки.

Кто читалъ «Вѣстникъ Европы,» тотъ, конечно, кинулъ взоръ и на описаніе этого мѣста: оно помѣщено въ № 6-мъ. * Здѣсь, въ слѣдъ за симъ повторится. Кто не видалъ Софіевки, тотъ еще не имѣетъ полнаго понятія о томъ, что можетъ искусство на природу. Камни, вода—вотъ здѣсь все ея сокровище. Потоцкій купилъ эту усадьбу у своего вассала и, какъ слышалъ я, только за 300 руб. серебромъ; но оцѣнить, чего она стоила въ отдѣлкѣ, ни какой бухгалтеръ не будетъ въ состояніи. Онъ самъ, сказываютъ, никогда не сматривалъ своихъ счетовъ и не любилъ, чтобъ спрашивали его, чего ему стоитъ Софіевка.

* 1811 года, стр. 123, въ переводѣ съ Французскаго Поспѣлова. Подъ описаніемъ выставлена подпись: «К. И. М. Д—ій (Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій.» О. Б.

Милліоны сыпалися на камни безъ расчёту,
И въ ужасахъ скалы воздвигнуть храмъ Эроту.

Жаль, я о томъ, что многихъ надписей Польскихъ на усыпанныхъ по саду памятникахъ не понимаю.

Эта прогулка въ двухъ верстахъ отъ Умани. Странно, что вельможа ни чего не успѣлъ для жилища построить: негдѣ пріютиться, а жить подавно нѣтъ средства. И такъ одинъ садъ, и не весьма пространный, не подаетъ издали ни какой надежды, чтобъ въ немъ была какая ни будь прелесть. Войдешь, — и не вышелъ бы вѣчно: все прекрасно, превосходно, божественно. Вездѣ видѣнъ геній вкуса. О! что можетъ быть равно во вселенной съ Софіевкой? Одинъ Едемъ, естьли онъ есть и на небѣ.

Не знаю, всѣмъ ли ее кажутъ во всей ея красотѣ и пышности. Предупредить надобно, что этотъ садъ не имѣетъ и половины своихъ прикрасть, когда воды не шумятъ. При насъ всѣ фонтаны брызнули, каскады зашумѣли, смирные ручьи потекли, и всякая капля воды заиграла. Мы симъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ обязаны были благосклонному письму Цесарскаго Консула, проживающаго въ Одессѣ. Онъ, по знакомству съ Графомъ Сень-При, далъ намъ открытую рекомендацію къ надзирателю садовъ Графа Потоцкаго, котораго хотя мы тутъ и не застали, но старшій подъ нимъ всѣ чудеса Софіевки намъ показалъ, и садовникъ съ отличнымъ снисхожденіемъ подчивалъ насъ плодами.

Оранжереи съ садомъ сравниться не могутъ: онѣ не велики и не богаты плодами и деревьями, совсѣмъ не отвѣчаютъ дикимъ камнямъ, изъ коихъ каждый дорожке въ обдѣлкѣ многихъ алмазовъ. Оранжерей такихъ, какъ въ Умани у Потоцкаго, много въ Россіи; Софійки другой нѣтъ въ мірѣ; она стоитъ этой пословицы:

Кто хочетъ видѣть рай,
Въ Софію поѣзжай.

Въ одну изъ моихъ тутъ прогулокъ, сидя противъ большой каскады, подъ навѣсомъ обширнаго камня, на лавочкѣ, занялся

я чтеніемъ домашнихъ писемъ, которыя, сядя въ коляску, въ городъ получилъ. Я въ нихъ углубился и забылъ на минуту раз-вернутую предо мной картину. Что милѣе свычки? Родные мои, дѣти, друзья, скучали о моей съ ними разлукѣ. О! естъли бъ вы видѣли, милые обыватели моего сердца, гдѣ я, что вижу, чѣмъ наслаждаюсь: какъ бы (восклицалъ я къ нимъ мысленно) поту-жили вы, что васъ здѣсь нѣтъ со мной! Вы воображаете меня въ дорожныхъ безпокойствахъ, въ пыли, въ усталости несносной. Какая разница! Я живу въ прекраснѣйшей природѣ, вкушаю да-ры Творца непостижимаго въ дѣлѣ рукъ своихъ; вижу торже-ство естества и люблюсь чѣмъ ни будь на каждомъ шагѣ; повѣрь-те, что жить для васъ и съ вами есть одно счастье, съ которымъ Софіевка теряетъ равновѣсіе. Впрочемъ, чему не предпочту сихъ селеній райскихъ?

Описаніе Софіевки слѣдуетъ за симъ на обоихъ языкахъ; я имъ занимался въ деревнѣ, у сестры моей, на свободѣ, писалъ его по Французски, а напечаталъ переводъ его; я имъ доволенъ, но отнюдь не смѣю хвалиться живописью словесной: отдадимъ эту кисть ея Творцу на нашемъ языкѣ.

О рай земной! дерзну ль твои красы писать?

Державинъ пусть придетъ здѣсь списокъ съ неба снять.

СОПНЕИКА.

Si vous voulez vous faire une juste idée de ce qu'on nomme vulgairement jardin d'Edem, champs Elysées, paradis; venez à Sopheika et admirez y un génie Créateur. Là, la nature et l'art ont confondu tous leurs moyens pour produire un chef d'oeuvre éclatant. Quelle belle harmonie dans l'ensemble miraculeux de leurs combinaisons! Riche d'une simplicité majestueuse, ce local efface tout souvenir d'Armide et de Babylone; rien n'est à comparer à ce qu'on y voit; tout séduit et tout enchante. Ne croyez pas, que ce soit un beau idéal ou romanesque, dont je veuille vous offrir la peinture; bien au contraire! c'est un de ces heureux résultats de l'industrie humaine, lesquels n'ont pas toujours réussi même à la providence, qui lorsqu'elle a travaillé toute seule s'est plu à négliger les attraits du luxe, et de la somptuosité.

Figurez-vous d'abord une chaîne de montagnes appuyée et soutenue par des rocs immenses, un tas de pierres accumulées sans ordre l'une sur l'autre, depuis la création du monde, et dont la moindre n'a pu être ni taillée ni dérangée sans le secours de la poudre à canon. Celle-ci comme vous savez, quand un habile ingénieur s'en sert, feroit sauter jusqu'au crâne de l'Olympe. Quelques sources, qui filtrent leurs eaux fraîches dans la cavité de ces mêmes rochers, qui les distillent; une centaine d'arbres isolés ça et là et que rien n'abrite contre le souffle du Nord. Tels sont ici les dons du ciel sur un terrain de trois à quatre verstes en diamètre. L'art toujours émule de la nature, jaloux de la surpasser, se mit en frais pour embellir ces horreurs; mais il lui falloit de l'or; sans lui tout périt dans la planète terraquée des hommes.

СОФІЕВКА.

Если вы хотите получить справедливое понятие о томъ, что обыкновенно называют полями Елисейскими, земнымъ раемъ, придите въ Софіевку, и подивитесь въ ней гению Творческому. Тамъ природа и искусство, соединя всѣ силы свои, произвели превосходнѣйшее твореніе. Какое стройное согласіе въ чудномъ сліянніи ихъ взаимныхъ работъ! Величественная своею простотою Софіевка приводитъ въ забвеніе сады Арминны и Вавилонскіе; ни что не можетъ сравниться съ тѣмъ, что сдѣсь видишь; все плѣняетъ и приводитъ въ восторгъ. Не думайте, однако жъ, чтобы я хотѣлъ представить вамъ красоту вымышленную! Садъ сей есть одно изъ счастливыхъ и неперемѣнныхъ послѣдствій искусства человѣческаго, послѣдствій, кои не всегда закончивало и самое Провидѣніе, которое когда трудится, то не обращаетъ вниманія на чары роскоши и пышности.

Представьте себѣ рядъ горъ, опершихся на скалахъ ужасной величины и ими поддерживаемыхъ: громады камней, съ начала міра въ безпорядкѣ одинъ на другомъ лежащихъ, изъ которыхъ и самой меньшій безъ подрыва пороховъ не могъ бы быть ни разсѣченъ, ни съ мѣста сдвинутъ. Известно, что порохъ, когда направляетъ его искусный инженеръ, можетъ силою своею потрясти и самые верхи Олимпа; представьте еще нѣсколько источниковъ, льющихъ свѣтлыя воды свои въ разсѣлинахъ тѣхъ самыхъ утесовъ, изъ нѣдръ коихъ они выходятъ, и сотни разбросанныхъ деревъ, ни чѣмъ не защищаемыхъ отъ дуновеній Сѣвера. Таковы были здѣсь дары Неба, на пространствѣ трехъ, или четырехъ, верстъ. Искусство, всегдашній соперникъ природы, ревнуя превзойти ее, взялось сдѣлать прекрасными самые ея ужасы. Но что искусство безъ денегъ? Безъ нихъ все гибнетъ на земноводной людской планетѣ.

Arrive un millionnaire, Grand de Pologne Pototzky. Un coup d'oeil juste le séduit et l'anime; une pluie d'or inonde ce roc aride et stérile, et bientôt la nature fatiguée d'un aussi long repos, tourmentée de produire, offre à la vue la végétation la plus belle et la plus rapide. Tout s'élance, se meut et se colore. Après quinze années d'un travail opiniâtre et dur, le propriétaire enfin lui même ne s'y retrouve plus; étonné dans son paradis, il ne sait si le Tout-puissant s'est donné la peine de débrouiller un nouveau cahos dans ses domaines, ou si las de créer l'Architecte du monde a arraché un morceau de son dôme azuré pour le lancer dans son jardin.

C'est là, que j'aurois désiré un Thomson, un Virgile, un Delille pour en éterniser une image fidèle. Essayons de vous en tracer quelques traits principaux. Prenez un fil pour ne pas vous y perdre et suivez-moi dans ce jardin plus magique cent fois, que celui des Hespérides.

À peine entré, qu'une Cascade vous frappe et vous étonne; elle est magnifique. Un torrent, dont on ne voit ni ne devine la source, s'élance avec la rapidité des éclairs du haut d'un roc sourcilleux, couvre d'écume comme de neige, un granit escarpé. Dans ses sinuosités admirables l'art a découpé des échelons tors, aigus, angulaires. Chaque gradin produit mille nouveaux jets d'eau. La vague se brise à tout moment, mugit et vient enfin crever à vos pieds; dès lors plus tranquille elle forme un lac transparent; vous voyez dans l'onde un tas de petits poissons, qui serpentent, se jouent aux rayons du soleil, sautent par dessus votre badine sans crainte et sans défiance, sûrs que vous n'en saurez attraper un seul. Au milieu de ce fluide condensé, une belle corbeille de porphyre, remplie de fleurs odoriférantes embaume l'air autour de vous des parfums les plus suaves. Un peu plus loin du sein d'une pierre gauchement enfoncée

Является Потоцкій, владѣлецъ миллионъ, вельможа Польши. Первый взглядъ здѣсь его одушевляетъ. Золотый дождь упадаетъ на каменные безплодные горы, и природа, утомленная продолжительнымъ бездѣйствіемъ, мучимая производить, открываетъ взору прекрасное и самое быстрое прозлбненіе. Все прорастаетъ, движется и получаетъ цвѣтъ. Послѣ пятнадцати лѣтъ непрерывной и трудной работы, владѣлецъ самъ наконецъ не узнаетъ болѣе сихъ мѣстъ. Удивляясь въ своемъ раѣ, онъ думаетъ: не взялъ ли Всемогущій на себя трудъ привести въ стройность хаосъ его владѣній, или Зпждатель міра, переставъ творить, отторгнувъ клочекъ небеснаго жилища и бросилъ его среди сада.

Сюда желалъ бы я привести Томсона, Виргилія, Делиля, чтобъ увѣковѣчить изображеніе Софиевки. Постараюсь обрисовать хотя главныя только черты ея. Возьмите нить, чтобъ не заблудиться, и слѣдуйте за мною въ этомъ саду, сто разъ болѣе волшебномъ, нежели Гесперидской.

Едва вошли, какъ взоръ вашъ пораженъ каскадомъ. Что ея величественнѣе? Потокъ, котораго источника нельзя ни видѣть, ни угадать, съ быстротою молніи низвергается съ верху высокой скалы и покрываетъ пѣною, какъ снѣгомъ, утесистой гранитъ. Въ его удивительныхъ крутизнахъ искусство высѣкло излучины, углы и повороты. На каждомъ уступѣ вода получаетъ тысячу новыхъ отпрысковъ; волна дробится ежевзглядно, шумитъ, реветъ и падаетъ у ногъ вашихъ. Здѣсь тише, тише, она образуетъ прозрачное озеро; въ немъ видите вы множество маленькихъ рыбъ; онѣ плаваютъ туда и сюда, ныряютъ на солнцѣ, прыгаютъ на поверхность безъ страха и безъ опасенія, зная, что вы ни одной изъ нихъ не тронете. Посреди сей затвердѣлой влаги, прекрасная порфирная корзина, наполненная душистыми цвѣтами, окуриваетъ вокругъ васъ воздухъ пріятнѣйшими благовоіями. Нѣсколько далѣе изъ камня съ лѣ-

dans le lit d'un étang et qu'on voudroit en arracher, une autre fontaine fait jaillir son eau à quatre ou cinq toises de hauteur et arrose un gazon frais qui borde son enceinte.

Osez escalader ce roc, arrêtez—vous sur un pont, vous y verrez la chute de la première cascade, roulant ses eaux du plus loin qu'on puisse en apercevoir, la source prenant à chaque échelon de la montagne un nouvel essort. Ombragé à droite et à gauche par des saules pleureurs, qui semblent à l'envie vouloir se baigner dans son onde, elle semble être prête à submerger la galerie du pont qui vous soutient; mais bientôt comme si elle avoit craint de vous jeter une rosée indiscreète, elle va se cacher sous la digue, blanchit, travaille et enfante un nouveau torrent, qui fait culbute dans le bassin, auprès duquel vous admiriez un moment avant sa chute inconcevable. Un seul coup d'oeil embrasse à la fois toutes ces variétés pittoresques. Qui n'en seroit enthousiasmé? On verroit cette cascade avec le plus grand plaisir, même après s'être extasié sur la chute du Rhin à Schaf-haüse.

Avançons! vous voilà dans un caveau, dont la voute est masquée de verdure; l'issue n'en est pas à comprendre, le bruit, des vagues dans cette profonde obscurité vous fait pressentir le voisinage d'un moulin. Quelle est votre surprise, quand vous entrez dans un temple, dont le dôme soutenu par quatre colonnes de granit, tout d'une pièce, vous offre le plus doux asyle! Chacun vous voit, personne ne peut pénétrer jusqu'à vous, au dessus du temple une nouvelle cascade fidèle à la loi de la gravité et cherchant à tomber quelque part, vient devant vous dérouler son rideau; vous croyez voir une gaze transparente; point du tout c'est de l'eau; elle seule garantit le sanctuaire des grâces et vous met à l'abri d'un abord indiscret; la mobilité continuelle de ce store ondoyant, les draperies variées à chaque clin d'oeil,

вои стороны нескладно вдавшася въ прудъ, и который хотѣлось бы оттуда вырвать, бьетъ фонтанъ на четыре или на пять сажень вверхъ и орошаетъ сѣбѣй дуть, его осыняющій.

Вы все смотрѣли съ низу, отважьтесь теперь взойти на черепъ самаго утеса, и остановитесь на мосту, вы откроете тамъ начало перваго водопада; вамъ не видно ключей его, они быють гораздо далѣе, и по крутизнѣ покатой горы получаютъ на каждомъ переломѣ новое усиліе. Съ обѣихъ сторонъ осыняють его плакучія ветлы, которыя на перерывѣ другъ передъ другомъ хотятъ, кажется, погрузиться въ волнахъ его. Они готовы уже затопить перилы, вѣсь охраняющія; но вдругъ, какъ будто боясь омочить вѣсь своими брызгами, вода скрывается подъ плотину, клубится и прорывавшись составляетъ новыи потокъ, низвергающійся съ бассейна, подлѣ котораго за минуту предъ этимъ вы удивлялись сильному той же воды стремленію. Одинъ взоръ вдругъ обнимаетъ всѣ эти живописныя прелесть. Кто бы отказалъ имъ въ своемъ восхищеніи? На такое зрѣлище природы съ величайшимъ удовольствіемъ взглянули бы и тѣ, которые въ восторгѣ впадали паденіе Рейна при Шафгаузенѣ.

Далѣе! вы вдругъ въ темной пещерѣ, которой сводъ заровненъ зеленью. То, что ожидаетъ васъ при выходѣ, непостижимо: шумъ волнъ, которой слышите вы среди этого глубокаго мрака, не иного чего заставляеть васъ ожидать, какъ приближенія къ плотинѣ; но сколь велико ваше удивленіе, когда, вмѣсто того, входите вы въ храмъ, котораго верхъ, поддерживаемый четырьмя гранитными колоннами, высѣченными изъ одного камня, открываетъ вамъ пріятнѣйшее уединеніе. Всякой можетъ тутъ васъ видѣть, но никто къ вамъ проникнуть; надъ куполомъ новая каскада, слѣдуя законамъ тяготѣнія и стремясь куда ни будь упасть, развиваетъ предъ вами свой завѣсъ; вы думаете видѣть дымку—совсѣмъ нѣтъ; это вода: она одна охраняетъ это святилище Граціи и удалить отъ васъ приступъ пестрымъ

le murmure des flots, et cet élan rapide, qui aidé par les reflets du soleil donne à chaque goutte d'eau l'éclat du crystal ou du diamant; toute cette magie vous étonne et vous éblouit au point, que vous vous croyez transporté au troisième ciel. Quel réduit pour la volupté!

Vous n'êtes pas plutôt dehors, que vous perdez la trace, l'indice le plus léger de cet enchantement: vous voilà sur un sol uni émaillé des dons de Flore. Avancez, nouveau spectacle! dans un rocher de grosseur énorme ou la poudre à canon a du faire sentir toute sa force, on a pratiqué une grotte auguste et sombre. Cette masse de pierres, qu'à la voix de l'Eternel quelque athlète d'un bras nerveux aura lancé en tout sens, joints et resserrés par les siècles, ne fait plus qu'un seul bloc, dont le volume vous épouvante. Tous les meubles y sont excavés dans la pierre. Admirez dans le coin cette source d'eau vive, qui scintille par quatre ou cinq crevasses et vous désaltère en profusion. La nature n'en a pas été avare. Tout ce creux a été excavé dans le roc vif. Une caverne aussi menaçante repose sur une seule colonne elle est taillée d'une pierre; Hercule est venu la poser, sans doute c'est Atlas, qui soutient le monde et se courbe sous sa sphère. Vos yeux rencontrent plus d'un reposoir dessus, dessous, dans le rocher; je me suis assis moi même sur des banquettes, dont les pavillons ont été si artistement suspendus et l'illusion si frappante, qu'en vérité on a quelque raison de craindre en s'asseyant dessous, que quelque fragment de caillou ne se détache du rocher et ne vienne vous écraser dans la minute. C'est d'ici qu'une Radcliff épouvantée la première au clair de la lune, auroit donné au monde mille nouveaux sujets de terreur.

Allons plus loin sur la côte. Une chaloupe élégante et commode vous invite à vous promener par eau. Nous al-

lons. Безпрестанное движеніе водяного стора, перемѣняющійся каждый мигъ видъ его, шумъ потока и тотъ быстрый порывъ, который, вмѣстѣ съ отраженіемъ солнечныхъ лучей въ каждой каплѣ, производить блескъ кристалла или діаманта, всѣ эти очарованія изумляютъ васъ столько, что вы мните себя восхищенными до третьяго неба. Какое удовольствіе для сладострастія!

Вышедъ отсюда, тропинка, служившая для васъ проводникомъ къ этому волшебному мѣсту, исчезаетъ: вы видите себя на открытомъ луку, украшенномъ дарами флоры. Подойдите сюда, новое зрѣлище! въ преогромной горѣ, гдѣ пороховъ, конечно, далъ почувствовать всю свою силу, выдѣлать гротъ величественный и мрачный. Эта громада камня, которую по гласу Вѣчнаго какой ни будь атлетъ могучею своею рукою повергъ на землю, гдѣ вѣки еще болѣе связали и укрѣпили ее, образуетъ одну скалу, поражающую величиною своею. Всѣ украшенія въ гротѣ нарѣзаны на томъ же камнѣ. Не чудно ли видѣть, какъ въ этомъ углу рѣзвый источникъ воды пробивается, сквозь пять, или шесть, рашелинъ; онъ съ избыткомъ можетъ утолить вашу жажду, природа была здѣсь не скупа. Вся эта пустота, взрытая въ каменной твердинѣ, и столь ужасная пещера, держится на одномъ столпѣ, тѣмъ же кремнемъ округленномъ. Геркулесъ, никто больше, его тутъ поставилъ: это атлантъ, поддерживающій міръ и изнемогающій подъ его бременемъ. Между тѣмъ взоръ вашъ находитъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько прилавокъ. Я самъ сядилъ на вѣнчикъ, надъ коими навѣсы столь искусно опущены и обвороженіе здѣсь такъ сильно, что по истинѣ имѣешь причину бояться, не оторвался бы камень отъ горы и не расшибъ бы тебя въ одну минуту. Здѣсь, здѣсь какая ну будь Радклиффъ первая при свѣтѣ луны, испытывъ ужасъ почти, доставила бы свѣту тысячу новыхъ предметовъ страха.

Сверните въ сторону. Красивая и покойная шлюбка ждетъ васъ для прогулки по водѣ, на стеклянной ея поверх-

lons dans la plage et cotoyons d'abord une isle déserte; deux avenues de peupliers superbes en dessinent le contour; au milieu c'est un petit monument, il vous rappelle le tombeau du citoyen de Genève! Qui peut lui refuser son tribut? Sa mémoire vous arrache un soupir, et deux trois larmes; puis votre pensée se livre toute entière à ses méditations mélancoliques; vous cherchez la trace d'un doux souvenir, seule ressource habituelle et triste d'un cœur, qui a joui, qui malgré soi palpite encore sous sa frêle enveloppe et s'accroche à l'illusion du sentiment. Soudain vous entendez du bruit; les rameurs quittent leurs rames; cela vous rend à vous même; la barque au gré du courant se jette avec vous dans un souterrain de cent toises de longueur recouvert de gazon. On n'y voit goutte, on se sent seulement bercé sur un corps fluide; sa fraîcheur à midi aide à la respiration. Vous ne savez, où vous allez, mais vous en avez déjà assez ou pour démentir le prestige du danger et pour voguer sans crainte. Non, nous ne descendons pas dans les Enfers. Quelques lucarnes pratiquées d'en haut jettent un rayon de lumière dans cet aqueduc ténébreux pour servir de fanal au pilote. Quel moment pour l'amour chaste et discret! A l'aide de cette lueur pâle vous parvenez à une écluse, entrant dedans, deux portes cochères se ferment sur vous; tout à coup le canal disparaît; on fait jouer les machines hydrauliques, qui remplissent le bassin d'eau; les flots soulevant la nacelle, elle monte et petit à petit se trouve au niveau du terrain. Vous en sortez tout émerveillé et vous vous promenez un peu sur une superbe pelouse, qui aboutit à un grand lac; ici ce n'est plus une chaloupe, c'est un bâtiment plus sûr et plus grand, qui est à votre service. Grand mât, mât de misaine, cordages, voiles, ancres, on n'a rien négligé pour rendre l'illusion d'un vaisseau complete; imitons Vespuce, cherchons un nouveau monde. Vous verrez le grand réservoir, qui fournit l'eau à toutes ces fontaines et cascades, dont vous avez admiré le jeu, c'est là, que vous prenez la nature sur le fait, que se développe à vos yeux le grand secret

ности. Мы плывемъ мимо пустаго острова, два ряда прекрасныхъ тополей замыкаютъ окружность береговъ его, въ срединѣ небольшою памятникъ: онъ напоминаетъ вамъ гробницу гражданина Женевскаго. Кто откажетъ въ дани ему должной? память его вырвала вздохъ; за нимъ у васъ катятся слезы; мысль ваша предается вполне печальной своей думѣ. Вы ищете стези пріятныхъ воспоминаній: единственное и обыкновенное прибѣжище уязвленнаго сердца, которое нѣкогда наслаждалось, которое противъ волнъ своей трепещетъ еще подъ брэнною своею оболочкою и прилбляется къ обольщенію чувства! Вдругъ слышеть шумъ: гребцы бросаютъ весла; это приводитъ васъ въ себя. Шлюбка по теченію воды несетъ васъ въ подземной проводъ сажень во сто длинны и сверху закрытый лугами; въ немъ ни чего не видно, чувствуешь только, что зыблешься на влажной стихіи, которой прохлада въ полдень способствуетъ дыханію. Вы не знаете, гдѣ вы, но доволно уже видѣли, чтобъ не подозрѣвать тутъ ни какой опасности и плыть безъ боязни. Нѣтъ, мы не въ царство тѣней опускаемся; нѣсколько отверстій, сдѣланныхъ въ сводѣ, бросаютъ блѣдныя лучи свѣта въ этотъ мрачный водоводъ, чтобъ служить маякомъ для кормщика. О какая минута для любви скромной и непорочной! При этомъ слабomъ озареніи вы достигаете шлюзъ; тутъ двое воротъ тихо опускаются. Приводятся въ движеніе машины, которыя наполняютъ бассейны водою. Волны поднимаютъ лодку мало по малу выше, и она становится наровнѣ съ землею. Вы выходите изъ нея въ изумленіи, и прогуливаетесь нѣсколько на прекрасномъ лугу, который ведетъ къ озеру. Здѣсь не лодка уже, но строеніе, гораздо ея большее и безопаснѣйшее для васъ, готово. Мачты, снасти, парусы, якоря, ни что не забыто, чтобъ обмануть васъ картиной корабля. Переймемъ у Веспущія, станемъ искать новаго міра. Вы увидите большое водохранилище, доставляющее воду для всѣхъ фонтановъ и каскада, которыхъ игрѣ вы удивлялись. Здѣсь-то находите вы натуру въ ея работѣ; глазамъ вашимъ открываются всѣ чудотворенія искусства

de l'art et le système hydraulique au moyen duquel, dès le commencement de l'année, l'eau s'accumule dans des citernes, et donne au jardin son superflu nécessaire. La digue et les pompes sont ici tout ce qu'on connoît de plus achevé dans ce genre d'ouvrage. Mais nous avons assez vogue; abordons, il en est tems.

Entrons dans cette allée oblique, jonchée de fleurs à droite et enrichie à gauche de toutes les plantes exotiques, dont vous avez jamais lu la nomenclature. Quel mélange d'odeurs suaves et délicieuses! Quel air on y respire. Je vous amène à un banc de pierre, où il faut enfin vous asseoir. Vous voyez devant vous un bloc de granit, qui après 7 mille ans d'existence passive se prête au ciseau d'un artiste habile; et pour vous être utile, prend la forme d'une table; l'hospitalité toujours aimable la combla des trésors de Pomone; vous savourez des fruits exquis. Accoudé sur une colonne de marbre, vous flottez encore, d'idée dans cette série de toutes sortes d'extases, dont votre ame fut émue pendant la promenade et dont elle n'a pu suivre les gradations infinies. Un doux murmure à côté de vous éveille et vous fait apercevoir dans un bassin de porphyre un courant d'eau limpide; jamais vous n'en avez bu et n'en boirez d'aussi fraîche. Egale dans sa chute et son mouvement elle tombe d'un robinet comme une glace de miroir et remplit son assiette. Un bel arbre à perruque s'incline au dessus d'elle et fait voute; il semble, que la nature l'a placé là exprès afin qu'ébranlée par un doux zéphir son feuillage rosé éloigne de là tout insecte vénéneux ou les moucheron, si incommodes dans les climats chauds. Ici vous vous délecterez, vous faites vos libations au dieu du plaisir. Fixez encore cette source bienfaisante; la fontaine de Vaucluse n'est pas plus belle; celle de Salgire en Crimée n'est pas plus pure.

и опытъ системы гидравлической, посредствомъ которой сначала весны вода собирается въ водоемъ и доставляетъ саду необходимое ея излишество. Плотины и насосы здѣсь суть совершеннѣйшія произведенія въ искусствѣ сего рода. Но довольно плавать; пристанемъ; пора.

Войдемъ теперь въ эту косвенную дорогу, съ обѣихъ сторонъ пестрящую цвѣтами и обогащенную чужеземными растеніями, какихъ только названія вамъ извѣстны. Какое смѣшеніе пріятнѣйшихъ ароматовъ! Какой воздухъ для дышанія! Мы доходимъ до каменной скамьи, гдѣ наконецъ надобно присѣсть. Тутъ неподвижный гранитъ, который, послѣ семи тысячъ лѣтъ ни чѣмъ невозмущаемаго бытія, покорился рѣзцу искусцаго художника, и чтобы быть вамъ полезнымъ, принятъ въ видъ стола. Гостепріимство, всегда любезное, обременило его сокровищами Помоны, и вы наслаждаетесь прекраснѣйшими плодами. Опершись на мраморную колонну, вы переходите мысленно всю связь многообразныхъ восторговъ, которыми душа ваша была тронута во время прогулки и которыхъ за безчисленными измѣненіями едва могла она слѣдовать. Тихое журчаніе расъ пробуждаетъ; его производятъ паденіе воды въ порфировой бассейнъ. Никогда не пили вы и никогда не будете пить столь свѣжей. Ровна въ своемъ движеніи, она упала кажется въ зеркальнаго стекла и протомъ поднимаетъ свою зажавъ. Прекраснѣйшее дерево церкоть освѣщаетъ ее и дѣлаетъ изъ листьевъ своихъ сводъ. Кажется, что природа нарочно здѣсь его возростила, чтобы розовыя и пурпурныя его вѣтви, колеблемыя вѣяніемъ Зефира, отгоняли отсюда всѣхъ ядовитыхъ насекомыхъ и столь безпокойныхъ въ жарномъ климатѣ. Здѣсь вы утоляете жажду свою, здѣсь совершаете дѣланіе въ жертву богу удовольствій. Остановитесь еще на минуту у вѣтъ водъ благотворныхъ. Право, протокъ Петровъ въ Фоксѣ не прекраснѣе, и не свѣтлѣе источниковъ Салгирѣ на полуостровѣ Крымскомъ.

Quittons pourtant puisqu'il le faut, la vie de ces lieux enchanteurs, produit d'une féerie sans exemple. Agenouillons nous devant le père des hommes et rendons grace à la Nature, qui a bien voulu nous donner ici le plus merveilleux spectacle. Heureux celui, dont le sort conduit ici les pas.

Voilà Sopheika! j'ai tâché de vous en décrire la mille millième partie peut être; suppléez y par votre imagination: vous n'avez pas à craindre d'excès; on ne sauroit exagérer, en traçant le portrait de ce jardin; moi, qui l'ai vu je sens toutes les défauts de mon tableau. Mais tous les chants du vieux et du nouveau monde y seroient en défaut. Je ne vous parle plus de cette quantité prodigieuse de colonnes, statues, cariatides, vases et monuments symboliques, que le luxe a répandu par ci par là dans ce jardin. Celui, qui parmi ces derniers doit le plus arrêter votre attention, c'est une colonne à moitié brisée; elle base sur trois gradins de granit ombragée de deux jeunes tilleuls, qu'on a soin de ne pas laisser croître jusqu'à maturité d'âge et adossée à une muraille de gazon. Elle rappelloit au propriétaire un souvenir douloureux. Polotzky dépouillé de son faste ordinaire venoit pleurer ici la perte de deux jeunes enfans. Quel endroit touchant! j'ai cru y voir aussi absorbé dans mes rêveries les ombres de Marie et d'Hélène, douce illusion d'un coeur ulcéré de sa perte! Eugénie du haut du ciel ajoutoit au tableau qu'inventoit mon idée

Il faut, qu'avant de partir vous aperceviez encore un léger filet d'eau; ce n'est qu'un puits creusé sous une voûte de pierre molle, on peut s'asseoir vis-à-vis sur une couchette dont le marbre, par une élasticité surnaturelle, semble avoir gardé l'empreinte incrustée du coude de quelque voyageur fatigué, qui étoit venu s'y reposer. Effet étonnant de

Наконецъ должно оставить эту волшебную страну. Преклонимъ колѣна предъ отцемъ земнородныхъ и дадимъ хвалу природѣ, приготовившей здѣсь зрѣлище толяко чудесное. Счастливы тѣ, чье стопы судьба сюда направить!

Вотъ Софійка! Я описалъ вамъ, можетъ быть, только тысячную часть ея. Дополните прочее вашимъ изображеніемъ, не опасаясь вдаться въ крайности. Изображая красоты ея, нельзя сказать ни чего лишняго. Я, который видѣлъ этотъ садъ, глядя на свою картину, я лучше прочихъ чувствую недостатки моей вѣсти; но ни одинъ бы изъ пѣвцовъ древняго и новаго міра не избѣжалъ ихъ. Не говорю уже ни о множествѣ пирамидъ, статуй, каріатидъ, вазъ и таинственныхъ памятниковъ, которые роскошь разбросала по всему саду. Между симъ послѣднимъ болѣе всего должна привлекать ваше вниманіе не додѣланная колонна: она приклонена къ дерновой стѣнѣ; основаніемъ ей служатъ три дикаго камня уступа. Осылаемый двумя молодыми лианами, которые съ умыслу не даютъ достигнуть полнаго ихъ возраста, обещаніе сей служить владѣльцу горестнымъ напоминаніемъ. Потоцкій, освобождаясь отъ пышности, его вездѣ окружавшей, приходилъ сюда грустить о потерѣ двухъ юныхъ дѣтей своихъ. Какое трогательное мѣсто! Погрузившись тутъ въ глубокую задумчивость, и я самъ, какъ мнѣ казалось, видѣлъ тѣни Маріи и Елены; сладостное обольщеніе сердца, потерю свою сокрушеннаго! Видѣ Евгений, улыбающійся съ высоты небесъ, умножалъ угрюмость моего воображенія.

Прежде нежели выйдете отсюда, я васъ остановлю у небольшого ключа воды: это не что иное, какъ колодезь, покрытый сводомъ изъ мягкаго камня; въ соотвѣстіе ему на мраморной скамьѣ сверхъестественною какою-то силою сохранился отпечатокъ руки одного странника, пришедшаго сюда отдохнуть; локоть его какъ будто вдав-

l'art, dont la recherche a été si ingénieuse! c'est ici, qu'on se rappelle de Pythagore et qu'on veut s'écrier avec lui: Quoi! tout est sensible.

Encore un mot, il est indispensable; ne vous attendez pas à trouver dans ce jardin des buchers artificiels, kiosques, pagodes, chaumières et toutes ces frêles masures, dont on charge les palais de nos grands seigneurs et qu'un luxe mal entendu, pour mieux éblouir le vulgaire, qui ne veut qu'un éclat mequin recouvre de clinquant, coquilles, vitrages et tant de misères semblables. Non, tout ici a été travaillé dans le grand genre; le créateur a versé de l'eau et jeté par terre des pierres énormes; la nature et le tems en ont façonné des montagnes. L'artiste après, mais bien tard est venu y poser ses chefs d'oeuvre. Ce n'est que marbre, granit et porphyre; tout y résiste au tems et au climat; rien n'est fragile et ne craint la vicissitude des saisons.

Pototzky, fils aîné du bonheur, enfant gâté de la fortune fut heureux d'en jouir. Je le suis davantage si mon récit vous a plu.

лень въ мраморъ. Удивительное дѣйствіе искусства и уточеннаго его вымысла, глядя на это вспомнишь Пинегора и вмѣстѣ съ нимъ скажешь: «Такъ! Все имѣетъ чувство.»

Еще одно слово: оно необходимо. Прямѣйте, что вы не нашли въ этомъ саду искусственныхъ стоговъ сѣна, костровъ, Китайскихъ и Индѣйскихъ домиковъ, хижинъ, поддѣльныхъ развалинъ, которыми наполнены сады нашихъ вельможъ и которые обманчивая роскошь, чтобъ лучше ослѣпить чернь, ищущую одного только пустаго блеска, украшаетъ мыширою, ракушками, стеклами и подобными бездѣлками. Нѣтъ, здѣсь все прямо великолѣпно. Творецъ пролилъ воду на землю, и бросилъ въ нее страшные камни; природа и время составили изъ нихъ горы; Послѣ, гораздо послѣ, пришелъ художникъ и разставилъ свои работы. Всюду здѣсь гранитъ, порфиръ и мраморъ; все въ состояніи противиться погодѣ и прихотямъ климата, все твердо и не боится переменъ времени года.

Потоцкій, старшій сынъ фортуны, любящее счастье, блаженъ былъ здѣсь въ своихъ наслажденіяхъ: но я ему не позавидую, естли мое описаніе вамъ понравилось.

Г Л А В А IX.

Отъѣздъ изъ Умани. Продолженіе пути.

29-го числа Іюля мы поѣхали изъ Умани; на силу добились лошадей: почту держать Евреи и по наряду возить не ототники; у нихъ ни шлей, ни хомутовъ, збруя негодная и все рвется. Ихъ надобно вездѣ остерегаться на пути, и на мѣстѣ у нихъ свой вѣсъ, мѣра и счетъ; они въ то употребляютъ остроту ума своего, чтобъ обмануть: не вѣрьте имъ ни въ чемъ!

Возвращаясь въ Звенигородку, мы обѣдали на томъ же мѣстѣ, гдѣ и прежде, т. е., въ Тальной, но послѣ Уманскихъ са-

довъ здѣшніе каменные угосы намъ уже не такъ прелестны казались. Въ Звенигородку мы довольно рано пріѣхали, и опять пристали у нашего балагура. Онъ увѣдомилъ насъ, что тутъ расположенъ новоформирующійся Уланскій полкъ изъ Татаръ, котораго я ни въ сборѣ, ни порознь, не видалъ. Городъ намъ показался сегодня въ самомъ торжественномъ видѣ: вездѣ иллюминація; подумать можно было, что у всякаго хозяина радостный пиръ; что жъ? Это шабашъ: Жиды имѣютъ привычку въ своихъ корчмахъ съ навечерія Субботы все заготавливать къ завтраму такъ, чтобъ можно было уже ни руками, ни ногами не дѣйствовать, сидѣть, лѣниться и славить день Субботній, въ ожиданіи котораго вездѣ зажгутъ пронасть свѣчъ; свѣтъ въ комнатахъ превеликой, а хозяинъ лежитъ и ни за что не принимается.

Переночевавши въ этомъ мѣстечкѣ, мы поторопились ѣхать далѣе, имѣя въ предметѣ деревню сестры моей, куда намъ хотѣлось пріѣхать на ночлегъ. Дорога наша лежала на Ольшанку.* отъ Звенигородки 26-ть верстъ. Горъ много, однако ѣхали изрядно. Это селеніе большое. Оно принадлежитъ В. В. Енг. Тутъ господской домъ, двѣ богатыя мельницы и для Жидовъ построенно, по обѣ стороны широкой улицы, множество домовъ; они еще пусты, но со временемъ, конечно, и здѣсь этотъ досужій и хитрый народъ расторгнется. Здѣсь намъ показалось рано обѣдать, и мы въ 12 часовъ поѣхали въ Корсунь. Какъ прекрасно воздержаніе наше было наказано! До Корсуни 32 версты: долго ли бы до ѣхать? Но лошадей намъ въ Ольшанкѣ впрягли тощихъ: горы стали увеличиваться, и цѣпь ихъ далѣе сдѣлалась почти непрерывной; послѣ полдень усилился жаръ; лошади везли насъ по пескамъ шагомъ, а иногда вовсе становились, и я, для облегченія ихъ, версты по двѣ мѣстами шелъ пѣшкомъ.

Непріятные походы! Тутъ между многими забавными воспоминаніями, пришелъ мнѣ на мысль проектъ, однимъ пожилымъ градодержателемъ сочиненный, подъ названіемъ: «Объ учрежденіи конной почты по образу пѣшаго хожденія.» Я этотъ проектъ

* Ольшана. О. Б.

испытывалъ на самомъ дѣлѣ. Если и позволяется иногда сказать правду и не совѣмъ льстивую, то можно ли обвинить того путешественника, который сѣтуетъ и роищеть, когда, заплатя за подорожную пошлины впередъ, заплатя за лошадей всѣ прогоны впередъ, принужденъ ити пѣшкомъ, по тому что лошади стали, и думать, не смотря на то, что онъ по почтѣ ѣдетъ? Мы 32 версты ѣхали 6 часовъ, и пріѣхали обѣдать въ Корсунъ въ 7 часу по полудни. Жаръ насъ истомилъ, а голодъ выучилъ впередъ быть умнѣй и обѣда не откладывать.

По всему этому тракту виды прекраснѣйшіе, но они меня не веселили, по тому что я спѣшилъ къ сестрѣ, а почта, которая шла тише пѣшехода и, признаюсь, голодъ, все вмѣстѣ наносило мнѣ большую досаду.

Корсунъ—мѣстечко, принадлежащее Князю Лопухину: онъ имѣетъ тутъ славный винокуренный заводъ, и селеніе большое, однако ни путнаго почлега, ни припасовъ свѣстныхъ хорошихъ отыскать не можно. Евреевъ пропасть, да гдѣ ихъ нѣтъ? Камня дикаго громады. Патура та же, что и въ Умани, но, дѣйствуя здѣсь одна, не произвела Софіевки. На большой дорогѣ черезъ рѣку, задержанную вездѣ въ потокѣ своимъ камнями, воздвигнуть широкій и прекрасный мостъ, но не помѣщикъ его строилъ: онъ имѣетъ только участіе въ общей складкѣ, которую для него собирали со всего Уѣзда.

Исправникъ здѣшній, будучи знакомъ зятю, уже дожидался насъ здѣсь, чтобъ указать къ нимъ дорогу. Онъ съ нами отобѣдалъ на скорую руку, и мы, въ слѣдъ за нимъ, отправились. Онъ считалъ отсюда до ихъ деревни 45 верстъ; мы очень скоро ѣхали, дорога началась ровнѣе, но сколько я самъ себя ни дѣлалъ насилій, не могъ до нея добраться. Скоро постигли насъ сумерки и сама ночь; темнота ея отъ тучъ еще сдѣлалась ужаснѣе; молнія разсѣкала облака и гулъ отдаленнаго грома беспокоилъ сердце. Хотя мѣсяцъ изъ за тучъ иногда и показывалъ бѣлый зракъ свой, но что въ его свѣтѣ, когда отражаемые имъ предметы непріятны? Поля, пустыня, неизвѣстность разстоянія, проселочная дорога, на которую мы еще засвѣтло съ большой своротили, все это дѣйствовало на наши чувства.

Я зачалъ проситься на почлегъ, какъ малое дитя послѣ школы рѣзвиться, но гдѣ пристать? Жить другихъ нѣтъ, кромѣ Жидовскихъ сараевъ, въ которыхъ гаду и свѣтъ много, а покою ни какого. Наконецъ въ 6 верстахъ отъ сестры увидѣли мы деревню. Какое счастье! Она принадлежала Госпожѣ Турчаниновой, матери той самой, у которой мы гостили въ Одессѣ. Благодарность требовала отъ насъ, чтобъ мы къ ней заѣхали, а желаніе поскорѣй быть подъ крышкой, представило намъ эту обязанность въ самомъ большемъ видѣ, и мы рѣшились тутъ остановиться.

ГЛАВА LXI.

Пріѣздъ и пребываніе мое у зятя.

Съ какой радостью на завтра моего пріѣзда къ Госпожѣ Турчаниновой увидѣлъ я въ своей комнатѣ Бедрина, стараго прикащика отца моего, который, бывъ отданъ сестрѣ моей при ея замужствѣ, пріѣхалъ отъ нея поздравить насъ съ пріѣздомъ въ ихъ край и привелъ лошадей насъ довести до зятинной деревни. Старый слуга нашего дома, посѣдѣвшій отъ лѣтъ и всякихъ трудовъ, поклонился мнѣ, по старинному, до земли, ударилъ въ полъ челомъ и прочелъ длинную свою поздравительную проповѣдь. Я вспомнилъ, глядя на него, мое ребячество, забылъ неравенство состояній и обнялъ ветхаго служителя родительской моей семьи. Съ нимъ, къ умноженію моей радости, получилъ я и письма изъ Москвы. Тамъ адресовали ихъ сюда, зная, что я въ эту пору уже буду около сихъ мѣстъ. Все соединилось къ моему удовольствію. Содержаніе писемъ было сходно съ моимъ желаніемъ, всѣ у меня были здоровы: чего больше!

Но какъ согласить нетерпѣливость видѣться съ сестрой съ благопристойностію противъ хозяйки дома. Госпожа Турчанинова, воротясь домой, просила насъ у нея отобѣдать. Совѣстно было отказать послѣ всѣхъ одолженій, сдѣланныхъ намъ ея любезною дочерью въ Одессѣ; съ другой стороны и неприятно было

въ 6 верстахъ остановиться и показать такую безнечность на счетъ свиданія. Сестра и зять не могли по зву хозяйки нашей къ ней прїѣхать, по тому что, узнавъ о нашемъ прїѣздѣ отъ Исправника, назвали всѣхъ своихъ сосѣдей къ себѣ въ тотъ же день для насъ въ гости. Надобно было пожертвовать прїязню благодарности, и мы остались обѣдать дома, и угощены были со всею ласковостію старинныхъ людей: чинѣ чиновъ больше, а прїязни ни чего!

Помѣстье Госпожи Турчаниновой прекрасно. Она имѣетъ домъ порядной величины и на хорошемъ мѣстѣ; видъ изъ ея саду прїятенъ: отсюда разглядѣть уже можно дачи зятя моего и его мельницы. Здѣсь церковь и маленькія ярмарки бывають, а гдѣ ярмарки, тамъ и Жидовъ какъ мухъ.

Отобѣдавши, поспѣшили мы къ сестрѣ, а хозяйка наша насъ туда же проводила. На границѣ ихъ земель встрѣтилъ насъ племянникъ мой съ няней своей—милой ребенокъ! Онъ на силу держалъ превеликой хлѣбъ съ солью, и поднесъ намъ, сказавши: «Я обыватель здѣшній.» Мы взяли его къ себѣ въ коляску, посадили на колѣни. Жаръ былъ нестерпимый. Дитя не умѣлъ понять, что около его дѣлается; все было для него ново: въ три года отъ роду что не удивляетъ человѣка! Отѣхали съ версту еще, и родные мои уже прижимали меня къ своему сердцу. Слезы, смѣхъ, радость, все смѣшалось, и ни кто не умѣлъ разобрать ни чувствъ своихъ, ни мыслей. Всѣ мы бѣгали, суетились, вопросъ за вопросомъ; намъ въ одну минуту хотѣлось другъ другу все то рассказать, что мы, нѣсколько лѣтъ не выдавшись, видѣли, слышали, испытали. Какое множество происшествій разныхъ мы вспомнили и опять постарались спрятать подалѣе въ памяти: сколько потерь и вознагражденій! Сестра обнимала жену мою, я зятя, и мы долго не могли прїйти въ себя; между тѣмъ, какъ Миша уже спокойно, принявшись за свою игрушку, спускалъ волчка и говорилъ нянѣ: «Посмотри!» Сосѣди зятнины занимались нашими путешественниками и ознакомливались съ ними, а мнѣ было не до нихъ.

Войдя въ гостинную и увидя въ ней портреты моего отца, матери, первой жены, всѣхъ родныхъ моихъ, я не буду изъ-

яснять, что я почувствовалъ: это выше всякаго выраженія. Я въ чужой сторонѣ, за тысячу слишкомъ верстъ отъ своей, находилъ домъ свой и свою родину. Черты людей, вѣчно въ памяти моей поселившіяся, мнѣ представляли тѣ же покои, въ коихъ я живу обыкновенно дома, тѣ же тутъ видѣлъ лица и, казалось, живую на нихъ видѣлъ улыбку. Такъ! пріятно обольщаться и думать, что разлучившіеся съ нами по закону естества, не разлучны по закону любви и по связи животной въ природѣ. О! безподобное искусство живописи! Этѣми живыми впечатлѣніями, этою сущностью восторговъ нашихъ, даже и по смерти тѣхъ, кои намъ были милы, мы обязаны тебѣ, тебѣ единственно; ты питаешь нашу меланхолію и даешь чувство вещамъ неодушевленнымъ.

Я прожилъ здѣсь въ деревнѣ у зятя * отъ 1-го Августа до 5-го числа, и провелъ все это время въ неограниченной свободѣ

* О немъ вотъ что сказано сочинителемъ сего путешествія въ его «Каниціи моего сердца.» — 20 Февраля. Василій Лаврентьевичъ Селецкій, зять мой родной, мужъ сестры моей, человекъ, обязавшій меня чрезвычайно много. Благороднѣйшій его поступокъ, который дѣлаетъ честь его характеру, состоятъ въ томъ, что онъ, полюбивъ сестру мою уже въ лѣтахъ, но не имѣя возможности на ней жениться, по тому что не былъ раздѣленъ съ матерью своей и не могъ доставить ей участи независимой, вдругъ скрылся изъ Москвы въ свою родину, Малороссію, и тамъ прожилъ лѣтъ двѣнадцать, не давалъ о себѣ ни какой вѣсти. Съ той же скоростностию, съ какой оставилъ онъ напѣ домъ, написалъ изъ Чернигова сестрѣ моей письмо, которымъ увѣдомляя, что онъ получилъ свое имѣніе, умножилъ его и можетъ доставить ей спокойное состояніе, возобновилъ исканіе руки ея. Сестрѣ было почти сорокъ лѣтъ: раздулся прежній огонь. Онъ пріѣхалъ немедленно въ Москву, женился на ней и повезъ въ свой край. Мы тамъ у нихъ были, видѣли ихъ житье, и сестра совершенно счастлива. Рѣдкой примѣръ вѣрности и благородства. Потомъ, какъ мать моя скончалась и я обязанъ былъ, по выданной сестрѣ родной, выдѣлать ей часть изъ имѣнія, Селецкой, отъ лица жены своей, поступилъ съ оной въ пользу дочерей моихъ, и, взявъ съ меня векселя, передалъ право полученія денегъ по онымъ тѣмъ дочерямъ моимъ. Какой родной и другъ вынѣшняго образованія поступитъ столь вѣжно и благодарно? Я до гроба не забуду сихъ его одолженій, коими болѣе обязанъ правиламъ его, нежели родству, и по тому-то онъ и превосходенъ въ глазахъ моихъ; ибо здѣсь побудительной причиной былъ не случай, не пристрастіе, по пословицѣ старинной: «Свой своему по неволѣ другъ,» а характеръ, готовый на все благородное, возвышенное и доброе. Въ сіе число (20-го Февраля) родила сестра сына. Онъ одинъ у нихъ и есть. Дай Богъ, чтобы онъ былъ имъ въ радость! В. Л. Селецкій умеръ 1831 года. О. Б.

и утраженіяхъ прямо пріятныхъ для сердца. Здѣсь я вставалъ и ложился спать, когда хотѣлъ, бѣгалъ, читалъ, писалъ, рѣзалъ, и все по произволу, безъ роскоши и безъ принужденія; какъ Царь въ своемъ дворцѣ, я приготовлялъ себѣ забавы; здѣсь я писалъ мою Софіевку, и заочно еще вослищался ея райскими прелестями; здѣсь я ко всѣмъ моимъ роднымъ писалъ о себѣ, о нашемъ путешествіи, бесѣдовалъ съ друзьями и занимался уже заранее тою радостью, которую они, увидѣвши меня, почувствуютъ; или, оставя перо, бумагу, забывъ и умъ и сердце, машинально съ Мишей * кубари каталъ и смѣялся съ нимъ въ зарюски, когда волчекъ засвищетъ.

Временемъ мы ѣзжали по сосѣдямъ ихъ, а по вечерамъ, сидя дома, говаривали о всякой старинкѣ: тотъ свое вспомнить, другой свое. Подъ кровомъ чистаго неба, въ ясную погоду, на лавкѣ у воротъ дома, иногда любовались на хороводы, иногда на возвращать съ поля тучныхъ овецъ и коровъ: все въ полѣ лѣтомъ занимательно, все прекрасно. День великъ, а не увидишь, какъ пройдетъ въ обществѣ пріятномъ и непринужденномъ.

Въ первый день пріѣзда нашего зять мой велѣлъ попарить у себя въ погребѣ, и такимъ прекраснымъ подпоилъ насъ Венгерскимъ, что я на силу нашелъ дверь къ себѣ въ спальню. Скажемъ къ извину сего семейственнаго пиршества, виѣсть съ хорошимъ переводчикомъ затѣйливой Французской пѣсенки:

Вина употребленье
Самъ Богъ не запретилъ,
Зримъ Его въ томъ изволенъ,
Что вино сладко сотворилъ.

* Михаилъ Васильевичъ Селецкій, единственный сынъ Василія Лаврентьевича, въ послѣдствіи служилъ въ Полтавѣ, и, будучи Надворнымъ Совѣтникомъ и Вице-Губернаторомъ, между прочимъ, съ 14-го Октября, 1843 года, исправлялъ должность Полтавскаго Гражданскаго Губернатора послѣ Д. С. С. Александра Егоровича Аверкіева, до Юня 1843 года, когда былъ назначенъ въ

ГЛАВА LXII.

Мѣстоположеніе. Сосѣдство. Здѣшнее хозяйство.

Деревня Селецкихъ называется Ковали. Церкви здѣсь нѣтъ, ярмарокъ также, а по тому и Жида не такъ часто бродятъ. Приходъ ихъ въ 4 верстахъ отсюда. Зять отстроиваетъ большой и прекрасный домъ, однако со всякимъ хозяйствомъ и умѣренностію. Мы застали его отдѣланнымъ въ чернѣ: но они жили, и мы съ ними вмѣстѣ расположились, въ старомъ низенькомъ домицкѣ, весьма помѣстительнымъ для ихъ семейства: комнаты не высоки, но теплы, крышка соломенная.

Мѣстоположеніе прекрасное Садъ разбитъ въ ущелинахъ и оврагахъ; горъ пропасть, и я, какъ въпрь, прыгалъ поминутно съ холма на другой. Со временемъ здѣсь красоть будетъ много, и тѣ, кои любятъ, что называется *pittoresque*, найдутъ въ прогулкахъ своихъ большое удовольствіе.

Зять—искусный хлѣбопашецъ; у него не одинъ садъ въ предметѣ: онъ мастеръ обрабатывать поля свои; объѣзжая ихъ вмѣстѣ съ нимъ, я дивился его дѣятельности и предусмотрѣнію; ни одно зерно не пропадаетъ: все обдуманно, сбережено, приказано; за то какія огромныя у него скирды хлѣба поставлены! Какъ весело смотрѣть на этѣ кучи богатыхъ сноповъ, которые сама натура золотомъ покрыла! Зимой все это обратится въ горѣлки; горѣлка даетъ деньги, а на деньги, когда ихъ много, покупай, что изволишь!

Селецкій имѣетъ около 500 душъ, кои даютъ ему до 20 тысячъ дохода посредствомъ винокуренія: отнимите эту вѣтвь промышленности (говоря по модѣ) у здѣшнихъ обывателей, они обнищаютъ и не получаютъ ни чего, по тому что съ хлѣбомъ некуда будетъ дѣваться: здѣшніе шинки многихъ обогатили.

Губернаторы Д. С. С. Николай Ильичъ Оздобининъ. Теперь Михаилъ Васильевичъ въ отставкѣ Д. С. С. и живетъ въ своемъ помѣстьѣ, Коваляхъ. О. Б.

Когда этотъ край былъ присоединенъ къ Россіи, то Князь Понятовскій, имѣвшій здѣсь до 40 тысячъ душъ, знатную часть владѣній своихъ распродалъ. Многіе послѣшили покупать здѣшнія земли, населенныя Холмами, которыми вся эта страна наполнена, по тому что она отъ самой древности составляла одну область съ Малороссіей и отнюдь не болѣе принадлежала Польшѣ, нежели намъ. Тогда душа продавалась по 80 и 70 руб., а нынѣ ни кто не возмаетъ и по 250 руб.; ибо узнали, какъ они доходны и какъ велику пользу приносятъ. Безъ труда же, извѣстно, что нигдѣ нѣтъ ни чего.

По многимъ селеніямъ ярмарки, т. е., торговые съѣзды ежедневно, хлѣба у всякаго помѣщика пропасть, мельницы прекрасныя; Жида развѣзжаютъ съ товарами, продаютъ, мѣняють, обманываютъ; вездѣ ихъ встрѣтишь, такъ какъ въ нашей Россіи разнощиковъ, кои на возахъ по деревнямъ развозятъ всячину.

Деревень правильныхъ и вытянутыхъ въ улицу здѣсь не найдешь; всякой строится, какъ вздумалъ. Усадьбы у крестьянъ обширны. Они по большой части въ оврагахъ и строятся при подошвахъ горъ. Лѣсу у обывателей немного, однако на нужду есть. Рѣкъ проточныхъ мало, но ключей и родниковъ вездѣ много; помѣщики поднимаютъ плотины и роютъ пруды.

Хохолъ по природѣ, кажется, сотворенъ на то, чтобъ пахать землю, потѣть, горѣть на солнцѣ и весь свой вѣкъ жить съ бронзовымъ лицомъ. Лучи солнца его смуглятъ до того, что онъ свѣтится, какъ лакомъ покрытъ, и весь черепъ его изъ желта позеленѣетъ; однако онъ о такомъ поработченномъ состояніи не тужитъ: онъ не умѣетъ понять ни чего лучше. * Я съ ними говорилъ. Онъ знаетъ плугъ, вола, скирдъ, горѣлку, и вотъ весь его лексиконъ. Если бы гдѣ Хохолъ пожаловался на свое состояніе, то тамъ надобно искать причину его негодованія въ какой либо жестокости хозяина, по тому что онъ охотно сноситъ вся-

* Естественно, въ томъ незавидномъ положеніи, въ какомъ находился. О. Б.

кую судьбу и всякой трудъ, только нужно его погонять безпрестанно; ибо онъ очень лѣнивъ: на одной минутѣ пять разъ и вошь и онъ заснуетъ и проснется; такъ, по крайней мѣрѣ, я замѣтилъ его въ моихъ наблюденіяхъ, и, смѣю думать, что если бы весь этотъ народъ не былъ обязанъ помѣщикамъ добронравнымъ за нихъ къ себѣ добротѣ и уваженіе къ человѣчеству, то бы Хохла трудно было отдѣлить отъ Негра во всѣхъ отношеніяхъ: одинъ прѣдетъ около сахару, другой около хлѣба. Дай Богъ здорovia и тѣмъ и другимъ!

Г Л А В А LXIII.

Каневъ. Монастырь.

Зитъ возилъ меня, за 9 верстъ отъ деревни, смотрѣть мѣстечко, называемое Каневъ. Мы много горъ переѣхали, и очутились въ близи Днѣпра, который тѣшитъ своими излучинами. Говоря согласно съ тамошними преданіями, я скажу вотъ что. Нѣкогда, и очень, очень давно, была тутъ складка всѣхъ Азіятскихъ товаровъ, кои отсюда развозились въ Польшу, Молдавію, Украину, Малую и Великую Россію. Нынѣ Каневъ только безуѣздный городокъ и принадлежитъ къ Богуславскому Уѣзду. Населенъ Жидами и Хохлами: есть нѣсколько и Шляхты, но мало. Во времена Польши тутъ было Староство, въ которомъ считалось отъ 12 до 14 тысячъ душъ.*

* Каневъ, при рѣкѣ Каневкѣ, впадающей въ Днѣпръ, упоминается уже въ XI-мъ столѣтіи; онъ одинъ изъ крайнихъ Русскихъ городовъ на югъ Кіева и Переяслава по Днѣпру, и по тому былъ не разъ мѣстомъ сѣзда Русскихъ Князей съ Половцами по разнымъ дѣламъ. Въ 1239 г. онъ былъ взятъ Батыемъ, и съ тѣхъ поръ сдѣлался было пребываніемъ Татарскихъ Баскаковъ, управлявшихъ оттуда окрестною стражою. Во время Польскаго владѣнія онъ составлялъ Староство, изъ Старостъ коего въ послѣднее время выдается въ особенности Николай-Василій Потоцкій, извѣстный въ Заднѣпровьѣ своими забубенными пожеженіями. О. Б.

Самаго городка я не видалъ, а ѣздилъ смотрѣть близъ лежащаго кlostера или монастыря, который заслуживаетъ, по древности своей, особенное любопытство. Въ немъ старая церковь деревянная, а новую выстроили изъ кирпича, и уже освященіе ея при насъ назначено было къ 1-му Октября; думаю, что совершилось. Обѣ этѣ церкви, разумѣется, Уніятскаго Исповѣданія. * Во всякомъ храмѣ по два и по три престола на всѣ стороны безъ разбора. Въ деревянномъ иконостасѣ былъ отдѣланъ по нашему, а въ каменномъ не было еще ни какого внутренняго убранства. Первоначально церковь эта основана тутъ въ 1145 году, и тогда поставленъ былъ въ ней престолъ Греческій; въ послѣдствіи времени, когда Поляки восхитили и присвоили себѣ всю по обѣ стороны Днѣпра Малороссію, храмъ этотъ превращенъ въ Уніятской.

До того времени правилъ монастыремъ симъ Архимандритъ Макарій, котораго нынѣ церковь наша чтитъ святымъ Чудотворцемъ Переяславскимъ, гдѣ и мощи его почиваютъ. Наконецъ храмъ сей со 160 лѣтъ былъ пустъ и забытъ; нынѣ возобновленъ тщаніемъ, и усердіемъ одного Русскаго Дворянина Г. Казаринова, который женился на Полячкѣ и здѣсь сдѣлался помѣщикомъ. Въ обители 6 монаховъ Базиліанскаго (Св. Василія) Ордена, т. е., Уніаты. Одинъ изъ нихъ ожидалъ себѣ скоро посвященія по ихъ въ Опаты (Аббаты), по нашему въ Архимандриты. Уже и Указъ объ немъ въ наше время полученъ былъ.

На церкви фронтонъ съ слѣдующею подписью: «Богу въ Святой Троицѣ Единому, Справедливому. Твоя отъ твоихъ Тебѣ приношу 1810.» Простое выраженіе благодарной твари предъ своимъ Создателемъ.

Монахи здѣсь не тунеядцы и лѣнтяги: они обучаютъ разнымъ языкамъ юношество и получаютъ за то жалованье. При костелѣ

* А прежде были Православнаго. Въ этомъ монастырѣ похороненъ славный Малороссійскій Гетьманъ, Иванъ Серпяга, въ народѣ извѣстный подъ именемъ Подковы, измѣнически убитый 1578 года въ Львовѣ. Въ Каневъ тѣло его привезъ товарищъ и другъ его, Гетьманъ Жяхъ (или Шахъ), который ту же и постригся черезъ годъ въ монахи. Дорога, по которой везли мертвого

выстроенъ каменный большой домъ, въ которомъ учреждены школы. Поляки отдають сюда дѣтей своихъ учиться разнымъ наукамъ; это заведеніе подобно Академіи. Оно подѣ главнымъ вѣдомствомъ Министерства Просвѣщенія и Католичкаго Духовнаго Правленія, а на мѣстѣ управляетъ въ подробности Митрополитъ Уніятскій. Я не утаю примѣчанія, общаго между помѣщиками Русскими, что Поляки дѣтей своихъ не учатъ по Русски и, кажется, будто мѣстона начальники на это смотрятъ очень равнодушно. Мы ни кого изъ школьниковъ не видали: время было вакантно; всѣ по домамъ, а Настоятель на ту пору отлучился отъ монастыря въ городъ Каневъ. По правамъ Польскимъ, туда пріѣзжалъ въ этотъ день Повѣтовый Богуславскій Судъ учреждать конкурсъ надъ имѣніемъ одного Жида, объявившаго себя банкротомъ; а какъ онъ долженъ былъ и монастырю, то Архимандритъ выѣзжалъ въ Судъ защищать свое право; ибо и черноризцы хотятъ жить, а для этого потребны деньги.

Мѣстоположеніе монастыря прекрасно: когда монахи селятся на худыхъ мѣстахъ? Вездѣ лучшія усадьбы подѣ ними, отдадимъ имъ эту сираведливость. Обитель на горѣ, въ низу ея, въ небольшомъ разстояніи, видѣнъ Днѣпръ, и я, глядя на его быстрыя

Серпягу до Канева, называлась долгое время Серпяжинымъ шляхомъ (трактомъ). О смерти этого Гетьмана упоминають двѣ Малороссійскія думы:

1-ая:

«Охъ и сила, сила, сила, силу подогѣла,
Серпягови да у Львовѣ сподѣлась могила.»

2-ая:

«Ой зъ города изъ Пѣлавы выгѣжали Козаки,
Усѣхъ було три таборы, да всѣ три однаки.»

Въ послѣдней поется также:

«А въ городѣ у Каневѣ да й заголосили,
Що Серпягу у могилу тихо положили!»

См. Украинскія народныя пѣсни, изд. М. А. Максимовичемъ. Москва, 1834, стр. 78—80. А о походѣ Серпяги по Черному морю см. Думу въ Сборникѣ Украинскихъ пѣсень, изд. тоже М. А. Максимовичемъ. Кіевъ, 1849, стр. 27—30. О. Б.

струи, мечталъ о Кіевѣ, о томъ препрославленномъ градѣ въ лѣтописяхъ нашихъ, куда стремились нетерпѣливо мой духъ и мысли.

Дачи въ окрестности сихъ мѣстъ вездѣ пріятны; я ѣздилъ съ зятемъ къ сосѣду его, тому самому Казаринову, который украшаетъ Каневскую церковь, былъ имъ обласканъ чрезвычайно, и видѣлъ всѣ его заведенія. Садъ попечительною рукой разведомъ и воспитанъ: какъ онъ лелѣетъ каждое дерево! Какія возвышенныя тополы, какія стройныя раины осѣняютъ не богатый, но со вкусомъ прибранный, его домикъ! Онъ въ немъ живетъ просто, безъ чиновъ, гостямъ радъ безъ принужденія. Мы у него посидѣли часа съ два. Хлѣбопашество его въ цвѣтущемъ состояніи. Онъ богатъ, по тому что кажется доволенъ, и у него можно найти маленькой отгѣнокъ патріархальныхъ нравовъ.

Жена его изъ Полячекъ, барыня скромная, вѣжливая и любезная: ихъ ни что не раздѣляетъ, кромѣ Вѣры; все у нихъ за одно, но церкви разныя. Она Уніятка, а онъ—нашъ братъ Католикъ Греческаго Исповѣданія. Любя свою подругу, онъ для нея выстроилъ при домѣ маленькую Католицкую церковь: въ ней отправляется служба по Польски, а книги церковныя тѣ же, что и наши, да и на нашемъ языкѣ. Сколько я ни всматривался въ Унію, находилъ въ ней ядро Папистовъ подъ скорлупою Греко-Восточной Церкви. Я ни какой смѣси не терплю: она хороша въ одной поварнѣ, а въ нравственности, найтче же въ Религіи, Химія никуда не годится. Но что до этого? У Казаринова много пріятнаго и хорошаго; онъ добрый и ласковый панъ; такъ и спасибо ему, что полюбилъ насъ!

У зятя я находилъ себя ближе къ своему дому, ко своимъ пенатамъ; онъ окруженъ добрыми сосѣдями, и со всѣми ими меня ознакомилъ; ласки ихъ меня трогали, искренность привлекала: какъ не любить того, что любезно? Сверхъ того, сестра, живучи здѣсь постояннымъ образомъ, установила ходъ переписки своей съ нашими общими домашними и, получая отъ нихъ порядочно каждую недѣлю извѣстія, снабжала меня ими; и такъ я отвыкъ отъ ангишодовъ и чувствовалъ, что приближаюсь по маленьку къ тому краю, гдѣ Богъ велѣлъ мнѣ родиться и первые лучи солнца увидѣть.

ГЛАВА LXIV.

Банъ у зятя, прощанье и отъѣздъ.

4 Августа зять мой бываетъ именинникъ: достаточная причина для роскоши и мотовства; нашъ пріѣздъ увеличивалъ праздникъ; и такъ явились сюда всѣ сосѣди Польскіе, Малороссійскіе, Русскіе, привезли съ собой женъ и дѣтей: собраніе сдѣлалось большое; съ утра до вечера день прошелъ въ пляскѣ и удовольствіи. Сперва, какъ водится за обѣдами, хозяйка зачала пить здоровье гостей, а гости хозяйское. Вино развязываетъ языки и у самыхъ скромныхъ: пошли поговорки. На мою долю пришлось бокаловъ съ 10: отказъ не пріемлется. Какъ скоро сказано: «Въ ренцѣ!» надо бѣжать къ сигналу, брать бокалъ въ руки и осушивать его до дна. Поляки, не знаю, всѣ и вездѣ ли, но крайней мѣрѣ, здѣшніе, выпивъ чѣмъ будь здоровье, вызывали того, кому хотѣли передать рюмку, говоря: «Въ ренцѣ, панъ» такой-то! Слово «въ ренцѣ» значитъ въ руки, слѣдовательно, вызванный на этотъ прекрасный поединокъ гость бѣжитъ къ тому, который пьетъ, и за нимъ дѣлаетъ тоже. «Въ ренцѣ» чаще всѣхъ словъ было у нихъ слышно. Замѣтить еще надобно, что Поляки иначе не называютъ другъ друга, какъ «панъ», прибавляя его чинъ, или званіе, на пр.: панъ Хорунжій, или панъ Подкоморій, и такъ далѣе.*

Выпивши здоровье всѣхъ тетусекъ, матусекъ и бабушекъ, всѣ между собой застучали рюмками, не пустыми, однако, и кричали въ одинъ голосъ: «Виваты! Кохаймось!» Это уже крайнее выраженіе согласія и любви. Всѣ стаканы чокъ, чокъ! а гости чмокъ, чмокъ! и радость во всѣ чувства полилась рѣкой. Славное Венгерское вино, какого, кромѣ Польши, нѣтъ нигдѣ, цѣльное, безъ обмана, вскружило всѣ умы, и въ честь Бахусу часть большая зятиннаго погреба осушилась. Простительно въ праздничный день, въ хорошей семьѣ, въ пріятной бесѣдѣ, забыть мѣру

* Съ Итальянскаго обычая. О Б..

въ наслажденіяхъ. У пьяныхъ, какъ и у трезвыхъ, своя логика, умствованіе и вкусъ. Послѣ стола я говорилъ сосѣду:

По чести, можетъ ли что быть
Хмѣльныхъ пріятнѣ напитковъ?
Не надо золота мнѣ слитковъ,
Когда могу такой я пить.

Что думалъ тогда, то теперь написалъ: «In vino veritas.»

Молодымъ дѣвушкамъ хотѣлось поплясать: ихъ было довольно, молодцовъ также, а музыка готова. Начался балъ, и панъ Подкоморій въ Польскомъ своемъ платьѣ, подпоясанъ богатымъ кушакомъ, открылъ его своимъ отечественнымъ танцомъ. Что можетъ быть прелестнѣе для глазъ въ искусствѣ Терпсихоры, какъ Польской, когда его водить Полякъ? Какіе изгибы во всѣхъ мускулахъ, какой изворотъ въ ходьбѣ, какъ онъ рисуетъ путь свой, какъ прекрасно водить даму; на всякомъ переломѣ новое паденіе до ногъ; съ какою ловкостью Полякъ закидываетъ свои рукава назадъ, бросаетъ шапку подъ мышку и поглаживаетъ усы; какъ живъ у него взоръ, когда онъ танцуетъ: все его лице изъясняетъ его чувства! Нѣтъ ни чего любострастнѣе этого танца; но что можетъ быть усыпительнѣе его же, когда мы, по своему, по Русски, называя Польскимъ какой-то прескучный ходъ изъ угла въ уголъ по большой залѣ, шагаемъ просто, безъ снаровки съ музыкой, тащимъ дѣвушку, которая бѣжитъ во весь духъ, или дремлетъ, если передняя пара остановилась: тутъ нѣтъ ни какого выраженія, мертво. Я вспомню при этомъ шутку одного моего пріятеля, который, танцуя паръ въ сорокъ предлинный Польскій въ клубѣ и съ трудомъ продираясь сквозь кучу людей, говорилъ мнѣ: «Nous allons à la terre promise, мы шествуемъ въ обѣтованную землю.»

Послѣ пана Подкоморія и панъ Совѣтникъ Казариновъ отдернулъ Польской. Потомъ начались Мазурка, Краковякъ и прочія Польскія же пляски. Какъ мило отличались проворствомъ, искусствомъ и прелестями многія здѣшнія барышни! Какъ много давали чувствовать тоненькіе ихъ каблучки, когда они, избоченясь, ими постукивали! Межъ ими нашелъ я родину свою, Княжну Долгорукую:

она воспитывается у родной своей бабушки, Генеральши Бандеръ, которая изъ ближней своей деревни на это время пріѣхала къ сестрѣ и у нея погостила. Съ какимъ вниманіемъ и сердечнымъ удовольствіемъ она любовалась, глядя на свою внучку, а та обучалась иностраннымъ языкамъ съ прилежностью, мастерски говоритъ по Польски и вообще приготовлена воспитаніемъ своимъ къ счастію семейному. Веселый панъ Викуловскій, острая и пригожая пани Хорунжева, жена Хорунжаго, чувствовали безъ принужденія во всѣхъ нашихъ забавахъ. Всѣ играли, смѣялись, искали удовольствій, и находили его безъ хлопотъ и труда. Можно забыть мѣста, воды, прохладный источникъ, тѣнистый лѣсъ и всѣ красоты природы; но гдѣ тотъ смертный равнодушный, который забудетъ пріязнь, искренность, ласку? Нѣтъ, я васъ не забуду, удостоившіе меня вашей ласки, новые мои соотечичи: всѣ вы въ мысляхъ моихъ и теперь!

Однако на всякомъ сраженіи бываютъ раненые: какъ безъ того? И здѣсь кого запалилъ Бахусовъ огонь, тотъ простывалъ на мягкой перинѣ; а коихъ стрѣлы Венерины пронзили, тѣ вздыхали ходя, сидя и лежа. Бѣдный мой Алексѣй до того допрыгалъ мазурку, что не зналъ, куда дѣвать свое сердце: оно подымалось у него, какъ волны морскія, «Ахъ, папилька! Если бы вы знали, какъ мила монѣ Плезирушка!»—«Вѣрю, мой другъ: такіе припадки и меня схватывали часто. Умные люди считаютъ то время счастливымъ, когда отъ нихъ совсѣмъ выльчншься: что въ этомъ здоровѣе? Съ нимъ жизнь хуже смерти:

О юноша любезный!
Дней красныхъ не теряй;
Служи совѣтъ полезный—
И чувства разбирай!
Желать и наслаждаться,
Есть дѣйство естества;
Любить и восхищаться, —
Внушенье Божества.

Вотъ какъ мы проводили время у зятя, и отпраздновали его именины въ новомъ его домѣ, хотя и не совсѣмъ еще готовомъ; но лѣтомъ вездѣ крышка и покой. На завтра расположились

ѣхать къ Казаринову позавтракать, и отъ него въ путь. До Кіева намъ оставалось не съ большимъ 100 верстъ. Сестра и зять рѣшились и туда пріѣхать раздѣлить съ нами время; и такъ прощанья наше еще не рѣшительныя, и мы, отдохнувши отъ ищанья, разцѣловавши Мишу, поѣхали и хозяевъ съ собой увезли къ Казаринову.

ГЛАВА LXV.

Пиръ у Казаринова. Отъѣздъ и путь до Кіева.

Нашедши у Казаринова на завтра всю ту же компанію, которая была на канунѣ у зятя, нетрудно было догадаться, что мы тутъ пробудемъ весь день и ночуемъ. Немного для сего потребно было убѣжденія: два слова съ пріязнію, — и мы остались. Возобновились вечернія потѣха, хозяинъ не пощадилъ своего погреба; полилось Венгерское, и самое превосходное. Какъ отнаться отъ рюмки хорошаго вина? А вторая, третья и такъ далѣе, тѣ сами текутъ въ душу. Немножко головѣ накладно, но ума съ друзьями не надо, были бы искренни чувства; а вино такъ очищаетъ сердце, какъ бѣла облущить орѣхъ.

Мы пили, ѣли, играли, рѣзвились, и всѣ были молоды; хозяева люди добрые, зажиточные и не скупы. Еще прогостили день съ родными, отдохнули, и по утру рано, 6 числа, простясь со всѣми на долго, естли не навсегда, а съ родными еще только на недѣлю, скрылись отъ дальнихъ проводовъ, и на зятниныхъ лошадяхъ поѣхали въ Богуславъ обѣдать.

Лошади рабочія и на силу насъ туда довели: ѣхать скоро было нельзя, верстъ 40 слишкомъ, а дорога еще гориста и тяжела. Окрестности по пути хороши, много деревень разныхъ пановъ Польскихъ и вездѣ пропасть гусей: ни какой птицы такъ много не увидишь, и ни какихъ фруктовъ въ такомъ изобиліи не найдешь, какъ абрикосовъ; мы переставали даже находить вкусъ

въ нихъ. Вездѣ разныя хозяйственныя заведенія, огромныя скирды хлѣба, прекрасныя и очень частыя мельницы, также винокурни. Погоду мы имѣли сухую и самую жаркую.

Городъ Богуславъ* самъ по себѣ не заведенъ: онъ имѣетъ свой Уездъ; въ немъ есть и Городничій. Въ этотъ самый день, т. е., въ Преображеніе, тутъ бываетъ Ярмарка, но такъ какъ это былъ шабашъ, то Жида не торговали, и отъ того она была очень пуста. Подъѣзжая къ городу, спуститься надобно въ долину, которая обросла дубнякомъ и очень хороша положеніемъ своимъ и тѣнью.

На счетъ Жидовъ мнѣ къ стати помѣстить пресмышное приключеніе. Лошади наши имѣли худо; меня безпокоило нетерпѣнье доѣхать до мѣста. Увидѣвъ я у Жидовской корчмы лошадей, Жида выпрягли изъ нихъ повозки, пустили по луту, а сами сѣли на лавки, сложили руки и, какъ мертвые, недохнуть: шабашъ! Я къ нимъ подослалъ нанимать лошадей, чтобъ переменить своихъ, сидѣла оставалось до города ѡбжать 10 верстъ. Нитъ, Жида не согласился, самимъ надобно! «Да вѣдь, у васъ шабашъ, а къ завтраму ворожатся.» Ни подѣ какимъ видомъ. Желая посмотрѣть, что отъ нихъ будетъ, естли лошадей впрячь насильно, я послалъ ихъ переловить, опутать и привести. Жида все это видѣли. Стали ихъ выпрягать, — ни одинъ ни слова, какъ прикованы были къ лавкѣ. Мнѣ жалъ стало ихъ дурачества, и лошадей ихъ отпустилъ и дѣтащидой на своихъ. Вотъ каковъ шабашъ! Жида хотъ запади, онъ сгоритъ, и не тронется. Отъѣхавъ отъ Богуслава 30 верстъ съ небольшимъ, мы остановились ночевать въ имѣніи Графа Браницкаго; дорога сюда ровнѣе, горъ меньше, мѣстами степь, но корчмы Жидовскія олецы часто встроены. Винценговка — вотчина большая; о ней можно сказать, какъ о градѣ Ниневіи: «и скоти его мнози;» ибо стада огромныя, а оливокъ за червониръ не достанешь; не продадутъ и не отдадутъ. Прикащика не было дома, а жена его, женщина претрубая, надѣлала намъ много жество неучтивостей, и не только отказала въ порядочной вечер-

* Богуславъ, съ 8-го Декабря, 1796 года, Уездный городъ, на рѣкѣ Россѣ. О. Б.

тирѣ на своемъ дворѣ, гдѣ бы мы, не стѣсняя ее, могли помѣститься; даже была такъ невѣжлива, что не хотѣла дать ни какого свѣдѣнія о разстояніяхъ и окрестностяхъ этого мѣста: во все путешествіе не случилось намъ встрѣтить другой такой грубіянки; прямая Горгона, и видомъ и нравомъ. Я въ тотъ день, читая какую-то книжку въ коляскѣ, нашелъ два стиха Латинскіе, которые очень идутъ къ ней и къ ея сестрамъ, бѣшеннымъ бабамъ:

Aspidi quid pejus?—Tigris.

Quid tigride?—Demon.

Quid Demone?—Mulier.

Quid muliere?—Nihil.

Намъ хотѣлось съѣздить въ Бердичевъ, мѣсто въ адѣйшей сторонѣ знаменитое, по его ярмаркѣ, монастырю и торговлѣ: это Польскій Парижъ. Если молодой человѣкъ, окончивъ воспитаніе, не былъ въ Бердичевѣ, то онъ сто процентовъ въ большомъ свѣтѣ теряетъ. Узнавши, что туда 100 верстъ крюку и что, въ разсужденіи военнаго тракта, прогоны должно платить вдвое, я раздумалъ въ Бердичевѣ ѣхать: жалъ стало денегъ, а при томъ признаюсь, что очень спѣшилъ поскорѣй доѣхать до Кіева.

7 числа былъ Воскресный день. Какъ въ большомъ селеніи не быть большому храму и крупному благовѣсту? Я услышалъ звонъ и пошелъ къ обѣднѣ, но ея не было: иконостасъ весь выломанъ и дѣлается новой. Дьячекъ прочелъ Часы, а Попъ прочелъ на престолѣ Евангеліе того дня, вотъ и вся служба! Народу собралось много. Одинъ Хохолъ или Козакъ, вымѣнявши самую большую свѣчу, разсудилъ съ ней стоять во время службы. Одинъ съ такою тягостью, онъ былъ очень примѣтенъ въ толпѣ прочихъ смиренныхъ овецъ. Я хотѣлъ узнать отличности такой причину, спросилъ: «На что ты держишь такое бремя?»—«Такъ!» Мнѣ очень понравился этотъ резонъ. Я прежде его вышелъ изъ церкви, и не знаю, отдалъ ли онъ ее, или еще и теперь стоитъ съ нею въ церкви.

День былъ вѣтренъ, дорога безпокойна, въ 20 верстахъ мѣняли лошадей въ селеніи Проскуры; тутъ почтовый домъ дере-

ванный, обмазанъ; далѣе 20 верстъ селеніе Гребенки; * почтовый домъ по общему фасаду съ прочими Малороссійскими, каменный, выстроенъ отъ казны; здѣсь мы обѣдали, и еще проѣхавши 28 верстъ, увидѣли Васильковъ, и колебались, остаться тутъ, или нѣтъ; еще было рано; до Кіева отсюда только 33 версты; но устроили насъ пески; сверхъ того, мы не хотѣли пріѣхать туда ночью, чтобъ не потерять перваго взгляда издали на Лавру. Услужливый Жидъ держать тутъ хорошій трактиръ; онъ обольстилъ насъ своею уклончивостію, зазвалъ къ себѣ, и мы, хотя уже съ тонкими ѣхали на богомолье карманами, однако склонились одинъ вечеръ въ жизни подарить Василькову, и расположились тутъ на ночлегъ.

Васильковъ прежде былъ пограничный городъ. Тутъ учрежденъ былъ карантинъ и таможенная застава; теперь въ немъ стоялъ какой-то пѣхотный баталіонъ, который оживотворялъ нѣсколько сей запустѣвшій городокъ. Въ немъ есть по немногу каменнаго строенія. Онъ разбросанъ по холмамъ и долинамъ, издали видъ его хорошъ; дѣтъ церкви каменные, одна деревянная; я въ нихъ былъ: нѣтъ ни чего особенно примѣтельнаго. Соборъ на самой высокой точкѣ города, и отъ него видъ долу очень красивъ. За Васильковомъ, приближаясь къ Кіеву, мы опять въѣхали въ старую свою Россію и оставили бывшія за Польшею земли. **

Отъ Василькова до Кіева пески утомительны, на силу лошади насъ дотащили. Верстахъ въ 10 отъ города видна уже Лаврская колокольня, и я отъ радости затрепеталъ. Уже Богъ благословлялъ давнишнее мое намѣреніе, и я достигалъ главнаго предмета моего путешествія. Въѣхавши въ городъ, пустились, не заходя на квартиру, прямо въ Лавру: тамъ, изнуренныя трудомъ, молитвою и напастями, почивали кости почтенной прародительницы моей, схимонахини Нектарія. Сердце мое, приближась къ

* Гребенка. О. Б.

** Въ древности Василевъ, построенный Великимъ Княземъ Владиміромъ Святославичемъ; съ 1795 года Уѣздный городъ. О. Б.

мертвеннымъ ея остаткамъ, готово было выскочить; въ пыли, въ поту, въ слезахъ, я воздѣлъ руки къ небу, воздалъ хвалу Богу, палъ ницъ на гробъ, толико знаменитый въ родѣ нашемъ; онъ въ самыхъ вратахъ Лавры, накрытъ простой доскою безъ надписи: я угадалъ его по предчувствію, и вспомнилъ тутъ глаголь Іакова, пробудившагося отъ сна своего на пути въ Харранъ: «Страшно мѣсто сіе: нѣсть сіе, но домъ Божій, и сія врата небесная.» *

ГЛАВА LXVI.

О Княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой.

Гробъ схимонахини Нектаріи былъ главный предметъ моего путешествія и давнишняя цѣль моего желанія. Достигнувши его, начну тѣмъ, что сообщу публикѣ нѣкоторыя черты исторіи сей знаменитой Россіянки.

Родилась она 1714 года, Генваря 17 дня, и наречена при крещеніи Наталіей. Послѣ отца своего, Фельдмаршала Графа Бориса Петровича Шереметева, осталась она 4 лѣтъ, а послѣ матери 14, и сію эпоху она въ Запискахъ ** своихъ сама называетъ началомъ

* Быт. XXVIII, 17. О. Б.

** Записки ея первоначально напечатаны были въ журналѣ: «Друтъ юности», издававшемся Максимомъ Невзоровымъ, 1810 года, въ Генварской книжкѣ, стр. 8—69, за тѣмъ въ: «Сказаніяхъ о родѣ Князей Долгорукихъ», составленныхъ Княземъ Петромъ Владимировичемъ Долгорукимъ. Спб.. 1840, стр. 128—156, но не вполне и съ поновленіемъ слога; вполне же, по подлиннику, принадлежащему семейству покойнаго Князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго, правнука ея, а сына Князя Ивана Михайловича, изданы въ 1-мъ выпускѣ «Русскаго Архива» 1867 г., и отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Памятныя записки Княгини Натальи Борисовны Долгорукой;» рукопись въ 4-ку, на 48 листахъ, въ старинной, тисненой черной кожѣ; коегдѣ на листахъ, на одной сторонѣ рукописи, а на другой изображенія благочестиваго и иносказательнаго значенія, сдѣ-

вѣсть своихъ бѣдъ. Въ 1730 году, Апрѣля 5, вышла она замужъ за дѣда моего роднаго, Князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго. Кто читалъ Ростійскую Исторію, тотъ знаетъ, что онъ былъ ближайшій любимецъ Петра II-го. По кончинѣ сего перфіроноснаго покровителя всѣхъ Долгорукихъ, перемѣнились обстоятельства нашего рода. Императрица Анна искала крови: каждого изъ нашихъ; Биронъ гналъ все наше племя. Дѣдъ мой сосланъ; и Княгиня Наталья Борисовна поѣхала съ нимъ въ Сибирь, на третій день послѣ вѣнца. Тамъ, въ Березовѣ, за крѣпкой стражей, проживали они, со всѣми ихъ родными, 8 лѣтъ; нигуда, кромѣ церкви, ихъ не выпускали, да и Богу молились подъ карауломъ.

По прошествіи 8 лѣтъ, разлучили ее съ мужемъ, и вотъ какъ она сама о семъ изъясняется: «Отняли у меня жизнь мою, безпріятнаго моего милостиваго отца и мужа, съ кѣмъ я хотѣла свой вѣкъ окончить и въ тюрьмѣ ему была товарищъ; эта черная изба, въ которой я съ нимъ жила, казалась мнѣ веселѣе Царскихъ палатъ, но попущеніемъ Божиимъ, за грѣхи мои, ея лишилась.»

Въ 38 году дѣдъ мой заключенъ въ особый покровъ. Сіи опыты новыхъ мученій начались Апрѣля 10 дня; приставленъ удвоенный караулъ; не велѣно допускать къ нему жены. Любя его страстно, она изобрѣла одно средство видѣть его по одной минутѣ въ сутки тогда, какъ сама носила ему вѣсть; но и кушанье передавала ему не она, а часовой; такое страдательство продолжалось для нея до 4 Августа.

ланныя тушью; въ началѣ раскрашенное изображеніе Св. Великомученицы Варвары, а въ концѣ приписка сына Княгини, Князя Михайла Ивановича, сына Ивана Михайловича, слѣдующаго содержанія: «Получилъ сію книгу изъ Кіева, въ кончинѣ несчастной матери моей въ 1773 году, Января 17 дня, въ день ея рожденія.» Къ Запискамъ присоединено нѣсколько писемъ Княгини и эта статья объ ней внука ея, Князя Ивана Михайловича. Записки въ этомъ изданіи сопровождаемы многими подстрочными примѣчаніями. Кромѣ того, переводъ Записокъ изданъ по Французски Княземъ П. В. Долгорукимъ, въ Парижѣ, озаглавленъ такъ: «Souvenirs de la princesse Natalie Borisovna Dolgoroukow, née comtesse Schérémétew.» О. Б.

Прискакала гвардіи Капитанъ съ командой, разорвалъ двухъ супруговъ, не далъ имъ проститься и увезъ дѣда моего въ Новгородъ. Здѣсь опять дамъ говорить ей самой: «Я не знала, что его уже нѣтъ; пришла къ той комнатѣ, вижу, что караулъ сведенъ; я такъ снѣшно туда вошла, — его тутъ нѣтъ; мнѣ сказываютъ, что его, де, увезли. Что я дѣлала? Кричала, билась, волосы на себѣ драла. Кто ни попадетъ на встрѣчу, всѣмъ валялась въ ноги, прошу со слезами: «Помилуйте, когда вы Христіане: дайте только взглянуть на него и проститься!» Не было милосердаго человѣка, кто бы словомъ меня утѣшилъ, а только взяли меня и посадили въ темницѣ, и часового, примкнувши штыкъ, поставили.»

По разлукѣ съ мужемъ, оставшись въ Сибири съ двумя сыновьями, отцомъ моимъ и дядей, она тутъ жила еще годъ и 10 мѣсяцевъ. Какая мука для души нѣжной и чувствительной! Тогда мучить была система правленія. 1739 года, Ноября 8 дня, дѣдъ мой казненъ въ Новгородѣ, а въ 40 году, по повелѣнію кроткой Самодержицы, Елисаветы, бабка моя, съ малолѣтними сыновьями своими, изъ коихъ старшему, отцу моему, было 8 лѣтъ, вывезена изъ Сибири въ Россію Іюня 17 дня, а въ Москву пріѣхала Октября 17.

И здѣсь не въ радостяхъ текли дни ея: сперва странствовала по чужимъ домамъ, со слезами и всякимъ трудомъ воспитывала дѣтей своихъ, сносила нападки, тѣсноту, нужду и разныя домашнія нестроенія. Богатый Лазарь (такъ назову брата ея роднаго, Графа Петра Борисовича), не рѣдко допускалъ отца моего ходить безъ обуви у него въ домѣ и просить сапоговъ у глупаго его Библіотекаря, Воробьевскаго: да, такъ, это правда! На судѣ Божьемъ онъ истяжется съ нами, а здѣсь, по словамъ Царя Содомона: «Кто съ богатымъ поборется и на сильнаго вознесетъ глаголъ?»

Для тѣхъ, кои захотятъ осужденіе мое почестъ клеветой (ибо нѣтъ нечестиваго, который бы кому ни будь не сдѣлалъ иногда добра), для нихъ скажу два слова: Графъ Петръ Борисовичъ остался наслѣдникомъ 60 тысячъ душъ не одинъ: у него было два брата и нѣсколько сестръ, въ томъ числѣ и бабка моя, о коей рѣчь идетъ; она выдана послѣ отца братомъ; слѣдовательно, раз-

суждая о порядкѣ наслѣдства по настоящимъ временамъ, она имѣла право на 14 часть, которая составляла болѣе, нежели 500 душъ, ей братомъ почти Христа ради данныя изъ ругательства къ ея злосчастію; ибо, ѣхавши въ ссылку, она могла бы и тѣхъ не получить; подъ штыками въ Сибири апелляціи нѣтъ. Поворотимъ теперь въ другую сторону законъ наслѣдства и опредѣлимъ такъ. Все слѣдуетъ, по старымъ узаконеніямъ, старшему сыну, и тогда не Петръ Борисовъ, но Михайло, у котораго были малолѣтныя дѣти, пустившія потомъ свое племя, имѣлъ право на все родительское достояніе. И такъ ясно, что Графъ Петръ Борисовичъ отнялъ все у безсильнаго и сдѣлался могучъ на чужихъ развалинахъ. Но обратимся къ небесному существу, къ схимонаху Нектарію. Наконецъ Княгиня Наталья Борисовна, женивъ отца моего, въ 1758 году, въ Мартѣ, прибыла въ Кіевъ, а Сентября 27 постриглась и приняла имя Нектарія. Тутъ она посвятила всю себя Богу и въ уныніи взывала: «Кто дастъ главѣ моей воду и глазамъ моимъ слезы? Недостаетъ силъ ни плакать, ни вздыхать.» Но гдѣ уйдетъ челоуѣкъ отъ злоключеній? Бѣды въ горахъ, бѣды во градѣхъ, бѣды и въ пропастяхъ земныхъ. Въ 1767 году, Марта 18 дня, приняла схиму и въ умилении Христіанскомъ писала къ отцу моему: «Господь совершилъ всѣ мои намѣренія: сподобилась и схиму принять; теперь только осталось ожидать повелѣнія Господня, когда душѣ моей выйти изъ тѣла и стать предъ Судьей къ отвѣту.»

Но не у пріида чѣсъ кончины; еще житейскія бури волновали праведную ея душу: въ 1768 году, Генваря 30, лишилась она брата своего, Графа, Сергѣя Борисовича, о которомъ такъ изъясняется въ своей перепискѣ: «Скончался любезный мой братъ, отецъ и другъ, Графъ Сергѣй Борисовичъ.» Казалось, истощило небо всѣ свои удары. О! нѣтъ, еще остался одинъ, сильнѣйшій, и который отверзъ ей самой двери гроба. Скончался сынъ ея меньшій, Князь Дмитрій Ивановичъ: поврежденный умъ вселилъ его въ молодости сущей въ монастырь; тамъ, бывъ въ разныхъ трудахъ и послушаніяхъ, онъ долго хворалъ и не могъ ни чѣмъ исправить своего воображенія, умеръ наконецъ въ монашескомъ рубищѣ и погребенъ въ глазахъ матери своей, въ Лаврѣ. Что могло быть еще чувствительнѣе для нея сей послѣдней потери? Жизнь станови-

лась для нея тягостнѣйшимъ бременемъ; одна вѣчность могла представлять ей отрады. И въ самыхъ послѣднихъ дняхъ бытія своего Нектарія, испытавъ всѣ ужасы моровой язвы въ Кіевѣ, изливала кровью послѣднія свои жизненные силы. Наконецъ, судьба тихой смертью праведныхъ прекратила біеніе утомленнаго ея сердца и перенесла ее въ одно мгновеніе изъ ада въ рай.

Въ Запискахъ ея, предъ кончиной, какъ думать надобно, оставленныхъ, видно слѣдующее увѣщаніе: «Оставшіе по смерти моей, пролейте слезы, вспомня мою бѣдственную жизнь; всякаго Христіанина прошу сказать, вспомня меня: «Слава Богу, что окончалась ея жизнь; не льются уже токи слезъ и не вздыхаетъ сердце ея!» Я васъ Богу вручаю; онъ васъ наградитъ за всѣ ваши успокоенія въ моемъ странствіи и усугубитъ вамъ небесныхъ и земныхъ благъ. Отецъ мой милосердый помилуетъ и доведетъ меня къ тихому пристанищу.»

Такъ умирала, такъ умерла, схимонахиня Нектарія, вдова Князя Долгорукаго, дочь Графа Шереметева. По собственному ея изволенію, тѣло ея погребено при самомъ входѣ въ Кіево-Печерскую Лавру, рядомъ съ гробомъ сына ея, котораго потеря растворила всѣ ея раны душевныя. Надъ сими остатками положены были, наровнѣ съ чугуннымъ поломъ, двѣ чугунныя же плиты съ надписями; но какъ шествовалъ чрезъ Кіевъ Государь Павелъ въ чужіе края, тогдашній Митрополитъ Кіевской * разсудилъ приказать доски повернуть гладью вверхъ; причина этого не извѣстна. Съ тѣхъ поръ надгробныя доски такъ и остались; надписей не видно, всѣ черезъ нихъ ходятъ. ** И мнѣ, когда я подошелъ ко вратамъ собора, какое-то внутреннее предчувствіе сказало: «Падай! Это та, кого ты ищешь.»

* Гавріилъ Кременецкій. О. Б.

** Въ «Описаніи Кіевопечерской Лавры, Преосвященнаго Евгенія, Митрополита Кіевского, изданномъ въ Кіевѣ 1826 года,» въ «Прибавленіи,» на стр. 178 и 179, въ статьѣ: «Списокъ разныхъ надписей въ Кіевопечерской Лаврѣ, внутри Со-

Г Л А В А XXVII.

Общій взглядъ на Кіевъ.

Кіевъ поставленъ на горахъ: подъ ними течетъ быстрый Дибиръ и краситъ картину города. Нѣтъ ни чего пріятнѣе, какъ видъ изъ за рѣки отъ самыхъ Броварей; за 18 верстъ шплицъ колокольни Лаврской кинется вамъ въ глаза.

Мѣстоположеніе самой Лавры неподобно: ни чего я лучше не видывалъ. Владиміръ, какъ говорятъ многіе, маленькій рисунокъ Кіева: я на это согласенъ. Крѣпость и Печерскій монастырь стоятъ на срединѣ горы; тутъ земля, какъ будто уступая свято-

борной великой Успенской Церкви, и внѣ оной,» подъ № 25 и 26 сказано, именно № 25: «На преддверіи Великой Лаврской Успенской Соборной церкви, на двухъ чугунныхъ доскахъ, лежащихъ на землѣ одна подлѣ другой, вылиты слова съ надписью, на правой: «Подъ сей доской положено тѣло Княгини Наталіи Борисовны Долгоруковой, дочери Генералъ-Фельдмаршала, Графа Бориса Петровича Шереметьева, супруги Оберъ-Камергера Князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, которая родилась въ Лубнахъ въ 1714 году, Генваря 17 числа, въ супружество вступила въ 1730 году, Апрѣля 5, а овдовѣла въ 1739 году, Ноября 8 числа, постриглась въ монахини въ Кіево-Флоровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ 1758 году, Сентября 28, и наименована при постриженіи Неатарія, и въ томъ имени приняла схиму въ 1767 году, Марта 18 числа, и прожила честно и богоугодно по чину своему, скончалась въ 1771 году, Іюля 3 дня.» На второй: «На семъ мѣстѣ погребенъ тѣломъ Князь Димитрій Ивановичъ Долгоруковъ, внукъ Генералъ-Фельдмаршала, Графа Бориса Петровича Шереметьева, сынъ Генералъ-Аншефа, Князя Ивана Алексѣевича, родился 1738 года, мѣсяца Октября, служилъ Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскомъ полку отъ 1751 году по 1761 годъ, и за болѣзнію отставленъ съ рангомъ Армейскаго Поручика; 1763 года, Іюня 26, пріѣхалъ въ Кіевъ, имѣлъ желаніе постригтися въ монахи Кіевопечерской Лавры, имѣлъ жителство на пещерахъ Преподобнаго Θεодосія по 1767 годъ, Апрѣля 8 день, потомъ, по обѣщанію, жилъ въ Кіево-Николаевскомъ Пустынномъ монастырѣ по 1769 годъ, гдѣ и заболѣлъ Апрѣля 24 дня, на Свѣтлой Недѣлѣ, въ Четвертокъ, и, будучи въ болѣзни, шесть разъ причащался Святыхъ Таинъ и Елеемъ Святымъ Соборомъ помазанъ, и на исходъ души Канонъ читанъ, и Маія въ 26 день, во Вторникъ по полудни, въ 5 часу въ 50 минутъ, на каунѣ отдаѣи Свѣтлаго Христова Воскресенія, въ вечерній благовѣстъ, отъиде съ сего свѣта, и 29 погребенъ Архимандритомъ той же Лавры, Зосимою

сти мѣста, дала впадину; отъ монастыря внизъ до Дрѣпра тянется хребетъ горъ, и въ нихъ двѣ пещеры, ближняя и дальняя. При каждой есть каменный соборъ, и все это вмѣстѣ несказанно плѣняетъ взоръ.

Подъ всѣми этими горами, какъ будто изъ самаго Днѣпра, выходитъ пространный городокъ, наполненный монастырями, прекрасными зданіями, населенный множествомъ обитателей; тутъ рынки, торги, лавки, магазины, и это только часть Кіева, называющаяся Подолъ.

Колокольня Печерская огромна и высока, архитектуры нерегулярной, но для меня она меньше великолѣпна Ивановской въ Москвѣ, и не такъ красива, какъ Троицкая въ Лаврѣ.

Городъ дѣлится на три части: Старый Кіевъ, Печерская Сторона и Подолъ. Въ Старомъ Кіевѣ Соборъ* и Михайловскій монастырь, на Печерской сторонѣ крѣпость, построенная Петромъ Великимъ, и дворецъ, въ которомъ изволила ожидать весны въ 1787 году Екатерина II, на Подолѣ Братскій монастырь, и въ немъ Академія.

Вообще городъ великъ и хорошо устроенъ; онъ имѣетъ 15 верстъ длины и много домовъ со вкусомъ. Безпрестанно надобно всходить, или сходить, съ горы; до сихъ поръ ихъ обрабатываютъ и улаживаютъ. Улицы не мощеныя. Недавно разломаны ворота, такъ называемыя, Золотыя, какъ и во Владимірѣ, для употребленія матеріаловъ съ большею пользою въ другомъ мѣстѣ. Трактировъ нѣсколько, модныхъ лавокъ болѣе 10, музыкальные

Валкевичемъ, но душа его со Святыми да упокоится, и всѣмъ видящимъ гробъ сей и чтущимъ, поминая свою смерть, молитесь объ немъ, да водворитъ его Господь въ царствіи своемъ.» Говорятъ, Императрица Екатерина II, будучи въ Кіевѣ 1787 года, велѣла поставить рѣшетку вокругъ надгробной плиты Княгини. Въ нынѣшнее время могилы матери и сына означены боковыми надписями на стѣнахъ трапезы, справа и слѣва при входѣ въ Успенскую Соборную Лаврскую церковь. О. Б.

* Кіево-Софійскій. О. Б.

магазины и книжныя лавки; одна изъ нихъ съ надписью: «Cabinet de lecture.»

Дворецъ—строеніе огромное, залы большія и прекрасный садъ; въ немъ живетъ Военный Губернаторъ и часто даетъ роскошные праздники. Музыка почти ежедневно забавляетъ публику въ его саду, и онъ всегда наполненъ.

Домъ для Присутственныхъ Мѣстъ великъ, но меньше Владимірскаго корпуса, также каменный съ колоннами и строенъ по новѣйшей архитектурѣ; для Губернатора Гражданскаго каменный же домъ построенъ отъ казны. Идучи отъ дворца къ монастырю, отдѣлываютъ бульваръ, и деревья при насъ садили.

Въ крѣпости Комендантъ, и для караула стоятъ въ Кіевѣ нѣсколько баталіоновъ пѣхоты.

Ремесленниковъ въ городѣ очень много; все нужное есть; на каждомъ домѣ увидишь вывѣски три, четыре, разнаго мастерства: жить здѣсь въ свободѣ пріятно, я очень этому вѣрю; но по обязанностямъ службы, думаю, что очень тяжело, по тому что Губернія наполнена всякимъ народомъ: въ ней Поляки, Малороссы (Хохлы) и Россіяне; разность правъ, нравовъ и обычаевъ каждого изъ нихъ наносятъ служащимъ большія хлопоты и затрудненія.

На Подолѣ выгорѣли ряды и строятся новые; между тѣмъ купцы торгуютъ по домамъ. Ни что такъ не удивляетъ, какъ магазинъ Губарева, у котораго вы найдете все, что можетъ обворожить самаго равнодушнаго къ прелестямъ роскоши скупца; все выписное: стекло, фарфоръ, золотыя вещи, бронзы; о мелочахъ уже и говорить нечего—сюрпризы, какихъ лучше нѣтъ и въ Москвѣ; все это завелось здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ сюда перенесены Контракты. * Это очень возвысило красоту города и возспособило его отстройкѣ.

* Контракты етѣ первоначально были въ Львовѣ, изъ котораго, по присоединеніи Галиціи къ Австріи, перешли, въ 1774 году, въ Дубно, а изъ него уже, по Указу 27-го Сентября, 1797 года, переведены въ Кіевъ. О. Б.

Домъ для Контрактовъ выстроенъ превеликой на Подолѣ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда жилали мои родители, когда они со мною, сущимъ младенцемъ, прїѣзжали видѣться съ Княгиней Натальей Борисовной; нынѣ этого мѣста и тотъ бы не узналъ, кто здѣсь бывалъ послѣ ребячества. Всѣ знаютъ, что такое Контракты: они начинаются въ Генварѣ и продолжаются недѣли три. Въ эту бѣшеную пору всѣ магазины и лавки опустошаются, все раскупаютъ. Поляки наѣзжаютъ кучами отвсюда для своихъ продажъ, размѣновъ, арендъ и откуповъ. Изъ кармановъ ихъ посыплются кучи золота, и я видѣлъ такіе дома, которые невѣроятный даютъ хозяину доходъ, на примѣръ, домъ Г-на Спер., въ которомъ жилъ тамошній Прокуроръ, занимается уже нѣсколько лѣтъ сряду во время Контрактовъ какой-то Графиней Потоцкой, которая за двѣ недѣли найма платитъ до 4 тысячъ рублей; а домъ деревянной и далекъ отъ того, чтобъ быть очень обширнымъ; мнѣ самъ постоялецъ это сказывалъ.

На спросъ мой и съ нѣкоторымъ удивленіемъ: «Для кого такъ много вещей, прямо драгоценныхъ и ломкихъ, выписываетъ въ свою лавку Губаревъ?» сидѣлецъ его мнѣ отвѣчалъ: «Ни чего не останется: въ Контракты все раскупаютъ Поляки;» а конечно, по продажной цѣнѣ судя, которая и въ Кіевѣ нынѣ, благодаря общему стѣсненію торговли, на все поднялась страшнымъ образомъ, конечно, Губаревъ имѣлъ тогда въ своемъ магазинѣ на нѣсколько сотъ тысячъ товару.

Театръ хотя и есть въ Кіевѣ, и снаружи хорошъ и великъ, но, за недостаткомъ актеровъ, въ немъ игры нѣтъ. На однихъ только Контракты наѣзжаетъ какое-то иноплеменное сборище скомоховъ и что-то представляетъ; роскошь и мотовство болѣе, нежели вкусъ къ театру, его наполняютъ.

Вотъ крупныя черты города. Кіевъ старъ, но древность его не такъ видна, не такъ осязательна, какъ Новгородская. Тамъ столѣтія на всякомъ церковномъ зданіи, на всякомъ шпицѣ колокольни, явственно изображены и свидѣлствуютъ долговременность того города; здѣсь все что-то новое, больше моды, меньше старины.

Нигдѣ, однако, думаю, во всей Россіи, нѣтъ столько предметовъ, возбуждающихъ любопытство, какъ въ Кіевѣ. Я постепенно буду говорить о всемъ томъ, что меня занимало, и начну съ Печерской Лавры, но скажу напередъ, что мы, по особенному доброхотству Госпожи Турчаниновой, у которой гостили въ деревнѣ, заняли собственный ея въ Кіевѣ домъ. Онъ хорошо построенъ, прибранъ со вкусомъ, на лучшемъ самомъ мѣстѣ, противъ Лавры. Не проходило дня, чтобъ я, проснувшись, не устремилъ на нее первый мой взглядъ; не проходило ночи, чтобъ я не засыпалъ подъ томную и унылую гармонію Петерскаго звона. Прерывистый его благовѣстъ, рѣдкое удареніе колокола и протяженный звукъ, все душу мою располагало къ меланхоліи. Хозяйка дома намъ дозволила занять всѣ его покои. Къ намъ подъѣхали сестра съ зятемъ, и мы препріятно провели еще здѣсь дней 10 вмѣстѣ.

Г Л А В А LXVIII.

Кіево-Печерская Лавра.

Печерская Лавра есть первый предметъ любопытства въ Кіевѣ; она внутри крѣпости. Кто здѣсь бывалъ, тотъ вѣрно имѣетъ, или читалъ, книжку, въ которой помѣщено подробное описаніе всѣхъ ея памятниковъ и красотъ. * Всякой на все глядитъ своими глазами. Описывая Лавру, я коснусь только того, что преимущественно заняло меня.

При самомъ входѣ въ ограду, по стѣнамъ написаны всѣ Святые, въ Лаврѣ почивающіе. На одной сторонѣ Антоній, на другой Θεодосій, знаменитые основатели пещеръ, держа въ рукахъ

* Краткое историческое описаніе Кіевопечерскія Лавры, соч. Митрополита Самуила (Миславскаго). Кіевъ, въ типографіи Академіи Кіевской, 1793, 98, 1801 года, въ 8 д. л. О. Б.

икону Успенія Богородицы, предшествуютъ сонму избранныхъ Божіихъ и, кажется, идутъ въ срѣтеніе богомольцамъ, отсюда въ Кіевъ приходящимъ. Я не говорю о живописи: она не хороша, однако дѣйствуетъ на воображеніе, и первый сей взглядъ уже располагаетъ душу вашу къ умиленію.

У вратъ церковныхъ представится вамъ также много наружной живописи и лѣпной работы. Всѣ стѣны въ краскахъ, а главы, конихъ нѣсколько разной величины, всѣ въ золотѣ; какъ огнемъ горятъ: преддверіе храма отъѣнно богато.

Въ самомъ соборномъ храмѣ вотще искалъ я того великолѣпія, какое мечталъ по славѣ сего мѣста въ Россіи. Архитектура старинная, но ни чего чрезвычайно величественнаго въ ней нѣтъ; богатства большаго, которое бы кинулось въ глаза, я вовсе не примѣтилъ, хотя, конечно, въ Успеневъ день, во время обѣдни, Лавра щеголяетъ всѣмъ тѣмъ, что только есть въ ней превосходнаго.

Монаховъ мало, или они лѣнивѣе, или, можетъ быть, безкорыстнѣе прочихъ извѣстныхъ обителей: въ иныхъ по два, по три, бѣгутъ за богомольцемъ, чтобъ убѣдить его отслужить молебенъ и получить что ни будь за то; а здѣсь на силу добьешься съ большими поклонами, чтобъ монахъ отправилъ службу: это случилось со мной. Обрядъ церковный установилъ поминovanje надъ усопшими; я хотѣлъ отправить его надъ гробомъ моей бабки, и съ большимъ трудомъ склонилъ какого-то старичка удовлетворить моей просьбѣ: всѣ мимо меня шли, говоря: «Не время, недосугъ!» хотя еще къ обѣднямъ не было и приготовленія.

Хуже всего то, что въ самой церкви, позади столбовъ, въ трапезѣ, сидитъ монахъ за столомъ, записываетъ подаваніе, ведетъ бухгалтерію и рассчитывается съ Православными въ копѣйкѣ, въ денежкѣ; весь этотъ порядокъ могъ бы быть соблюденъ внѣ храма, а не въ немъ: канцелярія въ церкви есть что-то отвратительное. А на паперти старички монахи продаютъ крестики и образа; народъ около ихъ шевелится: тотъ передалъ и просить сдачи, другой переплатилъ, монахъ ловитъ за платье; часто шумъ, брань, я чаю, и драка: какое безчинство!

Иконостасъ при насъ былъ выломанъ и отданъ въ починку; одинъ нижній рядъ иконъ оставался. Надъ Царскими дверьми есть образъ Успенія Богородицы, который спускаютъ внизъ, когда кто хочетъ прикладываться. Онъ очень хорошо убранъ Госпожею Опочининой. По примѣру Лавры, и во многихъ другихъ церквахъ въ Кіевѣ спускаются образа съ Царскихъ дверей. Мнѣ случилось спросить одну духовную особу: «Съ чего завели это въ Кіевѣ?» Умный монахъ отвѣчалъ мнѣ: «Все то, что удалено отъ прикосновенія человѣческаго, кажется ему священнѣе, тѣхъ вещей, кои онъ всегда удобно осязать можетъ; особливо же сошествіе образа сверху внизъ поражаетъ сильно воображеніе простодушныхъ.» Согласился я на эту причину, но проворчалъ ему тихонько и свою: «Если бы образъ лежалъ на налоѣ, всякая бѣдная старушка, сирота, или недужный, могъ бы доташиться до него и поцѣловать икону; но когда ее надобно спустить, то напередъ слѣдуетъ попросить о томъ монаха, и за трудъ его потомъ дать денегъ, не такъ ли, святой отецъ?» Преподобный замолчалъ.

На правой сторонѣ церкви выставлена въ ракъ, со многими частями разныхъ мощей, глава Св. Князя Владиміра: рака бѣдна; я не могъ довольно пожалѣть о томъ. Уже ли, думалъ я, Владиміръ менѣе заслужилъ признательности Христіанской, чѣмъ Сергій у Троицы, Димитрій въ Ростовѣ? Не онъ ли начальникъ и основатель въ Россіи Вѣры Греческой? Не ему ли обязаны мы боговдохновеннымъ нашимъ крещеніемъ? И какъ могла одна голова его отыскаться? Сомнѣнія нѣтъ, что онъ схороненъ въ Кіевѣ; когда голову его нашли, найденъ гробъ и весь человѣкъ: для чего же не вырыты изъ земли всѣ его остатки? Для чего не сдѣлано ему памятника, сообразно славѣ его и дѣяніямъ? * Такъ ли почитаютъ въ отечествѣ нашемъ мужа, вѣчной славы достойнаго? Кому приличнѣе во всѣхъ храмахъ воспѣть можно: «Вѣчная память!» какъ не Владиміру? Однако при всемъ томъ онъ разрушенъ; тѣло оставлено въ могилѣ, и гдѣ? Ни кто не знаетъ, не умѣетъ сказать, ни указать; ни кто не любопытствовалъ до нынѣ открыть его

* Извѣстно, однако, что памятникъ Владимиру имѣется нынѣ уже въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, новый, хотя, правда, не совсѣмъ соответствующій славѣ и дѣяніямъ его. О. Б.

гроба: одна глава наружи, и то въ ракъ простой, ни чѣмъ не украшенной: и стыдно, и жалко!

Противу сихъ мощей выстроень гробъ Св Мѣхѣла Епископа, который, вмѣстѣ съ Владиміромъ, крестилъ Россіянъ. *

Сверхъ Соборной церкви множество придѣловъ, но, судя объ нихъ по описанію общему, нѣтъ ни чего отиѣнно любопытнаго, кромѣ двухъ, изъ которыхъ въ одномъ погребенъ Фельдмаршалъ Графъ Румянцевъ, въ другомъ Фельдмаршалъ Князь Прозоровскій.

Монументъ Графа Петра Александровича поставленъ не на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ его тѣло: расположеніе церкви какъ-то помѣшало. Бюстъ его изъ бѣлаго мрамора изображаетъ грозный видъ постоянного побѣдителя; онъ держитъ въ рукѣ булаву, подъ нимъ золотыми литерами: «Внемли, Россі! Предъ тобою гробъ Задунайскаго.» Какая жалкая суета въ храмѣ Божьемъ и противъ алтаря! Задунайской весь здѣсь умеръ: предъ Богомъ нѣтъ Гетмановъ: всѣ раби Господни.

Надъ Прозоровскимъ еще нѣтъ ни какого памятника: подождемъ! Можетъ быть и онъ будетъ грозить небесамъ мечемъ булатнымъ.

Со входа въ Соборную церковь, на лѣвой сторонѣ, мраморный мавзолей надъ Княземъ Литовскимъ. ** Темнота тѣней, по тому что онъ вдался въ стѣну, представляетъ его въ ужасномъ видѣ:

* Память его 30-го Сентября, а скончался 992 года. Онъ былъ родомъ Спринтъ, и присланъ изъ Царьграда Великому Князю въ Корсунъ; онъ погребенъ былъ въ Десятинной церкви, гдѣ мощи его въ послѣдствіи обрѣтены и перенесены, въ началѣ XII столѣтія, въ Антоніевскую пещеру, а оттуда, въ 1730 году, въ Соборную Успенскую Лаврскую церковь. О. Б.

** То есть, надъ знаменитымъ Княземъ Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ, Гетманомъ Великаго Княжества Литовскаго, извѣстнымъ «защитникомъ Восточнаго Благочестія, многія церкви Божія, ради отроковъ училища, вторую Геосіманію, Пресвятыя Богородицы Печерскія домъ, уцѣлрившимъ пребогато, въ немъ же, яко ктиторъ пменитый по преставленіи своемъ, сподобися положенъ быти 1533 года,» какъ сказано въ надписи золотыми буквами на гробѣ, поставленномъ на сдѣланномъ изъ гипса монументѣ. О. Б.

онъ изображенъ изнемогающимъ на одрѣ смерти; одрѣ сей поддерживается тремя львами на огромномъ катафалкѣ. Трудно разглядѣть искусство художества, по тому что въ эту впадину свѣтъ дневный мало даетъ ударенія.

Въ Ризницѣ нѣтъ ни какихъ достопамятныхъ рѣдкостей, или отиѣнныхъ сокровищъ. Нельзя сравнить ее ни мало съ Троицкой. Хорошъ прикладъ Екатерины II-й: лампада золотая къ мощамъ Князя Владиміра, но она спрятана и, подъ предлогомъ боязни, чтобъ ея не украли, ее кажутъ въ ризницѣ тѣмъ посѣтителемъ, кои могутъ заплатить что ни будь за такое снисхожденіе, и все это отъ той же причины, отъ которой, какъ выше изъяснено, спускаются иконы сверху внизъ. Если бы лампада висѣла, ее всякой видѣлъ бы даромъ; но она заперта, и безъ денегъ ея не покажутъ. Другая причина также не болѣе извинительна: «Если, де, ее повѣсить передъ образъ, или мощи, она затускнеть, замарается, чистка чаще.»—«Лѣнивый! Это твое дѣло.»—«Но оно, де, требуетъ труда.» И такъ, лучше спрятать? Между нѣкоторыми портретами видѣлъ я портретъ дяди моего, Князя Дмитрія Ивановича, во весь ростъ; въ монашескомъ одѣяніи; со дня кончины его онъ тутъ сохранился; въ собраніи церковныхъ одеждъ кажутъ также любопытнымъ трои ризы, кои приложила Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая, бабка моя, живши въ Кіевѣ. Она, конечно, не съ тѣмъ дала ихъ въ Лавру, чтобъ ихъ показывали. Я прошу прощенія у всѣхъ духовныхъ властей; но для меня всегда казаться будетъ неприличнымъ, что изъ ризницъ сдѣлались ломбарды, гдѣ собраны разныя драгоцѣнности, кои показываются за децъги. Всякой вкладчикъ приноситъ свой даръ для церкви, для ея употребленія. Изломается ли вещь, издерется ли риза, другіе вкладчики явятся и обновятъ ветхое, а недостатокъ наполняютъ. Церковь не должна разсчитывать, упрочивать, беречь: пусть она носитъ, употребляетъ, расточаетъ; Вѣра Христіанъ никогда богатствъ ея не умалитъ; но накласть полны кладовыя золота, серебра, каменьевъ, чтобъ хвастать ими, — оставимъ это суетѣ челоуѣческой.

При Лаврѣ учреждена Типографія; въ ней печатаются церковныя книги, и тутъ же продаютъ ихъ: я нѣсколько купилъ и

съ собой привезъ. Буквы, форматъ, бумага, переплеть ихъ, все различествуе отъ гражданскихъ сего рода заведеній. Тутъ вы найдете и планъ Печерской печатный на атласѣ.

Любопытство завело меня одинъ разъ къ схимникамъ въ кельи. Ихъ двое. Я не помню, когда бы я видѣлъ монаха подъ такимъ нарядомъ: одинъ просто и слѣпъ, а по тому трогаетъ чувствительныя фибры сердца; на него глядя, тронешься по неволѣ: онъ живое носитъ изображеніе того, что все на свѣтѣ тлѣитъ, и что старость въ недугахъ есть натуральная и неизбѣжная схи́ма. Другой всѣ этѣ печальныя воображенія разсѣетъ: онъ еще не слишкомъ старъ, пѣтъ и ѣстъ исправно, любитъ своимъ нарядомъ, надѣваетъ его для всякаго, кто къ нему ни войдетъ, дурачится въ немъ. Сколько одинъ сожалѣнія, столько другой негодова́нія, возбудитъ. И такъ платье, все платье: сатана можетъ быть подъ митрой такъ, какъ Ангелъ въ шитомъ кафтанѣ.

Тутъ же познакомился я съ отставнымъ, бывымъ Вологодскимъ, Епископомъ Теофилактомъ: онъ въ кельяхъ живетъ на общаніи, челове́къ пожилой, добродушный и, кажется, не хитрый. Бесѣда его для меня была занимательна, не смотря на его простоту, по тому что онъ зналъ мою бабу, рассказывалъ мнѣ многое объ ней. Онъ тогда еще былъ Дьякономъ и служилъ при погребеніи дяди моего; онъ мнѣ и указалъ удостовѣрительно, гдѣ гробы ихъ похоронены. Я съ удовольствіемъ принималъ всякое впечатлѣніе сего современника двухъ лицъ, толико для меня драгоцѣнныхъ.

ГЛАВА LXIX.

Пещеры.

Праведные два мужа, Антоній и Θεодосій, нѣкогда посвятили жизнь свою Богу на семъ обѣтованномъ мѣстѣ, создали обитель, утрудились въ ней, какъ говоритъ Царь Давыдъ, воздыханіемъ сердечнымъ и скончали жизнь, исполненную поста и доб-

рыхъ дѣлѣ. Примѣръ ихъ привлекалъ многихъ къ Христіанскому поученію; собралася братія, ископали для остатковъ своихъ могилы при Дибірѣ, и тутъ положили кости свои; все спаслось около ихъ; земля исполнилась благовопія; святость убогихъ труженниковъ возсіяла во всемъ мірѣ Христіанскомъ. Вотъ исторія Кіевскихъ пещеръ!

По времени стекаться стали отсюда богомольцы. Обогадилась казна монастырская, и роскошь украсила пустыню дикую и непроходную. Нынѣ уже надобенъ большой запасъ духовной приверженности къ Вѣрѣ, чтобъ не соблазниться велелѣпною наружностію Печерской Лавры, которая, украсивъ соборы, иконы и утвари церковныя, оставила вездѣ знаки внутренняго пренебреженія къ святынѣ и дому Божію. * Удалились отъ насъ тѣ дни, когда блаженные старцы, Духомъ Божіимъ ежеминутно тутъ водимые, силились утвердить корень Вѣры въ сердцахъ благодушныхъ Христіанъ. Посмотримъ на пещеры нынѣ въ такое время, когда богатые и пресыщенные прикрыли золотомъ кровы церквей и обнищали въ усердіи къ Богу.

У обѣихъ пещеръ выстроены пятиглавыя соборы, въ конхъ свѣтло, просторно и хорошо; отъ нихъ по лѣстницамъ спускъ въ самыя подземныя жилища Святыхъ, лѣстницы не круты, а при томъ нѣсколько на нихъ сдѣлано площадокъ для отдохновенія. Дибіръ въ весеннее время близко подтекаетъ къ пещерамъ, и для охраненія ихъ отъ разрушенія, Правительство занимается укрѣпленіями, на кои казна не щадитъ ни чего.

Прежде нежели вы на лѣстницу ступите, вы найдете у воротъ множество будошницъ съ кренделями и сайками: тутъ торгъ и рынокъ настоящій; безпорядокъ сей прикрытъ благовидной причиной: по лѣстницѣ разложены недужные, разслабленные и всякіе уроды; не будучи въ силахъ молиться Богу, они лежатъ, стонутъ и просятъ куска хлѣба у проходящихъ. Не всякой въ состояніи кинуть въ эту Силоамскую купель столько денегъ, чтобъ

* Слишкомъ строгъ приговоръ, и потому одностороненъ. О. Б.

надѣлать ими ужасное множество странныхъ; и для того богомолецъ закупить сухарей и хлѣбовъ, и ими снабжаетъ лежащихъ.

Какое трогательное зрѣлище и какъ оно приготовляетъ къ ожидаемому предмету! Вдругъ въ подземное жилище растворяются чугунныя двери; престарѣлый монахъ даетъ вамъ свѣчу; ибо безъ огня ни чего тамъ не видно, и, идучи передъ вами, онъ вамъ называетъ имена почивающихъ праведниковъ. Ихъ сонъ тихъ и безмятеженъ; для нихъ утро прекраснѣйшаго и вѣчнаго дня уже наступило; каждый изъ нихъ, кажется, говоритъ вамъ: «Тако тецѣте, да постигнете!» (1 Кор. 9, 24). Мысль о пещерахъ страшна, приближается съ ужасомъ, но войдешь въ нихъ, и спокойнымъ окомъ, безъ малѣйшаго смятенія, видишь гробы по обѣ стороны себя; воздухъ чистъ, свѣжъ и прохладенъ, нѣтъ ни какого зловонія. Безъ проводника ходить ни какъ нельзя: потеряешься въ изворотахъ. Монахи, особо приставленные къ тому дѣлу, очень навѣчны и пещеры для нихъ не лабиринтъ: все покажутъ и выведутъ осторожно.

Въ одной изъ соборныхъ церквей надъ пещерами всѣ приклады отъ Мазепы, а въ самыхъ пещерахъ, т. е., въ землѣ, до 6 придѣловъ настроено. Темнота мѣшаетъ рассмотреть работу рѣзную и по золоту, которая въ иныхъ съ отиѣннымъ тщаніемъ отдѣлана; мы спросили факеловъ, и видѣли много художества. Жаль, что оно здѣсь безъ всякой пользы употреблено.

Между множествомъ мощей, къ коимъ мы прикладывались, идучи другъ за дружкой ниткой, я осмѣлюсь особенно отличить нѣкоторые: инныя поразили мое воображеніе, инныя подѣйствовали на сердце.

Учредители обители, Антоній и Феодосій; во имена ихъ устроены придѣлы, но сами они подъ спудомъ.

Несторъ лѣтописецъ: при названіи его я невольно палъ и прикоснулся ко гробу его съ благоговѣніемъ. Отлагая святость, которой Богъ одинъ только можетъ опредѣлить сущность и достоинство, Несторъ былъ первый нашъ лѣтописецъ, вождь Рос-

сійскихъ дѣписателей, источникъ историческихъ событій своего вѣка: какъ не поклониться ему и не уважить его гроба! но онъ малымъ чѣмъ отличенъ отъ прочихъ. Для чего не вынести его въ соборъ, не поставить предъ очами каждаго? Несторъ ли такого торжества не стоитъ? Или же мы не уразумѣли, что онъ его достоинъ? *

Св. Іоанна Многострадальнаго: снимаютъ шапочку и надѣваютъ на голову, чтобъ она не болѣла; онъ вкопанъ въ землю.

У Марка Гробокопателя подносятъ святую воду въ крестѣ, изъ котораго самъ онъ пивалъ: этотъ крестъ былъ мѣра его дневнаго питья.

Нѣсколько муроточивыхъ главъ: у одной изъ нихъ, гдѣ мажутъ приходящихъ, муро ни какого запаха не имѣетъ.

Много затворниковъ, конхъ видѣть можно въ круглыя маленькія окошки. Я съ большимъ трудомъ вижу и днемъ, когда тѣни много, а въ пещерахъ при свѣчкѣ ни одного не разглядѣлъ.

Екатерина II, въ бытность свою въ Кіевѣ, изволила къ каждому мощамъ приложить парчевое покрывало: но они всѣ прибраны, лежатъ въ ризницѣ, ихъ кажутъ за деньги, а праведники лежатъ въ ракахъ простыхъ, не пышныхъ, и прикрыты ризами бѣднѣйшими. При насъ одно только богатое покрывало видѣли мы на гробѣ Евфросиніи Полотской.

Пещеры очень узки и тѣсны: двумъ пройти рядомъ не возможно. Одинъ голосъ монаха раздается въ уединеннымъ сихъ стѣнахъ; набожные Христіане идутъ молча за нимъ, прикладываются и не отстаютъ отъ товарищей, чтобъ не потеряться.

Среди самыхъ искреннихъ ощущеній Христіанской религіи часто мнѣ приходило здѣсь на мысль, что весь видимый нашъ

* По крайней мѣрѣ, рака его мощей окована серебромъ (см. «Описаніе Киево-печерской Лавры. Кіевъ, 1826, стр. 86), и надъ ними серебряная доска съ надписью: «Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.» О. Б.

міръ не что иное, какъ плачевная картина человѣческой бѣдности, и ежели бы сонъ вѣчнаго упокоенія, какое ожидаетъ насъ въ могилѣ, было даже началомъ вѣчнаго ничтожества, то и тогда умереть лучше, нежели жить.

Близъ пещеръ примѣтилъ я памятникъ свѣтской: мѣдная доска съ литерами, и прочелъ имя Княгини Екатерины Петровны Хованской, * вспомнилъ ее и принесъ ей обыкновенную жертву человѣческаго сожалѣнія—нѣсколько слезъ.

Мнѣ разсудилось отслушать обѣдню въ самыхъ пещерахъ. Добрый старецъ, и почти уже мертвый, отслужилъ ее для насъ 17 числа въ придѣлѣ Св. Антонія. Церковь такъ мала, что вокругъ престола даже обхода не дано: онъ прислоненъ къ стѣнѣ; въ алтарѣ и въ церкви вездѣ свѣчки горѣли, и тусклый ихъ огонь удваивалъ мрачный видъ плачевнаго сего жилища: душно, темно, тѣсно, пѣніе нестройное и непривлекательное. Позволятъ ли мнѣ сказать мысль мою? Я не нашелъ, чтобъ прилично было возсылать Богу жертву хвалы и воскликновенія въ нѣдрахъ земли, гдѣ ни какой лучъ дневнаго свѣта не проходитъ. Какое сообщеніе свѣта со тьмою! Не мертвые восхваляютъ тя, Господи, но мы, живые. Спаситись можно вездѣ. Богъ и червей въ преисподнихъ земли согрѣваетъ такъ же, какъ и живущихъ на прекрасной ея поверхности; рука Божія вездѣ, и мы отъ неѣ ни гдѣ не скроемся. Такъ, конечно! Но когда мы слушаемъ обѣдню, когда купно съ служителемъ Вѣры говоримъ: «Горѣ имѣемъ сердца,» тогда къ небесамъ и взоръ нашъ обращаться хочетъ. Мы всегда невольнымъ движеніемъ глядимъ вверхъ, когда призываемъ Бога; мы Его ищемъ выше звѣздъ, а не посреди тѣнныхъ гробовъ человѣческихъ. Если бъ можно было, я бы желалъ, чтобъ литургія отправляема была, какъ можно выше, какъ можно ближе къ небесному кругу, коего славится въ пѣснопѣніяхъ нашихъ непостижимый верховотворецъ. Но мнѣнію моему, гораздо бы лучше сдѣ-

* Урожденной Нарышкнцой, а по матери Репниной; р. 1757 г., Іюля 3, супруги Кіевскаго Вицегубернатора, Бригадира Князя Василя Алексѣевича Хованскаго; умерла 1795 г., Октября 22 дня. О. Б.

лази, если бы деньги, употребленные на иконостасы и храмы внутри пещеръ, обратили на то, чтобъ одѣть гробъ Нестора, обогатить его, и тѣмъ память въ исторіи духовной и ученой воспрославить; но суевѣріе долго еще питаться будетъ вещественностію. Пусть мое разсужденіе назовутъ энтузіазмомъ пылкаго воображенія. * Согласенъ. Но что же и Религія? Восторгъ въ самой высшей степени. **

ГЛАВА XX.

Михайловскій монастырь. Софійской соборъ. Лаванда.

Въ старомъ Кіевѣ есть мужескій монастырь, Михайловскимъ именуемый. Въ немъ лежатъ мощи Великомученицы Варвары. Кто ихъ не знаетъ? Кто не слыхалъ объ ея Христіанскихъ подвигахъ? Слушавши у гроба ея обѣдню и молебенъ, мы прикладывались къ рукѣ ея, обогащенной алмазами: на каждомъ пальцѣ нѣскольکو перстней; въ ногахъ тарелка съ кольцами; послѣ умилительныхъ вздоховъ и молитвословій, ихъ выбираютъ въ самый гробъ, какъ въ ящикъ: монахи торгуются и просятъ подороже, а богомольцы, не теряя головъ, хотятъ достать ихъ подешевле: шумъ да крикъ. Какая неблагопристойность!

По исторіи Святой извѣстно, что у нея отрублена голова; слѣдовательно, рака скрываетъ обезглавленный трупъ мученицы. Нынѣ уже вмѣсто головы накладываютъ живописное изображеніе лица ея: оно представляетъ ея страдальчество и хорошо для картины. Но на что такое дополненіе къ натурѣ, да еще и къ мощамъ? Увы!

Намъ показывали тотъ самый образъ, съ котораго снять этотъ рисунокъ. На немъ написанъ и золотомъ обложенъ ликъ

* Оно таки то и есть и при томъ напрасный и неумѣстный. О. Б.

** Это не совсѣмъ точно и сбивчиво! О. Б.

Великомученицы Варвары. Монахъ сказывалъ, что это натуральная копія съ нея, присланная въ Кіевъ изъ Рима лѣтъ десять назадъ. «Да гдѣ же настоящая?» спросилъ я. — «Въ Македоніи.» Вѣрьте, или нѣтъ, какъ вамъ угодно.

Рака, въ которой мощи лежатъ, богата, обита серебромъ и украшена рѣзными позолоченными убранствами вокругъ всего балдахина. Она въ лѣвой сторонѣ стоитъ отъ входа въ соборную церковь, въ особомъ своемъ придѣлѣ. Настоящій храмъ довольно великъ; стѣнное письмо хорошо; иконостасы въ немъ и придѣлахъ стариннаго вкуса и немного значатъ. Екатерина посвятила гробницѣ Великомученицы Варвары лампаду золотую съ кисточкой изъ жемчужныхъ нитокъ и алмазныхъ по поламъ; ее кажутъ въ ризницѣ, а у мощей виситъ простая, въ ризницѣ видѣлъ я и замѣтилъ Часословъ, печатанный въ Краковѣ въ 1491 году и сохранился въ ней доселѣ: рѣдкость настоящая!

Въ этомъ монастырѣ живетъ Викарій Митрополита Кіевского, Епископъ Чигиринскій, Ириней: я любопытствовалъ видѣть его въ служеньи. Онъ уже немолодъ и отправляетъ званіе свое безъ всякой сановитости; нѣтъ въ немъ ни величія, ни пріятной простоты. Онъ не ходитъ, а бѣгаетъ; движенія его всѣ отмѣнно скоры; рѣдко смотритъ вверхъ, или по сторонамъ, всегда взоръ его потупленъ въ землю, даже и тогда, какъ осѣняетъ свѣчами. Всякое Воскресенье онъ поетъ обѣдню и, вмѣсто проповѣди, онъ толкуетъ Апостольскія Посланія съ амвона всенародно. Ни слово его, ни обращеніе, не плѣняетъ. Я входилъ къ нему въ келью: пріемъ принужденный, бесѣда пустая. Говорятъ, что онъ очень ученъ; и такъ видно, что онъ не хотѣлъ предъ нами разсыпать умственныхъ своихъ сокровищъ. *

* Фальковскій, происхожденіемъ изъ села Бѣлоцерковки или Бѣлоцерковецъ Лохвицкаго Уѣзда Полтавской Губерніи, 2-го стана, при рѣкѣ Многѣ (въ нынѣшнее время съ 344 дворами), въ 42 верстахъ отъ Лохвицы (отнюдь же не изъ Бѣлоцерковки близъ Кіева), родился 1762 года, Мая 28 дня, отъ Священника, и названъ былъ Иваномъ. По смерти жены, отецъ отправился съ нимъ въ Кіевъ, постригся, 1774 года, подъ именемъ Іустина (въ крѣѣ Іоакимъ) въ чернецы въ Братскомъ монастырѣ, чтобы самому наблюдать за ученіемъ единственнаго сво-

Между разными въ Кіевѣ древностями нигдѣ я такой не видалъ, какъ въ Софійскомъ соборѣ: онъ въ старомъ Кіевѣ. Въ немъ множество предметовъ вдругъ бросятся въ глаза и остановятъ ихъ:

его сына. Отправляясь, въ Генварѣ 1775 г., въ Угрію Настоятелемъ Русской церкви въ городѣ Токаѣ, онъ взялъ съ собою и сына, обучавшагося тогда уже въ Академіи до класса Поэзіи (съ 1773 г.); сдѣсь онъ, исправляя причетническую должность, посѣщалъ тамошнія школы Піаровъ, гдѣ усвоилъ себѣ окончательно языки Латинскій и Нѣмецкій; отсюда отосланъ былъ отцомъ въ Пресбургскую Гимназію, для слушанія Риторикъ, а въ 1779 г., по кончинѣ отца, отправился въ Пештъ, и въ Гимназіи его 7 мѣсяцевъ слушалъ Философію, Исторію и Математику, въ слѣдующемъ 1780 годѣ Физикъ въ Будинскомъ (Офенскомъ) Университетѣ, въ Мартѣ 1781 опредѣлился въ Канцелярію Русскаго Посольства въ Вѣнѣ, но черезъ 3 мѣсяца (въ Маѣ) возвратился въ Токаѣ и поступилъ въ Канцелярскіе же Русской Коммисіи, бывшей тогда тамъ, и продолжалъ заниматься Философскими науками. Въ началѣ 1783 г. поѣхалъ въ отечество, и прибывъ, въ Апрѣлѣ, въ Кіевъ, поступилъ въ Академію, для изученія Богословія и языковъ Еврейскаго и Французскаго, а въ Декабрѣ, бывши еще Студентомъ, опредѣленъ Учителемъ Ариметики, по окончаніи же ученія, преподавалъ тамъ языки Латинскій и Нѣмецкій, Математику, Архитектуру и Философію. Онъ былъ для Академіи того времени незамѣняемымъ, какъ обладавшій самой многосторонней ученостію, и по тому, гдѣ только недоставало преподавателя, его употребляли, и онъ порученное ему излагалъ, по свидѣтельству современниковъ, въ самомъ лучшемъ видѣ по тому времени. Въ 1786 году, продолжая преподаваніе, принялъ монашество и нареченъ Иринеємъ; 1789 Архимандритъ Гамаліевскаго монастыря (Черниговской Губ. Глуховскаго Уѣзда, близъ слободки Гамаліевки, на рѣкѣ Шосткѣ), 1803 Кіевобратскаго и Ректоръ Академіи; 8-го Сентября переведенъ въ Кіево-Николаевскій, а Февраля 25, 1804 г., оставилъ Ректорство; 1807, Генваря 25, Епископъ Чигиринскій и Викарій Кіевскій, 1811 г. получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени, а Февраля 7, 1812 года, перемѣщенъ на Смоленскую Епархію, на коей находился и во время осады Французами Смоленска и удаленъ изъ него въ самый день приступа (4-го Августа), получивъ приказаніе на то отъ высшаго Начальства, за 30 верстъ, гдѣ принялъ чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери Одигитріи (Путеводительницы), взятый изъ Успенскаго Собора духовенствомъ, въ сопровожденіи многочисленнаго народа, и отправился съ нимъ въ Москву, въ коей и прежде укрывалась она отъ непріятелей (въ XV и XVII стол.), а изъ Москвы въ Ярославль, откуда возвращена въ Смоленскъ 24 Декабря по изгнаніи враговъ и поставлена на прежнемъ мѣстѣ. Что до другой иконы той же чудотворной Смоленской Божіей Матери, то она—списокъ съ первой, сдѣланный во время возвращенія ея изъ Москвы при Вел. Московскомъ Князѣ, Василіѣ Васильевичѣ въ 1455 г., повелѣвшемъ отпустить принесенный въ Москву образъ за 50 лѣтъ предъ тѣмъ (во время напа-

1. Весь куполъ церкви отдѣланъ мозаической работой. Апостолы во весь ростъ донынѣ почти невредимы; правда, что уже мѣстами наборка портится, и жалъ, что ни кто не умѣетъ, или не печется, возобновлять его; но удивительно навсегда останется, что такое изящное художество сохранилось до дней нашихъ. Кто не знаетъ, что въ самомъ этомъ соборѣ нѣкогда враждебные полки лошадей своихъ ставили?

денія Вел. Кн. Литовскаго, Витовта, на Смоленскъ, Князь тамошній, Юрій, удалялся съ онымъ къ Вел. Кн. Василию Дмитріевичу и оставилъ у него). Смолене, получивъ отъ Москвитей свою чудотворную икону, несли ее на рукахъ до самаго города, и тамъ, гдѣ остановился торжественный ходъ, воздвигли послѣ храмъ во имя Божіей Матери Одигитріи, и въ немъ поставили одну изъ иконъ, полученныхъ въ Москвѣ, именно списокъ съ чудотворной. По разсказамъ эта икона первоначально поставлена въ крѣпости (построенной въ началѣ XVII в.), надъ одними изъ воротъ ея, откуда уже перенесена въ воздвигнутый для нея особый храмъ, а изъ него перемѣщена временно въ Благовѣщенскій, такъ какъ, по распоряженію Епископа Серафима (въ послѣдствіи Митрополита) новостроившійся для нея болѣе обширный не былъ еще оконченъ; изъ Благовѣщенской-то церкви, по приказанію Генерала А. П. Ермолова (см. его «Записки,» въ «Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1864, кн. 4, отд. II, стр. 170, и отдѣльно), вынесена была эта надворотная Одигитріи икона, послѣ всенощнаго служенія, вечеромъ 5-го Августа, за городъ и оставила Смоленскъ вмѣстѣ съ Русскими. Она, по приказанію Князя Кутузова, обнесена была, на капунѣ страшнаго побойща при Бородинѣ, по всей линіи войска, при чемъ самъ Кутузовъ встрѣтилъ ее и поклонился ей до самой земли, а воины, больше ста тысячъ, падали на колѣна, касаясь тоже челомъ оной, крестясь и восклицая: «Помоги, Пресвятая Мать Богородица, постоять за родную Русь!» Послѣ истребленія Французовъ и очищенія сообщеній, икона сія, взятая Артиллерійскою ротою Полковника Глухова и находившаяся при 3-й пѣхотной дивизіи, возвращена была, по волѣ Главноначальствующаго, обратно въ Смоленскъ, 6-го Ноября, и сдана 10-го Ноября гвардіи Поручикомъ Шембелемъ, при письмѣ Генерала П. П. Коновницина къ старшему духовному лицу, съ разными вкладыми и приношеніями (между коими одного серебра, отбитаго у непріятеля, въ лому было пудъ). Объ этомъ свидѣтельствуется самая надпись, сдѣланная на одной (2-ой) изъ досчечекъ сей иконы (см. «Историко-статистическое описаніе Смоленской Епархіи,» Преосвященнаго Антонія (нынѣ Казанскаго Архіепископа). Спб. 1864). Это случилось черезъ 3 мѣсяца, какъ бы въ оправданіе словъ: «пробыть же Маріамъ съ нею яко три мѣсяцы, и возвратися въ домъ свой» (Лук. 1, 56). Съ этого времени въ Смоленскѣ празднуется изгнаніе враговъ ежегодно всенощнымъ служеніемъ 5-го Ноября предъ образомъ Путеводительницы. Ириней же освятилъ надворотный храмъ, по возвращеніи своемъ въ Смоленскъ, назвавъ его Одигитресея-

2. Мощи Святаго Макарія, * для которыхъ приготовлена серебряная гробница съ приличнымъ убранствомъ.

скимъ; но самъ, не видя возможности въ разоренной Епархіи оставаться, и испытывая безпрестанно нѣкоторыя огорченія при приведеніи въ порядокъ Епархіи, перепросился, Іюля 6-го, 1813 года, на прежнее мѣсто, съ званіемъ Коадъютора Кіевского Митрополита. Черезъ десять лѣтъ, 29 Апрѣля, 1823 года, онъ скончался въ Кіево-Золото-Верхо-Михайловскомъ монастырѣ, на 61-мъ году отъ рожденія, и погребенъ въ немъ, съ лѣвой стороны придѣла Св. Великомученицы. Между исправленіемъ своей должности и благочестивыми размышленіями, онъ не оставлялъ своихъ любимыхъ научныхъ занятій, изъ коихъ нѣкоторыя только напечатаны, большая же часть остается въ рукописяхъ и хранится въ семъ монастырѣ, Софійскомъ Соборѣ и Лаврѣ. Изъ печатныхъ извѣстны: 1. *Orthodoxae Theologiae dogmaticae compendium*. М. 1802, 2 тома въ 8-ку, «хотя (какъ замѣчаетъ «Обзоръ Русской духовной литературы. Черниговъ, 1863, стр. 210) по плану Феофановой догматики, по далеко лучше ея по содержанию и по изложенію. Это—лучшая догматика изъ писанныхъ дотогѣ въ Россіи, но ея ясности, отчетливости и систематической строгости.» Она была довольно время классической книгой въ Семинаріяхъ. 2. Толкованіе на посланія Апостола Павла къ Римляномъ и Галатамъ. Кіевъ, 1806, 1807. 3. Сокращеніе Церковной Хронологіи или науки о Пасхалии. К. 1797, 8. 4. Два Календаря на 1797 и 1798, въ 8, съ историческими статьями. К. въ 4. А изъ рукописныхъ: 1. Изъясненія на всѣ посланія Павловы. 2. Словъ и бесѣдъ нѣскольکو книгъ. 3. Рѣчи и стихи на Русскомъ и Латинскомъ. 4. Сокращеніе церковныхъ Прологовъ на весь годъ, въ 12 книгахъ, съ краткими поученіями на каждый день. 5. Мартирологъ, т. 1, неоконченный. 6. Ежедневныя размышленія. 7. Сокращеніе смѣшанной Математики Вольфовой. 8. Записка о своей жизни до прибытія въ Кіевъ: извлеченіе изъ нея, сдѣланное Протоіереемъ и Профессоромъ Кіевскихъ Академіи и Университета, И. М. Скворцовымъ, помѣщено въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1862 года. Ирнвей пользовался большою славой въ Академіи и любовью своихъ слушателей, которые до того привязаны были къ нему, что очень многіе старались усвоить себѣ даже почеркъ его, который очень красивъ и четокъ, хотя и сжатъ. Замѣчательно также, что почти всякій изъ его воспитанниковъ отличался Математическими познаніями. Это былъ (по словамъ Филарета, Архіепископа Черниговскаго) человекъ съ дарованіями необыкновенными и свѣдѣніями разнообразными. Оставшаяся по немъ бібліотека хранится въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, но принадлежитъ мнѣ, по поступной монашъ двоюродныхъ и роднаго братьевъ отъ лица ихъ родителей, какъ единственныхъ законныхъ наслѣдниковъ имущества сего Архіерея. О. Б.

* Онъ былъ Архимандритомъ Виленскаго Троицкаго монастыря и Митрополитичьимъ Намѣстникомъ, въ Митрополиты же избранъ и посвященъ въ Виленъ 1495 года, гдѣ онъ и пребывалъ, по призыву своихъ предшественниковъ, при Великихъ Кня-

3. Два древніе образа Богородицъ, явившихся въ Польшѣ и сохранившихъ тамошнія наименованія, кои, думать надобно, еп-решили къ намъ отъ Католиковъ.

4. Надгробный камень, скрывающій гробъ Ярослава, сына Владимірова, который, раздѣля дѣтей своихъ, далъ имъ удѣлы и написалъ Русскую Правду. Памятникъ сей въ придѣльномъ алтарѣ; на немъ высѣчены разные эмблеммы: сухія деревья и рыбы; довольно взглянуть на него, чтобъ, безъ сомнѣнія, удостовѣриться въ его древности.

5. Иконостасъ старинный, украшенъ рѣзнымъ искусствомъ и роскошной позолотой. Въ храмѣ есть кафедра: ее ли не назовемъ первой въ нашей Россійской Церкви? Здѣсь Леванда проповѣдуетъ.

Митрополитъ живетъ въ Архіерейскомъ домѣ по зимамъ, при соборѣ, а на лѣто переѣзжаетъ въ Печерскую Лавру, и тамъ для него огромная есть покомъ; видъ на Днѣпръ безподобенъ, и всѣ прелести природы для него готовы.

Нѣкогда былъ здѣсь пастыремъ и скончался Самуилъ, мужъ скромный, благоразумный, набожный. Я имѣлъ счастье изъ дѣтства быть отличенъ его благосклонностью, до смерти моей сохранию письмо его Латинское и книгу, которую онъ мнѣ еще въ 70-тыхъ годахъ подарилъ. Онъ похороненъ въ соборѣ; я отыскалъ гробъ его и поклонился великому сему челоуѣку въ исторіи нашей Церкви, великому, говорю, по разуму, какой я даю сему слову. Пусть Самуилъ не былъ громокъ, но сколько мы видимъ мелкихъ людей, о коихъ міръ шумитъ непрестанно и сколько прямо великихъ мужей, коихъ прославить вѣчность, а современники объ нихъ и не шепчутъ! *

зыхъ Литовско-Русскихъ, такъ какъ въ Кіевѣ, безпокоемъ частыми нападеніями Татаръ, нельзя было проживать. Желая посѣтить свою паству, онъ, въ 1497 году, Мая 1-го дня, въ нее отправился, но былъ убитъ на пути своемъ въ Кіевъ, въ деревнѣ Стриголовѣ, при рѣкѣ Припети, а по Кіевскому лѣтописцу при рѣкѣ Вчичи, въ пяти миляхъ отъ Мозыря. О. Б.

* Родился въ селѣ Полошкахъ Глуховскаго полка, 1731 г., Мая 24, и названъ Симеономъ, отъ Священника Григорія, учился въ Кіевской Академіи и училъ въ

Говоря о великихъ и въ Кіевѣ, мысль представляетъ тотчасъ Леванду: какой выродокъ во дняхъ нашихъ! Потомки позавидуютъ такому современнику предковъ своихъ. Я нѣсколько разъ посѣщалъ его, ѣздилъ слушать его бесѣды, учиться у него, думать, чувствовать и жить. Почтенный старецъ не скупается своими сѣдинами; онъ бодръ еще и съ перомъ въ рукахъ парить, какъ юный орелъ. Какой сладкій органъ! Какая скромность въ выборѣ предметовъ разговора! Какая нѣжность въ произношеніи! Для чего Небо мало такихъ людей ниспосылаетъ на землю? Я не смѣлъ говорить при немъ, слушалъ, молчалъ, благоговѣлъ. Видъ его всякому благопріятенъ и вѣжливъ въ обхожденіи. Кажется, будто память ему не всегда вѣрно служить, однако жъ онъ еще говорить проповѣди и сочиняетъ. Давно ли похоронялъ онъ тамошняго Губернатора и съ такою рѣчью вселилъ его во гробъ, какой ни самые наши молодые духовные витіи не сочиняютъ и не скажутъ? Въ словахъ его, а паче въ надгробныхъ, неизчерпаемая руда чувствительности. Гдѣ онъ возьметъ свои мысли и выраженія? Откуда родятся чувствованія? Но онъ плѣнитъ, изумитъ, восхититъ; ему-то прилично, идучи на кафедру, сказать: «Отверзу уста моя,—и наполнятся духа!»

Проповѣдникъ слова Божія болѣе всѣхъ заимствовать премудрость свою долженъ отъ самаго Бога; онъ всегда долженъ быть вдохновенъ: такимъ показался мнѣ Леванда. При этой глу-

ней съ низшихъ классовъ до высшихъ; 1754 кончивши курсъ и принявши монашество съ именемъ Самуила, 1757 Профессоръ Философіи и Префектъ, 1759 Профессоръ Богословія, съ исправленіемъ Ректорской должности, 1761 Архимандритъ Братскій, Ректоръ и Членъ Дикастеріи по 1764, а въ 1766 оставилъ Академію по болѣзни, по съ 1768 вторично поступилъ въ нее, съ переводомъ, въ Августѣ, въ Кіево-Николаевскій монастырь, и вскорѣ вызванъ на чреду служенія въ Петербургъ, гдѣ рукоположенъ тогда же въ Бѣлгородскаго Епископа, въ 1771 (24 Сентября) поступилъ на Крутицкую Епархію, съ пожалованіемъ въ Члены Синадальной Конторы и порученіемъ надзора по обновленію Московскихъ соборовъ, за что сдѣланъ Членовъ Синода (1775), 1776 (Марта 17) Ростовскій Епископъ, 1777 Архіепископъ (22 Сентября), а 1783 (Сентября же 22) Митрополитъ Кіевскій, куда прибылъ въ концѣ Ноября; ум. 1796, Января 5. Онъ издалъ отысканные имъ Богословскіе трактаты Θεοφана Προκοποβича (въ Кенигсбергѣ и Москвѣ 1773—1776) въ VII частяхъ, продолжилъ ихъ,

бокой старости, ибо ему болѣе 70 лѣтъ, онъ, живучи на Подолѣ для выгодъ своихъ, по тому что ближе и къ рѣкѣ и къ рынку, для всякой закупки нужнаго домашняго запаса, не лѣнится ѣздить въ соборъ, подниматься на крутую гору въ старый Кіевъ, и тамъ отправляя службу. Сколько его ни награждаютъ, свѣтскія почести никогда не войдутъ въ соразмѣрность съ его дарованіями; духъ его не ослабѣваетъ еще и сердце не увядаетъ. Образъ жизни его простъ. Окруженъ книгами, рукописями, читаетъ, пишетъ, или очищаетъ въ саду деревья и наслаждается природою. Леванда любимое дитя натуры и небесъ; я ласку его и приязнь почитаю приобрѣтеніемъ. *

также исправилъ и напечаталъ въ видѣ Богословія (въ Лейпцигѣ) 1782, въ 3-хъ частяхъ въ 8 д. л., издававшася не разъ для Семинарій; исправилъ и разсужденіе Адама Зерникова о происхожденіи Св. Духа и издалъ (въ Кенигсбергѣ) 1774, въ 4 д. л., въ 2-хъ томахъ. Слова и рѣчи его печатались въ Петербургѣ и Москвѣ и нѣкоторыя переводились на Греческій, Латинскій и Нѣмецкій: онѣ отличаются чистотою языка и правильною изложеніемъ. Имъ составлено также Краткое описаніе Кіевской Лавры, и Наказъ о преподаваніи въ Академіи, въ которую, равномѣрно и въ Переяславскую Семинарію, зависѣвшую отъ оной, ввелъ Математику (чистую и смѣшенную), Всеобщую и Естественную исторію, Географію, равно какъ преподаваніе языковъ Нѣмецкаго и Французскаго, въ особенности жо чистаго Русскаго языка (по Велико-Русскому выговору), изученіе которыхъ пренебрегалось, какъ извѣстно, изъ за древнихъ языковъ, къ большому вреду вообще образованности и въ частности развитія Словесныхъ наукъ, второй основы всякой грамотности; посылалъ также способнѣйшихъ Студентовъ въ Московскій Университетъ и за границу; имъ же введено и преподаваніе въ Академіи нѣкоторыхъ искусствъ, на пр., рисованія и т. п., а при Лаврѣ завелъ для Академіи гражданскую типографію, въ коей и напечатана была, 1787 г., первая книга его «Поздравительныя рѣчи» Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II-ой, сказанныя въ пребываніе ея тогда въ Кіевѣ. При Самуилѣ послѣдовало подведеніе и Кіевской Іерархіи подъ штатъ паровъ съ прочими Русскими. О. Б.

* Иванъ Васильевичъ, р. 1736 г., въ Кіевѣ, сынъ ремесленника (сапожника) Сякачки, помѣщеннаго въ Академію Священникомъ Кіевской Воскресенской церкви Іоанномъ Левандою, полюбившимъ его за его проворство и ловкость и позволившимъ принять его и фамилію. По окончаніи ученія, онъ былъ, съ 1759 г., самъ въ ней учителемъ въ продолженіи 2-хъ лѣтъ, 1763 Священникъ Успенской Со-

ГЛАВА XXXI.

Разные духовные предметы.

Пустынно-Николаевскій мужеской монастырь стоитъ на горѣ, и съ нея видѣнъ Дибиръ. Мѣстоположеніе прекрасное, съ верху до низу густой садъ и много тѣни. Храмъ старинный. Строенъ Мазепой. Иконостасъ высокъ и очень хорошей работы; стѣнное письмо аллегорическое. Противъ алтаря хоры и подъ ними во всю ихъ величину картина, изображающая Никейскій Соборъ; лицъ написано множество. Въ задней стѣнѣ соборной церкви, по обѣ стороны входныхъ дверей, два шкапа съ книгами; на одномъ написано по Русски: «Для ума и сердца.» На другомъ въ томъ же духѣ Латинская надпись—затѣя въ монастыряхъ нашихъ необыкновенная! Ризница небогата и отмѣннаго нѣтъ ни чего. Настоятель обители Архимандритъ, Кипріянь, человѣкъ немолодой, но снѣ-

борной церкви Подола, 1783 Протоіерей, а 1786 первый Протоіерей Софійскаго Собора, по переименованіи его изъ монастыря въ Соборъ, гдѣ ревностно проповѣдывалъ почти при каждомъ служеніи съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, и по тому пользовался большою извѣстностью; въ особенности слова его отличаются теплотою чувства и картинностію выраженій, что, при богатыхъ внѣшнихъ качествахъ, производило на слушающихъ необыкновенное дѣйствіе. Собраніе его словъ и рѣчей издано въ Петербургѣ 1821 г., въ 3-хъ частяхъ, но, по замѣчанію Преосвященнаго Евгенія (Словарь писателей духовнаго чина, ч. 1-ая, стр. 289), изданы по невѣрному и неполному списку, и при томъ неисправно напечатаны. Другіе замѣчаютъ въ нихъ до 1769 года словосочиненіе большею частію Латинское и не совсѣмъ чистый языкъ, но послѣ того времени онъ у него легокъ, боекъ и совершенно Русскій. Награды сыпались на него щедро: Императрица Екатерина II-я, въ бытность свою въ Кіевѣ, подозвавъ его послѣ замочной молитвы во время Преждосвященной въ Андреевской церкви, на 5-й недѣлѣ Великаго Поста, въ Четвергъ, сама возложила на него кабинетный крестъ съ брильянтами на алой лентѣ, а 15 Марта повелѣла ему употреблять при священнослуженіи жезлъ, присвоенный только Архимандритамъ и Архіереямъ; 1798, Октября 7-го, получалъ онъ митру; 1806, Ноября 19 орденъ Анны 2-й степені, а 12 Декабря, 1810 года, и 1-ой: отличія, до которыхъ ни кто изъ блага духовенства не достигалъ прежде; скончался въ глубокой старости, Іюня 25, 1814 года, и погребенъ въ своемъ Софійскомъ Соборѣ, въ Благовѣщенскомъ предѣлѣ, въ углу, при южной стѣнѣ. О. Б.

сходительный; онъ насъ принялъ очень ласково, угостилъ дружелюбно; кельи его не просторны, но натура поставила въ каждомъ окошкѣ прекраснѣйшіе виды. Это лучше золота и серебра, особливо въ климатѣ тепломъ, гдѣ ранняя весна прелестями своими не скупится.

Говорятъ, что на самомъ этомъ мѣстѣ Оскольдова была могила: живыхъ и достовѣрныхъ знаковъ нѣтъ, одно увѣряетъ преданіе, или общая сказка. Но кто знаетъ истину? Что Оскольдъ кости свои оставилъ въ Кіевѣ, это вѣрно, но тутъ ли, гдѣ Никольскій монастырь, позволено усомниться: можетъ быть и полверсты выше, или ниже. Но какъ бы то ни было, ветхая церковь, здѣсь существовавшая, разломана, и, вмѣсто ея, на полугорѣ поставленъ круглый храмъ каменный съ куполомъ въ новомъ вкусѣ. Онъ обведенъ колоннадой. Вмѣсто обыкновеннаго яблока на главѣ поставлена вызолоченная корона и надъ ней большой крестъ. Все это построено коштомъ Воронежскаго откупщика, котораго жена, пріѣхавъ въ Кіевъ на богомолье, умерла и завѣщала себя здѣсь похоронить. Вотъ причина обновленія Оскольдовой могилы, отъ которой она новую славу получила!

Подъ церковью въ землѣ сдѣланы кругообразныя пещеры и для погребенія тѣлъ заготовлены въ стѣнахъ мѣста. По мѣрѣ, какъ впадины сіи будутъ наполняться каждая своимъ гробомъ, она снаружи замажется и въ церкви видна будетъ только надпись, кто похороненъ въ этомъ гнѣздѣ (Спустя лѣтъ триста, пять сотъ, и здѣсь, можетъ быть, будутъ нѣтъ молебны, еслии Днѣпръ, неугомонное дитя Нептуна, не предваритъ человѣческихъ замысловъ и не подмоетъ каменныхъ оградъ новаго зданія). Подземная церковь построится во имя Ольги, а верхняя посвящена Святителю Николаю. Освященіе ея предназначено было 20 Августа, 1810 года.

Исторія дала намъ знать, что Владиміръ построилъ первую здѣсь Христіанскую церковь, которая донинѣ называется Десятинною, по тому что Князь сей велѣлъ въ нее собирать десятую долю всякаго отъ земли пріобрѣтенія. Сія церковь, или на томъ мѣстѣ другая, еще существуетъ. Я ее видѣлъ и воздохнулъ, глядя

на ея опустошеніе и бѣдность; нѣтъ еще ни чего приманчиваго для глазъ, все опущено; одно воображеніе даетъ цѣну и мѣсту тому и храму. Неоспоримо, что съ такого отдаленнаго времени и Татары, и Поляки, и пожары, все подѣйствовало на Десятинную церковь, и изъ великолѣпнѣйшей привело ее въ убогое состояніе. Но никогда бы я не подумалъ, что она такъ брошена и презрѣна, какъ я ее нашелъ. Чудно ли, что храмъ Владиміра въ такомъ низверженномъ состояніи, когда самъ онъ безъ пощады растерзанъ? Голова его въ Лаврѣ, часть его мощей въ Соборѣ, а весь онъ гдѣ? Ни кто не знаетъ, не искалъ, не любопытствовалъ. Мы скорѣй пустимся добывать кусокъ лавы изъ подъ Римскихъ развалинъ, нежели похлопочемъ о славѣ собственной нашей древности.

Недалеко отъ Десятинной увидите вы церковь Трехъ Святителей: она, сказываютъ, основана на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ идолъ Зевесовъ кинуть въ Днѣпръ и напоминаетъ старое преданіе, будто бы язычники, видя его утопающа въ волнахъ, кричали: «Выдыбай же намъ, Боже!» т. е., выплыви на берегъ! Иконостасъ въ ней изрядный; церковь стара, но не старинная. Вѣроятно, что всѣ сіи знаменитые по исторіи храмы уже нѣсколько разъ были по разореніи Кіева поновляемы и иные совсѣмъ перестроены: довольно, естли, по крайней мѣрѣ, сохранили тѣ самые пункты, на коихъ происходили историческія событія. Гора и тутъ довольно высока. Тяжело бы катиться золотому болвану по ней и падать въ Днѣпръ.

У подошвы самой высокой горы, при краяхъ Днѣпра, поражаетъ взоръ, такъ называемый, Крещатикъ. Это купель, въ которой Владиміръ крестилъ Кіевлянъ; она украшена монументомъ. На аркахъ выстроены каменные стѣны съ рѣшеткою, и фонтанъ охраненъ отъ всякой нечистоты; вокругъ его разставлены образа; на стѣнѣ надпись, означающая только годъ и время, когда граждане Кіева соорудили этотъ памятникъ, въ возблагодареніе Александру I-му за дарованныя городу права. Изъ купели проведена труба о 4-хъ кранахъ. Каждый изъ нихъ льетъ воду въ большой общій бассейнъ или лаханъ, и для жаждующихъ готовъ глиняный ковшъ; но вода мутна и видомъ непріятна:

видно, что еще до сихъ поръ не очистилась струя отъ погружавшихся въ ней идолопоклонниковъ. Надъ сводомъ этой палатки вытянута въ нѣсколько сажень вышины кирпичная колонна; конецъ ея жестяной шаръ, а надъ нимъ вызолоченный крестъ.

Памятникъ этотъ вообще не соответствуетъ важности своего предмета. Но мысль все здѣсь дополняетъ: она краситъ каждую пядень земли, вездѣ говоритъ о древности, о старыхъ Россіянахъ, о младенчествѣ нашей Религіи, о мужествѣ предковъ, и все, на что ни взглянешь, — драгоценный монументъ.

Весь хребетъ Кіевскихъ горъ наполненъ живописныхъ красотъ. Какъ бывши тамъ, бывши вездѣ, спорить противъ этого? Не возможно. Однажды шелъ я, задумавшись, по вершинамъ стараго Кіева; мысли мои быстро текли одна за другою и предметы мѣнялись, какъ воздухъ: вдругъ увидѣлъ я на холму превысокомъ огромную церковь; она разсѣяла всѣ мои размышленія и привлекла всю дѣятельность моего воображенія къ себѣ: это храмъ Андрея Первозваннаго. Что можетъ быть восхитительнѣе и величавѣе во всей природѣ этого мѣстоположенія. Нельзя остановиться на паперти его безъ восторговъ. Не станемъ говорить о самой церкви: иконостасъ красный, вызолоченъ, но ни работой, ни вкусомъ не отличенъ. Чтобъ художество отвѣчало здѣсь натурѣ, надобно разбудить Рафаелевъ и самаго Апелла и дать имъ кисти въ руки. Подъ храмомъ построены жилыя комнаты и кладовыя, въ коихъ Коммисаріатъ хранить свои заготовленія и содержать при нихъ караулъ вокругъ всего храма. На крышкѣ этого жилья выстроена широкая открытая галерея. Она внѣ церкви, слѣдовательно, всякому по ней гулять свободно и любоваться на красоту природы: отсюда видѣнъ весь Днѣпръ и по ту сторону его сыпучіе пески, открытая Московская дорога, направо овраги, буераки, пропасти, окружающія гробы Святыхъ и мирное жилище ихъ въ прохладныхъ пещерахъ; лѣво, рядомъ съ волнами Днѣпра, открывается Подолъ со всѣми своими зодческими красотами и кажется вамъ городъ въ водѣ. Обольщеніе взора превосходно!

Не здѣсь ли Іисусъ искушаемъ былъ діаволомъ, когда онъ за одинъ себѣ поклонъ сулилъ ему все, что съ высоты показалъ?

Я безъ мѣры этимъ мѣстомъ прельщался. Истину провидѣлъ Андрей Первозванный, когда, какъ говорилъ исторія, идучи изъ Херсона, водрузилъ на сей горѣ крестъ въ знаменіе настоящаго Православія. И подлинно: гдѣ Вѣра убидительнѣе свою славу кажетъ, какъ не въ Кіевѣ? Здѣсь тѣмъ мучениковъ всю землю кровію своей оросили. Здѣсь уединенныя праведники изъ вертеповъ создали храмы, обогатили ихъ и прославили. Но оставимъ чудотѣйства Вѣры: они сами о себѣ вѣщаютъ повсюду, и, обратясь къ природѣ, скажемъ, что тотъ не видалъ ее въ торжествѣ, кто не взглянулъ на нее у храма Андрея Первозваннаго въ Кіевѣ.

Г Л А В А XXII.

Фроловскій монастырь.

Сойдемъ на Подоль, и онъ имѣетъ свои достопамятности. Тутъ женскій монастырь, именуемый Фроловскимъ. Самъ по себѣ онъ не значилъ бы ни чего особеннаго, но для меня что можетъ быть уважительнѣе? Въ немъ проводила жизнь свою въ монашествѣ бабка моя, Княгиня Наталья Борисовна. Родители мои, изъ почтенія къ ней, каждые три года ѣзжали сюда со всѣмъ семействомъ нашимъ, и меня два раза, въ моемъ младенствѣ, сюда возили. Я не могъ ни чего вспомнить, но такъ часто твердили мнѣ о бабушкѣ, о Подолѣ и о Фроловскомъ монастырѣ, что воображеніе мое представляло мнѣ всѣ здѣшнія предметы, какъ будто знакомые. Монастыремъ управляетъ игуменья Княгиня Шаховская. Она отличена наперснымъ крестомъ и знакомъ ордена Св. Екатерины.

Я видѣлъ бабушкины кельи; мнѣ сказали, что это онѣ; впрочемъ, весь видъ свой перемѣнили, и въ нихъ живутъ уже другіе люди: что нужды? Довольно для меня было, что она на самомъ этомъ мѣстѣ скончала дни свои: тутъ я испыталъ ея нѣжныя ласки, принималъ неоднократно ея благословеніе, былъ предметомъ горячѣй любви ея; она осыпала меня милостями своими. И мнѣ ли ихъ забыть? Нѣтъ, во вѣки!

Нашлись престарѣлыя сиротки, кои при ней жили, служили ей, помнятъ ее, плачутъ объ ней ежедневно предъ престоломъ Божиимъ и меня съ удовольствіемъ увидѣли, вспомя мое ребячество: они свидѣтелями были благоволенія ко мнѣ старицы Нектаріи.

Ею построена была больничная церковь, и я въ ней слушалъ обѣдню. Сюда и по прочимъ придѣламъ монастыря разданы были оставшіяся по смерти ея образа и крестъ, къ которому въ послѣдній разъ уста ея прикоснулись.

Внѣ церкви, на монастырѣ, погребены многія ея современницы и здѣшніе Игумены: Апраксина, Милославская: эта послѣдняя намъ родня. Надъ гробомъ той и другой ни кто пышныхъ памятниковъ не ставилъ: смиреніе Христіанское не ищетъ сей суеты мірской.

Соборная церковь обыкновеннаго со многими другими рисунка и формы; ни чего въ ней нѣтъ отиѣннаго. Мощей монастырь не имѣетъ, но хвалится сокровищемъ прямо чудеснымъ: въ маленькомъ ковчегѣ, за стекломъ, поставленъ сосудъ самой крошечный и подъ нимъ подписано: «Здѣсь кровь Іисуса Христа.» На что спрашивать: кто и откуда ее доставилъ? Какъ она до сихъ дней сохранилась? Мы въ храмѣ; все свято въ домѣ Божіемъ: поклонимся и дадимъ вѣру преданію многихъ вѣковъ!

Всякой, кто читалъ память великихъ женъ, придетъ сюда вспомнить схимонахиню Нектарію, и память ея увѣнчаетъ похвалами. Я не одинъ разъ приходилъ въ сію обитель и, не тревожа ни кого, садился на камнѣ противъ бывшихъ ея келій, переносился мысленно во дни ея здѣсь пребыванія, и каждое ея слово, переданное мнѣ ея сыномъ, моимъ отцемъ, приводилъ на память. Здѣсь она источила рѣки слезъ, умертвила всѣ свои страсти, пригвоздила всѣ чувства ко кресту; послѣдній вздохъ былъ для нея мгновеніе отрады и зарею невозмущаемаго блаженства. Хижина ея обвалилась, вросла въ землю, такъ какъ и гробъ ея, но духъ пребудетъ вѣченъ и перейдетъ имя ея изъ рода въ родъ. Такъ славится прямая добродѣтель: она и за гробомъ восхищаетъ мзду свою въ потомствѣ.

Г Л А В А LXXIII.

Интересная сумасбродка.

Въ этомъ же Фроловскомъ монастырѣ, въ особой кельѣ при больницѣ, содержится подѣ присмотромъ супруга Г. Рахманова, урожденная Пас. Я ее не видалъ, по тому что она мужчинъ не принимаетъ: жена моя съ сестрой ее навѣстили. Несчастливая! Она говорила имъ вздоръ, все еще безумствуетъ. Вспомнивши вѣкъ славы ея и обольщенія въ Москвѣ, я далъ волю моему воображенію: оно уже не пылаетъ, но иногда еще загорается. Вотъ стихи мои, кои напечатаны были въ Аглаѣ:

Тебя ли видѣлъ я, владычица Москвы,
 Плѣнявшая въ свой вѣкъ берега самой Невы?
 Тебя ли видѣлъ я отшельницею нынѣ,
 Безъ друга, безъ родни, отчаянну въ пустынѣ,
 Куда, чтобъ испытать послѣднюю напасть,
 Не Вѣра привлекла, обманутая страсть?
 Гдѣ дѣлалась красота? Гдѣ дѣлалась видъ прелестный,
 Въ Россіи до тебя едва ль кому извѣстный,
 Которымъ Божество, создавъ твои черты,
 Хотѣло, чтобъ ему подобила ты?
 Что сталося съ твоей осанкой горделивой,
 Сей вывѣской души невинной и счастливой?
 Кто жаломъ острымъ стеръ, подобно злой пчелѣ,
 Рисунокъ совершенствъ на радостномъ челѣ?
 Потухъ всежгущій взоръ и пламенные очи
 Померкли, какъ звѣзда въ туманахъ темной ночи;
 Прелестны тѣ уста, гдѣ вся любви краса
 Въ отверстіи нѣжномъ ихъ вмѣщала небеса,
 И каждымъ словомъ духъ въ восторгахъ изумляла,
 Безмолвная печать на вѣкъ ихъ нынѣ сжала.
 Куда ушли толпы вельможескихъ сыновъ,
 Бѣгущихъ за тобой искать златыхъ оковъ,
 Которыми ты ихъ опутывать любила,
 Когда не сердцемъ ихъ, улыбкой лишь дарила?
 О время! ты летишь, и нѣтъ тебѣ преградъ:
 То рай намъ на пути, то страшный кажешь адъ.
 Блаженство и бѣда, печаль и восхищенье,
 Все случаевъ однихъ различное стеченье.
 И ты лукавыхъ дней игралищемъ была,

Платила дань страстямъ и чувственно жила.
 Чье сердце противъ извъ любви жестокой твердо,
 Колю Богъ попустить ей насъ гнать немилосердо?
 Какъ кормчій въ тростникахъ упянувши съ ладьей,
 Изыскиваетъ путь за легонькой струей,
 Чтобъ ею чистыхъ водъ пробиться на средину,
 Далеко за собою оставивши пучину:
 Такъ силится твой умъ изъ омота суетъ
 Прочистить сердцу путь и выйти съ нимъ на свѣтъ;
 Но бѣднѣйшій одолѣть свой рокъ сколь ни стремился,
 Погибъ, и наконецъ всѣхъ дѣйствій онъ лишился.
 Что дѣлать безъ ума? Жизньъ мука,—свѣтъ—хаосъ;
 Не внемлется совѣтъ; не страшень гласъ угрозы.
 Готовъ уже твой стражъ, звенять неволнъ узы;
 Весь свѣтъ расторгъ твои общественны союзы.
 Бѣги отъ міра прочь, отрекся онъ тебя,
 И ближній твой не зрѣтъ въ тебѣ уже себя;
 Иди тянуть свое дыханіе въ пещеру.
 О если бы ты тамъ облобызала Вѣру,
 И сладости ея внутрь сердца ощутивъ,
 Когда бъ могла познать, сколь духъ ея правдивъ!
 Но могутъ ли вмѣстѣ ея дары священны
 Потерянная мысль, разсудокъ помраченный?
 Куда же, если смерть себя заставить ждять,
 Дѣваться дни свои плачевныя скончать?
 Безъ міра въ мірѣ жить несносно—скрыться въ кельи.
 Тамъ, четки замѣнять алмазны ожерельи;
 Тамъ, думалъ, посмотрѣвъ я съ жадностью на ту,
 Которой славилъ вѣкъ прошедшій красоту:
 Вдохнулъ и поропталъ. На что жъ намъ дарованья,
 Художествъ и наукъ полезныя познанья,
 Когда не бережетъ натура ни чего?
 Тоскуй, сѣдѣй, умри, и вотъ предѣлъ всего!
 Разсудокъ мой вздрогнулъ. Чти Вѣчнаго законы.
 Пася въ стѣняхъ овецъ, или сядь на троны,
 Остеръ будь, или тупъ, силачъ, или дряхль и слабъ—
 Ты узникъ естества, титулъ твой—Божій рабъ:
 Сыпь персти, крупный червь, мятущійся всечасно,
 Въ которомъ и добро не вося безопасно.
 И слѣдуетъ ли намъ оттолъ, что давимъ тварь,
 Тотчасъ я заключить, что мы надъ нею царь?
 Откуда человѣкъ на гордость права хочетъ?
 Царь съ скиптромъ, а Парфень съ сумой равно хлопочетъ.
 Ни что здѣсь не для насъ, мы сами для того,
 Чтобъ цѣпъ кольцомъ связать творенія всего.

Сегодня ты востокъ и западъ покоряешь,
 Сегодня ты моря судами покрываешь,
 А завтра какъ ни будь и не спросясь тебя,
 Животный механизмъ разстроить чуть себя,
 То дурь твою всѣхъ царствъ умы не сладать справить,
 И надобно тебя въ безумный домъ отправить.
 По что же ты, какъ кедръ, вздымаешь дерзкій лобъ,
 Когда деспотъ и Негръ въ одинъ ложится гробъ?
 Когда тотъ и другой, по дѣйствию природы,
 Трепещуть иногда малѣйшей непогоды?
 О истинно! тебя все намъ познать велить,
 И благо лишь тому, кого Господь смирить!

Г Л А В А CXXIV.

А к а д е м і я.

Недалеко отъ Флоровскаго монастыря, на Подолѣ же, мужской монастырь, называемый Братскій, въ которомъ помѣщена Академія; при ней живетъ и Ректоръ. Я не могъ порядочно рассмотреть Академію, по тому что всѣ пользовались вакаціями: видѣлъ строеніе, и нашелъ его прекраснымъ; зала собранія велика, т. е., въ сравненіи съ прочими, ей подобными, и со вкусомъ расписана.

Мнѣ полюбилися болѣе прочихъ слѣдующіе замыслы живописца: надъ дверьми Философскаго класса изображенъ Фаетонъ, надъ дверьми Богословскаго Аполлонъ; Фаетонъ хотѣлъ поре-вновать солнцу и взялъ его упряжку, но кони его помчали, и онъ стремглавъ низвергся на землю: живой образъ Философіи, которая ищетъ премудрости, плѣняется ложнымъ умозрѣніемъ и пропадаетъ въ своихъ путлявыхъ системахъ; Аполлонъ, напротивъ, прямые лучи Феба отражаетъ на себѣ, и лира его плѣняетъ всю вселенную: не такъ ли учить насъ Богословія, когда она прямо отъ источника Вѣры заимствуетъ свои доказательства и истины?

Далѣе примѣтилъ я нѣчто также замысловатое: написанъ юноша: онъ глядитъ на солнце, силится рассмотреть его, но жму-

рится и взоръ его темнѣетъ: такъ глядитъ атеистъ, или язычникъ, на Саваооа. Другой рядомъ съ нимъ держитъ трубу, наводитъ на солнце, и видитъ его безъ помѣхи; труба въ рукахъ его— есть Вѣра. Когда она дѣйствуетъ на наши мысленныя очи, мы тогда видимъ и ощущаемъ Божество.

Кромѣ сихъ аллегорическихъ изображеній, зала наполнена портретами благотворителей Академіи, и Самуилъ между ними: какъ забыть его? Надъ ними на хорахъ разставлены грудные списки съ остроумныхъ писателей въ Язычествѣ. Вы найдете Цицерона, Саллюстія, Виргилія и проч. Кто располагалъ эту залу, тотъ не былъ суевѣръ.

Академія считаетъ у себя до 1400 учениковъ; изъ нихъ 400 на казенномъ коштѣ. При ней библіотека хотя не велика, но хороша, составлена изъ книгъ отборныхъ и во вкусѣ лучшей Словесности; много иностранныхъ сочиненій на разныхъ языкахъ, въ томъ числѣ Еврейская Псалтырь, подаренная Потоцкимъ.

Церковь при Академіи только что изрядная, утварь небогата. Храмъ соборный въ обители великолѣпнѣе, и такой почти архитектуры, какъ Пустынно-Николаевскій. Встарину всѣ церкви строились на одинъ образецъ до тѣхъ поръ, какъ сыскался одинъ челоуѣкъ отважный, который дерзнулъ ввести въ обычай новый рисунокъ. Понятія о Божествѣ опредѣляли самый тѣсный и матеріальный смыслъ, и поставленный разъ на Востокъ столъ, или дверь, не могли безъ потрясенія совѣсти Православныхъ быть перенесены на Западъ. Чувственность одолевала всѣ усилія разума, и онъ сквозь плотную свою оболочку едва наконецъ могъ пробиться. Слава Богу! Но побережемся другой крайности.

ГЛАВА LXXV.

Гражданскія строенія и заведенія.

Я уже сказалъ нѣчто о Дворцѣ, а теперь войду въ подробность. Онъ строенъ при Елисаветѣ, а исправленъ при Екатеринѣ. Огромное деревянное зданіе, при которомъ обширный садъ до самаго почти Подола, по всей горѣ аллен; деревьевъ и зелени много. Онъ не совсѣмъ брошенъ, да и не совсѣмъ въ томъ состояніи, въ какомъ желательно видѣть садъ на такомъ превосходномъ мѣстѣ. Утомительно долго гулять по его крутизнамъ. Оранжереи наполнены кадками, но плодовъ уже мы не застали, а видѣли на воротахъ, на черной доскѣ, одну только таксу имъ. Публика тутъ ежедневно гуляетъ: всякой вечеръ въ хорошую погоду можно застать большое собраніе. Музыка и пѣсенники безпрестанно къ услугамъ прогульщиковъ готовы. Для отдохновенія сдѣлана въ саду большая галерея, изъ которой виднѣнъ Днѣпръ съ разными его излучинами, и вездѣ, вездѣ Подолъ довершается прелестью всѣхъ видовъ Кіевскихъ. Но здѣсь картины не такъ живописны, по тому что Днѣпръ пересыхаетъ.

Крѣпость въ большемъ содержится порядкѣ: видно, что въ нее смотритъ попечительное око. Внутри ея, кромѣ Лавры, замѣтить можно Арсеналъ. Онъ окруженъ еще и другими строеніями, какъ то: Комендантскимъ домомъ, въ которомъ разведенъ большой садъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ пещерами, и Провіантская Коммисія; но домъ ея не краситъ этой части города.

Посмотримъ прилежиѣ на Арсеналъ: онъ стоитъ нашего вниманія. Зданіе прекрасное выстроено изъ здѣшняго кирпича, который не стыдливъ, и даже отъ огня не краснѣетъ: желтая глина, добываемая въ Кіевской Губерніи, всегда сохраняетъ въ немъ свой цвѣтъ такъ, что стѣны Арсенала кажутся почти похожи на фаянсъ. Онъ не штукатуренъ, только вычищенъ, чтобъ блѣдность жестины не терялась.

Въ Арсеналѣ для выходовъ сдѣланы спуски довольно пологіе, покойнѣе гораздо господскихъ лѣсницъ; по нимъ катаются

орудія. Бомбъ и ядеръ пропасть: но кто на витязя Русскаго ихъ наготовится? Безпрестанно на волахъ возятъ въ Молдавію: дни два постоятъ вокругъ Арсенала пирамиды, а потомъ и въ походъ. Чалма тянетъ къ себѣ нашъ чугуунъ, какъ магнитъ желѣзо.

Разгуливая по пространнымъ заламъ сего огромнаго зданія, я съ любопытствомъ смотрѣлъ на все, и особенно любовался на слѣдующіе предметы: 1-е. Шатеръ кумачный, шитый, завоеванный Руманцевымъ у Визиря—огромный наметъ, вывѣска всей пышности Восточныхъ народовъ! Взглянувши на такой памятникъ Россійскихъ подвиговъ, невольно вздыхаешь о томъ, кто умѣлъ ими себя и всю родину прославить. 2. Мѣдныя орудія, взятые у Турокъ, хороши! Однако не удержались, перестали стрѣлять и неподвижныя стоятъ въ Кіевѣ. 3. Ихъ же бунчуки—странный знакъ почести: навязать лошадиный хвостъ, два и три на палку, и возить передъ собой, чтобъ узнавалъ народъ чиновника! 4. Гетманскія булавы съ камнями тутъ же хранятся. Все имѣетъ свое время, подумалъ я; теперь кинь самую богатую изъ нихъ куда хочешь, а въ рукахъ Мазепы, я чаю, не очень близко къ ней подходили. 5. Всякихъ Россійскихъ орудій, ружей, палашей, пистолетовъ запасъ изрядный. Между ими случилось мнѣ видѣть и Французскія, къ употребленію готовыя. На всю четвертую дивизію выписано нужное по статуту количество. 6. Въ особомъ ряду выставлены подъ надписью: мѣдныя разнокалиберныя пушки, пожертвованныя во время миліціи. А знаменамъ разнороднымъ нѣтъ и счета: инныя завоеваны, другія отобраны отъ полковъ по разнымъ реформамъ. Вся лѣстница ими уставлена съ низу до верху по обѣ стороны, и когда выходишь изъ этого военного хранилища подъ сводъ мирнаго неба, то сколько разныхъ уносишь съ собою впечатлѣній и чувствъ, сколько въ одномъ покоѣ сближается вѣковъ, людей и дѣлъ! Нельзя равнодушно смотрѣть на такое зданіе. Но при томъ какъ сравнить Арсеналъ Кіевскій съ Тульскимъ!

Заведенія Приказа Общественнаго Призрѣнія разсѣяны на вѣсколькихъ верстахъ вокругъ города. Я не ѣздилъ ихъ смотрѣть, по тому что они не имѣютъ тамъ большой славы. Равнымъ образомъ не знаю и Гимназіи Кіевской: ни кто меня не зазвалъ въ

нее, и я ни чего объ ней отъ жителей не слыхалъ. Право, я не хощу подѣлю старость къ просвѣщенію, но, видѣвъ нѣсколько училищъ, смѣю спросить: тамъ ли оно, гдѣ по-стату есть домъ, Директоръ и учителя?

Въ Уѣздѣ не далеко отъ Кіева устроенъ Фаянсовый заводъ: онъ называется, а по немъ и посуда слыветъ Межигорской. Большая часть его до насъ не задолго сгорѣла, и онъ еще былъ не въ полномъ дѣйстви. Я видѣлъ работы тамошнія: можно ихъ назвать лучшими въ Россіи; конечно, далеко еще фаянсъ нашъ отъ иностраннаго: нечистъ въ отдѣлкѣ и не всегда выдерживаетъ горячую воду.

Одинъ иностранецъ держитъ Пансіонъ для благородныхъ дѣвушекъ; я его не видалъ, и судить достоинства заведенія не могу; а заѣхавши печально въ обѣденную пору, засталъ барышень за столомъ: хозяева, мужъ и жена, вмѣстѣ съ ними обѣдали, и мнѣ показалось содержаніе сего училища по наружности благопристойнымъ.

Я нашелъ тутъ давнишнюю знакомку. Жена этого иностранца жила у Господина Л. въ то время, какъ я въ первый разъ женился. Я видалъ ее тогда въ суетахъ около женинаго приданаго. Старое пріятное знакомство всегда приноситъ удовольствіе, напоминая молодость нашу, счастливыя событія судьбы: оно насъ переноситъ въ прекраснѣйшую полосу жизни, мы забываемъ старость и, естественныхъ ея подругъ, уныніе и скуку, и стараемся схватить бѣглую минуту наслажденія въ воспоминаніяхъ прошедшихъ. Тоже ощущала и жена моя: она жила долго съ первымъ мужемъ своимъ въ Кіевѣ, нашла много знакомыхъ, вспомнила стиринку, и мы, раздѣляя между собою чувство прошедшихъ нашихъ радостей, находили въ томъ взаимное и новое для насъ удовольствіе въ настоящемъ; ибо любовь искренняя во всѣ годы и вездѣ умѣетъ дать цѣну всякому ощущенію, и память прошедшаго наслажденія не тревожитъ, когда источникъ его чистъ.

Окрестности Кіева, какъ слыхалъ я, и вѣрю безъ труда, прекрасны; жаль, что я не имѣлъ времени ихъ осмотрѣть. Увле-

ченъ будучи въ короткое время пребыванія моего въ городѣ общественными обязанностями, приглашеніями и любопытствомъ на мѣстѣ, я не могъ удалиться отъ него по произволу, и не всегда имѣлъ удобныя средства. Болѣе всего жаль, что не видалъ Китаевой пустыни: мнѣ ее расхвалилъ съ восторгомъ поселившійся въ ней свѣтскій человѣкъ. Кто жь?—Врачъ Владимірскій, Г. Сланецкій, тотъ самый, который нѣкогда отнял ногу у славнаго человѣка, у Принца Ангальта въ Финляндіи. Какъ я ему удивился, когда увидѣлъ его съ длинною сѣдою бородой въ монашеской рясѣ! Онъ бросилъ свѣтъ и шниперъ, * не пишетъ рецептовъ, не мучитъ живыхъ, не рѣжетъ мертвыхъ, поетъ на крылосѣ, читаетъ книги церковныя, и въ уединенной кельѣ готовится къ вѣчности. Не имѣя жены, ни потомства, о чемъ ему жалѣть въ мірѣ? Имѣлъ малое сокровище, нажитое трудами, и то въ монастырѣ похитили; однако жъ философически снесъ свою потерю и не тужитъ объ деньгахъ, радуется своею родиною, наслаждается теплымъ климатомъ, дышетъ свободно, и въ дѣяніяхъ своихъ не даетъ, кромѣ Бога, ни кому отчета. Вотъ жизнь прямо благостынная! Счастливъ, кто умѣетъ ощутить ея прелести и ими себя ограничить, но въ нѣкоторыя лѣта мила еще суета, проклятая суета!

ГЛАВА LXXVI.

Успенъевъ день.

Успенъевъ день въ Кіевѣ есть день величайшаго духовнаго торжества. За сутки переѣхалъ Митрополитъ Серапіонъ въ Лавру и занялъ свой домъ. Всенощная на праздникъ тяжела: начинается въ 7 часовъ, оканчивается въ полночь. Митрополитъ въ обыкновенное время выходилъ съ своей свитой. Народу было множество, почти негдѣ поворотиться. Я со многими уходилъ въ алтарь, и имѣлъ тутъ минуту свиданія съ Преосвященнымъ. Онъ очень на-

* Жидобой, снзрядецъ для кровопусканія. О. Б.

боженъ, и, при всей своей слабости, особливо мучимъ будучи главною болѣзнію, онъ выдерживаетъ столь продолжительную службу почти всю на ногахъ; берегитесь только при немъ табакъ нюхать: онъ этого не любитъ. Пѣніе монаховъ мнѣ не полюбилось: напѣвъ протяжный, но безъ выраженія и красоты.

Въ самый праздникъ Митрополитъ служилъ обѣдню съ Архіереемъ Теофилактомъ, о которомъ говорено выше. Разумѣется, что вся почестъ относилась къ старшему, а сей отставной Епископъ едва замѣтнѣе былъ рядоваго Священника. Я удивлялся этому чрезвычайно; мнѣ всегда странно, что въ самые духовные обряды вводятся обычаи свѣта. Епископъ можетъ быть безъ Епархіи, но все онъ Архіерей, и у престола Божія Митрополитъ и онъ равныя имѣютъ преимущества, по тому что Митрополитъ не выше всякаго Епископа въ служеніи: та же власть, тотъ же обрядъ, чинъ и мѣсто. Между Попами старшіе становятся выше прочихъ, такъ точно и Митрополитъ между Епископами; а здѣсь Теофилактъ лишенъ всякаго преимущества, и порабощеніе его предъ Серапіономъ, не дѣлая чести Настоятелю, обращало къ послѣднему сожалѣніе зрителей. Я стоялъ въ алтарѣ, по тому что въ церкви духота и тѣснота выгоняли всѣхъ изъ нея вонъ. Въ служеніи Серапіона нѣтъ ни того великолѣпія, ни той сановитости, какую мы привыкли съ восторгомъ видѣть въ Платонѣ. Пѣвчіе здѣшніе поютъ громко, кричатъ, но безъ всякаго вкуса, а монахи держатся своего напѣва и уши только беспокоютъ. Протодіаконъ одаренъ голосомъ твердымъ, звонкимъ, но не всегда умѣетъ имъ владѣть. Евангеліе превеликое выносили два Діакона и насили тащили. Викарій и Леванда служили въ этотъ день въ своихъ мѣстахъ. Проповѣдь у праздника говорилъ учитель Философіи * самую монашескую: экстрактъ изъ Акаѣиста! Ни одной черты занимательной, ни одной мысли превосходной. Замѣтитъ здѣсь кстати, что духовенство черное въ Кіевѣ, почти вообще

* Іоасафъ Моховъ, Іеромонахъ и Префектъ, въ послѣдствіи Архимандритъ и послѣдній Ректоръ старой Академіи (уволенный въ Мартѣ 1817 г., въ Кіевско-петербургскую Лавру на покой, гдѣ и скончался) передъ ея преобразованіемъ въ 1819 г. О. Б.

говоря, не блистательно; Викарій, проповѣдникъ, Ректоръ, главные лица въ здѣшнемъ сословіи духовномъ, не привлекаютъ особеннаго вниманія. Викарій, такъ сказать, простонароденъ; Ректоръ * въ служеніи кривляется и вскрикиваетъ на возмасахъ какъ Дьяконъ. Леванда одинъ восхищаетъ всѣхъ пріѣзжающихъ въ Кіевъ и словомъ и обращеніемъ. Ужъ ли прямая набожность не совмѣстна съ свѣтскою благосклонностію? Ужъ ли чинъ Іерея требуетъ удаленія всякой привѣтливости и грубыхъ отношеній ко всѣмъ? Такъ думать значитъ, по мнѣнію моему, унижать сущность Вѣры и Богопочитанія; учтивость и лукавство не суть одно и то же. Пора пастырямъ нашимъ быть довольно просвѣщеннымъ, чтобъ стыдиться мнѣніемъ общимъ ихъ братья, простыхъ монаховъ, будто тотъ и угоденъ Богу, кто кидаетъ на всѣхъ свирѣпый взглядъ и ни кому добраго слова не хочетъ молвить.

Митрополитъ сему мнѣнію не слѣдуетъ: онъ возвращенъ въ Столицѣ, и далъ намъ послѣ обѣдни превеликолѣпный пиръ. Много было знатныхъ чиновниковъ, пріѣзжихъ въ Кіевъ изъ разныхъ сторонъ, и за столъ насъ сѣло человекъ до ста. Зала большая и помѣстительная, а обѣдъ продолжался до вечера: изъ за стола встали въ 6 часовъ. Чего не ѣли и не пили? Угощеніе было свѣтское и роскошное; плоды всякаго времени на столѣ стояли. Пѣвчіе пѣли во весь обѣдъ духовныя пѣсни. Разумѣется, что пили разныя здоровья и

По потѣ много лѣтъ намъ пѣвчіе сулили.

Изъ внутреннихъ покоевъ видъ въ пещеры и на Днѣпръ безподобенъ. Пастырь привѣтливъ, обходителенъ, не тяготится собраніемъ народнымъ, любитъ, кажется, людей и охотно раздѣляетъ съ ними время. Послѣ обѣда онъ водилъ насъ на монастырь

* Іакинѣ Лагоновскій, въ мѣрѣ Иванъ, сынъ бѣднаго Кіевского Дворянина, учился въ Академіи съ 1779 по 1792 годъ, по выходѣ изъ нея былъ учителемъ Грамматки и Греческаго языка въ Переяславской Семинаріи, откуда вызванъ въ Академію на Математику, 1795 монахъ, 1800 Префектъ и Архимандритъ, съ 1804 (Марта 30) Ректоръ; 1813 переведенъ въ Курскій Знаменскій монастырь, гдѣ и умеръ 1817 года. О. Б.

слушать главного звона, который плѣнялъ, сказываютъ, Потемкина. На Лаврской колокольнѣ есть колоколъ, прозванный Орелъ; я не упомяну, какъ онъ тяжелъ на вѣсъ, * но слышалъ его звукъ, и признаюсь, что онъ меня ни сколько не восхитилъ. Въ одинъ только этотъ день въ его звонятъ, по тому, думаю, что трудно съ нимъ обходиться. ** Его раскачиваютъ разомъ человѣкъ 30, и когда раскачаютъ хорошенько, то пустятъ и языкъ, ударяя изъ стѣны въ стѣну, раздастъ звонъ отъ себя очень далеко. Многие (и, конечно, изъ предубѣжденія) увѣряютъ себя и другихъ, будто онъ въ себѣ всѣ тоны содержитъ: дишкантъ, теноръ, альтъ и басъ. Я очень вслушивался въ тоны и, кромѣ шуму, ни чего не слышалъ, реветъ да и только. Впрочемъ, я до колоколовъ не охотникъ и роскоши въ этомъ вкусъ не разумѣю. Въ Кіевѣ народъ любить звонъ: да гдѣ же не такъ? Чернь почти вездѣ одинакіе имѣетъ вкусы. Здѣсь, какъ и во всей Малороссіи, обычай звонить при смерти каждаго гражданина въ той церкви, гдѣ онъ былъ прихожанинъ; равнымъ образомъ звонятъ во всѣ колокола въ церквахъ, мимо коихъ несутъ мертвеца, какого бы званія онъ ни былъ, о чемъ заранѣе и дается по пути знать: это входитъ въ обрядъ погребенія.

Митрополитъ хорошо живетъ и при Соборѣ; мы тамъ у него были. Кельи его не велики, но для пріема всedневногo изрядны. Въ день пріѣзда нашего въ городъ онъ прислалъ намъ пять большихъ хлѣбовъ съ солью, и самъ пожаловалъ, посѣтилъ насъ. Благосклонность его ко мнѣ во все время пребыванія нашего тутъ оказывалась постоянно. Прощаясь съ нимъ, я получилъ отъ Его Высокопреосвященства въ подарокъ разныя книжки Кіевской печати и планъ Лавры, вытисненный на атласѣ.***

* Въ 500 пудовъ. О. Б.

** Звонятъ въ этотъ день въ колоколъ Успенскій, вылитый въ Москвѣ Моторинымъ, при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, въ 1000 пудовъ, по тому такъ и называемый. О. Б.

*** Митрополитъ Серапіонъ Александровскій, по городу Александрову Владимірской Губерніи, въ коемъ родился 22-го Іюля, 1747 г., сынъ Священника, учился

Въ Успеневъ день Кіевъ наполненъ богомольцами; пѣшаго народу пропасть, и изъ самыхъ отдаленныхъ странъ; прїѣзжихъ множество, но совсѣмъ тѣмъ ярмарки нѣтъ, и торгъ самый неважный разными бездѣлушками на базарѣ. И такъ, кто хочетъ молиться въ Кіевѣ, тотъ прїѣзжай сюда къ Успеневу дню; а кто ищетъ въ немъ забавъ, пусть жалуетъ сюда въ Генварѣ, къ Контрамъ.

Г Л А В А LXXII.

Общія увеселенія города. Жизнь Кіева при насъ.

Лѣтомъ ни кто не живетъ въ городахъ, и Кіевъ не изъять изъ сего правила, тѣмъ болѣе, что около его мѣстоположенія завидны. Однако Успеневъ день многихъ привлекаетъ въ Лавру, за нѣсколько дней жизнь городская становится живѣе. По особенному какому-то счастью, на которое во все мое путешествіе не было мнѣ причины пожаловаться, изъ разныхъ сторонъ наѣхали въ Кіевъ мои знакомые, какъ-то, на прим.: Графъ Безбородько, изъ Рима очутились Мятлевъ съ женою и семействомъ; переведенный изъ Москвы Губернаторъ Г. Л. * подъѣхалъ къ той же

у Троицы Сергія въ Семинаріи, съ 1750 (съ Марта) до 1770 (Сентября 23) учитель въ ней Латинскаго языка и Географіи, 1771 (Февраля 8) монахъ, 1772 проповѣдникъ въ Московской Академіи и Иеромонахъ по 1775 г., съ 15 Марта Игуменъ Воздвиженскаго монастыря и Членъ Консисторіи, 1776 (Генваря 7) Знаменскій Игуменъ, 1779 (Февраля 17) Архимандритъ Богоявленскій, 1782 на чредѣ въ Петербургѣ, послѣ чего возвратился на свое мѣсто; 1785 Цензоръ духовныхъ книгъ по Іюнь 1788; съ Іюня (11-го) того же года Викарій Московскій, 1799 Епископъ Калужскій (16 Октября), но вскорѣ (21-го) Казанскій Архіепископъ, а Декабря 11-го, 1803, Митрополитъ Кіевскій и Членъ Синода; въ Кіевъ прибылъ Февраля 5-го, 1804, гдѣ 24 Генваря, 1822 г., уволился по прошенію на покой въ Московскій Даниловъ монастырь, но скончался тамъ же 14-го Сентября, 1824, и погребенъ 17-го въ Софійскомъ Соборѣ. При немъ Кіевская Академія, 14-го Августа, 1817 года, по Указу Синода, обращена была въ Семинарію, до преобразованія оной по новому Уставу, которое и послѣдовало 28-го Сентября, 1819 года, а Семинарія основана новая. О. Б.

* Д. С. С. Дмитрій Семеновичъ Ланской? О. Б.

порѣ. И такъ время проводилъ я очень пріятно въ разныхъ обществахъ, у каждаго изъ нихъ. Досуги мои, послѣ любопытныхъ занятій, бывали очень коротки и всегда наполнены пріятной бесѣдой путешествующихъ.

Я часто воображалъ себѣ, что мы въ чужихъ краяхъ, гдѣ соотечественники, собравшись вмѣстѣ, дѣлятъ между собой дни и часы и проводятъ время какъ бы на своей родинѣ. Такъ точно и здѣсь: мы всѣ заѣзжіе люди, не имѣя ни какой особенной связи ни съ кѣмъ въ Кіевѣ, съѣзжались между собой. Кіевляне были для насъ какъ бы чужеземцы, и мы одни проводили вечера во взаимныхъ разсказахъ о томъ, что кто изъ насъ видѣлъ. Натурально, что Г. Мятлевъ, пріѣхавши изъ Рима, первую роль игралъ въ разговорѣ: его новости были занимательнѣе прочихъ, и я съ жадностію всегда его слушалъ.

Военный Губернаторъ Кіевскій, занимая весь дворецъ, живетъ въ немъ очень роскошно. Кромѣ ежедневныхъ публичныхъ съѣздовъ въ его садъ для того, чтобъ гулять, глазѣть, слушать музыку и пѣсни, онъ далъ огромный праздникъ 10 числа Августа, въ честь Г-жи Мятлевой. У него былъ во дворцѣ прекрасный балъ, залы великолѣпнѣйшимъ образомъ были освѣщены. Богатый ужинъ, огромная музыка, большое число гостей, все способствовало къ общему удовольствію. Мы также приглашены были, и пробывъ тутъ часовъ до трехъ утра.

Хозяинъ откровенно вѣжливъ и благосклонно всѣхъ принимаетъ: нѣтъ ни чего гордаго, суроваго, несноснаго въ его обращеніи. Онъ веселъ и любитъ, чтобъ у него было весело; не щадя своихъ доходовъ, расточаетъ ихъ безъ всякой бережливости. Вкусъ и роскошь неразрывны были на его балѣ, и я отъ сердца пожелалъ, чтобъ онъ имѣлъ милліоны. Его богатство не ему одному, но многимъ доставило бы отрадные минуты.

Графъ Безбородько пользуется въ городѣ прекраснѣйшей усадьбой, и выстроилъ не весь домъ еще, какой для него приличенъ, но многія его принадлежности, и отдѣлалъ для себя флигель, въ которомъ при насъ на недѣлю расположился. Онъ его убралъ со

вкусомъ прелести; видъ изъ окошекъ наполненъ: съ правой стороны открывается холмъ съ Михайловскимъ монастыремъ, съ лѣвой Софійской соборъ на своей высотѣ: все вмѣстѣ несравненно и одному Кіеву прилично. Въ этомъ домѣ Графъ разсудилъ позвать Митлева, Военнаго Губернатора и насъ къ себѣ по Русски на полдникъ—у иностранцевъ тоже самое нынѣ называется *un théé*, т. е., чай: чего мы тутъ не ѣли и не пили? Лучшіе плоды земнаго шара, изящнѣйшее вино въ природѣ. Сосуды, чаши, подсвѣчники, все соглашалось съ богатствомъ хозяина, вездѣ въ глаза кидались бронза, фарфоръ превосходный, стекло отмѣнное, живопись лучшая. Взглянувши на каждую вещь, трудно было снять съ нея глаза и обратить въ другую сторону, гдѣ новыя прелести также ихъ задерживали. Присоединимъ къ такой роскоши ласковое угощеніе хозяина, остроумныя шутки гостей, бесѣду непрерывную и ума наполненную, готовность каждаго блистнуть замысловатымъ словомъ. Все восхищало, и нельзя было довольно возблагодарить Графа за доставленіе такой пріятной вечеринки.

Сестра познакомила насъ съ однимъ родственникомъ мужа ея, Черниговскимъ помѣщикомъ Г. Ми^{**} который два раза насъ угощалъ у себя съ истинной пріязнью; мы у него обѣдали и ужинали: семейство любезное, благосклонное, готовое къ услугамъ. Такое знакомство всегда находка.

На Подолѣ одинъ Кіевлянинъ, нѣкто Могилевскій, отецъ любезнаго молодого человѣка, который нѣкогда дѣлилъ занятія мои по службѣ, захотѣлъ насъ имѣть у себя въ домѣ и пригласилъ по Малороссійски на борщъ. Мы у него обѣдали и ѣли всякое тамошнее кушанье. Столъ былъ жирный, сытый и лакомый, вино пили доброе, хозяинъ радовался нашимъ посѣщеніемъ, а мы его лаской, и разстались другъ съ другомъ взаимно довольны.

Онъ зналъ свычку мою съ его сыномъ и мое къ нему добротство. Признательность его дѣлаетъ честь его чувствамъ, что нужды, что онъ незнатенъ? Лучшая порода—душа и сердце.

* Миклашевскій? О. Б.

Вообще Кіевляне, сколько я ихъ видѣлъ и изъ посѣщеній у нѣкоторыхъ распознать могъ, гостепріимны и до людей охотники. Имѣя мало публичныхъ увеселеній, какъ и всѣ Губернскіе города, они сѣзжаются между собой, принимаютъ другъ друга, составляютъ частныя общества и ни одинъ гость не уѣдетъ, не выпивъ за здоровье хозяина добраго бокала славнаго Венгерскаго вина.

Между живущими въ Кіевѣ безъ службы и дѣла примѣтенъ особенно Молдавскій бывшій Господарь, Князь Ипсилантій, который, послѣ бывшаго Кіевскаго Коменданта, Вигиля, * купилъ здѣсь прекрасный домъ. Я нигдѣ не имѣлъ случая съ нимъ встрѣтиться.

Чаще всѣхъ и почти всякой день запросто бывали мы у Мятлевыхъ, которые тамъ оказывали намъ большую ласку; всѣ вечера мы у нихъ просиживали, говорили о Римѣ, о руинахъ, о тамошнихъ красотахъ. Возможно ли находить время длиннымъ въ пріятной бесѣдѣ?

Однажды Пр. Ив. угодно было написать нѣсколько лестныхъ строкъ въ моихъ «Сумеркахъ.» ** Тутъ она и мужъ ея оставили почеркъ свой въ память частыхъ нашихъ свиданій въ Кіевѣ. Вотъ мой отвѣтъ:

Давно, весьма давно, призналъ ученый свѣтъ,
 Что Римъ есть тропъ наукъ, изящнаго искусства,
 Нигдѣ, какъ говорятъ, такихъ диковинъ нѣтъ,
 И такъ рѣзецъ и кисть не дѣйствуетъ на чувства.
 Я вѣрилъ; но чтобъ быть увѣрену pewno,
 Я опыта для глазъ и для души желалъ;
 Сомнѣнію сему продлиться не возможно,
 Я въ «Сумеркахъ» моихъ нашелъ, чего искалъ:
 Искуснаго пера прекрасныя черты,
 Какъ солнца яркій лучъ въ листахъ моихъ явился;
 Откуда, думалъ я, такіа красоты

* Филиппъ Лаврентьевичъ 1788—1798, отецъ Филиппа Филипповича Вигиля. О. Б.

** Есть книжка моихъ стиховъ, прозванная «Сумерки моей жизни,» въ которую, какъ въ альбомъ, мои знакомые дарили меня своимъ перомъ.

Волшебнымъ слогомъ вдругъ въ тѣни изобразились?
 Желая пошутить, попробовать перо,
 Изъ Рима на пути пригожая Московка
 Черкнула строчекъ пять и пѣжно и остро,
 Нечаянно плѣнять знакома ей уловка.
 О! вѣрить я теперь и возгласить готовъ,
 Что точно Римъ одинъ изяществомъ владѣть;
 Нѣтъ, скажемъ, что владѣлъ, благодаря боговъ,
 Ужъ Мятлеву не Римъ, Москва въ себѣ имѣетъ.

Г Л А В А LXXVIII.

Отъѣздъ изъ Кіева. Козелець.

Проживши дней 10 въ Кіевѣ въ безпрестанномъ, такъ сказать, изумленіи, пора было ѣхать домой. Изъ переписки моей съ родными я видѣлъ нетерпѣливость ихъ опять съ нами увидѣться: я ее цѣнилъ въ полной мѣрѣ, и при всемъ томъ удовольствіи, какое доставило мнѣ мое путешествіе, я скучалъ по своимъ домашнимъ. У кого есть дѣти, тому безъ нихъ вездѣ скучно; кто имѣетъ друзей, тотъ всегда ищетъ къ нимъ приблизиться.

Мы рѣшились выѣхать отсюда 18 числа. На канунѣ я ходилъ еще разъ взглянуть на Кіевъ съ Андреевской башни или галереи: это было въ вечеру. Солнце, оканчивая бѣгъ свой, скрывалось отъ нашихъ странъ; закатъ его былъ ясенъ, чистъ; небо ни чѣмъ не помрачено, и лазурный сводъ его принималъ на себя отраженіе послѣднихъ солнечныхъ лучей. Въ такое время дня взошелъ я на Андреевскую гору и окинулъ глазами весь Кіевъ еще разъ въ жизни. Нѣтъ ни чего прекраснѣй сего зрѣлища; я отъ него былъ внѣ себя и не вмѣщалъ своихъ восторговъ. На Подолѣ выстроены Магистратъ: онъ держится Германическихъ обрядовъ, будучи образецъ тамошнихъ Ратушъ. По обыкновенію того края трубачъ выходитъ на каланчу, трубитъ въ часъ утренней и вечерней зари и въ полдень: музыка заиграла въ эту самую минуту; я ее слышалъ съ горы, и звукъ трубъ раздавался далеко по струямъ Дѣйпра. Все способствовало къ потрясенію моихъ

чувствъ; они были живы, пламенны, обнимали вдругъ прошедшее и настоящее. Простясь съ солнцемъ, простился съ Кіевомъ и пошелъ домой готовиться къ отъѣзду.

Въ самый день нашего отъѣзда посѣтилъ я въ послѣдній разъ гробъ моей бабки, принесъ ей жертву моего благоговѣнія, оросилъ слезами мертвенное ея покрывало и пожелалъ всѣмъ сердцемъ, чтобы они проникли до безсмертной души ея, и если мертвые въ селеньяхъ пренебесныхъ могутъ убѣждаться чувствами земнородныхъ, еще населяющихъ юдолю міра, то пусть великая душа ея приметъ наше поклоненіе съ такимъ же благопріятствомъ и кротостію, съ какимъ Отецъ тварей, изливая на насъ щедроты свои, внемлетъ моленію сыновъ, ищущихъ угождать ему.

Съ трепещущимъ сердцемъ и въ сильномъ волненіи его выѣхали мы изъ Кіева. Сестра провожала насъ: она не плакала, чтобъ насъ не растрогать; но черты лица ея изображали истинное положеніе огорченнаго ея сердца. Проводы ея мужа умножили безпокойство наше внутреннее: намъ жаль было разставаться съ ними; намъ жаль было ихъ—Кіево-домашнихъ, словомъ, всего: хотѣлось ѣхать, хотѣлось остаться. Чувствительный человѣкъ есть самое мятежное существо во вселенной.

Нечаянная встрѣча насъ разсмѣшила на минуту. Одинъ бѣдный Полякъ, издавна знакомый женѣ моей, странствующій въ Кіевѣ безъ пристанища, увидѣвши ее, узналъ и, называя старымъ именемъ: «Ah! Madame Rojarina (сказалъ онъ ей), grand triste et grands pleurs!» Такъ онъ хотѣлъ изъяснить сожалѣніе свое о томъ, что ея давно не видалъ; а за два дня передъ тѣмъ видѣлъ ее и спрашивалъ у всѣхъ: кто такая? Прямой Полякъ: и холоденъ и жарокъ въ одну и ту жъ минуту; мы всѣ этому посмѣялись.

Екипажи наши дожидались насъ за рѣкой; чтобъ дойти до нея, надобно спуститься съ превысокой и крутой горы, которую стараются всячески сдѣлать отложе, и не безъ успѣха; но работа понынѣ стоитъ казнѣ до 4,000 руб. Многіе критикуютъ эту издержку, и не совсѣмъ безъ основанія разсуждаютъ, говоря: въ VI-мъ вѣкѣ строенъ городъ; въ него и изъ него въ цѣлыя XV столѣтія

выѣзжали по другой сторонѣ, гдѣ путь съ объѣздомъ былъ несравненно легче и отложе: для чего же въ XIX вѣкѣ вздумали проложить на Диѣпръ новый спускъ, который крутъ, опасенъ и дорогъ?

На берегу Диѣпра я простился съ сестрой, съ зятемъ. Минуты разлуки съ людьми любезными нестерпимы: ни что ихъ не красить. Я побѣжалъ, не оглядываясь, за мостъ, и, на той сторонѣ остановясь нѣсколько секундъ, взглянулъ на Лавру: какъ видѣть ее изъ за рѣки величественъ! Тутъ надобно глядѣть на Кіевъ, и дивиться этому хребту горъ превысокихъ, на которыхъ онъ поставленъ. Отсюда глядя на нихъ, признаться должно, что онѣ много выше Владимірскихъ холмовъ; да и Диѣпръ, при всѣхъ его отмеляхъ, гораздо шире и важнѣе Клязьмы. Чтобъ много похвалить Владиміръ, довольно сказать, что онъ—Кіевъ въ маленькомъ видѣ. Какъ всю картину города украшаетъ Подолъ! Ни какому описанію повѣрить нельзя; надобно это видѣть: одинъ собственный взоръ увѣрить въ превосходствѣ мѣстоположенія. Думаю, что въ цѣлой Россіи нѣтъ ему подобнаго. Долго я не могъ усидѣть въ коляскѣ: сяду—и опять вонъ; оборочусь назадъ—и смотрю на Кіевъ. Чѣмъ больше я отъ него удалялся, тѣмъ плѣнительнѣе представлялась картина его въ отдаленіи. Онъ восхитителенъ, и я только тогда пересталъ закидывать глаза назадъ, какъ взбѣсили меня пески: тутъ я спрятался въ уголъ моей коляски, поднялъ ее и задремалъ.*

До Броварей 18 верстъ только, но онѣ утомительны: песокъ сыпучій, лошади едва тащатъ повозки, насъ пекло до смерти. На силу въ 4 часа времени доѣхали. Во всю дорогу двигались

* О Кіевѣ см. прекрасное сочиненіе Н. В. Закревскаго, подъ заглавіемъ: «Описаніе Кіева,» явившееся въ первый разъ въ Ревелѣ 1836: «Очеркъ исторіи города Кіева», стр. 68; вторично въ «Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1848 г.: «Лѣтопись и Описаніе города Кіева,» 256 стр., кн. II, и особо, и въ третій въ 1868 г., въ Москвѣ, отдѣльно, въ 2-хъ большихъ томахъ, съ изображеніями и чертежами: «Описаніе Кіева,» вновь обработанное и значительно умноженное изданіе, но при чтеніи его слѣдуетъ имѣть подл руками и не менѣе прекрасныя изслѣдованія о Кіевской старинѣ М. А. Максимовича, въ особенности его: «Объяснительные параграфы о Кіевѣ. Кіевъ, 1869.» О. Б.

шагомъ, и почти третью часть ея шли пѣшкомъ. Какая тоска! Отъ Броварей до другой станціи, Семиполки, 27 верстъ, пески не такъ глубоки, но все еще есть, и мы ѣхали не очень скоро. Это селеніе принадлежитъ Княгинѣ Хованской, которая сама тутъ живетъ. * Карета и повозки отъ насъ отстали, но намъ не хотѣлось терять дня, и мы съ женою одни въ коляскѣ поскакали въ Козелецъ. Тутъ дорога пошла лучше. Мы 24 версты проѣхали въ два часа. Селенія часты, и рощи есть. Вечеръ былъ прекрасный, и послѣ горячихъ песковъ эта станція дала намъ отраду. Мы захватили часа полтора сумерекъ и темноты, но доѣхали въ Козелецъ одни, безъ прислуги и всѣхъ товарищей оставя назади. Козелецъ—Уѣздный городокъ Черниговской Губерніи: она начинается подъ самымъ Кіевомъ, тотчасъ за Днѣпромъ, и мы, вступя въ нее, увидѣли тѣ же распоряженія по дорогѣ, какія въ Полтавѣ. По обѣ стороны деревья, но, проклятыя, не хотятъ ни какъ приниматься. До Козельца прогоны почтовые платятся по 3 копѣйки на лошадь, по тому что это называется военный Петербургскій трактъ.

Городничій далъ намъ квартиру въ своемъ домѣ. Козелецъ—городъ неважный и можетъ хвалиться только отиѣннымъ множествомъ водяныхъ мельницъ, коихъ до 12 почти рядомъ. Часть ихъ принадлежитъ казнѣ, другая помѣщикамъ, и когда воды для всѣхъ недостаточно, то они мелютъ по очереди, понежѣльно. Гербъ города мнѣ показался забавенъ: серебряный козелъ, и на немъ золотые крестъ и держава. Какъ могли такіе священные атрибуты соединиться между рогъ самого неблаговоного скота? Вотъ все, что о Козельцѣ сказать можно. * Всѣ наши от-

* Какъ Бровари, такъ и Семиполки, прежде принадлежали Кіевопечерской Лаврѣ, теперь же первое—мѣстечко съ 2 церквами, Еврейской молебней, 2 ярмарками и торгами; въ немъ около 300 дворовъ или 2,000 душъ обоего пола, лежитъ при озерѣ Свѣдловицѣ; другое при ручьяхъ Пилевкѣ и Татаркѣ, надъ болотомъ Сиволожью, съ 163 дворами или почти около 2,000 жителей обоего пола, церковью и тремя заводами. О. Б.

** Козелецъ дѣйствительно можетъ похвалиться своими мельницами, такъ какъ онъ стоитъ надъ рѣчкой Остромъ и рѣчкой Карашней. Остеръ течетъ по нему извилисто, окружаетъ его съ 3-хъ сторонъ и впадаетъ въ Десну; мѣстоположеніе

ставшіе спутники пріѣхали очень поздно, и мы, пообѣдавши сегодня на скорую руку въ Броваряхъ, легли спать не ужинавши. Послѣ всѣхъ тѣхъ наслажденій, кои намъ представилъ Кіевъ, одинъ день поста перенести было не трудно. Обыкновенно при выѣздѣ изъ большихъ городовъ, особливо гдѣ нѣсколько дней промѣшкаешь, наши люди не умѣютъ скоро собраться, и пока господа любопытствуютъ, смотрятъ старыхъ, или новыхъ, диковинъ, слуги шатаются по трактирамъ, пробуютъ свойство хмѣля, сравниваютъ чужестранный съ своимъ, наконецъ не стоятъ на ногахъ, и когда надобно собраться, то или спятъ, или отстали, или чего ни будь въ поклажахъ не сыщутъ. Да здравствуютъ Русскіе холопы!

Г Л А В А LXXIX.

Нѣжинъ.

19 числа выѣхали мы изъ Козельца съ намѣреніемъ поспѣть почевать въ Нѣжинъ, въ чемъ и успѣли. Поѣхавши въ 9 часовъ утра, пріѣхали въ 5 по полудни. Дорога сюда пещана, а къ Нѣжину гати и недомостки очень беспокоятъ. Обѣдали мы въ Носовкѣ, помѣстьѣ Графа Безбородька, гдѣ у него для пріюту маленькой флигель построенъ. Графъ еще въ Кіевѣ во всѣ свои Малороссійскія деревни далъ намъ приказы, которымъ одолжены мы были большими пріятностями.

равное со многими въ предмѣстьяхъ садами. Въ немъ была когда-то и крѣпость, обнесенная валомъ; въ городѣ теперь церковей 5, изъ коихъ одна построена матерью Графовъ Разумовскихъ, во имя Рождества Богородицы, по плану архитектора Графа Растрели, съ колокольней, похожей на Кіевопечерскую; въ церкви многія иконы Итальянской живописи. Извѣстно, что въ 7 верстахъ отъ Козельца находится село Лемеша—родина реестроваго Козака сего полку, Григорія Розума, отца Разумовскихъ. За городомъ находятся женскій Богоявленскій монастырь, а въ нѣсколькихъ верстахъ мужской Георгіевскій, управляемый Игуменомъ; сверхъ того Еврейскихъ двѣ молебни, Уздное и Приходское Училища, Больница, ярмарокъ 5, еженедѣльные торги и нѣсколько заводовъ. Жителей около 450 дворовъ съ 5,000 обоего пола. Отъ Губернскаго города Чернигова

Лишь въѣхали въ Нѣжинъ, какъ встрѣтили любопытное зрѣлище—Жидовскую свадьбу. Одинъ Жидъ шелъ отъ жениха съ дарами къ невѣстѣ, неся по улицѣ на головѣ какой-то не покрытый коленкоръ, который мы скоро, ѣхавши рядомъ, накрыли пылью. За нимъ пѣшествовали три Жида, изъ которыхъ одинъ игралъ на скрипкѣ, другой на цымбалѣ, а третій шумѣлъ кастаньетами или гремушками. Гуляки этѣ дошли до дому невѣсты и встрѣчены были у двора ея роднею. Черезъ часъ началась свадьба, и я нарочно пошелъ ее посмотреть. Вотъ въ чемъ состоялъ ихъ обрядъ:

Новобрачные выведены были изъ дому на улицу подъ большой наметъ, на четырехъ жердяхъ висящій. Женихъ 16 лѣтъ одѣлся въ шубу и надвинулъ шапку. То же сдѣлала невѣста, совершенная ему ровестница; все лице у нея было закрыто. Около навіса торчали родственники и наша братья зрители. Жида, по обыкновенію, кричали во весь голосъ. Тотъ, который бракъ совершалъ, стоялъ подъ общимъ съ ними холстомъ, обручалъ ихъ кольцами, поилъ виномъ, держалъ подъ носомъ у нихъ свѣчи и стаканъ, изъ котораго ихъ поилъ: опорожнивъ, бросилъ на землю, и его въ мелкіе кусочки истопталъ народъ; все это сопровождалъ онъ пѣніемъ и кривляньемъ, безъ котораго у Жидовъ нѣтъ ни какого духовнаго дѣйствія. Послѣ различныхъ своихъ фарсъ, онъ прочелъ имъ брачный договоръ, и тѣмъ все кончилось. Отъ вѣнца повели ихъ подъ руки въ домъ; тѣ же музыканты заиграли плясовыя пѣсни, Жида и жены пріударили въ ладоши, и самые усердные пріатели новобрачныхъ, идучи впереди, въ присядку плясали. Какая трогательная церемонія!

Я эту чету проводилъ до воротъ, но въ домъ не пошелъ, за тѣснотой; я могъ вообразить, какъ тамъ душно, тѣсно, гадко!

отстоятъ въ 62 верстахъ, а прежде былъ, до открытія Намѣстничества, онъ главнымъ городомъ Кіевского полка съ своей сотней. Выпѣшной гербъ его взять съ печати городской Магистратской, между тѣмъ какъ печать Полковная представляла Кіевскія горы съ крестомъ, водружаемымъ Апостоломъ Андреемъ, который благославляетъ еще свыше десницей. О. Б.

Между Жидовокъ одно только лицо можно замѣтить было по красотѣ его и пригожеству: впрочемъ, въ этомъ разсѣянномъ сбродѣ людей, я мало встрѣчалъ хорошихъ лицъ женскаго пола. Сколько ни старался узнать, отъ чего женихъ и невѣста вѣчались въ шубахъ и шапкахъ, не могъ ни какъ причины добиться, а жаръ былъ несносный, и ихъ вѣрно солнце пекло, какъ огонь куроштокъ на вертелѣ. Я думаю, что это для того, чтобъ они всегда были жарки другъ къ другу и холодны къ другимъ. Хорошо, естли имъ это удастся.

Поговоримъ о самомъ городѣ. Онъ неопрятенъ и нехорошъ, но видно, что торговый, и отъ того богатъ. По превосходству числа жителей въ немъ изъ Грековъ, можно назвать его Греческимъ городомъ. Мостовыхъ нѣтъ, и такъ осенью и весной въ большія грязь ни проходу, ни проѣзду. Площадей и регулярныхъ улицъ не увидишь, а пустырей много; рѣчка скверная или, лучше сказать, протечная лужа. Домъ для Присутственныхъ Мѣстъ каменный; Магистратовъ два: одинъ Уѣздный, по общему статусу всѣхъ Россійскихъ городовъ, и строеніе его такой же формы, какъ въ Кременчугѣ, только поменьше и не столь великолѣпно; другой учрежденъ собственно для Грековъ, кои пользуются здѣсь разными преимуществами, и изъ нихъ самое важное то, что дома ихъ свободны отъ постоя.* Ряды скверные: обыватели измѣреваются строить цовые.

* Въ нынѣшнее время Грековъ въ Нѣжинѣ очень мало, не болѣе 365 душъ обо-его пола, изъ коихъ многіе, со времени перевода Всеѣдинской ярмарки въ Роменъ, живутъ въ другихъ Русскихъ городахъ, не выписываясь, однако жъ, изъ своего общества и присылая въ своей Магистратъ о себѣ сказки, откуда получаютъ видъ на прожитіе. Они отличаются отъ прочихъ Нѣжинскихъ обывателей только однимъ своимъ типомъ; впрочемъ, между ними было и есть довольно и Булгаръ, говорящихъ по Гречески и выдающихъ себя за Грековъ, чтобы участвовать въ тѣхъ выгодахъ, которыя предоставлены имъ были у насъ еще со времени Гетмана Богдана Хмельницкаго, старавшагося привлечь ихъ въ Малороссію для развитія торговли. Выгоды эти въ наше время ограничиваются: свободой отъ податей, постояевъ, подводъ и личной службы, платежа гильдій по всей Черниговской Губерніи, поступленіемъ въ войско на правахъ личныхъ Дворянъ, имѣющихъ своей Магистратъ съ Членами его, утверждаемыми Губернскимъ Начальствомъ, и пользуются преимуществами купцовъ 1 и 2-й гильдіи. Кромѣ того,

Въ Нѣжинѣ есть мужской монастырь, построенный Яворскимъ, котораго и портретъ стоитъ въ соборномъ храмѣ. Онъ заложенъ при Петрѣ 1, ровесникъ Полтавской побѣдѣ. Около тѣхъ дней поставленъ тутъ престолъ во имя Благовѣщенія. Отсюда его названіе Назаретъ. * Архимандритъ тутошній, Ректоръ

Нѣжинскіе Греки имѣютъ свое Александровское Училище на правахъ Уѣзнаго. Нѣжинъ раскинутъ на равнинѣ, по обѣимъ берегамъ рѣки Остра, протекающей черезъ городъ прорытымъ каналомъ, копанымъ въ 1812 году, теперь заросшимъ травою, а по тому жители пужаются въ водѣ, пользуясь ею отчасти изъ колодезевъ. Южная часть города больше сѣверной. Основаніе его теряется въ древности; думаютъ, что онъ встрѣчается уже около XII-го столѣтія (подъ 1147 г. въ Пиатев. спискѣ упоминаются Нѣжатины въ одномъ мѣстѣ, и Унепѣжъ въ другомъ, по одно ли и то же этѣ названія, равно какъ и Нѣжати на нива?). Судьба его нераздѣльна съ судьбою прочихъ Малорусскихъ городовъ; въ XVII столѣтіи онъ получилъ Магдебургскія права, нѣкоторыя земли (на 12 верстъ кругомъ себя и нѣкоторыя населенныя хутора и села въ своемъ и Борзенскомъ Уѣздахъ) и самый гербъ: Георгій на конѣ, поражающій кошемъ змія: онъ употреблялся въ Магистратѣ до открытія Черниговскаго Намѣстничества; настоящій же гербъ Нѣжина: четырехугольный продолговатый щитъ, коего нижніе углы закруглены, а въ нижнемъ краю на срединѣ острое возвышеніе; щитъ перерѣзанъ съ права на лѣво, на двѣ части, изъ коихъ въ верхней, въ красномъ полѣ, двѣ руки, одна другую держащія, а въ нижней въ синемъ полѣ золотой жезлъ Меркуріевъ. Этотъ гербъ употреблялся Полковою Канцеляріей, и утвержденъ навсегда Государыней въ 1782 году. При Гетьманахъ Нѣжинъ высоко было подиался: преимущества, полученные имъ какъ прежде, отъ Польскихъ Королей, такъ и отъ Гетьмановъ своихъ, подтверждались и Русскими Государями. Онъ былъ одинъ изъ 4-хъ увѣрительныхъ Малороссійскихъ городовъ (съ Переяславомъ, Черниговомъ и Полтавою) для Московскаго Государя, и по тому занимался Русскимъ войскомъ съ Комендантомъ. Съ 1782 г. Нѣжинъ сдѣлался Повѣтовымъ городомъ Черниговскаго Намѣстничества, а потомъ Уѣзднымъ Малороссійской, послѣ Черниговской, Губерніи. Нынѣ Нѣжинъ принадлежитъ къ значительнѣйшимъ городамъ своей Губерніи по величинѣ, храмамъ (22 Православныхъ, 1 Католическій и Синагога), учебнымъ заведеніямъ (6-ть: Лицей, Гимназія, Греческое, Уѣздное, Приходское и Еврейское казенное Училища) и другимъ учрежденіямъ (Больница, домъ для Инвалидовъ, Богодѣльня, 2 частныхъ Пансіона), населенію (2,334 дома съ 20,000 жителей обоего пола) и промышленности, производимой особенно Греками и Малороссіянами (папушный табакъ, соленые огурцы и другіе плоды, отправляемые на Покровскую ярмарку въ Кролевецъ, а оттуда развозимые по всей Россіи). Есть свой гостинный дворъ, и т. п., ежедневныя торги; Полціеместеръ съ 4 Квартальными. О. Б.

* Митрополитомъ Рязанскимъ Стефаномъ, какъ въ мѣстѣ, въ которое (городъ

Черниговской Семинаріи, родомъ изъ Болгаръ, и худой, сказывзюгъ, проповѣдникъ. По случаю вакаціоннаго времени во всѣхъ училищахъ, мы его застали въ своемъ монастырѣ и познакомились съ нимъ. Онъ показался мнѣ человѣкомъ скромнымъ и благодушнымъ, принялъ насъ очень ласково, и самъ посѣтилъ на нашей квартирѣ; водилъ меня по всему монастырю и всѣ его красоты показывагъ. Всѣхъ рѣдкостей выше кровь Іоанна Предтечи, которую онъ самъ мнѣ съ разными частями мощей показывалъ на престолѣ, въ особомъ ковчегѣ; впрочемъ, ни чего я не нашелъ отмѣннаго. Церковь прекрасна, судя по вкусу—старинной архитектуры. Архимандритъ этой обители имѣетъ права служенія подобнаго Настоятелямъ Ставропигіальныхъ монастырей, т. е., осѣняетъ свѣчами, принимаетъ дары и пр. и носить панагію.

Между новыми строеніями замѣтить можно Греческую церковь. Она похожа на всѣ новѣйшіе соборы, какіе видѣли мы въ Одессѣ и Херсонѣ. Иконостасъ и убранство церкви въ Греческомъ вкусѣ. Мнѣ не понравилось только то, что подъ ней сдѣланы подвалы, изъ которыхъ, думать надобно, отпускаются на продажу бочки съ виномъ. Стыдно, по мнѣнію моему, унижать достоинство домовъ Божіихъ такими экономическими, да еще большею частію и къ пользѣ разврата служащими, заведеніями. Колокольная хороша и сквозная. Жаль, что поскупились Греки сдѣлать съ третьимъ уступомъ еще одинъ этажъ. Она бы тогда была образцовой красоты.

Но оставимъ эти предметы, какъ входящіе въ рядъ весьма обыкновенныхъ человѣческихъ предпріятій, а обратимся къ совершенно дикивинному зданію. Нѣжинъ уже и теперь имъ ще голять можетъ, а со временемъ прославится въ ученомъ свѣтѣ. Графъ Безбородько пожертвовалъ милліономъ рублей на то толь-

Нѣжинъ) родители его, избѣгая гоненій отъ Упѣатовъ, выселились изъ мѣстечка Явора Волынской Губерніи, въ коемъ онъ родился 1658 года; но храмъ построенъ не въ 1709, а въ 1716 году. Этой обители онъ завѣщалъ и свою многочисленную бібліотеку, которая, однако, по просьбѣ Бѣлогородскаго Епископа, Досиѣя, въ 1731 г., перенесена въ Харьковскій Коллегіумъ, но, говорить, въ этомъ монастырѣ все таки осталось нѣсколько его рукописей на Латинскомъ языкѣ. О. Б.

ко, чтобъ здѣсь основать огромную Гимназію для Грековъ и Малороссіянъ. Основательные здѣшніе жители до сихъ поръ утверждаютъ, что братъ его, Свѣтлѣйшій Князь, очень привязанъ былъ къ Нѣжину, хотѣлъ тутъ построить для себя домъ, и въ немъ перестать жить, такъ какъ Разумовской скончался въ Батуриѣ; но всѣ предположенія человѣческія суетны: Князь умеръ на Невѣ, а въ Нѣжинѣ, вмѣсто дома для него, подымаетъ братъ его колоссальное зданіе для распространенія наукъ и художествъ. Мысль прекрасная, достойная знатнаго расчотителя! *

Этотъ домъ строится изъ кирпича, и длина его будетъ 40 сажень. Первый этажъ уже выведенъ; года въ три, думать долж-

* Князь Александръ Андреевичъ былъ сынъ Малороссійскаго Генеральнаго Судьи. Андрея Яковлевича Безбородька, родился въ Глуховѣ 1746 г., учился сперва въ домѣ родительскомъ, а потомъ въ Кіевской Академіи; 1765 Бунчуковій Товарищъ и Правитель Канцеляріи Графа Румянцова-Задунайскаго, Генераль-Губернатора Малороссіи; 1767 Членъ Генеральнаго Суда, черезъ два года предводитель Нѣжинскаго, Лубенскаго, Миргородскаго и Компанейскихъ полковъ, участвовалъ въ сраженіяхъ съ Турками при Румянцовѣ, завѣдывая, кромѣ того, его походными дѣлами; 1774 Полковникъ, 1775 у принятія прошеній на Высочайшее имя; 1779 Бригадиръ; 1780 Генераль-Маіоръ; 1784 Тайный Совѣтникъ, Вице-Канцлеръ и Графъ Римской Имперіи; 1786 Гофмейстеръ; 1790 Д. Т. Совѣтникъ; 1797 Канцлеръ и Свѣтлѣйшій Князь. Послѣ себя оставилъ брату своему, Ильѣ Андреевичу (см. выше стр. 63, примѣч. 1-е), около 40,000 душъ, которыя перешли потомъ въ дома Графа Г. Г. Куселева и Князя А. Я. Лобанова-Ростовскаго, женатыхъ на дочеряхъ Графа Ильи, изъ коихъ сынъ первой получилъ позволеніе именоваться Графомъ Куселевымъ-Безбородькомъ, старшій изъ его рода всегда Почетный Попечитель Гимназій высшихъ наукъ, а нынѣ Нѣжинскаго Лицея. Въ бумагахъ Князя по смерти отыскалось завѣщаніе вносить ежегодно въ теченіе 6 лѣтъ по 10,000 въ пользу Богоугодныхъ заведеній, а потомъ въ продолженіе 8-ми по 20,000. Графъ Илья, присоединявъ отъ себя по 15,000 въ годъ на вѣчныя времена, съ обезпеченіемъ того 3000 душъ, рѣшился основать въ Нѣжинѣ Училище высшихъ наукъ, подарилъ для него мѣсто съ садомъ, что и одобрено Императоромъ 29 Іюля, 1805 г. Постройка зданія стоила 400 т. бум.; открытіе послѣдовало въ 1820 г. Гимназія состояла изъ 9 классовъ, въ коихъ преподавались науки Словесныя, Политическія, Физико-Математическія; отличные изъ воспитанниковъ выпускались съ званіемъ Кандидата и чиномъ 12 класса, а прочіе Дѣйствительнаго Студента и чиномъ 14-го класса. Въ 1832 (по другимъ 1834) Гимназія эта переименована въ Лицей съ 3-хъ курснымъ Физико-

но, что и весь корпусъ кончится. Графъ для прїѣздовъ своихъ имѣетъ и въ Нѣжинѣ деревянный домъ, но ни чего незначущій, хуже деревенскихъ его квартиръ. При немъ старый садъ, разведенный какимъ-то Обыдовскимъ, * отъ котораго усадьба дошла къ Безбородьку и до сихъ поръ называется Обыдовщина. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ сей обширный храмъ наукъ обезсмертитъ имя учредителя и Нѣжинскаго патріота.

Мы въ Нѣжинѣ одну ночь переночевали и стояли въ прекрасной квартирѣ. По сосѣдству Черниговскихъ своихъ помѣстевъ, зять мой знакомъ съ однимъ зажиточнымъ обывателемъ Нѣжинскимъ, Грекомъ купцомъ, по имени Клица, и далъ къ нему письмо. Онъ насъ принялъ очень ласково, отдалъ намъ весь домъ, который, при выгодномъ расположеніи покоевъ, очень хорошо прибранъ. Садъ его не великъ, но для прогулки довольно просторенъ; въ немъ бесѣдка круглая на изрядномъ мѣстѣ; мы въ ней пили чай на завтра, рано по утру, передъ отъѣздомъ нашимъ и въ удовольствіе хозяина хвалили нѣкоторыя окрестности Нѣжина, кои, впрочемъ, изъ одной учтивости, для привѣтствія, можно назвать хорошими. Хозяинъ добрымъ ужиномъ насъ угостилъ, и мы ему остались очень благодарны. Кто охотникъ до ликеровъ, пусть ѣдетъ сюда: они превосходны; не напрасно хвалятся всякими водками Нѣжинъ; правда, что нигдѣ такихъ отличныхъ не дѣлаютъ.

Математическимъ Факультетомъ, а 1840 въ Юридическій Факультетъ; при Лицеѣ учреждена еще особая Гимпазія, въ которой приготовлялись бы къ поступленію въ оный. Оба основателя покоятся въ Петербургѣ: первый скончался 6-го Апрѣля, 1799, а второй 3-го Іюня, 1815 г. О. Б.

* Полковникомъ Нѣжинскимъ и племянникомъ по сестрѣ, Александрѣ Степановѣ, Гетьмана Ивана Степановича Мазепы, бывшей въ замужствѣ за Обидой, Полковникомъ Гетмана Ханенка, котораго въ 1670 г. онъ посылалъ къ Царю въ Москву съ увѣреніемъ въ своей вѣрности и проч. Этотъ племянникъ былъ

ГЛАВА LXXX.

Батуринъ. Гробъ Графа Разумовскаго.

Отъ Нѣжина до Батурина 80 верстъ, и мы туда поспѣли ночевать 20 числа. Дорога ровная, но еще пещана. Во многихъ мѣстахъ разводятъ табакъ. Къ удивленію нашему, яровые хлѣбы еще не поспѣли; гдѣ же? Въ Малоросіи! Чего же у насъ ожидать? Гати и проспекты продолжаются: первая мучительны въ грязную пору, а послѣднія цѣлыми верстами прерываются и сохнутъ. Обѣдать останавливались мы въ Борзнѣ: городокъ Уѣздный, ни чего не значущій, въ которомъ мы ни кого и ни чего не видали. * На квартирѣ замѣтилъ я, что передъ образомъ положено въ переднемъ углу два пучка ржаныхъ колосьевъ и ступка соли. Хозяйка сказывала намъ, что у нихъ въ обрядѣ первые начатки плодовъ земныхъ приносить къ образамъ, а потомъ они эти зерны смѣшиваютъ съ тѣми, кои у нихъ идутъ на поспѣвъ.

Батуринъ—мѣстечко, принадлежащее Разумовскимъ. Само по себѣ оно ни чего не значить: строеніе въ немъ бѣдное, положеніе мѣста самое некрасивое. Здѣсь нѣкогда была столица Малороссійскихъ Гетмановъ. Фельдмаршалъ Графъ Кириллъ Григорьевичъ, извѣстный своею роскошью, послѣдніе годы жизни провелъ въ Батуринѣ и въ немъ скончался. Говорятъ, что и здѣсь жилъ очень пышно: такъ думать должно, судя по его домамъ; одинъ изъ нихъ деревянный и похожъ на Дворецъ. Мы не нашли уже въ немъ ни

женать на Аннѣ Васильевнѣ Кочубѣй, дочери извѣстнаго Василя Леонтьевича Кочубея, а сестрѣ Матроны Васильевны, соблазненной Мазепою, хотя и крестницѣ его. О. Б.

* Онъ лежитъ при болотистой рѣчкѣ того же имени, на ровной мѣстности. Около половины XVII столѣтія Борзна является въ Исторіи Сотеннымъ мѣстечкомъ Нѣжинскаго полка, потомъ была Повѣтовымъ, а теперь Уѣзднымъ, городомъ. Вокругъ его множество вѣтряныхъ мельницъ (за сто), такъ какъ обитатели ведутъ большую торговлю хлѣбомъ (особенно рожью), коего сбывается до полу-милліона пудовъ въ годъ; кромѣ того занимаются изготовленіемъ сапоговъ (до 10,000 паръ ежегодно), продаваемыхъ въ окрестностяхъ и далѣе. Домовъ за 1200 съ 9,000 жителей, 4 церквами, Еврейской моельней, Уѣзднымъ и Приходскимъ Училищами, Больницей, 3 ярмарками, еженедѣльными торгами. О. Б.

какого убранства; онъ обнаженъ всѣхъ своихъ прелестей, но, по огромности своей и количеству покоевъ, достоинъ и понынѣ примѣчанія. При немъ садъ великъ, но запущенъ; оранжереи наполнены плодами. Другой домъ каменный: въ немъ Графъ и жить не успѣлъ, только что отдѣланъ; онъ поставленъ на лучшемъ мѣстѣ, какое отыскаться могло въ Батуринѣ, на горѣ и надъ рѣкой. Домъ въ три этажа, съ широкимъ балкономъ и колоннадой. Комнатъ большихъ нѣтъ, а отъ того онъ внутри и не очень великолѣпенъ, но снаружи, особливо изъ за рѣки, видъ его довольно пригожъ. Это имѣніе принадлежитъ нынѣ Графу Андрею Кирилловичу * одному, и даетъ ему доходу до 200 т.; за нимъ считается здѣсь 16 тысячъ душъ; управляетъ всѣмъ этимъ добромъ Англичанинъ, родившійся въ Россіи и воспитанный въ Лондонѣ; онъ говоритъ очень чисто по Русски и весьма пріятливъ, отвелъ намъ покой въ большомъ деревянномъ Графскомъ домѣ, накормилъ насъ, освѣтилъ и запотчивалъ фруктами: яблокъ здѣсь и абрикосовъ пропасть. Повѣрятъ ли, однако, что въ этомъ климатѣ былъ морозъ 10 Іюня, и съ 7 Августа опять начались морозы? Не знаю, такой ли былъ годъ, или это обыкновенно и въ Малороссіи, какъ у насъ около Сѣвера; но узнавши это, я сказалъ про себя: «Славны бубны за горами. Искали тепла—нашли стужу.»

Въ Батуринѣ разныя заведенія. Извѣстно, что здѣсь дѣлаютъ славныя восковыя свѣчи; нынѣ зачали лить коротенькіе огарки нарочно для ночниковъ; свѣтъ ихъ темень, но очень полезенъ и

* Сыну Гетмана Графа Кирилла Григорьевича, р. 22-го Октября, 1732 г.: на 12 году Мичманъ, учился съ 1764 за границей въ Университетахъ по 1769, служилъ въ Англійскомъ флотѣ и вышелъ изъ него Лейтенантомъ, участвовалъ въ походѣ въ Архипелагъ, 1773 Капитанъ-Лейтенантъ и Камеръ-Юнкеръ, 1774 Бригадиръ, 1775 Генералъ-Маіоръ; 1776 Полномочный Министръ въ Венеціи, 1778 въ Неаполѣ по конецъ Ноября 1783, 1784 Дѣйствит. Камергеръ, 1786 Чрезвычайный Посланникъ въ Стокгольмѣ, 1790 помощникъ нашего Посла въ Вѣнѣ (Князя Д. М. Голицына), съ 1792 самъ Посолъ при этомъ Дворѣ; 1797 Д. Т. Совѣтникъ; 1806 уволился, но не выѣхалъ изъ Вѣны; былъ первымъ Полномочнымъ нашимъ на Вѣнскомъ Конгрессѣ и возведенъ въ Князя 1815, а вскорѣ за тѣмъ получилъ и титулъ Свѣтлости; 1819 Д. Т. С. 1-го класса; скончался въ Вѣнѣ, 11-го Сентября, 1836 г., на 84 г. отъ рожденія; потомства не оставилъ по себѣ. О. Б.

пріятіе всякой лампы ночью; они горятъ часовъ 12; тѣхъ и другихъ мало продаютъ, по тому что Графъ Андрей Кирилловичъ затребовалъ къ себѣ въ Вѣну до 400 пудовъ свѣчъ. Какая пропасть! Жаль, что это не разойдется по насъ въ Россіи и что отъ этого мы съ другихъ фабрикъ скверныя свѣчи будемъ покупать гораздо дороже!

Въ 40 верстахъ отсюда Графъ имѣетъ овчарный заводъ; называютъ, что на немъ считается до 1200 настоящихъ Испанскихъ овецъ. Разумѣется, что есть и фабрика суконная; пятьдесятъ становъ въ работѣ; на иныхъ точется солдатское сукно, а на другихъ тонкое. Для храненія ихъ устроены особый магазинъ; изъ котораго сукна выпускаются на вольную продажу. *

Всѣмъ вообще управляетъ сказанный Англичанинъ. Я читалъ вѣрующее письмо, которое изъ Вѣны отъ Графа ему прислано. Силою сей довѣренности онъ имѣетъ право на всякое распоряженіе; можетъ даже для изворотовъ хозяйственныхъ продавать и закладывать. Неограниченное полномочіе! Отецъ его поселился здѣсь за 40 лѣтъ назадъ и правилъ имѣніемъ Фельдмаршала. Когда тотъ и другой скончались, сынъ того же иностранца смѣнилъ въ правленіи своего отца и угодилъ Графу Андрею Кирилловичу. Условія его всѣ состоятъ въ томъ, что онъ съ чистаго Графскаго дохода получаетъ десятую долю. Въ прошедшемъ году ему дошло взять тысячъ съ 16, кромѣ того столъ, услуга, погребъ, освѣщеніе, квартира, все Графское и все съ большою роскошью: какое прекрасное состояніе! За 30 тысячъ дохода его нельзя себѣ доставить нигдѣ въ Россіи. Обязанности другой онъ не несетъ, какъ посылать годовой отчетъ въ доходъ и расходъ. Отчетъ сей состоитъ безъ всякихъ мелочныхъ подробностей въ показаніи крупныхъ статей сбора и издержекъ. Расходы по дѣламъ въ Присутственныхъ Мѣстахъ совершенно лежатъ на его совѣсти; за тѣмъ чистый барышъ переводится въ Вѣну. Графъ Андрей Кирилловичъ такъ привыкъ ему вѣрить, что онъ ни чего болѣе не требуетъ, а все анпробуетъ. Если такая довѣренность дѣлаетъ

* Это была первая суконная фабрика въ нынѣшней Черниговской Губерніи, устроенная 1736 года; нынѣ, говорятъ, находится въ бездѣйствіи. О. Б.

много чести Англичанину, который черезъ 40 лѣтъ ее не употребилъ во зло и всегда больше и больше оной удостоивался, то не меньше, смѣю думать, похвально и для помѣщика-вельможи, что, испытавъ качества повѣреннаго своего, не мучить его мелочью, не дрожить изъ копѣйки и не прѣветъ надъ расходными кипами бумагъ.

Въ Батуринѣ 4 церкви: въ лучшей изъ нихъ, каменной, похороненъ Фельдмаршалъ. * Онъ умеръ по философски и самъ назначилъ мѣсто своего погребенія. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ кончиною онъ поручилъ Англичанину, отцу нынѣшняго Управителя, вырыть ему въ церкви могилу. Болѣзнь препятствовала ему долго самому ее осмотрѣть. Онъ спросилъ иностранца: «Зробивъ

* Построена она имъ во имя Воскресенія Христова въ послѣднее время своей жизни. Да и все, что ни было тогда въ Батуринѣ хорошаго, либо создано имъ, либо же улучшено: дворецъ, садъ, паркъ, каменные лавки, мосты, мельницы, фабрики, церкви и т. д., такъ какъ до назначенія Батурина, въ 1750 г., въ пребываніе ему, какъ Гетьману, городъ этотъ лежалъ въ развалинахъ послѣ взятія его Меншиковымъ въ 1709, коему и подаренъ былъ 1726, а потомъ считался казеннымъ. Извѣстно, что онъ основанъ Польскимъ Королемъ, Стефаномъ Баторіемъ, коего имя и носитъ (Батуринъ вмѣсто Баторинъ), и назначенъ въ пребываніе для Гетьмановъ Козацкихъ на самой крайней точкѣ Польскихъ владѣній. Для той же цѣли онъ всѣми мѣрами поощрялъ Козаковъ переходить съ праваго берега Днѣпра на лѣвой и заселять оный. Имѣлось при томъ въ виду Заднѣпровскихъ Козаковъ употребить, въ случаѣ надобности, и оплотомъ противъ Московскаго Государства, начинавшаго уже время отъ времени замѣтно усиливаться, и по тому беспокоить Поляковъ. Но безпокойныя обстоятельства послѣ Баторія долго мѣшали его укрѣпленному городу быть столицей Козацкой, такъ что онъ, вмѣстѣ съ другими Южнорусскими городами, лишился много, даже сталъ частной собственностью (Пана зъ Тенчина Осолинскаго). Лишь при Гетьманѣ Многогрѣшномъ Батуринъ оживъ и сдѣлался его мѣсто-пребываніемъ (съ 1669 г.). Гетьманъ этотъ, при переходѣ въ него, рассчитывалъ, конечно, на возможность скорого пособія отъ Воеводъ Московскихъ въ Путивлѣ, Сѣвскѣ, Бѣгородѣ и другихъ. Преемники этого Гетьмана по тому же оставались въ немъ; изъ нихъ Мазепа чрезвычайно пышно зажилъ въ Батуринѣ и на славу укрѣпилъ его. Извѣстно, что Батуринъ упорно сопротивлялся Меншикову, а по взятіи артиллерія его состояла изъ 313 пушекъ, которыя отправлены были въ Сѣвскъ. Теперь отъ прежняго Батурина немного сохранилось: среди его замѣтны еще остатки стариннаго вала и рововъ; не въ далекѣ урочище «Городокъ», въ коемъ былъ дворецъ Мазепы, а въ другомъ урочищѣ «Тепловкѣ» — полуразвалившійся дворецъ Разумовскаго. О. Б.

ми хату?» Графъ любилъ весьма нарѣчіе своей родины и часто въ Батуринѣ мѣшалъ его въ разговоръ свой. Узнавши, что яма готова, самъ ее осмотрѣлъ и одобрилъ. Не всякой вельможа такъ равнодушно спустится въ землю!

Монументъ надъ гробомъ его хорошъ и величественъ своею простотой; сработалъ его извѣстный ваятель Мартосъ изъ мрамора. Надпись безъ всякаго витійства, и нѣтъ регистра его титуловъ; въ средней части памятника бюстъ его и въ подножіи урна подъ покровомъ. Противъ его мавзолея, на лѣвой сторонѣ, на черной доскѣ, изображенъ гербъ Фельдмаршала, со всѣми его доспѣхами. Мраморъ и работа стоили на мѣстѣ въ Петербургѣ 12 тысячъ.

Г Л А В А LXXXI.

Обѣды въ Батуринѣ. Дорога до Сѣвска.

Графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій, бывши Посломъ въ Вѣнѣ, имѣлъ своихъ пѣвчихъ, которыхъ, оставя службу, возвратилъ въ Батуринъ. Они учились въ Россіи у Бортнянскаго * и у превосходныхъ мастеровъ въ чужихъ земляхъ. Теперь живутъ здѣсь, и въ праздничные дни поютъ обѣдни у гроба стараго своего господина: ихъ только 12 человекъ. Дисканты еще слабы, недавно набраны и требуютъ навыковъ, а прочіе голоса образованы съ наилучшимъ искусствомъ. Я остался на полсутки лишняго въ Батуринѣ, чтобъ ихъ услышать. Они при мнѣ пѣли обѣдню. Подлинно, я давно не слыхалъ такой сладкой гармоніи: какіе нѣжные голоса! Какая музыка! Какое выраженіе въ лицѣ каждого

* Дмитрія Степановича, род. въ Глуховѣ 1752 года; онъ былъ взятъ въ Придворную пѣвческую, 1768 посланъ Императрицей въ Италію, гдѣ въ Венеціи обучался у Капельмейстера Галупи, сочинилъ двѣ оперы и нѣсколько ораторій, одобренныхъ знатоками, путешествовалъ по извѣстнымъ городамъ Италіи и, возвратясь въ Россію, въ концѣ 1779, сдѣланъ былъ Композиторомъ Придворнаго хора, а Императоромъ Павломъ пожалованъ въ Регенты, послѣ былъ Директоромъ Пѣвческаго Придворнаго хора. Онъ написалъ множество концертовъ и другихъ пѣвческихъ піесъ; умеръ Д. С. С. въ Петербургѣ 1826 г. О. Б.

изъ нихъ! Всякой не ноту только беретъ и не голось возвышаетъ: онъ въ это время чувствуетъ, восхищается, восторгъ одушевляетъ всѣ его черты; словомъ, вспомните время Екатерины, зимній ея Дворецъ, обѣдню тамошняго храма. Я нечувствительно былъ перенесенъ въ тотъ вѣкъ и тронуть до глубины души.

Церковь очень хорошо отдѣлана, иконостасъ отличной работы. Старичекъ Священникъ служитъ просто и, кажется, забывается, по тому что онъ, растворя Царскія двери во время выхода съ Евангеліемъ, не затворялъ уже ихъ до самого Причастнаго; или и служба Божія подходитъ подъ общую пословицу: «Всякъ молодецъ на свой образецъ?» Примѣчено, что Графъ Кириллъ Григорьевичъ, гдѣ у себя ни строилъ по волѣ своей церкви, вездѣ посвящалъ или Воскресенію Христову, или Захарію и Елисаветѣ: преданность похвальная къ имени той Владычицы, которая развела родъ ихъ и разсыпала на него свои щедроты! Кто не знаетъ многихъ замысловатыхъ словъ покойнаго Графа? Изъ разныхъ поступковъ его можно было замѣтить, что онъ отъ природы одаренъ возвышенными чувствами благороднаго человѣка.

Послѣ обѣдни мы остались обѣдать у Англичанина: онъ далъ намъ столъ прекрасный. Чужимъ подчивать забавно! На что тутъ мѣра, счетъ и вѣсъ? Во время стола пѣвчіе пѣли разные духовные канты, потомъ Италіянскіе и наконецъ Малороссійскія пѣсни. Симъ послѣднимъ они насъ совершенно обворожили: въ Малороссійскихъ пѣсняхъ я всегда находилъ что-то томное, унылое, что идетъ прямо до души: они запѣли меня до слезъ!

Видѣть у Графа Разумовскаго въ домѣ при немъ самомъ множество людей въ богатой ливрѣ, столъ его въ большомъ убранствѣ, слышать музыку и пѣвчихъ, пить настоящее Шампанское—неумудрено; но всѣмъ этѣмъ наслаждаться безъ него, въ его деревнѣ, у прикащика иноземца, надо признаться, что не скоро повѣришь своимъ глазамъ, особливо, когда сравнишь съ изобиліемъ такого иностранца тѣсноту и бѣдность многихъ Россійскихъ Дворянъ, да какихъ?—Изувѣченныхъ! Гдѣ?—На полѣ брани. За кого?—За Отечество!! Глядя на это, запечалишься и безъ Черкасскихъ романсовъ. Однако, оставя разсужденія, скажемъ спасибо доброму

Англичанину за то, что онъ такое учредилъ здѣсь пріятное гостепріимство.

Запоздавши въ Бутуринѣ, * мы не могли далѣе доѣхать Кролевца, 44 версты. Дорога сюда пещана и безпокойна; лошади тощія, къ тому же и холодно стало; воздухъ перемѣнился, какъ будто давалъ намъ чувствовать, что мы приближаемся къ Сѣверу.

Жиды отъ самаго Кіева уже мало попадались. Когда деревья по пути разростутся, то лоскутокъ этой дороги будетъ очень хорошъ; но теперь еще голо и степно; частыя гати, мѣстами очень нехорошія, наносятъ большія непріятности. Перемѣнивъ лошадей въ селеніи, по имени Алтыновка, ** пріѣхали въ Кролевецъ къ закату солнца.

Кролевецъ—Повѣтовый городокъ, очень плохой и квартирами бѣдный. *** На ту пору Городничій былъ въ отпуску, а Ст. Ком.

* Батуринъ нынѣ мѣстечко, съ 1855 года съ его волостью взятъ въ казну за долги его владѣльцевъ. Въ немъ теперь до двухъ съ половиною тысячъ жителей обоего пола или 559 дворовъ, 2 годовыхъ значительныхъ ярмарки, 2 церкви, почтовая станція и контора, 3 завода (свѣчновосковый и 2 свѣчнопсалъныхъ). О. Б.

** При колодцахъ, Козачье, въ 18 верстахъ отъ Уѣзднаго города, съ 580 дворами или 2500 душъ обоего пола, 2 церкви, приходское Училище, Волостное Правленіе, ярмарокъ 3 и торгъ. О. Б.

*** При рѣкѣ Свидкѣ, основанъ кѣмъ-то изъ Польскихъ Королей, отъ чего и названіе свое получилъ; имѣлъ Замокъ, Магдебургію, потомъ былъ Сотеннымъ, послѣ Повѣтовымъ, нынѣ Уѣзднымъ; теперь съ 800 слишкомъ домовъ или за 4,000 жителей обоего пола, 6 церквами, Уѣзднымъ и Приходскимъ Училищами, Больницей, 3 ярмарками и еженедѣльными торгами; въ немъ много разныхъ заводовъ. Положеніе его возвышенное и покатое къ р. Свидкѣ. Изъ ярмарокъ особенно замѣчательна 14-го Сентября, болѣе 200 лѣтъ существующая и считающаяся въ Малороссіи (послѣ Ильинской и Крещенской и послѣ перевода Ильинской изъ Ромна) значительнѣйшей, годъ отъ году видимо усиливающейся. Будучи послѣдней въ году изъ большихъ ярмарокъ, чрезвычайно цѣнится купцами, которые посылаютъ товары свои на нее уже послѣ Успенскаго поста, а торговля длится почти до конца Сентября (съ 10-го съѣзжаются купцы, а съ 14-го покупатели). О. Б.

Офицеръ едва умѣлъ сыскать для насъ одну какую-то горницу, въ которой мы и помѣстились коекакъ ночевать. Это безпокойство было слѣдствіемъ удовольствій нашихъ въ Батуринѣ: естли бы мы рано выѣхали отсюда, мы бы его миновали.

Имѣя въ предметѣ поспѣть въ одинъ день въ Сѣвскъ, 110 верстъ отъ Кролевца, мы 22 числа очень рано собрались въ путь, и никогда еще во всю дорогу я не испытывалъ такихъ безпокойствъ, какъ сегодня. Самъ на станціяхъ выгонялъ лошадей, чтобъ не потерять времени напрасно, а мало успѣвалъ въ желаемомъ. Нигдѣ почти не останавливаясь, мы не путешествовали, а скакали во весь духъ, и совсѣмъ тѣмъ прихватили два часа ночи. По моему расчету и дорожнику, мнѣ необходимо было поспѣть въ Сѣвскъ, и отъ этой суеты я многихъ мѣстъ по пути хорошихъ не разглядѣлъ порядочно: ночь была темна; подѣзжая къ городу, или шелъ пѣшкомъ, или ѣхалъ шагомъ.

Обѣдъ насъ на часокъ задержалъ въ Глуховѣ. Я досадовалъ и жалѣлъ вмѣстѣ, что не могъ побыть тутъ нѣсколько подолѣе и высмотрѣть городъ; онъ съ наружнаго виду показался мнѣ хорошъ, домовъ и церквей примѣтилъ я довольно: одна, съ куполомъ и колоннадой, за заставой мнѣ очень полюбилась. Мы лошадей дожидались въ трактирѣ и насилу ихъ добились. * Тѣмъ

* Глуховъ находится при рѣчкахъ Есмани и Березѣ, на скатахъ пологихъ береговъ ихъ; онъ одинъ изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ городовъ Сѣверы, по крайней мѣрѣ упоминается уже въ половинѣ XII-го столѣтія; во время нашествія Татаръ Глуховъ одинъ только, говоря, остался неприкосновеннымъ; въ 1663 г. выдержалъ осаду Поляковъ почти двухмѣсячную; въ 1708 сдѣлался пребываніемъ Гетьмана Скоропадскаго, по смерти коего учреждена въ немъ Малороссійская Коллегія, помѣщавшаяся въ обширномъ въ 3 жилья домѣ съ 250 комнатами: въ 1836 уцѣлѣвшее отъ нея разобрано на постройку Присутственныхъ Мѣстъ; съ 1782 году Уѣздный Новгородъ-Сѣверскаго Намѣстничества, потомъ Черниговской Губерніи. Теперь въ Глуховѣ 11 церквей, Еврейскихъ молельнъ 2, Уѣздное и Приходское Училища, Богатѣльня и Больница, много хорошихъ домовъ и каменныхъ лавокъ; есть улицы, вымощенныя камнемъ; отъ старины остатокъ вала и каменные крѣпостныя ворота; домовъ больше тысячи почти съ 12 тысячнымъ населеніемъ обоюго пола. Онъ весьма промышленный городъ, особенно хлѣбомъ и сахаромъ, и по тому считается по капиталамъ первымъ въ Губерніи; имѣетъ

временемъ зашелъ къ намъ одинъ монахъ изъ монастыря, въ 20 верстахъ отъ Глухова находящагося, * слоняется по городу и таскаетъ связку сухихъ грибовъ. Поговоря съ нимъ, я узналъ, къ крайнему моему удивленію, что онъ Владимирскій мужикъ, отпущенный изъ деревни Плесець ** въ монашество. Сколько тунеядцевъ по монастырямъ! Что онъ тутъ дѣлаетъ? Не лучше ли бы ему пахать землю, платить подать и окружить себя семействомъ? А въ монастырѣ онъ тянетъ брагу, лѣнится, или въ ясный день собираетъ березовые грибы въ рощѣ и ходитъ въ Глуховъ и промѣниваетъ ихъ на чарку горѣлки.

Отдаленность монастыря отъ города помѣшала мнѣ видѣться съ однимъ знакомымъ мнѣ Архимандритомъ, отцомъ Филаретомъ, который, будучи здѣшній уроженецъ, избралъ его по отставкѣ въ жилище себѣ. Онъ на родинѣ, ему прекрасно; я чаю, для него Глуховъ лучше всѣхъ столицъ обширнаго міра. Я тамошнему бродягѣ поручилъ отправить ему отъ меня поклонъ; если онъ его не исправилъ и если путешествіе мое попадетъ въ руки черноризца Филарета, то пусть онъ видитъ, что я его не забылъ, и что со мною заочные мои знакомые ни чего не теряютъ.

До Глухова все еще кряжъ земли песчаный, но дорога хороша. Черниговская Губернія вся въ проспектахъ: многія деревья разрослись. Видно, что этотъ предметъ занимаетъ Правительство. Со временемъ, когда ветлы дадутъ тѣнь, похвалятъ и тѣхъ, кои занимались насажденіемъ ихъ, а теперь еще бранятъ и бранить долго будутъ, по тому, что ни кто труда не любитъ, а безъ труда ни чего сдѣлать нельзя полезнаго.

общественный Банкъ, лавокъ за 200, большею частію каменныхъ, ярмарокъ 4, торгъ 2 раза въ недѣлю, фабрикъ и заводовъ много, раздѣляется на 4 квартала. О. Б.

* Нынѣ въ 24 верстахъ отъ Глухова, на правомъ возвышенномъ берегу рѣки Клевени, посреди густаго дубоваго лѣса. Обитель во имя Св. Верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, основанная около 1230 г.; съ 1744 Архимандрія вмѣсто Игуменства. Въ 3-хъ верстахъ отъ монастыря скитъ, въ которомъ Св. Дмитрій Ростовскій писалъ «Житія Святыхъ.» О. Б.

** Нынѣ погость при р. Уводи Ковровскаго Уѣзда, въ 7 верстахъ отъ Коврова, съ 8 дворами, 40 душами обоего пола и церковью. О. Б.

ГЛАВА XXXIII.

Сѣвскъ.

И такъ простились мы съ Малороссіей и вѣхали въ Орловскую Губернію. Появились рощи, а съ ними вмѣстѣ и бѣдное жилье, называемое курни. Далеко позади насъ остались мазанки и бѣлыя хаты, въ коихъ чистота красила убожество; зачалъ подувать и сѣверный вѣтерокъ: полно легко одѣваться. Учтивый Городничій Сѣвскій позволилъ намъ пристать въ своихъ покояхъ. Онъ самъ живетъ въ огромномъ каменномъ корпусѣ Присутственныхъ Мѣстъ, и занимаетъ комнаты большія съ зеркалами, паникадилами и всякими прихотливыми убранствами. Жалованья ему только 300 рублей. Чудеса! На дрова и на свѣчи, конечно, мало. Догадку къ сторожѣ: спасибо доброхотному хозяину! Ежели бъ онъ насъ ввелъ и къ ключнику своему въ избу, я бы и той обрадовался, по тому что ночью нѣтъ для меня ни чего хуже коляски: я изъ нея радъ всюду выскочить.

Сѣвскъ имѣетъ мѣстами хорошіе виды, на пр., съ старой крѣпости, или обрытаго землянаго вала, гдѣ еще бомбы и пушки какія-то разметаны, когда въ одну точку зрѣнія соберешь стеченіе двухъ рѣкъ, Сѣва (по ней и городу имя дано) и Морицы; на нихъ плотина и мельница въ самомъ сельскомъ расположеніи; за ней, въ одну сторону, Архіерейскій домъ, Семинарія и монастырь, съ другой часть города, называемая Заморицкая: когда на это вдругъ взглянешь съ верху, получишь пріятную картину. Впрочемъ, хоть городъ вообще, собравъ всѣ его части, и довольно великъ, но виды его не прекрасны, особливо Морица можетъ справедливѣе названа быть болотомъ, нежели рѣкой. *

Орловскій Архіерей имѣетъ здѣсь свой домъ верстахъ въ двухъ отъ города, и живетъ въ немъ постоянно; тутъ же помѣ-

* Собственно Сѣвскъ на лѣвомъ высокомъ берегу рѣки Сѣва, при впаденіи въ нее Морицы, отъ чего городъ распался на двѣ части: на Городскую (Сѣвскую) и Заморицкую. Древность Сѣвска не далѣе XVI-го столѣтія. Прежде въ немъ до повѣйшаго времени пребывали Архіереи, называвшіеся Сѣвскими и Брянскими, какъ Викаріи Московской Митрополіи, а съ 1788 Орловскими и Сѣвскими. О. Б.

щается Семинарія въ двухъ деревянныхъ флигеляхъ; для нея строится каменный домъ. Все пусто: ученики гуляютъ, а Богословія пылятся въ шкапахъ. Я заходилъ къ Преосвященному съ визитомъ и побесѣдовалъ съ нимъ; я зналъ его прежде. Онъ мнѣ показался человѣкомъ умнымъ, просвѣщеннымъ, любить Словесность и много читаетъ; обхожденіе его ни чѣмъ не разнится отъ вѣжливости людей свѣтскихъ; онъ монахъ, но монахъ опрятный, вѣжливый, благоразумный. Но поелику я съ одинакой откровенностью сообщаю читателю худое и доброе, по мѣрѣ, какъ что тѣмъ, или другимъ, мнѣ въ пути покажется, то со всей похвалою, какой я обязанъ Епископу Сѣвскому, за его ласку и пріязнь, не могу не признаться, что я удивился построенному трудами его собору въ городѣ.

Храмъ прекрасный, обширный, сообразный лучшимъ рисункамъ новѣйшей Архитектуры; входъ въ него величественъ; первый взглядъ плѣняетъ; нигдѣ нѣтъ нестроты, вездѣ видна вкусъ, разборчивость; стѣны расписаны подъ мраморъ; мѣсто-стася окруженъ колоннами; на верхнемъ ярусѣ во всю церковъ хоры: они окружаютъ и алтарь; следовательно, безпрепятственно на служеніе пастыря у престола женской полъ глядѣть можетъ, когда хочетъ, обходя хоры кругомъ. Но чего я простить не могу, то живопись алтарную: на всѣхъ стѣнахъ и даже на ико-нахъ внутри алтаря увидите вы зелень, деревья, сельскіе виды, садовыя картины, словомъ: престолъ жертвы безкровной въ здѣшнемъ Успенскомъ соборѣ поставленъ въ храмъ природы—это боскетъ. Можно для вкуса подражать иногда свѣту, вводить его и въ церковныя зданія, но до нѣкоторой степени: все имѣетъ свое приличіе и мѣру; крайности во всякомъ родѣ досаждаютъ. Можетъ быть новость меня поразила: я нигдѣ еще такихъ затѣй въ церквахъ не видалъ. Мнѣ пришли на мысль Дамаскины. Златоусты. Ахъ! естли бы они увидѣли нашу бѣдную Вѣру и ея богатая жертвы!

Мы заѣхали въ женской монастырь: * онъ очень также хорошъ и богатъ. Въ немъ все золото и стекло; гдѣ нѣтъ перваго,

* Троицкій 3-го класса, на большой Московской дорогѣ, близъ землянаго вала, построенъ въ концѣ XVII-го столѣтія. О. Б.

тамъ окошко, а гдѣ стѣна, тамъ позолота! Храмъ отъ этого очень свѣтелъ и торжественный видъ имѣетъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ спущено до 6-ти паникадилъ хрустальныхъ: солнце отражаетъ въ нихъ свои лучи, камушки даютъ повсюду блескъ, и игра отъ нихъ чрезвычайно веселитъ взоръ. Чистота самая строгая въ церкви, и это болѣе всего домъ Божій украшаетъ. Игуменя, женщина простая, позвала насъ къ себѣ въ келью; мы застали у нея сестру родную Генерала Вязмитинова, Маргариту: она 20-тъ лѣтъ тутъ монахиней и еще не очень стара. Портретъ Досвеея* поставленъ въ церкви надъ мѣстомъ Игуменя. Такъ и должно: это значить, что пастырь всегда въ храмѣ на сестръ своихъ о Христѣ назираетъ и, какъ добрый стражъ, блюдетъ стадо Господне.

Переночевавъ въ Сѣвскѣ и по милости Г. Городничаго отобѣдавши у него, часовъ въ 12 мы поѣхали далѣе, и прибыли 23 числа въ Дмитріевскѣ: это 63 версты отъ Сѣвска. Съ нами хорошій былъ запасъ тамошнихъ вишенъ и сливъ. Дорога хороша; ни что не мѣшаетъ ѣхать скоро, разумѣя, когда напередъ заготовлены лошади. Эта предосторожность почти вездѣ необходима; безъ того или пойдешь пѣшкомъ, хотя бы кучу имѣлъ подорожныхъ въ карманѣ за всѣми знатѣйшими подписаньями въ Государствѣ, или прстоишь на одномъ мѣстѣ до послѣдняго издыханія, а Смотрителя почтоваго ни одного не учтешь, не уговоришь. Деньги, деньги: вотъ, господа путешествующіе, ключъ во всѣ двери и надежнѣйшая подорожная!

Мы переѣхали сегодня очень длинный просѣкъ, который ведетъ въ имѣніе Князя Н. П. Голицына. Знаменитая вотчина! Здѣсь не во время пошевѣлились крестьяне. Фельдмаршалъ Князь Р., посѣдѣвшій въ подвигахъ военныхъ, пріѣзжалъ стращать пушками: далъ два, три залпа—мужики стали валиться; увидѣли, что не шутятъ—бѣжать домой; спрятались и покорились. Кого ядра не урезоняютъ? Аргументъ превосходный!

* Досвеей Ильинъ, изъ Викаріевъ Новгородскихъ, 1798 г., Октября 26, переведенъ былъ на кафедру Орловскую и Сѣвскую. О. Б.

Солнце садилось, какъ мы вышли изъ коляски на ночлегъ: оно вездѣ мило, вездѣ прекрасно, но въ дорогѣ особливо на него глядишь, какъ на Божество, покровительствующее тебѣ: не хочется потерять ни одной искры его лучей.

Г Л А В А LXXXIII.

Дмитріевскъ. Домъ Безбородька. Кроны.

Городъ Уѣздный Дмитріевскъ, въ которомъ мы остановились, не великъ, но довольно хорошо расположенъ. Въ немъ строятся каменный Соборъ и корпусъ Присутственныхъ Мѣстъ. Около города было нѣкогда все имѣніе Кантемира, но казна взяла послѣ него до 13 тысячъ душъ въ свое вѣдомство, и Императоръ Павелъ пожаловалъ ихъ всѣ Свѣтлѣйшему Князю Безбородьку.* Нынѣ они по наслѣдству дошли къ брату его, Графу, а сей изъ Кіева снабдилъ меня приказомъ къ здѣшнему своему Управителю, у котораго я ожидалъ найти квартиру самую простую; но сколько удивленъ я былъ, войдя въ домъ Графской, который стоилъ ему до 100 тысячъ!

Онъ расположенъ великолѣпнѣйшимъ образомъ: нижній этажъ каменный, а верхній деревянный; по обѣ стороны колоннада съ крыльцами; на концахъ ея два флигеля: одинъ для гостей, другой для первыхъ надобностей дома, т. е., для поварни; на боковыхъ апоронахъ еще два большіе флигеля, и отъ нихъ, противъ дома, полукружіемъ смыкается заборъ съ красивыми въ срединѣ воротами. Внутри домъ прибранъ просто, но со вкусомъ: всѣ комнаты

* Въ старину городъ этотъ принадлежалъ къ Украинѣ; въ немъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, было и Управленіе Комаричскихъ Государевыхъ волостей; въ смутное время держалъ сторону Самозванца, и по тому былъ послѣ разоренъ совершенно; въ послѣдствіи, по пожалованіи Петромъ I-мъ его округи бывшему Молдавскому Господарю, Дмитрію Кантемиру, за его Молдавское Господарство (вмѣстѣ съ

расписаны, всѣ окошки убраны самыми лучшими ситцами, эстампы отборные, паникадилы новыхъ рисунковъ, зеркала чистой самой воды и дорогой мѣры; словомъ, домъ такой вездѣ бы былъ прекраснымъ, въ Дмитріевскѣ это Дворецъ.

Садъ великъ, но не убранъ и разбитъ не по Англійски; дороги всѣ правильно проведены и очень узки, а отъ того и темны; между ими въ квадратныхъ густотахъ насажены плодовые деревья, около сада обводится каменная высокая ограда, которая станетъ дорого, по тому что садъ занимаетъ 10 десятинъ земли: изрядное поле для хлѣбопашества! Но что можетъ разстроить такое имѣніе, какъ Графское? Для него сотни тысячъ меньше, чѣмъ рубль для многихъ тысячъ Дворянъ, его братьи. Счастье есть что-то такое, что мы никогда не поймемъ и чему завидовать не перестаемъ. Я знаю, что Философы насъ учатъ находить его въ умѣренности. Какъ имъ угодно, но я пристану къ Вольтеру и скажу вмѣстѣ съ нимъ, что для счастья излишество иногда очень необходимо.

Это завело меня въ глубокія размышленія. Въ большой залѣ дома поставленъ на колоннѣ бронзовый бюстъ Павла I. Долго я на него глядѣлъ, ходилъ шибко по комнатѣ, вспомнилъ ту эпоху жизни моей, въ которую, безъ поврежденія ума, могъ я думать, участвуя въ его забавахъ, что со временемъ и у меня, по милости его, будутъ залы. Остановясь на сихъ впечатлѣніяхъ, я далъ свободу мыслямъ своимъ и, забывъ на минуту все преимущество роскоши и богатства, сказалъ неодушевленному кумиру:

Ты дать мнѣ не судилъ ни вотчинъ, ни миліона,
И только лишь одну мнѣ душу подарилъ,
Но душу ту самъ Богъ въ Евгению вложилъ,
И ею жребій мой возвысилъ выше трона.

другими помѣстьями), это мѣсто было возобновлено Господаремъ, заселено Малороссіянами и Молдаванами и названо по его имени Дмитровкой, а въ 1788 г., съ обращеніемъ въ Уѣздный, Дмитріевскомъ (вмѣсто города Луганя). О. Б.

Вѣрите, что я ихъ не сочинялъ: душа мгновенно ихъ въ уста мои вложила.

Графскимъ имѣніемъ управляетъ отставной Офицеръ, которому онъ даетъ жалованья три тысячи рублей; разумѣется, что, сверхъ того, онъ пользуется всякимъ домашнимъ довольствомъ. Онъ насъ принялъ отменно вѣжливо, отворилъ намъ весь домъ, далъ намъ ужинъ и унялъ назавтра отобѣдать. Угощеніе было не пышно, но безъ недостатка; мы за столомъ выпили за здоровье Графа Ильи Андреевича хорошимъ Горскимъ виномъ, и съ признательностію оставили Орловскія его помѣстья. Говорятъ, что здѣсь нуждаются очень проѣзжіе лошадыми, иногда сутки двое ждутъ ихъ, протверживаютъ наизустъ свои подорожныя и на силу добьются, что ихъ отпустятъ. Причина очевидна: лошадей на станціи въ городѣ держатъ мало, обывательскихъ нельзя нарядить иныхъ, какъ съ деревень Безбородька. Маломощный Дворянинъ въ другомъ мѣстѣ поспорить, пошумить, но уймется и пару свою вышлетъ, чтобы избавиться хлопотъ и не прослыть невѣжей; а знатный баринъ, каковъ Графъ, выше всѣхъ обыкновенныхъ принужденій, усилія земской полиціи раздѣляются около его и расходятся, какъ облака подъ скалами высокихъ горъ. И такъ безъ снисходительнаго Графскаго приказа невыгодно ѣздить на Дмитріевскъ по почтѣ.

Отправясь перано отсюда, проѣхали мы 50 верстъ и ночевали въ Кромахъ, городѣ Орловской Губерніи. Дорога нехороша, вся въ клеяхъ и неровная. Въ деревнѣ Чувардинѣ, гдѣ приходится по тракту мѣнять лошадей, нашли мы самого помѣщика, Г. Шипова. Пріятное пристанище для людей утомленныхъ отъ жару и пыли! Хозяинъ привѣтливъ и держится стариннаго гостепріимства, хотя, по молодости лѣтъ своихъ питомецъ новѣйшаго времени. Онъ встрѣтилъ насъ, пригласилъ къ себѣ, потчивалъ чаемъ, плодами и конфектами. Домъ у него маленькой, но уютенъ и пригожъ: собственные ремесленники украсили его лѣпной работой и снабдили модною мебелью. Онъ, вѣрно, любитъ музыку, по тому что у него я видѣлъ фортепіано и разные струнные инструменты; думать надобно, что онъ отъ заботъ хозяйства сельскаго умѣетъ находить пріятныя отдохновенія, и что онъ не далеко отъ себя

ихъ ищеть. У него строятся большія 4 связи для суконной фабрики на 15 становъ.

Мѣстоположеніе дома выгодное и для глазъ пріятно. Домъ поставленъ на высотѣ и обстроенъ весь со вкусомъ. Не знаю, дѣлать ли кто съ нимъ уединеніе: мы, кромѣ его, ни кого тутъ не застали и не видали. Ему казалось пріятнымъ наше посѣщеніе; онъ унималъ насъ ночевать у себя, но мы чѣмъ ближе подвигались къ Москвѣ, тѣмъ больше спѣшили до нея доѣхать, а сверхъ того не всякое привѣтствіе можно принимать за чистыя деньги: они въ общежитіи то, что банковыя ассигнаціи въ монетѣ—всегда есть лажъ.

Что сказать о Кромахъ? Городъ Уѣздный, ни чего не значущій. Два каменные корпуса показываютъ въ развалинахъ своихъ Присутственныя Мѣста и составляютъ все великолѣпіе города.* Квартира у насъ была изрядная. Переночевавши, мы отправились въ Орелъ, и доѣхали къ обѣду, не смотря на большую остановку въ лошадяхъ на станціи Кнубри: на силу добились ихъ и почти отъемомъ брали у хозяевъ со дворовъ; счетъ почтовыхъ лошадей здѣсь очень ограниченъ: только по десяти на перемѣнѣ, а разгонъ превеликой. Совѣтую всѣмъ путешествующимъ противъ сего неудобства брать всякія мѣры, а въ жаркое время ни что такъ не смягчитъ досады дѣятельнаго вояжера, какъ прогулка въ березовой рошѣ, которая послѣ степеней покажется сокровищемъ; подлѣ нея, близъ мельницы, есть родникъ самой свѣжей и прозрачной воды: я ее пилъ, оказывался ею и съ удовольствіемъ вспомнилъ Кандыбинской Фонтанъ.

* При рѣчкахъ Кромѣ (впадающей въ 10 верстахъ въ Оку) и Недиѣ, сливающейся съ первой въ самомъ городѣ. Упоминается уже въ половинѣ XII столѣтія, а укрѣпленъ въ концѣ XVI или началѣ XVII-го столѣтія. О. Б.

ГЛАВА LXXXIV.

Орелъ и Волховъ. Деревня Княгини Урусовой.

Подъѣзжая къ Орлу, я вспомнилъ услугу здѣшняго Г. Полцеймейстера, по милости котораго мы такой худой ночлегъ имѣли въ Хотѣтовѣ, и собирался ему попенять. Но его не было въ городѣ, и мы, чаятельно, никогда уже другъ съ другомъ не сойдемся. Остановились мы въ трактирѣ, который зовутъ Итальянскимъ, хотя нѣтъ ни макаронъ, ни шеколаду, ни мороженаго. По чему жъ Итальянской?—Простою Орловской постоялый дворъ; плата вездѣ и за все дорога.

Орелъ—городъ большой, но не отвѣчаетъ пышному своему имени. Онъ мнѣ совсѣмъ не показался хорошимъ: въ немъ множество настроено мучныхъ лавокъ, по причинѣ знатнаго торга хлѣбомъ. Ока здѣсь очень мелка, бѣдна водою и ни чего не значуща. Нигдѣ не было за мной такого присмотра, какъ здѣсь, и не знаю, для чего, но полицейскіе Офицеры меня не покидали; я не могъ приписать этого особенной ихъ вѣжливости, по тому что они, по Русской пословицѣ судя: «Каковъ Попъ, таковъ и приходъ,» были бы въ большой противоположности съ своимъ начальникомъ. Сколько я ни старался съ нимъ ознакомиться, ни какъ не успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Мы обмѣнялись карточками, другъ у друга были, другъ друга не застали. И въ Петербургѣ застають вельможу иногда дома, а въ Орлѣ, гдѣ разсѣяній и забавъ, кажется, меньше, Г-на Губернатора трудно въ глаза увидѣть.

Заведенія здѣшняго Приказа Общественнаго Призрѣнія не заслуживаютъ ни какого вниманія. Они расположены въ старомъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Г. Мацневу, и дѣлятся на общія и обыкновенныя части: безумный домъ, больницу и покои для инвалидовъ. Все это нечисто, тѣсно и неопрятно. Около того же дома садъ для публичныхъ лѣтнихъ гуляньевъ, который также никуда негодится. Если бы онъ опредѣленъ былъ для прогулки хворыхъ, можно бы его назвать хорошимъ; двѣ, три куртины есть, чего для нихъ и больше? Но для собранія цѣлаго общества на него и глядѣть жалко. Алгвазилы,

кои насъ провожали, хвастали, какъ рѣдкостью, колодцемъ, ледникомъ и поварней. Кто въ хорошемъ саду любитъся на погребъ, очагъ и колодязь? Тутъ другіе предметы должны приворачивать зрѣніе; домикъ для увеселенія при огнѣ, когда вечеръ сгонитъ всѣхъ въ комнату, отвѣчаетъ и наружностью своей и внутреннимъ убранствомъ всему прочему—жалкая храмина для Орла! Въ степяхъ гулянье пышнѣе и опрятнѣе.

Для сукна поставлено два стана. Приказъ тратить деньги, сукно точится сквозное, и отъ этой вѣтви промышленности большихъ плодовъ ожидать трудно. Неволья дерево это посадила, а хозяйственный умъ и расчетъ скоро его вырвать съ корнемъ.

Гимназія бѣдна книгами и машинами, и вообще не заслуживаетъ поставлена быть въ виду путешественника, какъ предметъ примѣчанія достойный. Директоръ ея, человѣкъ очень вѣжливый, посѣтилъ меня: мы долго говорили объ учености, о пользѣ частныхъ заведеній въ городахъ Губернскихъ; онъ очень вступился за свою Гимназію, оправдывалъ жарко ея недостатками, но отъ того она все не лучше.

Нигдѣ нѣтъ такого затрудненія достать лошадей, какъ здѣсь: со всѣми предосторожностями, какія принялъ я къ избѣжанію безпокойства, но нигдѣ такого не вытерпѣлъ несноснаго, какъ въ Орлѣ. Вотще предварилъ Г. Губернатора изъ Кіева еще о моемъ возвратномъ пути: ни какія убѣжденія не сильны; учтивость одна и простая благосклонность къ проѣзжему суть безполезныя средства; надобенъ страхъ и гроза. Такъ какъ я ни того, ни другого не имѣлъ, то я мучительнымъ задержкамъ былъ подверженъ: лошадей вездѣ мало, а снаровки нѣтъ вовсе; почтовые Смотрителя дѣлаютъ, что хотятъ: жмутъ, тѣснятъ и ни кого не слушаютъ.

Пробывши одни только сутки въ Орлѣ, я бы не сообразилъ съ скукой, естли бы на помощь мнѣ, къ облегченію ея, не подошли письма изъ Москвы отъ 15, изъ Володимира отъ 8 числъ. Прочтя ихъ, я успокоился, а перечитывая, находилъ безпримѣрное удовольствіе, а особливо, когда чувствовалъ, что всѣ тѣ, кои ко мнѣ писали, черезъ недѣлю будутъ говорить со мною, и я ихъ услышу. Жаль, что нельзя было привязать крыльевъ, а коляска

на почтовыхъ въ Орловской Губерніи не скорѣе бѣжить черепокожной тварю.

Товарищъ нашъ, Г. Ш., отлучился въ деревню къ знакомымъ, а мы съ женой, чтобъ не потерять напрасно ни часу времени (ибо у меня и минуты были разочтены), оставили прочихъ товарищей своихъ въ Орлѣ и поѣхали въ Болховъ. Тамъ живетъ сестра моя двоюродная, Княгиня Урусова: ей хотѣлось съ нами видѣться, я не могъ ей въ томъ отказать; и такъ, уговорясь съ нашими, чтобъ они, дождавшись Г. Ш., настигали насъ въ Болховѣ, взяли только 6 лошадей въ коляскѣ, и самъ другъ, 26 числа, усаkali, ни мало не жалѣя объ Орлѣ.

Отъ него до Болхова верстъ 50. Къ Орлу дорога вся въ горахъ и тяжела, а сюда ровна, и было бы только на чемъ, а то можно скоро ѣхать. Отѣхавши 30 верстъ, мы перемѣнили на станціи свою шестерку, предупредили, что на завтра будутъ еще за нами экипажи, и отправились далѣе, но напередъ вспомнили, что съ нами отпущено было коечто поѣсть, и расположились позавтракать въ лѣску, сидя на травѣ, подъ тѣнью густыхъ березъ. На что столъ, приборы и прочія затѣи? Аппетитъ научить услужить себѣ безъ большихъ вымысловъ и въ рошѣ.

Болховъ—Уѣздный городъ Орловской Губерніи, обширенъ и хорошо расположенъ; онъ стоитъ на горѣ, и отъ того видъ его издали очень хорошъ, по тому что вдругъ открываются какъ бы въ кучѣ два монастыря и до 20 приходскихъ церквей. * Сестра насъ тутъ уже дожидалась и, посадя въ свою карету, увезла къ себѣ въ деревню верстъ 5 отъ города. Тамъ, съ милой простотой, угостила она насъ совершенно по деревенски; она тутъ живетъ въ строгомъ уединеніи. Я весь день занятъ былъ перепиской моею въ Москву и далѣе, на свѣжія письма отвѣчалъ живыми впечатлѣніями; это меня очень заняло, а, сверхъ того, будучи у

* Онъ былъ когда-то Уѣзднымъ Княжествомъ; лежитъ по лѣвую сторону рѣки Нугры, впадающей за 17 верстъ въ Оку, также при рѣчкахъ Ключетѣ и Болховкѣ. Изъ монастырей женскій Рождественскій въ городѣ, а мужской Оптиный за городомъ, на берегу Нугры; оба заштатные. О. Б.

родни, съ которой росли въ одно время, много старинки занимательной вспомнилъ, видѣлъ предметы, напоминающіе мою молодость: когда не весело объ ней вспомнить и говорить! Ржевскаго портретъ, отца ея, привелъ мнѣ на мысль старыя наши театральныя игры; те она мнѣ, то я ей рассказывали взаимно давнишнія приключенія и въ запуски смѣлялись. Старики наши померли, а мы вступили въ ихъ мѣста и состарѣлись. Но что въ молодости подѣйствовало на душевные органы, то останется навсегда вѣдомо въ памяти. Такъ, на примѣръ, я никогда не забуду остро-ты Ржевскаго и Толстаго; умъ и бесѣда ихъ были свойства превосходнаго, по сравненію со многими ихъ современниками, и сравненію не моему только, но людей, способныхъ судить объ умѣхъ человѣческихъ и отличить изрядное отъ прекраснаго. Нынѣче и умъ будто въ широкомъ капотѣ у всякаго; не скоро его отыщешь.

ГЛАВА XXXV.

Двое сутокъ у сестры. Пріѣздъ и пребываніе въ Вѣлѣвѣ.

Въ ожиданіи товарищей нашихъ мы очень спокойно время проводили до вечера; но когда стало темнѣть и по расчету нашему пора приходила имъ съ нами сѣхаться, то мы помаленьку начали приходить въ безпокойство, что ни кто изъ нашихъ не ѣдетъ. Не прежде глухой полночи пріѣхали повозки съ необходимой услугой. Люди наши сказывали, что каретъ съ послѣдней станціи тронуться не чѣмъ, по тому что у нихъ праздникъ, народъ пьянъ; передоваго, изъ города, посланнаго съ приказомъ, ни кто не слушаетъ: ни лошадей, ни толку добиться нельзя. Я шумѣлъ, сердился, но досадой ни чему ни поможешь. Сестра, будучи меня разсудительнѣе, послала по деревнямъ собирать своихъ лошадей, чтобъ ихъ оттуда выручить, а между тѣмъ мы провели худую и самую безпокойную ночь.

Не думаете ли вы, что, проснувшись по утру, мы ускоконились, собравши нашихъ расточенныхъ товарищей? Совсѣмъ нѣтъ: цѣлый день еще мы ихъ ждали, и въ самомъ жалкомъ положеніи явились они наконецъ къ намъ подъ вечеръ, изнураясь голо-

домъ и холодомъ, по тому что сильный отъ Орла подулъ холодный вѣтеръ и началась осенняя непогода; дождь ведромъ, какъ сквозь сито, изъ темныхъ облаковъ пустился. Отъ этой суматохи мы потеряли цѣлый день въ дорожномъ счетѣ и приобрѣли опытъ тѣхъ непріятностей, какія на пути встрѣчаться могутъ. Если бы сидя на мѣстѣ всякой зналъ, что они неизбежны и не надѣялся ихъ отворотить, то бы ни кто и въ Римъ не поѣхалъ смотрѣть драгоцѣнныхъ рытвинъ городовъ погибшихъ.

Сколько ни былъ я радъ, увидѣвшись съ родней и признателемъ къ ея ласкѣ, но поѣхавши изъ деревни, сказалъ: «Слава Богу!» Нѣтъ, я не могу жить въ уединеніи, природа не приготовила меня къ тихимъ удовольствіямъ пустыни; вѣрю, что онѣ плѣнительны; что лугъ, роща, вода, хозяйство домашнее, все это очень пріятно занимаетъ многихъ, но ощущать самъ того не способенъ. Какъ все ходить за грибами, все ловить пискарей на уду! Все смотрѣть, какъ гонять стадо или въ поле, или въ деревню! Все тянуть для забавы круглые хороводы сонныхъ нашихъ крестьянокъ, которыя, часа два на одномъ мѣстѣ стоя, съ ноги на ногу переваливаются! Для меня это походило бы на ссылку. Нѣсколько часовъ въ сутки гдѣ бы то ни было остаться самому съ собою, отдаться въ свободѣ своимъ мечтамъ, творить около себя новый міръ, по своему произволу, это не только весело, даже, смѣю сказать, для поддержанія душевной жизни, необходимо; но всегда быть одному, или, что, по мнѣнію моему, все тоже, съ людьми, которые меня не понимаютъ, не разумѣютъ, не чувствуютъ, и эдакъ жить всегда, всегда: нѣтъ цѣны, за которую бы я согласился кого ни будь этѣмъ потѣшить!

Въ такомъ размысленіи доѣхалъ я до другой деревни, гдѣ жила тетка родная жены моей, Г-жа Бунина. Ей было лѣтъ 80 слишкомъ и, по виду ея судя, нельзя было еще думать, чтобъ ей оставалось меньше года жить послѣ нашего свиданія. Она очень намъ обрадовалась. Съ ней дѣлятъ время двѣ внуки ея, дѣвицы Юшковы, воспитанныя съ большимъ тщаніемъ, знающія иностранные языки, умѣющія рисовать и заниматься музыкой. Словесность имъ пріятна: онѣ читаютъ все, что выходитъ новаго. Я тутъ нашелъ изрядное собраніе книгъ, и мы цѣлые сутки съ

ними провели препріятно, забывая, что мы въ деревнѣ; но только одни сутки: я оговорился, чтобъ меня не укорили въ противорѣчіи съ самимъ собой,

Дорога сюда отъ Болхова лежитъ по горамъ. Въ сторонахъ прекрасные виды, и много помѣщичьихъ селъ съ домами. Деревня тетушкина отъ Бѣлева только двѣ версты. Домъ большой старинный, разумѣется, съ залами, аванзалами. Въ нихъ портреты древнихъ праотцовъ фамильныхъ, въ латахъ и съ доспѣхами, ведутъ мысль за многія столѣтія назадъ. Краски уже стерлись, золото съ рамы слетѣло, но воображеніе наполнено именами ихъ и славой. Широкой балконъ, почти въ просторную комнату, съ котораго сойти въ хорошую погоду не хочется. Съ него видѣнъ весь городъ Бѣлевъ; онъ открытъ, какъ на блюдѣ, и стоитъ на горѣ; Ока плещетъ въ него волнами; разбросанныя 20 церквей между хорошими домами придаютъ совершенству картины. *

Въ Августѣ да и въ концѣ ловить надобно ясныя минуты на воздухѣ. Жаль, что погода была холодна, хотя тихихъ утреннихъ несносный вѣтеръ, но все еще было свѣжо. Однако, не смотря на то, мы съ барышнями пошли гулять по селу и окрестностямъ: много нашли пригожихъ мѣстоположеній, хорошія высоты, тѣни. стыя рощи. Звукъ Бѣлевскихъ колоколовъ доходилъ въ уши наши на зарѣ и пріятную составлялъ вдали гармонію: рѣдки такія прогулки; я заглядѣлся на прекрасную долину. Одна изъ молодыхъ хозяекъ, которой она особенно правится, потребовала тутъ отъ меня стиховъ. Долго ли дѣлать ихъ, когда воображеніе воспламеняется самой природой? Мѣсячная ночь удвоила восторгъ, и онъ произвелъ ихъ въ минуту.

Какъ бы чужить осенній вечеръ? Онъ такъ длиненъ. Этотъ вопросъ и въ городѣ часто слышенъ: что жъ въ деревнѣ? Право я не видалъ, какъ онъ у нихъ прошелъ. Поминутно читали разные стихи, разсуждали объ нихъ по своему и кто какъ умѣлъ, критиковали, или плѣнялись. Между прочими бумагами попался мнѣ

* Нынѣ Православныхъ 16, Единовѣрческая 1, монастырь. О. Б.

тотъ номеръ «Вѣстника Европы,» въ которомъ выписаны были лучшія мѣста изъ проповѣди Левандовой на кончину Кіевского Губернатора, Г. Панкратьева. * Какъ сладко смягчалъ онъ горестъ плачущихъ надъ его гробомъ! Какъ убѣдительно увѣщевалъ сѣтующихъ объ немъ! Я не могъ читать его безъ слезъ: онѣ невольно брызнули. Скоро послѣ того поднялся и смѣхъ: всякой изъ насъ читалъ свой отрывокъ: иному правилось веселое, иному унылое; впечатлѣнія скоропостижно мѣнялись и слѣдовали одно другому непрерывно. И такъ безъ всякаго шума и трескотни мы провели день весело, и въ заключеніе нашей бесѣды я прочелъ и подарилъ милой А. П. ** слѣдующіе стихи, ею, конечно, ею вдохновенные:

Нѣтъ средства не сказать: прекрасная долина!
 Прелестнѣй во сто кратъ, чѣмъ мертвая руина,
 Какія сохранилъ отъ Генуезцевъ Крымъ,
 Какихъ мы посмотрѣть во весь духъ скачемъ въ Римъ,
 Живой натуры тронъ! Дыханіе зефира
 Не стоитъ въ заперти подъ сводами порфира;
 Въ свободѣ полной мысль—волшебныя мечты
 Повсюду вокругъ меня рождаютъ красоты.
 Бессонный чародѣй, мое воображеніе,
 При каждомъ шагѣ духъ приводитъ въ восхищеніе.
 Здѣсь Солнца западъ зрю; тамъ вишу всходъ Луны
 И слышу въ далекѣ Бѣлевскіе звоны.
 О родина *** моя! Москва, къ которой такъ,
 Котору въ жизни я подобилъ часто раю,
 Которая по смерти пребудетъ мнѣ мила—
 Мнѣ слышатся же твои колокола!
 Природа! предъ тобою что наши милліоны?
 Люблю твои дары, блажу твои законы.

* Тайный Совѣтникъ Петръ Прокофьевичъ Панкратьевъ 1802—1810 г., а надгробное слово ему помѣщено въ № 16-мъ 1810 года, стр. 316 и слѣд., съ разборомъ его В. Измайлова. О. Б.

** Авдотья Петровна Елагина. О. Б.

*** Кто родину любить, тотъ кѣтати и не кѣтати всегда найдетъ случай заочно вспомнить ее.

Божественны мѣста: еще побудемъ здѣсь;
 Пусть врѣжутся въ умъ лѣса, рѣка, вся весъ!
 Дай память вѣчну кисть, рисуйся въ ней картина,
 Дай, сердце, имя ей: блаженная долина!

Г Л А В А LXXXVI.

Бѣлевъ. Козельскъ. Дачи Г. Пилицьера.

Бѣлевъ—городъ прекрасный, лучше многихъ Губернскихъ, въ томъ числѣ и Володиміра, но не по мѣстоположенію: онъ на Окѣ; а Уѣздныхъ городовъ такихъ, какъ онъ, конечно, мало. Улицы всѣ правильныя и вымощены дикимъ камнемъ, т. е., булыжникомъ. Домовъ кирпичныхъ множество, * площадь широкая и красивая. Мы его проскакали, не останавливаясь, и за нимъ попали въ пески, которые насъ утомили. Подъ Козельскомъ переѣзжается на паромѣ рѣка Жиздра, но ни она, ни городокъ не важны. Онъ также разбросанъ на горѣ, но не великъ и не заманчивъ съ виду. Два корпуса для Присутственныхъ Мѣстъ и каменные порядочныя лавки: вотъ все, что въ немъ примѣтить можно! **

Въ 7 верстахъ отъ города, который принадлежитъ уже Калужской Губерніи, имѣетъ домъ свой и поселился жить Инспекторъ по лѣсной части, мнѣ очень хорошій знакомый, старикъ Г. Пилицьеръ. Будучи такъ близко, совѣстно казалось не заѣхать.

* Въ пылѣшнемъ Бѣлевѣ всѣхъ домовъ считается около 1300 съ 8 тысячнымъ населеніемъ. Въ немъ Уѣздное Училище, публичная Библіотека, Лѣчебница. Больница, Вдовій Домъ, еженедѣльные торги. Какъ извѣстно, въ Бѣлевѣ находится домъ, въ коемъ родился нашъ славный поэтъ, В. А. Жуковскій. О. Б.

** Козельскъ на лѣвомъ берегу Жиздры и по обѣимъ сторонамъ Драгуны или Другусны, съ 1200 душами или 8,000 жителей обоего пола, 8 церквами, 2 Училищами (Уѣзднымъ и Приходскимъ), Больницей, еженедѣльными торгами, т. п. Извѣстенъ съ XII-го столѣтія, а во время нашествія Батыя долго ему сопротивлялся, взятъ, разрушенъ, жители избиты, и прозванъ имъ злымъ городомъ. О. Б.

Мы въ городѣ лошадей не перемѣнили, но дорогою заплатили за упрямяство; ибо свѣжія были готовы, а намъ, или лучше сказать, мнѣ одному, не разсудилось выпрягать старыхъ и помѣшкать минутъ пять: отъ этого мы принуждены были ити почти всю дорогу пѣшкомъ: старыя лошади стали. Досада весь день меня искушала и ни что не помогло ее разсѣять. Пришедши къ доброму Швейцаро-Русскому мореходцу, мы нашли, однако, обѣдъ еще не початымъ. И порядочно поѣли: хозяинъ предупрежденъ былъ на счетъ нашего пріѣзда и ждалъ насъ.

Помѣстье его изрядное и чрезвычайно уединенно; тѣмъ-то оно ему и нравится: о вкусахъ спорить не должно. Г. Пидисьеръ родился въ Швейцаріи, служилъ же во флотѣ, попалъ въ лѣса и жметъ между горъ, около сосновыхъ рощъ. Естьли кто хочетъ имѣть понятіе о натуральной семейственной жизни, пусть завернетъ къ нему въ гости. Онъ, жена и ребенокъ—вотъ вся семья, весь домъ и вся компанія! Живучи въ самой глуши, они не скучаютъ, и онъ только тужитъ о томъ, что служба отнимаетъ у него много досуговъ. Надобно прямо изъ пріязни къ нимъ пріѣхать, чтобъ не почувствовать не только скуки, даже тоски; кажется, весь міръ отъ нихъ отрѣзанъ. Домикъ маленькой и помѣщеніе не широкое. Я весь вечеръ просидѣлъ у камина и поджигалъ дрова. Въ окошко смотрѣть любя: небо ясно, воздухъ чистъ, солнце ярко, а лишь только на дворъ, холодъ всѣмъ костямъ говорить: «Скоро зима! Пора къ огню, въ покои!» Бесѣда наша о чемъ бы ни началась, все сбивалась на лѣса и лѣсныя постановленія. Мы съ хозяиномъ толковали, а жены наши, какъ подь сказки, дремали.

Для лѣсоводства или лѣсогубства заведенъ Институтъ: онъ вблизи этого помѣстья, окруженъ лѣсами для лучшихъ опытовъ въ натурѣ. Всѣ ученики изъ Дворянъ, живутъ въ казенномъ зданіи и обучаются Форшмейстерской наукѣ. По присвоенной имъ привилегіи, они, изучась въ три года, выпускаются въ Офицерскій классъ, прямо въ Форшмейстеры. Ихъ въ то время обучалось до 60-ти человекъ. Имъ преподаютъ Химию и Ботанику лѣсную; сверхъ того еще часть лѣснаго искусства, называемую технически Форстъ-Маненція: что она значить и въ чемъ состоитъ, меня

не спрашивайте. Долго слушалъ и ни чего не понималъ; да едва и изъ самыхъ теористовъ кто понимаетъ ли самъ себя, однако учителя учатъ, ученики учатся и, подивитесь, выучиваются. О; глубина премудрости!

Домъ и все заведеніе этого Института стало казнѣ въ 40 тысячъ, а содержаніе училища требуетъ до 15 тысячъ. Я очень жалѣлъ, что не могъ удѣлить часа четыре на то, чтобъ посмотреть его; но послѣ поздняго нашего обѣда скоро смеркаться стало, а на цѣлый день лишній для этого остаться не позволялъ расчетъ времени, котораго я строго держался.

Для смѣшливыхъ отлучусь на часъ отъ дороги и расскажу нѣчто изъ лѣсной теоріи. Всѣ лѣса имѣютъ свои чувства и навыки. На примѣръ, сосна, она—дерево обходительное и любитъ сообщество себѣ подобныхъ, но не во всякомъ возрастѣ. Молодой соснякъ терпитъ густую зелень около себя: ему еще немного питательныхъ соковъ для жизни потребно; но чрезъ каждыя 5 лѣтъ, еслии хотять дать дереву выгодную толстоту, надобно обрывать около его маленькія деревья и вырубить, чтобъ большое доставало прямо изъ земли болѣе влаги и соковъ—это его пучить: оно подымается, растетъ, дороничаетъ; черезъ десять лѣтъ надобно еще уединить его больше, и наконецъ товарищество ему такъ наскучить, что около его цѣлыя десятины свалить потребно. Вотъ чему обучаются ученики лѣсоводства! Они выѣзжаютъ въ рощу и примѣчаютъ, около которой сосны пора рубить лишнюю компанію; узнаютъ, когда настоящая пора уединить ее; тогда, въ пособіе теоріи, практика тотчасъ принимается за топоръ и, оставя на сырой землѣ пенки, совершаетъ полезный курсъ лѣсоводства. Желалъ бы я, чтобъ это была шутка, но, къ несчастію, дороговизна въ дровахъ и вообще въ лѣсѣ скоро намъ покажетъ, что Форстъ-Маненція не шутить.

Возвратимся къ нашему пункту. Ѣздить по деревнямъ—настоящая фантазмагорія: во всякой свой Богъ, свой обрядъ, свое занятіе. Подъ Болховымъ мы убили два вечера за картами; близъ Бѣлева читали, писали и плели стихи, какъ лапти; а около Козельска насмотрѣлись на настоящую картину сельской домашней жизни: ни картъ, ни книгъ; пять, шесть минутъ бесѣды и

часть задумчивости у камина. Вотъ кстати гдѣ сказать: день слѣдуетъ за днемъ, но всѣ они несходны.

30-е число мнѣ хотѣлось взять въ Калугѣ—не удалось. Выѣхали въ 8-мъ часовъ утра отъ нашего добраго Генерала, который принялъ насъ съ самой доброхотной лаской и угостилъ наилучшимъ образомъ для деревни. Мы съ нимъ распрощались очень дружелюбно; онъ далъ намъ своихъ лошадей до Козельска. Тамъ, не мѣшкая, взяли почтовыхъ и пустились обѣдать въ Перемышль. Мы эти 34 версты проѣхали отъ 9 часовъ утра до 3-хъ пополудни: нигдѣ желчь моя такъ не кипѣла во всю дорогу. Погода поправилась и стало тепло; дорога хотя песчана, но не чрезвычайно, а лошади совсѣмъ стали, и мы всячески старались возобновить ихъ силы, но природа готовила уже ихъ на живодерню. То, вышедши изъ коляски, ходили по рощамъ, то по селамъ и деревнямъ, у всѣхъ воротъ стучались, чтобъ выпросить свѣжихъ лошадей, и вездѣ отъ насъ запирали ворота на крюкъ. Коекакъ дотащились до Перемышля, гдѣ отъ хлопотъ и досады постигла меня моя мигрень, и я, чтобъ не усилить ее, принужденъ былъ поститься. Отъ Козельска до Перемышля дорога усыпана, такъ сказать, господскими мѣстностями и прекрасно отстроеными. Болѣе всѣхъ прочихъ глядѣть хочется на деревню Г. Кашкина. Большой каменный домъ въ три жилья; вокругъ него прекрасный садъ, бесѣдки, павильонъ, искусственные шатры, стогъ сѣна съ многочисленными круглыми окошками (oeils de bœufs) немножко не кстати: въ стогахъ окошекъ не бываетъ; но простимъ роскоши нѣкоторыя отступленія отъ природы; впрочемъ, мнѣ не до видовъ было: я бѣсился на почтаря, на лошадей, на всѣхъ, на все; и это примѣчаніе, можетъ быть, съ сердцемъ вылетало тогда у меня на бумагу.

Перемышль—городокъ пустой, но вездѣ есть какой ни будь Засѣдатель, какъ котъ въ избѣ. Появился къ намъ тотъ, который, правилъ городомъ и очень учтиво съ нами обошелся, доставля всякія средства какъ можно скорѣе съ собою распрощаться, чего мы и добивались, чтобъ дотянуть до Калуги. Подъ Перемышлемъ переправа черезъ Оку: она тутъ не широка. * Въ сторо-

* Перемышль на берегу ручья, составляющаго 3 озера: Силаевское, Глубокое и

нѣ отъ Перемышля—монастырь или пустыня, такъ называемая Лютикова. ** Последнюю къ Калугѣ отсюда станцію мы про- скакали очень шибко: путь ровный и безъ горъ; лошади попались рѣзвыя, но совсѣмъ тѣмъ отъ утренней мѣшкоты мы при лунномъ свѣтѣ вѣхали въ Губернскій городъ. Гора до моста и гора за мостомъ чрезвычайно круты, спускъ и подъемъ экипажей труденъ. Мы шли пѣшкомъ, и остановились въ домѣ стараго зна- комца жены моей, члена Врачебной Управы, Г. Баумгартена. У кого лучше найти прибѣжище больному, какъ не у медика? Я тот- часъ далъ головѣ моей покой, приложилъ ее къ подушкамъ, про- тянулся на софѣ и благополучно уснулъ. «Извольте понѣжиться,» говаривалъ старый мой панглосъ, Кливеръ, когда я съ молодю бывало пожалуюсь нездоровьемъ: «Превосходнее лѣкарство!» Въ самомъ дѣлѣ, простой совѣтъ понѣжиться иногда дѣйствительнѣе премудренаго рецепта.

Подгорное, близъ рѣки Оки, по косогорамъ; построено Великимъ Княземъ Юріемъ Долгорукимъ и названо въ память Южно-Русскаго Перемышля. Въ немъ теперь за 300 домовъ съ 3 тысячами жителей обоего пола, 6 церквей, 3 Училища (Уѣздное, Приходское и женское первоначальное), Больница, Богадѣльня, 3 ярмар- ки, еженедѣльные торги. О. Б.

** Во имя Св. Троицы 3-го класса мужская обитель, на правомъ берегу Оки, въ 7 верстахъ отъ Перемышля. Построено, по преданію, Князьями Воротынскими, а названіе дано яко бы по имени бывшаго при строеніи Надзирателя нѣкоего Лютика. До 1663 црвили имъ Игумены, а съ того времени Архимандриты съ правомъ служить на коврѣ; въ 1704 опять Игумены, а съ 1807 Архимандри- ты. О. Б.

ГЛАВА LXXXVIII.

Калуга.

Губернскій городъ Калуга можетъ назваться прекраснымъ. Онъ великъ и выстроенъ правильно, домовъ каменныхъ много, церквей довольно. * Соборъ строится огромный, куполь его почти-
 тается по величинѣ своей рѣдкостью; подлѣ него отдѣляется
 Архіерейской домъ и для Семинаріи пространное зданіе. Между
 старыми строеніями видны большіе разные дома. Для Присут-
 ственныхъ Мѣстъ длинныя стѣны безъ всякой красоты въ фаса-
 дахъ; Гостинный дворъ съ лавками Готической архитектуры,
 и Губернаторскій домъ, выстроенный по общему образцу, не-
 давно апробованному: вотъ тѣ казенныя строенія, кои стоятъ
 пмѣть мѣсто въ описаніяхъ города; большая часть приводитъ на
 память вѣкъ Кречетникова. ** Подъ самымъ городомъ отведена дача
 для кладбища. Я рѣдко видалъ такое обширное пепелище. Видно,
 что Калужскіе жители, или въ тѣсной связи съ парками и ча-
 сто садятся въ Харонову шлюбку, или въ самой землѣ хотятъ
 истлѣвать въ широкихъ гнѣздахъ: и въ этомъ есть своя роскошь
 у предубѣжденія.

Генералъ-Губернаторъ человекъ весьма уединенный, почти
 нелюдимъ, но уменъ и благоразуменъ (на моемъ языкѣ эти два
 качества разные), дѣятеленъ, честенъ, пріятенъ въ бесѣдѣ и лю-
 битъ острую шутку. Онъ насъ очень обласкалъ, посѣтилъ въ

* Всѣхъ 33, Единовѣрческая 1, монастырей 2 (мужской и женской), Раскольниче-
 ская молежня, за 4,000 домовъ съ 40,000 почти населеніемъ обоего пола,
 учебныхъ заведеній 12: мужская и женская Гимназія, Семинарія, Уѣздный
 Училища, духовное и свѣтское, 7 Приходскихъ (3 муж. и 4 жен.), разныя
 благотворительныя заведенія, пристань на Окѣ для судовъ и плотовъ, торги
 всякую педѣлю и проч. О. Б.

** Михайла Никитича, открывшаго, въ Генварѣ 1777 года, Калужское Намѣстниче-
 ство и бывшаго Генералъ-Губернаторомъ 3-хъ Намѣстничествъ, Калужскаго,
 Тульскаго и Рязанскаго, тоже имъ открытыхъ, по 1791 годъ. О. Б.

нашей квартирѣ и доставилъ всѣ средства, какъ прожить тутъ два дни съ самымъ тихимъ удовольствіемъ, такъ и на пути нигдѣ не терпѣть остановокъ; самъ возилъ меня съ собою по городу и казалъ всѣ заведенія Приказа. Обращеніе его со мною было очень обязательно, и я былъ бы невѣжда, еслии бъ не остался ему весьма признательнымъ.

Узнавши его, естьли можно жалѣть о чемъ, такъ о томъ, что онъ не любитъ общества. Извѣстно, что болѣе или менѣе свойства перваго человѣка въ городѣ отливаются въ обществѣ. И такъ публичная жизнь въ Калугѣ скучна и единообразна; веселостей нѣтъ, ни какого даже нѣтъ редута, безъ котораго всякій Губернскій городъ и сирѣчь и пустъ. Гдѣ ихъ нѣтъ? Театръ былъ когда-то деревянный, но заросъ травою: онъ вдовствуетъ. Актеровъ нѣтъ, играть на немъ некому, и скоро, говорили, поидетъ совсѣмъ въ ломку.

Богоугодныя заведенія здѣсь особенную честь приносятъ начальнику. Онъ все придумалъ, обстроилъ и поставилъ на ногу совершеннаго порядка. Они состоятъ въ слѣдующемъ: 1-е, Инвалиды, и 2-е, Безумные помѣщаются въ большомъ каменномъ зданіи. Нѣкто Хлюстинъ пожертвовалъ онымъ. Во всѣхъ покояхъ видна особенная попечительность и большое раченіе. Мало пользы растянуть огромное строеніе, поставить вездѣ колонны и щеголять фасадою, межъ тѣмъ какъ не рѣдко бѣдный старикъ, или несчастный сумасбродъ, страждутъ въ прекрасныхъ стѣнахъ безъ призора. Здѣсь совсѣмъ противное: нехороши стѣны снаружи, но прямо, въ полномъ смыслѣ слова, Богоугодное содержаніе въ нихъ. Сколько настроено дворцовъ, кои носятъ на себѣ вывѣску не призранія, но презрѣнія общественнаго! При томъ Инвалидномъ домѣ маленькая церковъ внизу, въ которой много новаго вкуса. 3-е, Лазаретъ расположенъ въ старинномъ двухъэтажномъ домѣ, не такъ достаточенъ во всемъ, какъ прежнія два заведенія, но, по возможности, строенія содержатся наилучшимъ образомъ. Довольно для доказательства примѣра, не изъ теоріи, а изъ опыта взятаго: въ 6 мѣсяцевъ изъ 200 больныхъ умерло только два человѣка. Я душевно пожелалъ другого Хлюстина, чтобъ и Больница въ строеніи своемъ сравнялась съ Инвалиднымъ. Хоро-

що привлекать и пожертвованія гражданъ туда, гдѣ они такъ полезно употребляются. 4-е Сиротскій Домъ, внутри города въ маленькомъ деревянномъ домѣ; дѣтей въ немъ немного; взрослые отсылаются въ Московскій Воспитательный Домъ, а грудные младенцы раздаются вольнымъ кормилицамъ изъ платы отъ Приказа.

Сверхъ всѣхъ сихъ заведеній найдете вы въ Калугѣ небольшой Кадетскій Корпусъ. Онъ содержится прекрасно. Въ немъ до 100 человекъ Калужскихъ Дворянъ воспитываются и обучаются, на казенный коштъ пользуются пищею и одеждою. Нельзя не похвалить такой основательной заботы о благѣ человѣчества. Я видѣлъ эгѣхъ мальчиковъ въ собраніи, въ лѣтнемъ ихъ домѣ: они ходятъ въ мундирахъ, занимаются полевыми упражненіями, по барабану движутся и маршируютъ, какъ добрые солдаты; въ нихъ есть уже воинской духъ; на зарѣ жизни своей они прилѣпляются уже къ славѣ и достигать ея стремятся. Когда исполнится юношѣ 16 лѣтъ, его отсылаютъ въ С.-Петербургской Кадетскій Корпусъ: недавно туда отправлено 20 человекъ воспитанниковъ здѣшнихъ. Такое благодѣтельное училище содержится изъ капитала, въ пользу его собраннаго, разумѣется, добровольно съ Дворянъ; Государь изволилъ пожаловать 5 тыс. Каждый пансіонеръ или кадетъ стоитъ содержаніемъ своимъ до 100. Очень дешево! Но замѣтите, что обученіе ихъ наукамъ не требуетъ ни какихъ издержекъ: они ходятъ въ классы въ общую Губернскую Гимназію.

Около этого лѣтняго дома, гдѣ лагеремъ стоятъ Кадеты, но безъ палатокъ, я видѣлъ рѣдкое мѣстоположеніе въ натурѣ: чрезвычайность его самая необыкновенная. Я съ умыслу эго говорю, по тому что въ нынѣшнихъ сравненіяхъ естественныхъ видовъ такъ много чрезвычайнаго въ путешествіяхъ, что и въ нихъ надобно настоящей чрезвычайности сдѣлать изъятіе. Представьте домъ, окруженный водою, за ней роща, какъ стѣна; она выходитъ дугой около этого мѣста; въ полукружіи ея есть выемки, кои по краямъ рощи видъ дѣлаютъ завѣсовъ съ нарядными борами и подзорами; а что всего для глазъ чудеснѣе—съ конца до другого всѣ деревья, какъ будто фронтъ солдатъ по ранжиру, вытянуты натурой по мѣрѣ своего роста. Картина, наполненная пріятности! Дай Богъ, чтобъ Козельскіе лѣсоводы не приходили сюда прак-

тиковаться въ своей Форстѣ-Маненціи, а то—прощай лѣсной строй, ранжиръ вѣтвистыхъ березы! Молодцы все повалять.

Прогуливаясь по городу, я завернулъ въ одинъ переулокъ, не чая ни чего найти особеннаго. Ошибся: часто печальность навѣдетъ на прекрасное. Въ углу небольшой деревянный домъ несетъ громкую надпись: «Домъ Старичковыхъ.» Кто не помнитъ этого витязя храбрыхъ Россійскихъ воевъ? * Мало ли было шуму объ немъ въ газетахъ? Патріоты, т. е., тѣ, кои гортанью это имя заработали, уцѣпились за него, какъ за штандартъ Магометовъ, прославляли его во всѣхъ листахъ и сочиненіяхъ; помнится, и на театрѣ видѣли мы Старичковыхъ. Здѣсь они: вотъ и домъ ихъ! Сюда, сюда, господа энтузіасты Старичковыхъ! О! какъ я счастливъ! Я видѣлъ въ жизни своей Одессу, Черное море, Очаковъ, Херсонъ, Николаевъ и домъ Старичковыхъ!

Г Л А В А LXXXVIII.

Еще нѣчто о Калугѣ. Малоюрославецъ. Боровскъ.

Чтобъ видѣть Калугу, и не только взглянуть на нее, но и осмотрѣть совершенно, довольно одного дня. Пріязнь заставила меня провести здѣсь день лишній противъ моего предположенія. Издавна друженъ будучи съ здѣшнимъ Архіереемъ, я не могъ ни ему, ни себѣ, отказать въ продолженіи моего пребыванія: я цѣлый день гостилъ у него и съ нимъ. Сказавши, что онъ мнѣ другъ, я отнялъ у себя средство воздать ему должную похвалу;

* Старичковъ былъ Унтеръ-Офицеръ Азовскаго пѣхотнаго полка, который во время Аустерлицкаго сраженія умѣлъ спрятать свое знамя подъ одежду, былъ отведенъ въ плѣнъ и умеръ, передавъ его, бывшему съ нимъ въ неволѣ, рядовому Бутырскаго пѣхотнаго полка Чайкѣ, для возвращенія въ полкъ, что тотъ и исполнилъ. Знамя это хранится теперь въ Петербургскомъ Арсеналѣ. Императоръ Николай I подарилъ (15 Генваря, 1848 г.) въ Чесменскую Богадѣльную картину, представляющую подвигъ Старичкова. О. Б.

можетъ быть, ее отнесутъ къ пристрастію, но не лишу себя удовольствія поговорить объ немъ.

Онъ для насъ служилъ обѣдию Сентября 1-го числа. Я уви-дѣлъ въ немъ образъ юнаго Платона: та же осанка, видъ, произношеніе! Онъ не тянетъ голоса на возгласахъ, онъ выговариваетъ ихъ. Лѣта его еще не глубоки, но болѣзни даютъ ему видъ старости; подагра лишаетъ его свободы порядочно ступать: онъ ходитъ съ принужденіемъ; при всемъ томъ пріятно видѣть его во храмѣ: настоящій пастырь! Онъ любимъ многими въ городѣ, и церковь, гдѣ онъ служитъ, всегда полна народу.

Не имѣя еще дому въ городѣ, Евлампій * живетъ въ Лаврентьевскомъ монастырѣ ** версты двѣ отъ города; тамъ у него храмъ не великолѣпенъ, но ризница богата; нѣсколько въ ней изрядныхъ саккосовъ, а митра есть одна съ алмазами и жемчугомъ; какъ рѣдкость, замѣтити должно пачагію изумрудную съ брилліантами, въ которую вставленъ одинъ большой камень, но не очень чистой воды. Исторія этой пачагіи говоритъ, что она предметникомъ его *** сдѣлана изъ ефеса, пожалованнаго Екатериною II

* Введенскій, въ мірѣ Евѳимій, сынъ Дьячка Юрьевского Введенскаго дѣвичьяго монастыря; воспитывался въ Троицкой Семинаріи въ 1771 г., гдѣ въ послѣдствіи былъ 1781 Учителемъ Сиптаксическаго класса, 1786 Риторика и Поэзіи въ Перервинской Семинаріи, съ 1787 монахъ и тогда же возвращень въ Троицкую Семинарію, 1789 Пррфектъ ея, 1792 и Ректоръ, за тѣмъ съ 1795 г. Ректоръ Московской Духовной Академіи, 1801 Епископъ Архангельскій, 1809 Калужскій; умеръ 1813 года. О. Б.

** Монастырь этотъ 3-го класса, на гористомъ мѣстѣ лѣваго берега, далеко окруженный рощами. О. Б.

*** Феодилактоу Русановымъ, р. 1765 г. въ Архангельской Губерніи, учился въ Олонецкой Семинаріи и Александро-Невской Академіи, изъ коихъ въ послѣдней былъ Учителемъ Поэзіи и Реторики, 1794 монахъ и законоучитель Кадетскаго Корпуса, въ Мартѣ 1795 Архимандритъ Зеленецкаго, потомъ 1796 Сергіевоіи пустыни, 1798 Новгородскаго Антоніева монастыря и Чепъ Синода, а съ Октября 1799 Иверскаго монастыря, въ Сентябрѣ Епископъ Калужскій; 1807 на чредѣ въ Синодѣ, 1808 г., Декабря 25, Архіепископъ, 1809 Рязанскій (Марта 5), 1813 уволенъ въ свою Епархію (11 Ноября), 1817 (Мая 14) Экзархъ Грузіи, 1819 (1-го Февраля) Митрополитъ; скончался 19-го Іюня, 1821 г. и погребень въ Сигнахскомъ Георгіевскомъ Соборѣ. Былъ вліятельнымъ Членомъ Коммисіи Духовныхъ Училищъ; кавалеръ Св. Анны, Владимира и Александра Невскаго 1-й степени. О. Б.

въ 1774 году Генераль-Маіору Князю П. В. Репнину. Я не распранивалъ, какъ она сюда попала; конечно, смерть героя вселяла его въ церковную ризницу: общая участь многихъ сокровищъ, кровію, или алчностью, нажитыхъ!

Архіерей живетъ хорошо и прилично своему сану. Мы у него обѣдали: онъ кормитъ сытно и поитъ умѣренно. Поком его просты, но приборны и вездѣ чисто. Пѣвчіе поютъ согласно, хоть не чрезвычайно хорошо; басъ много выражаетъ: онъ отъ души поетъ, а не по наряду, и отъ того невольно его замѣтишь. Я съ Преосвященнымъ до вечера просидѣлъ у него, а вечеръ онъ пробылъ у меня; и такъ мы съ нимъ не разставались цѣлыя сутки: бесѣда наполнила все это время. Это лучшая пища для сердца, Я не изъ тѣхъ людей, кои въ самомъ разговорѣ съ другимъ помрачаются, когда порода собесѣдника ихъ не равна ихъ происхожденію. Для меня все равно, изъ какого бы саду ни принесли, изъ богатой ли оранжереи вельможи, или изъ крестьянскаго огорода, благовоиный цвѣтокъ всегда пріятенъ; цѣна его въ немъ, а не во виѣшностяхъ его: такъ и умъ, гдѣ бы онъ ни былъ природой насажденъ, а обстоятельствами образованъ, въ героѣ, или рабѣ, въ отшельникѣ, или Царедворцѣ, почерпать отъ него познанія всегда драгоцѣнное занятіе. И такъ мы, угождая собственному своему вкусу и понятію, промѣшкали сутки въ Калугѣ: но что день для дружбы? Одна минута!

2-го Сентября въ Калугѣ великое празднество, всѣ колокола въ городѣ шумятъ; всѣ Попы съ иконами приходятъ къ Собору, и тамъ торжественное воздается Богу благодареніе за избавленіе Калуги отъ чумы; однако, въ такой близости отъ Столицы ни что не сильно было насъ еще удержать на пути, и мы рано выѣхали.

Лошади намъ попались прекрасныя, и мы прибыли очень скоро въ Малой Ярославецъ, Уѣздный городъ Калужской Губерніи, въ 60 верстахъ отъ Губернскаго. Дорога сюда славная, горъ немного, лошадей перемѣняли только одинъ разъ, въ Салѣйкинѣ. Малоярославецъ ни чего не значитъ, хотя натура снабдила его хорошимъ мѣстоположеніемъ. Отъ него до самой рѣки Лужи тя-

нется гора со многими переломами и очень украшаетъ городъ. * Здѣсь мы обѣдали, и пріѣхали довольно рано въ Боровскъ, городъ Калужской же Губерніи; погода во весь день была теплая.

На дорогѣ замѣтить можно только деревню и въ ней большой домъ Г. Болтина. Въ Боровскѣ ** мы остановились у зажиточнаго купца Большукова. Каменный большой домъ, строенъ 50 лѣтъ назадъ и въ старинномъ вкусѣ, лучший въ городѣ и славенъ по тому, что Гг. Губернаторы всегда въ немъ останавливаются.

Подъ городомъ монастырь мужской, въ которомъ почиваютъ мощи подѣшудомъ Пафнутія, Боровскаго Чудотворца. *** Поздно было ити туда пѣшкомъ, а когда все наши повозки собрались, то еще поздиѣ было собираться ѣхать далѣе; и такъ мы остались тутъ ночевать. Городъ для Уѣзднаго довольно великъ, но писать объ немъ совершенно нечего, хотя онъ и не изъ новыхъ; развѣ сказать, что въ немъ для Присутственныхъ Мѣстъ выстроенъ новый корпусъ по образцу, изданному для всѣхъ, ему подобныхъ, по Уѣзднымъ городамъ въ Россіи.

* На правомъ берегу рѣки Лужи, при впаденіи въ нее рѣчки Ярославки, почти съ 400 домовъ и 3,000 обитателей обоего пола, 4 церквами, мужскимъ монастыремъ, 3 Училищами (Уѣзднымъ, Приходскимъ и первоначальнымъ женскимъ), Больницей, 5 ярмарками, еженедѣльными торгами и проч. т. п. При немъ и въ немъ происходило славное сраженіе 12 и 13 Октября, 1812 года, послѣ котораго Наполеонъ принужденъ былъ потянуться на разоренную уже имъ Смоленскую дорогу во время двоженія въ Москву, и здѣсь положенъ былъ предѣлъ его завоеваній и начало спасенію Россіи. О. Б.

** Расположенъ по обѣимъ берегамъ рѣки Протвы и при впаденіи въ нее рѣчки Тикижи, съ 900 домовъ и 9 тысячнымъ населеніемъ обоего пола, 8 церквами, 1 Единодѣрческой, 2 Училищами (Уѣзднымъ и Приходскимъ), Больницей, 4 ярмарками, еженедѣльными торгами. Извѣстно, что Боровскъ былъ нѣкогда удѣльнымъ Княженіемъ меньшихъ дѣтей Московскаго Великаго Князя. По нему Калужскій Епископъ пишется и Боровскимъ. О. Б.

*** Первоклассный, на устьѣ рѣчки Истры, впадающей въ Протву, въ 3-хъ верстахъ отъ города; основанъ въ 1444 г. Пафутіемъ, скончавшимся въ 1479; съ начала правилъ имъ Игумены, а со времени Св. Синода—Архимандриты. Въ немъ погребены многіе изъ Князей Оболенскихъ, Щербатовыхъ, Лыковыхъ и Репнинныхъ. О. Б.

ГЛАВА XXXIX.

П о с л ѣ д н я я .

По разстоянію мѣста для добрыхъ коней, для нетерпѣливыхъ ѣздоковъ, отъ Боровска до Москвы—нѣсколько часовъ ѣзды. Карета наша съ своими сѣдоками взяла у насъ полсутокъ передъ, отправясь въ ночи, но, не смотря на всѣ предварительныя средства, принятыя къ тому нами, чтобъ вездѣ имѣть лошадей и летѣть въ Москву во весь духъ, убили мы цѣлый день до вечера въ дорогѣ. Чѣмъ ближе къ Москвѣ подъѣзжаешь, тѣмъ болѣе готовишься къ терпѣнію разныхъ искушеній и досадъ. Почта окружила столицу затрудненіями для поспѣшающихъ въ ея каменные ограды. Начинаются на каждой станціи натяжки, сдѣлки, насилия и разныя безпокойства: ямщикъ знаетъ, что всякому хочется скорѣе доѣхать, и прижимаетъ изъ всѣхъ силъ проѣзжихъ; почталіонъ, или Смотритель на станціи, тотъ же Воевода въ городѣ, дѣлаетъ, что хочетъ: даетъ лошадей, или не даетъ, впрягаетъ и выпрягаетъ по своему произволу, и на него нѣтъ ни суда, ни апелляціи. Отъ такихъ хлопотъ одніе деньги оборонить могутъ: зазвени кошелькомъ—и всѣ ямщики становятся услужливы. Принужденъ былъ и я, за двѣ станціи отъ Москвы, сорить послѣднія свои цѣны, лишь бы поскорѣй ѣхать и увидѣть небо моей родины.

Не знаю, можно ли что ни будь примѣтить по пути отъ Боровска въ Москву и сохранить въ запискахъ дорожныхъ. Я такъ былъ занятъ Москвою и моимъ возвращеніемъ домой, что ни чего около себя не видалъ такого, чтобъ отъ нея отвлекло мое вниманіе на минуту. Съ Калужской дороги своротили мы на Можайскую, чтобъ вѣхать въ городъ ближайшей заставой къ нашему дому подъ Дѣвичьимъ, и передъ вечеромъ проѣхали мы село Волынское, принадлежавшее нѣкогда отцу моему: * отсюда видна уже Москва. Я выскочилъ изъ коляски, и всею дачею Во-

* Село владѣльческое, при рѣчкѣ Сетунн, въ 9½ верстахъ отъ Москвы, съ 22 дворами и 35 душами обоюго пола и церковью. О. Б.

лынскаго прошель пѣшкомъ. Тутъ же пришли мнѣ на мысль живѣе, чѣмъ гдѣ ни будь, ребяческіе мои годы; увидѣлъ, спустясь съ горы, въ правую сторону, старую аллею, усаженную липами, въ которой такъ часто съ мамой своею я хаживалъ гулять и въ перелѣскахъ грибы бралъ. Цѣлъ еще тотъ храмъ, въ которомъ мы приносили Богу по праздникамъ дѣтскія наши молитвы. Не тотъ уже ветхій домъ, которой былъ при насъ: гораздо огромнѣе и великолѣпнѣе выстроены новыя съ колоннами; но та же подъ нимъ гора, тѣ же уступы, съ которыхъ мы падали нерѣдко и приносили на лбу живые знаки нашей рѣзвости. Въ лѣвой сторонѣ Давыдково, * деревня, гдѣ жилали наши кормилицы и заманивали насъ въ избы свои поѣсть ягодъ съ молокомъ въ ясную погоду. Вотъ и мостъ, съ котораго я удочкой ловить любилъ рыбу и гдѣ осторожный дядька назиралъ всякое мое движеніе, чтобъ я не упалъ въ воду! Вотъ и Сетунь—рѣка, вспоишшая меня въ первые годы моей жизни. Она также свѣтла, быстра, прозрачна, но она уже не моя, струи ея принадлежать другому, а мнѣ въ удѣлъ досталось только то, чего ни чьи предки продать не могутъ—пріятное воображеніе о прошедшемъ и пристрастіе къ мѣсту: оно тутъ, тутъ, въ глубинѣ моего сердца, и ни кто его у меня по купчей никогда не отниметъ. За рѣкой была при насъ прекрасная роща, называемая Борокъ. Когда мы пріѣзжали изъ Москвы въ Волынское на все лѣто и появлялись въ немъ наши кареты и линѣйки, залпы пушечныхъ выстрѣловъ изъ села во всю рощу раздавали свои отголоски. То было тогда, но теперь я шель между пеньковъ: они свидѣлствуютъ одни, что тутъ нѣкогда была роща, которую нынѣшніе владѣльцы изъ прібытка вырубилъ совершенно.

На сихъ развалинахъ я позволилъ себѣ быть на минуту малодушнымъ: взглянулъ назадъ на село, окинулъ взоромъ весь свой горизонтъ, собралъ всѣ напоминанія въ одну точку, точно такъ, какъ въ зажигательное стекло собираются всѣ лучи солнца; они жгутъ подверженный предметъ огнемъ физическимъ; такъ

* Деревня владѣльческая при рѣкѣ же Сетунь, въ 9 верстахъ отъ Москвы, съ 36 дворами и 250 душами обоего пола. О. Б.

и душа моя загорѣлась своимъ пламенемъ, и на зеркалѣ ея потекли слезы. Такъ, я не стыжусь признаться, что я заплакалъ; я дерзну сказать болѣе: съ этимъ лоскуткомъ земли бѣдный, но всегда честный, родитель мой терялъ послѣднюю свою собственность и домъ, который нѣкогда считалъ за собою тысячи душъ, отъ воли котораго зависѣло, не весьма давно, пріобрѣтать безчисленное въ Россіи, приведенъ былъ не виной, но бѣдствіями, лишиться послѣдняго своего имущества. О patria, patria! И твой ли дымъ мнѣ будетъ сладокъ? Осуждайте суету мою, философы, но да избавитъ васъ Богъ отъ пагубной необходимости думать и чувствовать по моему въ настоящемъ случаѣ! Чувствительный человѣкъ извинитъ мой жаръ и пожалѣетъ обо мнѣ.

Сѣвши въ коляску, я не помню почти, какъ я доѣхалъ до Поклонной Горы, и еще терялся въ глубокомъ размышленіи, какъ милая жена моя, дѣлившая во все это время мою грусть со мною, чтобъ разсѣять ее, закричала: «Другъ мой! Москва!» Я проснулся, какъ отъ сна, взвидѣлъ Ивановскую колокольню и, по чувству непостижимой любви къ родинѣ, сердце мое затрепетало. «Москва! Москва!» вскричалъ я съ нею и, не смигая съ нея, до Заставы ѣхалъ стоя. Ужъ солнце кидало послѣдніе лучи свои на нашу земли поверхность. Дѣти наши ожидали насъ въ Дорогомиловой слободѣ: они бросились къ намъ на шею, и мы, отлучавшіеся отъ нихъ не надолго, но далеко, прижимали ихъ къ нашему сердцу. Ахъ! какъ оно бьется, когда оно довольно! Тутъ же получилъ я письмо изъ Володимира, и одно чувство радости ощущая внезапно за другимъ, я вдругъ очутился на прагѣ родительскаго дома, въ дрожащихъ объятіяхъ престарѣлой моей матери. Тутъ, воздавъ хвалу Богу, совершающему всѣ начинанія наши, я нашелъ въ эту блаженную минуту невидимый рай въ видимомъ мирѣ.

Все, Боже, отъ тебя,
И все по благодти твоей!

ДОПОЛНЕНИЕ.

Къ стр. 274—277, примѣч. Говоря тутъ, въ примѣчаніи (стр. 276), о надворотной иконѣ Смоленской Божіей Матери, я сообщилъ свѣдѣнія о ней по тѣмъ источникамъ, которые были у меня подъ рукою, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратился за ними и къ извѣстному нашему военному писателю, И. П. Липранди, какъ участнику въ нашемъ славномъ прошедшемъ 12-го и слѣдующихъ годовъ. Но свѣдѣнія его не успѣли, по краткости времени, къ отпечатанію упомянутаго примѣчанія, и я ихъ, по ихъ важности, сообщаю при семъ. На вопросъ мой: «Присягали ль Русскіе, какъ ходятъ слухи, передъ Смоленской иконой Божіей Матери на канунъ Бородинскаго побоища?» И. П. отвѣчаетъ:

«Ни какихъ присягъ предъ иконой Смоленской Божіей Матери, на канунъ Бородинской битвы, дѣлаемо не было. Князь Кутузовъ приказалъ поднять ее и обойти полки. Для прида-
нія болѣе торжественности, собраны были полковые Священники съ хоругвями и другими принадлежностями. * Князь, окруженный Штабомъ, въ числѣ котораго находились тутъ: Принцъ Александръ Виртембергскій, Бенигсенъ, Графъ И. И. Марковъ, а равно и нѣкоторые начальники отдѣльныхъ частей: Платовъ, Милорадовичъ и

* Св. икона на Смоленскомъ предмѣстьѣ поставлена была на запасной лафетъ батарейной роты (№ 1) Полковника Глухова, корпуса Н. А. Тучкова 1-го, и такъ совершила весь походъ; здѣсь было и два Священника съ причтомъ, сопровождавшихъ ее. Можетъ быть, когда-либо кто изъ усердія и служилъ ей на походѣ молебны, не знаю; ибо я былъ въ корпусѣ Дохтурова; но знаю навѣрное, что А. И. Ермоловъ первый подаль мысль поставить ее на лафетъ, для сопутствованія арміи.

др., были ли они призваны, или случились при Князѣ, не знаю. Главнокомандующіе же 1-й и 2-й арміями, корпусные, дивизіонные и другіе начальники, встрѣчали Св. икону при своихъ частяхъ и присоединялись къ процессіи, нѣкоторые слѣдовали и далѣе расположенія своихъ частей, увеличивая такимъ образомъ кортежъ.

Фельдмаршалъ прослѣдовалъ около половины всего протяженія, само собою разумѣется, съ открытыми головами. Каждый полкъ преклонялъ колѣна, когда Св. икона приближалась къ оному. Въ промежуткахъ двухъ полковъ процессія останавливалась и совершала краткія молебствія, какъ это бываетъ во всѣхъ крестныхъ ходахъ. Особенность была только въ томъ, что обстоятельства выходили изъ круга обыкновенныхъ случаевъ. Здѣсь каждый мысленно стоялъ на своей могилѣ.»

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловіе	1.
ГЛАВА I. Выѣздъ изъ Москвы	1
II. Серпуховъ	4
III. Тула. Оружейный заводъ	6
IV. Разныя заведенія въ Тулѣ	11
V. Ночлегъ на дорогѣ. Мценскъ	16
VI. Выѣздъ изъ Мценска. Проѣздъ чрезъ Орелъ. Ночлегъ того дня	20
VII. Поворотъ на ярмарку. Ночлегъ въ каретѣ	24
VIII. Ярмарка	27
IX. Курскъ	33
X. Бѣлгородъ	38
XI. Харьковъ	45
XII. Продолженіе	48
XIII. Выѣздъ изъ Харькова. Валки	56
XIV. Окрестности Полтавы. Земляное строеніе	59
XV. Полтава	62
XVI. Монументъ	68
XVII. Полтавское торжество	71
XVIII. Богоугодныя заведенія	80
XIX. Забавы и увеселія	85
XX. Путь до Кременчуга. Балъ въ клубѣ	88
XXI. Описаніе Кременчуга	93
XXII. Дворцовый садъ. Театръ	95
XXIII. Путь до Елисаветы	98
XXIV. Елисаветградъ	102

	Стр.
XXV. Николаевская степь. Громокляя.....	103
XXVI. Приѣздъ въ Николаевъ.....	108
XXVII. Николаевъ.....	111
XXVIII. Верфь. Депо. Штурманская школа.....	114
XXIX. Кладбище Спаское.....	118
XXX. Имѣніе Графа Безбородька.....	121
XXXI. Очаковъ.....	125
XXXII. Приѣздъ въ Одессу.....	129
XXXIII. Одесса. Приѣздъ въ нее. Положеніе мѣста.....	133
XXXIV. Городъ вообще. Строепіе. Улицы.....	136
XXXV. Торговля. Гавань. Магазины. Лавки.....	140
XXXVI. Храмы Греческіе и Иновѣрные.....	144
XXXVII. Правительства военное и гражданское.....	147
XXXVIII. Богоугодныя и полезныя зеведенія.....	150
XXXIX. Общественныя увеселенія.....	152
XL. Колонія.....	155
XLI. Мои знакомства.....	160
XLII. Публичная жизнь въ Одессѣ.....	163
XLIII. Прогулка на морѣ въ шлюбкѣ.....	166
XLIV. Нечаянное безпокойство.....	171
XLV. Отъѣздъ изъ Одессы.....	173
XLVI. Ночлегъ въ Анчекратѣ.....	176
XLVII. Балъ на берегахъ Буга.....	180
XLVIII. Описаніе Богоявленскаго.....	185
XLIX. Потемкинъ.....	189
I. Херсонъ.....	194
II. Отъѣздъ изъ Николаева.....	199
III. Ночлегъ у Госпожи Лореновой. Путь до Новоміргорода и приѣздъ туда.....	203
IV. Новоміргородъ и Златополь.....	206
V. Путь до Звенигородки.....	209
VI. Дорога до Умани.....	213
VII. Умань и разные въ пей предметы.....	215
VIII. О Жидакъ вообще, ихъ промыслѣ и Богослуженіи.....	217
IX. О семействѣ нашего хозяина.....	221
X. Предисловіе къ описанію Софіївки.....	224
XI. Отъѣздъ изъ Умани. Продолженіе пути.....	234

LXI. Приѣздъ и пребываніе мое у зятя	237
LXII. Мѣстоположеніе. Сосѣдство. Здѣшнее хозяйство	241
LXIII. Капезъ. Монастырь	243
LXIV. Багъ у зятя, прощанье и отъѣздъ	247
LXV. Пиръ у Казарина. Отъѣздъ и путь до Кіева	250
LXVI. О Княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой	254
LXVII. Общій взглядъ на Кіевъ	259
LXVIII. Кіево-Печерская Лавра	263
LXIX. Пещеры	268
LXX. Михайловскій монастырь. Софійской соборъ. Леванда	273
LXXI. Разные духовные предметы	281
LXXII. Фроловскій монастырь	285
LXXIII. Интересная сумасбродка	287
LXXIV. Академія	289
LXXV. Гражданскія строенія и зданія	291
LXXVI. Успеневъ день	294
LXXVII. Общія увеселенія города. Жизнь Кіева при насъ	298
LXXVIII. Отъѣздъ изъ Кіева. Козелецъ	302
LXXIX. Нѣжинъ	306
LXXX. Батуринъ. Гробъ Графа Разумовскаго	313
LXXXI. Обѣдня въ Батуринѣ. Дорога до Сѣвска	317
LXXXII. Сѣвскъ	322
LXXXIII. Дмитріевскъ. Домъ Безбородька. Кромы	325
LXXXIV. Орелъ и Болховъ. Деревня Княгини Урусовой	329
LXXXV. Двое сутки у сестры. Приѣздъ и пребываніе въ Бѣлевѣ	332
LXXXVI. Бѣлевъ. Козельскъ. Дачи Г. Пилисьера	336
LXXXVII. Калуга	341
LXXXVIII. Еще нѣчто о Калугѣ. Малоярославецъ. Боровскъ	344
LXXXIX. Послѣдняя	349

ОВРЯДНЫЯ.

I.

Колядныя.

Въ навечеріе Рождества Христова, въ селахъ и деревняхъ, дѣвицы, * собравшись по нѣскольку вмѣстѣ, ходятъ кучками по улицамъ отъ одного дома къ другому и подъ окнами поютъ слѣдующія пѣсни:

1.

Приходила колада
Напередъ Рождества.
Виноградѣ красно зеленѣе мое. **
Напала пороша,
5 Снѣгу бѣлинъкаго;
Какъ по этой по порошѣ
Гуси, лебеди, летѣли,
Коледовщицки,
Недоросточки, ***
10 Недоросточки,

* Во многихъ мѣстахъ мальчики и парни.

** Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго двухъ стиховъ.

*** Это слово употребляется по тому, что сюда собираются несовершеннолѣтніе.

Красны дѣвушки
 Сочили и искали
 Иванова * двора.
 И Ивановъ дворъ,
 5 Ни близко, ни далеко:
 На семи верстахъ,
 На восьми столбахъ;
 Вокругъ этого двора
 Тынь серебряный стоитъ:
 10 Вокругъ этого тына,
 Все шелковая трава;
 На всякой тынинкѣ
 По жемчужинкѣ.
 Во этомъ во тыну
 15 Стоитъ три терема,
 Стоитъ три терема,
 Златоверхіи:
 Во первомъ терему
 Свѣтелъ мѣсяць,
 20 Во второмъ терему
 Красно солнышко,
 Въ третьемъ терему
 Часты звѣздочки.
 Свѣтелъ мѣсяць—
 25 То хозяйинъ во дому,
 Красно солнышко—
 То хозяйюшка,
 Часты звѣздочки—
 Малы дѣточки.
 30 Какъ самага господина
 Дома нѣтути,
 Дома нѣтути,
 Не случилось,
 Въ Москву съѣхавши
 Суды судить,

* Сдѣсь упоминають имя хозяйня, подѣ чьимъ окномъ поютъ.

Суды судить,
 Да ряды рядить.
 Посудивши, порядивши,
 Домой ѣдетъ онъ:
 5 Онъ женѣ-то везетъ
 Кунью шубу, кунью шапочку,
 А своимъ-то сынамъ
 По добру коню,
 Своимъ доченькамъ
 10 По злату вѣнку,
 Своимъ служенькамъ
 По сапоженькамъ.
 Наша-то коледа
 Ни мала, ни величка,
 15 Она въ двери не лѣзетъ,
 И въ окно намъ шлетъ.
 Ни ломай, ни гибай,
 Весь пирогъ подавай!
 Виноградѣ красно зеленѣе мое!

Сообщ. М. И. Семевскимъ Псков. Губ.

2.

20 Ходили, гуляли, коледовщики,
 Сочили, искали, Боярскаго двора:
 Нашъ Боярскій дворъ на семи верстахъ,
 На семидесяти столбахъ.
 Какъ повѣхалъ Государь на судимую гору,
 25 Судъ судить по сто рублей,
 Рядъ рядить по тысячи.
 Какъ ѣдетъ Государь со судимой со горы,
 Везетъ своей женѣ кунью шубу,
 Своимъ сыновьямъ по добру коню,
 30 Своимъ невѣстускамъ по кокошничку,
 Своимъ дочушкамъ по ленточки,

Своимъ служенькамъ по сапоженькамъ.
 Подарите, не знобите, коледовщичкамъ.
 Наша коледка ни мала, ни велика,
 Ни въ рубль, ни въ полтину,
 5 Ни въ четыре алтына.
 Подарите, не знобите, каледовщичковъ,
 Либо съ печи пирогомъ,
 Либо съ клѣти осьмакомъ.
 Наша коледка ни мала, ни велика,
 10 Въ двери не лѣзя,
 Въ окно какъ щѣ (?):
 Либо кружечку пивца,
 Либо чарочку винца.
 Хозяинъ, ясенъ мѣсяцъ,
 15 Хозяйка, красно солнышко во дому. *

Тамъ же и тѣмъ же.

3.

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Мы ходили, 2
 По Мишину селу
 Авсень, Авсень! 2 **
 Кишки да желудки
 20 На печкѣ сидѣли,
 На насъ-то глядѣли,
 Въ кошель захотѣли.
 Какъ у Павла на дворѣ
 Стоитъ дровъ костеръ.
 25 Ему пиво варить,

* Послѣ каждаго двухъ стиховъ повторяется припѣвъ: «Виноградъ красно зеленъ мое!»

** Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Ему сына женить.
 Самъ-то Павелъ—
 Свѣтлой мѣсяцъ,
 Его жонушка—
 5 Красно солнышко,
 Его дѣточки—
 Часты звѣздочки.
 Даримъ Павлу шадру: *
 Да чѣмъ погоняти?
 10 Простой кишкой,
 Шелудивымъ парсукомъ.

Зап. А. И. Худяковымъ, Ряз. Г. Зар. У., въ с. Мишенѣ.

4.

Таусины! Таусины!
 Ребята, ребята,
 Таусины!
 15 Берите топоры!
 Таусины!
 На что брать топоры?
 Таусины!
 Рубите вы сосны!
 20 Таусины!
 На что рубить сосны?
 Таусины!
 Колите вы доски!
 Таусины!
 25 На что колоть доски?
 Таусины!
 Мостите вы мосты!
 Таусины!
 На что мостить мосты?

* Лошадь.

Таусины!
 Кому по немъ ѣздить?
 Таусины!
 Василию ѣздить;
 5 Таусины!
 На чемъ ему ѣздить?
 Таусины!
 На сивенькой свинкѣ;
 Таусины!
 10 Чѣмъ ее погонять-то?
 Таусины!
 Цуцкимъ поросенкомъ;
 Таусины!
 А чѣмъ ему взнуздать-то?
 15 Таусины!
 Жирною кишкою,
 Таусины!

(Въ одинъ голосъ:)

Пышка лепешка
 Въ печи сидѣла,
 20 На насъ глядѣла,
 Въ ротъ захотѣла.
 Дайте намъ кишку съ локоть,
 Чтобъ семерымъ не слопать;
 Дайте намъ ломоть пирога,
 25 Во всѣ коровіи роги.
 Не дадите лепешки,
 Закидаемъ всѣ окошки;
 Не дадите пирога,
 Закидаемъ ворота. *

Зап. В. А. Мясоѣдовой, Сар. Г. Серд. У., въ с. Пяшѣ.

* Поется мальчиками передъ каждымъ домомъ.

5.

У Иванова двора
 Стоитъ горенка нова,
 Баусимъ, баусимъ!
 Вы этой вы горенки
 5 Стоитъ двѣ скамеечки,
 Баусимъ, баусимъ!
 На этихъ скамеечкахъ
 Сидятъ двѣ дѣвчоночки.
 Баусимъ, баусимъ!
 10 Онѣ косы плетутъ,
 Приговариваютъ:
 Баусимъ, баусимъ!
 Ты расти, расти, коса,
 До шелкова пояса,
 15 Баусимъ, баусимъ!
 До Нѣмецкаго чулка,
 До чернаго башмака.
 Баусимъ, баусимъ!
 Кишки, желудки,
 20 Въ печи сидятъ,
 На насъ глядятъ.
 Давайте пирога!
 Кто не дастъ пирога,
 Сведемъ корову за рога.

Зап. мною Ряз. Г. Давк. У., въ с. Муравьевнѣ.

* Въ другихъ:
 Не дадите пирога
 Мы корову за рога,
 Авсень, Авсень!
 Не дадите ножку—
 Мы свинью объ сошку.

Зап. мною Тул. Г. Елиф. У.

II.

Подблюдныя.

Подъ Новый Годъ дѣвушки собираются вмѣстѣ и обыкновенно гадаютъ о своемъ суженомъ такъ: ставятъ на столъ чашку съ водою, и кладутъ въ нее кольца и серьги, потомъ накрываютъ скатертью. Всѣ садятся, не крестясь, за столъ, и женщины, которыя лучше знаютъ пѣсни, поютъ. Въ это время каждая старается вынуть свое кольцо подъ звуками того пѣсеннаго стиха, который ей особенно по сердцу.

1.

Я золото хороню, хороню! 2
 Приучистово серебро хороню! 2
 Я по краснымъ по дѣвушкамъ,
 По молодымъ молодушкамъ.
 5 Гадай, гадай, дѣвица!
 Отгадывай, красная!
 Во чьи руки перстень,
 Во чьи золоченый.
 Ядеръ сударь гадайте,
 10 Отъ батюшки идучи,
 Русу косу плетучи,
 Шелкомъ поплетаючи,
 Златомъ первиваючи.
 Сыщите, найдите!
 15 Пани моей матушки
 Вы не скажите.
 Пани моя матушка,
 Ена ернива,
 Чтобъ меня молоду не побила,

Да на ягрища отпустила.
 Вы, кумушки, гадайте,
 Голубушки гадайте!
 По три утра, по чатыре,
 5 По три прута золотые,
 Четвертый замчужный.
 Палъ, палъ перстень,
 У калины, у малины,
 У черную смородину.
 1 Смородина не ягода,
 Смердинъ * сынъ не баръ сынъ:
 Енъ во шапочки хорошъ,
 Во компанчики пригожъ.

Зап. мною Пск. Г. Великол. У. въ с. Федорцовъ.

2.

И я золото хороню, 2
 15 Чисто серебро хороню, 2
 Я у батюшки въ терему,
 Я у матушки въ високомъ.
 Палъ, палъ перстень
 Въ калину, въ малину,
 2 Въ черную смородину,
 Очутился перстень
 У дворянина у молодова, 2
 На правой на ручкѣ, на мезинцѣ.
 Ужъ вы кумки, вы голубки,
 25 Вы скажите, не утайте:
 Меня мати хочетъ бити,
 По три утра, по четыре,

* Пѣвица пропознала собственно: «Смеринъ сынъ.»

По три прута золотые,
 Четвертый жемчужный.
 Гадай, гадай, дѣвица!
 Въ коей рукѣ былица,
 5 Змѣиная крылица? —
 Я бы рада гадала,
 Черезъ поле идучи,
 Русу косу плетучи,
 Шелкомъ прививаючи,
 10 Златомъ приплетаючи.
 Ищи золото со свѣчами:
 Золото пропало,
 И порохомъ запало.

Сообщ. Граф. В. Д. Толстая, Ряз. Г. Данк. У. въ с. Знаменскомъ.

3.

Исусъ Христось,
 15 У воротъ стоитъ,
 Онъ съ хлѣбомъ, съ солью,
 Со скатертью,
 Съ скотинкою,
 Съ животинкою.
 20 Слава Дѣвы!
 Кому вынется,
 Тому и сбудется,
 Не минуется. Слава!

4.

Зерно, зерно Бурмиское!
 25 Нѣтъ на тебѣ, зерно, погибели.
 Кому вынется, и т. д.

5.

Маленькій точокъ,
 Большой ворошокъ.
 Кому вынется, и т. д.

6.

Разсыплю я монисто по закрому,
 Съ кѣмъ монисто собирать будетъ?
 Собирать монисто съ милымъ дружкой.
 Кому вынется, и т. д.

7.

Расколю колоду
 10 Дубовую.
 Кому вынется, и т. д.

8.

Заинка, повиляинка!
 Ты вилай, вилай,
 Не отвиляешься:
 15 Вилялъ, вилялъ,
 Въ тенета попалъ.
 Кому вынется и т. д.

9.

Рылась курочка на заваленкѣ,
 Вырыла курочка золотъ перстень,
 20 Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися.
 Кому вынется, и т. д.

10.

Мышь пицить,
Коровать тащить;
Еще попищу,
5 Еще потащу.
Слава Дѣвы!
Кому вынется, и т. д.

11.

Курочка ряба
Изъ подъ порога навозъ гребла,
10 Вырыла золотъ перстень.
Кому вынется, и т. д.

12.

На печи звѣзда
Высоко взошла.
Кому вынется, и т. д.

13.

5 Сидить воробей
На Пилѣ городѣ,
Глядитъ воробей
На чужую сторону.
Кому вынется, и т. д.

14.

За дежей сижу,
 Пятерней вожу,
 Ай, Дѣва!
 Ай, Слава!
 5 Кому вынется и т., д.

15.

Еще посижу,
 Еще повожу,
 Ай, Дѣва!
 Ай, Слава!
 10 Кому вынется, и т. д.

16.

Ужь вы, саночки мои,
 Самокаточки,
 Ай, Дѣва!
 Ай, Слава!
 5 Кому вынется, и т. д.

7.

Я за загромъ мету,
 Ай, Дѣва! и т. д.

18.

Еще посижу,
 Еще помету,
 20 Ай, Дѣва! и т. д.

Всѣ 16 зап. мною Тул. Г. Епиф. У. въ с. Федосовкѣ.

19.

Растворю квашонушку
На донушко,
Поставлю квашонку
На столбушкѣ,
И моя квашонка,
Полнымъ полна.
Ладу! Ладу!
И съ краями ровна.
Кому вынется, и т. д.

20.

Бѣгала мышка по закромамъ,
И собирала мышка по зернышку.
Кому вынется, и т. д.

21.

Сидѣлъ пѣтухъ на повѣти,
И кричалъ онъ кукареку!
Кому вынется, и т. д.

22.

Катилось колечко
По бархату,
Прикатилось
По янхонту.
Кому вынется, и т. д.

23.

Бѣле клубокъ,
 Красе клубокъ,
 Трястиѣ нитки
 И стрястѣ поясокъ.
 5 Кому вынется, и т. д.

24.

Валялась шубенка
 По подлавочью.
 Кому вынется, и т. д.

Всѣ 6 зап. мною въ Москвѣ отъ крестьянки Смол. Г. Дух. У.

25.

Катилось, валилось,
 10 Одонѣ ржи,
 Погодя маленько
 Скирдѣ овса.
 Кому мы спѣли,
 Тому добро;
 15 Кому вынется,
 Скоро сбудетсѣ,
 Не минуетсѣ!

26.

За дежей сижу,
 Пятерней вожу,
 20 Еще посижу,
 Еще повожу.

Кому вынется,
Скоро сбудется,
инуется.

27.

Курочка ряба
5 Навозъ гребла,
Выгребла колечко серебряное.
Кому вынется, и т. д.

28.

За корытомъ сажу,
Корысти себѣ жду.
10 Еще посижу,
Еще подожду.
Кому вынется, и т. д.

29.

За рѣкой мужики живутъ богатые,
Гребутъ жемчугъ лопатами.
15 Кому вынется, и т. д.

30.

Блудятъ Бояре изъ города,
Торчатъ ноги изъ гроба.
Кому вынется, и т. д.

31.

Сидѣла ворона на столбикѣ;
20 Очутилась ворона середь избы.
Кому вынется, и т. д.

Зап. мною Ряз. Г. Данк. У. въ с. Знаменскомъ.

III.

СВЯТОЧНЫЯ ИГРИЩА.

1.

Какъ и нонче у насъ святыя вечера пришли,
 Святыя вечера, святыя игрища,
 Всѣ мои подружки, всѣ на игрища ушли,
 Всѣ на игрища ушли, по дворамъ нарядныя ходять,
 5 А красная дѣвица дома замѣшкалась,
 Дома замѣшкалась, работой занялась. *

Зап. мяюю Ряз. Г. Данк. У. въ с. Знаменскомъ.

2.

Охъ, хо, хо!
 Я по келійку хожу.
 Черничку бужу:
 10 Черничка, встань!
 Молодая, встань! —
 Не могу я встать,
 Головы поднять.
 Ужь и встати было,
 15 Поплясати было,
 Для милыхъ гостей,
 Поломать костей:
 Ты, святой отецъ, Игумень,
 Постриги меня, пожалуй!
 20 Охъ, хо, хо! и т. д.
 Растриги меня, пожалуй!
 Мой батюшка растригся,
 Такъ и мнѣ захотѣлось.

* Дальше дѣвица не могла вспомнить.

Сообщ. Граф. В. Д. Толстая Р. Г. Данк. У. въ с. Знаменскомъ.

Примѣчаніе. Эта пѣсня играется такъ: избирается изъ среды играющихъ одна личность въ Игумены, ей даютъ въ руки жгутъ, и каждая изъ играющихъ подходитъ къ ней по одиночкѣ, и когда хоръ поетъ: «Ты, святой отецъ, Игумень! Постриги меня, пожалуйста!» онъ наклоняется къ нему и даетъ легкій ударъ жгутомъ по спинѣ; этотъ отходитъ прочь, его мѣсто заступаетъ другой, и такъ каждый, по очереди, пока перейдутъ мимо него всѣ. Потомъ всѣ, схватясь руками, начинаютъ пѣть: «Охъ хо хо!» Остановившись вдругъ среди пѣнія, начинаютъ спрашивать: «Пріѣхалъ ли Игумень? Тотъ отвѣчаетъ: «Еще далеко.» Тогда опять продолжаютъ круговую пѣсню и, кончивши, снова спрашиваютъ: «Далеко ли Игумень?» Онъ скажетъ: «Близко;» и это вновь повторяется, пока скажетъ: «Пріѣхалъ.» Тогда подходятъ къ нему каждый поочередно, какъ и прежде, наклоняясь передъ нимъ, а хоръ поетъ: «Растриги меня, пожалуйста. Мой батюшка растригся, такъ и мнѣ захотѣлось,» тотъ ему даетъ сильный ударъ жгутомъ и игра кончается.

3.

Ужъ вы, кумушки мои, голубки!
 Вы которому святителю молилися,
 Вы которому чудотворцу обѣщалися?
 Что у васъ-то мужья молодые,
 5 У меня ли у младеньки старичище,
 Не пускаетъ старичище на игрище:
 Я уходомъ отъ старова уходила,
 Подъ полою цвѣтно платье уносила,
 У сосѣда подъ навѣсомъ одѣвалась,
 10 Я бѣлымъ-то ситѣжкомъ умывалась,
 Я кисейнымъ рукавомъ утиралась,
 Я не долго и не мало проходила,
 Со вечерней зари до бѣла дня.
 Я не знаю, какъ старому подъявиться:
 15 Ужъ я утушкою прилетала,
 А касаточкою подъявилась,
 Ужъ я стукъ-то, стук! за колечко

Ужь я брякъ-то, бряки у калитки,
 Какъ за то ли золотое, за витое;
 Какъ не лютые медвѣди заревѣли,
 Не борзые ли собаки завизжали;
 5 Заревѣль-то мой старый старичище,
 Солѣзаетъ старичище со печищи,
 Онъ снимаетъ съ черна крюка плетище,
 Онъ и бьетъ ли, не бьетъ, полегоньку,
 Что на каждое мѣсто по десятку.
 10 Какъ и тутъ я старому возмолила:
 Ты прости, сударь, меня, я не буду;
 Какъ другой-то разъ уйду, я не приду.

4.

Мимо нашего села,
 Мимо свекрова двора,
 15 Что ни въ гусельки играютъ,
 Ни въ свирѣль говорятъ,
 Говорять, мои подруженьки.
 На игрища пошли,
 А меня младу, младешеньку,
 20 Свекоръ не пускаетъ.
 Какъ заставилъ свекоръ батюшка,
 Гумно грести,
 Какъ гумно грести,
 Все метлой мести:
 25 Ужь я въ сердце-то войду,
 Разсердитаюсь;
 Ужь гумно-то истончу,
 Я метлу-то изломлю,
 А сама млада, младешенька,
 30 На игрища пойду.
 Мимо нашего села,
 Мимо свекрина двора,
 Что ни въ гусельки играютъ,

Ни въ свирѣль говорятъ,
 Говорятъ, мои подруженьки,
 На игрища пошли,
 А меня младу, младешеньку,
 5 Свекровь не пускаетъ.
 Какъ заставила свекровь матушка,
 Красна дотыкать:
 Ужь я въ сердце-то взойду,
 Разсердитоваюсь,
 10 Я красна-то изорву,
 Я челнокъ-то залукну,
 А сама млада, младешенька,
 Во игрища пойду.

Объ зап. В. М. Кузьминою, Симб. Г. Бунн. У. въ с. Серезневѣ.

5.

Какъ во старова мужа молодая жена,
 15 Вотъ на емъ, хо, хо!
 Вотъ на емъ, охти мнѣ!
 Ена часто неможеть, все повохивантъ:
 Такъ вохъ, таки вохъ! да головушка болить,
 Такъ вохъ, таки вохъ! ретиво сердце щемить!
 20 Вотъ на емъ, хо, хо,
 Вотъ на емъ, охти мнѣ!
 Охъ ты мужъ, муженекъ, молодой разумокъ!
 Ты поѣзжай, мужъ, въ городъ, ты купи жаны лынька,
 Ты купи жаны лынька, ты купи животка!
 25 Вотъ на емъ, хо, хо!
 Вотъ на емъ, охти мнѣ!
 Присадили мой лынекъ, присадили животокъ,
 Ко сырой землѣ, ко желтымъ пескамъ,
 Потихошечку, помалешечку, *

* При вѣтѣхъ словахъ одна изъ играющихъ потихоньку садится на полъ впереди всѣхъ, и при пѣніи послѣдующихъ стиховъ становится на

Вотъ на емъ хо хо!

Вотъ на емъ охти мнѣ!

Какъ присѣлъ же мой лынекъ, какъ присѣлъ же животокъ,

Лынекъ ножку протянулъ, онъ другую протянулъ,

5 Лынекъ ручкой махнулъ, енъ другую махнулъ,

Лынекъ бровку теребилъ, енъ другую теребилъ,

Лынекъ ручкой скоблилъ, онъ другою скоблилъ,

Подымался мой лынекъ, подымался животокъ,

Отъ сырой землѣ, отъ желтыхъ пескахъ;

10 Полетѣлъ же мой лынекъ, полетѣлъ же животокъ,

У сырые боры, у желтые пески.

Вотъ на емъ, хо, хо!

Вотъ на емъ, охти мнѣ!

Зап. мною Псковск. Губ. Великол. У. въ с. Оеодорцовѣ.

6.

Играющіе раздѣляются на два разряда, изъ которыхъ одинъ изображаетъ собою представителей деревни, т. е., деревенскихъ жителей, а другой представителей Боярскаго сословія, и становятся другъ противъ друга. Во время пѣнія перваго стиха выступаетъ, двигаясь, подъ медленный тактъ, впередъ парень (Бояринъ) во главѣ Боярскаго ряда. При пѣніи втораго стиха выступаетъ такимъ же порядкомъ деревенскій рядъ, потомъ опять Боярскій, и т. д., и это чередованіе продолжается до конца пѣсни, т. е., до тѣхъ поръ, пока Бояринъ не выберетъ облюбованной имъ невѣсты.

Деревня. Да пусти въ карагодъ!

15 Ай да ли года! *

Бояринъ. Да за чѣмъ въ карагодъ?

Деревня. Дѣвить любовать.

колѣна и исполняетъ все въ нихъ сказанное: то протягиваетъ одну ногу, то другую, махаетъ одной рукой, махаетъ и другою, и т. д.

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждого стиха.

Бояринъ. Покажи женишка!
 Деревня. Вотъ мнѣ женишокъ!
 Бояринъ. Покажи шапку!
 Деревня. Вотъ мнѣ шапка!
 5 Бояринъ. Покажи мнѣ кафтанъ!
 Деревня. Вотъ мнѣ кафтанъ!
 Бояринъ. Покажи мнѣ кушачекъ!
 Деревня. Вотъ мнѣ кушачекъ!
 Бояринъ. Кая тебѣ невѣста любя?
 10 Деревня. Вотъ мнѣ эта любя!

7.

Сиди, сиди, ящерь,
 Ладу, Ладу!
 Въ орѣховомъ кустѣ,
 Ладу, Ладу!
 15 Въ бѣлой капустѣ.
 Ладу, Ладу!
 Въ бѣлой капустѣ,
 Чего досидѣти?
 Ладу, Ладу!
 20 Выбирай, ящерь, панью,
 Ладу, Ладу!
 Кая тебѣ любя,
 Ладу, Ладу!
 Кая у пересцахъ,
 25 Ладу, Ладу!
 Кая у саножкахъ.
 Ладу, Ладу!
 Мнѣ Машинька любя,
 Ладу, Ладу!
 30 Ена по совѣту,
 Ладу, Ладу!
 Ена по привѣту.
 Ладу, Ладу!

8.

Составляется кругъ. Одинъ изъ играющихъ выступаетъ впередъ и ходить по кругу. Хоръ поетъ:

Ходилъ Борисъ, гулялъ Борисъ *
 Енъ по карагоду, енъ по дѣвичью,
 Енъ по дѣвичью, енъ по молодичью;
 Искалъ Борисъ ласковую тещу.
 3 Привѣтливой невѣсты.
 Вотъ моя теща, вотъ моя невѣста!

(Указывая на избранную дѣвушку:)

Поѣзжай, Борисъ, на рыночикъ,

(При этомъ парень выходитъ за кругъ).

Ты купи жены подарочикъ,
 Что подарочикъ, на шею жемчужку.
 10 Принимай, жена, не гнѣвайся!
 Молодая, не сердися на меня!
 Поѣзжай, Борисъ, на рыночикъ,
 Ты купи жены подарочикъ,
 Что подарочикъ, ременну плетъ!

(Входя опять въ кругъ, предлагаетъ избранницѣ своей:)

15 Принимай, жена, не гнѣвайся!
 Молодая, не сердися на меня! **

* Вар. Ходилъ баринъ, гулялъ баринъ.

** При послѣднихъ словахъ онъ бросаетъ на полъ плетъ, а она тотчасъ ее поднимаетъ, за тѣмъ оба схватятся за руки и цѣлуются.

9.

(Царевна въ кругу, а Царевичъ за кругомъ:)

Кругъ города ходитъ
 Царевъ сынъ, Королевъ,
 Невѣсть выбираетъ,
 Царевъ сынъ, Королевъ.
 5 Что за городомъ Царевичъ,
 Что во городѣ Царевна
 Золотымъ перстнемъ сіяла,
 Все Царевича прельщала,
 Золотымъ ключомъ бряцала.
 10 Разрубай, Царевичъ, ворота,
 Что воротички пошире,
 Что еще того пониже!
 Войди, Царевичъ, во городъ,
 Подойди, Царевичъ, поближе,
 15 Что еще того поближе!
 Поклонись, Царевичъ, пониже,
 Что еще того пониже!
 Поцѣлуй ее послаще,
 Что еще ль того послаще!
 20 Ты возьми ее за ручку,
 Поведи ее за городъ!
 Выбирай себѣ другую,
 Что изъ тысячи любую!

(Ср. въ отд. хороводн. игров. № 73 и 149).

Всѣ 4 зап. мною Пск. Г. Великол. У., въ с. Федорцовѣ.

IV.

ПѢСНИ ВОЛОЧЕБНИКОВЪ. *

1.

Стояло древо тонко, высоко,
 Христось воскресъ на весь свѣтъ! **
 Тонко, высоко, листомъ широко,
 На томъ древѣ сидѣлъ орелъ,
 5 Сизой орелъ, сизы перья.
 А гдѣ же взялся препышный стрѣлецъ.
 Препышный стрѣлецъ, Михаилушка.
 И хочетъ онъ да й лань убить.
 Не бей меня, Михаилушка,
 10 А я жь тебѣ понадобится,
 Принадоблюся, пригожуся:
 Поѣдешъ, братъ, жениться,
 Не будетъ тебѣ ни переѣзду, ни переходу,
 А я жь тебе возму подъ право крыло,
 15 Суженую я возму подъ лѣвосъ,
 Хартовъ твоихъ всѣхъ пересвищу.

* Т. е., ходящихъ изъ деревни въ деревню крестьянъ пѣсенниковъ поздравляющихъ хозяевъ съ праздникомъ Святаго Христова Воскресенія.

** Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждого стиха.

2.

ПОЗДРАВЛЕНІЕ ХОЗЯИНУ.

Стояла рыня тонка, высока,
 Христось воскресъ на весь свѣтъ! *
 Тонка, высока. широмъ широка,
 У той рыни два столика,
 5 Два столика дубовые,
 Дубовые, тесовые;
 На тыхъ столикахъ
 Все скатерти,
 Все скатерти, все бранныя,
 10 Все бранныя, нашиванныя;
 На тыхъ столахъ
 Все святки, все празднички:
 Первое Свято—Великъ Христовъ день,
 Великъ Христовъ день съ краснымъ яичкомъ;
 15 Другое Свято—Юрій-Егорій,
 Во чистомъ полѣ стадокъ спасаетъ,
 Стадокъ спасаетъ, домой гоняетъ;
 Третье свято—Святой Микола,
 Святой Микола около двора,
 20 Около двора кануни вариць,
 Кануни вариць, коники гладзиць;
 Четвертое Свято—Свято Вознесенье,
 Свято Вознесенье съ синимъ цвѣтомъ;
 Пятое Свято—Святый Пяцеръ, **
 25 Святый Пяцеръ съ бѣлымъ сыромъ;
 Шестое Свято—Илья Пророкъ,
 Илья Пророкъ по межамъ ходзиць,
 По межамъ ходзиць, рожь зажинаиць,
 Рожь зажинаиць, ярь паливаиць.

* Повторяется послѣ каждого стиха

** Петръ.

Ясенъ, красенъ макъ въ огородѣ,
 Яснѣй, краснѣй на полѣ снопы,
 Все аржаные, все яровые.
 Широко, высоко, на небѣ мѣсяцъ,
 5 Шире и выше на полѣ копы,
 Все аржанья, все яровья.
 Часгы и густы на небѣ звѣзды,
 Чашчѣй, гушчѣй на полѣ бабки,
 Все Ивана, все Михеича.
 10 За этимъ же хозяинушка,
 Живи здорово, живи богато!
 Дай тебѣ Богъ сколько въ полѣ дубковъ,
 Столько тебѣ сынковъ,
 Сколько въ полѣ ялушекъ,
 15 Столько тебѣ дочушекъ.
 Христось воскресъ на весь свѣтъ!

3

ПОЗДРАВЛЕНІЕ ХОЗЯИНА ДОМА.

Не гуси лежать, не лебеди,
 Христось воскресъ на весь свѣтъ.*
 Идутъ, бредутъ, волочебнички,
 20 Волочебнички, полуночнички,
 Челомъ здоровъ, хозяинушка!
 Чи спишь, ляжишь, аль спочиваешь?
 Коли жъ ты спишь, такъ Богъ съ тобой!
 Коли жъ не спишь, говори ты съ намъ!
 25 Не хошь говорить, ходзи ты съ намъ!
 Ходзи ты съ намъ, съ волочебничкамъ,
 Съ волочебничкамъ, съ полуночничкамъ,
 По темной ночи грязи толочи,
 Собакъ дразнить, людзей смѣшны!

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

- Не хошь ходзить, дари жь ты насъ:
 Наши подарки малы, велики,
 Малы, велики, въ двери не лѣзуть,
 Въ двери не лѣзуть, въ окны какшіють:
 5 Починальничку сорокъ яичекъ,
 Сорокъ яичекъ, золотой червонъ,
 Золотой червонъ, кварту горѣлки,
 Кварту горѣлки, сыръ на тарелки;
 Помощничкамъ хотъ по десятку,
 10 Хотъ по десятку, хотъ полъ золотого,
 Кварту горѣлки, сыръ на тарелки;
 Миханошу пирогъ съ пошу,
 Дударини хотъ солонины:
 Дуду помазать, струны поглазить,
 15 Чтобы играла, не залежала.
 За этимъ же, хозяйнушка,
 Живи здорово, живи богато!
 Дай тебѣ, Боже, пиво варить,
 Пиво варить, сыновъ женить,
 20 Горѣлку гнать, дочекъ отдавать!
 Христосъ воскресъ на весь свѣтъ!

4.

ПОЗДРАВЛЕНІЕ ДѢВУШКЪ.

- Ой рано, рано, солнце играло,
 Христосъ воскресъ на весь свѣтъ! *
 Ой раньше того пава летала,
 25 Пава летала, перья роняла,
 Красная дѣвка тамо гуляла,
 Красная дѣвушка, Прасковьюшка,
 Тамо гуляла, перья сбирала,
 Перья сбирала, въ рукавокъ брала,

* Этотъ приѣвъ повторяется послѣ каждого стиха.

- Съ рукавовъ брала, вѣнокъ вила;
 А и гдѣ узялись буйны вѣтры,
 Буйны вѣтры, добры дожди,
 Сохватили да ѣ златъ вѣнокъ,
 5 Да ѣ златъ вѣнокъ, золотыя перья,
 Понесли на синем море, на лукоморье.
 Пошла Прасковьюшка
 Заплакавши, зарыдавши;
 На сустрѣчу три рыболова,
 10 Три рыболова, три холостые:
 Чего, дѣвка, слезно плачешь,
 Слезно плачешь, слезно рыдаешь?—
 Какъ же мнѣ не плакати, не рыдати?
 Ой рано, рано, солнце играло,
 15 Ой раньше того пава летала, и т. д. *
 Три рыболова, три молодые,
 Закинули сѣточку,
 Да ѣ сѣточку шелковую;
 Они поймали да ѣ златъ вѣнокъ,
 20 Да ѣ златъ вѣнокъ, золотое перья.
 Пошла дѣвка домой заплакавши,
 Заплакавши, зарыдавши.
 Чего, дѣвка, слезно плачешь,
 Слезно плачешь, слезно рыдаешь?
 25 Какъ же мнѣ не плакати, не рыдати?
 Ой рано, рано, солнце играло,
 Ой раньше того пава летала и т. д. **
 Иди ты, батъка, вѣнокъ принеси!
 Пошелъ батъка, коня повелъ:
 30 Подайте, дайте, мой вѣнокъ,

* Дѣвушка рассказываетъ, что съ нею случилось, до стиха: «Понесли на синем море, на лукоморье.»

** Дѣвушка рассказываетъ родителямъ все, что съ нею случилось, какъ рыбаки молодцы закинули шелковую сѣточку и поймали ея вѣнокъ да не отдали ей, до стиха: «Да ѣ златъ вѣнокъ золотое перья.»

- Не мой вѣнокъ, дочки моей! —
 Коня не беремъ, вѣнка не даемъ!
 Иди, матушка, вѣнокъ принеси!
 Матушка пошла, платокъ понесла:
 5 Подайте, дайте, мой вѣнокъ,
 Не мой вѣнокъ, дочки моей! —
 Платка не беремъ, вѣнка не даемъ!
 Иди, братецъ, вѣнокъ принеси!
 Братецъ пошелъ, корову повелъ.
 10 Подайте, дайте, мой вѣнокъ,
 Не мой вѣнокъ, сестры моей! —
 Корову не беремъ, вѣнка не даемъ!
 Пошла дѣвка заплакавши,
 Заплакавши, зарыдавши:
 15 Три рыболова, три молодые,
 Три молодые, три холостые!
 Подайте, дайте, мой вѣнокъ,
 Золотъ вѣнокъ, золотое перья:
 Одному дамъ перчаточки,
 20 Другому дамъ шелковой платокъ,
 Третьему дамъ золото кольцо;
 Что дамъ перчаточки,
 То братецъ мнѣ;
 Что дамъ шелковой платокъ,
 25 То сосѣдъ мнѣ;
 Что дамъ золото кольцо,
 То мнѣнскій мнѣ!

Всѣ 4 зап. Нск. Г. Тор. У. К. Ф. Тыщечкой. Собр. М. Н. Семева.

Этѣ пѣсни поются преимущественно въ деревняхъ Торонецкаго Уѣзда, пограничныхъ съ Велижскимъ Уѣздомъ.

V.

Весеннія.

Когда, весною, въ первый разъ услышать кукушку, дѣвушки украшаютъ цвѣтами и лентами ивовую вѣтку и идутъ съ пѣснями въ лѣсъ, гдѣ онѣ водятъ хороводъ и крестятъ кукушку: крестятъ онѣ и пѣснями, и скаканіемъ или пляскою, и всѣ дѣвушки, которыя дружны и хотятъ покумиться, цѣлуются во время хоровода.

Когда выходятъ изъ деревни, поютъ:

1.

Кукушка ряба,
Кому ты кума?—
Я, кумушки, голубушки,
Богородицѣ кричу.

2.

Въ лѣсу поютъ:

5 Кабы знала я да вѣдала,
Молоденька чаяла,
Свою горьку долю,
Несчастье замужество,
Замужъ не ходила бы,
10 Доли не теряла бы:
Пустила бъ я долю
По чистому полю,
Пустила бъ красоту
По цвѣтамъ лазоревымъ,
15 Отдала бъ я черны брови
Ясному соколу.
Красуйся, красота,
По цвѣтамъ лазоревымъ!
Гуляй, гуляй, воля,

По чистому полю!
 Бѣлѣйся, бѣлета,
 На бѣлой березѣ!
 Чернѣйтеся, очи,
 У чернаго ворона!

Зап. Ю. О. Ауербахъ. Орл. Г. Дмитр. У. въ с. Глоднѣвѣ.

VI.

Семицѣя.

1.

Калинушка, малинушка, лазоревый цвѣтъ!
 Веселая бесѣдушка, гдѣ батюшка пьетъ;
 Онъ пить не пьетъ, голубчикъ мой,
 За мной молодой шлетъ,
 10 Ужъ я млада, младешенька, замѣшкалася,
 За утками, за гусями, за лебедями,
 За мелкою, за пташечкой, за журинькою,
 Какъ зорюшка вечерняя по бережку шла,
 Шелковую листь-травушку защищывала,
 15 Холодною водицей захлебывала.
 Тутъ за рѣчкой за быстрой четыре двора,
 Въ этѣхъ во дворикахъ четыре кумы.

2.

Калинушка съ малинушкой разолевый цвѣтъ! 2
 Смиренная бесѣдушка, гдѣ милова нѣтъ, 2
 20 Веселая кампанія, гдѣ миленъкій пьетъ, 2
 Онъ пить не пьетъ, голубчикъ мой, 2
 За мной молодою онъ шлетъ, 2
 А я млада, младешенька, замѣшкалася, 2
 За утками, за гусями, за лебедями, 2
 25 За вольною за пташечкой, за журушкой, 2

- Какъ журушка вдоль берега похаживаетъ, 2
 Шелковую во полѣ травушку пощипываетъ, 2
 Холодною водицею прихлебываетъ, 2
 За рѣченку за быструю посматриваетъ; 2
 5 Какъ за рѣчеркой за быструю слободка стоитъ, 2
 Не маленькая слободушка, четыре двора, 2
 Въ томъ ли во четвертомъ дворикѣ четыре кумы: 2
 Вы, кумушки голубушки, подружки мои! 2
 Кумитесь, любитесь, любите и меня! 3
 10 Вы пойдете въ зеленъ садъ гулять, возьмите и меня! 2
 Вы будете цвѣточки рвать, сорвите и мнѣ! 2
 Вы станете вѣнки вить, сплетите и мнѣ! 2
 Вы будете на воду бросать, бросьте вы и мой! 2
 Какъ и всѣ вѣнки по воды поплыли, а мой потонулъ, 2
 15 Какъ и всѣ дружки домой пришли, а маво дружка нѣтъ! 2

Зап. Вл. Тюкинъ, Твер. Г. Осташ. У. въ селѣ Федорова двора.

3.

- Торна бойка дороженька, гдѣ миленькій шель,
 Веселая бесѣдушка, гдѣ батюшка пьетъ;
 Онъ пить не пьетъ, за мной молодой шлетъ,
 А я млада, младешенька, замѣшкалася,
 20 За утками, за гусями, за лебедями,
 За вольною за пташечкой за журушкой.
 Какъ журушка вдоль берега похаживаетъ,
 Ковыль, травку шелковую, защипываетъ,
 Холодною водицею захлебываетъ.
 25 За рѣкою за быструю четыре двора,
 Во этихъ во дворикахъ четыре кумы:
 Вы кумушки голубушки, подружки мои,
 Вы пойдете въ зеленъ садъ, возьмите меня!
 Вы станете вѣнки вить, свейте и мнѣ!
 30 Вы пойдете на Дунай рѣку вѣнки бросать, бросьте и мой!
 Какъ всѣ вѣнки посверхъ воды, а мой потонулъ,
 Какъ всѣ мужья изъ Москвы пришли, а мой не бывалъ.

Зап. мною Тул. Г. Еннѣ. У.

4.

Что сильна, сильна пчела
 По полету летала,
 Ай, Лели, Лели!
 По полету летала,
 5 Разные цвѣты рвала,
 Мнѣ молодой вѣнокъ плела,
 Ай Лели, Лели!
 Мнѣ молодой вѣнокъ плела,
 На мою головушку.
 10 На мою на буйную,
 Ай Лели, Лели!
 На мою на буйную.

Зап. мною Тул. Г. и У. въ с. Лотовиновоѣ.

5.

Во лѣсу ли, во лѣсочку,
 На желтинькомъ на песочку,
 15 На мягкой травы, 2
 Тамъ и дѣвушки гуляли,
 Съ лужка цвѣточки 2 собирали,
 Вѣночки плели 2
 На вѣнкахъ онѣ гадали,
 20 Вѣнки въ рѣку 2 побрасали:
 Чей вѣнокъ всплыветъ,
 Про ту милый вспоманетъ.
 Мой вѣнокъ въ волнахъ всплываетъ,
 Знать мнѣ варваръ клятву измѣняетъ,
 25 Знать онъ позабылъ,
 Знать онъ разлюбилъ.
 Одна дѣвушка вскричала,
 Во слезахъ она сказала:
 А мой потонулъ! 2
 30 Къ ней подруженьки сбирались,

Утѣшать ее старались: 2
 Полно, глупая, тужить,
 Можно лучшаго нажить,
 Можно разлюбить, 2
 5 Можно позабыть.—
 Я не слушаюся васъ,
 Полюбила дружка разъ,
 Буду до смерти любить. 2

Зап. Гр. А. А. Татищевой Моск. Г. Серп. У. въ с. Бѣгичевѣ.

VII.

ЖИВНЫЯ.

1.

На лень роса пала, 2
 10 На лень студеная,
 Ранымъ рано! *
 Кому роса теплая,
 А мнѣ холодненькая.
 На чужой сторонкѣ,
 15 Во чужово батьки, 2
 Поздно спать ложатся,
 Рано побужаютъ,
 Рано побужаютъ,
 Къ дѣлу принужаютъ, 2
 20 Ко тяжелой работѣ 2
 Ко бѣлому каманю, 2
 Ко сырой пшеницы, 2
 Къ болотной водицы. 2

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго двустишія.

2.

Жали мы, жали,
Жали, пожинали,
Жнеи молодыя,
Серпы золотые.

- 5 Два поля пожали,
Третье распахали, 2
Жнеи молодыя,
Серпы золотые.
Нива долговая, 2
10 Постать широкая,
По мѣсицу жали, *
Серпы поломали,
Въ краю не бывали, 2
Людей не видали.

3.

- 15 По зарѣ, матушка,
По зарѣ, матушка,
Сиза птица поетъ,
А меня молодешеньку,
Да и мысли берутъ:
20 За старова, матушка,
Да замужъ дають;
Охъ замужъ дають!
А у меня молодешеньки,
Да старый мужъ старешепекъ,
25 Со вечера, матушка,
Поздно спать ложиться,
Ко бѣлу свѣту, матушка,
Енъ рано побужаить,
И никогда мнѣ, молодешеньки,
30 Просвѣту нѣтути.

* По мѣсицу, т. е., до восхода солнца.

4.

- Я дорогою шла, я широкою,
 Я пушу голосокъ черезъ темный лѣсъ,
 Не слышалъ бы мой лютый свекоръ,
 Не сказалъ бы енъ моему мужу,
 5 Мому мужу, своему сыну.
 Какъ и мой мужъ горькій пьяница:
 Енъ вина, пива не поеть, *
 Всегда пьянъ живетъ.
 Енъ и боеть ** жену понапрасницу,
 10 По чужимъ рѣчомъ, по моимъ плечомъ:
 Не ходи, жена, ты на вулицу,
 Не играй, жена, со ребятами,
 Со ребятами неженатыми!

5.

- Надъ рѣкою, надъ рѣкою,
 15 Груша зеленая стояла, 2
 Буйная шумѣла,
 Сучикомъ махала, } 2
 Листикомъ трепала;
 Какъ подъ той ли подъ грушей,
 20 Да кровать тесовая,
 На той на кровати,
 Да перина пуховая,
 На той на перинѣ
 Одѣяло теплое,
 25 Лежить мой милый дружочикъ,
 Енъ лежить со мною,
 Съ красной дѣвушкою.

Всѣ 5 зап. мною Иск. Г. Великолукъ. У. въ с. Федорцовѣ.

* Не пьетъ.

** Бьетъ.

VIII.

Толочныя. *

1.

Дуброва моя, дубровушка,
 Дуброва моя зеленая!
 По тебѣ, моя дубровушка,
 Дробныя пташки разлетались.
 5 Одна пташка оставалася,
 Горемышная кукушечка,
 Куковала кукушечка день до вечера,
 А со вечера до полуночи:
 Кабы знала я млада, вѣдала,
 10 Про свое про горе про великое,
 Про замужице несчастливое,
 Я бѣ сидѣла вѣкъ во дѣвушкахъ,
 Я бѣ чесала буйну голову,
 Я бѣ плела свою русу косу,
 15 Я бѣ, плетучи, приговаривала:
 Не доставайся, моя руса коса,
 Что ни Князю, ни Боярину,
 Ни моему мужу Татарину!

* Т. е., тѣ, которыя поются во время толоки; толокою же называются всѣ работы по накладкѣ, свозкѣ и разметкѣ въ полѣ, или огородѣ, навоза, по чему онѣ иногда и называются навозными толоками. Онѣ совершаются, по приглашенію хозяина, сообща нѣсколькими дворами, или даже цѣлыми деревнями. Награда за трудъ—приличное количество водки. Такія общественныя работы во внутреннихъ и Приволжскихъ Губерніяхъ извѣстны подъ названіемъ «Помочь.»

2.

Черезъ Дона досочка тонка, гибка, лежала,
 Что никто по ей не ходить,
 Только я млада съ горы шла,
 Я со миленькимъ дружочкомъ,
 5 А я милому говорила:
 Ты, мой миленькій дружочикъ,
 Ты не бей жану безъ вины,
 Ты бей жану за вину,
 За великую за бѣду:
 10 Мой батюшка далече,
 Моя матушка дальше того,
 Голосочка маво не слышать,
 Горючихъ моихъ слезъ не видить.

3.

На той горы на крутой,
 15 Стоить церква безъ верха,
 Что безъ золотова безъ креста,
 Безъ Священника, безъ Попа:
 Во той церкви соловей,
 Соловей поеть пѣсенки:
 20 Горбуновщины дѣвушки, *
 Девять дѣвокъ брюхатыхъ,
 А десятая родила,
 Во сыромъ бору хоронила,
 Что подъ бѣлою березой,
 25 Да подъ горькою осиною.

На той горы на крутой,
 Стоить церква съ верхомъ,
 Со золотымъ со крестомъ,

* Сосѣднихъ деревень помѣщика Горбунова.

Со Священникомъ, со Попомъ;
 Во той церкви соловей,
 Громко пѣсенки поеть;
 А сходить было мнѣ къ соловью,
 5 Воспросить было мнѣ соловья:
 У Семевскова дѣвушки,
 Девять дѣвокъ шелкомъ шьютъ,
 А десятая золотомъ.

4.

На той горы на крутой, 2
 10 Молодецъ зелье копать, 2
 Енъ самъ его не зн ать, 2
 Енъ у батюшки пыт ать: 2
 Государь, родной батюшка!
 Вотъ и што это за зелье? —
 15 Ой, дитѣ ль мое, дитятко,
 Ето зелье—козелье,
 Да й дѣвичья красота,
 Молодецкая сухота.

Всѣ 4 зап. мною Пск. Г. Великолуц. У. въ с. Федорцовѣ.

IX.

Когда рубать капусту.

1.

Я колышки тешу,
 20 Я огородъ горожу,
 Я капусту сажу,
 Я сажу капусту,
 Сажу бѣлинскую,

- Развеселяишкую:
 Ты родись, моя капуста.
 И бѣла, и вила,
 И со тыномъ равна!
 5 Ахъ ребята, вы ребята,
 Удалые молодцы!
 Кому надобно капусту,
 Приходи ко мнѣ торговать,
 А я буду продавать!
- 10 Гдѣ ни взялся паренекъ,
 Зашелъ къ дѣвкѣ въ огородъ,
 Онъ капусту не торгуетъ,
 Самъ на дѣвушку смотреть,
 Онъ на дѣвушку глядитъ,
 15 Вѣрно хочетъ полюбить,
 За себя ее становить:
 Кабы волюшка была,
 Ночевать дружка взяла;
 • Черезъ волюшку ступлю,
 20 Ночевать дружка возьму;
 Мы спали, ночевали,
 Вдругъ проснулись — заря,
 Пора милому со двора.
 Какъ на улицѣ бѣлый снѣгъ,
 25 Погляжу милому въ слѣдъ,
 Куда миленькій пошелъ,
 Куда скоро побѣжалъ,
 Вдоль улицы столбовой,
 Ко Дуняшѣ вдовиной;
 30 Какъ Дуняша вдовина.
 Чѣмъ же лучше она меня? —
 Она умильнѣй глядитъ,
 Поучливѣй говоритъ.

Зап. мною Тул. Г. и У. въ с. Лотовниковѣ, отъ дворовой женщины.

X

Масляничныя.

1.

ВО ВРЕМЯ КАТАНЬЯ.

За рѣкою, матушка,
Гусельки гудятъ,
За быстрою, сударыня,
Звончатые:

5 Пусти меня, матушка,
Гуслей послушаты!—
Пустить тебя, дитятко,
Вѣкъ не видаты!—
Приду, приду, матушка,
10 На Великъ День,
Съ красненькимъ, матушка,
Со яичкомъ,
Съ молоденькимъ со зятечкомъ.—
Милое дитятко!

15 Миѣ тебя далече ждаты!—
А ты меня, матушка,
Кличь закликай!—
Дитя мое милое!
Голосу нѣтъ.—

20 А ты, моя матушка,
Близко подойди!—
Дитя мое милое,
Ножки не идутъ.—
А ты, моя матушка,

25 П сѣмо напиши!—
Дитя мое милое!
Писаря нѣтъ

Зап. Ю. Θ. Ауербахъ, Орл. Г. Дмитр. У. въ с. Гледневѣ.

2.

- Мы масляницу сострѣчали, 2
 Люли, люли, сострѣчали,
 Гоголекъ, гоголечикъ!
- На горушки не бывали, 2
 5 Люли, люли не бывали,
 Гоголекъ, гоголечикъ!
- Сыромъ гору набивали, 2
 Люли, люли набивали,
 Гоголекъ, гоголечикъ!
- 10 Наши горушки катливы, 2
 Люли, люли, катливы,
 Гоголекъ, гоголечикъ!
- Наши дѣвушки игривы,
 Люли, люли, игривы,
 15 Гоголектъ, гоголечикъ!
- Молодушки веселыя. 2
 Люли, люли, веселыя,
 Гоголекъ, гоголечикъ!
- Стары бабушки воркотливы, 2
 20 Люли, люли, воркотливы,
 Гоголекъ, гоголечикъ!
- Ены на печки сидятъ, 2
 Люли, люли, на печки сидятъ,
 Гоголекъ, гоголечикъ!
- 25 На насъ воркотятъ, 2
 Люли, люли, воркотятъ,
 Гоголекъ, гоголечикъ!
- Вы, бабушки, не ворчите, 2
 Люли, люли не ворчите,
 30 Гоголекъ, гоголечикъ!
- Дайте масляницу намъ прогулять, 2
 Люли, люли, прогулять,
 Гоголекъ, гоголечикъ!
- Съ ребятами поиграть, 2
 35 Люли, люли, поиграть,
 Гоголекъ, гоголечикъ!

Съ ребятами со холостыми, 2
 Люли, люли, со холостыми,
 Гоголекъ, гоголечикъ!
 Со холостыми, не женатыми, 2
 5 Люли, люли, не женатыми,
 Гоголекъ, гоголечикъ!

3.

На горы Казаки,
 Подъ горой мужики,
 Гоголекъ, гоголечикъ! *
 10 Все посвистываютъ,
 Погаманиваютъ,
 Меня молодую
 Подговариваютъ,
 А у меня, молодой,
 15 Свекоръ батюшка лихой:
 Енъ на горушку
 Меня не пущаить:
 А я свекру угожу,
 Три бѣды наряжу: 2
 20 Подошлю воровъ,
 Чтобъ покрали коровъ;
 Подошлю людей,
 Чтобъ покрали кѣтей:
 Подошлю куманей, **
 25 Чтобъ увели комоней.

* Повторяется послѣ каждаго двустишія.

** Куманей.

4.

Горе мое гореванье, 2
 Люли, люли, гореванье, *
 Гоголекъ, гоголечикъ!
 Тяжело мое уздыханье! 2
 5 На чужой дальней на сторонкѣ, 2
 У чужова у батьки, 2
 У чужой у матки, 2
 Протекала рѣка слезовая, 2
 Вокколо той рѣкѣ же лѣсочикъ, 2
 10 Усе лѣсочикъ, усе рябина, 2
 Усе птишки, усе кукушки: 2
 Ены день и ночь усе кукують, 2
 А меня молоду усе прослезують, 2
 На чужой дальней на сторонкѣ! 2

5.

15 Съ горы на гору снѣги сыплють, 2
 Люли, люли, снѣги сыплють,
 Гоголекъ, гоголечикъ!
 Меня молоду домой кличуть: 2
 Будь, невѣстка, домой, 2
 20 Будь, лебедка, домой! 2
 У насъ дома нездоровье: 2
 Убился свекоръ съ палатей; 2
 Кабы знала молода, 2
 Подняла бы полатя, 2
 25 Что повыше того, 2
 Чтобъ убился свекоръ, 2
 Да побольше того. 2

* Послѣ каждаго стиха повторяется: «Люли, люли,» съ прибавленіемъ послѣдняго слова стиха, и потомъ «Гоголекъ, гоголечикъ!»
 Тоже самое и въ слѣдующихъ пѣсняхъ.

6.

Наша масляница годовая, 2
 Ена гостига дорогая, 2
 Ена пѣшою къ намъ не ходить, 2
 Все на комоняхъ развѣзжаить, 2
 5 Чгобы коники были вороные, 2
 Чгобы слуги были молодые. 2

7.

На долинушки сырѣ дубѣ стоять,
 На дубу сидить самъ сизой орелъ,
 Во когтяхъ енѣ держать черна ворона,
 10 Да черна ворона, да свово недруга:
 Енѣ пустилъ же руду по сыру дубу:
 Ужъ вы возвейтеся, вѣтры буйныя,
 Вы и выбивайте да сизова ворона,
 Сизова ворона да свово недруга,
 15 Свово недруга, да братца роднова!

Всѣ 6 зап. мною Пск. Г. Великол. У. въ с. Федорцовѣ.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ
ЧЕШСКАГО ВѢРОИСПОВѢДНАГО ДВИЖЕНІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА КЛЕВАНОВА.

2010年10月10日

2010年10月10日

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Еще до 1848 года выпала было очередь для Студентовъ Московскаго Университета по Историко-Филологическому Факультету писать сочиненіе на золотую медаль по преподававшемуся тогда мною предмету. Я задалъ разсмотрѣть дѣятельность извѣстнаго Славянскаго преобразователя, Гуса, непосредственно по имѣющимся источникамъ. Какъ источники, такъ, для соображеній при изслѣдованіи, и пособія, я доставилъ во всей полнотѣ желавшимъ заняться тѣмъ, очертивъ напередъ самый ходъ работъ и т. п. Черезъ годъ съ небольшимъ представлены были въ Факультетъ два изслѣдованія, которыя, по разсмотрѣніи моемъ, признаны оба единогласно достойными искомой награды, и по тому обоимъ присуждено по золотой медали: одному золотая медаль отъ Правительства, а другому на пожертвованныя самими Профессорами деньги. Въ послѣдствіи я раздвинулъ рамки вопроса, предложивъ первому заняться отношеніемъ къ Чешскому преобразователю преобразователя Нѣмецкаго, плодомъ чего было критическое изслѣдованіе: «Гусъ и Лютеръ», представленное въ тотъ же Факультетъ въ 1848 году на степень Магистра по кафедрѣ Исторіи и Литературы Славянскихъ Нарѣчій, которое, однако, тогдашній Деканъ Факультета успѣлъ устранить, и по тому Магистрантъ долженъ былъ написать другое изслѣдованіе, доставившее уже ему искомую ученую степень въ концѣ 1849 года, а опальное сочиненіе могло появиться въ свѣтъ только черезъ семь лѣтъ. Первая часть его напечатана въ повременномъ Московскомъ изданіи: «Русской Бесѣдѣ» 1857 — 1858 г., а вторая въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» 1858 — 1859 года, и потомъ отдѣльно, въ 2-хъ частяхъ (см. объ этомъ Предисловіе

мое къ сему сочиненію). Это, въ высокой степени добросовѣстное, изслѣдованіе, какъ извѣстно, обратило на себя вниманіе и удостоилось лестныхъ отзывовъ людей свѣдущихъ. Другому изъ соискателей поручилъ я сдѣлать критико-историческій очеркъ вообще Чешскаго Вѣроисповѣднаго движенія, что и выполнено имъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ, и я приступилъ было къ печатанію его въ названномъ повременномъ изданіи Московскаго Историческаго Общества: уже оттиснуто было 13 листовъ на бѣло, а 14 набирался, но извѣстный погромъ, постигшій это Общество въ концѣ 1848 года, пріостановилъ его повременное изданіе, а съ нимъ и печатаніе этого изслѣдованія.

Празднованіе Чехами въ нынѣшнемъ году Пятисотлѣтія со дня рожденія ихъ Гуса побуждаетъ меня обнародовать и этотъ трудъ другого моего нѣкогда слушателя, не менѣе замѣчательный, какъ и трудъ перваго, по многимъ и многимъ достоинствамъ, написанный тоже прямо по источникамъ, съ обращеніемъ вниманія на все, сдѣланное по этому предмету въ прежнее и новѣйшее время, за исключеніемъ нѣсколькихъ только сочиненій самыхъ послѣднихъ лѣтъ. О нихъ, какъ не вошедшихъ въ предлагаемый «Очеркъ», представленъ будетъ отчетъ въ особой добавочной статьѣ, въ заключеніе всего труда.

О. Бодянский.

12-го Октября, 1869 г.
Москва.

ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА I.

Объемъ и содержаніе вопроса. — Важность его. — Планъ изслѣдованія.

Неистощимъ міръ явленій человѣческой природы; но всѣ они служатъ проявленіемъ немногихъ постоянныхъ законовъ, независимыхъ отъ внѣшнихъ случайныхъ обстоятельствъ. Одни и тѣ же законы высшаго духовнаго міра дѣйствуютъ и проявляются и въ частныхъ, отдѣльно взятыхъ, людяхъ, и въ народахъ, и въ человечествѣ, и часто внутренняя жизнь того или иного лица, много жившаго мыслью и сердцемъ, а не однимъ тѣломъ, важнѣе предъ лицомъ Всемогущаго и предъ нелицепріятнымъ судилищемъ потомства, безконечно важнѣе, чѣмъ прозябательная жизнь миллионовъ людей, нулей на поприщѣ мысли. Безконечно велико число всѣхъ явленій жизни человечества за его прошедшее: не уступить оно ни какому матеріальному множеству, ни какому иному количеству явленій внѣшней природы. Если бы Исторія была только хранительницею явленій, если бы назначеніе ея состояло въ томъ, чтобы сложить въ ея архивы какъ можно болѣе ихъ, то тогда она была бы дѣломъ одной памяти, а не разумнаго изслѣдованія. Но человечество не есть и само по себѣ собраніе отдѣльныхъ существъ, носящихъ человѣческую форму, гдѣ числится по головамъ, по матеріальному ихъ количеству. Нѣтъ! Человѣчество есть разумное цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, управляемое высшими духовными законами и представляющее въ своемъ развитіи тѣ же явленія, которыя совершаются въ духѣ каждаго, не одною внѣшностью живущаго лица. Человѣчество имѣло свой періодъ дѣтства и отрочества, когда оно не отдавало себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, и — тогда оно не имѣло и не могло имѣть исторіи; она началась съ совершенномольтія человечества, съ минуты пробужденія его къ разумному сознательному

бытію; къ нему призваны всѣ лица и народы, и никто не вправе лишить ихъ этого назначенія. Дошедшій до высшей степени внутренняго развитія, Европейецъ, и, совершенно чуждый внутренней (духовной) жизни, Бошеменъ предназначены свыше къ одной и той же высокой цѣли—быть гражданами одного и того же небеснаго отечества; ибо все здѣшнее разумное развитіе человечества есть приготовленіе къ высшей степени совершенства, въ которомъ уже невозможно развитіе и движеніе, которое само въ себѣ заключаетъ полноту неизреченнаго блаженства. Къ разумному развитію человечества призваны всѣ безъ различія, но не всѣ въ немъ участвуютъ. Главная цѣль здѣшняго развитія духа человѣческаго есть возможное распространеніе внутренняго совершенствованія, внутренняго образованія между наибольшимъ числомъ лицъ. Если несправедливо то, что немногіе сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ средства вышняго благосостоянія, и если высшимъ идеаломъ вышняго состоянія человечества будетъ то его положеніе, въ которомъ каждый его членъ будетъ пользоваться наибольшею ему доступною массою благосостоянія, безъ вреда для другихъ, то не менѣе несправедлива монополія духовнаго образованія, присвоенная себѣ извѣстными классами общества, и не менѣе отрадна каждому другу человечества будетъ та минута, когда всѣ люди будутъ имѣть между собою не одну вышнюю форму, имѣ общую, но и будутъ соединены единствомъ духовнаго развитія, единствомъ нравственной фizioноміи, будутъ представлять одно тѣло, въ которомъ будетъ витать одинъ духъ. И это не пустая утопія; нѣтъ! Эти мысли возникаютъ изъ наблюденія надъ фактами и оправдываются всею исторіею человечества. Кто же принадлежитъ къ человечеству, какъ духовному тѣлу, и кто имѣетъ право на то, чтобы составлять его часть? Всѣ лица и народы, жизнь которыхъ не есть сплетеніе событій, условленныхъ причинами второстепенными и современно случайными, не есть простой перечень самыхъ обыкновенныхъ явленій, а совокупность разумныхъ явленій, проявляющихъ въ себѣ законы духовнаго міра вѣчные, неизмѣнные, неумолимые. Эти лица и народы не всегда дѣйствуютъ съ полнымъ сознаніемъ, но ихъ дѣйствія всегда имѣютъ внутренний смыслъ, разгадать который есть назначеніе исторіи. Степень духовнаго развитія даетъ право гражданственности въ мірѣ человечности. Исторія была бы невозможна, если бы она занима-

лась каждымъ лицомъ, каждымъ его дѣйствіемъ; потому то она занимается изслѣдованіемъ внутренней жизни и внѣшнихъ ея проявленій только тѣхъ народовъ, которыхъ развитіе есть вмѣстѣ развитіе человѣчества.

Рабство тѣлесное ничто въ сравненіи предъ рабствомъ духа или мысли, и горе народу и человѣку, который въ теченіе всего своего поприща дѣйствовалъ сообразно влеченію случая, не разливалъ благородныхъ сѣмянъ, лежащихъ въ груди его, и жилъ только внѣшнимъ образомъ. Есть цѣлые народы, не говоря уже объ отдѣльныхъ лицахъ, дѣйствія которыхъ лежатъ внѣ сферы исторіи: можетъ ли исторія, благородная наука о томъ, какъ чрезъ ряды вѣковъ въ народахъ развиваются нравственныя начала и примѣняются къ дѣлу, говорить объ нихъ? Долго смотрѣли на исторію какъ на складочное мѣсто, куда должны улесться всѣ происшествія изъ жизни народовъ за ихъ прошедшее; теперь же видимъ въ исторіи осуществленіе и оправданіе высшихъ законовъ духовнаго развитія человѣчества въ внѣшнихъ измѣняющихся явленіяхъ. Поэтому тѣ народы, которые еще не созрѣли для самобытнаго нравственнаго бытія, которые еще живутъ и дѣйствуютъ, такъ сказать, оцупью, которыхъ дѣйствія лишены внутренняго смысла—не имѣли и не могутъ имѣть исторіи. Но и здѣсь необходимо различать тѣ народы, въ жизни которыхъ по чему либо не хотятъ видѣть внутренняго развитія, отъ тѣхъ, которые вовсе чужды его. Особенно значительную роль играютъ здѣсь интересы родовые, національные, твердое убѣжденіе въ превосходствѣ того племени, того народа, къ которому принадлежишь. Не безъизвѣстно гордое мнѣніе Китайцевъ въ томъ, что будто бы они одни хранители образованія, а что Европейскіе и всѣ иные народы погружены, въ сравненіи съ ними, въ глубокое невѣжество; та же странная, смѣшная самоувѣренность встрѣчается и въ области Европейской науки. Что бы ни твердили о необходимости для ученаго быть скромнымъ и не возноситься своимъ знаніемъ, на опытѣ всегда видимъ и будемъ видѣть противное: это уже лежитъ въ слабости человѣческой природы. И по истинѣ, если человѣкъ, обладающій большею силою физическою, вправѣ ею гордиться, то тѣмъ съ большимъ правомъ человѣкъ, одаренной значительными духовными силами, можетъ гордиться ими: отъ сознанія своего достоинства проистекаетъ, съ одной стороны, стремленіе оставаться вѣрнымъ своему высшему назначенію и не уклоняться отъ предположеннаго пути, а съ дру-

гой—вредное убѣжденіе въ превосходствѣ предъ другими, что легко можетъ повести къ тысячи непріятностей и разочарованій. Если же наука, въ теченіи значительнаго промежутка времени, сосредоточиваетъ всю свою дѣятельность въ лицахъ, принадлежащихъ къ одному какому ни будь народу, то почти всегда происходятъ отъ того печальныя слѣдствія: этотъ народъ привыкаетъ смотрѣть на науку, какъ на свою частную собственность, заставляетъ ее служить своимъ особеннымъ, частнымъ интересамъ, уменьшаетъ чрезъ то ея высокое значеніе; сверхъ того въ этомъ народѣ очень легко укореняется мнѣніе, что онъ одинъ сосудъ образованія, источникъ свѣта, и что иные народы несравненно ниже его стоять на степени духовнаго развитія. Особенно вредныя послѣдствія влечетъ за собою то, когда частные интересы лица, или народа вкрадываются въ исторію, когда ее дѣлаютъ орудіемъ особенныхъ цѣлей, предубѣжденій партій и народныхъ предразсудковъ.

Ложный взглядъ, управляемый народнымъ предубѣжденіемъ, противенъ высокому назначенію исторіи. Случается, что цѣлое племя, взросшее подъ вліяніемъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, наслѣдовавшее безъ особеннаго труда науку, развивши ее у себя, воздымается гордостью и приписываетъ исключительно своему достоинству то, чему значительно благопріятствовалъ случай, пренебрегаетъ иными народами, тружениками исторіи, которымъ достался менѣе блистательный удѣлъ, которые, съ кровавымъ потомъ отстаивая свое существованіе, не имѣли времени для развитія науки. Мы назвали бы чудовищемъ и безумцемъ того образованнаго богача, который, гордясь своимъ, дорого купленнымъ, образованіемъ, сталъ бы упрекать бѣднаго поденщика за то, что тотъ не образованъ; а между тѣмъ для насъ очень естественно, если какой ни будь напыщенный Германецъ упрекаетъ племя Славянское вообще, и насъ Русскихъ въ особенности, въ томъ, что мы отстали въ развитіи противъ нашихъ Западныхъ братьевъ. Такимъ образомъ племя Германское, отъ умиравшаго Рима принявшее сокровище его образованія, воспитавшее свое развитіе при благопріятномъ и счастливомъ соединеніи идей, принесенныхъ Христіанствомъ, съ матеріаломъ, добытымъ древними Греками и Римлянами, возгордилось своими успѣхами преимущественно предъ племенемъ Славянскимъ. Въ слѣдствіе такого односторонняго направленія Германской науки и самая исторія стала вѣрнымъ отраженіемъ Германской народности,

Германскихъ предубѣжденій и интересовъ. Немногіе, очень немногіе историки Германскіе, и то въ послѣднее время, умѣли возвыситься надъ тѣснымъ взглядомъ своихъ предшественниковъ и дали Славянамъ право гражданства въ исторіи. Рѣзкими чертами природа обозначила характеръ обоихъ племенъ: Славянское племя миролюбиваго и семейнаго характера, Нѣмецкое — воинственнаго и дружиннаго; кромѣ различія характеровъ многія внѣшнія и внутреннія причины, на которыя мы будемъ имѣть случай указать въ теченіи нашего изслѣдованія, указали обоимъ племенамъ особенные различные пути развитія: точки соприкосновенія ихъ обозначаются враждебными столкновеніями. Не смотря на то, развитіе обоихъ племенъ совершалось своимъ чередомъ, по непреклоннымъ законамъ cadaго челоѣческаго развитія. Племя Нѣмецкое, почти исключительно присвоившее себѣ науку, считало свое развитіе единственнымъ общечелоѣческимъ, и какъ оно было твердо убѣждено, что нѣтъ спасенія внѣ Римской Церкви, такъ не менѣе твердо вѣрило и тому, что нѣтъ развитія внѣ его собственнаго; на всѣ иныя племена и народы оно смотрѣло, какъ на лишенные высокаго нравственнаго и духовнаго развитія, живущіе одною животною жизнью, и потому считало священнымъ и необходимымъ дѣломъ пропаганду своего образованія. Полное чистосердечнаго убѣжденія въ превосходствѣ своей національности, оно распространяло его всѣми возможными средствами — насиліями и убѣжденіями, и даже удивлялось, почему грубые Славяне такъ упрямо отказываются принимать благодѣянія Нѣмецкой гражданственности, къ нимъ приносимой! Самые образованные представители Нѣмецкой націи считали Славянскія племена лишенными всякаго внутренняго развитія, животнo живущими; они до такой степени были ослѣплены, что не хотѣли видѣть успѣховъ Славянской гражданственности и тамъ, гдѣ они яснѣе дня. Отъ того всѣ безъ исключенія исторіи, Западными Европейцами писанныя даже до половины XVIII стол., суть исторіи Нѣмецкаго племени съ его многочисленными подраздѣленіями: Славяне совершенно исчезаютъ въ лучахъ блистательнаго свѣтила Нѣмецкой національности. При самомъ лучшемъ братскомъ расположеніи къ племени Нѣмецкому, справедливость требуетъ записать несомнѣнный фактъ; это — постоянное недоброжелательство племени Нѣмецкаго къ Славянскому, какая-то тоскливая зависть къ успѣхамъ послѣдняго, какое-то не-

опредѣленное сознаніе невозможности удержать за собою монополию развитія гражданственности, и потому не менѣе неопредѣленное, но дѣйствительно существующее, темное чувство вражды и (въ нѣкоторыхъ) даже ненависти къ своимъ сверстникамъ и наслѣдникамъ на пути образованія, чувство, подобное тому, съ которымъ скупецъ бережетъ свое богатство и заранѣе не терпитъ наслѣдниковъ, которые имъ воспользуются. Очень естественно, что историки Западныя смотрѣли съ пренебреженіемъ на жизнь племенъ Славянскихъ, мало удостовляли ее вниманія, а она, безъ нихъ вѣдома, шла своимъ путемъ, и развитіе племенъ Славянскихъ, совершавшееся втихомолку, не уступало развитію народовъ Нѣмецкихъ; но въ характеръ народа Славянскаго вообще лежитъ особенная, можетъ быть странная, но, вмѣстѣ, прекрасная, черта: *совершать вѣсь, самые геройскіе, подвиги, какъ дѣла, очень обыкновенныя, не трубя объ нихъ по всему свѣту.*

Доселѣ въ исторіи господствуетъ Нѣмецкій взглядъ, завистливый ко всему Славянскому, и потому неоцѣнена еще вполне роль, которую Славяне играютъ въ исторіи Европы, и участіе, принятое ими во всѣхъ великихъ событіяхъ, знаменующихъ шаги челоуѣчества на пути его развитія. Племя Славянское не уступитъ Германскому въ богатой почвѣ для образованія: оно обладаетъ неистощимымъ богатствомъ духа, удивительною легкостью воспринимать въ себя все богатство развитія иныхъ народовъ, сосредоточивать въ себя черты, разбросанныя въ другихъ народахъ, отъвѣчать своимъ сочувствіемъ вѣсь народамъ. Но самое это богатство духа условило для племени Славянскаго особенное медленное развитіе и поставило его въ тѣсную зависимость отъ внѣшнихъ условій. Такъ въ природѣ растительной видимъ, что деревья высшихъ породъ требуютъ, для полного и успѣшнаго прозябанія, несравненно болѣе времени и благопріятныхъ внѣшнихъ условій, нежели растенія низшаго разряда: при малѣйшемъ вредномъ вліяніи вѣжныя растенія блекнутъ и умираютъ, а, подлѣ нихъ, растенія, болѣе грубыя, живутъ совершенно здоровыя. Славянскія племена требуютъ чистаго, вольнаго воздуха, простора и, что главное, воли для полного и безпрепятственнаго развитія богатыхъ, неистощимыхъ силъ своего духа; но въ этихъ дарахъ отказала имъ судьба. Да! ни одно племя не вынесло такихъ тяжкихъ испытаній, не перенесло столькихъ бѣдствій, не было преслѣдуемо съ такимъ ожесточеніемъ своими врагами, какъ племя Славянское. Самое ге-

ограбическое положеніе странъ, имъ занятыхъ, со всѣхъ сторонъ открытыхъ, условило его тяжкую судьбу: ему не на что было опереться, у него не было ни хребтовъ горъ, ни морей, ни рѣкъ, чтобы остановить врага, чтобы отдохнуть, собраться съ силами. Съ Запада племена Германскія, съ Востока дикія Азіатскія орды, стремились на гибель Славянъ: первыя хотѣли ихъ народности, вторыя только свободы, и эти послѣднія были милостивѣе. Сильныя Славянскіе народы, жившіе до самаго Рейна, опасные враги и вѣрные союзники Карла Великаго, истреблены въ теченіи четырехъ вѣковъ пагубной и непрерывной войны, и съ самой Одры все стало Нѣмецкимъ. Какъ Южные Славяне покорностью и гибкостью своего характера спасли свое существованіе, такъ Сѣверные всѣмъ своимъ значеніемъ и даже бытіемъ обязаны оружію.

Въ исторіи Славянъ самый неопытный глазъ различитъ три, рѣзко отдѣленные, періода, отличительная черта которыхъ одна и та же; это—борьба. Въ первомъ періодѣ Славяне борются за свое существованіе отъ нападеній многочисленныхъ враговъ; ибо нигдѣ такъ не укоренились семейныя вражды, какъ въ народахъ Славянскихъ: тутъ не время было думать Славянамъ о развитіи мирныхъ дарованій человѣческаго духа, и кто, хотя сколько ни будь знакомый съ ихъ исторіею, станетъ укорять ихъ за то? Продолжительность этого періода для разныхъ Славянскихъ племенъ не равна: ее условили и географическое положеніе, и сосѣдство, и частныя наклонности самаго племени. Раньше другихъ нашихъ братьевъ отстояли свою самобытность мы, Русскіе: побѣда Куликовская рѣшила судьбу Руси и положила конецъ ея шаткому положенію со стороны Азіатскихъ варваровъ. Южные Славяне первые должны были принять своею грудью напоръ Турковъ, и до самаго Бѣлградскаго мира не были увѣрены въ своей самостоятельности и даже бытіи. Славяне Средней Европы сохранили бытіе, но съ потерей своего народнаго правленія: одни Поляки были счастливы, какъ отдѣленные своими соплеменниками отъ Нѣмцевъ и принимавшіе удары послѣднихъ, уже притупленные о грудь Славянскую. Отстоявъ свое бытіе, Славяне должны были бороться за свою національность, за свою народную личность, за то, что составляетъ священную, неотъемлемую собственность каждаго народа. Главнымъ дѣломъ было здѣсь положить преграду наводненію Нѣмецкой національности. Эта борьба, которую выдержали исключительно Западныя Славяне, имѣла болѣе опа-

снѣй характеръ, нежели первая борьба за существованіе: въ послѣдней дѣло шло о сопротивленіи врагу открытому, явному, средствами очевидными и дозволенными; въ первой—врагъ принималъ наружность друга, незаметно вкрадывался въ сердце довѣрчиваго Славянина, приманивалъ его вѣтшностью жизни, ея удобствами, и за нихъ бралъ—его духовную личность; его нравственную фizioномію. Ни одно Западное Славянское племя не избѣгло совершенно чуждаго вліянія: не въ равней степѣни, но каждое изъ нихъ причастилось Нѣмецкаго духа, приняло тѣ свои жилы Нѣмецкой крови. Только часть Южныхъ Славянъ, именно Сербы и Булгары, живущіе въ Турецкой имперіи, сохранили въ цѣлости свою національность, которой Турки никогда не касались, служа въ томъ живымъ укоромъ Нѣмцамъ. У насъ только не было этой борьбы, потому что, если со времени преобразованія, попытка, которая принадлежитъ Петру Великому, часть общества увлеклась легкомысленнымъ пристрастіемъ къ чужому, во вредъ и пренебреженіе своего роднаго, то большинство народа и, вмѣстѣ, лучшая, нетронутая часть его, оставались всегда вѣрными своимъ роднымъ началамъ, кореннымъ убѣжденіямъ и обычаямъ своего племени. Такимъ образомъ, борьба за народность кончилась несчастливо для племенъ Славянскихъ, за исключеніемъ Сербовъ, Булгаръ и Русскихъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи начался, подъ счастливыми предзнаменованіями, третій періодъ — то же борьбы, но борьбы торжествующей, борьбы съ инымъ, нежели прежнія, характеромъ: это мирная борьба или, лучше, соперничество, цѣль котораго—успѣхи на поприщѣ нравственнаго развитія, успѣхи, оспориваемые у Нѣмцевъ. Многозначителенъ характеръ этой борьбы, носящей уже въ себѣ зародышъ побѣды: Цѣль ея — духовное освобожденіе племени Славянскаго отъ ига какого бы рода оно ни было: оно носить въ себѣ имя великихъ жизненныхъ вопросовъ человечества.

Отколь начинается эта борьба? спросите вы. Уже давно приготовилась она, но первое великое ея явленіе совершилось въ 1812 — 1814 годахъ. Внезапное появленіе Наполеона, такъ дерзко поправшаго всѣ законы и учрежденія, вѣками добытые Западною Европою, такъ явно подавившаго, непомѣрнымъ развитіемъ матеріальной силы, всѣ духовныя начала, такъ горько насмѣявашагося надъ коренными основами Западнаго общества, показало всю слабость Нѣмецкихъ народовъ, показало то, что формы ихъ быта отжили свое существованіе, что исто-

нилось развитіе началъ ихъ и пришло къ крайностямъ. Совершенное отсутствіе тѣрдаго, нравственнаго убѣжденія, твердыхъ, внѣ человѣческаго произвола, началъ, повлекло за собою неслыханное и въ самыя времена мнимаго варварства господство матеріальной силы. Опираясь на штыки своихъ воиновъ, Наполеонъ дерзко и безнаказанно игралъ всѣмъ, что считалось еще священнымъ на Западѣ: ему не стоило ни какаго труда подчинить себѣ массы людей, потерявшихъ вѣру въ самихъ себя, въ нравственные начала. Не забудемъ, что могущество его стало безсильнымъ предъ народомъ Русскимъ, сохранившимъ неприкосновенно убѣжденія отцевъ и народную личность; а тѣ, которые добровольно отреклись отъ своего народа и его началъ, не вправѣ присвоивать себѣ участія въ подвигѣ, котораго они оставались праздными зрителями. Къ возстановленію ниспровергнутыхъ деспотизмомъ Западныхъ учрежденій, къ подняты отъ земли обломки ниспровергнутаго и отжившаго порядка вещей и слѣпленные на живую нитку на короткій срокъ, какъ не Русскими или, что все то же, Славянами? Не буйная молодежь Нѣмецкая возстановила спокойствіе и порядокъ, хотя на время, въ Европѣ: она не въ состояніи была отразить Наполеона, и никогда не могла бы она и ниспровергнуть однажды наложенное на нее иго. Какъ бы то ни было, но Наполеонъ исчезъ, а порядокъ вещей, которому онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, остался: съ того времени замѣчаемъ странныя явленія на Западѣ въ Нѣмецкой его половинѣ: едва только не стало общаго врага, какъ народы Нѣмецкіе обнаружили явное и совершенное недовольство возстановленіемъ тѣхъ отношеній, которыхъ они такъ пылко желали, и устремились къ ихъ ниспроверженію. Вообще, племена Нѣмецкія отжили свое нравственное существованіе: у нихъ не осталось уже ни одного начала, на которое можно было бы опереться, ни одного убѣжденія: все уже пережито, остается умереть; но чело-вѣку и народамъ жить хочется, и если не духомъ, если не нравственными, то промышленными интересами. Вся ослѣпительная внѣшность Запада, блескъ и роскошь его, все это прикрываетъ совершенную нравственную пустоту: одна промышленность господствуетъ нераздѣльно на развалинахъ религіи, поэзіи, науки и искусства; это самъ Западъ знаетъ вполнѣ.

Чей, самый непривычный, самый предубѣжденный взглядъ не поразитъ одновременность упадка нравственныхъ, духовныхъ началъ

на Западѣ и пробужденіе къ самобытной дѣятельности племенъ; сохранившихъ въ неприкосновенности роднѣй начала своего духа — племенъ Славянскихъ? Съ этого-то времени начинается всеобщее броженіе въ народахъ Славянскихъ: тѣ изъ нихъ, которые изъ страсти къ подражанію увлеклись легкомысленнымъ пристрастіемъ къ чужому, начали возвращаться къ началамъ роднымъ, — народнымъ (Русскіе); а тѣ, которые, по несчастнымъ обстоятельствамъ, потерпѣли чуждое вліяніе, поработали чуждымъ идеямъ, теперь, когда этѣ идеи отжили, и тамъ, гдѣ явленіе ихъ было послѣдовательно и необходимо, начали пробуждаться къ своей народной жизни и проникать въ неистощимый рудникъ своихъ народныхъ началъ, давно забытый. Наконецъ, и племя, вполне сохранившее Славянскую физіономію, не опасаясь теперь за свое существованіе, обратилось къ духовному развитію: уже первые шаги этого узника въ неволѣ, разучившагося ходить, обращаютъ на себя вниманіе и Западной Европы; что же будетъ, когда этотъ узникъ забудетъ свое рабство, потеряетъ слѣды, на немъ оставленные его тяжкими цѣпами, и пойдетъ, вольный и полный надеждъ, по пути, куда призываютъ его и собственное призваніе, и опредѣленія Судьбы?

Съ самаго недавняго времени начали вникать во внутреннее развитіе Славянскихъ народовъ, искать въ огромной массѣ фактовъ значенія и смысла. Между тѣмъ какъ философская исторія племенъ Германскаго происхожденія богата столькими превосходными твореніями, философская исторія Славянъ еще ждетъ дѣятеля. Пора уже не вѣрить на слово Нѣмцамъ и признавать хорошимъ только то, что прошло сквозь ихъ сужденіе; пора углубиться въ прошедшее нашего народа и ему родственныхъ, и указать всему свѣту высокое значеніе и того и другихъ, значеніе, доселѣ очень мало, а отчасти и вовсе, непризнанное. Явленіе не удивительное, что Нѣмецкіе историки, или Славянскіе онѣмеченные, отдаютъ вездѣ пальму первенства племени Нѣмецкому, вездѣ даютъ ему играть первую роль. Во всѣхъ всемірныхъ исторіяхъ, доселѣ писанныхъ, видимъ исторію племени Нѣмецкаго и его развитія; *Исторія Славянскихъ народовъ и ихъ развитія, къ стыду нашему, пренебрежена до крайности.* Молодой образованный чловѣкъ знаетъ очень хорошо исторію Вавилонскаго Царства, Мидіи и т. п., но вовсе ничего не знаетъ изъ исторіи Хорватовъ, Словенцевъ, Словаковъ, Моравцевъ, и даже Чеховъ, доколѣ они не становятся

членами тѣла Нѣмецкой Имперіи. Удивительное и печальное явленіе!

Развитіе народовъ Славянскихъ совершалось медленно и постепенно: не скоро зрѣли силы, которымъ суждено было дѣйствовать, но тѣмъ продолжительнѣе и вѣрнѣе было ихъ дѣйствіе. И вотъ послѣ долгаго, незамѣтнаго движенія, вдругъ возникаетъ грозное и поразительное явленіе. Такъ большія рѣки весною долго сохраняютъ свое обыкновенное теченіе, уже и тогда, когда меньшіе потоки бушуютъ, но потомъ вдругъ взвываютъ свои воды и распространяютъ повсюду удивленіе и страхъ, тѣмъ больше, чѣмъ менѣе ожидали самаго явленія. Въ XIII и XIV стол., въ періодъ торжества Нѣмецкой народности, имя Славянъ едва было извѣстно: самые ученые люди Нѣмецкаго Запада едва ли были знакомы съ исторіею этого племени. Тогда же Чехія была извѣстна какъ одно изъ Курфиршествъ Имперіи, не болѣе: она стала извѣстнѣе, благодаря благородному королю своему, Карлу IV, императору Германіи; но прошло XIII ст., и уже въ первой четверти XV вся Европа была наполнена вѣстями о Чехіи: Чехи привлекли всеобщее вниманіе; происшествія, у нихъ возникшія, произвели у большей части ужасное негодованіе, въ немногихъ только благородное сочувствіе. Удивленіе было во всѣхъ одинаково; всѣ спрашивали: какъ это народъ, дотоле рабски покорный королямъ, преданный всею душою Католической Церкви, въ высшей степени терпѣливый, какъ такой народъ назвалъ папу антихристомъ, презрѣлъ власть императора, лишилъ его престола, на которомъ уже онъ сидѣлъ въ мысляхъ, отразилъ нѣсколько разъ силы всей Германіи и сталъ грозою сосѣдей, даже самыхъ отдаленныхъ? И дѣйствительно, съ Нѣмецкой точки зрѣнія, признающей развитіе только у Нѣмцевъ, вовсе непонятно становится *религіозное движеніе въ Чехахъ, произведенное Гусомъ*: оно является какимъ-то среднимъ, неопредѣленнымъ явленіемъ, безъ предыдущаго и послѣдующаго. Между тѣмъ, или исторію великаго религіознаго движенія въ Чехіи разсматривать въ связи съ предыдущею исторіею Чеховъ и Славянъ вообще, или видѣть въ этомъ религіозномъ движеніи одинъ изъ великихъ періодовъ развитія Славянъ, совершавшагося подлѣ развитія Нѣмцевъ, но скромно и безъ шума. Не опасаясь преувеличенія, смѣло можемъ сказать, что доселѣ религіозное движеніе Чехіи не представлено въ его надлежащемъ свѣтѣ, въ его истинномъ знач-

ченіи; причины тому, кромѣ преобладанія въ исторіи Нѣмецкой школы, самая важность и многосторонность вопроса, заживо за-
дѣвающаго многіе важныя интересы. Самые лучшіе историки Чешскіе не могли обойти всѣхъ подводныхъ камней, огражда-
ющихъ этотъ вопросъ. Религіозное убѣжденіе, политическіе раз-
счеты останавливали на устахъ ихъ слова и давали имъ иное со-
единеніе и значеніе. Обстоятельства въ этомъ отношеніи намъ
благопріятствуютъ: мы можемъ не щадить интересовъ, которые
руководили и лучшими Чешскими историками; наше положеніе
скорѣе всего можетъ указать намъ истинную точку зрѣнія на
вопросъ, въ коемъ, по нашему мнѣнію, главное дѣло. Давно уже
по этому предмету собрано множество фактовъ друзьями и не-
другами, но никто еще не освѣтилъ ихъ свѣтомъ идеи, не бро-
силъ на нихъ взгляда, исполненнаго глубокаго сочувствія, не раз-
гадалъ ихъ внутренняго смысла.

Религіозное движеніе въ Чехіи до и послѣ Гуса не есть толь-
ко частное явленіе жизни Чешскаго народа: оно имѣетъ болѣе
одной стороны для изученія и заключаетъ въ себѣ, какъ въ зер-
нѣ, множество частныхъ вопросовъ, изъ которыхъ каждый очень
важенъ въ своей сферѣ; и потому, при указаніи на значеніе наше-
го предмета, мы рассмотримъ его сначала въ его полномъ объ-
емѣ, а потомъ въ частныхъ, имъ представляемыхъ, отдѣлахъ. При
изслѣдованіи этого предмета въ цѣломъ, мы обратимъ вниманіе
на значеніе его въ исторіи Чешскаго народа, въ исторіи Сла-
вянъ вообще, и мѣсто его въ ряду явленій жизни человѣчества.
Сверхъ того, предметъ принадлежитъ равно духовной или, пра-
вильнѣе, церковной, и свѣтской или политической, исторіи. Од-
нимъ словомъ, ни на одинъ предметъ нельзя смотрѣть съ столь-
кихъ точекъ зрѣнія и съ каждой находить столько новаго и по-
учительнаго, какъ на предметъ, изученіемъ котораго мы займем-
ся. Такъ точно взглядъ вдругъ обнимаетъ небольшой холмъ и
со всѣхъ сторонъ видитъ въ немъ одно и тоже; но не то бы-
ваетъ съ исполинскою горою, богатою пропастями для самонадѣ-
яннаго путника и прелестными видами, исполнѣ вознаграждающи-
ми подъятый трудъ: она на каждомъ шагѣ, въ разное время дня,
съ разныхъ сторонъ представляетъ взору все новыя и новыя
явленія.

Исторія Чешскаго религіознаго движенія безконечно важна для
человѣчества, и каждый мыслящій человѣкъ найдетъ въ ней осо-

бренный интересъ. Общечеловѣческое не есть пустое, бессмысленное слово, не есть совершенное отрицаніе всѣхъ народныхъ и личныхъ частныхъ, и, съ другой стороны, оно не есть принадлежность одного извѣстнаго народа, по своей гордости принявшаго себя за единственнаго представителя человѣчества и свое образованіе за образованіе всего человѣчества. Общечеловѣческое не исключаетъ ни одной народности: всѣхъ ихъ воспринимаетъ въ себя и соединяетъ узами братства и любви. Взглядъ исключительной народности, перенесенный въ исторію, кромѣ того, что противенъ истинѣ, лучшему качеству историка, способенъ еще произвести многія и важныя ошибки: всѣ событія представляются только одною стороною, а тѣ изъ нихъ, которыя принадлежатъ къ исторіи инаго народа, инаго развитія, совершенно являются искаженными и не въ надлежащемъ свѣтѣ. Такъ Римскій взглядъ на исторію древнихъ народовъ ошибоченъ въ высшей степени; не менѣе ошибоченъ взглядъ Нѣмецкій, признающій развитіе только у народовъ своего племени. При такомъ взглядѣ исторія религіознаго движенія въ Чехіи въ XV стол. совершенно необъяснима и невозможна; она стоитъ въ тѣсной связи съ исторіею развитія Славянскихъ племенъ вообще и Чешскаго въ особенности. Ставъ на эту точку зрѣнія, вы увидите, что всѣ явленія великой Чешской религіозной борьбы разумны и послѣдовательны къ высшей степени. А въ жизни Чешскаго народа его религіозное движеніе XV стол. событіе первой важности, рѣшительный моментъ, къ которому все предыдущее развитіе его было приготовленіемъ и все послѣдующее слѣдствіемъ. Никогда и нигдѣ не выразилась такъ вполнѣ вся мощь, вся энергія Чешскаго народа: важные вопросы политическіе и религіозные, жизненные вопросы проникли въ самый народъ и подвинули не часть одну, а весь на геройскіе подвиги. Между тѣмъ какъ въ иныхъ великихъ переворотахъ народъ играетъ роль страдательную, идетъ за тѣми, которые умѣли увлечь его, здѣсь весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, долго сдерживая свое негодованіе, вдругъ и страшно разразился грознымъ гнѣвомъ на тѣхъ, которые хотѣли лишить его единственнаго достоянія: его религіозныхъ убѣжденій и его народной личности.

Жестокѣо ошибаются тѣ, которые хотятъ видѣть въ Гусѣ единственнаго виновника вспышки Чешскаго народа, и думаютъ, что если бы онъ не явился, то Чехи остались бы въ бездѣйствіи и человѣчество цѣлымъ вѣкомъ опоздало въ развитіи. Нѣтъ!

ченіи; причины тому, кромѣ преобладанія въ исторіи Нѣмецкой школы, самая важность и многосторонность вопроса, живо за-
дѣвающаго многіе важныя интересы. Самые лучшіе историки Чешскіе не могли обойти всѣхъ подводныхъ камней, огражда-
ющихъ этотъ вопросъ. Религіозное убѣжденіе, политическіе раз-
счеты останавливали на устахъ ихъ слова и давали имъ иное со-
единеніе и значеніе. Обстоятельства въ этомъ отношеніи намъ
благопріятствуютъ: мы можемъ не щадить интересовъ, которые
руководили и лучшими Чешскими историками; наше положеніе
скорѣе всего можетъ указать намъ истинную точку зрѣнія на
вопросъ, въ коемъ, по нашему мнѣнію, главное дѣло. Давно уже
по этому предмету собрано множество фактовъ друзьями и не-
другами, но никто еще не освѣтилъ ихъ свѣтомъ идеи, не бро-
силъ на нихъ взглядъ, исполненнаго глубокаго сочувствія, не раз-
гадалъ ихъ внутренняго смысла.

Религіозное движеніе въ Чехіи до и послѣ Гуса не есть толь-
ко частное явленіе жизни Чешскаго народа: оно имѣетъ болѣе
одной стороны для изученія и заключаетъ въ себѣ, какъ въ зер-
нѣ, множество частныхъ вопросовъ, изъ которыхъ каждый очень
важенъ въ своей сферѣ; и потому, при указаніи на значеніе наше-
го предмета, мы рассмотримъ его сначала въ его полномъ объ-
емѣ, а потомъ въ частныхъ, имъ представляемыхъ, отдѣлахъ. При
изслѣдованіи этого предмета въ цѣломъ, мы обратимъ вниманіе
на значеніе его въ исторіи Чешскаго народа, въ исторіи Сла-
вянъ вообще, и мѣсто его въ ряду явленій жизни человѣчества.
Сверхъ того, предметъ принадлежитъ равно духовной или, пра-
вильнѣе, церковной, и свѣтской или политической, исторіи. Од-
нимъ словомъ, ни на одинъ предметъ нельзя смотрѣть съ столь-
кихъ точекъ зрѣнія и съ каждой находить столько новаго и по-
учительнаго, какъ на предметъ, изученіемъ котораго мы займем-
ся. Такъ точно взглядъ вдругъ обнимаетъ небольшой холмъ и
со всѣхъ сторонъ видитъ въ немъ одно и то же; но не то бы-
ваетъ съ исполинскою горою, богатою пропастями для самонадѣ-
яннаго путника и прелестными видами, вполне вознаграждающи-
ми подъятый трудъ: она на каждомъ шагу, въ разное время дня,
съ разныхъ сторонъ представляетъ взору все новыя и новыя
явленія.

Исторія Чешскаго религіознаго движенія безконечно важна для
человѣчества, и каждый мыслящій человѣкъ найдетъ въ ней осо-

бепный интересъ. Общечеловѣческое не есть пустое, безсмысленное слово, не есть совершенное отрицаніе всѣхъ народныхъ и личныхъ частныхъ, и, съ другой стороны, оно не есть принадлежность одного извѣстнаго народа, по своей гордости принявшаго себя за единственнаго представителя челоуѣчества и свое образованіе за образованіе всего челоуѣчества. Общечеловѣческое не исключаетъ ни одной народности: всѣхъ ихъ воспринимаетъ въ себя и соединяетъ узами братства и любви. Взглядъ исключительной народности, перенесенный въ исторію, кромѣ того, что противенъ истинѣ, лучшему качеству историка, способенъ еще произвести многія и важныя ошибки: всѣ событія представляются только одною стороною, а тѣ изъ нихъ, которыя принадлежатъ къ исторіи инаго народа, инаго развитія, совершенно являются искаженными и не въ надлежащемъ свѣтѣ. Такъ Римскій взглядъ на исторію древнихъ народовъ ошибоченъ въ высшей степени; не менѣе ошибоченъ взглядъ Нѣмецкій, признающій развитіе только у народовъ своего племени. При такомъ взглядѣ исторія религіознаго движенія въ Чехіи въ XV стол. совершенно необъяснима и невозможна; она стоитъ въ тѣсной связи съ исторіею развитія Славянскихъ племенъ вообще и Чешскаго въ особенности. Ставъ на эту точку зрѣнія, вы увидите, что всѣ явленія великой Чешской религіозной борьбы разумны и послѣдовательны къ высшей степени. А въ жизни Чешскаго народа его религіозное движеніе XV стол. событіе первой важности, рѣшительный моментъ, къ которому все предъидущее развитіе его было приготовленіемъ и все послѣдующее слѣдствіемъ. Никогда и нигдѣ не выразилась такъ вполнѣ вся мощь, вся энергія Чешскаго народа: важные вопросы политическіе и религіозные, жизненные вопросы проникли въ самый народъ и подвинули не часть одну, а весь на геройскіе подвиги. Между тѣмъ какъ въ иныхъ великихъ переворотахъ народъ играетъ роль страдательную, идетъ за тѣми, которые умѣли увлечь его, здѣсь весь народъ, какъ одинъ челоуѣкъ, долго сдерживая свое негодованіе, вдругъ и страшно разразился грознымъ гнѣвомъ на тѣхъ, которые хотѣли лишить его единственнаго достоянія: его религіозныхъ убѣжденій и его народной личности.

Жестокѣо ошибаются тѣ, которые хотятъ видѣть въ Гусѣ единственнаго виновника вспышки Чешскаго народа, и думаютъ, что если бы онъ не явился, то Чехи остались бы въ бездѣйствіи и челоуѣчество цѣлымъ вѣкомъ опоздало въ развитіи. Нѣтъ!

Гусъ не есть виновникъ религіознаго движенія Чеховъ. Мало по малу и издалека накопились горючіе матеріалы, угрожавшіе страшнымъ пожаромъ, и не Гусъ подложилъ подъ нихъ огонь, не онъ разорвалъ плотину, едва удерживавшую буйный потокъ: притязанія папъ на нравственную и притязанія королей на политическую свободу Чеховъ были главнымъ и побудительнымъ орудіемъ, понудившимъ ихъ раскрыть удивительное, неслыханное богатство своихъ силъ и средствъ. По этому не лѣзя представить себѣ весь Чешскій народъ послушнымъ слугою Гуса, дѣйствующимъ по его мановенію: это было бы придавать слишкомъ много значенія Гусу и отымать слишкомъ много у Чешскаго народа. *Гусъ былъ представителемъ народа Чешскаго*; онъ безсознательно олицетворилъ въ себѣ весь народъ Чешскій съ его тогдашними требованіями, съ вопросами, его волновавшими, и отъ лица всего Чешскаго народа онъ возсталъ противъ нравственнаго и политическаго порабожденія, угрожавшаго Чешскому народу, и тѣмъ подалъ знакъ къ ожесточенной борьбѣ, рѣшившейся пагубнымъ днемъ 8-го ноября, 1620 г. Никогда, ни прежде, ни послѣ исторія не представляетъ ничего подобнаго этому дивному двухсольтнему напряженію силъ; никогда не встрѣчалось на одномъ полѣ столько религіозныхъ и политическихъ вопросовъ, сплетшихся въ одинъ чудовищный клубъ, нити котораго разобрать принадлежитъ еще будущимъ историкамъ.

Періодъ времени отъ 1412 до 1620 года есть самый блестящій періодъ Чешской исторіи, самая славная страница изъ страдальческой исторіи Чешскаго народа. Какъ мало знаютъ сердце человеческое тѣ, которые приписываютъ движеніе Чешскаго народа въ XV стол. минутному негодованію на безнравственность духовенства, а самую вспышку—сильному чувству оскорбленія въ лицѣ сожженнаго Гуса. Сильныя страсти дѣйствуютъ недолго: и человекъ и народъ въ сильномъ порывѣ негодованія захватываютъ слишкомъ далеко, даютъ полную волю своимъ дѣйствіямъ и мыслятъ осуществить самыя завѣтныя мечты свои. Но проходитъ первый жаръ, первый порывъ досады, и человекъ и народъ возвращаются назадъ, сами помогаютъ разрушать свое дѣло и становятся мягче и снисходительнѣе. Не таково религіозное Чешское движеніе XV-го стол.—не подъ вліяніемъ дневныхъ побужденій воспиталось оно и не въ безсознательномъ порывѣ гнѣва разразилось оно: внимательный и непредубѣжденный глазъ увидитъ удивительную постепенность въ дѣйствіяхъ Чешскаго на-

рода въ эту торжественную для него минуту, разумную осмотрительность, перешедшую даже въ излишнюю медлительность. Немногія народныя движенія произошли въ слѣдствіе столь тяжкихъ обидъ, каковы были нанесены Чешскому народу, а этотъ послѣдній подавлялъ въ груди своей негодованіе, доколу не коснулись его религіозныхъ и политическихъ убѣжденій: тогда, затронутый въ томъ, что у него было самого священнаго, онъ, подобно Леониду, сказалъ: Прійди и возьми! взялся за оружіе и—дорого заплатились ему императоръ и папа, посягнувшіе на его политическія и нравственныя права. Силы всей Германіи сокрушились о желѣзную крѣпость груди Чеховъ.

Оскорбляемые самымъ чувствительнымъ образомъ въ своихъ народныхъ интересахъ, Чехи не тотчасъ прибѣгли къ оружію, а вступили въ состязаніе съ противниками своей народности словомъ, и представителемъ этого то періода великой религіозной Чешской борьбы является Гусъ. Онъ именно потому привлекъ на себя одного жесточайшее негодованіе враговъ Чешской народности, и именно потому заслужилъ благословенія и вѣчную память у друзей Чешскаго народа, что понялъ и оцѣнилъ свое положеніе и безстрашно представилъ предъ лицо папы и всего свѣта жалобу Чеховъ, утвердилъ ихъ неоспоримыми доводами, и когда все усилія образумить противниковъ были тщетны, онъ запечатлѣлъ кровію свою свою долговременную, словесную борьбу Чешскаго народа, и отъ того, по справедливости, благодарный Чешскій народъ придалъ его имя своему великому религіозному движению. Гусъ не былъ только проповѣдникъ, но адвокат Чешскаго народа, защитникъ его и его интересовъ передъ папою и императоромъ, и такимъ онъ долженъ явиться и предъ потомствомъ; онъ не причинилъ и не ускорилъ религіознаго движенія, а шелъ передъ нимъ вѣрнымъ его представителемъ; отсюда въ немъ, какъ бы въ миниатюрѣ, видимъ все черты Чешскаго народа, видимъ то, чего этотъ послѣдній хотѣлъ и требовалъ. Отсюда будетъ понятно высокое значеніе Гуса въ цѣломъ развитіи Чешскаго народа; въ Гусѣ сходятся настоящее, прошедшее и будущее Чешскаго народа: онъ есть послѣднее проявленіе Чехинъ въ XIV стол., т. е., онъ вмѣщаетъ въ себя все прошедшее развитіе Чешскаго народа, есть крайній, возможный результатъ его. А относительно послѣдующаго развитія Чешскаго народа, совершившагося по смерти Гуса, Гусъ есть его источникъ; въ немъ

имѣють корень свой въ послѣдующія явленія Чешской жизни. И это очень естественно: Гусъ не значить ничего самъ по себѣ, и все вмѣстѣ съ Чешскимъ народомъ, потому что онъ есть олицетвореніе нужды этого послѣдняго.

Человѣческое развитіе есть совокупность развитій народовъ, которые дѣйствовали не по вліяніямъ одного инстинкта къ грабежу, или къ перемѣнѣ, но народовъ, жизнь которыхъ представляетъ осуществленіе вопросовъ, интересующихъ каждого человека, какой бы онъ ни былъ націи. Чешскій народъ, какъ и всякій иной, есть членъ человѣчества и, слѣдственно, какъ такой, призванъ участвовать въ его развитіи. И тщетно бы какой ни будь привилегированный народъ сталъ называть себя единого представителя развитія человѣческаго. Исторія неоспоримо показываетъ, что не одни народы Нѣмецкаго племени осуществляютъ законы разума въ своихъ дѣйствіяхъ, что не въ нихъ однихъ совершалось внутреннее развитіе и совершенствованіе человѣчества. Религіозное движеніе Чехіи въ XV стол. есть фактъ всемірной важности, есть шагъ на пути развитія человѣчества. Во имя какихъ побудительныхъ причинъ поднялся Чешскій народъ? Не во имя корыстолюбія, алчности къ чуждымъ владѣніямъ, не изъ пустаго мщенія, но за вопросы, которые, бывъ глубоко народными Чешскими, дороги для каждого человека. Чехи встали за права человѣчества противъ религіознаго и политическаго деспотизма, подававшаго другъ другу руку помощи, заключившаго въ виду общей опасности самый тѣсный союзъ. Между тѣмъ, какъ вся остальная Европа, раздробленная на множество мелкихъ владѣній, еще не умѣла возвыситься надъ мелочными частными интересами и вела войны за куски земли, пренебрегши высшими вопросами, Чехи рѣшали въ своей жизненной дѣятельности эти вопросы, которыхъ окончательное завершеніе столько занимало и еще будетъ занимать человѣчество. Были люди, наскучившіе этою внѣшностью, въ которой сосредоточили все, люди, которымъ опостыляли эти безжизненные формы, которые обратились къ вопросамъ высшимъ, вопросамъ религіознымъ, но они не осмѣливались вступать въ борьбу съ сильнымъ и могущественнымъ, въками утвержденнымъ, порядкомъ вещей. Въ XIII стол. папская власть достигла высшей степени могущества и значенія; но никогда она не простирала своего гнета до такой степени, какъ въ XIV стол. Самый расколъ способствовалъ къ тому. Папская власть не признавала на землѣ ничего выше себя, а права человѣчества не

ставила ни во что. Воспользовавшись періодомъ глубочайшаго невѣжества, Папство утвердило свое владычество на началахъ, самыхъ прочныхъ; политикою его было: постоянно подавлять противодѣйствіе, гдѣ бы и подъ какою бы формою оно ни явилось. Но Чешское религіозное движеніе нанесло жестокий и рѣшительный ударъ папской власти; не только Чехи отказали папѣ въ его притязаніяхъ, но и заставили предоставить имъ то, чего бы они прежде никогда не смѣли ожидать. Притомъ Чехи вступали въ бой съ Папствомъ еще совершенно здоровымъ и сильнымъ; но они совершенно истощили его силы своимъ постояннымъ противодѣйствіемъ и сдѣлали легкою и возможною полную побѣду надъ нимъ, одержанную Лютеромъ. И тогда, когда человѣчеству были обезпечены плоды долгой и исполненной тяжкихъ бѣдствій борьбы Чеховъ, Провидѣнію угодно было послать на этихъ послѣднихъ великія испытанія, страшныя и, по видимому, незаслуженныя наказанія. И не удивительно ли, что годъ гибельный для политической и религіозной свободы Чехинъ, былъ годомъ, обезпечившимъ навсегда политическую и религіозную свободу Германіи, а чрезъ нее и всего человѣчества? Такимъ образомъ безкорыстно страдали и дѣйствовали Чехи: они трудились не для себя, а для послѣдующихъ поколѣній, которые не только не умѣли быть благодарными, но и оцѣнить ихъ безвинныя страданія. Реформа Лютера, столь превозносимая, была бы невозможна безъ явленія Гуситовъ, приготовившихъ своими усиліями, своими войнами и даже своимъ истребленіемъ торжество разума надъ авторитетомъ, свободы надъ деспотизмомъ. Подъ главнымъ религіознымъ вопросомъ скрываются и важные политическіе вопросы: для вольнолюбиваго народа Чешскаго свобода мысли была нераздѣльна съ свободою дѣйствій, и годъ паденія Чехинъ былъ годомъ уничтоженія не только религіозныхъ позволеній, прежде данныхъ и самимъ Фердинандомъ II-мъ скрѣпленныхъ, но также и правъ народа Чешскаго и привилегій различныхъ его сословій, разорванныхъ императоромъ со словами: „Отъ-то бумажки стоили такого труда моимъ предшественникамъ!“

Въ религіозномъ движеніи Чеховъ должны принимать участіе все Славяне; сюда долженъ привлечь ихъ и самый характеръ борьбы: Чехи сражаются за народность обще Славянскую съ Нѣмцами. Въ самой борьбѣ ихъ все сосѣдніе Славяне: Лужичане, Шлезяне, Моравцы, Словаки, отчасти Поляки, принимаютъ дѣятельное

участіе. Такимъ образомъ Чехи идутъ во главѣ великаго Славянскаго движенія. Вообще, хотя, можетъ быть, не найдете въ исторіи примѣра подобнаго разъединенія, разногласія и отсутствія единомудрія, какое встрѣчаемъ между народами Славянскими, однако это отсутствіе единства, столь поразительное при первомъ взглядѣ, болѣе вѣншее, нежели внутреннее: ни одни народы не имѣютъ столь тѣсной духовной симпатіи, столь сходнаго духовнаго настроенія, какъ народы Славянскіе; они постоянно чувствуютъ влеченіе другъ къ другу; ихъ судьбы дополняются взаимно и представляютъ удивительное воздѣйствіе одна на другихъ. Торжество Фердинанда II надъ Чехами было торжествомъ начала Нѣмецкаго надъ Славянскимъ, и съ тѣхъ поръ преобладаніе перваго не встрѣчало себѣ препятствія по самое начало нынѣшняго столѣтія.

При многозначительности историческаго періода, который мы будемъ разсматривать и при множествѣ частныхъ явленій историческихъ, въ него входящихъ, необходимо, прежде нежели приступимъ къ источникамъ, которыми мы будемъ пользоваться, предначертать планъ изслѣдованія.

Въ религіозномъ движеніи Чешскаго народа до и послѣ Гуса различаемъ три главные періода: А) *Періодъ предуговителный*, отъ принятія Христіанства Чехами до появленія Гуса, какъ народнаго проповѣдника (862—1402). Б) *Періодъ словесной борьбы* Чеховъ съ ихъ противниками, или исторія дѣятельности Гуса до его кончины, а его послѣдователей до смерти Вацлава IV (1402—1419). В) *Періодъ открытой борьбы* Чеховъ съ ихъ врагами, Нѣмцами и Католиками, отъ смерти Вацлава IV-го до несчастнаго дня битвы на Бѣлой Горѣ, или, правильнѣе, до гоненія противъ всего Чешскаго (1419—1620). Въ слѣдствіе этого мы посвятимъ каждому періоду особенную книгу; въ заключеніе будетъ присоединена краткая исторія несчастныхъ остатковъ религіознаго движенія Чешскаго народа, ушедшихъ отъ преслѣдованія Іезуитовъ и Фердинанда II, или исторія Моравскихъ Братьевъ. Мы уже выше указали на значеніе Гуса: изучая его, изучаете весь характеръ движенія, котораго онъ былъ представителемъ, а потому главнымъ нашимъ стараніемъ будетъ — опредѣлить характеръ этого великаго чловѣка, изучить его по отношенію къ мѣсту, имъ занимаемому въ религіозномъ движеніи Чешскаго народа. Сюда относится его дѣятельность отъ его появленія, какъ

проповѣдника народнаго, до его отъѣзда на Костницкій Соборъ; слѣд., его дѣятельность въ Чехіи; здѣсь изучимъ его личный характеръ и характеръ его ученія, его отношеніе къ народу и къ Католицизму въ Чехіи. За тѣмъ мы послѣдуемъ за нимъ, какъ защитникомъ чести Чешскаго народа отъ клеветъ въ ереси, предъ Костницкій Соборъ; здѣсь намъ надобно будетъ изучить отношеніе его къ Церкви Католической вообще. Слѣдственно, *вторую* нашу книгу, которая будетъ содержать исторію дѣятельности Гуса, какъ Чеха и проповѣдника, мы раздѣлимъ на два отдѣла: I) исторія дѣятельности Гуса въ Чехіи, и II) исторія дѣятельности Гуса на Костницкомъ Соборѣ. Въ первомъ отдѣлѣ разлѣчимъ главы: 1. О первыхъ годахъ жизни и дѣятельности Гуса до 1402 года; 2. О дѣятельности Гуса отъ 1402 года до изгнанія Нѣмцевъ изъ Пражскаго Университета; 3. О дѣятельности Гуса отъ изгнанія Нѣмцевъ изъ Пражскаго Университета¹ до спора его съ папою Іоанномъ XXIII за индульгенціи; 4. исторія дѣятельности Гуса отъ времени спора его за индульгенціи съ папою Іоанномъ XXIII до его отъѣзда на Костницкій Соборъ. Во второмъ отдѣлѣ второй книги будутъ изложены слѣдующіе предметы: въ главѣ 1-й: — путешествіе Гуса въ Костницъ; переписка съ дороги съ друзьями; прибытіе въ Костницъ и событія до его задержанія; въ главѣ 2-й: судебное изслѣдованіе и осужденіе Гуса; въ главѣ 3-ей: судъ надъ Іеронимомъ Пражскимъ и казнь его; дѣйствія Собора въ отношеніи къ Чешскому религіозному движенію до избранія папы Мартына V; въ главѣ 4-й: исторія религіозныхъ движеній въ Чехіи отъ сожженія Гуса и Іеронима Пражскаго до самой смерти Вацлава IV (1419).

Но ни какого историческаго явленія не лзя изучить вполне, не изслѣдовавъ причинъ, условившихъ его и сообщившихъ ему такую, а не иную, форму; тѣмъ болѣе въ всемірно-историческомъ явленіи, каково нами разсматриваемое, необходимо прослѣдить ту нить происшествій, которою оно связывается съ прошедшимъ. Въ слѣдствіе того *первая книга* будетъ посвящена причинамъ появленія Гуса, какъ историческаго дѣятеля. И такъ какъ мы уже выше видѣли, что Гусъ есть столько же явленіе Чешско - Славянскаго сколько и обще - человѣческаго раз-

¹ Здѣсь будетъ вкратцѣ помѣщена исторія Чаши въ Евхаристіи, столь важный эпизодъ Чешской исторіи.

витія, и что онъ, защищая интересы Чешской народности, былъ, въ то же время, защитникомъ правъ человечества, то, на этомъ основаніи, во второмъ отдѣлѣ первой книги, будутъ изложены причины общія, заимствованныя изъ состоянія Католической Церкви и Имперіи и изъ расположенія умовъ. Въ первомъ отдѣлѣ первой книги разсмотримъ частныя причины изъ жизни Чешскаго народа, приготовившія то религіозное движеніе, которому Гусъ оставилъ свое имя, и тѣ явленія, въ которыхъ вырывались наружу религіозныя мнѣнія и расположеніе умовъ Чеховъ. Множество матеріаловъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отдѣлѣ заставляеть насъ раздробить ихъ на нѣсколько главъ, изъ которыхъ въ каждую войдетъ особенно важное явленіе въ кругу иныхъ, второстепенныхъ. *Первая книга. Отдѣлъ I-й. Глава первая:* исторія религіознаго броженія въ Чехіи, отъ введенія туда Христ. вѣры до изгнанія Славянскихъ монаховъ изъ Сазавскаго монастыря (862—1097). *Глава вторая:* исторія религіознаго движенія въ Чехіи отъ изгнанія Славянскихъ монаховъ изъ Сазавскаго монастыря до появленія Гуса проповѣдникомъ въ Вишелемской церкви; воздѣйствіе въ народъ противъ Католицизма; такъ называемые предшественники Гуса и значеніе ихъ. *Глава третья:* причины изъ развитія Чешскаго народа, приготовившія появленіе Гуса, и политическія, народныя и иныя обстоятельства, условившія характеръ самаго народа и великаго двигателя. Отдѣлъ II-й. *Глава первая.* Отношеніе Чешскаго религіознаго переворота къ религіознымъ движеніямъ, возникшимъ въ другихъ земляхъ: §. 1. Отношеніе Чешскаго религіознаго движенія къ Манихейскимъ ересямъ, а въ особенности къ Вальденсамъ. §. 2. Отношеніе Чешскаго религіознаго движенія къ такому же движенію въ Англіи; различіе характеровъ Виклифа и Гуса. §. 3. Отношеніе Чешскаго религіознаго движенія къ инымъ, тайнымъ и явнымъ, современнымъ религіознымъ движеніямъ. §. 4. Исторія послѣдователей ересей Манихейскихъ, Вальденскихъ и Виклефитовъ. *Глава вторая.* Состояніе Католической Церкви вообще въ минуту появленія Гуса и значеніе этого послѣдняго къ инымъ явленіямъ ея развитія.

Историческое явленіе тѣмъ важнѣе, чѣмъ долговѣчнѣе послѣдствіе его; чѣмъ глубже всколыхается народъ, чѣмъ крѣпче пріиметь онъ къ сердцу какую нибудь идею, тѣмъ она необходимѣе становится ему и тѣмъ ярче отражается во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Притомъ, идея не

есть пустая отвлеченность: она, какъ совокупность всѣхъ частныхъ вопросовъ, въ ней заключающихся, однажды живо коснувшись сознанія народнаго, живетъ съ нимъ одною жизнью; она развивается сообразно съ потребностями народа, и какъ народъ живетъ своимъ сознаніемъ, сообразно съ своими внутренними потребностями, такъ и самая идея проходитъ тѣже самыя ступени развитія, какъ и самый народъ, въ которомъ она пребываетъ. Нѣтъ ничего любопытнѣе, какъ слѣдить за развитіемъ идеи въ народѣ, за ея видоизмѣненіями, тѣмъ важнѣйшими, что они всегда соотвѣтствуютъ измѣненіямъ характера и правилъ народа, знаменуютъ его нравственное движеніе. Не въ природѣ человека и народовъ неподвижность: все въ человѣкѣ и внѣ его измѣняется и идетъ впередъ. Такъ и Чешскій народъ не остановился на первомъ явленіи своего религіознаго движенія; въ слѣдствіе внезапнаго, но послѣдовательнаго, переворота въ самомъ характерѣ народа, и характеръ борьбы измѣняется; идея религіознаго движенія переходитъ изъ области слова въ область дѣйствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ народъ совершилъ шагъ впередъ: тѣ, которые думали остаться при прежнемъ пониманіи идеи и старались удержать при своемъ личномъ мнѣніи весь народъ, были обойдены иными, болѣе прозорливыми, смѣливыми, постигавшими потребности народа и потому ставшими его представителями. Такъ, при видоизмѣненіи отношенія религіозной идеи къ народу Чешскому, легко объясняется перемѣна характера лицъ дѣйствующихъ и самыхъ дѣйствій: вмѣсто Гуса являются Жижка, Прокопій; то, что прежде рѣшалось словомъ, теперь предоставляется оружію. Но здѣсь-то и обнаруживается важность и значеніе характера Гуса и религіознаго движенія, котораго онъ былъ главнымъ дѣятелемъ: въ ученіи Гуса видимъ сѣмя всѣхъ послѣдующихъ частныхъ учений, раздѣлившихъ Чешскій народъ; въ его личномъ характерѣ находимъ зародыши всѣхъ послѣдующихъ дѣятелей Чешскаго религіознаго движенія. Рокицана и Жижка суть оба послѣдователи Гуса, и этотъ послѣдній соединяетъ въ своей физиогноміи черты лицъ того и другаго. Въ изслѣдованіи нашемъ это будетъ развито подробнѣе изъ самихъ явленій. Такъ мы постараемся показать тѣ видоизмѣненія, которыя принимала религіозная идея у Чеховъ, прослѣдить ея развѣтвленія, указать, какъ изъ одного и того же пункта вышли столь расходящіяся направленія, отношенія этихъ направленій одного къ другому, и

мѣсто, какое каждое изъ нихъ занимаетъ въ жизни Чешскаго народа. Изучивъ характеръ религіознаго движенія Чеховъ въ его самомъ полномъ и вѣрномъ представителѣ, Гусѣ, намъ надлежитъ прослѣдить это религіозное движеніе въ связи его съ внутреннимъ развитіемъ Чешскаго народа и послѣ смерти Гуса: этому будетъ посвящена вся *третья книга*, которая будетъ заключать въ себѣ исторію религіознаго движенія Чешскаго народа отъ смерти Вацлава IV до пагубной битвы на Бѣлой горѣ. Точками поворота религіознаго движенія и внутренней жизни Чеховъ въ этотъ періодъ, до несчастной Бѣлогорской битвы, парализовавшей на цѣлыя 180 лѣтъ самостоятельное развитіе Чешскаго народа, суть: битва у Липанъ (1434), гдѣ истреблены Табориты, и смерть Юрія Подѣбрада (22-го марта, 1471). Промежутку времени между этими событіями будутъ посвящены три главы; четвертая третьей книги представитъ, по возможности, гибельныя послѣдствія Фердинандова торжества относительно религіознаго и политическаго развитія Чешскаго народа. Въ *заключеніе* будетъ представлена: исторія Чешскихъ и Моравскихъ Братъевъ и, по возможности, опредѣлено значеніе религіознаго броженія въ Чехіи для исторіи Чешскаго народа вообще, исторіи народовъ Западной Европы и исторіи человѣчества, а равно и отношеніе къ соотвѣтствующему движенію Германскому, котораго главнымъ дѣятелемъ былъ Лютеръ.

Обратимся теперь къ критической оцѣнкѣ *источниковъ и пособій*, которыми мы пользовались при подлежащемъ трудѣ.

ГЛАВА II.

Источники и пособія.

§. 1. *Источники.*

По значительному числу, ихъ необходимо подвести подъ опредѣленные разряды, и потому мы рассмотримъ сначала сочиненія *самихъ дѣятелей* великаго религіознаго движенія Чехіи. Здѣсь различимъ при разсматриваніи: 1) сочиненія Гуса; 2) сочиненія его *предшественниковъ*, и 3) *учениковъ и послѣдователей*. Затѣмъ мы займемся изслѣдованіемъ *Чешскихъ источниковъ*, касающихся этого періода, и, наконецъ, разсмотрѣнимъ *источниковъ*

не Чешскіхъ, но проливающихъ, хотя нѣсколько свѣта на отношенія этого народа въ самый важный періодъ его существованія.

А. *Сочиненія Гуса*. Онъ оставилъ послѣ себя чрезвычайное множество сочиненій, которыхъ часть напечатана, а часть еще находится въ рукописи. *Печатныя сочиненія Гуса*: 1) На Латинскомъ языкѣ. Что касается до сочиненій Гуса на этомъ языкѣ, то они напечатаны гораздо позднѣе Чешскихъ: Моравскіе или Чешскіе братья еще около 1509 и 1510 издали нѣкоторыя сочиненія Гуса, на Чешскомъ языкѣ¹; между тѣмъ письма Гуса въ Латинскомъ переводѣ изданы Лютеромъ не прежде 1536 года²; и даже изданныя Оттономъ Брунфелзіемъ нѣкоторыя мелкія сочиненія, будто бы Гусу принадлежавшія, относятся уже къ 1524 году; во всякомъ случаѣ книжечка Оттона Брунфелзія заслуживаетъ вниманія³. Въ ней помѣщены, какъ бы сочиненіе Гуса, слѣдующіе трактаты: 1) *De anatomia Antichristi, liber unus*. 2) *De mysteriis iniquitatis Antichristi, fragmentum unum*. 3) *De revelatione Christi et Antichristi, fragmentum unum*. Палацкій⁴ говоритъ, что сочиненіе: *De anatomia Antichristi*, изданное Оттономъ Брунфелзіемъ, не только не принадлежитъ Гусу (а Матѳею Янову), но что отрывки изъ сочиненій Янова искажены Брунфелзіемъ до безсмыслия. 4) *De abolendis sectis et traditionibus hominum, liber 1*. 5) *De unitate ecclesiae et schismate vitando*. 6) *De Evangelica perfectione, l. 1*. 7) *De perniciie traditionum humanarum*. Эти четыре небольшіе трактата безспорно принадлежатъ Гусу, но 8) *De regno, populo, vita et moribus Antichristi* долженъ быть отрывкомъ изъ сочиненій Янова, потому что онъ ясно написанъ тою же рукою, какою и трактаты первой, второй и третій. Къ нимъ Оттонъ прибавилъ свои собственныя размышленія, гдѣ не щадитъ самыхъ рѣзкихъ выраженій относительно папы. За тѣмъ слѣдуетъ краткая *Vita Ioannis Huss*,

¹ *Dobrowsky's Geschichte der böhmischen Litteratur*. Изд. 1-е, 1792, стр. 143, изд. 2-е, стр. 226.

² *Hussi Opera*. Т. I. Praef.

³ Она находится въ Библіотекѣ Императорскаго Московскаго Университета и составляетъ небольшой томикъ въ 4-ку; печать очень хороша, но бумага до крайности пожелтѣла, вѣроятно отъ времени.

⁴ *Palacky's Geschichte von Böhmen*. 3-ten B. 1-te Abth. S. 176. Anm. 215.

которому Оттонъ даетъ слѣдующій аттестатъ: „*Nascentis ecclesiae Jesu Christi Apostolus, vir sapientia, doctrina vitaeque exemplo clarus, populum Boemicum fide instituit.*“ Далѣе называетъ онъ Гуса—„*discipulus Wiclephi.*“ Изъ приложеннаго списка сочиненій Гуса узнаемъ, что Оттону были извѣстны, кромѣ вышеисчисленныхъ трактатовъ, еще слѣдующіе: Объясненія на пророка Озію, Объясненія на нѣкоторые мѣста Апокалипсиса, *Septuages ad populum plures, item fragmenta quaedam*, и только. Оттонъ Брунфелзій посвящаетъ свое изданіе Лютеру и между прочимъ пишетъ ⁵: „Теперь я издаю въ свѣтъ самага величайшаго врага ⁶, какого „только имѣлъ онъ (Антихристъ, папа), а именно — Гуса, и „твердо убѣжденъ, что тѣ, которыхъ онъ поражаетъ здѣсь, „будутъ готовы снова воздвигнуть на него всю землю; а „онъ былъ, какъ тебѣ извѣстно лучше моего, мужъ знаменитый вѣрою, святостью жизни и ученостью преимущественно „предъ всѣми другими, и, что болѣе (безъ всякой зависти можно сказать), единственный и первый, который отъ имени раждавшейся Церкви дерзнулъ исповѣдать Христа предъ синагогою сатаны.“ Утѣщая Лютера къ терпѣнію и постоянству, Оттонъ ставитъ ему въ примѣръ Гуса, въ судьбѣ котораго находитъ очень много сходнаго съ судьбою Лютера. Относительно издаваемой книги Оттонъ пишетъ: „Ты, можетъ быть, спросишь, какъ „мнѣ попали въ руки эти трактаты? Такъ знай, что это длинная исторія и на первый разъ довольно будетъ, если я тебѣ „скажу, что они изъ числа перехваченныхъ книгъ Гуттена et „*quod bona fide vetustissimisque exemplaribus testari possumus, „supposititium non esse.* Болѣе говорить объ этомъ и бесполезно „и небезопасно: *utinam vero integre fuisset assignatus* (слѣд., самъ Оттонъ имѣлъ сомнѣнія на счетъ полноты попавшагося ему въ руки сочиненія)! *Nam erat adhuc alius ejusdem nominis, qui „deperiit, ad quem ille remittebat frequenter: quo dici non potest, quantum caruerimus aegre ad restitutionem. Nam multa non „cohaerebant, multa vetustate nimia erant abrasa, quaedam sic „scripta a libris, ut nesciremus, quid vellent. — In Bohemicis „quoque vehementer laboravimus ad marginem scriptis: quae quo-*

⁵ Opera Hassi t. CCCXXXIII. 2 и CCCXXXIV. 1. Tomus I.

⁶ Ago in lucem quo nunquam habuit pestilentiorum hostem Ioannem Hus.

„niam non intelleximus, multa coacti sumus praeterire. Quaedam tamen adscripsimus.“ Лютеръ, между прочимъ, отвѣчалъ на это Оттону слѣдующее: „Радуюсь, что Іоаннъ Гусъ, поистинѣ мученикъ Христовъ, является въ свѣтъ снова въ наше время и что его совершенно заслуженно причисляютъ къ лику святыхъ, хотя бы всѣ Паписты лопнули отъ досады. Дай Богъ, чтобы я достоинъ былъ того, чтобы мнѣ заслуженно были посвящены труды столь великаго мужа. — Поторопись и издай въ свѣтъ и то, что осталось, да вполне прославляется этотъ мужъ ⁷“.

Знакомый еще въ отрочествѣ ⁸ съ трудами Гуса, Лютеръ никогда не упускалъ ихъ изъ виду; но находка Оттона Брунфелзія, вѣроятно, много содѣйствовала къ тому, что Лютеръ рѣшился издать письма Гуса: онъ избралъ изъ нихъ четыре, имѣющія характеръ болѣе общій, нежели другія, и, присоединивъ къ нимъ посланіе магнатовъ и вельможъ Чехіи и Моравіи къ Костницкому Собору, издалъ въ 1536 г. Намъ сохранилось ⁹ предисловіе Лютера къ этимъ письмамъ и другое къ изданію 1537, которое заключало ли въ себѣ какія ни будь дополненія и прибавки, не знаемъ. Въ предисловіи изданія 1536 года Лютеръ говоритъ, что, издавая письма Гуса, онъ имѣетъ въ виду двѣ цѣли: первую, чтобы примѣромъ Костницкаго Собора доказать недействительность и бесполезность Собора, около того времени назначеннаго Карломъ V; вторую, чтобы сдѣлать то, что я всегда охотно дѣлаю и впередъ съ радостью буду дѣлать—клеимъ позоромъ Костницкій Соборъ, самый достойный безславія ¹⁰. Цѣль предисловія 1537—предостеречь богослововъ, отправлявшихся на папскій Соборъ, чтобы они, посто-

⁷ Op. Hussi T. I. f. CCCXXXVI. 1.

⁸ Op. Hussi T. I. f. 4. 1. Praef.

⁹ Добровскій въ Исторіи Чешской Литературы (изд. 1-е, стр. 230) говоритъ: „Первыя Латинскія письма, которыя Лютеръ съ своимъ первымъ предисловіемъ и подъ заглавіемъ: Tres (а не четыре?) Epistolae Sanctissimi Martyris Ioannis Hussi e carcere Constantiensi ad Bohemos scriptae, переведены съ Чешскаго. Также въ болѣе полномъ изданіи его писемъ (Виттенбергъ, 1537, 8) встрѣчаются еще произведенія, какъ то: intimationes и нѣкоторыя письма, также первоначально писанныя по Чешски.“

¹⁰ Op. Hussi, T. I. f. 2. 1.

янно помышляя о тиранствѣ судей Костницкаго Собора, были осторожны. Это сочиненіе Лютера, заключающее въ себѣ его мнѣніе на счетъ обстоятельствъ жизни и ученія Гуса, чрезвычайно важно, и мы возвратимся къ нему, когда будемъ говорить объ отношеніи двухъ великихъ представителей: одного представителя религіознаго движенія въ Чехіи, а другаго представителя такого же движенія въ Германіи.

Объ изданіи сочиненій Гуса въ свѣтъ первые подумали Чешскіе Братья, которые въ Литомышлѣ выдали два небольшія сочиненія Гуса ¹¹: одно, направленное противъ священника, доказывавшаго, что Гусъ хуже всякаго дьявола (1509, in 8°), а другое — извѣстный его трактатъ *О шести заблужденіяхъ* (*O sześci błędach*), 1510, in 8°. Въ числѣ запрещенныхъ Римскою Куріею книгъ, подъ 1449 стоитъ письмо Гуса къ священнику Галлу; но Добровскій не считаетъ этого года годомъ изданія самаго письма; въ томъ же Указателѣ запрещенныхъ книгъ подъ 1459 (а не подъ 1495) находимъ и другія сочиненія Гуса. Добровскій ¹² упоминаетъ еще объ изданныхъ въ 1495 г. *Passiones*, гдѣ, въ особенномъ приложеніи для Утраквистовъ, въ шестнадцати мѣстахъ изложено повѣствованіе о жизни и смерти Гуса, къ которому приложено четыре письма Гуса изъ Костница къ священнику Гавлику и др. мелкія его сочиненія. Въ 1533 г., въ 8-ку, вышло второе изданіе этихъ писемъ у Павла Северина. Изложеніе 12 Членовъ Символа Вѣры, сдѣланное Гусомъ, вышло въ 1520 въ л. Св. 1540 года начали тщательно собирать и печатать сочиненія Гуса; особенно ревностно занимался этимъ Духекъ Хмелиржъ ze Семехова ¹³. Этому любителю и собирателю Гусовыхъ сочиненій Утраквистскій священникъ церкви Св. Галла посвятилъ изданное имъ въ томъ же 1545 году сочиненіе Гуса: *Prowázek Tjrgramenný*); тогда же Быдзовскій (*Bydżowsky*) издалъ въ Прагѣ Гусову проповѣдь: о Тѣлѣ Христовомъ и Якубка слово о Тайной Вечери, оба сочиненія по Чешски и по Латыни. Въ 1554 году изданы въ Магдебургѣ двѣ проповѣди объ Антихристѣ, переведенныя на Чешскій Викториномъ Анксигиномъ. Въ 1558 го-

¹¹ Все это лежитъ на ответственности Добровскаго. — *G. der Böhm. Litt.*, стр. 226 и слѣд.

¹² *Dobrowsky's* Исторія Чешской Литтературы, изд. 2-е, стр. 226—229.

¹³ Это былъ богатый гражданинъ Стараго Города Праги.

ду вышли въ свѣтъ два огромные тома въ л. сочиненій Гуса, подъ заглавіемъ: *Ioannis Hus et Hieronimi Pragensis, confessorum Christi, historia et monumenta, partim annis superioribus publicata* ¹⁴; *partim nunc demum in lucem prolata et edita. Noribergae.*

Цѣль изданія высказана въ Предисловіи типографика: сочиненія Гуса должны были служить новымъ свидѣтельствомъ противъ Папистовъ и доказательствомъ истинности и древности оппозиціи противъ папы. Замѣчательно видѣть, какъ для Нѣмецкихъ Реформаторовъ Гусъ уже остался назади, его ученіе казалось слишкомъ мягкимъ и снисходительнымъ. Типографикъ въ Предисловіи говоритъ: „При чтеніи предлагаемыхъ здѣсь сочиненій надобно дѣйствовать осмотрительно и не терять изъ виду того, что писавшіе ихъ должны были съ большимъ трудомъ возставать (?) противъ отовсюду окружавшаго ихъ мрака. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что они дошли бы до ученія еще чистѣйшаго и болѣе святаго (которымъ было, безъ сомнѣнія, ученіе Лютера?!), если бы Богу угодно было продлить ихъ жизнь и споспѣшествовать ихъ начинаніямъ.“ Это изданіе было потребностью того времени, какъ замѣчаетъ и самъ издатель, присовокупляя къ тому, что онъ собралъ со всѣхъ сторонъ все, что относилось къ памяти *Святыхъ исповѣдниковъ и мучениковъ, Іоанна Гуса и Іеронима Пражскаго, и что было пощажено яростію Папистовъ.* Издатель надѣется присоединить въ послѣдствіи къ издаваемымъ двумъ томамъ Объясненіе Воскресныхъ Евангелій Гуса, которое по тому не могло быть тогда же издано, что его необходимо было перевести съ Чешскаго на Латинскій ¹⁵. Далѣе, издатель (Typographus) говоритъ, что относительно неизданныхъ еще сочиненій Гуса онъ

¹⁴ Cum scriptis et testimoniis multorum nobilitate, eruditione atque pietate praestantium, qui Sapetorum Martyrum doctrina praeclare instituti, tandem tractationum omnium in Synodo Constantiensi conscii, et crudelium et indignissimorum suppliciorum spectatores fuerunt. — Эпиграфъ: Vox sanguinis fratri tui clamat ad me de terra. — Издатели: типографщики Монтанъ и Нейберъ.

¹⁵ Explicatio Evangeliorum Dominicalium, e Bohemica in Latinam linguam convertenda, aliquando post adjungetur.

пользовался единственнымъ спискомъ, и то до крайности испорченнымъ. Эти два дома сочиненій Гуса необходимы при изученіи Чешскаго религіознаго движенія; они должны лежать въ основаніи каждаго изслѣдованія по этому предмету: въ нихъ находимъ сводъ, хотя не всѣхъ сочиненій Гуса, но именно тѣхъ, которые объясняютъ намъ его характеръ, какъ народнаго дѣятеля.

Можно смѣло сказать, что доселѣ ни одинъ изъ историковъ, занимавшихся этимъ предметомъ, не воспользовался богатствомъ матеріаловъ, щедро собранныхъ въ этихъ двухъ томахъ. Мы ограничимся здѣсь только перечнемъ статей, которыя въ каждомъ изъ нихъ содержатся, и краткими замѣчаніями объ ихъ относительномъ достоинствѣ. Въ послѣдствіи, показывая развитіе характера народнаго религіознаго Чешскаго движенія и постепенное его развитіе, какъ въ вѣнскихъ, такъ и внутреннихъ явленіяхъ, мы будемъ обращаться къ подробному изслѣдованію каждаго изъ сочиненій Гуса въ томъ порядкѣ, въ какомъ они появлялись, и здѣсь-то покажемъ, какую сторону и что именно изъ характера религіознаго движенія каждое изъ нихъ содержитъ и обнаруживаетъ. Сочиненія Гуса относятся къ весьма различнымъ между собою временамъ: разсматривая всѣ ихъ вмѣстѣ, легко впасть въ крайнія ошибки и заблужденія на счетъ характера Гуса; сочиненія его написаны не всѣ подъ одними и тѣми же впечатлѣніями и содержатъ, какъ мы увидимъ, мнимыя противорѣчія. Но разсматривая внутреннее содержаніе сочиненій Гуса въ порядкѣ ихъ историческаго появленія, мы, во первыхъ, узнаемъ лучше самый ходъ событій жизни Гуса и его дѣятельности, каждому періоду которой соответствуетъ извѣстное сочиненіе Гуса, и во вторыхъ, прослѣдимъ внутреннее развитіе религіозныхъ мнѣній Гуса и Чешскаго народа, которыя не всегда же однѣ и тѣ же. Какъ великія народныя движенія условлены бываютъ важными и существенными причинами, а не пустою прихотью и не незаписнымъ капризомъ, которымъ болѣе поддержаны отдѣльныя лица, такъ великія народныя идеи, какъ политическія, такъ и религіозныя, созрѣваютъ медленно и, однажды поразивъ сознание народа, производятъ перемѣну во всемъ его внутреннемъ существѣ, но онѣ не принимаютъ постоянныхъ формъ и продолжаютъ развиваться. Тутъ-то необходимы историческіе дѣятеля, какъ сосуды, проводники идеи, и дѣйствія ихъ важны, какъ вы-

раженіе этой послѣдней. Сквозь сочиненія Гуса мы прослѣдимъ, по періодамъ, переворотъ религіозный, совершавшійся въ Гусъ и Чешскомъ народѣ, и его развитіе и тѣ измѣненія, которыя въ немъ совершались и которыя внѣшнимъ образомъ высказываются въ историческихъ явленіяхъ. За первымъ изданіемъ твореній Гуса въ 1558 г. послѣдовало скоро другое, а именно, въ 1583 г., но рѣшительно безъ всякихъ поправокъ и прибавленій ¹⁶. Въ 1715 году, опять въ Нирнбергъ, послѣдовало третье изданіе сочиненій Гуса, по прежнему въ двухъ томахъ: это изданіе гораздо исправнѣе предыдущихъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и рѣже: въ немъ на поляхъ обозначены страницы предыдущихъ изданій, 1558 и 1583 г., для удобнѣйшаго отысканія ссылокъ писателей, разсуждавшихъ объ этомъ періодѣ. Послѣ оглавленія, гдѣ издатель указалъ на тѣ сочиненія Гуса, которыя были прежде изданы, и тѣ, которыя никогда прежде не являлись въ свѣтъ, слѣдуетъ извлеченіе историческихъ данныхъ, относящихся къ главнѣйшимъ событіямъ жизни Гуса и религіознаго Чешскаго движенія. За тѣмъ приведенъ тридцать первый членъ Лютера, осужденный папою Львомъ X-мъ, гдѣ говорится, что еретиковъ сжигать противно духу Св. Писанія и что сожженіе Гуса и Иеронима на Костницкомъ Соборѣ ничего не доказываетъ, потому что „*Ioannem Hus et Hieronymum, viros Catholicos, combusserunt haeretici ipsi et apostatae et Antichristi discipuli.*“ Тутъ слѣдуетъ: *epitaphium Ioannis Hussii, Apostoli et Martyris Christi Jesu*, гдѣ, между прочимъ, Гусъ названъ: *docto Vuiclephi de grege discipulus*. Далѣе, приложено изображеніе Гуса, сожигаемаго на кострѣ: онъ представленъ среди пламени, въ шапкѣ съ изображеніемъ драконовъ, въ одной рубашкѣ, прикованный у пояса и у шеи къ столбу цѣпями, правая нога обнажена, а лѣвая въ обуви; лицо совершенно не походитъ на обыкновенно изображаемые портреты Гуса; вверху изображенія и внизу его стихи, гдѣ прославляется память Гуса, показывающіе, что ихъ сочинялъ какой ни будь Чехъ ¹⁷.

¹⁶ *Wilhelmi Seyfridi Norimbergensis Commentatio de Iohannis Hussi Martyris vita, fatis et scriptis*, p. 285 sqq.

¹⁷ Вотъ эти стихи, очень замѣчательные:

На первомъ листѣ перваго Тома встрѣчаемъ: *Historia sanctissimi Martyris Ioannis Hus, digna quae a piis hominibus cognoscatur* (f. I—XXIX). Она была издаваема нѣсколько разъ и прежде, какъ увидимъ ниже при изслѣдованіи, кому принадлежитъ редакція этого сочиненія. Неизвѣстный сочинитель говоритъ въ началѣ: „Отъ насъ не должно ожидать полнаго жизнеописанія Гуса, хотя этотъ мужъ въ высшей степени достоинъ, чтобы сохранивъ всѣ малѣйшія, до него относящіяся, подробности. Мы имѣемъ въ виду изложить самымъ простымъ и краткимъ образомъ только то, что случилось во время путешествія Гуса въ Костницъ и во время, тотчасъ за тѣмъ послѣдовавшее.“ Въ концѣ находимъ слѣдующія слова сочинителя: „Очень хорошо знаю, что весьма слабо изобразилъ въ этомъ сочиненіи страданія пресвятаго (*sanctissimi*) мученика, Св. Іоанна Гуса, и его многотрудные подвиги, въ сравненіи съ которыми ничтожны кажутся хваленые подвиги Геркулеса. Тотъ древній Геркулесъ побѣдилъ нѣсколько чудовищъ, но нашъ Геркулесъ съ удивительною твердостью духа вызвалъ на бой и побѣдилъ міръ, мать всѣхъ чудовищъ и отвратительнѣйшихъ гадовъ. Предметъ заслуживалъ бы изложенія болѣе краснорѣчиваго, но, не могши ничего сдѣлать болѣе, предлагаю благочестивымъ душамъ самую истину, потому что я не отъ другихъ слышалъ объ этомъ, но лично присутствовалъ при всемъ повѣствуемомъ и записалъ, какъ могъ, да какимъ бы то ни было образомъ сохранился память святѣйшаго мужа и проповѣдника чистой Евангельской истины.“ Что касается до этого труда, то онъ представляетъ чрезвычайно богатую массу важныхъ матеріаловъ: здѣсь не только въ самомъ подробномъ видѣ узнаемъ всѣ дѣйствія Гуса предъ Костницкимъ Соборомъ, но и получаемъ

Albicolas niveo vincens candore volucres

*Candorem spurco vellicet ore
tuum.*

Salve Boioemis, anser amande, tuis :

*Nulla sed Boemis, nec erit prae-
stantior ales,*

Te manet aeternum decus, et memorabile nomen,

*Conferri viva quae tibi voce
queat.*

Quod furor, aut aetas tollere nulli potest.

*Grege avium vanis oblectat can-
tibus aures,*

Atra licet cornix furtivis abdita pennis,

*Tumentes niveo pectore, et
ora pias.*

изъ отвѣтовъ самаго Гуса объясненія многихъ важныхъ фактовъ его предшествовавшей жизни. Это сочиненіе невольно вселяетъ къ себѣ полную довѣренность, какъ чуждое всякой полемической формы: это простой, голословный перечень всего, что случилось на Костницкомъ Соборѣ относительно Гуса: здѣсь говорить факты за себя. Записавшій совершенно уничтожилъ свою личность и не позволилъ себѣ ничего прибавить: онъ даже не произнесъ ни одного браннаго слова ни на императора, ни на отцевъ Собора. Правдивость, откровенность и хладнокровіе — вотъ черты этого труда, и если бы мы имѣли подобное сочиненіе относительно всего поприща дѣятельности Гуса, то намъ ничего болѣе не оставалось бы желать.

2. *Explicatio Symboli, Decalogi, Orationis Dominicae, cum aliis quibusdam scriptis de peccato mortali, de matrimonio, de cognitione et dilectione Dei, de tribus hostibus hominis, et septem peccatis mortalibus, de poenitentia, de sacramento corporis et sanguinis Domini, quae omnia in carcere in gratiam custodum composuit* (f. XXIX—XLII). Эти трактаты всѣ вмѣстѣ составляютъ ²¹, такъ называемый, Катехизисъ Гуса; они очень мало замѣчательны въ историческомъ отношеніи, но чрезвычайно важны въ догматическомъ и нравственномъ.

3. *De sanguine Christi sub specie vini a laicis sumendo, quaestio Magistri Ioannis Hus, quam Constantiae conscripsit, priusquam in carcerem conjiceretur.* Отвѣтъ на вопросъ: *Utrum expediat laicis fidelibus sumere sanguinem Christi sub specie vini?* (f. XLII—XLIV). Это сводъ мѣстъ Св. Писанія и Св. Отцевъ въ пользу утвердительнаго рѣшенія вышепредложеннаго вопроса: сочиненіе въ высшей степени важное во всѣхъ отношеніяхъ.

4. a) *I. Hus De sufficientia legis Christi ad regendam Ecclesiam, positio Magistri Ioannis Hus, quam sibi collegerat, volens in Concilio Constantiensi, si sibi data fuisset audientia, intentionem suam publice declarare* (XLIV—XLVIII). b) *I. Hus Sermo de fidei suae elucidatione, quem intendebat in Concilio Constantiensi proponere.* (XLVIII—LII). c) *Sermo Mag. I. Hus de pace, quem etiam intendebat praedicare in Concilio Constantiensi* (f. LII—LVII). Всѣ важны въ догматическомъ отношеніи.

²¹ *Seyfridi Commentatio: Hi tractatus conjunctim Catechismus Hussi vocari solent; p. 155.*

5. *Epistolae Ioannis Hus et aliorum sub tempus Concilii Constantiensis scriptae* ¹⁹: онъ занимаютъ въ первомъ томѣ отъ л. 57 до листа 86; ихъ числомъ 68, но не всѣ они принадлежатъ Гусу. Въ изданіи Твореній Гуса, они раздѣлены на два отдѣла: одни, писанныя Гусомъ прежде его заключенія въ темницу, числомъ 9, а другія, написанныя въ темницѣ. Къ числу первыхъ относятся: 1) Магистру Мартину, письмо, написанное Гусомъ еще до отъѣзда въ Костницъ; 2) письмо прощальное къ Чехамъ предъ отъѣздомъ на Костницкій Соборъ; 3) письмо изъ Нирнберга; 4) письмо, писанное по Чешски и по Латынѣ и принадлежащее, если вѣрить надписанію, Іоанну изъ Яновицъ, одному изъ лицъ, провожавшихъ Гуса въ Костницъ; 5) письмо Гуса, къ друзьямъ изъ Костница; 6) письмо Гуса оттуда же; 7) письмо Гуса къ народу, писанное уже въ 1415 г. и, слѣдственно, изъ темницы; 8) письмо Гуса къ Пражанамъ, которое содержитъ общія увѣщанія остаться вѣрными истинѣ; 9) письмо Гуса къ нѣкому священнику объ обязанностяхъ его сана. Тутъ (f. LIX) П. слѣдуютъ: *Epistolae, quas conscripsit M. Ioannes Hus, anno 1415 in carcere Constantiae apud Minores, ad Bohemos, cum sumnariis eorundem, ex Bohemico versis*: 1) письма Іоанна Гуса къ своимъ послѣдователямъ вообще; наставительнаго содержанія — отъ 10 до 15-го письма включительно; 2) письмо Гуса къ священнику Гавлику (XVI); 3) письмо Гуса къ Магистру Христану; 4) письмо Гуса къ Пражскому Университету; 5) прощальное письмо Гуса къ его благодѣтелямъ; 6) прощальное письмо Гуса ко всему Чешскому народу; 7) письма Гуса къ Чехамъ, его провожавшимъ въ Костницъ (21, 22, 23 и 24, 27 и 29); 8) письма Гуса, къ его друзьямъ въ Чехіи: Лидерію, Генриху изъ Скопова, ученику своему, Мартыну (25, 26, 28 и 42); 9) письма Гуса вообще къ его послѣдователямъ, гдѣ онъ изображаетъ состояніе своего духа и внутреннія страданія, имъ переносимыя (30, 32 и 33); 10) письма Гуса, относящіяся къ разнымъ обстоятельствамъ его борьбы съ Соборомъ: 1) къ первой аудіенціи, данной ему Соборомъ относится письмо 31-е; 2) къ отношеніямъ Гуса и Сигисмунда относится письмо 35-е; 3) ко второй аудіенціи Гуса передъ

¹⁹ Письма Гуса составляли любимое чтеніе Гуситовъ и Лютеранъ, и были издаваемы нѣсколько разъ; мы уже говорили о двухъ изданіяхъ ихъ, надъ которыми трудился самъ Лютеръ.

Соборомъ письмо 36; 4) къ отношеніямъ Гуса и Кардинала Гостійскаго относятся письма 38, 39 и 40. II). Письма Гуса, содержащія изложеніе его собственнаго нравственнаго положенія и его мнѣній—37 и 41. За тѣмъ, на л. 71, читаемъ: *Epistolas sequentes scripsit M. I. Hus de carceribus, in quibus primum de- tentus fuit apud fratres Praedicatores in stageo Constantiensi extra muros civitatis*. Эти послѣднія письма, которыхъ числомъ 15, составляютъ часть переписки Гуса съ его друзьями Чехами, бывшими въ Костницѣ, а именно, съ Хлумомъ, Петромъ нотаріусомъ, и иными. Здѣсь, среди писемъ Гуса, находятся три письма къ нему, одно Петра нотаріуса, другое Іоанна Хлума и третье друзей Гуса вообще. Письма Гуса исполнены высокаго значенія: безъ нихъ невозможно опредѣлить характеръ Гуса и того религіознаго движенія, котораго онъ самъ былъ главнымъ дѣятелемъ. Это не письма частнаго человѣка, имѣющія предметомъ только его частныя нужды, а письма человѣка, играющаго великую историческую роль, человѣка, исполненнаго сознаніемъ важности своего назначенія. Въ письмахъ Гуса видимъ внутреннюю сторону религіознаго движенія, проникаемъ въ изгибы сердца великаго дѣятеля: здѣсь онъ раскрываетъ предъ своими друзьями всю свою душу, всѣ свои помысленія, не думая, чтобы онѣ могли быть когда ни будь извѣстны потомству. И что же? Нельзя безъ глубокаго чувства, безъ умиленія, читать эти сердечныя изліянія великаго Гуса его друзьямъ: такъ чисты, такъ благородны они, такъ неожиданно поражаютъ душу читателя, настроеннаго на пониманіе всего прекраснаго; здѣсь только узнаемъ вполне прекрасный характеръ Гуса, сосудъ религіозныхъ мнѣній его и народа Чешскаго, съ которымъ онъ имѣетъ одни и тѣ же помыслы, одни и тѣ же чувства. Кромѣ этого общаго интереса, письма Гуса имѣютъ и частный: одни изъ нихъ объясняютъ намъ отношеніе Гуса и Чеховъ къ императору и Собору, другія содержатъ его нравственно-религіозныя размышленія и совѣты; но все это представляетъ важность второстепенную главное то, что мы узнаемъ изъ писемъ Гуса духъ этого великаго человѣка и религіознаго движенія, во главѣ котораго онъ шелъ. Подлинность и достовѣрность писемъ Гуса неподвержена сомнѣнію: они были собраны другомъ Гуса, нотаріусомъ Петромъ, который счелъ нужнымъ присоединить къ нимъ свое свидѣтельство, которымъ тождественность писемъ Гуса поставлена внѣ всякаго со-

мнѣнія ²⁰. За тѣмъ въ твореніяхъ Гуса помѣщены нѣкоторые акты, относящіеся къ дѣятельности Гуса и его послѣдователей: 1) *Litterae quaerimoniales de injuria Papae*, quas Dominus Ioannes de Chlum in lingua Latina et Teutonica cum suo sigillo affixit valvis ecclesiarum Constantiae; 2) *Epistola Baronum regni Bohemiae*, quam scripserunt Romanorum et Hungariae Regi Sigismundo ad Constantiam (1414); 3) *Alia Baronum epistola ad eundem* — (1415); 4) письмо Бароновъ Чехин и Моравин, собравшихся въ Бърнъ и требовавшихъ, чтобы Гусу дана была аудіенція; 5) *Syngrapha quaedam Magnatum et Procerum regni Bohemiae et Marchionatus Moraviae*, circiter sexaginta, qua promittunt se communi opera veram Evangelii doctrinam, in Constantiensi Concilio damnatam, summo studio defensuros esse (1415); 6) Письмо Магнатовъ, Бароновъ и Вельможъ, подписанное болѣе нежели тысячу благородныхъ людей, воиновъ и гражданъ; 7) Посланіе Собора къ Чехамъ; 8) Посланіе Собора къ Моравцамъ; 9) *Testimonium Universitatis Pragensis de doctrina et vita Ioannis Hus*; 10) *Summaria ratio fidei totius communitalis Pragensis*; 11) *Archiepiscopus Pragensis scribit Regi Ungariae, renunciando omnibus juramentis, quibus se illi obstrinxerat*; 12) *Invectiva quorundam amicorum Ioannis Hus, quod Concilium Constantiense injuste damnaverit eum*. Важность этихъ актовъ видна уже изъ самихъ надписей: особенно замѣчательны и въ историческомъ отношеніи полезны: 5 й, 6 й, 9 и 10 й.

6. Sequitur narratio et scripta quaedam reverendi viri M. Ioannis Hus, quibus occasiones, initia et progressus certaminum ipsius cum factione Pontificia explicantur, quorum omnium aliquoties in Historia Synodi et epistolis mentio facta est. Ordo procedendi in causa M. Ioannis Hus, per ipsum signatus, cum aliquot Pontificum ac legum sententiis, ab ipso adjectis, de non comparendo coram iudicibus suspectis, et in loco minus securo. Здѣсь раскрываются отношенія Гуса къ Сбинку, Архіепископу Пражскому, и споръ его съ нимъ по случаю сожженія книгъ Вилкеса (LXXXVI—LXXXIX). Сюда же относится и слѣдующее за тѣмъ сочиненіе: *Tenor appellationis Magistri Ioannis Hus, cum sibi adhaerentibus, a sententia*

²⁰ Opera Hus — t. I. f. LXXV: I. *Testimonium Petri Notarii* (носаѣ 56 письма): *Istae cartae praemissae, omnes sunt de schedulis Magistri Ioannis Hus de manu ipsius scriptis bona fide redditae. Respondent enim de verbo ad verbum cum suis originalibus.*

Archiepiscopi Pragensis, contra combustionem librorum Ioannis Vuirgleff, et contra alia, in eadem appellatione contenta, ad sedem Apostolicam (LXXXIX — XCIII.).

7. *Epistolae aliquot Ioannis Hus, tempore anathematis et interdicti Pontificii scriptae.* Они всѣ принадлежатъ Гусу, за исключеніемъ пятнадцатаго, гдѣ одинъ Виклефовъ ученикъ, саномъ священникъ, подкрѣпляетъ Гуса и его послѣдователей къ борьбѣ противъ злоупотребленій, вкравшихся въ Церковь. Изъ четырнадцати писемъ собственно Гуса 8 обращено къ вѣрнымъ, находящимся въ Прагѣ (*fidelibus, qui Pragae sunt*), одно къ вѣрнымъ городъ Лунъ, одно къ Кардиналамъ, четыре къ разнымъ инымъ лицамъ (XCIII—CII). — Стоитъ только сравнить письма Гуса изъ Костница съ его письмами, относящимися къ времени, когда онъ, принужденный оставить Прагу, потерпѣвшую за него папское запрещеніе, чтобы тотчасъ увидѣть безконечную перемѣну, происшедшую въ образѣ мыслей Гуса и въ его направленіи, а равно и въ направленіи религіознаго движенія, котораго онъ былъ самымъ вѣрнымъ представителемъ. Тщательное и долговременное чтеніе всѣхъ сочиненій Гуса, какія только мы могли имѣть, а равно и знакомство со всѣми явленіями, въ которыхъ вырывалось наружу преобразование, совершавшееся въ умѣ и расположеніи народами, привело насъ къ тому выводу, что Чешское религіозное движеніе, начавшись съ глубокаго негодованія, причиненнаго страшною безнравственностью духовенства, а еще болѣе его наглымъ обхожденіемъ со всѣмъ, что Чешскій народъ привыкъ считать святого, и съ беззотчетной ненависти къ нему и его вѣншимъ дѣйствіямъ богослуженія, начинало возвращаться къ народнымъ источникамъ, къ силамъ духа народнымъ въ постепенномъ своемъ ходѣ. Приготовленный къ живому воспріятію всего, что только вооружалось противъ наглости духовенства, Чешскій народъ жадно принималъ въ себя все, что только приносило ему хотя минутное облегченіе, все, что удовлетворяло на первый разъ его негодованію; но мало по малу Чешскій народъ обратился къ своему собственному духу и вынесъ изъ него неотразимые и страшные вопросы, которые заставили содрогнуться папу на его престолѣ. Не забудемъ и того, что народный Чешскій вопросъ о пріобщеніи Св. Таниъ подъ обоими видами только тогда коснулся сознанія народнаго, когда близорукіе отцы Костницкаго Собора думали, что имъ нечего опасаться дальнѣйшихъ

движеній Чешскаго народа, потому что они обманомъ и кривою заманили къ себѣ Гуса. Нѣтъ сомнѣнія, что ученіе Виклефа глубоко подѣйствовало на Чешскій народъ, но оно дѣйствовало недолго, оно изрыло внутренній составъ народа и коснулось жизненныхъ силъ Чешскаго народа. Ученіе Виклефа не могло удовлетворить требованіямъ Чешскаго народа: оно только поманило ихъ къ себѣ и тѣмъ условило ихъ развитіе. Гусъ потому-то и великъ, что онъ совлекъ свой личный характеръ и свои личныя убѣжденія, что онъ отказался отъ дѣятельности самостоятельной, что онъ рѣшился быть органомъ мнѣній своего народа, сосудомъ его убѣжденій. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ съ горячностью принялъ мнѣнія Виклефа, какъ утолившія хотя на минуту его безконечную жажду къ обличенію существовавшего порядка вещей; но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что въ послѣдствіи онъ приблизился болѣе къ религіознымъ потребностямъ Чешскаго народа и что изъ мнѣній Виклефа онъ удержалъ только тѣ, которые соответствовали народному развитію. Чрезвычайное непониманіе характера всего религіознаго Чешскаго движенія обнаружилъ бы тотъ, кто сталъ бы видѣть въ Гусѣ реформатора, изъ глубины духа высказывающаго свои личныя мнѣнія и силою краснорѣчія и твердостью воли невольно увлекающаго за собою умы слушателей, или вообще современниковъ. Гусъ не имѣлъ личныхъ мнѣній и убѣжденій: его мнѣнія и мнѣнія народа Чешскаго были одни и тѣ же, и потому въ ученіи Гуса, живомъ изліяніи глубоко страждущаго Чешскаго сердца, нѣтъ неподвижности, нѣтъ рѣзкихъ и постоянныхъ пунктовъ; этимъ-то объясняется различіе, которое встрѣчаемъ въ первыхъ сочиненіяхъ Гуса, написанныхъ подъ вліяніемъ Виклефа, и въ послѣдующихъ, на пр., писанныхъ въ Костницѣ. Только самый тупой и въ мелочахъ растерявшійся взоръ не примѣтитъ той постепенности въ сочиненіяхъ Гуса, по которой онъ, отправившись отъ религіозныхъ положеній Виклефа, пришелъ къ тѣмъ религіознымъ мнѣніямъ, которыя наиболѣе удовлетворяли потребностямъ Чешскаго народа. Такъ Гусъ гораздо мягче, снисходительнѣе кажется въ письмахъ изъ Костница, чѣмъ въ нынѣ нами разбираемыхъ: въ первыхъ онъ ближе къ народу, а во вторыхъ онъ богословъ-мистикъ.

8. De libris haereticorum legendis (CII—CVIII): простой сводъ мѣстъ Св. Писанія въ пользу утвердительнаго рѣшенія предложеннаго въ заглавіи вопроса.

9. Actus pro defensione libri Ioannis Wiclef de Trinitate Sancta, publice celebrata an. 1410 (CV—CVIII).

10. Два сочинения въ защиту Виклефа: 1) Replica Magistri Ioannis Hus contra Anglicum Ioannem Stokes, Viclephi calumniatorem (Октябрь 1411); 2) Defensio quorundam articulorum Ioannis Wicleff (1412) (CVIII — CXVII).

11. De ablatione temporalium a clericis, determinatio Ioannis Hus (1412), (CXVII—CXXV): въ высшей степени замѣчательное, равно какъ и послѣдующее:

12. De decimis (1412) (CXXV—CXXXV).

13. Replica contra occultum adversarium (1412) (CXXXV—CXLIV).

14. Replica contra praedicatorem Plznensem (1412) (CLIV—CXLIX).

15. Quaestio Magistri Ioannis Hus de arguendo clero pro concione (CXLIX — CLIV).

16. De quinque officiis sacerdotis (CLIV).

17. Determinatio quaestionis, cum suo tractatulo, de omni sanguine Christi glorificato, per Ioannem Hus (CLIV—CLXIII).

18. De corpore Christi (CLXIII—CLXVIII).

19. De tribus dubiis factis in Holomutz, quae idiotae asserunt pro vero et tanquam fidem, anno Domini 1412 (CLXVIII—CLIX).

20. Quaestio de credere (CLXIX—CLXXI).

21) Сочинения Гуса и вообще бумаги относительно индульгенцій папы Иоанна XXIII; сюда относятся четыре акта: 1) Bulla indulgentiarum Papae Ioannis XXIII pro subsidio contra Ladislaum, Regem Apuliae, Pragam allata 1412. 2) Alia bulla commissariis data de erectione crucis contra Ladislaum, continens remissionem omnium peccatorum a poena et a culpa. 3) Quaestio Magistri Ioannis Hus, disputata ab eo anno Domini 1412 post Viti de indulgentiis sive de cruciata Papae Ioannis XXIII, fulminata contra Ladislaum, Apuliae Regem. 4) Ioannes Hus contra bullam Papae Ioannis XXIII, in qua erexit crucem contra Ladislaum, Regem Apuliae, Replica, facta post Viti, post sanctam Synodum, an. 1412 (CXXXI—CXCI). Все эти акты и трактаты имѣютъ чрезвычайно важное историческое значеніе.

22) Opusculum Magistri Ioannis Hus, de sex erroribus compilatum atque cura ipsius parietibus Bethlehemiticis inscriptum, an. 1413 (CXCI — CXCVI).

23) Tractatus Magistri Ioannis Hus *de Ecclesia*, quem collegit an. D. 1413 et est pronuntiatus publice in civitate Pragensi (CXCVI—CCLV). Безспорно, самое важное сочиненіе Гуса.

24) 1. Responsio Magistri Ioannis Hus ad scripta M. Stephani Paletz, Theologiae Doctoris; 2. Responsio ad scripta M. Stanislai de Znoyma, Doct. Theologiae; 3) Refutatio (Ioannis Hus) scripti octo Doctorum Theologiae. За тѣмъ слѣдуетъ: Repetitio Magistri Ioannis Jessinetz, Doctoris juris Canonici, pro defensione causae Magistri Ioannis Hus, scripta anno 1112, die 16 mensis Decembris (CCLV—CCCXXXIV).

25) Мнимыя сочиненія Гуса: 1) De Antichristo et membrorum ejus anatomia; 2) De regno, populo, vita et moribus Antichristi (CCCXXXVI — CCCXXV). Эти два сочиненія перепечатаны издателями по Оттону Брунфелзю, котораго два предисловія и отвѣтъ Лютера присоединены здѣсь. 3) De sacerdotum et monachorum abhorrenda abominatione desolationis in ecclesia Christi. Tractatio loci ex Oseae cap. V. Издатели присоединили къ этому трактату 41 главу, нигдѣ прежде не напечатанную (отъ 46 до 87) (CCCLXXV — CCCCLXXII).

26. За тѣмъ слѣдуетъ нѣсколько малыхъ сочиненій, обыкновенно Гусу приписываемыхъ: 1) De abolendis sectis et traditionibus hominum; 2) De perniciie traditionum humanarum; 3) De unitate ecclesiae et schismate, съ предисловіемъ Оттона Брунфелзія. „Уже изъ этой одной книги читатель Христіанинъ узнаетъ, что І. Гусъ „далеко не былъ еретикомъ и что онъ безвинно осужденъ тѣми „поджигателями и палачами. Можно ли написать что нибудь бо- „лѣе въ духъ Христіанскомъ? Существуетъ и другое твореніе „Гуса, но гораздо большаго объема, хотя подъ схожимъ назва- „ніемъ: это доказываетъ, что оно не можетъ не быть подлин- „нымъ, хотя, къ величайшему несчастію, единственный, до насъ, „дошедшій, списокъ испорченъ и неполонъ. Этимъ мы обязаны „тѣмъ же истребителямъ и тиранамъ; ибо что удивительнаго, если, „изведши самаго мужа, они сочиненія его изгнали изъ всѣхъ би- „бліотекъ?“²¹ 4) De evangelica perfectione, съ небольшимъ предисловіемъ Оттона Брунфелзія, гдѣ объясняется содержаніе этого трактата, затемненнаго въ началѣ отсутствіемъ нѣсколькихъ главъ; 5) De mysterio iniquitatis Antichristi fragmentum. Въ краткомъ предисловіи Оттонъ Брунфелзій говоритъ, что рукопись, откуда онъ заимствовалъ этотъ отрывокъ, была совершенно испорчена и предурно написана. „Думаю, продолжаетъ онъ, что это вы-

²¹ Opera Hussi T. I. p. 445, 2.

„писки какого ни будь студента изъ значительнаго сочиненія , „котораго заглавіе было: De mysterio iniquitatis Antichristi.“ Раздѣленіе на главы этого отрывка принадлежатъ Оттону : дотоле не было никогда раздѣленія и все было написано сплошь ; 6) De revelatione Christi et Antichristi, fragmentum 2. И этотъ отрывокъ найденъ Оттономъ въ очень испорченной и неполной рукописи; 7). Quaedam fragmenta (какъ бы Ioannis Hus). Оттонъ считаетъ ихъ простыми выписками для памяти изъ иныхъ, болѣе значительныхъ, сочиненій (CCCCCLXXII — CCCCCI). — Изъ многочисленныхъ сочиненій Гуса, которымъ мы упомянули только названіе, часто другихъ перепечатываемы въ Германіи и болѣе другихъ находили себѣ слушателей его сочиненія полемическія, или тѣ, въ которыхъ онъ вооружается противъ злоупотребленій духовенства и особенно папы; такъ издатели твореній Гуса говорятъ, что еще прежде, нежели они принялись за свой трудъ, были напечатаны: 1) Historia Hussii in Concilio Constantiensi; 2) Epistolae Ioannis Hus et aliorum; 3) Tractatus de corpore Christi; 4) Tractatus de Ecclesia; 5) Всѣ сочиненія относительно Антихриста были особенно часто издаваемы; 6) Мелкія сочиненія Гуса, численныя у насъ подъ NO 22. Много упрекали издателей твореній Гуса въ томъ, что они помѣстили ихъ не въ порядкѣ, а на удачу, гдѣ какое пришлось. Мы думаемъ, что эти обвиненія напрасны: принять при изданіи сочиненій Гуса основаніемъ ихъ размѣщенія то время, когда каждое изъ нихъ вышло, невозможно, отчасти потому, что время написанія нѣкоторыхъ сочиненій Гуса очень сомнительно, а отчасти потому, что къ одному и тому же году относится множество сочиненій, которыхъ пришлось бы распределять по мѣсяцамъ и днямъ. Относительно содержанія также нельзя подвести Гусовыхъ сочиненій подъ опредѣленные разряды: всѣ они болѣе или менѣе соединяютъ въ себѣ элементы: богословскій и историческій. Это условливаетъ ихъ важность и значеніе для историка, потому что нѣтъ ни одного сочиненія, которое сплошь было бы посвящено вопросамъ богословскимъ: во всѣхъ изъ нихъ есть историческія указанія и намеки. Потому ихъ невозможно иначе съ пользою разсматривать и изучать, какъ въ связи съ самою жизнью Гуса. Гусъ былъ Славянинъ по своему характеру: какъ всѣ Славянскіе дѣятели въ области умственной, онъ не пристрастенъ къ умствованіямъ и схоластическимъ тонкостямъ, составлявшимъ тогда все богословіе; онъ ищетъ

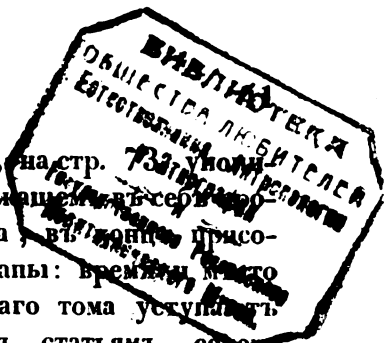
въ высокихъ отвлеченныхъ вопросахъ ихъ *практической стороны*, ихъ вліянія на жизнь. Потому при изученіи его дѣятельности невозможно отдѣлять его слова отъ его дѣйствія: одно объясняетъ и дополняетъ другое.

Во второмъ томѣ *Operum et Monumentorum Ioannis Hus et Hieronymi Pragensis*, которымъ, къ несчастію, мы не могли пользоваться, находятся слѣдующія статьи ²²: 1) *Historia gestorum Christi ex quatuor Evangelistis in unum collecta et secundum tres annos praedicationis ejus distincta*, f. 1. 2) *Historia passionis Christi ex IV Evangelistis in unum collecta et scholiis illustrata*. 3) *Edidit etiam conjunctim Conciones Synodicas IX, quas habuit diversis temporibus ad clerum, ejusque vitia et impietatem in illis maximo verborum pondere depingit Hussius* ²³. 4) *Explicatio in VII priora capita 1. Ep. Pauli ad Corinthios* (f. LXXXIII.). 5) *Commentarii in epistolam Jacobi, Petri, Ioannis, Iudae Apostoli, sive in epistolas Apostolorum canonicas septem* (f. CV). 6) *Enarratio Psalmi 109, 108 et 9 sequentium Psalmorum* (f. CCXXIX). 7) *De corpore Christi in Sacramento altaris, quod non creetur, neque incipiat esse, contra quosdam crassiores Papistarum errores*. 8) *De adoratione et contra imaginum adorationem*. 9) *Narratio historica de condemnatione et supplicio Ioannis Hus in Synodo Constantiensi* (f. CCCXLIV). 10) *Carmen de cena Domini*. 11) *Commentarius in Oseam et Ezechielem prophetam*. Здѣсь тотъ, у кого мы заимствуемъ содержаніе втораго тома твореній Гуса, замѣчаетъ: „Ab aliis hoc scriptum allegatur sub hoc titulo: „Loca aliquot ex Osee et Ezechielis Prophetis c. 5 et 8 de abhorrenda sacerdotum et monachorum Papisticorum in ecclesia Christi abominatione eorumque impietate detestanda,“ et scriptum hoc idem est cum illo, cujus supra (при первомъ томѣ) mentionem fecimus ²⁴. Въ 1520 году въ Виттенбергѣ, безъ имени Гуса, вышелъ „*Commentarius in Apocalypsin*,“ который многіе ему приписывали, но большая часть ученыхъ въ послѣдствіи согласились съ тѣмъ мнѣніемъ, что этотъ комментарий принадлежитъ Іоанну Парвею, ученику Вилкеса. Бю-

²² *Seyfridi Commentatio de vita Ioannis Hus*, p. 290.

²³ Здѣсь мы пропустили сочиненіе Гуса: *De dictis Scripturae sermones 28 ad populum* — in bibliotheca Huttenica inventi et anno 1524 editi. In his sermonibus Antichristus describitur (*Seyfrid* p. 290).

²⁴ *Seyfrid*. p. 288.

неманнъ въ своемъ каталогъ рѣдкихъ книгъ, на стр. 131, упоминаетъ о третьемъ томъ твореній Гуса, содержащемъ въ себѣ проповѣди его къ народу касательно Антихриста, въ концѣ присоединено сравненіе ученій Иисуса Христа и папы: время и мѣсто изданій этой книги неизвѣстны. Статьи втораго тома уступаютъ своею важною и историческимъ значеніемъ статьямъ, содержащимся въ первомъ томѣ: первая болѣе догматическаго содержания, но все же нельзя не пожалѣть объ отсутствіи втораго тома, ибо и въ немъ мы нашли бы разбросанныя черты характера религіознаго Чешскаго движенія, котораго Гусъ былъ только сосудомъ; особенно жаль, что мы не могли дополнить тѣхъ пропусковъ въ развитіи Гуса и его мнѣній, которыхъ избѣжать невозможно при особенностяхъ движенія религіозныхъ мнѣній въ Гусѣ: каждому малѣйшему измѣненію направленія ихъ, соответствуетъ и новое твореніе Гуса. Гусъ писалъ не только для того, чтобы писать, а по неотразимому внутреннему побужденію, которое постоянно подстрекало его къ изслѣдованію истины. Гусъ въ высшей степени народный Чешскій проповѣдникъ, и его творенія суть памятники высокой умственной и нравственной гражданственности этого народа, народа Чешскаго; потому сильно ошибется тотъ, который будетъ разсматривать Гуса, какъ самостоятельнаго дѣятеля; какъ явление всемірной исторіи, Гусъ получаетъ высокую неотразимую важность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весь Чешскій народъ, которому Гусъ всѣмъ обязанъ. Поблагодаримъ же трудолюбивыхъ типографщиковъ Нирнбергскихъ, Іоанна Монтана и Ульриха Нейбера, за то, что они создали, сами того не зная, вѣчный памятникъ великому и столь несправедливо униженному Чешскому народу, который, подъ гнетомъ самыхъ тяжкихъ обстоятельствъ, обнаружилъ такое великое и благородное развитіе силъ, достигъ такого высокаго нравственнаго образованія, какого ни одинъ иной народъ. Наше время, болѣе нежели какое иное, сознало вполнѣ права каждого чело-вѣка, признало пустоту вѣншихъ общественныхъ различій и установило только различіе, основанное на степени духовнаго образованія каждого лица, наше время потерпѣло ли и въ исторіи абсолютизмъ нѣкоторыхъ народовъ надъ другими, дозволить ли, чтобы нѣкоторые народы незаконно присвоивали себѣ монополію развитія духовнаго, чтобы преимущественно предъ другими, не уступающими имъ силою и благородствомъ духа,

но бесконечно превосходящими ихъ скромностью, эти привилегированные народы требовали вниманія челоуѣчества, какъ мнимые его единственные представители въ его внутреннемъ развитіи? Строгія и безпристрастныя изслѣдованія показываютъ, что Русь и до Петра Великаго не была, какъ думали на Западѣ, Татарскою державою, гдѣ народъ жилъ только прозябательною жизнью, гдѣ все, что еще оставалось жизненнаго въ его развитіи, удалилось въ голову, и гдѣ подъ гнетомъ Азіатскаго деспотизма задавлено было всякое самостоятельное движеніе силъ народа, но что она постоянно дѣйствовала по законамъ высшаго духовнаго развитія, осуществляла ихъ въ себѣ и представляла игру самыхъ благородныхъ силъ, высшихъ потребностей духа челоуѣческаго. *Пора вникнуть попристальнѣе и въ исторію иныхъ Славянскихъ племенъ*, и въ ней, отдѣливъ выпытныя, бесконечно разнообразныя, явленія, найдемъ *развитіе*, найдемъ *высокую степень внутренняго образованія*. Но удѣломъ Славянскаго племени было только дѣйствовать, а удѣломъ Германскаго дѣйствовать и говорить за себя, и тѣмъ только можно объяснить взаимныя ихъ отношенія, которыя безпристрастно изслѣдовать принадлежитъ наконецъ, намъ, Славянскимъ писателямъ.

Въ Нирнбергѣ, въ 1563 году, напечатано было собраніе Чешскихъ проповѣдей (Postille) Гуса, гдѣ присоединено нѣсколько иныхъ мелкихъ сочиненій его, но, какъ Добровскій замѣчаетъ, издатели не воспользовались многими, доступными имъ, сочиненіями Гуса ²⁵. Въ слѣдующемъ году (1564), неизвѣстно гдѣ, вышло второе изданіе Гусовыхъ Проповѣдей и при немъ Прибавленіе, содержащее Воскресныя посланія Якубка. Нѣкоторые писатели приписывали Гусу переводъ Чешской Библии; по Чехи имѣютъ изъ XIII стол. Псалтырь, изъ XIV Новый Заветъ и нѣкоторыхъ Пророковъ: очень можетъ быть, какъ думаетъ Добровскій, что Гусу принадлежитъ первая редакція Библии, что онъ дополнилъ недостававшія книги ея, исправилъ языкъ уже переведенныхъ и издалъ тѣ и другія вмѣстѣ. Многія сочиненія Гуса написаны на Чешскомъ языкѣ, особенно тѣ, которыя имѣли цѣлью наставленія народу: таковы объясненія Десяти Заповѣдей и Воскресныхъ Евангелій. Неподвержено сомнѣнію и то,

²⁵ Dobrowsky's Geschichte der Böhm. Litt. S. 143.

что Гусъ перевелъ на Чешскій Тріалогъ Виклефа: на стѣнахъ Виолеема, народной Чешской церкви, былъ написанъ трактатъ о шести заблужденіяхъ, составленный Гусомъ; многія духовныя пѣсни принадлежать безспорно Гусу. Нѣтъ сомнѣнія, что Чешскихъ сочиненій Гуса далеко болѣе, нежели Латинскихъ, но ни тѣ, ни другія вполнѣ доселѣ неизвѣстны. Самъ Гусъ пишетъ, что Соборъ осудилъ его книги, которыхъ онъ и разумѣть не могъ: конечно, здѣсь разумѣются Чешскія книги, потому что всѣ члены Собора не могли не знать по Латынѣ. Одинъ Утраквистъ въ сочиненіи отъ 1496 года, опровергая мнѣніе одного Францисканца относительно Чаши въ Евхаристіи, замѣчаетъ, приведши слова Гуса изъ его проповѣди о Тѣлѣ Христовомъ: „какъ мы имѣемъ и иныя его проповѣди, писанныя его рукою“²⁶. Его Чешскія сочиненія разсыяны по разнымъ рукописямъ: такъ въ рукописи Голомуцкой Библіи (второй по Добровскому) находится принадлежащее Гусу объясненіе 10-ти Заповѣдей послѣ книги Бытія съ напоминаніемъ на концѣ: „Um Gottes Willen lass es stehen.“ Въ городской Нирнбергской Библіотекѣ должна храниться рукопись, содержащая проповѣди (Postille) Гуса, съ припискою: Kratičky výklad na příkazanie bozie desatero pro sprostne a neprazdne w pracy, wyložene skrze mystra.“.... самое имя выскоблено и на концѣ приписано: „Nechay statí pro Boh!“ Проповѣдь Гуса о Страстяхъ Іисуса Христа должна находиться въ Стокгольмѣ (въ Hodynář²⁷). Прекрасный и полезный былъ бы трудъ собрать всѣ сочиненія Гуса, какія только уцѣлѣли отъ времени и страстей человѣческихъ, и вмѣстѣ съ тѣми, которыя уже были изданы, напечатать въ самомъ точномъ хронологическомъ порядкѣ; но, къ несчастію, въ наше время любить болѣе поверхностныя умствованія, чѣмъ основательный и существенный трудъ. Изслѣдованіе судьбы, которымъ подвергались сочиненія Гуса и его послѣдователей, могло бы составить порядочное разсужденіе. Такъ съ 1540 года, послѣ того, какъ Католики и Утраквисты на сеймѣ въ 1539 г. постановили, чтобы всѣ богословскія сочиненія подвергались цензурѣ Ректора и Консисто́ріи, книги, относившіяся къ великимъ дѣтелямъ

²⁶ Jakožto y gine geho kazanie máme geho ruku psane.

²⁷ Добровскаго путешествіе по Швеціи, стр., 69.

Чешскаго религіознаго движенія, Гусу, Якубку и другимъ, должно быть попали въ число запрещенныхъ, потому что иначе мы объяснить себѣ не можемъ, почему съ того самаго времени Нирнбергъ сталъ мѣстомъ, гдѣ издавалось все, что было объявляемо отъ носительно Гуса и поры его дѣятельности: всѣ значительныя изданія твореній Гуса, Якубка и другихъ вышли въ Нирнбергъ, а не въ Прагъ или иномъ Чешскомъ городѣ. Такимъ образомъ, честь издать значительное число сочиненій Гуса принадлежитъ Нѣмецкому городу: такъ враждебная судьба не оставила преслѣдовать мучника и во гробъ и его мнѣнія не переставали страдать отъ несчастныхъ обстоятельствъ, потому что не холодно Чеховъ къ Гусу должно приписать выше указанное явленіе, напротивъ, Чехи всегда усердно чтли память Гуса, котораго имя соединено съ періодомъ блестящей судьбы Чешскаго народа, когда онъ разорвалъ и политическіе и религіозные оковы и жилъ всею полнотою своей свѣжей жизни. Къ этому періоду времени устремлены мечты и надежды каждаго Чеха, въ которомъ еще не замерло народное чувство ²⁸.

Б. Сочиненія предшественниковъ Гуса. Первое мѣсто по времени принадлежитъ Конраду изъ Вальдгуза или Вальдгаузена (*Conradus de Watdhusa, in Waldhausen*) (1349 — 1369), родомъ Нѣмцу, изъ Австріи, а потому не рѣдко *Conradus ab Austria*, но долго жившему въ Чешской землѣ, гдѣ особенно гремѣлъ онъ своими проповѣдями въ Прагъ противъ порчи духовенства. Онъ проповѣдывалъ на родномъ своемъ языкѣ, бывшемъ тогда, въ слѣдствіе тѣсныхъ связей Чеховъ съ Имперіей и ихъ Нѣмецкаго Владѣтельнаго Дома, довольно извѣстнымъ, особенно въ столицѣ; впрочемъ, къ намъ дошли сочиненія его только на Латинскомъ, именно: 1) *Postilla studentium Universitatis Pragensis*. „*Postillam hanc, — говоритъ Конрадъ въ самомъ началѣ ея, — supra evangelia dominicalia, quae leguntur per anni circulum, per talem modum, quo ipsam ad populum proprio declamavi gutture, conscribere vellem, creberrimis precibus rogatus, piis vocibus refragari nequies, ad laudem Dei, ut potui, perfeci.*“ 2) Pro-

²⁸ Нѣкоторые, болѣе подробныя указанія, о сочиненіяхъ Гуса на Чешскомъ языкѣ см. въ Исторіи Чешской Словесности, соч. Іос. Юнечаномъ, 1825, стр. 59, 83, 95, 127, 139, 141, 143, 231 и 270.

themata sermonum. Небольшое сочиненіе. 3) Apologia противъ обвиненій, взведенныхъ нищенствующимся монахами на Конрада передъ Архіепископомъ Пражскимъ, Арнестомъ: „Haec sunt, quae praedicavit Conradus in ecclesia et foro contra religiosos Minorum et specialiter Mendicantium.“ Всѣ эти сочиненія находятся въ рукописи въ библіотекѣ Чешскаго Музея и Пражскаго Капитула. Бальбинъ, въ своемъ Epitome rerum Bohemicarum (p. 406 ff.), говоритъ, что онъ видѣлъ между книгами, принадлежащими Крумловской церкви „quoddam Conradi volumen manuscriptum grande,“ названный: „Accusationes mendicantium,“ а писанный еще при жизни сочинителя, въ Прагѣ, 1364 г. Судя по огромности этого сочиненія, должно полагать, что это было отличное отъ упомянутого выше, которое въ спискѣ Чешскаго Музея содержитъ въ себѣ всего только 13 л.

Второе мѣсто занимаетъ Янъ Милчъ изъ Кромъръжицъ, Моравецъ (1350 — 1374), оставившій по себѣ сочиненія на Латинскомъ и Чешскомъ языкахъ. Къ Латинскимъ принадлежать: 1) Libellus de Antichristo. Это небольшое сочиненіе состоитъ изъ 4-хъ главъ и сохранено намъ Матеемъ изъ Янова, вполне внесшимъ его въ одно изъ своихъ твореній. 2) Gratia Dei, i. e., Postilla, sive Sermones de tempore et de Sanctis per totum anni circulum. Два большихъ писанныхъ тома. 3) Sermones quadragesimales, особенное сочиненіе, но почти также, какъ предыдущее, огромно. Всѣ находятся въ Пражской Публичной Библіотекѣ. Унгаръ (въ дополненіяхъ къ Бальбиновой Bohemia docta (II. p. 183) говоритъ, что есть еще (но гдѣ именно, не сказываетъ) „Milicii manuscriptae epistolae ad summos quosque praesules et principes (Gregorium XI Papam, Carolum IV Imperatorem, Cardinalem Albanensem, Arnestum et Ioannem Ocellum, Archiepiscopos Pragenses, Udalricum et Ioannem de Rosenberg etc.).“ На Чешскомъ же языкѣ: 1) Knižky o zarmúceních velikých cirkve swaté i každé duše věrné, kteréž mají trpěti od draka na poslední dni Antikristowy, и пр. Павелъ Быдзовскій и М. Брикцій изъ Личка издали это сочиненіе (съ предисловіемъ послѣдняго) въ Прагѣ, 1542, въ 4-ку. Бальбинъ такъ отзывался о немъ: „Hunc librum haeretici et catholici commendant,“ что, однако же, не спасло ее отъ Index librorum prohibitorum. Содержаніе ея чисто нравственное. 2) Postilla a výklady na Ewangelia weyročnj, тоже напечатанная по указанію того же Index libr. prohib., въ 4-ку.

Третье мѣсто между предшественниками Гуса принадлежит Магистру Матѳею изъ Янова, по прозванію *Magister Parisiensis*, род. около 1342, умер. 30 Нолбря, 1394 года, въ Прагѣ. Оставшіяся послѣ него сочиненія всѣ почти въ рукописи и писаны на Латинскомъ языкѣ; списокъ ихъ имѣемъ въ рукописи библіотеки Пражскаго Капитула (Г. 55); вотъ онъ: 1) *Regulae veteris et novi testamenti*: весьма большое и важное сочиненіе, состоящее изъ пяти книгъ и многихъ отдѣльных трактатовъ. 2) *Tractatus de praeceptis Domini*. Это сочиненіе неизвѣстно въ полномъ видѣ, а имѣются изъ него одни отрывки. 3) Слова на разные случаи; болѣе несуществующее, а можетъ стать неутысканное сочиненіе; извлеченія же остались въ рукописи библіотеки Пражскаго Капитула. Важнѣйшее изъ сочиненій Матѳея и во всякомъ случаѣ одно изъ замѣчательнѣйшихъ твореній духовнаго содержанія, написанныхъ въ Чехіи, есть вышеупомянутое сочиненіе: *Regulae* или *De regulis veteris et novi testamenti*, или, какъ можно было бы называть его съ приличною ясностью и краткостью: Книги объ истинномъ и ложномъ Христіанствѣ. Сочиненіе это уже нигдѣ, сколько, по крайней мѣрѣ, извѣстно, не существуетъ въ совершенно полномъ видѣ, хотя изъ отдѣльныхъ рукописей, которыя донинѣ извѣстны, можно возстановить его въ истинномъ видѣ. Объемъ его очень великъ, и сочинитель началъ его въ 1388 году, а въ 1392 году покончилъ. Первая книга была окончена и явилась въ свѣтъ именно предъ Соборомъ, имѣвшимъ мѣсто въ Прагѣ въ 1388 году, 19-го Октября, и только гораздо послѣ, и уже по закрытіи Собора, умножено различными прибавленіями, какъ это ясно видно изъ рукописи, хранящейся въ Чешскомъ Музеѣ. Магистръ Матѳей самъ говоритъ въ своемъ предисловіи, что онъ сначала предполагалъ написать только одну эту книгу, но позднѣе, особенно по случаю опредѣленій вышеупомянутаго Собора, онъ прибавилъ вторую и третью книгу, а еще позднѣе присоединилъ четвертую и пятую. Рукопись въ Чешскомъ Музеѣ № 289, которая на бумагѣ въ л. и имѣетъ 364 листа, современна автору и, можетъ стать, подъ надзоромъ его написана. Этотъ экземпляръ содержитъ только первыя четыре книги, и то неполныя, ибо тамъ и самъ вырваны отдѣльные листы; отъ пятой же книги остался лишь одинъ Указатель. Но эту-то пятую книгу имѣемъ полную въ рукописи, хранящейся въ Пражской Университетской библіотекѣ, отъ листа 105 по 175 и, по счаст-

ливой игрѣ случая, въ томъ же самомъ экземплярѣ, который нѣкогда принадлежалъ сочинителю. Для пополненія недостающихъ мѣстъ въ первыхъ четырехъ книгахъ рукописи Музея можетъ служить списокъ Пражскаго Капитула, на бумагѣ въ 4^о-ку, который на листахъ 1 — 154 содержитъ всю первую книгу и части двухъ слѣдующихъ.

В. *Сочиненія послѣдователей и учениковъ Гуса*. Число ихъ столь велико, что мы принуждены здѣсь поименовать только важнѣйшія: 1) *Якубка изъ Стржибра, Стржибрскаго* (Jacobellus de Mies), профессора Пражскаго Университета, Проповѣди (Postille), присоединенныя къ 3-му издан. Гусовыхъ проповѣдей, 1564 г. 2) *Магистра Яна Рокицаны*, тоже Проповѣди на цѣлый годъ, 1470. 3) *Яна Августы*, Епископа Чешскихъ Братъевъ, друга Лютера и Меланхтона: Spis jmenem wsj Jednoty, и Rejstřík a Řečí, гдѣ изложено ученіе Чешскихъ Братъевъ. 4) *Билеговскаго*, священника въ Кутной Горѣ и Прагѣ (живш. около 90 л.): Kronjka česka, въ которой много хорошихъ свѣдѣній о нашемъ предметѣ и которая первоначально явилась 1537 г., въ Прагѣ, а послѣ повторена 1816 тамъ же, подъ заглавіемъ: Kronjka Cýrkewnj и пр., изд. Скалицкимъ, съ примѣчаніями. 5) *Яна Благослава*, преемника Августы: Život J. Augusty, издан. въ Прагѣ 1837 Франтой Шумавскимъ. 6) *Жаланскаго*, ученаго священника въ Кутной Горѣ, а потомъ Прагѣ: O mucedlnjch českých, Janowi z Husince a Jeronymowi Pražskému, 1619, и пр. 7) *В. Будовца изъ Будова*, который, окончивши ученіе въ Парижѣ и объѣздивши почти всю Европу, занималъ весьма важное мѣсто при Дворѣ, былъ ученѣйшимъ знатокомъ Правъ Государственныхъ, ораторомъ и самымъ пламеннымъ и могущественнымъ защитникомъ Чешскихъ Братъевъ; онъ то заставилъ Императора Рудольфа 1609 г. даровать вѣроисповѣдную свободу и писалъ, кромѣ прочаго, отъ лица Государственныхъ Чиновъ многія апологіи въ защиту ея, изъ коихъ особенно замѣчательны первая и вторая, въ Прагѣ 1618, въ 4-ку. 8) *Яна Амоса Коменскаго*, род. въ Комнѣ на Моравѣ 1592 года, умер. въ Амстердамѣ въ 1672: онъ былъ послѣдній Епископъ Братъевъ Чешскихъ, учился въ Герборнѣ, былъ ректоромъ школы въ Пржеровѣ и въ Фульнекѣ, потомъ, будучи уже изгнанникомъ, находился въ Лешнѣ инспекторомъ школъ и Суперинтендентомъ въ Лондонѣ, въ Стокгольмѣ и въ Эльбогенѣ, далѣе у Сигисмунда Ракоція въ Шарошпатакѣ, въ Угріи, опять въ

Лешнѣ, оттуда въ Гамбургъ и, наконецъ, въ Амстердамъ, гдѣ и скончался. Важнѣйшія его сочиненія суть: 1) *Historia persecutionum Ecclesiae Bohemicae* (безъ означенія мѣста) 1648. въ 12 долю листа. Она сочинена собственно всѣми Старшими Чешскихъ Братьевъ въ Лешнѣ, между коими былъ и Коменскій. По Чешски вышла подъ заглавіемъ: *O těžkých protiwenstwjch Cjrkwe České*, потомъ переведена на Латынскій А. Гартманомъ, съ предисловіемъ Коменскаго, въ Лешнѣ 1655, въ Амстердамъ 1663, въ 12., на Нѣмецкій же языкъ перевелъ ее Эльсперъ. Последнее Чешское изданіе подъ заглавіемъ: *Nystoria o těžkých protiwenstwjch Cjrkwe České až do léta 1632*, вышло въ Гиршбергѣ 1844 г., въ 12 дол., съ двумя изображеніями въ началѣ, Гуса и Коменскаго. 2) *Ioan. Lasitii, nobilis Poloni, historiae de origine et rebus gestis Fratrum Bohemorum liber octavus, qui et de moribus et institutis eorum*. Lissae 1649, Amstelodami 1660, въ 8-ку; на Чешскомъ тамъ же и въ томъ же форматѣ: *Urozeného Panna Jana Lasytského historye o původu a činech Bratrj Českých kniha osma od Jana Amos. Komenského přeložena* 1649. Ласицкій написалъ полную исторію Братьевъ Чешскихъ, но Коменскій издалъ только одну 8-ю книгу оной. 3) *Ratio disciplinae ordinisque ecclesiastici in Unitate Fratrum Bohemorum, cum praemissa de Ecclesiae Bohemicae ortu, progressu mutationibusque historiola*. Amstelod. 1660. 8. Полное исчисленіе сочиненій Коменскаго въ ихъ хронологической послѣдовательности помѣщено въ Ж. Чеш. Музея. 1829 г., Кн. III., стр. 113 — 120, гдѣ показано ихъ 92.

Списокъ остальныхъ сочиненій, менѣе важныхъ, какъ этихъ, такъ и иныхъ писателей, служащихъ и могущихъ послужить источникомъ къ лучшему уразумѣнію событій Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія, можно найти въ слѣдующихъ книгахъ: 1) *Geschichte der böhmischen Sprache und ältern Literatur*, v. J. Dobrowsky. Prag. 1818. 224 — 255; 317 — 321; 332 — 339, 370 и 375. 2) *Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten*, v. P. J. Schaffarik. Offen 1826. 316 — 330; 337 — 352; 3) *Historie literatury České, Josefa Jungmana*. W Praze, 1825, стр. 127 — 148, 170 — 177, 257 — 318, и пр.

Обращаясь къ Чешскимъ лѣтописцамъ, оставившимъ повѣствованіе о томъ періодѣ Чешской исторіи, къ которому относится великое Чешское религіозное движеніе. Разсмотримъ тѣ Чешскія лѣтописи, которыми мы могли пользоваться, и, прежде всего, о

тѣхъ, которыя напечатаны *Добнеромъ*, трудолюбивымъ Чешскимъ ученымъ XVIII стол., въ его чрезвычайно полезномъ сборникѣ: *Monumenta historica Boemiae, nusquam ante hac edita*, VI томовъ ²⁹. I) Въ Штегликiанской рукописи *Добнеръ*, между прочими сочиненіями относительно Чешской исторiи, нашелъ статью подъ заглавіемъ: *Incipit Cronica Bohemorum ab ipsorum initio conscripta, de multis aliis provinciae Cronicis excerpta, quae ita breviata memoriam inducit posteris, et tradita, qui fuerunt inventores terre, Judices, Duces, Principes, Reges et Episcopi, Archiepiscopi scriptotenus relictæ* ³⁰; по палеографическимъ признакамъ эта рукопись принадлежитъ къ XV стол. ³¹. Хроника, нами разсматриваемая, представляетъ сводъ изъ многихъ Чешскихъ лѣтописей; видно, что писавшій ее, пользовался Косьмою и, его продолжателемъ, Винцентіемъ ³² и Францискомъ ³³; но съ Бартошемъ изъ Драгоницъ (о которомъ ниже) она не имѣетъ ничего общаго, а индѣ и прямо противорѣчитъ ему. Кто сочинитель этой Хроники, не извѣстно. *Добнеръ* доказалъ неосновательность мнѣнiя, нѣкоторыми высказаннаго, будто бы она принадле-

²⁹ Quibus non modo patriae aliarumque vicinarum regionum, sed et remotissimarum gentium historia mirum quantum illustratur; collegit et partim ex autographis, partim ex legitimis apographis codicibus recensuit, cum aliis manuscriptis exemplaribus contulit, pluribus animadversionibus aeriisque incisis sigillis adornavit, denique locupletissimo indice instruxit, P. Gelasius *Dobner*, a S. Catharina, e clericis regularibus scholarum pia-rum. Pragae 1764 — 85. in 4°. Трудолюбивый *Добнеръ*, безсмертный своими услугами для Чешской исторiи, издалъ въ 6 томахъ: *Объясненiя на Чешскую Лѣтопись (Хронику) Гайка: Wenceslai Hagek a Liboczan Annales Bohemorum, e Bohemica editione Latine redditi et notis illustrati, etc.* Pragae, 1761—82. in 4°.

³⁰ Mon. hist. Boem. *Dobner* T. III. a. 1774. p. 43.

³¹ Другія статьи этой рукописи написаны рукою начала XV или конца XIV стол., но Хроника безыменнаго (*Chronicon Anonymi*) приписана позднѣе и крупнѣйшимъ письмомъ.

³² Винцентій, Пражскій Каноникъ, жилъ въ XII стол. и оставилъ лѣтопись, обнимающую событія отъ 1140 по 1167.

³³ Францискъ, Каноникъ и Священникъ Пражскій, жилъ въ XIII и XIV стол., оставилъ лѣтопись дѣяній Карла IV и, его отца, Яна, помѣщенную у Пельцеля и Добровскаго *Script. Bohem. II.*

жить Франциску, канонику Пражскому. Во всякомъ случаѣ видно, что сочинитель ея былъ очевидцемъ Гуситскихъ волненій и самъ не былъ имъ чуждъ: онъ подробнѣе рассказываетъ о нихъ, нежели о многихъ предъидущихъ происшествіяхъ. Добнеръ называетъ его зараженнымъ лзвою Гуситскою, или, по крайней мѣрѣ, благорасположеннымъ къ сектѣ Сиротъ и Таборитовъ. Какъ бы то ни было, но въ этой Хроникѣ находимъ очень важныя и любопытныя извѣстія. 2) *Бенешъ* (Бенедиктъ) *Крабице изъ Вейтмиля*, Пражскій каноникъ, оказалъ большія услуги Чешской исторіи: о немъ Бальбинъ³⁴, Менкенъ, Добнеръ и др. критики сдѣлали самые лестные отзывы; не смотря на то, онъ долго оставался въ рукописи. Собственно ему принадлежащая лѣтопись носитъ названіе „*Chronica ecclesiae Pragensis*“ и обнимаетъ исторію Чехіи отъ 1283 до 1374 г.; она раздѣлена на 4 книги, изъ которыхъ четвертая содержитъ въ себѣ жизнеописаніе Карла IV-го въ хронологическомъ порядкѣ. Это сочиненіе Бенеша издано уже Добровскимъ и Пельцелемъ. Бенешъ происходилъ изъ древняго и знаменитаго рода Чешскаго, Крабице изъ Вейтмиля. Отецъ его, также Бенешъ, былъ въ большой милости у Іоанна, Герцога Хорутанскаго и Графа Тирольскаго, который ввѣрилъ его управленію Трутновскій округъ. Что касается до лѣтописца Бенеша, то, онъ, по мнѣнію издателей его лѣтописи, воспитанъ былъ при Дворѣ и сопровождалъ Карла IV во всѣхъ его путешествіяхъ³⁵. За тѣмъ мы встрѣчаемъ его подъ названіемъ Архидіакона Жатецкаго, и притомъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Каноника Пражскаго³⁶. Съ 1355 г. былъ онъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, третьимъ смотрителемъ (*director fabricae*) созидавшейся соборной церкви Св. Вита, что исполнялъ въ теченіи 20 лѣтъ, и дѣло, возложенное на него, кончилъ съ успѣхомъ въ 1374. Съ тѣхъ поръ до самой смерти мы рѣшительно ничего не знаемъ о немъ, а потому и годъ этой послѣдней съ достовѣрностью опредѣленъ быть не можетъ. Что касается до самой Хроники Бенеша, то она полезна и необходима въ высшей степени: Бенешъ собственными глазами видѣлъ часть религіознаго Чешскаго волненія и, по своему высокому положенію, могъ знать болѣе, нежели одну внѣш-

³⁴ Dobrowsky et Pelzel. Script. rerum Boh. t. II.

³⁵ Dobner. t. III. p. 19.

³⁶ Dobner. t. III. p. 13

нюю сторону происшествій. Добнеръ издалъ продолженіе его лѣтописи до 1487 года; такихъ продолжателей было нѣсколько; Добнеръ знаетъ ихъ два или три. Одна изъ этихъ краткихъ лѣтописей написана Гуситомъ и, начавшись съ 1487 г., доходить до 1497; къ сожалѣнію, она очень потерпѣла отъ времени и много въ ней недостаетъ. Добнеру случилось еще найти рукопись, содержащую повѣствованіе о событіяхъ Чешской исторіи съ 1497 года подъ заглавіемъ „Continuator Benesii,“ очень подробную и замѣчательную.

Переходимъ къ, такъ называемымъ, *продолжателямъ Пулкавы*. Подъ ними разумѣемъ всѣхъ тѣхъ лѣтописцевъ Чешскихъ, которые повѣствуютъ намъ о событіяхъ Чешской исторіи послѣ того времени, на которомъ остановился Пулкава (около 1330 года). Добнеръ знаетъ много такихъ продолжателей ³⁷; въ четвертомъ томѣ его Monumenta ³⁸ находимъ трехъ лѣтописцевъ Чешскихъ, повѣствующихъ объ исторіи Чехии въ XIV и XV ст. Лѣтопись перваго, очень краткая, не переходитъ 1378 года и потому намъ бесполезна. Лѣтопись втораго продолжателя Пулкавы, найденная Добнеромъ въ Штегликіанской рукописи, начинается съ 1310 года и доходитъ до 1419: извѣстія ея очень кратки; но замѣчательны во многихъ отношеніяхъ. Несравненно важнѣе ея *третье* продолженіе Пулкавы. Добнеръ нашелъ его въ Литомѣржицкой рукописи ³⁹ на Чешскомъ языкѣ и, разсмотрѣвъ его; увидѣлъ, что въ немъ содержатся происшествія отъ послѣднихъ годовъ царствованія императора Карла IV даже до 1470 г.; скоро послѣ того Добнеръ случайно досталъ Латинскую рукопись XV ст., содержащую вѣрный и даже слѣшкомъ буквальный переводъ вышеупомянутой Чешской лѣтописи. Древность этого Латинскаго перевода поставила Добнера въ сомнѣніе на счетъ того, Чешскій; или Латинскій, текстъ считать подлинникомъ; но это сомнѣніе даже странно: сочинитель лѣтописи долженъ былъ, естественно, писать на своемъ родномъ языкѣ а потомъ или самъ (что очень часто случалось) перелагалъ на Ла-

³⁷ Dobner Mon. t. IV, p. 124. Observationes praeviae in tres Continuatores Pulcavae.

³⁸ Monumenta Boh. t. IV, p. 124 — 190.

³⁹ Такъ названный кодексъ имъ по тому, что онъ принадлежалъ графу Емануэлю Вальдштейну, Епископу Литомѣржицкому.

тинскій, или заставлялъ другихъ. Эта лѣтопись сообщаетъ многія драгоцѣнныя извѣстія относительно Чешскаго религіознаго движенія, котораго сочинитель былъ очевидцемъ ⁴⁰. Нѣтъ никакого сомнѣнія на счетъ того, что вся лѣтопись принадлежитъ не нѣсколькимъ, а одному лицу ⁴¹. Какъ истинный Чехъ, сочинитель, котораго имя осталось, къ несчастію, неизвѣстно, былъ приверженцемъ Гуса и, кажется, членомъ Пражскаго Университета, потому что все, что относится къ этому послѣднему, онъ записалъ съ особенною любовью и знаніемъ дѣла. Изъ хроники его можно заключить, что онъ принадлежалъ въ послѣдствіи къ числу Чешскихъ Братьевъ. Эта лѣтопись тѣмъ драгоцѣннѣе, что очень мало имѣемъ мы современныхъ источниковъ относительно внѣшней стороны великаго Чешскаго религіознаго движенія; вотъ что объ этомъ говоритъ Добнеръ, опытный знатокъ въ дѣлѣ Чешской исторіи. „Всякому занимающемуся Чешскою исторіею, извѣстно, какъ рѣдки и малочисленны ⁴² современные Чешскіе „лѣтописцы, которые сохранили бы намъ повѣствованіе о событіяхъ нашего отечества съ 1412 г. и далѣе, когда, съ распространеніемъ заразы Гуситства, обнявшей всю Чехію и Моравію, многіе монахи и священники изгибли, а съ ними погибла и надежда и возможность записать дѣла того времени, когда страхъ, препятствовалъ братья за перо, или водилъ имъ въ направленіи, противномъ истинѣ (по этой то причинѣ и нашъ лѣтописатель, третій продолжатель Пулкавы ⁴³, умолчалъ свое имя, а индѣ и самыя происшествія, какъ замѣчаетъ въ многихъ мѣстахъ лѣтописецъ), и когда, однимъ словомъ, занятіе отечественной (Чешской) исторіей было совершенно опущено ⁴⁴.“ Въ этомъ, въ высшей степени, важномъ лѣтописцѣ находимъ многія важныя извѣстія, которыхъ тщетно стали бы искать въ другихъ источникахъ. Удивительно и даже непонятно, какъ мало умѣли воспользоваться имъ всѣ писатели, занимавшіеся этимъ періодомъ

⁴⁰ Dobner Monumenta t. IV, p. 127.

⁴¹ Доказательства у Добнера t. IV, p. 128.

⁴² Вотъ его слова: „Quam rari perpaucique ab ea aetate nobis supersint patrii synchroni scriptores, nemini historiam patriam tractanti potest esse incognitum.“

⁴³ Dobner p. 126.

⁴⁴ Omne patriae historiae studium „penitus intercidit.“

Чешской исторіи, не смотря на то, что изданіе Добнера, обнаружившаго его на Латинскомъ языкѣ, сдѣлало его вѣсьмъ доступнымъ.

Бартошекъ или *Вареоломей изъ Драгоницъ* оставилъ (дошедшее до насъ) обстоятельное описаніе событій Чешской исторіи отъ 1419 до 1443. Бальбинъ говоритъ о немъ съ похвалою ⁴⁵. Бальбинъ пользовался Чешскимъ текстомъ Вареоломея и приводитъ изъ него многія мѣста въ своихъ *Miscellanea*. Добнеръ уже не могъ найти Чешскаго текста, а досталъ себѣ Латинскій, въ которомъ недостаетъ многихъ мѣстъ, приводимыхъ Бальбиномъ ⁴⁶; это, впрочемъ, нисколько не препятствуетъ Добнеру считать подлинникомъ свой Латинскій текстъ и говорить, что та лѣтопись, которою пользовался Бальбинъ, есть переводъ съ Латинскаго текста, гдѣ позднѣе сдѣланы внесенія (интерполляціи); съ этимъ мы согласиться не можемъ и думаемъ, что, напротивъ, Латинскій есть извлеченіе изъ Чешскаго подлинника, какъ тотчасъ мы увидимъ доказательство тому относительно хроники Лаврентія изъ Бржезова. Вареоломей, родомъ изъ Драгоницъ (зѣмка, въ округѣ Прахинскомъ, во время Добнера составлявшая собственность графовъ Коловратовъ), изъ Дворянскаго рода, принадлежавшаго къ второстепенному Чешскому Дворянству, родился въ концѣ XIV-го стол., и жилъ даже за половину XV-го стол., какъ видно изъ его исторіи; онъ служилъ въ военной службѣ и достигъ до званія *Capitaneus*. Постоянно вѣрный своимъ Католическимъ убѣжденіямъ, Вареоломей сражался противъ Таборитовъ и принималъ участіе въ рѣшительной битвѣ, происшедшей между Чешскимъ Бродомъ и Куржимомъ; въ своей лѣтописи (какъ она напечатана у Добнера) онъ часто говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, но никогда не называетъ себя по имени. Исторія его, написанная съ Католической и императорской ⁴⁷ точки зрѣнія, сообщаетъ много новаго, но вовсе не имѣетъ той важности, какую придавалъ ей Добнеръ. Сочинитель, самъ дворянинъ, преимущественно обращаетъ вниманіе на свое сословіе и не столько занимается подробностями и слѣдствіями событій, сколь-

⁴⁵ *Balbin* Epitome rerum Bohemicarum t. IV. 5.

⁴⁶ *Dobner* Mon. t. IV.

⁴⁷ Бартошекъ изъ Драгоницъ былъ приверженцемъ папы и императора Сигизмунда.

ко исчисляется, какіе дворянскіе роды принимали въ нихъ участіе; мелочность и односторонность сочинителя не препятствуетъ, впрочемъ, ему имѣть своего рода относительное достоинство при недостаткѣ иныхъ источниковъ ⁴⁸.

Добнеръ нашелъ при своей рукописи Бартошка изъ Драголицъ еще отдѣльную краткую лѣтопись событій отъ 1310 по 1464 годъ и не усумнился приписать ее тому же писателю. Она представляетъ замѣтки о разныхъ событіяхъ, сдѣланныя поспѣшно для памяти на языкахъ Латинскомъ и Чешскомъ и набросанныя безъ всякаго порядка, но притомъ, болѣею частью, новыя, и потому эта лѣтопись, не смотря на свою краткость, важна при изученіи нашего періода Чешской исторіи ⁴⁹.

Во второмъ томѣ „Памятниковъ“ Чешской исторіи, изданныхъ Добнеромъ, находится крайне замѣчательное и полезное сочиненіе, полное заглавіе котораго: „De adventu Gubernatoris Hungariae Archiducis Mathiae in Bohemiam a. 1608, qua de causa venire et quid agere dignatus sit. Item quid facio sub utraque ratione religionis et privilegiorum tunc proposuerit, et quid effecerit. Item quomodo sua Archiducalis gratia cum populo suo e Boemia exire dignata sit.“ Это небольшое сочиненіе, какъ будетъ видно изъ самой исторіи, безконечно важно; къ нему присоединенъ еще отрывокъ: „Solemnis ingressus Mathiae Regis Hungariae anno 1611 in urbem Pragae, et trium Statuum regni Bohemiae ad eum accessus ⁵⁰.“ Въ этихъ двухъ небольшихъ сочиненіяхъ видимъ, какъ въ зеркалѣ, чисто и ясно всѣ внутреннія и политическія отношенія, развившіяся въ Чешскомъ народѣ въ слѣдствіе его двухъвѣковаго религіознаго движенія, которыя знать для насъ такъ важны, что мы видимъ ихъ наканунѣ совершеннаго разстройства и истребленія въ слѣдствіе жестокости Фердинанда II. Сочинитель самъ принадлежалъ къ Утраквистамъ и былъ однимъ изъ Чиневъ Чешскихъ, но кто именно, неизвѣстно; развѣ повѣрить Добнеру, который считаетъ имъ Славнаго Вацлава изъ Будовы; но на это нѣтъ ни малѣйшаго основанія ⁵¹. Добнеръ здѣсь гово-

⁴⁸ Dobner Monumenta t. I. Observationes praeviae 130 sq.

⁴⁹ Dobner Monumenta t. I. Observationes praeviae 208 и 209, A Appendix historiae temporum Бартошка тамъ же р. 209 — 218.

⁵⁰ Dobner Mon. t. II. р. 301 — 322.

⁵¹ Dobner р. 302.

рить, что при этомъ сочиненіи находилось множество важныхъ документовъ и актовъ, объясняющихъ отношенія Чиновъ Чешскихъ къ Рудольфу и уясняющихъ всѣ ихъ дѣйствія. Какъ же съ ними поступилъ Добнеръ? Выпишемъ его слова: „Изъ этихъ „документовъ нѣкоторые (quaeriam, а прежде сказалъ объ нихъ: „quorum potestatem coramque vix aliis, quam summis hujus factionis regnique ministris factam fuisse, suspicari licet) мы извлекли и помѣстили въ сборникъ Угро-Чешскихъ актовъ ⁵²; другіе „достойно мы осудили на забвеніе, которые въ духъ омерзительной наглости Утраквитской партіи написаны противъ власти и „величія благочестивѣйшаго императора, Рудольфа ⁵³“.

Въ шестомъ томѣ „Памятниковъ Чешской исторіи“ Добнера ⁵⁴ помѣщено „Chronologica compilatio brevis anonymī“, найденное имъ въ Штегликiанской рукописи: оно обнимаетъ время отъ 1310 по 1432 г. и составлено въ первой половинѣ XV стол. До 1400 году эта краткая лѣтопись представляетъ сводъ извѣстій о времени различныхъ событій, заимствованныхъ изъ различныхъ лѣтописей, но съ 1400 года видно, что неизвѣстный, ее писавшій, записывалъ то, что видѣлъ и слышалъ. Не смотря на свою краткость, эта лѣтопись весьма любопытна, и неизвѣстный составитель ея, хотя Католикъ и явный противникъ Гуса и Иеронима, откровенно и съ подробностью рассказываетъ о безнравственномъ состояніи духовенства ⁵⁵. — Смѣло можно сказать, что мы доселѣ, не смотря даже на труды Пельцеля и Палацкаго, не имѣемъ полной исторіи Чешскаго религіознаго движенія, и она не будетъ возможна, доколѣ не будутъ найдены и изданы вмѣстѣ всѣ, сюда относящіеся, источники, которые теперь недоступны историкамъ или по незнанію языка Чешскаго, или по невозможности имѣть ихъ подъ рукою. Вообще, не смотря на то, что столько писали и пишутъ объ этомъ предметѣ, это еще дѣло не начатое и ждетъ трудолюбиваго историка. Совершенно правиль-

⁵² Тотчасъ за *Diarium Anonymi* Добнеръ во второмъ томѣ своего изданія *Monumenta* помѣстилъ „*Specimen diplomatarii Bohemico-Hungarici*“, необходимаго для уразумѣнія отношеній обѣихъ странъ.

⁵³ Вотъ эти замѣчательныя слова: „*Cetera merito ad umbras condemnavimus, quod detestanda factionis utraquisticæ audacia adversus auctoritatem majestatemque piissimi imperatoris Rudolphi scripta sunt.*“

⁵⁴ *Dobneri Mon. t. VI, p. 483.*

⁵⁵ *Dobneri t. IV, p. 484—491.*

ное разумное представлѣніе событія, его философское значеніе можно вывести только изъ наблюденія самихъ явленій историческихъ въ ихъ полнотѣ и связи; а какъ это можетъ случиться, если большая часть лѣтописцевъ, собственными глазами видѣвшихъ великое Чешское религиозное движеніе, или слышавшіе объ немъ разсказъ отъ другихъ, доселѣ еще скрываются въ пыли библіотекъ, удерживаемые тамъ отчасти собственнымъ нерадѣніемъ ученыхъ, отчасти разнымъ политическимъ и вѣроисповѣднымъ расчетомъ? *Добровский* въ своей исторіи литературы Чешской ⁵⁶ упоминаетъ объ одной хроникѣ, представляющей обширную компиляцію изъ многихъ лѣтописей, изъ которыхъ, конечно, инныя для насъ вовсе погибли, обнимающую событія отъ 1312 до 1509 года, коей не воспользовался вплоть еще ни одинъ историкъ; особенно любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ она относительно Рокицаны. Издана ли эта хроника? Нѣтъ, какъ и многія другія. Не говоримъ уже о другихъ, менѣе обширныхъ, но не менѣе замѣчательныхъ, о которыхъ упоминаетъ *Добровский* и которыя также не изданы. Небольшая, къ нашему времени относящаяся, хроника неизвѣстнаго сочинителя, напечатана въ изданныхъ въ 1784 году источникахъ Чешской исторіи, найденныхъ *Добровскимъ* и *Пельцлемъ* въ библіотекѣ Собора Пражскаго ⁵⁷: издатели помѣстили ее подъ заглавіемъ „Chronicon Bohemicum anonum“ ⁵⁸, заимствовавъ изъ одного списка 1477 года. Она сюжетна около времени Базельскаго Собора и до 1420 года представляетъ одно собраніе историческихъ актовъ безъ всякихъ подробностей, но съ этого времени до 1432, которымъ оканчивается самая хроника, разсказъ становится подробнѣе и представляетъ много новыхъ и любопытныхъ подробностей.

Въ извѣстномъ Сборникѣ „Collectio Reliquiae manuscriptorum ac monumentorum ineditorum adhuc Петра *Лудевига*“ ⁵⁹, находимъ

⁵⁶ *Dobrowsky* Gesch. d. böhm. Liter. S. 68.

⁵⁷ *Scriptores rerum Bohemicarum* (*Dobrowsky* и *Pelzel*), t. II. *Chronicon anonum*, p. 447 — 487.

⁵⁸ Выстъ съ хроникою помѣщено „Series Episcoporum et Archiepiscoporum Pragensium omnium“, гдѣ содержатся нѣкоторые извѣстія относительно Собора и др. архіепископовъ Пражскихъ, принимавшихъ участіе въ движеніи религиозномъ.

⁵⁹ *Francofurti et Lipsiae* 1724. t. VI.

слѣдующій памятникъ относительно Чешской исторіи, и именно нашего періода: „*Laurentii Byzynii, Cancellarii novae urbis Pragensis sub Wenceslao Imperatore, origo et diarium belli Hussitici ab a. 1414 ad 1423* (Т. VI, р. 124 по 216).“ Издатель, въ небольшомъ предисловіи ⁶⁰, замѣчаетъ, что *Лаврентій изъ Бржезова* занимаетъ какъ бы средину между двумя крайними партіями, дѣлившими тогда Чешскій народъ, что онъ, съ одной стороны, не одобряетъ крайностей Гуситовъ, но съ другой самыми рѣзкими красками описываетъ безнравственность, жестокость и злобу Католиковъ; вообще, Лаврентій, по замѣчанію Людевига, лѣтописецъ чистосердечный и вполне заслуживающій довѣріе. Рукопись, которою пользовался Людевиго, искажена; на концѣ ея недостаетъ нѣсколькихъ листовъ и въ серединѣ попадаются пропуски. Добнеръ въ одномъ мѣстѣ своего сборника ⁶¹ замѣчаетъ, что изданная Людевигомъ лѣтопись есть только отрывокъ, fragmentum, полной хроники Лаврентія изъ Бржезова, котораго онъ называетъ самымъ подробнымъ и пріятнымъ изъ Чешскихъ лѣтописцевъ. „Я, говоритъ „Добнеръ, получилъ полный, исправный и современный списокъ „хроники Лаврентія изъ Бржезова, которая обнимаетъ только событія отъ 1414 по 1421 г.“ Во второмъ мѣстѣ ⁶² тотъ же Добнеръ замѣчаетъ, что онъ полную (integrum) хронику Лаврентія изъ Бржезова издалъ въ сборникъ: „*Manuscripti Bohemiae*.“ Очень вѣроятно, что оба списка суть извлеченія, дѣланныя различными лицами изъ подлинной, обширной и доселѣ не изданной, лѣтописи изъ Бржезова, обнимающей событія отъ начала дѣятельности народной Гуса до 1425 и даже далѣе. Въ то время, при отсутствіи всей возможности имѣть дешево и безъ труда списки замѣчательныхъ историческихъ сочиненій, каждый, достававшій по случаю рѣдкую историческую лѣтопись, дѣлалъ изъ нея извлеченіе; отъ того отъ каждаго извѣстнаго Чешскаго лѣтописца мы имѣемъ нѣсколько различныхъ редакцій, на примѣръ, Пулкавы, Бенеша изъ Вейтмиля, Бартошка изъ Драгоніцъ, а также и Лаврентія изъ Бржезова. Кромѣ этихъ извлеченій, болѣе или менѣе подробныхъ, другіе записывали себѣ на память краткія замѣтки изъ полныхъ

⁶⁰ Ludewig t. VI, p. 10.

⁶¹ Dobner t. I, p. 141.

⁶² Dobner t. IV, p. 22.

отечественныхъ лѣтописцевъ, попавшихся имъ подъ руку, иногда однѣ числа событій, и къ нимъ присоединяли болѣе подробныя извѣстія относительно тѣхъ происшествій, которые совершились передъ ихъ глазами; отсюда то множество безыменныхъ краткихъ хроникъ, которыя, обыкновенно, начинаются хронологическимъ перечнемъ и переходятъ потомъ въ рассказъ очевидца о происшествіяхъ его времени. Редакторы этѣхъ сводныхъ хроникъ дѣлали ихъ для себя, а не для *потомства*, и потому не сочли нужнымъ выставить на нихъ своихъ именъ; нѣкоторыя (пять ⁶³) изъ такихъ хроникъ рассмотрѣли мы выше. Въ 1843 г., наконецъ, Палацкій нашелъ эту, столько неоцѣненную, лѣтопись, въ Дзчинской библіотекѣ, на Чешскомъ языкѣ. Подлинное заглавіе ея таково: „Tatol' jest Kronika, kterauz jest sěpsal mistr Wawřinec, někdy písař radní nového města Pražského za času krále Wáclawa Českého, které se věci dály w království Českém před spálením božské paměti mistra Jana Husy, a po smrti jeho za času Žižky, kterýžto lituje jeho smrti s jinými bratřími velké škody znamenité učinil w zemi České s záhubem duchowenství.“ Нѣсколько отрывковъ изъ нея было уже помѣщено въ Журналъ Чешскаго Музея.

Изъ современныхъ великому Чешскому религіозному движенію *лѣтописцевъ*, не принадлежавшихъ къ Чешскому народу, многіе касались событій его исторіи; но ими очень немногіе воспользовались; къ сожалѣнію, мы пользовались очень немногими. Первое мѣсто по праву принадлежитъ здѣсь житію Іоанна XXIII, описанному Теодорикомъ изъ Нима ⁶⁴. Этотъ писатель, родомъ Нѣмецъ, болѣе 37 лѣтъ занималъ разныя должности при 5 различныхъ папахъ, Григоріѣ XI, Урбанѣ IV, Бонифаціѣ IX, Иннокентіѣ XII, Григоріѣ XII, и умеръ въ 1418 г. Въ написанной имъ „*Vita Ioannis XXIII*“, одномъ изъ многочисленныхъ его произведеній ⁶⁵, находимъ поразительную и страшную картину состоянія

⁶³ А именно: трехъ (будто бы) продолжателей Пулкавы, хроникъ неизвестнаго компилятора (*Dobner*, t. IV), Appendix ad Chronicon Benevssii de Weitmil (t. IV) и неизвестнаго хроника, издавна Добровскимъ и Пельцелемъ.

⁶⁴ Такъ названнаго отъ г. *Нигель* или Нимъ въ Падерборнскомъ округѣ.

⁶⁵ Кромѣ „*Vita Ioannis XXIII*“, [онъ написалъ важное и огромное сочиненіе „*De schismate*“, другое „*Nemus unionis*“ и еще нѣсколько мел-

Католическаго духовенства того времени въ лицѣ его представителя, папы; сочинитель проникаетъ въ самыя внутренніе причины событій. Теодорикъ изъ Нима, какъ Нѣмецъ, одушевленъ какою-то безразсудною брызгливостью относительно всего Чешскаго и, присутствуя самъ при судѣ и казни Гуса и Иеронима, оставилъ не много подробностей относительно ихъ дѣятельности, по скольку ее самъ видѣлъ и слышалъ, но очень любопытнымъ образомъ развилъ отношенія, въ которыхъ два знаменитые представителя Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія находились къ Нѣмцамъ, имѣвшимъ сильный перевѣсъ на Костницкомъ Соборѣ и воспользовавшимся имъ, какъ орудіемъ народныхъ предубѣждений и вражды. — Кромѣ того, мы пользовались сочиненіемъ Гобелина, Декана Бильфельдскаго и Падерборнскаго приходскаго священника: „Cosmodromium, hoc est Chronicon Universale, complectens res Ecclesiae et Reipublicae usque ad 1418“⁶⁶. Оно гораздо болѣе общаетъ заглавіемъ, нежели сколько представляетъ содержаніе. Гобелинъ⁶⁷, родившись въ 1358 году, присутствовалъ при зарожденіи Чешскихъ вѣроисповѣдныхъ движеній, при постепенномъ ихъ развитіи дотолѣ, покуда оно не измѣнило своего характера и изъ области слова пришло на самое дѣло; но онъ остался чуждъ этой великой, въ его глазахъ разыгрывавшейся, драмы и не постигалъ ея значенія: о судьбѣ Гуса онъ разсказалъ точно также, какъ нѣсколько прежде о судьбѣ бичевавшихся монаховъ⁶⁸. Нѣкоторыя любопытныя извѣстія касательно Гуса и его послѣдователей находимъ у Сигмунда Мейстерлина въ его „Nürnbergensis civitatis S. R. I. historia ad a. 1470,“ помѣщенной Лудевигомъ въ его „Reliquiae,“ томъ VIII-мъ⁶⁹. Мейстерлинъ жилъ во второй половинѣ XV-го стол., и около 1480 года, бывши приходскимъ священникомъ у св. Себастьяна, по порученію Нирнбергскаго Сената, составилъ хронику своего города, очень подробную, гдѣ старается защитить Сенатъ отъ притязаній Нирнбергскихъ Бургграфовъ.

кихъ сочиненій. Мы пользовались Vita Ioannis XXIII въ *Meibomii Rerum Germanicarum* t. I, p. 5 — 52.

⁶⁶ *Meibomii Rerum Germ.* t. I. p. 52 — 369.

⁶⁷ *Meibomii* t. I, p. 54.

⁶⁸ *Meibomii* t. I, p. 341 — 344.

⁶⁹ *Ludewig Reliquiae* t. VIII, p. 145.

Относительно Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія Мейстерлингъ знаетъ немного новаго: главнымъ его источникомъ, для составленія главъ своей исторіи относительно этого періода, служить Эней Сильвій; впрочемъ, ему были извѣстны и другіе источники, но, какъ Католикъ, онъ крайне поноситъ Гуситовъ и ихъ дѣйствія ⁷⁰. Вотъ все изъ иностранныхъ летописцевъ, намъ доступныхъ, относительно нашего времени: какъ видно, это очень немного, но станемъ надѣяться, что со временемъ будемъ въ состояніи глубже разработать этотъ вопросъ по современнымъ Чешскимъ и не Чешскимъ историкамъ и летописцамъ.

Обращаемся теперь къ историку временъ Гуситскихъ, наиболѣе извѣстному и пользующемуся авторитетомъ значительнымъ, который съ XVI-го стол. до нашего времени былъ главнымъ источникомъ всѣхъ извѣстій для западной Европы о Чешскомъ вѣроисповѣдномъ движеніи и который служитъ источникомъ той лжи, которая такъ смѣло господствуетъ въ большей части всѣхъ позднѣйшихъ сочиненій этого періода, который далъ умышленно ложное понятіе западной Европѣ и отдаленному потомству о великихъ явленіяхъ всемірной драмы Гуса, который былъ родоначальникомъ тѣхъ историковъ, что смотрѣли на исторію, какъ на науку, въ коей можно безсовѣстно выдавать ложныя показанія за истину; мы намѣрены говорить объ „*Aeneae Sylvii Senensis, S. Rom. Eccles. Cardinalis tituli S. Sabinae, de Bohemorum et ex his Imp. Rom. aliquot origine et restis ad illustrissimum Principem et Dominum Alfonsum Regem Aragonum Historia*“ ⁷¹. Мы пользовались этимъ сочиненіемъ въ сборникъ памятниковъ Чешской исторіи, изданныхъ въ 1602 г. Марквардомъ Фрегеромъ. Предисловіе этого замѣчательнаго ученаго, обращенное къ Христофору Радзивилу, показываетъ удивительное пониманіе важности Чешскаго народнаго движенія XV-го стол. и Чешской исторіи вообще: „Если есть только народъ или вѣкъ историческій, который „достоинъ того, чтобы глядѣть на него съ глубокимъ чувствомъ „удивленія и сохранить о немъ подробное и полное свѣдѣніе „потомству, то, конечно, этотъ народъ есть отрасль Славянъ, Чехи.

⁷⁰ Ludewig Reliquiae t. VIII, p. 141 199.

⁷¹ Freheri Rerum Bohemicarum antiqui scriptores aliquot insignes, partim hactenus incogniti. Hanoviae 1602, p. 118 — 206.

„И это ихъ право на вниманіе потомства и на удивленіе современниковъ лежитъ не въ геройскихъ подвигахъ ихъ доблести, не въ раннихъ успѣхахъ наукъ и гражданственности, но въ томъ, что они первые возвратились къ чистотѣ ученія Евангелическаго, не безъ явнаго содѣйствія Промысла. Когда еще всѣ народы Европы терпѣливо несли вѣроисповѣдное и государственное рабство, одни Чехи смѣло возстали противъ него: имъ должно было разрушить цѣлый порядокъ вещей, еще крѣпкій и сильный, и они совершили свое міровое назначеніе сквозь рядъ брашей междоусобицъ, на перекоръ врагамъ внѣшнимъ и внутреннимъ, и когда дѣло, котораго честь принадлежала имъ однимъ, было навсегда обезпечено для иныхъ народовъ, Чехи заплатились горько за свою побѣду: на нихъ пала вся тяжесть гнѣва безсмысленнаго порядка вещей, который умѣлъ мстить, не зная побѣждать.“ Эней Пикколомини родился въ 1405 году въ г. Сиенѣ, учился тамъ праву и, по случаю безпорядковъ въ этомъ городѣ, оставилъ его и на двадцать шестомъ году отправился въ Базель. Какъ секретарь Базельскаго собора, онъ принималъ участіе въ оппозиціи противъ умственного и внѣшняго деспотизма, и даже былъ секретаремъ, по выбору Базельскаго Собора, папы Феликса V. Въ 1443 году сталъ извѣстенъ императорскому канцлеру, графу Каспару Шлику, который принялъ его въ число императорскихъ секретарей, въ званіи которыхъ Эней, при различныхъ императорахъ, оставался до избранія въ папы. Императоры поручали ему важныя дѣла: въ 1450 Фридрихъ III отправилъ его въ Чехію и Эней успешно совершилъ дѣло, ему порученное. Онъ долго жилъ въ Прагѣ, имѣлъ тамъ много знакомыхъ и пользовался большою извѣстностью. Послѣ Базельскаго Собора онъ успѣлъ спасти Папство своими благоразумными мѣрами (1450—57). Въ различное время онъ былъ епископомъ Триентскимъ, потомъ Сиенскимъ, потомъ кардиналомъ, а съ 1458 года папою подъ именемъ Пія II. Въ качествѣ высшаго духовнаго лица, онъ старался возвратить Папству утраченное значеніе и дѣйствовалъ очень удачно до своего страннаго спора съ Подѣбрадомъ, королемъ Чешскимъ, въ которомъ онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своего личнаго оскорбленнаго самолюбія и принесть ему въ жертву и благо всего Христіанства, и свою добрую славу. Онъ много способствовалъ распространенію раждавшейся любви къ образованію: среди общаго невѣжества и суетврія, онъ отличался

знаніємъ древности и свѣтлымъ проницательнымъ умомъ. Все это сдѣлало его однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Всѣ его слова пользовались авторитетомъ необыкновеннымъ. Эней въ бытность свою въ Чехіи имѣлъ случай узнать Чешскій народъ, а великія событія жизни его совершались предъ его глазами: чего болѣе для того, чтобы оставить вѣрную и подлинную лѣтопись событій? Но истинны нечего искать въ исторіи Энея: вся она есть сплетеніе ложныхъ или сомнительныхъ извѣстій, при чемъ сочинитель думалъ не столько о томъ, чтобы дать потомству вѣрное понятіе о событіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, сколько о томъ, чтобы округлить фразу. Совершенное незнаніе языка Чешскаго закрыло отъ него источники о прошедшемъ Чехіи; его собственное высокоуміе и исключительность Католическаго взгляда совершенно ослѣпили его взглядъ на событія, которыя при томъ онъ не только поставилъ въ ложномъ свѣтѣ, но и умышленно исказилъ. Замѣчательно посланіе Энея къ Альфонсу, королю Португальскому, которому онъ подноситъ посвященіе своей исторіи Чехіи. Ничто не нанесло такого удара Средневѣковымъ вѣрованіямъ, какъ появленіе и независимое положеніе Гуситовъ. Періодъ духовнаго единодержавія папы, на которомъ основывался весь внутренній и внѣшній бытъ Средневѣковой, кончился: дотолъ папа все держалъ подъ строгимъ уровнемъ; заставлялъ все покоряться своему престолу; его могущество было страшно; внутренняя сторона его опиралась на общественномъ мнѣніи, внѣшняя на дѣйствительности средствъ духовныхъ, лежавшихъ въ его рукахъ. Но Гуситы смѣло вызвали на бѣи Римскую Церковь и папу: проклятія послѣдняго перестали имѣть силу; Богъ пересталъ вѣщать устами своего намѣстника и давалъ побѣду и благоденствіе тому, кого этотъ послѣдній осыпалъ самыми страшными проклятіями. Крестовые походы имѣли самый неблагопріятный конецъ: и надъ свѣтскою властью папы торжествовали Чехи. Дотолъ ничто не могло существовать внѣ Католическаго единства: теперь важная страна отделилась отъ него и составила себѣ свой порядокъ вещей, показала, что и безъ папы, что и внѣ Католической Церкви, можетъ существовать благоустроенное государство. Это безсиліе Римской Церкви, это противорѣчіе ея ученія, не признающаго спасенія внѣ своихъ предѣловъ, съ неумолимымъ фактомъ безнаказанности, упрекнувшимъ эту Церковь въ внутреннемъ разстрой-

ствѣ, въ уклоненіи отъ истины, не могло не поразить умы людей величественной и неравной борьбой. Все посланіе Энея къ Альфонсу служить отвѣтомъ на сомнѣнія, необходимо возникавшія въ душѣ каждаго относительно того, что Богъ лишилъ свою Церковь помощи. „Въ наше время преступные люди, отвергнувъ „повиновеніе Римской Церкви, поправши религію отцевъ своихъ, „избивъ священниковъ Христа, разграбивъ св. храмы, презрѣвъ „вѣру и добрую нравственность, въ грабительствѣ, прелюбодѣяніи и всякой нечистотѣ живущіе, остались непобѣдимы передъ „могущественными царями, сильными народами, искусными вождями и наилучшими войсками. А тѣ, которые защищали благое дѣло или погибли въ мученіяхъ, или были изгнаны изъ „отечества.“ Эней рѣшаетъ это, какъ обыкновенно рѣшаютъ подобныя сомнѣнія, говоря, что Жижка, Коранда, Якубекъ, вмѣстѣ съ Гусомъ, Иеронимомъ и Рокицаной, горятъ въ вѣчномъ огнѣ, а тѣ, которые остались вѣрны Католицизму, получили вѣчное блаженство. „Источники моей исторіи, пишетъ между прочимъ Эней, были мои глаза и слухъ: я писалъ то, что слышалъ и видѣлъ. Съ Божіею помощію намѣренъ я изложить исторію Чехіи отъ происхожденія Чешскаго народа до нашихъ временъ. Хотя вся исторія этого народа заслуживаетъ вниманіе, однако преимущественно предъ прочимъ новыя событія, которыя, правда, удивительны, но тѣмъ не менѣе вполне достовѣрны. Мое мнѣніе, что въ наше время ни въ одномъ королевствѣ не случилось столько переворотовъ, столько войнъ и битвъ, столько чудныхъ дѣяній, сколько ихъ показала намъ Чехія.“ Все сочиненіе Энея раздѣлено на 72 главы, и простирается отъ самыхъ древнихъ временъ Чехіи до избранія въ короли ея Подѣбрада. Тридцать четыре первыя главы исторіи Энея * посвящены древней исторіи Чехіи до Вацлава IV-го, гдѣ сочинитель сообщаетъ сказки простонародныя или свои поверхностныя сужденія, опуская самыя важныя подробности. Отъ тридцать четвертой до 72-й главы рассказываются, съ удивительною злонамѣренностію и пристрастіемъ, происшествія Чешской исторіи отъ появленія Гуса до коро-

* Какими чертами описалъ Эней Чеховъ? „Plebs tuto regno bibula et ventri dedita, superstitionumque sequax et auida novitatum.“ *Aeneas*. c. I. p. 121 (ed. Freher).

ля Чешскаго, Юрія Подѣбрада. Далѣе мы будемъ не одинъ разъ имѣть случай обличать это сочиненіе, написанное съ цѣлью обогатить предъ потомствомъ весь Чешскій народъ и ввести оное въ заблужденіе на счетъ происшествій, послѣдовавшихъ за появленіемъ Гуса.

„Historiae Hussitarum libri duodecim per iohannem Cochlaeum, artium et sacrae Theologiae Magistrum, Canonicum Vratislaviensem; operose collecti ex variis et antiquis, tum Bohemorum, tum aliorum codicibus, antea nunquam excusis. Quibus adjuncti sunt duo de sacramentis septem et de ceremoniis ecclesiae tractatorum Bohemorum, Io. Rokyzanae et Io. Przibram: cum Philippica septima Cochlaei de publica Caroli V Imperatoris ordinatione, quae vulgo interim dicitur. 1549 ⁷².“ Вотъ полное заглавіе этой, до крайности занимательной, книги. Кохлей пользовался постоянно дурною славою: его обвиняли въ излишнемъ фанатизмѣ воззрѣнія, въ искаженіи событій, въ пристрастномъ ихъ изложеніи. Съ перваго взгляда принимаясь за книгу Кохлея, предубѣждаешься противъ него; видя его любовь къ дѣлу Католицизма, читая его проклятія на его противниковъ, останавливаясь вездѣ на возгласахъ, самыхъ страшныхъ и пылкихъ, видишь въ немъ человека, который и на поле исторіи перенесъ всю желчь вѣроисповѣдныхъ диспутовъ, все неистовство фанатика. Но бранчивая наружность исторіи Кохлея также обманчива, какъ и внѣшность строгаго историка, которую принимаетъ на себя Эней Сильвій Пикколомини. Видимое хладнокровіе и безпристрастіе Энея нанесли исторіи несравненно болѣе вреда, нежели пылкость и одушевленіе къ дѣлу Католицизма, которымъ отличается Кохлей. Если выбросить изъ исторіи Энея все сомнительное и ложное, то въ ней останутся развѣ одни заглавія книгъ истинными; напротивъ, если у Кохлея отнять всѣ его вѣроисповѣдныя сужденія, всѣ его размышленія, все, что онъ говоритъ отъ своего лица, то у насъ останется еще подробная и вѣрная исторія событій времени Гуса. Внимательно изучая подробную исторію Кохлея, не останавливаясь на одной внѣшности ея, постигая самый духъ ея, проникая въ намѣренія и характеръ самаго Кохлея, какъ историка, мы дошли, наконецъ, до того результата, что въ Кохлея соединя-

⁷² Apud Viethorem, prope Moguntiam, ex Francisci Beheim typographi officina, 1569.

ются два, весьма различнаго характера и направленія, чловѣка : Кохлей - богословъ Католическій, ревностный приверженецъ и твердый защитникъ всѣхъ убѣжденій Церкви, ненавидитъ срьсѣ и еретиковъ, осыпаетъ ихъ величайшими ругательствами; Кохлей-историкъ ищетъ болѣе всего истины. Эти два характера, историка и богослова такъ рѣзко обличаются въ исторіи Кохлея, что ихъ можно примѣтить рядомъ въ разныхъ мѣстахъ его исторіи. Кохлей-историкъ, сообщаетъ и тѣ факты историческіе, которые относятся не къ свѣтлой сторонѣ исторіи Церкви (такъ, на пр., Кохлей очень ясно указалъ на двусмысленное поведеніе папы Пія, и относительно Чешскаго короля, Юрія Подѣбрада, на подвиги Жижки, на прекрасныя государственныя качества Юрія Подѣбрада), но тотчасъ Кохлей-богословъ является на сцену и своими возгласами старается уничтожить благопріятное впечатлѣніе, которое возникаетъ изъ откровеннаго разсказа Кохлея-историка. Эней Сильвій написалъ всю свою исторію изъ своей головы, на основаніи своей памяти, и всѣ ошибки ея вошли въ исторію, будучи повторены тысячу разъ. Напротивъ, Кохлей представляетъ начало самостоятельнаго историческаго изученія на основаніи различныхъ достовѣрныхъ источниковъ. Уже любовь Кохлея къ истинѣ и его желаніе узнать ее, видны въ томъ тщаніи, съ которымъ онъ сообщаетъ подлинныя документы, которые могутъ служить къ усиленію и уразумѣнію историческихъ событій; важность этихъ актовъ, изъ которыхъ нѣкоторые нигдѣ въ другомъ мѣстѣ найдены быть не могутъ, понимаетъ самъ Кохлей и, мало, пользуясь ими, онъ, приводя ихъ, замѣчаетъ: „Ad certiozem itaque hujus rei cognitionem habendam, subjungam ipsa materialia,“ или „operae praetium est Lectori,“ или „quorum tenorem, qui ad historiae cognitionem nonnihil conducant, hic ex vetusto codice recitare convenit.“ Мы постараемся, при нашемъ изслѣдованіи, отделить то, что сообщилъ Кохлей-историкъ изъ любви къ истинѣ, отъ того, что Кохлей-богословъ, въ негодованіи и досадѣ, сказалъ о томъ или иномъ лицѣ и событіи. Кохлей обращался болѣе къ кореннымъ источникамъ Чешскимъ и къ старымъ ихъ памятникамъ: онъ обнаруживаетъ очень плохую вѣру въ Сильвія и не разъ обличаетъ его невѣдѣніе ⁷³. Въ предисло-

⁷³ Заимствуя, при недостаткѣ иныхъ источниковъ, цѣликомъ мѣста изъ Исторіи Сильвія, Кохлей, приводя какой-либо древній источникъ,

вѣи своемъ къ Іоанну де Гангестъ, Епископу и Графу Невшателскому, которому Кохлей посвящаетъ свою книгу, онъ предостерегаетъ его на счетъ вреда, который можетъ произойти отъ распространенія во Франціи различныхъ еретическихъ книгъ, а особенно сочиненій Кальвина, котораго неуважительныя слова относительно Тридентскаго Собора Кохлей не забываетъ привести и указываетъ ему на то, что случилось въ прекраснѣйшемъ ⁷⁴ королевствѣ Чешскомъ *чрезъ козни одного еретика*, и что онъ (Кохлей) намѣренъ, болѣе сожалея, чѣмъ обличая, изложить откровенно, на основаніи старыхъ рукописей ⁷⁵. Далѣе, говоря для Французскаго Епископа о страшномъ вредѣ, который можетъ произойти для всей Франціи отъ сосѣдняго съ нею ученія Кальвина, Кохлей говоритъ: „Такъ, если въ цвѣтущее время ⁷⁶ королевство „Чешское принесло столько опасности, смятеній и гибели чрезъ „огромное пространство земли, чрезъ столькія страны и чрезъ „самое море, тѣмъ молодымъ Чехомъ, который принесъ сюда не „многія Латинскія (которыя Гусъ, потомъ, перевелъ на Чешскій „языкъ) сочиненія Виклефа, то какія бѣдствія могутъ послѣдовать для Франціи отъ распространенія Кальвинизма ⁷⁷.“ Предъ подробнымъ оглавленіемъ своей исторіи Кохлей, между прочимъ, замѣчаетъ: „Въ этой книгѣ читатель найдетъ упоминаніе о многихъ дѣйствіяхъ и прочтетъ многіе документы, найденные въ разныхъ старыхъ рукописяхъ“ ⁷⁸. Въ концѣ самой исторіи (р. 441) находимъ извѣстіе, что она сочинена въ Дрезденѣ, при Герцогѣ Саксонскомъ, Георгѣ, въ 1533 году. Въ предисловіи къ изданному имъ трактату Рокицаны, Кохлей, обращаясь къ Шведскому Архіепископу и изгнаннику, Олаю, сначала жалуется на то, что онъ въ

обличающій ложъ Энея, наивно замѣчаетъ: „*Haec Aeneas Sylvius, ceterum in vetusto codice clarius, licet non elegantius, hac de re dictum est.*“

⁷⁴ Pulcherrimum Regnum Bohemiae, p. 5.

⁷⁵ Deplorans potius, quam exprobrans, bona fide ex antiquis codicibus commemoravi.

⁷⁶ Florentissimum r. B.

⁷⁷ Здѣсь Кохлей показалъ не мало историческаго предвѣдѣнія.

⁷⁸ Multa est in hisce libris epistolarum gestorunque commemoratio ex variis et vetustis exemplaribus collecta.

чужихъ земляхъ видить къ себѣ болѣе сочувствія и уваженія, чѣмъ въ своей родной. Далѣе, относительно своей исторіи Гуситовъ и цѣли ея, самъ Кохлей замѣчаетъ: Я издаю это не изъ „ненависти или презрѣнія къ кому либо; напротивъ, я отъ Чеховъ, не видѣлъ ничего, кромѣ добра, а между ними имѣю многихъ добрыхъ знакомыхъ. — Все это написалъ я въ примѣръ „и наставленіе нѣкоторыхъ набожныхъ Католиковъ, особенно „Нѣмецкихъ, которыхъ теперь новыя главы сектъ стараются увлекать въ мнѣнія, болѣе вредныя и опасныя, нежели каковы были мнѣнія Гуситовъ.“ Что касается до трактата Рокацины о „Таинствахъ, то Кохлей счелъ его нужнымъ издать, для того, „чтобы нынѣшніе Гуситы въ Чехіи, а Лютеране и послѣдователи Цвинглія въ Германіи, узнали, сколько удалились они отъ „истиннаго ученія Церкви и мнѣній Св. Отцевъ (на сужденіе „которыхъ ссылается и самъ Рокицана, который, въ теченіи „многихъ лѣтъ, изъ всѣхъ Гуситовъ былъ злѣйшій врагъ и „носитель Церкви и Римскаго Первоосвященника).“ Мы разсмотримъ этотъ трактатъ въ своемъ мѣстѣ. Помѣстивъ, въ видѣ дополненія къ своей исторіи, Рокицаны *De septem Sacramentis Ecclesiae*⁷⁹, Кохлей далѣе переходитъ къ трактату Пржибрама *De professione fidei Catholica et errorum revocatione*, который scriptus est Pragrae 1428 г. Этому трактату предшествуетъ очень замѣчательное посланіе Кохлея къ Іоанну Газенбергу, Епископу Литомѣржицкому, котораго онъ зналъ уже болѣе 20 л. Изъ него узнаемъ, что онъ былъ въ Чехіи, а именно въ Прагѣ и Литомѣржицахъ, и что Кохлей самъ ни слова не зналъ по Чешски: переводчикомъ ему и въ дружескомъ разговорѣ служилъ выше сказанный Епископъ Литомѣржицкій. „А ты, обращается къ нему Кохлей, превосходно знаешь свой отечественный языкъ и „отлично говоришь на немъ не только дома, но и въ проповѣдяхъ, „произносимыхъ всенародно (предъ всѣмъ народомъ): ему ты училъ Эрцгерцоговыхъ дѣтей и Императора, которые будутъ имѣть „великую выгоду отъ того при управленіи дѣлами.“ Замѣчательно еще слѣдующее мѣсто Кохлея изъ этого же письма: „Вамъ, „которые изъ личнаго обращенія со мною, знаете очень хорошо

⁷⁹ *Tractatus Magistri Ioannis Rokycanae, Bohemi, de septem sacramentis Ecclesiae* (p. 440—500).

„мой характеръ и правила; извѣстно, что я не позволилъ себѣ „ни малѣйшей горечи, ни малѣйшаго пристрастія противъ племени Чешскаго. А каковы мои занятія этимъ народомъ, которыми я посвятилъ столько лѣтъ, это увидить легко изъ того, „что я нынѣ издаю, всякій благорасположенный читатель.“ Затѣмъ Кохлей упоминаетъ о трудахъ людей, предшествовавшихъ ему и посвятившихъ силы свои одному съ нимъ предмету: онъ приводитъ Энея Сильвія, Альберта Саксонскаго или Альберта Кранца, Ганноверскаго декана, въ его *Vandalia*, Іоанна Штумпфа, Швейцарца, который собралъ и напечаталъ въ Торговѣ (Torgau) много свѣдѣній о Гусѣ. „Этотъ послѣдній писалъ свою книгу довольно спустя послѣ того, какъ я, Кохлей, окончилъ свою, и потому я, при составленіи ея, не могъ ничего изъ нея заимствовать⁸⁰. Разсказъ Штумпфа, какъ Цвингліанца, заподозриваетъ Кохлей. Что касается до Кранца, то этотъ сочинитель многихъ исторій, въ своей *Vandalia*, состоящей изъ XIV книгъ, собралъ многое, что относится къ дѣйствіямъ Гуситовъ, но набросалъ это безъ всякаго опредѣленнаго и строгаго порядка. Заключение письма слѣдующее: „Будьте увѣрены, что я предпринялъ этотъ трудъ въ славу и честь славнаго народа и твердаго племени Чеховъ, откуда прочіе народы, особенно Германскій, узнаютъ, сколь упорныя гоненія и битвы вытерпѣли Чешскіе Католики⁸¹.“ — Наконецъ, остается еще, изданное Кохлеемъ, его собственное сочиненіе *Philippica Septima contra Melanchtonem*, которое, впрочемъ, къ намъ не относится. Кохлей жилъ въ самый разгаръ Лютеровой реформаціи; въ качествѣ богослова, онъ долженъ былъ, волею, неволею, защищать Католическую Церковь отъ нападковъ многочисленныхъ Протестантскихъ проповѣдниковъ. Это заставило его поискать корня Лютеранизму, напасть на него въ самомъ его сердцѣ и обратиться къ изслѣдованію исторіи, которая одна могла дать ему средства бороться съ успѣхомъ противъ враговъ. Это историческое изслѣдованіе показало ему, что ученіе Гуса есть корень послѣдующаго ученія Лютера и возбуждало въ немъ охоту прослѣдить развитіе перваго. Кохлей принялся за дѣло съ замѣтнымъ искусствомъ и талантомъ и исполни-

⁸⁰ *Cochlaci* p. 502.

⁸¹ *Cochlaci* p. 500—549 и p. 549—598 — *Philippica*.

нилъ, свое дѣло возможно добросовѣстно. Пользуясь имъ, мы будемъ здѣсь брать на разсмотрѣніе только самые факты, сообщаемые Кохлесомъ, а его личныя мнѣнія, какъ порожденныя его убѣжденіями и извѣстнымъ порядкомъ вещей и сравнивать ихъ съ тѣми же фактами по другимъ источникамъ. Кохлей болѣе историкъ, нежели богословъ, но и тотъ и другой вмѣстѣ составляютъ болѣе частный личный его характеръ; во всякомъ случаѣ мы очень много обязаны Кохлею и тѣмъ важнымъ актамъ, которые необходимы были намъ при изученіи духа Чешскаго народнаго исповѣданнаго движенія въ связи съ политическимъ его бытомъ ⁸².

Очень важны по своему содержанію тѣ прибавленія, съ которыми *Фрегеръ* въ *Scriptores Rerum Bohemicarum* издалъ исторію Чехіи Энея Сильвія; вотъ они: 1) *Poggii Florentini de Hieronymi haeretici obitu et supplicio narratio* ⁸³, столь необходимое для полнаго понятія о характерѣ и дѣйствіяхъ этого славнаго мученика за свободу Чехіи; 2) *Quomodo Bohemi vocati productique sint ad Basiliensem Synodum Oecumenicam et quid illic egerint*, ex verbosissimis commentariis compendio relatum, изображаетъ очень хорошо отношенія, въ которыхъ стали Чешскіе Гуситы къ Германіи ⁸⁴. 3) Описаніе путешествія Энея Сильвія въ Таборъ и въронсповѣднаго прѣнія, которое имѣло тамъ мѣсто: сочиненіе ⁸⁵, изображающее намъ пристрастно, но подробно, состояніе Чешскихъ Таборитовъ.

Iacobi Piccolomini, Cardinalis Papiensis, de Hussitis et Georgio Pogiebracio (Подѣбрадѣ), Bohemorum Rege historica narratio (ex commentariorum ejus l. VI desumpta), написана съ самой Пэпистской точки зрѣнія: сочинитель болѣею частью списываетъ Энея Сильвія, но прибавляетъ, особенно относительно Юрія Подѣбра-

⁸² Дальнѣйшее историческое изслѣдованіе болѣе и ближе оправдываетъ историческую честь Кохлея; такъ Палацкій подтверждалъ его рассказъ объ осужденіи книгъ Виклефа и Гуса вмѣстѣ съ прочими.

⁸³ *Freheri* p. 143—145.

⁸⁴ *Freheri* p. 158—170. Онъ предполагаетъ, что это извлеченіе принадлежитъ Энею Сильвію; во всякомъ случаѣ оно очень важно и заключаетъ, въ видѣ дополненія, на концѣ просьбы и предложенія, сдѣланныя Чехами, и рядомъ съ ними отвѣты Собора.

⁸⁵ *Freheri* p. 181 — 193 въ видѣ письма Энея Сильвія къ Кардиналу Карваллу.

да, подробности, которыхъ у того нѣтъ; здѣсь находимъ довольно подробный разсказъ о знаменитой борьбѣ Юрія Подѣбрада съ Папскимъ престоломъ ⁸⁶.

Melchioris Goldasti Heiminsfeldii Commentarii de Regni Bohemiae incorporatorumque provinciarum juribus et privilegiis, in libros VI divisi ⁸⁷. Эта книга заключаетъ въ себѣ нѣсколько очень важныхъ изслѣдованій о Чешскомъ правѣ сравнительно съ Германскимъ и проливающихъ ясной свѣтъ на отношенія Чехинъ къ Имперіи, какъ члену ея. Впрочемъ, самыя изслѣдованія мы оставимъ въ сторонѣ: для насъ важенъ приложенный, въ пополненіе, къ нимъ: *Appendix, in quo continentur privilegia, documenta et alia instrumenta*, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ ⁸⁸; вотъ тѣ, которыя послужатъ намъ къ яснѣйшему представленію событій: 1) *Imperatoris Sigismundi edictum de salvo conductu Hussi, 1414* ⁸⁹. 2) *Copia literarum Regis Sigismundi ad Barones regni Bohemiae foventes memoriam Hus, 1417* ⁹⁰. 3) *Articuli XXIV a Patribus Concilii Constantiensis praescripti, ad reducendos ab Hussica haeresi Bohemos, a. 1417*. 4) *Articuli excessuum et culparum contra Regem Ungariae, quas intulit Regno et Coronae Bohemiae, oblatis eidem per Barones ac Civitates Bohemiae, a. 1421*. 5) *Epistola Hussitarum ad quendam Principem et ad Lusatiae populos, a. 1421*. 6) *Dehortatoriae literae Martini Pontificis, ad Vitoldum, Ducem Lithuaniae, a. 1422*. 7) *Compactata Pragae proposita, a. 1433*. 8) *Litterae Thaborensium sacerdotum, a. 1434*. 9) *De gratiis Deo agendis, pro victoria Bohemorum adversus Thaboritas, a. 1434*. 10) *Sigismundi Imp. Decretum, quo compactata et concordata Legatorum Synodaliū de calicis usu laicis petentibus concedendo, iterum comprobavit confirmavitque Iglaviae in Moravia, a. 1434*. 11) *De conciliatione Bohemorum in materia articulorum fidei, in Comitibus Imperialibus Ratisbonae concludenda, a. 1434*. 12) *Responsa Legatorum Conci-*

⁸⁶ *Freheri*, p. 206—221.

⁸⁷ Ученая дѣятельность Гольдаста относится къ первой половинѣ XVII ст. и его соч. *Commentarii de regni Bohemiae juribus ac privilegiis* вышло въ первый разъ въ 1627, а въ 1719 издано съ дополненіями 1. Германномъ Шминкомъ.

⁸⁸ Этотъ *Appendix* занимаетъ 243 страницы въ л.

⁸⁹ Есть въ соч. Гуса Т. I.

⁹⁰ У Кохлая есть.

lii ad dubia Bohemorum, a. 1435. 13) Copia Mandati pro obedientia sub sigillo Regni, a. 1435. 14) Formula Pactionum Imperatoris Sigismundi cum Bohemis, a. 1435. 15) Executoria Dominorum Legatorum, super Compactatis data Bohemis, a. 1436. 16) Sigismundi Imperatoris confirmatio articulorum, cum Hussitis concordatorum per legatos Synodales, an. 1436. 17) Literae concordiae, Thaboritis concessae, an. 1436. 18) Literae Magistrorum Pragensium super IV arbitris, an. 1436. 19) Tenor literarum Sacri Concilii, an. 1436. 20) Tenor literarum Imperatoris et Ducis Alberti, an. 1436. 21) Tenor literarum Concilii. 22) Copia mandati ad subditos Regni Bohemiae et Marchionatus Moraviae pro pace servanda, an. 1436. 23) Articuli editi per Magistros et Clerum Pragensem, Feria IV ante festum S. Viti, a. 1442. 24) Responsum Cardinalis S. Angeli, legati de latere, ad articulos, sibi oblatos, per generalem Congregationem Regni Bohemiae, an. 1448. 25) Bulla Nicolai V ad Capistranum, an. 1451. 26) Epistola Nicolai de Cusa Cardinalis ad Bohemos, an. 1452. 27) Epistola Ladislai Regis ad Pragenses, an. 1455. 28) Pontificis Romani vocatio Georgii Regis Bohemiae ad conventum Mantuanum, an. 1458. 29) Friderici III Confirmatio Privilegiorum Boemicorum, an. 1459. 30) Literae Baronum Regni Bohemiae ad Slesitas, an. 1459. 31) Bulla Pontificis ad Vratislavienses, an. 1459. 32) Pontificis epistola ad Georgium Regem Bohemiae, an. 1459. 33) Formula concordiae, inter Regem et Vratislavienses factae, an. 1460. 34) Capitula concordiae, a Vratislaviensibus proposita et petita, atque etiam obtenta, an. 1460. 35) Bulla Pii II Papae, Georgii Regis Bohemiae, iuramentum continens, an. 1463. 36) Literae deprecatoriae Georgii Regis Bohemiae, ad summum Pontificem, an. 1463. 37) Responsum Pontificis ad intercessionem Friderici III pro Georgio rege Bohemiae, an. 1463. 38) Recognitio Ferdinandi I Imperatoris de libera electione Bohemica, an. 1526. 39) Obligatio Ferdinandi I de conservatione privilegiorum Boemicorum, an. 1526. 40) De haeresi sacramentaria Zwinglianorum exterminanda, an. 1534. 41) Ferdinandi Imp. aurea bulla de societate Jesu, an. 1563. 42) De exercitio religionis libero Augustanae Confessionis et interdicto aliarum sectarum, an. 1564. 43) Iudicium de Brocardo Baronio Italo, qui consultationem quandam Pontificis Romani de extirpandis in Bohemia, Moravia, Slesia etc. Evangelicis, a. 1603 per Germaniam divulgavit. 44) Rudolphi II edictum de pace religionis concessa Bohemis et conjunctarum Provinciarum incolis, Silesiis, Moravis, Lusatis, a. 1609. 45) Ferdinandi Archiducis Pactum cum Rege

Hispaniarum de successionе Hungariae et Bohemiae, an. 1617. Издатель сочиненія Гольдаста, Шминкъ, присоединилъ опущенные этимъ послѣднимъ акты, заимствовавъ ихъ изъ *Miscellanea* Бальбина. Изъ нихъ ⁹¹ для насъ замѣчательны: 1) *Salvus Conductus, datus a Caesare Friderico Bohemis, ut Comitia Viennae celebrare possint, an. 1447.* 2) *Concordia inter Vladislaum, Bohemiae Regem, et Matthiam Hungariae, an. 1478.* 3) *Litterae Rudolphi II, datae Ordinibus Bohemiae pro fratre suo Archiduce Matthie.* 4) *Reversales litterae Archiducis Matthiae, datae Ordinibus Bohemiae, an. 1608.* 5) *Imperatoris Matthiae litterae reversales ante suam coronationem, a. 1611.* 6) *Regis Matthiae Reversales et obligatio universalis quoad religionem et privilegia, post coronationem Ordinibus datae, an. 1611.* ⁹² Изъ документовъ исторіи Чехіи на Нѣмецкомъ языкѣ, помѣщенныхъ во второй части Гольдаста, мы пользовались слѣдующими: 1) *Kayser Sigmunds Schreiben an die Landtsstaende zu Czaslau versamblet, 1421.* 2) *Kayser Sigmunds anderweit Sohreiben an den Landtag zu Czaslau.* 3) *Antwort aus d. Czaslavischen Landtag auf Kayzers Sigmunds Schreiben, an. 1421.* 4) *Beschluss des Landtags zu Czaslau gehalten, an. 1421.* 5) *Kayser Sigismundi erste concoordata mit den Staenden des Koenigreichs Boeheim, a. 1435.* 6) *Kaysers Sigismundi privilegium den Prageru gegeben sonderlich wegen der Religion, 1435.* 7) *Kayserliche Obligation den Staenden des Koenigreichs Boehmen gegeben, an. 1436.* 8) *Kayser Sigmunds Goncession wegen der freyen Wahl eines Ertzbischoffs zu Prag, an. 1436.* 9) *Königs Ladislai Juramentum, so er hat sollen auf den Graentzen schweren, aber erst hernacher zu Prag bey der Krönung geleistet worden, an. 1453.* 10) *Koenigs Georgen Jurament bey der Krönung geschworen, an. 1458.* 11) *Kayser Fridrichs Lehenbrieff, König Wladislawen gegeben, über Boeheim a. 1477.* 12) *Знаменитый актъ: Kayser Rudolphis Majestaet-Brieff den Ständen des Königreichs Boeheim gegeben über die Freyheit der Religion, an. 1609.* 13) *Articul und Vergleichung von Verordnung, Gewalt und Verrichtung der Defensorum, desgleichen von Uebergab des Consistorii und der Academien, auch dem rechtlichen Austrag in vorfallenden Religions-Streitigkeiten, a. 1609.* 14) *Kayser Rudolfs Majestätbrieff, Religionsfrieden den Herrn Fürsten und Ständen in*

⁹¹ *Goldasti* p. 244—351.

⁹² *Goldasti* t. II p. 269—409.

Schlesien gegeben, an. 1609. 15) Königliche Ladung an Herrn Heinrichen von Wallenstein, wegen eines auf sein Anordnung gedruckten Famoslibells, a. 1617. 16) Extract aus der Landtags Proposition, so gehalten zu Prag, den 18 Martii, an. 1619 17) и 18) Два списка лицъ, которые на сеймъ Чешскомъ, Марта мѣсяца, 1619 года, лишены чиновъ и навсегда изгнаны изъ Чехи. 19. Confirmation aller Privilegien Чешскаго Королевства Фердинандомъ II-мъ (1619). Большая часть актовъ, помѣщенныхъ въ первомъ разрядѣ, находятся у Кохла, которому первому (сколько намъ извѣстно) принадлежитъ честь попытки составить исторію какого н. времени на основаніи дипломатическихъ актовъ. Хотя онъ ими не воспользовался, а помѣстилъ ихъ по порядку времени въ своей исторіи, однако, онъ уже за свою добросовѣстность, съ которою обращался къ самымъ источникамъ исторіи, заслуживаетъ, чтобы дать ему мѣсто въ ряду историческихъ изслѣдователей несравненно выше, нежели какое занимаютъ Эней Сильвій, Дубравскій, Гаекъ и под. имъ.

10. *Dubravii, Olomucensis Episcopi, historia Bohemica, ab origine gentis per diversas temporum et familiarum vices usque ad Ferdinandi Imp. et Regis auspicia deducta*, изданная съ прибавленіями и объясненіями Томой Іорданомъ ⁹³. Изъ предисловія, написаннаго въ 1574 году, отъ лица одного медика, Іоанна Крато, къ Рудольфу и Эрнесту, Эрцгерцогамъ Австрійскимъ, узнаемъ, что Дубравскій, Епископъ Голомуцкій, напечаталъ въ Моравскомъ городѣ *Проптіевъ* свою Чешскую исторію въ 1551 г., но что она извѣстна очень немногимъ: это-то было главною причиною, понудившею издать вновь, въ болѣе исправленномъ видѣ, исторію Дубравскаго. Дѣло это взялъ на себя Іоаннъ Іорданъ, медикъ: издатель совѣтовалъ ему сличить извѣстія, сообщаемыя Дубравскимъ, съ тѣмъ, что говорятъ объ нихъ Угорскіе, Чешскіе и Силезскіе историки. „Но, замѣчаетъ самъ издатель, относительно дѣлъ Чешскихъ и Моравскихъ существуетъ очень не много Латинскихъ источниковъ и даже, если исключить записки Энея, или лучше сказать его вымыслы (*praeter commentaria. Aeneae S. seu*

⁹³ — a Thoma Jordano Medico novis Genealogiarum Episcoporum, Regum, Ducum Catalogis, necessariis atque annotationibus ornata et illustrata, Napoviae, 1602.

potius „*opinionum commenta*“), вовсе нѣтъ никакихъ.“ Дубравскій отличается постояннымъ недоброжелательствомъ Нѣмцамъ, а также и крайнимъ пристрастіемъ ко всему, что касается интересовъ Католицизма вообще и его ордена въ частности. После очень замѣчательныхъ генеалогическихъ таблицъ Королей Чешскихъ, Польскихъ и Угорскихъ по Иордану, слѣдуетъ краткая *Vita authoris*. Іоаннъ Дубравскій родился въ Пызнѣ: родъ, изъ котораго онъ происходилъ, назывался, до полученія дворянскаго достоинства, *Скала*. Онъ воспитывался въ Италіянскихъ Университетахъ и, по возвращеніи оттуда, сдѣлался помощникомъ Станислава Турзы, Епископа Голомуцкаго. Іоаннъ Дубравскій по смерти его занялъ Епископство Голомуцкое, которое оставалось за нимъ до самой смерти: въ этомъ званіи онъ былъ посредникомъ въ великомъ спорѣ Силезцевъ и Чеховъ, а потомъ и членомъ Коммиссіи, которой назначено было судить виновныхъ въ заговорѣ противъ Фердинанда, и дѣйствовалъ очень умно и благородно ⁹⁴. Исторія Чехіи Дубравскаго простирается отъ начала Чешской земли до несчастной Могачьской битвы (26 Августа, 1526), и исторія Гуса и его послѣдователей занимаетъ въ ней довольно мѣста ⁹⁵. Дубравскій рѣшительно нигдѣ не указываетъ на источники, изъ которыхъ онъ почерпнулъ свой рассказъ: въ томъ, что онъ говоритъ о Гусѣ, видно вліяніе на Дубравскаго исторіи Энея Сильвія; не смотря на то, что Дубровскому былъ извѣстенъ Чешскій языкъ, его природный, нигдѣ, однако, не замѣтно, чтобы онъ пользовался источниками родными. Что касается до историческаго значенія исторіи Дубравскаго, то это болѣе рассказъ старика, много видѣвшаго и слышавшаго въ свою жизнь, нежели основательный и подробный рассказъ умнаго и смѣтливаго лѣтописца. Если Эней Сильвій позволилъ себѣ изъ своей собственной головы сочинить (въ полномъ смыслѣ этого слова) исторію, и представлять за историческіе факты догадки и соображенія свои, то Дубравскій составилъ свою исторію изъ народныхъ рассказовъ. Извѣстно,

⁹⁴ См. *Vita Dubravii* p. 1. Эти подробности сохранены Яномъ изъ *Библиотѣки*, который, учившись въ дѣтствѣ у Епископа, принужденъ собственною рукою переписать большую часть соч. Епископа.

⁹⁵ Все соч. заключаетъ въ себѣ тридцать три книги; съ 23 й излагаются извѣстія о Чешскомъ вѣроисповѣдномъ движеніи.

что народъ, какъ дитя, удерживаетъ въ памяти внѣшнюю сторону событія, тѣ его черты, которыя представляютъ что-нибудь новое и странное: такъ и Дубравскій ищетъ во всѣхъ событіяхъ ихъ внѣшней стороны, ихъ подробностей, иногда разукрашенныхъ воображеніемъ народа. Онъ не ищетъ истины и не заботится объ ней, но старается собрать какъ можно болѣе невѣроятныхъ, удивительныхъ частныхъ, и онъ исполнилъ это такъ хорошо, что вся исторія, отъ первой до послѣдней страницы, есть собраніе народныхъ разсказовъ по поводу того или иного событія, состоитъ изъ эпизодическихъ статей касательно того или иного, особенно многосторонняго, происшествія. Но, по нашему, мнѣнію, болтливость Дубравскаго полезнѣе наглости Энея: первый, собирая нарочные разсказы, хоть не значай могъ просто-душно высказать истину, тогда какъ второй слишкомъ уменъ для того. При такомъ образѣ мыслей Дубравскаго исторіей его презирать не должно, но необходимо съ строгою критикою изслѣдывать его извѣстія и тщательно отдѣлять ложь отъ истины⁹⁶.

Wacława *Hayka z Liboszan Kronyka Czeska*, въ Прагѣ 1541, въ л. ⁹⁷. Іоаннъ Сандель перевелъ эту книгу на Нѣмецкій языкъ и издалъ въ 1596 году въ Прагѣ въ л. Вацлавъ Гаекъ изъ Либочанъ, проповѣдникъ при монастырѣ св. Оомы, на Малой Странѣ, въ Прагѣ, посвятилъ свой трудъ Императору Нѣмецкому и Королю Чешскому, Фердинанду 1-му. Предисловіе постоянно толкуетъ о пользѣ исторіи, а ничего объ источникахъ ея и направленіи, которому намѣренъ былъ послѣдовать Гаекъ; но въ немъ замѣчательны двѣ частности: первое, онъ съ глубокою горестію упоминаетъ о сожженіи Архивовъ и актовъ Королевства, въ кото-

⁹⁶ За исторією Дубравскаго помѣщено тотчасъ небольшое сочиненіе, въ видѣ дополненія, подъ заглавіемъ „Catalogus Episcoporum Olomucensium“, гдѣ исчислены Епископы Голомуцкіе отъ св. Кирилла, поставленнаго будто бы на Епископство Велеградское, до Станислава Турзы. Это сочиненіе принадлежитъ Августину, прѣерозиту церковей Голомуцкой и Бърнской, и находится у Freheri R. B. p. 276—286; въ немъ встрѣчаемъ подробности объ извѣстномъ Конрадѣ, въ послѣдствіи Пражскомъ Архіепископѣ.

⁹⁷ Перепечатано въ 1819 г., въ листѣ: этимъ изданіемъ я пользовался.

ромъ погибли всѣ лѣтописи исторіи и драгоцѣнные акты. Второе, то, что исторія его, по словамъ его, должна представить сводъ всѣхъ иныхъ Чешскихъ лѣтописей, очищенныхъ, въ ихъ естественномъ порядкѣ. Послѣ краткаго и неважнаго вступленія, находимъ списокъ /всѣхъ лѣтописей и источниковъ, которыми пользовался Гаекъ. Посмотримъ, какими источниками пользовался Гаекъ для исторіи великаго Чешскаго религіознаго движенія въ XV вѣкѣ: это были: Aeneas Sylvius, Mistr Wawřynec z Březowa — и только. Но Гаекъ принадлежитъ къ числу историковъ, которыхъ не очень затрудняетъ недостатокъ источниковъ, который они могутъ легко восполнить свою собственною фантазіею. Огромное вліяніе, которое имѣли книги Гайка на народъ Чешскій, условилось самою наружною формою хроники, которая, представляя непрерывный связанный рассказъ, индѣ оживленный рѣчами дѣйствующихъ лицъ, заключаетъ сходство съ историческими книгами Ветхаго Завета. Критики касательно большей или меньшей достовѣрности событій, внесенныхъ имъ въ исторію, у Гайка нѣтъ вовсе, да и тщетно было бы искать ее у него, простаго рассказчика, не болѣе. Исторія Гайка, которая простирается до 1517, не вся одинаковаго достоинства: лучшая и достовѣрнѣйшая часть ея это та, гдѣ Гаекъ записываетъ то, чему былъ самъ свидѣтелемъ, то, что случилось предъ его глазами; это въ первой четверти XVI-го стол. Вторая часть представляетъ смѣсь истины съ ложью и въ ней истинныя событія украшены небывалыми подробностями, даже подлинными разговорами разныхъ дѣйствующихъ лицъ. Здѣсь нельзя не замѣтить методы Гайка: за основаніе бралъ сухой фактъ, но онъ разлагалъ его на составныя части и каждую часть украшалъ, дополнялъ, пересдѣлывалъ по своему, доколѣ самое событіе принимало совершенно иной, нежели какой оно имѣло прежде, видъ. Къ этой-то второй части относятся и событія Гуситскаго періода: съ перваго взгляда удивимся, заглянувъ въ исторію Гайка, откуда этотъ человѣкъ набралъ столько свѣдѣній новыхъ, нигдѣ болѣе не встрѣчаемыхъ, но, разсмотрѣвъ подробное описаніе событія, видимъ, что Гаекъ давалъ полную волю своему воображенію и присоединялъ тамъ подробности, гдѣ мы видимъ одинъ фактъ. Потому книга Гайка, очень занимательная для читателя, мало полезна для историческаго изслѣдованія; но не должно пренебрегать и тѣми немногими драгоцѣнными свѣдѣніями, которыя зарыты въ хламъ

подозрительныхъ и сомнительныхъ частностей. Касательно отношенія Дубравскаго къ Гайку, замѣтимъ, что Дубравскій собираетъ анекдоты, дѣйствительно случившіеся, форму воспоминаній народа о рѣшительныхъ минутахъ его жизни, представленіе народа о томъ или иномъ лицѣ. Гаякъ сообщаетъ такія же частныя подробности, но не изъ жизни народа заимствованныя, а записанныя на основаніи размышленій, изобрѣтенныя досужимъ воображеніемъ такъ, что одно непонятое или странное слово или имя, стояще въ современной хроникѣ, должно было непременно быть объяснено, а въ слѣдствіе того возникала цѣлая басня по поводу или непонятаго звука, или переставленной запятой. Третья часть исторіи Гайка, содержащая древнѣйшую исторію Чехіи, состоитъ вся сплошь изъ басенъ, сказокъ и небывальщины.

Наконецъ, остается намъ разсмотрѣть три сочиненія, изданныя уже послѣ того, какъ иго религіознаго и политическаго деспотизма подавило всякую самостоятельную жизнь въ Чехіи, сочиненія, изданныя Чешскими изгнанниками, поставленныя ими какъ памятники славнаго былаго ихъ отчизны, теперь уже памятники надгробные. Грустно и вмѣстѣ умилительно читать эти сочиненія, проникнутыя живою любовью къ родинѣ, къ ея чести и славѣ. Бѣдные изгнанники, которыхъ прихоть деспота осудила на вѣчное изгнаніе, позаботились, прежде всего, о томъ, чтобы, если въ настоящемъ все для Чехіи погибло, такая же участь не постигла и великихъ воспоминаній Чешскаго народа, чтобы потомство не было обмануто торжественными кликами побѣдителей, заглушавшими слабый стонъ побѣжденныхъ. Древняя славная Чехія кончила свое славное существованіе жертвою несогласія и низкой измѣны; но она завѣщала исторіи рядъ блестящихъ подвиговъ, страницы самихъ величественныхъ воспоминаній. Отъ того-то несчастные Чехи, имѣвшіе горе пережить вѣкъ славы и свободы своего отечества, смотрѣли и сами на исторію его, какъ бы на оконченную, и потому старались сохранить хотя что нибудь потомству изъ его славныхъ воспоминаній.

I. *Historia persecutionum Ecclesiae Bohemicae, jam inde a primordiis conversionis suae ad Christianismum, hoc est a. 894 ad annum usque 1632, Ferdinando Secundo Austriaco regnante, in qua inaudita hactenus arcana politica, consilia, artes, praesentium bel-*

lorum verae causae et judicia horrenda exhibentur⁹⁸ (A. D. 1648). Обыкновенно приписываютъ эту книгу Іоанну Амосу Коменскому, или Коменіусу, извѣстному ученому, родомъ Моравцу, „изгнанному, вмѣстѣ съ другими Некатоликами, изъ Чехіи въ 1627. „Типографщикъ пишетъ въ предисловіи, что ему случайно попала въ руки рукопись съ надписью: *Synopsis historica persecutionum Ecclesiae Bohemicae*. Отъ друга своего, доставившаго „ему ее, онъ узналъ, что авторы предполагали издать ее, въ видѣ „приложенія, при *Martyrologium Fockii*, и что, послѣ неудачи ихъ „предначертаній, они оставили рукопись ненапечатанною, предполагая собрать болѣе матеріаловъ и издать подробную исторію „своего времени; но такъ какъ, продолжаетъ типографщикъ, я „узналъ, что нѣкоторые изъ собирателей этой исторіи (*historiae hujus collectores*) умерли, то я рѣшился сохранить это „для читателей, желая, чтобы не погибло это сочиненіе, заключающее въ себѣ исторію Церкви, и проч.“ Предисловіе неизвѣстнаго (*Pio lectori S.*) исполнено грусти невыразимой: онъ тоскуетъ по отечествѣ, по вѣрѣ.... касаясь слегка несчастій, постигшихъ Церковь Чешскихъ Братьевъ, онъ примѣняетъ къ Фердинанду II эти страшныя слова Маккавея: „Мы терпимъ за грѣхи наши, но, ты, который ведешь войну съ Богомъ, налагая „руки на его служителей, не избѣжишь суда Всемогущаго.“ Относительно цѣли сочиненія, авторъ говоритъ, что издатели *Martyrologii* Фокса отыскивали и собирали вездѣ дополненія для новаго его изданія: „Услышавъ это (слова сочинителя) соотечественники мои, разсѣянные по Бельгіи, не отказались присоединить и описаніе нашего гоненія и изгнанія, и написали къ братьямъ, разсѣянными по Мишнѣ, Польшѣ и Угріи, прося у нихъ „подробнѣйшихъ извѣстій касательно разныхъ частныхъ происшествій, относящихся къ этому времени.“ При этомъ случаѣ неизлишнимъ показалось присоединить краткія извѣстія, заимствованныя изъ лѣтописей (*ex annalium nostrum monumentis assurgatius excerpta*), относительно религіозныхъ страданій Чешской Церкви отъ крещенія ея въ Христ. вѣру до гоненія Фердинанда II-го. Изъ древнихъ Чешскихъ историковъ замѣтно толь-

⁹⁸ „Написанная, прибавляетъ онъ, 14 лѣтъ тому назадъ,“ слѣдственно въ 1634 году.

ко знаніе Дубравскаго; все же относительно времени религіознаго гоненія записано со словъ очевидцовъ. Изъ 107 главъ, изъ которыхъ состоитъ все сочиненіе, 43 относятся къ исторіи Чехин до Бѣлогорской битвы, а остальные 64 содержатъ въ себѣ описаніе борьбы Фердинанда II съ вѣроисповѣднымъ упорствомъ Чеховъ, которые, легко отказывавшись отъ политической свободы, твердо и крѣпко стояли за свою религіозную свободу, за свои духовныя и нравственныя права. Разныя явленія этой борьбы, гдѣ народъ Чешскій показалъ столько благороднаго, страдательнаго сопротивленія, записаны въ разсмотрѣнномъ нами сочиненіи ⁹⁹.

2. *M. Paulus Stransky de republica Bohemiae*, книга, изданная въ первый разъ въ Лейденѣ въ 1634 году ¹⁰⁰. Сочиненіе это посвящено сыновьямъ несчастнаго Фридриха Пфальцкаго, погубившаго себя и Чешскую землю, Роберту и Маврикію. Оно заключаетъ въ себѣ подробное описаніе Чешской земли во всѣхъ отношеніяхъ такую, какою она существовала до гибельнаго Бѣлогорскаго сраженія ¹⁰¹. Разнообразіе предметовъ и важность этой книги достаточно показываетъ ея содержаніемъ: Caput I. De situ et qualitatibus Bojemiae. II. De districtibus Bojemiae. III. De statu Bojemiae. IV. De incolis Bojemiae et eorum moribus. V. De regimine Politico Bojemiae. VI. De religionis mutationibus et regimine ecclesiastico in Bojem., особенно для насъ важная глава. VII. De provinciis, coronae unitis. VIII. De principibus regibusque Bojemiae. IX. De reginis Boiemiae. X. De regum Bojemiae liberis. XI. De ordinibus Bojemiae. XII. De Bojemorum legibus. XIII. De comitiis Bojemorum. XIV. De muneribus seu officiis publicis in Bojemia. XV. De consilio seu consistorio regio. XVI. De tribunali bus juri dicundo constitutis. XVII. De opulentia et potentia regni Bojemiae. XVIII. De re numaria et computandi ratione. XIX.

⁹⁹ См. выше стр. 47 и 48.

¹⁰⁰ *Respublica Bohemiae, a M. Paulo Stransky descripta. Lugd. Batav. Ex officina Elzeviriana etc.*

¹⁰¹ Слово предисловія: „Admiravi vero Remp. Bojemam, non ea facie, in quam belli hactenus flagrantis iniquitate est transformata, sed qua eam cum jam olim, tum sedente adhuc ad ejus clavum patre vestro beatae memoriae Rege, ornatisimam vidimus, quaque eam refflorescentem, a nobis et posteritate videri cum lacrymis optamus.“

De regiis redditibus. XX. De regum apud Bojemos funebralibus. Вообще это сочинение изобилуетъ чрезвычайно важными извѣстіями относительно Чехіи, хотя, должно признаться, Странскій многія изъ нихъ вносилъ такъ, на удачу: оно представляетъ все прошедшее Чехіи, которое завершено было кровавымъ гоненіемъ на Чеховъ Фердинанда II го.

Bellum Bohemicum, recensente *Andrea ab Habernfeld*, ab anno MCXVII. Lugd. Batav. 1645.¹⁰². Въ ней содержится написанное очевидно повѣствованіе о событіяхъ, повлекшихъ за собою политическое и религіозное порабоженіе Чеховъ; главное вниманіе автора постоянно устремлено на дѣла религіозныя и все, что относится къ ихъ исторіи. Кромѣ того, помѣщены, въ видѣ особеннаго приложенія, многіе акты, особенно тѣ, которыми утверждается политическая свобода Чехіи; изъ нихъ намъ принесли особенную пользу: 1) *Missiva omnium trium ordinum ad collegium electorale, Francofurti ad Moenum congregatum*. 2) *Recognitio Ferdinandi I-m Imperatoris de libera electione Bohemica*¹⁰³. — Вопросъ о религіозномъ движеніи Чешскаго народа въ XV, XVI и XVII стол. есть вмѣстѣ вопросъ всей Чешской жизни: потому источники Чешской жизни вообще суть тѣ источники, изъ которыхъ только можемъ прослѣдить историческое развитіе религіознаго переворота Чешскаго. Отдѣлить изученіе религіозныхъ явленій отъ политическихъ въ этомъ періодѣ невозможно: одні и тѣ же причины условливаютъ ихъ. Вокругъ религіозныхъ вопросовъ сосредоточивается загадка жизни и бытія Чешскаго народа: въ нихъ заключается все его прошедшее, въ нихъ же и зародышъ его блестящаго будущаго.

§. 2.

Пособія.

Подъ *пособіями* разумѣмъ не только позднѣйшія сочиненія, составленныя на основаніи первостепенныхъ источниковъ, но и современныя лѣтописи и сочиненія, которыя имѣютъ предметомъ исторію инаго народа или событія и въ которыя извѣстія о Чеш-

¹⁰² Небольшая книжечка въ 64 долю листа.

¹⁰³ *Bellum Bohemicum* p. 106 sqq.

скомъ вѣроисповѣдномъ движеніи вошли случайно или эпизодически; таковы сочиненія относительно исторіи странъ сосѣднихъ съ Чехією, дѣла которой естественно должны были найтись въ ней свое мѣсто, какъ то: лѣтописи Польскія, Нѣмецкія и Французскія; таковы же всѣ сочиненія относительно Костницкаго Собора, обезславившаго себя пристрастнымъ судомъ Гуса и Іеронима Пражскаго, въ которыхъ, какъ бы они ни были кратки, найдется извѣстіе о знаменитыхъ Чешскихъ страдальцахъ. Множество сочиненій, въ которыхъ мы должны отдать отчетъ, заставляютъ насъ приступить къ нимъ по извѣстному и заранее предначертанному порядку. Итакъ прежде всего скажемъ о тѣхъ сочиненіяхъ, которыя относятся къ исторіи самаго Гуса, въ которомъ сосредоточилось все развитіе Чешскаго религіознаго движенія, и притомъ не только тѣ, которыя излагаютъ исторію всей его жизни, но также и тѣ, которыя относятся къ одному какому ни будь частному событію его жизни; слѣдственно: А) Сочиненія относительно Гуса и относительно Костницкаго Собора. За тѣмъ мы коснемся тѣхъ сочиненій, которыя относятся къ религіозному броженію Чеховъ вообще, или къ отдѣльному какому ни будь его явленію; слѣдственно: Б) сочиненія, имѣющія предметомъ религіозное движеніе въ Чехіи до и послѣ Гуса. Наконецъ, сочиненія въ которыхъ повѣствованіе о великомъ Чешскомъ религіозномъ переворотѣ составляетъ только эпизодъ, малую часть всего труда, т. е., сочиненія касательно Чешской и Церковной исторіи будутъ разсмотрѣны по степени ихъ важности и относительнаго достоинства. Всемирное значеніе Чешскаго религіознаго переворота уже видно изъ того, что вопросъ о немъ есть вопросъ исторіи всемірной, вопросъ, который камнемъ преткновенія лежитъ на пути каждаго историка, котораго обойти невозможно: по какому направленію вы ни пойдете въ исторіи Среднихъ вѣковъ, а рано или поздно вы прійдете къ этому неизбежному вопросу: Въ какое горькое противорѣчіе съ истиною, съ самими собою впадаютъ тѣ, которые привыкли видѣть въ народахъ племени Нѣмецкаго единственныхъ представителей духовнаго развитія, которые видятъ въ Славянахъ только второстепенныхъ дѣятелей исторіи, назначенныхъ (будто бы) для того, чтобы дѣйствовать не разумнымъ развитіемъ силъ, а одною мертвою силою массы. Въ XV стол., гдѣ лучше и полнѣе развиваются жизненные вопросы челоуѣчества, какъ не у народа Чешскаго? Какой народъ

является съ большимъ правомъ представителемъ духовныхъ интересовъ челоѣчества, какъ не Чехи, ставшіе такъ твердо за права свои и вмѣстѣ права, природныя челоѣку, противъ духовнаго деспотизма Папы Римскаго, которому въ этомъ отношеніи помогала сильная аристократія свѣтскаго и монашествующаго духовенства? Какъ бы кто ни старался умышленно унижать религіозный Чешскій переворотъ XV стол., называть его однимъ случайнымъ и чисто вѣшнимъ явленіемъ частной жизни Чешскаго народа, но мы твердо убѣждены, что рано или поздно будетъ принято за историческую аксіому, что не *Германія*, а *Чехія*, первая положила основаніе теоретическое и первая сдѣлала попытку на дѣлѣ освободить челоѣчество отъ тѣхъ вѣроисповѣдныхъ и политическихъ оковъ, которыя наложены на него суевѣріемъ и обманомъ. До сихъ поръ не было ни одного сочиненія, въ которомъ опредѣлено было бы надлежащимъ образомъ значеніе Чешскаго религіознаго переворота для челоѣчества, въ которомъ показанъ былъ бы духовный смыслъ явленій, доселѣ необыкновенныхъ. Но чѣмъ важнѣе переворотъ въ жизни челоѣчества, чѣмъ болѣе слѣдствій имѣетъ онъ, чѣмъ глубже обхватилъ онъ умы людей, тѣмъ труднѣе бываетъ оцѣнить его вполне. Между тѣмъ какъ каждый охотно говоритъ истину касательно того или инаго мелкаго историческаго явленія, никто не можетъ и не смѣетъ высказать откровенно свое мнѣніе относительно великаго переворота, гдѣ были затронуты всѣ самыя глубокіе народныя интересы, гдѣ за живо были задѣты скользкіе вопросы, которыхъ рѣзкое рѣшеніе повлекло бы измѣненіе всѣхъ общественныхъ и вѣроисповѣдно-государственныхъ отношеній. Кто доселѣ измѣрилъ всю глубину и важность Чешскаго религіознаго переворота, кто оцѣнилъ его многообразныя стороны, которымъ онъ глядитъ вмѣстѣ и въ область политической, и въ область духовной, и въ область внутренней исторіи развитія? Кто вникъ вполне въ цѣль и смыслъ Чешской религіозной борьбы, опредѣлилъ и разобралъ вопросы, за которые ведена она, внутренній смыслъ въ вѣшнихъ скоропреходящихъ явленіяхъ? Кто показалъ, какое значеніе играютъ въ Чешской религіозной борьбѣ политическіе вопросы? Кто, наконецъ, обнялъ въ цѣломъ всю слишкомъ двухвѣковую Чешскую религіозную борьбу и, не теряясь въ частныхъ явленіяхъ, постарался немногими, но рѣзкими чертами опредѣлить духъ этой религіозной борьбы, главную ея идею и тѣ второстепенныя, ко-

торыхъ необходимо потомъ изъ нея развились? Кто отделилъ внѣшнія измѣняющіяся явленія отъ великихъ духовныхъ законовъ, законовъ развитія духа человѣческаго и, не останавливаясь на поверхностномъ знаніи событій, искалъ въ недрахъ народнаго Чешскаго духа источниковъ къ подлежащему рѣшенію всемірнаго значенія великаго религіозно-нравственнаго Чешскаго порыва XV стол.? Мы сказали, что чѣмъ значительнѣе какое ни будь событіе по своему внутреннему смыслу или послѣдствіямъ, тѣмъ долѣе остается оно неоцѣненнымъ вполнѣ. Самое лучшее оправданіе нашему положенію представляетъ нынѣ насъ занимающій вопросъ. Сколько толковали и писали объ немъ! Сколько разъ выставляли его въ новомъ видѣ, въ новомъ свѣтѣ! И, однако, безъ всякаго ущерба славы тѣхъ, которые приложили свои усилія и старанія къ послѣдному рѣшенію этого вопроса, смѣю можемъ сказать, что много и много осталось еще дѣлать касательно этого предмета, что необходимы и трудолюбивыя усилія историка-труженика, и разумныя соображенія историка-философа, чтобы дать видъ нѣкоторой окончанности этому великому историческому періоду.

Довольно обширное и интересное сочиненіе написалъ бы тотъ, кто изложилъ бы исторію различныхъ взглядовъ на исторію религіозной Чешской борьбы XV вѣка, исторію различныхъ мнѣній и соображеній, вызванныхъ у людей мыслящихъ наблюденіемъ ея внѣшнихъ явленій. Значительную услугу исторіи мысли чешской оказали бы тотъ, кто прослѣдилъ бы внутреннюю исторію вопроса о Чешской религіозной борьбѣ XV столѣтія, показалъ бы всѣ видоизмѣненія, которыя отражались въ ней, какъ въ зеркалѣ, произведенныя или внѣшними, внѣ власти чловѣка лежащими, условіями, или внутренними, медленно обнаруживающимися, но тѣмъ болѣе продолжительными, измѣненіями въ расположеніи умовъ, въ общественномъ мнѣніи. Послѣ приговора и казни Гуса и Иеронима на Костницкомъ Соборѣ, на этихъ обоихъ великихъ именахъ историческихъ наложено было клеймо отверженія и проклятія, еще всемогущаго. Тѣмъ драгоцѣннѣе эти имена для Чеховъ, для которыхъ съ ними связаны были ихъ жизненные вопросы, всѣ надежды на будущее: отъ того оба эти имени пользовались необыкновенною признательностью и памятью Чеховъ. Но во всей Западной Европѣ Гуса считали великимъ еретикомъ, а у Нѣмцевъ и самое имя Чеховъ стало означать ерети-

ка. При такомъ образѣ мыслей естественно было не до хладнокровной оцѣнки событій, такъ глубоко взволновавшихъ страсти всѣхъ. Отъ того, при господствующемъ нераздѣльно вездѣ (за исключеніемъ одной Чехіи) Католическомъ воззрѣніи, нечего было ожидать вѣрнаго представленія событій жизни Гуса, ужъ не говоря о его духовномъ значеніи: если бы кто изъ Католиковъ и хотѣлъ и могъ узнать истину относительно Гуса, то онъ не въ силахъ былъ познакомиться вполнѣ съ этимъ послѣднимъ, т. е., не могъ узнать его сочиненій и его дѣйствій; онъ зналъ только то, что Церковь заблагоразсудила открыть ему на этотъ счетъ. Въ Чехіи, гдѣ религіозная борьба продолжалась, гдѣ былъ пріютъ свободной мысли и самостоятельнаго историческаго изслѣдованія, произошла первая біографія Гуса, заключающая въ себѣ, по крайней мѣрѣ, историческія явленія жизни этого великаго дѣятеля. Особенно дорожили памятью Гуса и всѣмъ, что къ ней относится, Чешскіе Братья, хотя труды ихъ по этой части погибли большею частью, особенно въ гоненіе Фердинанда II го. И тѣ источники Чешскіе, которые уцѣлѣли, доселѣ мало были изучены, потому что доселѣ монополія историческаго изслѣдованія принадлежала историкамъ Нѣмецкаго племени, которые вовсе не знали Чешскаго языка и потому невольно должны были пользоваться вымыслами Энея Сильвія и иныхъ. Съ появленіемъ Лютера и распространеніемъ его ученія по Германіи, Гусъ сдѣлался предметомъ болѣе дѣятельнаго историческаго изученія. Новое ученіе должно было всѣми силами отражать нападки перваго; оно необходимо должно было опереться на исторію и доказать, что оно произошло не вчерашняго дня, что основаніе его лежитъ глубже, нежели въ охотѣ свѣтскихъ лицъ завладѣть духовными имѣніями. Въ длинномъ ряду лицъ, составлявшихъ оппозицію противъ Папъ, прежде всего вниманіе богослововъ Лютерова ученія пало на Гуса, и съ того времени, въ теченіи XVI и XVII стол., много въ Лютеранской Германіи писали о Гусѣ. Даже Католики, возражая Лютеранамъ, должны были изучать его и говорить объ немъ (Кохлей). Писатели Лютеровыхъ мнѣній, естественно, превозносили Гуса, какъ врага Папства и Католической Церкви, но въ своемъ усердіи сдѣлать Гуса, во что бы то ни стало, Лютераниномъ, они вкоренили въ поколѣніяхъ превратное объ немъ понятіе: Гусу приписывали тѣ мнѣнія, которыхъ ему никогда не приходило въ голову, и дѣлали изъ него

какого-то нововводителя, который хотѣлъ основанія Католической Церкви ниспровергнуть или, по крайней мѣрѣ, существенно измѣнить. Слѣдствіемъ такого жаркаго заступничества за Гуса со стороны писателей - Лютеранъ было то, что Католическіе писатели напали на него съ усиленною яростью: они охотно готовы были видѣть въ Гусѣ Лютера или Кальвина XV столѣтія, чтобы обратить на него всю мощь своей догматики. И Католическіе, и Лютеранскіе писатели XVI и XVII вѣковъ не поняли Гуса: не изучая хорошо и основательно характера его, какъ историческаго дѣятеля, они, наконецъ, создали себѣ небывалое существо съ вымышленнымъ ученіемъ и дѣйствіями, котораго они назвали Гусомъ и которому, если они были Лютеране или вообще Некатолики, не щадили похвалъ, а какъ Католики, самыхъ страшныхъ обвиненій. Есть ли хотя одно противу Католическое мнѣніе, которое первые въ своемъ слѣпомъ рвеніи не навязывали бы Гусу? Не думаю. Либеральная Католическая партія, возникшая въ XVIII стол., во Франціи, которая добровольно отказывалась отъ Католическихъ убѣжденій, обратила особенное вниманіе на встѣхъ, дѣйствовавшихъ противъ Католической Церкви, и пріветствовала въ нихъ своихъ братій и предшественниковъ; но и при этомъ случаѣ не пускались въ точныя изслѣдованія духа каждаго религіознаго предпріятія и переносили образъ мыслей XVIII вѣка въ XV й. Только въ позднѣйшее время обращено дѣятельное и трудолюбивое вниманіе на явленіе Гуса, на смыслъ религіознаго Чешскаго движенія, не минутной вспышки, но глубокаго, изъ внутри самаго народа, возникшаго явленія. Но во всякомъ случаѣ недостаточно самаго свѣтлаго соображенія и самыхъ трудолюбивыхъ изслѣдованій, если и тѣ и другія управляются одностороннимъ воззрѣніемъ. Гусъ есть дѣятель міровой, но, прежде всего, Чешскій, и только какъ такой, онъ занимаетъ такое высокое мѣсто въ исторіи; потому недостаточно изучать его съ общечеловѣческой точки зрѣнія, но, главнымъ образомъ и прежде всего, должно представить Гуса, какъ представителя Чешскаго народа, явленіе его жизни. Здѣсь-то, въ исторіи развитія Чешскаго народа, настоящая точка опоры, самое выгодное мѣсто для оцѣнки Гуса, потому что изслѣдованіе исторической дѣятельности Гуса внѣ таковой же Чешскаго народа не будетъ ни на чемъ утверждено, будетъ висѣть въ воздухѣ. Не въ томъ главное дѣло, что Гусъ возсталъ противъ индульгенцій Іоанна XXIII; при всей

важности этого шага его не было бы достаточно, чтобы придать такую высокую историческую важность имени Гуса. Нѣтъ! Каждое дѣйствиѣ Гуса становится безконечной важности потому, что оно соответствуетъ такому же дѣйствию Чешскаго народа, который съ такою славою предшествовалъ всѣмъ инымъ народамъ Западной Европы на пути духовнаго развитія, который первый попытался осуществить въ своей жизни священнѣйшіе идеалы человечества, которымъ поклоняться хотя въ умѣ никакая тиранія не въ состояніи отнять у человѣка — полную политическую и религіозную свободу, основанную на вѣчныхъ законахъ Откровенія и разума.

А. Въ числѣ сочиненій *относительно Гуса* первое мѣсто, по справедливости, принадлежитъ біографіи этого мужа, составленной *Зейфридомъ*: *Wilhelmi Zeyfridi Norimbergensis commentatio de Iohannis Hussi martyris vita, fatis et scriptis; cum annotationibus M. Iohannis Christophori Mylſii* adj. et biblioth. lenensis denuo publicata; praefatus est de hodierno Moravorum Fratrum coetu nec priscis Fratrum unitatis nec Evangelicis ecclesiis adscribendo Frid. Andreas, *Hallbauer* SS. Theol. D. et Professor Ordinarius, Ienae. 1743 ¹⁰⁴. Изъ предисловія, принадлежащаго Г. Галлбауеру, узнаемъ, что сочиненіе Зейфрида о Гусѣ въ первый разъ вышло въ 1688 году, и потомъ перепечатано было три раза, а именно въ 1711 году, въ 1728 и, наконецъ, въ 1743 г., съ примѣчаніями Милія, которыя значительно увеличиваютъ достоинство и безъ того очень полезной книги. Въ 1728 нѣсколько Моравцевъ нашли себѣ убѣжище въ помѣстьѣ Графа Цинцендорфа, Бертельдорфъ, и, съ помощью другихъ бѣглецовъ изъ Чехіи, основали вероисповѣдное общество, члены котораго возстановили у себя ученіе древнихъ Чешскихъ Братъевъ и назвались потому Моравскими Братьями. Скоро тамъ и сямъ въ Шлезіи, Лужицахъ и Саксоніи образовались другія общины; недовольствуясь этимъ Моравскіе Братья пытались утвердиться въ Эстоніи, Швеціи, Даніи и особенно въ Кобург-Готѣ, но быстрое распространеніе ихъ ученія, а равно его истинно Христіанская общность возбудила опасеніе въ Лютеранахъ и имъ было отказано. Предисловіе къ

¹⁰⁴ Небольшой томъ въ 4 ку, около 300 страницъ.

Зейфриду Галлбауера, заглавіе котораго уже показываетъ его содержаніе, направлено противъ новыхъ Моравскихъ Братъевъ, по случаю ихъ просьбы у Герцога Готскаго основать въ его владѣніяхъ свою общину. Главною цѣлью своего разсужденія ¹⁰⁵ имѣетъ Галлбауеръ доказать, что новые Моравскіе Братья Графа Цинцендорфа существенно отличны отъ древнимъ Чешскимъ Братъевъ или Пикардовъ; по этому случаю онъ представляетъ важныя выписки изъ сочиненій Амоса Коменскаго, Камерарія и Лазницкаго относительно древнихъ Чешскихъ Братъевъ, которыми мы воспользуемся въ своемъ мѣстѣ. Первый отдѣлъ сочиненія Зейфрида представляетъ разборъ источниковъ, которыми онъ пользовался (р. 1—10); здѣсь онъ пишетъ, что онъ твердо рѣшился изучить жизнь Гуса, о которой (говоритъ онъ) такъ различно толкуютъ съ тѣхъ поръ, какъ ему попалась въ руки медаль, выбитая въ честь Гуса. Относительно источниковъ вообще Зейфридъ говоритъ: „Нѣтъ ни одного учебника Церковной исторіи, гдѣ не были бы рассказаны подробно обстоятельства его смерти. Многіе, начавши говорить о Гусѣ, увлекались посторонними предметами и отъ того важнаго слегка коснулись, а многое вовсе просмотрѣли. Но большая часть писателей (*plurimi scriptores*) начинаютъ исторію Гуса отъ временъ Костницкаго Собора, и всѣ прежнія о́стоятельства его жизни или вовсе опускаютъ, или едва, едва упоминаютъ.“ Это очень важный фактъ. И дѣйствительно, для Лютеранскихъ писателей важна стала жизнь Гуса съ той минуты, когда онъ вступилъ въ явный и открытый споръ съ Папою; но жизнь Гуса вся есть полное, необъяснимое безъ знанія Чешской исторіи. Потому, что же удивительнаго, если писатели Нѣмецкіе не могли оцѣнить Гуса и осыпали его похвалами, къ нему не относившимся? То забыли, что Гусъ на Костницкомъ Соборѣ явился не столько *нововодителемъ въ дѣль религіи и врагомъ Папства*, сколько *представителемъ потребностей Чешскаго народа, защитникомъ правъ человѣчества*. Изъ источниковъ Зейфридъ прежде всего упоминаетъ о Кохлѣ и Варильясѣ, приводя о нихъ строгое сужденіе Спангема ¹⁰⁶. Здѣсь же мы узнаемъ, что Кохлей, родомъ Австріецъ

¹⁰⁵ Оно было изд. отдѣльно какъ то видимъ у Пельцеля — G. von Böhmen. F. A. Hallbauer — de hodierno Moravorum Fratrum coetu. Hilperghasae; in 4°.

¹⁰⁶ Вотъ оно : „Cave historiam Hussiticam requiras ex Ioanne Cochlaeo et ex Varillasio nupero, quibus historiam non scribere, sed fingere hocce fuit negotii.

и чуть ли не Славянинъ; у него два фамильных прозванія, одно Dobenek, а другое Wendelstein, которое онъ перевелъ по Латынѣ Cochlaeus ¹⁰⁷. Къ Папистскимъ писателямъ, писавшимъ о Гусѣ, самъ Зейфридъ относитъ еще, кромѣ Кохлея и Варильяса, и Рейхенталя (о коемъ ниже), а Милій присоединяетъ къ этому же разряду Александра Ноэля (Natalis), въ его Церковной исторіи ¹⁰⁸, Майлебурга—Histoire du schisme d'Occident, и даже Ланфана — Исторію Костницкаго Собора. Въ первой половинѣ XVI стол., нѣкто Іоаннъ Агрикола, родомъ изъ Ислеба, родины Лютера, издалъ въ Гановерѣ ¹⁰⁹ на Нѣмецкомъ языкѣ жизнь, Гуса: въ ней читаемъ, что Агрикола, изъ библіотеки Павла Рокенбаха получилъ (будто бы) оригинальную Латинскую рукопись Нотарія Петра изъ Младеновицъ, съ которой сдѣланъ Нѣмецкій переводъ другомъ Агриколы, Николаемъ Кромпахомъ. Кохлей пользовался этимъ сочиненіемъ и представилъ изъ него отрывки. Но сочиненіе Петра Младеновица гораздо прежде уже было издано въ Чехіи съ нѣкоторыми письмами Гуса; по свидѣтельству Лупача (подъ 7 Февраля) это жизнеописаніе Гуса читали въ церквахъ, и потому то, вѣроятно, оно было присоединено къ Пасціоналу, напечатанному въ Прагѣ въ 1495 году, потомъ въ 1533 году оно было отдѣльно издано въ Прагѣ ¹¹⁰. Книга, изданная Агриколою, служила главнымъ источникомъ неизвѣстному автору Нѣмецкой книжки: Die im Hussen bekriegte, doch unbesiegte, Wahrheit. Francof. und Leipz. 1686, in 8°. Но, замѣчаетъ Зейфридъ, и Агрикола, и неизвѣстный описываютъ только дѣйствія Гуса на Костницкомъ Соборѣ, какъ въ этомъ подражалъ имъ Шгумпфъ въ своей Нѣмецкой исторіи этого Собора. Что же касается до предшествовавшихъ обстоятельствъ жизни Гуса, продолжаетъ Зейфридъ, то немного объ этомъ находимъ въ соч. Геремірида и Нигрина хотя они посвятили этому особен-

datum.“ Гораздо справедливѣе сужденіе Милія: „Continet quidem haec historia res veriosas, sed auctor parum accuratus est.“

¹⁰⁷ Zeyfridi Comm. de vita Hussi, p. 5 et 16.

¹⁰⁸ Historia Ecclesiastica saec. XV.

¹⁰⁹ Historia de Ioh. Husso. 1548, in 8°.

¹¹⁰ Dobrowsky Gesch. des Böhm. Sprache und Litt. S. 266.

ное сочиненіе, въ соч. Бальбина (*Epitome rerum Bohemicarum*), который пользовался трудомъ Жаланскаго, въ соч. Самуила Горзовія: *Hussi et Lutheri historica collatio*, въ сочиненіи Захарія Теобальда. Затѣмъ Зейфридъ упоминаетъ о сочиненіи Христофора Вальпургера, Протестантскаго богослова, подъ заглавіемъ: *Hussus combustus, non convictus*; оно писано на языкѣ Нѣмецкомъ (имѣло два изданія 1624 in 4°, и 1628), и если вѣрить Милію, то Вальпургеръ собралъ въ своемъ сочиненіи многіе, очень, важныя, документы, которые нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не находятся ¹¹¹. Многое относительно Гуса находится въ трудахъ Филиппа Меланхтона tom. 2 *Declamatio de Sigismundo Imperatore, ab Oelhaſio Norimbergae recitata*. Мюллеръ въ 1728 г. издалъ соч. подъ много обѣщающимъ, заглавіемъ: *Des standthafften Märtyrers Ioh. Hussens entdecktes Lutherthum vor Luthero, mit einer historischen Nachricht von Hussens Ursprung, Leben und Tod*; но вы раскрываете книжку, и находите тамъ, вмѣсто всего обѣщаннаго, соч. Гуса: *de perniciē traditionum humanarum*. Кромѣ этихъ источниковъ, Зейфридъ еще пользовался рѣчью относительно Гуса, говоренною въ Іенскомъ Университетѣ (въ 1566 г., in 8° издана). Мы перечислили всѣ этѣ сочиненія относительно Гуса не потому, чтобы они были особенно важны, но съ тѣмъ, чтобы показать, какъ дѣятельно въ XVI и XVII столѣтіяхъ занимались въ Германіи всѣмъ тѣмъ, что относилось къ памяти Гуса. Милій, трудолюбивый дополнителъ Зейфрида, замѣчаетъ, что, къ сожалѣнію, многіе Чешскіе памятники относительно Гуса не переведены на языкъ, болѣе извѣстный; такъ, на пр., *Житіе Гуса при его Словахъ*, изданныхъ въ 1621 году: *Die Unverweckliche Krone der Böhmischen Märtyrer Christi, in Böhmischer Sprache*. Изъ

¹¹¹ *Walpurger egregia documenta, quae alibi non occurrant, ad exarandum scriptum suum in manibus habuit, nimirum ipsius Hussi manuale relictum, item Protocollum Secretarii Baronis de Chlum, nec non instrumenta, quae Hussius propter quasdam actiones a notariis et testibus concifienda curaverat, partim ex antiquis bibliothecis et variis Missivis, uti vocant, varia subsidia inusum suum convertit Walpurgerus; но ниже тотъ же Милій говоритъ: Qui Hussi opera possidet, ipso hoc Walpurgeris cripto non opus habet.*

Латинскихъ источниковъ упоминаетъ еще Милій: уже извѣстное намъ соч., *Historia de actis et martyrio I. Hussii*, которое одно и тоже съ переведеннымъ Агриколою трудомъ Петра Младеновица; *Cammerarius* въ *Histor. narr. de Fratrum orthod. ecclesiis in Bohemia, Moravia et Polonia* оставилъ довольно подробное жизнеописаніе Гуса; наконецъ, еще соч. какого-то Мартинія о Гусѣ, и много другихъ. — Сочиненіе Зейфрида представляетъ сводъ всего, что только онъ нашелъ гдѣ либо касательно Гуса, и потому представляетъ чрезвычайно богатый матеріалъ; что же касается до воззрѣнія Зейфрида на дѣла и ученіе Гуса, то оно въ высшей степени ложно и странно: онъ влагаетъ въ уста Гуса Лютеранскія мнѣнія, въ Гусѣ видитъ смѣлаго нововводителя, а въ его дѣйствіяхъ миную непріязнь къ Кат. Церкви и Римскому Первосвященнику. Примѣчанія Милія, составляющія болѣе половины всей книги, очень важны. Милій, какъ бібліотекарь Іенской бібліотеки, пользовался чрезвычайно богатыми и важными источниками, заимствуя ихъ изъ книгъ этой бібліотеки. Здѣсь мы приведемъ его слова касательно одной, весьма важной, Чешской рукописи, относящейся къ жизни Гуса и доселѣ еще ни однимъ знающимъ Чешскій языкъ не разобранной ¹¹². Эта книга состоитъ частью изъ печатныхъ, а частью изъ рукописныхъ листовъ ... Къ сожалѣнію, Милій говоритъ ¹¹³, такъ какъ Струве сдѣлалъ описаніе этой книги въ *Observationum Halensium* т. IV, р. 171 — 188, то онъ сообщаетъ о ней только тѣ подробности, которыхъ Струве не сообщаетъ. Печатная часть этого кодекса издана въ Костницѣ въ 1486 (какъ заключаетъ Струве изъ Чешской приписки), а рукописная написана, безъ сомнѣнія ¹¹⁴, тѣмъ же богословомъ, которому принадлежатъ (какъ видно изъ заглавія), всѣ изображенія въ этомъ кодексѣ. Первая часть этого кодекса содержитъ въ себѣ 60 изображеній, представляющихъ антитезу Христа и Антихриста: 4 изъ нихъ изображаютъ искаженные черты церкви, прочія же дѣла Иисуса Христа и вѣрныхъ съ одной стороны, а съ противоположной дѣла Антихриста. Потомъ четвероякое изображеніе Гуса на кострѣ, и всякой разъ отличное. Четыре письма Гуса на

¹¹² *Zeyfridi* р. 44—49.

¹¹³ *Zeyfrid*, р. 44. Струве былъ бібліотекаремъ Іенскаго Университета и профессоромъ исторіи и правъ.

¹¹⁴ Все это говоритъ Милій р. 46.

Чешскомъ языкѣ (которыя суть тѣ же самыя, что переведены подъ руководствомъ Лютера и изданы въ 1536 году и, вѣроятно, переведены изъ атого кодекса, принадлежавшаго Фридриху Саксонскому, извѣстному покровителю Лютера и основателю Йенскаго Университета). За тѣмъ слѣдуютъ 22 письма или акта, написанные отчасти Гусомъ, отчасти Иеронимомъ Пражскимъ; последнее письмо принадлежитъ Ноджи Флорентинскому и адресовано къ Леонарду Аретино. Далѣе слѣдуютъ два изображенія: одно представляетъ служеніе обѣдни, а второе зѣвство Крестоваго похода. Тутъ идетъ рукописная часть. За тѣмъ 26 изображеній представляютъ разные случаи, имѣвшіе мѣсто во время Гуса и относящіеся къ дурнымъ нравамъ монаховъ и монахинь. Тутъ опять слѣдуетъ Чешскій текстъ, въ который вставлено 20 меньшихъ фигуръ. Многіе изъ этихъ изображеній имѣютъ, безъ сомнѣнія, историческое значеніе, но смыслъ большей части ихъ не понятенъ потому, что объясненіе, къ нимъ приложенное, написано по Чешски ¹¹⁵. Рисунки сдѣланы съ большимъ тщаніемъ на бумагѣ, а нѣкоторые и на пергаментѣ, и всѣ болѣе или менѣе украшены золотомъ. На первой страницѣ кодекса находятся слова: Bohuslaus de...suae causa memoriae manu propria me fecit; имя автора, слѣдовавшее послѣ de, выскоблено, говорить Милій, а мы думаемъ, что его вовсе тамъ не было, потому что составитель книги такого рода имѣлъ не одну причину осторожности скрывать свое имя. Милій думаетъ, что это Богуславъ изъ Козле, но на слишкомъ шаткомъ основаніи. Нѣтъ сомнѣнія, что Лютеръ многое въ своихъ памфлетахъ противъ Католической Церкви и Папы заимствовалъ изъ этого кодекса; самъ Милій не скрываетъ этого: вотъ еще одно звено, чтобы связать явленія Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія съ таковыми же Германскаго, и вотъ новое доказательство того, какъ много пользовался Лютеръ тѣмъ, что было сдѣлано Гусомъ и его послѣдователями. Зейфридъ упоминаетъ на самомъ концѣ своего сочиненія о книгѣ Богуслава Чеха, говоря, что свѣдѣніе о ней пришло къ нему слишкомъ поздно, и что потому онъ не могъ

¹¹⁵ Ex solis figuris non satis cognosci potest, quid auctor indicare voluerit, sed si ea, quae in lingua Bohemica adscripta sunt, in notiore linguam essent translata, forsitan haud difficili negotio sensus ubique pateret.

прежде ею воспользоваться; главное содержаніе ея (говорить о нь) состоитъ въ подробномъ изложеніи дѣйствій Гуса на Костницкомъ Соборѣ ¹¹⁶.

Hussiten Krieg, darinnen begriffen das Leben, die Lehr und Tod Magistri Iohannis Hussii und wie derselbige von den Böhmen, besonders Iohanne Zisska und Procopio Raso, ist gerochen worden. Alles aus glaubwürdigen Geschichtschreibern, alten Monumenten und Manuscriptis, mit fleiss zusammen getragen, und Teutseher Nation allerdings gnugsam zum nöthigen Bericht in öffentlichen Druck verfertigt, durch M. Zachariam Theobaldum den Jüngern. Wittenberg, gedruckt bey Lorentz Seuberlich, in Verlegung bey Samuel Selfisch, Buchführer, 1609 ¹¹⁷. Теобальдъ былъ пасторомъ прихода Крафтсгофъ, и въ то самое время, какъ былъ назначенъ профессоромъ математики въ Альторфъ, умеръ въ 1627 году, на 43 своего возраста ¹¹⁸. Его имя находимъ въ числѣ прочихъ жертвъ нетерпимости Фердинанда II, осудившаго ихъ, въ 1626 г., на вечное изгнаніе ¹¹⁹ изъ Чехіи. Захарій Теобальдъ оставилъ, кроме Гуситской войны, еще нѣсколько другихъ трактатовъ касательно Чешской исторіи ¹²⁰; но изъ нихъ всѣхъ наибольшую известностью пользуется жизнеописаніе Гуса и Гуситская война; Гизелеръ отнесъ даже это сочиненіе къ источникамъ относительно Гуса, но это незаслуженнымъ образомъ. Изданіе 1609 г. посвящено славному историческому лицу Чехіи, твердому защитнику вѣроисповѣдной свободы, графу Іоакиму Каспару Шлику. Изъ посвященія узнаемъ, что сочинитель учился, за пять лѣтъ до изданія этого своего труда, въ Виттенбергскомъ Университетѣ: здѣсь чтеніе сочиненій Гуса возбудило въ немъ любопытство уз-

¹¹⁶ Zeyfrid p. 285.

¹¹⁷ У Пальцеля заглавіе приведено вовсе иначе: Hussiten Kreig oder Geschische des Lebens und der Lehre Ioh. Hussens, ingleichen der böhmischen Kirche, nebst einem Anhangе des böhmischen Glaubenbekenntnisses. Wittenberg 1609, Nürnberg 1621 in 4°, 1640, Вратислава, 1750, въ 4-ку. Латинскій переводъ Понтана, почти современный самому подлиннику, вышелъ въ 1621 г., in 8°.

¹¹⁸ Zeifrid p. 8., прим. (i).

¹¹⁹ Pelzel Gesch. von Böhmen, 3 Auflage, 1782, S. 759.

¹²⁰ Pelzel Gesch. v. B. S. 976 и 977.

нать всѣ подробности его жизни. Оставивъ Университетъ, Теобальдъ, съ друзьями, молодыми людьми, отправился въ Чехію, и тутъ тщательно собралъ всѣ извѣстія, все, что относились къ памяти Гуса. Но онъ не зналъ Чешскаго языка, и хотя заставлялъ переводить для себя Чешскія лѣтописи, однако никогда не могъ (какъ ниже увидимъ) вознаградить того недостатка въ своихъ знаніяхъ, который былъ неизбѣженъ; отъ сего ему осталась неизвѣстна большая часть важныхъ Чешскихъ памятниковъ. Списокъ авторовъ, предпосланный исторіи Теобальда, носятъ на себѣ крайнюю односторонность; такъ онъ пользовался не только писателями, едва, едва коснувшимися дѣла Гуса, какъ то Баптистомъ Фульгозою, Вилибальдомъ Виркгаймеромъ и др.; но и писателями, которые не имѣютъ никакого авторитета въ дѣлахъ Гуса, какъ то Кранцомъ, Энесомъ и Дубравскимъ. Единственные хорошіе и къ дѣлу относящіеся источники: *Acta concilii Constantiensis*, *Confessio Fratrum Bohemicorum*, *Laurentius Professor Pragensis* (?), *Procopius Lupacius* — только: все прочее — одинъ наборъ именъ, не болѣе. Какой матеріалъ для изученія Гуса и Гуситскихъ войскъ могутъ доставить Герсонъ, Вальденъ, Цевьеръ и под.? Въ краткомъ Латинскомъ извѣстіи, слѣдующемъ тотчасъ за исчисленіемъ источниковъ, Теобальдъ говоритъ, что онъ пользовался многими рукописными сочиненіями, которыя бралъ у Якова Будыхія, пасынка профессора Пражскаго и вмѣстѣ книгопродавца, Прокопія Лупача изъ Главачова. Сюда, продолжаетъ Теобальдъ, я внесъ описаніе всего того, что случилось встрѣтить мнѣ въ храмахъ и другихъ общенародныхъ мѣстахъ относительно моего предмета ¹²¹: *Nihil enim omittere volui, quod ad veram, planam plenamque narrationem facit.* Въ главѣ 1 своей исторіи въ началѣ Теобальдъ говоритъ: „Я намѣренъ кратко, но чистосердечно, изобразить все, что знаю касательно ученія, жизни и смерти Гуса, и того, что случилось „при Императорѣ Сигизмундѣ до 1436 г. ¹²²“ И дѣйствительно, въ изданіи 1609 года Теобальдъ довелъ исторію Гуситовъ только до пріѣзда Императора Сигизмунда въ Чехію и принятія его Королемъ Чешскимъ на всей волѣ Чеховъ. Странны слова Тео-

¹²¹ Adjici etiam antiqua monumenta, quae in templis vel aliis locis publicis vidi et descripsi; nihil enim omittere etc.

¹²² *Theobald.* p. 1.

баальда: „Лучшимъ доказательствомъ моего безпристрастія можетъ служить то, что я мало читалъ Чешскихъ писателей, а напротивъ очень много Папскихъ“¹²³. * Многословная исторія Теобальда служила источникомъ извѣстій относительно Гуса для писателей Протестантскихъ точно также, какъ Эней Сильвій былъ таковымъ же источникомъ для Католическихъ писателей. Теобальдъ не только что не въ состояніи былъ понять значенія Гуса, но и не собралъ для потомства извѣстій изъ жизни этого мужа совѣстливо, безъ всякой задней мысли. Какъ Лютеранингъ, Теобальдъ навязалъ Гусу мнѣнія, которыхъ тотъ никогда не выдавалъ своими. Какъ Эней Сильвій сдѣлалъ Гуса Вальденсомъ, такъ Теобальдъ не менѣе неосновательно приписалъ Гусу самыя нелѣпыя мнѣнія. Ни Католики, ни Протестанты не хотѣли видѣть въ Гусѣ того, чѣмъ онъ былъ: первые сожгли его и потому волею неволею, для оправданія своего съ нимъ поведенія, должны были обвинять его въ еретическихъ мнѣніяхъ. Напротивъ Протестанты хотѣли видѣть въ Гусѣ одного изъ своихъ, и тѣмъ умножить точки опоры своей защиты противъ обвиненій Папства. Гусъ, Чешскій историческій дѣятель XV го стол., совершенно не похожъ на того Гуса, котораго сдѣлали себѣ Паписты и Протестанты: его дѣйствія и слова совершенно отличны отъ тѣхъ, которыя приписываютъ ему Эней Сильвій и Теобальдъ, оба произвольно искажившіе характеръ Гуса. Впрочемъ, Теобальдъ, не смотря на то, что совершенно невѣрно изобразилъ Гуса, замѣчательнъ и полезенъ потому, что представляетъ множество извѣстій относительно него хотя совершенно безъ всякаго разбора, безъ всякой оцѣнки ихъ важности или неважности.

Много въ разное время выходило сочиненій касательно Гуса и его ученія, но всѣ они мало замѣчательны: составленныя по выше упомянутымъ источникамъ, онѣ не приносятъ ничего новаго въ исторію, повторяютъ то, что тысячу разъ прежде было повторено, и потому не имѣютъ никакого научнаго интереса¹²⁴.

¹²³ Solche Geschichten hab ich sonderlichen aus Rätischen und wenig Böhmischen Scribenten zusammen gelesen, darnumb desto weniger in Verdacht ein kann, als hette ich einer Parthey mehr als der andern zugelegt.

¹²⁴ Geschichte des Hussiten Krieges als Lesebuch, bearbeitet von W. I. Schuberl. Neustadt 1824.

Намъ попала въ руки исторія Гуса и Гуситовъ *Шуберта*, составленная какъ книга для легкаго чтенія; она дѣйствительно читается очень легко, пріятно и представляетъ выборъ самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній о Гусѣ, и хотя лишена всякихъ глубокихъ соображеній и новыхъ фактовъ историческихъ; однако составлена очень умно и совѣстно.

Переходимъ теперь къ сочиненіямъ по части *Костницкаго Собора*, столь важнаго въ исторіи Гуса. Хотя много важныхъ предметовъ занимаю Костницкій Соборъ, хотя онъ совершилъ много очень замѣчательнаго, однако важнѣйшимъ дѣломъ его, безъ сомнѣнія, былъ процессъ Гуса и Иеронима Пражскаго или, лучше сказать, всей Чехіи. Воспитанные религіознымъ движеніемъ Чеховъ, эти мужи въ лѣтахъ дѣятельности стали во главѣ его, одинъ словомъ, другой словомъ и дѣломъ. Мало по малу религіозное движеніе, долго таившееся подъ пепломъ, вдругъ обличило себя съ самыми страшными признаками и общностью своего характера, и удобоприложимостью навело страхъ на Императора и Папу. Оба равно виновны въ незаконномъ сожженіи Гуса и Иеронима Пражскаго: оба полагали, что Чехія добровольно подклонила свою вѣно политическому и религіозному рабству, потерявъ своихъ первыхъ представителей и защитниковъ, но оба горько обманулись въ своихъ расчетахъ. Слѣдственно, не въ томъ важность, что Гусъ и Иеронимъ Пражскій были сожжены: они не первые и не послѣдніе жертвы нетерпимости и мірскаго духа Католической Церкви; но при историческомъ изслѣдованіи, ни на минуту не должно забывать (и мы постараемся не забыть), что Гусъ и Иеронимъ не суть частныя лица, призванныя предъ судилище отвѣчать обществу за свои вредныя и рушительныя для него мнѣнія, но два представителя Чешскаго народа, призванные на судъ Германской Европы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, защитники правъ духовной и политической свободы челоуѣка отъ притязаній Императора и Папы, олицетворившихъ въ себѣ свѣтскій и духовный абсолютизмъ. Съ этой точки зрѣнія, единой истинной, всѣ дѣйствія Гуса и Иеронима получаютъ особенное, высшее значеніе, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, становятся послѣдовательны и понятны; потому-то для насъ важны всѣ сочиненія, относящіеся къ этому процессу Чехіи предъ Западной Европой; иногда самый забытый, оставленный, мало важный фактъ, проливаетъ здѣсь свѣтъ на цѣлый рядъ событій и служить къ яснѣйшему постиженію ихъ смысла.

Полное собраніе памятниковъ и подлинныхъ актовъ относительно Костническаго Собора представляетъ сборникъ *Гардта*. *Magnam Oecumenicum Constantiense Concilium ex ingenti antiquissimorum manuscriptorum mole diligentissime erutum opere Hermann von der Hardt*. VI tom. Francofur. et Lips.; 1627—1700, in f°, Tomus VII, sistens indicem generalem, congressit *Bohnstedt*. Berol. 1742 ¹²⁵. Прежде изданія этого сборника, не было ничего издано, за исключеніемъ сокращенныхъ актовъ изъ подлинныхъ документовъ относящихся къ исторіи Костническаго Собора ¹²⁶; нѣкоторые изъ нихъ, разсѣянные по библіотекамъ Германіи, погибли тамъ: въ 1623 въ пожаръ, случившемся въ Кенигсбергѣ, сгорѣла исторія Костническаго Собора, составленная Іоанномъ де Валенродомъ, братомъ Рижскаго Епископа того же имени, присутствовававшего лично на Соборѣ; различные пожары въ Соборной церкви г Костница, въ Шпейерѣ, въ Брауншвейгѣ, и въ 1697 г. въ монастырѣ Салмансвейерѣ, въ Швабін, пожрали не мало актовъ, относящихся къ Костниц. Собору. Рукописи Швеціи и Палитината перешли въ Ватиканъ, чтобы тамъ, безъ сомнѣнія, на вѣки остаться ¹²⁷. Съ цѣлью сохранить отъ истребленія и привести въ общую извѣстность всѣ документы, которые еще можно было имѣть относительно Костническаго Собора, столь важнаго для исторіи Германіи, Герцогъ Брауншвейгскій, Рудольфъ Августъ, поручилъ Герману фонъ деръ *Гардту*, Профессору Восточныхъ языковъ въ

¹²⁵ Что касается до Чешской исторіи Энея Сильвія, то отъ 1458 по 1765 вышло, по Пельцелю (S. 968) извѣстныхъ одиннадцать изданій (Romae 1475, Basileae 1532, 1575, 1589; Salongiati 1538; Hanov. 1602; Wolfenbütt. 1620, Francof. 1687; Helm. 1699; Pragaе 1766. Кромѣ того вышелъ Итальянскій переводъ исторіи Энея Сильвія Venetiis 1544; Чешскій переводъ вышелъ въ Прагѣ уже въ 1510 году; также съ Cuthreni Chronico et Epistola Pogyii Flor. 1585.

¹²⁶ Эти сокращенные акты Костническаго Собора въ томъ видѣ, какъ ихъ утвердилъ Соборъ Базельскій въ 1442, въ первый разъ изданы Іеронимомъ де Кроаріа, профессоромъ Юриспроденціи въ Ингольштадтѣ: Aca scita dignissime docteque concinnata Concilii Constantientis celebratissimi; съ немногими дополненіями вышли послѣдующія изданія 1506—1511 и 1606 года.

¹²⁷ Lenfant L'hist. du Conc. de Constance; Introduction, p. XXXV. sq.

Гельмштадтъ, отыскать и издать всѣ бумаги, какія только найдутся въ библіотекахъ Костницкаго Собора. Сильное покровительство Герцога и неутомимое трудолюбіе Гардта исполнили удачно это трудное дѣло; сборникъ Гардта необходимъ каждому историку Костницкаго Собора, столь важнаго для исторіи всей Европы, что не изслѣдовавъ дѣйствій этого знаменитаго Собора, непонятенъ вовсе ходъ современныхъ событій. Главный матеріалъ Гардту доставили библіотеки: Брауншвейгская, Вольфенбютельская, Гельмштадская и Целльская; отчасти пользовался онъ рукописями библіотекъ Вѣнской, Берлинской, Готской, Эрфуртской и особенно библіотеки Св. Павла въ Липскѣ. Конечно, нельзя не сожалѣть, что Гардту были недоступны многія библіотеки Швабіи и Франконіи, не говоря уже о библіотекахъ Франціи, Англіи, Италіи и др., скрывающихъ многія сокровища, но намъ нельзя достаточно оплакать то обстоятельство, что архивы Чехіи, по многихъ причинамъ, остались вовсе нетронутыми; этимъ достаточно объясняется бѣдность Гардтова сборника на счетъ дѣлъ Чешскихъ; впрочемъ, во всякомъ случаѣ, процессъ Гуса и Иеронима Пражскаго вполне изучаемъ быть не можетъ безъ помощи документовъ, напечатанныхъ въ сборникъ Гардта; особенно важенъ для насъ третій томъ, гдѣ содержатся всѣ постановленія и дѣйствія собора относительно догматовъ Вѣры.

Въ сборникъ Гардта не вошло нѣсколько исторій Собора Костницкаго, писанныхъ на языкѣ Нѣмецкомъ: это труды *Дашера*, *Рейхенталя* и *Штумпфа*, которые Гардтъ намѣревался издать отдѣльно подъ заглавіемъ „Нѣмецкихъ историковъ Костницкаго Собора“, но не успѣлъ въ томъ. *Дашеру* поручено было отъ Курфирста Рудольфа Саксонскаго записывать имена всѣхъ чужестранцевъ, бывшихъ на Соборѣ; *Дашеръ* не только исполнилъ это съ крайнею отчетливостью и точностью, но и записалъ все, случившееся на Соборѣ, по-денно; впрочемъ, рукопись его доселѣ вполне издана не была. Тѣмъ замѣчательнѣе трудъ совершенно такого же рода, принадлежащій *Ульрику Рейхенталю*, другу *Дашера*. *Ульрихъ Рейхенталь*, Каноникъ Костницкаго Собора, долженъ былъ, по порученію Императора Сигизмунда, приготовить въ Костницѣ все для принятія и содержанія Отцевъ Собора, а также и записать все, что замѣчательнаго случится на Соборѣ. Сочиненіе *Рейхенталя* заслуживаетъ полнаго довѣрія на счетъ всей внѣшности Собора, названій, титуловъ и гербовъ разныхъ лицъ и прочихъ мелочей, но имъ надо поль-

зоваться съ чрезвычайною осторожностью и осмотрительностью относительно повѣствованія его о внутренней сторонѣ дѣйствій Собора и даже относительно хронологіи, потому что Рейхенталь записывалъ не тотчасъ, какъ случилось, а уже въ 1434 году и, вѣроятно, съ памяти; этимъ только можно объяснить странную неточность и небрежность его исторіи, заключающей важнѣйшія данныя рядомъ съ мелочами, а иногда и просто ложью. Первое изданіе сочиненія Рейхенталя вышло въ 1486; въ 1536 году исправлено было, сообразно съ потребностями языка, и издано вновь подъ заглавіемъ: Das Concilium so zu Constanz gehalten ist worden des jars do man zalt von der geburdt unsers erlösers MCCCCXIII Jar. и т. д.

Сочиненіе *Штумпфа*, Швейцарскаго историка XVI стол. (первой его половины), котораго Швейцарцы называютъ своимъ Титомъ Ливіемъ, очень важно. Относительно процесса Гуса, правда, оно заключаетъ въ себѣ только переводъ извѣстнаго уже намъ протокола Петра изъ Младеновицъ и отчасти актовъ Собора, но относительно процесса Іеронима представляетъ извѣстія, очень любопытныя и драгоцѣнныя по отсутствію другихъ источниковъ. Des grossen gemeinen Conciliums zu Costentz gehalten kurtze, doch grundlichere und volkommnere dann vor nie in Teütsch gesähen, beschreibung, was täglich von einer Session zu der andern, in geistlichen und weltlichen sachen, darinn und darnebennd gehandelt ist, durch Johann Stumpffen (Sine Loco et Anno). Въ предисловіи Штумпфъ пишетъ, то онъ пользовался всеми книгами относительно Костницкаго Собора и разныхъ происшествій, на немъ случившихся; такъ видно, что ему извѣстны: Рейхенталь, Эней Сильвій, письмо Поджи и многое другое. Семь отдѣловъ сочиненія распределены такъ, что *первый* посвященъ причинамъ и началу собора, *второй* всему, что относилось къ процессу Гуса и Іеронима Пражскаго, *третій* повѣствованію о войнѣ Сигизмунда съ Фридрихомъ Австрійскимъ, *четвертый* уничтоженію Папскаго раскола, *пятый* вѣнчанію и посвященію, а равно и дѣйствіямъ Папы, Мартына V, *шестый* попыткамъ преобразования, имѣвшимъ мѣсто на Соборѣ, и изслѣдованію плодовъ этого преобразования, поскольку оно было совершено Костницкимъ Соборомъ, и *седьмой* описанію внѣшности Собора, числу его членовъ, ихъ людей и проч. Вообще, эта книга чрезвычайно полезна и написана очень просто и замечательно.

Ланфанъ, трудолюбивый ученый XVIII стол., написалъ очень хорошее и дѣльное сочиненіе относительно Костницкаго Собора, подѣ заглавіемъ: *Histoire du Concile de Constance, par Jaques Lenfant. Amsterdam. 1727.* Сочиненіе *Ланфана* есть излеченіе и переводъ документовъ, собранныхъ Гардтомъ и представляетъ первое сочиненіе, авторъ котораго воспользовался богатыми матеріалами Гардтова сборника. Мы уже замѣтили, что этотъ сборникъ бѣденъ памятниками относительно религіознаго Чешскаго движенія: сочиненіе *Ланфана* относительно Костницкаго Собора очень слабо въ этомъ отношеніи. Но должно отдать совершенную справедливость *Ланфану*, что онъ первый критически прослѣдилъ жизнь Гуса и отдѣлилъ отъ нея и то, что ненависть Католиковъ вымыслила, и то, что слѣпое рвеніе Протестантовъ выдумало въ пользу своего дѣла; сочиненіе *Ланфана* представляетъ немногіе, но за то вѣрные, факты. Въ исторіи Пизанскаго собора *Ланфанъ* подробно, на основаніи несомнѣнныхъ источниковъ, прослѣдилъ внѣшнія явленія жизни Гуса. Вообще, за исключеніемъ того, что *Ланфанъ* не изучалъ Гуса, какъ явленія Чешской исторіи, и потому, естественно, ошибался и при оцѣнкѣ его, какъ перваго дѣятеля, изслѣдованія *Ланфана* о немъ суть самыя безпристрастныя и истинныя, какія мы только до сихъ поръ имѣемъ. Здѣсь мы разумѣемъ изслѣдованія писателей Нѣмецкаго племени.

Б. Что касается до сочиненій, имѣющихъ спеціальною своюю цѣлью изслѣдованіе Чешскаго религіознаго движенія, то, сколько намъ извѣстно, нѣтъ ни одного; которое бы обнимало все явленія этого религіознаго движенія, его причины и слѣдствія. Многіе изъ ученыхъ Чеховъ, пережившихъ страшное гоненіе Фердинанда, сознали, что великій, геройскій періодъ ихъ отечества, кончился, и спѣшили собрать и издать все, что имъ было извѣстно. Такому-то побужденію обязаны мы трудами *Балибина*, *Амоса Коменскаго*, *Павла Странскаго*, *Теобальда* и многихъ др. Въ великую историческую эпоху не до того бываетъ, чтобы хладнокровно записывать событія: тутъ дѣятельность поглощаетъ все и не даетъ отдыху; но съ возвращеніемъ дѣлъ въ ихъ обыкновенный уровень, настаетъ время собирать и записывать все, что случилось прежде: послѣ періода дѣйствія настаетъ періодъ науки. Однако, въ исторіи Чехіи немедленно за періодомъ высокой исторической дѣятельности настало время религіознаго и политическаго

тического рабства: не только писать, но и говорить о страдномъ для Австріи народномъ движеніи Чеховъ было опасно, и трудолюбивые Чешскіе историки XVII и XVIII стол. тщательно обходятъ самый славный періодъ исторіи своего отечества. Потому, за исключеніемъ историческихъ трудовъ Пельцеля и, недавно вышедшаго тома исторіи Чехіи, Палацкаго, мы не имѣемъ рѣшительно ничего важнаго относительно періода, насъ занимающаго. Писатели, незаботливые о своей исторической доброй славы, лгутъ, очертя голову, но истиннолюбивые писатели тщательно избѣгаютъ говорить о немъ. Кромѣ сочиненій, выше разсмотрѣнныхъ, сюда относятся слѣдующія: 1) *Kronyka czeska, sposob wijry Křestianske pod obogi zpuosobu Tiela a Krwe Pana Gesu Krysta, y take pod gednau w sobie obsahuge, sepsaná od Bohuslawá Břlegowského. 1537*; во второй разъ издана подъ заглавіемъ: *Kronyka Cýrkewnĵ, w nĵ se přĵběhowé a přĵhody cýrkwe České od gegĵho počátku až do léta Paně 1532 wyprawugĵ, sepsaná před třemi sty lety od Boh. Břlegowského, Kněze strany pod obogĵ, nynĵ pak wydana s předmluwau a mnohými zaznamenanjmi od Jozefa Skulického, Kněze strany pod gednau. W Praze. 1816.* 2) *Kalendarĵ hystorýczky, sepsaný a wydaný praczy Adama z Weleslawĵny. W Praze. 1577.* 3) *Rerum bohemicarum Ephemeridis historicae liber primus, concinnatus studio atque opera Procopii Lupacii. Norimb. 1578.* 4) *Chronologica Bohemicae Ecclesiae adumbratio, authore Zacharia Theobaldo juniore. Wittenberg. 1611.* 5) *Balth. Lydii M. F. Palatini Ecclesiastae apud Dordrechtanos, Waldensia, i. e., conservatio verae Ecclesiae, demonstrata ex confessionibus, cum Thaboritarum ante CC fere annos, tum Bohemorum circa tempora reformationis, scriptis. Roterodami. 1616. 2 tomi*¹²³. Число сочиненій относительно какого ни будь изъ многочисленныхъ дѣятелей великаго Чешскаго религіознаго движенія или какого нибудь изъ частныхъ его событій—безчисленно; такъ, сколько и въ Чехіи и внѣ ея было написано относительно Гуса, Иеронима Пражскаго, Жижки! Сколько писали и издавали сочиненій относительно Гуситскихъ войнъ и различныхъ ихъ событій! Изъ числа спеціальныхъ сочиненій относительно этого періода мы приведемъ только тѣ, которыя прибавляютъ какой нѣ

¹²³ См. на концѣ третьаго изданія исторіи Пельцеля (1782) *Verzeichniß der Geschichtsbücher von Böhmen*, S. 957—1014.

будь новой фактъ въ наукѣ, или отличаются новымъ и свѣтлымъ взглядомъ. Намъ не извѣстно ни одного сочиненія, за исключеніемъ уже выше разсмотрѣннаго труда Амоса Коменскаго, которое содержало бы исторію Чешскаго религіознаго движенія отъ первыхъ его началъ до его парализаціи гоненіями Фердинанда II го. Больше всѣхъ прочихъ замѣчательно и здѣсь сочиненіе *Ланфана*: *Histoire de la guerre des Hussites et du Concile de Basle. Amsterdam. 1731.* Оно представляетъ необходимое продолженіе исторіи Костницкаго Собора того же сочинителя. Изъ предисловія ¹²⁹ узнаемъ, что Ланфанъ намѣренъ былъ довести исторію Гуситовъ до 1460 г., но смерть застала на 1453 г., до котораго только доходитъ рассказъ его. Ланфанъ пользовался многими и хорошими источниками, длинный списокъ которыхъ выставленъ предъ его трудомъ. Яковъ Ланфанъ, Реформатскаго исповѣданія, былъ родомъ изъ Франціи, гдѣ родился въ 1686 году; въ слѣдствіе Нантскаго едикта, онъ, 22 лѣтъ отъ роду, принужденъ былъ оставить Францію и удалиться въ Женеву; скоро потомъ онъ переехалъ въ Берлинъ, куда удалилась большая часть Реформатовъ, изгнанныхъ изъ Франціи, и здѣсь, въ теченіи 39 лѣтъ, былъ пасторомъ при этой Французской колоніи; онъ умеръ, отъ паралича, въ 1728 году и оставилъ послѣ себя множество сочиненій, изъ которыхъ самыя замѣчательныя суть исторіи соборовъ Пизанскаго, Костницкаго и Базельскаго. Ланфанъ въ исторіи Гуситовъ и Базельскаго Собора попытался представить Гуса явленіемъ жизни Чешскаго народа нормальнымъ и послѣдовательнымъ и объяснить появленіе его изъ прошедшаго жизни этого народа: опытъ чрезвычайно удачный и замѣчательный, обличающій въ Ланфанѣ качества хорошаго историка, откровенность и прозорливость къ проникновенію идеи, выражающейся въ внѣшнихъ явленіяхъ. Онъ рассказываетъ здѣсь не только подробно жизнь Гуса въ связи съ исторіею Чехіи и Церкви Католической вообще, но и касается исторіи религіозной Чехіи до Гуса; это самый сомнительный и малоизвѣстный періодъ исторіи Чехіи, отъ котораго осталось чрезвычайно мало памятниковъ, да и тѣ, большею частью, неизвѣстны. Столь важный

¹²⁹ Pag. XI.

переворотъ, каковъ тотъ, котораго словеснымъ представителемъ является Гусъ, принадлежитъ къ числу кризисовъ въ жизни народовъ и человѣчества, кризисовъ, къ которымъ приготовленіемъ является вся предшествующая исторія народа и человѣчества. Великое религіозное движеніе Чешское XV стол. не уступаетъ ни важностью своихъ слѣдствій, ни глубокимъ интересомъ событій великому политическому движенію во Франціи конца XVIII стол., и причины перваго не менѣе зависятъ отъ всей жизни Чешскаго народа, какъ и причины втораго имѣютъ корнемъ все развитіе Французскаго народа. Меньше всего доселѣ сдѣлано историками для изученія явленій религіозной жизни въ Чехіи до Гуса, а между тѣмъ въ нихъ-то лежитъ зародышъ всѣхъ послѣдующихъ явленій. Ланфанъ чувствовалъ необходимость связать явленіе Гуса съ жизнью всего Чешскаго народа и, такимъ образомъ, разумно и послѣдовательно объяснить его ученіе и дѣйствія: при бѣдности матеріаловъ его относительно этого періода, онъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, и то, что онъ сдѣлалъ, было единственнымъ доселѣ источникомъ для изученія періода до Гуса. Только изслѣдованія Палацкаго стоятъ выше изслѣдованій Ланфана, самаго дѣльнаго изъ всѣхъ Западныхъ историковъ, писавшихъ относительно Чешской исторіи и Гуса. До изданныхъ въ самое новѣйшее время изслѣдованій Палацкаго, основанныхъ на совершенно новыхъ и замѣчательныхъ источникахъ, все, что говоритъ Бальбинъ на счетъ мнимыхъ предшественниковъ Гуса, было единственнымъ источникомъ для ихъ изученія: съ Бальбиномъ не соглашались, но все таки принуждены были возвращаться къ нему, за недостаткомъ другихъ источниковъ: самыя ошибки Бальбина вошли въ исторію и повторены всѣми. Вообще, относительно религіознаго состоянія Чехіи до Гуса мы принуждены были собирать отовсюду матеріалы и не пренебрегать никакимъ, самымъ ничтожнымъ, по видимому, извѣстіемъ. Относительно вліянія Католическаго и Православнаго Богослуженій на Чехію отрывочныя, но важныя, извѣстія находимъ у Палацкаго „Исторія Чехіи,“ т. I-й, и у Пельцеля „Исторія Чехіи,“ т. 1. Относительно исторіи Православнаго исповѣданія въ Чехіи мы сошлись съ сочиненіемъ Мацьевскаго: „Исторія первобытной Христіанской Церкви у Славянъ (переводъ О. Евцакаго. Варшава. 1840)“; относительно Славянскаго обряднаго богослуженія (ritus)

замѣчательныя свѣдѣнія сообщаетъ *Добровскій* въ „Исторіи Чешской Литературы“; относительно исторіи Сазавскаго монастыря, какъ представителя не только Славянскаго языка и обряда, но и остатковъ Православія въ Чехіи, важныя свѣдѣнія представляетъ *Добнеръ* въ примѣчаніяхъ на Гайка¹⁸⁰. Здѣсь *Добнеръ* предложилъ, въ хронологическомъ порядкѣ, сводъ разныхъ извѣстій относительно древней Чешской исторіи, изъ множества Чешскихъ и иностранныхъ писателей; такъ онъ прекрасно очертилъ исторію Сазавскаго монастыря, основываясь на словахъ неизвѣстнаго Сазавскаго лѣтописца, продолжателя Козьмы. *Добровскій*, въ своей исторіи Чешской Литературы, представилъ исторію Славянскаго Богослуженія въ Чехіи, которая заключаетъ въ себѣ много важныхъ данныхъ; онъ же очень хорошо опредѣлилъ вліяніе религіознаго Чешскаго движенія на ихъ умственную дѣятельность и внѣшнюю сторону Литературы. Чрезвычайно важные матеріалы для исторіи предуговительнаго періода великаго Чешскаго религіознаго движенія содержатся въ двухъ трудахъ извѣстнаго Чешскаго историка, *Пеллцеля*: это — Исторія царствованій двухъ королей Чешскихъ, изъ которыхъ при одномъ пришли въ зрѣлость сѣмена, давшія такой богатый плодъ во второмъ: царствованіе Карла IV въ Чехіи важно особенно, какъ преддверіе царствованія Вацлава IV го. Оба царствованія, съ своимъ особеннымъ историческимъ характеромъ, составляютъ непрерывное продолженіе событій, гдѣ все связано цѣпью причинъ и слѣдствій. Обыкновенно видятъ въ царствованіи Вацлава внезапный переломъ въ жизни Чешскаго народа, переворотъ въ его характеръ и дѣйствіяхъ, а въ образъ мыслей и поступковъ обоихъ королей, Карла IV и Вацлава, замѣчаютъ противоположность. Но по закону исторической необходимости, царствованіе Вацлава должно было смѣнить царствованіе Карла IV. Народъ не есть масса единицъ безъ всякаго духовнаго значенія, не есть только одна отрицательная, матеріальная сила: въ немъ, какъ цѣломъ, совершается

¹⁸⁰ Wenceslai Hagek a Liboczan Annales Bohemorum, e Bohemica editione latine redditi et notis illustrati a P. Victorino a S. Cruce e scholis piis, nunc....aucti a P. Gelasio a S. Catharina. VI. Pragaе.

постоянное развитіе, движеніе, въ которомъ каждый изъ частныхъ лицъ принимаетъ безсознательное участіе. Процессъ этого развитія скрытъ во глубинѣ духа народнаго и разгадать его принадлежитъ истинной исторіи, которая скажетъ, что приписываемое личнымъ качествамъ и усиліямъ того или иного историческаго дѣятеля, дано ему народомъ, поскольку этотъ дѣятель есть представитель народа. Не великія личности по своему произволу влекутъ за собой народъ, но этотъ послѣдній, отъ времени до времени, въ слѣдствіе своего собственнаго внутренняго развитія, выдвигаетъ челоуѣка, который, дѣйствуя, будто бы, отъ своего лица, сознаетъ только то, что безсознательно совершилось уже или совершается въ тайнѣ духа народнаго. *Народъ весь, взятый вмѣстѣ, живетъ разумною жизнью, которая высказывается преимущественно въ тѣхъ лицахъ, которыя сознаютъ потребности народа*; въ этой жизни народа, какъ отвлеченнаго цѣлаго, различаемъ двѣ стороны: внутреннюю и вѣшнюю. Законы развитія духа народнаго одни и тѣже, но самое развитіе безконечно: неистощимъ міръ явленій вѣшной природы; во сколько же разъ богаче міръ внутренній, міръ духа челоуѣческаго? Вѣшнія явленія жизни народа, какъ проявленія его разумнаго развитія, служащія къ постиженію направленія, хода и поступанія впередъ этого развитія, важны всѣ безъ исключенія: иногда самыя пренебреженныя, ничтожныя явленія служатъ къ разгадкѣ тайны жизни народа. *Чешскій народъ, какъ народъ, живетъ своею разумною жизнью: постигнуть тайну и смыслъ его жизни—вотъ дѣло его историковъ!* Но если трудно бываетъ постигнуть явленія міра внутренняго челоуѣка, какъ лица, то тѣмъ невозможнѣе подмѣтить тайну жизни народа; остается отгадывать ее въ частныхъ явленіяхъ, изъ которыхъ каждое, съ этой точки зрѣнія, бываетъ исполнено смысла. Доселѣ, за исключеніемъ немногихъ, кто обращалъ вниманіе на народъ? Строгое изученіе историческихъ явленій покажетъ рано или поздно, что въ народѣ совершается втихомолку великое дѣло развитія, что тамъ приготавливаются и матеріалы для исторій и историческіе дѣятели, что, по видимому, тупая и безсмысленная масса народа господствуетъ надъ всѣми дѣйствіями историческихъ лицъ, которыя потому только и историческія, что суть представители народа. Карлъ IV и Вацлавъ IV были необходимыми явленіями въ жизни Чешскаго народа;

характеръ того и другаго былъ условленъ характеромъ народа и зависѣлъ непосредственно отъ него. Потому-то, по видимому, внезапная перемѣна въ характеръ Вацлава IV, надъ разгадкою которой тщетно трудились историки, находитъ себѣ полное и удовлетворительное объясненіе въ измѣненіи внутренняго расположенія всего Чешскаго народа. Потому-то царствованія Карла IV, (1 го въ порядкѣ Чешскихъ Королей) и Вацлава IV го важны для насъ, какъ проявленія расположенія Чешскаго народа въ двухъ періодахъ времени, столь, по видимому, близкихъ и столь разнохарактерныхъ. Въ этомъ смыслѣ важны для насъ два слѣдующіе сочиненія Пельцеля: 1) *Kaiser Karl der Vierte, König in Böhmen*. Prag, 1780. 2) *Lebensgeschichte des Römischen und Böhmisches Königs Wenceslaus*. Prag. 1788. Каждое изъ этихъ сочиненій состоитъ изъ тома текста и тома актовъ и документовъ различнаго рода и представляетъ богатый матеріалъ изъ учающимъ Чешскій народъ и жизнь его въ ея внѣшнихъ явленіяхъ: отъ послѣднія являются здѣсь совершенно такъ, какъ были неосказаны личными любимыми идеями автора. Тутъ много видимъ фактовъ относительно религіознаго Чешскаго движенія, его предуговѣтельнаго и его дѣятельнаго періода, фактовъ, которыми доселѣ никто не воспользовался: изъ многихъ приведемъ одинъ примѣръ; таковъ актъ, приложенный Пельцелемъ къ концу перваго тома своей исторіи, актъ безконечной важности для исторіи религіознаго движенія въ Чехіи — это: *Acta in Curia Romana a Genzenstein, Archiepiscopi Pragensis*, извлеченныя Пельцелемъ изъ Ватиканской библіотеки, такъ живо представляющія религіозное состояніе Чехіи предъ выступленіемъ Гуса на поприще дѣятельности. Исторія Карла IV превосходно обработана Пельцелемъ по богатымъ собраніямъ актовъ, относящихся ко времени этого Императора. Что касается до жизнеописанія короля Вячеслава, то самъ авторъ видитъ въ немъ продолженіе царствованія Карла IV го; составляя его, онъ пользовался множествомъ источниковъ, списокъ которыхъ приложенъ тамъ же. Добросовѣстный трудъ Пельцеля, истинно Славянскаго историка, заслуживаетъ большей извѣстности: важность его для изученія идеи развитія Чешскаго народа — безконечна. Только изъ подробнаго и дѣятельнаго изученія явленій можетъ возникнуть общая идея времени или событія: въ этомъ отношеніи каждый исто-

рикъ, занимающійся Чешскою исторіею, благословить въ душѣ память трудолюбиваго Пельцеля, который трудился для другихъ, доставлялъ матеріалы къ полному и свѣтлому воззрѣнію на исторію Чешскаго народа, воззрѣнію, которое безъ трудолюбиваго Пельцеля было бы или не возможно, или не основано на истинѣ ¹³¹.

Въ иномъ отношеніи замѣчательна исторія Чехіи Палацкаго ¹³²; это трудъ историка, впервые пытающагося пролить свѣтъ на исторію Чешскаго народа, проникнуть въ тайну его внутренней жизни и, какъ первый опытъ въ этомъ родѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Палацкій уже не старается, какъ его предшественники (не исключая и Пельцеля), сообщить, какъ можно больше фактовъ Чешской исторіи, но онъ пытается проникнуть въ ихъ внутреннюю сторону, подвести ихъ подъ законы высшаго развитія. Нельзя было бы не пожелать сочинителю большей живости и свѣжести чувства любви къ народному своему и Славянскому въ особенности; но нельзя не замѣтить и того, что сочинитель, по причинамъ, очень понятнымъ, вездѣ избѣгаетъ случая высказывать свои личныя убѣжденія и мнѣнія; онъ боится на шагъ удалиться отъ событій. Къ сожалѣнію, кромѣ разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя способны была остановить слово правды на концѣ пера историка и повести его въ иномъ направленіи, нежели въ какомъ ему было бы желательно, и самый личный характеръ и убѣжденія г. Палацкаго не всегда благопріятствовали безпристрастному и свѣтлому взгляду на событія, особенно ихъ смыслъ. Религіозныя убѣжденія чрезвычайно вредны при оцѣнкѣ великаго Чешскаго религіознаго движе-

¹³¹ *Franz Martin Pelzel's Geschichte der Böhmen, von den ältesten bis auf die neuesten Zeiten. Aus den besten Geschichtschreibern, Kroniken und gleichzeitigen Handschriften zusammen getragen. Prag, 1782.* Это третье изданіе, доведенное до смерти Императрицы Маріи Терезіи, умножено многими прибавленіями, очень важными, съ изображеніемъ умственной жизни Чеховъ по истеченіи cadaго періода, и т. д.

¹³² *Geschichte von Böhmen, grösstentheils nach Urkunden und Handschriften, von Franz Palacky. Prag. 1836—1845. 3 Bände.*

нія, и его оцѣнить вполне нельзя ни Католику, ни Протестанту: непременно надобно быть *Славяниномъ и Православнымъ*, чтобы вполне понять глубокое значеніе этого событія, которое и доселѣ оставило глубокіе слѣды въ жизни Западныхъ Славянъ. Въ первомъ отдѣлѣ третьяго тома Г. Палацкій изложилъ исторію Чехіи при Вацлавѣ IV, гдѣ коснулся (не болѣе) исторіи религіознаго Чешскаго движенія: умно и ясно излагаетъ онъ событія, но и только; ему было извѣстно много новыхъ источниковъ для оцѣнки Гуса, и онъ воспользовался ими; но прочтите все, что у Палацкаго написано о Гусѣ, и вы все таки не узнаете ни характера этого дѣятеля, ни его значенія. Масса вѣщихъ свѣдѣній о немъ умножилась, но свѣтлаго взгляда, обнищавшаго бы всѣ частныя событія Гуса и дававшего имъ смыслъ, у васъ не останется послѣ чтенія Палацкаго. Вообще это — *исторія вѣнскихъ дѣйствій Гуса*, а не его внутренней жизни въ связи съ развитіемъ Чешскаго народа.

Недостатокъ книга Г. Палацкаго выполняетъ съ избыткомъ сочиненіе Боншоза: *Les Réformateurs avant la Réforme. Siecle. XV. Jean Hus et le Concile de Constance, par Emile de Bonnechose. Paris. 1845. 2 voll.* Все это сочиненіе, отъ первой до послѣдней страницы, дышетъ самымъ Христіанскимъ чувствомъ, не исключаяющимъ никакой народности, никакого явленія. Боншозъ принесъ къ изученію Гуса зрѣлое, общехристіанское, воззрѣніе, и тѣмъ уже сталъ безконечно выше всѣхъ своихъ предшественниковъ, смотрѣвшихъ на Гуса съ точки зрѣнія своихъ личныхъ, или народныхъ религіозныхъ, взглядовъ. Это сочиненіе написано человѣкомъ, глубоко чувствительнымъ, способнымъ на все доброе: къ сердцу взялъ онъ дѣло Гуса и далъ ему вовсе иной оборотъ, нежели какой оно имѣло прежде. И не странно ли? Человѣкъ инаго племени, съ иными убѣжденіями, приступаетъ къ изученію Гуса и невольно проникается любовью къ нему и его ученію, со всѣмъ жаромъ благородной души заступаетъ за него и грудью отстаиваетъ его отъ ложныхъ обвиненій враговъ. А между тѣмъ одинъ новѣйшій историкъ остается холодно равнодушенъ и важно строгъ при изученіи самаго лучшаго періода своего народа. Конечно, чувство иногда способно увлечь, но оно же открываетъ великія истины, которыхъ никогда не найдти холодному, систематическому уму. *Не уже ли и въ оцѣнкѣ явленій нашей Сла-*

вянской жизни должны обогатить насъ люди много племени? Не уже ли у нихъ научимся понимать событія, въ которыхъ принимали участіе наши предки? Сочиненіе Боншоца вышло почти въ одно время съ Палацкаго третьимъ томомъ, и первый дополнить недостатокъ втораго, и на оборотъ. Съ какою любовью смотрѣлъ на Гуса Боншоць, покажутъ слѣдующія строки ¹³³: „Излагаая исторію Гуса и Костницкаго Собора, я знаю заранѣе, „что, представляя на удивленіе нѣкоторыхъ жизнь этого праведника, жертвы Собора, я подвергну его новымъ обидамъ. Но каждому, кто захотѣлъ бы оскорбить его память, я скажу: Гусъ отвергнулъ мысль, чтобы человѣкъ, по какому бы то ни было поводу, долженъ былъ оглушать голосъ своей совѣсти и дѣйствовать противъ внутренняго убѣжденія, согласитесь ли вы съ нимъ или нѣтъ? Скажу еще: пройдите мыслью всѣ обстоятельство его жизни, прочтите его письма, его трогательныя письма, въ которыхъ обличается душа самая непорочная и святая ревность; посмотрите, сколько любви къ благу, сколько отвращенія отъ зла, сколько преданности истинѣ! Посмотрите на жизнь его, на его смерть: потомъ положите руку на сердце и скажите: Я лучшій Христіанинъ, нежели этотъ человѣкъ.... И тогда оскорбляйте его!....“ Боншоць изложилъ не только исторію борьбы Гуса съ Католическою Церковью, но и слѣдствія ея въ самой Чехіи. Но здѣсь-то обнаружилась односторонность его взгляда. Своимъ чистымъ неспорченнымъ чувствомъ, Боншоць отгадалъ многое чрезвычайно удачно, но, при всей силѣ и полнотѣ своего таланта, онъ не могъ вознаградить недостатка основательныхъ и твердыхъ познаній касательно жизни всего Чешскаго народа. Гуса невозможно разсматривать врозь отъ народа, котораго онъ есть первокласный представитель. Гусъ прежде всего Чехъ, потомъ Славининъ, а потомъ уже Реформаторъ-Христіанинъ: всѣ его дѣйствія нераздѣльны съ дѣйствіями народа Чешскаго, и онъ потому такъ великъ, какъ всемірный дѣятель, что онъ не только свидѣтельствуетъ о высокой степени нравственнаго воспитанія Чешскаго народа, но и воплощаетъ въ себѣ всѣ его элементы, всѣ его требованія и постоянно дѣйствуетъ не во имя

¹³³ Preface p. XXX.

своихъ частныхъ интересовъ, но во имя Чешскаго народа. Къ сожалѣнію, Боншозу мало была извѣстна жизнь Чешскаго народа, а потому онъ смотрѣлъ на Гуса издали, съ высоты общечеловѣческаго воззрѣнія, давалъ ему слишкомъ общій и всесторонній характеръ. Гусъ въ изображеніи Боншоза теряетъ вовсе свой Чешскій характеръ и является какимъ-то философомъ-космополитомъ новаго времени ¹³⁴. Но свѣтлый взглядъ Боншоза отрадно поражаетъ насъ и заставляетъ забыть въ немъ недостатокъ самобытнаго изслѣдованія и излишнюю самонадѣянность на свои силы.

Остается сказать о *тѣхъ сочиненіяхъ*, которыя не имѣютъ спеціальною цѣлью изученіе Чешскаго религіознаго движенія, но касаются его мимоходомъ, излагая исторію всеобщую, свѣтскую, или церковную, или тѣ сочиненія, которыя занимаются исторіею религіознаго развитія до Гуса и въ иныхъ странахъ, и, такимъ образомъ, показываютъ его отношеніе къ нашему Чешскому движенію. Здѣсь особенно важны тѣ сочиненія, которыя могутъ служить къ тому, чтобы оцѣнить мѣсто Чешскаго религіознаго движенія въ ряду иныхъ оппозиціонныхъ Католицизму движеній, въ разное время и въ разныхъ странахъ Европы обнаружившихся, особенно тѣхъ, которыя проявились въ Вальденсахъ и Виклефѣ. Относительно *Вальденсовъ* мы пользовались слѣдующими сочиненіями: 1) *De Vraldensibus eorumque doctrina et moribus*, liber a Pontificio scriptore (Reinerium quidam putant) ante CCC annos scriptus, ex veteri codice desumptus (эта слова Фрегера въ 1602 году), сочиненіе ¹³⁵, заключающее въ себѣ драгоцѣнныя извѣстія относительно Вальденсовъ, которыя могутъ повести къ полезнымъ выводамъ относительно сходства Вальденсовъ съ Чешскими Братями. Это сочиненіе тѣмъ важнѣе, что оно написано Католикомъ, которому невозможно было обмануться въ своихъ наблюденіяхъ сочувствіемъ къ Вальденсамъ: вездѣ онъ величаетъ ихъ еретиками, но даетъ объ ихъ ученіи иное, и довольно откровенное, свидѣніе; только тотъ узнаетъ вполне цѣну этому сочиненію

¹³⁴ Доказательствомъ тому все предисловіе Боншоза, исполненное высокихъ идей, сильнаго и благороднаго чувства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ идеальное, не имѣетъ ничего, или очень мало, общаго съ дѣйствительностью.

¹³⁵ *Freheri Rerum Bohemicarum aliquot scriptores insignes*, p. 222—232.

кому извѣстны тѣ жалкія фанатическія выходки, которыми Католическіе писатели запутали исторію ересей въ Средніе вѣка. 2) *Disputatio Academica de Valdensium secta ab Albigenis bene distinguenda*, а *Petrus Jas. Lugduni Batav. 1834*. Цѣль этого разсужденія, основаннаго на совѣстливомъ изученіи источниковъ, есть доказать, что Вальденсы существенно отличны отъ Альбигойцевъ; потому-то первая часть посвящена повѣркѣ всего того, что различные писатели сообщили намъ относительно Вальденсовъ и Альбигойцевъ, и доказательствамъ тому, что Вальденсы и Альбигойцы существенно отличны другъ отъ друга; вторая часть показываетъ, въ какихъ именно точкахъ состояло различіе Вальденсовъ и Альбигойцевъ. Сочинитель этого труда чрезвычайно совѣстливо разработалъ источники и представилъ выводы своихъ изслѣдованій, опираясь на этихъ источникахъ. Хотя онъ преимущественно занимается Альбигойцами, но и относительно Вальденсовъ сообщаетъ много важнаго.

Какъ Католическіе, такъ и Протестантскіе, писатели постепенно твердятъ, что Гусъ есть ученикъ и послѣдователь Викафе: нелѣпость этого мнѣнія мы увидимъ въ самомъ изслѣдованіи; теперь укажемъ на тѣ источники, которые помогли намъ разобратъ отношеніе Викафе къ Гусу. Важнѣйшій изъ нихъ есть, конечно, „*Triologus*“¹³⁵ Викафе, котораго вліянія на первый юношескій періодъ дѣятельности Гуса отрицать нельзя, хотя въ послѣдствіи самъ Гусъ, сознавъ важность свою, какъ представителя Чешскаго народа, отказался отъ безусловнаго одобренія всѣхъ мнѣній Викафе. Необходимо прочесть *Тріалогъ* Викафе и увидѣть то различіе, которое находится между мнѣніями Англійскаго Богослова и Чешскаго духовнаго на-ся роднаго оратора: тутъ увидимъ ясно и чисто народно-Чешскій характеръ Гуса и того движенія, во главѣ котораго онъ стоялъ, и то глубокое различіе, которое находится между Гусомъ и его предшественникомъ въ Англіи. Гусъ не только не ученикъ Вик-

¹³⁵ Joan. *Wiclefi* Dialogorum libri quatuor. Francofurti et Lipsiae MDCCCLIII. Этому предшествуетъ: D. Iohannes *Wiclefi* wahrhafte und gegründete Nachrichten von seinem Leben, Lehrsätzen u. Schriften, aus bewährtesten Urkunden u. Schriftsteller gezogen u. entworfen von L. Ph. *Wirth*. Bayreuth und Hof. 1754.

лефа, но и несравненно высшій его историческій дѣтель; если онъ въ первомъ періодѣ своего славнаго поприща увлекся блестящими софизмами Виклефа, то въ послѣдствіи онъ забылъ ихъ и сталъ дѣйствовать самостоятельнымъ представителемъ духовныхъ потребностей своего народа. До сихъ поръ не было еще ни одного труда, посвященнаго именно тому, чтобы разобрать тѣ отношенія, которыя дѣйствительно существовали между мнѣніями Гуса и Виклефа; а этотъ предметъ вполне заслуживалъ бы того.

Очень естественно, что каждая исторія Церкви Христіанской, обнимающая Средніе вѣка, должна непременно коснуться Чешскаго религіознаго движенія и его отношенія къ инымъ, прежнимъ и послѣдующимъ, религіознымъ движеніямъ, но составители сборниковъ и учебниковъ Церковной исторіи повторяютъ постоянно однѣ и тѣ же извѣстія относительно Чешскаго религіознаго движенія, основываясь на авторитетѣ нѣкоторыхъ, особенно уважаемыхъ, писателей, которые на самомъ дѣлѣ безсовѣстно искажали событія. Всѣ ложныя свѣдѣнія, сообщаемыя Энеемъ Сильвіемъ, безусловно приняты въ большую часть книгъ относительно Всеобщей и Церковной исторіи Средняго вѣка. Странно читать, какъ упорно въ нихъ держатся старыхъ, опровергнутыхъ уже, мнѣній, выдаютъ за факты то, что существовало только въ головѣ Энея Сильвія, Дубравскаго, Гайка и др. Изъ древнѣйшихъ писателей Церковной Исторіи особенно замѣчателенъ *Рейнальдъ* ¹³⁷, начавшій свой трудъ съ событій 1198, на которыхъ остановился Бароній, и продолжившій его по 1565 годъ: это трудолюбивое и старательное изслѣдованіе всѣхъ современныхъ памятниковъ и актовъ Церковной Исторіи, кои сочинитель могъ видѣть и изучать въ Ватиканской библіотекѣ; оно заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ и важныхъ извѣстій относительно Чешскаго религіознаго движенія. Протестантскіе писатели, несравненно болѣе Католическихъ сдѣлали для изученія оппозиціонныхъ религіозныхъ движеній, которыхъ привыкли называть *ересями*: они первые начали изучать своихъ предше-

¹³⁷ *Raynaldi Annales ecclesiastici ab anno 1198 usque ad annum 1565. Romae. 1646—77. 10 tomi. fol.* Это продолженіе Бароніевой Лѣтописи Церковной въ 12 т. in 1°.

ственниковъ, которые, если во многомъ важномъ отъ нихъ и отличались, однако всѣ за одно возставали противъ духовнаго деспотизма въ лицѣ Папства. Цѣлью при этомъ имѣли Протестанты опровергнуть упрекъ, который имъ дѣлали Католики, упрекъ въ *новизнѣ*, въ неслыханномъ, будто бы, никогда прежде уклоненіи отъ единой истинной Церкви; для того Протестанты обратились къ прошедшему Церкви и; послѣ многотрудныхъ изысканій, увидѣли, что Папство постепенно находило противодѣйствователей своимъ крайнимъ стремленіямъ, и что рядъ этихъ противодѣйствователей тянется безпрерывно отъ первобытной Церкви до Лютера. Съ такою цѣлью составлены Магдебургскія Центуріи, первый опытъ Церковной Исторіи, основанный на изученіи источниковъ; съ такою же цѣлью утвердить корень Протестантства въ прошедшемъ Церкви составлена книга: *Catalogus testium veritatis, qui ante nostram aetatem Pontifici Romano et Papismi erroribus reclamarunt pugnantibusque sententiis scripserunt.* 1562, 2-е изд. Francofurti 1666¹⁵⁸. Составитель этой книги есть Матѳей Флакъ (собственно *Flacich*), Илирикъ; одинъ изъ Славянскихъ дѣятелей и церковныхъ защитниковъ Реформациі XVI стол. Онъ родился, въ 1520 году, въ г. Альбойъ, въ Иллиріи, и потому носилъ названіе Илирика, воспитывался въ Базель, потомъ въ Тюбингенъ, гдѣ жилъ у своего земляка, профессора Греческой Словесности, Гарбиція. Сперва профессоръ въ Виртембергѣ, Флакъ отправился въ Іену и тамъ былъ профессоромъ Св. Писанія; въ началѣ Смалькальденской войны онъ переселился въ Магдебургъ, гдѣ издалъ, съ нѣкоторыми иными учеными, Магдебургскія Центуріи. Принужденный оставить Магдебургъ по случаю ссоры съ Викториномъ Стригеліемъ, происшедшей по поводу диспута объ участіи воли въ спасеніи человека (при чемъ Флакъ защищалъ свободу дѣйствій человека), онъ остальное время своей жизни (Флакъ ум. въ 1575) провелъ въ различныхъ городахъ Германіи, занимаясь важными учеными трудами, которыми доселѣ пользуются историки. *Catalo-*

¹⁵⁸ Все сочиненіе направлено къ опроверженію упрека Католикамъ тамъ же выставленнаго. Католики говорили Протестантамъ: „*Vestra nova est Religio, nuper ante XXX annos a Luthero orta et instituta. Igitur nostra Ecclesia ac Religio, hoc est Romana, vera ac genuina est.*“

gus testium veritatis явился, какъ сказано, въ 1562 году, Магдебургскія Центуріи отъ 1554—1574; по его же внушенію изданы сочиненія Гуса въ Нирибергѣ ¹³⁹ (Opera Hussi an. 1558 г.), и, такимъ образомъ, первымъ изданіемъ сочиненій Гуса мы обязаны нашему и его соотечественному Славянину, Матѳею Флаку. Онъ самъ считаетъ Catalogus testium veritatis необходимымъ дополненіемъ Магдебургскихъ Центурій; не излишнимъ будетъ замѣтить, что составляя Catalogus, онъ пользовался множествомъ рукописей и рѣдкихъ сочиненій. Дѣйствительно, Catalogus представляетъ удивительное богатство и разнообразіе матеріаловъ, хотя нельзя не признаться, что Флакъ очень мало обращалъ вниманія на выборъ, значеніе и заслуги своихъ „свидѣтелей“; важные историческіе дѣятели, оставившіе по себѣ долгіе, неизгладимые слѣды, и ничтожные проповѣдники, ни чѣмъ не ознаменовавшіеся, имена которыхъ едва извѣстны, занимаютъ его совершенно одинаково, такъ что онъ, сообщая много пустыхъ и незначительныхъ лицъ, не многое только сказалъ относительно Гуса, Виклефа и иныхъ. Но особенно сильное сочувствіе питаетъ онъ къ Вальденсамъ и Таборитамъ, которыхъ считаетъ послѣдователями одного и того же ученія; касательно Вальденсовъ Catalogus представляетъ хорошую и подробную статью; замѣчательны также статьи о Гусѣ, Яковѣ изъ Стржибра, Миличѣ и нѣкоторыя другія ¹⁴⁰.

Изъ Церковныхъ исторій, принадлежащихъ ко времени позднѣйшему, замѣчательны, особенно по изложенію Чешскаго религіознаго движенія, слѣдующія: 1) Allgemeine Geschichte der christlichen Kirche nach der Zeitfolge, von H. P. C. Henke (Professor d. Theologie zu Helmstadt). 3 Aufl. Braunschweig. 1795—97, 4 Theile. Здѣсь, во второмъ томѣ, находимъ превосходно очерченное состояніе Церкви Католической предъ появленіемъ Гуса, гдѣ яркими красками изображено ея внутреннее устройство, дошедшее, наконецъ, до крайности, до такихъ путей, которые приходили къ мѣстамъ непроходимымъ; но относительно Гуса и его значенія Генке по-

¹³⁹ Videatur (Catal. p. 727) ingens volumen ejus Operum, quod Norimbergae curavi edi.

¹⁴⁰ Кромѣ извѣстій, содержащихся въ Catalogus testium veritatis, присоединенъ еще, въ изданіи 1667 года, Auctarium Catalogi testium veritatis, гдѣ весь восьмой отдѣлъ посвященъ Чешскимъ дѣятелямъ, р. 176 — 195, in 4°.

казывають мало проникательности: онъ какъ-то не можетъ отдать себѣ отчета въ его духовномъ значеніи. За тѣмъ у него изложена сокращенно исторія Гуситовъ, безъ всякихъ новыхъ данныхъ и соображеній; за то хорошо и подробно описано происхожденіе и ученіе новыхъ Гуситовъ или, обыкновенно называемыхъ, Моравскихъ Братьевъ. 2) *Christliche Kirchengeschichte*, v. J. M. *Schröckh* (Professor der Geschichte auf Universität Wittenberg.); 34 томъ. Лейпцигъ. 1802. Здѣсь Шрекъ изложилъ исторію Чешскаго релігіознаго движенія отъ его начала до 1517; онъ вполне сознаетъ важность и значеніе этого движенія въ исторіи Церковной вообще и излагаетъ очень подробно и обстоятельно всѣ его явленія. Начавши съ принятія Христіанства Чехією, Шрекъ пытается провести до самаго Гуса оппозицію большей части народа противъ Католичества; очень также хорошо изложено у него ученіе Гуса, при чемъ онъ разбираетъ каждое его сочиненіе порознь. Вообще, изложеніе всего Чешскаго релігіознаго движенія въ Чехіи до 1517 сдѣлано чрезвычайно хорошо Шрекомъ, хотя и онъ внесъ въ свою исторію мнимое вліяніе Виклефа на Гуса и нѣкоторые иные сомнительныя данныя; впрочемъ, во всякомъ случаѣ Шрекъ прекрасно опредѣлялъ отношеніе Гуса къ Католической Церкви и критически разсмотрѣлъ его ученіе и жизнь. 3) *Lehrbuch der Kirchengeschichte*, von J. C. L. *Gieseler* (Professor d. Theologie an d. Rheinuniversität.). Bonn. 1827—1840. Этого сочиненія доселѣ (сколько мнѣ извѣстно) вышло 3 тома, изъ которыхъ первые два состоятъ изъ двухъ отдѣленій (*Abtheilung*), а третьяго вышло, покуда, еще только первое отдѣленіе, въ которомъ событія Церковной исторіи доведены до 1648 года. Самый разсказъ событій не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго: въ первыхъ двухъ томахъ онъ такъ кратокъ, что содержитъ въ себѣ только перечень главнѣйшихъ происшествій съ означеніемъ времени, когда они случились; въ третьемъ томѣ до 1517 года разсказъ Гизелера становится подробнѣе и потому важнѣе. Но главное неотъемлемое достоинство первыхъ двухъ томовъ Гизелера заключается въ выпискахъ изъ подлинныхъ документовъ и современныхъ сочиненій, по большей части недоступныхъ простымъ изслѣдователямъ, выпискахъ, сдѣланныхъ съ удивительнымъ знаніемъ дѣла; каждая выписка такъ важна, что безъ нея не возможно имѣть яснаго понятія о событіи, или лицѣ дѣйствовавшемъ: пустыхъ выписокъ вовсе нѣтъ. Превосход-

ные матеріалы въ выпискахъ своихъ представилъ Гизелеръ относительно чрезвычайно запутанной секты ересей Манихейскихъ и Вальденсовъ, а мы ниже увидимъ ту важность, какую имѣютъ Вальденсы въ исторіи Чехіи. Не менѣе полезныхъ свѣдѣній сообщаетъ Гизелеръ относительно, такъ называемыхъ, предшественниковъ Гуса въ Чехіи, потомъ относительно самого Гуса. Прекрасно прослѣдилъ онъ, по источникамъ, развитіе религиозныхъ мнѣній въ Чехіи до 1517 года; менѣе важности имѣетъ то, что онъ говоритъ въ третьемъ томѣ о религиозной исторіи Чехіи послѣ 1517 года. 4) *Kirchengeschichte, von B. Hase. Leipzig. 1837.* Въ ней находимъ отчетливое и живое, хотя въ немногихъ словахъ, изображеніе Чешскаго религиознаго движенія; но главное право этой книги на упоминаніе здѣсь — это прекрасное изложеніе литературы книгъ, къ нашему вопросу относящихся.

Вотъ главнѣйшія сочиненія, съ которыми мы совѣтовались при изложеніи исторіи религиозной Чешской борьбы до и послѣ Гуса. Въ наше разсмотрѣніе источниковъ и пособій, ради краткости, не вошли многія сочиненія, менѣе важныя, которыми мы пользовались (сюда относятся труды Бальбина, Спитлера, Варильяса и мн. др.); мы ихъ поименуемъ въ началѣ той главы нашего изслѣдованія, къ которой они особенно относятся. Не считаемъ излишнимъ замѣтить, что, дабы безъ пользы не умножать примѣчаній и ссылокъ, мы предъ каждою главою укажемъ на заглавія и мѣста сочиненій, которыя вошли въ ея составъ; чрезъ это мы будемъ имѣть возможность дать большій объемъ тексту.

Множество сочиненій, которыми мы пользовались, по видимому, оставляетъ намъ только легкій трудъ извлекать то, что намъ покажется важнымъ: матеріаловъ много; кажется, остается только воспользоваться ими. И дѣйствительно, у насъ въ головѣ накопилось множество фактовъ, но значить ли это разумно изложить исторію религиознаго Чешскаго движенія, если мы сообщимъ ихъ одинъ за другимъ? Ставить главную цѣль изслѣдованія нашего въ томъ, чтобы собрать отовсюду; какъ можно болѣе данныхъ, мы не думаемъ; главное намѣреніе наше — представить *смыслъ великой Чешской религиозной борьбы*, показать, какъ въ Чешскомъ народѣ высшія идеи духовной свободы зрѣли и развивались; какія измѣненія, въ слѣдствіе переменъ народнаго характера, претерпѣвали онѣ; какіе дѣятели и въ какой степени

воплощали въ себѣ духовныя потребности Чешскаго народа; однимъ словомъ, показать значеніе всей Чешской религіозной борьбы отъ первыхъ ея началъ до несчастной Бѣлогорской битвы. Отсюда, для насъ особенно важны будутъ тѣ только событія, въ которыхъ выражается религіозное развитіе Чешскаго народа, тѣ только дѣятели, изучая которыхъ мы смѣло можемъ быть увѣрены, что изучаемъ представителей этого развитія. Гусъ, вполне воплотившій въ себѣ духовныя потребности Чешскаго народа, будетъ главнымъ предметомъ нашего изслѣдованія: въ немъ - то выражается преимущественно характеръ Чешской религіозной борьбы вполне. Однимъ словомъ, мы постараемся, сколько станеть на то нашихъ силъ и средствъ, чтобы наше предлежащее изслѣдованіе не понапрасну носило названіе Исторіи религіознаго движенія въ Чехахъ, а представило бы духовный смыслъ борьбы, не одни только ея внѣшнія явленія.

IV

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

КНИГА ПЯТАЯ

ОПИСАНИЕ ПЕРСКОГО ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ПЕРСІЮ,

ПОВѢСТВУЮЩАЯ О ПЕРСИДСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ И ОБЪ ЕГО ОБИТАТЕЛЯХЪ.

Г Л А В А I.

О Персидскомъ Царствѣ вообще.

Царство Персидское, получившее имя свое отъ одного Греческаго героя, Персея, издревле было въ высшей степени знаменитымъ и славнымъ Государствомъ и Монархіею, такъ что, какъ свидѣтельствуемъ Брисонъ (*De regio Persarum principatu. Paris. 1606, lib. 1, pag. 2*), въ цѣломъ свѣтѣ не было ни одного Государства, которое превосходило бы его въ силѣ и величіи. По этому-то и правители его назывались великими Царями, и даже Царями всѣхъ Царей, какъ это читаемъ мы у Платона (*De legib. Dial. 3, pag. 783; Platonis opera. Lugd., 1590*), Страбона (*lib. 15, pag. 502, 1587*), у Светонія (*in Caligula § 5. Lugd., 1547*), а также и въ 1-й книгѣ Есфирь (*Esther, гл. 3, ст. 12*). Монархія эта простиралась далеко и широко въ своихъ предѣлахъ, содержала подъ своимъ владычествомъ весьма много областей, богатыхъ народонаселеніемъ, что, между прочимъ, можно видѣть и изъ несмѣтнаго войска и воинскихъ снарядовъ, съ которыми Царь Дарій ходилъ войною противъ Александра, и свидѣнія о которыхъ сообщаетъ Кв. Курцій (*lib. 3, cap. 2. Coloniae Agrippinae, 1628*).

Въ такомъ цвѣтущемъ состояніи и благоденствіи находилась эта, именно 2-я, Монархія, начатая Киромъ и существовавшая 230 лѣтъ, и при Царѣ Даріи, передъ послѣднимъ сраженіемъ при Арбеллахъ; но вскорѣ за тѣмъ, вмѣстѣ съ симъ Царемъ, стала клониться къ упадку, и наконецъ совершенно пала.

Съ теченіемъ времени Персія была весьма ослаблена войнами, какъ туземныхъ, такъ и иноземныхъ, Государей, иногда же была совершенно поработощаема и низводима въ тяжелое рабство, даже до того, что жители ея, Персіане, при покореніи ихъ Арабами (въ 632 г.), принуждены были отречься отъ своего имени и называться не Персами, но Сарацинами, какъ повѣствуетъ о томъ Ботеръ (Boterus), въ своей «*Politia Regia*» (Marpurgi, 1620), на стр. 146. Иногда же Персіане снова усиливались и приобрѣтали опять своихъ собственныхъ Царей, которые опять расширяли предѣлы своего Царства и свое владычество.

Какъ далеко и широко простиралось Царство это въ древности, о томъ находимъ мы свѣдѣнія у древнихъ писателей. Особенно повѣствуютъ объ этомъ Страбонъ, въ помянутой сей-часъ 15 книгѣ, и Бизаръ (Bizarus), въ «*Historia rerum Persicarum*» (Francofurti, 1601), книга 1, страницы 2 и 3; послѣдній заимствуетъ свои свѣдѣнія у Армянскаго географа, Гайтона (Haithon). Что касается до положенія Персіи въ настоящее время и до названія ея областей, то хотя объ этомъ и можно найти свѣдѣнія у новыхъ географовъ, но они частію слѣдуютъ древнимъ писателямъ (какъ, на прим., въ особенности, Маріи Нигеръ (Marius Niger), въ своей географіи (Basiliae, 1557), въ заглавіи которой значится, впрочемъ: «*Loca ut nostro tempore sunt sita et denominata*,» и смѣло выписываютъ изъ нихъ, частію же даютъ областямъ и городамъ невѣрные и странные названія, въ слѣдствіе чего тѣмъ же грѣшатъ и обыкновенныя Персидскія карты, находящіяся въ большомъ Атласѣ, кромѣ того, что въ нихъ невѣрно опредѣлены долгота и широта мѣстъ. Я не видалъ еще ни одной изъ этихъ картъ, которая бы, относительно Персидскихъ областей, подходила къ истинѣ ближе Французскихъ географическихъ таблицъ Самсона де Аббевиля (Samsons de Abbeville), вышедшихъ недавно на большомъ листѣ и вырѣзанныхъ на мѣди. Но изъ этихъ переведенныя

на Латинскій языкъ тоже не выдерживаютъ критики и сбиваются на древніе образцы.

Я изложу сдѣсь и назову эгѣ области такъ, какъ онѣ въ настоящее время, по свѣдѣніямъ и описанію теперешнихъ Персовъ, называются, по ихъ собственному произношенію, на сколько оно можетъ быть передано въ Нѣмецкомъ выговорѣ.

Извѣстно, что такъ какъ Персія и Парөія, хотя онѣ были совершенно разныя Государства, но по тому, что Парөяне часто находились внутри Персіи и описывались подъ однимъ именемъ, именно подъ именемъ Персіи, то въ слѣдствіе этого и вокругъ лежавшіе подвластные имъ края и области считались какъ бы членами Персидскаго Царства. Тоже самое имѣетъ мѣсто и въ настоящее время, и такимъ образомъ къ Персидскому Государству принадлежитъ все, что отъ сѣвера къ югу лежитъ между Каспійскимъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, или *Sinu Persico*; съ востока же на западѣ, между Евфратомъ и границами Кандагара (*Candahar*). Оно простирается даже по западной сторонѣ Каспійскаго моря до половины его, вверхъ до Арменскихъ горъ; на западъ же до самой рѣки *Ruth-Chane-kurkahn* (въ древности Оксъ, *Oxus*, называвшейся), въ сѣверной части которой обитаютъ Узбеки или Бухарскіе Татары, которые суть также отчасти данники Царя Персидскаго.

При этомъ Іоаннъ Ботеръ впадаетъ въ ошибку, говоря, въ своей «*Politia Regia*,» что Персидское Государство отъ полуночи къ полудню имѣетъ протяженіе 18 градусовъ по равноденственному, тогда какъ собственно оно имѣетъ его едва 12 градусовъ. Если возьмемъ только самыя крайніе предѣлы, или мѣста, находящіяся на двухъ, лежащихъ другъ противъ друга, моряхъ, именно: на Каспійскомъ морѣ и Персидскомъ заливѣ, не только такъ, какъ я обозначилъ ихъ на моей картѣ Персіи, но и какъ полагаютъ ихъ сами Арабы и Персы, и какъ старательный и ученый мужъ, Г. Іоаннъ Граве означалъ ихъ въ изданіи своемъ, напечатанномъ недавно въ Англіи (*Elementa linguæ Persicae. Londini, 1649*), то найдемъ, что городъ Гусумъ (*Husum*) (который туземцы называютъ Рештъ, *Rescht*, и который лежитъ только въ 2-хъ малыхъ

миляхъ отъ Каспійскаго моря), находится подъ 37, а Ормузь (Ormus) въ Персидскомъ заливѣ подъ 25. По сему объемъ этой широты будетъ не болѣе 12 по равноденственнику. Длину же я полагаю согласно съ мнѣніемъ Ботера, что она простирается болѣе 20 градусовъ, хотя 1 градусъ долготы подъ 33 градусомъ широты, гдѣ находится середина Персіи, содержитъ въ себѣ едва 50 минутъ.

Г Л А В А II.

О разныхъ краяхъ и областяхъ, входящихъ въ составъ Персидскаго Царства. Въ особенности же объ Эракѣ, Фарсѣ, Ширванѣ, Иранѣ и Адирбейджанѣ.

Славнѣйшія области въ Персіи суть слѣдующія, начиная съ главнѣйшихъ изъ нихъ:

عراق	Erak,	Эракъ.
فارس	Fars,	Фарсъ.
شروان	Schirwan,	Ширванъ.
کیلان	Kilan,	Киланъ.
ادربيجان	Adirbeitzan,	Адирбейджанъ.
طبرستان	Tabristan, vel Mesanderan,	Табристанъ, или Масандеранъ.
ایران	Iran, vel Karabach,	Иранъ, или Карабахъ.
خراسان	Chorasan,	Хорасанъ.
زبلستان	Sablustan,	Саблустанъ.
سیحستان	Sitzestan,	Сиджестанъ.
کیرمان	Kirman,	Кирманъ.
خوزستان	Chusistan,	Хусистанъ.
جزیره	} Tzisire,	Джисире.
دیاربک		Діарбекъ.

Еракъ.

Имя Еракъ (Erak) присвоивается двумъ различнымъ областямъ, а именно той, въ которой находится Багдадъ или Вавилонъ, бывшая Ассирія, и нѣкоторые пишутъ ее также Еракайнъ (Erakain); эта область сюда не относится. Другой Еракъ (Erak) лежитъ среди страны, гранича съ Фарсомъ (Fars) или Персіей, въ отличіе отъ перваго называется ойъ Еракъ Аджемъ (Erak atzem), и есть то, что въ древности была Парѳія (Parthia). Этой области вовсе не придается названіе Харасенъ (Charassen), какъ значится это въ «Archontologia.» Хуаресмъ же (Chuaresm) есть совсѣмъ другая область, которая простирается по восточному берегу Каспійскаго моря и принадлежитъ Узбекскимъ Татарамъ.

Важнѣйшіе города въ этой Персіи суть: Исфаганъ (Isfahan), который Бизаръ называетъ Спаса (Spaha), а другіе Спаса (Spaa), и Аспаханъ (Aspachan), въ древности же назывался Гекатомпиль (Hecatompile), отъ сотни воротъ, которыя онъ имѣлъ по причинѣ своей громадности. Теперь это есть столичный городъ Персидскихъ Царей, и скоро я буду говорить еще о немъ подробнѣе.

Касвинъ (Kaswin), Солтаніе (Solkhanie), были также мѣстопробываніе Царя; Сенканъ (Senkan), Кашанъ (Kaschan), Эббегеръ, (Ebbeher), Савва (Sawa), Рей (Rhey), Гемеданъ (Hemedan), Комъ (Kom), Шагеррисуръ (Schahergrisur), Деркасинъ (Dercasin), Тегеранъ (Theheran), и Кульпаянъ (Kulrajan), въ которомъ дѣлаются лучшіе луки. Кромѣ того въ этой области есть еще множествомалыхъ городовъ, городковъ и селеній.

Фарсъ.

Область эту Іоаннъ де Лаэтъ (Johannes de Laet), въ своемъ «Описаніи Персіи» (in descriptione Persiæ), несправедливо пишетъ Parc и Fars; она-то собственно называется Персіей, а не Парѳіей, какъ думаетъ Граве, въ «Tabulis Geographiæ Persarum,» и главный городъ въ ней былъ Персеполь (Persepolis), славный своимъ паденіемъ (причиною котораго была непотребная женщина, Таисъ, Thais). Изъ оставшихся камней этого города выстроены потомъ

городъ Ширасъ (Schiras), который и теперь еще находится въ цвѣтущемъ состояніи. Этотъ послѣдній городъ весело стоитъ въ горахъ и виноградникахъ при рѣкѣ Бендемирѣ (Bendemir), у Курціа Араксомъ именуемой. По своимъ превосходнымъ виноградникамъ, кисти котораго висятъ словно бѣлые, красивые мѣшки, онъ славится во всемъ Царствѣ. Выдѣлываемое здѣсь изъ этихъ виноградниковъ вино составляетъ лучший напитокъ Шаха и знатныхъ Вельможъ, и оно развозится отсюда по всей странѣ. Вино это въ самомъ Ширасѣ довольно дорого, и кружка его стоитъ тамъ, на Нѣмецкія деньги, половину рейхсталера, какъ свидѣтельствуемъ объ этомъ Фонъ Мандельсло, бывшій мой товарищъ по путешествію, проѣзжавшій черезъ Ширасъ. Кромѣ винограда тамъ множество и другихъ всякаго рода прекрасныхъ садовыхъ плодовъ. Въ этой области кромѣ того находятся еще 4 слѣдующіе большіе города: Касирунъ (Kasirun), Буниджанъ (Bunitzan), Фирусабатъ (Firusabath) и Астаръ (Astar). Къ этой же области причислена и страна Лагоръ (Lahor), съ городомъ того же имени.

Ширванъ.

Область Ширванъ (Schirwan), именуемая Европейцами обыкновенно Серванъ (Servan), въ древности азывалась Media Atropatia, но не Hircania, какъ пишетъ Англичанинъ Антонъ Дженкинсонъ (Anton Jenkinsonius), въ своемъ «Itinerario». Это была сѣверная часть Мидіи, и по тому мы нашли справедливымъ, что писалъ о ней Геродотъ, въ 1 книгѣ, на стр. 47: «Media valde montosa est et edita ac nemoribus frequens, reliqua vero tota admodum plana;» и Страбонъ въ 11 книгѣ, на стр. 361: «Media magna sui parte sublimis et frigida,» т. е., что она лежитъ высоко и очень холодна; о чемъ я сообщилъ уже подробное свидѣніе выше, говоря о пути изъ Мидіи въ Моганъ. Главный городъ въ этой области есть Шемаха (Schamachie), а не Сумахія (Sumachia), какъ пишутъ его многіе, и лежитъ онъ за Дербентомъ на сѣверѣ, о чемъ я также говорилъ уже выше. За тѣмъ

Городъ Баку (Bakuje), лежитъ на горѣ у моря, отъ чего и самое море у нѣкоторыхъ писателей получило имя: «Бакуйское море» (Mare de Baku). Городъ этотъ ведетъ значительную торговлю.

Дербентъ (Derbent), который, находясь въ узкомъ проходѣ, составляетъ одинъ изъ воротъ Каспійскаго моря. Это городъ, который Александръ Великій выстроилъ для покоя своимъ старымъ, отслужившимъ ему, Македонянамъ, и который назвалъ онъ своимъ именемъ Александріа (Alexandria), какъ свидѣтельствуешь о томъ Кв. Курцій, въ 7 книгѣ, въ концѣ 3 главы. По этому и нынѣ еще жители его одну часть города называютъ «Греческимъ городомъ» (Schaher Junan).

Шабранъ (Schabran), чистенькій городокъ въ области Мискуръ (Miskûr), гдѣ мы пристали къ берегу; лежитъ недалеко отъ моря.

Эресъ или Арасъ (Eres, Aras), о которомъ упоминалось уже нѣсколько разъ, городъ опустошенный и теперь не болѣе, какъ голое мѣсто, находящееся при рѣкѣ Арасъ, называемой нынѣ Арисбаръ (Arisbâr).

Иранъ или Карабахъ.

Иранъ (Iran), который большинство, особенно простые люди, называютъ Карабахъ (Karabach), есть область, лежащая между двумя благородными рѣками, Араксомъ и Куромъ (Araçes, Curgus), нынѣ Aras и Kûg называемыхъ, и заключающая въ себѣ часть Арменіи, которую жители называютъ Арминія (Arminieh), и Грузія, которую они называютъ Гурджъ (Gurtz): это весьма плодородная и богатая страна, особенно шелкомъ, и раздѣляется на нѣсколько малыхъ краевъ, изъ коихъ важнѣйшіе суть:

Каппанъ (Karpan), Циціанъ (Sisian), Эрванъ (Eruan) или Ирванъ (Iruan), Ахстава (Achstawa), Сарпатъ (Sarschat), Туманистъ (Thumanis), Джульфа (Tzulfa), Кештаъ (Keschtas), Аберанъ (Aberan), Индже (Intze), Альгетъ (Alget), Шабусъ (Schabus), Сарсебилъ (Sarsebil), Керхбулахъ (Kerchbulach), Шёргель (Schörgel), Табакъ-Мелекъ (Tabak-melec), Вцильдеръ (Vzilder).

Въ этихъ областяхъ находятся многіе красивые города, города и крѣпости; известнѣйшія изъ нихъ: Берде (Berde), Берку-

шатъ (Berkuschat), Маку (Maku), Билаганъ (Bilagan), Нахчуанъ (Nachtschuan), Магасбургъ (Magasburt), Шемкуръ (Schemkur), Ордебатъ (Ordebat), Тифлисъ (Tiflis), Кендже (Kentze), Баесидъ (Bajesied), Джилдеръ (Tzilder).

Я приобрѣлъ отъ Персовъ изображеніе этой Карабахской области, вмѣстѣ съ описаніемъ того, что есть замѣчательнаго въ той, или другой, крѣпости, такъ какъ онѣ лежатъ на Турецкой границѣ и часто подвергаются нападеніямъ. Но чтобы привести все это слѣсъ, я долженъ бы былъ войти въ довольно пространныя описанія; по этому я помѣщу ихъ въ болѣе удобномъ мѣстѣ, рядомъ съ описаніемъ нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, которые я, по извѣстнымъ причинамъ, не могъ помѣстить въ этомъ изданіи, но постараюсь скоро, съ Божіей помощію, сообщить въ общую извѣстность.

Адирбейджанъ.

Область Адирбейджанъ (Adirbeitzan), которую иные изъ нашихъ также довольно странно переименовываютъ, занимаетъ южную часть Мидіи, и, слѣдовательно, она была когда-то Великая Мидія (Media major). Нубіецъ (Nubiensis), въ своей Географіи, полагаетъ, что въ древности область эта составляла сѣверную часть Ассиріи, каковому заключенію даетъ поводъ самая страна; ибо она граничитъ съ Курдестаномъ (Curdestan), который былъ прежде Ассиріей. Съ другихъ сторонъ она отдѣляется Могайскою степью отъ Ширвана и рѣкою Арасомъ отъ Карабаха, а на восточной сторонѣ сосѣдями имѣетъ Гилянцевъ.

Область эта полна горъ и заключаетъ въ себѣ много другихъ малыхъ краевъ, каковы: Эршекъ (Erschek), Халхалъ (Chalchal), Мешкинъ (Meschkîn), Таруматъ (Tharumat), Кермерутъ (Kermeruth), Сульдусъ (Suldus), Серабъ (Serab), Уджанъ (Utzan), и проч.

Сдѣсъ города: Ардебиль (Ardebil), мѣсто рожденія Шахъ-Софи, основателя Персидской секты, городъ, въ которомъ онъ имѣлъ свое пребываніе и въ которомъ онъ погребенъ, рядомъ со

многими другими Царями. Выше было уже подробно говорено объ этомъ городѣ.

Табрисъ (Tabris), Европейцами Таврисъ (Tauris) называемый, и по нынѣ еще у Персовъ удержалъ имя, данное ему Птоломеемъ Ταβρίς. Нѣкоторые считаютъ его принадлежащимъ Великой Арменіи, съ которою граничитъ Адирбейджанъ. Нѣкогда онъ былъ славнымъ городомъ Экбатаной (Ekbatana), и въ прошломъ еще столѣтіи былъ столицею Царя Персидскаго.

За тѣмъ также довольно большіе города:

Мерраге (Merrage), Карніарухъ (Karniaruch), Салмасъ (Salmas), Тесу (Thesu), Хой (Choi), Тель (Thel), Міане (Miane), и Джейстеръ (Tzeuster).

Джорсъ (Tzors) и Уруми (Urumi) — превосходныя крѣпости: близъ послѣдней изъ нихъ показываютъ гробъ Бурла (Burla), жены Царя Касана (Kasan), длиною въ 40 футовъ.

Г Л А В А III.

О Киланѣ и о Карибъ-Шахѣ.

Область Киланъ (Kilan), Гилянъ, получившая имя свое отъ особаго народа Килекъ (Kilek), жившаго тамъ, въ древности называлась Гирканія (Hircania), и лежитъ прямо у Каспійскаго моря, по описанію Кв. Курція, какъ бы подумѣящемъ окруженная высокими горами, поросшими кустарникомъ, имѣетъ весьма жирную и плодородную почву, орошаемую многими, вытекающими изъ горъ, рѣками, которыя большею частію весьма богаты рыбою.

«Natura (говоритъ Курція lib. 6, cap. 6.) difficilis aditu, perpetua vallis jacet, usque ad mare Caspium patens, duo terrae ejus velut brachia excurrunt: media flexu modico sinum faciunt lunae maxi-

me similem, cum eminent cornua nondum totum orbem sidere implente.» Также: «pingue vallis solum rigantibus aquis, quae ex petris eminentibus manant.»

Но это, впрочемъ, не уполномочивало Радера (Raderus), утверждать, что Курцій хотѣлъ сдѣсь описать ворота Каспія (portas Caspiae).

Область эта дѣлится на нѣсколько малыхъ краевъ. Персы причисляютъ теперь сюда и сосѣднюю страну Табрустанъ (Tabrustahn) или Масандеранъ (Masanderan), и въ Царской Канцеляріи означаютъ эту страну названіемъ Daralmerz دارالمرز, какъ пишутъ они, хотя въ древности это была особая область, жители которой, во времена Александра, по свидѣтельству Курція (lib. 6, c. 9) назывались Марды (Mardi).

Станы (Tractus) и края, исчисляя ихъ отъ сѣвера внизъ, суть слѣдующія:

Кизильгагачъ (Kisilagatsch), Машиханъ (Maschichan), Булади (Buladi), Килекеранъ (Kibekeran), Дисекеранъ (Disekeran), Рикъ (Rihk), Лагеджанъ (Lahetzan), Дештевендъ (Deschtewend), Ленжеркунанъ (Lengerkunan), Шихкеранъ (Schichheran), Гове (Howe), Лисаръ (Lissar), Кескеръ (Kesker), Масандеранъ (Masanderan), Маранку (Maranku), Астара (Astara), Нѣкеранъ (Nökeran), Лемуръ (Lemur), Джейланданъ (Tzeulandan), Рештъ (Rescht), Астарабатъ (Astarabath).

Во всей Киланской странѣ Персы считаютъ 46 городовъ и городковъ, и кромѣ того множество селеній. Главнѣйшіе города суть:

Въ Астрабатѣ: Астрабатъ (Astrabath), главный городъ. Фируску (Firuscu), гдѣ находятся прекрасные бирюзовые камни.

Въ Масандеранѣ: Амюль (Amül), Тюнкабюнъ (Tünkabün), Ней (Nei), Сару (Saru), Нуркеджуръ (Nurketzur), и прекрасный, веселый городъ Ферабатъ (Ferabat), который прежде назывался Тагона (Tahonà), но который Шахъ-Абасъ (часто, особенно въ зимнее время, проживавшій и наконецъ даже умершій тамъ), съ громадными издержками и множествомъ народа, приведеннаго туда изъ

Карабаха, отстроилъ трудами и цѣломъ этого народа, и далъ ему сказанное имя Fegabat, отъ слова fegah, فراغ, что значитъ веселый.

И вся страна эта чрезвычайно пріятная и веселая. Іоаннъ (Johannes) de Persia оказываетъ этой странѣ большую несправедливость, говоря, что въ Масандеранѣ, по причинѣ горъ, такая сильная стужа, что овощи созрѣваютъ тамъ весьма рѣдко. Это замѣчаніе можетъ быть отнесено или только къ мѣстностямъ на горахъ и въ горахъ выше Масандерана, или же и совсѣмъ не имѣетъ сдѣсь мѣста; ибо всѣ Персіане единогласно утверждаютъ, что въ цѣлой Персіи нигдѣ нѣтъ болѣе умѣреннаго климата, какъ въ Масандеранѣ, и по тому тамъ собираются самыя лучшіе плоды, и почва его никогда ни зимою, ни лѣтомъ, не снимаетъ, такъ сказать, своей зеленой, всевозможными цвѣтами украшенной, одежды. Это явствуетъ и изъ слѣдующаго глубокомысленнаго Персидскаго стихотворца, Гакима Фирдуси (Hakim Firdausi):

جو مازندران جو کلنخنده زار
نکوم نسردهمیشه نهار

Tschu Masanderan, tschu kulchende sar?
Nikerem we nesert, henische besar.

То есть: «Что такое Масандеранъ? То же, что и долина розъ: ни слишкомъ жарко, ни холодно, вѣчная въ немъ весна!

Въ Лагеджанѣ (Lahetzan), гдѣ выдѣлывается лучшій шелкъ, города суть: Ленкеру (Lenkeru), Куджесбаръ (Kutzesbar), и Амелекенде (Amelekende).

Въ Рештѣ (Rescht) города: Рештъ, главный городъ; Кисма (Kisina), Фуменъ (Fumen), Тулумъ (Tullum), Шефтъ (Schefft), Дилумъ (Dilum) и Масула (Massula), на горѣ, гдѣ находятся желѣзные рудники и заводы. Жители сдѣшніе большею частію кузнецы, которые дѣлаютъ всякаго рода желѣзные снаряды и вещи, коими и снабжаютъ эту и вокругъ лежащія страны. Въ этой же странѣ, на протяженіи 20 миль, растутъ большею частію Волошскія (Грецкія) орѣховыя деревья, изъ которыхъ туземцы выдѣлываютъ всю свою деревянную посуду и орудія.

Въ Кескерѣ (Kesker) города: Кескеръ, Шагеррутъ (Schaherruth), Курабъ (Kurab), Энсели (Enseli), Дулабъ (Dulab), Шаль (Schal).

За тѣмъ, подымаясь къ сѣверу, дежатъ: Рюсеру (Ruesseru), Мяншакеръ (Mianschaker), Сенжергасара (Sengerhasara), Гове (Howe), Хоскадегене (Choschkadehene), Ленкеранъ (Lenkeran), и Кизильагачъ (Kisilagatz).

Въ этой странѣ лежитъ и гора Шинданъ (Shindan), на которой находится вольное селеніе Шахъ-Сагаданъ (Schah Sahadan); ибо тамъ жилъ и погребенъ одинъ изъ бывшихъ учителей Шиха Сефи, поимени Сагадъ (Sahad). Какіе плоды еще произрастаютъ, собственно въ этой области и краяхъ, и какою промышленностію занимается большинство сѣвшихъ жителей, обо всемъ этомъ скажу я еще ниже, при описаніи проѣзда нашего черезъ этѣ мѣста.

Такъ какъ Киланъ, какъ сказано, окруженъ высокими, нависшими одна надъ другой, скалистыми горами, то въ него существуетъ только 4 дороги и узкихъ прохода. 1-й съ сѣвера изъ Макана, черезъ Ленкеркунанъ (Lenkerkunahn), 2-й съ юго-запада, черезъ Pyle Rubar; 3-й и 4-й съ юга, черезъ Масандеранъ, при Ферабатѣ, и черезъ Хорасанъ, при Астарабатѣ.

Эней Сильвій (Aeneas Sylvius) пишетъ: «De portis Caspiis multa memoria est, nemo tamen satis explicat, ubi terrarum existent.» Много говорится о Каспійскихъ воротахъ, но никто не сказываетъ, гдѣ именно находятся они. Смотри объ этомъ Blancard in Curt. pag. 502.

По моему мнѣнію, названные сейчасъ проходы и суть настоящіе ворота Каспія, Portae Caspiae, о которыхъ упоминаютъ Птоломей, Плиній, Страбонъ, а заимствуя изъ сихъ, и Солинъ (Solinus), или, по крайней мѣрѣ, они могутъ быть названы такимъ образомъ; ибо проходы этѣ изъ Персидскаго Царства къ Каспійскому морю идутъ словно узкія ворота. Въ нихъ не только двѣ лошади, или два верблюда, рядомъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

тамъ не могутъ проходить безъ опасности эѣ животныя и гуськомъ одно за другимъ, какъ это дознали мы сами, на обратномъ пути нашемъ, при Пиле Рубарѣ (Pyle Rubar) и Ленкеранѣ (Lenkeran). Сюда же можетъ быть причисленъ и лежащій также у Каспійскаго моря городъ Дербентъ, такъ какъ въ немъ также находится узкій проходъ изъ Татаріи въ Персію; нижняя часть этого города какъ бы выходитъ изъ моря, а другой конецъ его заканчивается въ горѣ; для того же, чтобы никто не могъ пройти черезъ гору, отъ города черезъ эту гору, на цѣлыя 50 миль, (какъ сказываютъ Персы), проведена была довольно толстая каменная стѣна къ морю (Pontus), и только черезъ городъ оставлены были для прохода одни ворота. Самое имя Дербентъ также обозначаетъ это значеніе его, воротъ; ибо слово Der значитъ дверь или ворота, а Bende узелъ (band), или засовъ, затворъ. Если кто самъ обзритъ эту мѣстность и страну, то также скажетъ, что Дербентъ для тѣхъ, которые захотятъ сухимъ путемъ пройти отсюда въ Персію, есть единственная и довольно крѣпкая дверь, такъ что если запереть эту дверь, то ни собака, ни кошка (какъ выражаются Персы) не можетъ пройти въ Персію, какъ это нѣкоторымъ образомъ можно видѣть и изъ изображенія самаго города.¹ Но въ упомянутыхъ сейчасъ Pylis я не нашелъ того, что пишетъ Солинъ, заимствуя изъ Плинія: «Caspiae portae panduntur itinere manufacto longo 8 miliaribus passuum;» это былъ бы довольно длинный проходъ. Персидскія дороги хорошо извѣстны Персіянамъ, и отъ нихъ я не слышалъ ни чего подобнаго, а тѣмъ менѣе то, что рассказываетъ Радеръ (Raderus) въ своихъ «Praeludiis super Q. Curtium,» заимствуя изъ Методія (Methodio),² будто бы Александръ заставилъ Іудеевъ, которыхъ Царь Салманасаръ вывелъ изъ Ассиріи въ Мидію (назадъ они уже не возвратились), пройти въ Каспійскія ворота, и своею молитвою къ Богу достигнулъ того, что гора замкнулась за Іудеями, такъ что послѣ этого ни къ нимъ нельзя уже было пройти, ни имъ выйти снова отсюда.

¹ Въ подлин. стр. 720—721. О. Б.

² Татарскаго. О. Б.

Килянъ, страна очень богатая, въ прежнее время имѣла даже своихъ собственныхъ Царей правда незначительныхъ, содержала ихъ, и нѣкоторые изъ потомковъ этѣхъ Царей существуютъ еще и по нынѣ, хотя теперь они не смѣютъ передъ другими хвалиться своимъ Царскимъ происхожденіемъ и ставятъ себя выше другихъ. Вообще Килянцы неспокойный и дерзкій народъ, особенно живущіе между Масандераномъ и Кескеромъ, которые, видя, что природа окружила ихъ, словно твердымъ валомъ, непроходимыми суровыми горами, и щедро надѣлила страну ихъ всякаго рода произведеніями, избытокъ которыхъ удѣляютъ они и другимъ областямъ, часто не очень-то уважаютъ Шахъ Персидскаго.

Сдѣсь я долженъ упомянуть объ одномъ возмущеніи, происшедшемъ въ царствованіе уже теперешняго Шаха Сефи. Шахъ-Абасъ, не за долго до своей смерти, въ то время, когда Килянцы имѣли еще собственныхъ Государей, покорилъ ихъ своей власти. За тѣмъ, когда онъ умеръ и Килянцы услышали, что Шахъ Сефи началъ свое правленіе множествомъ кровопролитій, они возмущались и выбрали себѣ своего собственного Царя, котораго Персіяне называли Карибъ-Шахомъ (Karib-Schah). Царь этотъ происходилъ изъ племени одного древняго Киланскаго Царя въ Лагеджанѣ (Lahetzan), и родомъ былъ изъ селенія Лештеншахъ (Leschtsenschah). Чтобы упрочить свое правленіе, Карибъ тотчасъ же поставилъ на ноги войско въ 14 тысячъ человекъ, и для снаряженія его всѣмъ необходимымъ, пошелъ на главный городъ Рештъ, завладѣлъ тамъ земскою и Царскою казною, сдѣлавъ то же и въ другихъ близъ лежавшихъ городахъ и поспѣшилъ скорѣе занять проходы. Между тѣмъ нѣкоторые изъ Киланскихъ Хановъ извѣстили о такомъ возстаніи Шаха Сефи, бывшаго тогда въ Касвинѣ. Шахъ тотчасъ же приказалъ Ханамъ: Астарскому, Сарухану, Кескерскому, Эмиръ Хану, Сейтерабатскому, Магумеду Хану Кохтюму, Хану степей Тунехабюнскихъ, Султану Койнлюгесару Масандеранскому Адаму Султану Георгіану (Georgianus) (Грузину), захватить Карибъ-Шаха со всею его силою и уничтожить. Названные Ханы поспѣшно снарядились, образовали 3 войска и съ двумя изъ нихъ пошли на Карибъ-Шаха, котораго и нашли между Рештомъ и Кескеромъ въ полномъ вооруженіи. Они тотчасъ

же напали на Кариба, но такъ какъ онъ имѣлъ болѣе выгодное положеніе, то онъ отбросилъ ихъ назадъ, и на этотъ разъ удержалъ поле за собою. Ободренные этѣмъ успѣхомъ, одолѣвшіе сдѣлались смѣлѣе и увѣреннѣе въ себѣ, подумали, что навели на непріятеля такой страхъ, что онъ не скоро еще воротится; и по тому расположились стоянками въ окрестныхъ селеніяхъ и городахъ, веселились въ нихъ, пировали и оставили Царя своего съ небольшимъ отрядомъ въ Кисмѣ и Фуменѣ (Kisma и Fumen). Ханъ же, соединившись съ остальнымъ 3-мъ войскомъ (всего вмѣстѣ 40 тысячъ человѣкъ), двинулись вторично на Кариба, зашли на него съ правой и лѣвой сторонъ и разбили его на голову. Самъ Карибъ спрятался было въ Фуменѣ, въ саду, за шелковичнымъ деревомъ, называемымъ Туръ (Tur), но его увидалъ тамъ нѣкто Джебни (Tzebni), слуга Эмиръ-Хана, и узналъ его по красивой одеждѣ. Когда Джебни хотѣлъ схватить Карибъ-Шаха, то этотъ послѣдній сталъ просить его не выдавать его, а, напротивъ, помочь ему скрыться, обмѣнявшись съ нимъ одеждой, за что обѣщалъ награждать его множествомъ золота и драгоценныхъ камней. Джебни охотно пошелъ на сдѣлку; но когда помѣнялся платьемъ съ Карибъ-Шахомъ и навѣсилъ на себя его саблю, то сказалъ: «Ну, теперь я Царь, а ты Nagamsade, т. е., пройдоха, выходика-ка теперь наружу!» При этомъ крикнулъ другимъ и Кариба схватили. Ему набили колодку (palenk) на шею и руки (по ихъ обыкновенію), одѣли въ богатое платье, посадили на осла и такимъ образомъ привезли къ Шаху Сефи. При вѣздѣ его къ Шаху Сефи ему предшествовали и сопровождали его, съ большими торжественными кликами, нѣсколько сотенъ непотребныхъ женщинъ.

Шахъ Сефи приказалъ подковать Кариба, по рукамъ и ногамъ, желѣзными подковами, словно лошадь, съ такою бранною къ нему рѣчью: «Ты привыкъ, пройдоха, въ Киланѣ ходить по тучной и мяской почвѣ, и тебѣ сдѣшняя каменистая страна трудновата для ходьбы, по этому тебя и слѣдуетъ подковать!» Послѣ такихъ тридневныхъ истязаній, Карибъ-Шахъ выведенъ былъ на Майданъ, привязанъ тамъ къ верхушкѣ шеста, употребляемаго для стрѣльбы въ цѣль, и разстрѣлянъ стрѣлами и ружьями. Шахъ Сефи самъ сдѣлалъ въ него первый вы-

стрѣль и сказалъ: «Кто любитъ меня, Царя своего, тотъ сдѣлаетъ тоже!» Послѣ этого полетѣло нѣсколько тысячъ стрѣлъ въ Кариба, и черезъ полчаса все тѣло его было утыкано ими до того, что за ними не видать было и самого трупа. Въ такомъ видѣ тѣло это провисѣло на шесть еще три дня, послѣ чего было сброшено съ шеста и погребено.

При одержаніи этой побѣды и усмиреніи возстанія мужественнѣ всѣхъ оказалъ себя Саруханъ, Князь Астарскій, за что и получилъ великую Царскую милость, какъ рассказывалъ намъ это онъ самъ.

Въ это время въ селеніи Лештеншѣ (Leschtsenscha) проживалъ одинъ знатный купецъ, по имени Миръ-Муратъ (Mug-Murath), у котораго ходило въ морѣ 7 торговыхъ кораблей и богатство котораго считалось въ три тонны золота. Такъ какъ Карибъ-Шахъ былъ родомъ изъ сказаннаго селенія, Лештенша, то въ слѣдствіе Киланскаго возстанія Миръ-Муратъ, за то, что не тотчасъ же доносилъ о немъ Царю, впалъ у него въ большую немилость, что чуть было не былъ истребленъ со всѣми своимъ родомъ, если бы только не выпросилъ ему помилованія у Царя Саруханъ, бывшій хорошимъ пріятелемъ Миръ-Мурату.

По усмиреніи возстанія, Киланцы, именно жившіе между Масандерамомъ и Кескеромъ, всѣ были обезоружены, и ни кто изъ нихъ не смѣлъ имѣть у себя ни сабли, ни ружья, ни лука, ни стрѣлъ, ни даже ни какого секира (sekir) или луковаго кольца, которое употребляютъ Персіане при натягиваніи лука и носятъ обыкновенно на большомъ пальцѣ. Они могли имѣть только эхсентъ (Ехеп) и другія орудія, изогнутыя, словно коса, называемыя дасъ (Dâs) и употребляемыя при деревянныхъ подѣлкахъ и полевыхъ работахъ. Остальные Киланцы, отъ Кескера до Кизильгача, называемые Талишъ (Talışch), такъ какъ они все время пребывали вѣрными Царю и помогали низверженію Карибъ-Шаха, могли употреблять свои оружія, точно какъ и всѣ другіе Персіане.

ГЛАВА IV.

Объ областяхъ Хорасанѣ, Саблустанѣ и Сиджестанѣ.

Хорасанъ.

Область Хорасанъ (Chogasan) граничитъ на востокѣ съ Массандераномъ и называлась некогда Бактріаной (Bactriana), раздѣляется на нѣсколько малыхъ краевъ, изъ коихъ важнѣйшій Гері (Heri), въ которомъ извѣстенъ нѣ только главный городъ Гератъ (Herât). Это страна весьма богатая, какъ по плодородію, такъ и по величинѣ своей, имѣетъ много большихъ, великолѣпныхъ городовъ, которымъ подобныхъ немного въ остальныхъ Персидскихъ областяхъ; въ нихъ изготавливаются всякаго рода товары и производится значительная торговля. Важнѣйшій изъ всѣхъ городовъ сдѣсь есть большой городъ Мешедъ (Mesched), который въ Персидскихъ спискахъ земель и каталогѣ пишется Тусъ (Thus). Онъ хорошо украшенъ городской каменною стѣною, башнями и другими зданіями. Въ немъ считаютъ до 200 башенъ, а Тейксера (Teixera) пишетъ даже о 300 башняхъ, которыя всѣ отстоятъ одна отъ другой на ружейный выстрѣлъ.

Сдѣсь покоится прахъ одного изъ 12-ти Персидскихъ Имамовъ или великихъ святыхъ, изъ рода Аали, по имени Имана Ризы (Imar Risa), и находится богатый мисаръ (Mesar) или гробница сего святаго, которая великолѣпнѣе постройки, доходами и богатствомъ, мало уступаетъ гробницѣ Шиха Софи въ Ардебилѣ. Въ этой гробницѣ совершаются такія же службы, обрядности и моленія, какъ и при гробницѣ Софи. Многіе Князья и знатные Вельможи этой страны также имѣютъ сдѣсь свои гробницы. Недалеко отъ Мешеда лежитъ городъ Нисабуръ (Nisabûr), у одной горы, изъ которой добываются самые красивые бирюзовые камни, составляющіе исключительное достояніе Шаха. Послѣ Мешеда Гератъ (Herât) есть наибольшій и пайкрасивѣйшій городъ. Сдѣсь дѣлаются лучшіе ковры, и Индійцы ведутъ въ этотъ городъ значительную торговлю. Путешествующіе изъ Испагани въ Кандагаръ должны проѣзжать черезъ этотъ городъ. Сдѣсь же задержаны были лошади у Индійскаго Посланника, о которомъ говорено было выше.

Шикгардусъ (Schikhardus) въ Тарифъ (in Tarich) полагаетъ, что сюда же прибыли нѣкогда и увведенные Израильтяне.

Тунъ (Thun), Табесъ-Килеки (Thabes kileki), Табесъ-Месинанъ (Thabes Messinan), суть также большіе города, въ которыхъ выдѣлываются и распродаются разные шелковые товары. Также: Себсеваръ (Sebsewar), Турфхисъ (Turfchis), Кайнъ (Kain), Пушенджъ (Puschentz), Бадкисъ (Badkis), Меру (Meru), Мерверудъ (Merwerud), Джурджанъ (Tzurtzan), Фаріабъ (Fariab), Ашурканъ (Aschurkan), Бельхъ (Belch), Баміанъ (Bamian), Семканъ (Semkan), Талеканъ (Thalecan), Сусенъ (Susen), все это многолюдные и промышленные города, а при нѣкоторыхъ въ нихъ собирается разнаго рода Манна (Manna).

САБЛУСТАНЪ.

Область Саблустанъ (Sablustan) лежитъ далѣе на востокъ, и жители ея у Курція называются Паропамисцы (Paropamisadae), именно по весьма высокой, вокругъ лежащей, горѣ, составляющей часть Тавра (Taurus) и называемой Паропамизусъ (Paropamisus). Область эта окружена далѣе множествомъ лѣсовъ.

Горопій Беканъ (Goropius Becanus), въ своей книгѣ объ Индо-Скивахъ (Indoscythicus, pag. 476), въ противность мнѣнію всѣхъ Отцовъ, утверждаетъ, что сдѣсь-то, на горѣ, остановился ковчегъ Ноя. Въ этой области и нынѣ обитаетъ такой же суровый и жестокій народъ, какъ и во времена Александра, безъ всякаго образованія. Города въ ней: Бексабатъ (Beksabath), Меймене (Meimine), Асбе (Asbe), Бустъ (Bust), и Саренджъ (Sarentz).

СИДЖИСТАНЪ.

Сиджистанъ (Sitzistan), который называютъ нѣкоторые Сигестанъ (Sigestan), Сажестанъ (Sagestan) и даже Систонъ (Siston), есть область, лежащая на югъ отъ Саблуста, и въ древнія времена въ ней находились Дранге (Drangae). Область эта также окружена сплошными горами, и она есть отечество храбраго богатыря Рустама (Rustam), котораго Персіане не знаютъ какъ

достойно прославить за его геройскій духъ и храбрыя дѣянiя, такъ что, если они хотятъ воздать кому либо великую похвалу за храбрость, то говорятъ: «Онъ подобенъ Рустаму.» Важнѣйшіе города въ этой области суть: Систанъ (Sistan), Халукъ (Chaluk), Кеджъ (Ketz) и проч.

Г Л А В А V.

О Кирманѣ, Ормузѣ и Діарбекѣ.

К и р м а н ѣ.

Кирманъ (Kirman) есть также большая область, лежащая между Фарси и Сиджестаномъ и простирающаяся внизъ до моря ио строва Ормуса, отъ котораго береговая часть ея получила и свое имя. Хотя въ ней также находятся горы, однако есть и прекрасныя долины, богатыя произрастеніемъ всякаго рода цвѣтовъ и плодовъ, въ особенности же розъ, изъ которыхъ Персіане искусно гонятъ воду, называемую у нихъ klül или gül-Ab (можетъ быть и наше Guleb, означающее вообще прохладительный напитокъ, получило отсюда свое имя). Воды этой тамъ выдѣлывается такъ много, что множество ея вывозятъ въ другія мѣста и торгуютъ ею. Она привозится также и въ Испагань однимъ племенемъ, называемымъ Луръ (Lur), которое живетъ собственно въ Кирманѣ, но торговцы котораго, по своему промыслу, состоящему преимущественно въ продажѣ превосходнѣйшихъ ковровъ, проживаютъ въ Исфагани. У людей этого племени головныя повязки или тулипанты (Tulipanten) длиннѣе, но уже, чѣмъ у другихъ Персовъ, и изъ повязокъ этѣхъ идутъ концы, висящіе внизъ. Между прочимъ цѣлебнымъ зельемъ, растущимъ въ странѣ Кирманъ, есть одно, составляющее хорошее средство противъ глистовъ. Персіане называютъ его Дару Керманъ (Daru Kerman), названіемъ, которое можетъ быть толкуемо двояко, именно: средствомъ отъ глистовъ, и средствомъ изъ Кермана; ибо Керманъ не только есть названіе этой мѣстности, но означаетъ также и червь, глисть. По этому двойному значенію одинъ Пер-

сидскій поэтъ сочинилъ и написалъ одно довольно забавное слѣдующее сказаніе:

Одинъ изъ могущественныхъ Царей Персидскихъ проѣзжалъ однажды по этой странѣ и услышалъ позади себя голосъ, назвавшій его по имени. Когда же Царь оглянулся, то не видѣлъ ни чего, кромѣ полусгнившей уже, лежавшей на землѣ, мертвой головы. Догадавшись, что голосъ могъ исходить только изъ этой мертвой головы, онъ спросилъ: «Кто ты? и по чему ты знаешь мое имя?» Черепъ отвѣчалъ: «Знай, что нѣкогда и я былъ человекъ и, подобно тебѣ, носилъ вѣнецъ; я покорилъ многія земли и области; когда же достигъ до Кермана (Kerman) (т. е., червиваго, или глистоваго, vermiculos), и хотѣлъ тамъ сдѣлаться также Государемъ, то червь (глистъ, Kerman) одолѣлъ и пожралъ меня. По этому, прими къ свѣдѣнію этотъ примѣръ, и обдумай его на дальнѣйшую для себя пользу!»

Въ странѣ Кирманъ, вверху, на сѣверѣ, лежитъ большая, пустынная степь, внизу же, къ морю, въ ней находятся красивые города и удобная для обработыванія земля. Названія городовъ суть слѣдующія:

Берсиръ (Bersir), Бермасиръ (Bermasir), Бемъ (Bem), Хабисъ (Chabis), Джирефтъ (Tzirefft), Камронъ (Kamron) и Ормусъ (Ormus).

Камронъ (Kamron), лежащій у воротъ моря, называется иногда Бендеръ (Bender), а иногда и Бендеръ Камронъ (Bender Kamron), Ормусъ же, (Ormus), который Персіяне пишутъ Hörmûs, есть большой островъ въ Персидскомъ заливѣ, лежащій въ 3-хъ миляхъ отъ материка. Прежде онъ принадлежалъ Португальцамъ, которые вели на немъ значительную торговлю; но Шахъ-Абасъ снова отнялъ этотъ островъ у Португальцевъ и присоединилъ къ Персидскому Царству. Причины этого событія, и какъ оно совершилось, вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ самой мѣстности острова, будутъ изложены въ описаніи путешествія въ Индію Іоанна Альбрехта Фонъ Мандельсло, которое, съ Божіею помощію, я скоро издамъ въ свѣтъ, и которое, надѣюсь, прочтется каждымъ съ удовольствіемъ. Къ этому описанію я и отсылаю благосклоннаго читателя.

Въ этой же полосѣ на востокъ лежитъ еще край Мекеранъ (Mekegan), который также подвластенъ Царю Персидскому и причисляется къ области Кирманъ. Извѣстные города сдѣсь суть: Тиръ (Tihg), Киджъ (Kitz), Халакъ (Chalak). Объ этомъ краѣ, такъ какъ онъ рѣдко посѣщается Персіянами, живущими въ Еракѣ, я не могъ получить ни какихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній.

Х у с и с т а н ъ.

Хусистанъ (Chusistan), нѣкогда была Сузіана (Susiana), а также Еламъ (Elam), откуда и названіе Еламитовъ; область эта лежитъ между Фарсомъ и рѣкою Диджель (Ditzel), и въ ней находится обширный когда-то городъ Суза (Susa), упоминаемый въ 8-й книгѣ Даниила; сдѣсь Даниилъ имѣлъ видѣніе и предсказалъ паденіе Персидской и начало Греческой Монархіи.

Этотъ городъ Суза называется теперь Десу (Desu). Въ немъ былъ и Царскій дворецъ Сусенъ (Susen), лежавшій при рѣкѣ Улай (Ulai), называемый у Плинія, въ 6-й книгѣ, главѣ 27-й, Eulaeus, въ которомъ Агасверъ, обладатель 127 странъ, имѣлъ свое жителство и давалъ великій пиръ. Кромѣ того въ Хусистанѣ есть еще нѣсколько многолудныхъ и промышленныхъ городовъ, каковы: Агавасъ (Ahawas), Рамегѣрмусъ (Ramehormus), Шабуръ (Schabur), Аскеръ (Asker), и Арганъ (Arhan). Жители этѣхъ городовъ, на сѣверѣ которыхъ лежатъ горы, въ лѣтнее время, въ сѣдствіе невыносимыхъ жаровъ, обыкновенно уходятъ въ горы.

Д ж и с и р е г ъ.

Область Джисирегъ (Tzisirah) находится въ каталогѣ городовъ (in catalogo urbium), и подъ нею должно разумѣть Месопотамію, какъ упоминаетъ это и г. Яковъ Голій, въ своемъ Арабскомъ Лексиконѣ (Lexicon Latino-Arabicum. Lugduni, 1653). Область эта теперь обыкновенно называется Діарбекъ (Diarbek) и находится между двумя славными рѣками, Евфратомъ и Тигромъ, изъ которыхъ первая называется теперь по Турецки Морачу (Moratsu), а вторая Диджель (Ditzel). На обыкновенныхъ картахъ рѣка эта пишется Digel, но произносится Нѣмцами по ихъ выговору неправильно,

ибо буква g должна выговариваться сдѣсь по произношенію Французскому.

Страна эта не всегда находилась подъ владычествомъ Царя Персидскаго. На границахъ и внутри ея находится два главныхъ города (при Тигрѣ): Мосулъ (Mosul), называвшійся нѣкогда Ниневіей (Ninive), и Багдадъ (Bagdad), бывшій нѣкогда Вавилонъ (Babylon). За этѣ города между Персами и Турками велись часто великія и кровавыя войны, въ слѣдствіе которыхъ то тѣ, то другіе, народы дѣлались ихъ обладателями.

По списку Персидской земли Багдадъ записанъ собственно не въ области Діарбекѣ, а въ Эракайнѣ (Erakain), составляющей часть древней Ассиріи. Въ томъ же спискѣ значатся города: Васитъ (Wasith), Бесре (Besre), Куфа (Kufa), Медайнъ (Medain).

Нахожу нужнымъ сказать сдѣсь еще нѣсколько словъ о Багдадѣ. Онъ хотя построенъ изъ древняго Вавилона, но не на томъ же мѣстѣ. Вавилонъ лежалъ при рѣкѣ Евфратѣ, которая даже протекала черезъ городъ, какъ это видно у Страбона, изъ книги 15-й 508). Багдадъ же лежитъ при Тигрѣ. Обѣ этѣ рѣки сливаются вѣстѣ нѣсколько миль ниже Багдада. Намъ рассказывалъ Персидскій Посолъ, который съ нами ѣхалъ изъ Персіи, а также и мой Наквирди, оба старые люди, хорошо знающіе положеніе Персіи, что Вавилоняне, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Багдадъ, такъ какъ это была низменная и веселая мѣстность, имѣли свои увеселительныя сады и бесѣдки, какъ свѣдѣтельству-етъ это и самое имя Багдадъ; ибо Bag означаетъ садъ, а Багдадъ, мѣсто, гдѣ много садовъ. Когда Вавилонъ былъ разрушенъ, жители его совсѣмъ переехали на житѣ въ сказанныя сады, и выстроили тамъ городъ, такъ какъ онъ есть тамъ теперь. Вотъ и все о разныхъ областяхъ и важнѣйшихъ въ нихъ городахъ, состоящихъ теперь подъ властію Царя Персидскаго.

ГЛАВА VI.

О Нарскомъ стольномъ городѣ Испагани и о томъ, что находится въ немъ и внѣ его.

Такъ какъ Испанганъ (Israhan) есть теперь главный городъ въ цѣлой Персіи и составляетъ мѣстопробываніе Шаха, мы же пробыли въ немъ довольно долгое время и видѣли много достопримѣчательнаго, почти всю Персію, узнали также въ немъ и свойства этой страны, то я не лишнимъ считаю пространнѣе поговорить сдѣсь объ этомъ городѣ и написать о немъ особую главу, тѣмъ болѣе, что я не видалъ еще, чтобы кто либо изъ Европейцевъ сообщалъ о немъ обстоятельное и основательное свѣдѣніе.

Испанганъ не за долго до времени Тамерлана назывался Сипаганъ (Sirahan), частію по множеству жителей въ немъ, частію же по тому, что въ немъ собирались и приводились въ порядокъ войска въ тѣхъ случаяхъ, когда Персіане задумывали ити войной противъ непріятеля. Ибо Сипганъ (Siphan) есть множественное число отъ Узбецкаго и Древне-Персидскаго слова Сипе (Sipae); которое также, какъ и Лескеръ (Lesker), означаетъ войско, рать, по чему и теперь еще военачальника Персіане называютъ иногда Сипесаларъ (Sipesalar). Послѣ же Тамерлана слово это, перестановкой буквъ (per Melhatesin literarum), перешло въ имя Испанганъ. Арабскій лѣтописецъ, Агмедъ-бинъ-Аребша (Ahmed bin Arebscha), описавшій «Военныя дѣянія Тамерлана» (Tamerlani res gestas), называетъ его Исбаганъ (Isbahan), съ буквою ب; нынѣшніе же Персы пишутъ его اصفهانъ Исфоганъ (Isfahan), отъ Арабскаго اسیفان, которое также означаетъ асіемъ и серіемъ. Я же слышалъ самъ, что они безразлично говорятъ то Israhan, то Isfahan. Высоту полюса я нашелъ сдѣсь также, какъ полагаютъ ее и Персіане: 32°, 26', долготу же 86°, 40'. Магнитная стрѣлка имѣетъ уклоненіе сдѣсь на 17° отъ сѣвера къ западу.

Городъ стоитъ на равномъ, гладкомъ полѣ, и только кругомъ, въ 3-хъ и 4-хъ миляхъ отъ города, виднѣются горы, а именно:

на югъ и юго-западъ гора Демавендъ (Demawend) и на сѣверо-востокъ къ Масандерану гора Ейлакъ-Перянъ (Jeilak Pergan). Выѣстъ съ предмѣстіями городъ имѣеть въ окружности 8 миль, такъ что, если бъ кто захотѣлъ объѣхать его верхомъ въ одинъ день, то не долженъ зѣвать много по сторонамъ. Городскія стѣны плохи и выведены просто изъ земли, толщиною внизу въ 6 локтей, а вверху только въ 1 футъ, съ башнями, которыя одиѣ собственно сложены изъ камня, высушеннаго только на солнцѣ. Ровъ кругомъ города совсѣмъ завалился, такъ что черезъ него, почти вездѣ, и зимою и лѣтомъ, можно перейти, не замочивъ ноги. Такимъ образомъ сказанныя городскія стѣны сдѣланы вовсе не изъ лѣсу, какъ это пишетъ Петръ Бизаръ (Petrus Bizarus lib. 12, p. 331), а за нимъ и другіе писатели. Одинъ только замокъ или казнохранилище, окруженное стѣной и башиями, было, вѣроятно, выбѣлено когда-то мѣломъ, или известью, что и теперь еще видно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно же на сѣверной сторонѣ его.

Мимо города, у юго-западной и южной стороны, течетъ довольно большая рѣка Сендерутъ (Senderut), выходящая изъ горы Демавендъ; рѣка эта раздѣляется на нѣсколько малыхъ ручьевъ, которые жители проводятъ по всему городу и жилищамъ въ нѣсколько водоемовъ (Cisternen), называемыхъ ими Гавсъ (Haws) и Бурке (Burke), не смотря на то, что тамъ и сямъ, по разнымъ дворамъ, находится у нихъ множество вырытыхъ колодцевъ. Тотчасъ за городомъ отъ этой рѣки отдѣляется рукавъ, идущій въ упомянутый выше звѣринецъ Гасарджирибъ (Hasartzirib), и въ другомъ мѣстѣ, черезъ преложенную подъ землею трубу, протекающій въ главнѣйшій Царскій садъ Джарбагъ (Tzarbagh); назадъ за этимъ садомъ, черезъ главное русло рѣки, перекинутъ довольно изящный, длинный каменный мостъ, построенный однимъ Ширезскимъ Ханомъ, Аллавердиханомъ (Allawerdichan), на свой собственный счетъ.

Шахъ-Абасъ цѣлыя 14 лѣтъ усиленно старался другую рѣку, Абкурень (Abkuren), текущую по другой сторонѣ горы Демавендъ (Demawend), провести черезъ гору въ рѣку Сендерутъ (Senderut), для чего у него ежедневно работало, попеременно,

отъ 800 до 1000 человѣкъ, и каждому изъ нихъ выдавалось заработной платы, въ день, по полуабасу или по 4 гроша. Но, по причинѣ великой стужи и снѣгу, которые бываютъ сдѣсь большую часть времени года въ сѣверной части, ни въ одинъ изъ сказанныхъ годовъ нельзя было работать болѣе 3-хъ мѣсяцевъ въ году. Если бъ въ то время жилъ еще великой Персидскій Святой чудотворъ, Аали, и употребилъ бы свое искусство, которое Персы ему приписываютъ, яко бы въ Карабахѣ (Karabach) онъ мечемъ разсѣкъ скалы, то тогда сказанный проводъ рѣки можно было бы сдѣлать съ меньшимъ трудомъ и издержками. Такъ, Персы рассказываютъ, что великая скала, черезъ которую протекаетъ р. Арасъ, и которая кажется какъ бы расколотою на двое, была разсѣчена Аалиемъ; по этому они называютъ эту узкую бездну или разсѣлину: *Aaly deretjj*, т. е., *Aaly angustiae*. Ханы и разные знатные Вельможи, чтобъ угодить Царю и пособить дѣлу, приняли на себя пробить извѣстную часть скалы, и хотя она и была весьма тверда и въ этомъ мѣстѣ высотой во 100 локтей, тѣмъ не менѣе прорыто и пробито ея было уже около 100 локтей. Но около этого-то времени Шахъ-Абасъ умеръ, а слѣдовавшій за нимъ юный Царь охотнѣе любилъ наслаждаться на мягкомъ ложѣ своего гарема, нежели заботиться о какой ни будь твердой скалѣ, а по тому и дѣло это осталось не приведеннымъ въ исполненіе.

Городъ Испаганъ былъ дважды опустошенъ Тамерланомъ: въ первый разъ при взятіи его, и во второй, когда онъ возмутился противъ Тамерлана. Такое же опустошеніе потерпѣлъ онъ и отъ Ходжи (Chotza), въ слѣдствіе возстанія же; ибо при этомъ не только разрушены были зданія, но и самое народонаселеніе въ немъ истреблено и перебито было во множествѣ. Такъ, по свидѣтельству Юсафата Барбаро, бывшаго въ Персіи послѣ этого событія, именно въ 1471 году, высланнымъ противъ этого города воинамъ было строго наказано, чтобы ни кто изъ нихъ не возвращался безъ головы хоть одного возмущившагося. Въ слѣдствіе чего, нѣкоторые воины, за недостаткомъ мужчинъ, отрубали головы женщинъ, брили ихъ и приносили вѣсто головъ мужчинъ, которыя также были бритыя. При Шахѣ Измаилѣ I положеніе города Испогани нѣсколько улучшилось; Шахъ же Абасъ, пере-

несшій сюда, ради пріятнаго мѣстоположенія, свое Царское мѣстопребываніе изъ Касвина, не только обстроилъ городъ великолѣпными зданіями, но и заселилъ его множествомъ народа, переведеннаго сюда изъ разныхъ другихъ областей, такъ что теперь Испагань представляетъ собою какъ бы небольшой міръ, въ которомъ считается болѣе 500 тысячъ душъ жителей. Обширности города во многомъ, впрочемъ, помогаетъ то обстоятельство, что при каждомъ домѣ непременно находится одинъ, а иногда и два, довольно просторныхъ сада. Персіане очень любятъ сады, но они не украшаютъ ихъ въ родѣ Европейцевъ всѣми возможными прекрасными цвѣтами, но усаживаютъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ всякаго рода плодовыми деревьями и виноградникомъ, въ особенности же любятъ, за красоту и тѣнь, дерево чинаръ, неизвѣстный въ Германіи родъ платана, которое растетъ прямо, вышиною съ ель, и толщиною вообще въ половину, а иногда и въ цѣлый локоть. Листъ этого дерева широкій, похожій на листъ винограда, но само дерево не приноситъ ни какого полезнаго плода, а даетъ плодъ, или наростъ, величиною и твердостью подобный каштану, только безъ ядра. Цвѣтъ дерева въ подѣлкахъ свѣтло-коричневый, съ жилками, забѣгающими одна въ другую, подобно волнистому дереву. Персы употребляютъ это дерево на дверныя и оконныя принадлежности, и оно, выполированное масломъ, имѣетъ довольно изящный видъ. Я привезъ довольно большой кусокъ этого дерева съ собою домой, и помѣстилъ его въ Готторфской Палатѣ рѣдкостей.

Лучшее за тѣмъ, послѣ такихъ деревьевъ, удовольствіе и украшеніе садовъ составляютъ неглубокіе, выложенные камнемъ, колодцы и подземныя водохранилища, съ жолобами, положенными въ извѣстномъ порядкѣ, черезъ которые вода могла быть проводима изъ одного колодезя въ другой. Обыкновенно колодези эти устраиваются одинъ выше другого, такъ что, въ случаѣ надобности, вода изливается изъ одного въ другой, бѣжитъ далѣе и орошаетъ садъ. Болѣе зажиточные Персіане, кромѣ всего этого, устраиваютъ въ садахъ своихъ открытыя галереи и особыя бесѣдки, которыя часто бываютъ разукрашены лучше, чѣмъ ихъ жилые дома. Рядомъ съ обыкновенными домами гражданъ въ городѣ есть много дорогихъ палатъ, которыя, впрочемъ, снаружи

не такъ великолѣпны, какъ внутри. Всѣ онѣ, по употребительному у Персовъ способу, выстроены четырехъугольниками, частію изъ глиняныхъ и земляныхъ кирпичей, высушенныхъ только на солнцѣ, частію же, принадлежащія именно важнѣйшимъ гражданамъ, изъ обожженныхъ кирпичей, выведены въ два, три и даже четыре яруса, и каждый ярусъ имѣетъ свое особое названіе. Погребъ называютъ они сирсемиръ (Sirsemin), нижнее за тѣмъ жилое помѣщеніе ханѣ (Chané), слѣдующее надъ нимъ кушкъ (Kuschk), третій ярусъ джауфе (Tzaufé), и четвертое касеръ (Kasser). Открытые покои ихъ, снабженные сверху наружу низкими рѣшетками, называютъ они эйванъ (Eiwan). Эгѣ послѣдніе устраиваются иногда на всѣхъ чегырехъ сторонахъ дома, и въ жаркое лѣто, въ слѣдствіе того, что въ нихъ постоянно продуваетъ вѣтеръ и воздухъ свѣжѣе, они попеременно служатъ спальнею. Окна въ эгѣхъ домахъ, большею частію такой же величины, какъ и двери, и также, какъ эгѣ послѣднія, доходятъ до полу, или до мостовой, вовсе безъ стеколъ, но снабжены деревянными рѣшетками, которыя зимою заклеиваются пропитанною масломъ бумагой. Зимнія жилыя комнаты обыкновенно бываютъ въ нижней части дома.

Сдѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ мало лѣсу, нужда научила жителей сноровкѣ имѣть тепло въ комнатахъ. Для этого въ земляномъ полу они вырываютъ тенуръ (Tenûr), т. е., круглую яму, величиною съ большой горшокъ, въ которомъ и держутъ раскаленные уголья; надъ этой ямой ставятъ низенькой стулъ, или столъ, покрытый широкимъ ковромъ, который спускается на землю и стелется по ней со всѣхъ сторонъ; желающіе погрѣться располагаются кругомъ сказаннаго стула или курси (Kursi), подсовываютъ подъ него ноги, покрываютъ половину своего тѣла ковромъ, и въ такомъ положеніи отлично спятъ во время ночи. Немногихъ угольевъ бываетъ достаточно для того, чтобы добыть тѣлу пріятную теплоту, а иногда даже и довольно сильный жаръ, производящій испарину. вмѣстѣ съ сбереженіемъ топлива, этотъ способъ нагрѣванія Персы считаютъ и здоровымъ, по тому что при немъ голова постоянно остается на вольномъ и чистомъ воздухѣ. Для того же, чтобы отъ угольевъ не было чаду, изъ тенура подъ землю проводятся трубы на дворъ. Такіе тенуръ Персы употребляютъ иногда и вмѣсто печей, въ которыхъ пекутъ и жарятъ

кушанья. При домахъ имѣются обыкновенно передніе дворы (или преддверія), черезъ которые ходятъ въ жилыя части дома и покои.

Переулки и улицы между домами въ прежнее время были такъ велики и широки, что 20 и болѣе человекъ могли по нимъ ѣхать верхомъ рядомъ; во время жъ Шаха-Абаса, въ слѣдствіе увеличенія числа домовъ, большая часть улицъ сдѣлались такъ тѣсны, что часто въ нихъ съ трудомъ можно разойтись при встрѣчѣ другъ съ другомъ, особенно по близости Майдана и торжища, гдѣ обыкновенно бываетъ большое движеніе, такъ что иногда, если встрѣтятся Харбенде (Charbende, погонщикъ ословъ), съ 10, 20 и болѣе навьюченными ослами, которые тянутся обыкновенно гуськомъ одинъ за другимъ, то приходится совсѣмъ остановиться и порядочно подождать, пока они пройдутъ мимо. Самый же Майданъ, или большая площадь для торговли и прогулокъ, такъ обширенъ, что подобнаго мы еще нигдѣ не видали, и онъ содержитъ въ себѣ именно: въ длину 700 и въ ширину 250 шаговъ. На западной сторонѣ, гдѣ Царскій Дворъ и Палаты, вдоль Майдана тянется довольно порядочно устроенное сводомъ зданіе, въ два яруса, съ айванами (открытыми покоеми) и коридорами, въ которомъ золотыхъ дѣлъ мастера, ювелиры и другіе ремесленники промышляютъ своимъ ремесломъ; а передъ зданіемъ этѣмъ насажены красивыя, стройныя деревья, называемыя шимшадъ (Schimschad, особый родъ буковаго дерева), изящно подстриженныя, такъ что изъ за листьевъ ихъ виднѣются лавочки и разныя питейныя заведенія, полузакрытыя деревьями, дающими въ то же время отрадную тѣнь. Еще передъ этѣми деревьями устроено длинное, неглубокое каменное корыто, на подобіе высѣченной изъ камня мостовой, нѣсколько возвышенное надъ этой послѣдней; черезъ это корыто по всему Майдану кругомъ доставляется вода для омовенія и другихъ потребностей горожанъ.

Насупротивъ же, на восточной сторонѣ, воздвигнуты сводомъ же широкіе ходы съ арками и столбами, подъ которыми всякаго рода ремесленники, каждый по собственному цеху своему, имѣютъ свои мастерскія; ибо Персіяне обыкновенно или вовсе не работаютъ, или мало работаютъ въ своихъ жилыхъ домахъ, и работая

свои издѣлія открыто, представляютъ для прохожихъ довольно пріятное развлеченіе. За этой галереей къ Царскому Дворцу идетъ зданіе, съ двумя, другъ противъ друга лежащими, ходами, называемое накара-хане (Nakaga chane), на которомъ ежедневно играютъ Флейтчики, барабанчики и керенеи (Kerenei), трубачи, свою музыку при закатѣ солнца, и также во время входа и выхода Шаха. Музыка при захожденіи солнца употребляется по всей Персіи, гдѣ только есть Хань и большіе господа; обычай этотъ введенъ Тамерланомъ, когда онъ былъ еще обладателемъ сѣвѣнныхъ странъ, и соблюдается охотно и понынѣ его потомками.

Что касается до Царскаго Дворца, то Персіане называютъ его Дѣвлетъ-Хане (Döwlet Chane), а также Деръ Хане-Шахъ (Der Chane Schah). Передъ дверьми Дворца въ наше время лежало нѣсколько большихъ металлическихъ пушекъ, подобныхъ половиннымъ и цѣльнымъ картаунамъ, только нѣсколько короче и грубой, нечистой работы. Пушки этѣ лежали на бревнахъ на землѣ неподвижно, привезены сюда издалека, изъ Ормуса, и назначены для защиты воротъ; но если не становиться у самага жерла ихъ, то онѣ во все не опасны. Дворъ самъ по себѣ не особенно укрѣпленъ, но обведенъ только кругомъ высокою стѣною. Днемъ у внѣшнихъ воротъ сторожатъ обыкновенно не болѣе 3-хъ, или 4 человекъ; ночью же сдѣсь ставится 15 тѣлохранителей, а у Царскаго покоя еще 30 человекъ, большею частію изъ дѣтей Хановъ, которые частію стоятъ на часахъ, частію же ходятъ кругомъ дома, гдѣ и спятъ подъ открытымъ небомъ. Кишикджи (Kischiktzi) или сторожевой писарь обязанъ каждый вечеръ сообщать Шаху имена должностныхъ быть на стражѣ, чтобы Шахъ зналъ, что за люди находятся около него. Передній покой за воротами при насъ былъ высокій, снабженный множествомъ рѣшетчатыхъ оконъ и внутри изящно изукрашенъ выдающимися изображеніями (картинами) и золоченою лѣпною работою. Другіе, главнѣйшіе покои въ Шахскомъ дворцѣ суть: табхане (Tabchane), большой залъ, въ которомъ Шахъ съ своими Ханами и знатными Вельможами празднуетъ Наврусъ (Naugus) или Новый Годъ. Другой покой составляетъ упомянутый уже неоднократно Диванъ-Хане (Diwan Chane) или Судебная Палата: въ ней Шахъ обыкновенно принимаетъ Пословъ

собственно по тому, что при ней находится дворъ, удобный для показа его убранныхъ лошадей и другого великолѣпія, а также и для предъявленія подарковъ. Третій покой гарамъ-хане (Haram Chane), залъ дѣвицъ Царскихъ, въ которомъ собираются Царскія Хасега (Chasseha) или наложницы, сохраняемыя обыкновенно въ отдѣльныхъ комнатахъ; здѣсь онѣ пляшутъ передъ Шахомъ, при чемъ играютъ особые холощенные музыканты. Четвертый покой деке (Dekae), собственно жилой Шаха, въ которомъ онъ ежедневно и послѣ общественныхъ дѣлъ (actibus publicis) обѣдаетъ съ своими законными женами или Царицами. Кромѣ того есть еще множество богатыхъ покоевъ, служащихъ для разныхъ потребностей и украшеній Царскаго двора. Въ этомъ же дворѣ есть нѣсколько большихъ садовъ съ прекрасными бесѣдами. При входѣ въ дворъ, въ 40 почти шагахъ отъ воротъ, на правой рукѣ, есть дверь, ведущая въ большой садъ, по срединѣ котораго стоитъ часовня. Этотъ-то садъ и есть великое убожище (Asylum), которое Персіане называютъ Аллакапи (Allakapi), т. е., Божьи ворота, куда убогаютъ должники, убійцы и другіе преступники, и гдѣ они остаются до тѣхъ поръ, пока содержатъ тамъ себя на свой собственный счетъ; воровъ, впрочемъ, тамъ долго не терпятъ. Въ наше время въ этомъ саду, въ одной палаткѣ, проживалъ съ семьей своей одинъ Султанъ, впавшій въ немилость Шаха и опасавшійся по этому за жизнь свою. Позади Царскаго двора находится Таберикъ-Кале (Taberik Kalè), казнохранилище, или скорѣе замокъ и крѣпость, какъ явствуетъ это изъ самаго слова Кале (Kalè); оно посредственной величины, окружено весьма высокими земляными стѣнами и множествомъ высокихъ же островерхихъ башенъ, которыхъ Николай Геммъ (Nicolaus Hemmius) насчитываетъ болѣе 40 (Этого писателя, который самъ былъ тамъ въ 1623 году по Р. Х., по свѣдѣнію Іоанна де Лаэта, въ его описаніи, я считаю за достовѣрнѣйшаго изъ всѣхъ, особенно относительно того, что касается Испани). Сказанный замокъ постоянно снабженъ множествомъ войска, и хотя самъ Шахъ не живетъ въ немъ, но въ ономъ хранятся лучшія сокровища его, относящіяся до всякаго рода воинскихъ вооруженій и снарядовъ. За тѣмъ, на другой сторонѣ Майдана, въ особой улицѣ, есть еще большое зданіе, Чегиль Сютунъ (Tschehil Sütun) называемое, получившее такое названіе свое отъ 40 балокъ; ибо въ этомъ

зданіи есть мечеть (Mestzid), имѣющая по срединѣ своей огромный столбъ, на которомъ сходятся и лежатъ 40 балокъ, поддерживающихъ крышу мечети. Въ эту мечеть толпами стекались Персы, когда Тамерланъ хотѣлъ казнить возмутившихся противъ него; онъ пощадилъ только эту мечеть и укрывшихся въ ней Персіанъ; остальныхъ же, бывшихъ на кладбищѣ и около зданія, всѣхъ изрубилъ саблями и самый дворъ вокругъ разрушилъ до основанія. Шахъ Измаиль снова возобновилъ все зданіе и самое мѣсто это сдѣлалъ убѣжищемъ (Asylum).

Въ южной части Майдана находится огромная, великолѣпная и богатѣйшая мечеть, которую началъ строить и почти достроилъ Шахъ-Абастъ; Шахъ Сефи уже въ наше время приказалъ только покрыть въ ней еще одну стѣну нѣсколькими плитами изъ мрамора. Мечеть эта посвящена одному изъ 12 послѣднихъ Имамовъ Персидскихъ, Мегеди (Mehedi), который ушелъ въ пещеру близъ Куфы (Kufa), и когда придетъ его время, снова явится верховъ Аали на конѣ Дюльдюль (Düldül), и цѣлый свѣтъ обратитъ къ Алкорану. Объ этомъ подробнѣе будетъ сообщено ниже, при описаніи Вѣры Персовъ. Въ слѣдствіе всего сказаннаго мечеть самая называется мечетью Мегеди Сагебесеманъ (Mestzid Mehedi Sahebeseman). Въ ней, надъ большими воротами, значится слѣдующая надпись:

مهدي ماحبر الزمان

Ходъ въ мечеть идетъ черезъ мостовую, сложенную изъ большихъ четырехугольных камней, на которой устроенъ большой, четырехугольный водоемъ (Cisterne), для омовенія приходящихъ сюда на молитву. За этѣмъ колодезѣмъ, двумя ступенями вверхъ, всходишь на узкую площадку, послѣ которой, еще черезъ одну ступень, входишь и въ мечеть. Послѣднія ступени сдѣланы дѣйствительно изъ мрамора; но чтобы входъ въ эту мечеть состоялъ изъ 13 ступеней, которыя всѣ будто бы высѣчены изъ одного мраморнаго камня, какъ рассказываетъ это Іоаннъ де Лаэтъ (Johannes de Laet), изъ relation. Nic. Hemmio, того я, признаться, не видѣлъ. Ворота сложены изъ искусно высѣченнаго мрамора, и также высоки, какъ и ворота при

мечети Ходабенде (Meschaich Chodabende) въ Султаніи. Дверь, растворяющаяся на обѣ стороны на прочныхъ крючкахъ, покрыта плотнымъ листовымъ серебромъ, мѣстами вызолоченнымъ. Вошедши въ ворота, видишь по обѣимъ сторонамъ два широкихъ, съ высокими сводами хода (галереи), устланныхъ на полу рогожами, на которыхъ Персіяне молятся. Ходы эти идутъ кругомъ около большаго Гейтъ (Hejat) или двора, посреди котораго находится другой, восьмиугольный водоемъ (цистерна), полный до верху водою. Вверху, надъ большими ходами, воздвигнуты другіе малые, снабженные къ сторонѣ двора столбами, разукрашенными мраморомъ и золотомъ. Прошедши черезъ площадку, въ самой глубинѣ достигаешь главной мечети, гдѣ находится мегерабъ (Meherab) и катибъ (Cathib), т. е., алтарь и каѳедра. Входъ въ нее составляетъ сводъ, высоты достойной удивленія, уложенный весь камнями, расписанными голубою глазурью и золотомъ. Мечеть сама по себѣ также чрезвычайно высока, съ нѣсколькими придѣлами и углами, и множествомъ столбовъ изъ прекраснаго мрамора. На право отъ мечети, черезъ ворота, выходишь въ особый, изящно устроенный, дворъ. Самое дорогое во всемъ эмератъ (Emerat), т. е., зданіи, состояло въ томъ, что всѣ стѣны въ ходахъ, дворахъ и главной мечети, на высотѣ 4-хъ локтей отъ полу, выложены мраморомъ, гладко, словно зеркало выполированнымъ, состоящимъ, правда, изъ плитъ, но такихъ, которыя всѣ длиною были выше роста человѣка, шириною же нѣсколько уже, и вдѣланы онѣ были одна къ другой чрезвычайно искусно. Meherab или алтарь, за исключеніемъ двухъ столбовъ, стоящихъ по сторонамъ, высѣченъ изъ одного цѣльнаго камня. Мраморъ, большею частію совершенно бѣлый, добытъ былъ для всего этого изъ горы Эльвендъ. Шахъ-Абасъ построилъ подобную же мечеть въ честь Мегеди въ Тавристѣ, но только та значительно меньше Испаганской, и мраморъ въ ней, бѣлый какъ мѣлъ и выполированный будто зеркало, доставленъ былъ изъ Еруана (Eruan). Кромѣ описанной сдѣсь, въ Испагани тамъ и сямъ находится и еще несчетное множество мечетей и часовенъ.

Обращаюсь къ дальнѣйшему описанію Майдана. По срединѣ его, не вдалекѣ отъ Царскихъ воротъ, стоитъ высокій шестъ,

подобный нашему шесту для стрѣльбы, на который втыкаютъ иногда дыню, арбузъ, или яблоко, а иногда ставятъ серебряную тарелку съ деньгами, и въ этѣ вещи Шахъ, забавляясь съ своими Ханами и знатными Вельможами, стрѣляетъ на всемъ скаку, ѣдучи верхомъ, при чемъ держатся большіе заклады. Попавшій въ цѣль, или получившій какую выгоду отъ выигрыша заклада, считается хозяиномъ игры, и къ нему отправляется въ гости Шахъ съ другими Вельможами. Сбитыя выстрѣломъ съ тарелочки деньги отдаются, впрочемъ, прислужникамъ. Въ этомъ же мѣстѣ знатные господа потѣшаются также игрою, называемою куйчауканъ (Kuitschaukan), въ которой, таже верхомъ на лошади на всемъ скаку, мечутъ палкой, нарочно для этого приспособленной, въ мячикъ, или въ деревянный шаръ. Сдѣсь же упражняются они и въ джиридъ (Tzirid) или въ метаніи копья, о чемъ подробнѣе сказано уже выше. Наконецъ сдѣсь же, на Майданѣ, поставлены, вверху и внизу, двѣ пары плоскихъ столбовъ, служащихъ цѣлю для состязающихся въ бѣгѣ на перегонку.

Внизу Майдана стоитъ небольшой деревянный домикъ, на 4-хъ колесахъ, называемый Шанешинъ (Schaneschin), въ которомъ иногда помѣщается Шахъ, чтобы смотрѣть на описанныя игры и огненные потѣхи, и въ этомъ домикѣ подвозятъ его къ любому мѣсту.

Кромѣ того тутъ есть и гадатели, которые обыкновенно сидятъ на западной сторонѣ, не вдалекѣ отъ Döwlet chane и раскладываютъ сдѣсь свои лавочки: о нихъ скажу подробнѣе, при описаніи суевѣрія Персіанъ.

Въ сѣверной части Майдана находится нѣсколько кабаковъ или харчевенъ, каковы: 1. Шире-Хане (Schire Chanè): это суть распивочныя лавочки или кабаки, въ которыхъ большею частью сидятъ разгульные люди, заставляющіе плясать передъ собою суркеръ (Surker) или плясуновъ, обыкновенно мальчиковъ, которые пляшутъ съ разными сладострастными тѣлодвиженіями и представленіями. Когда, глядя на такія пляски у зрителей возбуждается вождельніе, распаляемое въ нихъ и виномъ, то они уходятъ съ мальчикомъ куда ни будь въ уголокъ, или же отправляются въ общественные дома непотребныхъ женщинъ.

2. Джай-Хатай-Хане (Tzai Chattai Chane): это такая харчевня, въ которой пьютъ иностранную теплую воду, ¹ о которой подробнѣ скажу скоро ниже. Попивая этотъ напитокъ, Персіане играютъ сдѣсь въ шашки, или же и въ шахматы. Въ игрѣ этой они искусиѣ даже Русскихъ игроковъ, также хорошихъ, и Персіане говорятъ, что игра эта изобрѣтена ими, какъ значитсѣ это изъ самаго ея названія Шахъ, означающаго Царя. Шахматную игру называютъ они седренцъ (Sedrenz), т. е., сто заботъ, потому что она заставляетъ много думать и направлять свои мысли на различныя обстоятельства. О томъ, кто былъ первый изобрѣтатель этой игры, мною сообщено уже подробное свѣдѣніе въ Персидской «Долинѣ Розъ», въ 7 книгѣ, 13 Исторія.

3. Каве-Хане (Kahweh Chane), харчевня, въ которой собираются курители табаку и любители кофе (Kahveh). Во всѣхъ этѣхъ трехъ родахъ харчевенъ присутствуютъ также поэты и историкъ, которыхъ я встрѣчалъ тамъ сидящими посреди комнаты, на высокихъ стульяхъ, и рассказывающими разнаго рода событія, басни и другія поэтическія прозведенія. Во время рассказовъ своихъ люди этѣ помахиваютъ палочкою, подобно тому, какъ дѣлаютъ это фокусники; не вдалекѣ отъ этой кофейни сидятъ, въ своихъ трактирахъ и лавкахъ, двоякаго рода цирюльники (Chirurgi), изъ которыхъ одни называются хирургами джерра (Tzerrah), которые только лѣчатъ раны, а не убираютъ; другіе же не лѣчатъ, а только брѣютъ, или стригутъ и убираютъ волосы, называются деллакъ (Dellak) и употребляются и для обрѣзыванія. Къ этѣмъ послѣднимъ ходитъ множество народа, такъ какъ Персіане брѣютъ себѣ всю голову и дѣлаютъ это часто. Каждый приходящій сюда приноситъ съ собою и собственную свою бритву, по тому что, изъ опасенія кеши (Keschi) (такъ называютъ они Французскую болѣзнь), они не дозволяютъ прикасаться къ себѣ ни какою чужою бритвой.

Внизу, у сѣверной части Майдана, начинается уже настоящее торжище, гдѣ находится огромная Кайзеріе (Kaiserie) (галерея).

¹ Напитокъ этотъ чай, какъ видно сдѣсь изъ названія самой харчевни. Прим. Перев.

въ которой продаются самые дорогіе товары. Надъ входомъ въ это зданіе висятъ большіе часы, устроенные при Шахъ-Абасѣ однимъ Англичаниномъ, по имени Феси (Fessi); часы этѣ вначалѣ, когда еще въ цѣлой Персіи не было ни колоколовъ, ни такихъ большихъ часовъ, считались чудомъ, въ наше же время они уже не ходили, были испорчены, а самый мастеръ изрубленъ саблями, подобно Рудольфу Стадлеру, за убіеніе имъ одного Персіанина.

Базаръ или торгъ раздѣляется на множество улицъ, большею частію крытыхъ. Сдѣсь можно получить всякаго рода товары и все то, чего только можетъ пожелать душа, сообразно свойствамъ страны. И каждый родъ товаровъ размѣщенъ по лавкамъ отдѣльно отъ другихъ и въ извѣстномъ порядкѣ, въ различныхъ мѣстахъ.

Между прочими отличалась красивымъ видомъ одна богатая лавка естественныхъ произведеній (Materialisten-Kram), находящаяся подлѣ большой мечети, на лѣвой рукѣ, по пути къ ней. Кромѣ обыкновенныхъ, въ ней находится и множество иноземныхъ, превосходныхъ травъ, сѣмянъ, корней, камней и рѣдкихъ растений. Тамъ во множествѣ продаются: Radix Tzinae или козій корень, какъ называетъ его Tabernaemontanus, Персы же называютъ его Bich-Tzini; и Rhabarbarum, называемый Персами Rawendetzini; оба этѣ растенія привезены сюда изъ Китая и Великой Татаріи, и стоятъ за фунтъ по 3 абаса или по одному рейхсталеру.

Въ Испагани находятся купцы и лавочники всѣхъ возможныхъ народностей, торгующіе оптомъ и по мелочамъ, въ розницу, отрѣзными кусками, а именно: кромѣ Персовъ, Индійцы, разные Татары изъ Хуаресма, Китая (Chattai) и Булары, Турки, Іудеи, Армяне, Грузины, и кромѣ нихъ: Англичане, Голландцы, Французы, Итальянцы и Испанцы.

Кромѣ Персидскихъ на торгъ находились большею частію Индійскіе магазины и лавки, съ шелковыми и бумажными товарами, которые добротою и изяществомъ превосходили Персидскіе. Самихъ Индійцевъ въ городѣ проживало постоянно до

12,000, и многіе изъ нихъ имѣли на лбу нарисованную шафра-
номъ черту, спускающуюся внизъ къ носу длиною и толщиною
въ палецъ; что означаетъ эта черта, я дознать не могъ. Большин-
ство атѣхъ Индійцевъ Магометане, нѣкоторые же язычники, не
обрѣзанные; атѣ, послѣдніе и понынѣ сожигаютъ своихъ покой-
никовъ, для чего употребляютъ абрикосовое дерево (Abricos), на-
зываемое ими мешмешъ (Meschmesch); въ нашу бытность сожженъ
былъ ими одинъ такой трупъ.

Находясь сдѣсь, на торжищѣ, при куплѣ и продажѣ, сдѣлаемъ
обозрѣніе и Персидскимъ монетамъ, которыя у нихъ въ употреб-
леніи при торговлѣ вообще.

О персидскихъ монетахъ (деньгахъ).

Деньги, находящіяся въ обращеніи на торжищѣ, суть сереб-
ряныя и мѣдныя: золотыя бываютъ въ торговлѣ очень рѣдко.
Серебряныя монеты суть: Абасъ (Abas), Гаремъ-Абасъ (Garem
abas) или Ходабенде (Chodabende), Шахи (Schahi) и Бисты (Bi-
sti). Абасъ (Abas) цѣнятъ Персіане наравнѣ съ рейхсталеромъ,
на Мишенскую же монету считаютъ его равняющимся 8 грошамъ
и 8 пфеннингамъ. Но одинъ рейхсталеръ вѣситъ четыре Абаса.
Большіе и дорогіе товары оцѣниваютъ туменами (Tumain), а одинъ
тумень одержитъ въ себѣ 50 абасовъ. Особо чеканеной такого
рода монеты нѣтъ, и тумень собственно исчисляется суммообраз-
но, подобно тому, какъ Русскіе считаютъ свой рубль. Абасъ
получилъ свое названіе отъ Шаха-Абаса, который повелѣлъ че-
канить эту монету, точно также, какъ полуабасъ называется
Ходабенде (Chodabende) по тому, что введенъ Шахомъ Ходабен-
де. Прежде Персы имѣли иную монету, называвшуюся Лари
(Lari): это была сложенная вдвое и изогнутая серебряная прово-
лока, посреди сплюснутая вгладь, гдѣ и выбита печать (вели-
чина и видъ этой монеты значится на прилагаемомъ изображе-
ніи); ¹ монета эта нѣсколько тяжеле одной Ходабенде и введена
она была Шахомъ Измаиломъ I. Этого рода монета находится въ

¹ Въ подлин. стр. 560. О. Б.

Княжескомъ Готторфскомъ Книгохранилищѣ, между множествомъ другихъ древнихъ монетъ разныхъ народовъ. Послѣ полуабаса идутъ Шахи (Schahi)—четверть абаса, и потомъ Бисти (Bisti), которыхъ въ одномъ Schahi заключается $2\frac{1}{2}$.

Мѣдныя монеты, которыя Персіяне вообще называютъ Пулъ (Pul), а въ отдѣльности Касбеки (Kasbeki), стоимостью считаются по 40 штукъ въ одномъ абасѣ. Когда Европейцы торгуютъ съ Персіянами и покупаютъ у нихъ что либо на чистыя деньги, то даютъ рейхсталеры, которые и размѣниваются на ихъ монету; для этого, тутъ же, на Майданѣ, находится нѣсколько мѣняль, Серафъ (Seraf). Монетный дворъ Серабъ-хане (Serab chane), также стоитъ не далеко отъ торжища. Монетчики, имѣющіе за огромную сумму монету на откупъ, получаютъ, по упомянутой причинѣ, на рейхсталеровъ большія выгоды и пользу. Испанскіе реалы берутъ они также охотно, и почти охотнѣе, чѣмъ рейхсталеры. Вообще относительно мѣдной монеты у Персіянъ дѣлается такъ, что каждый большой городъ имѣетъ у нихъ свою особенную монету, которая нигдѣ и не ходитъ, какъ только тамъ, гдѣ она отчеканена, и при этомъ не далѣе, какъ на одинъ годъ, такъ что и знаки на этѣхъ монетахъ ежегодно перемѣняются. Знаки этѣ или изображенія бываютъ иногда олень, коза, сатиръ, рыба, змѣя и тому подобное; въ наше время на Казбекахъ (Kasbeki) въ Шамахѣ было изображеніе Фавна (Faunum) или молодого дьявола, въ Кашанѣ изображеніе пѣтуха, въ Испагани льва, и въ Киланѣ рыбы. Съ наступленіемъ Новаго Года, совпадающаго по нашему Календарю съ Февралемъ мѣсяцемъ, старые Казбеки воспрещаются, стоятъ уже по два старыхъ за одинъ новый, и по этому должны поступить снова на монетный дворъ, гдѣ они только раскаляются и клеймятся новымъ знакомъ. Фунтъ мѣди стоитъ тамъ около абаса, и изъ него вычеканивается обыкновенно 64 Казбека.

Такъ какъ въ Испагани скопляется много купечества и ведется такая громадная торговля, то въ немъ находится и великое множество каравансераевъ, въ которыхъ производится оптовая торговля. Этѣ каравансераны, какъ уже выше сказано, суть большіе дворы, построенные четырехъугольниками, съ высокими

каменными стѣнами и разными покоями, анбарами и галереями въ два и три яруса, въ которыхъ иноземные люди имѣютъ всѣ возможные удобства, какъ для собственнаго проживанія, такъ и для складки своихъ товаровъ.

Между прочими красивыми зданіями, одно не изъ послѣднихъ составляетъ Царская главная конюшня съ довольно высокою башнею, называемою Келеминаръ (Keleminar), и сложенною изъ роговъ оленей и агу (Aahu), сплоченныхъ землею. Шахъ-Тамась въ одной изъ охотъ убилъ болѣе 2000 оленей и агу, и въ память о такомъ событіи приказалъ выстроить сказанную башню изъ роговъ этихъ животныхъ.

За городскою стѣною, на южной сторонѣ, недалеко отъ большаго моста, находится помянутый выше чрезвычайно богатый садъ Джарбагъ (Tzarbagh), подобнаго которому мы не видѣли еще въ Персіи. Названіе свое получилъ онъ отъ того, что въ слѣдствіе крестообразнаго хода и протекающей въ немъ рѣки, онъ кажется какъ бы раздѣленнымъ на четыре сада. Въ окружности онъ простирается на добрую четверть мили, устроенъ четырехъугольникомъ и на каждой его сторонѣ имѣются особыя ворота. На южной сторонѣ его возвышается холмъ, красиво отдѣланный множествомъ уступовъ или террасъ. По обѣимъ сторонамъ его и въ серединѣ находится вода, проведенная сюда черезъ проложенную подъ землею трубу изъ рѣки Сендеруть, и игравшая сдѣсь протоками и водометами. Протоки сдѣланы были изъ высѣченнаго камня шириною въ локоть, ровные будто шнуръ и на уступахъ положены довольно круто, такъ что вода, совершая по нимъ быстрое паденіе, производитъ въ то же время и шумъ. Въ этихъ же протокахъ подѣлано было множество маленькихъ трубокъ, которыя высоко подбрасывали текущую по нимъ воду. Кромѣ того въ нѣсколькихъ мѣстахъ находились особыя водометы изъ бѣлаго мрамора, которые играли чрезвычайно высокими водяными лучами и представляли пріятное зрѣлище. Изъ водометовъ вода стекала въ большой прудъ, лежавшій въ нижней части сада, изъ середины котораго вода также была вверхъ, на высоту 12 локтей. Подлѣ этого пруда стояла одна изъ 4-хъ изящныхъ бесѣдокъ, построенныхъ въ четырехъ углахъ сада и

разъукрашенныхъ внутри всякаго рода золоченою рѣзьбою, изображающую листья и цвѣты. Открытые покои, увеселительные ходы и ходы для гулянья, повсюду усажены прекрасными и высокими чинарами, которыхъ было сдѣсь нѣсколько тысячъ деревьевъ.

Кромѣ чинаръ сдѣсь растетъ множество и плодовыхъ деревьевъ и винограднику, котораго Шахъ-Абасъ, засадившій садъ этотъ, повелѣлъ привезти сюда изъ многихъ мѣстъ и областей; такъ сдѣсь растутъ разнаго рода яблони, груши, миндаль, фиги, абрикосы, персики, гранаты, лимоны, померанцы, каштаны, Грецкіе и обыкновенные орѣхи, вишни, смородина и всякаго рода виноградъ, котораго нѣкоторые виды давали виноградины величиною и толщиною въ большой палецъ, цвѣта коричневаго, съ жесткимъ мясомъ и безъ зеренъ; этотъ сортъ винограда называется тамъ галаже (Hallage). Для надзора и ухода за садомъ представлено 4 садовника, съ 40 человѣками пособниковъ имъ.

Въ то время, когда плоды созрѣютъ, дозволяется всякому, заплатившему только 4 Касбека (на Мишненскія деньги 9 пфенинговъ), входить въ садъ, и ѣсть тамъ плоды досыта; но изъ саду съ собою брать плодовъ не позволено ни сколько.

У города Испагани находится шесть большихъ Рабатъ (Rabath) или предмѣстій, изъ которыхъ важнѣйшее, наибольшее и красивѣйшее есть Джульфа (Tzulfah), съ 3000 домовъ и 12-ю мечетями, которыя въ богатствѣ постройки не уступятъ находящимся въ городѣ. Жители этого предмѣстья исключительно богатые Армянскіе купцы, которыхъ Шахъ-Абасъ переселилъ сюда изъ Великой Арменіи. Они платятъ Шаху дань по 200 туменовъ въ годъ, которые должны были вносить бывшіе при насъ ихъ Даруга, Хосровъ Султанъ и Калентеръ Сеферасбекъ.

По ту сторону рѣки Сендерута лежатъ другое предмѣстье Табрисабатъ (Tabrisabath), иначе также Абасабатъ (Abasabath) называемое, по тому что жителей этого предмѣстья Шахъ Абасъ перевелъ сюда изъ Тавриса (Tabris). За тѣмъ

Гасенабатъ (Hassenabath), есть также предмѣстье, населенное Джурджи (Tzurtzi) или Грузинскими Христіанами, которые

переведены сюда изъ Грузіи. Жители его тоже знатные купцы, которые по торговымъ дѣламъ своимъ, также какъ и Армяне, далеко разъѣзжаютъ кругомъ и посѣщаютъ разныя иныя земли.

Есть еще замѣчательное предмѣстье на западной сторонѣ, называемое Кебрабатъ (Kebgrabath), а жители его Кебберъ (Kebber), которые тоже богатые купцы. Жители этѣ носятъ длинныя бороды и совсѣмъ другое платье, чѣмъ обыкновенные Персіане; они ходятъ въ длинныхъ, не повязанныхъ кафтанахъ, которые только на шеѣ и плечахъ имѣютъ отверстія, гдѣ и завязываются лентами. Жены ихъ не стыдятся ходить съ открытымъ лицомъ; вообще же люди этѣ считаются совѣстливыми, кроткими и добросердечными. Они древняго языческаго происхожденія, не признаютъ ни обрѣзанія, ни крещенія и не имѣютъ ни жрецовъ, ни храмовъ. Въ чемъ собственно заключается Вѣра ихъ, я узнать не могъ; но позднѣе я старательно спрашивалъ о ней, и узналъ только то, что они не огнепоклонники, *ignicolae*, какъ древніе *Kebber*, хотя Готтингеръ и считаетъ ихъ таковыми (Hottinger, Thesaur. Philol. Tiguri, 1651, pag. 56).

Если кто умретъ у этѣхъ Кебберовъ, то изъ дому умершаго выпускаютъ и гонятъ въ поле пѣтуха, и если лисица поймаетъ и унесетъ этого пѣтуха, то они полагаютъ, что душа умершаго принята въ другую жизнь. Такъ какъ подобные опыты не всегда удавались, и даже давали поводы къ подозрѣнію въ злоупотребленіи, то они приняли другую мѣру, въ которую наиболѣе вѣрятъ, а именно: они выносятъ трупы умершихъ, одѣтые въ лучшія платья и увѣшанные золотыми цвѣтными и всякаго рода другими украшеніями, на кладбище и подпираютъ ихъ деревянными вилами, приставляя къ стѣнѣ; если за тѣмъ птицы небесныя выклюютъ у покойника правый глазъ, то умершій считается уже непременно удостоившимся Неба; если же птицы выклюютъ лѣвый глазъ, то значить покойникъ осужденъ на муку. По этому на кладбищѣ имѣются и двѣ глубокія ямы: въ одну тихо и бережно спускаютъ трупы блаженныхъ, въ другую же просто бросаютъ стрелглавъ осужденныхъ.

Кажется, это уцѣлѣвшіе еще остатки способа погребенія умершихъ у древнихъ Персовъ; ибо въ древности покойни-

ковъ ихъ также предоставляли на расклеваніе птицъ; объ этомъ повѣствуетъ Herod. Agatias: «Cadaver ad quod non statim dilacerandum advolent aves, aut canes accedant, hominis fuisse affirmant, qui inquinatis moribus fuerit iniquiorisque animi, et dignus plane, qui in baratrum detrudatur, inque pravi Daemonis ditionem veniat.»

Около города Испгани считается 1460 мѣстечекъ и селеній, въ которыхъ находятся всякаго рода ткачи.

Хотя лѣтомъ, особенно въ Іюнѣ и Іюлѣ мѣсяцахъ, въ Испгани весьма жарко, но противъ этого неудобства жители имѣютъ свои, со сводами, прохладные покои, черезъ которые проводятъ воду и гдѣ воздухъ можетъ проходить со всѣхъ сторонъ; кромѣ того у нихъ есть и погреба со льдомъ, въ которыхъ они сберегаютъ ледъ во все лѣто для прохлажденія себя. Вообще зимою морозы и снѣгъ тамъ не велики, и въ случаѣ суровой стужи, ледъ образуется толщиною не болѣе, какъ въ палецъ, и ледъ этотъ въ полдень обыкновенно растаеваеъ. Тѣмъ не менѣе жители сдѣшніе умѣютъ искусственно добывать ледъ толщиною въ локоть. Приготавливаютъ они такой ледъ слѣдующимъ образомъ: въ холодномъ мѣстѣ, обращенномъ на сѣверъ, они складываютъ въ четырехъугольныхъ камней покатыи помость, который всю ночь, когда морозить, и поливаютъ водою. Въ одну ночь образуется при этомъ ледъ толщиною въ полъ локтя. На день, для защиты отъ солнечнаго тепла, надъ этѣмъ добытымъ льдомъ разбивается крыша, и на слѣдующую ночь продолжаютъ поливаніе его водою. Когда ледъ сдѣлается такимъ образомъ достаточно толстъ, его разбиваютъ на куски, укладываютъ въ погреба, и лѣтомъ очень дешево продаютъ всякому желающему.

Г Л А В А VII.

О свойствѣ воздуха (климата), болѣзняхъ, почвѣ земли и произведеніяхъ Персидской страны.

Страна Персовъ лежитъ отъ равноденственника въ 25 градусахъ и простирается на сѣверъ до 37 градуса; по этому она находится вся въ умѣренномъ поясѣ (*zona temperata*). Суровый скалистый Тавръ проходитъ посреди всей страны и, отбрасывая отъ себя тамъ и сямъ свои отроги, въ разныхъ мѣстахъ получаетъ различныя наименованія. Въ слѣдствіе прохожденія этого хребта и воздухъ въ разныхъ областяхъ оказывается различный. Въ областяхъ, у которыхъ горы лежатъ на сѣверѣ, лѣтомъ бываетъ великій жаръ; въ тѣхъ же, у которыхъ горы на югѣ, пріятный и умѣренный воздухъ. Отсюда произошло то, что Персидскіе Цари искони перемѣняли, въ извѣстныя времена года, свои мѣстопробыванія и удалялись въ разныя области. Писатель *Leonicus Tomeus* (*De varia historia*. Basileae, 1531, lib. 3, cap. 94) считаетъ это въ нихъ роскошью и изнѣженностью, что они, по причинѣ воздуха, не хотятъ выносить уже ни какихъ неудобствъ; но, по моему мнѣнію, и другіе Государя не отвергли бы этого обыкновенія, если бъ находились въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Лѣтомъ Персидскіе Цари держали обыкновенно свой дворъ въ Экбатанѣ (теперь называемой Таврисомъ), которая, имѣя съ юго-западной стороны горы, даетъ сдѣсь пріятный и прохладный воздухъ. Зимой въ Сузѣ, въ нынѣшнемъ Сусистанѣ; ибо сдѣсь близко на сѣверѣ находится горный хребетъ, который, отражая солнечные лучи, дѣлаетъ мѣстность теплой и пріятной, какъ это видно изъ ея названія; ибо слово сусенъ (*Susen*) по Персидски значитъ лилія. Осенью и весной отправлялись они въ Персеполь и Вавилонъ, и проживали тамъ этѣ времена года. Такимъ удобствомъ воздуха Персидскіе Цари продолжаютъ пользоваться и понынѣ: Шахъ-Абасъ зимою любилъ область Масандеранъ, и жилъ тамъ въ Ферабатѣ. Шахъ-Сефи, часто объѣзжая страну свою (что дѣлаютъ Персидскіе Цари), останавливался и въ Таврисѣ, и въ Ардебилѣ, и въ Касвинѣ, гдѣ и держалъ свой дворъ по извѣстнымъ временамъ.

Кромѣ того, теперешняя столица Царя, Испагань, также удобна для проживанія въ ней и лѣтомъ и зимою; ибо лежитъ она на широкой равнинѣ, гдѣ горы удалены отъ нея на три мили, и гдѣ, по этому, воздухъ привольный и умѣренный, и въ самомъ городѣ, какъ выше помянуто, имѣются удобныя и прохладныя помѣщенія.

Переѣзду воздуха въ различныхъ мѣстахъ испытывали также и мы, не безъ тягостей, въ нашемъ путешествіи. Такъ какъ, по причинѣ сильныхъ жаровъ, днемъ ѣхать мы не могли, а путешествовали только ночью, то, когда бывали мы между горами, случалось иногда, если путь шелъ на югъ, что намъ напротивъ дулъ такой жаркій воздухъ, будто изъ печи; иногда же, когда мы поворачивали на востокъ, и при этомъ дулъ сѣверный вѣтеръ, мы ощущали такую сильную стужу, что остановившись, утромъ въ гостинницѣ, забыли до того, что большая часть нашихъ людей едва могли слѣзть съ лошадей и ходить на ногахъ. Мы испытывали тогда то же, что и Патріархъ Іаковъ, въ полѣ, у тестя своего, Лавана, именно: днемъ онъ изнемогалъ отъ жара и ночью отъ холода; ¹ отъ этого-то, какъ помянуто выше, мы заболѣвали одинъ за другимъ, во время этого путешествія нашего.

Въ слѣдствіе такого различія воздуха, какъ легко догадаться, въ Персіи есть здоровыя и нездоровыя мѣстности и разныя обыкновенныя и опасныя болѣзни. Въ Ширванѣ и Гилянѣ въ особенности часты лихорадки; напротивъ воздухъ въ Таврисѣ считается за самый здоровый и цѣлительный, и жители тамъ никогда не заболѣваютъ лихорадкой; и если даже такой больной лихорадкою придетъ откуда либо въ Таврисъ, то у него тотчасъ же она прекращается. По этому Персіане говорятъ, что городъ Таврисъ, или какъ произносятъ его Гилянцы, Тебрисъ (Tebris), получилъ и названіе свое отъ того, что въ немъ лихорадка у больного проходитъ; ибо слово Тебъ (Teb) значитъ у нихъ лихорадка, и рись (ris) вонъ. Кромѣ того у Персіанъ бываютъ и другія болѣзни, какъ, на примѣръ, кровавый поносъ (dysenteria), а иногда и моръ (язва, чума), хотя и

¹ Быт. 31, 40: Былъ во дни жегомъ зноимъ, и студенію въ нощи.

не такъ часто и сильно, какъ въ Германіи. Наиболѣе же всего страдаютъ отъ скверной Французской болѣзни, которую они причиняютъ сами себѣ, удовлетворяя свою горячую природу и похоть непозволительными средствами. Подобно тому, какъ у насъ болѣзнь эта получила свое имя отъ Французскаго народа, по тому что въ немъ она наиболѣе распространена, такъ и Персіяне незываютъ ее Сегеметъ каши (Sehemet kaschi), Кашанскою немочью, по тому что она болѣе всего господствуетъ въ городѣ Кашанѣ. Ибо Кашанъ, не смотря на пріятность своего мѣстоположенія, отличается вовсе нездоровымъ воздухомъ: въ немъ мало свѣжей воды и обиліе гадовъ, какъ-вы самые большіе скорпіоны и тарантулы, о которыхъ говорилось при описаніи города Кашана. Въ Киланѣ господствуетъ по преимуществу болѣзнь ушная (Tumpanis) и водяная; но одержимыхъ каменною болѣзнію очень немного и, къ удивленію, ни одного подагрой.

Вообще же между Персіянами встрѣчаются довольно старые люди, много близкихъ къ сотнѣ лѣтъ, а нѣкоторые живутъ и за сто. Въ наше время былъ тамъ одинъ областной начальникъ, въ краѣ Серабъ, между Моканомъ и Ардебилемъ, которому было уже 130 лѣтъ. Дѣдъ нашего Гаквирда, который жилъ у насъ въ Голштиніи, имѣлъ 120 лѣтъ. Вообще Персіяне довольствуются немногими и недорогими яствами и большею частію живутъ умеренно.

Что касается до почвы земли, то тамъ, гдѣ идетъ ровная страна и безъ горъ, мы нашли ее вообще, за исключеніемъ Килана, сухою, крупно песчаною, сѣшанною съ красноватымъ каменистымъ щебнемъ, и на ней не растетъ ни чего, кромѣ чертополоху или волчца и отдѣльныхъ кустарниковъ, которые, въ мѣстахъ безлѣсныхъ, собираютъ и употребляютъ на топливо въ поварныхъ печахъ. Въ долинахъ же и лощинахъ, на которыхъ есть горы, тянущіяся внутрь страны, и гдѣ расположена большая часть селеній, почва покрыта зеленью и плодородна. Ибо Персіяне умѣютъ бѣгущіе изъ горъ источники собирать въ ручей, шириною не болѣе двухъ локтей, и искусно проводятъ воду эту у подошвы горъ кругомъ, часто на пространствахъ полумили, чтобы, за недостаткомъ дождя, мало выпадающаго въ Персію, орошать

бѣдой водою сады и поля свои. Поля же свои они устраиваютъ такъ: разбиваютъ ихъ на отдѣльныя площадки, въ 8 и 12 квадратныхъ сажень величиной, иногда и менѣе, и запруживаютъ эти площадки, лежащія одна подлѣ другой, небольшими, въ футъ вышиною, плотинами, и за тѣмъ отводомъ сказаннаго ручья орошаютъ площадки одну изъ другой, и часто, смотря по надобности, держать ихъ совсѣмъ подъ водою цѣлую ночь, днемъ же на нихъ дѣйствуетъ горячее солнце, отъ чего и бываетъ тамъ превосходная растительность и плоды.

Чтобы запахать землю, Персіане также употребляютъ плуги, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва жирна и жестка, какъ, на примѣръ, въ Ерванѣ и Арменіи, плуги эти такіе огромные, что для управленія ими требуется четыре и болѣе человѣка, и запрягаются отъ 12 до 24 буйволовъ; борозды дѣлаютъ ими въ одинъ футъ глубиною и въ два шириною.

Изъ хлѣба и произведеній земли Персіане воздѣлываютъ преимущественно рисъ, пшеницу и ячмень. Рожь они считаютъ ни во что и не сѣютъ ея; если же иногда зерна ея попадутся въ пшеницѣ, изъ которой она собственно и происходитъ, то на нихъ смотрятъ тамъ также, какъ мы смотримъ на куколь или плевелы во ржи. Объ овсѣ они даже и вовсе не знаютъ. Кромѣ того, они воздѣлываютъ много проса, чечевицы, бобовъ и гороху. Горохъ у нихъ двухъ родовъ: овечій (стручковый), называемый у нихъ нагутъ (Nagud), и обыкновенный, который они называютъ кюлюль (Külül).

Они засѣваютъ также цѣлыя поля дивнымъ (клещевиннымъ) деревомъ (Ricipus) какъ его у насъ называютъ, у Персовъ же кюнджютъ (Küntzüt) называемымъ. Изъ сѣмянъ его бьютъ масло, на вкусъ сладковатое и пріятное, которое называется ими ширбахтъ (Schirbach) и употребляется въ кушаньяхъ. Крестьяне же ѣдятъ это растеніе, вмѣсто лакомства, просто въ зернахъ, смѣшивая его съ коринкой и струковитымъ горохомъ.

Хлопчатая бумага (Pambesch) воздѣлывается почти во всѣхъ областяхъ, и ею засѣваются цѣлыя страны; растетъ она кустарни-

комъ въ локоть вышиною; листья у нея, какъ у винограда, только значительно меньше; сверху, на вершинѣ стебля, у нея образуются головки, подобныя крупнымъ круглымъ Волошскимъ орѣхамъ; когда наступаетъ время созрѣванія, то головки этѣ, по сторонамъ, въ 4-хъ, или 6-ти, мѣстахъ открываются, и бумага протѣсняется сквозь этѣ трещины. Хлопчатая бумага обрабатывается здѣсь въ громадномъ количествѣ для всякаго рода бумажныхъ товаровъ, и вообще она составляетъ предметъ значительной промышленности и торговли. Многіе города и селенія существуютъ единственно и исключительно только ею. Болѣе же всего собирается хлопчатой бумаги въ Арменіи, Ерванѣ, Нахичевани, во всемъ Карабахѣ, у Арасбара, въ Адирбейджанѣ и Хорасанѣ. Въ Киланѣ же сѣтся льняное сѣмя, выдѣлывается ленъ и тчется полотно для рубашекъ, по тому что въ немъ хлопчатая бумага не растетъ.

Для корма скота, именно лошадей, Персіане употребляютъ ячмень, смѣшанный съ мякиной, а за неимѣніемъ этого, особенно въ Киланѣ, сѣчку изъ рисовой соломы съ рисомъ. Послѣ такого корму Персіане оставляютъ лошадей стоять безъ поѣла слишкомъ 1¼ часа. Турки же этого не дѣлаютъ. У Персіанъ есть еще родъ травы, называемой ими Гончегъ (Gontscheh), которую они разводятъ сѣменами; ростомъ она болѣе полутора локтя въ вышину, съ листьями, какъ у клевера (дятлины) съ голубыми цвѣтами во время цвѣтенія, когда и скашивается въ первый разъ, а черезъ шесть недѣль въ другой разъ. Такой сѣвъ этой травы дѣлаютъ они въ продолженіи шести лѣтъ сряду; на седьмой же годъ землю вспахиваютъ опять и снова засѣваютъ, и поле это, или лугъ, должно быть также орошаемо, какъ и другія хлѣбныя поля. Изъ этого рода травы Персіане собираютъ лучшее сѣно, которое идетъ въ кормъ лошадей, принадлежащихъ знатнымъ Вельможамъ. Вообще же у Персіанъ мало обыкновенныхъ сѣнныхъ покосовъ, и самыя большіе находятся въ Армянской области и въ Ерванѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ тепло и влажно, особенно въ Мюскюрѣ (Müskür), у Каспійскаго моря, ни зимою, ни лѣтомъ, недостатка въ травѣ не бываетъ, въ слѣдствіе чего тамъ нѣтъ и надобности много накашивать ее.

Кромѣ кормоваго горошка и чечевицы, у Персіанъ въ большомъ ходу и Греческое сѣно (foenim Graecum) или козій рогъ,

какъ его у насъ называютъ, которымъ иногда застѣваются цѣлыя поля. Это лучшій кормъ для быковъ и коровъ, особенно же буйволовъ, и имъ откармливаютъ скотъ передъ убоемъ. Персіяне мнѣ рассказывали, что если масло ихъ потерять свѣжесть и вкусъ, то слѣдуетъ только вскипятить его съ шембебиле (Schembebile), (такъ называютъ они сѣмена foenum Graecum) и нѣсколькими луковичами, и дать ему остынуть, послѣ чего масло опять получаетъ хорошій вкусъ. Я же думаю, что это можетъ быть только съ масломъ, добытымъ отъ коровы, которая питалась этѣмъ кормомъ.

Г Л А В А VIII.

Объ откармливаемыхъ на убой и другихъ рабочихъ животныхъ.

Скотъ, откармливаемый у Персовъ на убой, и другой рабочій ихъ скотъ, составляютъ: овцы, козы, буйволы и обыкновенный рогатый скотъ (быки), верблюды, лошади, мулы и обыкновенные ослы. Овецъ держатъ Персіяне большія стада, ибо баранина составляетъ преимущественную и ежедневную ихъ мясную пищу. Тамъ есть довольно странная порода овецъ, мясо которыхъ имѣетъ совсѣмъ особый вкусъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ овцы этѣ величиной такія же, какъ и наши обыкновенныя, нѣкоторыя же изъ нихъ больше, чѣмъ Дитмарсенскія, и болѣе крупныя и лучшія изъ нихъ горбоносые, съ длинными, отвислыми, какъ у нашихъ ищейныхъ собакъ, ушами, и съ хвостами, вѣсящими 10, 20 и даже 30 фунтовъ и состоящими изъ чистаго жиру, но за то во всемъ остальномъ тѣлѣ и на ребрахъ у этѣхъ овецъ жиру бываетъ уже немного. Хотя такой хвостъ имѣетъ свои обыкновенныя кости и члены, какъ и хвосты другихъ Европейскихъ овечьихъ породъ, но скопляющійся въ немъ жиръ дѣлаетъ его такимъ большимъ и широкимъ, что хвостъ этотъ становится похожимъ на большія синія шапки Голландскихъ моряковъ, которыя дѣлаются изъ косматой шерсти. По громадности своего хвоста, овцы этѣ не могутъ ни бѣгать быстро, ни прыгать. Въ области Курдистанѣ, въ сторонѣ къ Діарбекиру, и въ

Обыкновенной Землѣ, эта порода овецъ возить за собою хвосты свои на двухъ колесахъ и цапкахъ, укрѣпляемыхъ у нихъ на шеяхъ, чего я самъ хоть и не видалъ, но мнѣ рассказывали это многіе Персіане и другіе достовѣрные люди, бывшіе въ тѣхъ мѣстахъ. Подобныя же свѣдѣнія сообщаютъ и писатели по Исторіи; такъ, Джонстонъ (Jonston, libro de quadruped. pag. 67), заимствуя изъ другихъ писателей, говоритъ что въ Аравіи находились овцы, у которыхъ одинъ хвостъ вѣсилъ 44 фунта.

Овцы, разводимыя Татарами, живущими на западной и сѣверной сторонѣ Каспійскаго моря, походятъ на обыкновенныхъ Персидскихъ овецъ. Мы привезли ихъ нѣсколько головъ съ собою въ Голштинію; онѣ дали ягнятъ и сохранили свою породу. Нѣкоторые изъ нихъ подарены были въ Глюксбургъ, другія въ Евтинъ (Eutin); оставшіяся же у насъ со временемъ вымерли. Овцы Узбекскихъ и Бухарскихъ Татаръ даютъ болѣе длинную, сѣрую шерсть, заканчивающуюся бѣловатыми, словно жемчугъ, завитками, чрезвычайно красивыми на видъ и на ошупъ мягкими, какъ шелкъ. Шерсть эта гораздо дороже шерсти остальныхъ овецъ вообще. Самыя овцы, дающія такую шерсть, требуютъ хорошаго ухода; ихъ воспитываютъ большею частию въ тѣни, и если нужно бываетъ выгонять ихъ на лугъ на солнце, то ихъ покрываютъ и укутываютъ, какъ лошадей, особыми попонами (одѣялами). Хвосты же у этихъ овецъ малые.

Персіане держатъ также цѣлыя стада козъ, мясо которыхъ употребляютъ въ пищу, сало (по 25 фунтовъ въ козѣ) на свѣчи, а изъ шкуръ ихъ выдѣлываютъ сафьянъ, который привозится къ намъ черезъ Польшу и Московію.

У нихъ много и буйволовъ, особенно въ сѣверной части, у Каспійскаго моря, въ Серабѣ, Ардебилѣ, въ Эрванѣ и Херулѣ, гдѣ нѣкоторые поселеніе имѣютъ ихъ по 400, по 600 и болѣе головъ. Они живутъ только въ сырыхъ, или влажныхъ, мѣстностяхъ; молоко и масло ихъ очень освѣжаютъ. Кромѣ того, Персіане держатъ и простыхъ быковъ (крупный рогатый скотъ), подобныхъ Европейскимъ; но быки эти въ Киланѣ, также какъ и родящіеся въ Индіи, имѣютъ на шеѣ, у плечъ, жировой наростъ.

Нѣ единогласно разсказывали многіе Персіане довольно забавную вещь о томъ, какъ поступаютъ они съ своими коровами, которыя не даютъ донѣ себя, если тутъ же не находится теленокъ. Когда случается, что теленокъ околѣетъ (телятъ тамъ не бьютъ и не ѣдятъ), то шкуру его набиваютъ соломой, посыпаютъ чучело это немного солью и приносятъ къ коровѣ; полизавши нѣсколько это чучело, корова дѣлается спокойной; иначе же она злится и бѣсится и не даетъ молока.

Свиней Персіане ставятъ ни во что и отнюдь не ѣдятъ свинины; по этому-то и Армянскіе Христіане, живущіе у Персіанъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ не держатъ, а въ нѣкоторыхъ, гдѣ живутъ одни, какъ, на примѣръ, въ Джульфѣ, держатъ свиней немного. Персіане, впрочемъ, думаютъ, что, по ихъ ученію, есть великія причины, по чему они, равно какъ и Евреи, ненавидятъ такъ сильно свиней и воздерживаются отъ употребленія ихъ въ пищу. Поводъ къ воспрещенію ѣсть свинину Сарацынъ (Saracaner) заимствуетъ изъ одной чисто свинской исторіи, или скорѣе срамной и грубой сказки, которая находится и у Библиандра (Bibliander, in doctrina Saracinica, на страницѣ 197 (De Saracenorum moribus historiae, una cum Alcorano, a Bibliandro Latine edito. Anno 1550). Для удовольствія благосклоннаго читателя я приведу здѣсь эту сказку изъ Персидскаго толкователя (Paraphraste). «Ученики Христа просили однажды своего учителя, говоритъ сказочникъ, чтобы онъ сообщилъ имъ свѣдѣнія о томъ, что происходило съ Ноемъ въ ковчегѣ, а какъ проживалъ онъ тамъ съ своимъ семействомъ. На это Господь Христосъ молча слѣпнулъ изъ грязи, взятой имъ полную руку, фигуру, бросилъ ее на землю и сказалъ: «Возстань, во имя Отца моего!» Тогда изъ грязи возсталъ сѣдовласый мужъ, котораго Христосъ спросилъ: «Кто ты?» Старецъ отвѣчалъ: «Я Яфетъ, сынъ Ноя!» «Развѣ жь Яфетъ умеръ такой сѣдой?» Отвѣтъ: «Нѣтъ; я сдѣлался такимъ сѣдымъ только сейчасъ, изъ страха; ибо думалъ, что такъ внезапно позванъ былъ къ вѣчному суду, для котораго долженъ былъ возстать изъ мертвыхъ.» За тѣмъ Христосъ приказалъ Яфету: «Разскажи моимъ ученикамъ, какъ Ной проживалъ въ ковчегѣ.» Яфетъ разсказалъ все по порядку и, между прочимъ, слѣдующее: Однажды, когда корабль или ковчегъ въ той части, гдѣ было

отхожее мѣсто, въ слѣдствіе чрезмѣрнаго количества накопившихся испражнений, отяжелѣлъ и наклонился, мы боялись, что ковчегъ совсѣмъ наконецъ упадетъ и потонетъ; по этому отецъ мой, Ной, испрашивалъ совѣта у Бога, что дѣлать при такомъ положеніи? На это Богъ приказалъ будто бы (чего не выдумаетъ нечестивый!), чтобы Ной поставилъ одного слона задницею къ отхожему мѣсту. Когда это было исполнено, то изъ смѣшенія помета слона и человѣка произошла огромная свинья, которая рыломъ своимъ разбросала весь пометъ по ковчегу, отъ чего корабль снова поплылъ прямо. Между тѣмъ при такой работѣ у свиньи набилось дерма полныя ноздри, отъ того она фыркнула, или чихнула, и выбросила изъ носа мышъ. Это породило новое опасеніе и заботы Ною; ибо мышъ начала точить и грызть корабельныя доски. Когда онъ вторично призвалъ Бога на совѣтъ, то ему было повелѣно, чтобы онъ ударилъ палкою льва по головѣ, и когда Ной исполнилъ это велѣніе, то левъ озлился и разсвирѣпѣлъ до того, что извергъ изъ носа кошку, которая постоянно преслѣдовала мышъ и не давала ей времени нигдѣ прогрызть ковчегъ.» Не полагаешь ли ты, спрашиваетъ при этомъ грязный сказочникъ, причину эту достаточной, по чему Богъ воспретилъ ѣсть мясо такого нечистаго и грязнаго животнаго? Сдѣсь можно было бы кстати сказать, что должно быть мать этого мужа, сказочника была очень опрятная женщина, такъ какъ отъ нея произошла такая великая и срамная нечисть.

Персидскій толкователь Алкорана, въ этомъ же мѣстѣ, продолжаетъ это срамное повѣствованіе подобнымъ же свинскимъ образомъ и говоритъ: Когда Ной отдѣлилъ всѣ живыя твари въ ковчегѣ, самцовъ отъ самокъ, для того, чтобы они не черезъ мѣру уже размножились тамъ въ теченіи 40 лѣтъ, которыя Ной долженъ былъ пробыть въ ковчегѣ, то собаки при этомъ имѣли дозволеніе свободно ходить на кораблѣ, и самцы и самки виѣсть. Однажды кошка увидѣла, что песъ и сука повели себя другъ съ другомъ такъ, какъ другимъ животнымъ вести себя не позволялось, и съ досады пошла и донесла о томъ Ною (который, по Божьему изволенію, могъ понимать языкъ всѣхъ животныхъ, или же узнавать ихъ желанія по движеніямъ ихъ). Ной укорилъ собакъ за такое ихъ злоупотребленіе, но собаки запирались въ

немъ. Когда же подобныя жалобы на нихъ стали поступать все чаще и чаще, то Ной пожелалъ и попросилъ у Бога знаменія, дознать истину. Въ слѣдствіе сего и случилось, что собаки во время совокупленія склеиваются, чего прежде не бывало. Ной, застигнувши такимъ образомъ собакъ на дѣлѣ, уже неоспоримо очевидно, отдѣлилъ за тѣмъ и ихъ самцовъ отъ самокъ. Ради этого-то предательства возникла, и донынѣ существуетъ, такая великая вражда между собакой и кошкой.» Вотъ все объ этой Магометанской гадости, которую я считъ нелишнимъ привести здѣсь, говоря о свиньяхъ.

Персіане держатъ много верблюдовъ, различныхъ породъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ два горба: они называются у насъ дромедами (Dromedarii), а у Персіанъ бугуръ (Bughur), другіе же съ однимъ горбомъ, и называются у нихъ шютуръ (Schüttur). Между этими послѣдними Персіане различаютъ еще 4 вида, имѣющіе различныя способности и достоинства. Лучшій изъ нихъ видъ мужескаго рода называютъ они, secundum excellentiam, неръ (Ner), самецъ; это такіе верблюды, которые происходятъ отъ помѣси бугура или двугорбаго самца съ одnogорбой самокой, еще не бывшей въ случкѣ и называемой у нихъ мае (Maje). Верблюды эти сильны, носятъ по 6-ти, 8-ми и 10 центнеровъ, особенно когда они бываютъ въ течкѣ, которая продолжается у нихъ 40 дней и случается зимою; въ это время они ѣдятъ мало, выпускаютъ изъ рта множество пѣны, дѣлаются сердиты, такъ что во все это время рыло ихъ надо бываетъ держать завязаннымъ въ желѣзный намордникъ, называемый аграбъ (Agrab). Такой верблюдъ неръ стоитъ сто рейхсталеровъ. Дѣти, рожденные отъ nera, уже не такъ проворны и сильны, но лѣнны, непослушны и злы, охотнѣе любятъ быть дома, нежели въ пути, по чему ихъ и называютъ по Турецки: юрда кайдемъ (Jurda kaidem), т. е., такими, которые все норовятъ воротиться въ конюшню или въ стойло. Такого верблюда можно купить за 30, или за 40, рейхсталеровъ. Третій видъ называютъ они лѣгкъ (Löhk). Хотя этотъ видъ верблюдовъ также бываетъ въ течкѣ, однако они не такъ способны къ приплоду, какъ бугуры, и въ это время морда у нихъ не пѣнится, какъ у nera, но, вмѣсто пѣны, у нихъ показывается большой красноватый пузырь, который они извергаютъ изъ гор-

ма и опять втягиваютъ назадъ, при чемъ держатъ голову вверхъ и хрипятъ. Такого верблюда можно купить за 60 рейхсталеровъ. Изъ этого различія верблюдовъ у Персовъ образовалось особаго рода шпосказаніе или реченіе, именно: храбраго, смѣлаго человѣка они называютъ неръ (Ner), а малодушнаго, труса, или сварливаго человѣка лѣткъ (Löhk). 4-й самый веселый видъ верблюдовъ по Персидски называется шютюри баадъ (Schüttüri baad), а по Турецки ель дѣвеси (Jel dōwesi), т. е., верблюдъ-вѣтеръ; онъ меньше ростомъ, но за то быстрее другихъ, и тогда какъ другіе ходятъ только шагомъ, эти послѣдніе бѣгаютъ, какъ лошади, и часто сильнѣе лошади.

Шахъ и Ханы имѣютъ обыкновенно по нѣскольку упряжекъ верблюдовъ, и въ каждой упряжкѣ запрягается по 7-ми верблюдовъ, одинъ за другимъ. Они употребляются частію для пріема Посланниковъ, и въ такомъ случаѣ ихъ покрываютъ красными бархатными попонами и обвѣшиваютъ на шеѣ и на груди бубенчиками или колокольчиками и другими украшеніями, и осѣдлываютъ ушитыми золотомъ сѣдлами; частію же ихъ употребляютъ для почтовой гоньбы и въ войнѣ; ибо если въ послѣднемъ случаѣ придется обратиться въ бѣгство, то съ этими животными Персіане могутъ быстро спасти свои лучшіе пожитки и снаряды. Нѣкоторые верблюды бѣгаютъ бойкою, беспокойною рысью, и жокакъ-прислужникъ, сидящій, обыкновенно на передовомъ верблюдѣ или пешенкѣ (Peschenk), долженъ привязывать себя покрѣпче вокругъ тѣла къ этому верблюду; ибо на бѣгу онъ такъ сильно качается и такъ больно трясокъ, что, не привязавшись, никто не въ состояніи бываетъ удержаться долго на немъ. Когда верблюды бѣгутъ, то поднимаютъ высоко вверхъ голову, расширяютъ и раздуваютъ ноздри, и тогда никто ихъ не удержитъ. При вѣздѣ нашемъ въ Шамаху и въ Ардебиль, мы видѣли подобный поѣздъ верблюдовъ, когда они, богато разубранные, въ полномъ бѣгѣ своемъ, безпрестанно показывались то впереди, то позади Посланниковъ.

Съ помощію верблюдовъ въ Персіи удобно и быстро можно путешествовать и довольно дешево перевозить большія тяжести. Одинъ человѣкъ можетъ править 7-ю и болѣе животными, кото-

рыкъ онъ всѣхъ пристегиваетъ гуськомъ одного къ другому, а самъ садится на передняго, или же идетъ впереди его. Кто не хочетъ ѣхать одинъ, тотъ можетъ пристать къ каравану, или къ обществамъ, которые въ странѣ, во всякое время ходятъ туда и сюда, по сотнѣ и болѣе человекъ, и съ караванами ити еще безопаснѣе. У верблюдовъ свой извѣстный шагъ, и въ каждый день пути черезъ шесть, восемь и 10 миль дѣлается привалъ въ какомъ ни будь постояломъ дворѣ, или селеніи, или въ нарочно для путешественниковъ устроенномъ дворѣ, который называется каравансераемъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ каравансераевъ есть кормъ для животныхъ, въ другихъ же нѣтъ ни чего, кромѣ голыхъ стойлъ или конюшенъ. Такъ какъ проводники или возчики знаютъ уже эти мѣста, то они возятъ съ собою кормъ туда, гдѣ нельзя ни чего добыть.

Верблюдъ довольствуется самымъ неприхотливымъ кормомъ: онъ ѣстъ репейникъ, крапиву и прочее негодное зелье. На репейникѣ попадаетъ иногда ядовитый родъ улитки, или слизняка, который Персіане называютъ мегере (Möhère), и если улитка эта ужалитъ верблюда въ носъ, то онъ околѣваетъ. По этому, когда Персіанинъ разсердится на верблюда, то говоритъ: «Чтобъ тебя мегера ужалила!»

Обыкновенно же кормятъ верблюда такъ: мѣшаютъ мякину, или высѣвки, съ ячменною мукою, дѣлаютъ довольно крутое тѣсто, въ видѣ длиннаго хлѣба, весомъ до 3-хъ фунтовъ, и засовываютъ все это верблюду въ пасть. Я видѣлъ также, что въ тѣсто это примѣшиваютъ и сѣмена хлопчатобумажника, котораго величиною съ большую горошину и сладки, какъ орѣхъ. При такомъ кормѣ верблюды могутъ сносить жажду 2 и болѣе дня. Такъ разумно устроила это предусмотрительная природа; ибо въ сухихъ пустыняхъ и песчаныхъ мѣстахъ, черезъ которыя лежитъ обыкновенно путь верблюдамъ, нельзя иногда добыть ни капли воды. Они легко дозволяютъ навьючивать на себя тяжести: для этого потрогиваютъ ихъ гибкой палочкой слегка по коленнымъ переднимъ ногъ и почешутъ, или потрутъ, ихъ ртомъ, и они становятся на колѣни, такъ что брюхомъ достигаютъ земли, и въ такомъ положеніи допускаютъ дѣлать съ собою, что угодно,

Они бодрѣ носятъ свою ношу, когда слышатъ пріятное пѣніе или звукъ и звонъ; по этому Персіане привязываютъ нѣкоторымъ верблюдамъ по два бубенчика около колѣнъ, а на шею вѣшаютъ колокольчикъ. Арабы по этому же самому, когда отправляются въ путь черезъ пустыню, берутъ съ собою всякій разъ барабанъ, или бубны, какъ подробнѣе упомянуто мною объ этомъ въ Персидской «Долинѣ Розъ», въ 23 разсказѣ 2-й книги.

Удивительно какую превосходную память и желаніе отмстить своему оскорбителю имѣютъ верблюды, и какъ долго питаютъ они гнѣвъ въ такомъ случаѣ. Такъ, если кто сдѣлалъ верблюду какое насиліе, или ужъ черезъ чуръ больно побилъ его, то онъ не можетъ забыть этого, и долгое время, иногда даже цѣлый годъ, терпитъ, а потомъ, чуть представится случай, разражается мщеніемъ. По этому Персіане о неуживчивомъ, или зломъ, человѣкѣ говорятъ: «У него гнѣвъ верблюда.» Примѣръ такой мстительности, передъ отъѣздомъ своимъ изъ Персіи, видѣлъ и разсказалъ мнѣ одинъ хорошій пріятель мой, Гансъ Георгъ Фарсъ (Hans Georg Fars), Персіанинъ, состоящій нынѣ начальникомъ артиллеріи Его Княжеской Свѣтлости (Герцога Голштинскаго), а именно: въ Ерванѣ случилось, что одинъ верблюдъ, бывши въ течкѣ, оставленъ былъ съ незавязанной мордой, и онъ укусилъ за руку шедшаго передъ нимъ возчика (прислужника). Возчикъ поколотилъ верблюда, давши ему порядочное количество тяжкихъ ударовъ палкою по шеѣ (мѣсто наиболѣе чувствительное у верблюдовъ). Верблюдъ въ этомъ же путешествіи выждалъ случай, и когда однажды караванъ сдѣлалъ привалъ подъ открытымъ небомъ, и верблюда опять оставили, покормивши его, съ незавязанной мордой, то ночью онъ поднялся, сталъ искать своего обидчика, и нашелъ его лежащимъ подлѣ другихъ верблюдовъ, съ ногами, подсунутыми, ради тепла, подъ верблюжью грудь (по ихнему обыкновенію), и покрытаго одѣяломъ. Отыскавши такимъ образомъ возчика, верблюдъ вытащилъ его и истопталъ до смерти, будто мѣшокъ, наполненный киселемъ и костями. Отецъ убитаго возчика, бывшего единственнымъ у него сыномъ, принесъ судѣ жалобу, и ему присужденъ былъ виновный верблюдъ, въ его полное распоряженіе, и такимъ рѣшеніемъ хозяинъ верблюда, разумѣется, остался доволенъ. Послѣ этого, если желать

есть основаніе гнѣва, *principium irae*, какъ говорятъ Целій Родигинъ (*Cael. Rodiginus*), въ 29-й книгѣ, главѣ 19-й (*Lectiones antiquae. 1550, pag. 1132*), то какъ понимать то, что пишетъ Плиній (*lib. 9, prod. 17*), будто верблюдъ, также какъ лошадь и осель, ни какой желчи не имѣютъ? Также не могъ дознать я и того, правду ли пишетъ онъ въ 8-й книгѣ, въ главѣ 18-й, будто верблюдъ, по природѣ своей, питаетъ ненависть къ лошади; это говорятъ и Ксенофонтъ: «*Equi Camelos fugiunt*» (*Basiliae, 1572, книг. 7, стр. 140*). Когда я спрашивалъ объ этомъ у Персіянъ, то они шутя, съ улыбкою отвѣчали мнѣ: «Да, говорятъ, что верблюды по справедливости могутъ гнѣваться на лошадей; ибо носятъ гораздо большую тягость и получаютъ худшій кормъ, чѣмъ лошади. И когда они останавливаются вмѣстѣ на ночлегъ въ селеніи, то лошадь можетъ найти себѣ пристанище въ какой ни будь избѣ, гдѣ обыкновенно дверь небольшая, верблюдъ же, по громадности своей, долженъ оставаться больше на дворѣ и быть доволенъ уже тѣмъ, если иногда лошадь помѣстятъ вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ верблюжьемъ стойлѣ. Вообще же, очень обыкновенно, что въ одномъ караванѣ находятся верблюды, лошади и ослы (какъ это извѣстно), и часто животныя этѣ помѣщаются близко другъ съ другомъ. Но Плиній справедливо пишетъ, что самки верблюдовъ ходятъ тельныя 12 мѣсяцевъ, прежде чѣмъ дадутъ дѣтеныша. Совокупленіе же свое (*congressum*) самцы и самки совершаютъ не такъ, какъ говорятъ нѣкоторые, *retrosum* (хотя стоя въ стойлѣ самцы держать членъ свой обращеннымъ назадъ, что и могло дать поводъ къ такому заключенію; при случаѣ же обращаютъ его обыкновеннымъ образомъ), но также, какъ и другія животныя, «*sed faemina genubus incumbente, et quamvis camelus ingentis magnitudinis sit animal, memorum tamen virile (ultra tres pedes quidem longum) crassitiem nucis avellanae non excedit.*»

Такъ какъ верблюды дороги и очень полезны для возки тяжестей, то ихъ не легко употребляютъ въ пищу, и бываетъ это только тогда, когда, изнемогши подъ тяжестью вьюка (что случается въ слѣдствіе бойкой комковатой дороги), верблюдъ падаетъ, или когда его ужалилъ мѣгеръ, или если онъ такъ заболѣваетъ чѣмъ либо: въ такихъ случаяхъ его убиваютъ и ѣдятъ. Способъ убоя верблюда такой: дѣлаютъ ему два удара, или над-

рѣза, въ шею: одинъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ шея соединяется съ головою, другой же тамъ, гдѣ она соединяется съ грудью; если убить его иначе, то, говорятъ, верблюдъ нескоро издыхаетъ.

Лошадей въ настоящее время Персіане держатъ въ великомъ множествѣ, и большею частію лошади этѣ съ красивой головою, ушами, шеей и бедрами. Въ древности область Мидія (Media) славилась тѣмъ, что въ ней водились лучшія и роскошнѣйшія лошади, которыхъ называли «*equos nobiles Nisaeos*,» отъ города того же имени, о чемъ смотри Геродота (Herod. lib 3, cap. 106), и Амміана Марцеллина (Ammianus Marcell. lib. 23, pag. 27). То были любимыя лошади Царей Персидскихъ, какъ свидѣтельствуеъ Страбонъ (lib. 11, pag. 365), и кто хотѣлъ показаться въ полномъ своемъ великолѣпіи, тотъ садился на такую лошадь, какъ это видно у Геродота, въ 9-й книгѣ, въ главѣ 20-й

Хотя и теперь еще Мидійскія лошади, особенно попадающіяся въ Эршектѣ, не вдалекѣ отъ Ардебилъ, также составляютъ очень хорошую породу, но Персіане отдаютъ преимущество Арабскимъ лошадямъ, которыхъ считаютъ теперь важнѣйшими изъ любимыхъ Царскихъ лошадей; ибо онѣ обладаютъ прекрасной головою, шеей, крестцомъ, грудью, бедрами и вообще всѣмъ, чего только можно пожелать отъ природы лошади. Послѣ Арабскихъ они очень цѣнятъ Турецкихъ, особенно тѣхъ, которыя водятся въ Туркоманіи и этѣхъ лошадей у нихъ множество. Шахъ имѣетъ свои собственные конскіе заводы въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно же въ Эршѣ, Ширванѣ, Карабахѣ и Моганѣ, гдѣ находятся лучшіе луга. Лошадей своихъ Персіане употребляютъ главнымъ образомъ для верховой ѣзды, нѣкоторыхъ только для возки тяжестей и въ Мюрсурѣ не много для упряжи въ двуколескахъ своихъ; телѣгъ четырехколесныхъ у нихъ вообще нѣтъ. И такъ какъ они особенные любители лошадей и славятся также конницей (въ которой на войнѣ, въ древности, по свидѣтельству Амміана Марцеллина (Amm. Marcell. lib. 24, pag. 291) состояла, до и нынѣ состоитъ ихъ, главная сила), то они заботливо держатъ и холятъ лошадей своихъ. Для лошадиной подстилки они не берутъ ни соломы, ни чего подобнаго, но употребляютъ собственной лошадиный навозъ, который сунать на солнцѣ и накла-

дѣлаютъ за тѣмъ на полѣ конюшни на цѣлую пядень вышины, и на такой-то подстилкѣ лошади лежатъ также мягко, какъ на хлопчатой бумагѣ, и если подстилка эта хоть немного смокнетъ въ стойлѣ, то ее берутъ вонъ и снова просушиваютъ. Въ такомъ положеніи Персіане окутываютъ еще лошадей волосянымъ одѣяломъ, подбитымъ мягкимъ войлокомъ. Они привязываютъ также путами, или веревкою, лошадей за заднія ноги къ колышку, вбитому въ землю, и говорятъ, что дѣлаютъ это для того, чтобы тамъ, гдѣ много стоятъ лошадей, онѣ не могли лягать другъ друга. Я нахожу, что это былъ даже и древній обычай у Персовъ; ибо Ксенофонтъ пишетъ о немъ, какъ о существовавшемъ еще до временъ Александра Великаго, какъ это явствуетъ изъ его 3-й книги (р. 245) de ехр. Сугі, и онъ полагаетъ, что древніе дѣлали это для того, что если лошадь сорвется съ повода, то все таки убѣжать она никуда не можетъ; но это доставляло имъ и большое неудобство на войнѣ, когда требовалось неожиданно скакать скорѣе. Лошадей своихъ Персіане ни къ чему болѣе не приучаютъ, какъ только къ быстрому бѣгу и чтобы онѣ не были пугливы, и такую быстро бѣгущую лошадь они называютъ бадъ-пай (Bad pay), т. е. ноги-вѣтеръ. У многихъ бѣлыхъ и съ сѣрыми яблоками лошадей своихъ, ради красы, Персіане окрашиваютъ хвосты, гривы, а у нѣкоторыхъ даже бедра и брюхо красною, или желтопомеранцевою краскою. О томъ, какъ составлять этѣ краски и красить ими, сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ.

Персіане очень щеголяютъ украшеніями лошадей; отъ этого, чуть только дозволяютъ недостатки, убираютъ ихъ уздечками, сѣдлами и поповами, обитыми золотомъ и серебромъ и изящно вышитыми, подобно тѣмъ, которыя подарили Царь и знатные Вельможи нашимъ Носланникамъ, какъ объ этомъ было выше упомянуто. Это былъ древній еще придворный обычай Персовъ, бывший въ ходу еще во времена Царя Ксеркса, какъ свидѣтельствуемъ о томъ Діонисій (Dionisius de situ orbis p. 1132).

На разубранныхъ такимъ образомъ лошадяхъ отправлялись и на войну, какъ видно изъ примѣра Масистія (Masistii), начальника конницы въ Ксерксовомъ войскѣ, о чемъ говорится у Геродота въ 9-й книгѣ, главѣ 20-й.

Персіане держать и множество муловъ, особенно для верховой ѣзды во время путешествій, и на нихъ ѣздятъ также знатные Вельможи и даже самъ Царь. Мулы оказали намъ, по причинѣ ихъ спокойнаго шага, большую услугу, когда мы впали въ изнеможеніе во время нашего путешествія и все таки должны были продолжать путь. Они цѣнятся также дорого, какъ и лошади, и хоть сколько ни будь порядочный мулъ стоитъ до старейхсталеровъ. Мы говорили, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Персіи водятся бѣлые мулы, весьма дорого стоящіе и присылаемые только въ даръ Царю и Ханамъ; но я самъ не видѣлъ такихъ ни одного.

Ословъ, перевозящихъ тяжести, въ Азіи всегда водилось болѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ свѣта; въ Персіи же, я полагаю, ихъ болѣе, чѣмъ въ остальныхъ Восточныхъ странахъ, и въ Испани мы видѣли ихъ въ неисчислимомъ множествѣ. Такъ какъ тамъ возка на телѣгахъ не въ большомъ обычаѣ, то на всѣхъ улицахъ встрѣчается бездна вычюнныхъ ословъ. Погонщики этихъ ословъ имѣютъ на кнутахъ цѣпочку съ примой (Prime, Tzagwedag), которой позванивая, постоянно подгоняютъ ословъ, при томъ то и дѣло покрикиваютъ на нихъ. По этому у нихъ есть поговорка:

«Два осла и двѣ гнѣивыя женщины требуютъ порядочнаго погонщика».

ГЛАВА IX.

О садовыхъ растеніяхъ и плодахъ.

Такъ какъ Персія страна теплая, въ которой лѣто продолжительнѣе зимы, и въ теченіи лѣта погода въ ней болѣе постоянная и ясно-солнечная, то въ ней растутъ превосходные садовые плоды, служащіе не только для удовлетворенія потребностей поварни, но и для наслажденія лакомствомъ. Что касается до обыкновенныхъ поварныхъ овощей, то тамъ есть все, что и въ Германіи, но только многіе изъ нихъ крупнѣе и вкуснѣе. По-

химо другихъ поварныхъ овощей, упомяну сдѣсь только о лукѣ, который въ области Тарумъ (Tagum), граничащей съ Халхалемъ (Calchal), такой громаднѣй, что одна луковица вѣситъ 3 фунта. Капуста сафо попадаетъ тамъ величиной съ голову, растетъ красиво-курчавая, хорошо водится и имѣетъ пріятный вкусъ.

Персіяне большіе охотники до дынь, разводятъ ихъ въ громадномъ количествѣ, и дыни этѣ тамъ сладкія, будто сахаръ, по чему ихъ ѣдятъ тамъ безъ сахара, и Персіяне даже смѣялись, услышавши, что мы ѣдимъ дыни съ сахаромъ. Такія дыни, какія бываютъ у насъ въ Голштиніи, хотя бы самыя лучшія, они ставятъ ни во что. Настоящихъ же своихъ дынь у нихъ тоже двѣ породы, именно: лѣтнія и зимнія дыни. Лѣтнія дыни, называемыя кермекъ (Kermek), отъ кермъ (Kerim), тепло, суть раннія, созрѣваютъ въ Іюнѣ, желтыя какъ воскъ и самыя сладкія. Другія же, харбусеи паси (Charbusei pasi) (арбузы?), созрѣваютъ только осенью, большія, отъ 30, 40 и до 50 фунтовъ вѣсомъ, могутъ быть сберегаемы не только въ теченіи зимы, но и на цѣлый годъ. Персіяне большіе знатоки ухаживать за ними и сберегать ихъ свѣжими, и сберегаемыя ими дыни такъ хороши, что во время привоза новыхъ, прошлогоднія какъ разъ купишь за свѣжія, если не обратишь вниманія на различіе, обнаруживающееся при подавленіи кожицы. Ихъ вѣшаютъ между камышемъ или тростникомъ, который срѣзывается зеленый и приспособляется къ этому особымъ образомъ. Такимъ же способомъ Персіяне сберегаютъ на цѣлый годъ виноградъ и другіе плоды.

Есть еще тамъ другой, особый родъ дынь, называемыхъ шаммаме (Schammame), величиной не болѣе померанца, разписанныхъ красными и зелеными пятнами, между которыми кожица очень шероховата. Дыни этѣ на вкусъ вовсе не сладкія, но имѣютъ весьма пріятный запахъ, и именно ради этого запаха и разноцвѣтныхъ красокъ Персіяне носятъ ихъ въ рукахъ и играютъ ими. Персидскіе поэты также пользуются этѣми дынями, при описаніяхъ красоты и прелестей дѣвицъ, говоря собственно о персяхъ послѣднихъ. По запаху своему дыни этѣ получили и свое имя Schammame, отъ Арабскаго слова Schammeh, что значитъ замѣтный, видный. Господинъ Якобъ Голій (Jacobus Golius) также

упоминаетъ объ этѣхъ дыняхъ въ своемъ Арабскомъ лексиконѣ на стран. 1309. Есть у Персіянъ и арбузы, которые они называютъ гиндуане (Hinduane), по происхожденію ихъ изъ Индіи; сдѣсь арбузы этѣ еще болѣе тѣхъ, какіе мы видѣли въ Астрахани и о коихъ я уже говорилъ при описаніи этого города. Такъ какъ такой громадный плодъ растетъ, лежа на землѣ на тоненькомъ стеблѣ, плоды же громадныхъ и высокихъ Грецкихъ деревьевъ очень малы, то различіе это дало поводъ Персидскимъ поэтамъ къ слѣдующему стиху, въ которомъ намекается на то, какъ нѣкоторые великіе господа приносятъ часто на свѣтъ мало пользы, и какъ, напротивъ, ничтожные простые люди доставляютъ иногда огромную пользу:

درختی کبرندگان ازان بوزورگی
درختی هندوانه ال اکبر

Drachti kirdekan es ohn busurki,
Drachti Hinduane! Alla ekber!

Что значить:

Съ великаго Грецкаго дерева падаетъ очень маленькій плодъ,
А длинный и слабый стебель арбуза приноситъ громадный плодъ.
Кто бы искалъ тебя, Hinduane, на такомъ стеблѣ.
Такъ-то устроено это на свѣтъ, Тобою, Боже великій!

Персіяне имѣютъ нѣсколько видовъ тыквы и, между прочимъ, одинъ видъ у насъ, въ Германіи, не обыкновенный, у нихъ же кабахъ (Kabach) называемый, а въ Травникахъ Cucurbita lagenaria, величиною съ голову человѣка, даже больше, съ длинной, какъ у гуся, шеей, съ головою на верху, какъ видно это на изображеніи впаденія рѣки Волги около Астрахани. Употребляютъ ихъ тогда, когда онѣ еще зелены и не совершенно созрѣли; когда же онѣ совсѣмъ поспѣютъ, то наружная кожица ихъ дѣлается такою твердою, какъ древесная кора, и такою непроницаемою, какъ кожа. Мясо тогда совершенно ссыхается такъ, что въ нихъ уже ни чего не остается, кромѣ сѣмянъ. Самую кожицу высушенную Персіяне употребляютъ вмѣсто чана для воды и вообще вмѣсто посуды для питья.

У Персіянъ есть еще плодъ мамъ, Нѣмцамъ, не извѣстный, называемый ими падинджанъ (Padintzan), величиной и наружнымъ видомъ похожій на малыя дыни, или на спѣлый уже огурецъ, и растетъ онъ подобно послѣднему. Плодъ вездѣ зеленый, только снаружи у стебля синеватый. Сѣмя у него круглое, нѣсколько продолговатое, какъ барбарисовая ягода. Сырой его не ѣдятъ, по тому что онъ горьковатъ; вареный же и жареный въ маслѣ доставляетъ пріятное кушанье.

О В И Н О Г Р А Д Ѣ.

Виноградъ въ Персіи превосходный и во всѣхъ областяхъ растетъ большими сладкими кистями; но Магометане, по закону своему, не могутъ выдѣлывать изъ него ни какого вина, ни пить его, хотя многіе изъ нихъ не соблюдаютъ этого послѣдняго запрещенія. Причиною такого запрещенія приводятъ они довольно забавное сказаніе, которое для шутки я разскажу здѣсь. Было два Ангела, по имени Аротъ и Маротъ (Aroth, Maroth), которыхъ Богъ послалъ съ неба на землю, чтобы они творили между людьми судъ и правду, при чемъ онъ далъ имъ троякій запретъ, именно: они не должны никого убивать, не должны судить несправедливо, и не пить ни какого вина. Во исполненіе такого запрета Ангелы довольно долгое время управляли на землѣ хорошо. Но однажды случилось, что одна молодая, непомѣрно красивая женщина, не поладивши съ своимъ мужемъ, пришла съ жалобою на него къ нимъ, какъ къ своимъ обычнымъ судьямъ; для того же, чтобы склонить ихъ на свою сторону и достигнутьжелаемаго ею рѣшенія, или суда, она хотѣла задобрить ихъ, и пригласила ихъ къ себѣ въ домъ попить съ нею. Ангелы охотно согласились на приглашеніе, и когда сѣли за столъ, то красавица, между прочими напитками, принесла и прекрасное вино и упрашивала Ангеловъ выпить его; хотя Ангелы сначала и сильно отпѣкивались, но, послѣ долгихъ просьбъ и неоднократныхъ обольстительныхъ предложеній прекрасной женщины, они наконецъ уступили и стали пить кубокъ за кубкомъ. Когда же наконецъ вино распалило Ангеловъ, то въ нихъ возбудилось грѣховное пожеланіе къ хозяйкѣ, и они не долго уже думали, стали просить ее раздѣлить съ ними ложе. Красавица согласилась уступить ихъ желаніямъ, но съ слѣдую-

щимъ условіемъ, чтобы прежде одинъ изъ нихъ открылъ ей дорогу, по которой они сошли съ неба, а другой, по которой они всходятъ на небо. Ангеламъ понравилось это предложеніе: они открыли ей обѣ этѣ дороги, послѣ чего она тотчасъ же поднялась и ушла на небо. Когда Богъ увидалъ красавицу на небѣ, то спросилъ, откуда она пришла туда? Красавица рассказала все, какъ было дѣло, изъ котораго цѣломудріе ея обнаруживалось какъ нельзя яснѣе, по чему, тронутый этѣмъ, Богъ восхотѣлъ прославить ее и обратилъ ее въ звѣзду Венеру, для того, чтобы она, бывши на землѣ прекраснѣйшею изъ женщинъ, точно также и на небѣ была блистательнѣйшею изъ звѣздъ. Ангеловъ же Богъ потребовалъ къ себѣ на судъ, и объявилъ имъ такой приговоръ: такъ какъ они, помимо своего проступка, сдѣлали на землѣ много добраго, то Богъ предоставилъ имъ самымъ избрать себѣ наказаніе, которое было бы серединою между вѣчнымъ и временнымъ.

По этому, по ихъ собственному желанію, они были повѣшены на желѣзной цѣпи за ноги, въ одной безднѣ, называемой Бебилъ (Babil) и лежащей между Вавилономъ и Бесретомъ (Bessreth), гдѣ и должны висѣть до Страшнаго Суда.

Такъ какъ вино причиняетъ такое нечестіе, то Магумедъ, по велѣнію Бога, справедливо запретилъ употребленіе его. Но Персіяне, будучи большими охотниками до вина, и желая въ то же время хоть чѣмъ ни будь удовлетворить требованіе закона, рѣшили тѣмъ, что сами ни какого вина не дѣлаютъ, а предоставляютъ это Армянскимъ Христіанамъ, которыхъ, ради этой причины, и терпятъ вездѣ у себя въ городахъ и по селеніямъ, и у нихъ уже покупаютъ вино. Но Армяне этѣ не умѣютъ готовить вина такъ хорошо, какъ Европейцы. Они сберегаютъ его въ большихъ выжженныхъ кружкахъ, въ которыхъ вмѣщается по ому ¹ (Ohm) и болѣе вина, ставятъ его въ малыхъ узкихъ погребкахъ, или же зарываютъ въ землю, но не оттягиваютъ (не очищаютъ) его при этомъ. Иногда, когда вино недовольно красно, его

¹ Особая мѣра жидкостей. Прим. Перев.

подсвѣчиваютъ краснымъ деревомъ, или шафраномъ. Бѣлое же вино они не ставятъ ни во что. Но Персіянамъ позволено употреблять виноградное сусло и дѣлать изъ него сиропъ, называемый у нихъ душабъ (Duschab); они варятъ сусло это до того долго, что изъ него остается только шестая часть, которая дѣлается густою и льется какъ масло. При употребленіи этого масла или душабъ, его мѣшаютъ съ водою и не большимъ количествомъ уксусу, каковая смѣсь даетъ довольно пріятный напитокъ, которымъ угощалъ меня Шамахинскій Минадримъ или Астрологъ, на утроенной имъ для меня пирушкѣ, какъ объ этомъ говорилъ я выше.

Иногда Персіяне варятъ душабъ этотъ такъ густо, что его можно рѣзать только, и путешествующіе люди обыкновенно засушиваютъ его, берутъ съ собою въ дорогу и, по мѣрѣ надобности, разводятъ его въ водѣ, для питья своего.

Заговоривъ объ этомъ вареномъ до суха виноградномъ суслѣ, вспомнилъ я объ одномъ славномъ изобрѣтеніи, заявленномъ славнымъ химикомъ, Г-мъ Іоанномъ Рудольфомъ Глауберомъ (Johan Rudolph, Glauber), моимъ добрымъ другомъ, а именно: будто 5-ть возовъ¹ вина могутъ быть перевезены на одной телѣжкѣ съ такими же незначительными издержками, какія нужны только для перевоза одного воза вина; для этого стоитъ только извлечь изъ винограда, описаннымъ сейчасъ способомъ просушки, наибольшую часть воды, и за тѣмъ, въ своемъ мѣстѣ, снова подлить ее въ опредѣленномъ количествѣ, изъ самотечной ключевой воды. Не упускается ли при этомъ изъ виду, что виноградъ, прежде чѣмъ еще начнетъ бродить, долженъ потерять спиртъ отъ жара при высушеніи сусла? Искусство это слѣдовало бы испытать. Персіяне примѣшиваютъ иногда душабъ въ вино, особенно жители области Келекъ; ибо вино ихъ не такъ сладко, какъ въ южныхъ областяхъ. Съ такою примѣсью вино получаетъ вкусъ, подобный Испанскому вину.

¹ По Нѣм. das Fuder, по Франц. le foudre, возъ вина, тоже особая мѣра жидкости, содержащая 6 омовъ, или 480 кружекъ. Прим. Перев.

Въ Таврисѣ изъ такого душаба дѣлають Персіане еще особое лакомство, или конфекты, называемыя у нихъ халва (Helwā); при чемъ они примѣшиваютъ въ душабъ размельченный миндаль, пшеничную муку и ошелушенные Грецкіе орѣхи; все это вмѣстѣ сдѣлывается въ длинноватыхъ мѣшкахъ и дѣлается такимъ твердымъ, что въ зимнее время лакомство это рубить можно только косарями, или топорами. Изъ такого же тѣста приготавливаютъ они въ длинноватыхъ формахъ, на подобіе колбасъ, конфекты, называемыя ими суджухъ (Sutzuch), въ срединѣ которыхъ помѣщаютъ, или замѣшиваютъ нитку изъ бумажной матеріи, въ родѣ парусинной нитки, на которой собственно и держится вся конфекта.

Въ Персіи растетъ много видовъ винограда; самый сладкій и лучший растетъ въ Ширасѣ и Таврисѣ; самый же лучший изъ растущаго въ Таврисѣ Персіане называютъ таберсегъ (Taberseh); онъ попадаетъ и въ другихъ мѣстахъ, но сдѣсь наиболѣе; ягоды этого винограда продолговатыя, безъ зеренъ, и могутъ держаться цѣлую зиму. Другой родъ винограда кесеки (Keseki), желтоватый и чрезвычайно сладкій, растетъ болѣе всего въ Тарумѣ, Таврисѣ и Ордебатѣ. Отъ этого послѣдняго винограда, если не въ мѣру поѣсть его, легко получить кровавый поносъ (dysenteriam).

Персидская коринка темножелтоватая, крупнѣе нашей, и лучшая получается изъ Баваната (Bawanat), лежащаго при Гератѣ, и называется кишмишъ (Kischmisch). Кромѣ того, есть еще два необыкновенныхъ вида винограда, подобныхъ которому нѣтъ въ Германіи. Первый Персіане называютъ галлаже (Hallage), ягоды котораго болѣе полутора дюйма въ длину и дюймъ въ ширину, цвѣта темноватаго, съ жесткимъ мясомъ, безъ особой сочности, также безъ зеренъ, и могутъ быть сберегаемы до другого лѣта. Другой необыкновенный видъ винограда есть энкури Аали дереси (Enkuri Aaly deresi); кисти его очень велики, въ полълоктя длиною; ягоды величиной съ Испанскія сливы, темнокрасноватыя, очень сочны, но не могутъ быть долго сберегаемы, и по тому ихъ ѣдятъ только свѣжія; этотъ виноградъ нигдѣ не растетъ, кромѣ какъ въ Иранѣ, и именно только между Ордебатомъ и Ходдафериномъ (Choddaferin); послѣдній есть мостъ, или проходъ, о которомъ

скажу еще въ другомъ мѣстѣ. Отъ чего виноградъ этотъ получилъ свое названіе, Персіане рассказываютъ слѣдующую исторію: Однажды зимою прибылъ въ это мѣсто ихъ великій, святой чудотворъ, и когда его встрѣтилъ сдѣсь виноградарь или садовникъ, то Аали сказалъ ему: «Дай мнѣ поѣсть винограду!» Садовникъ отвѣчалъ, что не возможно сдѣсь достать винограду въ зимнее время; тогда Аали приказалъ ему пойти въ виноградникъ, гдѣ онъ найдетъ его вдоволь. Виноградарь повѣрилъ словамъ Аали, пошелъ въ виноградникъ, и нашелъ тамъ на лозахъ превосходнѣйшія и громадныя виноградныя кисти, какихъ онъ никогда не видывалъ. Отсюда-то этотъ родъ винограда и получилъ свое названіе *Enkuri Aaly deresi*, т. е., виноградъ въ узкой долинѣ Аали.

Д р е в е с н ы е п л о д ы .

Изъ древесныхъ плодовъ у Персіанъ есть всякаго рода, общіе съ нашими, а также и чуждые роды. Между прочими есть одинъ родъ грушъ, называемый ими мелледже (*Melletzö*); груши этѣ растутъ въ Ордебатѣ, цвѣтомъ и наружнымъ видомъ почти похожи на лимонъ; имѣютъ пріятный запахъ, довольно странный вкусъ, и чрезвычайно сочны.

Гранаты, миндаль и фиги или винныя ягоды растутъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но особенно въ дикомъ состояніи въ лѣсахъ и горахъ Гилянскихъ. Дикія гранаты всѣ кислы, и ихъ множество находится около рѣкъ въ Карабахѣ. Персіане вынимаютъ изъ нихъ зерна, высушиваютъ ихъ и продаютъ ихъ въ другихъ мѣстахъ подъ названіемъ нарданъ (*Nardan*) (отъ *Nar* гранатовое яблоко). Зерна этѣ Персіане употребляютъ для того, чтобы сдѣлать свои кушанья темноватыми и кисловатыми; для этого ихъ размачиваютъ въ водѣ и выжимаютъ изъ нихъ сокъ сквозь полотно. Они также вариваютъ и свѣжій сокъ изъ гранатъ, изготовляютъ и сберегаютъ его, подкрашиваютъ имъ обыкновенно на пиршествахъ свое Сарачинское ишено, которому придаютъ тѣмъ и пріятную кислоту. Для такого же употребленія служитъ имъ также и плодъ извѣстнаго у насъ красильнаго дерева (*Sumach*). Персіане вообще охотники до кисловатыхъ соковъ, которые употребляютъ чистыми и въ своихъ кушаньяхъ; по этому изъ нихъ немногіе только подвергаются скорбуту, болѣзни, къ сожалѣнію, у насъ довольно распространенной.

Что касается до остальныхъ древесныхъ плодовъ, каковы наринджъ (Narintz), померанцы, лимоны, мешмешы (Meschmeschi), а прикосы, шаптала (Schafftala) и персики и проч., которые частію разведены и въ нашей странѣ, частію растутъ и воздѣлываются только въ Персіи, то я не считаю нужнымъ много писать о нихъ. Плоды этѣ въ различныхъ мѣстахъ бываютъ различной доброты и достоинства. Персіяне обыкновенно считаютъ, что въ Ештѣ и Касвинѣ растутъ лучшія гранаты, въ Карабазѣ самыя крупныя; въ Испагани лучшія дыни, въ Касвинѣ лучшіе персики, въ Таврисѣ лучшіе априкосы; въ Лагеджанѣ и Киланѣ лучшія шелковичныя деревья.

О шелковичныхъ деревьяхъ и шелковичныхъ червяхъ.

Шелковичныя деревья привожу и исчисляю я по справедливости между садовыми плодовитыми деревьями, по тому что Персіяне имѣютъ цѣлые огороженные сады, засаженные ими. Деревья этѣ суть не что иное, какъ шелковицы или туковыя деревья съ бѣлыми и красными ягодами, которыя Персіяне разсаживаютъ весьма густо и часто, такъ что человѣкъ едва можетъ пройти межъ ними; ихъ не пускаютъ расти выше пяти съ половиной футовъ для того, чтобъ человѣку вездѣ можно было достать и обрѣзывать вѣтви ихъ. Листва ихъ дается въ кормъ шелковичнымъ червямъ. Все производство съ шелковичнымъ червемъ дѣлается слѣдующимъ образомъ: весною, когда тутовое дерево распустится и покроется листьями, Персіяне берутъ съмя шелковичныхъ червей и въ небольшомъ мѣшечкѣ держатъ его подъ мышкою полдня, а иногда и цѣлый день. Въ слѣдствіе теплоты червячки въ сѣмени пробуждаются и выползаютъ вонъ; тогда ихъ помѣщаютъ на листья тутоваго дерева, положенныя на деревянномъ блюдѣ. Къ этѣмъ листьямъ ежедневно подбавляютъ свѣжихъ, при чемъ слѣдуетъ весьма остерегаться, чтобы не попало на нихъ ни какой мокроты, или влаги. На листьяхъ червячки сидятъ и кормятся пять дней, за тѣмъ три дня они уже не ѣдятъ и спятъ. Въ это время они бываютъ уже такой величины, какъ сырныя червячки. Послѣ сна червячковъ помѣщаютъ въ сарайчикъ или устроенныя для того нарочно чистыя покоицы, которыя обыкновенно простираются болѣе въ длину. Въ Киланѣ Персіяне устриваютъ для этого особые домики, на по-

добіе нашихъ кирпичныхъ сараевъ. Балки или брусы вездѣ уложены шахтами или расщепленными жердами, изъ которыхъ у насъ дѣлаютъ обыкновенно обручи, на жерди набрасываютъ цѣлыя вѣтви и пруты со всѣми листьями, на которые сажаютъ шелковичныхъ червей, и каждый день опять прибавляютъ свѣжихъ вѣтвей. Когда же червячки совсѣмъ станутъ большими и будутъ по этому бѣсть много, то свѣжихъ прутьевъ съ листьями подбавляютъ по два и по три раза въ день. Наконецъ червячки принимаютъ видъ гусеницы, и тогда сарайчики, въ которыхъ они помѣщаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть отверстія и доступъ къ червячкамъ, покрываются сѣткой, чтобы птица не поклевала червей.

Въ это время, прежде чѣмъ червячки достигнутъ совершенной зрѣлости и способности прясть, они снова спятъ 8 дней. При этомъ надо хорошенько присматривать, чтобы къ нимъ не касался грязный человѣкъ, или не чистая женщина, иначе они тотчасъ околѣваютъ и какъ бы растаеваютъ, расплываются въ своей собственной влагѣ. Послѣ семи недѣль сидѣнья ихъ на полномъ корму, наступаетъ время пряденья ихъ, и тогда они уже бѣсть не могутъ, а изъ верхняго ихъ отверстія, изъ горла, показывается нитка, которую они слѣпляютъ, и прядутъ изъ нея вокругъ себя помѣщеніица (коконы). Тогда покой или сарай, въ которомъ они помѣщены, крѣпко закрывается, и сторожатъ, чтобы ни чья чуждая рука не имѣла въ него доступа. Черезъ 12 дней покой снова открывается, и тамъ находятъ: сколько прежде было червячковъ, столько и коконовъ (помѣщеніицъ или домишковъ), видомъ и величиною похожихъ на сливу. Наибольшіе изъ нихъ выбираютъ и откладываютъ на племя (сѣмена), остальные же тысячами бросаются въ жестяной котелъ съ горячей водой, въ которомъ отъ того образуется нѣчто въ родѣ соуса или кашницы. Въ этой кашницѣ бьютъ коконы розгами, или особо приготовленной для того метелкой, отъ чего на прутьяхъ этой метелки нацѣпляются нитки, которыя за тѣмъ собираютъ и разматываютъ. Червячки, или коконы, которые оставались отложенными и оказывались въ тонкой кожицѣ, выбрасываются вонъ; тѣ же, которые должны служить для разводу, на племя, выкладываются на столъ и менѣе 14-ти дней вылупливаются (прогрызаютъ личинку), и изъ нихъ выползаютъ бѣлыя бабочки или бѣлыя

капустницы. Самцы и самки бѣгаютъ сдѣсь вмѣстѣ, кладутъ за тѣмъ болѣе чѣмъ по сотнѣ яицъ, величиною въ маковое зерно, послѣ чего оба ложатся и умираютъ. Этѣ яички или сѣмена собираются не въ жаркомъ, но и не въ холодномъ мѣстѣ до слѣдующей весны, когда съ ними поступаютъ прежнимъ же порядкомъ. Великое чудо природы открывается намъ въ этомъ маленькомъ червячкѣ, именно въ его работѣ, въ измѣненіяхъ, которыми онъ подвергается, и наконецъ въ его плодѣ, или произведеніи. Торговля шелкомъ доставляетъ Персіанамъ огромные доходы, и многіе изъ нихъ, особенно имѣющіе по нѣскольку описанныхъ сараевъ, богатѣютъ отъ этѣхъ червячковъ.

Вотъ все о плодахъ, которые сдѣшняя страна доставляетъ своимъ обитателямъ, для содержанія и пропитанія ихъ. Къ этому могутъ быть также причислены нефтяные колодцы при Баку; также превосходнѣйшія соляныя горы и копи (ямы), находящіяся въ разныхъ мѣстахъ страны, какъ, на примѣръ, въ Нахичеванѣ (Nachtschuan), гдѣ добывается лучшая соль и свѣтлая, какъ кристалъ (Sal gemmae). Онѣ находятся также въ Кульбѣ, Урумѣ, Кемрѣ, Гемеданѣ, Бисетунѣ, Сульдусѣ и Килисимѣ (Kilissim).

Разрабатываемыхъ рудниковъ въ странѣ немного, хотя и есть желѣзныя рудныя горы при Масулѣ и Кенджѣ; при Масулѣ добывается и разрабатывается лучшее желѣзо, которое такъ гибко, что даже холодное подъ молоткомъ выдѣляется на малые куски. Хотя между Серабомъ и Міаномъ есть извѣстныя и золотыя и серебряныя мины, но Персіане говорятъ, что разрабатывать ихъ нѣтъ ни какихъ выгодъ: ибо въ мѣстности этой нѣтъ лѣсу для плавки этѣхъ рудъ. Такой же недостатокъ въ топливѣ ощущается и во многихъ другихъ областяхъ. По этому, если даже отыщутся по всѣмъ признакамъ и хорошіе пріиски, то для разработки руды въ нихъ нельзя найти охотниковъ.

Тавръ и нѣкоторыя другія скалистыя мѣстности отъ солнечнаго жара выжжены до черна. Между Пирмарусомъ и Шамахой мы видѣли у дороги одну высокую гору изъ шпата, *Lapidibus Specularibus*, которые на солнцѣ блестяли какъ настоящій алмазъ.

Г Л А В А X.

О происхожденіи и названіи Персіянъ.

Что касается до самыхъ Персіянъ, то я буду описывать такъ, какъ нашелъ ихъ по наружному виду, одеждѣ, природѣ, нравамъ, въ свѣтскомъ и духовномъ состояніи и по другимъ обстоятельствамъ. Въ этой же главѣ скажу я также о томъ, какъ назывались они въ различныя времена.

Геродотъ упоминаетъ (lib. 7, с. 105), что посолъ Ксеркса, Царя Персидскаго, заявлялъ Грекамъ, что они, Персы, ведутъ свое начало отъ Греческаго Князя Персеса (Perses), который былъ сыномъ Персея (Perses), рожденнаго Андромедой, и что, слѣдовательно, они суть происхожденія Греческаго. Амміанъ же Марцелинъ (lib 31, р. 469) говоритъ, что происхожденіе Персіянъ—Скиѣское. Скиѣы всегда славились своимъ воинскимъ искусствомъ и умѣньемъ ловко стрѣлять изъ лука. «Unde etiam Persae, говоритъ онъ, qui originitus Scythae, pugnandi sunt peritissimi». Скиѣами называетъ ихъ и Плиній, въ 6-й книгѣ, главѣ 17-й. Евреи въ древности называли ихъ Эламитами, отъ Персидской области Эламъ (Elam), какъ это видно изъ Пророка Исаи и Дѣяній Апостольскихъ (гл. II, 11). Въ настоящее время они называются также, какъ и въ началѣ, и какъ назывались они у большинства историческихъ писателей и у насъ, Персами (Perser). Нѣкоторые называютъ ихъ и Софіанами (Sofianer), отъ Софи, основателя ихъ секты (Вѣры). Сами же себя Персіяне, въ отличіе отъ Турокъ, которыхъ они именуютъ Суннами (Sunni), называютъ Шай (Schai), отъ Аали (Aaly), котораго они уподобляютъ Шаху. Такое же названіе даютъ имъ и Турки, въ отличіе ихъ Вѣры. Они называются также Кизиль-башами (Kisilbasch), красная голова, каковое названіе дано было имъ вначалѣ Турками, какъ бранное. Теперь же Персіяне сами полюбили это названіе, охотно дозволяютъ называть себя такимъ образомъ и полагаютъ, что въ названіи этомъ скрывается великая тайна ихъ Вѣры и оно доставляетъ имъ великую честь. Я нахожу, что названіе это у нѣкоторыхъ Европейскихъ писателей пишется раз-

лично; такъ его пишутъ: Cuselbas, Quezelbach и Querzelbach. Собственно же оно должно писаться: Kisilbasch, такъ какъ оно есть Турецкое слово, состоящее изъ Kisil, قرل красный, а также и золото, и Basch, باش голова. Большинство писателей именно говорятъ, что это значить красная голова; но весьма немногіе только упоминаютъ о томъ, отъ чего Персамъ дано такое имя. Правда, нѣкоторые писатели говорятъ, что оно произошло отъ красной, съ 12 складками, шапки, которую носятъ Персіане; но отъ чего Персіане, и при томъ отъ чего не всѣ, а только нѣкоторые носятъ красныя шапки, писатели этѣ не упоминаютъ.

Хотя Іовій и пишетъ въ своей Исторіи (Basileae, 1678), lib. 13, p. 236, а заимствуя изъ него, повторяетъ и Бизаръ въ книгѣ 10, на стр. 267, что изобрѣтатель такой шапки былъ нѣкто Техелій (Techellis), ученикъ Гардуэля (discipulus Harduellis), иначе Эйдеръ называемый, но они ошибаются, точно также, какъ и Іовій ошибается въ томъ, что считаетъ Гардуэля основателемъ Персидской секты, и что секта эта возникла будто бы во время Лютера; ибо она существовала уже за долго прежде, какъ это будетъ скоро доказано. По этому онъ справедливо опровергается Минадомъ (Minadoo, lib. 2 Belli Turco-Persici. Francofurti, 1601), p. 531.

Обо всемъ этомъ я хочу представить здѣсь благосклонному читателю настоящее свѣдѣніе, какое я самъ слышалъ отъ свѣдущихъ Персіанъ, и какое частію извлекъ я изъ книгъ на Персидскомъ языкѣ, хранящихся въ Княжеской Готторфской библіотекѣ. Свѣдѣніе это заключается въ слѣдующемъ: Когда Персіане черезъ Софи, основателя ихъ секты, отдѣлились отъ Турецкаго исповѣданія и стали возвышать и почитать Аали выше ложныхъ наслѣдниковъ Магумеда, Омара, Османа и Абубекера, то они захотѣли, чтобы и 12 ближайшихъ потомковъ Аали (имена которыхъ исчислены будутъ ниже, когда будетъ рѣчь о Вѣрѣ Персіанъ) были также почитаемы, какъ ихъ Святые и Имамы. Въ ознаменованіе этого и было установлено, чтобы духовныя лица Персіанъ носили шапки съ 12-ю складками, по прилагаемому здѣсь образцу.¹

¹ См. подлинн. стр. 382, т. е., точь въ точь какъ тыква. О. Б.

Когда же послѣ этого Турки неоднократно ходили войной на Персіянъ, побѣждали ихъ (о чемъ читайте Бизара «De rebus Persicis») и мучили Персидскихъ духовныхъ, которыхъ наиболѣе ненавидѣли они за отпаденіе отъ ихъ Вѣры, то шапки этѣ во многихъ мѣстностяхъ вышли изъ употребленія. За тѣмъ Шахъ Измаилъ Великій снова возсталъ противъ Турокъ, которые заняли уже почти всю Персію. Онъ разослалъ изъ Килана, въ который вынужденъ былъ бѣжать отъ Турокъ, гонцовъ въ главнѣйшія области и города и велѣлъ тамъ объявить опасность, грозящую странѣ и Вѣрѣ ихъ отъ владычества Турокъ, и увѣщевать жителей, чтобы они собрались къ нему и помогли изгнать изъ отечества врага, съ обѣщаніемъ, что если онъ снова получитъ царство свое, освобожденное отъ непріятеля, то всѣ, оказавшіе ему дѣйствительную въ томъ помощь, сдѣлаются на вѣчныя времена съ своими потомками людьми свободными, которые не будутъ облагаемы ни какою податью. Это воззваніе понравилось Персіянамъ, они поспѣшно собрали войско въ триста тысячъ человекъ, сдѣлали первое нападеніе на Ардебиль, гдѣ основатель ихъ секты, Шахъ-Софи, почтенъ былъ гробницею, и выгнали оттуда Турецкій гарнизонъ, безъ сопротивленія. Сдѣсь области составили съ Царемъ союзъ, отдать свое имущество и кровь за Вѣру ихъ и Царя. Въ знакъ этого Царь приказалъ изготовить описанныя выше шапки съ 12-ю складками, означавшія 12 ихъ Имамовъ, и одарилъ ими войновъ. Но такъ какъ нельзя было тамъ тотчасъ найти запасъ краснаго сукна, то одинъ бачмачникъ въ Ардебиль сдѣлалъ первыя 12 шапокъ изъ краснаго сафьяну и подарилъ ихъ Царю, который и роздалъ ихъ важнѣйшимъ изъ Офицеровъ; послѣ этого всѣ уже, кто только участвовалъ въ этой Измаилитской войнѣ, носили такія шапки. Когда Турки увидѣли на войнахъ красныя шапки, то и прозвали Персіянъ красноголовыми, *Kisilbasch*. Шапки этѣ должны быть краснаго цвѣта, означая золотую корону, которой весьма былъ достоинъ Аали, считавшійся Персіянами за близко-родственнаго съ божествомъ и называемый ими Шахомъ, или Царемъ. Отсюда такія шапки назывались у нихъ тачъ (*Tatsch*), — корона. Персіяне по этому бываютъ очень довольны, когда ихъ называютъ красными или золотыми головами. Оставшіеся и понынѣ потомки Аали носятъ подобныя же шапки; но онѣ обматываются обыкновенно особой повязкой и называются такіе (*Takie*).

Но подобно тому, какъ въ настоящее время не всѣ Персіяне, но только не многіе изъ видѣнныхъ нами, и именно только потомки упомянутыхъ выше союзниковъ поколѣнія Софи (Suffian) и Аали, носятъ такія шапки, точно также и не всѣ Персіяне называются безразлично Кизильбашами (Kisilbasch), но только именно сказанные потомки. Кромѣ того, названіе это носятъ и Царскіе тѣлохранители и важнѣйшіе изъ воинскихъ прислужниковъ при Царскомъ дворѣ, и за тѣмъ Курджи (Kurtzi), стрѣлки изъ лука. Царскіе тѣлохранители изъ рода товарищей союза цѣнятся, ради мужества и вѣрности предковъ ихъ, также высоко, какъ и Швейцарцы при Императорскомъ Римскомъ Дворѣ.

ГЛАВА XI.

О видѣ и сложеніи Персіянъ.

Что касается до вида и сложенія Персіянъ, то они росту средняго. Ксенофонтъ (Basileæ, 1572) въ своей Рѣчи de Agesilao, на стр. 518, говоритъ, что Персіяне въ его время вообще были тучны. Амміанъ же Марцелинъ (Hamburg, 1609) пишетъ противное: «*Graciles fere sunt omnes, subnigri et livido colore pallentes,*» и это повторяетъ онъ и въ книгѣ 24, на стр. 303. Я держусь теперь свѣдѣтельства Марцелина и нахожу, что большинство Персіянъ худощавы, но крѣпки членами (крѣпкаго сложенія); лицомъ темножелтоватые и имѣютъ вообще ластебиныя съ горбиной носы. Такой носъ былъ у Кира, и по тому Персіяне всѣ любятъ изогнутые съ горбиной носы.

Мужчины гладко брѣютъ волосы на головѣ, именно черезъ каждые 8 дней. По этому у нихъ нѣтъ того, что пишетъ Сенека въ 124 письмѣ: «*Parthorum crines effluere,*» т. е., они носили длинные волосы. Это могло относиться только къ Сеидамъ (Seid), потомкамъ Магумеда, которые носили на головѣ длинные волосы, такъ какъ такіе носилъ и Магумедъ. Но Персіяне носятъ за то длинные, висящіе въ низъ, усы, и чѣмъ длиннѣе они могутъ

отпустить ихъ, тѣмъ болѣе это нравится имъ. Подбородокъ они также брѣютъ, за исключеніемъ ихъ Пировъ (Рубъ), старухъ, святыхъ людей, которые измощаютъ тѣло свое воздержаніемъ въ пищѣ и питіи, постоянно молятся и представляютъ собой добрый примѣръ благочестія; этѣ люди отпускаютъ длинныя и широкія бороды и бакенбарды, подобно Русскимъ, и такія бороды у нихъ въ большомъ почетѣ.

Есть еще особый родъ людей въ Персіи, которые никогда не подстригаютъ усовъ, но отпускаютъ ихъ длинными, висящими черезъ ротъ, такъ что люди этѣ, также какъ и наши бѣдные крестьяне, только черезъ усы этѣ и могутъ хлебать питье. Люди этѣ называются Суффи (Suffi), и говорятъ, что Аали носилъ такіе длинные висячіе усы, а въ честь его и они должны отпускать такіе же усы.

Причину же, по которой Аали носилъ длинные усы, Персіане объясняютъ слѣдующимъ баснословнымъ сказаніемъ: Когда Магумеда потребовали къ Богу на небо (о чемъ говорится въ Алкоранѣ его, Азоага 27), то Аали тоже поднялся за нимъ туда, и тамъ этого послѣдняго не хотѣли было сначала впустить, когда онъ постучался у воротъ неба. Но Аали сказалъ: «Это стучится Schir Chodda, Божій Левъ», по этому его пустили, и тамъ онъ увидѣлъ, какъ Ангелы угощали Магумеда драгоценнымъ напиткомъ. Когда же и ему, Аали, поднесли полную чашу того напитка, то онъ обмочилъ въ этой дорогой влагѣ свои усы; стало, съ его стороны было бы грѣхомъ, если бъ онъ послѣ того остригъ, или утратилъ хотя бы одинъ волосъ изъ своихъ усовъ. Басня эта находится въ Персидской «Долинѣ розъ», на стр. 89.

Рыжихъ волосъ Персіане рѣшительно терпѣть не могутъ, не долюбиваютъ также и сѣдыхъ волосъ, но чрезвычайно уважаютъ черные какъ смоль волосы, въ слѣдствіи чего у нихъ въ обычаѣ и въ большомъ ходу красить волосы. Для этого они берутъ траву съ сѣменемъ, которую называютъ они весме (Wesme) и привозятъ изъ Вавилона. Трава эта въ сборникахъ травъ очень похожа на Securidaca, если только не есть она самая; Персіане крошутъ ее мелко, примѣшиваютъ къ ней гранатовую корку, нѣ-

сколько мыла и желтаго мышьяку, варятъ все это въ водѣ, и такимъ настоемъ мажутъ волосы. За тѣмъ они снова обмываютъ ихъ щелокомъ, въ которомъ разведена негашеная известь. Они собираютъ также весною влагу, вытекающую изъ подрѣзанныхъ виноградныхъ розъ, и жидкостью этой смачиваютъ мужчины свои усы, а дѣвицы волосы (которые они носятъ заплетенные въ нѣсколько косъ, спереди и сзади длинно ниспадающихъ по спинѣ и плечамъ), полагая, что отъ этого будутъ расти длинные и черные волосы.

У Персіянъ также въ большомъ употребленіи, равно какъ и у всѣхъ Турокъ (какъ свидѣтельствуетъ о томъ Geuffracus, lib. 2, «De Religione et cerem. Turcarum. Basileae 1573, pag. 63), красить руки красножелтой краской; нѣкоторые же красятъ ею только одни пальцы и ногти. Такіе ногти похожи на ногти нашихъ кожевниковъ. Другіе красятъ всѣ руки и ноги, и у Персидскихъ невѣстъ это составляетъ необходимое украшеніе. Такая краска на свадьбахъ даже открыто выставляется и удѣляется гостямъ. Краской этой нѣкоторые красятъ и трупы, особенно дѣвицъ, что бы онѣ могли показаться изящно убранными для двухъ Ангеловъ, ихъ *examinatoribus* въ гробу (о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже, при описаніи погребенія умершихъ). Сказанная краска добывается изъ растенія, которое они называютъ хинне (*Chinne*); листья этого растенія почти такія же, какъ зелень сладкаго дерева, или, еще ближе, какъ у мирты. Сѣется оно и собирается въ области Эракъ. Для употребленія его высушиваютъ, трутъ мелко, какъ муку, смачиваютъ сокомъ кислаго граната, или лимона, или же только негодною водою, и смѣсью этой мочатъ руки. Если хотятъ потемнѣе окрасить руки, то нѣкоторые трутъ ихъ для этого посильнѣе свѣжими кистями изъ Волошскаго орѣха. Краска эта остается цѣлые 14 дней, хотя бы ежедневно умывались водою.

Г Л А В А XII.

Объ одеждѣ Персіянъ, именно мужской.

Что касается до одежды Персіянъ и того, какими они представляются въ ней, то объ этомъ хотя кратко, но вѣрно и хорошо говоритъ Амміанъ Марцелинъ слѣдующее (pag. 279, *Hamburgi*, 1609): «*Persae adeo dissoluti sunt, ut artuum laxitate, vagoque incessu jactantes se, ut effaminatos existimes, cum tamen sint celeberrimi bellatores*». Одежда виситъ у нихъ вокругъ тѣла распущенное и небрежно, и издали мужчины кажутся въ нихъ женщинами; ходятъ они, покачиваясь, словно гуси, со стороны на сторону, особенно же ихъ женщины, и я мало видѣлъ Персіянъ, которые бы имѣли важную и почтенную походку. Я полагаю, что это происходитъ отъ ихъ образа сидѣнья; ибо всѣ они, какъ портные во Франціи, сидятъ на землѣ, поджавши подъ себя и положивши ноги одна на другую, въ слѣдствіе чего они еще съ дѣтства привыкаютъ не прямо опираться на бедра. Отъ чего же Персіяне пришли къ употребленію такой полуженской одежды, о томъ сообщаетъ свѣдѣніе Діодоръ (Нанновіае, 1604), во 2-й книгѣ, на стр. 94, будто одежда эта введена была Семирамидой, и случилось это такимъ образомъ: однажды, когда Царь Нинъ воевалъ съ Бактріянами, и осадилъ главный городъ ихъ, Бактры, то между другими знатными начальниками онъ имѣлъ при себѣ и Менона, Правителя Сирійскаго. У этого Менона была чрезвычайно красивая и отменно умная жена, по имени Семирамида (бывшая въ послѣдствіи женою Царя Нина и построившая Вавилонскія стѣны), и такъ какъ осада затянулась долѣе, чѣмъ предполагалось, то нетерпѣливый въ любви Менонъ вынудилъ къ себѣ въ станъ жену свою. Для того же, чтобы она безопаснѣе совершила свое къ нему путешествіе, на которое требовалось нѣсколько дней, онъ приказалъ ей сдѣлать и надѣть особое платье, по которому нельзя было бы узнать, мужчина ли то, или женщина. Когда она прибыла въ станъ и когда, по ея мудрому совѣту, осажденный городъ скоро былъ взятъ, то она вошла у всѣхъ (по тому еще, что была и чрезвычайно красива) въ великое уваженіе, и такъ какъ всѣ находили при этомъ, что и одежда ея также способна украшать, то Мидяне, равно какъ и

Персы, начали подражать ей и въ одеждѣ. «Tantaque vestis gratia erat, говорить онъ, ut Medi postea et Persae Asia potiti, Semiramidis stolam gestarent». Позднѣ Царю Кирю, по извѣстнымъ причинамъ, тоже понравилась такая одежда, и онъ совѣтовалъ носить ее своимъ людямъ; ибо она придавала красивый и величественный видъ и ею ловко можно было скрыть тѣлесный недостатокъ, что подробнѣе можно читать у Ксенофонта въ 8-й книгѣ, на стр. 168 (Basileae, 1572). Обозримъ одежду Персіянъ по порядку.

Мужчины носятъ на головѣ большія толстыя повязки (чалмы) изъ бумажныхъ и ситцевыхъ платковъ, обмотанныхъ одинъ на другомъ, и повязки эти называются мендиль (Mendil); ткутся платы эти обыкновенно съ пестрыми полосами, и нѣкоторые изъ нихъ прошиты золотыми нитками; длиною они обыкновенно въ 16 — 18 локтей. У духовныхъ лицъ, особенно же у Гафисъ (Hafis), повязки вообще бѣлыя, равно какъ и остальная одежда ихъ. Нѣкоторые оставляютъ позади у мендила конецъ, висящій въ полъ локтя, другіе же не дѣлаютъ этого. Севиды (Seid), т. е., тѣ, которые славятся происхожденіемъ отъ Магумеда и считаются его потомками, носятъ такіе концы только зеленого цвѣта, или должны носить только такіе, хотя нѣкоторые, изъ угожденія придворному обычаю, перестаютъ носить ихъ. Нѣкоторые Персіяне, даже великіе господа, носятъ мохнатыя шапки, внутри и снаружи обложенныя курчавымъ, Бухарскимъ бараньимъ мѣхомъ. На обшивкѣ этихъ шапокъ мѣхъ виситъ длиною съ палецъ, и шерсть этого мѣха на ощупь мягкая, какъ шелкъ; шапки эти также высоко цѣнятся, какъ у насъ бобровыя шляпы, и за такую шапку, если она красива, надо заплатить 50 Любецкихъ марокъ или 16 рейхсталеровъ слишкомъ. Описанные мендили и шапки Персіяне носятъ зимою и лѣтомъ, и удивительно какъ могутъ они въ сильные лѣтніе жары держать такъ тепло голову въ такихъ мендилахъ и шапкахъ. Такъ какъ головы ихъ привыкли къ этому, то они становятся у нихъ мягковаты (изнѣженны), не могутъ долго оставаться открытыми и совершенно не въ состояніи выносить ни малѣйшаго прохладнаго воздуха. Сдѣсь приведу я то, что пишетъ Геродотъ въ 3-й книгѣ, а именно: однажды Персіяне вѣли съ Египтянами такую жестокую битву, что съ обѣихъ сторонъ на городскомъ валу осталось множество убитыхъ;

кости убитыхъ каждымъ изъ этихъ народовъ сложены были въ отдѣльныя мѣста; но такъ какъ съ теченіемъ времени нѣкоторые черепа переимѣнялись другъ съ другомъ, то различали ихъ только по тому, что черепа Персіянъ были такъ мягки и хрупки, что ихъ можно было пробить небольшимъ черепкомъ и легко раздробить; черепа же Египтянъ были такъ тверды, что ихъ едва можно было разбить большимъ крѣпкимъ камнемъ. Геродотъ самъ видѣлъ эти черепа и слышалъ отъ жителей этого мѣста объясненіе причины такого явленія, именно, что черепа Египтянъ крѣпки будто отъ того, что съ дѣтства они брили головы свои, такъ съ непокрытыми головами ходили на солнцѣ, отъ чего и головы ихъ затвердѣли отъ солнечнаго жара. Черепа же Персіянъ мягки и хрупки по тому, что Персіяне постоянно кутаютъ свои головы въ теплыхъ Tiaris, или мѣдиляхъ, и шапкахъ. Такія шапки и повязки они не снимаютъ, ни когда молятся, ни при встрѣчѣ съ знатными, ни даже съ самимъ Шахомъ. По этому у нихъ теперь не въ обычаѣ уже, что пишетъ Евстахій (Eustathius) in Dionys. de situ orbis, именно, что если Персы хотятъ привѣтствовать кого, то снимаютъ съ головы повязку; вмѣсто этого они теперь только кланяются и прикладываютъ руку къ сердцу. Они носятъ длинныя, до лядвей достигающіе, кафтаны изъ бумажной и шелковой матеріи разныхъ пестрыхъ цвѣтовъ. Бумажные кафтаны ихъ вообще украшены набивными или нарисованными цвѣтами; а по тому справедливо въ этомъ отношеніи говоритъ Аммианъ на стр. 280: «Indumenta lumine colorum fulgentia vario». Кафтаны эти выстегиваются на хлопчатой бумагѣ, подобно нашимъ тюфякамъ, напередѣ закидываются пола на полу и завязываются подъмышкой лѣвой руки. На бедрахъ Персіяне повязываются особымъ платкомъ или поясомъ, называемымъ джаркеси (Tzarkesi); по тому что онъ бываетъ длиною въ 4 локтя. Если же чуть дозволяютъ достатки, то сверхъ этого они опоясываются еще другимъ, щегольскимъ шелковымъ поясомъ, который они называютъ шалью (Schal). Шали эти, равно какъ и платы на мѣди, покупаются Индійскія, которыя вообще лучше и красками прочнѣе, чѣмъ Персидскія. Молла или Священникъ Персидскій, если носить такой поясъ, то снимаетъ его, когда стоитъ предъ алтаремъ, или готовится къ молитвѣ, въ знакъ своего смиренія предъ Богомъ. За такими поясами Персіяне носятъ иногда кин-

жалъ, ножъ, носовой платокъ, деньги, а если это писарь, то и всѣ письменныя принадлежности, точильный камень, а также и письма, подобно тому, какъ Русскіе носятъ все это въ сапогахъ. Поверхъ описаннаго кафтана Персіане познатѣе, а также и самъ Шахъ, носятъ еще короткіе плащи или капишоны, называемые курди (Kurdi), достигающіе только до бедеръ; плащи этѣ безъ рукавовъ, спереди отвороты у нихъ обложены, или обвѣшены до низу соболемъ, какъ у насъ женскія шубки. Когда Персіане выходятъ куда, или выѣзжаютъ верхомъ, то посверхъ такой одежды надѣваютъ еще одинъ кафтанъ, обыкновенно шелковый, шитый золотыми цвѣтами; кафтанъ этотъ называется Якубъ Кани (Jakub Sahni), по имени того Шаха, который первый сталъ носить и ввелъ въ употребленіе его. Штаны у нихъ изъ бумажной матеріи, подъ колѣнами сѣживаются, достигаютъ до щиколотки, надѣваются прямо на голое тѣло и шнуромъ собираются въ складки; чулки они носятъ суконные, скроенные безъ всякаго фасону, по чему всегда спускаются и мотаются около ногъ. Многіе Персіане носятъ чулки изъ зеленого сукна, что приводитъ въ негодованіе Турокъ, и составляетъ также остатокъ несогласія въ ихъ Вѣрахъ. Турки говорятъ, что Магумедъ носилъ шапку изъ зеленого сукна, а этотъ цвѣтъ Персіане безчестятъ, нося его на ногахъ. Башмаки у Персіанъ, кефсъ (Kefs), остроносые, съ низкими задками, такъ что они надѣваютъ ихъ, какъ мы наши туфли, легко и прямо, и тотчасъ снова могутъ снять ихъ. Если они хотятъ походить, или посидѣть у себя въ комнатахъ, то всегда снимаютъ башмаки и ставятъ ихъ у двери. Я часто удивлялся, когда въ Шамахъ ходилъ бывало къ Хану, и онъ засѣдалъ въ Судѣ, какое множество паръ башмаковъ всегда стояло тамъ у двери: точно тамъ была башмачная лавка. Къ башмакамъ обыкновенно приставляется сторожъ, который, когда посѣтителы выходятъ, подаетъ имъ башмаки особой палочкой, сдѣланной на подобіе вилки.

ГЛАВА XIII.

Объ одеждѣ женщинъ.

Одежда женщинъ еще легче мужской; онѣ не опоясываются вокругъ тѣла, штаны и рубахи носятъ по образцу мужчинъ; чулки у нихъ большею частію изъ краснаго и зеленаго бархата; на головѣ онѣ не носятъ ни какихъ особенныхъ украшеній, но заплетаютъ волосы въ косы, которыя и висятъ у нихъ спереди и сзади. Вокругъ щекъ и подбородка онѣ надѣваютъ рядъ, или два, жемчуга, или пряжки, такъ что у нихъ почти все лицо завѣшено жемчугомъ и пряжками, какъ это можно видѣть, съ изображеніемъ и остальной Персидской одежды, на прилагаемомъ при семъ рисункѣ.¹ Я полагаю, что подобный жемчугъ и пряжки были весьма древнимъ Восточнымъ украшеніемъ, ибо на нихъ указывается въ высокой пѣснѣ Соломона, именно тамъ говорится: твои ланиты прекрасно окаймлены пряжками, и шея твоя въ цѣпяхъ.² Дѣвицы носятъ также въ правой ноздрѣ кольца, съ драгоценными каменьями, подобно описаннымъ выше Татарамъ; пальцы свои онѣ украшаютъ кольцами, а руки широкими, изъ листоваго серебра выбитыми, браслетами. Кольца же, которыя носятъ на пальцахъ мужчины, должны быть, по закону Магумеда, не золотыя, а только серебряныя; по этому-то Государственный Канцлеръ, Сару Тагги (Taggi), когда наши Посланники подарили ему прекрасный брильянтовый золотой перстень, тотчасъ же приказалъ вынуть брильянтъ изъ золота, вдѣлать его въ серебряное кольцо, и въ такомъ видѣ поднести его въ даръ Шаху. Женщины, выходя на улицу, лица не показываютъ и покрываются

¹ Подлин. стр. 485. О. Б.

² Греч. (Polyglotten-Bibel, v. Stier u. Theile; Bielefeld, 1854) гл. 1, ст. 10: *Τὶ ὠραιώθησαν σιαγόνες σου ὡς τρυγόνες, τράχηλός σου ὡς ὀρμίσκος*. Тоже Греч. по 70, изд. Тишендорфа (Lipsiae, 1850): *Τὶ ὠραιώθησαν σιαγόνες σου ὡς τρυγόνες, τράχηλός σου ὡς ὀρμίσκος*. Вульгата: *Pulchrae sunt genae tuae sicut turturis, collum tuum sicut monilia*. Нѣмецк. у Лютера: *Deine Backen stehen lieblich in den Spangen, und dein Hals in den Ketten*. Славян., 1, 9: что украшени ланити твоя яко горлицы, выя твоя яко монисты. О. Б.

длиннымъ, съ головы до лядвѣй висящимъ на нихъ, бѣлымъ покрываломъ, оставляя только у лица небольшую прорѣху или отверстіе, черезъ которое едва только могутъ видѣть куда ити. Подъ такими покрывалами скрываются часто прекрасныя, а иногда подъ изящными покрывалами и отвратительныя лица. Что случилось однажды со мною въ Ардебилѣ въ этомъ отношеніи, я рассказалъ въ моей Персидской «Долинѣ розъ», при 56-й пословицѣ въ 8-й книгѣ. Богатый мыслію, Персидскій поэтъ Шихъ-Саади (Schich Saadi) пользуется этѣмъ обычаемъ покрывать лицо, для сравненія, въ описаніи челоуѣка, который на словахъ и въ движеніяхъ кажется и хорошъ, но если разсмотрѣть его жизнь и поступки, то найдешь совсѣмъ другое. Стихъ его объ этомъ заключаетъ слѣдующее:

پس قیامت خوشکه زبر جادر بلند
چون بانرکی مادر بلند . . .

«Многихъ считаютъ красавицами, когда они закутаны въ покрывало; но когда онѣ снимутъ его, то смотреть точно старыя мамоньки.»

Достоинъ похвалы въ Персіанахъ то, что они очень опрятно и чисто держатъ какъ свои покои, такъ и одежду. У знатныхъ людей хоть немного запацкается, или замазается чѣмъ платье, они тотчасъ же его оставляютъ; простодушны же почти еженедѣльно моютъ свои одежды, что совершенно противоположно обыкновенію Русскихъ; ибо у этѣхъ послѣднихъ болѣе грязныя, и блестящія отъ пятенъ, чѣмъ чистыя платья, точно также какъ и избы Русскихъ простодушиновъ далеко не такъ чисты, какъ Персидскія конюшни.

Чистота же одежды соразмѣрна съ чистотою природы, Сенека очень хорошо говоритъ объ этомъ въ 379 письмѣ (ed. Antverpiæ, 1605): «*Mundae vestis electio appetenda est homini; natura enim homo est mundum et elegans animal*». Должно любить чистую одежду, ибо челоуѣкъ отъ природы есть чистое и красивое животное; *quod de veste dixi* (пишетъ онъ далѣе весьма умно), *idem de corpore me dixisse existima. Nam hoc quoque natura ut quandam vestem animo circumdedit, valamentum ejus est*. Что сказалъ я

объ одеждѣ, то желаю, чтобы разумѣли и о тѣлѣ, которое есть такая одежда и покровъ души, чтобы и въ ней не было ни какого грязнаго обычая и порока, въ чемъ Персіяне, впрочемъ, оказываются очень несостоятельны, какъ это мы скоро увидимъ.

Г Л А В А XIV.

О внутренней природѣ и правахъ Персіянъ.

Персіяне отъ природы одарены отличными способностями и хорошимъ разсудкомъ, остроумны и любознательны, отъ этого между ними есть много превосходныхъ поэтовъ, которые пишутъ возвышенныя творенія и вообще держатъ свободныя искусства на высокой степени. Нравомъ они не горды, такъ чтобы презирать своихъ ближнихъ, но ласковы и общительны, обращаются со всѣми, особенно съ иностранцами, весьма дружески; въ разговорахъ употребляютъ особую вѣжливость и благорасположеніе; такъ, на примѣръ, если они приглашаютъ кого къ себѣ въ домъ, то говорятъ: «Удостой облагородить домъ мой своимъ присутствіемъ»; также: «Я предаю себя тебѣ въ жертву»; или: «Повергаюсь къ стопамъ твоимъ; арачекъ глазъ моихъ отдаю, чтобъ онъ послужилъ тропинкою для ногъ твоихъ» и проч. и проч. Такимъ образомъ они умѣютъ, также какъ Французы, и даже еще лучше, ввертывать изысканныя и льстивыя слова; но, какъ справедливо замѣчаетъ Амміанъ Марцеллинъ, въ приведенномъ уже неоднократно мѣстѣ, слова эти часто бываютъ только пустою скорлупой, *«abundantes sunt verbis inanibus»*.

Вспомнилъ я при этомъ, какъ разъ одинъ Персіанинъ пришелъ къ нашему врачу жаловаться на сильную боль въ яшкахъ, думая, что у него камень, и просилъ лѣкарства, а когда тотъ помогъ ему, то онъ предлагалъ врачу свою голову; когда же я замѣтилъ: «Какая же тебѣ польза, что ты здоровъ, если сейчасъ же долженъ будешь отдать голову?» онъ отвѣчалъ: «По этому-то я и не сдѣлаю этого, а это только такъ говорится у насъ».

Дѣписатели обыкновенно дѣлають упрекъ Персамъ, что они скупы на правду, и даже считаютъ почти за простока того, кто всегда говоритъ истину. У нихъ вовсе не считается оскорбленіемъ говорить другъ другу: «*Drugh mikui*», или по Турецки: «*Galan dierfen*», т. е., ты говоришь неправду, ты лжешь. Гонорій, тотчасъ въ началѣ своего «*Tractatus de statu Regni Persici*» (*Thesaurus politicus. Francosurti, 1617*) говоритъ: «*Eae nationes sunt natura mendaces*»; также Гораций, lib. 2. *Epistol*: «*mendatior Parthis*»; и Юстинъ, lib. 41, с. 3: «*Fides dictis promissisque nulla, nisi quatenus expedit*». Они мало исполняютъ слово, развѣ когда видятъ въ томъ свою выгоду. Но въ древнія времена это было не такъ. Геродотъ пишетъ, въ 1-й книгѣ, § 138: «*Turpissimum apud Persas ducitur mentiri, secundo loco, aes alienum, debere tum ob alias multas causas, tum quod necessum sit eundem, qui debet, mendacio quoque obnoxium esse*».

Ложь считалась у нихъ главнѣйшимъ порокомъ и дѣлала лжеца какъ бы должникомъ другого; кромѣ разныхъ другихъ причинъ, считалась такъ главнымъ образомъ по тому, что должникъ обыкновенно пробивается (помогаетъ себѣ) ложью. Юношей своихъ они также наставляли главнымъ образомъ въ слѣдующихъ 3-хъ вещахъ: крѣпко держаться и ѣздить на лошади, употреблять лукъ и стрѣлы и говорить правду, какъ это можно читать у Геродота въ 1 кн., § 136.

Въ то время, по ученію Платона, у Персіанъ не могло быть и никакихъ врачей; ибо въ 3 книгѣ «*De Republica*» (*Lugduni, 1590, p. 433*), онъ говоритъ, что однимъ только врачамъ лгать не запрещается. Можетъ быть, Персіане унаслѣдовали ложь съ Греческой Монархіей и научились лгать отъ Грековъ, которые въ отношеніи къ правдѣ, вѣрности и вѣрѣ, всегда пользовались дурной славой.

Но Персіане пребываютъ вѣрны другъ другу, если заключаютъ между собой особую дружбу; ибо у нихъ есть обычай вступать въ союзъ другъ съ другомъ и на все время ихъ жизни держать вѣрную дружбу и братство; дѣлается же это у нихъ, не такъ какъ у насъ, за попойкой и посредствомъ питья другъ съ другомъ, но слѣдующимъ образомъ:

Такъ какъ Персіяне даютъ большое значеніе фамиліямъ и родамъ, то всѣ, достигшіе совершеннолѣтія, мужчины ежегодно собираются однажды вмѣстѣ, бесѣдуютъ о своихъ состояніяхъ и потѣшаютъ себя пирушкою. Если окажутся сдѣсь между ними такіе, которые пожелаютъ питать другъ къ другу особую любовь и заключить между собою вѣчную дружбу, то они говорятъ: «Будемъ братьями». Это случается большею частію между двумя парами. А такъ какъ братья должны имѣть и отца, то они выбираютъ изъ остальныхъ еще одного, къ которому имѣютъ полное довѣріе, подходятъ къ нему, хватаютъ его за край кафтана и говорятъ: «Мы выбираемъ тебя въ нашего Бабба, или отца!» и тотъ отказываться не можетъ. Тогда этѣ трое идутъ впередъ и отправляются къ Калифу (Kalife), котораго имѣетъ у себя каждый родъ, цѣлуютъ у него руку, въ знакъ своего союза, и испрашиваютъ у него благословенія; для этого каждый ложится, одинъ за другимъ, животомъ на землю, сперва отецъ, а потомъ братья, и Калифъ ударяетъ каждого изъ нихъ посохомъ по спинѣ три раза, произнося, за первымъ ударомъ: «Алла!» за вторымъ: «Магумедъ!» и за третьимъ: «Аали!» За тѣмъ отецъ съ братьями цѣлуютъ посохъ, чѣмъ и связуется союзъ дружбы. Этѣ братья крѣпко и вѣрно живутъ другъ съ другомъ, даже болѣе, чѣмъ кровные братья, и говорятъ, что въ будущей жизни они прежде и блаженнѣе соединятся, чѣмъ кровные братья; ибо они были духовными братьями. О такой дружбѣ, что она должна соблюдаться нерушимо, и что скорѣе можно надѣлать другіе большіе грѣхи, чѣмъ измѣнить ей, Персіяне сложили пословицу, которую, впрочемъ, они часто повторяютъ, говоря и объ обыкновенной дружбѣ, а именно:

Mei buchur munber bussusan oteschi ender chirkhe sen,
Sakini but chane basch merdum asari mekun.

Пей вино, зажги въ церкви каведру, подпали кафтанъ Абдаллы, дозвожь себѣ войти въ капище идолопоклонниковъ (все это грѣхи, высшей степени воспрещаемые), но только не оскорбляй друга твоего!

Если случится, что между такими братьями возникнетъ большое неудовольствіе, то они должны примириться снова открыто

на собраніи въ слѣдующемъ году; тогда считающій себя обиженнымъ приходитъ къ двери обидчика, печально опустивъ внизъ руки и голову, стоитъ тамъ до тѣхъ поръ, пока обидчикъ трижды не пригласитъ его къ себѣ въ домъ. Послѣ этого они идутъ вмѣстѣ въ собраніе, отдають тамъ себя на судъ, и кто изъ нихъ окажется болѣе виновнымъ, тотъ обязанъ, ради примиренія, задать пирушку, на которой братьевъ снова благословляютъ, какъ и въ первый разъ.

Вообще же Персіане склонны на доброе дѣло, благодарны къ тѣмъ, которые подарили имъ что либо, но и страшны въ отношеніи къ своимъ оскорбителямъ. Они также храбры, дають изъ себя добрыхъ воиновъ, и часто отваживаютъ жизнь свою на видимую опасность. По наружному виду они тоже скромны и стыдливы: «Nec stando mingens, nec ad requisita naturae sedens facile visitur Persa», справедливо говоритъ Амміанъ Марцеллинъ въ приведенномъ уже неоднократно мѣстѣ, т. е., не легко увидѣть Персіанина, отправляющаго свою малую нужду; для этого они всегда садятся на корточки, и за тѣмъ обмываютъ уды (pudenda) и пальцы. По этому на свадьбахъ ихъ и пирушкахъ, въ сокровенныхъ мѣстахъ, всегда уже стоитъ нѣсколько кувшиновъ съ водой. Посему также, когда они проходятъ мимо проточной воды, или рѣки, къ которой можно подойти, то всегда почти присаживаются подлѣ, отъ чего Турки ради брани называютъ ихъ херъ-шагемъ (Cher Schahei), т. е., ослами Шаха (именно Аали); ибо оселъ, переходя черезъ рѣку, всегда мочится. Въ противоположность этому Персіане называютъ Турокъ секюнни (Seksünni) за то, что они, подобно собакамъ, мочатся на стѣну, что обыкновенно дѣлають Турецкіе воины и простолюдины. Знатные же и почтенные люди также присаживаются для этого на корточки. Сдѣсь упомяну еще слѣдующее: ни Персіанинъ, ни Турокъ, для отправленія своихъ надобностей, отнюдь не присядеть, обратившись спиною, или лицомъ на полдень, по тому что они обращаются туда лицомъ во время молитвы.

ГЛАВА XV.

О великомъ любодѣіи въ Персіи.

Въ сладострастіи и нецѣлоумдріи Персіяне ни на волосъ не уступятъ ни какому другому народу; ибо, кромѣ того, что они имѣютъ по нѣскольку женъ, они сильно предаются и любодѣіству. Во всѣхъ городахъ (за исключеніемъ Ардебиля) содержатся открытые дома терпимости, покровительствуемые и Правительствомъ. Когда мы стояли въ Шемахѣ, и одинъ изъ нашихъ солдатъ, побывши въ такомъ мѣстѣ, не уплатилъ слѣдуемаго, то на него подана была жалоба Хану. Ханъ же прислалъ къ нашимъ Посланникамъ съ просьбою заставить солдата уплатить. Ибо Кабехъ (такъ называются по Турецки непотребныя женщины) платитъ большую подать, то справедливость требуетъ, чтобы онѣ получали свое.

О томъ, какъ потѣшаются такими общественными женщинами на пирушкахъ, сказано мною уже выше, въ 44-й главѣ 4-й книги. Кажется, что у Персіанъ это былъ древній обычай. Такъ, когда однажды Аминта, Царь Македонскій, на одной пирушкѣ роскошнѣйшимъ образомъ угостилъ Персидскихъ Пословъ, то Послы этѣ пожелали еще дѣвицъ, говоря: «*Nobis Persis consuetudinis est, quoties magnam exhibuimus coenam, tunc etiam concubinas ad assidendum introducere*», то есть, такъ какъ Царь угостилъ ихъ богатѣйшимъ образомъ, недостаетъ еще только того, чтобы приказалъ онѣ, по обычаю Персовъ, доставить имъ и дѣвицъ. Когда же, для того чтобъ хоть нѣсколько исполнить ихъ желаніе, привели на пиръ нѣсколькихъ женщинъ и посадили ихъ насупротивъ Пословъ, то этѣ послѣдніе заявили, что отъ этого только больно глазамъ ихъ; почему просили, для того чтобы поласкать женщинъ, имъ дозволено было перейти на ихъ сторону; хотя и въ этомъ имъ также дано было согласіе, но какъ произошло далѣе самое возлежаніе, и какъ Послы должны были воротиться домой безъ головъ, подробнѣе обо всемъ этомъ можно читать у Геродота, въ книгѣ 5-й, гл. 19, стр. 296 и слѣд.

Шахъ Сефи самъ содержалъ нѣсколько такихъ женщинъ, которыя часто прислуживали ему для забавы, но только плясками и скоморошествомъ, какъ говорили онѣ. По этому такія женщины должны быть не только красивы, но искусны какъ въ пляскѣ, такъ и во всякаго рода забавныхъ представленіяхъ.

Такихъ женщинъ и нынѣ возитъ Шахъ съ собою и въ походъ, подобно тому, какъ дѣлали это искони древніе Цари. Царь Дарій возилъ съ собою 360 непотребныхъ женщинъ, всѣхъ въ Царскихъ украшеніяхъ и во всемъ ихъ порядкѣ, какъ свидѣтельствуегъ Курцій, описывая походъ этого Царя.

Но гнуснѣе всего то, что у Персіянъ въ полномъ ходу и обычаѣ постыднѣйшій порокъ, называемый у насъ Содомитскимъ: «pueros muliebria pati assuetos», какъ говоритъ приведенный выше писатель (lib. 3, ст. 7). За этотъ порокъ Государственный Канцлеръ потерялъ свое patrimonium, какъ уже выше упомянуто мною въ 4 книгѣ, и порокъ этотъ самый древній и былъ у нихъ въ ходу съ давнѣйшихъ временъ. Хотя Геродотъ и говоритъ, что Персы научились этому пороку у Грековъ, и именно отъ Фивскаго Царя Лаюса (Lajus), qui primus formosum puerum amoribus arsisse, et Chrysippum, filium Penelopsis, rapuisse dicitur. Ex quo factum, ut honestum apud Thebanos amare elegantes (referente Aelianus, lib. 13, pag. 15. variarum histor.). Plutarchus (Francof. 1599, p. 857) vero de malignitate Herodoti dicit: «Persas Graecis hujus impuritatis minervas debere». Но Персы знали этотъ порокъ и прежде, до знакомства своего съ Греками. Шахъ Сефи также заподозрѣнъ въ этомъ порокѣ; по этому онъ не преслѣдовалъ его и въ другихъ. Намъ рассказывалъ Рудольфъ Штадлеръ, часовщикъ, котораго Шахъ приказалъ изрубить саблями, что въ 1634 году, когда Шахъ Сефи отправился съ войскомъ своимъ въ походъ, для взятія города Еревана, то при этомъ находился одинъ военачальникъ, имѣвшій при себѣ одного красиваго и скромнаго мальчика. Однажды, возвратившись изъ Царскаго стана весьма пьянымъ домой, начальникъ этотъ вздумалъ было силою заставить этого мальчика уступить его страсти; ибо прежде уже нѣсколько разъ добромъ онъ ни чего добиться отъ него не могъ. Мальчикъ же, увидавши, что уже не можетъ ни какъ защититься отъ своего преслѣдователя,

выхватилъ кинжалъ, заткнутый за поясомъ начальника, по обычаю Персовъ, и пронзилъ имъ его въ сердце. На слѣдующее утро, когда Офицеры явились для службы къ Шаху, и между ими не оказалось убитаго, Шахъ спросилъ, гдѣ онъ? ибо любилъ видѣть при себѣ отсутствующаго болѣе другихъ. Ему отвѣчали, что начальникъ тотъ не будетъ уже служить Шаху, ибо его мальчикъ закололъ его. Потребованный къ Шаху мальчикъ разсказалъ ему все дѣло: какъ сперва сказанный начальникъ нѣсколько разъ склонялъ его на порокъ, къ которому онъ питалъ отвращеніе, и какъ, наконецъ, вчера онъ силою хотѣлъ удовлетворить своему желанію, и онъ, мальчикъ, ни какимъ другимъ образомъ не могъ защититься отъ насилія, какъ только поступивши такъ, какъ онъ поступилъ, и по тому просилъ о помилованіи его. Но Шахъ жестоко разгнѣвался, приказалъ мальчика затравить собаками, и такъ какъ приведенныя для этого первыя двѣ собаки не брали его, то добыто было два большихъ Англійскихъ догга, которые должны были напасть на мальчика на бѣгу; этѣ настigli и растерзали его. Такой способъ казни не рѣдокъ у Персіанъ. Это ужасное зрѣлище, вмѣстѣ съ другими, видѣлъ и сказанный Рудольфъ, который также находился тамъ въ числѣ слугъ Шаха. Но послѣ этого въ Шаховомъ станѣ насталъ необычайный моръ, такъ что въ короткое время умерло нѣсколько тысячъ людей.

Что Персіане даютъ уже слишкомъ большую волю своимъ плотскимъ желаніямъ, къ тому не мало подаетъ поводъ ихъ лжепророкъ, Магумедъ, который, будучи самъ сладострастнымъ псомъ, черезъ мѣру уже дозволилъ плотское наслажденіе въ угоду людямъ. Они вѣрятъ даже, благодаря ихъ ложному ученію, что такое наслажденіе составитъ большую долю радостей въ жизни вѣчной, отъ чего и самая вѣра сдѣлалась пріятнѣе народу невѣжественному. Объ этомъ можно прочесть дополненіе къ Алкорану у Библиандра (Bibliandro), стр. 175; тамъ развратитель говорить: «*Si ullum oblectamenti genus in Paradyso deesset, beatitudo minime plena esset. Frustra ergo deliciae adessent, si voluptas deesset. Quinimo si quid volunt, praesto est, et quascunque et quomodocunque volunt, habent, et qualiter, et ubi, et quando, et quantum, et quotiens volunt, sine mora et difficultate, ita quidem, quod quas hic habuerint*

uxores fideles, habebunt et illic, caeterae concubinae erunt. Ancillarum vero non erit numerus».

Для возбужденія и усиленія сладострастія Персіане употребляютъ всевозможныя средства; на пирушки свои они призываютъ плясунуовъ и плясуній, которые пляшутъ съ совершенно непристойными и страстными тѣлодвиженіями и возбуждаютъ въ зрителяхъ пожеланія. Пляску они чрезмѣрно любили всегда, какъ говоритъ Геродіанъ (Herodianus, lib. 14. histor. Francof., 590, pag. 552). Многіе изъ нихъ употребляютъ въ большомъ количествѣ конопляное сѣмя и листья, которыя будто укрѣпляютъ природу и дѣлаютъ ее болѣе пылкою къ плотскимъ наслажденіямъ. Наши же травники (Herbaria) всѣ приписываютъ конопль совершенно противное дѣйствіе, а именно, что отъ нея природа холодѣетъ, ослабѣваетъ и портится. Не знаю, какъ служить конопля для достиженія ихъ цѣли; ибо она производитъ скопленіе вѣтровъ (flatulentiam); или же, можетъ быть, растеніе это въ ихъ жаркой мѣстности и въ ихъ природѣ имѣетъ иное свойство. Приготавливается конопля для такого употребленія слѣдующимъ образомъ: собираютъ съ нея листья прежде еще, чѣмъ покажется на стеблѣ сѣмя, высушиваютъ ихъ въ тѣни, стираютъ въ порошокъ, замѣшиваютъ съ медомъ и дѣлаютъ изъ этого шарики величиною съ голубиное яйцо; шарики этѣ ѣдятъ по два, или по три, и за тѣмъ сѣѣвшій ихъ готовъ въ дѣло. Они поджариваютъ также и конопляныя зерна, посыпаютъ ихъ солью и ѣдятъ, вмѣсто лакомства. Персидскій Посланникъ въ Голштиніи, Имамъ-Кули-Султанъ, человекъ 70 лѣтъ, употреблялъ это средство постоянно въ дорогѣ послѣ того, какъ въ Асрахани взялъ себѣ молодую жену.

Впрочемъ тѣ, которые употребляютъ этѣ средства, въ Персіи у почтенныхъ людей не пользуются доброй славой; люди этѣ зовутъ ихъ бенги (Bengi), киди-бенги (Kidibengi), т. е., обжоры конопляные, или цапли конопляныя и развратныя собаки. Они говорятъ даже, что это большой грѣхъ, равный тому, какъ если бы кто свою мать обезчестилъ на гробѣ Магумеда; но предающіеся сладострастію не очень-то считаютъ это грѣхомъ.

Удовлетворившіе свою похоть думаютъ, что если только наружно очистить себя, то самое дѣло ни чего не значить; по

этому въ Персіи множество общественныхъ бань во всѣхъ мѣстахъ, а въ этѣхъ баняхъ они собираются во множествѣ и тотчасъ послѣ совокупленія. Нѣкоторые, не могущіе выносить бани, оканиваютъ все тѣло водою; отъ этого-то въ домѣ, въ извѣстномъ мѣстѣ, вода всегда уже стоитъ на готовѣ.

Г Л А В А XVI.

О домоводствѣ Персіянъ, и въ особенности о стряпнѣ и погребѣ, или объ яствахъ и напѣткахъ.

Домоводство у Персіянъ вообще недорогое; хозяйство ихъ по дому, т. е., содержаніе поварни и погреба, если только немного женъ, требуетъ незначительныхъ издержекъ. Бумажные и шелковые товары, какъ туземные и тамъ же производимые, стоятъ недорого. Домашней утвари у нихъ немного, нѣтъ ни ларей, ни шкафовъ, и если комнаты у нихъ устланы на полахъ коврами, а столовая снабжена рисомъ, то имъ остается покупать только мясо, которое вездѣ очень дешево, за исключеніемъ Испагани; ибо народу въ Исфагани чрезвычайно много и продовольствіе туда доставляется изъ другихъ мѣстъ. Плоды, которые ѣдятъ они во множествѣ, доставляетъ имъ садъ, находящійся при домѣ, а погребъ ихъ составляетъ протекающая вблизи рѣка, или источникъ. Покои ихъ устланы коврами, по которымъ они ходятъ въ чулкахъ, и сидятъ. Въ комнатахъ ихъ не допускается ни какой нечистоты, собакъ въ нихъ не бываетъ, и вообще для сору имѣются въ покояхъ особыя, приспособленные къ тому, горшки, называемые тюфтанъ (Tüfthan), которые всегда они ставятъ подлѣ себя и, при ѣдѣ плодовъ и кушаній, бросаютъ въ нихъ корки и всѣ ненужные объѣдки, равно какъ и плюютъ въ нихъ. Такихъ тюфтановъ всегда вдоволь при пиршествѣ, такъ что непременно ставится между двумя гостями по одному.

Что дѣлаютъ Персіяне зимою для доставленія себѣ тепла и сбереженія топлива, и какъ употребляютъ они тенуръ (Tenur)

для печенія и жаренія своихъ кушаній, о томъ сказано уже выше, въ 6-й главѣ этой 5-й книги. *

Для варки кушаній Персіане употребляютъ горшки изъ руды, луженой мѣди и обожженной земли (глины), и горшки этѣ у нѣкоторыхъ старательно вмазаны въ очаги, походятъ на наши перегонныя (дистилляціонныя) печи. Топливо у нихъ, смотря по мѣсту и области, составляютъ лѣсъ, солома, коровій и верблюжій пометъ. Блюда у нихъ мѣдныя, чисто и тонко выточенные и вездѣ гладко вылуженныя, такъ что ихъ можно принять за серебряныя. У нихъ въ большемъ ходу также фарфоровыя блюда и другая посуда, а по селеніямъ большею частію земляные, изъ обожженной глины, сосуды. Что касается кушаній ихъ, то вообще онѣ не обильны, и Персіане довольствуются малымъ. По этому у нихъ нѣтъ того, въ чемъ обвиняетъ ихъ Бизаръ (*Bizarus lib. 12, p. 333*), будто бы говядина у Персіанъ дорога такъ по тому, что они ужасно обжорливъ; такъ, старики будто бы ѣдятъ по 4 раза въ день; по сколько же должны были ѣсть молодые ихъ люди? Но Бизару я противопоставлю Юстина (*Argentorati, 1631, lib. XLI, c. 3, p. 144*), который говоритъ: «*Persae sunt in cibum parci*»; Атенея (*Lugduni Batavor. 1597*), который свидѣтельствуетъ: «*Paucis cibus utuntur Persae et bellariis multis*»; также Александра ab Alexandro «*Dies geniales*» (*Francof., 1594*), заимствуя изъ котораго Штуке (*Stuckius*), in *Antiquit. convival.* (*Tiguri, 1582, lib. 1, c. 11, p. 26*), говоритъ, что Персіане ѣдятъ едва однажды въ день, и именно въ полдень. Съ этѣми тремя послѣдними писателями соглашаюсь и я; ибо большинство Персіанъ въ теченіи дня дѣйствительно ѣдятъ едва одинъ полный обѣдъ; но, кромѣ того, они ѣдятъ немного масла, сыру и садовыхъ плодовъ; впрочемъ, видѣлъ я и такихъ, которые ѣдятъ въ день по два раза варенныя кушанья. Главное блюдо ихъ, которое всегда подаютъ прежде всего, составляетъ простой разваренный рисъ; называютъ они его плау (*Plau*), и на этотъ рисъ кладутъ обыкновенно вареную баранину. Кромѣ того, рисъ же приготовляютъ они различнымъ образомъ, мѣшаютъ его съ коринкой, миндалемъ, подкрашиваютъ гранатовымъ, или вишневымъ, сокомъ, также

* Въ подлинникѣ сказано: 4-й книги, по ошибкѣ. Перев.

шафраномъ, а отъ Шахскаго стола мы получали бывало на одномъ блюдѣ рисъ, наложенный въ извѣстномъ порядкѣ, различныхъ цвѣтовъ.

Они укладываютъ еще рисъ жареными курами и рыбой, также щипаномъ, кислымъ щавелемъ и бѣлой капустой; сѣрой капусты они не употребляютъ. У нихъ есть разнаго рода пернатая дичь, которую они и ѣдятъ также, какъ и мы, за исключеніемъ индѣекъ. Намъ рассказывали, что одинъ Грузинскій купецъ привезъ, во времена еще Шаха Абаса, нѣсколько индѣекъ изъ Венеціи въ Испагань, и ему давали за каждую по одному тумену или по 16-ти рейхсталеровъ. Но куропатокъ и фазановъ у нихъ довольно, и тамъ, гдѣ онѣ водятся, очень дешевы.

Хотя Персіяне употребляютъ рисъ вмѣсто хлѣба, но все таки они имѣютъ и разнаго рода хлѣбы, изъ пшеницы печеные, каковы: комачъ (Komatsch), печенье, толщиною въ 3 пальца и длиною полъ локтя слишкомъ; лавашъ (Lawasch), круглый хлѣбъ, въ полъ дюйма толщиною; пеасекеше (Peasekesche), длиною въ локоть; его налѣпливаютъ на домовую печь или тенуръ (Tenur), и проводятъ по немъ борозды пятью пальцами (отъ которыхъ онъ получилъ и свое названіе); сенгекъ (Sengek), взбиваемый на круглыхъ булжникахъ, которыми обкладываются нѣкоторыя печи, отъ чего хлѣбъ этотъ горбоватый; юха (Jucha), тонкое печенье, почти какъ бумага, длиною въ локоть и такое же почти въ ширину; употребляютъ его вмѣсто салфетокъ, или передниковъ, и вытираютъ имъ пальцы; ибо рисъ съ блюда Персіяне берутъ прямо 4-мя первыми пальцами и ими же подносятъ его въ ротъ. Они и мясо также разрываютъ пальцами, по чему у нихъ очень рѣдко увидишь, чтобы употребляли ножъ за ѣдою. Когда юха отслужить свое назначеніе, то ее разрываютъ на куски, завертываютъ въ нихъ кусочки мяса, или рисъ, и все это съѣдаютъ, иногда же она съѣдается и одна безъ мяса, или рису.

Для супу самыя употребительнѣйшія у нихъ, даже за Царскимъ столомъ, не серебряныя, какъ у насъ, но деревянныя, ложки, овальныя, съ тонкой, въ полъ локтя длиною, ручкой; такого рода ложку я привезъ съ собою домой.

Напиткомъ большей части Персіянъ, особенно простаго народа, служитъ только вода, иногда смѣшанная съ душабомъ и небольшимъ количествомъ уксусу. Вино хотя и недорого; ибо, на примѣръ, въ Эракѣ, Адирбеджанѣ и Ширванѣ, одинъ лулейнъ (Lüllein) (такой же величины, какъ наша мѣра, или кружка) стоитъ два, или 3, гроша; но такъ какъ, по закону ихъ, оно воспрещается, то отъ этого очень многіе Персіяне совсѣмъ не пьютъ вина, также какъ и хаджи (Hatzî), т. е., бывшіе въ Меккѣ и Мединѣ на поклоненіи у гроба Магумеда, которые во всю жизнь свою уже не должны пить ни какого вина. Но есть, однако жъ, и много такихъ Персіянъ, особенно состоящихъ при Дворѣ, которые страстно любятъ вино и которые думаютъ, что грѣхъ этотъ будетъ отпущенъ имъ тѣмъ же средствомъ, какимъ отпускаются и другіе грѣхи, и если только они не сами дѣлаютъ вино, то спокойно дозволяютъ себѣ угощаться имъ. Послѣ обѣда всегда, и главнымъ образомъ на пирушкахъ ихъ, обносится въ кружкѣ теплая вода, для омовенія засаленныхъ жиромъ рукъ.

ГЛАВА XVII.

О другихъ предметахъ, употребляемыхъ Персіянми кромя необходимыхъ яствъ и напитковъ, именно: объ опиумѣ, табакѣ, кофѣ и чаѣ.

Персіяне, хотя не всѣ, но весьма многіе, имѣютъ привычку довольно часто принимать опиумъ, называемый ими офіунъ (Offiuhn), а также тирякъ (Tiglak), который дѣлаютъ они въ видѣ круглыхъ шариковъ, величиною съ горошину, и шарики этѣ просто глотаютъ. Привыкшіе къ нему, могутъ употреблять его по половинѣ квентина ¹ (Quentin) и даже болѣе; нѣкоторые же принимаютъ его черезъ день и черезъ два на третій, когда захотятъ только быть въ туманѣ и какъ бы выпивши. Опиуму въ Персіи въ разныхъ мѣстахъ, особенно же въ Испагани, собирается очень

¹ Мѣра вѣса, равная 2-мъ лотамъ. Перев.

много. Для этого маковыя головки, еще зеленныя, надрѣзываютъ, и изъ надрѣзокъ этѣхъ выступаетъ бѣловатый сокъ, который, когда немного постоитъ и сдѣлается чернымъ, снимаютъ, и тогда онъ уже дѣлается годнымъ къ употребленію. Персидскіе аптекари и продавцы москательныхъ товаровъ выручаютъ отъ опиума огромную прибыль, по тому что потребляется его весьма много.

Но опиумъ не въ одной только Персіи: онъ въ большомъ употребленіи также въ Турціи и Индіи. Беллони (*Belloni, Observationes singularium et memorabilium rerum in Graecia Asia, Aegypto aliisque provinciis conspectarum, per Carolum Clusium. Raphelingii, 1605*), въ 3-й книгѣ, въ главѣ 15-й, пишетъ, что въ Турціи нѣтъ человѣка, который бы, имѣя одинъ пфенингъ, не отдалъ половину его на опиумъ. Онъ рассказываетъ, что во время пребыванія его тамъ, 50 верблюдовъ, нагруженныхъ опиумомъ, прошли изъ Малой Азіи въ Турцію, Персію и Индію. Одинъ янычаръ въ его присутствіи проглотилъ разъ полквентина, и въ немъ не было ни чего замѣтнаго отъ такого приѣма, кромѣ только того, что на ходу онъ нѣсколько покачивался. Персіане увѣряютъ, что опиумъ придаетъ смѣлость и бодрость духа, полагаяю я, въ родѣ того, какъ бываетъ у пьянаго, «*qui in bellum trudit inertem.*»

Нѣкоторыя женщины, дурно живущія съ своими мужьями, не привыкши къ опиуму, сокращаютъ имъ иногда свою безотрадную жизнь. Онѣ принимаютъ его разомъ въ большомъ количествѣ, и запиваютъ его водою.

Персіане любятъ также безъ мѣры и табакъ, и всякаго званія люди встрѣчаются у нихъ вездѣ, даже въ храмѣ, сидящими и курящими.

Табакъ привозятъ они изъ Багдада или Вавилона и изъ Курдистана, гдѣ онъ растетъ въ изобиліи. Но Персіане не умѣютъ готовить его, и сушатъ его просто, какъ и другія травы. Въ Испании цѣлыя лавки полны табакомъ, гдѣ онъ сложенъ въ большихъ мѣшкахъ, и листья его крошатъ такимъ образомъ, что онъ принимаетъ видъ скошенной травы. Они очень любятъ

Европейскій табакъ, называя его Инглись тамбаку (Inglis Tam-baku), по тому что привозятъ его туда преимущественно Англичане. Когда я, бывши въ Шамахъ, подарилъ своему учителю, о которомъ я упоминалъ выше, кусочекъ такого табаку, длиною въ палецъ, то онъ былъ очень доволенъ и готовъ на всѣ для меня услуги. Обыкновенный способъ пить (т. е., курить) табакъ у нихъ слѣдующій: берутъ стеклянную флягу, или кружку, Индійскій орѣхъ, или кабабъ (kabab) (жесткую корку особаго рода тыквы), и наливаютъ ее болѣе, чѣмъ на половину, водою, смѣшиваемую иногда съ благовонною водою; затѣмъ сверху проводятъ въ эту воду трубочку, а на ней придѣлывается чашечка, въ которую накладываютъ табакъ, а на табакъ горячій уголь. Наконецъ, другую трубочку, величиною съ локоть, или два, вводятъ въ сосудъ надъ водою, и черезъ эту вторую трубочку втягиваютъ въ себя воздухъ; отъ этого, такъ какъ трубочки вставляются въ сосудъ плотно, табачный дымъ проходитъ черезъ воду, въ которой и осаждаются черныя и жирныя части. Нѣкоторые же, за недостаткомъ сосудовъ, тянутъ дымъ по нашему, сквозь длинныя деревянныя трубки, у которыхъ на переднемъ концѣ придѣлывается изъ обожженной глины наконечникъ съ отверстіемъ, который и берутъ въ ротъ.

Когда курятъ табакъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, Персіане попиваютъ и горячую черную воду, называемую кофе (Cahwae). Это отваръ плода, получаемаго здѣсь изъ Мисера (Misser) или Египта, похожаго въ сущности на Турецкую, а внѣшнимъ видомъ на нашу, пшеницу; величиною же плодъ этотъ съ Турецкій бобъ и даетъ бѣлую муку. Зерна поджариваются, или скорѣе ихъ жгутъ, мелютъ въ порошокъ, который варятъ въ водѣ, и воду эту пьютъ. Напитокъ этотъ имѣетъ сженный и непріятный вкусъ. Онъ очень охлаждаетъ и дѣлаетъ природу бесплодною, для чего большею частію и пьютъ его.

Если же напитокъ этотъ (Cahwae) употреблять уже черезъ чуръ много, то онъ совершенно убиваетъ въ человѣкѣ плотское пожеланіе. Персіане пишутъ объ одномъ Шахѣ, Султанѣ Магмудѣ Касинѣ (Mahmud Casnî), царствовавшемъ въ Персіи еще до

Тамерлана, будто бы Шахъ этотъ до того пристрастился къ напитку Sahwae, что за нимъ совсѣмъ забылъ жену свою и получилъ отвращеніе отъ брачнаго ложа съ ней, что Царицѣ было крайне прискорбно. Однажды Царица эта, возлежа на окнѣ, увидѣла, какъ на дворѣ повалили жеребца для того, чтобы охолостить его, и спросила у окружающихъ: «Что бы это значило?» Когда ей, въ приличныхъ выраженіяхъ, объяснили, что это дѣлается для уничтоженія у жеребца охоты и вожделѣнія, чтобы онъ не вскакивалъ на другихъ и былъ равнодушенъ къ кобылицамъ, то она замѣтила, что ни чего бы этого дѣлать не нужно, а поить бы только жеребца скверною водою Sahwae, и онъ скорехонько сдѣлается похожимъ на Шаха, мужа ея.

Персіяне рассказываютъ еще о сынѣ этого Шха, называвшемся тоже Магумедъ, что когда онъ, по смерти отца, принялъ управленіе страной, то оказался чрезвычайнымъ любителемъ поэзіи, и приказалъ одному, славному въ то время, поэту, по имени Гакому Фирдуси (Firdousi), написать ему какое ни будь поэтическое произведеніе въ веселомъ духѣ, обѣщая за каждый стихъ заплатить сочинителю по червонцу. Фирдуси засѣлъ и написалъ 60 тысячъ стиховъ, которые и понынѣ читаются и высоко уважаются Персіянами. Когда сочиненіе было готово и представлено, то хотя Шахъ и хотѣлъ было вознаградить поэта, согласно съ своимъ обѣщаніемъ, но совѣтники Царскіе отговорили его давать такъ много поэту, который долженъ быть доволенъ и меньшимъ вознагражденіемъ. По этому поэту послано было только нѣсколько червонцевъ, что весьма раздосадовало его, и онъ тотчасъ же написалъ Шаху другое стихотвореніе, въ которомъ доказывалъ, что присланный ему даръ отнюдь не Царскій; что только ремесленники, каковы, на примѣръ, хлѣбникъ и башмачникъ, могутъ благодарить такими подарками; и развѣ жь онъ не сынъ Царя, а плодъ и кровь какого ни будь хлѣбника? Царь понялъ это такъ, что поэтъ обозвалъ его сыномъ хлѣбника и, въ негодованіи, жаловался на это своей матери и спросилъ ее: «Развѣ жь не Султанъ Магумедъ былъ отецъ его?» Мать подумала, что поэтъ, написавшій такое сочиненіе, должно быть, знаетъ дѣло, и въ тайнѣ призналась сыну, что такъ какъ Шахъ весьма часто и много пилъ напитокъ кофе (Sahwae), отъ чего исчезла

всякая надежда имѣть наслѣдника, то чтобы пріобрѣсть послѣдняго Царству, она допустила до себя одного придворнаго хлѣбника, имѣвшаго нѣжныя бѣлыя руки. Если бъ не было хлѣбника, не было бъ и его, сына ея; по чему и совѣтовала сыну, ублаготворить поэта, чтобы истина не разошлась далѣе. Другіе же пишутъ, что все это случилось съ Августомъ и Виргиліемъ (Bersmann, Comment. in Virgil., de vita ipsius).

Такъ какъ чрезмѣрное употребленіе напитка кофію (Kahwa) уничтожаетъ плотскія пожеланія, къ которымъ Персіане, по природѣ своей, весьма склонны, и большинство ихъ поставляетъ въ этѣхъ удовольствіяхъ свое высшее благо (*summum bonum*), то поэты Персидскіе, хуля этотъ напитокъ, сложили слѣдующій стихъ:

ان سبه رو که نام اوستر قهوه
قاتل نوم قاطع شهرة

То есть:

Ohn suc Ru ki namiust Kahwa,
Katil naum kathehi schahewe.

Ты, черное лицо—Кофію!
Можно ли терпѣть тебя?
Кудаходишь ты, тамъ ужъ нѣтъ
Ни страсти, ни наслажденія съ женщиной.

Выше, въ 6-й главѣ этой 5-й книги, было упомянуто, что въ Испагани, на Майданѣ, въ числѣ другихъ гостиницъ, находилась и такая, которую Персіане называютъ: «Tzai Chattai Chane,» и въ которой, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, они пьютъ тоже черную (темноватую) воду, отваръ изъ растенія, привозимаго Узбецкими Татарами въ Персію изъ Китая. Листья этого растенія продолговаты, остроконечны, около дюйма въ длину, и въ полъ дюйма въ ширину, и будучи высушены, получаютъ видъ черноватый, свертываются и закручиваются словно червячки. Это именно то растеніе, которое Китайцы называютъ чаемъ (Thee), Японцы и Индійцы Xia и Хаа (Chia, Chaa), и оно въ большомъ почетѣ у этѣхъ народовъ. Персіане варятъ его въ чистой водѣ, прибавляютъ туда анису, укропу, а нѣкоторые не много гвоздики,

сахаромъ. Оно имѣетъ вяжущій или стягивающій какъ бы вкусъ. Персіяне, Китайцы, Японцы и Индійцы приписываютъ этому напитку превосходную силу и дѣйствіе: оно полезно дѣйствуетъ на желудокъ, печень, легкое, на кровь и вообще на внутренность человѣка, очищаетъ ихъ, укрѣпляетъ, изгоняетъ камни, облегчаетъ головныя боли и уничтожаетъ всѣ мокроты, отъ которыхъ человѣкъ дѣлается вялымъ и соннымъ. Напившійся удовольствія этого напитка, можетъ нѣсколько ночей сидѣть свѣжо и бодро, безъ обремененія сномъ и съ охотою заниматься головою работою. Употребляя его умеренно, человѣкъ можетъ не только пользоваться постоянно добрымъ здоровьемъ, но и достигнуть глубокой старости.

Это растѣніе чай (Thee) хорошо извѣстно теперь и въ Голландіи и его привозятъ туда мореплаватели Восточно-Индійскіе. Его можно найти въ Амстердамѣ, хотя и не въ большомъ количествѣ; ибо, какъ извѣщали меня, Французы закупаютъ его чрезвычайно много.

Кто желаетъ прочесть объ этомъ растеніи другихъ писателей, тотъ да обратится къ Мафею (Maffei), къ его «De rebus Indicis,» 6-й книгѣ, стран. 108 (Joh. Petr. Maffei Historia Indica. Colon. Agrippinae, 1589), гдѣ пишетъ онъ о Китайцахъ: «Ex herba quadam expressus liquor admodum salutaris, nomine Chia, calidus hauritur, ut apud Japonios, cujus maxime beneficio pituitam, gravedinem, lippitudinem nesciunt, vitamque, bene longam sine ullo fere languore traducunt.» И книга 12, стр. 242: «Circa potionem illam diligentissimi sunt, ac principes interdum viri suis ipsi manibus eidem temperandae ac miscendae amicorum honoris causa dant operam certasque habent aedium partes, ad hoc destinatas; venientibus et abeuntibus amicis pocula porrigunt.»

Линшотанъ (Linschotanus), въ главѣ 26, de Insula Japonia, стр. 31: (Joh. Hug. Linschotani Navigatio in Orientalem Indiam et cet. Amstelodami, 1614): «Ex herba, quam Chaa vocant, in magnam hujus potus aestimatione et Indi, qui aliqua opulentia pollent, loco fere secreto aquam hanc servant, eamque excipientes amicos summa benignitate depromunt, ollas peculiare ad coquendas habent etc.»

Помянутые народы, желая оказать всевозможную любезность, встрѣчаютъ гостей своихъ этѣмъ напиткомъ, т. е., чаемъ; онъ же есть и прощальный напитокъ, при разставаніи съ гостями. У нихъ есть особые, весьма чистые, сосуды, въ которыхъ завариваютъ и готовятъ чай; нѣсколько такихъ сосудовъ, виѣстѣ съ растеніемъ, хранится у насъ, въ Готторфской Палатѣ рѣдкостей. Объ этомъ растеніи, изъ приведенныхъ сейчасъ, а также и изъ другихъ писателей, Николай Тульпій (Nicolaus Tulpius) сообщаетъ наиболѣе подробнѣйшія свѣдѣнія, какъ это видно въ послѣдней главѣ 4-й книги его *Observationum medicarum* (*Observationes medicae. Amstelodami, 1652*).

Г Л А В А XVIII.

О ремеслахъ и промышленности Персіянъ, которыми они снискиваютъ себѣ пропитаніе.

Промышленность Персіянъ, которою они снискиваютъ себѣ пропитаніе, кромѣ земледѣлія и садоводства, отъ которыхъ собираютъ и продаютъ огородные и садовые плоды, исчисленные выше, составляютъ всякаго рода ремесла, торговля, письменность, а также и воинское дѣло. Когда идешь въ городахъ по Майдану и базару, то съ удовольствіемъ видишь, какъ всякаго рода промышленники занимаются своими ремеслами, въ своихъ мастерскихъ, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ другъ за другомъ. Ибо никто изъ Персіянъ, за исключеніемъ развѣ очень немногихъ, именно не могущихъ выходить, не сидитъ дома, но постоянно на базарѣ, въ опредѣленныхъ для того улицахъ и въ открытыхъ со сводами зданіяхъ. Большинство ремесленниковъ составляютъ ткачи и красильщики, или рисовальщики цвѣтовъ, которые занимаются обработкой хлопчатой бумаги и шелку, обращая ихъ довольно искусно въ разныя ткани, и въ золотыя парчи, кусками не длиннѣе 10-ти, или 12, локтей, потребными на постройку одного Персирскаго кафтана. Въ Ештѣ и Кашанѣ есть такіе искусные ткачи, которые на шел-

ковой ткани выводить всевозможныя фигуры, преимущественно же свои письма, такъ тонко и изящно, что и лучший писецъ не въ состояніи написать красивѣй, какъ доказываетъ образецъ такой работы, привезенный нами домой. Такіе товары, именно все то ихъ количество, которое не пошло на туземныя платья, вездѣ въ страны распродаютъ вмѣстѣ съ хлопчатой бумагой и сырымъ шелкомъ, съ большими выгодами. Замѣчу здѣсь подробнѣе о шелкѣ слѣдующее: въ самой странѣ фунтъ шелку стоитъ 16 и 18 грошей или двѣ Любскихъ марки и нѣсколько болѣе. Персіане у себя продаютъ все на бадманъ (Badman), который въ разныхъ мѣстахъ различный: Таврискій бадманъ содержитъ 6 фунтовъ; Шахскій бадманъ, употребляемый наиболѣе въ Гилянѣ, 12 фунтовъ, Шамахинскій и Карабахскій бадманъ 16 фунтовъ.

Вообще считаютъ, что въ Персіи, смотря по году, собирается ежегодно шелку отъ 10 до 20 тысячъ тюковъ или 10 тысячъ соомовъ Soom (каждый соомъ содержитъ два тюка), въ тюкѣ же полагается 216 фунтовъ. Одинъ Гилянъ, въ хорошіе годы, даетъ 8000 тюковъ; Ширванъ доставляетъ 3000 тюковъ; Хорасанъ до 3000; Масандеранъ 2000, Карабахъ 2000, не считая уже того, что даетъ Грузія, также богатая шелкомъ, и другія мѣстности. Изъ всего этого количества, все, что остается въ Персіи на разныя потребности, не превышаетъ 1000 тюковъ. Все остальное распродается въ Индіи, Турціи, Италіи, на Англійскіе и Голландскіе корабли. Этѣ послѣдніе изъ своихъ странъ привозятъ олово, мѣдь, Англійское, Французское и Голландское сукно, которое, по неумѣнью Персовъ хорошо обдѣлывать шерсть и изготавлять сукно, высоко одобряется и цѣнится ими, такъ что за локоть хорошаго сукна въ Испагани платится по 8, 10 и по 12 рейхс-талеровъ.

Самые многочисленныя и богатѣйшіе купцы и торговые люди въ Персіи суть Армянскіе Христіане, которые повсюду ѣздятъ въ странѣ и внѣ ея; ибо Персія есть свободно открытая, а не такая замкнутая, какъ Русская земля. Жители Персіи и чуждые народы могутъ выѣзжать и въѣзжать въ нее, торговать и промыслять тамъ, какъ хотятъ, лишь бы только Правительство получало съ нихъ свои пошлины и доходы.

Персіане и Турки установили между собою договоръ, чтобы торговые люди ихъ въ военное, также какъ и въ мирное, время безпрепятственно разѣзжали и торговали другъ съ другомъ, въ самой странѣ и внѣ ея, и чтобы караваны ихъ безопасно могли ходить вездѣ; ибо это равно необходимо и выгодно какъ тому, такъ и другому, изъ этихъ народовъ. ¹

Персіане могли бы извлечь изъ своей торговли гораздо значительнѣйшія выгоды, если бы были искусны въ управленіи большими кораблями и вообще въ мореходствѣ, но искусства этого у нихъ нѣтъ.

Такъ какъ въ Персіи книгопечатанья нѣтъ, а книги вообще высоко и дорого цѣнятся, то по этому книга у нихъ, и особенно Алкоранъ, который у насъ, если бы его напечатать, стоилъ бы одинъ рейхсталеръ, тамъ писанный стоитъ 15, 20 и болѣе рейхсталеровъ. Въ слѣдствіе сего многіе Персіане, особенно у кого много дѣтей, стараются обучать ихъ хорошему письму, и въ Персіи есть нѣсколько тысячъ людей, добывающихъ себѣ пропитаніе писаніемъ такихъ книгъ и инымъ письмоводствомъ.

Различныя области должны держать наготовѣ известное войско въ мирное и военное время; по этому многія тысячи кизильбашей и воиновъ живутъ жалованьемъ. Объ этомъ я скоро буду говорить подробнѣе.

ГЛАВА XIX. ¹

О брачномъ состояніи Персіанъ; многоженствѣ и о томъ, что случается иногда при многоженствѣ.

Сказавши о домоводствѣ Персіанъ, обозрѣвъ ихъ поварскую и погребъ, равно какъ и промыслы, которыми они занимаются,

¹ А въ Европѣ только теперь добиваются того. О. Б.

¹ Въ подлинникѣ XXI, очевидно по ошибкѣ. Перев.

пройдемъ теперь поближе въ ихъ покои, и взглянемъ на брачное ихъ состояніе. Персіяне, чуть только позволяютъ достатки, рѣдко ограничиваются одною женою. Съ давнихъ временъ у нихъ въ обычаѣ брать по нѣскольку женъ. Страбонъ полагаетъ, что это происходило «multiplicandae prolis gratia», ради того, что они очень желали расплодить и возрастить побольше дѣтей. Ибо Цари ихъ ежегодно назначали будьбо бы подарки для раздачи тѣмъ изъ подданныхъ, которые имѣли наиболѣе сыновей. Но въ настоящее время Персіяне охотники до многоженства не по этой причинѣ, даже многіе изъ нихъ желали бы теперь лучше вовсе не имѣть дѣтей. По этому-то нѣкоторые обращались къ нашему Врачу и, провъдавъ, что онъ славится излѣченіемъ въ иныхъ болѣзняхъ, спрашивали его, не имѣетъ ли онъ какого либо медицинскаго средства для молодыхъ женъ, чтобъ онѣ не такъ скоро рождали дѣтей? на что Врачъ отвѣчалъ, что онъ скорѣе готовъ помочь женамъ тѣмъ въ рожденіи дѣтей, чѣмъ мѣшать имъ въ томъ. Я полагаю, что, по причинѣ такого сладострастія Персіянъ, они сложили слѣдующій стихъ и пословицу, въ которой они вновь взятую ими жену сравниваютъ съ Мѣсяцесловомъ, годнымъ только на одинъ первый годъ:

مرقي نوکن لي خواجه هر بوبهله
که تسقویم پلرین نیاید بکلم

Бери чаще новую жену, чтобъ у тебя была постоянная весна.
Мѣсяцесловъ негоденъ ни къ чему, когда годъ уже прошелъ.

Магуметъ въ Алкоранѣ (Azoar 8) дозволилъ, и даже милостиво повелѣлъ, чтобъ Персіяне, даже по Вѣрѣ своей, могли брать себѣ столько женъ, сколько имъ угодно и сколько они могутъ прокормить ихъ. Богатые купцы, торгующіе въ Персіи въ нѣсколькихъ городахъ, имѣютъ въ главнѣйшихъ мѣстностяхъ свои собственные дома и женъ, такъ что, куда бы они ни пріѣхали, они вездѣ дома. Но того, чтобы Персіяне, особенно будьбо бы въ Мидіи, должны были имѣть не менѣе 7-ми женъ, и чтобы дѣти сами должны были убивать своихъ родителей, прожившихъ за 70 лѣтъ, какъ пишетъ о томъ Нигеръ, въ своей Географіи (Basilae, 1557, стр. 531), ни чего этого ни въ настоящее, ни въ отдаленнѣйшія времена въ обычаѣ у Персіянъ не было.

Но что частенько причиняетъ имъ множество, они извѣдываютъ это на дѣлѣ съ великимъ прискорбіемъ. Между людьми, находящимися въ такомъ бракѣ (многоженствѣ), не можетъ быть истинной, горячей любви и довѣрія. Ибо, какъ говоритъ Амміанъ Марцеллинъ: «Apud eos per libidines varias charitas dispersa torpescit.» Мужья не могутъ любить всѣхъ женъ одинаково. Ибо любовь раздѣленная никогда не бываетъ такъ сильна, какъ сосредоточенная и обращенная только на одно лице. Подобное встрѣчается и въ другихъ случаяхъ, особенно у владѣтельныхъ особъ, когда одинъ Государь имѣетъ многихъ слугъ. Скорѣе можно допустить, что многіе, и даже всѣ слуги, сердечно любятъ одного Государя, чѣмъ одинъ Государь всѣхъ слугъ. Отсюда и происходитъ, что если они въ чемъ хоть немного не угодили, попадаютъ въ опалу. И такъ, если, на примѣръ, жена видитъ, что мужъ ея оказываетъ другой такіе же, часто еще и большіе, чѣмъ ей, знаки супружеской любви, то настаетъ, также какъ это бываетъ при любви, по комику (Terent. in Eun.) ссора, нерасположеніе, ненависть и вражда. Между женами часто возникаетъ даже опасная ссора и споръ, къ великой досадѣ и неудовольствію мужа. По этому случаю есть одна Турецкая пословица:

ایکی آرون بیر دیوان
ایکی ایشک بیر لاروان

Iki Ischek bir karwan,
Iki arwat bir diwan.

То есть:

Два осла—стоять одного каравана,
На двухъ женъ нужно цѣлое судилище.

Это значитъ, что съ двумя ослами, такъ какъ они лѣнны, столько возни, какъ съ животными цѣлой странствующей толпы, или общества. И у кого двѣ сварливыя жены, тотъ постоянно долженъ судить и укрощать. Иногда такое брачное состояніе доводитъ мужа до величайшей опасности и несчастія, и стоитъ ему даже жизни. Такъ какъ мнѣ рассказывали много подобныхъ примѣровъ, то два изъ нихъ, случившіеся при Шахѣ Абасѣ, я хочу привести здѣсь.

Въ Шамахѣ былъ одинъ Ханъ, по имени Сильфагаръ (Silfahar), пользовавшійся большимъ уваженіемъ Шаха и всей страны и имѣвшій женой сестру Шаха Ходабенде (отца Шаха Абаса). Видя, что мужъ ея беретъ себѣ еще молодую жену, и что къ этой молодой онъ оказывается ласковѣе, чѣмъ она желала, прежняя жена Сильфагара, будучи дочерью Шаха, по высокоумію своему, возненавидѣла мужа, написала племяннику своему, Шаху Абасу, чтобы онъ остерегался мужа ея, который яко бы замышляетъ на жизнь его, Абаса. Шахъ Абасъ, и безъ того человѣкъ подозрительный, повѣрилъ такой клеветѣ, и послалъ Мешедскаго Хана, Карчихай-Хана, находившагося тогда у него въ Ардебилѣ, достать голову Хана Сильфагара. Карчихай-Ханъ тотчасъ же отправился въ Ширванъ, расположился тамъ у горы Эльбруса и послалъ къ Сильфагару, чтобы тотъ прибылъ къ нему. Не ожидая ни чего дурнаго отъ Карчихай-Хана, какъ отъ давнишняго знакомаго своего и пріятеля, Сильфагаръ поздно вечеромъ прибылъ въ назначенное мѣсто и разбилъ свою палатку не въдалекѣ отъ палатки Карчихая. На другой день Карчихай всталъ рано утромъ, отправился съ нѣсколькими слугами въ палатку Сильфагара, котораго засталъ еще въ постели, хотя не спавшаго уже, дружески привѣтствовалъ его и сказалъ, чтобы тотъ всталъ и прошелъ съ нимъ прогуляться, такъ какъ ему нужно переговорить съ нимъ. Едва только Сильфагаръ всталъ, полуодѣтый, и хотѣлъ было совершать свою молитву, какъ Карчихай-Ханъ подалъ своимъ слугамъ заранѣе условленный знакъ, тѣ напали на Сильфагара и изрубили его саблями. Карчихай взялъ голову и поспѣшилъ съ нею къ Шаху. Вотъ что сдѣлало Сильфагару его двоеженство (Bigamia).

Послѣ этого былъ еще другой случай съ однимъ Ардебильскимъ виноторговцемъ, по имени Шириджи Аали (котораго хорошо зналъ нашъ Nakwirdi). Однажды виноторговецъ этотъ позднимъ вечеромъ сидѣлъ съ хорошимъ пріятелемъ своимъ на мосту Heider Aaly (мостъ этотъ изображенъ на рисункѣ города) и пилъ вино. Въ это время проходилъ мимо навьюченный оселъ одинъ безъ хозяина; хозяинъ его, какой-то купецъ, присѣлъ за своей надобностію у рѣки, а оселъ бѣжалъ отъ него и направился къ лежащему вблизи городу. Увидѣвши осла одного, виноторговецъ

поймалъ его, снялъ съ него грузъ и отпустилъ его опять на волю. Купецъ приходитъ въ Ардебиль, ищетъ тамъ своего осла, и хотъ и находитъ его наконецъ на улицѣ, но безъ груза, по чему и отправился къ Хану съ жалобою на свою пропажу. Но Ханъ объявилъ, что помочь ему не можетъ, такъ какъ онъ не знаетъ виновныхъ. Купецъ обратился послѣ этого къ Шаху, который тотчасъ же послалъ его опять назадъ въ Ардебиль съ строгимъ приказаніемъ Алла-Кули-Хану, что такъ какъ онъ, Ханъ, не содержитъ дорогъ въ безопасности и не сдѣлалъ обыска о пропажѣ, какъ бы слѣдовало, то онъ и долженъ уплатить купцу стоимость пропавшаго у него добра, по его оцѣнкѣ, безъ всякаго замедленія, что и было исполнено Ханомъ. Между тѣмъ вино-торговецъ, завладѣвши купеческимъ добромъ, нѣсколько поободрился, не захотѣлъ уже довольствоваться одной женой и, въ добавокъ къ прежде бывшей у него, взялъ другую, молодую жену, изъ одного дома терпимости, собственно за красоту ея; но отъ нея не было ни одного ребенка. Единственное дѣтя его, сынъ первой жены, мальчикъ 9 лѣтъ, пришедши однажды изъ училища домой, увидалъ въ комнатѣ лежащую, начатую уже, дыню, которая была еще новенькою въ томъ году, и отрѣзалъ кусокъ этой дыни себѣ; молодая жена разгнѣвалась за это, ударила мальчика, послѣ чего обѣ жены вцѣпились другъ другу въ волосы. Когда мужъ пришелъ домой, то мать и сынъ передали ему все дѣло въ такомъ трогательномъ видѣ, что онъ постегалъ таки молодую жену. Въ отмщеніе за такой позоръ, эта послѣдняя пошла тайкомъ къ Хану и открыла ему о покражѣ мужа; виноторговца тотчасъ же потребовали къ отвѣту, допросили и повѣсили, женъ же его, за то, что онѣ такъ долго покрывали мужа, передали общественному позору и прогнали, а сына обратили въ невольники. Все ихъ имущество Ханъ забралъ себѣ, и, такимъ образомъ, онъ получилъ опять больше еще того, что долженъ былъ уплатить купцу. Вотъ что значитъ взять двухъ женъ, и довѣрять имъ свои тайны.

Ѹ

СМѢСЬ

ДВѢ ГРАМОТЫ

изъ

СМУТНАГО ВРЕМЕНИ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

I.

ГРАМОТА

Земскихъ людей Никитѣ Парамоновичу Лихареву, за его службу подъ начальствомъ Боярина и Воеводы, Князя Дмитрія Тимофеевича Трубецкаго, и Стольника, Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, противъ Польскихъ и Литовскихъ полчищъ.

Московского Государства Митрополиты и Архиепискупы, и Епискупы, и Архимариты, и Игумены, и весь Освященный Соборъ, и Бояринъ и Воевода Князь Дмитрей Тимофеевичъ Трубецкой, да Стольникъ и Воевода Князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской, с товарищи, и Околичие, и Стольники, и Стряпчие, и Дворяне, и Дети Боярские, и всѣ ратные люди, приговорили Миките Парамоновичу Лихареву, за его многую службу и за кровь и за радѣнье, что онъ, помня Бога и свою душу и Православную Крестиянскую истинную Вѣру, на Польскихъ и на Литовскихъ людей, разорителей Божиехъ Церквей и гонителей на Православную Крестиянскую истинную Вѣру Польскихъ и Литовскихъ людей, Бояринъ и Воевода, Князь Дмитрей Тимофеевичъ Трубецкой, и онъ зъ Бояры и Воеводы пришедъ подъ Москву, Польскихъ людей въ Москвѣ осадили. И какъ пришлоу подъ Москву Стольникъ и Воевода, Князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской, и положилъ совѣтъ зъ Бояриномъ и Воеводоу, со Княземъ

Дмитреемъ Тимофѣевичемъ Трубецкимъ, и со всею ратью, коі стояли подѣ Москвою. И стоявъ подѣ Москвою и на Москвѣ зѣ Бояриномъ и Воеводою, со Княземъ Дмитреемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, многую службу показалъ, противъ Польскихъ и Литовскихъ людеі стоялъ, и ихъ всѣхъ ратныхъ людеі радѣниемъ Московское Государство очистилосъ. И образъ Пречистые Богородицы Владимерские, и Великихъ Чюдотворцовъ многоцелебныхъ мощей Петра, и Олексѣя, и Ионы, и сродникъ Великихъ Государей Російскаго Царства, Благовѣрнаго и Великаго Князя Михайла Черниговскаго, и Боярина его, Феодора, и новаго страстогтерпца, Благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея, доступили, и прежнихъ Великихъ Государей Боговенчаныхъ Російскаго Царства Царя и Великаго Князя Ивана Василевича всея Русі, и праведнаго Государя Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича всея Русі, и иныхъ прежнихъ Великихъ Государей гробоносные домы отъ того оскверненія очистили, и плѣнныхъ и насилующихъ отъ бѣды храбрѣствомъ свободили, Польскихъ и Литовскихъ людеі побили и доимали: и по своему приговору дали ему в вотчину с помѣстнаго ево оклада, с тысяч четеі со ста четеі по двадцати четеі, и того дѣсти четеі, во Брянскомъ Уѣздѣ въ Воронитцой волости подѣ Рославлемъ, * Дворцовую деревню Хорошкову, да деревню Бѣхову. А по датѣ нынѣшняго 121, году, Декабря въ 15 день, по его, Микитѣне, скаске, въ деревняхъ написано: пашни и перелогу триста пятьдесятъ четвертей въ поле, а въ дву по тому жѣ, и перешло въ той ево отчине сто пятьдесятъ четеі, и тѣмъ лишкомъ владѣти ему по прежнему въ помѣстьѣ. А та вотчина ему, Микитѣ, и женѣ ево, и дѣтямъ ево, і внучатамъ ** и правнучатамъ, и в родѣ ихъ безповоротнѣ. А какъ дастъ Богъ на Московское Государство Государя, и тогда Государь велитъ на ту вотчину дати свою Царьскую жалованную грамоту за красною печатю. К сей грамотѣ Бояринъ и Воевода Князь Дмитрей Тимо-

* Слова: «подѣ Рославлемъ» приписаны сверху иными почеркомъ и чернилами въ сколько отѣнчивыми, бѣдѣе черная грамоты, которая рыжеватая.

** «І внучатамъ» тоже приписано сверху всеѣмъ иными почеркомъ и чернилами бѣдѣе черными.

оѣвичъ Трубецкой, да Стольникъ и Воевода Князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской, велѣли земскую печать приложить. Лѣта. 7121, Февраля въ 1 * день.

Печать черваго воска, а на ней одноглавый орелъ съ опущенными крыльями, кругомъ же въ ободкѣ надпись: «Печать Російскаго Государства Московскаго.»

На оборотной сторонѣ грамоты подписи:

Бояринъ Князь Дмитрей Тимофеевичъ Трубецкой.

А подписалъ Думной Діакъ Федоръ.... **

Справилъ Федка Ивановъ.

Грамота писана на двухъ листахъ желтоватой бумаги, протянутыхъ во всю длину и перехваченныхъ на концѣ ихъ бумажной подкладкой подъ печать.

* И это число написано другими чернилами блѣдыми, одинаковыми съ подписью Думнаго Дьяка.

** Далѣе нельзя разобрать.

II.

Царя и Великаго Князя, Михайла Федоровича, Казарину Ивановичу Срѣзневу, за услуги его противъ Польскихъ и Литовскихъ людей и Русскихъ воровъ при Царѣ Василю, въ нужное и прискорбное время.

Божиею милостию Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Михайла Федоровичъ, всея Руси Самодержецъ, пожаловали есмя Казарина Ивановича Срѣзнева, за его многу службу, что онъ, помятуя Бога, и Пречистую Богородицу, и Московскихъ Чюдотворцовъ, будучи у насъ въ Московскомъ Государствѣ при Царѣ Василии нужное и прискорбное время, за Вѣру Крестьянскую, и за Святѣя Божіа Церкви, и за насъ за всѣхъ Православныхъ Крестьянъ, противъ враговъ нашихъ, Польскихъ и Литовскихъ людей и Русскихъ воровъ, которые хотѣли разорить Государство Московское и Вѣру Крестьянскую попрасть, а онъ, Казаринъ, будучи у насъ, въ Московскомъ Государствѣ, во совѣте противъ тѣхъ злодѣевъ нашихъ, стоялъ крѣпко, мужественно, и многое дородство, и храбрость, и службу показалъ, и голодъ, и наготу, и всякую нужду осадную терпѣлъ многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на какую не покусился, стоялъ въ твердости разума своего крѣпко и непоколебимо, безо всякие шатости, и отъ тои жъ великие службы и отъ терпѣнья Польские и Литовские люди и Руские воры отъ Москвы отошли. И за тѣ за всѣ великие и нужные осадные службы я, Царь и Великій Князь, Михайла Федоровичъ, всея Руси, пожаловалъ-сь его, Казаринова, с помѣстного окладу, с семи сотъ с пятьдесятъ чети, и зо сто по дватцати чети, и старого его помѣстье в Каширскомъ Уѣздѣ, в Растовскомъ стану, на рѣчкѣ на Корытнѣ и в деревне Корытнѣ, да въ деревнѣ Такаревѣ, сто пятьдесятъ чети в вотчину со всѣмъ угодьемъ, что дано было ему в вотчину при Царѣ Василии за Московское осадное сиденье. А в Каширскихъ книгахъ писцовыхъ писма и мѣры Князя Ивана Гагарина с товарыщи лѣта. 7186 в деревне Карытнѣ написано: пашни паханные и передогу средней земли доброю землею с наддачью сто три чети, да в деревнѣ Такаревѣ пашни доброй земли тритцать чети, да перелогу дватцать восемь чети с осминою, и обоего в тѣхъ деревняхъ пашни и перелогу средней земли доброю землею

с наддачью сто шездесять одна четь с осминою в поле, а в дву по тому жъ, и перешло у него свѣрхъ вотчинного указа за вотчиною одиннатцать чети с осминою, и тотъ переходъ оставленъ за нимъ же, за Казариномъ, в помѣстье. Какъ по Кашире будутъ наши писцы или болшиє мѣрщики, и онѣ тое его вотчинную землю отъ помѣстной земли отмежують опрочѣ, ямы перекопають и грани потешутъ, и всякие признаки учинять вотчинную землю с одново сряду, а помѣстную по тому же. И на ту его вотчину ся наша Царская жалованная грамота, за нашею за Царскою печатью, ему, Казарину, и дѣтемъ его, и внучатамъ, и правнучатамъ, и въ родъ ихъ неподвижно, чтобъ наша Царская жалованная и ихъ великое дородство, и крѣпость, и храбрость, и служба за Вѣру и за свое отечество, послѣднимъ ихъ родомъ было на память, и ихъ служба и терпѣнья воспоминаая впредь дѣти ихъ, и внучата, и правнучата ихъ, и хто по нехъ родъ будетъ, тако жъ за Вѣру Крестьянскую, и за святыя Божия Церкви, и за свое отечество, противъ враговъ стояли мужественно, безо всякаго позыбания. А въ той вотчине Казаринъ, и дѣти, и внучата, и правнучата, по нашему Царскому жалованью вольны. Писана нашего Государства в царствующемъ граде Москвѣ лѣта 7121, Іюня въ 23 день.

Къ грамотѣ привѣшена на красномъ снуркѣ печать красного воска, а на ней, съ одной стороны, Георгій Побѣдоносецъ и вокругъ въ ободкѣ надпись: «Божиею милостию Царь и Великій Князь Михаилъ Федоровичъ,» а на другой двуглавый орелъ и продолженіе надписи въ ободкѣ же: «всеа Русіи Самодержецъ і многихъ....» (печать отъ правой руки нѣсколько отбита).

Внизу написано: «Полполтина.»

На оборотной сторонѣ грамоты въ верху: «Царь и Великій Князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи Самодержецъ.»

Внизу: «Справилъ Олекша Карнауховъ.»

Бумага и проч., какъ и у первой грамоты.

ЗНАКЪ

ОТЛИЧІЯ БЕЗПОРОЧНОЙ СЛУЖБЫ

и

НѢКОТОРЫЕ ПРОФЕССОРЫ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

I.

ПИСЬМО

Профессора Н. Н. Давыдова къ Князю Н. Н. Голицыну. *

Ваше Сіятельство,

Милостивый Государы!

Прошлаго Апрѣля мѣсяца, 9-го числа, имѣлъ я честь подавать Его Сіятельству, Князю Сергію Михайловичу, прошеніе объ исключеніи изъ Послужнаго Списка моего, для Знака отличія безпорочной службы, отмітки касательно недоимки, происшедшей въ бывшемъ Университетскомъ Пансіонѣ, въ бытность мою Инспекторомъ онаго, отъ родителей, не платившихъ въ срокъ за содержаніе дѣтей своихъ, а послѣ съ процентами взысканной, и о представленіи меня вновь къ сему Знаку.

* Князь Николай Николаевичъ Голицынъ былъ въ это время Правителемъ Канцеляріи у своего родственника, Князя Сергія Михайловича Голицына, тогдашняго Попечителя Московскаго Учебнаго Округа. О. Б.

Его Сіятельство, находя прошеніе мое совершенно справедливымъ и согласнымъ съ Высочайшими узаконеніями, составлявшимися по Знаку отличія безпорочной службы въ 1829-мъ году, Марта 30-го дня, и въ семъ 1831-мъ, Января 12-го дня, предложилъ Правленію Университета, въ томъ же Апрѣлѣ 13-го дня, за № 352, означенную отиѣтку изъ Послужнаго моего Списка исключить и вновь изготovitъ оный по прежнему, безъ сей токмо отиѣтки, и въ семъ видѣ препроводить къ Его Сіятельству, для представленія, вмѣстѣ съ прочими, къ удостоенію Знакомъ отличія безпорочной службы. Въ слѣдствіе сего предложенія Правленіе такимъ образомъ изготovitенный Списокъ и препроводило къ Его Сіятельству.

Такъ какъ нынѣ настoитъ время представленія Чиновниковъ къ сему Знаку, то я покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство, со-благоволить привести въ исполненіе сіе предложеніе и представить Его Сіятельству къ подписанію мой Списокъ, изъ Правленія препровожденный; ибо перемѣны въ пропзводствѣ дѣлъ представляются токмо къ высшему начальству. Сиямъ ко многимъ благодѣтельнымъ для меня дѣйствіямъ Вашего Сіятельства присоедините новое доказательство Вашего ко мнѣ вниманія, за что почитаю долгомъ всегда оставаться признательнымъ Вашему Сіятельству и благодарнымъ.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашего Сіятельства,

Милостивый Государь Князь,

покорнѣйшій слуга

Иванъ Давыдовъ.

1831 года, Ноября 11.

II.

П И С Ь М О

къ тому же Ректора Университета Н. А. Двигубскаго.

Милостивый Государь,

Князь Николай Николаевич!

Г. Фаворскій * спросилъ у меня, по Вашему требованію, Записки, поданной Князю Сергію Михайловичу мною и другими Профессорами, не получившими Знака отличія Безпорочной службы; копіи той Записки у меня не осталось, и я просилъ его обратиться къ Г. Антонскому; ** между тѣмъ я нашелъ у себя копію съ Записки особой, которую представлялъ Князю С. М. Дмитрію Павловичъ *** и которую Его Сіятельство изъявилъ согласіе свое представить при удобномъ случаѣ Государю. Я рѣшился сію Записку препроводить къ Вашему Сіятельству при семъ и покорнѣйше просить, употребить все Ваше ходатайство у нашего добраго начальника. Д. П. мнѣ сказалъ, что Князь С. М., по прочтеніи посылаемой Записки, сказалъ именно: «О прочихъ Профессорахъ онъ не знаетъ, но о мнѣ лично ходатайствуетъ;» изгладивъ сіе пятно изъ нашей службы, Князь окажетъ величайшее благодѣяніе. Надѣясь на Ваше ко мнѣ благорасположеніе, я осмѣлива-

* Н. П. Фаворскій, служившій тогда въ Канцеляріи Попечителя Московскаго Университета. О. Б.

** А. А. Прокоповичу-Антонскому. О. Б.

*** Голохвастовъ, тогда Помощникъ Попечителя Университета. О. Б.

юсь беспокоить Васъ моею доукою о семъ дѣлѣ. Прослужа 30 лѣтъ съ лишнимъ при одномъ и томъ же мѣстѣ безъ всякаго другого порока, бывши Секретаремъ Совѣта 18 лѣтъ безпрерывно, и при сей же должности будучи десять лѣтъ сряду избираемъ въ Деканы Отдѣленія Физико-Математическихъ наукъ, и три раза въ Ректоры; кромѣ сего, участвуя всегда во всѣхъ при Университетѣ бывшихъ Комитетахъ по разнымъ случаямъ, бывши 11 разъ Визитаторомъ Училищъ, и никогда не отказываясь ни отъ какихъ препорученій, право, больно по одной только, и при томъ чужой, винѣ, и въ которой не столько Деканы, сколько Ректоръ * и Секретарь, по множеству дѣлъ, просмотрѣли мошенничество Бухгалтера, лишиться заслуженнаго отличія безпорочной службы. Странно видѣть не только намъ, но и постороннимъ, что наши Чиновники, не служащіе вмѣстѣ и въ другихъ мѣстахъ, награждаются по тѣмъ мѣстамъ, какъ люди того стоящіе, а по Университету нѣтъ. Но это дѣло постороннее; я не смѣю повторить мою просьбу Князю С. М., да теперь не время, о увольненіи меня отъ Ректорства, истинно для меня тягостнаго и по той причинѣ, которую представилъ я въ моемъ прошеніи Г. Попечителю въ прошломъ году; ибо точно мои силы начинаютъ ослабѣвать, и я боюсь сдѣлать что ни будь по Университету такое, что навлекло бы для него непріятность, и, сверхъ того, по тому, что Ректорское званіе, для поддержанія его хотя сколько ни будь приличнымъ образомъ, требуетъ излишнихъ издержекъ, которыя и пополнялись изданіемъ изображеній растений и Магазиномъ Естественной Исторіи; но теперь Г. Министръ и вторично отказалъ въ изданіи изображеній растений, ссылаясь на то, что не онъ утверждалъ изданіе, и что онъ отдалъ это еще въ прошломъ году на произволъ Г. Попечителя. Я теперь въ большомъ затрудненіи, и покорнѣйше прошу извинить мое многослаголаніе; право, отъ избытка сердца уста глаголютъ. Ни одного не было Попечителя, при которомъ я за мои труды не былъ бы чѣмъ ни будь награжденъ; и не уже ли при такомъ благонамѣренномъ, добромъ и могущественномъ, начальникѣ останусь брошеннымъ? Я твердо надѣюсь на его благодѣтельную справедливость въ испрошеніи

выключивъ изъ Послужнаго Списка непріязненной отмѣтки, въ чемъ, конечно, не откажитесь пособить, по своему добродушію, и Вы, Милостивый Государь, снисходя на всепокорнѣйшую просьбу того, который всегда съ чувствами истиннаго почтенія и душевной преданности имѣетъ честь быть,

Милостивый Государь,

Вашего Сіятельства

покорнѣйшій слуга

Иванъ Двигубскій.

1832, Мая 18.

Москва.

III.

ЗАПИСКА

ОБЪ

исключеніи изъ Послужныхъ Списковъ непріязненной отмѣтки.

Заслуженные Профессоры Московскаго Университета: Прокоповичъ-Антонскій, Двигубскій, Цвѣтаевъ, и Ординарные: Мухинъ и Сандуновъ, въ 1829 году, вмѣстѣ съ другими Профессорами, выслужившими 15 лѣтъ и болѣе, были удостоены Университетскимъ начальствомъ представленія къ Знаку отличія безпорочной службы, но до сихъ поръ не получили упомянутаго Знака отличія, вѣроятно, по тому, что въ Послужныхъ ихъ Спискахъ, для сего составленныхъ, подъ статьею IX: «Не былъ ли подъ судомъ и въ числѣ прощенныхъ Всеимилостивѣйшимъ Манифестомъ, и именно какимъ?» находится слѣдующая отмѣтка:

«Подъ судомъ не былъ; въ числѣ прощенныхъ самъ по себѣ не былъ, но по случаю растраты 1710 рублей казенныхъ денегъ

бывшимъ Бухгалтеромъ Университета и Помощникомъ Кассира, Титулярнымъ Совѣтникомъ Попелахинымъ, пополненіе оныхъ денегъ предполагалось Правительствующимъ Сенатомъ, по неумоществу его, Попелахина, возложить на Присутствующихъ Университетскаго Правленія (въ числѣ коихъ Прокоповичъ-Антонскій былъ Ректоромъ, а Двигубскій, Цвѣтаевъ, Мухинъ и Сандуновъ Деканами); но на основаніи V-й статьи Всемиловѣйшаго Манифеста, 1826 года, Августа 22-го дня, отъ онаго изъавленъ Указомъ Правительствующаго Сената, даннымъ Московской Палатѣ Уголовнаго Суда 1-му Департаменту, 1828 года, 12 дня.»

1. Изъ самой отмѣтки явствуеть, что никто изъ Присутствующихъ въ Университетскомъ Правленіи Членовъ нигдѣ подъ судомъ не былъ, и ни отъ одного изъ нихъ ни какихъ свѣдѣній и запросовъ о растратѣ денегъ требовано не было, а находится подъ слѣдствіемъ одинъ только бывшій Бухгалтеромъ Попелахинъ, наказанный за свою вину не опредѣленіемъ впредь ни къ какимъ дѣламъ. Если бы онъ былъ въ состояніи самъ внести растрченную сумму, то и не было бы надобности возлагать пополненіе оной на Присутствующихъ Университетскаго Правленія и распространять на нихъ силу Всемиловѣйшаго Манифеста. По симъ причинамъ и Правительствующій Сенатъ не опредѣлилъ вносить сего обстоятельства въ Послужные Списки выше означенныхъ Профессоровъ, а сдѣлана прописанная отмѣтка въ слѣдствіе предложенія бывшаго въ то время Попечителемъ, Генералъ-Маіора Писарева, съ оправдательнымъ, впрочемъ, объясненіемъ. Указомъ же 1830 года, Генваря 13 дня, Высочайше повелѣно: «Отмѣчать въ Послужныхъ Спискахъ токмо выговоры отъ Высочайшаго Имени, штрафы и взысканія, налагаемыя Правительствующимъ Сенатомъ и Уголовными инстанціями.»

2. Въ дополнительныхъ статьяхъ 1829 года, Марта 30 дня, Высочайше утвержденныхъ, въ статьѣ 14 повелѣно: «Не исключать изъ выслуги лѣтъ бытности подъ судомъ, когда подсудимые оправданы;» а упомянутые Профессоры не только не имѣли нужды въ оправданіи, но ни слѣдствію, ни суду, подвергаемы не были.

3. Въ 23 статьѣ упомянутыхъ дополненій изображено: «Представлять къ Знаку отличія безпорочной службы Чиновниковъ По-

чтоваго Вѣдомства, подвергшихся денежному взысканію и замѣчанію начальства за растрату денегъ, съ прописаніемъ только сущности дѣла и причинъ, побуждающихъ начальство представлять таковыхъ Чиновниковъ къ Знаку отличія, и на семъ основаніи повелѣно поступать и другимъ Вѣдомствамъ.» По сему же пункту одни только Чиновники, подвергшіеся по слѣдствію сомнѣнію въ умышленномъ злоупотребленіи и оставленные въ подозрѣніи, не удостоиваются Знака отличія безпорочной службы. Означенные же Профессоры не сами растратили деньги и ни какому сомнѣнію въ злоупотребленіи, или злоумышленіи, не подлежатъ, но въ теченіи многолѣтней своей службы и занимая разнообразныя должности, при непоколебимой правственности, всегда оказывали себя вѣрными, постоянными и точными исполнителями въ дѣлахъ службы, что означено и въ Послужныхъ ихъ Спискахъ.

Касательно же отмѣтки въ графѣ XIV Послужнаго Списка Профессора Антонскаго, внесенной въ оной также въ слѣдствіе предложенія бывшаго Попечителя, Генералъ-Маіора Писарева, и относящейся къ долгамъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, въ которомъ онъ былъ Директоромъ, то какъ долги сіи накопились не по его винѣ, а по не своевременному взносу денегъ родителями воспитывающихся въ ономъ Пансіонѣ дѣтей, и теперь взносомъ денегъ родителями и представленнымъ имъ, Антонскимъ, вмѣстѣ съ бывшимъ Инспекторомъ Пансіона, Давыдовымъ, надлежащимъ залогомъ, совершенно очищены, и дѣло сіе почтено начальствомъ въ 1831 году конченнымъ, то обстоятельство сіе слѣдуетъ изъ Списка его, Антонскаго, исключить.

МОНИНСКОЕ СОГЛАСІЕ

ВЪ МОСКВѢ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Сдѣсь помѣщенъ Уставъ Согласія Покровской Мониинской часовни; за тѣмъ Канонникъ, по которому совершался обрядъ вѣчанія у, такъ называемыхъ, новоженевъ Мониинскаго Согласія, и Епитимейникъ, въ которомъ изложены правила о церковномъ взысканіи за нарушеніе правилъ выше упомянутаго «Устава.»

Со дня раздѣла съ господствующею Церковью, Расколъ бросилъ вѣтви по всей Россіи; корень же его остался въ Москвѣ, какъ въ главной средѣ Старовѣрческаго движенія.

До 1771 года разновѣрующіе не дѣйствовали явно; вся дѣятельность ихъ ограничивалась совращеніемъ въ Расколъ слабѣйшихъ изъ членевъ господствующей Церкви: то дѣлалось въ тайнѣ, скрытно. Въ этомъ году постигла Москву моровая язва; Правительству, преслѣдовавшему до того времени Старообрядцевъ, не до нихъ было въ годину народнаго бѣдствія, а они, пользуясь симъ бѣдствіемъ, выпросили разрѣшеніе построить на свой счетъ карантинъ и при немъ кладбище, подъ предлогомъ общественной пользы; и такъ основалась секта Безпоповцевъ Преображенскаго кладбища; въ слѣдъ за этѣмъ воздвиглось и Рогожское Поповщинскаго Согласія, * и за тѣмъ Покровская Мониинская часовня Поморскаго Со

* Филипповская часовня.

гласія. Объ этой послѣдней помѣщаемъ мы нѣсколько свѣдѣній, со дня ея существованія до нашего времени.

Основателемъ ея былъ нѣкто Василій Емельяновъ, бывшій сначала самъ однимъ изъ главныхъ членовъ Преображенской Θεодосіевской общины, перешедшій къ Поморскому Согласію, въ слѣдствіе разномыслія съ Θεодосіевцами относительно моленія за Царя и брачной жизни, чего Преображенцы не допускали.

Василій Емельяновъ первый возсталъ на отверженіе Преображенцами браковъ, отошелъ отъ Θεодосіевской общины къ Поморцамъ, и въскорѣ обратился онъ къ своимъ единомышленникамъ съ такою рѣчью: «Стыдно намъ теперь, Православные Христіане, таиться, когда Θεодосіевцы кичатся; стыдно не имѣть общественной молебни. Они упрекаютъ насъ, будто мы служимъ молебны и благословляемъ браки въ конюшняхъ: необходимо устроить намъ молитвенный домъ, чтобъ избѣгнуть поношенія.» Воззваніе было принято единодушно всѣми Поморцами, и немедленно, совокупными стараніями, они составили въ Москвѣ общество Поморцевъ изъ 50 человекъ, въ числѣ коихъ были и богатые купеческія семейства, какъ то: Пимень Алексѣевъ, каретникъ, жившій въ приходѣ Св. Пимена въ Воротникахъ, Василій Ѳедоровъ Монинъ, въ Покровской Части (нынѣшнемъ 5-мъ кварталѣ Лефортовской Части), Андрей Тимоѣевъ Заикинъ, на Никитской улицѣ, и Никифоръ Петровъ, ленточникъ.

Василій Емельяновъ, пользуясь своимъ вліяніемъ и сочувствіемъ къ его воззванію богачей Московцевъ, выше упомянутыхъ нами, сдѣлалъ сборъ, для устройства и основанія молебни Поморскаго Согласія. Сборъ былъ такъ удаченъ, что немедленно было приступлено къ осуществленію возникшаго намѣренія: купленъ домъ съ большимъ количествомъ свободной земли, выстроили на дворѣ деревянную часовню, а при ней просторное зданіе для «призрѣваемыхъ,» по примѣру Преображенскаго кладбища. Эта молебня находилась въ нынѣшнемъ 2-мъ кварталѣ Лефортовской Части, въ приходѣ Св. Ирины, на Покровской улицѣ. Мѣстность и домъ укрѣплены были за Московскимъ купцомъ Василіемъ Ѳедоровымъ Мониннымъ, который занимался ходатайствомъ по частнымъ исковымъ дѣламъ, большею частію Старообрядческимъ, родственникомъ

Емельянова, въ слѣдствіе чего молеельня эта и получила названіе Монинской.

Такъ какъ начало устройства часовни принадлежало Емельянову, то онъ былъ избранъ Настоятелемъ, а Василій Монинъ его помощникомъ, а въ послѣдствіи Монинъ былъ попечителемъ часовни.

Покровская Монинская часовня, съ самаго своего основанія, руководствовалась правилами, принятыми Выговскимъ общежитіемъ, т. е., уставомъ Андрея Денисова; хотя въ послѣдствіи и расширила она значительно предѣлы ученія о бракѣ, но никогда не отлагалась отъ ученія своего Согласія. Главныя начала Покровской часовни заключаются въ слѣдующемъ: «Женившіеся не согрѣшаютъ; бракъ чистъ, ложе не скверно и не блзненно. Подобаеть молиться за поддержація власти.» Остальныя правила, какъ читатели увидятъ изъ прилагаемыхъ ниже постановленій Монинской часовни, составляютъ не болѣе, какъ исправленіе тѣхъ статей Θεодосіевскаго Устава, въ которыхъ послѣдователи Ковылина отступили отъ здраваго смысла и отъ коренныхъ положеній первоначальнаго Раскола.

Сдѣсь не лишнимъ считается указать и на иногородныя Согласія Поморской общины, которыя въ ту пору уже существовали въ слѣдующихъ городахъ: 1) въ Вологдѣ, подъ управленіемъ купцовъ братьевъ Кокоревыхъ; 2) въ Саратовѣ, подъ управленіемъ купца Алексѣя Казанова, очень вліятельнаго человѣка между Раскольниками, и не въ одной только Саратовской Губерніи, и 3) въ Рыбинскѣ, подъ настоятельствомъ купца Θεодора Тюменева.

Ученіе Покровской молеельни направлено было противъ ученія Преображенцевъ, и Настоятель ея, Василій Емельяновъ, заботился исключительно о привлеченіи въ свою общину Θεодосіевцевъ Преображенскаго кладбища. Цѣль эта достигалась очень просто. Такъ какъ ученіе Ильи Ковылина не допускало правильной семейной жизни, и новожены не могли присутствовать на общей братской молитвѣ съ Преображенцами, да и не допускались между своими единовѣрцами ни къ ястію, ни къ питію, ни къ любви, ни къ дружбѣ, то Василій Емельяновъ допустилъ ихъ въ свою Покровскую общину, съ условіемъ предварительнаго испытанія весьма не отягочительныхъ обрядовъ: переходящій въ ихъ общину Θεодосіевецъ клалъ

только восемь поклоновъ въ молельніѣ, отправлялъ непродолжительный постъ, цѣловалъ Крестъ и Евангеліе, и, по исполненіи сихъ обрядовъ, онъ дѣлался прихожаниномъ Монинской часовни, тогда какъ Θεодосіевцы, при переходѣ Поморцевъ въ ихъ Согласіе, заставляли переходившихъ класть тысячи поклоновъ, нести продолжительные посты и присягать торжественно на вѣрность кладбищу (смотри. Сборникъ Н. Попова, т. «І-й: Польскій уставъ и Чинъ оглашенія»). Кромѣ того, допускалось, и даже какъ бы дѣлалось необходимымъ, въ Покровской часовнѣ брачное сожителство, съ благословенія родителей и Поморскихъ наставниковъ, также и моленіе за Царя, чего Θεодосіевцы не позволяли. Подобная уступка Покровской часовни, въ глазахъ учителей Преображенскаго кладбища, служила для пхъ, единовѣрцевъ соблазнительнымъ примѣромъ; въ слѣдствіе этого возникла между ними непримиримая вражда, выразившаяся въ послѣдствіи безконечнымъ рядомъ препирательныхъ писемъ, направленныхъ преимущественно на Поморскихъ учителей и «Новоженовъ.»

Ежели Покровская Монинская часовня уступала Преображенскому кладбищу численностію прихожанъ, то можно сказать, что къ этой молельніѣ принадлежали люди болѣе сильные и вліятельные между Старобрядцами, и если не умомъ, то матеріальными средствами: «Хотя малое стадо, но крѣпкое,» говаривалъ Емельяновъ; Монинское Согласіе было образованнѣйшей частью Московскихъ Безпоповцевъ.

Васидій Емельяновъ управлялъ Покровской часовнею 30 лѣтъ, умеръ въ 1797 году, на 68 году отъ рожденія. По смерти его званіе Настоятеля принялъ на себя братъ Емельянова, Алексѣй, и управлялъ этой часовнею до начала XIX вѣка.

Въ послѣдствіи ревностнымъ прихожаниномъ Монинской молельни былъ уроженецъ города Зарайска, Московскій купецъ Гаврило Пларіоновъ Скачковъ, который, какъ видно изъ помѣщенного ниже «Прошенія» на Преображенское кладбище, былъ Θεодосіевецъ, какъ и Емельяновъ. Онъ учился у кого-то изъ лицъ духовнаго званія и былъ однимъ изъ лучшихъ Старобрядческихъ писателей. Скачковъ въ скоромъ времени сдѣлался ревностнымъ распространителемъ ученія Емельянова о сводныхъ бракахъ въ Безпоповщинѣ, совершаемыхъ въ Покровской молельніѣ. Онъ установилъ правила

для совершенія браковъ съ молебнымъ пѣніемъ, и написалъ для этого «Уставъ», «Канонъ» и «Епитимейникъ», о которыхъ мы упомянули выше. По принятіи имъ настоятельства въ часовнѣ, вниманіе его прежде всего было обращено на внутреннее устройство общины и на основаніе прочнаго капитала. Съ этою цѣлю Скачковъ завелъ при молебнѣ, такъ называемую, «Брачную книгу», для внесенія въ нее именъ всѣхъ повѣнчанныхъ въ часовнѣ Московскихъ и иногородныхъ Старообрядцевъ, поручивъ веденіе этой книги зятю своему, Андреяну Сергѣеву (тоже перешедшему изъ Θεодосіевцевъ), и постановивши правиломъ дѣлать, при записи въ книгу, со стороны вступающихъ въ бракъ, посильныя денежныя приношенія, не менѣе, впрочемъ, 10 рублей; богатые платили гораздо больше, и ихъ пожертвованія доходили иногда до 1000 рублей. Другому своему зятю, Захѣру Ѳедорову Бронину, Скачковъ поручилъ писаніе иконъ для молебни и на продажу, при чемъ вырученные за иконы деньги тоже обращались въ общественное достаяніе часовни. Самъ Скачковъ принялъ на себя служеніе въ молебнѣ и надзоръ за проживавшими при ней, число коихъ простиралось тогда до 80 человѣкъ; онъ же былъ и духовнымъ отцомъ прихожанъ этой молебни.

При вступленіи своемъ въ управленіе часовнею, Скачковъ нашелъ въ своей общинѣ упущенія, несоблюденіе установленныхъ брачныхъ правилъ часовни, и написалъ «Епитимейникъ», т. е., уставъ о взысканіяхъ за несоблюденіе правилъ, который и помѣщаемъ въ слѣдъ за его брачнымъ «Канонникомъ.»

Покровская часовня, какъ мы уже сказали выше, имѣла прихожанъ болѣе вліятельныхъ и сильныхъ по вещественнымъ средствамъ. Еще до 1812 г. она пріобрѣла почти всѣхъ богачей изъ Старообрядцевъ того времени; почти всѣ они были прежде послѣдователями Преображенской Θεодосіевской общины: Максимъ Ѳедоровъ Зенковъ, Евѣимъ Ѳедоровъ Осининъ, Тимоѣей Даниловъ Шевалдышевъ, Θεопемптъ Яковлевъ, жившій въ Срѣтенской Части, Филиппъ Елисеевъ, Григорій Ивановъ Позументчиковъ, Акимъ Дмитріевъ, серебрянникъ, Иванъ Пименовъ, каретникъ и проч. и проч. Число прихожанъ Покровской часовни около 1812 года увеличилось до 4000, а число призрѣваемыхъ перешло уже за сотню.

Въ такомъ блестящемъ видѣ засталъ Монинскую часовню памятный для Россіи 1812 годъ. Въ это время Скачковъ употребилъ всѣ силы, чтобы сохранить достояніе своей часовни, какъ-то: деньги, иконы, книги и проч.; все это было вывезено изъ Москвы въ разныя Губерніи: Ярославскую, Саратовскую, Костромскую, Астраханскую. Призрѣваемыхъ же при часовнѣ Скачковъ, съ общаго согласія, перевезъ къ купцу Евстигнѣву, и взялъ слово, что онъ не покинетъ «несчастныхъ» ни въ какомъ случаѣ; а этотъ крайній случай былъ очень возможенъ; по тому что Покровцы отнюдь не рассчитывали вступать, подобно Θεодосіевцамъ Преображенскаго кладбища, въ какія либо сношенія съ Французами, тогда какъ Безпоповцы Преображенскаго кладбища выдали руками золото, — огромнаго быка, могилу отцовъ своихъ и родину врагу Отечества (смот. Исторію Преображенскаго кладбища въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1862 г., № 2). Самъ же Скачковъ, съ своими зятями, тоже не выѣзжалъ изъ Москвы, дѣля съ призрѣваемыми радость и горе. Въ 1813 году онъ встрѣтилъ и возвратившихся изъ разныхъ странъ Россіи Покровцевъ.

1812 годъ для Москвы былъ, какъ извѣстно, самымъ бѣдственнымъ: пожаръ и враги Отечества превратили столицу почти въ одно пепелище, въ томъ числѣ и Покровская часовня была сожжена, такъ что отъ нея осталось едва одно основаніе.

Первымъ дѣломъ возвратившихся въ Москву Поморцевъ было построеніе новой часовни. Начались пожертвованія, явились богатые вклады купцовъ: Василія Ѳедорова Панфилова, Никона Матвѣева Гусарева, Акима Андреева, Ѳедора Макарова Фарыскова, Сидора Герасимова Шмакова, сургучника, Тимофея Михайлова Ракова, Михайла Васильева, рамщика, Петра Алексѣева Вѣтрова, Егора Семёнова. Иногородные Поморцы также приняли участіе въ пожертвованіи: изъ Вологды прислали свои вклады Кокоревы, изъ Борисоглѣбска Звѣздины, изъ Рыбинска Тюменевы, изъ Углича Ждановъ, изъ Ярославля Молотковъ и Моховъ. Получивши такимъ образомъ богатые вклады, Скачковъ немедленно приступилъ, по совѣту своихъ прихожанъ, къ отдѣлкѣ новой часовни, которая была уже выстроена каменная въ два яруса. Перенесли изъ домовъ прихожанъ все нужное для часовни, и также свезенныя изъ разныхъ странъ вещи,

вывозившіяся изъ Москвы отъ непріятеля. Часовня украсилась еще лучше прежней, и богослуженіе, совершавшееся Скачковымъ временно въ домахъ прихожанъ, перенесено въ часовню. Число при-зрѣваемыхъ при часовнѣ опять перешло за 100, а число прихожанъ дошло до 4256 человекъ.

Такимъ образомъ дѣла Покровской часовни шли весьма успѣшно, и число прихожанъ увеличивалось со дня на день, въ ущербъ Преображенскому кладбищу. Скачкову уже было трудно одному и настоятельствовать, и быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, духовникомъ прихожанъ его часовни; онъ, съ общаго совѣта прихожанъ, избралъ себѣ въ помощники Антипа Андреева, Московскаго мѣщанина, родомъ изъ Владимира, который жилъ въ своемъ домѣ, въ Колосовомъ переулкѣ, Срѣтенской Части, и имѣлъ хорошее состояніе.

Принявши себѣ помощникомъ Антипа Андреева, Скачковъ, чрезъ нѣсколько времени отправился странствовать по Руси: посѣщалъ обители своихъ единовѣрцевъ, изучалъ ихъ общежитіе, службу, а главное предостерегалъ Поморцевъ отъ ученія, враждебныхъ Покровской часовнѣ, Θεодосіевцевъ Преображенскаго кладбища. Не извѣстно, долго ли продолжалось путешествіе Скачкова, но во время его отсутствія Антипъ Андреевъ управлялъ часовнею и велъ дѣла не хуже самаго Скачкова: онъ усилилъ при часовнѣ торговлю книгами, писанными, большею частію, иногородными Поморцами, а равно торговлю иконами, такъ что Поморцы со всѣхъ концовъ Россіи начали съѣзжаться въ часовню для бесѣды съ ея настояникомъ и за пособіями, иные же и за покупками, именно книгъ и иконъ, которыя предпочитали другимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣзжались желающіе получить благословеніе на бракъ отъ Настоятеля часовни: «Онъ благословитъ, говорили Раскольники, да и въ книгу запишетъ.» Средства часовни тоже стали увеличиваться.

По возвращеніи Скачкова изъ путешествія, онъ снова вступилъ въ управленіе дѣлами часовни, и управлялъ ими, съ помощію Антипа Андреева, до самой своей смерти. Въ 1818 г. Скачковъ написалъ сочиненіе: «О мнѣніяхъ Θεодосіевцевъ Преображенскаго кладбища, и о различіи ихъ ученія отъ ученія Покровской часовни. Мы помѣщаемъ его ниже.

Въ 1821 г., 15 Августа, Скачковъ умеръ, проживши около осьмидесяти лѣтъ, и его должность занялъ Антипъ Андреевъ.

Какъ великъ былъ капиталъ Покровской общины, когда вступилъ въ должность Андреевъ, не извѣстно; извѣстно только, что общественныя деньги хранились, въ настоятельство Скачкова, у купца Гусарева. Антипъ Андреевъ, кромѣ торговли книгами и иконами, открылъ особый доходъ для часовни—отъ пѣвчихъ: это его личное нововведеніе. Въ то время пѣвчихъ, во всей Старообрядческой средѣ въ Россіи, имѣло только Преображенское кладбище. Были, правда, пѣвцы и въ Выговскомъ монастырѣ, на Керженцѣ, въ Стародубѣ и Москвѣ при Филипповской часовнѣ, но въ особенности славилась пѣвчіе у Преображенцевъ. Андреевъ, желая ослабить и въ этомъ дѣлѣ преобладаніе Преображенскаго кладбища, завелъ своихъ пѣвчихъ, которые въ послѣдствіи были лучше и пѣли стройнѣе Преображенскихъ, что отчасти привлекало Старообрядцевъ къ Покровской часовнѣ. Прихожане вполнѣ сочувствовали этому нововведенію, и наиболее достаточные изъ нихъ предложили Андрееву брать его пѣвчихъ на всенощныя, обыкновенно совершавшіяся въ домашнихъ молебныхъ богачей, чрезъ что, разумѣется, увеличились пожертвованія въ часовню. Кстати перечислимъ домашнія молебни: 1) купца Н. М. Гусарева, во 2-мъ кварталѣ Лефортовской Части; 2) купца В. Ѳ. Панфилова, въ Прѣсененской Части; 3) купца Ѳ. Зенкова, во 2-мъ кварталѣ Лефортовской Части; 4) купца С. Г. Шмакова, сургучнаго фабриканта, тамъ же; 5) Купца А. П. Соколенкова, тамъ же; 6) купца И. Макарова, тамъ же; 7) мѣщанина Соловьева, въ 3-мъ кварталѣ Лефортовской Части; 8) купца Д. Д. Бавыкина, тамъ же; 9) купца Панкротова, въ 6-мъ кварталѣ той же Части; 10) купца Ѳ. Макарова, во 2-мъ кварталѣ Рогожской Части; 11) купца Н. П. Шевалдышева, въ Тверской Части; 12) купца Прокофьева, тамъ же; 13) купца Бѣляева, въ Мѣщанской Части, и 14) купца Е. Евѣимова, въ Срѣтенской Части. Всѣ эти молебни, особенно молебни купцовъ Панфилова, Шевалдышева, Шмакова, Зенкова и Гусарева, имѣли богатые иконостасы и разнаго рода цѣнные украшенія, а сходбища въ нихъ далеко не ограничивались семейными кружками: онѣ всегда были полны народомъ, особенно когда Андреевъ началъ являться въ нихъ съ своими пѣвчими.

Успѣхи Антипа Андреева наиболѣе были замѣчательны въ 1827 году. Прихожанъ въ Покровской часовнѣ набралось до 7000, а при-зрѣваемыхъ при ней состояло около 200 человекъ.

Это увеличеніе прихожанъ отчасти слѣдуетъ приписать миро-любивому духу распространенія Поморцевъ и отчасти отсутствію стѣсненія со стороны мѣстной полиціи, которая даже не задолго предъ тѣмъ выхлопотала, у высшаго начальства, признаніе законными браки, совершавшіеся въ Покровской часовнѣ, для чего и была за-ведена книга, какъ мы выше сказали, хранившаяся у Андреяна Сергѣева. Не дозволено было, однако же, Покровскимъ наставни-камъ вѣнчать иногородныхъ Раскольниковъ. Разумѣется, на самомъ дѣлѣ это условіе въ отношеніи къ иногороднымъ не было испол-няемо. Покровцы также вѣнчали иногородныхъ, какъ и Московцевъ, только съ большею платою за записку въ книгу, хотя она исключи-тельно была установлена для столичныхъ Раскольниковъ. *

* «Свидѣтельство о бракѣ.

1835 года, Октября 24 дня, на основаніи Высочайшихъ существующихъ Указовъ, всемілостивѣйше Старообрядцамъ о бракахъ состоявшихся 1718, Марта 2 и Октября 9, 1719, Марта 24, 1762, Декабря 14, 1775, Марта 17, ст. ст., и Высочайше утвержденного въ 26 день Марта, 1819 г., мнѣнія Государственного Совѣта и Правительствующимъ Сенатомъ распубликованнаго Указомъ въ Апрѣлѣ 1819 г., и по Указу Правительствующаго Сената, распубликованному отъ 4 Января, 1819 г., мы нижеподписавшіеся симъ свидѣствуемъ, что дворовый человекъ Семенъ Тимофѣевъ, Старообрядецъ Ярославской Губерніи, Ростовскаго Уѣзда, Экономической Жадимеровской волости, деревни Сельниковъ, съ крестьянской дочерью, дѣвицею Матреною Федоровою, Старообрядкою, въ Москвѣ Лефортовской Части въ Старообрядческомъ общественномъ домѣ, сего 1835 г., Октября 23 дня, вступилъ въ законное супружество, оба пер-вымъ бракомъ. Въ утвержденіе чего, по Указу Московскаго Магистрата 2-го Департамента 1804 г., Февраля 15 дня, означеннаго Старообрядческаго дома Попечителя подписуемся: Московской 1 гильдіи купецъ Никаноръ Матвѣевъ Гусаревъ, Московской мѣщанинъ Маркелъ Никитинъ. Подпись рукъ удостовѣряю Лефортовской Части 4 квартала Квартальный Надзиратель Колосовскій.

Въ третьей книгѣ записной 1835 г., № 13.

Съ подлиннымъ вѣрно: Села Хаседѣва Священникъ Іоаннъ Николаевъ Воскре-сенскій.»

Чета, которой дано это свидѣтельство, Θεοδοσιεύскаго Согласіа.

Маловажный случай повелѣлъ къ раскрытію этого злоупотребленія Покровской часовни. Разъ пріѣхала вѣнчаться какая-то богатая чета изъ Владимирской Губерніи. Бракъ совершился, молодые уѣхали домой, и дѣло, казалось бы, было кончено. Вышло, однако же, не такъ. Приходскій Священникъ той мѣстности, гдѣ жили новобрачные, донесъ своему начальству о злоупотребленіи Покровцевъ въ вѣнчаніи браковъ. Началось изслѣдованіе заявленнаго дѣла, по которому добрались и до другого, болѣе важнаго. Антипъ Андреевъ, не извѣстно по чему, вопреки Поморскимъ установленіямъ, отмѣнилъ молитву за Царя, и не признавалъ браковъ, совершенныхъ въ Православной Церкви. Это заставило мѣстныя власти упразднить моленную Покровцевъ, съ передачею земли, на которой она была построена, наслѣдникамъ Монины. Впрочемъ, полиція оказала тутъ Покровцамъ всевозможныя услуги, естественно, за извѣстную благостыню: прежде чѣмъ опечатывать часовню, она предупредила Покровцевъ, кои и успѣли вывезти изъ часовни иконы и утварь въ домашнюю моленную купца Гусарева. Тогда домашняя моленная купца Гусарева обратилась въ общественную, и призрѣваемые размѣстились частію у Гусарева, а частію у купчихи Рудаковой. Антипъ же Андреевъ продолжалъ распространять ученіе по прежнему.

Этотъ случай, постигшій Покровскую часовню, еще болѣе соединилъ общину, и заставилъ быть болѣе осторожными въ отношеніи полицейскихъ властей. Такъ какъ прихожане не могли вмѣщаться въ одну общую моленную, и богослуженіе совершалось по разнымъ домамъ и по частнымъ молебнямъ, то Антипу Андрееву одному трудно было управляться съ службами: онъ вызвалъ двухъ помощниковъ: наставника Михайла Яковлева, изъ города Гороховца (Владимирской Губерніи), и Поморца Казанкова, изъ Саратова, поручивъ имъ отправленіе домашнего богослуженія.

Для вящаго же значенія, Андреевъ вызвалъ еще, изъ того же Гороховца, гдѣ иноки славились своимъ благочестіемъ, монаха Тарасія. Лишь только появился при часовнѣ этотъ монахъ, какъ къ нему нахлынули цѣлыя толпы стариковъ и старухъ, для полученія разрѣшенія отъ грѣховъ: значительная часть прихожанъ избрала его своимъ духовникомъ.

Сдѣсь, для сохраненія послѣдовательности мы вынуждены возвратиться къ прежнимъ событіямъ, имѣющимъ неразрывную связь съ настоящими. Андреянъ Сергѣевъ, какъ мы видѣли выше, былъ зять Гаврила Ларионова Скачкова. Онъ занималъ должность главнаго прикащика у купца Л. Осипова. Сергѣевъ, обойденный послѣ теста настоятельствомъ, только наружно ладилъ съ часовнею. Въ его завѣдываніи была упомянутая выше брачная метрическая книга, привлекавшая къ [Покровской] часовнѣ многихъ Московскихъ и иногородныхъ Поморцевъ, только по тому, что записанные въ ней браки признавались Правительствомъ.

Андреянъ Сергѣевъ свелъ дружбу съ, призрѣваемымъ у купца Грачова, прихожанномъ Преображенскаго кладбища, который, по своимъ убѣжденіямъ, болѣе подходилъ къ ученію Поморскому. Грачовъ, лишившись на старости лѣтъ единственнаго сына, выстроилъ, въ память умершаго наследника своего, моленную, во 2-мъ кварталѣ Лефортовской Части, и при ней помѣстилъ нѣсколько бѣдняковъ своего Согласія, съ тѣмъ, чтобы они молились за упокой души любимаго его сына. Въ числѣ призрѣваемыхъ былъ, между прочими, бѣглый солдатъ Н. В. Онисимовъ, перешедшій, укрываясь отъ суда, въ Θεодосіевское Согласіе въ 1813 г. Благодаря стараніямъ Бѣлевскаго купца, Е. И. Сорокина, и содѣйствію, за извѣстную благодарность, Казначей Московской Управы Благочинія, Онисимовъ былъ приписанъ въ Московскіе мѣщане, по билету умершаго въ Бѣлевѣ его роднаго брата, и такимъ образомъ съ этой стороны положеніе Онисимова было обезпечено. Вотъ съ этѣмъ-то Онисимовымъ Андреянъ Сергѣевъ, изъ личныхъ своихъ видовъ, свелъ дружбу, какъ съ человѣкомъ нужнымъ въ моленную Грачова. И Онисимову представлялись выгоды отъ знакомства съ Сергѣевымъ, какъ съ человѣкомъ имѣющимъ въ рукахъ своихъ такую важную для Покровцевъ браковписную книгу. Изложеніе дальнѣйшихъ событій объяснить читателямъ поводы этого загадочнаго сближенія.

Сергѣевъ придумалъ съ своимъ сообщникомъ средство, для охлажденія прихожанъ къ введенному Антипомъ Андреевымъ въ Покровской моленной, крюковому пѣнію, о которомъ мы говорили выше. На это-то пѣніе Сергѣевъ обратилъ свое оружіе, доказывая,

что крюковое пѣніе извращаетъ слова церковныхъ пѣсней, которое идетъ не по удареніямъ, ни мало не вразумительно, между тѣмъ какъ Аввакумовскій Уставъ: «пѣть протяжно и безъ перемѣны голоса,» дѣлаетъ понятнымъ каждое слово. Старый Поморскій напѣвъ, введенный Антипомъ Андреевымъ, не соотвѣтствуетъ, говорили они, грамматическимъ правиламъ произношенія словъ, и исполнять его грѣшно; ибо заповѣдь Протопопа Аввакума обязываетъ «не тянуть голосъ, когда поешь, не дѣлать возвышеній и пониженій, не измѣнять словъ, но ровно произносить, какъ бы разговоръ, чтобы не было разврату.» Мысль Сергѣева раздѣляли: купецъ Ѳ. Фарыковъ, Чугуевскій Казакъ Т. Алексѣевъ, купецъ С. Яковлевъ и другіе. Отыскавъ былъ Уставъ Аввакума, и мѣщанинъ П. В. Сорокинъ взялся обучить пѣвчихъ новому напѣву. Но лишь только новый безобразный хоръ огласилъ часовню, какъ Настоятель, Антипъ Андреевъ, прихожане купцы: Морозовъ, Гусаревъ, Шевадышевъ и Зенковъ, «возопили противъ новаго раскола, осквернивашаго (перемѣною крюковаго пѣнія на нарѣчное) часовню.» Оскорбленные нововводители составили отдѣльную партію, и были преданы Монинцами проклятію. Хоръ пѣвчихъ раздѣлился: одни пѣли по крюкамъ, а другіе по Аввакумовски. Начались споры, брань, даже драка среди службы; случалось, страсти разгорались до такой степени, что стоящіе за богослуженіе, бросали не отпѣтымъ покойника, къ огорченію родныхъ, и проч. Ни одна сторона не уступала. Раздѣленіе часовни на два враждебные стана должно было неизбѣжно послѣдовать; оно, впрочемъ, было задумано напередъ. Андреянъ Сергѣевъ перешелъ съ своими въ молеблю Грачова, ввелъ въ ней съ Онисимовымъ Аввакумовское пѣніе, началъ вѣнчать браки, «съ записью ихъ въ похищенную имъ брачную книгу,» и число прихожанъ Грачовской молебни скоро достигло до 3000, да призѣваемыхъ при ней собралось до 200 человѣкъ.

Слѣдствіемъ такого успѣха Сергѣева и Онисимова было соединеніе съ Грачовской часовней Поморскихъ общинъ: Стародубской, Волоколамской и Поморцевъ по берегамъ Хутыни, Оки и Волги. Хотя послѣдователи старой Покровской часовни и говорили: «Онисимовъ совращалъ слабодушныхъ слѣдовать его напѣву, и забыли малодушные Христіане крюковой уставъ, которымъ поютъ сами Ангелы, предались губящему душу нарѣчному пѣнію,» однако Онисимовъ

продолжалъ свое дѣло безъ пререканій. Впрочемъ, отдѣленіе отъ Покровской часовни Сергѣева вызвало усиленную дѣятельность и въ Антипѣ Андреевѣ. Онъ успѣлъ подчинить своей часовнѣ Поморцевъ подмосковнаго села Зуева и почти весь Покровскій Уѣздъ Владимирской Губерніи, а брачную книгу, унесенную Сергѣевымъ, замѣнилъ выдачею свѣдѣтельствъ, за подписью первостатейныхъ прихожанъ.

Въ 1836 году Антипѣ Андреевѣ умеръ. На его мѣсто избранъ былъ Настоятелемъ часовни нѣкто Петровъ, ленточникъ. Капиталъ часовни простирался тогда до 60 тысячъ рублей. Въ помощники Петрову, за старостію лѣтъ, избраны были Казанковъ и Тарасій.

Въ 1843 г. Казанковъ, по смерти Петрова, сдѣлавшись Настоятелемъ, снова объединилъ общину и увеличилъ ее до 9000 человекъ, но это было только до его смерти, послѣдовавшей въ 1847 г. Тогда прихожане Покровской часовни все таки распались на мелкія партіи, и изъ этѣхъ партій образовались еще особыя моельни: 1) три Морозовскія, въ 3 кварталѣ Яузской Части, въ домѣ богача Елисея Морозова, * сдѣлавшагося прихожаниномъ Покровской часовни изъ Поповцевъ; Настоятелемъ ея сдѣланъ былъ мѣщанинъ М. Андреевъ; 2) въ Лефортовской Части, въ его же домѣ, гдѣ назначена, для отправленія богослуженія, послѣ мѣщанина Д. А. Маморина, взятаго въ темницу, крестьянская дѣвка Дарья Нефедьева, съ старухами, содержавшимися при моельнѣ на счетъ Морозова; 3) на фабрикѣ Морозова, въ селѣ Зуевѣ, гдѣ служба отправлялась самимъ хозяиномъ. Моельня эта, благодаря дѣятельности Морозова, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе преуспѣвала: было дошло до того, что Морозовъ задумалъ увѣковѣчить свое имя, назвавши Зуевскихъ фабрикантовъ «Морозовскимъ Толкомъ», для чего раздавалъ бесплатно матеріи и другія вещи, привлекая этѣмъ мірянъ къ своему Согласію. Елисей Морозовъ признаетъ Антихриста чувственнымъ, вопреки Поморскому ученію, и ввелъ другія особенности противъ ученія Поповцевъ; 4) во 2-мъ кварталѣ Лефортовской Части, въ домѣ купца Соколова, въ которую

* Елисей Савичъ Морозовъ скончался въ Февралѣ 1868 г., въ Москвѣ.

наставниками назначены: С. Яковлевъ, С. Матвѣевъ и Г. И. Бронцевъ (первый въ 1854 году присоединился къ Единоувѣрію); 5) въ 1-мъ кварталѣ Рогожской Части, въ домѣ Д., у купца А. П. Заицева: наставникомъ въ ней былъ тотъ же Бронцевъ.

Та же участь постигла и Грачовскую моленную: она также распалась на партіи. Примѣръ Андреяна Сергѣева соблазнилъ одного изъ Петербургскихъ Поморскихъ наставниковъ, нѣкоего Петра Онуфриева. Онъ распространилъ слухъ, чрезъ своихъ людей между Старообрядцами въ разныхъ мѣстахъ Россіи, что ему позволено Святѣйшимъ Синодомъ совершать браки и выдавать брачныя свѣдѣтельства. Вѣнчаніе Поморцевъ пошло свободно и въ Петербургѣ. Слухи объ этомъ дошли и до Святѣйшаго Синода; назначено было слѣдствіе. Онуфриевъ указалъ на примѣръ Сергѣева. Послѣдній успѣлъ только скрыть до обыска брачную книгу и долженъ былъ спѣшить выпутаться въ Петербургъ, снабженный отъ Грачовской общины 50 тысячами рублей. Разными происками онъ хотѣлъ и успѣлъ въ этомъ, но вести брачную книгу ему запрещено навсегда. * Документы Покровской Монинской моленной я получилъ отъ Евдокіи Гавриловны Бронниной, родной дочери Настоятеля часовни, Гаврила Ларіонова Скачкова, бывшей прихожанки Монинской моленной, перешедшей, въ 1843 году, въ Единоувѣріе. Эта женщина была замѣчательна своимъ, рѣдкимъ въ Расколѣ, образованіемъ и основательнымъ знаніемъ классическихъ языковъ, преимущественно Греческаго, а равно и Богословія. Въ послѣдствіи я помѣщу нѣкоторыя изъ ея статей противъ Раскола, особенно противъ Преображенскаго кладбища, гдѣ раскрыто много тайнъ Старообрядческаго быта. Е. Г. Бронина скончалась въ Москвѣ, въ 1862 году, на 76 году своей жизни.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о религіозномъ значеніи Покровскаго (Монинскаго) Согласія. Оно было основано, какъ мы и сказали, на ученіи братьевъ Денисовыхъ,

* Этими свѣдѣніями мы воспользовались изъ статьи: «Исторія Покровской Моленной», напечатанной въ журналѣ: «Православное Обозрѣніе», № 6-мъ, за 1863 годъ.

основателей Поморскаго Согласія, и дѣйствительно шло по основоположенію Поморскихъ учителей до настоятельства Гаврила Ларіонова Скачкова, чловѣка весьма замѣчательнаго въ Старообрядческой средѣ. Читатели найдутъ ниже его сочиненія, и прочтутъ его «Прощеніе,» поданное объ увольненіи изъ общины Преображенскаго кладбища, изъ чего увидятъ, что Скачковъ также, какъ и Василій Емельяновъ, Андреянъ Сергѣевъ и другія замѣчательныя личности Раскола, былъ прежде Феодосіевскаго Толка. Что именно заставило ихъ перейти отъ Преображенскаго Ильи Алексѣева Согласія къ Покровской Мониинской часовнѣ, мы постараемся объяснить, на основаніи помѣщенныхъ ниже документовъ.

Согласіе Безпоповцевъ Преображенскаго кладбища принадлежитъ къ числу Раскольническихъ Согласій самыхъ враждебныхъ Православной Церкви: здѣсь характеръ ереси доходитъ почти до крайней степени ожесточенія, и развѣ только уступить въ своей напряженности Согласіямъ Филипповцевъ и Бѣгунковъ или же Странниковъ, и становится, такъ сказать, насильствіемъ совѣсти своихъ послѣдователей. Каждое насиліе, по законамъ природы, а равно и по законамъ общественнымъ, необходимо вызываетъ противодѣйствіе. Здѣсь противодѣйствіе выразилось въ отпаденіи отъ Преображенской общины Согласія Покровской часовни. Изувѣрство Преображенцевъ пробудило нѣкоторые, не вполне еще подавленные имъ, умы, указало имъ всю нелѣпость изувѣрныхъ убѣжденій, порожденныхъ не выводами безпристрастной мысли, а слѣпою, безсознательною враждою къ Православію. Покровцы отторглись отъ Толка, и въ «Уставѣ» своемъ (смотри ниже) искренно и безбоязненно исповѣдали свои прежнія заблужденія, и указали причины, побудившія ихъ отречься отъ этихъ заблужденій.

Отпаденіе этихъ новотолковъ не было вызвано какою либо Богословскою распрею: оно совершилось естественнымъ ходомъ разочарованія, мирно, не шумно, не громко, благодаря дѣятельности Емельянова, Скачкова и другихъ, чрезъ которыхъ образовалось въ Москвѣ новое Согласіе Покровской Мониинской часовни. Небольшое число людей, какъ мы видѣли, наиболѣе образованныхъ въ общинѣ, отошло отъ кладбища, не для того, однако же, чтобы присоединиться къ Православной Церкви, убѣдившись въ истинѣ ея ученія, а един-

ственно, чтобы устранился отъ исповѣданія безмысленныхъ вѣрованій, не имѣющихъ ни какого разумнаго основанія. Этѣ разновѣрцы не шли, какъ мы уже сказали, къ Православію, а, между тѣмъ, сами не зная того, къ нему приблизились, и это сближеніе было не притворнымъ сближеніемъ Окружнаго посланія, а искреннимъ невольнымъ сознаніемъ, не устранимаго преобладанія истины. Замѣчательно, что основатели Покровской Мониинской часовни были люди, какъ мы уже сказали, наиболѣе просвѣщенные изъ цѣлой общины, каковы: Василій Емельяновъ, Скачковъ, Андреянъ Сергѣевъ и другіе. Не доказываетъ ли это, что, по мѣрѣ распространенія истиннаго просвѣщенія въ Раскольничьихъ Согласіяхъ, свѣтъ истины все болѣе и болѣе проникаетъ въ нихъ? Не предвѣщаетъ ли это, что всѣ Раскольники, удерживаемые въ своихъ заблужденіяхъ только невѣжествомъ, необразованностію и закоренѣлымъ упрямствомъ, необходимымъ спутникомъ не просвѣщенной мысли, не развитой природы, обратятся къ истинной Церкви, какъ только свѣтъ истиннаго просвѣщенія озаритъ ихъ? Образованность тѣмъ, или другимъ, путемъ необходимо проникнетъ въ огрубѣвшій отъ историческихъ причинъ низшій слой нашего общества. Быть можетъ, мы не далеки уже отъ того времени, когда Русскій Старовѣръ раздвинетъ пошире теперешніе предѣлы своей разумно-нравственной дѣятельности, когда мысль его перестанетъ быть отголоскомъ чужихъ звуковъ, когда чувства его, застывшія въ холодной атмосферѣ безучастія, оттаютъ, осмыслятся, сдѣлаются воспримчивѣе, и это омраченное подобіе Создавшаго его будетъ сердечно горѣть теплою истинною вѣрой къ Создателю, не по внѣшней только формѣ благочестія, завѣщанной ему праотцами, но и по душевной потребности, какъ долга совѣсти, какъ влеченія признательнаго сердца. Тогда Расколъ увидитъ свои заблужденія, и ему не нужно будетъ насилій изувѣрства, чтобы обратиться къ истинной Церкви, къ господствующему на Руси Православію.

Возмещено Цензурой Москва 28 Июня 1869 г.

Печат. въ Литограф. при Музеумѣ на Мясницкѣй

ГАВРИЛАЪ ЛАРИОНОВИЧЪ СКАЧКОВЪ.

(Родился 1745 г. умеръ 1821 года.)

Вокругъ портрета Скачкова на подлинникѣ сдѣлана слѣдующая надпись:

«Московскій мѣщанинъ, Старообрядецъ, Гавріилъ Іларіоновичъ Скачковъ, родился 1745 г., Марта 18-го, скончался 1821 г., Августа 15-го.»

Внизу же самаго портрета написаны стихи, сочиненные Андреемъ Сергѣевымъ, такого содержанія:

«Спасительна ума, премудрости любитель,
Чтилъ вѣру, чинъ, законъ, неправды обличитель,
Сей дѣвству честь принесть, супружество почтилъ,
Закономъ дѣвства нѣтъ, писаньемъ изъяснилъ.»

I.

УСТАВЪ ВРАЧНЫЙ ПРАВОВѢРНАГО СТАРОВѢРЧЕСТВА.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ самаго начала, какъ родилось въ Россіи священное имя «Старовѣръ», и до истеченія осьмагонадесяти вѣка, такъ Старовѣрство угнетаемо было проклятымъ тиранизмомъ и постыднымъ предразсудкомъ, соединеннымъ съ суевѣріемъ, что едва могло возникать на стези откровенія и природы въ разсужденіи шестой тайны. А это все по тому, что нѣкоторые ученые, естли жь ихъ можно назвать (такowymi), проповѣдавши о сей жизни трагическимъ образомъ и облекшись по большой части въ трауръ, почитая его истуканомъ, и представляя себѣ оное дѣйствіе въ видѣ священной роли, брали особенно каждая оружія клятвъ и поражали всякаго, противящагося ей..... Тогда невѣжество надъ ихъ сердцами торжествовало, премудрость попираема и обожаема была хаосъ; нѣкоторые особы, познакомясь нѣсколько съ Откровеніемъ и натурою брачною, погрѣшность замѣчали, вздыхая и удивляясь слѣпотѣ ожесточенныхъ сердець. Но сами, напротивъ того, мало отступая отъ водворившейся въ душѣ ихъ постыдной мѣты; поелику не имѣли въ виду положительныхъ истинъ сего предмета, а по тому и не было, какъ рѣшительнаго исповѣданія о сей тайнѣ, такъ и священнаго чина или порядка, совершаю-

* Первая половина Брачнаго Устава, отъ Предисловія до конца: «Предварительныя наблюденія законныхъ браковъ», сочинена, 1803 года, въ Москвѣ, Павломъ Онуфріевымъ Любопытнымъ. Смотри его «Словарь и Каталогъ», на стр. 161-й, изданія Н. И. Попова.—Сдѣсь, однако, тотъ и другой (Словарь и Каталогъ) составляютъ простую перепечатку ихъ изъ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ», 1863 г., кн. I, отд. 1, стр. 1—178. О. Б.

щаго оную публично въ молитвенномъ храмѣ; по сей самой причинѣ въ истинномъ даже Старовѣрствѣ брачное совершеніе существовало во многовидномъ и преглуномъ безобразіи относительно до Религіи и наружностей. Не смотря на такія плачевныя разстройства, стыдъ и позоръ всѣмъ Виѣшнимъ, содрогались, вздыхали и ужасались, будучи Царское священіе, языкъ святъ, находилися у всѣхъ почти Исповѣданій въ крайнемъ презрѣніи, поношеніи и яко овощномъ хранилищѣ; для того пророчески сказать: «Ревность дому твоего, Господи, снѣсть мя.» Призвавъ въ помощь Всевышняго Бога, рѣшились всѣ оныя постыдства въ истинныхъ сочленахъ ослабить и пресѣчь, и образовать сей предметъ разумомъ, благочиніемъ и непоколебимостію; по чему, соображаясь со временемъ и правами людей, издали, на первый разъ, сей «Брачный Уставъ,» дабы Церковь сохранить отъ всѣхъ немѣностей, Творца своего восхвалять и прославить, совершающей же четѣ милость Божію получить, а труждающимся въ священномъ семъ изданіи вящшей благодати сподобиться, и, по заглаженіи всѣхъ продерзостей противъ своего виновника жизни, насладоваться превыспреннія небеса, и во вѣки вѣкомъ съ Создателемъ оныхъ царствовать.

ГЛАВА I.

Предварительныя наблюденія законныхъ браковъ.

Первое положеніе.

Всякъ, кто вознамѣрится вступить въ союзъ священнаго брака, и чтобъ оный навсегда былъ твердъ, непоколебимъ и счастливейшій, по подобію дому Израилева, то долженъ быть засвидѣтельствованъ въ храмѣ Бога живаго отъ служителей Всевышняго; а по тому и обязывается каждый истинный сочленъ Церкви о семъ предметѣ вступленія объявить за нѣсколько дней Настоятелю,

Настоятель, по извѣстіи сего, долженъ немедленно о намѣреющихся брачиться прилежно разсмотрѣть:

1. Родство ихъ степеней, какъ духовное, такъ и тѣлесное.
2. Годы, кои бѣ были сообразны Правиламъ Святыхъ Отецъ, какъ молодыхъ, такъ и пожилыхъ, людей.
3. Не пущеница ли?
4. Не имѣть ли другого мужа, равно и у него имѣть ли другой жены?
5. Не господская ли: то надобно отъ одного имѣть отпускную.
6. Не бѣглая ли?
7. Не было ли у котораго когда общанія на цѣломудренную жизнь?
8. Дозволяютъ ли родители, или пачальствующіе? Но сей дозволъ служить въ разсужденіи обстоятельствъ и годовъ брачующихся. И такъ, естли въ означенныхъ пунктахъ не будетъ противорѣчія, то, по росписаніи свидѣтелей, на то въ опредѣленной книгѣ, должно таковой бракъ, яко законный, надлежащимъ образомъ оомолитвословить. Буде жъ что окажется сему разсмотрѣнію противное, то онаго брака, яко незаконнаго, не молитвословить, подѣ казню изверженія настоятельскаго сана, или строжайшаго наказанія.

Второе положеніе.

Ежели Ѳеодосѣйцы, или Филипповы, либо которая изъ нихъ часть изъ упомянутаго Исповѣданія, то надобно ихъ исповѣдать, и при томъ еще узнать, что чистосердечно ли признаютъ существо брака въ взаимномъ согласіи жениха и невѣсты, продолжающемся во весь свой вѣкъ? И когда согласятся на сіе мнѣніе, тогда уже и разсматривать въ нихъ перваго положенія пункты, и естли онымъ противнаго открыто не будетъ, то ихъ слѣдуетъ оомолитвословить.

Третіе положеніе.

Если жь случится Внѣшняя, или Уніятская, * либо Старообрядческая ** часть, то на этотъ разъ должно быть гораздо осторожнѣе; разсмотрѣвши всѣ опасныя обстоятельства подробно, приступать къ образованію оной такимъ образомъ: буде не окажется изъ обстоятельствъ противорѣчій, то разсматривать найстрожайше перваго положенія пункты, и, по неоказаніи противностей опытъ, надобно огласить, научить и крестить. Послѣ котораго омовенія не омовитвословливать восемь дней. Сіе наблюдать должно найстрожайше, подѣ отлученіемъ отъ Церкви.

Г Л А В А II.

Порядокъ законнаго брака.

§ 1. Благоразумные родители, соображаясь, какъ съ натурою *** дѣтей своихъ, такъ и со всѣми обстоятельствами внѣшностей, должны совѣтоваться съ сыномъ своимъ, что время ему сопрящися законному браку, равно и дочери предлагаютъ, что время ей быть въ супружествѣ.

§ 2. И если оныя на такіе приговоры окажутъ знаки своего желанія, то родители, или воспитанники ихъ, должны не-

* Уніаты тѣ, которые, какъ новые, такъ и древніе, догматы признаютъ за равносильными.

** Поповщина; они называются такъ по тому, что имѣютъ бѣглыхъ, изверженныхъ и недостойныхъ, Поповъ; Старообрядцами же проименованы за то, что находящійся въ нѣмъ существующей Россійской Церкви въ новомъ вкусѣ или фигурѣ церковный обрядъ замѣчаютъ быть не согласнымъ съ древнимъ Святыхъ Отецъ положеніемъ, и не вникая въ цѣль оного, или разсматривая оной церемоніи таинство и исповѣданіе объ ономъ же Внѣшнихъ, по тому и принимаютъ отъ Россійской Церкви нѣкоторыя таинства за благодатныя.

*** Съ натурою, если оны сложеніемъ крѣпки, здоровы и находятся въ нихъ особенно побужденія къ соитію, или даже разумъ и лѣта довольныя.

медленно посылать свата, или сваху, съ объявленіемъ своего намѣренія, что такой-то имянно прислалъ объяснить требованіе свое, который желаетъ вашу дочь сопрясти съ сыномъ своимъ законнымъ бракомъ, или намѣревается выдать дочь свою въ супружество вашему сыну.

§ 3. Особы, которыя въ совершенныхъ лѣтахъ и ни отъ кого не зависимы, сообразясь съ своими обстоятельствами, оное сватовство могутъ чинить самолично, но благопристойнѣе чрезъ ходатаевъ.

§ 4. Ходатаи должны быть правовѣрны, яко чада свѣта, а не тмы внѣшнихъ толковъ.

§ 5. Чрезъ которыхъ ходатаевъ узнавши обѣ стороны свои пользы и желаніе, дѣлають договоръ о приданомъ, родители жениха и невѣсты лично, или посредствомъ росписи ходатаи.

§ 6. И ежели согласятся съ обѣихъ сторонъ на упомянутое предложеніе росписи, то женихъ, или родители, либо воспитанники его, назначутъ время смотра.

§ 7. На сей смотръ сторона невѣсты, прибывшихъ въ хорошемъ уборѣ родителей жениха и родственниковъ, или, вмѣсто ихъ, пріятелей, принимаютъ благосклонно и учтиво въ домъ невѣсты; прибывшіе смотрѣльщики, при входѣ своемъ въ покои, перекрестясь, дѣлають трикратное поклоненіе въ поясъ Святымъ иконамъ, и, поздравствовавшись съ домашними, приглашаются сими садиться подлѣ стола, впереди и назади онаго. Помѣшкавъ нѣкоторыя минуты, является невѣста въ великолѣпномъ видѣ присутствующимъ и, поклонившись, поднося питіе, спрашивается бываетъ женихомъ, или родителями жениха, или ходатаемъ, о имени ея, состояніи, или другихъ какихъ вещахъ; равнымъ образомъ и съ невѣстиной стороны должно наблюдаемо быть оное дѣйствіе. И такъ реченнымъ видомъ поступая, невѣста въ одномъ уборѣ выходитъ троекратно, или перемѣняя оное по волѣ жениха, или родителей, сколько разъ показывается, гдѣ обѣ стороны должны разсматривать одинъ другого весь фасонъ: всѣ черты лица, вкусъ, обороты и всю пріятность каждой особы. По рѣшеніи

сего, прибывшіе отпускаются въ свои дома, съ такою ласкою съ невѣстиной стороны, какъ и прибытіе ихъ было.

§ 8. И не усмотри съ обѣихъ сторонъ ни какихъ противорѣчій, опредѣляется отъ нихъ лично, или посредствомъ ходатая, время зарученія или рукобитія.

§ 9. Оное рукобитіе отправляется такимъ образомъ послѣ полдень: собравшись въ домъ находящейся невѣсты, въ богатомъ платьѣ, какъ невѣстины родственники съ друзьями, такъ и женихъ съ своими родителями, еслии существуютъ, и родственниками, если есть, а то хотя съ друзьями, и краткое время посидѣвъ, вводится невѣста пышно одѣтая въ залу прибывшихъ гостей и, подходя къ онымъ тихимъ и важнымъ образомъ, и ставши, кланяется всѣмъ, говоря: «Здравствуйте, почтеннѣйшіе господа и госпожи навсегда!» Пришедшіе, по входѣ невѣстиномъ возстаютъ и откланиваются оной съ словами: «Равно и вамъ, сударыня, желаемъ того жъ, и еще успѣть во всѣхъ предпріятіяхъ вашихъ счастливо!» И цѣлуетъ невѣста всѣхъ гостинныхъ женъ. По окончаніи сего подноситъ оная жениху, родителямъ, дружкѣ и прочимъ, смотря по большинству, кто какой употребляетъ напитокъ, послѣ чего, раскланявшись, невѣста отходитъ въ надлежащее свое мѣсто. Выдающіе и съ жениховой стороны родители, или ходатаи, дѣлаютъ разговоры относительно до нареченной чести, то есть, жениху и невѣстѣ, одинъ другому нравятся ли во всѣхъ обстоятельствахъ? Нѣтъ ли какихъ запутанностей или сумнительствъ, о приданомъ, равно и споровъ? И еслии съ обѣихъ сторонъ окажутъ знаки своихъ удовольствій, то родители новобрачныхъ поставляютъ рядомъ, жениха съ правой, невѣсту съ лѣвой, стороны, и кладутъ обыкновенный «началъ» всѣ прибывшіе гости, выключая Виѣшнихъ, по окончаніи котораго старѣйшій замолитствуетъ. По сказаніи аминя, поютъ стихи: Первой: «Владычице, пріими молитву рабъ своихъ!» Второй: «Не остави насъ въ человѣческое предстояніе!» Третій: Подаждь утѣшеніе своимъ рабомъ, Всенепорочная!» И по пропѣтіи каждаго стиха, класть земный поклонъ. Наконецъ: «Слава и нынѣ,» «Господи помилуй,» дважды, «Господи благослови!» и отпускаетъ старѣйшина: «Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, ради молитвъ пре-

чистыя ти Матере и свитыхъ славныхъ и всехвалныхъ Апостолъ, (и святихъ, которыхъ имена имѣють женихъ и невѣста) и всѣхъ святихъ, помилуй и спаси насъ, яко благъ и человеколюбецъ!» и по «аминѣ: «Господи помилуй!» трижды. Потомъ отецъ невѣсты, ставши съ образомъ, лицомъ къ четѣ, а мать оной, также обратясь лицомъ къ новобрачающимся съ хлѣбомъ, имѣющимъ на себѣ въ солоницѣ соль; чета становится лицомъ впередъ покая, и, перекрестясь, полагають два въ поясъ поклона, и, приступая благоговѣнно съ молитвою, перекрестясь, цѣлуютъ святыи образъ и кланяются, перекрестясь, поклонъ до земли, и поцѣловавши въ уста отца, кланяются и ему до земли; потомъ мать, взявши оную икону, а хлѣбъ отецъ, и сочетавающая чинять тотъ же священныи обрядъ, какъ и со отцемъ производили; точно такимъ образомъ чета поступаетъ и съ жениховыми родителями. По прекращеніи сей церемоніи, отецъ невѣсты, взявши назначенную въ бракъ дочь за десную руку, вручаетъ жениху, называя его имя съ отчествомъ, говоря: «Сія наша дочь, которую вручаемъ тебѣ по волѣ Творца нашего въ вѣчно не расторгенное супружество; и ты съ ней живи въ страстѣ Божіи и въ соблюденіи святиаго его заповѣди, одинъ другого слушайте здравыхъ разсужденій, во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ, ложе храните свято; и ты чадо, чти мужа своего, яко главу тѣла твоего!» Женихъ, принявши отъ отца руку невѣсты, кланяется ему въ поясъ и, поцѣловавъ ее трижды, ведетъ за правую руку, и садятся за столъ, за которымъ продолжая малое время, вставши невѣста, подноситъ жениху стаканъ квасу, или другого питія, по выкушаніи коего даритъ жениха, а по приѣмѣ дара, чета дѣлаетъ три поцѣлуя. Такимъ образомъ поступаетъ невѣста съ родителями и всѣми гостями по большинству, и каждый, по принятіи дара, поклонившись говоритъ: «Господинъ новобрачный! Я желаю и хочу видѣть васъ навсегда въ супружеской любви.» Женихъ, по выраженіи сихъ словъ, цѣлуетъ невѣсту трижды. Въ продолженіи сей бесѣды женихъ держитъ у невѣсты руку, а пѣвчіе поють стихи: «Богъ, творецъ всесильный,» * и другіе, относительны къ сему предмету; и, по удовольствіи сего торжества всѣхъ присутствующихъ гостей, расходятся они въ свои дома.

* Смотри. Сборникъ о Расколѣ, изданіе Н. Попова, выпускъ IV-й.

§ 10. Къ вечеру, во второй день рукобитія, женихъ съ дружкой, одѣвшись въ хорошее платье, прибываютъ къ невѣстѣ съ принадлежащими ей подарками, при входѣ которыхъ, какъ богатоубранная невѣста, такъ и домашніе, жениха всѣми ласками встрѣчаютъ и, по обыкновенныхъ поясныхъ трехъ перекрестясь поклонахъ святымъ иконамъ, здравствуются съ родителями невѣсты и прочими, и цѣлуется чета тоекратно, и, взявши женихъ невѣсту за руку, садятся за столъ, и нѣсколько времени поупражняся въ хорошихъ разговорахъ, дружка съ родителями, или отважно смѣлый женихъ; невѣста, вставши за онымъ столомъ, подноситъ жениху стаканъ питья, и паки, взявъ его, по выкушаніи дарить его, при полученіи коего цѣлуется чета трижды; симъ видомъ поступаетъ невѣста съ выдающими и прибывшими гостями. И каждый при полученіи оныхъ даровъ долженъ упомянутыя слова въ § 9-мъ говорить. Послѣ чего невѣста паки подноситъ жениху стаканъ питья, кой, откушавъ онаго, подноситъ невѣстѣ, и та поступаетъ тако, и отдаетъ стаканъ, потомъ просто прочимъ подноситъ. Въ продолженіи сей бесѣды поются брачныя стихи. Таковое посѣщеніе жениха къ невѣстѣ одинаковымъ образомъ бываетъ до того дня, въ который совершается бракъ.

§ 11. Женихъ, посѣщавши такимъ образомъ нѣсколько разъ невѣсту, опредѣляетъ, посредствомъ дружки, или лично, либо начальствующими его, день торжественнаго сговора.

§ 12. На сговоръ прибывши въ вечеру женихъ въ такомъ видѣ, со всею своею свитою, въ домъ невѣсты, какъ предписано въ § 9-мъ, принимаютъ отъ невѣсты съ прочими, и онъ поступаетъ сдѣсь такъ, какъ описано въ § 10-мъ, выключая только изъ оныхъ, что сдѣсь прежде даровъ женихъ, яко глава, подноситъ рюмку питья невѣстѣ, и, не выпивши половину оной, принявъ, и самъ допиваетъ; послѣ сего невѣста дарить его перстнемъ, равно и оный и еѣ подноситъ перстень, говоря: «Жизнь моя! Какъ сей перстень дарю вамъ въ знакъ сердечной любви моей, такъ равно искренно желаю и хочу оную продолжить во всю жизнь свою, по подобію Икупителя нашихъ душъ, обручившагося съ церковью своею.» Это выражаемо бываетъ съ обѣихъ сторонъ четы.

§ 13. Въ послѣдній день предъ бракосочетаніемъ, подъ вечеръ, отправляется дѣвичникъ, на который женихъ и дружка, прибывши въ домъ невѣсты въ изрядномъ уборѣ съ наилучшими подарками ея украшеній, долженъ поступать и приниматься прекрасно одѣтой невѣстою и всей ея свитою, такъ какъ показано въ § 10-мъ; по рѣшеніи даровъ, поцѣловавшись чета троекратно, оставляютъ столъ и подъ назрѣніемъ невѣсты, женихъ съ дружкой принимаютъ отъ выдающихъ по договору или росписи опредѣленное ей приданое, и отвозятъ въ домъ жениха; женихъ и дружка распрощавшись съ родителями невѣсты, а онъ съ супружницей своей, ласковыми поцѣлуями, отбываютъ какъ женихъ, такъ и всѣ собравшіеся, въ свои дома.

§ 14. Въ самый же день бракосочетанія прибываютъ, отъ жениха дружка со свахою и свѣчникомъ въ хорошемъ убранствѣ въ домъ невѣсты, которыя отъ выдающихъ встрѣчаются, и при входѣ своемъ въ покои, помолившись троекратно въ поясъ, и поздороваясь, приглашаются садиться въ передъ, коимъ тогда жъ, посредствомъ выдающихъ, является богато убранная невѣста, и, поздравствовавшись съ прибывшими за ней, занимаетъ столъ, подлѣ коей правую сторону держитъ небольшихъ годовъ мальчикъ, лѣвую сваха, дружка жъ съ свѣчникомъ въпереди, и по поднесеніи, невѣстою онымъ по стакану питья и даровъ, дружка, торгуя у мальчика косу невѣсты, забавнымъ и почтительнымъ образомъ и съ тысячъ или сотъ имперіаловъ сходятъ на рубли и копейки, и по окончаніи продажи сей, взявши мальчикъ договорную цѣну, оставляетъ столъ, сваха же беретъ косу, и, расчесавши оную, завязываетъ лентою, и оставивъ невѣста сѣдалище свое, становится въ рядъ со всею свитою лицомъ къ образамъ, и полагаютъ всѣ купно обыкновенный началъ, и по пропѣтіи трехъ при концѣ стиховъ, благословляется отъ выдающихъ, невѣста святою иконою, въ сообразность § 9-го, и вышедши въ другой покой, убирается она въ наилучшій уборъ, и помолясь троекратно въ поясъ, распрощается со всѣми домашними и выводится изъ дому опредѣленною особою, коимъ предшествуетъ свѣчникъ съ святою иконою, дружка жъ и сваха съ прочими богато выраженными сопровождаютъ ее къ молитвенному храму, родители жъ остаются въ домѣ. И прибывши невѣста въ такой пыш-

ности къ оному храму, встрѣчается ожидавшимъ въ уборной, женихомъ и прочими, и, ухватясь за руки, чета шествуетъ со всѣми прибывшими въ храмъ, коимъ предшествуетъ свѣчникъ со благословеннымъ образомъ, носящимъ предъ нимъ въ одномъ или двухъ подсвѣчникахъ возженные свѣщи, и ставши новобрачные рядомъ среди храма, женихъ на правой, невѣста на лѣвой, сторонѣ, прочіе жъ подлѣ ихъ благочинно у свѣчника жъ. Взявши причетникъ образъ, поставляетъ на лѣвой сторонѣ, подлѣ крылоса, на налож. съ горящею предъ нимъ въ подсвѣчникѣ свѣщею во все молитвословіе четы. Пѣвчіе жъ при самомъ входѣ сей за прагъ церковный, поютъ по крылосамъ антифоны:

1. Гласъ 5. На горы души воздвигаемъ.

2. Десная ти рука.

3. Гласъ 7. Боящійся Господа.

4. Окрестъ трапезы.

5. Гласъ 8. Воззвахъ къ тебѣ, Господи.

6. Се нынѣ что добро.

§ 15. Женихъ на отбытіе къ молитвословію брака въ дому своемъ полагаетъ съ родителями своими обычный «началь» и благословляется отъ оныхъ святою иконою предписаннымъ порядкомъ, кромѣ хлѣба и соли.

§ 16. По окончаніи молитвословія въ уборной заплетаютъ невѣстѣ косы и убираютъ главу ея женскимъ уборомъ.

§ 17. По прибытіи изъ молитвеннаго храма новобрачныхъ съ провождающими ихъ особами въ домъ жениха, предваряетъ имъ на крыльце, или въ сѣни, свѣчникъ съ благословящимъ образомъ. Родители жениха, встрѣтя, отецъ держа святую икону, а мать хлѣбъ, и на ономъ солоница съ солью, стоя рядомъ съ свѣчникомъ на упомянутомъ мѣстѣ лицомъ къ четѣ, коя въ особенности женихъ и невѣста, предъ сею иконою полагаютъ съ крестнымъ знаменіемъ два поясные поклона и, приложась къ нему, перекрестясь, полагаютъ третій поклонъ до земли, и поцѣ-

ловавъ отца, кланяются и ему до земли, и, приближась къ матери, цѣлуютъ хлѣбъ и ее и кланяются до земли, потомъ шествуютъ родители, свѣчники, новобрачные и вся ихъ взаимная свита, по два въ рядъ, въ покои, и поставя иконы въ надлежащее свое мѣсто, хлѣбъ и соль среди стола, полагаютъ всѣ совокупно, кремъ Внѣшнихъ, перкрестясь, три поясные поклона святымъ образамъ, и поздравствовавшись чета со всѣми прибывшими, которые взаимно поздравя о благополучномъ совершеніи ихъ брака, желаютъ успѣвать во всѣхъ счастливыхъ успѣхахъ, при цвѣтущемъ здравіи. Послѣ сего новобрачные отходятъ въ особую комнату для сложенія лишняго съ себя платья; по переправкѣ сей, новобрачные впереди, а прочіе всѣ по большинству, занимаютъ столъ; чета, сидя не кушавъ, продолжаетъ до трехъ перемѣнъ яствъ, отходятъ въ свою спальню, изъ коей выходя, не однократно подчиваютъ гостей; по окончаніи стола свита, поблагодаря за угощеніе чету, и желая имъ быть навсегда счастливыми, распрощавшись, отбываютъ въ свои дома, а новобрачные наслаждаются драгоценнымъ своимъ покоемъ.

§ 18. На второй день бракосовершенія, новобрачная даритъ родственниковъ своего супруга и прочихъ; потомъ женихъ съ дружкой одѣвшись великолѣпно, прибываютъ въ домъ тестя и тещи, кои, встрѣтя ихъ, принимаютъ ласково и, помолившись троекратно въ поясъ, благодарятъ выдавшихъ, называя ихъ отцомъ и матерью, за честное и благонравное воспитаніе супружницы своей, и желаютъ имъ благоденствія и счастливыхъ во всемъ успѣховъ, и по просьбѣ выдававшихъ, зять съ дружкой садятся, по подареніи оныхъ и родственниковъ невѣсты, кои всѣ отдариваютъ взаимно, приглашаются къ столу кушать, кои, откушавъ легкимъ и оборотнымъ образомъ, просятъ къ себѣ кушать, и отбываютъ къ прочимъ супружницы своей родственникамъ съ дарами, которые также отдариваютъ, смотря по дарамъ, и просимы бываютъ кушать, и возвращаются немедленно въ свой домъ. По прибытіи всѣхъ гостей, чета лично угощаетъ ихъ, по мѣрѣ своего состоянія, и сіе угощеніе продолжается, по состоянію каждой особы, день, или два, либо три и болѣе.

II.

ПОРЯДОКЪ ПРИСОЕДИНЕНІЯ.

Присоединяющій спрашиваетъ.

Чего ради вы къ себѣ насъ призвали?

Отвѣтствуетъ:

Изъявити наше желаніе, чтобы присоединиться къ вашему Православному сословію.

Спрашиваетъ:

Для чего же вы отъ того общества, въ которомъ пребываете, объявляете желаніе самовольно отдѣлиться?

Отвѣтствуетъ:

Для того, что усмотрѣли мы нѣчто разгласное съ Православнымъ содержаніемъ.

Спрашиваетъ:

Извольте объявить истинно самую истину, для чего желаете къ намъ присоединиться?

Отвѣтствуетъ:

Азъ рабъ Божій (имя рекъ), рассматривая въ единосогласныхъ по Вѣрѣ Христіанѣхъ чиносодержанія и о разныхъ дѣяніяхъ разсужденія, усмотрѣлъ нѣкая разномѣнія, и, по довольномъ разсматриваніи и разсужденіи, желаніе мое возымѣлось присоединиться къ вашему Православному собранію. Сего ради.

Какъ я, находясь въ обществѣ или Согласіи, называемомъ Θεодосіевымъ, усмотрѣлъ нѣкая разгласія съ мудрованіемъ и содержаніемъ Православно-Христіанскимъ, не упоминая ихъ (Θεодосіевцевъ) прежніе творимые съ Правовѣрными раздоры о четырехъ буквахъ, пишемыхъ на крестѣ Христовѣ: **Ї. Н. Ц. Ъ.**; о воздѣваніи рукъ во

дни Святыя Пасхи, и прочихъ несогласіяхъ съ Древле-Православною Церковію, которая уже множайшими отложена суть, а воспоминаю токмо нынѣшняя:

1) Многіе изъ нихъ Святѣйшую Евхаристію отъ лѣтъ древнихъ, аще гдѣ хранимую, не пріемлютъ, и говорятъ: хотя бы гдѣ она и дѣйствительно была, но уже своей святости и силы лишилась. Чего ради и безчестными и злохульными нарицаніями именовсловають, въ чемъ я съ ними не соглашаюсь.

2) Святыхъ угодниковъ Божіихъ мощи, находящіяся во обладаніи Инославныхъ, именуютъ лишившимися Божіа благодати и святости не имущими. Но я такового мнѣнія не имѣю, а паче увѣрюсь словесамъ Пророка, вѣщающаго: «Хранить Господь вся кости ихъ (Пс. 33, 21).

3) Святыя иконы, хотя гдѣ и древлеписанныя, имѣющіяся въ домахъ Православно-Христіанскихъ, но токмо не согласующихся съ ними, оныя иконы поклоненіемъ не почитаютъ и ни каковыя чести первообразнаго ради не воздають. Но я таковое мнѣніе не пріемлю и съ таковымъ разумомъ не соглашаюсь.

4) Многіе Святое Писаніе не согласно разсуждаютъ и сущую исторію, ясно что сказующую, на иносказательный разумъ темно предлагаютъ, и тѣмъ сущее дѣланіе и бытіе, какъ не бывшее выѣняютъ. Но я таковыхъ мыслей не оправдываю и самъ съ ними не соглашаюсь.

5) За предержащую власть, установленную отъ Бога, о мирѣ, здравіи, спасеніи, благополучіи и побѣдѣ на враговъ, Господа Бога не молятъ, и симъ противляются Апостольскому и Пророческому повелѣнію и ученію; ибо молиться за властей непремѣнно подобаетъ, хотя бы и невѣрніи были; а молящихся за властей Папезниками называютъ и отъ общемоленія отлучаютъ. Но я таковое ихъ развращенное ученіе не почитаю быть правымъ, но сопротивнымъ Святоотеческому ученію, и въ семъ я съ ними не соглашаюсь.

6) Бракъ законный не пріемлютъ, ради того, что самое свойство, или сущность, его полагаютъ только въ одномъ единотгласномъ священнодѣйствіи,* не разсматривая времени, возможности, свободы и нужды, полноты, недостатка и сравненія одного дѣянія съ другимъ, и не разсуждая, что есть необходимое и случайное, и что естественное и самопроизвольное.

И тако Божіе всемогущее благословеніе отлагаютъ, и таковою воздержностію не приводятъ ли многихъ въ слабость и распутство? Ибо не возможное возможнымъ быти опредѣляютъ, и не всѣмъ вмѣстимое вмѣщати устанавливаютъ, несогласно самому Христу Спасителю, рекшему: «не вси вмѣщаютъ словеса сего, но имъ же дано есть» (Матѣ. 19, 11).

По сему лучше вѣровать Богу, благословившему быть браку законному, не на время нѣкое, но навсегда. Чего ради и я съ отлагающими законный бракъ согласіе имѣть опасаюсь.

И какъ вся помянутая ихъ толкованія, такъ и прочая ихъ самовольная мнѣнія, отлагаю, и соглашаться съ ними въ оныхъ ихъ толкованіяхъ не желаю, но прошу Всесильнаго Господа Бога, да соблюдетъ меня отъ таковыхъ не согласныхъ со Святѣмъ II саніемъ содержаній.

Того ради къ сему правомуудрствующему Согласію и присоединяюсь и съ законою моею женою (имя рекъ) и съ дѣтьми нашими (имя рекъ). Аще ли же, по благоволенію Божію, будутъ рождаться у насъ (и еще) дѣти, то оныхъ крестить намъ въ Православномъ сословіи, а въ то Согласіе, отъ котораго мы нынѣ самовольно, несогласныхъ ради содержаній, отлучаемся, и ни въ какое иное не носить, и тѣмъ безчестія сему Православному сословію не наводить. Присоединяемся же не на время нѣкое, но какъ поможетъ Господь. Богъ, то быть съ вами, въ Святоотеческихъ положеніяхъ, всегда, до конца моей жизни желаю. Такъ же и духовнаго отца имѣть въ семъ же Православ-

* Въ Іерейскомъ священнодѣйствіи, а Іереевъ-то они и не пріемлютъ.

номъ Согласіи, а безъ духовника не пребывать, и тѣмъ прочимъ сомнѣнія и соблазна не наводить.

А что я сіе Православное Согласіе ругалъ и поносилъ, и Святоотеческое содержаніе, какое въ семъ обществѣ имѣется, злорѣчилъ и безчестилъ, оное я творилъ по незнанію и невѣжеству моему, и по внушенію мнѣ отъ не любящихъ истину, но развращенное имѣющихъ мнѣніе и самосмысленное ученіе. Въ чемъ я предъ Всемогущимъ Господомъ Богомъ чистосердечно приношу покаяніе, а отъ васъ всѣхъ всеусердно прошу прощенія.

А что я сіе творю не лживо, не лицемерно и безъ обману, но истинно, вѣрно и справедливо, въ томъ увѣряю васъ моею чистою совѣстію и цѣлованіемъ святаго и животворящаго Креста Христова. *

* О законномъ бракѣ, что въ немъ имѣется: 1-е, Матерія, то есть, изъ чего бракъ производится—женить и невѣста—и о прочемъ. Кормчая, глава 51-я; Катихизисъ Большой о 6-й тайнѣ. Гавріилъ Филадельфійскій о 6-й тайнѣ.

2-е. Форма, отъ чего бракъ происходитъ въ совершенство. Кормч. глава 51; Катихизисъ Большой и Гавріилъ Филадельфійскій о 6-й тайнѣ.

3-е. Дѣйствитель: кто долженъ и можетъ бракъ дѣйствовать и приводить въ собственный его образъ. Катихизисъ Большой о 6-й тайнѣ; Катихизисъ Малый о тайнѣ брака.

4-е Конецъ, т. е., для чего бракъ Богомъ устроенъ и продолжаться долженъ. Кормчая глава 51; Бесѣда Апостолъ 1 Коринѳян. правоуч. 12; Іоаннъ Дамаскинъ книга 2-я, глава 35; Катихизисъ Большой, глава 62; Катихизисъ Малый о тайнѣ брака; Гавріилъ Филадельфійскій о 6-й тайнѣ.

5-е. По чему бракъ нареченъ тайною. Колосаеи правоуч. 12; тайною великою зач. 231 и бесѣда 20.

6-е. Долго ль продолжится бракъ и для чего потребенъ. Въ Благовѣстникѣ толкованіе на Марка зач. 35-е, на Луку зач. 102; Симеонъ Θεσαλονит. глава 276; Гавріилъ Филадельфійскій о 6 тайнѣ; Кирилловъ старопечат. листъ 58.

7-е. Для чего женихамъ вѣнцы. Бесѣд. Апостол. 1 Тимофеею, правоуч. 9; Симеонъ Θεσαλονит. глав. 270, 279, 289.

И цѣлуеть Святый Крестъ Господень.

По семъ полагаетъ начальные поклоны и кланяется тутъ находящимся.

И потомъ къ присоединенію еще съ пріемлющимъ полагаетъ поклоны и поздравляютъ другъ друга

Брачныя обѣты для вступающихъ въ супружество.

1.

Всесильнаго, Преплагаго и Премилосердаго, въ тріехъ впоста-сѣхъ прославляемаго Бога милостію щедротами и челоуѣколюбіемъ, находяся мы въ совершенномъ возрастѣ и лѣтахъ, по его же Всемогущаго Господа и Творца нашего благоволенію, и родителей нашихъ любовнымъ благословеніемъ, сродниковъ и пріятелей нашихъ благопріятнымъ совѣтомъ, и собственнымъ нашимъ незазорнымъ другъ ко другу согласіемъ, вступаю я (имя рекъ) съ дѣвицею сею (имя рекъ) въ законнобрачное сожитіе, которое сохранять мы должны законно и соблюдать во всю жизнь нашу ненарушимо, нераздѣльно и во всемъ честно, какъ повелѣваетъ Божій законъ.

Но кто изъ насъ какое преступленіе учинить, вѣрность не сохранить и обѣщаніе свое премѣнить, или въ наученія странная уклонится и бракъ законный обезчестить, и яко незаконный, по ученію бракоотложителей, вмѣнять будетъ, или раждаемыхъ дѣтей во иное Согласіе крестити понесетъ, то сицевый явственно покажетъ себя противникомъ истины и нарушителемъ Божія закона, за что и будетъ самъ отвѣтствовать праведному судіи, Господу Богу, на страшномъ Его судѣ.

И что все сіе изреченное мною, какъ устами, такъ я исповѣдую и сердцемъ истинно, неложно и справедливо, въ томъ я увѣряю васъ моею чистою совѣстію и цѣлованіемъ честнаго и животворящаго Креста Господня.

2.

Когда Всесильный Господь Богъ произвелъ насъ отъ законнаго супружества на сей видимый свѣтъ, и по времени узнали мы себя, что уже въ совершенномъ возрастѣ и лѣтахъ, то, рассматривая жизнь нашу и состояніе, разсудили, что лучше вступить въ законное супружество, нежели входить въ безчестная и непристойная дѣянія.

И такъ благодѣтелей нашихъ благопріятнымъ совѣтомъ и собственнымъ нашимъ незазорнымъ другъ ко другу согласіемъ и единомысліемъ, не входя во Инославная общества, ради утвержденія и крѣпости, положили крѣпкое упованіе на Всесильнаго Господа Бога, и призвавше его въ помощь, я (имя рекъ) въ законнобрачно сожитіе, которое мы обѣщались, и нынѣ общаемся хранить и соблюдать законно и во всю нашу жизнь.

3.

Всесильный Господь Богъ какъ сотворилъ и создалъ насъ человѣками, и умомъ, и словомъ, и дыханіемъ наградилъ, и даровалъ намъ смыслъ раздѣлять доброе отъ злаго, того Всемоущаго Бога благодатію и человѣколюбіемъ узнали мы свѣтъ Православныя Христіанскія Вѣры, въ которой и крестились, что и хранить желаемъ непремѣнно. Но какъ духъ есть бодръ, а плоть немощна, то, по совѣту сродниковъ и благодѣтелей нашихъ, и родителей нашихъ благословеніемъ, да и собственнымъ нашимъ добровольнымъ изволеніемъ и согласіемъ, я (имя рекъ) вступилъ съ сею, бывшею тогда дѣвицею (имя рекъ) въ богословенное брачное сожитіе, что мы и полагаемъ самую твердостію законнаго брака. Но воспослѣдовалъ такой (по нашему неразумію) случай, что, ради мнящіяся твердости, вступили мы къ несогласнымъ съ нами по Исповѣданію и Вѣрѣ, чинодѣйствіе (пріяти), что почитаемъ мы, за грѣхъ и законопреступленіе, въ чемъ предъ Всемоущимъ Господемъ Богомъ чисто-

сердечное приносимъ покаяніе, а отъ васъ всеусердно просимъ о насъ молитвъ и прощенія.

И хотя мы признаемъ, что преступленіе наше есть не мало, но бракъ нашъ почитаемъ быть истинный и правильный, который и общаемся мы соблюдать законно, безъ всякаго нарушенія, честно, какъ Божій законъ повелѣваетъ и Святоотеческая ученія и повелѣнія.

И съ таковымъ нашимъ твердымъ между собою залогомъ и съ дѣтьми нашими (имя рекъ) приходимъ и присоединяемся въ сіе правомудрствующее Согласіе, не на время нѣкое, но, какъ поможетъ Господь Богъ, вѣчно, гдѣ и отца духовнаго избрать себѣ, и быть намъ твердымъ въ разумѣ и содержаніи, а въ ученія странная и различная не предлагаться.

Но ежели кто изъ насъ вѣрность не сохранить и бракъ законный будетъ, по ученію браконенавистниковъ, отвергать, или раждаемыхъ (ежели будутъ) дѣтей въ иное Согласіе крестити пойдетъ, то сицевый будетъ нарушитель истины, за что да воспріиметъ казнь отъ самого страшнаго Судіи, Христа Господа. А что мы содержимъ такъ истинно, въ томъ увѣряемъ васъ цѣлованіемъ Креста Христова.

III.

КАНОНЪ,

ПѢВАЕМЫЙ ВО ВРЕМЯ СОЧЕТАНІЯ БРАКА, ИЛИ ЧИНЪ БРАЧНОМУ МОЛИТВОСЛОВІЮ. *

Наблюденія для брачующихся.

Здѣсь замѣчается, что во время пѣнія антифоновъ, должно немедленно зажечь свѣчи у мѣстныхъ образовъ и въ паникадилѣ,

* «Чинъ брачнаго молитвословія или Канонъ, пѣваемый во время сочетанія брака.» составленъ Гавриломъ Ларіоновымъ Скачковымъ. При печатаніи «Брачнаго

налой же, на которомъ полагается Евангеліе съ Крестомъ, или животворящій Крестъ долженъ приуготовленъ быть во всемъ своемъ видѣ среди часовни, отступя отъ крылосовъ взадъ на локоть, или полтора, до входа новобрачныхъ, предъ коимъ должны горѣть въ подсвѣчникахъ двѣ свѣчи. По окончаніи антифоновъ, Настоятель занимаетъ свое мѣсто, пѣвчіе жъ по крылосамъ, и кладутъ всѣ совокупно, кромѣ Внѣшнихъ, обыкновенный началъ, послѣ коего подходитъ Настоятель къ брачующимся и спрашиваетъ ихъ велегласно: «Охотою ль и безъ всякаго принужденія берешь сію рабу Божию?» Отвѣчаетъ: «Охотою и безъ всякаго принужденія.» «Въ вѣчную ли и нераздѣльную жизнь съ нею вступаешь?» Отвѣчаетъ: «Въ вѣчную и нераздѣльную.» «За самый ли истинный бракъ выѣняешь сіе священное обстоятельство?» Отвѣчаетъ: «За самый истинный.» Также и съ невѣстою поступается. По обязательствѣ семъ Настоятель провозглашаетъ четѣ: «Господа новобрачные! для точнаго засвидѣтельствованія вашей сердечной истины, цѣлуйте животворящій Крестъ!» кои, подходя благоговѣйнымъ образомъ къ оному, вкупѣ перекрестясь, съ двукратнымъ поклоненіемъ въ поясъ, и еще перекрестясь, цѣлуютъ правую ногу Христа Спасителя, и, паки перекрестясь, кланяются выѣстѣ до земли, и идутъ на свое мѣсто.

Пѣвчіе ижъ поютъ псаломъ 122-й: «Блажени всѣ боящіися Господа,» на шесть приемовъ 7-мъ голосомъ. По пропѣтіи сего, Настоятель замолитствуетъ: «Аминь, Царю Небесный, Трисвятое. Слава и нынѣ, Пресвятая Троице, Господи помилуй 3, Слава и нынѣ, Отче нашъ.» По возгласѣ, чтецъ: «Аминь,» «Прійдите поклонимся,» съ поклонами; и читаетъ псаломъ: «Господи, услыши молитву мою.» По прочтеніи сего: «Слава и нынѣ, «Аллилуя» 2-жды съ поклонами, а третій разъ пѣтъ: «Богъ Господь» на 1-й гласъ.

чина или канона,» мы имѣли подъ руками два экземпляра: одинъ, оставшійся послѣ смерти извѣстнаго Безпоповца, Елисея Саввича Морозова, другой, и

КАНОНЪ.

ПѢВАЕМЫЙ ВО ВРЕМЯ СОЧЕТАНІЯ БРАКА.

Тропарь (Гласъ 1-й).

Господи Боже, Спасителю нашъ, творяй всегда милость твою съ нами, и нынѣ призри на моленіе рабъ своихъ, помилуй и спаси насъ, яко единъ благъ и человеколюбецъ.

Слава и нынѣ.

Богородиченъ.

Архангела Гавріила гласъ воспріимше, Дѣво радуйся, воспріеми; ты бо родила еси плотию безначальное слово отъчее, его же моли, Всечистая, да подастъ намъ свою благоутробную милость, яко единъ благъ и человеколюбецъ.

По семъ псаломъ 50-й: «Помилуй мя, Боже.»

По возгласъ: «Аминь.»

Поютъ же ирмосъ ови по единожды, ови же по дважды.

Канонъ Всемиловитому Спасу: Съ краегранесіемъ: (Спасителю Христе, благослови бракъ сей!) Гласъ 1-й, пѣснь 1-я.

Ирмосъ.

Твоя побѣдительная десница боголѣпно въ крѣпости прославися, та бо, безсмертне, яко всемогущи, противныя сотре, Израиль-тяномъ путь глубины обновь ми * (Исходъ гл. 14).

какъ самый важный экземпляръ по собственноручной рукописи, Гавриила Ларионова Скачкова. Въ Скачковской рукописи нѣтъ предыдущихъ «Наблюденій для брачующихся.» Въ Морозовскомъ же поставленъ и годъ 1803, и Москва, егo также у Скачкова нѣтъ.

* Теперь поется, вмѣсто «обновь ли» «новосодѣлавшая» О. Б.

Запѣвъ: Милостиве Господи, услыши молитву рабъ своихъ, молящихся тебѣ.

Создателю всяе твари, всесильному владыцѣ (Бытія гл. 1) вси вѣрнии со страхомъ принадлежъ и со усердіемъ возопіемъ: при-зри на ны, Спасе всеблагій, и подаждь намъ твою неизречен-ную милость, да прославится и въ насъ твоя побѣдительная дес-ница, жизнь всѣмъ обновляющая.

Премудрымъ своимъ изволеніемъ всякую тварь изъ небытія въ бытіе шестію деньми (Бытія гл. 1) привелъ еси, Всесильне, и челоуѣка по образу своему и по подобію создалъ еси, и вт раи жити ему повелѣлъ еси (гл. 2), да хвалить тя съ невесте-ственными лики, вопіа: Ты единъ еси, Создателю нашъ, всю тварь обновляющій.

Слава.

Адама отъ земли, Всесильне, создалъ еси, Евву же отъ ребра его произвелъ еси, и благословеніе свое, еже раститися и множитися, наполнити землю и обладати всѣми созданны-ми отъ тебе тварьми, даровалъ еси, да прославляютъ тя съ лики невестественныхъ твоихъ слугъ, единого всеблагаго, вся-кое созданіе обновляющаго.

И нынѣ.

Совѣтъ змія пріимши Евва, прельстивши снѣдію Адама, имъ же наведе всему челоуѣческому роду клятву: Ты же, Пре-чистая Дѣво, Владычице, безъ сѣмене зачепшая и рождышая плотию пребезначальное слово Отче, моли его прилежно, да ниспослеть намъ свою милость и благословеніе, яко единъ всякое созданіе обновляющій.

Катавасія.

Сохрани отъ бѣдъ рабы своя, Милостиве, яко усердно къ тебѣ прибѣгаемъ, къ милостивому Избавителю и всѣхъ Владыцѣ Господу Иусу.

Господи помилуй, 3-жды.

7.

Пѣснь 3-я, Ирмосъ.

Едине свѣдыйъ земныхъ существо немощное и милостивно въ не оболкся, препояши мя свыше силою воспѣвати ти, Святый, церкви * душевная неизреченныя славы ты, человеколюбче.

Изгнанъ бысть Адамъ изъ рая сладости (Быт. гл. 3) и землю дѣлати въ потѣ лица своего осужденъ бысть. Услыша и Ева горестныя глаголы, еже въ болѣзньхъ родити чада, ихъ же имъ даровалъ еси, по неизреченнѣй милости твоей, человеколюбче.

Твоимъ, всесильне Боже, промысломъ благоизволилъ еси умножиться роду человѣческому (Быт. гл. 4), и Сифа, сына Адамова, прославилъ еси, и сѣмя его возлюбилъ, являя неизреченную милость свою, человеколюбче.

Слава.

Еноха праведнаго законно браку приобщившагося (Быт. гл. 5) и чада родившаго, всесильне Спасе, возлюбилъ еси, преселивъ его не видѣти смерти до дне, ему опредѣленнаго, симъ являя, яко ты еси бракъ благословляя, по неизреченнѣй твоей милости, человеколюбче.

И нынѣ.

Богородиченъ.

Лестію врага плѣненъ бысть человѣческій родъ, впаде во мновая беззаконія (Быт. гл. 6 — 7), и страшнымъ потопомъ наказася. Мы же молимъ тя, Пречистая Богомати, яко родившую Господа неизреченно, моли его, да спасетъ насъ по неизреченнѣй милости своей, яко единъ человеколюбецъ.

* Старинная форма, образовавшаяся изъ «церкы», вмѣсто новыхъ формъ: «церковь, церква.» О. Б.

Сѣдаленъ (Гласъ 6-й).

Владыко, Боже всемогущій, призри съ небесе и виждь наше смиреніе, и умилосердися, человѣколюбче преблагій. Благослови рабы твоя благословіемъ благодѣтельнымъ, да будетъ обрученіе ихъ другъ ко другу безъ всякаго соблазна и порока. Тѣмъ же буди съ нами, и ни кто же на ны.

Слава.

Разрушивый врата Адовы и смерти силу упразднивый, всесилне Господи, вонми моленію рабовъ своихъ и благослови бракъ сей, яко же благословилъ еси праведнаго твоего Ноя, и сочетай рабы твоя, якоже сочеталъ еси Товію и Сарру, да и снѣ восхвалятъ тя, человѣколюбца, въ радости воиюще: О Владыко, буди съ нами, и ни кто же на ны.

И нынѣ.

Исуса Христа рождшую тя, присно Дѣво, въ напастѣхъ имамы твердую заступницу, въ скорбехъ крѣпкое спасеніе, въ печалѣхъ пресладкое утѣшеніе, въ бѣдахъ помощь непостыдную, и на вся враги побѣду и одолѣніе необоримое, и вѣчное уповаемъ тобою получитьи спасеніе. Тѣмъ же, о Пречистая, буди съ нами, и ни кто же на ны.

Пѣснь 4, Ирмосъ.

Гору ты благодати Божія пріосѣнену прозорливима Аввакумъ усмотривъ очима, изъ тебе изыти Израиля провозглашае святого, на спасеніе наше и обновленіе.

Юже показалъ еси милость угоднику твоему, праведному Ною (Быт. гл. 9), всемогуще Спасе, и благословеніе свое, и отъ него умножатися человѣческому роду второе даровалъ еси, тако и нынѣ намъ низпошли благодать твою, Всесильне, на спасеніе наше и обновленіе.

Хотѣй, всесильне Творче, умножити сѣмя праотца твоего, Авраама, благословилъ еси Сарру родити въ старости сына, да

тѣмъ прославится пресвятое имя твое, пришедшаго воплотиться на спасеніе наше и обновленіе.

Слава.

Рожденному въ старости, Авраамъ, сыну своему, восхотѣвъ закономъ брака сопрящи жену, посылаетъ раба въ Месопотамію, да обрящетъ тамо невѣсту; той же обрѣтъ Ревекку, приведе ко Исааку, юже поятъ радостно, восхваляше грядущаго воплотиться Сына Божія на спасеніе наше и обновленіе. *

И нынѣ.

Богородиченъ.

Іаковъ, грядый путемъ, восхотѣ уснути, и видѣ во снѣ лѣствицу, утвержденну на земли, ея же глава досязаше до небесе, на ней же Господь утверждашеся, проявляя отъ тебе, Пречистая Богомати, неизреченное свое воплощеніе на спасеніе наше и обновленіе.

Пѣснь 5-я, Ирмосъ.

Богъ сый міра, отецъ щедротамъ, великаго совѣта ти Ангела мира подавающа, послалъ еси намъ (Исаи гл. 9), тѣмъ богоразумія къ свѣту наставляеми, отъ нощи утреннююще, славословимъ тя, человеколюбче.

Состарѣвся Іаковъ, рыдаше Іосифова лишенія, той же, царствуя въ Египтѣ, пребываше, жену поятъ и чада роди (Быт. гл. 37), славословяше избавльшаго его отъ узъ и темницы, все-сильнаго всѣхъ Творца Бога, единого человеколюбца.

Твоему возлюбленному пророку, Моисею, бльговолилъ еси, всеблагій Творче, пощадѣну быти отъ смерти во Египтѣ и по-

* Въ пришествіи Христовомъ самый бракъ обновленъ; по тому и совершаться долженъ по закону церкви Православно-Христіанской, во образъ союза Христа съ Церковію, какъ научаетъ Апостолъ: «Тайна сія велика есть, азъ же глаголю во Христа и во Церковь» (Ефес. 5, 32).

жити въ земли Мадіамстѣй, идѣже, понимъ жену и чада родивъ (Исхода гл. 3), сподобися видѣти купину, огнемъ горящу и не опаляему, восхваляше тя, единого всеблагаго человѣколюбца.

Слава.

Егда благоволилъ еси, Господи, помиловати раба твоего, Товію, тогда послалъ еси Ангела твоего, Рафаила, да избавитъ невѣсту его отъ бѣса человѣкоубійца, и да будетъ ему помощникъ въ законномъ брачномъ сочетаніи, да прославляетъ тя, единого человѣколюбца.

И нынѣ.

Божественный Исаія, аще и браку пріобщися, но Бога сѣдѣща на престолѣ высоцѣ и превознесенна, отъ Ангелъ хвалу пріемлюща, видѣти сподобися, и тебе, Пречистая Дѣво, жезлъ отъ корене Іессеева быти проповѣда, восхваляше хотящаго воплотитися отъ тебе единого человѣколюбца.

Пѣснь 6-я, Ирмосъ.

Пророку Іонѣ подобяся (Іоны гл. 2), вопію: животь мой, Блаже, свободи изъ тли и спаси мя, Спасе міра, зовуща: Слава тебѣ!

Любый человѣческій родъ, всемогущій Спасе, егда восхотѣлъ еси воплотитися, тогда предуготовалъ еси Пречистую себѣ матеръ, отъ праведныхъ родителей, Іоакима и Анны прозябшую, и сихъ показалъ еси, яко честно есть супружество, да усердно вси тебѣ зываютъ: Спасе міра, слава тебѣ!

Архангела твоего, Гавріила, послалъ еси, всесильне Господи благовѣстити Захарію, яко родить жена его, Елисавета, въ старости сына (Луки зач. 1), предтекуща твоему божественному воплощенію, да симъ покажеша, яко честное супружество есть тебѣ благопріятно, иже и зываютъ: Спасе міра, слава тебѣ!

Слава.

Гласъ словесе, свѣтильникъ свѣта, великій Предтеча (Луки зач. 1), аще и отъ неплодныхъ утробы, но не безъ сѣмене ро-

дися, дѣвственную жизнь въ пустыни имый (зач. 4), но законопреступное смѣшеніе Ирода обличая (Матѣ. зач. 57), и яко проповѣдникъ и мученикъ пострада (Марк. зач. 24), взывая: Спасе міра, слава тебѣ!

И нынѣ.

Освятивый селеніе свое, Вышній, и плоть нашу воспріять, безгрѣшный Христе, Владыко, на бракъ съ пренепорочною ти матерію и со святыми твоими ученики, въ Кану Галилейскую пришелъ еси, и тамо первое чудо сотворилъ еси, мы же вопіемъ ти: Спасе міра, слава тебѣ!

Кондакъ (Гласъ 4).

Избави насъ отъ всѣхъ напастей, благоутробне Господи, и подаждь неизреченную твою милость и благословеніе рабомъ твоимъ, совокупи ихъ сокупленіемъ спасительнымъ, и соблюди ихъ во единствѣ и цѣломудріи, даруй имъ вся, яже ко спасенію прошенія, и благослови бракъ ихъ, яко же въ Канѣ Галилейской, едине прославляемый во святыхъ своихъ.

Икосъ.

Лѣность всю отложше, припадемъ къ Создателю нашему, Богу, и возопіемъ, глаголюще: призри, Господи, на предстоящія рабы твоя, и утверди бракъ ихъ, и благослови ихъ благословеніемъ духовнымъ, яко же благословилъ еси Авраама и Сарру (Быт. гл. 21); благослови ихъ, Владыко, яко же благословилъ еси Исаака и Ревекку (гл. 24); благослови ихъ, Святой, яко же благословилъ еси Іакова и Рахиль (гл. 30); благослови ихъ, Преблагій, яко же благословилъ еси Іосифа и Асенефу (гл. 41); благослови ихъ, Всемогущій, яко же благословилъ еси Товію и Сарру (Тов. гл. 7); благослови ихъ, Всесильне, яко же благословилъ еси Захарію и Елисаветъ (Лук. зач. 1); и подаждь имъ жизнь мирну и долготну, и цѣломудріе и чистоту, самѣмъ къ себѣ любовь, яже есть союзъ міра, племя долгоживотно и неувядающій славы вѣнецъ, и сподоби ихъ видѣти чада и внучата добродѣтельныхъ, и наполни домъ ихъ всякаго изобилія, и даруй имъ и намъ вся, яже ко спасенію прошенія, едине прославляемый во святыхъ своихъ.

Пѣснь 7, Ирмосъ.

Отроцы, во блазѣй вѣрѣ воспитани, нечестива велѣнія небрегоша, огненнаго прещенія не убоюшася (Даніила гл. 3), но посредѣ пламене стояще, пояху: Отцемъ Богъ благословенъ еси.

Со ученики твоими, Христе, и Пречистою ти Матерію на бракъ въ Кану Галилейскую пришелъ еси, мы же вопіемъ ти: Отцемъ Богъ благословенъ еси.

Льстиваго врага козней избавляя, Христе, человѣческій родъ, благоизволивъ еси воплотитися отъ чистыя Богоотроковицы (Лук. зач. 3), и симъ истинное дѣвство свѣтлѣйши солнца показалъ еси, и небеснаго твоего царствія хранящія оное достойны сотворяеши, да купно съ законнобрачными воспѣвають: Отцемъ Богъ благословенъ еси.

Слава.

Остави намъ грѣхи наша, всеильне Господи, и призри съ небесе святаго твоего, и виждь предстоящія люди и молящіяся твоему благоутробію, и просящія твоея великія милости, да благословиши бракъ сей благословеніемъ твоимъ, яко да согласно вси воспѣваемъ ти: Отцемъ Богъ благословенъ еси.

И нынѣ.

Всепорочная присно Дѣво Маріе, моли сына своего, Христа, Бога нашего, да благословитъ рабы своя предстоящія и молящіяся, просящія его великія милости, да продолжится жизнь ихъ въ православноѣй вѣрѣ и благочестіи, да въ радости сердца воспѣвають: Отцемъ Богъ благословенъ еси.

Пѣснь 8-я, Ирмосъ.

Чудо превеліе росодавицу вообрази пещь образомъ, * и яже бо пріять не опали юныхъ, такоже и огнь божественный

* Сія рѣчь если не повреждена переписчикомъ, то очевидно требуетъ сличенія съ подлинникомъ Греческимъ и исправленія по нему.

дѣву юже пройде чисту, тѣмъ поюще возопіемъ: да благословить тварь всякая Господа и превозносить его во вѣки.

Изводивый, Христе, въ плоть нашу обещися и путь жизни вѣчныя всѣмъ вѣрующимъ въ тя показалъ еси, самъ, Владыко, устрой путь правый рабомъ твоимъ, да поидутъ по немъ во истинѣ твоей, хваляще тя, превозносімаго во вся вѣки.

Благословивый, Всесильне Боже, Авраама и Сарру, родити сына въ старости, и рожденному отъ нихъ Исааку сочетатися съ Ревеккой благоволилъ еси, и сихъ сыну, Іакову, съ Рахилію воспріяти супружество благопоспѣшилъ еси, благослови и сія рабы, сочетавающіяся днесь закономъ брака, да въ радости сердца восхваляютъ тя, превозносімаго во вся вѣки.

Слава.

Рабы твоя предстояще, Спасе, молятся тебѣ, благослови ихъ, яко же благословилъ еси вся праотцы наша, и яко же Товіи Ангела Рафаила помощника послалъ еси, тако и симъ, челоуѣколюбче, подаждь твое всемогущее благословеніе, да проживутъ въ цѣломудріи, соблюдутъ ложе нескверно и возвеселятся о видѣніи сыновъ своихъ и дочерей, и восхвалятъ тя, превозносімаго во вся вѣки.

И нынѣ.

Архангельскій гласъ взываемъ ти, Пречистая: радуйся, ты бо родила еси плотію едиnorodное слово Отчее, его же моли, Царице, да подасть рабомъ своимъ, сочетавающимся днесь въ законное супружество, и намъ всѣмъ, неизреченную свою милость, да восхваляемъ его, превозносімаго во вся вѣки.

Пѣснь 9-я, Ирмосъ.

Образъ чистаго рожества твоего, распалему купину яви неопалиму (Исх. гл. 3), и нынѣ на насъ напастей свирѣпѣющую угасити молимся пещь, да ты, Богородице, непрестанно величаемъ.

Красное супружество богомудрыхъ Іоакима и Анны рожествомъ Пречистыя Дѣвы, ристе Царю, прославилъ еси, и див-

наго во Пророцѣхъ Захарію и Елисаветъ (Лук. зач 4) прозябіемъ крестителя твоего возвеличилъ еси, возвесели и сія, предстоящія и молящія, рабы твоя, и благослови бракъ ихъ благословеніемъ твоимъ, да ты непрестанно величаемъ.

Славное твое чудотвореніе въ Канѣ Галилейстѣй показалъ еси, Христе Боже, и благословеніемъ своимъ законное бракосочетаніе почтилъ еси: призри и нынѣ на рабы твоя сія, просящія твоего благоутробнаго милосердія, и благослови бракъ ихъ, яко же и въ Канѣ Галилейстѣй, да ты съ любовію величаемъ.

Слава.

Едине щедре и всеблагій, со Отцемъ твоимъ безначальнымъ и Пресвятымъ Духомъ прославляемый, Христе Спасе, пошли твою благодать и милость сочетавающимся законнымъ бракомъ, симъ рабомъ твоимъ, подаждь имъ жизнь мирну и долготѣну и душевное спасеніе, да ты непрестанно величаютъ.

И нынѣ.

Избавителя всѣхъ рождшая, едина Пречистая Дѣво, подаждь помощь и милость симъ твоимъ рабомъ, въ законное сочетавающимся супружество, и благоспѣши имъ, Препоблагая, во всемъ спасительномъ, да непрестанно вси величаемъ.

По исативаніи, * «Достойно есть яко во истину!» А инѣи, вмѣсто «Дотойно есть,» поютъ сей стихъ, гласъ 8-й:

О тебѣ радуется, Обрадованная, всякая тварь, Ангельскій соборъ и человѣческій родъ, освященная церкви и раю словесный, дѣвственная похвало, изъ нея же Богъ воплотися и младенецъ бысть, еже прежде вѣкъ сый Богъ нашъ; ложесна бо твоя престолъ сотвори и чрево твое же пространѣйши небесъ содѣла, дѣвице. О тебѣ радуется, Обрадованная, всякая тварь, слава Тебѣ.

Прокиментъ: «Спаси, Господи, люди твоя, и благослови достояніе твое.»

* По исативаніи, не то ли значить, что пося: «Исаіе, ликуй!»,

IV.

Е П И Т И М Е Й Н И К Ъ.

1.

Ащъ кто самовольно оставитъ Правовѣріе (?) и присоединится ко Внѣшнимъ съ присягою, и приѣмлетъ тамо всѣ тайны съ вѣрою и любовію, и аще таковой обратится паки къ Правовѣрію, и принесетъ съ чистымъ сердцемъ прощенье, и восхощетъ истинно покаяться, таковому епитимій два года ясти всякъ день по единойды, кромѣ Субботъ и Недѣль и дванадесятихъ великихъ праздниковъ, такожде Свѣтлыя Недѣли, и по сошествіи Св. Духа, и дванадесяти дней по Рожествѣ Христовѣ, и Недѣли Мытаря и Фарисея. Мясa же, млека, яицъ и рыбы никогда не ясти, но токмо въ помянутыя дни масло постное. А питія хмѣльнаго и винограднаго отнюдь не пити. Поклоновъ же полагати (кромѣ что за службу церковную) на всякъ день земныхъ шестьсотъ, поясныхъ четыреста. А стоять въ молитвословъ въ продолженіи всякія службы и молиться со смиреніемъ и сокрушеніемъ сердца позади всѣхъ, ясти же и пити купно съ Правовѣрными.

2.

Аще кто присоединится ко Внѣшнимъ безъ присяги, и приѣмлетъ тамо съ вѣрою всѣ тайны, таковому постъ, какъ выше сказано, единъ же годъ, поклоновъ на всякъ день земныхъ по пятисотъ, а стоять во время службы позади всѣхъ.

3.

Аще кто по принужденію и неволѣ присоединится ко Внѣшнимъ съ присягою, и приѣмлетъ ихъ тайны, таковому постъ шесть мѣсяцевъ, поклоновъ на всякой день земныхъ по стѣ и поясныхъ по четыреста, во время же службы стояти позади всѣхъ.

4.

Аще кто по неволѣ присоединится ко Внѣшнимъ безъ присяги, и приѣмлетъ ихъ тайны, таковому постъ три мѣсяца, покло-

новъ на всякой день земныхъ по пятидесяти и поясныхъ по двѣсти; во время же молитвословія стояти позади всѣхъ.

5.

Аще ли кто также присоединится ко Внѣшнимъ по неволѣ и принужденію безъ присяги, токмо чрезъ едину исповѣдь, кромѣ пріятія прочихъ тайнъ, таковому постъ чотыредесять дней, на всякій день поклоновъ земныхъ по пятидесяти и поясныхъ по сту, во время службы стояти позади всѣхъ.

6.

Аще ли кто притворно, а не истинно, но ради каковаго честолюбія, или своего ради прибытка, самовольно присоединится ко Внѣшнимъ съ присягою, и пріиметь тамо тайны ихъ, и аще покается, то таковому постъ (какъ означено въ первой статьѣ) два года, поклоновъ на всякій день земныхъ по двѣсти, поясныхъ по пятисотъ.

7.

Аще ли кто также притворно, а не истинно, присоединится самовольно ко Внѣшнимъ безъ присяги, и пріиметь тайны ихъ, хотя не ради пользы душевныя, но мирскихъ ради пріобрѣтеній, таковому посту годъ единъ, на всякій день поклоновъ земныхъ по сту, поясныхъ по триста.

8.

Аще кто ходитъ во храмъ Инославныхъ и токмо тамо исповѣдуются, не пріемля прочихъ тайнъ, однако не съ истиннымъ залогомъ, но нѣкихъ ради причинъ, собственную ему пользу составляющихъ, и аще покается, то таковому постъ шесть мѣсяцевъ, на всякъ день поклоновъ земныхъ по сту, и поясныхъ по сту.

9.

Аще кто по безразсудству входитъ въ храмъ Инославныхъ, и тамо въ молитвахъ съ ними и въ яденіи и питіи сообщается,

а ти какихъ тайнъ не принималъ, таковойъ еще придетъ и прощенье принесетъ, то ему постъ три мѣсяца, поклоновъ на всякій день по сту земныхъ и по сту поясныхъ.

10.

Аще кто пойдетъ въ храмъ Инославыныхъ * (кроме пріятія каковыхъ прочихъ тайнъ), а токмо ради единого браковѣчанія по всему обряду, и тамо весь чинъ вѣчанія восприметъ, и оно, яко истинное и совершающее законный бракъ, вѣнчать будетъ, и аще таковъ истинно покаются, то таковымъ постится три мѣсяца и на всякій день поклоновъ земныхъ по сту, поясныхъ по триста.

11.

Аще кто пойдетъ въ храмъ Инославыныхъ ради браковѣчанія, хотя и не вѣнчая оное за усовершенствованіе брака, но ради стыда отъ людей, и тамо весь чинъ приметъ, таковому постъ шесть недѣль, на всякъ день поклоновъ земныхъ по пятидесяти, поясныхъ по двѣсти.

12.

Аще кто во храмъ Инославыныхъ былъ, рукоосвѣщенія жъ и прочихъ дѣланій свободился, но токмо происходило чтеніе и пѣніе, таковому постъ шесть недѣль, поклоновъ на всякъ день земныхъ по пятидесяти и поясныхъ по сту.

13.

Аще кто страха ради, или по принужденію, приметъ отъ Внѣшнихъ браковѣчаніе, таковому постъ три недѣли, на всякій день поклоновъ земныхъ по пятидесяти и поясныхъ по сту.

* У Монинцевъ бракъ пріемлется и правится по ветхому Закону Моисееву, а по новой благодати въ церкви Свято-Православной дѣйствующій бракъ не принять. У Новоженотъ, вѣрно, также, равно и у другихъ Безпоповцевъ, не гнушающихся бракомъ.

14.

Аще кто безъ нужды, но самовольно, впишется въ книгу, аки браковѣнчався, и сообщится со Внѣшними въ яденіи и питіи, таковымъ постъ три недѣли, поклоновъ на всякъ день по сту земныхъ и по двѣсти поясныхъ.

15.

Аще ли кто самовольно же, безъ всякія нужды, впишется въ книги Инославныхъ, но не сообщится съ ними въ яденіи и питіи, таковому постъ двѣ недѣли, поклоновъ на всякъ день по пятидесяти земныхъ и поясныхъ по сту.

16.

Аще кто сыну своему, или дочери, дозволитъ сочетатися съ Внѣшнимъ лицомъ, и отпуститъ онаго въ храмъ Инославныхъ браковѣнчатися, но аще покается, таковому постъ шесть недѣль, поклоновъ на всякъ день земныхъ по сту и поясныхъ по чотыреста.

17.

Аще которые родители тако сотворять, т. е., попустятъ дѣтямъ въ храмъ Инославныхъ получить молитвословіе, боязни ради и притѣсненія отъ Внѣшнихъ, таковому постъ три недѣли, поклоновъ на всякъ день по пятидесяти земныхъ и по сту поясныхъ.

18.

Аще кто въ путешествіи (т. е., въ дорогѣ), по невозможности себя соблюсти, сообщится со Инославными въ яденіи и питіи, тотъ принесетъ въ молитвенномъ храмѣ прощеніе и сотворитъ поясныхъ сто поклоновъ.

19.

Аще кто по слабости и небреженію сообщится со Внѣшними единожды въ яденіи и питіи, той да принесетъ прощеніе и по-

ложить поклоновъ пятьдесятъ поясныхъ. Аще ли кто по вторы учинитъ тоже, то, по прощеніи, да положить сто поклоновъ поясныхъ же. Но аще ли кто, небрегій самъ о себѣ, и въ третіе тоже учинитъ, той, по принесеніи прощенія, да положить поклоновъ сто земныхъ и сто поясныхъ.

20.

Аще ли, по небреженію, самопроизвольно, въ разныхъ мѣстахъ многократно въ яденіи и питіи общался съ Инославными, каковъй, аще чистосердечно принесетъ прощеніе, то да постится двѣ недѣли, и на всякъ день да полагаетъ поклоновъ сто земныхъ и сто поясныхъ.

21.

Аще кто сообщится въ яденіи и питіи со Инославными дважды, или трижды, ради стыда людскаго, не хотя себя показати, что онъ не того Исповѣданія, таковому, скрывающему истину и покрывающемуся лжею, по принесеніи прощенія, постъ една недѣля и на всякъ день поклоновъ земныхъ по пятидесяти и поясныхъ по пятидесяти же, или больше, смотря его дѣянія.

22.

Аще кто ходитъ ко Внѣшнимъ въ гости съ своими сосудами, не ради душевныя пользы себѣ и ближнему, но токмо ради забавы и увеселенія, а при томъ и ради челоуѣкоугодія, и аще въ томъ покается, то таковому за первый случай, яко сооблазняющему таковымъ своимъ дѣніемъ прочихъ, въ общемолитвенномъ храмѣ, предъ собраніемъ, съ положеніемъ начала, принести прощеніе. Аще ли во второе тоже учинитъ, то, по принесеніи прощенія, да положить пятьдесятъ поклоновъ поясныхъ. Аще ли и въ третіе тоже учинитъ, то, по принесеніи прощенія, да положить поклоновъ пятьдесятъ земныхъ и пятьдесятъ поясныхъ. А за четвертое таковое своевольство, по принесеніи прощенія, да положить поклоновъ сто земныхъ и сто поясныхъ. Но ежели же симъ не удовлетворится, и аще, любя свое чрево, паки тоже

творити имать, и аще покается, то, въ наказаніе своего преступленія, воспріиметь епитимію: постъ двѣ недѣли и на всякій день сто земныхъ и сто поясныхъ поклоновъ.

23.

Аще ли кому въ домѣ, или въ своемъ жительство, по крайней необходимости, не возможно себя будетъ соблюсти отъ общенія со Инославными, таковой да признаваетъ самъ свой грѣхъ, и да полагаетъ на всякую недѣлю поясныхъ поклоновъ по семидесяти, или на всякій день по дванадцати поклоновъ безъ всякаго отложенія. Съ единовѣрными же, безъ полученія свободы и безъ прощенія, купно молитися, ясти и пити не долженствуетъ.

24.

Аще кто сообщится со Внѣшними въ яденіи и питіи не своего ради сластолюбія и чревоугодія, но ради душевныя пользы ближняго, что и дѣйствительно ему, по благодати Божіей, учинится, то таковому, ради прочихъ, дабы не было ни кому соблазна, въ молитвенномъ храмѣ положить начало и принести прощеніе въ томъ, что общался съ непріобщенными, объявля и каковыя ради вины.

Всякъ же по каковому случаю, ежели когда со Внѣшними въ яденіи и питіи сообщится, то не долженъ онъ съ прочими не общающимися купно молиться и ясти и пити изъ единыхъ сосудовъ, но прежде, аще не возможно каковыя ради причины, тогда ити въ молитвенный храмъ, то хотя предъ своими домашними, или во иномъ домѣ, куда прежде прійдетъ предъ не общающимися, съ положеніемъ обычныхъ начальныхъ поклоновъ, да принесетъ прощеніе. И тако ему купно съ ними молитися и ясти и пити, однако же, не продолжая времени, долженъ онъ въ молитвенномъ храмѣ объявити свое дѣяніе предъ всѣми, въ немъ обрѣтающимися единовѣрными, приносить прощеніе и пріяти по своей винѣ наказаніе.

Аще ли кто сего не учинить, т. е., не признаетъ себя виновнымъ и прощенія не принесетъ, и наказанія пріяти не восхо-

щеть, таковой да не дерзнетъ съ прочими правомуудрствующими и на единѣ и въ собраніи купно молитися, но да пребываетъ особно, имѣя своя сосуды ради яденія и питія.

Того ради всякъ доможитель долженъ имѣть различные сосуды: Едины ради единогласныхъ, а другія ради Иногласныхъ или Внѣшнихъ, дабы не имѣть съ ними общенія и не быть тѣмъ нарушителемъ положеній и правилъ Святыхъ Отецъ (?), за что полагается отъ Святыя Церкви прѣжесточайшее наказаніе.

Желающіе же истинно спастися и получить отъ праведнаго и страшнаго Судьи, Бога, своихъ грѣховъ прощеніе, тѣ во время продолженія епитиміи, святыхъ мощей и святыхъ иконъ и божественнаго Евангелія, и животворящаго Креста, и прочихъ святынь не цѣловати, и кутьи, съ которою поютъ по умершихъ панихиды, не ясти.

Поклоны же полагати при прощеніи или въ молитвенномъ храмѣ, или въ домѣ, сіе оставляется на благоусмотрѣніе и разсужденіе искуснаго врача, и гдѣ удобнѣе. Но въ Субботу и въ Недѣлю и въ великіе праздники, не земные, но поясные, поклоны полагати, яко же святоцерковное положеніе повелѣваетъ.

А кому положенъ будетъ постъ, то въ оныя дни мяса, млека, яицъ, сыра и прочаго, и рыбы не ясти, и хмѣльныхъ и виноградныхъ напитковъ не пить, но въ трезвости и воздержаніи просити, съ сокрушеніемъ сердца и смиреніемъ духа, отъ всещедраго Бога грѣховъ прощенія, и глаголати: аще восхощеши разумно, истину изъясляй любезно. Аминь.

Въ Потребникѣ Большомъ предъ исповѣдію, на лис. 141-мъ на оборотѣ:

1. Прилогъ помысла безгрѣшенъ.
2. Соглаголаніе поклоновъ 12.
3. Сложеніе же запрещенію виновно.
4. Борьба или вѣнцемъ или мукамъ виновна и достойна.

Изъясненіе.

Прилогъ, т. е., ежели что приложится или приидеть въ помыслъ неблагопристойное, мерзкое, непотребное святохульное и богопротивное, а умъ къ тому не соглашается, но и противится, то оное бесполезное и душевредное помышление, какъ не по своему желанію и любовному воображенію, но отъ случая (?), или отъ врага душъ нашихъ, приходитъ, того ради та ковыя мысли или прилогъ помысла безгрѣшенъ есть, и наказанія за то или епитиміи не бываетъ.

Соглаголаніе, т. е., разговоръ, или совѣщаніе, или совѣтъ, а еще нѣтъ согласія къ произведенію и исполненію грѣховнаго дѣла, и сіе называется соглаголаніемъ: за сіе епитиміи 12 поклоновъ.

Сложеніе, т. е., договоръ, положеніе, опредѣленіе и согласіе къ дѣйствительному исполненію, но еще въ самое дѣло по какому препятствію не произведенное, однако должное быть; смотря и рассуждая по ихъ дѣянію, наказаніе.

Борьба, или вѣнцемъ или мукамъ виновна и достойна.

Борьба вѣнцемъ достойна за то, ежели мысли къ дѣянію грѣха согласятся, а разумъ воспротивится и Божіею помощію преодолѣетъ, и грѣха въ дѣло не произведетъ, за сіе самое отъ Бога вѣнецъ приметъ и отъ духовника наказаніе не получитъ.

А мукамъ достойна за то, ежели что ради сотворенія грѣха помыслить; и хотя не скоро, но той грѣхъ самымъ дѣломъ исполнить, то за сіе, по силѣ произведеннаго грѣха, должно быть неотложительно епитиміи или наказанію правильному.

Въ томъ же Словѣ ниже: въ цѣлованіе и осязаніе пришедшая, не растѣвшежеся, еже о малакіи, запрещеніе да приемятъ, 40 дней сухо ядуши и проч.

Въ Номоканонѣ.

Правило 58-е.

Иже малакію сотвори, да сухо ястъ чотыредесять дней, по святому Іоанну Постнику, и да творить на всякъ день поклоновъ сто. Аще же не можетъ сухо ясти, да удержится отъ причастія едино лѣто, и поклоновъ пятьдесятъ на всякъ день.

Примѣчаніе.

Здѣ многіе останавливаться будутъ и произносить такія рѣчи: «Я не могу 40 дней такъ жестоко поститься, и Причастія у насъ нѣтъ, но епитиміи держать не возможно.»

Таковымъ отвѣтъствуется: Хотя святаго Причастія у многихъ и нѣтъ, но желаніе къ полученію того, ежели кто признаетъ себя быть правовѣрнымъ Христіаниномъ, имѣть всегда съ сокрушеніемъ сердца должно. * А при томъ да исчислить, колико будетъ въ годъ по пятидесяти поклоновъ на каждый день, то въ годъ будетъ осемнадцать тысячъ двѣсти пятьдесятъ, а въ 40 со стомъ поклоновъ, т. е., въ сорокъ дней по сту поклоновъ на день, только чотыре тысячи. Здѣ избирай, что есть полезнѣе и лучше для тебя.

Въ Потребникѣ Большомъ, листъ 669.

Въ Номоканонѣ.

Да внимаетъ же себѣ духовникъ во время исповѣди, еже не испытывать имене лица прочихъ сообщниковъ грѣха, яко ниже есть лѣтъ духовнику имя лица иному являти, внигда совѣта и поученія искати ему о грѣсѣ нѣкоемъ недоумѣтельномъ, епитиміи

* Желаніе причастія не есть причастіе, и поклоны молитвенные не могутъ замѣнить ни какого таинства церковнаго, хотя бы есѣ четки истерлись на поклонахъ.

ради и исправленія. Се бо предательству Іудину подобно; обаче приступившему къ исповѣданію, воспоминаютъ и поучитъ его, не извѣщати имене лицъ оныхъ, съ ними же согрѣши.

Но да повелитъ исповѣдающемуся онѣхъ лицъ, съ ними же согрѣши, то, что рещи, санъ, чинъ, званіе, лѣта и рода близость—вины грѣховъ, да речетъ, и всякъ грѣхъ особъ и по виду да исповѣсть.

Внемли и сему:

1. Егда обрящется человекъ благоговѣйный и произволитъ творити нѣколько метаній въ ночь и день, по силѣ своей, отпусти ему едино лѣто отъ мѣры канона причастія.

2. Аще же произволитъ сотворити милостыню по мѣрѣ своей, остави ему и другое лѣто.

3. Аще ли постится Среда и Пятокъ, по божественнымъ правиломъ, остави ему еще другое лѣто.

4. Аще же и Понедѣльникъ восхощетъ воздержатися отъ мяса, еще паки отпусти ему лѣто.

5. Аще ли отъ сыра и яицъ—другое.

6. Такжеже и ину добродѣтель аще сотворитъ, другое паки отпусти ему лѣто.

7. Аще ли человекъ той ниже тридцати лѣтъ есть, другое лѣто паки остави ему.

Аще же есть и отъ двадцати ниже, мѣе да запрещается. Аще не изволитъ написанныхъ, да исполнитъ цѣло нарекованная лѣта.

Подобаетъ истинно кающимся и плоть жестокимъ пребываніемъ изнуряти хотящимъ, и житіе благоразумное проходити, первыя злобы сопротивосильное, и по мѣрѣ воздержанія, такимъ и времени покаянія умаленіе, яко се.

Аще кто вина пити во уреченные дни не изволитъ, и мы годище судихомъ отъяти едино отъ уставленнаго его паденію отъ отецъ запрещенія.

Такожде: аще отъ мяса воздержатися обѣщается на время, и мы другое лѣто отпустить искусихомъ.

Аще отъ сыра и яицъ, рыбы и масла, воздержатися обѣщаетъ, тогда на всякое воздержаніе единого сицевыхъ вида, едино лѣто отъяти.

Но аще и частыми колѣнопреклоненіи Бога умиловити изводитъ, подобнѣ творити.

Наипаче же аще обильное къ милостыни и силы не лишаемое произволеніе показываетъ.

Присяжаніе.

О, духовниче! да не погрѣшиши, при глубоцѣмъ разсужденіи сія три памятствуй:

1. Количество: много кто согрѣши, да многая постраждетъ.
2. Качество: да противная противными врачуются, чревоустройство воздержаніемъ и проч.
3. Время: долго кто согрѣшающе, да долго и казнится, паче же всѣхъ желаніе и произволеніе въ кающемся зрительно есть.

Въ Кормчей.

Изъ правилъ Святаго Василия Великаго.

Правило 33, листъ 236.

Жена аще на пути родитъ и о рождшемся отрочати небрежущи, оставитъ е, убійства грѣху повинна есть. Се разумно.

Правило 521, листъ 241.

Жена небрегши о рождшемся отъ нея отрочати на пустыни и оставльши е, тако убійца есть. Аще ли скудоти ради, не имѣюще потребныхъ, безъ вины есть.

Правило 34, листъ 236.

Въ тайнѣ убо прелюбодѣяніе сотворшую и обличаему увѣдѣхомъ, безъ общенія сію поставляемъ, дондеже запрещеніе скончается.

Толкованіе.

Жена прелюбы сотворши въ тайнѣ, и не обличена сущи, грѣхъ свой исповѣсть, съ говѣніемъ, или инако како отъ духовнаго отца своего обличена бывши, не подобаетъ предъ всѣми обличити ея; и яко любодѣица отъ своего мужа познана бывши, да не будетъ ей се вина смертная. Безъ общенія же сей повелѣваютъ пребыти отцы, и съ вѣрными женами стояти до скончанія лѣтъ, еже о прелюбодѣянїа согрѣшенїи. Аще бо съ плачущимися и съ послушающими поставлена будетъ зазорна, будетъ своему мужеву, и единаче убїетъ ю.

Правило 49, листъ 240.

Растлѣніе по насилію не повинно, и раба нудима отъ господина безъ вины есть.

Толкованіе.

Дѣвица, нуждею растлѣнна бывши, и жена срамоту приѣмши насиліемъ нѣкоего, не повинни суть, и тако раба, смѣсившися съ господиномъ своимъ, безъ запрещенія.

Къ сему согласно смотри въ Номоканонѣ правило 66, листъ 687:

Аще инокиня насилуема будетъ, или дѣвица отъ господаря своего, или иная жена отъ кого, явитъ же ся первое ея житіе чисто, 14 дней запрещается, или едино лѣто да не причастится.

V.

Р Ѣ Ч Ь

**ГАВРИЛА ЛАРИОНОВА СКАЧКОВА ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ВЪ ДОЛЖНОСТЬ НА-
СТОЯТЕЛЯ И ДУХОВНИКА ПОКРОВСКОЙ МОНИНСКОЙ ЧАСОВНИ. ***

Почтенное Собраніе!

Главная причина стеченія нашего состоитъ нынѣ единствен-
но въ томъ, чтобы въ Православіи нашемъ (!) водворились не-
престанно любовь святая, миръ Божій и тишина церковная.

Каковыми божественными побужденіями Св. Христова Цер-
ковь во всѣ времена изобиловала, не только въ единомыслен-
ныхъ состояніяхъ, но и въ различности правильныхъ положеній.

О чемъ всему свѣту извѣстно, что и о крещеніи еретиче-
скомъ учинены Церковію Божіею различныя положенія. Ибо вся-
каго еретика крестить повелѣваютъ Правила Апостольскія: 46, 47
и 68. Сему слѣдуя, и священномученикъ Кипріанъ со священнымъ
своимъ соборомъ утвердили, чтобъ отъ всякаго еретика, крещен-
наго во имя Св. Троицы и въ три погруженія, безъ изытія от-
метать крещеніе и совершенно крестить.

Все же правосудіе сихъ правилъ Святѣйшій Патріархъ Фи-
ларетъ съ соборомъ Первосвященниковъ изъясняетъ, и свято под-
тверждаетъ, и причину полагаетъ вѣчно неоспоримую таковую,
что (соборное изложеніе Филарета Патріарха, листъ 561): «яко вси
еретики различныхъ еретическихъ Вѣръ не имутъ права святаго
крещенія, еже водою и Духомъ Святымъ. И того ради отъ всѣхъ
еретическихъ Вѣръ различныхъ приходящихъ къ Православію
Христіанскаго закона, подобаетъ совершенно крестити святымъ
крещеніемъ.»

* Сдѣсь содержится обличеніе на самочиніе и раздоры въ Расколѣ.

И что дѣйствительно токмо единая Святая Церковь имѣетъ право преподавать святое крещеніе, сіе же изъ Св. Писанія видно, въ коемъ сказано, что «Церковь Божія есть яко вертоградъ и источникъ запечатлѣнъ. (Апост. Толков. зач. 108). И того ради не возможно нигдѣ же тайпѣ статися, токмо въ единости Церкви Божіей.»

Но какъ въ обращеніи отъ еретикъ къ Православію явились препятствія, то Церковь Христова принужденною нашлась въ принятіи отъ еретикъ учинить нѣкоторыя изъятія. И, вмѣсто, чтобъ крестить, установила: нѣкоторыхъ токмо помазывать мѣромъ, иныхъ же, съ проклятіемъ только ересей, къ Благовѣрію присоединять. Какъ значится 1-го Вселенскаго Собора правило 8, Лаодикійскаго 7, 2-го Вселенскаго 7, 6 Вселенскаго 95 и Тимофея, Пресвитера Великія Церкви и другихъ.

Таковій же церковный пріемъ есть одно только снисхожденіе къ еретикамъ и раскольникамъ, для скорѣйшаго ихъ обращенія къ Церкви. По свидѣтельству Тимофея, Архіепископа Александрійскаго, пишущаго: «По что не покрещеваемъ еретики?» Отвѣтъ: «Аще бы се было, не бы ся человекъ скоро отъ ереси обращалъ, стыдася по крещеніи: обаче и возложеніемъ рукъ и молитвою Іерейскою вѣсть приходити Духъ Святый.» Подобно же сему имѣется въ толкованіи правила 1-го Василія Великаго, что Новотіанъ чистыхъ крещеніе Духъ Св. оставляетъ, но смотрѣнія ради да будетъ пріято.»

Такъ же разность открылась и въ самихъ Апостолахъ, когда Петръ съ Павломъ и Павелъ съ Варнавою и Христіане изъ Іудей и Еллиновъ о снѣдахъ и обычаяхъ препирахуся.

Тоже Восточные съ Западными согласились обще по полнотѣ перваго мѣсяца Пасху праздновати въ Недѣлю, а Епископы Азіійскіе сему не согласились.

Что жъ? И въ дѣлѣ за отверженіе законныя супружницы и за поятіе сродницы Царемъ Константиномъ, сыномъ благочестивыя Царицы Ирины, Патріархъ съ прочимъ духовенствомъ

и премногими вѣрными были на сторонѣ Царя, Θεодоръ же Студійскій и Царю и всѣмъ онымъ воспротивился, и претерпѣлъ за то многія мученія.

И не меньше сего также съ мученіями явилась распря въ Христіанѣхъ и за изгнаніе Св. Златоуста до самаго возвращенія мощей его, хотя Св. Златоустъ, отходя въ заточеніе, за свое изгнаніе творити церковныхъ распрей не позволялъ и запрещалъ.

Да не маловажнѣе сего и Римская Церковь, когда въ ересь Богословскихъ, вопреки Священному Писанію и противу естественныхъ законовъ, открылась, какъ-то: безженство клириковъ, опрѣсночное служеніе и прочія несообразности имѣла, однако жъ истинная Церковь Божія, зная совершенно, что миръ святыи болѣе пріятель Богу, нежели сколько поспѣшный и пагубный раздѣлъ, и она, при всѣхъ своихъ объясненіяхъ и обличеніяхъ, всякимъ несогласностямъ, и разнообразнымъ мнѣніямъ, и чиноположеніямъ терпѣла, снисходила и уступала, и, не давъ совершеннаго суда, опасалась исключать Церкви и множить раздѣлы. И всякихъ погрѣшающихъ въ Вѣрѣ и обрядахъ не вскорѣ еретиками порицала и въ чинѣ еретическѣй включала, какъ развѣ тогда только, когда кто явится въ глубочайшихъ заблужденіяхъ и нераскаянности погрязшимъ. И чтобы прочихъ предостеречь отъ заблужденія, дабы не заразились ядомъ еретичества, а заблужденнаго и нераскаяннаго, яко смертоноснаго члена, исторгнуть, тогда Св. Церковь, яко же мать чадолубивая и правосудная, не хотя законный судъ исторженія на такового износить, по Евангельскому опредѣленію: «Аще же преслушаетъ Церковь, буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь,» и по совѣту Святыхъ, о немъ возглашаетъ: «да возвѣстится о немъ всюду не пріятно ему быть на всяко общеніе.»

А доколѣ полагаются надежды въ обращеніи о заблуждающемъ, и доколѣ собираются всѣ подробности къ объясненію истинны, и къ обличенію ложныхъ и вредныхъ содержаній, тогда обѣ противоборствующие страны, одна съ другой составляли едину Церковь, и спасались въ обѣихъ сторонахъ. Хотя, впрочемъ, между тѣмъ происходили и жаркія состязанія, по описанію церков-

ныхъ исторій, что и за не согласное празднованіе Пасхи, Викторъ, Папа Асійскихъ Епископовъ, клятвѣ предаде и общеніе отсѣче, которой клятвѣ, однако жъ, многіе Епископы святыя зазрѣша и похулиша, яко таковыхъ Епископовъ дерзнулъ отлучити, каковыхъ ради причинъ прежніе Папы раздѣла не имѣли.

И Кипріанъ Священномученикъ, по собраніи двухъ Соборовъ, которыми еретическое крещеніе отменить утвердили и крестить узаконили, писалъ же Папѣ Стефану, чтобы и онъ далъ о томъ такое же свое согласіе. Стефанъ же Папа отписалъ къ Кипріану, ни что же возобновляти, кромѣ преданнаго, и согласія не далъ. А Кипріанъ за сіе, гнѣваясь на Папу Стефана, и въ послѣдніи своемъ поноситъ ему, гордымъ и немудрымъ его нарицаетъ и помогающимъ еретикамъ числитъ. Котораго, однако жъ, оправдываетъ Блаженный Августинъ: ибо еще и упоренъ въ томъ бывше, обаче любви и соединенія со Стефаномъ Папою не разрываше.

И Церковь Восточная Кипріана, а Западная Стефана, въ числѣ Священномучениковъ почитаютъ. Которые оба въ своихъ мнѣніяхъ скончались, не кася, да и причины не имѣлось извиняться. Поелику что Кипріаново мнѣніе по резонамъ необходимымъ и основательнымъ было праведно и свято, а Стефаново, по случайнымъ и снисходительнымъ, тожъ было Церкви полезнымъ; Кипріаново и по тому хорошо, что древо зло не можетъ плоды добры творити, а Стефаново и за тѣмъ изрядно, что и всякаго же плодоноснаго древа не каждый сучецъ плоды одинаковы приносить, но иногда мало, или во многомъ, неподобны. И Стефаново было легчайшимъ способомъ къ обращенію еретиковъ, каковаго мнѣнія держались послѣ Вселенскіе и Помѣстные Соборы, и Василии Великій (прав. 47) и другіе Святыя Отцы. А какъ снисхождение не есть необходимый законъ, по уступка и случайность, то одни и тѣ же правила повелѣваютъ крестити тѣхъ же еретиковъ.

Подобныхъ сему происшествіи весьма довольно можно видѣть въ исторіяхъ церковныхъ, въ самой Восточной, и между Западной и Восточной Церквами.

И Восточная Церковь отъ Западной, не учиня рѣшительныхъ разсмотрѣній, и доколѣ не открылась она заблужденіями, отчаянно,

бевъ возвращенія, погрязшею, раздѣла съ нею не имѣла и пребывала въ мирѣ, любви и соединеніи, яко единыя матери, святыя Каколическія Вѣры, чада, многія времена.

И въ продолжительныхъ терпѣніяхъ, колико было въ Греческой Церкви святыхъ Учителей и премудрыхъ Патріарховъ, Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ, и прочихъ знаменитыхъ проповѣдниковъ слова Божія, по ни кто никогда изъ оныхъ не смѣлъ дерзнуть составить расколъ.

Оныя благоразумные пастыри знали совершенно величество грѣха, въ расколѣ живущаго, и его ужасались.

Колико же золь и тяжекъ грѣхъ раскола, о семъ Златоустъ вѣщаетъ: «Ни что же тако раздражаетъ Бога, яко еже Церкви раздѣлятися; аще и безчисленная будемъ содѣявше благая, отъ иже тѣло Его пресѣцающихъ, не меньшую пріиметъ казнь, ссѣцающе исполненіе церковное. Сія мною не къ начальникамъ токмо речена суть, но и къ начальствуемымъ, яко отъ еже въ ересь пасти, еще Церковь раздрати, не меньшее есть зло. Паче всего Богъ раздражается о раздорѣ церковномъ, ниже мученическая кровь можетъ сего загладити грѣха.»

И Св. Теофилактъ, отъ лица Христова, рекъ: «Мое есть дѣло собирать, а діаволу еже расточати.»

Павелъ же Апостолъ пишетъ (Апостолъ зач. 121): «Блюдитесь отъ творящихъ распри и раздоры; сіи бо не работаютъ Господу нашему Исусу Христу.»

И Римская Церковь когда уже въ своихъ заблужденіяхъ явилась нераскаянною, тогда и Никита, мнихъ Студійскій, и Всероссийскій Патріархъ Филаретъ, Западной Церкви новыя ложныя и пагубныя узаконенія: клириковъ безженство, исхожденіе Св. Духа и отъ Сына и служеніе опрѣсночное, съ прочими новостями ересію именуетъ, и раздѣлъ съ нею имѣть состоявшійся почитаютъ правильнымъ, руководствуясь на таковій случай церковнымъ симъ закономъ: правило 15 собора второперваго: «Аще же

нѣцѣи отступать отъ нѣкоего Епископа, не грѣховнаго ради извѣта, но за ересь его, отъ собора, или отъ Святыхъ Отецъ невѣдому сущу, таковѣи чести и пріятія достойни суть, яко правовѣрніи» (глава 19 Кормч., л. 221).

Изъ сего всякой усмотрѣть можетъ, что сіе правило позволяетъ отступать отъ Епископа токмо за ересь, кромѣ же ереси отступать позволенія не предвидится.

Сему Восточная Святая Церковь слѣдуя безпрекословно во всѣ времена, всякихъ несогласностей, внутри ея продолжающихся, и отъ Римской Церкви разномысліями ея касающейся, но безъ соборнаго суда и подробныхъ разсмотрѣній, раздѣловъ рѣшительныхъ, кромѣ ересей, не производила, и заблуждающимъ богословски и погрѣшающимъ противуестественно, * великодушно терпѣла. И ея святые и премудрые рукоположенные церковныя власти являли челоуѣколюбное снисхожденіе и здраворазсудныя уступки творили, и коими при томъ повсеминутно были воспоминаемы Христа Спасителя сіи божественныя словеса, на случай погубити заблуждающихъ желающимъ, рекшаго (Луки зач. 48): «Не вѣсте, коего духа есте вы; Сынъ бо челоуѣческій не придетъ погубити, но спасти.»

Тоже и Святіи пастыри, спасители душамъ, неусыпно старались соблюсти церковное соединеніе, болѣе и болѣе вознаграждали всюду святой миръ, вездѣ любовь Божію и всегда союзъ единства, различными средствами, чрезъ которыя могли бы познаваемы быть вѣрнѣйшими учениками челоуѣколюбиваго, кроткаго и премудраго своего учителя, Христа, и тѣмъ имѣть бы всегда едино стадо и единого пастыря, Господа нашего Исуса Христа, спасающаго всяческую.

А какъ и вѣрно, что Церковь Господня во времена какихъ либо стѣсненій творила все благоразумно, то и сіе въ томъ ее оправ-

* Разумѣется, вѣроятно, безженство Священниковъ въ Западной Церкви, не свободнымъ произволеніемъ пріемлемое, а закономъ наложенное и вынуждаемое, и по тому противуестественно, т. е., противъ естественныхъ законовъ, какъ выше сказано.

дываетъ, что Православнымъ Священникамъ, въ плѣну бывшимъ у Агарянъ и преподававшимъ святое крещеніе дѣтямъ Агарянскимъ, которыхъ родители почитали крещеніе за очарованіе или волшебство, а не за святость, и приносили дѣтей къ крещенію единственно токмо для отгнанія злосмрадныхъ воней, съ которыми они рождались, а не вѣры ради во Христа, и не очищенія ради грѣховъ, ниже для наслѣдія вѣчнаго блаженства и усыновленія Богу, каковыхъ ради неблагочестивыхъ мыслей оное ихъ крещеніе Святою Церковію узаконяется повторять, Священниковъ же творящихъ оное не казнить и раздоровъ и раздѣловъ съ оными не имѣла. А какъ значитъ, и были къ тому резоны сіи: «не дадите святая псомъ,» и что на сей случай не имѣли имяннаго дозволенія, а дѣйствовали. И здѣсь премного удивляться должно премудрому церковному расположенію сему, что крещеніе, отгоняющее злосмрадныя воню и чудотворное, отменяется и повторяется, а дѣйствители того, Священники, казней свободяются. Что же ихъ извиняетъ? Нужда, обладаніе нечестивое, власть Агарянская.

И видно, что Церковь Божія, яко разумѣйшая, нужду со свободою различаетъ, и свободными правилами нужду не осуждаетъ и не казнить. Да и ни кому вопреки сему поступать не дано воли, и запрещается самимъ Богомъ и Святыми Отцами. Екклесіастъ глав. 3; Матѳ. зач. 44; Василия Великаго прав. 39, 85 и 53, въ толков.; Лѣствица слов. 26, листъ 207 обор.; Златоустъ къ Галатамъ гл. 1-я, на стихъ 17 сказаніе; Апостолъ зач. 245, Филиппеемъ гл. 3, стихъ 16.

И такъ, ежели учителя церковные и пастыри рукоположенные премного несогласностямъ терпѣли, снисходили и расколовъ убѣгали, то какою же бы властію наши, простолюдины суще, какъ нынѣ мы видимъ многихъ, и рукоположенія святаго на себѣ не имѣющіе, не разобравъ совершенно вещь, тѣми же и одними книгами ее означающими, по необходимымъ и случайнымъ знакамъ дающимъ о ней истинное познаніе, отважно дерзаютъ раздирать ризу Христову, растлѣвать Церковь Божию, разсѣвать въ ней раздоры, смущать единство Христіанское и творить расколы, безъ всякаго церковнаго соборнаго сужденія и подробнаго

разсмотрѣнія, но только послѣдуя собственно своему мнѣнію и упорно пренебрегая ясное и откровенное Писаніе, спорность о вещахъ разрѣшающее? А ко многимъ изъ таковыхъ пишется и Апостоломъ Павломъ (Апостолъ зач. 278): «Не разумѣюще ни яже глаголють, ни о нихъ же утверждаютъ. Человѣцы растлѣнни умомъ и не искусни о вѣрѣ (зач. 295). И должны суще быти учителя лѣтъ ради, паки требуете учиться, кая письмена начала словесъ Божіихъ (зач. 312).» А иными не обрящется ли и сего, что отъ неправильныхъ ихъ ученій родилось и раждается то, о чемъ по Апостолу срамно есть и глаголати. Въ разсужденіи же вѣры то велие нечестіе, а по жительству естественному и семейственному то обширное безобразіе, стыдъ и поношеніе отъ благомыслящихъ, и собственною совѣстію уличаемымъ, судимымъ и мучимымъ повсегда.

Каковыя нынѣшніе новые лобзатели раздѣловъ до толикой высочайшей степени своевольствомъ возрасли, что маловѣдущихъ умовъ ко мнѣніямъ своимъ и обычаямъ противу воли каждаго склоняютъ!! Но буде кто ихъ ученіямъ не послѣдуетъ, отъ того Христіанина дѣлають немедленно раздѣлъ: отсѣкають его отъ церкви, отъ богослуженія, отъ общенія пищи и всякихъ Христіанскихъ соединеній, и лично и заочно, ни сколько не разсмотря и не познавъ вины исторженія. И совѣмъ сіе ими предано забвенію, что исключеніе изъ Церкви не иное что значить (Златоустъ бесѣда 5), какъ отданіе Христіанина во власть и сиѣлъ діаволу, чего самые верховные первосвященники и святые пастыри безъ разбора трепетали строить и весьма ужасались Писаніемъ сказаннаго: «Ежели Епископъ кого отлучить не по закону, той самъ себе отлучилъ естъ!»

И нынѣ на своевольникахъ нашихъ явственно исполняется Св. Златоуста писаніе слѣдующее: «Ни что же тако раздираетъ тѣло Церкви, яко же гордыня и любоначаліе. Аще тыяжде догматы, аще тыяжде тайны, чесо ради инъ начальникъ на ину церковь наскочетъ? Видите, рече, яко Христіанъ вся тщеславія исполнена суть, и любоначалія у нихъ и прелесть... естъ, рече, всякому хотящему обрѣсти повинующихся, и никогда же оскудѣетъ сихъ. Оле смѣха! Сія коликаго студа суть: како претерпимъ отъ Еллиновъ смѣхъ!»

Да и подлинно, что нынѣшніе наши простолюдины оное тяжчайшее зло, грѣхъ раскола церковнаго, почитаютъ за великую добродѣтель и святою честію, что онъ произвелъ въ Церкви раздоръ и расколъ, и себя въ ономъ сдѣлалъ учителемъ, дабы отъ его имени возрасло новое согласіе, котораго до него не было, по чему и склоняетъ къ себѣ повинующихся. А самое высочайшее добро—единство Церкви, миръ ея, любовь тоя и согласіе въ ней полагаютъ за ни что. И свое душевредное ученіе «прикрывая благими словесы и благословеніемъ, прельщаютъ сердца незлобивыхъ, непшующихъ приобрѣтеніе быти благочестію (Апост. зач. 121), отступай отъ таковыхъ, Апостолу» (зач. 287) рекшу.

Сіе же сказано и для того паче, что свары и вражды между братією творящіе, рождаютъ грѣхъ смертный противу Духа Святаго (Катихизисъ малый листъ 57).

И дѣйствительно, таковыя своевольники за послѣдованіе своему мнѣнію подлежатъ писанію сему: «Кто своему мнѣнію послѣдуетъ, той еретикъ есть.»

Но явственнѣе, кто по чему еретикъ, то Преподобный Максимъ Грекъ скажетъ (глава 81): «Еретикъ бо онъ есть, кто мнѣнію своему живому крѣпцѣ прилѣпляется, и извѣстно совѣстію истину вѣдый, и сопротивъ глаголетъ жестоцѣ, безъ надежды исправленія. Аще бо отъ невѣдѣнія сіе сотвори, тогда наречется заблудникъ, а не еретикъ.»

То же и Киръ Зиновій, ученикъ Преподобнаго Максима Грека, глаголетъ: «Еретицы именуются отъ сего, яко не соглашаются правовѣрнымъ, кривѣ вѣрующе, и по крещенію оми Христіане, кривовѣрія же ради оми еретицы.

А равно же что есть ересь, то Св. Іосифъ Волоколамскій пишетъ (Слово 12), и великій Аѳанасій глаголетъ: «Тяжчайшій и страшнѣйшій всѣхъ смертныхъ грѣховъ грѣхъ, еже въ ересь внасти. А ересь глаголется, по многимъ богословцемъ, еже не тожде со Святыми Отцы мудрствовать, или что свое, и сему послѣдовати. Или аще кто похулитъ правое преданіе церковное, или отъ

метаеть что Божественныхъ Писаній, мало, или велико, весь отмѣтаеть законъ.»

А наши нынѣшніе любители расколовъ и разсѣкатели союза церковнаго, сего ни сколько не страшатся.

И хотя они сколько ни приводятъ къ защищенію своихъ мнѣній свидѣтельствъ отъ Писанія Святаго, но какъ не по разуму, то повсегда остаются виновными, и ученія ихъ исчезаютъ, яко самая слабѣйшая влажность, весьма жаркими солнечными лучами сгараеть и пропадаетъ, здраворазсудными церковными законами, противу ихъ являющимися.

Однако же они, какъ чловѣкъ, пришедши во глубину золь, не радить, или скверный да осквернится еще, или нечестивый да нечестивѣе будетъ (Апокалип. гл. 22), не хотя раскаятиса, и еще изобрѣтають въ Священномъ Писаніи, яко бы имъ помогающее повелѣніе, чтобъ имъ производить въ Церкви Христовой раздоръ и расколы, и глаголють, что «не всяко добро миръ и согласіе, но которые и расколы вещь Божія мнятся быти.» Но и сему въ каковыхъ же случаяхъ должно быть, ни сколько не понимаютъ и разсуждать не хотятъ, надъ всѣми же превозносятся и презирають святѣйшее предписаніе сіе, что Филареть, Патріархъ Всероссійскій, вѣдая же сіе, ни представляемое, и зная всю силу того, о расколѣ же вопіеть (Соборн. излож. Филарета Патріарха): «идѣ же бо аще и мало раскольство учинится, и тамо возстаеть вражда гнѣва Божія и мечъ ярости, и пребывающимъ въ томъ конецъ мука вѣчная.»

Съ творящими же своевольные раздѣлы и молитися купно Писаніе (Толков. 33) запрещаетъ: «Аще помолится кто съ еретики, или съ отлучившимися своею волею отъ Соборныя Церкви, самъ отлученъ да будетъ.»

А Христось, Сынъ Божій, о паденіи вѣрихъ уподобительнѣ глаголетъ въ Евангеліи (Матѣ. зач. 46): «Всяко царство раздѣляющееся на ся запустѣеть, и всякъ градъ, или домъ, раздѣливыйся на ся, не станеть.»

О мирѣ же законополагаетъ, глаголя (Іоанна зач. 48): «Миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ.» (Зач. 56): «О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою.»

И Златая Уста вѣщаютъ: «Безъ любви никое же можетъ добро быти, ни жизни нашея не требуетъ Господь безъ любви. Аще, рече, въ злобѣ живемъ, и аще и ни одинъ о насъ зло глаголюй будетъ, всѣхъ человѣкъ окаяннѣйшимъ есмы.»

Максимъ же Грекъ, предостерегая и отъ письменныхъ заблужденій, умоляетъ: «Да внимаемъ себѣ прилежно, Господа ради, и да не безъ искуса вѣруемъ всякому духу ученія. Но да искушаемъ прилежно писанія, аще по всему согласуютъ Апостольскимъ и Пророческимъ преданіямъ и ученіямъ. Аще бо по нечесому разликують, или сами къ себѣ не согласуютъ, да не примемъ я, но да отвержемъ отъ себе, аки лукаваго бѣса плевать, сѣянныхъ посредѣ чистыя пшеницы благовѣрія, на прельщеніе и погибель душамъ нашимъ.»

Онъ же пишетъ: «Сего ради должни есмы во всѣхъ же, ихъ же глаголемъ и творимъ, имѣти показаніе отъ Божественныхъ Писаній, да не, человѣческими помышленьми прельщаеми, испаднемъ съ праваго пути и впаднемъ въ пропасть погибели. Заповѣдь бо Господня свѣтла, просвѣщающи очи.»

И вѣрно сіе, что Писаніе Божественное не допускаетъ воорещисъ въ пропасть погибельныхъ мнѣній. И оно есть истинный спаситель отъ заблужденій, покояку что нынѣ и мы упражняемся во изслѣдованіи о мирѣ церковномъ и о важности раскола отъ Писанія же Святаго, которое и о томъ еще насъ увѣряетъ, что каждый, хотя бы священнаго чина былъ, по разрывающей единство церковное и творящей расколъ, лишается хиротоніи, чуждъ бываетъ благодати Св. Духа, крестить воля отъемляется, крещеніе его отъмещается, и повторяется, яко отъ самозванца безблагодатное, по изысканію и утвержденію вселенскаго учителя, Великаго Василія (Никонъ Слово 63), пишущаго слѣдующими словами: «Понеже начало раздѣленія произошло отъ раздора, а тѣ, которые совершенно отъ Церкви отступили, уже

не имѣли болѣе благодати Св. Духа въ себѣ, по тому что оскудѣло преподаваніе омыя, чрезъ престѣченіе въ нихъ перваго правльнаго мнѣнія; ибо первѣ всѣхъ отлучившіеся отъ Отцевъ Церковныхъ имѣли въ священствѣ рукоположеніе, и возложеніемъ рукъ ихъ имѣли дарованіе духовное, а отторгшіеся и мірскими сдѣлавшіеся, не имѣя власти ни крещать, ни рукополагать, не могли болѣе инымъ преподавать благодати Святаго Духа, которыя сами лишились, и по сему отъ нихъ, аки отъ мірскихъ, крещаемые и къ Церкви присовокупляющіеся, истиннымъ крещеніемъ церковнымъ паки очищаться должны были.»

И какъ здѣсь отъ Святыхъ Писаній нынѣ мы очевидно находимъ ко всякому Христіанину относящееся, столь правильное запрещеніе, возбраняющее чѣмъ либо колебать Церковь Божию, или возраждать въ ней по своевольству распри и раздѣлы; но такъ же, кольми паче не меньше сего, усматривается и ко ограниченію особенно и предстателямъ церковнымъ, яко служителямъ Церкви и получившимъ власть отъ Церкви, во святость и спасеніе Церкви, по употребляющимъ ее самовластно и высокоумно во зло, кромѣ святыхъ узаконеній, и угнетающимъ Христіанъ неправильными запрещеніями, о коихъ преподобный Никонтъ Черногорскій пишетъ (Номок. листъ 63): «Вѣждь убо, отче мой, яко божественная Писанія съ божественными законами опредѣляютъ, яко неправедно палагаемая запрещенія у Бога не связуютъ. Аще я и Архіерей положилъ, кольми паче аще меньшій, яко же глаголетъ Св. Діонніей: «Иже убо неразсуднымъ изреченіемъ и невоздержнымъ сердцемъ отъ вѣрныхъ кого отлучи, сего не токмо не коснуса, но и на главу его возвращается, яко же и Святые Соборы провѣщаваютъ. Но сія запрещенія связуютъ, яже по божественнымъ правиломъ и законамъ наложишася, а не по своей воли. Безсловеснѣ бо казнѣ налагаяй, самъ отлучается, и самъ сію казнѣ долженъ есть соблюдать, яко же божественная и святая правила усматриваютъ.»

Тотъ же Номоканонъ (листъ 63 об.):

«Аще убо Архіерей чрезъ волю Божию кому запретитъ, Богъ ему не послѣдуетъ, и се обрѣтается запрещеніе его неправедное, и сего ради не крѣпкое.»

Того же Номоканона (листъ 86):

«Да будетъ же разумно, яко пѣсть лѣтъ, не точію Іереомъ, но ниже Архіепископомъ и Епископомъ, противу канонѣмъ что дерзати, творити же и разрѣшати.»

Во увѣреніе же сего пишетъ Святѣйшій Игнатій: «Иже глаголетъ паче, яже узаконена суть, аще бы былъ и вѣрный, аще бы и постылся, аще бы и дѣвственникъ былъ, аще бы и знаменія творилъ, аще бы и пророчествовалъ, волкъ тебѣ да мнится быти въ кожѣ овчей, убійство овцамъ содѣвая.»

И великій Θεодоръ Студитъ глаголетъ: «Власть предстателемъ ни въ чемъ же дается ко преступленію правила, развѣ токмо да прилежатъ тѣмъ, яже узаконена суть, и послѣдуютъ, яже предыдоша, и да связуютъ и разрѣшаютъ неразмысленно, но яко же мнится истинѣ, и канону, и правилу высочайшаго закона.»

Пастыремъ же, не разумѣющимъ законовъ и правилъ, или ложная учащимъ слѣдовать, и приѣмлющимъ отъ нихъ лживыя ученія за истинныя, будетъ казнь Божія, по свидѣтельству Игнатія Богоносца, глаголющаго: «Всякъ человѣкъ, силу разсужденія отъ Бога пріявый, мученъ будетъ, аще не искусному пастырю послѣдуетъ и ложное ученіе, яко истинное, приметь.»

Таковыя свѣтыя церковныя законы и содержанія мы предложивше, яко необходимыя и основательныя положенія, ко всякимъ Вѣры обязанностямъ принадлежащія, къ которымъ нынѣ мы являемъ истинное наше согласіе, неотмынно должно намъ по всему слѣдовать токмо онымъ, и не иначе, какъ токмо по подобности той, каковою Святая Соборная и Апостольская Церковь, при всѣхъ своихъ терпѣніяхъ и снисхожденіяхъ, отъ самыхъ временъ Апостольскихъ даже до позднѣйшихъ, ощущавши всегда внутри себя лжебратію и развраты, и внѣ постороннихъ злѣйшихъ враговъ, еретиковъ и невѣрныхъ, многообразными непристойностями спокойство и благочестіе его тревожащихъ, но, однако жъ, какъ она никогда не бывала соучастницею въ

противоборствахъ святости и спасенію, и что также никогда и ни чѣмъ не бывала руководствомъ ни къ какимъ беззаконіямъ и паденіямъ, напротивъ неусыпно Апостольскими посланіями, общими совѣтами, Соборами Вселенскими и Помѣстными, частными переписками, святоотеческими и гражданскими законами, яко пребогатѣйшая здравомыслиемъ, повсегда и всюду всякая безпорядки приводила въ благочиніе, язи обличала, еретичество исторгала и въ недоумѣніи вразумляла, и кающихся врачевала правосудно; по какимъ обстоятельствамъ и ею изданы и подтверждены Церковные законы и чины, по сообразности временъ и надобностямъ необходимыя, случайныя и великолѣпныя, необходимости же вещей не разрушающіе, дабы чрезъ то явственно доказать всему свѣту, что она существовала и будетъ существовать вѣчно не дремлющею, и что она сообразительна, проницательна, знаетъ свойство вещей, вѣдаетъ достоинство происшествій, раздѣляетъ цѣну послѣдствіямъ, а при всемъ томъ, что и во всякомъ случаѣ руководствуется Священнымъ Писаніемъ, и поступаетъ соотвѣственно тому Писанію, въ которомъ сказано (Апостолъ зач. 245, 157, 273, 141): «Въ неже достигохомъ, тоже да мудрствуемъ, и тѣмъ же правиломъ живѣемъ. Вся же благообразно и по чину да бываютъ. Вся же искушающе, добрая держите. Отъ всякія вещи злыя отгребайтесь. Да не хулится убо ваше благое.»

По чему и слѣдственно, о почтенное Собраніе, таковымъ-то Священнымъ Писаніемъ, во всѣхъ стремленіяхъ къ миру Церковному и соблюденію Вѣры Православныя, отъ нынѣ нашему благочестивому сословію одушевляться слѣдуетъ, и все, что правосѣрно, благочинно и Христіанской благопристойности приличествуетъ, неизмѣнно любить и исполнять. Все же, что симъ противорѣчитъ, внимательно и безпристрастно разсматривать, и снискивать правильное познаніе о вещахъ, сомнѣнію подлежащихъ, словомъ рещи: чтобы благовѣріе наше по всѣмъ Церковнымъ учрежденіямъ было всегда согласно съ Богомъ и съ его Святими.

Но чѣмъ же именно миръ Церковный нынѣ у насъ колеблется, и что съ сего времени постепенно разсматривать и приводить въ порядокъ должно, о томъ въ будущихъ собраніяхъ объявлено быть имѣть.

Нынѣ же съ сего нашего собранія каждый можетъ отбыть изъ онаго съ напомниманіемъ Священнаго Писанія сихъ словесъ: (Апост. зач. 116, 152): «Кійждо же васъ да угождаетъ ближнему во благое къ созданію. Да не будетъ распри въ тѣлеси.»

А за вся давшему намъ и сподобльшему насъ видѣть, слышать и познать словеса Святаго Писанія о мирѣ Церковномъ, воздадимъ Господу Богу нашему усердную нашу благодарность! И да поможетъ намъ Господь Богъ пребывать всегда въ мирѣ и любви и Ему благоугождати плодами.

VI.

ПРОШЕНІЕ

**ГАВРИЛА ЛАРІОНОВА СКАЧКОВА, ОБЪ УВОЛЬНЕНІИ ЕГО ОТЪ ДОЛЖНОСТИ
НАСТОЯТЕЛЯ МОНИНСКОЙ ЧАСОВНИ.**

Православное (1) наше общество въ молитвенномъ общественномъ нашемъ храмѣ, сего 1810 года, Марта 20 дня, собравшись, слушало прошеніе нашего Христіанина, Гавріила Иларіонова, поданное имъ общему же нашему собранію, протекшаго 1809 года, Августа 1 дня, коего все содержаніе изображено въ слѣдующихъ словахъ:

«Почтенное Собраніе!

Прошедшаго 1807 года, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, по предложенію и согласію покойнаго Евстрата Федоровича, въ общемолитвенномъ семъ храмѣ, единовѣрныхъ нашихъ собраніемъ, на значили, ради отправленія принадлежащихъ потребностей, избрать меня, всенижайшаго. А по прошествіи болѣе пяти мѣсяцевъ, 1808 года, 23 Февраля, и совершенно тоже собраніемъ общественно утвердили, къ чему, я, по прошенію и воли общества, и приступилъ, что, при помощи Божіей, по силѣ моей

и исправлять. Но какъ долгъ сего дѣянiя есть подобный стра-
 жамъ, смотрѣть и наблюдать, дабы не впелъ кто и не обезпо-
 коилъ бы правовѣрное собраніе, и не научилъ бы кого каковымъ
 непринадлежностямъ Христiанству, кои у нѣкихъ уже и являются,
 что не токмо въ домахъ своихъ не раздѣляютъ сосудовъ своихъ
 отъ Внѣшнихъ, но и явпо нѣкіе вездѣ и со всѣми, намъ не со-
 гласными, въ яденіи и питіи самонпроизвольно общаются, такъ же
 и съ Православнымъ нашимъ обществомъ разглашающимися не
 имѣютъ ни какого раздѣленiя, и не признавая въ томъ ни какой
 противу Святоотеческихъ положенiй погрѣшности и противности,
 но и защищая себя многими не по существу разуму толкованiями,
 развращаютъ мысли человѣческія; и тако не признавая въ семь
 ни каковой за собою вины, безъ обычнаго прощенiя, ходятъ въ
 общемоленіе, и тѣмъ прочимъ не общающимся съ несогласными,
 но чисто соблюдающими Христiанство, наводятъ смущеніе, а всему
 обществу отъ несогласныхъ за сіе причиняется подозрѣніе и по-
 ношеніе; такъ же и ношеніемъ неприличнаго нашему Православію
 одѣянiя, въ каковомъ нѣкоторые не только въ публикѣ бываютъ,
 но и въ молитвенный храмъ приходятъ съ отважнымъ дерзно-
 веніемъ, и таковыми непристойностями наводятъ нашему право-
 вѣрному обществу поношеніе и посмѣянiе. И хотя по не долгомъ
 пребываніи моего опредѣленiя, кратко отъ Священныхъ и Свято-
 отеческихъ Писанiй я предлагалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ
 удалить являющіеся въ нашемъ правовѣрномъ состоянiи пороки,
 и дабы не уподобиться Инославнымъ, какъ сообщеніемъ въ нищѣ
 и питіи, такъ и противными знаками одежды; но оная моя пред-
 ложенiя нѣкимъ явились непріятны, отъ чего нѣкоторые пришли
 въ огорченіе и начали оправдываться тѣмъ: «Ежели не сообщаться
 намъ съ несогласными, то, по нашей привычкѣ и по нашему со
 многими знатными людьми обхожденію, обойтись не можно, также
 и за одежду не уже ли отъ Бога будетъ какое наказаніе?» Сіа и
 прочая подобная симъ, какъ я слышу: то чтобъ успокоить мно-
 гихъ колебаніе мыслей, желаю быть не въ числѣ съ первенст-
 вующими, но обще съ прочими на ряду, да утишатся волнующія-
 ся тѣхъ сердца, которымъ предложенiя мои ко истребленію по-
 роковъ являются непріятны. О чемъ ежели молчать и поступать
 снисходительно, по прихотямъ каждаго, и дѣлать всякому потаков-
 ство такъ, чтобы они были сами себѣ законъ, то страшусь и

ужасаюсь всемірнаго суда Христова, и трепещу за то нестерпимыхъ и вѣчныхъ адскихъ мученій. И сего ради лучше мнѣ остаться въ спокойствіи духа и несмущаемой совѣсти; и чтобъ не досадить тѣмъ, которые не хотятъ слѣдовать всеобщему Православному обычаю, то я желаю отъ возложеннаго на меня бремени освободиться, и при ономъ нынѣ соблаговолите меня не числить, и учинить извѣстнымъ, что я отъ возложенныхъ на меня должности освобожденъ. О чемъ я съ почтеніемъ моимъ, всѣмъ единогласнымъ нашего общества сіе прошеніе и предлагаю. Всепослѣднійшій Гавріилъ Иларіоновъ. 1809 года, Августа 1 дня.»

VII.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ НА ОНОЕ ПРОШЕНІЕ.

Таковому прошенію наше общее собраніе внявши, и его принявши во уваженіе, за благо признало рассмотреть, что причины, побудившія его просить увольненія отъ должности, на немъ лежащей, могутъ ли быть прочными къ тому основаніями? По рассмотрѣніи же существа предложенныхъ причинъ, и по соображеніи обстоятельствъ, онымъ прикосновенныхъ, отъ общаго собранія совѣтомъ къ разрѣшенію сего открылось, что какъ общество наше, будучи по всему (себѣ) Правовѣрнымъ, и что оно никогда не желаетъ отступить отъ учрежденныхъ въ Церкви Божіей святыхъ положеній, и что благообразныя и всеобщія обыкновенія, чѣмъ либо неблагопристойнымъ колебать и разрушать почитаетъ несвойственнымъ быти благочестію; къ непреложному же сего сохраненію и во отраженіе противностей, за свято полагаетъ ограждать и себя руководствовать сими церковными законами: Коричая, глава 71: «Любезнѣ божественная правила въ персѣхъ объемлемъ, и совершенно тѣхъ завѣщаніе и непоколебимо утверждаемъ.» И Никона Черногорскаго въ Словѣ 57: «Всяко уклоненіе отъ Православныхъ вѣлѣній отпаденіе есть отъ Свободныхъ Апостольскія Церкви.» И верховнаго Апостола Павла въ 1 посланіи Коринѣ. зачал. 157: «Вся же благообразно

и по чину да бывають;» и 2-е посланіе Коринѣ. зач. 181-е: «Ни едино ни въ чемъ же дающе претыканіе, да служеніе безпорочно будетъ.» То, чтобъ отмѣнить сіи святоцерковныя законы и преданія и къ превращенію благопристойностей, чтобы пагубныя самовольства и душевредныя дерзновенности, въ наше Православное Христіанство вводящія безобразіе, развращеніе, смятеніе и разрушеніе порядка, сообщеніями пищею съ несогласными и ношеніями неприличнаго одѣянія, могли успокоиться и не роптать, и быстрыми своими стремленіями чтобы текли всегда обширно и свободно, безъ задержанія, и вмѣстѣ съ оными же и оставались бы съ нами въ соединеніи, общество наше для сихъ причинъ онаго, Гавріила Иларіонова, признать уволеннымъ отъ должности ни какъ не можетъ; поелику что общеніе пищею со Внѣшними и неприличность одѣянія нами не пріемлются, и святыми законами именно отменяются, какъ явствуетъ:

Первое, о сообщеніи пищею со Инославными.

Первое, Св. Ефрема Сирина въ словѣ 106: «Горе сквернящимъ святу ю Вѣру ересми, или съ еретики смѣшающимся. Второе, Василія Великаго, въ главѣ 279 о постничествѣ: «Съ еретики, съ Еллины и съ Жиды, ясти имаы запрещеніе.» Третіе, Преподобнаго жъ Ефрема Сирина, въ Словѣ 8, вторая книга: «Еретичествующія, яко хульнословящія и Божіи враги, Писаніе не именовъ чело вѣки, но псы, и волки, и свиніи, и антихристы, и съ ними не подобаетъ ниже купно молитися, ниже купно ясти, да дѣломъ тѣхъ лукавыхъ не сообщимся.» Четвертое, Священномученика Кипріана въ первой книгѣ 6-го посланія къ Магну: «Съ раскольниками и въ земномъ и въ свѣтскомъ яденіи и питіи общенія имѣть не должно.» Пятое, въ Потребникѣ Большомъ, въ Чинѣ исповѣданія, печати Іосифской: «Или ѣдалъ еси съ волхвомъ, или съ еретикомъ, или съ некрещенными, или пивалъ еси съ ними и изъ ихъ сосуда?» Шестое, въ книгѣ Зонаръ, 72-е правило: «Иже со Армениномъ кто ястъ, или съ Павликіаниномъ, или со инѣмъ еретикомъ каковѣмъ либо, сему глаголемъ, да оставится; аще ли не послушаетъ наказанія, но хочетъ съ ними ясти и пити, таковый съ Христіаны да не ястъ и въ церкви не пріемлется, но отвращатися всякому Христіанину, яко отъ идолослужителя. Да еще паки когда пріидеть

ко исповѣди, да отлучится на покаяніе три лѣта.» Седьмое, тояже книги, въ правилѣ 112: «Всякаго ядущаго съ сретки, или піющаго, или дружбы дѣющаго и любви единенія, такового апаоема.» Осьмое, святаго Златоуста, въ Словѣ о лжеучителяхъ: «Услышите вси вы, иже съ еретики вкупѣ ядущіи, болѣзненный сей отвѣтъ, яко вы Христовы врази бысте. Послушайте, иже съ ними оскверняющіеся въ яденіяхъ и питіяхъ, послушайте, Православніи, и съ еретики не смѣшивайтесь, да не сведени будете въ вѣчныя муки съ ними.»

Второе, о неприличныхъ одеждахъ.

Первое, святаго Пророка Софонія глава 1-я, глаголетъ Господь: «Измѣну безаконныя отъ лица земли, и отищу на вся оболченная во одѣянія чуждая.» Второе, Св. Златоустаго въ 28 правоуч. Колоссаемъ: «Ризы да будутъ, яже потребы, а не излишнія; сицевыми убо да облачимся ризами, яже потребу исполняютъ.» Третіе, Св. Кирилла Іерусалимскаго, въ 12 огласительномъ Поученіи: «Да проженется всякое украшеніе ухищренное, и всякое вредное зрѣніе, и всякое хожденіе распустное, и всякое одѣяніе и кажденіе сластопрелестное.» Четвертое, Вселенскаго Собора 6, въ толкованіи 71 правила: «Аще кто во одежду пѣкую, яже есть кромѣ общаго обычая, облечется, да отлучится.» Пятое, въ Благовѣстникѣ листѣ 24, Евангелиста Матѣея: «Многихъ вижу отъ васъ, паче некрещенныхъ и горше пребывающихъ, и нерадящихъ, и не имущихъ дѣлать знаменія Христіанскаго. Впѣшніи бо саны извѣстѣ имуще знаменія, отъ сего явѣ познаваются; нынѣ же откуду аще понцу тебе познати, вездѣ чужимъ образомъ вижу тя ходяща; по чему прочее познати тя возмогу, яко вѣренъ Христіанинъ еси, толика сопротивна и другая множайша имуща?» Шестое, Святаго Златоуста, въ 6 правоученіи къ Римляномъ: «Бѣгати же не въ имѣніяхъ сущаго точію лихонмства, но еже въ ризахъ; пбо много лютіѣшую мы воспріимемъ месть, не покоряющіеся Господнимъ закономъ.»

Но если же сими святымъ закономъ воспротиворѣчимъ и во угожденіе развратнымъ мыслямъ и досаждающимъ благочестію, все законами сими зазрѣнное и отвергнутое буде въ Православіе

наше допустимъ и помѣстимъ, а Гавріила Иларііонова, что онъ печется соблюсти Правовѣріе въ непорочности, и Христіанство сохранить въ благообразіи и добродѣтеляхъ и что за потаковство онъ страшится всемірнаго суда Христова и трепещетъ вѣчныхъ адскихъ мученій, ежели уволимъ отъ должности, то за таковыя наши расположенія, яко же и на древнихъ Израильтянъ, отступающихъ отъ порядковъ, Богомъ установленныхъ, и болѣе любящихъ пресыщаться Египетскими брашны и ропщущихъ на Моисея и Аарона, благоразумно по законамъ Божиимъ управляющихъ, не смелъ бы и на насъ гнѣвъ Божій и казни его, яко же и на тѣхъ Израильтянахъ бысть. Какъ Священномученикъ Игнатій Богоносецъ, въ Посланіи къ Магнисіанамъ, изъясняя, глаголетъ: «Моисей рече, не бо на насъ роптаніе, но на Бога, никто же пребысть безъ наказанія, ниже вознесся противу лучшихъ себѣ. Не закону бо Дааванъ и Авиронъ противорѣчиша, но Моисею, и живи суще, во адъ снидоша. Корей же и единомысленницы его, возставшіе на Аарона, двѣсти пятьдесятъ, огнесожени быша.» Да и кромѣ сего за непристойныя единомыслія и соединенія не подпадаетъ ли еще и осужденію, Св. Златоустомъ, во 7 бесѣдѣ 1 послан. Коринѣ., глава 2 на стихъ 14 изреченному: «Видѣлъ ли еси дьявольско злодѣйство? Аще негдѣ нѣчто растлѣнно видѣ глаголющихъ, единомыслити всѣхъ сотвори; аще ли же негдѣ здраво нѣчто провѣщавшихъ, иныхъ на ня воздвиже.» А Св. Священномученикъ Игнатій Богоносецъ, въ посланіи къ Ирону Діакону, о изъясненіяхъ согласій, повелѣваетъ быти осторожнымъ, и глаголетъ: «Не всякому вѣруй, не на всѣхъ уповай, ниже аще бы кто ласкательствовалъ тя; мнози бо суть служители сатанины; себе чиста соблюдай, яко Божіе жилище; храмъ бо еси Христовъ и Духа Святаго орудіе.»

И по сему, въ силу существа означенныхъ законовъ и изъясненій, и нашего съ оными соединенія, причины къ освобожденію отъ должности, прошеніемъ представленныя, не имѣютъ такого могущества, которое оному Гавріилу Иларііонову могло бы даровать увольненіе отъ степени, въ коей онъ находится. И такъ слѣдуетъ ему числиться и состоять съ оною неразлучнымъ и пребывать въ ней по прежнему, и по званію тоя пакы продолжать со всевозможнымъ стараніемъ и прилежностію полное попеченіе,

каковыми усердіями къ лучшему и святому благообразію внутренняго и наружнаго состоянія нашего, да благотворить и возводитъ онъ каждого изъ насъ на святыя и душеспасительныя стези, по законамъ и преданіямъ Церкви Христовой и Апостольской.

А какъ нашего Правовѣрнаго общества * вся связь и существо соединенія состоитъ тожко въ единомысленномъ содержаніи всѣхъ церковныхъ святыхъ законовъ и въ единообразномъ оныхъ исполненіи, какъ всѣми нами вообще, такъ и каждому особенно всюду, съ помощію взаимныхъ пособій, то, чтобъ сію святую нашу связь вѣще сохранить въ непорочности, мы нынѣ, общимъ нашимъ согласіемъ, способствуя успѣхамъ того Гавріила Иларіонова, попеченіе творя, содѣлать труды его легчайшими, отвергая и исключая изъ общества нашего душевредности, къ нашему же удобному исполненію законовъ и преданій, до сообщенія пищею съ несогласными и до неприличности платья относящихся, все въ законахъ сихъ содержащееся, вѣрно сохрѣпать и изображать на самомъ видѣ, единомысленно и единообразно утверждаемъ и укрѣпляемъ слѣдующими положеніями:

VIII.

УСТАВЪ

ИЛИ ПРАВИЛА ДЛЯ ПРИХОЖАНЪ МОНИНСКОЙ ЧАСОВНИ.

Положеніе первое.

Общенія пищею съ Инославными и съ несогласными намъ никогда нигдѣ не имѣть.

* Безъ церкви, безъ священства, безъ благодати Духа Святаго!!

Положеніе второе.

Неприличнаго намъ одѣянія не носить.

Положеніе третье.

Общія наши обязанности общими силами намъ охранять и защищать.

Собственно же до перваго положенія касающагося слѣдуетъ исполнено нами быть въ таковыхъ видахъ:

1.

Каждый нашъ Правовѣрный Христіанинъ долженъ въ домѣ своемъ имѣть свою и внѣшнюю посуду.

2.

Никогда нѣхъ одну съ другою нѣ тѣмъ не смѣшивать.

3.

Кто либо когда въ домѣ своемъ по нечаянности, или по забывчивости, вкусить пищу изъ Внѣшней посуды, то тотъ же часъ, по узнаніи сего, долженъ полагать начало и прощаться. Извиненію же сему надлежитъ быть или предъ своимъ Правовѣрнымъ семействомъ, или когда нѣтъ такого, то предъ своими нѣ, которыми Православными Христіанами, живущими въ сосѣдствѣ и въ замѣшательствѣ таковомъ не участвующими. Бude же и сихъ гдѣ не случится, то предъ единымъ токмо Богомъ.

4.

Къ Инославному и несогласнымъ намъ, нѣ явно и тайно, съ намѣреніемъ, въ забавность, насытиться, или во угожденіе негласному составить тѣмъ компанію, и съ своими сосудами не ходить.

5.

Въ домахъ Инославныхъ и несогласныхъ намъ, родство же имѣющихъ съ нашими Христіанами, но во особакомъ навсегда

отличіи и сохраненіи въ незамѣшанности нашей посуды, буде открывается сомнительность, то въ таковыхъ домахъ изъ ихъ сосудовъ пищи не вкушать.

6.

Отъѣзжающимъ въ дорогу брать свою посуду неотмѣнно.

7.

На случай же неизмѣнія въ пути своихъ сосудовъ, принятіе пищи изъ несогласныхъ намъ, кромѣ новой, почитать согрѣшеніемъ, и при первой встрѣчѣ предъ нашими Христіанами прощаться.

8.

По возвращеніи же въ домъ свой, или по прибытіи гдѣ въ обществѣ нашихъ Христіанъ, хотя бы и не замѣшавшись, въ дорогѣ полагать начало и прощаться.

9.

Всѣхъ же тѣхъ замѣшавшихся, кои иногда извиняются, и соединиться съ нами хотятъ, или только для воспріемничества, или простоятъ вкупѣ какое съ моленіемъ молитвословіе, или только вкусятъ купно пищу, словомъ, точію на часовое только время, а не для отстатія отъ сообщеній съ несогласными и не для продолжительнаго соединенія съ нашимъ Христіанствомъ входящихъ въ общество наше, каковыхъ ни въ воспріемники, ни къ службамъ, ни къ купной пищѣ, ни числится съ нами въ соединеніи, отнюдь не принимать, дондеже возымѣютъ свободу и дадутъ обѣщаніе не сообщаться съ несогласными, и утвердятъ пребывать безъ замѣшательства возможнымъ и согласятся состоять въ соединеніи съ нами неразлучною продолжительностію.

10.

Каждый мужъ и каждая жена нашего Христіанства, соживущія съ супружескимъ своимъ лицомъ, или Инославной Вѣры, или не состоящимъ въ соединеніи съ нами, ежели хотя и по не-

возможности каковой будетъ мѣшаться сообщеніями пищею съ онымъ, то съ таковыми, ни въ ихъ домахъ, ни индѣ гдѣ, ни частно кому, ни общему собранію, ни моленіемъ, ни пищею не общаться и не мѣшаться.

11.

Въ конхъ домахъ нашихъ Христіанъ окажется замѣшательство и неразборчивость посуды] Внѣшней съ нашей, то съ таковыми ни въ домѣ ихъ, ни въ другихъ мѣстахъ, ни особенно кому, ни собраніемъ, какъ случается молитвословными празднествами, или кромѣ оныхъ, ни моленіемъ, ни пищею, общенія не имѣть.

12.

Всякому за сообщеніе простившемуся, изъ замѣшанной посуды пищи не вкушать, и надлежитъ имѣть, или новую, или ни когда не замѣшанную.

13.

Всякому замѣшавшемуся съ несогласными по вѣдѣнію и по незнанію, слѣдуетъ прощаться въ общемъ молитвенномъ храмѣ предъ собраніемъ, колико когда случится, а не потаенно или скрытно въ каковомъ либо мѣстѣ предъ единымъ Христіаниномъ. Поелику что сіе согрѣшеніе учиняетъ разрывъ союза не со однимъ Христіаниномъ, но со многими, то къ составленію связи съ обществомъ надлежитъ извиняться предъ многими же. *

14.

За сообщеніе съ несогласными пріемлется врачевствомъ не началъ токмо обыкновенный, но и поклоны земные и поясные,

* Такимъ образомъ прямо сказываютъ, что не къ спасенію души такъ заботливо устроятся, а къ сохраненію своего обособленнаго отъ общества положенія, а начальники при томъ и для удержаніе правъ власти падъ членами своего общества.

и въ собраніи и внѣ онаго, и не лобзаніемъ святыхъ иконъ, и въ собраніяхъ отлученіемъ чтенія книгъ и отъ крѣпосовъ, и отъ посуды не ваѣщанной, на нѣкоторое время, смотри по причинамъ завлекшимъ и державшимъ въ сообщеніи, и прочихъ потребностей, до сего касающихся.

15.

Къ каковымъ либо должностямъ церковныхъ службъ при общихъ собраніяхъ и въ воспріемники, состоящихъ за сообщеніе въ епитиміяхъ, до окончанія оныхъ, участвовать не допускать.

16.

При всякомъ же прощеніи за сообщеніе, должно доказывать подробно, и именно, противу какихъ законовъ сіе согрѣшеніе учиняется, koliko важно оное, и человекъ чѣмъ отъ того бытъ имать предъ Богомъ и Святыми его и предъ Православнымъ Христіанствомъ. *

Положеніе второе.

Неприличнаго намъ одѣянія не носить.

Въ настоящемъ случаѣ, по мѣсту жительства нашего подъ общимъ именованіемъ, неприличность одежды разумѣется всякое платье мужское и женское, Нѣмецкаго и Французскаго покроя различныхъ формъ, и именно: капоты, шинели съ сборами и безъ сборъ, съ мантиями и безъ мантий, сюртуки, бекешы, халаты съ воротниками стоячими и лежащими и съ лацканами, жабо около шеи, рубахи съ нашивками въ видѣ галстуковъ, салоны, манте-

* Важность и достоинство сихъ правилъ вообще опредѣлены въ Писаніи. См. Матѣ. 23, 25; Колос. 2, 21. Въ разсужденіи же примѣненія ихъ къ состоянію Безпоповскихъ обществъ смотри: «Показаніе, яко воздержностію своею Ѳеодосіево Согласіе и подобніи имъ древнихъ еретиковъ многіи ереси обновша». Показаніе 2, 3 и 4.

ли, и къ симъ покроямъ приличные разныхъ фигуръ, головные женскіе уборы и многіе другіе прочихъ званій означенныхъ покроевъ, или иныхъ какихъ. Къ употребленію же нашему нынѣ оныхъ, всякому изъ насъ извѣстно, что нѣтъ ни какой необходимости и благопристойности по обрядамъ нашимъ, кромѣ какъ роскоши, забавы, подражанія Инославному, подобнымъ быть онымъ. А симъ, принявши на себя Инославыи видъ одежды, чтобы отвести очи зрящихъ, разумѣть, не быти въ Старовѣрствѣ, или дабы имя и отличіе Старообрядецъ не стыдило и не задерживало сближаться, соединяться и мѣшаться съ несогласными обществами въ пищахъ, или для иныхъ какихъ приобретений, могущихъ и безъ того въ состояніе приняти. То по симъ обстоятельствамъ всѣми благосмыслящими и постоянными Старообрядцами Московской сей столицы, означенныя преобразования принять на себя, или помѣстить въ свое общество, почитается разрушеніемъ общаго Старообрядческаго обыкновенія, потеряніемъ благопристойности и лишеніемъ благочестія.

И такъ, чтобы отъ общихъ Старообрядческихъ благоразсужденій не отдалиться, и дабы еще не отступить отъ святоцерковныхъ и таковыхъ содержаній: Иисуса Сирахова въ главѣ 19: «Одѣяніе мужа, и смѣхъ зубовъ, и стопы челоуѣка возвѣстятъ, яже о немъ»; и Миней Четій Декабря 25 дня на Рождество Христово: «Яко внѣшняя одежда внутренній мысли и обычаю согласуетъ, и чрезъ внѣшнее одѣяніе внутренній сердца челоуѣкъ на яво выходитъ.» И общество наше, признавъ необходимымъ образомъ къ отличію наружнаго благочестія, и принявъ оное существеннымъ основаніемъ къ сему положенію, неприличнаго намъ одѣянія не носить, подтверждаетъ сіе сохранять таковыми благодѣяніями:

1.

Каждому Православному нашему Христіанину повседневно и въ праздничное время носить одежды, по обычаю общихъ Старообрядческихъ здѣшней столицы скромностей и пристойностей принятыхъ, по приличію или отъ образа градскихъ жителей, или обыкновений сельскихъ, по собственному изволенію употребляемыхъ, но спокойство общественное не разрушающихъ.

2.

Всякое же таковое платье, которое у многихъ здѣшнихъ Старообрядцевъ общимъ обыкновеніемъ не состоитъ, съ перваго на него взгляда приводитъ оно, или когда наше собраніе, или кого иногда частно, въ смятеніе и колебаніе, и возраждаетъ мысли, признавать по оному въ носящемъ иновѣрство, или несогласность, отнюдь таковое не носить.

3.

Всякому, къ приличности платья соглашающемуся, и въ томъ составляющему общественное единомысліе, слѣдуетъ то исполнить не токмо устнымъ исповѣданіемъ, но и показать въ самой очевидности всеневнымъ ношеніемъ на себѣ самомъ приличнаго одѣянія.

4.

Буде жъ кто далъ словесное согласіе къ приличной одеждѣ, носить же будетъ несообразное одѣяніе, то съ таковыми всякихъ церковныхъ общеній не имѣть.

5.

Всѣхъ же, противное сему разумѣющихъ и ропшущихъ на общія Старообрядческія благопристойныя наблюденія и носящихъ неприличныя одежды, ни въ общемоленіе, ни къ купной пищѣ, ни въ воспріемники, не допускать и не виѣщать, дабы сими разнообразностями не поколебать церковное единомысліе, не нарушить бы общаго спокойствія, не водворить бы въ оное распри и раздора, и не навлечь бы на свое благочестіе сихъ прискорбныхъ заключеній, что оно противностями составило единственность съ Инославными и съ несогласными и соступило со благопристойныхъ Христіанскихъ обязанностей.

Положеніе третье.

Общія наши обязанности общими силами намъ охранять и защищать.

Симъ положеніемъ общество наше, основавшись на сихъ Апостольскихъ законахъ (Апостолъ зач. 272): «Созидайте каждо ближ-

няго» и (зач. 273): «Вся же искушающе, добрая держите, и отъ всякія вещи злыя огребайтесь,» приѣмлетъ на себе непреложнымъ Христіанскимъ долгомъ, чтобы къ отдаленію общеній со Вѣтними и ко исключенію неприличности одеждъ во всѣхъ о семъ въ общепринятыхъ обязанностяхъ другъ друга утверждать и подкрѣплять, дабы святоцерковное наше единомысліе пребывало въ насъ всегда непорочно и свято, сопротивныхъ же сему разумѣній всячески всѣмъ кушно и каждому особенно отвращаться и удаляться, «да служеніе безпорочно будетъ» (Апок. зач. 18) сего же достигнуть усердно да потщимся, возбуждающе всегда сами себе и другъ другу повторяюще Св. Писаніе, сіи статьи и Закона: (книга 5) Моисеева (гл. 4, ст. 9 и 10): «Вонми себѣ, и снабди душу твою зѣло, и не забуди всѣхъ словесъ, яже видѣста очи твои, и да не отступятъ отъ сердца твоего вся дни живота твоего, и да наставиши сыны твоя и сыны сыновъ твоихъ» (глав. 6 ст. 7—8): «и да возглаголеши о нихъ сѣдѣи въ дому и идый путемъ, и лежа, и востая, и навяжеша я въ знаменіе на руку твою, и да будутъ непоколеблема предъ очима твоима.» И сія сотворши вѣрно, услышати возможемъ верховнаго Апостола Петра (1 Петр. зач. 58), къ намъ вѣщающаго: «Вы же родъ избранъ, Царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія, яко да добродѣтели возвѣстите изъ тмы васъ призвавшаго въ чудный свой свѣтъ, яже иногда не людіе, нынѣ же людіе Божіи.»

Такимъ образомъ, къ нашему продолжительному благосостоянію и къ честности истиннаго нашего Христіанства, во всѣхъ предположенныхъ благочестивыхъ содержаніяхъ, въ силу Апостольскаго сего закона (2 Коринѣ зач. 188): «кійждо яко же изволеніе имать сердцемъ, ни отъ скорби, не отъ нужды,» и сами себе укрѣпивше, и тѣмъ, по словесамъ Святѣйшаго Патріарха Филарета, состоящимъ въ его изложеніи: «Се не новое преданіе введемъ, но древнее укрѣпляюще, поновыхомъ, послѣдующе заповѣдемъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ, яко же они заповѣдаша.» Но симъ же самымъ на прошеніе Гавріила Иларіонова учинивши законное разрѣшеніе, общимъ нашимъ нынѣ совѣтомъ, надлежащимъ признано, чтобы сіе общественное наше исправленіе въ полномъ его образѣ, чрезъ управляющихъ общественнымъ

нашимъ дѣломъ, сообщить тому Гавріилу Иларіонову, вручивъ ему оное въ обществѣ нашемъ молитвенномъ храмѣ.

Чѣмъ удостовѣря его общимъ нашимъ совѣтомъ признаннымъ его быть въ первой должности по прежнему, и просить его производить по тому званію въ обществѣ нашемъ полное попеченіе. А по причинѣ дальняго его жительства, чтобы во всякіе свободные ему часы посѣщалъ нашъ общественный домъ и въ немъ исправлялъ все, ему принадлежащее, а равно также и каждого нашего Христіанина, въ домъ къ ему пришедшаго, снабждалъ всѣмъ необходимымъ по его должности. А чтобы сіе общественное наше исправленіе, какъ здѣсь, въ Москвѣ, такъ и во всѣхъ странахъ, всѣмъ нашимъ Христіанамъ было извѣстнымъ, и чтобы ни кто незнаніемъ того не отзывался, то всѣмъ, съ нами согласнымъ его, объявить во всемъ его видѣ чрезъ тѣхъ же управляющихъ общимъ нашимъ домомъ, и на увѣдомленіе отъ оныхъ ожидать единообразныхъ и согласныхъ исправленій, такъ какъ мы всѣ съ ними, будучи единой святой Вѣры, единыхъ божественныхъ догматовъ, единыхъ благочестивыхъ обрядовъ и единыхъ благочестивыхъ обязанностей. Къ общему и согласному же нашему содержанію, все здѣсь изображенное, утверждаемъ.

Чтано сіе Андреемъ Сергѣевымъ 1810 года, Марта 20 числа, въ обществѣ домѣ, при собраніи многихъ, кромѣ Гавріила Иларіонова Скачкова.

IX.

О

ЦЕРКОВНОМЪ МИРѢ.

МОНИНСКІЙ СОГЛАСОВНИКЪ СЪ ПРЕОБРАЖЕНСКИМЪ КЛАДБИЩЕМЪ ГАВРИЛА ИЛАРІОНОВА СКАЧКОВА. 1814 года.

Московское Старобрядческое Православное (1) наше общество, подъ названіемъ Θεοδοσιεύσкаго состоящее, зная подлинно, что любовь, миръ и согласіе церковныя есть истинный образъ Вѣры Христовой, вражды же и расколы суть знаки Церкви про-

тивнической, Антихристовой; по чему и рѣшилось оно, сего 1814 года, Іюня 21 дня, собраться въ Богадѣльномъ Преображенскомъ домѣ, къ возстановленію внутри себя общественнаго согласія и церковнаго мира, и къ прекращенію распрей и несогласныхъ мнѣній, объ одной и той же вещи возымѣвшихся противорѣчій, и именно, о приглашеніи въ молитвословіяхъ: «побѣды и пособій даровати Православнымъ Христіанамъ,» или: «рабамъ своимъ Правовѣрнымъ»² противу враговъ; но при томъ же, однако, тою и другою стороною подкрѣпляющихся Святымъ Писаніемъ, въ единообразность же еще не пришедшихъ. И общество наше держась здравыхъ предосторожностей и разсмотрѣній внимательныхъ, разсудило за благо принять и содержать во всей Москвѣ одно, доселѣ съ давнѣйшихъ временъ предками введенное, кромѣ же сего, какое либо иное оставить и не употреблять всѣмъ и каждому впредь до обысканія того, или другого, во всей справедливости, свѣривъ и согласивъ опыта со Святымъ Писаніемъ, пользою и честностію благочестивыя Вѣры. Изъ чего и открывается, что съ сего времени та и другая сторона нашего общества взаимно нынѣ обязались принять всѣ возможныя и дѣятельныя упражненія, изобрѣтать, гдѣ и сколько можно, отъ Святаго Писанія подробныхъ, ясныхъ и основательныхъ доводовъ, руководствующихъ къ единообразному познанію о таковомъ важномъ догматѣ. По таковому дѣлу одна и другая сторона, снискавъ все потребное, и спесясь доказательствами Святаго Писанія и здравыми разсужденіями между собою, уваживъ истину, отдѣливъ несообразности и давъ согласіе справедливости и правому разумѣнію, купно и обще водворять внутри себя на предбудущія времена единовидный тому порядокъ, святость Вѣры болѣе и яснѣе подтверждающій.

Учиня сіе, сообщить всѣмъ въ прочія страны, съ нами согласнымъ, дабы единомысліе церковное сіяло въ каждомъ и всюду, въ чемъ и подписуемся.

Сія статья со страны общественной къ Настоятелямъ и Попечителямъ кладбищенскимъ послана Іюня 23, того же 1814 года, для подписанія, но они ее не подписали и отвергли, за тѣмъ что обыскивать не согласны.

X.

О

МНѢНІЯХЪ ОЕОДОСІЕВЦЕВЪ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО КЛАДБИЩА.

Сочинено со стороны Поморскаго Согласія, извѣстнаго въ Москвѣ подъ именемъ моленной Монины, Гавриломъ Ларіоновымъ Скачковымъ. 1848 года.

Всякъ раздоролубивый не желаетъ жить въ мирѣ и согласіи, какъ и многіе изъ общества Оеодосіевыхъ: они стараются больше умножать раздоръ, отвергать миръ и утверждать свои мнѣнія, оставляя прежде бывшая ихъ, какія имѣли они съ Поморскими и прочими раздѣленія (какъ то:) о титулѣ четырехлитерной, пишемой на крестѣ Господни: І. Н. Ц. І., которую по времени многіе сами оставили; такъ же о воздѣваніи рукъ на Святой Пасхѣ; * о пѣніи всенощныхъ съ псалмомъ 103-мъ; о моленіи за пищу, покупаемую на торжищѣ и проч.

Нынѣ же многіе содержатъ такое мнѣніе и ученіе:

1. Святѣйшую Евхаристію отъ лѣтъ древнихъ, аще гдѣ имѣется хранимая, не пріемлютъ и говорятъ: «Хотя бы гдѣ она и дѣйствительно была, но уже святости своей и силы лишилась,» чего ради и безчестными и злохульными нарицаніями именуютъ. **

2. Святѣя Святыхъ угодниковъ Божіихъ мощи, отъ мѣста, содержащаго несогласная съ ними, почитаютъ, яко бы уже они

* На возгласъ: «Христосъ воскресъ!» обращаемомъ къ народу, при окончаніи службы Пасхальной, у Безпоповцевъ было въ обыкновеніи поднимать руки, съ отвѣтомъ, конечно: «Во истину воскресъ!»

** Не такая Евхаристія и заповѣдана къ совершенію въ Христовой Церкви, какую вдумали было содержать Безпоповцы, чтобъ къ дарамъ прежде освященнымъ или запаснымъ притекать вновь, прилагая прежніе къ раствору новому.

не имѣютъ присутствующія съ ними и въ нихъ благодати Божія, но есть уже безблагодатныя и святости не имущія. А сего не видятъ, что глаголетъ псалмопѣвецъ: «Хранить Господь вся кости ихъ,» а божественный Златоустъ и книги, лежащія въ храмѣ Серапидовомъ (?), святыми именуетъ.

3. Святымъ иконамъ, не токмо новописаннымъ отъ Православныхъ Христіанъ, но и древлеписаннымъ, находящимся въ домахъ несогласныхъ имъ и мнѣніямъ ихъ, многіе не поклоняются, такъ же и въ своихъ домахъ не дозволяютъ кланяться, предлагая, что оныя несогласники ихъ грѣшныя, и что они грѣхами своими оскверняютъ святыя иконы и отгоняютъ отъ нихъ святость и благодать Божию. *

4. Многіе Святаго Писанія сущую исторію, ясно что сказующую, на иносказательный разумъ прелагаютъ, ** и тѣмъ сущее дѣяніе и бытіе аки не бывшее выѣняютъ, хотя и сами не понимаютъ, какимъ разумомъ толкуютъ.

5. За Самодержавнѣйшую Высочайшую власть, не согласную имъ въ Вѣрѣ и чиносодержаніяхъ, о здравіи ихъ, спасеніи, благополучіи и побѣдѣ на непріятелей, Господа Бога не просятъ и не молятся. Повелѣнія и ученія Апостольскаго, Пророческаго и Св. Отецъ не слушаютъ и не пріемлютъ; ибо молиться за властей непремѣнно должно, хотя бы они и невѣрныи были; а молящихся за властей Папешниками называютъ и общемоленія отлучаютъ.

6. Бракъ законный не пріемлютъ *** и разсуждаютъ несогласно ни съ естественнымъ, ни съ писаннымъ богопреданнымъ за-

* Ибо седмины Даниіловы наводятъ на нынѣшнее время, по ихъ мнѣнію, Антихристово, начавшееся отъ Никона Патріарха, также Апокал. и слова Святыхъ Ипполита и Ефрема превращаютъ на свои толкованія. Это начало премѣненія истины во лжу, и ведетъ въ погибель.

** Господь же говоритъ (Мате. зач. 20): «Не судите, да не судимъ будете.» И Св. Апостолъ (Тит. 1, 15): «Чистымъ убо вся чиста.»

*** Въ подрывъ общественнаго благосостоянія и чистоты нравовъ.

кономъ, ни съ Евангельскимъ, Апостольскимъ, Пророческимъ и Святоотеческимъ ученіемъ, и не соображая времени со временамъ, но только говорятъ, что тайна брака * чрезъ Іерея токмо свое имѣетъ совершенство, и самую сущность или свойство его полагаютъ только въ одномъ священнодѣйствителѣ, не рассматривая времени возможности, свободы и нужды, полноты и недостатка, и сравненія одного дѣянія съ другимъ, и не рассуждая, что есть необходимое и случайное, и что естественное и самопроизвольное, и не объясняя, что есть въ бракѣ (какъ и въ прочихъ тайнахъ) матерія, форма, кто дѣйствитель, и для чего установленъ, что есть конечная онаго причина.

Церковныя таинства, какъ то: Святое Крещеніе, Покаяніе, такъ же службопѣнія и проч., что соединяють человѣка съ Богомъ и безъ рукоположенныхъ Священнослужителей (Безпоповцы) дѣйствуютъ, а законный бракъ составить и соединить не человѣка съ Богомъ, но человѣка съ человѣкомъ, весьма упорно отлагаютъ, и какъ законный бракъ не пріемлютъ, то симъ явственно показываютъ, что Господь Богъ уже не печется и не промышляетъ о умноженіи и продолженіи рода Христіанскаго, чрезъ законнобрачное сопряженіе, но будто оставилъ Христіанскій родъ хуже всѣхъ животныхъ въ презрѣніи.

И такъ, говорятъ, что отъ Христіанъ нынѣ не наполняется послѣдственно число избранныхъ въ Царство небесное, а наполняться будетъ отъ приходящихъ въ Православіе ** еретиковъ, Магометанъ, Жидовъ, идолопоклонниковъ и прочихъ.

И по сему, по ихъ мнѣнію, Богъ только нынѣ печется о безсловесныхъ тваряхъ и людяхъ нечестивыхъ, въ невѣріи пребывающихъ, а Христіанскій родъ, по неимѣнію рукоположенныхъ служителей, оставилъ бевъ всякаго призрѣнія, жить въ

* И точно, бракъ, какъ новоблагодатная тайна, чрезъ Іерея токмо свое имѣетъ совершенство.

** Въ какое же Православіе вѣтъ Церкви-то Христовой, и освящающія человѣка таинства безъ священнаго Іерарха?

свободѣ и творить всякія мерзости, не виѣняя, по немѣнѣнію закона брачнаго, ни каковаго плотскаго грѣха. По сему разсужденію, гдѣ нѣтъ о чемъ закона, то тамъ нѣтъ и преступленія; ибо кто преступаетъ законъ, тотъ долженъ пріимать наказаніе. А безъ закона не должно быть наказанію, по словесамъ Божественнаго Златоуста, въ бесѣдѣ 63-й на Посланіе ко Евреомъ вѣщающаго: «Аще бо женитва попущена бысть, праведнѣ блудникъ мучится, праведнѣ прелюбодѣй томленіе пріемлетъ.» Изъ сего явственно показуется: гдѣ нѣтъ попущенія женитвѣ, тамо нѣтъ блудниковъ, нѣтъ прелюбодѣевъ; по сему и не должно быть за тѣлесныя сквернодѣянія ни какова наказанія, и въ таковомъ безчинномъ пребываніи не могутъ быть и почитаться степени родства и свойства, * на подобіе псовъ и волковъ, и прочихъ звѣрей и скотовъ, и иныхъ животныхъ безсловесныхъ.

И такъ Божіе всемогущее благословеніе отлагаютъ, таковою воздержностію приводятъ многихъ въ слабость и въ распутство: ибо невозможное возможныхъ быти законоопредѣляютъ, и не всѣмъ виѣстимое виѣщать устанавливаютъ, не согласно Христу, рекшему (Матѣ. зач. 78): «Не вси виѣщаютъ словесе сего, но имъ же дано есть. По сему лучше вѣровать Богу, благословившему быть браку законному, не на время нѣкое, но навсегда. И таковою воздержностію едва ли не погибаетъ множество на свѣтъ происшедшихъ и свѣтъ не видѣвшихъ младенцовъ; также и прочими содѣйствіями не истребилось ли довольно количество рода человѣческаго? и хотя не всѣмъ виѣстимое дѣйство учать сохранять, но нѣкоторые смѣло вопіютъ: «Лучше имѣть десять любовницъ тайно, нежели одну, называемую женою, явно, чему многіе слѣдуютъ; а многіе явственно имѣютъ, и называютъ женами, но незаконными именовать боятся, чего ради и называются «новоже нами,» каковаго названія ни въ какихъ языкахъ и странахъ не

* Состояніе отчаянія, въ которое низвергнувшись, отчаянные обыкновенно богохульно уполномочиваютъ себя пребывать въ противленіи истицѣ и въ развращеніи, сверженіемъ съ вы и своей законаБожія, и за тѣмъ, или вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ совѣсти своей упраздняютъ сознаніе различія между добродѣтелію и порокомъ, которыя и въ порядкѣ естественномъ обыкновенно различаются.

слышно, чтобы публично почитали женою, мысленно и по залогу блудницею.

Но Θεодосіевскіе учителя всѣхъ хотятъ привести во единое состояніе и всѣмъ одинаковое возлагаютъ бремя, не разсуждая о силѣ и возможности каждаго, и не воображая, что есть въ нашемъ ествѣ врожденное и въ произволеніи состоящее. Но многіе разсуждаютъ, что естественное съ произвольнымъ великое несогласіе и разнство имѣютъ.

Поморскихъ же и прочихъ, съ ними въ моленіи за властен не согласующихъ, живыхъ, нынѣ существующихъ, не признаютъ совершенно Православными, но аки бы отъ пути праваго заблуждающими, и почитаютъ съ тѣми за равно, что написано въ Филаретовскомъ Соборномъ Изложеніи, которые согласились съ Римляны во всѣхъ ихъ содержаніяхъ и молятъ Бога за Папу; того ради и скончавшихся ихъ не поминаютъ, а многіе и явственно именуютъ ихъ отступниками и еретиками.*

За что нѣкія смѣлостно и паки водою возобновляются** безстрашіе возымѣли.

Прочая ихъ мнѣнія и дѣянія, несогласная съ правомудрствующими, не воспоминаемъ; ибо сомнительныхъ толкованій у нихъ очень довольно.

* Вотъ что открывается самими Безпоповцами въ искреннихъ заявленіяхъ предъ лицомъ своихъ единовѣрцевъ относительно внутренняго состоянія Безпоповщинскихъ обществъ, и что, однако, доселѣ таится отъ истинно Православныхъ подъ благовидными наименованіями: «согласія, толка, старообрядчества, старовѣрства» и проч.

** Т. е., перекрещиваться и перекрещивать: какую же силу послѣ того имѣетъ тайна крещенія, когда она такъ злоупотребляется?

XI.

СПИСОКЪ

ПРИХОЖАНЪ ПОКРОВСКОЙ МОНИНСКОЙ ЧАСОВНИ ВЪ 30-хъ ГОДАХъ
НАСТОЯЩАГО СТОЛѢТІЯ.

Никифоръ Петровичъ (ленточникъ), и жена его Пелагія Георгіева, Михаилъ Елисеевичъ Бавыки, и жена его Ирина Никифорова, Семенъ Алексѣевичъ Сумороковъ, и жена его Татьяна Иванова, Аѳанасій Ивановичъ (умре) Паленовъ, и жена его Татьяна Ѳеодорова (умре), и Ѳома Аѳанасьевичъ, съ женою Евдокіей Петровою, Алексѣй Аѳанасьевичъ, съ женою Ириною Аверьяновой. Паленовы, дѣти Аѳанасія: Иванъ Ѳеодоровичъ Соколовъ, съ женою Евдокіей Петровою, Иванъ Ивановичъ Леонтьевъ (наборщикъ), съ женою Пелагеею Алексѣевою, Андреянъ Сергѣевичъ, съ женою Марью Гавриловою, Михаилъ Ивановичъ Дуланъ, съ женою Мариною Гавриловою, Семенъ Матвѣевичъ Сафоновъ, съ женою Агафеею Аѳанасьевой, Максимъ Филипповичъ Осиповъ, съ женою Екатериною Борисовою, Константинъ Степановичъ (бердошникъ), съ женою Ѳеодосіею Матвѣевою, Иванъ Кузмичъ Ѳектигъ, съ женою Дарьею Прокофьевой, Захаръ Ѳеодоровичъ Бронинъ, съ женою, Евдокіей Гавриловою (дочерью Скачкова), Андрей Васильевичъ (лѣсникъ), съ женою Ксенією Викуловой, Осипъ Кондратьевичъ, съ женою Агриппиною Агаѳоновой, Гавріилъ Ефимовичъ (портной), съ женою Дарьей Ивановой, Иванъ Никитичъ (большой, переплетчикъ), съ женою Василисой Кондратьевой, братъ его (меньшой) Иванъ Никитичъ, съ женою Евдокіей Филипповой, Степанъ Онисимовичъ Ланинъ, съ женою Ксеніей Ѳаддѣевою, Петръ Онисимовичъ (портной), съ женою, Дарьей Панкратьевой, Степанъ Егорьевичъ (живорыбникъ), съ женою Прасковьей Ивановой, Филиппъ Ивановичъ (на Арбатѣ), съ женою Прасковьей Аѳанасьевой, Илья Владимировичъ, съ женою Аграфеною Карповой, Сергѣй Васильевичъ Ланинъ, съ женою Настасьей Степановой (умре), Енифанъ Егоровичъ (за Москвою рѣкой), съ женою Варварой Лаврентьевой, Уляилъ Гавриловичъ Скачковъ, съ женою Домной Игнатьевой, Семенъ Кондратьевичъ (зять Вас. Вас. Ланина),

съ женою Екатериной Васильевой, Андрей Васильевичъ Опаринъ, съ женою Еленой Онисимовой, Прохоръ Васильевичъ Опаринъ, съ женою Натальей Андреевой, Григорій Ивановичъ (зять Иван. Иван. наборщика), съ женою Пелагеей Ивановой, Иванъ Степановичъ (племянникъ Соколова, сусальщикъ), съ женою Агаѳеѣй Андреевой, Ѳедоръ Степановъ Лежневъ, съ женою Евдокіей Григорьевой, Андрей Ѳедоровичъ Бронинъ, съ женою Марьей Алексѣевой, Антипъ Ивановичъ Забахтыркинъ, съ женою Дарьей Степановой, Семенъ Терентьевъ (иконникъ), съ женою Ксеніей Ѳедоровой, Ѳедоръ Ермиловичъ Ермаковъ (зять Ирины Емельяновой), съ женою Ефросиніей Ульяновой, Александръ Ивановичъ Кокоревъ, съ женою Прасковьей Васильевой, Карпъ Ивановичъ (на Солодовкѣ), съ женою Евдокіей Еюимовой, Власть Михайловичъ Гладковъ (за Серпух. воротами), съ женою Степанидой Васильевой, Матвѣй Власевичъ (также), съ женою Пелагеей Семеновой, Иванъ Андреевичъ Марковъ, съ женою Матреной Абрамовой, Ѳедоръ Марковичъ (на Стрѣтенкѣ), съ женою Гликеріей Трофимовой, Иванъ Абрамовичъ (также) съ женою Пелагеей Петровой, Филиппъ Алексѣевичъ Корчагинъ, съ женою Степанидой Васильевой, Иванъ Прохоровичъ (въ городѣ), съ женою Евдокіей Леонтьевой, Иванъ Васильевичъ (лавочникъ изъ Кудрина), съ женою Вѣрой Ермиловой, Степанъ Никифоровичъ, съ женою Марьей Петровой, Филиппъ Елисеевичъ Бовыкинъ, съ женою Марѳой Степановой, Василій Ивановичъ Жуковъ, съ женою Ѳеклой Семеновой (дочь Сем. Алексѣев.), Ѳедоръ Алексѣевичъ (въ Семеновскомъ) Пучинъ, Максимъ Филипповъ, съ женою Натальей Егоровой (умре), Сидоръ Яковлевичъ (въ Преображенскомъ), съ женою Варварой Петровой, Александръ Ивановъ (сынъ Иван. Алексѣев. мучникова), съ женою Ѳеодосіей Дмитріевой, Тимоѳей Тихоновъ Раковъ (въ Преображенскомъ), Никифоръ Петровъ, съ женою Акилиной Леонтьевой, Михаилъ Аванасевичъ, съ женою Аграфеной Андреевой, Иванъ Андреевъ, съ женою Ксеніей Прокофьевой, Петръ Абрамовичъ съ женою Любовію Петровой (на Стрѣтенкѣ), Василій Алексѣевичъ Медовчинъ, съ женою Анисьей Петровой, Егоръ Самсоновичъ (въ Преображенскомъ), съ женою Агриппиной Ивановой, Аврамъ Васильевичъ, съ женою Ѳеклой Петровой, Василій Кирилловичъ (Тульскія), съ женою Вѣрой Ивановой, Петръ Андреевичъ Бѣляевъ, съ женою Прасковьей Филимоновой, Поликарпъ Емельяновичъ (за Москво-

рѣцкой), съ женою Соломоніей Николаевой, Евстратъ Ивановъ Пикиновъ, съ женою Агаѳею Аванасьевою (урожд. Полѣнова), Андрей Корниловичъ, съ женою Татьяной Максимовой, ихъ дѣти: Матвѣй, Евстаѣій, Антипъ, Матрена; Никонъ Матвѣевъ, съ женою Евдокіей Тихоновой, Яковъ Емельяновичъ (у Георгія, живорыбникъ), съ женою Анастасіей Евстаѣевой, Климъ Васильевичъ (юхотникъ), съ женою Вѣрой Ларионовой, Теофанъ Трофимовичъ (ефанъ), съ женою Марѳой Павловой, Яковъ Кузмичъ (кровельщикъ), съ женою Аписей Никифоровой, Иванъ Абрамовичъ (Елисаветской столарь), съ женою Евдокіей Семеновой, Гурій Ивановичъ (живописецъ) съ женою Агриппиною Павловой, Иванъ Антоновичъ Забахтыркинъ, съ женою Ѳеодосіей Марковой, Иванъ Васильевичъ (портной), съ женою Матреною Ѳоминичой Полѣновой, Семенъ Ивановичъ (съ Зацѣпы), съ женою Ксепіей Степановой. *

XII.

ПОМОРСКІЕ ПРОТИВУ ѲЕОДОСІЕВЦЕВЪ СОДЕРЖАТЬ:

1. Мощи Святыхъ, во всякомъ мѣстѣ находящіяся, святости своея не лишаются, того ради благочестно ихъ почитаютъ и съ любовію цѣлуютъ.

2. Святимъ иконамъ, истово написаннымъ, покланяются и почитаютъ, яко они святость себѣ не отъ мѣста получаютъ, но отъ благодати Божіей и подобія къ первообразному.

3. Писанія Святыхъ, како гдѣ и каковымъ смысломъ написанная, тако и пріемлютъ.

4. Святѣйшую Евхаристію, отъ древнихъ лѣтъ сохраняемую, пріемлютъ, и любезно пріобщаются ея. **

* Этотъ списокъ, перепечатаваемый съ подлинной руки Андрея Сергѣева, вѣроятно былъ имъ составленъ, когда былъ Настоятелемъ часовни Никифоръ Петровъ.

** Но эта не та Евхаристія, какую Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, установилъ въ

5. Всепресвѣтѣйшаго Государя нашего о мирѣ и здравіи, спасеніи, благопробываніи и на враги побѣдѣ Господа Бога молять.

6. Бракъ законный не въ единомъ токмо священническомъ молитвословіи, но въ прочихъ необходимыхъ принадлежностяхъ состоящей, законно пріемлютъ, и со Апостоломъ возглашаютъ (Евр. зач. 333): «Честна женитва во всѣхъ и ложе нескверно» Аще ли же и оженишия, не согрѣшилъ еси, и аще посягнетъ дѣва, не согрѣшила естъ» (1 Коринѣ. зач. 138), и съ таковыми не раздѣляются, но наче и подтверждаютъ, свидѣтельствуя, что и «лучше естъ женитися и посягати, нежели разжизатися» (зач. 136).

Сдѣсь кратчайшее разнство показуется, а прочее, яко не весьма нужное, умалчивается, и таковыя разгласія можно ль и должно ль почитать за ни что, суди всякъ благоразумный.*

Церкви своей и повелѣлъ совершать до втораго своего пришествія, и по тому не спасительная.

* «Сіе различіе Θεодосіевыхъ съ Поморскими объяснено справедливо отъ стороны Поморскаго Согласія, извѣстнаго въ Москвѣ подъ названіемъ «Монина.»

Въ 1-хъ, О Святѣйшей Евхаристіи. О сей древней Евхаристіи повѣствуютъ предки такъ: Когда, повелѣніемъ Государя Алексѣя Михайловича, былъ разоренъ Соловецкій монастырь, тогда въ ономъ цркви большіе просфоры, сотворили какъ должно, запасные Святые Дары; а когда побѣжали изъ монастыря, то и Дары съ собою унесли; поселились сіи люди въ Поморѣ, и въ семъ Поморскомъ монастырѣ, именуемомъ Выгорѣцкій, сохранили сіи запасные дары, кои раздавали разнымъ своего Толка людямъ. Но пылъ уже оскудѣла сія древняя Евхаристія, которую Θεодосіане многіе очень поносятъ. Въ нынѣшнихъ же святыхъ церквахъ совершаемую святѣйшую Евхаристію такъ же величайшими хулами поносятъ зѣло дерзостно, и о семъ должно внимательно разсудить: если Θεодосіане почитаютъ древность благочестіемъ, то по чему дерзостно поносятъ запасные Святѣйшіе Дары, то есть, Евхаристію пресвятѣйшую, еще благочестивыми Соловецкими Іереями освященную?»

Это примѣчаніе въ рукописи приписано рукою Евдокіи Гавриловны Брониной.

ХІІІ.

П И С Ь М О

ЗАХАРА ОЕДОРОВА БРОНИНА О ЦЕРКОВНОМЪ МИРѢ.

Почтенное общество!

Желаю пребывать въ единомысліи церковномъ.

Какъ Святѣмъ Θεодору и Θεофану еретики начертили на лицѣхъ ругательные стихи, такъ и въ слѣдствіе вашего неосмотрительнаго отверженія брачнаго Канона, на камнѣ * ревностнаго защитника истины, покойнаго отца нашего, Гавріила, написали слѣдующее:

«О горько плачевны слухи,
Прислали ко мнѣ нечисты духи,
Яко бы новобрачный Канонъ у васъ оставленъ,
Или вы не видите, что Антипъ прославленъ?
У меня въ рукахъ брачны свѣщи и обѣты,
А вы моего ученія наги и раздѣты.
Увѣрлетъ васъ мой портретъ,
Будьте давать мнѣ отвѣтъ.
Послушай же, мой намѣстникъ, Антипо,
Тебѣ наше новое разумѣніе открыто.
Други, вамъ самичъ извѣстно,
Что хорошо жить ни какъ невмѣстно.
Почувствуйте, почувствуйте!—
Слушаемъ, слушаемъ.»

Доздѣ изображенное на камнѣ. Зрите, братіе, противники восторжествовали радостно о семъ, что вы отвергнули безъ правильной причины брачный Канонъ. Зрите, какъ ихъ духъ прельстилъ васъ отринуть его; да они же и вознесли свой рогъ и воздвигли поносный на Церковь нашу свой гласъ! Изъ сего ясно усматривается, что имѣются въ нашей Церкви внутренніе ея враги,

* Могильномъ.

и ежели бы ихъ не было, то внѣшніе враги не узнали бы того, что между васъ происходило. И таковыя тайныя волки, покрытыя овчею кожею, имущіи образъ благочестія, лицемѣрное смиреніе, преобразующіися во Ангела свѣтла, прельстили васъ, аки невинныхъ младенцевъ, всему вѣру емлющихъ, лжи отъ истины не различающихъ, подпустили васъ къ незаконному отверженію брачнаго Канона. Положили насъ въ поношеніе сосѣдомъ нашимъ, въ поруганіе сущимъ окрестъ насъ, въ причту во языцѣхъ, покиваніе главъ въ людехъ, учинили нашему обществу язвительную укоризну сими словами: «а вы моего ученія наги и раздѣты;» слѣдовательно, ученія Христова; * ибо отецъ нашъ, Гавріилъ, еретикомъ не былъ, ни какого своего ученія, противнаго Богу и Церкви, не всѣвалъ, а содержалъ крѣпко ученіе Христово, Апостольское и Святыхъ Отецъ. И какъ самъ оное благочестно сохранялъ, такъ и прочихъ научалъ.

«Будете давать мнѣ отвѣтъ.» И хотя сіе сказано отъ непріятелей, однако справедливо; поелику онъ содержалъ твердо Божіе повелѣніе, то и будете давать Богу отвѣтъ на Страшномъ его Судѣ за сіе, что незаконно отвергаете Канонъ, содержащій хвалу Богу и нашей Церкви полезный, и особенно тотъ будетъ истязанъ, кто подалъ первоначальную причину къ отверженію Канона, и жестокое приметъ наказаніе отъ правосуднаго судіи, Бога, яко учинившій соблазнъ. Но горе тому челоуку, имъ же соблазнъ приходитъ, и таковой зачинщикъ долженъ исправить оное дѣло и покаяться. Но каковыя же на отверженіе Канона употреблены неправильныя извѣты, то изъ сего ясно видѣть можно, что произошли по злобѣ на нѣкоторыхъ людей и на самаго покойнаго; а зло за зло воздавать, и мщеніе дѣлать челоуку, отверженіемъ хвалы Божіей, есть знакъ недобродѣтельныхъ людей; ибо пылатъ гнѣвомъ и распыхаться сердцами есть подражать самому діаволу, изгнавшему по зависти Адама изъ рая, также Каину, Дафану и Авирону, Езавели и древнимъ еретикамъ и всезлойной Евдокіи, которая, терзаясь злобою, за обличеніе богопротивныхъ дѣлъ ея, на Іоанна Златоустаго, тайною и ковар-

* Непослѣдовательно, далеко не то.

ною лестію воабуждала Епископовъ, а особливо Святаго Епифанія Кипрскаго, на изгнаніе Іоанново, много ему глаголющи: «и отъ великаго гнѣва вся трепетаніе,» яко же речется въ Житіи Святаго Златоуста. И паки рече Царица: «Нѣсть бо достойно многихъ отцевъ трудити, приводяще сѣмо на соборъ, но твои святыни, отче: иждени его изъ Церкви, и вмѣсто его постави инаго, его же ти Богъ покажетъ, азъ же устрою, да вси начнутъ тебе послушати.» Рече же къ ней Епифаній: «Чадо, послушай твоего отца безъ гнѣва: аще Іоаннъ еретикъ есть, яко же глаголете, и аще не покается о той ереси, то недостойнъ будетъ Патріаршаго сана, и сотворимъ ему, яко же велиши. Аще ли же единыя ради вины тоя, яко похулилъ ты, изгнати его хочете, то Епифаній на то не соизволитъ: Царемъ бо подобаетъ (также и Начальникомъ церковнымъ) не памятозлымъ быти, но благимъ, кроткимъ и прощающимъ, яже на себе хулы; ибо и вы имате надъ собою Царя на небесѣхъ и прочее. Царица же рече къ Епифанію: «Отче, аще сотвориши препятствіе изгнанію Іоаннову, то отверзу храмы идольскіе, и сотворю, да мнози, отступившіе отъ Бога, поклонятся идоломъ, и будутъ послѣдняя горша первыхъ.» Сія глаголаше съ гнѣвомъ, и слезы изливаше отъ очесъ своихъ. Епифаній, удивившися безумному гнѣву ея, глагола: «Чистъ есмь отъ суда того,» и то рекши, изыде изъ палаты.» Доздѣ отъ Житія Іоаннова.

И я мню, братіе, не произнесены ли были и у васъ при собраніи словеса, подобныя симъ, Евдоксіевымъ, словамъ, но Епифанію видно мало подражали.

Проту васъ, именемъ Божиимъ и Пречистою его Матерію, хранится отъ клеветниковъ и льстецовъ: отъ нихъ много зла раждается; ибо и Святый Кириллъ отъ таковыхъ былъ прельщенъ, имѣлъ вражду на Златоуста: «Гнѣвашеся бо Кириллъ Святый не токмо на живаго бывша Іоанна Златоустаго, но уже и скончавшагося, и не хотяше во Святыхъ того поминати. Бѣ же той его гнѣвъ не отъ злобы, но отъ невѣдѣнія: ово бо отъ дяди своего, Θεофила Патріарха, ово же отъ иныхъ, на Святаго Іоанна враждовавшихъ, слышаше многія неправедныя клеветы на неовиннаго. Писа же къ нему и Аттікъ, Патріархъ Цареград-

скій, совѣтуя и моля, да имя Іоанново въ диптихи церковныя, сѣсть, въ книгѣ именъ Святыхъ, впишетъ; бѣ же Атикъ прежде единъ отъ враждебниковъ Іоанна Златоустаго, но послѣжде, разсмотрѣвъ неповинность Святаго, каяшеся, и пріемъ по Арсеіин престолю Патріаршества Цареградскаго, вписа во Святые имя Златоустово, и донелъ же живъ бѣ, увѣщеваше Святаго Кирилла совѣтными писаніями, да тоже сотворитъ, онъ же не слушаше его, не хотя уничтожити прежде бывшаго Теофилова на Іоанна собора; таже Святый Исидоръ Пилусіотъ писа къ нему дерзновенно: яко подобаетъ разсмотрѣвши гнѣватися, аще что обрѣщется гнѣва достойно; ибо мнози, бывшии съ тобою на Ефескомъ Соборѣ, явѣ о тебѣ глаголютъ негодующе, яко неправедно гнѣваеши на неповиннаго, Теофиловъ сущи племянникъ, подражаеши нраву того, и прочее. И въ другомъ писаніи глаголетъ: «Устрашаютъ меня сущіи въ божественномъ Писаніи образы, и принуждаютъ глаголати и писати, яже суть потребная. Аще отецъ есмь тебѣ, яко же ты мя нарицаеши, боюся осужденія, еже пріа Ілій, ветхозакононый Священникъ, за то, яко не наказоваше согрѣшающихъ сыновъ своихъ. Аще сынъ твой есмь, яко же самъ вѣмъ, устрашаюся, да не постигнетъ мя казнь, яже постиже Іонаѳана, сына Саулова, за то, яко отца своего, волшебства ищущаго, можаше отвести отъ грѣха того, и не отвезде, ни сотвори то, еже можаше сотворити; сего ради первый онъ на брани убіенъ бысть. Да не буду убо и азъ осужденъ; глаголю тебѣ, яже суть на пользу твою, и ты отъ праваго судіи да не осудишися. Послушай мя, отложи гнѣвъ твой, его же имаши на мертваго, да не смутиши живую Церковь и раздоръ въ ней содѣеши,» и проч. Доздѣ Исидоръ. И сіе предложихъ вкратцѣ; но како Святый Кириллъ покаяся, и како Златоустъ примирился, ходатайствомъ Пречистыя Богородицы, прочтите въ Житіи его Іюля 9, въ Миней Четивъ.

Прошу васъ, братіе, для успокоенія внутреннихъ возмущеній и отвращенія сопротивныхъ поруганій, не только сей брачный Канонъ не оставлять, но должно и еще присовокупить дополненіе къ брачной сей церемоніи, въ силу боговдохновеннаго Царя и Пророка Давида (Псалмъ 14): «И приложу на всяку похвалу твою;» ибо у насъ не новое какое мнѣніе имѣется о бракахъ, но древ-

нее и утвержденное святыми законами. А когда отвергаете Канонъ, то отвергаете и бракъ, поелику отвергаете символъ брака, содержащійся въ семъ Канонѣ, при томъ же отвергаете и прошеніе благословенія Божія бракосочетавающимся.

Потребно убо каждому право мудрствующему и любящему истину сочлену нашему, противъ таковыхъ сопротивныхъ умышленій мужественно стати и вооружиться оружіемъ Божиимъ, облещися во броню правды, защитить свою Церковь, заградить уста ихъ словомъ Божиимъ, взять прашу духовную, прогнать волковъ отъ стада Христова, и обратить въ бѣгство полки чуждые. Но не оскорбитесь, братіе, что я дерзнулъ выше силъ моихъ писать къ вамъ: понеже сія должность есть пастырей и учителей церковныхъ; но, видя бѣду церковную и смущеніе ея, повинуюся предстоящаго предъ престоломъ Божиимъ, Святаго Іоанна Златоустаго повелѣнію, «яко не вся подобаетъ на учителей возверзати, но всѣмъ тщатися другъ друга созидати и другъ друга тяготы носить. (Евреомъ пр. 20). «Не убо вся на учителей возлагайте, не вся на наставники; можете и вы, рече, другъ друга созидати.» Еже и къ Солуняномъ пишай, глаголаше: «Единъ единого созидайте, яко же и творите.» И паки: «Утѣшайте другъ друга въ словесѣхъ сихъ. Сія и вамъ завѣщаемъ нынѣ мы. Множайшее бо насть, аще восхоцетъ, вы другъ друга исправите; ибо множайшее время съ собою есте, и яже дружная паче меня въ-сте и другъ дружныхъ недостатковъ не не разумѣете, и множайшее дерзновеніе имате и любовь и обычай; не малая сія суть во ученіе, но входы велицы и благовременства, и паче насть и запретити и умолити возможете, и не сіе токмо, но яко азъ убо единъ есмь, вы же мнози: и возможете, елицы есте, вси быти учителяе. Тѣмже молю, не нерадите о дарованіи семъ.* Кійждо жену имать, друга имать, раба имать, сосѣда имать: сему да запрещается. сего да наказуетъ. Како бо нѣсть безмѣстно, о пищи убо соучреж-

* Святитель даетъ наставленіе, чтобы Христіане учили другъ друга, при взаимныхъ своихъ отношеніяхъ, дома, въ кругу семейномъ, никого не освобождая отъ обязанности ходить въ церковь и знать своего пастыря, и здѣсь въ церкви пребывать ученикомъ.

денія творити и пиры и день имати учиненный, еже собратися другъ ко другу, и еже комуждо суще оскудѣвшее собою исполнити приобщеніемъ, сирѣчь, или на погребеніе ити требъ будетъ, или на объѣды, или способствовати въ нечесомъ искреннему: въ наученіи же добродѣтели не творити сіе, ей, молю, никто же да не нерадѣть, изду бо пріиметь отъ Бога мзгую.» и прочее до конца. 1 Коринѣ. пр. 3. «Веліе убо благо, и еже миловати нищихъ; но ни что же таково, яко еже предести свободити, иже бо сіе творяи, бываетъ яко Петръ и Павелъ. Достойтъ бо пріяти яже оныхъ проповѣдъ, не бѣдствуемъ, яко же они, и глады и губительства и иные терпимъ, но да усердія тѣцаніе покажемъ. Ибо лѣтъ есть въ дому ходящихъ всю молитву содѣяти. Аще кто имать друга, и сродника, и домашняго, сія да творить, сія да глаголетъ, и будетъ яко Петръ и Павелъ; и что глаголю Петра и Павла? Устами будетъ Христовыми. 1 Коринѣ., пр. 25. «И ты убо, брате, аще и отъ брашна воздержаяся пребываеши, аще и пепелъ яси, и рыдаеши выну, а никого же инаго пользуеши, ни что же веліе содѣлалъ еси.» 2 Коринѣ. пр. 44. «Свице убо и мы другъ друга да наказуемъ, и ниже обличаяи да гнѣвается, имѣтъ бо се исправленіи, но страсти, ниже обличаемый да овлабляется: врачество бо есть бываемое, а не вражда.»

А о Канонѣ некоторые говорятъ, что ежели отверженъ не будетъ, то и мы не будемъ съ вами; то о таковыхъ вѣщаетъ святой Кипріанъ: «Сію имѣтъ надобно въ Церкви простоту, сію должно любовь соблюдать, чтобы голубямъ братство подражало любовію, чтобы въ тихости и кротости агнцемъ и овцемъ подобилося. Что творить въ сердцѣ Христіанскомъ свирѣпство волче, и ярость и смертоносный ядъ змѣиной, и кровожадная лютость звѣрская? Радоваться надобно, когда такіе отъ Церкви отлучаются, чтобы голубей, чтобы овецъ Христовыхъ, лютюю своею и ядоносною заразою не погубляти. Соединяться и сопряженіи имѣтъ не можетъ горечь съ сладостію, тьма со свѣтомъ, ненастье съ ведромъ, брань съ миромъ, съ плодоносемъ безплодіе, съ источниками сухость, съ тишиною буря. Не думай ни кто, чтобы добрые могли отъ Церкви отступить. Не восхищаетъ вѣтръ пшеницы, и древа твердо укорененнаго жестокая буря не исторгаетъ. Пустые плевелы возмываетъ вѣтръ, и слабыя древа вихорь

превращаетъ. Гнушается и поноситъ сихъ Іоаннъ Апостолъ (1 Іоан. зач. 71). глаголя: «Отъ насъ изыдоша, но не быша отъ насъ; аще бо быша были отъ насъ, пребыли убо быша съ нами. Отсюда часто ереси и произошли и происходятъ, когда развращенная мысль мира не имѣетъ, когда бездѣлїемъ раздоръ единства не содержать.» Доздѣ Кипріанъ.

Возлюбленніи братія, чада Церкви Христовой! Прошу васъ, ради имени Божія, не отлагати Канона, составленнаго изъ Священнаго Писанія, ради хвалы Божія и испрошенія благословенія его надъ сочетавающимися. И паки повторяю, что въ немъ содержится исповѣданіе законнаго брака, и ежели Канонъ не принимать, то сіе будетъ то же, что отвергнуть бракъ законный; и естли бы въ семъ Канонѣ было какое еретическое мудрованіе и Православной Церкви нашей противное, то слѣдовало бы его отвергнуть. Въ жизни Святаго Феодора Едесскаго речется, яко нѣкая блудница молитвою воскреси мертваго отроча, которую молитву она сама составила, а не Святые Отцы; но Богъ услыши ея молитву, воскреси отроча; кольми же паче сіе наше прошеніе, составленное изъ боговдохновеннаго Писанія, не услышитъ ли, и не подастъ ли свою неизреченную милость?

И тако съ Θεотимомъ Епископомъ и Святымъ Аванасіемъ Александрійскимъ глаголю: «Иже хулитъ сей Канонъ, той хулитъ, о нихъ же суть словеса сія.

Извѣстный Вамъ Захаръ Феодоровъ Вронинъ.»

29-го Іюля, 1822 г.

XIV.

О

МОЛЕНІИ ЗА ЦАРУ РИМСКАГО.*

сочиненіе

Андрея Сергѣева.

Къ читателю.

Молиться за враговъ Христосъ самъ научаетъ,
 Молитва и враговъ друзьями устрояетъ.
 Молиться надлежитъ о всѣхъ и всегда,
 Чтобы зла не получить, явится гдѣ бѣда.
 Егда желаетъ кто ко истинѣ прибѣгнуть,
 Да разумъ просвѣтитъ, и ложно что отвергнуть,
 Евангельски пожить, спокойствіе снискать,
 И разны мысли здѣ, чтобъ явственно познать,
 Вины раздоровъ всѣхъ да знаемъ откровенно,
 И истину хранить не тайно, но явлено,
 И людямъ и себѣ спасенія желать,
 На Страшный Судъ предстать, отвѣтъ о семъ воздать.
 Но спросимъ что другихъ, молчать какъ безсловесны,
 Хотя и скажутъ что, рѣшенія безвѣстны;
 Весь разумъ потемнять, доводовъ нѣтъ прямыхъ,
 Хотя и говорятъ, во все умовъ своихъ,
 Которые гласятъ не право, и что лукаво,
 Разсудка не имѣвъ, не знаютъ справедливо;
 Но мы отвергнемъ все ученіе чуждыхъ,
 Потщимся сохранять преданія Святыхъ.

* Въ этомъ трактатѣ, хотя отъ шуиныхъ, однако благопріятное для нравственнаго догмата о моленіи за Царя и за всѣхъ, иже во власти суть, представляется разсужденіе, въ обвиненіе тѣхъ изъ Безпоповцевъ, которые, въ силу своего вѣрованія вопаренію въ Русской землѣ Антихриста, неудобно преклоняются къ моленію о Царѣ своемъ и о гражданскихъ властяхъ.

Имѣть прилежное тѣніе, вѣдать о разныхъ вещахъ и дѣніяхъ, дѣло есть полезное и похвальное.

Тако многіе желаютъ нынѣ знать о семъ.

Первое: Должно ли, и можно ли молиться Богу за Папу Римскаго? И ежели можно и должно, то чего ради и какъ молиться за него? А ежели не должно, то коль великъ есть грѣхъ, или преступленіе? Что будетъ тому, кто за него молиться будетъ?

Второе: Для чего Филаретъ, Патріархъ Московскій, не почитаетъ тѣхъ Православными Христіанами, которые молятъ Бога за Папу Римскаго, но и крещеныхъ отъ нихъ паки крестить повелѣваетъ.

На сіе люботщательнымъ изыскателямъ предлагаются рѣшенія.

На первое, раздѣленное на три части:

А. Должно ли и можно ли молиться Богу за Папу Римскаго?

Молиться Богу за Папъ Римскихъ можно и должно, по чтенію церковному изъ Апостола Павла, нишущаго къ Тимоѣею (1 Тим. зач. 282) тако: «Чадѣ Тимоѣе, молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки. Но Папа Римскій есть человѣкъ, слѣдовательно, и за него молиться можно и должно. Понеже онъ изъ числа всѣхъ человѣковъ не исключается, и существо его во иную тварь, какъ-то: въ скота, звѣря, птицъ, рыбъ, гада, червя, линицъ и прочихъ насѣкомыхъ, не претворилось, но былъ и есть всегда человѣкъ, но только во иновѣданіи и содержаніи Православія не согласующійся. Сего ради въ церковныхъ молитвословіяхъ, гдѣ должно поминать Православнаго Архіерея, онъ именно у насъ не поминается, да и поминать его не должно.

В. И ежели должно и можно, то чего ради и какъ молиться за него должно?

Сего ради должно, да просвѣтитъ ему Господь Богъ очи сердечніи, и да прivedетъ онъ въ соединеніе Православныя Вѣры.

А молиться за таковыхъ должно, какъ во вседневномъ Поминникѣ повелѣвается тако: «Отступившихъ отъ Православныя Вѣры, и погибельными ересыи ослѣпленныхъ, свѣтомъ твоего познанія просвѣти, и Святѣй твоей Апостольской Церкви причти!» Тако и божественный Златоустъ, въ толкованіи Апостольскаго посланія къ Тимофею (во главѣ 2, въ бесѣдѣ 1), глаголетъ: «Аще общимъ хощеніемъ разрѣшится бранемъ и распрямъ, и мятежемъ, и сего ради за Царей и за Князей Сященикомъ творити молитвы, много паче и людяниномъ достойтъ сіе творити. Се бо добро есть и пріятно, рече, предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ. Кое сіе? Еже молиться за всѣхъ, сіе пріемлетъ Богъ, еіе хоцетъ. Всѣмъ бо человѣкомъ хоцетъ спастися, рече, и въ познаніе истины пріити. Подражай Богу, иже и всѣмъ хоцетъ спастися. Въ лѣпотѣ подобаеъ за всѣхъ молиться? Аще всѣмъ той восхотѣ спастися, хоци и ты. Аще ли же хоцешъ, молися. Таковыхъ бо есть, еже молиться. Зриши ли, какъ отсюду душу увѣща, тако еже и о Еллинѣхъ молиться. И прѣбытокъ показашъ, елика отъ сего раждается: «да тихое, рече, и безмолвное житіе поживемъ,» и еже много сего вящше есть, яко и Богу сіе угодно, и яко подобни сему по сему бываемъ, по чему же таяжде съ нимъ хотѣти. Довольная суть сія умилиши и вѣрѣ. Да не убоишися прочее о Еллинѣхъ молайся: и той сего хоцетъ; убойся течію, еже на нѣя молиться подобаеъ, яко о еретицѣхъ явлено есть. О всѣхъ бо человѣцѣхъ молиться достойтъ, а не отгонити. Сіе же и наше добро, о еже тогожде намъ естества пріобщитися, и Богъ похваляетъ и пріемлетъ благоразуміе, и любленіе еже другъ къ другу. Аще убо самъ хоцетъ, рече, дати Господь, кая потреба молитвъ, яже отъ мене? Много сіе онимъ и тебѣ споспѣшаетъ. Къ любви ихъ привлечитъ, тебѣ не оставляетъ развѣритися. Довольна яже суть сія къ вѣрѣ привлещія. Мнози бо отъ человѣкъ за прю, сущую другъ къ другу, отступивша отъ Бога. Сіе (моленіе) спасеніемъ ~~свое~~ ^{своимъ} нымъ Божіе нарицаеъ: иже всѣмъ человѣкомъ хоцетъ спастися, рекъ; понеже и сіе во истину есть спасеніе. Сего бо кромѣ, ни что же веліе идо есть, но имя спасенія есть и нарѣчіе токмо. По сему образу не токмо за Папу Римскаго, но и за всѣхъ, сущихъ на земли, человѣковъ молиться должно и можно. Ибо и самъ Христосъ Спаситель глаголетъ (Мате. зач. 15): «Любите враги ваша, благословите клеку-

щымъ вы, добро творите ненавидящымъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напасть, и изгонящія вы, яко да будете сынове Отца вашего, иже естъ на небесѣхъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя.»

Г. Аще ли не должно, то коль великъ естъ грѣхъ (или преступленіе), ежели кто за него (то есть, за Папу) молитися будетъ?

Таковаго повелѣнія, чтобы не молитися за Папу Римскаго, для того, что онъ Папа, едва ли обрѣсти можно; ибо Святѣй Іоаннъ Златоустъ, на посланіе ко Евреемъ, во правоученіи 3, глаголетъ: «Инь убо имать други два, или три, инъ же четьре. Но сіе нѣсть Бога ради любити, но за еже любимымъ быти. А еже Бога ради любити, не сіе имать любое начало, но ко всѣмъ, яко же ко братьямъ, сицевый пребудетъ; единовѣрныхъ убо яко же претскреннихъ сущихъ братій любяи, еретиковъ же, и Еллиновъ, и Іудеевъ, яко брата убо по естеству, злыхъ же сущихъ и непотребныхъ мизуи и истаеваа за нихъ и слезой, о чещъ подобны будемъ Богу, аще всѣхъ любимъ и враговъ, а не аще знаменія творимъ.»

Отъ сего показуется, что молитися о еретикахъ, Еллинахъ и Іудеяхъ, грѣха нѣсть, но похвально и Богу пріятно. Папа же Римскій, яко единъ естъ отъ воспоминаемыхъ, по сему и за него молитися грѣха нѣсть, но похвально и Богу пріятно. Но токмо съ несогласующимися въ вѣрѣ и церковныхъ преданіяхъ согласоватися не должно.

А еще и сего ради молитися за Папу должны, ежели кто жительствуетъ въ его области, и естъ ему подвластный, то и еъ такихъ великій Апостолъ глаголетъ (Римл. вач. 111): «Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется. И молитися повелѣваетъ за всѣхъ, иже во власти суть, ради того, чтобы «тихое и безмолвное житіе жита, во всякомъ благовѣрїи и чистотѣ.» И таковое моленіе пріятно естъ предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже всѣмъ человекомъ хошетъ спастися и въ разумъ истины прїити. Ибо молитися и молитися повелѣваютьъ Святїи за Царей иновѣрныхъ. Про-

сили Господа Бога, дабы подалъ имъ помощь и побѣду на враговъ, но не на себя, почитаемыхъ по Вѣрѣ несогласующими и противящимися, а на тѣхъ враговъ, которые подвизаютъ брани и оружіе, нападаютъ на царство, разоряютъ селенія, плѣняютъ скотовъ и не подчиняются державѣ его. Того ради Святый Апостолъ повелѣваетъ молиться о Царѣ, тогда бывшемъ идолопоклонникѣ, гонителѣ на Церковь Христову, о великомъ мучителѣ Христіанѣ, и о таковыхъ же властѣхъ, а причина сія: «да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ (1 Тим. зач. 232)». О чемъ и святый Златоустъ подтверждаетъ, глаголя: «Не быша бо во истинѣ тогда благочестивіи Царіе, но даже до многа времени произыдоша нечестивіи нечестивыхъ преимающе. Та же да не ласкательства вещь будетъ (Апостолъ), предварить, рече, за всѣхъ, и тогда за Царей. Аще бы рекъ бы за самыхъ Царей, негли бы нѣкто сіе непощевалъ тяжцѣ. Понеже лѣпо бѣ Христіанстѣй души утерпѣти, сія слышащей и не припущати наказанія.» Аще о Еллинѣ во время тайнъ достоинъ моленія приносить, зри, что глаголетъ и како полагаетъ прибытокъ, да поне сице приметь назиданіе: «да тихое, рече, и безмолвное житіе поживемъ,» сирѣчь, о тѣхъ моленіе наше есть безпечаліе. Таковое повелѣніе Святаго Апостола и разсужденіе божественнаго Златоуста Православная Церковь всегда неотложительно имѣетъ. Но ни отъ кого, никогда, нигдѣ зазираема изъ разумныхъ и свойство Святаго Писанія вѣдущихъ не была; ибо сіе творящи, исполняла повелѣніе Апостольское и Пророческое. Понеже и въ Ветхомъ Завѣтѣ, за несогласныхъ въ вѣрѣ Царей молились и жертвы приносили, о чемъ ясно показуется въ книгѣ Варуха Пророка въ главѣ 1: Когда плѣнены были Іудеи въ Вавилонъ, тогда, собравши злато, послали во Іерусалимъ, и писали, чтобы принесли жертву и молились за житіе Навуходоносора, Царя Вавилонскаго, и за житіе Валтасара, сына его, да будутъ дніе ихъ, яко дніе небесніи на земли; но за сіе, ни тогда, ниже послѣ никогда, ни отъ кого зазрѣны не были. По сему, ежели кто за Папу, жительствующій въ его по гражданству области, яко власть предержащую, молиться будетъ, то погрѣшати не можетъ, но токмо бы не имѣлъ единомудреннаго и единогогласнаго въ Вѣрѣ исповѣданія и церковныхъ по ихъ догматамъ содержаній. Ибо кто за кого творить молитвы и моленія, той съ

тѣмъ по исповѣданію Вѣры, или содержанію каковыхъ догматовъ, не согласуется. По сему несправедливъ тѣхъ людей вопль, которые поносятъ приносящихъ Господу Богу молитвы за властей, отъ Бога устроенныхъ, аще и не единого исповѣданія; ибо они, Принеся моленіе Богу, исполняютъ Апостольское и Пророческое ученіе, которое отъ самого Бога есть имъ вдохновенно.

По семъ предлагается второе:

Для чего Филаретъ, Патріархъ Московскій, не почитаетъ тѣхъ Православными Христіанами, которые молятъ Бога за Папу Римскаго, но и крещенныхъ отъ нихъ паки крестити повелѣваетъ?

Тако бо онъ въ своемъ Соборномъ Изложеніи опредѣляетъ: «А которой Бѣлорусецъ (пришедъ въ Россію) скажетъ о себѣ, яко крещенъ онъ въ Христіанскую Вѣру, а которой Попъ его крестилъ, и тотъ Попъ въ божественной Литургіи, въ приношеніи и во ектеніяхъ, во первыхъ поминаетъ Римскаго Папу, да и во всякомъ пѣніи и въ литіяхъ молитъ Бога за Папу, и такового подобаетъ совершенно крестити въ три погруженія, и мѣромъ и масломъ помазывать. Да и Латинскую ему ересь и Папезевъ Римскихъ еретиковъ проклинати.» И еще повторяетъ: «А который Бѣлорусецъ скажется, что былъ онъ въ иной Вѣрѣ, и пришелъ изъ оной Вѣры въ совершенныхъ лѣтахъ, и крестился въ Христіанскую Вѣру въ Литвѣ отъ Русскаго Попа, а тотъ Попъ, который его крестилъ, молитъ Бога за Папу, и такового совершенно крестити, и Латинское и еретическое отрицаніе ему говорити, и молитвы ему говорити, и младенческое отрицаніе такожде, что и еретику, для того, что крещенъ отъ отступника, который молить Бога за Папу же.»

Изъ сего многіе заключаютъ, аки бы Филаретъ Патріархъ, безъ всякаго разсмотрѣнія и разсужденія, не обрѣвши прочихъ винъ за оными Бѣлорусцами, но токмо за единое моленіе за Папъ, повелѣваетъ (оныхъ Бѣлорусцевъ) крестити; но противъ таковыхъ симъ показуется: Святѣйшій Филаретъ, Патріархъ Московскій и всея Россіи, со освященнымъ соборомъ въ лѣто 7129, Де-

кабря 16 дня, установили крестить поминаемыхъ Бѣлорусцевъ, для того, что они отъ Православныхъ Восточныхъ Церкви отступили, и Римскія Церкви догматы приняли за истинные и спасительные, и Папу Римскаго признали за правомудствующаго и совершенно съ нимъ соединились, что видно изъ словъ сего же Патріарха, которыя содержатъ тако: «Понеже азъ, смиренный Филаретъ, Патріархъ Московскій и всея Россіи, егда убо быхъ въ Польскомъ и Литовскомъ Государствѣ, и многая въ нихъ видѣхъ несогласія церковная, въ самыхъ тѣхъ Христіанѣхъ, иже суть Бѣлорусцы въ нихъ нарицаются.» Ниже: «А въ которой у нихъ церкви, аще она и Христіанская есть, молятъ Бога за Папу, и таковая церковь у нихъ нарицается Унѣя, и по ихъ же разсужденію нарицается отъ нихъ Уніей, сирѣчь соединеніе, еже мирующіяся и соединяющіяся съ Папезниками. Въ чемъ же тогда у оныхъ Бѣлорусцевъ состояло съ Папезниками соединеніе и мирствованіе, о семъ явственно Показывается въ книгѣ «О правой Вѣрѣ,» глав. 24, какъ пять Владыкъ Рускихъ, а шестой Митрополитъ, въ лѣто 1595, отъ послушанія настоящаго имъ пастыря, Патріарха Константинопольскаго, отступили, и на всей воли Римскаго Папы заручную грамоту ему дали, и къ ихъ Исповѣданію согласились:

- а). Духа Святаго исхожденіе отъ Отца и Сына вѣровать.
- б) Опрѣснокъ и квасный хлѣбъ въ тайнодѣйствіи (всѣмъ по чину своея Церкви, Западныхъ и Восточныхъ) полагать за едино.
- в) Подъ единымъ видомъ хлѣба простой народъ причащать.
- г) Огнь чистительный проповѣдывать.
- д) Папу Римскаго главою всея Церкви почитать.
- е) «И вся дѣйствуемая ими тайны благодать подающими исповѣдывать. А повтореніе крещенія (дѣйствуемаго отъ несогласныхъ, въ противность всего церковнаго о крещеніи положенія) святотатствомъ исповѣдывать, и прочая, несогласная Православной Церкви содержанія, за правая и истинная вѣнчать, и тѣмъ съ древними Святыми Отцы и богоправославленными учителями, и

божественными Апостолами, паче же съ самимъ Начальникомъ Вѣры и Совершителемъ, Христомъ, раздоръ имѣть. И тако Уніаты, хотя и Греческія Церкви видѣ и обычай въ священнослуженіи содержать, но по залогоу ихъ и данной (Папѣ со Исповѣданіемъ) присягѣ, мысленно и явственно съ нимъ соединились, и соединяются, и яко единыя Римскія Церкви чада, братією себя другъ другу вмѣняютъ, и единого верховнаго пастыремъ пастыря Папу проповѣдуютъ и прославляютъ, и противу Православныхъ все равно противоборствуютъ. Таковыхъ ради важнѣйшихъ ересепріятій, какъ отъ самыхъ, отъ нихъ же свидѣтельствуемъ въ лѣто 1054, подѣ числомъ 6, на Грековъ въ винѣ 3, Бароній, что тогда Греки Римлянъ паки крестили, для того, что крещеніе, дѣйствуемое отъ еретиковъ Римлянъ, они за спасительное и святое не вмѣняли. Сему слѣдуя и Святѣйшій Филаретъ Патріархъ, какъ Римлянъ, такъ и единосогласниковъ ихъ, Уніатъ, законно и правильно крестити повелѣваетъ; о семъ и глаголетъ: «Тѣмже убо азъ, смиренный Филаретъ, Патріархъ Московскій и всея Русіи, съ сыновы моиими положихъ и утвердихъ завѣтъ и уставъ грядущимъ по насъ сыновемъ и братіямъ нашимъ, и всѣмъ церковникомъ, сущимъ подѣ нами, се, не новое, преданіе введше, но древнее укрѣпляюще, поновихомъ. Того ради да {увѣдаютъ всея людіе всея Россійскія земли, яко все еретики различныхъ еретическихъ Вѣръ не имѣютъ права святаго крещенія, еже водою и Духомъ Святымъ. И того ради отъ всѣхъ еретическихъ Вѣръ различныхъ, приходящихъ Православію Христіанскаго закона, подобаетъ совершенно крестити святымъ крещеніемъ, по преданію и содержанію Святыхъ Вселенскихъ Патріархъ, еже утвердиша по правиламъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ!» Ибо Уніаты съ Римляны, отъ единого горчайшаго злобы еретическаго кореня, свое несправедливое мудрованіе производятъ, и древо, приносящее плоды погибели душевныя (различныхъ ересей), произрастаютъ. Отъ него же самохотно и безрасудно вкушаютъ умирающіи вѣчною смертію. Что и дѣйствительно случилось въ царство Царя Греческаго, Михаила Палеолога, когда Римляне, собравши свое воинство, принуждали Православныхъ Христіанъ къ соединенію своему: тогда пришли и на Аѳонскую Гору, гдѣ много монастырей, не восхотѣвшихъ съ ними согласиться, разорили, иноковъ великими мученіями различнымъ смертямъ пре-

дали. Потомъ пришли къ монастырю великому и славному, Ксиропотамскимъ именуемому. Иноки сего монастыря слышали, что съ прочими монастырями Римляне учинили, ослабѣли духомъ, устрашились и не восхотѣли противостати мужески и подвизатися какъ прочіе, но вышли во срѣтеніе ихъ со кресты, приняли ихъ съ любовію и честію, и на Унію (то есть, къ единомысленному съ ними соединенію въ Вѣрѣ и содержанію ихъ догматовъ) согласились, въ церковь съ ними вошли, начали пѣть вкупѣ Литургію. И какъ Діаконъ помянулъ въ ектеніи имя Папы Римскаго, страшное чудо совершилось: сталъ великій шумъ и страшное трясеніе земли, и вдругъ упали всѣ стѣны церковныя и монастырскія, чѣмъ подавило множество народа, какъ: многовъ Греческихъ, такъ и пришедшихъ Римлянъ. Но что сія казнь, не по случаю каковому, а по самому Божію изволенію, воспослѣдовала, то и еще другое удивленія достойное чудо всѣмъ явственно показано было: остались части стѣны и башни, чрезвычайно къ землѣ наклонившіяся, а не разсыпавшіяся, въ воспоминаніе чудеснаго Божія наказанія.

Смѣтъ ясно показуется всякому, каковъ есть полезенъ миръ Грековъ съ Римляны, что страшнымъ показаніемъ отъ самаго Бога засвидѣтельствовано. Такова есть Унія (или соединеніе) съ Римскою Церковію, что многихъ мучительнымъ умерщвленіемъ, не согласующихъ ей, жизни лишила. Таково ея мнящееся быти Богу жертвоприношеніе, что многимъ погибель душевную и тѣлесную исходатайствовало.

Взирая на сіе всякъ, истинно любящій Бога и Православную Церковь, не долженъ въ наученія странная и различная предлагатися, но поминати тѣхъ наставниковъ, которые глаголаша намъ слово Божіе, и взираати на скончаніе жителства ихъ, и подражати Вѣрѣ ихъ.

Отъ сего всякъ разумный, а не раздоротворный, усмотрѣти и разумѣти можетъ, что Святѣйшій Филаретъ, Патріархъ Московскій, со освященнымъ Соборомъ, не просто за едино творимое, по гражданской власти, за Папу Римскаго моленіе, но Православными нарицаеть, и крещенныхъ отъ таковыхъ Поповъ даки

крестити повелѣваетъ, но за присоединеніе къ Папѣ, по исповѣданію Вѣры и прочихъ догматовъ и чиносодержанію единомудренное и единомысленное съ иными согласіе, таковыхъ не Православными именуется, и крестити отъ таковыхъ, по древлебывшему въ Православнѣй Церкви установленію, повелѣваетъ и утверждаетъ.

Но еще бы за едино токмо по гражданской или свѣтской власти моленіе за Папу, тако не Православными нарицалъ, и за сіе токмо единое крещеніе отъ нихъ не пріималъ, но паки крестити крещенныхъ отъ нихъ повелѣвалъ, то явственно показалъ бы себя противниковъ Апостольскому, Пророческому и прочихъ Святыхъ духопросвѣщенныхъ пастырей ученію, повелѣвающихъ молиться, и молившихся, о Царѣхъ и сущихъ на властѣхъ, яко же и Папа по гражданству власть именуется, хотя бы и невѣрны были.

Того ради должно о всякой вещи истинно разсуждать, и не имѣть ни какого притворствія и своемнительнаго мудрованія, которое не приноситъ пользы, но паче вредъ душѣ и тѣлу и погибель вѣчную. Чего ради любитель истины избираетъ разумно видѣть, еще гдѣ правда обитаетъ, а прелесть и непостоянная ложь далече прогоняется, отъ нея же да избавитъ насъ всемогущѣйшій Господь Богъ своею неизреченною лагостію! Аминь.

XV.

ВОЗНИКШЕЕ НОВОЖЕНСТВО ВЪ СОГЛАСІЯХЪ БЕЗБРАЧНЫХЪ СТА-
РООБРЯДЦЕВЪ. *

СОЧИНЕНІЕ

Андрея Сергѣева.

Умніи уразумѣють, каково Новоженство.

Почтеннѣйшій читателю!

Любя вѣрность къ чести и славѣ правильнаго разумѣнія, благоволите обратить ваше умное вниманіе на возшедшія здѣсь обстоятельства, которыя хотя въ краткости, но должно ясно сообщить о Новоженствѣ: откуда оно произошло, въ какомъ образѣ, какія того дѣйствія, о чемъ знаменованіи, отъ кого, чему, за что удостоено, какія отличія, сколько тому отъ рожденія годовъ: о матеріяхъ самыхъ знанію достойныхъ, легко можете усмотрѣть въ дѣйствіяхъ здѣсь идущихъ.

О

Новоженствѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

1.

Возникнуть Новоженству способными источниками были сами Старообрядцы, Вѣры (именно) Дѣвственной, Согласіевъ Безбрачныхъ, по Безпоповщинѣ, Пустынниковъ, Поморянъ, Θεодосіевыхъ, Филипповыхъ, Бабушкиныхъ и Аристовыхъ.

2.

Отъ Согласій произошло и умножено поженщинское состояніе, которое, подобно большому наводненію, расплодилось по всѣмъ Губерніямъ въ Россіи.

* Статья, важная какъ для подсудности (юрисдикціи), такъ и для управительства

3.

Многіе сочлены Дѣвственныхъ Вѣръ, будучи въ невозможности содержать Вѣру выше естественную, дѣвственной честности, то и рѣшились перемѣстить себя къ состоянію естественному, но съ тѣмъ, однако жъ, чтобы принадлежать всегда къ Согласіямъ Дѣвственнымъ.

4.

Выходцы Дѣвственныхъ Вѣръ, усвоивъ себѣ здравомысліе и честности народныя, облекшись въ благовидности, и въ публикѣ народной обнаружили себя въ супружествѣ.

5.

Но супружество ихъ такое, кромѣ обрядовъ Христіанскихъ, согласіемъ родительскимъ отвергнутое, и святымъ образомъ не благословенное, и въ костелахъ Польскихъ полученное.

6.

Но, впрочемъ же, однако, по такимъ обстоятельствамъ избѣгая безобразія и уважая совѣты почтенныхъ людей, нѣкоторые изъ нихъ соглашались исполнять обряды Христіанскіе. Но дѣйствуютъ у кого родственные, а гдѣ и чужіе, люди, и нѣкоторые (соединялись) согласіемъ и волею родительскою, за благословеніемъ святымъ образомъ, цѣлованіемъ Евангелія и Креста Христова, въ собраніи родственниковъ и друзей.

7.

Но состояніе и такое у нихъ точію подъ видомъ, лицемѣрно, не истинно, притворно и ложно. По тому паче, что они, подъ покрываломъ благообразности, содержатъ Вѣру бракорбную, от-

(администраціи), описываетъ дѣйствія и отношенія Везбрачниковъ или мнимыхъ Дѣвственниковъ секты Безпоповской къ Новоженамъ, показывая, что первые относятся къ послѣднимъ въ духѣ крайней нетерпимости, умыслившей противъ нихъ разнаго рода, неслыханныя вовсе между Православными, внутреннія преслѣдованія.

трицають продолженіе браковъ таинственныхъ всюду (т. е., Православно-церковныхъ) и свое супружество разумѣють явнымъ блудничествомъ, въ таинствѣ такомъ: Жену свою сознать хозяйкою всегда, законной же назвать, по Вѣрѣ, никогда. Они въ публикѣ женатые, по совѣсти въ безбрачїи, по Вѣрѣ въ блудничествѣ.

8.

Дѣвственныхъ Согласіевъ духовныя особы, видя своихъ таковыхъ сочленовъ, кои явились въ толико чудовищномъ безумїи, что у нихъ одна и та же (супружество, т. е.) вещь (т. е., по супруеству жена): законная и незаконная, честная и безчестная, тьма и свѣтъ, различїя въ томъ нѣтъ, но уважая толикія злохитрости растлѣнныхъ умовъ, возложили на нихъ почетное званіе Новоженства.

9.

Новоженны: слово такое знаменуетъ, чтобы разумѣть ихъ явными блудниками, что отрѣшились супружества законнаго, чуждыми собранїя вѣрныхъ, чуждыми церкви Божїей, чуждыми Святыхъ Троицы, чуждыми Христа и Святыхъ, чуждыми Богослуженїя общаго съ Христіанами, чуждыми Православія, чуждыми благочестїя, чуждыми и Христіанскаго званїя. Знаменованїя такія Новоженны носятъ на себѣ съ уваженїемъ!

10.

Новоженству, толико значительному, Дѣвственныхъ Согласіевъ уставы соборныя и частныя приносятъ знаменитыя отличїя, въ числѣ коихъ:

1. Съ Новоженами во одной храмѣ Христіанамъ не жити.
2. Въ домахъ Новоженновъ Христа не славить.
3. У Новоженновъ ни какого Богослуженїя Христіанамъ не совершати.
4. Съ Новоженами молитвою и пищею Христіаномъ не сообщатися.
5. Изъ Новоженской посуды Христіанамъ не пити и не ясти.
6. Въ домахъ Новоженскихъ Христіанамъ не стряпати.

7. Новоженкамъ у Христіанъ стряпать запретить.
8. Новоженскихъ дѣтей Христіанамъ не пѣствовать.
9. Дѣтямъ Новоженскимъ по крещеніи стряпать самимъ на себя.
10. Въ чадородіяхъ Новоженскихъ Христіанамъ не пособствовать и повиванію не служить.
11. Дѣтей Новоженскихъ здоровыхъ не крестить.
12. Но крестить точію больныхъ, и со обѣщаніемъ, чтобы отцу съ матерью разлучиться.
13. Новоженскаго младенца по крещеніи отдавать на Христіанскія руки (т. е., въ среду или въ кругъ безбрачниковъ).
14. Новоженскаго младенца, крещеннаго матерью, Новоженкѣ своими грудями не кормить, а пить молокомъ коровьимъ и изъ горшка, а не изъ рожка.
15. Младенца Новоженскаго, по крещеніи умершаго при погребеніи, не отпѣвать, аще отецъ и мать его не разлучились.
16. Новоженокъ здоровыхъ кающихся примати съ распутствомъ брака (т. е., по разводѣ).
17. Новоженовъ, сотворшихъ покаяніе, разводити въ разныя деревни.
18. Изъ Новоженской храмины отъ иконъ восковыя свѣчи въ комнаты Христіанской (т. е., у безбрачниковъ) къ святымъ иконамъ не поставляти.
19. Въ Новоженскихъ покаяхъ иконъ и Новоженовъ не кадити. *

* Такиими запрещеніями, епитиміями и стѣсненіями преслѣдовались Новожены отъ мнимыхъ Дѣвственниковъ, въ страшной ихъ бракоборной ревности..... И замѣчательна сила этого совокупнаго со стороны Θεοδοσιѣвцевъ, Филипповцевъ и проч. натиска на несчастныхъ Новоженовъ: первые, можно сказать, съѣли послѣднихъ.

20. Во святую Пасху съ Новоженцами не христосоваться.

21. Въ продолженіи погребенія по умершемъ Христіанинѣ, Новоженамъ стояти позади всѣхъ, съ Христіанами не молиться и не креститься. И лѣстовки въ рукахъ не держати. Свѣщей возженныхъ восковыхъ Новоженамъ въ рукахъ не имѣти, ко св. иконѣ Новоженамъ не прикладываться, съ Христіаниномъ умершимъ Новоженамъ по Христіански не вращаться.

22. Христіанина умершаго Новоженамъ запретить до могилы носить.

23. Ко иконамъ, Новоженами писаннымъ, Христіанамъ не молиться.

24. Въ домахъ Новоженскихъ, и къ древнимъ иконамъ, Христіанамъ не поклоняться.

25. Отъ браковъ Новоженскихъ въ семействахъ родство тѣлесное числитъ токмо по обычаю народному и для полученія имѣнія наслѣдственнаго.

26. Въ семействахъ Новоженскихъ, отъ дѣтей незаконно рожденныхъ, произшедшихъ, родства тѣлеснаго по всѣмъ степенямъ не признавать, а почитать ихъ между собою всѣхъ чадами.

27. Различности очевидныя, Новоженамъ присвоенныя по духу Вѣры, образа мыслей и дѣйствій Новоженческихъ (?).

29. Христіанамъ съ Новоженками въ одной банѣ и шайкѣ не мыться.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Новоженство, отверженное своею хитростію, укрываетъ и охраняетъ незаконное свое супружество отъ упрековъ народныхъ, кои за беззаконіе обличаютъ публично. Новожены постыдное свое сопряженіе заботятся украшать честнымъ порядкомъ, подобно нѣкогда кумира съ духомъ лукавымъ поставить въ храмъ идола.

номъ для украшенія. Новоженны; поправъ свою совѣсть, и Вѣру, и благоправіе, не устыдились обманывать начальство и лукавить предъ Правительствомъ, что, утаивъ свое незаконное Новоженство, называли себя законными и платили пошлину; Указами повелѣнную; за совершеніе браковъ не у церквей. Но собирать съ Новоженцовъ не предписано; ибо въ Новоженствѣ законы брака не совершаются; и Указы нѣ беззаконію Новоженскому не относятся. По тому Новоженны не подлежатъ такому платежу; они, заплативъ пошлину, и незаконное свое сочетаніе и дѣтей своихъ незаконнорожденныхъ вводили подъ покрывало законности. И успѣхами такими воспользуясь, торжественно ликовали и пѣсни Езоповы воспѣвали: «И мы яблоки, яблоки, и мы яблоки, яблоки!»

Новоженны, разными происками, свое постыдное супружество и дѣтей незаконнорожденныхъ воспѣвали соединять къ честнымъ семействамъ. Изобразивъ же хамелеона, коего разноцвѣтностію себя украшали и украшаютъ, отъ перваго Указа Высочайшаго съ 1718 по 1775 въ дѣйствіи 57 лѣтъ. Отъ сего же времени; по уничтоженіи кончины, по 1846 годъ продолжаютъ 71 годъ; до прежде Указовъ въ размноженіи Новоженства 33 года; всего же времени Новоженства отъ рожденія 161 годъ.

XVI.

ИЗВѢСТІЕ О НОВОЖЕНАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Андрея Сергѣева.

Безпоповцы Филипповскаго и Θεодосіевскаго Толка, научаютъ препровождать время свое въ безженномъ пребываніи; и вѣдоюще извѣтъ, яко нѣсть нынѣ единосогласнаго имъ Священства, и глаголютъ: «Лучше впасти въ каковый грѣхъ, ради утоленія естественныя страсти, нежели безъ согласнаго священнодѣйствителя вступить

въ законное супружество.» Изъ нихъ же нѣкоторые боятся отъ таковыхъ тайно творимыхъ дѣяній, бываемыхъ злосчастій, гдѣ прилучается лишеніе не токмо всего имѣнія, но и самыя жизни. И хотя также разсуждаютъ, что, безъ согласнаго имъ Священника, вступить въ законное супружество, глаголютъ, не возможно, однако изобрѣли себѣ новую и отъ начала вѣка въ концѣхъ всея вселенныя во всѣхъ языкахъ никогда же слышимую женитьбу. Отъ коего дѣйствія и наименованіе новое притяжали себѣ нарицаться «Новоженны.» Есть бо ихъ (Новоженновъ) состояніе снцевое: когда кто, яко человекъ, не возможетъ плотскимъ воамущеніемъ противостати, и восхоцетъ прилѣпиться въ ихъ общество, то ищетъ себѣ друзей подобноравныхъ, и такъ прилѣпляется единомысленнѣй дружинѣ, ищетъ случая, гдѣ бы обрѣсти согласную по своему намѣренію жену, или дѣвицу, съ нею же воспріяти сожитіе. И егда, или чрезъ каковыхъ единоравныхъ ходатаевъ гдѣ обрящетъ, или чрезъ лицезрительное разглагольствіе согласіе возымѣетъ, или чрезъ написаніе другъ другу намѣренія своя являть, тогда и желаніе свое въ конечное дѣйствіе приведутъ.

Имѣютъ же оныя Новоженны своему сопряженію соразличныя виды: ови тайно пришедшіе восхищаютъ отъ родителей дѣвицъ и во своя жилища отводятъ, творятъ же сіе по предсогласному условію и совѣту. Ови же дѣвицы, восхитивше имѣніе своихъ родителей, тайно къ рачителю своему убѣгаютъ. Ини же и вѣдущимъ родителемъ ихъ, но яко не знати притворяющимся, и молчанія на уста своя налагающимъ, въ начинаніи такового дѣянія послабляютъ. Егда же совокупятся чада ихъ, тогда по малѣ времени, едины о дщери, аки о мертвой, плачутъ, друзи же аки о впадшемъ въ тяжкій грѣхъ, и великое беззаконіе сотворшемъ сынѣ, притворное рыданіе составляютъ; потомъ обоихъ родители сошедшеся, аки сѣтующе, нѣкій часъ пребываютъ, и по семъ о награжденіи дщери глаголати начинаютъ, и тако окончавши своя совѣты, расходятся во свояси. Ини же родители совѣтуютъ съ сыномъ и дщерію о сопряженіи таковомъ, и когда совѣтъ свой утверждаютъ, тогда единъ сынъ идетъ въ домъ той, гдѣ нареченную себѣ любовницу видѣти желаетъ, но родители, страха ради, да не будутъ отъ общества за сіе отлучени, не приходятъ. Тако и въ дому томъ, гдѣ оная любовница жительствуетъ, родители

ея къ такому дѣйствию, чтобы показати тому свою дочь, не приступаютъ, но сродницѣ каковой, или пріятельницѣ, оное дѣланіе производити ввѣряютъ. Овѣ же родители какъ сыну своему ищутъ таковыя согласницы, такъ и о дочери пекутся, дабы обрѣсти ей любовника, и соглашаются между собою о награжденіи или приданомъ, и приходятъ въ домъ родителей, аще суть, или сродниковъ дѣвицы, не таковымъ образомъ, какъ законнобращующіеся творятъ, смотрити невесты сыну своему, но не тако Новоженны, не тако. Приходятъ бо аще и дѣвицу зрѣти, но притворяются, яко что продати, или купити, или каковыхъ въ домѣ имѣющихся вещей видѣти. И тако усмотряютъ дѣвицу, и совѣтуютъ овѣ съ сыномъ, овѣ же со дочерью, аще видатся угодни другъ другу. И какъ соизволеніе ихъ узнаютъ, и согласіе возымѣютъ, тогда родители изъ храмины тоя вонъ исходятъ, оставляя дѣтей своихъ съ нѣкими чуждыми предназначити ихъ будущаго сожитія любовническое дѣйствіе и, смотря изъ тоя храмины, соулаждаются, зряще ихъ дѣланія. Овѣ же, по усмотрѣніи любовницы и по учиненіи согласія, отходятъ съ сыномъ въ домъ свой, и потомъ обомъ родители приуготовленія творятъ, едини ради приведенія сыну своему рачительницы, пищу изобильну, и питія многоразлична уготовляютъ, друзи же, какъ дати дочь свою любовнику, да лучши красота ея съ прелестями явится, различными одеждами украшаютъ. Егда же приспѣетъ нареченный день таковаго сопряженія, тогда юмоща и дѣвица не требуютъ по обычаю Христіанскому, по подобію сочетавающихся законнымъ бракомъ, отъ родителей благословенія, но какъ незнаемы и чужди ходятъ, приуготовляющеса къ совершенію предназначаемаго дѣйствія. Тако и родители будто странни являются, и яко не сопричастни таковаго ихъ дѣланія показываются. И хотя совѣтъ каковый и творятъ, но благословенія сыну по обычаю законнобращившихся не подаютъ. И тако сынъ, не получивъ благословенія, посылаетъ, да возмется его любовница изъ дому ея родителей, и ожидаетъ оную, гдѣ надѣются сожитію своему, да не будетъ отъ народа зазрѣнія, нѣкую твердость получить. Тако и дѣвица, украсившися свѣтлыми одеждами, къ присланнымъ отъ любовника, такжеже не получивши благословенія отъ родителей, исходитъ и въ нареченное мѣсто къ рачителю своему является, откуда, по подобію законнобращившихся, въ домъ возвращаются. И какъ родители

увидать сына своего, приближающагося съ любовницею его къ дому, то немедленно или въ иную хramину входятъ, или на улицу исходятъ, и въ чуждый домъ переходятъ, ожидаяще времени, дондеже сынъ ихъ введетъ въ домъ нареченную себѣ, по народному именоваію, жену, но ихъ же залогу и намѣренію блудницу. Другіе же хотя и во единомъ дому, но въ иную хramину входить и тайно на входящихъ сына и приводимую имъ любовницу смотрятъ, и прилежно взираютъ не на лице токмо, но и одежду стройность, и ступаніе погѣ усматриваютъ, и симъ веселящеся услаждаются. Также по малѣ отъ затвора своего исходятъ, и прилучившихся гостей любезно привѣтствуютъ. На сына же и приведенную, мимо ходяще, аки на незнаемыхъ, не взираютъ. Но потомъ во второй, или третій, день, аки законную сына своего жену, снохою и невѣсткою называютъ. Ови же лицемѣрящеся и да не познани будутъ отъ несогласныхъ, творятъ, по подобію законобравившихся, вмѣсто своихъ родителей, чуждыхъ нѣкнхъ призываютъ, и отъ тѣхъ, яко требующе благословія, къ рачительницѣ своей отходятъ. И егда приведутъ любовницу въ домъ свой, то отъ тѣхъ своихъ благословителей, яко истинніи супружницы со святою иконою и прочимъ, къ тому принадлежащимъ, срѣтаемы бывають, и какъ отъ невѣдущихъ залота ихъ, вопрошаются: чего ради сами родители во время сіе не быша, но чуждимъ срадоватися мѣсто сіе даша? На сія ложная отвѣтсловія вымышляютъ, и неудобства и препятія нѣкая предлагаютъ. Нѣцыи же родители, да не приведутъ по гражданству въ стыдъ чадъ своихъ, и сами таковой видимой блудотворной радости приобщаются, ови подаваніемъ благословія при отхожденіи къ любовницѣ, ови при введеніи въ домъ срѣтеніемъ со святою иконою и прочими радостовидными дѣяніи. Но за сіе, яко весьма тяжкое, преступленіе, что чадомъ своимъ соизволеніе на явное блудное смѣшеніе подали, приходятъ къ Настоятелямъ, приносятъ покаяніе и требуютъ прощенія. Настоятели же, разсмотряще качество человека, даютъ епитимію въ наказаніе, и бывають отлучны общія молитвы и купноденія. Когда же оная любовница сына ихъ родитъ младенца, тогда, яко освернившіися отъ единодомовнаго ихъ спребыванія, паки въ общемоленіе до чотыредесяти дней и вяще, приходити возбраняются. Младенцы же аще (по многому прошенію, ибо по уставу ихъ старшихъ не велѣно у тако-

выхъ престити; развѣ страха ради смертнаго) и сподобляются
 крещенія, но питати (кормить грудью) матери ихъ не повелѣва-
 ютъ, «снотснръ же млекоу напаяти не задрещаютъ; пожеже
 окоты не согрѣшаютъ тако, яко же Новожены, тогѣ ради и
 лучше матерей выѣняются. Что же творятъ родители оныхъ
 Новоженъ? Сына своего любовницу, яко законносопряженную ему
 жену, снокою и невѣсткою марицають, и рожденныхъ отъ нихъ
 дѣтей, яко законныхъ своихъ внучатъ, выѣняють, а пищи и
 утѣшеніи ихъ пекутся, на рукахъ своихъ носятъ, всякими привѣт-
 ствы ласкають, цѣлуютъ, и тѣмъ увеселяются. Когда же онъ, яко
 младенецъ немощію обьятъ будетъ, тогда съ рождшими ихъ стѣ-
 туютъ, скорбятъ, сожальють и о здравіи его пекутся, и не ток-
 мо оиѣ блудорожденныхъ незлобивыхъ младенцевъ любятъ, но
 и сарого блудодѣателя, отца ихъ, а своего сына и его любовни-
 цу, родители изъ дому своего не отгоняють. Но и Настоятели,
 егда призываемы бывають празднества совершати, тогда безъ
 всякаго отрицанія приходятъ и торжественно церковную службу
 восѣвваютъ. Приносимыя же свѣщи, и масло, и виніамъ, отъ дер-
 жащихъ сыновнюю блудницу въ дому своемъ родителей, Насто-
 тели не отметають, не токмо сына и его любовницу молятся
 купне съ собою не попускають, въ притворѣ же нѣгдѣ стояти и
 слушати пѣнія и чтенія не возбраняють; но токмо ихъ тѣмъ
 худше окотовъ выѣняють, яко окоты безсловесные случается
 кажденіа ошнѣишаго сподобляются, яко же кони, въ память
 Святыхъ мучениковъ Флора и Лавра, кропленія святыхъ воды
 удостоиваются, но Новожены, яко во шетину сущи всѣмъ явни
 и знаеміи блудники, того лишаются. Ини же Новожены, не
 имѣющіе родителей и хотяще празднество каковое торжество-
 вати, тогда сродника каковаго нищаго въ дому имѣти тѣцатся,
 или своего служителя, ини же имуще дѣтей малыхъ, и ни ка-
 коваго имѣнія своего не имѣющихъ, приываютъ Настоятелей
 праздничное составить торжество. Настоятели же и прочіе празд-
 нолюбцы, егда услышатъ званіе, идутъ неотложно и, по совер-
 шеніи молитвословія, поздравляютъ не сроднику нищему, ниже
 служителю господина дому, ниже малыѣмъ дѣтямъ, но самому
 господину дому, блудника наименованіе посящему, и его рачи-
 тельницѣ, господствующей въ дому, яко женѣ законнѣй.

Такожде и егда по молитвѣ представлена будетъ трапеза, исполнена брашенъ, по окончаніи оныя, пакы тому же господину благодареніе приносятъ. Святыхъ же и богопрощенныхъ святыхъ Церкви истинныхъ пастырей правильная установленія и опредѣленія, которыя, какъ отъ самыхъ блудниковъ, такъ и отъ держащихъ оныя, то есть, родителей, или господій, приносимая приношенія въ церковь, равнѣ отметають и пріимати не повѣляютъ, довелъ же блудодѣющіи отъ своего блудодѣянія, родителіе же отъ потокавства, престануть, и тако удобрившися истиннымъ покаяніемъ, и сами и приносимая отъ нихъ пріяти будутъ. Сія нынѣ мнози честніи Настоятели, яко не знающе и не видяще, мимо протекають, и прежнихъ своихъ отцевъ и учителей, аки вторая содержащихъ по Апостолѣхъ, установленія отлагають. Что же къ сему оныхъ Настоятелей и прочихъ празднолюбцевъ, правдующихъ въ домѣхъ Новоженческихъ и ядущихъ трапезы ихъ, приводитъ, недоумѣтія подобаетъ. Но развѣ сіе, о чемъ единъ, аще и не Россійскій, но славный, Архипастырь со удивленіемъ тако нарече: «О глубокаго срама! О злаго имѣнія! О горькаго сребролюбія! О ненасыщеннаго брюха! Не отъ сихъ ли соблазны, худенія, укоризны, свары, мятежи и прочая злая прозябають?» Все же онѣи, именуеміи Новожены, аще и разнообразіи сочетаются, но сопряженницъ своихъ единомысленно законными женами наименоуютъ, но многіе истинными блудницами, яко же и суть, нарицають. Другіе же блудницами и наложницами называть стыдятся, законными же супружниками именовать боятся, но домохозяйками, попечительницами, госпожами и хозяйками въ дому, а иные прибылыми товарками и стряпухами оныхъ именуютъ. И любя ихъ, какъ Иродъ Иродіаду, а въ гражданствѣ называя женою, на имя ихъ дома, лавки, заводы и фабрики покупають, и прочее имѣніе подписываютъ имъ и утверждаютъ. И какъ стыда ради предъ честными гражданами и въ Присутственныхъ Мѣстахъ женами называютъ, такожде и дѣтей (по ихъ самихъ сущему исповѣданію) незаконнорожденныхъ, наслѣдниками своего имѣнія, въ противность церковнаго и гражданскаго установленія, устрояють. Провождаютъ же онѣи Новожены жизнь свою не такъ, какъ прочія ихъ общества, не связавшіяся таковыми узами, и отъ общемоленія и купнояденія не отлученныя, но какъ уже явно отторженные отъ сообщества молитвы и трапезы, и

отчаявшіеся о своемъ спасеніи, многіе ни каковаго радѣнія о снисканіи душевныя пользы не имѣютъ. Съ Инославными обществу-
ютъ, ядятъ вкушѣ и пѣютъ, постовъ уставленныхъ не хранятъ,
но какъ въ претрашнѣйшую глубину золъ вшедше, увязаютъ въ
тѣнь самовольствія. И яко же сами пребываютъ, тако и дѣтемъ
своимъ не внушаютъ истиннаго разсужденія. И возрастшимъ сы-
номъ женъ вводятъ, и дочерей своихъ мужемъ даютъ, съ тако-
вымъ же, не законнаго бракосочетанія, но беззаконнаго (какъ и
сами) сожитія, залогомъ; законнобращившихся же, по ученію сво-
ихъ старѣйшинъ, отвращающесе, ненавидятъ, поносятъ и едино-
купнаго молитвословія и единотрапезнаго вкушенія отбѣгаютъ. Во
время же пѣкѣихъ приключившихся болѣзней когда, какъ человѣ-
ки, въ содѣянныхъ грѣхахъ восхотятъ принести покаяніе, тогда
духовные отцы таковымъ болящимъ предлагаютъ, если дадутъ
такое обѣщаніе, чтобы оставить по народному именованію женъ,
по залогу же и исповѣданію сущихъ блудницъ, тогда въ об-
щемоленіе съ прочими, не вступившими въ Новоженство, пріяти
будутъ. Аще ли умрутъ, то какъ уклонившіеся отъ зла, и вос-
хотѣвшіи творити благая, поминовенія сподоблени будутъ. Слы-
шавше же сія болящіе и убоявшесе смерти, давшее таковое обѣ-
щаніе, отъ жизни сея отходятъ. Что же творится во время одер-
жація болѣзни и въ самый часъ разлученія души отъ тѣла?
Предстоитъ любовница у одра своего рачителя, и при самыхъ
Настоятеляхъ сѣтовательная составляетъ вопли, кричитъ неутѣш-
но, припадаетъ къ персемъ больнаго, цѣлуетъ уста, лобзаетъ ру-
цѣ и, къ себѣ жалостно прижавши, испускаетъ великія слезы,
умильно проситъ, да при послѣднемъ издыханіи (аще прежде не
устроено) распредѣлитъ имѣніе, коликое число чего ради упо-
требити. Здѣ ниже отъ Настоятелей, ниже отъ прочихъ, мнящих-
ся быти вѣдателей Писанія, ему возбраненіе бываетъ. И когда
отходящему отъ жизни долженствуетъ прилежно каятися о пре-
лести, ею же содержимъ былъ, но здѣ предъ очесы его пред-
ставляется и въ сердцѣ попеченіе о той влагается, и жалостію
снѣдаемъ, слезами о разлученіи съ своею любовницею лице свое
обливаетъ: аще бо и на одрѣ смертнѣмъ лежа, но возводитъ на
оную очи, жалостное вѣщаніе испущаетъ и своей именуемой
блудницѣ, которую предъ малымъ, или въ самое то время, во
исповѣданіи предъ духовнымъ отцемъ, тако нарицати не усомнися,

отъ нея же отлучитися обѣщаніе даде предъ Богомъ, оной о имѣніи и поминаненіи души своея завѣщаетъ. Сущіи же сродницы, яко не имѣющіе участія въ имѣніи того, къ тому не опредѣляются. Егда же оный умретъ, тогда оставшаяся, подъ видомъ жены, оная любовница, безъ всякаго зазрѣнія, такожде при присутствіи самихъ Настоятелей и прочихъ, о разлученіи своего любовника зѣло плачетъ и нелѣпыя кричанія гласы испускаетъ, другомъ, защитникомъ, надеждою и питателемъ своимъ нарицаетъ, и незаконнорожденных (по самому жъ ихъ исповѣданію) чадъ сиротами и беззаступными именуетъ, и такъ какъ законная жена въ наслѣдіе, послѣ своего любимца, вступаетъ, и не токмо сама, но и прочіе къ тому спомоществующими ей бывають. Иногда же и сами Настоятели ближнихъ своихъ попечителями о тѣхъ устрояють. Аще ли прежде умретъ любовница, тогда сожительствующій ея такожде великія плачи составляетъ, и яко о законной супругѣ поминаненіе творитъ, и надъ гробомъ на камняхъ съ наименованіемъ супруги или сожительницы такового надписываютъ. А иные завѣщаютъ, да положатся и тѣлеса ихъ неразлучно. Аще ли же останутся у таковыхъ Новоженцовъ родители, тогда, по смерти сына, оставшую любовницу, яко законную сноху, къ себѣ присвояють, и чадъ ихъ, аще младолѣтні, подобно законнорожденнымъ внучатамъ, воспитываютъ. Аще ли самимъ имъ прежде сына своего, а ихъ отца, скончаніе жизни приидетъ, то не токмо сицевыхъ живыхъ незаконнорожденныхъ, но еще и въ чаяніи родитися имущихъ, именуемыхъ внучатъ, святыми иконами благословляютъ, и наслѣдниками (въ противность закону) своего имѣнія устрояють. И таковыхъ рожденныхъ такожде (по ихъ залогу) къ блудодѣйственной жизни предопредѣляютъ, а особливо ради дѣвицъ и о приготовленіи приданого попеченіе имѣють. Другіи же Новожены въ приключившихся болѣзняхъ, видя своя юностная лѣта и невоздержное плоти стремленіе, и яко да не отторжени будутъ отъ своихъ любовницъ, убоялися дати таковое, яко же предъявися, обѣщаніе, и тако косою смерти, яко не зрѣлы класы, посѣчени быша и въ иную жизнь, не извѣстно же, въ кая мѣста, преселилися, однако сіе вѣстно яко отъ своихъ бывшихъ пастырей помяновенія не сподобляются. Иніи же и давше въ болѣзни своей обѣщаніе, чтобы разрѣшиться съ своими любовницами, но какъ здравіе получили и

гражданства ради съ ними единомовнѣ пребываніе возымѣли, тако по первой другъ другу прилѣпительности, разрушивши общѣ-
щаніе, аки огнь съ сѣномъ соединившеся и первую узою плоти
связавшеся, препровождаютъ дни своя, яко и первѣе, и отъ На-
стоятелей нѣкогда аще и зазираются, обаче отъ общемоленія не
отлучаются, развѣ плодъ ихъ обличникомъ явится, тогда паки
они отриновени бывають. Друзіи же по своему общанію, сія
исполнивше, да пріяти будутъ въ общество, и молитися и едино-
трапезнаго вкушенія пріобщатися, съ своими любовницами рас-
торглись, и уединенное кромѣ другъ друга житіе провождати
изволили. Но нѣцыи отъ таковыхъ, чтобы не впасти во уныніе,
а къ тому и ради пріуготовленія пищи, наемницъ себѣ стяжали.
Такожде и любовницы ихъ, не могуще чимъ питатися, къ инымъ
во услуженіе себе предаша. И хотя случалося таковымъ отъ еди-
номовнаго пребыванія и бремениношеніемъ отягчаться, и чадор-
одію тайному быти, но уже не претерпѣвають стыда, чтобы отъ
общемоленія и единотрапезнаго вкушенія отлученнымъ быти.
Рожденни же младенцы родителями ихъ токмо извѣстно гдѣ со-
храняются, и тако необличительни въ вѣщѣ семъ родителями сво-
имъ бывають. Таковыми и прочими дѣяніи (не осуждая, глаголю),
изобилующе славное Новоженство, отъ многихъ слабоумныхъ, или
любострастныхъ, человекѣвъ похвалено есть и почтено.

XVII.

ПОКАЗАНІЕ

**ЯКО ВОЗДЕРЖНОСТІЮ СВОЕЮ ОЕОДОСІЕВО СОГЛАСІЕ И ПОДОБНЫМЪ
ДРЕВНИХЪ ЕРЕТИКѢМЪ МНОГІЯ ЕРЕСИ ОБНОВИША.**

Братства нашего нѣцїи мужіе, а наипаче престарѣлыя жены,
на Оеодосіево Согласіе воздержности зряще, удивляются, сирѣчь,
видяще ихъ отъ мясѣ воздержаніе, видяще отъ винопитія воз-
держаніе, видяще отъ сообщенія Вышнихъ воздержаніе, видяще
отъ браковѣчанія тѣхъ воздержаніе, видяще подобно же и отъ

сосудовъ и отъ брашенъ и снѣдей торжищныхъ, ихъ воздержаніе, соблазняются на оныя, а похваляютъ тѣхъ крѣпость, а тая воздержанія неразумно вмѣняюще, за воздержности ихъ, самыхъ сыновъ Церкви святыя и непорочныхъ блюстителей той преданій хулятъ и въ Согласіи оныхъ надѣются совершенному спасенію. Но мы правильно о томъ соблазнѣ разсмотрѣвъ, познахомъ братія наша соблазнъ дѣтскаго нѣкоего неразумія преполнъ; ибо дѣти младенческими слабыми умы, зряще блещаемыя имъ вещи, неразумно къ тѣмъ руцѣмъ простираютъ, мняще утѣху свою въ тѣхъ, дондеже отъ прикосновенія почувствующе вредное, и абіе на слезы обращаются, то наша братія страждутъ, о чемъ Павелъ Апостолъ увѣщаеетъ, таковая глаголя (Коринѣ. зач. 156): «Братіе, не дѣти бывайте умы, но злобою младенствуйте, умы же совершенни бывайте,» и на иномъ мѣстѣ пишетъ (Евреомъ зач. 312): «Всякъ бо причащайся млека, неискусенъ слова правды, младенецъ бо есть; совершенныхъ же есть твердая пища, имущихъ чувства обучена долгимъ ученіемъ въ разсужденіе добра же и зла.» И во иномъ (Ефес. зач. 228) паки: «Блюдите убо, како опасно ходите, не яко же не мудри, но яко же премудри, искупующе время, яко дніе лукави суть. Сего ради не бывайте несмысленни, но разумѣвайте, что есть воля Божія.» Отъ сихъ Павловыхъ словесъ, азъ вину приѣмъ, поносителю къ своему братству глаголю: Зазирая ихъ лѣность и нерадѣніе, како въ толикихъ раздорахъ, въ толико ложнѣ умноженныхъ церквахъ, въ толикихъ соблазнахъ, неопасно, неопасно, неспискательно разума священнѣхъ преданій пребываютъ; како не готовятъ слово благодатно разуму вѣдати коемуждо, како любовно о своемъ упованіи отвѣщати, и всѣмъ указати стадо сущее превышняго пастыря душамъ, и отлучено явити отъ прочихъ оно словомъ, и подкрѣпити пасти хотяція сердца, но вси просто сіяютъ безпечально, аки уже въ самое небо достигше, не тѣются о взысканіи истиннаго разума, въ немъ же вся благая и дивная Церкви растеть, тѣмъ же и многимъ невѣжествомъ одержими пребывающе, едино точію созираютъ, аще кое согласіе виѣшнее воздержаніе имать, то и сущая Христова Церковь. Младенческаго се неразумія, зане не вѣдаютъ, что и еретицы древле бывшіи мнози бяху высокаго житія, яковыми быша: Воздержницы, Вретищницы, Монтане, Тертуліане, Донатіане, Духоборцы, Естаѣіане,

Богомилы, и прочіи еретицы, яко высокаго ради житія ихъ, нѣ-
щии отъ нихъ и по водамъ ходяху немокренно, и во огни бяху
не опаляеми, больнымъ отъ прикосновенія здравіе подаваху, мерт-
выхъ воскрешаху молитвами, о чемъ изволяя да чтеть во
обоихъ книгахъ Никона Червогорскаго и въ Бароніи. Истинная
бо Соборная и Апостольская Церковь та есть, которая люди вся
предація Апостольская и Соборная цѣла соблюдаютъ; * кромѣ
же сего нѣсть Церковь истинная Христова, но раздорная и ерети-
ческая, яко же и видимъ.

Оеодосіево же Согласіе и подобіи имъ людіе великаго воз-
держанія, но въ томъ ихъ самомъ воздержаніи многія ереси древ-
нихъ еретиковъ оживлены суть, яко же сими показаніи явимъ вамъ.

Показаніе 1-е. Оживленіе ереси Галилейскія.

Во дни Христовы бѣше сія ересь Галилейская (Бароніи лѣта
1-го), ея же вожди быша Іуда и Садокъ, раздорники Жидовскіе, и
многіе народы къ себѣ обратиша, смятенія на власти творяще,
дани не хотяху даяти, ниже въ приношеніи жертвъ о Римскихъ
Царехъ мольбы творити. Увѣдено же бысть то Кесарю Римскому,
посла на нихъ Пилата съ воинствомъ, и изби ихъ во время жертвъ,
о ихъ же избіеніи возвѣщено бысть Христу (Луки зач. 70: «И
отвѣщавъ имъ, рече: мнителіи ли, яко Галилеяне сіи грѣшнѣйши
паче всѣхъ Галилеянъ бяху, яко тако пострадаша; ни, глаголю
вамъ, но аще не покаетесь, вси такожде погибнете.» Здѣ отъ
Христа не виѣнена быша сіи избіеніи за мучениковъ Божіихъ,
но за погибшихъ; «такъ же и вы погибнете.» Но, ересь сія Гали-
лейская и по смерти Іудиной пребысть.

Іерусалимская же Церковь за Кесарей невѣрныхъ въ жертво-
приношеніяхъ мольбы творяще; свидѣтельствуеть сіе дѣло посла-

* Та, каторой основаніе и глава Христосъ, а не Оеодосій, или Филиппъ; та, ко-
торая пріемлетъ освященіе отъ Духа Святаго, чрезъ священнодѣйствія Таинствъ,
и управляется законно поставленными пастырями Церкви, а не чуждымъ свя-
тыни духомъ водится; хотя бы и прикрывался онъ писаніемъ Апостольскимъ и
Святоотеческимъ.

ніе Іереміа Пророка въ Вавилонѣ, къ плѣннымъ Іудеомъ, въ немъ же писа, да молятъ Бога за Навуходоносора Царя (Чети-Миней 1-го Мая); писа же и Варухъ Пророкъ (Варуха глава 1-я) къ сущимъ: «Серебро собравше, послаша во Іерусалимъ, да купятъ потребная въ жертву, и да молятъ Бога за Царя Вавилонскаго и за сына его, да будутъ дніе ихъ, яко дніе неба.» 2-й книги Ездры глава 6: «Повнегда же Израильтяномъ изъ Вавилона во Іерусалимъ свободитися, уставлено бысть Перскимъ Царемъ отъ даней на жертву Господню во всяко лѣто, елико потребуютъ, да приносятъ Богу Вышнему за Царя и за рабы его, и молятъ Бога за животь ихъ.» Но оніи Іудейстїи раздорницы ереси Галилейскія вопреки стаха Пророкомъ онимъ и Церкви Іерусалимской, не моляху Бога за Царя и рабовъ ихъ, тѣмъ же и погибоша.

Въ новой благодати, во истинной Церкви, тожде обыкнове-ніе древнее о богомолїи за властей творяшеся, о чемъ Павелъ Апостолъ не просто, но аки о великой вещи, всѣхъ вѣрныхъ на то принуждая, просить, глаголя: (2 къ Тимоѣ. глава 2, зач. 282): «Молю убо вы прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся челоувѣки, за Царя и за всѣхъ же, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестїи и чистотѣ. Сїе бо добро и прїятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ» и проч. Книга: «Завѣщаніе Святыхъ Апостолъ» (книга 8, глава 10). На сїя на Павлова слова Святый Златоустъ глаголетъ: «Въ самое то безкровныя жертвы приношеніе за невѣрныхъ Бога молити» (зри о семъ въ бесѣдѣ 2 на послан. къ Тимоѣю). И паки: «Да не мятется Христїанинъ, что же на время Таинъ помпнается Царь многаци, и невѣрный суще, являетъ намъ, прїобрѣтеніе онѣхъ спасеніе.» Послѣдовательнѣ же Апостольскому повелѣнію сему, (Апост. толк. зач. 281) неотложно Восточная Церковь молитвы за невѣрные Цари и рабы ихъ творяше. Свидѣтельствуєтъ се Аѣннагоръ, философъ Христїанскій, яко писа ко Аврелію Кесарю Римскому, и сыну его (Барон. лѣто Господне 174): «Мы за державу всегда Бога молимъ, дабы и сынъ отеческое царство воспрїялъ отъ Него, всегда умоляемъ; дабы вамъ все благополучно успѣвало, то и намъ полезно есть, да мирно житіе имамы и вамъ доброхотно по повелѣнію служимъ.» Сей философъ объявилъ, яко святая Церковь усердныя молитвы о властѣхъ творяше и творить.

Едины сіи новыя Галилеяне, ревнующе ереси древнихъ Галилеянъ, молитвъ си не творятъ, противницы суще Апостольскому повелѣнію и обычаю Всоточныя Церкви.

Показаніе 2. Обновленіе ереси Донатскія, Новотіанскія и прочихъ.

Еретики Новотіаны, а наипаче Донатіаны, веліе о себѣ мечтающе, мняхуся быти святыми и блюстителями заповѣдей Христовыхъ, предацій Апостольскихъ, милостивы быша, страннолюбовивы, обидимыхъ заступатели, скудныхъ награждатели и смерти не боящися, и, во знакъ святости своея, бѣлыя носяще одѣянія, истинныя же Церкви пастырей и собранія Христіанскаго ненавидяще, и аки скверныхъ и грѣшныхъ гнушающися, и бѣгающе Правовѣрныхъ собесѣдованія, нечестивыми ихъ нарицающе и глаголюще: яко грѣховъ ради Христіанскихъ, во всемъ мірѣ паде Церковь Христова, точію въ нихъ единѣхъ остася; святыя же Церкви пастыріе и учителя показоваху имъ, яко грѣховъ ради человѣческихъ не можно Церкви пасти.

Древнихъ еретиковъ обновися сія ересь въ согласіи Θεодосіевомъ и прочихъ, не разумѣющихъ, что ересь и что грѣхъ, о чемъ умалчивать и о чемъ обличати годствуесть, въ чемъ долго-терпѣти и въ чемъ ревностно поступати спасенно бываетъ, не разсуждающихъ, но заравно пріемлющихъ грѣхъ и ересь. Тѣмъ же тако вси вѣщшіи испытатели грѣховъ человѣческихъ бывають глаголюще: «Сей-то согрѣшаетъ!» а другій оно, и бредятъ, какъ и Донаты онѣи, яко тако согрѣшающихъ нѣсть Церковь Христова, и не достоинъ съ ними ясти, ни пити, ни молиться; сея ради причины, не токмо оныхъ еретиковъ подражатели, но и противники Христу являются; ибо Христосъ, человеколюбія ради своего, до смерти дарова покаяніе человѣческому роду. Того ради Петру, верховному ученику своему, глагола (Луки зач. 84, Мате. зач. 20): «Аще кто и семьдесятъ седмицею согрѣшитъ, но кается, прощати подобаетъ.» А наипаче простому народу запрети Христосъ грѣхи братніе судити. Павелъ бо Апостолъ тако о семъ къ Римляномъ пишетъ (Римл. зач. 114): «Не къ тому убо другъ друга осуждаемъ.» Той же (1 Кор. зач. 134). Аще нѣкій братъ

именуешь будеть блудникъ, или лихоимецъ, или идослужитель, или досадитель, или пїяница, или хищникъ, съ таковымъ ниже ясти.» Сіе глаголетъ пользы ради согрѣшающаго, а не ядущихъ ради оскверненія; не положи бо намъ Богъ очи отверзати на грѣхи братнія и судитися, или тѣхъ ради во своемъ спасеніи сомнѣваться и отдѣлятися грѣшныхъ, яко и еретицы, но врачевати болящія и разслабленныя грѣхми, и долготерпѣти брату во грѣхахъ, подражающе долготерпѣливаго Владыку, жаждущаго грѣшныхъ раскаянія и обращенія; сего бо ради не прииде праведныя призывать, но грѣшныя къ покаянію. Ты, о человѣче, что болѣзнуешь, что снѣдаешься скорбію, что сомнѣваешься, что ты отъ собранія отгоняешь, святилище? «Братъ согрѣшаетъ, и боюся, да и азъ, со грѣшными пребывая, не погибну.» О слѣпоты! О невѣжества крайняго! Давидъ къ Богу глаголетъ (Псаломъ 129): «Аще беззаконія назриши, Господи, Господи, кто постоитъ?» Не вси ли предъ Богомъ тьмою талантъ грѣховъ должны есьмы? (Матѣ. зач. 74). Братнія же грѣхи предъ нами, аки сто пенязъ долженствуютъ; обаче Богъ, безгрѣшенъ сый, тьму талантъ грѣховъ прощаетъ, ты же сто пенязъ грѣховъ немилостивно тако истязуешь, а своя грѣхи имаши; аще бы ты явѣ преклоненъ былъ во грѣхъ, обаче и тогда просяща и увѣщающа тя послушати подобаетъ (Римляномъ зач. 116): «Вы сильніи немощи немощныхъ носите.» И паки (Галатамъ зач. 213): «Братіе, аще и впадетъ человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы, духовній, исправляйте такового духомъ кротости, блудый себе, да не и ты искушенъ будеши. Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ.» Тѣмъ же подобаетъ дивитися по истинѣ слѣпотѣ пниѣшнихъ Фарисеовъ, како не могутъ видѣти и разумѣти онаго словеси Христова, еже глаголетъ (Матѣ. зач. 86): «Яко мытари и любодѣйцы варяють вы въ царствіи Божіи; сынове же царствія изгнани будутъ во тьму кромѣшную.» И паки (зач. 44): «Идите и научитесь, что есть милости хочу, а не жертвы;» и кая сія противность, что Богъ хочетъ, то сіи не хотятъ! Да постыдятся прочее испытующіи испытанія грѣховъ человѣческихъ, и да воспомянутъ притчу оную о Мытари и Фарисей, а наипаче да чувствуютъ, кому симъ грѣховъ назираниемъ подражатели? Да, Фарисеомъ. Кому противныцы во ономъ немилосердіи? Самому милостивому Господу нашему, Іисусу Христу. Сего ради жестокосердія

древніе еретики: Донатиане, Монтане и славнѣйшіи въ мудрости въ и воздержаніи Тертулліане, погибша.

Показаніе 3. Оживленіе еретиковъ Воздержныхъ.

Древле убо сіи еретицы, воздержавшіися яростію нѣкоею, приобщницы быша Маркіанитской сектѣ (ереси); обаче, точно намъ, вѣроваху во Святую Троицу и плотскому Сына Божія смотрѣнію, но Богомъ повелѣнныхъ свѣдѣй отвращахуся, скверными мняху быти, яко же и Маркіанъ оный, прежде ихъ бывшій еретицѣ, кое ихъ еретичество бѣше проклято и наречено бысть отъ раслію Маркіанитскія ереси.

Но сія ересь нынѣ ожила въ согласіи Феодосіевомъ сицевымъ дѣломъ. Понеже чрезъ Павла Апостола Христосъ повелѣ все, продаемое на торжищѣ, ясти, ни что же сумнящеся; сіи же чрезъ Павла Христу глаголющу не вѣрятъ и продаемое на торжищѣ нарицають скверно быти и нечисто, и всякъ ядый тое оскверняется. Того ради съ торжищъ брашно освящаютъ, полагая по 100 поклоновъ за нь. И кто кунитъ брашно кое и, не осятивъ мнимою ихъ молитвою, вкуситъ, таковъ осуждается ими скверноядецъ быти и отъ сочлененія ихъ отторгается.

Вопмие о семъ, боголюбивіи: Богъ что повелѣваетъ, то повелѣніе Божіе вѣруемо пріяти на вещь освященія и ядомое сообщено съ божественнымъ освященіемъ, и кто есть той, иже освящаемое Богомъ, невѣрствія ради, наречетъ скверно? и нѣсть ли сія противность съ воздержниками еретиками сообщна? ибо равное Божіе повелѣніе, яко же въ свѣдѣхъ животныхъ, такоже и въ торжищныхъ брашнахъ, бысть; но убо въ животныхъ поткнушася свѣдѣхъ Воздержницы, а въ торжищныхъ свѣдѣхъ Феодосіевы. Сего ради Павелъ, оглаголюя таковыя, пишетъ сице (Тит. зач. 310): «Бога исповѣдаютъ вѣдѣти, а дѣлы отъмещутся его, мерзцы суще и непокоривы, и на всяко дѣло благое не искусни.» Тойже и паки (Тим. зач. 284): «Всякое созданіе Божіе добро, и ничто же отъметно, со благодареніемъ пріемлемо, освящается бо словомъ Божіимъ и молитвою.» Коемъ словомъ Божіимъ и молитвою освящается, Златоустъ о семъ ясно глаголетъ: «Знаменіемъ

Креста и изреченіемъ молитвы Иисусовы вся освящаются.» И паки: «Яко аще и не чисто было бы, но имамы мѣленія: знаменай, благодари, прослави Бога, и вся нечистота отлетитъ.» Здѣ ясно изобличается богопротивное ученіе, въ Согласіи Θεοδοσιѣвомъ: како убо, повелѣвшу Богу чрезъ Павла Апостола, ни что же мнѣти скверно быти, тѣ же глаголюще своимъ лжесловіемъ скверно, нечисто? Увы прелесть вражія! Како не устыдишася глаголь Апостольскихъ, яже вдохну Пресвятый Духъ, глаголюще сице (Римл. зач. 114): «Вѣмъ и извѣщенъ есмь о Христѣ Иисусѣ, яко ни что же скверно само собою, точію помышляющему что скверно быти, оному скверно есть.» И паки (Тим. зач. 301): «Вся убо чиста чистымъ, оскверненнымъ же и невѣрнымъ ни что же чисто, но осквернися ихъ умъ и совѣсть.» Златоустъ: «Ни что же бо есть естествомъ нечисто, но отъ совѣсти пріемлющаго бываетъ нечисто, и ндѣже егда душа нечиста будетъ, вся нечиста непшуетъ быти; осквернися бо ихъ умъ и совѣсть. Бога исповѣдаютъ вѣдѣти, дѣлы же его отменяются, мерзцы суще и непокориви и на сяко дѣло благое не искусни.» Оле помраченнаго ума Θεοδοσιѣвыхъ, Христу глаголющу и Святымъ его: «Вся чиста;» они же: «Скверно, нечисто, помолитъся надобно, — дѣстовка!» Оле блядословія, смѣха преисполненна!

Показаніе 4-е. Обновленіе ереси еретиковъ Водопредстателей.

Еретицы Водопредстатели, или рещи оныя же Воздержники, отвращаются вина, мняще ѧ скверно быти, тѣмъ же и въ припошеніи безкровныя жертвы не вливаютъ вина.

Подобны же и Θεοδοσιѣвы и прочихъ Сосласіѣ, не за собственное спасеніе свое, но отъ самыя несправедливости, того гнушаются, въ нѣкое то оскверненіе вмѣняюще, и снмъ подражаютъ Водопредстателей оныхъ воздержныхъ, Церкви Соборной и Апостольской противники являются. Понеже Писаніе Святое не вино хулить, но пьянство, не питіе мѣрное, но безмѣрное, самое же то по себѣ вино хулити мерзко вмѣняти, твари Божіей досажденіе, о чемъ и правило Святыхъ Апостолъ (глава 16-я), предлагаю вамъ; глаголетъ бы Писаніе: «Властеріари суще, вина

да не піють, да не, упившися, забудуть премудрость и право судити не возмогутъ.» И ниже: «Се же рѣхомъ, не яко да не піють; еже бо не пити, досажденіе есть бывшей твари отъ Бога на веселіе, но да не упиваются. Не рече бо Писаніе не пити вина, но что рече: не пити вина въ піяństwo, и паки рече: терніе растеть въ руку пьяницы. Се же не о причетникахъ токмо рѣхомъ, но и всѣхъ Христіанѣхъ.» Доздѣ правило. Зри убо, каково средство сіе правило о винѣ положи и устави: ниже оно отрини и оскрачи, ниже въ немъ измѣшествовати остави, но мѣрное пріятіе введе, елико ко здравію и елико къ разгнанію мрачныхъ печалей. Еже бо отрѣвати и гнушатися вещи благословенныя, еретическо есть, а еже мѣру превосходити пріятіемъ тоя, клятвы достойно, мѣру же тоя вѣдати благословенно, и сіе ни во единомъ ищется винѣ, но и во всякой вещи, Богомъ благословенной. Тѣмъ же да слышать вси, яко сіе глаголю, не пьяństwo вводя, ниже въ винное питіе кого принуждаю, но да не будетъ въ насъ оный еретическій недугъ, да, невѣжества нѣкоего ради, впадемъ въ злоумное воздержаніе, чesого ради злохульни и Богомъ отвержени явимся. Благо убо во истину и похваламъ достойно, аще кто, своего ради спасенія, не ястъ мяса и не піють вина, не вибѣняючи оскверненія; аще ли же сихъ не ясти и не пити, вибѣняючи тѣхъ естествомъ скверны быти и глаголати о нихъ: «Не коснися, не вкуси, ниже осяжи, да не осквернишися!» сіе утѣствованіе не есть Православнаго ученія, но оныхъ еретиковъ, иже не точію мясо, но и вино, глаголють быти нечисто и отметно: таковы бяху Манихеи, о нихъ же пишетъ Августинъ въ ереси 46, таковы суть и нынѣ Магометане, и нынѣ нововозникшіе Раскольщики, на которыхъ Павелъ изощренно глаголетъ (Томъ 254): «яко въ послѣднія времена отступятъ нѣщыи отъ Вѣры, внеслюще духовомъ лестчымъ и ученіемъ бѣсовскимъ.» О Манихеехъ, и Енкратитахъ, и Маркіанитахъ, сице Апостолъ глагола; тѣмъ же святая Церковь Православная съ Павломъ Апостоломъ ни что же исповѣдуетъ отметно, съ благодареніемъ пріемлемо, человекъ же гнушающагося вина, или мяса, или брака, яко еретика, отмещуть по 21-му правилу Апостольскому, сице глаголющему (Коринч. листъ 310): «Всякъ причетникъ и мірскій человекъ вина, или мяса, или брака, гнушающа, аще токмо не воздержанія ради, аще не исправится, отверженъ.»

Показаніе 5-ое. Обновленіе ереси древнихъ еретиковъ въ
бракъ.

Здѣ показати настоятъ не о новыхъ еще бракахъ, но о тѣхъ, кои, прежде познанія, внѣшнее браковѣнчаніе воспріимше, отъ него же Θεодосіевы и подобніи имъ поткнушася и падоша, яко же и древніе еретицы, о нихъ же Духъ Святый явственню предглаголетъ (1 Тим. зач. 284), «яко въ послѣднія времена отступятъ нѣцыи отъ Вѣры, внемлюще духовомъ лестчымъ и ученіемъ бѣсовскимъ, возбраняющихъ женитися, удалятися отъ брашенъ,» и проч. Сіе предглаголаніе Духа Святаго прежде исполнися на еретикахъ Гностикахъ, тоже на Маркіанѣхъ, на Монтанѣ, на Тертуліанѣ, на Манихеяхъ, на Мессалианѣхъ, на Евстаѳіанѣхъ, послѣдовательнѣе же коснеся и Западныя Страны, аще и инѣмъ образомъ: сіи вси на тайну брака воополчидася и разводы въ браковѣнчанныхъ уставивша, и лучше виѣниша наложницъ имѣти, нежели браковѣнчаніемъ сопрягидася женѣ, а наиболѣе Манихеи въ томъ утвердидася. Объ Евстаѳіи же ересеначальникъ пишется, яко «бѣше великаго житія инокъ и могій иноческое любомудріе прочимъ уставити, и опасно общежительное благочиніе рзчиняти тако, яко и многихъ отъ блудящихъ мужей и женъ на цѣломудренное житіе преложити; но, зане не имяше хитрости, ниже изученъ бѣше тоя, прииде въ сіе, да, хотящій спастися, браковѣнчанія разводъ сотворятъ, и внимающіи его ученію мнози мужіе жены, а жены мужей, разлучахуся. желающе чисто жити, и потомъ страсти естественныя не терпяще, въ блуды и въ прелюбодѣянія впадоша. Обаче и тако сущимъ имъ, съ браковѣнчанными не' ядяху, не піяху, ни къ молитвѣ приобщахуся. Увѣдано же бысть сіе во иныхъ Церквахъ. Ближніи убо Епископи, собравшеся на нихъ, и чуждыхъ Святыя Церкви сотвориша, и 19 правилъ изложивша, по тако умствующихъ, отъ нихъ же нѣкая здѣ предлагаемъ; Собора иже въ Гангрѣ, правило 19-е: «Аще кто дѣвствуетъ или воздержитсѣ, яко же се мерзокъ творя бракъ, яко гнусна отшедъ, и не доброты ради и святаго дѣвственнаго пребыванія, да будетъ проклятъ.» Того же правило 12-е: «Аже которая жена оставляетъ мужа и отъити хочеть, гнушающися брака, да будетъ проклята.»

Что убо на сіе рекуть Θεодосіева Сogласія и подобніи имъ, навѣтницы браковъ и похвальницы подложницъ? Ибо мнѣ здѣ о тѣхъ есть слово, кои до познанія браковѣнчашася, иже тѣ обѣтами обязуютъ, или разводять; но Павелъ Еллинскіе браки воспрія, а не расторже. Іоаннъ Богословъ, егда дщерь Мирону крести, потомъ посла ю въ домъ мужа: (чти Житіе его Сентября 26-го). Что же Павелъ о семъ Коринѣяномъ глаголетъ (1 Кор. зач. 136), услышимъ: «а оженившимся завѣщаваю не азъ, но Господь: женѣ отъ мужа не разлучатися, и прочимъ же азъ глаголю, а не Господь, аще который братъ имать жену невѣрну, и та благовольтъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея; и жена аще имать мужа невѣрна, и той благовольтъ жити съ нею, да не оставляетъ его. Святить бо ся мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ, и святится жена невѣрна о мужи вѣрнѣ; иначе бо чада ваша нечиста были бы, нынѣ же свята суть.» Доздѣ Апостолъ. Да постыдятся вси ненавистницы браковъ, иже, мерзящеся на бракъ, не хотятъ младенцы родственные крестити, да не осквернятъ матери крещеніе младенцевъ. Вонмите убо, что Апостолъ здѣ, отъ Еллинъ приступающихъ, глаголетъ: «жена идолослужительница, а мужъ во Христа вѣрнъ»: како Апостолъ чадо ихъ нарицаетъ свято; или Апостолъ не вня, яко рожденное дѣтище хочетъ мать идолослужительница по крещеніи питати, и како тое наречетъ свято отъ нечистые питаемо? Колико бо здѣ различіе между сея и иныя жены, коея вы опасны, да не осквернитъ младенца крещеннаго вами: ибо сія идолослужительница, оная же во Христа вѣрная, а имущая въ томъ многую опасность, неже идолослужительница, а наипаче сія и не требуетъ дѣтищу крещенія, оная же съ Вѣрою проситъ того. Но у васъ что? Вѣрная жена пріимше дѣтище, вами крещенное, осквернитъ. Павелъ же и невѣрной матери, питающей дѣтище, не мнитъ скверну нѣкую подати, и мнится, яко Апостольское крещеніе сильнѣйши вашего, яко и нечистыя матери не опасно. Зрите ли, въ колікія вы бабѣи басни своимъ мнѣніемъ пріидосте, яко и писати срамно? Вы же въ семъ студномъ ученіи и хвалитесь. О нечувствія вашего и окаменѣнія! И кто васъ не окаетъ, яко въ толикія дебри заблудивше, и въ той путь ходите, его же ни Христосъ, ни Апостолъ, ни вся Святая Церковь, показа! Христосъ женѣ отъ мужа не повелѣ разлучатися, вы же разлучаете мужа отъ жены, а жену отъ мужа. Апостоли вѣр-

ное лице обращающагося къ невѣрной еще привязуютъ, вы же обращенныхъ къ вамъ развязуете. Святая Соборная Церковь отъ еретикъ обращенныхъ сопряженія не распрягаетъ, вы же не рѣшаемые союзы развязуете и своевольно по міру сему влачитися отпускаете. И нѣсть ли се яственнаго обновленія дѣля оныхъ Евстаѣянъ? ибо жены законныя блудницами устрояюще.

Показаніе 6-ое. О новыхъ бракахъ.

Святая убо Церковь еще не предаетъ Правовѣрнымъ, чтобы во Внѣшнихъ браковѣнчаться, обаче случившіяся таковыя браки не отрѣваше, ни расторгалъ, ни повторяше своимъ вѣнчаніемъ, о чемъ правила Святыхъ Соборовъ и вси Церковніи исторіи и обычаи Святиа Апостольскія Церкви свидѣтельствуя.

Ѳеодосіева же Согласія рабы и подобни имъ всѣмъ онымъ правиламъ Святыхъ Соборовъ, всѣмъ исторіямъ и всему обычаю Святиа Церкви, вопреки сташа: нарицають сіи новыя браки блуднымъ сшествіемъ, но и злѣйше; понеже имъ подложницы не такъ противны, яко же пріавшимъ браковѣнчаніе, подражающе Римскаго Костела ученію, въ немъ же еще и не весьма явѣ, обаче предается: лучше есть, рече, Попу имѣти сто наложницъ, нежели едину браковѣнчанную жену (Книга о вѣрѣ, Московск. печати, глава 28-я, листь 250-й). А у Манихеевъ то быше и всенародный законъ коемуждо подложницу, а не браковѣнчанную жену, имѣти. Тѣмъ же и повелѣно быше всѣмъ, доколѣ хочетъ, ю держити, а не хочетъ имѣти, отпускаетъ. Таково подражаніе и у Ѳеодосіевыхъ: бракъ не въ бракъ, но блудное сшествіе, подложницу держать ненадежно, браки аки блудныхъ разводятъ; подложницъ, аки закономъ необузданныхъ, премѣняютъ. И нынѣ сей ю имѣ, спастися восхотѣвъ, оставляетъ. Другіи предъ очима его поемлетъ ю, оный же во спасенную ограду вшедъ, не имѣя оныя подложницы ни для употребленія домовнаго, пріемлетъ себѣ нѣкую дѣвицу, или юную нѣкую подложницу бывшую, жити Бога ради. Что же подъ симъ покрываломъ творится, срамъ есть писати, а наипаче, егда о самыхъ бракахъ, о согласіи юношей ихъ и дочерей глаголати, злѣйшій студъ обрѣтается; ибо дѣти ихъ вѣдаютъ извѣстно, что родители превозростшихъ

ихъ браhochиновно не совокупятъ, сынъ самъ о невѣстѣ, а дочь сама о женихѣ, промышляютъ, и тако о себѣ промышляюще, едино изъ трехъ бываетъ: или довольно время прежде блудити, также связавшесѣ браковѣнчатися, или подъ именемъ браковѣнчанія такъ жити, или странно чрезъ сходника нѣкоего убѣгомъ брачнѣ съ нѣкимъ чуждымъ и непристойнымъ лицомъ совокупитися: кое дѣло Мордоскаго превосходитъ злодѣйства! Что же сему вина? Безсовѣстное ихъ ученіе, имъ же добро хотящее быти, злѣ содѣловается; безъ воли бо родителей послѣдующая мужу блудница именуется; той же судъ правильный и на женищимся сынѣ безъ воли родителей святыми Архипастырьми положенъ есть. И сицевыя пакости подъ видомъ воздержанія, вси гнушающіеся браковъ, исполнены, въ коихъ дѣлѣ сокровенныхъ перо описати не можетъ, обаче сицеваго святаго воздержнаго согласія нѣкіе изъ насъ являются блажители, по сущей простотѣ своей, къ нимъ же съ Павломъ Апостоломъ печальный опытъ гласъ приличествуетъ изнести (2 Кор. зач. 191): «Боюся (рече), да не како, яко же змій Еву прелети лукавствомъ своимъ, такъ истлѣютъ и разумы ваша отъ простоты.» Аще бо и мы нынѣ многжды вамъ глаголемъ, и не вѣруете намъ, что же тогда будетъ, егда глаголы сіи умолкнуть? Тѣмъ же свидѣтельствую о сихъ Согласіяхъ предложенныхъ вамъ, яко аще и ревность имутъ тіи, но не по правому разуму: не разумѣюще бо Божію правду, и свою правду ищуще поставити, правдѣ Божіей не повинуются. Но сіе ли въ расчетъ брать намъ, яко воздержаніе веліе имутъ? Того ради, по свидѣтельству моея совѣсти, показанія сія предложихъ вамъ, яко воздержаніемъ своимъ неразсмотрительнымъ, тіи многихъ еретиковъ ереси обновивша, о нихъ же въ показаніяхъ сихъ явихъ вамъ.

Подтверждаетъ же ми сія и Златоустъ на отрѣвующія браки, глаголя (Бесѣды листъ 2164-й): «Сія еретическаго суть ученія, сія вводящихъ блудницы.» Сего ради очистити того хочу, во еже на свое благородіе возвести, дабы еретиковъ заградити уста. Удивляюсь азъ во истину симъ людямъ, каково ожесточенно обыкновеніе свое имутъ, яко толикія хулы народныя на ся дѣлы своими и ученіемъ влекутъ, и такого срамнаго стыда не чувствуютъ слышать, яко отрѣвати браки, и прочая предпоказанная

дѣла творить наука есть древнихъ еретиковъ, и не тщатся разума правильного о томъ въискати и извинутися того подобенства еретическаго. По что не ревнують онѣмъ Берейцамъ, кои, слышавше проповѣдь Павлову, «по вся дни разсуждающе ту, аще тако суть глаголемая Павломъ,» или сія то суть ихъ надежда спасенія. (Дѣяній зач. 39). Святіи Отцы и Архипастыри церковніи иначе твориху: увѣдано бо бысть въ Римѣ, яко Гностики въ студномъ своемъ собраніи, за студная ихъ дѣла, престолы своя покрываху; того ради не повелѣ Папа престолы своя покрывати. Такожѣ Восточная Церковь позна время беззаконнаго поста у Арменъ, вопреки тѣхъ, разрѣши Среду и Пятокъ разрѣшати; того же ради 1-й Вселенскій Соборъ, не купно си съ Жидами, но послѣ, Пасху праздновати устави. Бароній пишетъ (дѣто Господне 563): «яко нѣцыи Іереи во Ишпаніи мясъ не ядяху, но дабы въ подозрѣніи въ ереси Приміасіанистовъ не были, повелѣша соборнѣ имъ съ зеліемъ мало мяса вкушати, толь опасны (и о васъ сіе), яко и подозрѣнія терпѣти не можаху, но токмо взиряюще тамо, идѣже горить, или тамо, идѣже мало дыма является.» Доздѣ Бароній.

Зрите ли, коликая опасность бѣше Свѣтыя Церкви отъ еретиковъ? ибо вся дѣла ихъ вопреки поставляше, да безпорочна предъ всѣми явится, ни единого дѣла еретическаго имущи. Подобало бы и симъ ревновати обычаю Свѣтыя Церкви, и вся вопреки творити еретикомъ, а наипаче и правила и обычаи свѣтыя о томъ имуще.

Окончѣвъ убо показанія, се обращаю слово мое ко братіи нашей:

Хвалю убо разумъ вашъ, яко далече отстоите своевольныхъ оныхъ подражаній, и въ томъ собраніи свое непорочно имате. Зазираю же вы, яко образа добродѣтельнаго въ житіи не сохраняете, по чему бы собраніе наше и ваше предъ Внѣшними прославити могло Бога. Павелъ бо Апостолъ учитъ насъ, тако глаголя (1 Кор. 147): «не преткновени бывайте Іудеємъ и Еллиномъ и церкви Божіей.» Но малое ли то претыканіе Внѣшнимъ, егда тѣи жительствуютъ добрѣ, аще внутренними развращени, мене же аще слышите человека и правыхъ догматъ, но видите житіе растлѣнно

ищуца и благочестія Христіанскаго лишена, чему поревнуете? Како прославите? Къ чему приступите? Что же пользуется и Церковь? Но не аки ли корабль волнами біемъ внутренними помышленіи и потопляемъ сомніи? Не Бога ли възыщеть сихъ всѣхъ на таковыхъ? ибо повреждаяй совѣсть брата своего, въ того самаго Христа согрѣшаетъ. Блюдите, да не како власть ваша преткновеніе будетъ немощнымъ (Рим. зач. 113): добро не ясти мясъ, не пити вина, ни о немъ же братъ твой претыкается, или изнемогаетъ; иѣсть ли се соблазнить, или изнеможеніе совѣсти немощныя брата, аще видитъ тя упивающуюся и безчинно ходяща и возлежаща въ корчемницахъ, и ина стыда исполнена дѣла творяща, и Внѣшнимъ смѣхъ и руганіе составляющая? Страшенъ по истинѣ судъ Божій на таковыя (Матѣ. зач. 74): «Иже аще соблазнить единого малыхъ сихъ вѣрующихъ въ мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй.» Что насъ пользуется, яко Православными именуемся и еретическихъ догматъ ненавидимъ, и тѣми еретики гнушаемся, а сами еретически живемъ? Не надѣйся ни кто на словеса лжива, глаголюща: «Храмъ Господень, храмъ Господень, храмъ Господень!» Всеу Православными наречемся, егда тако живемъ и творимъ. Тѣмъ же молитъ васъ Апостолъ Павелъ (Римл. зач. 112): «Отложше убо дѣла темная, облечемся во оружіе свѣта, яко во дни благообразно да ходимъ: не козлогласованіи и пїанствы, не любодѣянїи и студодѣянїи, не рвенїемъ и завистию, но облечемся Господемъ нашимъ,» Ісусомъ Христомъ. И (къ Солун. зач. 273): «Молимъ же вы, братіе, вразумляйте безчинныя, утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всѣмъ, не оставляюще своихъ собраний, но другъ друга въ то подвизающе, пребывайте, и Богъ мира посѣтитъ вы.» Аминь.

XVIII.

ЗАБЛУЖДЕНІЯ ОКОДОСІАНЪ, ФИЛИППОВЫХЪ И АРИСТОВА СОГЛАСІЯ.

Сочиненіе

Павла Онуфріева Любопытнаго.

1. Что зломудренно отвергають въ мірѣ вѣчность брачнаго бытія.

2. Злочестиво вѣрують, дабы не молить Бога о благоденствіи Внѣшнихъ.

3. Брачное существованіе, бѣснуясь, не исповѣдуютъ Божию опредѣленіемъ въ мірѣ.

3. Промысль Всевышняго о продолженіи челоуѣчества, не истовствуя, признають быть общимъ духомъ сатаны и всѣхъ нечестивцовъ.

5. Духъ Святый и всю Христову Церковь, утверждающія въ мірѣ вѣчность брака, злохульствуютъ своими адскими устами ярмомъ сатанинской проповѣди.

6. Священныя остатки древней Евхаристіи, нечистивствуя, не вѣрують быть истинною и богомерзко уничтожаютъ ее.

7. При святыхъ мощахъ и чудотворныхъ образахъ, находящихся у Внѣшнихъ, богохульствуя, не вѣрують быть при нихъ существующей благодати.

8. Въ промысль о мірѣ вводятъ нечестиво два начала, первое управляетъ Христовою Церковію, а послѣднее Внѣшними.

9. Зломудрствуя, исповѣдуютъ, что исполненіе отпадшаго лика будетъ изъ числа приходящихъ къ Правовѣрію, а не собственно изъ Христовой Церкви.

10. Таинство законнаго брака нечестиво вѣрують быть въ церкви Антихриста.

11. Богомерзко суемудрствуютъ, что въ мірѣ бытіе брака устроено отъ Всевышняго для насыщенія страстей, а не для до-
ношенія отпадшей Денницы чина.

12. Богохульно злохульствуютъ, что благодать Святаго Духа оскудѣваетъ.

12. Нечестивствуютъ, что образъ міра сего существуетъ нынѣ въ иныхъ законахъ естества.

14. Развращенно вѣруютъ, что растлѣнность дѣвства блудомъ паки раждается покаяніемъ дѣвства и дѣвственный вѣнецъ заслуживаетъ отъ Бога.

15. Святаго Пророка Іереміи 29 главу зломудренно по еретически не признаютъ богодухновенной.

16. Безумно вѣруютъ, въ бракѣ быть существо вѣнчаніе, а не вѣчной обѣтъ брачующихся.

17. Литеральный смыслъ Святаго Писанія нечестиво развращаютъ и облакаютъ его въ иносказательный образъ мыслей.

18. Церковь Христову, признающую бытіе истинное брака, сквернословно и безбожно, во всѣхъ обстоятельствахъ, по еретически ругаютъ и поносятъ.

19. Чрезъ совокупные знаки Христіанства со Внѣшними исповѣдывать воскресшаго Христа вѣруютъ суевѣрно быть нечестіемъ.

20. Посредствомъ тропаря, кондака, и проч. признаютъ ослѣпленные Антихристово сонмище Православнымъ, благочестивымъ Христолюбивымъ и проч.

21. Въ отношеніи супружескаго союза въ разныхъ родахъ продолжали свой нечестивый законъ.

22. Уважая нечестиво скверныхъ Циникъ, и лобызая мерзкое Николанство, слѣдуютъ ихъ стопамъ.

23. Пребывая долговременно во многихъ заблужденіяхъ, и оставя ихъ предъ Христовою Церковію, не извинялись и не хотятъ чистосердечно раскаяться.

24. Въ разныхъ обычаяхъ, нѣкоторыхъ дѣяніяхъ и довольныхъ концахъ, многое суемудренно умствуютъ.

XIX.

ЗАМѢТКИ.

Изложивъ, съ возможною краткостію, очеркъ Монинскаго Согла-сія, не безполезнымъ находимъ указать на обрядности Старообрядцевъ Безпоповцевъ, совершаемыя при бракосочетаніи, которыя установлены въ Новопоморскомъ, такъ называемомъ, Монинскомъ Согласіи, и сличить оныя съ обрядностями Молоканъ, наблюдаемыми при совершеніи ихъ браковъ.

Съ исхода XVIII вѣка и въ началѣ нашего столѣтія Безпоповцы ожесточенныя вели прѣнія межъ собою, преимущественно Преображенцы-Филипповцы съ Поморцами о введеніи брачной жизни у Безпоповцевъ. Съ той и съ и другой стороны много было потрачено труда и красноглаголанія за и противъ брака, а плодомъ отъ таковой борьбы за брачную жизнь, было то, что нѣкоторые изъ суровыхъ послѣдователей Ковылинскаго Толка отдѣлились и образовали изъ себя особый разрядъ людей, на ученіи приѣмлющихъ бракъ. Во главѣ этѣхъ послѣднихъ былъ своего рода преобразователь у Безпоповцевъ, Гавріилъ Ларіоновичъ Скачковъ. Онъ, бывши самъ истымъ Θεодосіевцемъ, благодаря усиленному труду и дѣятельности своей на пользу Старообрядства, дошелъ до того разумѣнія, что постепенно сознавалъ ложное ученіе Θεодосіевцевъ о безбрачїи, отдѣлился отъ нихъ и сталъ карающимъ бичомъ Іліи Ковылина и его послѣдователей. Старожилы говорятъ, что Ковылинъ, при всемъ могуществѣ своемъ въ свое время, говаривалъ нерѣдко съ горестью: «Нѣтъ у меня злѣе и опаснѣе врага Гаврюшки Скачкова.» Разсматривая собственноручныя письма и писанія Ковылина и Скачкова, мы должны замѣтить, что Ілья Алексѣевичъ не ошибался въ опасности своего врага, Гавриила Ларіоновича. Съ отпаденіемъ Скачкова отъ Θεодосіевскаго безбрачнаго толка, день ото дня рѣдѣла община Преображенскаго кладбища, такъ какъ люди съ болѣе развитымъ и здравымъ умомъ послѣдовали въ Новопоморское Согласіе, за своимъ учителемъ, Скачковымъ, принявшимъ въ основное ученіе, какъ священное таинство, брачную жизнь. Для переходящихъ изъ Θεодосіевщины и Филипповщины въ новое Согла-

сіе, Скачковъ написалъ особыя, какъ мы видѣли, правила; къ одному изъ нихъ, именно Уставу, Павломъ Любопытнымъ сочиненъ обрядъ для жениха и невѣсты, гдѣ съ подробностію описывается приготовленіе новобрачной четы, смотрины и тѣ обрядности, которыя не извѣстны не только намъ, «Внѣшнимъ» (какъ называютъ насъ Старообрядцы), но большею частію и самимъ Старообрядцамъ не ихъ Согласія. Я собралъ по возможности всѣ документы и сочиненія Скачкова и его послѣдователей, также письма и сочиненія Ильи Ковылина и другихъ Безпоповцевъ обоихъ Согласій, Новоморцевъ и Θεодосіевцевъ. По сему, думаю, не бесполезно сличить правила и обрядности касательно брачной жизни, изложенныя Скачковымъ для своихъ послѣдователей, съ Молоканскими. Скачковское сочиненіе можетъ оказать немалую пользу самому Расколу, а именно тѣмъ самимъ, кои отрицаютъ бракъ и моленіе за предержавшую власть. Брачный обрядъ Духовныхъ Христіанъ или Молоканъ, предлагаемый нами тутъ, для изслѣдователя-историка вообще Раскола въ Россіи можетъ быть богатымъ матеріаломъ касательно брачной жизни сектантовъ и ихъ бытовой стороны, построенной на религіозной почвѣ и занесенной съ Запада. Историкъ-изслѣдователь, сличивъ Брачный уставъ Скачкова и Молитвословія при совершеніи брака у Молоканъ съ ученіемъ Протестантовъ о бракѣ и обязанностяхъ брачащихся, спроситъ: кто и отъ кого заимствовалъ брачныя молитвословія (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Св. Писанія весьма сходныя между собою), Молокане ли у Безпоповцевъ, или Безпоповцы, подобные Скачкову, у Молоканъ, между тѣмъ какъ Молоканы, по ученію, отъ Безпоповцевъ и на оборотъ, Безпоповцы отъ Молоканъ, стоятъ весьма далеко другъ отъ друга? Не привела ли въ этомъ случаѣ тѣхъ и другихъ такъ близко другъ къ другу семейная, брачная жизнь? Словомъ, предлагаемые нами матеріалы не будутъ лишними и для тѣхъ, кого занимаетъ гражданско-духовный бракъ въ нашемъ Расколѣ, для нѣкоторыхъ Согласій отчасти признанный и самимъ Правительствомъ. Для повѣрки нашихъ словъ мы просимъ обратить вниманіе на помѣщенное нами въ заключеніе всего разбирательства у Мироваго Судьи Лефортовской Части, невѣнчанныхъ женъ съ мужьями Θεодосіевскаго Безбрачнаго Толка, и вообще на наши Записки для Безпоповцевъ Преображенскаго кладбища.

1.

БРАЧНЫЙ ОБРЯДЪ

ДУХОВНЫХЪ ХРИСТИАНЪ ИЛИ МОЛОКАНЪ.

Мы не будемъ входить сдѣсь въ подробности бытовой и вѣроисповѣдной стороны Молоканъ Самарской Губерніи, но постараемся изложить вкратцѣ ихъ обрядности брачащихся.

Проживающій въ селѣ, или деревнѣ, Молоканинъ прежде всего избираетъ себѣ по сердцу женщину, или дѣвицу, съ которою, по обоюдному согласію, пожелаетъ сойтись на сожителство. Тогда женихъ, въ день своего сочетанія съ невѣстою, разодѣнется въ лучшее, приличное своему званію, платье, и съ окончаніемъ, сосѣди, домашніе: мать, отецъ, сестры и прочіе, передъ отпускомъ жениха за невѣстою, всѣ купно поютъ: «Живыи въ помощи Вышняго» (Псал. 90), послѣ коего тоже псаломъ: «Се нынѣ благословите Господа вси раби Господни» и проч. (Пс. 133).

По окончаніи пѣнія и славословія женихъ, при окружающихъ его, кланяется земно въ ноги своему отцу и матери; если же таковыхъ нѣтъ въ живыхъ, то кому либо изъ своихъ старѣйшинъ, и просить отъ нихъ благословенія на брачную жизнь; въ это время сказывается имя невѣсты, ея лѣта, родство и проч. Благословляющіе, съ торжественнымъ возложеніемъ рукъ, произносятъ слѣдующее: «Буди, чадо наше, благословенъ Богомъ Вышнимъ, да благословитъ тя Господь отъ Сіона, и узриши благая Іерусалима, и узриши сыны сыновъ твоихъ: миръ на Израиля»..... За тѣмъ женихъ, со всѣми своими и сосѣдами, переходитъ въ домъ, гдѣ находится его невѣста, куда уже къ бракосочетанію собирается все село, старыи и малыи. Лицо, совершающее обрядъ брачный, избирается изъ самыхъ старѣйшихъ межъ Молоканами, на обязанности коего дѣлать возгласы новобрачнымъ, предварительно поставя ихъ лицомъ къ лицу, передъ окружающими зрителями, съ вопросомъ: «Не родня ли они между собою? Имѣютъ ли совершенныя лѣта? Волею ли соединяются на брачную жизнь?» Получивъ удовлетворительный отвѣтъ на свои вопросы, старѣйшина произноситъ: «Во имя Отца, и Сына, и

Святаго Духа. Амины! Женихъ съ невѣстою, падая въ ноги старѣйшинѣ и предстоящему народу, говорятъ: «Мы такіе-то (упомянутая свои имена), рабы Бога живаго, общаемся и клянемся предъ Всемогущимъ Богомъ и предъ святымъ его Евангеліемъ, и передъ святою его Церковью, что, по повелѣнію Божию, желаемъ совокупиться законнымъ бракомъ, по благословенію и согласію нашихъ родителей и по собственному нашему желанію, съ тѣмъ, чтобъ безъ нарушенія Божіихъ заповѣдей, и между нами наблюдаена бы была вѣрность и ложе нескверно, удалитися отъ блуда и прелюбодѣйства до скончанія нашей жизни.» За тѣмъ женихъ, обращаясь къ невѣстѣ и присутствующимъ, произноситъ громко: «Не пойму жены иныя, кромѣ сѣя, юже поемлю.» Тѣмъ же порядкомъ невѣста отвѣчаетъ: «Не буду имѣть инаго мужа, кромѣ сего, за него же посягаю.» Старѣйшина съ предстоящимъ народомъ, какъ свидѣтели сихъ словъ, произносятъ въ одинъ голосъ: «Реченная обоухъ, въ заключеніе нашего общанія, полагаемъ вѣрность и истину во вѣки. Амины!» Старѣйшина заканчиваетъ слѣдующими словами: «Слышите, мужіе, общаніе ихъ!» повторяя ихъ трижды. За тѣмъ, если живъ невѣсты отецъ, выходитъ на средину, взявъ дочь свою за правую руку, и подводитъ ее къ жениху со словами: «Се вдаю дочь мою тебѣ въ жену. Се, по повелѣнію закона Божія, пойми ю и отведи къ отцу твоему!»

Женихъ, кланяется земно отцу, и взявъ изъ его руки руку невѣсты, и кланяясь пояснымъ поклономъ всему собранію, старѣйшина же начинаетъ читать изреченія изъ Пророчествъ и Апостола, предварительно сказавъ отъ себя, въ видѣ вступленія, слѣдующее: «Богомъ благословенны мужъ и супруга! Слышите сія и разумѣйте Божественное Писаніе: домъ и имѣніе раздѣляютъ отцы чадамъ. Отъ Господа сочetaвается жена мужу.» Чтеніе продолжается въ такомъ порядкѣ изъ Божественныхъ книгъ: «Отъ начала же созданія мужа и жену сотворилъ я естъ Богъ. Сего ради оставилъ челоуѣкъ отца своего и матеръ, и прилѣпится къ женѣ своей, и будета оба въ плоть едину. Еже убо Богъ сочета, челоуѣкъ да не разлучаетъ; тѣмъ же уже нѣста два, но плоть единая» (Еванг. Св. Марка, глава 10-я, отъ стиха 9-го до 9-го). За тѣмъ рекутся слова Апостола: «Или не разу-

мѣете, братіе; вѣдущимъ бо законъ глаголю: яко законъ обладаетъ надъ человѣкомъ, во елико время живетъ. Ибо мужатая жена живу мужу привязана есть закономъ; аще-ли же умретъ мужъ ея, разрѣшится отъ закона мужскаго. Тѣмже убо, живу сущу мужу, прелюбодѣйца бываетъ, аще будетъ мужеви иному; аще ли умретъ мужъ ея, свободна есть отъ закона, не быти ей прелюбодѣйцѣ, бывшей иному» (Римляномъ глава 7-я отъ ст. 1-го по 4-й). За тѣмъ старѣйшина переноситъ священнословіе къ посланію того же Апостола Павла къ Ефесеомъ (изъ главы 5-й отъ стиха 5-го до 33-го), до окончанія словъ: «а жена да боится своего мужа.» Молитвословіе переносится къ соборному посланію Св. Апостола Петра: «Тако бо иногда и святыя жены, уповающыя на Бога, украшаху себе, повинующеся своимъ мужемъ, яко же Сарра послушаше Авраама, господина того зовущи, ея же бысте чада, благотворяще и не боящися ни единого страха. Мужіе такожде, вкупѣ живуще съ своими женами по разуму, яко немощнѣйшу сосуду женскому воздающе честь, яко и снаслѣдницы благодатныя жизни, во еже не прекращатися молитвамъ вашимъ» (гл. 3-я отъ ст. 5-го до 8-го).

Съ окончаніемъ славословія женихъ и невѣста кланяются всему собранію и начинаютъ читать молитвы, начиная такъ: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь! И молитву: «Отче нашъ;» и изъ Псалма: «Помяни насъ, Господи, во благоволеніи людей твоихъ, посѣти насъ спасеніемъ твоимъ» (Псал. 105, ст. 4), и 50-й Псаломъ: «Помилуй мя, Боже;» за тѣмъ молитву: Товія (глава 8-я, стихъ 5-й): «Благословенъ еси, Боже, отецъ нашихъ, и благословенно имя твое святое и славное во вѣки. Да благословятъ тя небеса и вся созданія твоя. Ты сотворилъ еси Адама, и далъ еси ему помощницу Еву, утвержденіе жену его. Отъ тѣхъ родися человѣческое сѣмя. Ты реклъ еси: не добро быти человѣку единому, сотворимъ ему помощницу, подобную ему! И нынѣ, Господи, не блудодѣянія ради азъ поемлю сестру мою сію (поемлются оба сія между собою), но по истинѣ. Повели помилованну имъ быти и съ нею вкупѣ состарѣтися.» Кн. Товія (гл. 8-я, ст. 5—8, и со стиха 15-го): «Благословенъ еси ты, Боже, во всякомъ благословеніи чистомъ и святомъ; и да благословятъ тя святіи твои, и вся созданія твоя и вси

Ангели твои, и избранніи твои, да благословятъ тя во вѣки; по многой милости твоей сотвори съ ними, Господи; благословенъ еси, да помилуеши рабовъ Твоихъ (имя рекъ) и нынѣ сочетававшихся; сотвори имъ, Владыко, милость, и соверши животъ нашъ во здравіе съ веселіемъ. И милостію Твоею, спаси насъ, Господи, и помилуй. Аминь!» Съ окончаніемъ оныхъ молитвъ, женихъ кланяется земно въ ноги невѣстину отцу и матери, прося благословенія отъ нихъ на брачную жизнь. Родители новобрачной произносятъ по порядку, начиная съ отца, благословеніе свое, такими словами: «Буди, чады наши, благословены Богомъ Вышнимъ. Да благословитъ васъ Господь отъ Сіона, и узрите благая Іерусалима, и узрите сыны сыновъ вашихъ, миръ на Израиля да почіетъ на главахъ вашихъ во вѣки. Аминь.» За тѣмъ мать невѣсты, или какая либо изъ пожилыхъ женщинъ приступаетъ къ обрядностямъ: повязываетъ голову четы новобрачной темнымъ платкомъ, какъ это носятъ замужнія женщины. Во время этой обрядности все собраніе присутствующихъ начинаетъ пѣть Псаломъ 102-й: «Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя,» и проч. Тѣмъ и заканчивается бракосочетаніе у Молоканъ. По окончаніи, новобрачныхъ вводятъ въ домъ жениха, и снова общимъ собраніемъ принимаются за пѣніе, начиная: «Радуйтесь всегда о Господѣ, и паки реку: радуйтесь! Кротость ваша разумна да будетъ всѣмъ человѣкомъ. Господь близъ. Ни о чемъ же печетесь» и проч. (Филип. глав. 4-я, отъ 4-го до 10-го ст.). Въ заключеніе всего новобрачные просятъ гостей и родныхъ къ столу. При этомъ угощеніе у Молоканъ происходитъ безъ вина и пива, довольствуясь одними сладкими приносами: медомъ, конфектами и другими закусками.

Изложивъ въ краткихъ чертахъ обрядности брачныя Молоканъ, не лишнимъ находимъ указать и на обязанности брачащихся между собою и въ отношеніи своего общества.

Сколько извѣстно, ученіе Молоканъ построено на социальныхъ теоріяхъ; религіозное вѣрованіе ихъ видимо основано на отсутствіи сложныхъ обрядностей, такъ что Молокане, во всѣхъ своихъ богомоленіяхъ, стараются вести свои богоелуженія обща, купно; старѣйшина ихъ играетъ въ этомъ случаѣ только

роль починателя, но не болѣе. Всѣ ихъ общественныя дѣла, а равно и богомоленія, управляются и ведутся сообща, соборнѣ. И такимъ образомъ самый бракъ Молоканъ, точно какъ и его обрядности, описанныя нами выше, построены на общихъ началахъ равенства человѣка, какъ мужескаго, такъ и женскаго, пола. И хотя у Молоканъ бракъ въ дѣйствительности не введенъ въ ученіе Таинства, но на дѣлѣ признается священнымъ и обязательнымъ для брачащихся, какъ въ отношеніи супружеской вѣрности, такъ и въ отношеніи хозяйства и своего общества; впрочемъ, Молокане допускаютъ и разводъ брачный, но не иначе, какъ предварительно обсудивши, такъ сказать, соборнѣ, вину или причину семейнаго несогласія.

Сдѣсь укажемъ на ихъ постановленія въ отношеніи несогласныхъ, мужа, или жены, своего рода епитиміи. Если мужъ измѣнить женѣ своей, или оскорбить ее какимъ либо ругательнымъ словомъ, или же нанесетъ женѣ побой, то она немедленно заявляетъ о поступкахъ своего мужа своему обществу, черезъ его старѣйшину, отъ котораго и назначается, на первое же церковное собраніе, разбирательство виновнаго передъ своею общиною. По окончаніи богомоленія, избирается совѣтъ изъ престарѣлыхъ старцевъ, и заявляется жалоба обиженнаго, мужа, или жены. На судебномъ разбирательствѣ находится, въ качествѣ засѣдателей, адвокатовъ и судей, почти что цѣлое село, или извѣстный околотокъ изъ Молоканъ. На столѣ, въ видѣ Свода Законовъ, кладется Библія изданія Екатерининскаго времени, большаго формата. По выслушаніи жалобы отъ обиженнаго и оправданія противной стороны, старецъ принимается за изустное чтеніе Библейскихъ текстовъ, относящихся до семейной жизни и супружеской вѣрности: «Мужъ долженъ любить жену, какъ Христосъ возлюбилъ Церковь,» говоритъ старецъ; «а развѣ Христосъ оскорбляетъ свою Церковь? Союзъ между мужемъ и женою долженъ быть союзомъ любви, союзомъ духовнымъ. Любящій свою жену любитъ самого себя; зане преступникъ противъ заповѣди Господней тотъ мужъ, кой дурно обращается съ своею женою словомъ, или дѣломъ. Ибо какая можетъ быть любовь и согласіе у враждующихъ? Безъ любви и согласія жена не можетъ быть помощницею своему мужу, какъ завѣщано самимъ

Господомъ, а рабой для плотскаго, тѣлеснаго, только сожителства, понижающаго жену на степень безсловеснаго животнаго, и духъ и образъ подобія уничиженъ и обезчещенъ: зане не любовь соединяетъ узы сочетававшихся, а блудъ и прелюбодѣяніе.»

Такимъ образомъ, истощивши весь запасъ нравственнаго поученія враждующимъ, собраніе всѣми силами старается помирить несогласныхъ, и буде дѣло не дойдетъ до развода, то на нарушителей церковнаго мира отъ общины налагаются особыя наказанія, смотря по степени виновности каждаго. Виновный, въ видѣ епитиміи, проситъ передъ всѣми у обиженнаго прощенія, или общается снести отъ 10 до 40 дней строгій постъ, совершить щедрую милостыню, сдѣлать пожертвованія на обезпеченіе сиротъ и вдовъ своего округа, раскаяніе и прошеніе прощенія за оскорбленіе своего общества на молитвенномъ собраніи своихъ совѣрцевъ. Въ крайнемъ случаѣ, на виновнаго налагаются тяжкія наказанія, а именно: отлученіе отъ участія при общественномъ богомоленіи, на недѣлю, мѣсяцъ, полгода и годъ. Въ иныхъ случаяхъ, смотря по степени виновности, дозволяется присутствіе при молитвословіи общественномъ, но съ тѣмъ, чтобы обратясь стоять въ уголъ, къ стѣнѣ. Для нѣкоторыхъ бываетъ наказаніемъ и то, когда осуждаютъ преступнаго на лишеніе права братскаго привѣтствія при встрѣчахъ на улицѣ, и недозволеніе пѣть и читать Библію на общемъ братскомъ молитвословіи. Въ случаѣ развода мужа съ женою, имъ дозволяется вступить снова въ брачное сочетаніе по своему выбору. Иногда бываетъ и такъ: разведенные мужъ и жена вступаютъ въ сожителство съ новымъ лицомъ и, по прошествіи нѣкотораго времени, снова разводятся и соединяются по прежнему на брачную жизнь съ прежними мужьями, или женами; но этѣ случаи у Молоканъ бываютъ рѣдкостью, и за это виновные подвергаются строгому наказанію, изложенному нами выше.

Общія богомоленія у Молоканъ происходятъ гдѣ либо: въ лѣтнее время на гумнѣ, въ сараяхъ, а зимою въ домахъ.

2.

БЕЗБРАЧІЕ ОЕОДОСІЕВЦЕВЪ ВЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Перейдемъ отъ ученія Оеодосіевцевъ къ дѣйствительности. Какъ извѣстно, Согласіе Оеодосіевцевъ-Преображенцевъ проповѣдуетъ своимъ послѣдователямъ жизнь безбрачную. Посмотримъ, на сколько это, ученіе заняло мѣсто въ дѣйствительности.

2 Мая, 1867 года, происходило разбирательство въ Сѣздѣ Мировыхъ Судей 2 округа города Москвы. Черезъ повѣреннаго своего мѣщанка Марья Юдина, по Оеодосіевскому Согласію, обратилась съ кассационною жалобою на Мироваго Судью Лефортовскаго участка, Г. Данилова, за произведенное имъ разбирательство, по ея, Юдиной, жалобѣ на пасквильное письмо (съ угрозами лишить жизни), доставленное изъ дома бывшаго ея сожителя (по Преображенскому обряду), купца Игнатія Виноградова, солдаткою Марьей Дамьяновой. Въ сочиненіи пасквильнаго письма падаетъ сильное подозрѣніе со стороны Юдиной на новую сожительницу купца Игнатія Виноградова, Авдотью Яковлеву, сочтанную съ нимъ по тому же Преображенскому обряду. По чему Мировой Сѣздъ постановилъ: «Поручить произвести дополнительное изслѣдованіе уже Яузскому Мировому Судѣ, съ вызовомъ купца Игнатія Виноградова, названной его жены Авдотьи Яковлевой, и солдатки Марьи Демьяновой, за тѣмъ снова въ Засѣданіи Сѣзда доложить.»

Теперь обратимся къ жалобѣ того же купца, Игнатія Виноградова, на прежнюю свою сожительницу, Марью Юдину, и къ разбирательству у того же Мироваго Судьи, Г. Данилова; сущность жалобы купца Виноградова въ слѣдующемъ: «Я, купецъ Игнатій Виноградовъ, съ своею (названною) женою, Авдотьею Яковлевою, катался въ селѣ Черкизовѣ (Лефортовской Части) въ саняхъ, въ прошлое Воскресенье, на масляницѣ, сего 1867 года, 6 Февраля; въ это время, мѣщанка Марья Юрина (прежняя его сожительница по Преображенскому обряду) бросила мнѣ въ сани пятнадцатилѣтняго мальчика Павла съ словами: «Возьми, покатай и его! Вѣдь, онъ твой!»

По этому дѣлу происходило рѣзбирательство у него же, Г. Данилова, 31 Марта, также въ Маѣ и въ Іюнѣ того же года, и по приговору Г. Судьи Лефортовскаго участка Марья Юдина была присуждена къ двухнедѣльному аресту, или ста рублямъ штрафа.

Вообще съ перваго раза дѣло это само по себѣ не обѣщаетъ широкихъ послѣдствій, но внимательно всмотрясь въ обстоятельства жалобъ, какъ той, такъ и другой, сторонѣ, видно, что купецъ Игнатій Виноградовъ нѣкогда принадлежалъ къ Православной Церкви, какъ объ этомъ заявляетъ прежняя его сожительница по Преображенскому обряду, Марья Юдина, такъ какъ родные братья Игнатія Виноградова и до сего времени находятся въ нѣдрахъ Православія; но какими судьбами Виноградовъ и когда именно уклонился въ Расколъ Оеодосіевской, Юдина опредѣлить съ точностію не можетъ. Такъ ли, иначе, но Игнатій Виноградовъ уклонился въ Расколъ, чему неопровержимымъ доказательствомъ служатъ какъ его родные братья, рожденные въ Православіи, такъ и самыя Метрики. Если же купецъ Игнатій Виноградовъ не признаетъ своею женою по Преображенскому обряду сочетанную съ нимъ, Марью Юдину, то на какомъ основаніи онъ, какъ сектантъ безбрачнаго толка, не вѣнчанный ни въ какой церкви, и даже въ кладбищенской часовнѣ (гдѣ, какъ извѣстно, сектанты безбрачники брака не совершаютъ и не признаютъ его), признаетъ своею женою послѣднюю свою сожительницу, Авдотью Яковлеву? Правда, купецъ Игнатій Виноградовъ ссылается на какое-то заявленіе въ Канцеляріи Г. Московскаго Генералъ-Губернатора, отъ 8 Октября, 1866 года, утверждая, что черезъ подобныя заявленія сектанты по Преображенскому Согласію устанавливаются въ ихъ гражданскомъ бракѣ, т. е., бракъ ихъ признается, говоря словами самаго Игнатія Виноградова, по Высочайшему Манифесту дѣйствительнымъ и законнымъ. На вопросъ Г. Повѣреннаго Маріи Юдиной купцу Виноградову, какой это Манифестъ (?) подразумѣваетъ онъ въ свою пользу? Виноградовъ разъяснить этого вопроса не могъ, но заявлялъ только одно, что у нихъ, на кладбищѣ (Преображенскаго Толка), это всегда ведется такъ. Дальнѣйшихъ же подробностей этого гражданского бракосочетанія мы узнать не могли. Впрочемъ, купецъ Виноградовъ обѣщался Г. Лефортовскаго участка Миро-

вому Судѣ представить изъ Канцеляріи Губернатора болѣе удовлетворительныя свѣдѣнія по этому Θεодосіевскому безбрачному многоженству. *

Разскажемъ еще случай изъ недавняго времени, касательно сводныхъ гражданскихъ браковъ у Θεодосіевцевъ.

Въ послѣдній мясоѣдъ, передъ масляницу 1868 года, былъ совершенъ сводный бракъ нѣкоего Θεодосіевца Преображенскаго Толка, Сырцова, съ Московскою мѣщанкою, Пелагеею Михайловою, чрезъ одно родительское, или кого изъ старшихъ своего Толка, благословеніе. Пелагею Михайлову выдавала замужъ тоже Старовѣрка бабка, у коей Михайлова находилась на воспитаніи, какъ приемышъ. Въ приданое за невѣстою Сырцову было дано 300 руб. денегъ и нѣсколько ткацкихъ становъ, кромѣ извѣстнаго приданнаго, состоящаго изъ носильнаго платья и другихъ необходимыхъ вещей для невѣсты. Пелагея Михайлова прожила въ замужствѣ за Сырцовымъ съ масляницы по Θεмину недѣлю, и такъ какъ она находилась въ семьѣ свекрови, которая завѣдывала всѣмъ домомъ своего сына, мужа Михайловой, и, въ слѣдствіе какихъ-то житейскихъ расчетовъ, свекровь Сырцова начала тѣснить молодую Михайлову, то дѣло черезъ семейныя непріятности было доведено до развода мужа съ женою. Волею, неволею, Михайлова должна была покинуть слабохарактернаго своего, почти несовершеннолѣтняго, мужа Сырцова, и такимъ образомъ на Θεминой состоялся бразный разводъ при извѣстныхъ свѣдѣтеляхъ.

Изъ дѣла, происходившаго у Лефортовскаго Мироваго Судьи, а равно и изъ свѣдѣтельскихъ показаній, было видно, что Пелагея Михайлова, собирая всѣ свои приданные пожитки, три раза поклонилась своему мужу, по своему обряду, въ ноги, положила началъ передъ иконами, и за тѣмъ стала прощаться со своею свекровью и предстоящими свѣдѣтелями. При этомъ, довольно своеобразномъ и просгомъ, разводъ родственники и сама Михайлова неоднократно обращались къ свекрови Сырцовой за деньгами, данными за нею въ приданое, 300 руб. сер., и за ткацкими

* См. газету «Гласный Судъ,» за 1867 г., № 228.

станами. О первыхъ Сырцова мать отвѣчала, что деньги истрачены на свадьбу, а станы будутъ возвращены ей въ другое время.

Сдѣлка видимо была руководима опытною юридическою рукою, по тому что, какъ шли всѣ этѣ семейные переговоры, мать Сырцова составила особую росписку чрезъ кого-то изъ присутствующихъ, и при возвратѣ приданого Михайловой велѣла и ей подписать росписку, за нею подписались зрители, въ видѣ свидѣтелей сей миролюбивой разводной сдѣлки. Въ роспискѣ, конечно, не было упомянуто ни о деньгахъ 300 руб., ни о станахъ ткацкихъ. Но въ скоромъ времени изъ приданныхъ 300 руб. и ткацкихъ становъ возникло у Лефортовскаго Мироваго Судьи дѣло, гдѣ мы и были очевидцами безженнаго-многоженства Θεодосіевцевъ-Преображенцевъ, проповѣдующихъ своимъ послѣдователямъ жизнь безбрачную, но на самомъ дѣлѣ сводящихъ для своихъ парней и дѣвицъ какіе-то браки, не признаваемые, въ случаѣ видимой пользы и нужды, даже самими брачащими. Спрашивается: что же это? Ученіе ли въ жизни, или дѣйствительность въ формѣ Θεодосіевскаго развратнаго безженнаго многоженства? Въ Судѣ намъ пришлось спросить сторонниковъ Целагеи Михайловой, «что именно заставило мать Сырцова тѣснить молодую чету?» Намъ замѣтили: «Сдѣсь, отецъ мой, простой житейскій расчетъ. Взять въ приданое за сына деньги и станы, а послѣ молодую прогнать, за тѣмъ подыскать своему сыну другую сводную жену, разумеется, чтобы была не безъ выгоды, да и не безъ денегъ: это и значить у нихъ сводить свадьбу по Θεодосіевскому благочестію,» сирѣчь наживать капитадецъ. Вѣдь, оно тутъ не завидно для дѣвокъ и бабъ, за то мужикамъ-то добре хорошо и тепло отъ такихъ ихъ браковъ....

20-го Сентября, 1868 г., у Хамовническаго Мироваго Судьи разбира ось слѣдующее дѣло:

Крестьянинъ Владимирской Губерніи, Никита Филипповъ, обвинялъ Верейскую мѣщанку, Глушкову, въ кражѣ у него во время сна, изъ за голенища сапога, 93 р. с.; Глушкова же обвиняла Филиппова въ томъ, что онъ, будучи съ нею обвинчанъ по Старообрядчеству, прогналъ ее отъ себя и не хочетъ признавать ее своею женою.

Судья. Такъ вы мужъ и жена?

Филипповъ. Ни какъ нѣтъ, Ваше Благородіе.

Глушкова. Какъ нѣтъ! Чай на свадьбѣ-то всѣ твои родственники и знакомые были, всѣ скажутъ....

Филипповъ. Это точно-съ, что меня поздравляли, только она у меня въ прачкахъ жила, да вотъ и вытатила у меня изъ сапога 93 р. с., когда я спалъ.

Глушкова. Вретъ онъ все, Ваше Благородіе! Никогда у него не была прачкой; для него больно дорога будетъ такая прачка.

Филипповъ. Еще бы не дорога! 93 р. вытатила.

Глушкова. Я свои взяла; ты у меня сколько денегъ-то перетаскалъ?....

Судья снова останавливаетъ спорящихъ и читаетъ обвиненіе Глушковой Филиппова, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что вѣнчали ихъ подъ праздникъ Всѣхъ Святыхъ, гдѣ-то на Нѣмецкой улицѣ; дома она, впрочемъ, не помнитъ; что свадьбу эту устроилъ живущій въ Дорогомиловской Слободѣ, въ своемъ домѣ, мѣщанинъ Петръ Ѳомиинъ, который увѣрялъ ее, Глушкову, что Филипповъ подастъ прошеніе о признаніи этого брака законнымъ; а что они дѣйствительно вѣнчаны, о томъ знаютъ всѣ родственники и знакомые Филиппова, бывшіе на свадьбѣ. При этомъ Глушкова приложила, какъ доказательство, выданное Филиппову отъ Волостнаго Правленія дозволеніе на вступленіе во второй бракъ.

Судья (Глушковой): Вы Старообрядка?

Глушкова. Нѣтъ-съ, я Церковная.

Судья. А вашъ мужъ?

Глушкова. Вы видите, Ваше Благородіе, лобъ-то стриженный.

Филипповъ. Никогда я не былъ Раскольниковъ.

Глушкова. Не былъ? Онъ и въ церковь не ходитъ, Ваше Благородіе; сколько лѣтъ уже не говѣлъ.

Судья (Глушковой). За чѣмъ же вы, будучи не Раскольницей, выходили за него замужъ и вѣнчались съ нимъ не въ церкви, а въ какомъ-то домѣ?

Глушкова. Миѣ сказали, что это все равно, и онѣ самѣ увѣрили меня, что подастъ прошеніе, чтобы насѣ считали по-вѣнчанными.

Судья (Филиппову). А вы обвиняете ее въ похищеніи ея у васѣ денегѣ?

Филипповѣ. 93 р. вытащила изѣ за сапога.

Глушкова. Я свои взяла изѣ сундука. Онѣ и женился-то на миѣ за тѣмѣ, что питейный домѣ хотѣлъ открыть, да денегѣ на патентѣ не было.

Филипповѣ. Какая ты миѣ жена? Моя жена умерла.

Судья (Глушковой). Вы признаетесь, что взяли деньги?

Глушкова. Взяла свои, чтобы онѣ ихѣ не пропилѣ. Онѣ пьянствуетѣ безѣ просыпу, только вотѣ нынѣе маленько очнулся. Миѣ и родные его говорятѣ: «Не давай ему денегѣ!» Онѣ самѣ меня кругомѣ обобралѣ и дѣтей своихѣ отѣ первой жены на мою шею бросилѣ.

Филипповѣ. Я не знаю, какѣ ты украла и дѣтей моихѣ. А вѣнчанѣ съ нею я не былѣ: развѣ постомѣ вѣнчаютѣ? Она, Ваше Благородіе, такая женщина, что когда я пошелѣ на нее жалиться, такѣ она въ квартиру въ окно влѣзла и самоварѣ мой унесла.

Глушкова. Неправда, безстыжіе твои глаза! Я свой самоварѣ взяла, чтобы ты и его не пропилѣ.

Филипповѣ. Бѣлье мое удержала у себя, мѣру картофеля унесла, три подушки (обращаясь къ публикѣ): вотѣ какова жена-то!

Глушкова. Онѣ все говоритѣ неправду; спросите, Ваше Благородіе, Петра Ѳомича: онѣ все знаетѣ.

Филипповѣ. Петрѣ-то Ѳомичѣ самѣ хотѣлъ жениться на ней.

Глушкова. И родственниковѣ его спросите; всѣ знаютѣ что я жена ему, а то передайте дѣло Судебному Слѣдователю.

Судья (Глушковой). Вы говорите, что вынули изѣ сундука свои деньги: откуда же вы взяли ихѣ?

Глушкова. У меня были 2 коровы, я ихъ и продала: это вся Дорогомиловка знаетъ, да вотъ еще....

Филипповъ. Она путаетъ все (зажмуриваясь): ни какихъ я коровъ у ней отродясь не видалъ.

Судья (Филиппову). Помолчите!

Глушкова. Вотъ еще, Ваше Благородіе: онъ у меня деньги бралъ, вотъ и росписка его (подаетъ Судѣ росписку).

Судья. Это онъ самъ писалъ?

Глушкова. Нѣтъ-съ. Вонъ тамъ (указываетъ на входныя двери) три пьяницы стоятъ: изъ нихъ кто ни будь.

Судья. Росписка писана на имя Филипповой.

Глушкова. Я и есть Филиппова: какая я Глушкова!

Судья (Филиппову). Какія вы можете представить доказательства, что Глушкова дѣйствительно похитила у васъ 93 р. с.

Филипповъ. Въ дѣлѣ все прописано.

Судья. Постановилъ рѣшеніе: «Глушкову считать по суду оправданною во взведенномъ на нее обвиненіи, а дѣло о бракѣ передать въ Московскую Духовную Консисторію.»

Судья (Глушковой). Довольны ли вы?

Глушкова. Довольна-съ.

Филипповъ. Еще бы не довольна! Возьми еще полтора ста рублей, еще довольнѣе будешь.

Судья. Не смѣйте такъ говорить!

Филипповъ. Слушаю, Ваше Благородіе, слушаю!

Судья (Филиппову). А вы довольны?

Филипповъ. Ни какъ нѣтъ-съ, очень недоволенъ даже. *

* См. «Петербург. Газету», 1868 года, № 142.

3.

ДЛЯ СТАРООБРЯДЦЕВЪ БЕЗПОПОВЦЕВЪ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО КЛАДБИЩА.

«Щадить слабого есть дѣло человѣчное, когда относятся къ людямъ; но оказывать пощаду направленіямъ, которыхъ господство мы допустить не хотимъ и не можемъ, значитъ плодить этѣ направленія и готовить въ будущемъ новую борьбу съ ними, борьбу, которая по необходимости будетъ сопряжена съ новою гибелью людей. Въ борьбѣ съ людьми примиреніе возможно, но въ борьбѣ съ идеями, какъ замѣчаютъ, не можетъ быть мира: ихъ надобно упразднить до конца; съ ними надобно бороться, пока не исчезнетъ послѣдній слѣдъ ихъ» («Моск. Вѣд.», въ перед. стат., № 203, за 1864 г.).

Мудрое правило, которое мы сдѣсь выписали, должно составлять основную статью каждаго политическаго уложенія. Щадить слабыхъ людей есть святая обязанность человѣка, и для того именно, чтобы щадить ихъ, необходимо не щадить направленія, которыя ведутъ ихъ неправымъ путемъ. Преслѣдованіе личностей не искореняетъ направленія; мы это видимъ въ Расколѣ.

Мудрое Правительство отмѣнило преслѣдованіе въ отношеніи къ личностямъ Раскола, но нельзя полагать, чтобы оно отказалось отъ борьбы съ Расколомъ, какъ съ идеею, какъ съ направленіемъ; иначе оно отказалось бы отъ покровительства Православной Церкви. Общество обязано содѣйствовать Правительству и, чуждаясь гоненій, направленныхъ на личность, должно, однако же, бороться съ идеей и съ направленіемъ. Вотъ предисловіе и вступленіе къ моей примирительной статьѣ противъ сочинителя «Гражданскихъ думъ.» Я легко могъ бы указать на ошибки, на непохвальный умыселъ, на хитрыя намѣренія сочинителя «Гражданскихъ думъ,» но я имѣю дѣло не съ нимъ, а съ его исповѣданіемъ; я завелъ тяжбу не съ Старовѣромъ Преображенскаго кладбища, а съ Расколомъ, и если въ моемъ отвѣтѣ я обращаюсь къ Раскольникову писателю, то единственно какъ къ представителю убѣжденій и направленія: до его личныхъ мнѣній мнѣ нѣтъ ни какого дѣла.

Въ Замѣткѣ нашей, помѣщенной въ «Сѣверной Пчелѣ», № 127, за 1863 г., * мы спросили сочинителя «Гражданскихъ думъ: «Отъ себя ли, или отъ своего общества, онъ говоритъ?»

Въ «Отповѣди Старовѣра» дается косвенный отвѣтъ на этотъ вопросъ; онъ выражается такъ: «По собственному призванію и убѣжденію я говорилъ за общество, а общество за себя отвѣчало предъ всѣмъ міромъ» («Совр. Лѣт.», № 33-й, за 1864 г.).

Не то высказалъ онъ въ «Гражданскихъ думѣхъ» («Совр. Лѣт.» за 1863 г., № 33); тамъ онъ прямо говоритъ какъ бы за общество; а теперь утверждаетъ, что онъ писалъ за себя, а общество отвѣчало предъ цѣлымъ міромъ. Ужъ не въ адресѣ ли? Адресъ, конечно, есть актъ, составленный смѣло и подписанный старшинами общества; но и «Исповѣданія», представляемые отъ разныхъ Согласій Правительству, также составлены смѣло, за общимъ подписомъ, какъ акты. Спрашиваемъ теперь послѣдователя Ильи Ковылина и, вмѣстѣ съ нимъ, всѣхъ его единовѣрцевъ, пусть отвѣтятъ они по чистой совѣсти, на сколько слова поданныхъ ими Исповѣданій согласуются съ дѣломъ? Такъ ли они поступаютъ, какъ обѣщаютъ поступать? И жилые бѣгунки (странники), отрасль Θεодосіевская, такъ же какъ и Преображенцы, удостоверяютъ въ своихъ Исповѣданіяхъ, что они признаютъ преобладающія власти и имъ повинуются. Но такъ ли это на дѣлѣ?

Тѣмъ ли Преображенцы признаютъ «преобладающія власти», что признаютъ всѣ дѣла ихъ дѣломъ Антихриста, а исполнителей закона—слугами или поборниками Антихриста? (См. «Сборникъ Н. Попова», т. 1-й, стр. 4). Вотъ ихъ духовное исповѣданіе, ихъ убѣжденіе, правила, которыми они руководствуются въ жизни. Они присягаютъ быть вѣрными своему Уставу, слѣдовать неуклонно этимъ правиламъ (См. т. 1-й: «Польскій Уставъ и Чинъ оглашенія», стр. съ 1-й по 121). Будутъ ли Θεодо-

* Эта «Замѣтка» помѣщена также въ «Сборникѣ для исторіи Старообрядчества», изд. Н. Попова, т. 1-й, на стр. 143.

сіевцы Преображенцы утверждать послѣ того, что они искренно и нелицемѣрно сознають то, что послѣ этой присяги пишутъ въ «Исповѣданіяхъ» и другихъ завѣреніяхъ, представляемыхъ Правительству, содержаніе которыхъ идетъ въ явный разладъ съ коренными правилами ихъ Вѣры? Но не всѣ такъ смѣло рѣшится расходиться съ правдой всенародно, какъ смиренный Старовѣръ, сочинитель «Гражданскихъ думъ и Отповѣди;» не всѣ съ такою готовностію рѣшится отречься отъ Вѣры, въ которой родились и воспитаны. Даже самъ послѣдователь Ковылина не рѣшается сказать всенародно, что онъ пишетъ отъ своего Согласія, что выражаетъ въ думахъ своихъ внутреннія убѣжденія людей его Согласія, хотя во многихъ мѣстахъ этихъ думъ говорить не своимъ только именемъ: «мы, Старовѣры, насъ, Старообрядцевъ» и т. п. Вотъ по чему я такъ смѣло спросилъ сочинителя «Гражданскихъ думъ:» за себя ли, или и за общину говорить онъ въ своихъ писаніяхъ, и вотъ по чему былъ онъ поставленъ въ невозможность опредѣлительно отвѣчать на мои вопросы. Въѣсто отвѣта, Феодосіевецъ самъ задаетъ мнѣ вопросы о моемъ происхожденіи и проч., какъ это обыкновенно дѣлають Раскольничьи витѣи, уклоняясь отъ отвѣтовъ.

Сочинитель «Отповѣди» спрашиваетъ меня: кто я такой, и изъясняетъ какъ будто сомнѣніе, что я Русскій. Что Николай Ивановъ Поповъ Русскій по происхожденію, это доказываетъ его имя и исповѣдуемая имъ Православная Вѣра, и объ этомъ вопроса быть не можетъ. Русскій ли я по духу, это я по возможности доказывалъ вамъ въ первой моей «Замѣткѣ» на ваши «Гражданскія думы.» Я защищалъ Православіе, одну изъ главныхъ основъ Русской народности, и если намъ свести счеты съ вами, по характеристическимъ отличительнымъ признакамъ Русскаго человека, то я болѣе Русскій, чѣмъ вы, и мнѣ предстонтъ уже не только сомнѣваться, точно ли вы Русскій, но рѣшительно сказать, что вы не вполнѣ Русскій, пока вы не Православный. Въ политическомъ отношеніи вы, конечно, Русскій, какъ сынъ общей матери, столько же Русскій, какъ подданные Россіи Поляки, Татары, Чуваши, какъ всѣ дѣти, которыхъ питаетъ Русь Православная; но предъ лицомъ Русской Церкви вы отщепенецъ, такъ какъ вы отщепились отъ нея, а наше единоборство съ вами происходитъ на

почвѣ церковной, а не политической: мы сражаемся съ вами не за Государственное знамя, не за національный флагъ, а за святую хоругвь Православной Церкви, и на этомъ полѣ брани я стою подъ Русскимъ стягомъ, а вы подъ знаменемъ чуждымъ Русской Церкви и, слѣдственно, Русскаго народа.

Сочинитель «Отповѣди,» ссылается на наши извѣстные журналы и газеты, которые съ снисхожденіемъ отзывались о Раскольникахъ: но не полагаетъ ли онъ, перебирая, какъ по дѣстовкѣ, имена всѣхъ литературныхъ дѣятелей, у которыхъ чувство вѣротерпимости вызвало доброе слово за заблудшихъ братьевъ, не полагаетъ ли онъ, что утвердилъ тѣмъ за собою право думать, какъ думалъ доселѣ, поступать, какъ поступалъ доселѣ? Слова этѣхъ литературныхъ заступниковъ только терпимость, а не одобреніе; только снисхожденіе къ заблужденію, а не поощреніе въ заблужденіи.

Будь Старовѣры тѣ исполнителями, какъ гражданскихъ, такъ и общественныхъ, законовъ не на словахъ, какъ въ вашихъ «Исповѣданіяхъ,» или «Гражданскихъ думкахъ,» но исполнителями на дѣлѣ, тогда больше и желать нечего, и споръ нашъ прекратился бы, да и не возникъ бы никогда. Не за сладкія рѣчи ваши ратую я противъ васъ, а за лукавое слово въ устахъ вашихъ, за Фарисейство вашей братіи, и не перестану ратовать, пока у меня станетъ силъ. Я не возстаю на учрежденія вашего общества, на уравненіе васъ въ правахъ религіозныхъ и гражданскихъ со всѣми другими подданными Россіи. Этого уравненія я только и желаю; но я, вмѣстѣ съ этѣмъ, желаю и того, чтобы вы не могли безнаказанно дѣлать то, чего другимъ законъ не позволяетъ. Не отъ какого-то фантастическаго общества требую васъ къ отвѣту, какъ вы выражаетесь, а отъ всего Русскаго гражданского общества, которое не можетъ допустить, чтобы вы присвоивали какія либо права въ ущербъ этого общества, и чтобы еще утверждали, что религіозная терпимость должна быть распространена и на противозаконныя ваши дѣйствія. Вы пишете, что «не ищите себѣ ни какихъ правъ и преимуществъ, ни государственныхъ, ни политическихъ, ни какихъ льготъ,» а между тѣмъ, въ этой же «Отповѣди» не-

осторожно проговорились, что «вы желаете, чтобы ваши незаконныя жены или любовницы были признаны законными, и незаконнорожденные дѣти были законными наследниками.» Развѣ это не преимущество предъ другими Русскими подданными? За что же вы хотите, чтобы этотъ неумолимый законъ былъ снисходительнѣе къ вамъ, чѣмъ къ другимъ гражданамъ общества? За что долженъ онъ оказывать вамъ это преимущество предъ другими? Не за то ли, что вы Старовѣры?—Но Старовѣрчество есть только терпимое закономъ заблужденіе, а ни какъ не заслуга и не право на то, въ чемъ законъ отказываетъ нестаровѣрамъ.

Да и для какихъ женъ и для какихъ дѣтей просите вы правъ, когда у васъ ни женъ, ни дѣтей быть не можетъ? Вѣнчанныхъ женъ у васъ нѣтъ, по тому что у васъ нѣтъ обряда вѣнчанія; наложницъ у васъ быть не должно, по тому что, по установленнымъ Ильей Ковылинымъ правиламъ, послѣдователи его должны жить безженно и въ цѣломудріи. * А вѣдь вы сами подписались подъ одной изъ вашихъ статей «послѣдователемъ Ильи Алексѣева Ковылина» (Смотр. «Моск. Вѣд.» № 78-й, за 1863 г.), и опять выходить, что не то во устахъ, что въ мысли. **

Теперь сочинителю «Отповѣди» я не лишнимъ считаю объяснить коечто о предпринятомъ мною изданіи: «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Старообрядчества.» Въ изданіи моемъ я помѣщаю всѣ собранныя мною его Толка церковныя правила, ихъ духовный уставъ, и дѣлаю это какъ съ тѣмъ, чтобы эти документы могли послужить матеріаломъ для исторіи Раскола, такъ и для того, чтобы общество и власти видѣли, что именно въ Θεодосіевскомъ Преображенскомъ Согласіи подлежитъ разумной

* Ужъ не для Новоженовъ ли вы желаете этихъ правъ, которые, по ученію Ильи Ковылина, не допускаются даже ни къ вашей общей молитвѣ, ни къ астію, ни къ дружбѣ и т. п.?

** Желаютъ знать въ подробности правила безбрачной жизни Преображенцевъ Θεодосіевцевъ, могутъ прочесть ихъ въ нашемъ «Сборникѣ для исторіи Старообрядчества.» т. I, въ отдѣлѣ «Безпоповщина.»

терпимости и что оскорбляетъ законъ. Только высшимъ властямъ извѣстенъ отчасти ихъ Церковный Уставъ и главные ихъ обряды. Властямъ второстепеннымъ, въ управленіи которыхъ находятся и они, ученіе ихъ и религіозные обычаи, или вовсе незнакомы, или извѣстны только по слухамъ, не всегда вѣрнымъ, часто сбивчивымъ и иногда противорѣчивымъ. Для нихъ-то мой Сборникъ будетъ важнымъ пособіемъ при разбирательствѣ случаевъ, гдѣ нерѣдко они, Θεодосіевцы, свои гражданскіе проступки оправдываютъ своими религіозными правами. Этѣ власти будутъ знать, съ кѣмъ онѣ имѣютъ дѣло, будутъ видѣть, до какихъ границъ можетъ ити вѣротерпимость безъ нарушенія законовъ и обязательныхъ Правительственныхъ правилъ. Тѣ же лица духовныя, или свѣтскія, которыя примутъ на себя обязанность проповѣдниковъ въ ихъ духовной области, найдутъ въ моемъ Сборникѣ вѣрныя указанія: гдѣ гнѣздится зло, въ чемъ именно состоитъ заблужденіе, и какъ предстоитъ имъ дѣйствовать, чтобы бороться съ этѣмъ зломъ и образумить заблудшихъ.

Въ заключеніе я беру смѣлость посовѣтовать сочинителю «Гражданскихъ думъ» не писать «Отповѣдей» на то, на что отвѣчать нечего. Ваши слова, какъ бы краснорѣчивы они ни были, никогда не будутъ такъ убѣдительны, какъ данныя, а этѣхъ данныхъ вы не сотрите своей Раскольниковской діалектикой ни въ исторіи Раскола, ни въ исторіи Преображенскаго кладбища, ни въ вашихъ Церковныхъ Уставахъ. Прочтите «Уставъ Цокровской Мониинской часовни,» и тогда у васъ пройдетъ охота увѣрять печатно, что вы молитесь за Царя. Тамъ найдете вы явныя улики, что это неправда; кромѣ указанного «Устава (Мониинскаго), это доказано несомнѣнно также и въ статьѣ «Примиреніе Преображенцевъ съ Филипповцами въ 1780 г.» *

* См. газету «Современный Листокъ» за 1863 г., № 11 и 12.

4.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА СТАТЬЮ «РАСКОЛЪ И ЕДИНОВѢРІЕ» Г. ЮРЬЕВА.

Въ 1863 году, № 44 «Современной Лѣтописи», сочинитель «Гражданскихъ думъ Безпоповца», только что вступившій тогда на литературное поприще и за статьи свои попавшій въ опалу у своего Согласія, упоминаетъ о нѣкомъ Юрьевѣ, «протянувшимъ руку помощи упавшему духомъ и силами.»

Этотъ Г. Юрьевъ не удовольствовался тогдашнимъ покровительствомъ ему; но та самая рука, которую онъ протянулъ, собрату своему, написала теперь длинную статью, съ единственною, кажется, цѣлью, чтобы, въ концѣ ея, сказать нѣсколько словъ въ защиту опальнаго, «претерпѣвшаго безчисленное множество непріятностей и гоненій отъ тѣхъ, за кого онъ ратовалъ—отъ своихъ братьевъ по Вѣрѣ и убѣжденіямъ» (?).

Мы не совсѣмъ согласны съ Г. Юрьевымъ въ томъ, чтобы Преображенское Согласіе было однихъ убѣжденій съ своимъ основателемъ, сочинителемъ «Гражданскихъ думъ.» Если бы было такъ, за что бы, кажется, подвергать своего защитника непріятностямъ и гоненіямъ? У людей съиздавна заведено отстаивать своихъ единомышленниковъ, и если бы тотъ раздѣлялъ мысли и убѣжденія Преображенцевъ, ему нечего было бы бояться опалы и гоненій; но мы объ этомъ поговоримъ въ другой разъ, а теперь взглянемъ на содержаніе статьи Г. Юрьева.

Въ прошломъ году я возсталъ противъ Θεодосіевца за невѣрность его показаній времени и основныхъ правилъ Преображенской общины (см. «Сборникъ Н. Попова» т. I, стр. 143). Съ тѣмъ же безпристрастіемъ, съ которымъ возражалъ на хвалебно-

* См. «Современную Лѣтопись», № 8, за 1865 г.

ложныя слова соч. «Гражданскихъ Думъ,» скажу теперь, что Г. Юрьевъ вѣрно очертилъ теперешнее положеніе дѣлъ въ Преображенской общинѣ. Дѣйствительно, тѣ цѣлѣвые взгляды на браки, которые до сихъ поръ еще существуютъ между Преображенцами внушили имъ ихъ наставники, такіе какъ Илья Ковылинъ и другіе. Аскетизмъ и безбрачіе и строгія правила Согласія, совершенно исключаютъ не только семейную жизнь, но и общеніе съ людьми, какъ справедливо замѣчаетъ Г. Юрьевъ, непримѣнимы для людей торговыхъ и промышленныхъ, поселившихся въ многочисленныхъ городахъ и селахъ. Распушенность въ правахъ, какъ неизбежное слѣдствіе безбрачія, явилось очевидною уликой несовмѣстимости этого состоянія съ жизнью, была замѣчена самими Безпоповцами, и вопросъ о бракѣ еще былъ возбужденъ между ними во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Этотъ вопросъ вызвалъ вражду и рознь между защитникомъ брачной жизни, Василиемъ Емельяновымъ, и основателемъ Преображенскаго кладбища, Ильею Ковылинымъ, а послѣдствіемъ этой вражды было отдѣленіе Емельянова съ своими приверженцами отъ Преображенскаго Согласія и основаніе Покровской Мониинской молебни.* До сихъ поръ Г. Юрьевъ говорилъ дѣльно, но, въ слѣдъ за этѣмъ, не знаю, какой враждебный геній внушилъ ему убѣжденіе, что та самая распушенность нравовъ, которая въ Ковылинскомъ Согласіи явилась какъ неизбежное послѣдствіе безбрачной жизни, проникла въ общину Василія Емельянова, какъ слѣдствіе обязательныхъ браковъ. Съ перваго взгляда такое противорѣчіе невольно поражаетъ читателя, но, прочтя раза два съ должнымъ вниманіемъ статью Г. Юрьева, мы видимъ, что онъ сопоставилъ двоякаго рода распушенность нравовъ: общественную у Ковылина, и религіозную у Емельянова. Онъ называетъ развратомъ въ Покровскомъ Мониинскомъ Согласіи не то, что мы понимаемъ подъ этѣмъ словомъ, т. е., не распутную жизнь, не отсутствіе всякихъ супружескихъ и семейныхъ обязательствъ между двумя полами, но онъ называетъ развратомъ и распушенностію нравовъ самые браки по уставу Мониинской часовни, по тому только, что обрядъ вѣнчанія, установленный Мониинскимъ Уставомъ, не вполнѣ

* Подробности о семъ см. выше.

согласуется съ обрядомъ вѣнчанія Православной Церкви. И такъ, по мнѣнію Г. Юрьева, всѣ браки, совершенные по обрядамъ Католиковъ, Лютеранъ, Протестантовъ, — также развратъ и распущенность нравовъ? Слова нѣтъ, что благочестивые ревнители Православной Церкви весьма основательно могутъ сожалѣть о томъ, что Согласіе, отторгшееся отъ нечестивой ереси и подвигнувшееся ближе къ Православію, не вполне приняло обряды нашей Церкви; но и самое строгое благочестіе не можетъ, и не должно, называть «распущенностію нравовъ» сочетаніе двухъ супруговъ, обязательное для обоихъ и скрѣпленное обрядомъ Христіанскаго Исповѣданія. И по тому нѣтъ крайней необходимости слагать съ такого брака «форму религіознаго брака и облекать только въ форму полнаго брака гражданскаго,» какъ совѣтуетъ сочинитель статьи.

Еще болѣе странный выводъ дѣлаетъ Г. Юрьевъ изъ одного знаменательнаго событія, бывшаго, какъ онъ говоритъ, послѣдствіемъ розни и распрей по вопросу о бракѣ между Преображенцами и, отдѣлившимися отъ нихъ, Монинцами. Вотъ что сказано въ статьѣ Г. Юрьева: «Хотя два враждебные стана, по вопросу о бракѣ, каждый остался при своемъ убѣжденіи, но пылъ вражды, возникшей по поводу этого вопроса, особенно по смерти главныхъ дѣятелей, въ его разрѣшеніи, сталъ мало по малу стихать, страсти по немногу умирились: каждая изъ противныхъ сторонъ увидѣла несостоятельность и ложность началъ, на которыхъ они защищали и отвергали брачную жизнь; отъ вопроса о бракѣ перешли и къ другимъ ученіямъ, но и тутъ оказалось, что они во многомъ ошиблись и далеко отдѣлились отъ общаго духовнаго и гражданскаго строя. При такомъ сознаніи своихъ заблужденій, одна часть Безпоповцевъ, болѣе либеральная, тогда же прямо обратилась къ Православію; а нѣкоторые, кому особенно трудно было разстаться съ старинною обрядностію, рѣшились искать твердой опоры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшенія своихъ недоумѣній въ Единовѣріи.»

Какіе Безпоповцы и когда перешли въ Единовѣріе и Православіе? Читая это, можно подумать, что многіе изъ Преображенцевъ также перешли въ Православіе, или Единовѣріе, а дѣло

было вовсе не такъ. Переходъ въ Единовѣріе и Православіе совершался не въ слѣдствіе распрей о бракѣ, перешли не Преображенскіе Безпоповцы, а исключительно Монинцы. Вотъ какъ это было: Уставъ Монинской часовни (Чинъ приѣма Ѳеодосіевца въ часовню, Канонникъ и Епитимейникъ) есть явный протестъ противъ обязательныхъ правилъ Преображенскаго кладбища. Въ этомъ Уставѣ указаны главнѣйшія несообразности ученія Преображенской общины и объяснены поводы, побудившіе Монинцевъ отвергнуть этѣ начала и отдѣлиться отъ Согласія. Въ числѣ отвергнутыхъ Монинцами правилъ были: обреченіе на безбрачіе и не моленіе за предержація власти, главная основа ученія Преображенской общины. Въ 1827 году одинъ изъ наставниковъ Монинской часовни, Антипъ Андреевъ, самъ прежде Ѳеодосіевецъ, вздумалъ отмѣнить бывшее въ часовнѣ обязательнымъ правиломъ моленіе за предержація власти, и не признавать браковъ, совершенныхъ въ Православной Церкви... Большинство возстало противъ этого нововведенія, и изъ среды своей дало о томъ знать Правительству; часовня была закрыта, а оставшимся ея послѣдователямъ предстояли двѣ дороги: либо возвратиться къ прежнимъ заблужденіямъ, либо же перейти въ Православіе. Уставъ, которому слѣдовали Монинцы около полулѣта, несравненно ближе подходитъ къ правиламъ Православной Церкви, чѣмъ къ нелѣпымъ ученіямъ Преображенской общины, и понятно, что дѣти разрозненной паствы пошли не назадъ, а впередъ. Очень многіе изъ Монинцевъ перешли въ Православіе и Единовѣріе; тѣ же, которые не избрали этой дороги, раздѣлились на куски и образовали нѣсколько отдѣльныхъ моленъ. И такъ, Г. Юрьевъ, Монинцевъ понудило перейти въ Православіе и Единовѣріе не «сознаніе своихъ заблужденій», а то, что религіозное ученіе ихъ наставника, Гаврила Ларіонова Скачкова, очищенное отъ многихъ заблужденій Раскола, открыло имъ глаза и дозволило постигнуть святыя истины, проповѣдуемыя Православною Церковью, истины, которыя для закоренѣлыхъ въ ереси Преображенцевъ были непонятны и недоступны. *

* Подъ названіемъ Монинцевъ мы здѣсь разумѣемъ только первоначальныхъ основателей этой моленной, послѣдователей Емельянова и Скачкова, а отнюдь не

Еще въ статьѣ Г. Юрьева есть промахъ. Въ ней говорится о какомъ-то Соборѣ въ 1666 году, но въ этомъ году ни какого Собора не было. Были, правда, одиннадцать приуготовительныхъ Совѣщаній Русскаго духовенства, безъ участія Восточныхъ Патріарховъ; но на этихъ совѣщаніяхъ ни какихъ постановленій не со-

тѣхъ закоренѣлыхъ Раскольниковъ, которые поступили въ это Согласіе изъ Старо-Поморской общины и въ послѣдствіи, предводимые Антипомъ Андреевымъ, своими пагубными пововеденіями довели моленную Скачкова до разрушенія. Похвалы нани относятся исключительно къ разсудительнымъ Старо-обрядцамъ, сочувствовавшимъ Скачкову въ положенныхъ имъ началахъ новаго вѣрованія у Безпоповцевъ, болѣе всѣхъ другихъ приблизившагося къ Православію. Изъ числа Безпоповцевъ, Скачковъ одинъ изъ первыхъ заговорилъ о томъ, что Православное священство не утратило своей благодати, а Таинства и Православная хиротонія своей священной силы. Общее дѣло о моленныхъ Монины и Владычина въ Канцеляріи Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора хранится за № 106-мъ. Моленная Монины находилась въ Лефортовской Части, а моленная Владычина въ Пятницкой части, на Озеркахъ. Обѣ маельни закрыты въ слѣдствіе предписанія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Графа Блудова, отъ 10-го Генваря, 1837 года, за № 35. Причины, побудившія къ закрытію помывутыхъ моленныхъ, были слѣдующія: По смерти Монины и Владычина, какъ дома ихъ, такъ равно и находящіяся въ нихъ моленные, по завѣщанію владѣльцевъ, были передавы въ безраздѣльное владѣніе Раскольникъему обществу Безпоповщинскаго Согласія; но духовныя завѣщанія, какъ Монины, такъ и Владычина, не были утверждены, на томъ основаніи, что новыя Раскольникескіе монастыри и богадѣльни запрещены закономъ; по чему дома Владычина и Монины, съ принадлежащимъ къ нимъ имуществомъ, переданы законнымъ наслѣдникамъ, а находящійся при моленной Монины иконостасъ и церковныя принадлежности, предписаніемъ на имя Надворнаго Совѣтника, Г. Бороздина (см. докумен. Преображ. клад.), отъ 25-го Іюля, 1838 г., за № 450, разрѣшено передать на Преображенское кладбище. При моленной Монины была устроена богадѣльня, гдѣ проживали 6-ть человекъ мужинъ и 14 женщинъ; лица эти перенесены частью на Преображенское кладбище, частью же, какъ безпаспортныя и предосудительныя, посланы изъ Москвы, съ запрещеніемъ возвращаться. Мѣщанинъ Леонтій Гавриловъ и купецъ Гусаревъ подавали просьбы на Высочайшее Имя, чтобы утвердить и исполнить волю завѣщателей, Монины и Владычина касательно ихъ домовъ и общественныхъ моленныхъ, но просителямъ въ семъ было отказано, о чемъ Г. Министръ Внутр. Дѣлъ и сообщилъ Московскому Военному Генералъ-Губернатору, 18 Октября, 1838 года, за № 6101. Дѣйствія по сему дѣлу производились чрезъ Г. Оберъ-Полицеймейстера Цыискаго, Управу Благочинія и Лефортовскую Часть, отъ Канцеляріи же Генералъ-Губернатора былъ командированъ къ сему дѣлу чиновникъ особыхъ порученій, Г. Германъ (смот. объ исполненіи предписанія отъ 10-го Генваря, 1837 года, за

стоялось. Соборъ Русскаго духовенства, съ участіемъ въ немъ Патріарховъ Антиохійскаго и Александрійскаго, былъ въ 1667 году, и на этомъ Соборѣ положено проклятiе, а не клятва, какъ въ статьѣ сказано. Я знаю, слово клятва употребляется иногда въ Русскомъ языкѣ вмѣсто слова проклятiе, но не должно было позволять себѣ этого, говоря о такомъ важномъ дѣлѣ, какъ Соборное постановленіе по религіозному вопросу; не должно было дѣлать этого, повторяю я, какъ по тому, что выраженіе клятва могло ввести многихъ въ недоразумѣніе и побудить принять Соборъ 1667 г. за другой Соборъ, бывшій въ 1551 году, названный Стоглавымъ, на которомъ составлена была клятва, чтобъ ввести въ Православіе сугубое аллилуіа и двуперстное крестное знаменіе, между тѣмъ какъ клятва эта законно отмѣнена именно Соборомъ 1667 года, о которомъ идетъ рѣчь въ этой статьѣ.

Относительно снятія проклятiя, произнесеннаго этѣмъ послѣднимъ Соборомъ, мы поговоримъ въ свое время, на своемъ мѣстѣ.

Напрасно опять обвиняетъ меня Г. Юрьевъ, будто бы я хотѣлъ набросить «неблаговидную тѣнь на Преображенское Согласіе.» Не тѣнь бросилъ я на это Согласіе, но указалъ на немъ неблаговидныя пятна, и теперь самые ревностные послѣдователи Ильи Алексѣевича увидали этѣ пятна и намѣреваются смыть ихъ. Вамъ не безъизвѣстно, что въ концѣ Генваря, 1865 года, поднятъ въ Согласіи вопросъ (въ слѣдствіе моихъ статей) о введеніи моленія за предержавшія власти, также объ установленіи браковъ. Объ этомъ собраніи Безпоповцевъ Поморскаго Согласія пріемлющихъ браки, и Θεодосіевскаго, послѣдователей Ильи Ковылина, какъ не пріемлющихъ браки, мы сообщимъ краткое свѣдѣніе.

Причиною этого собранія послужили обличительныя статьи на сочинителя «Гражданскихъ думъ,» Безпоповца, писанныя издателемъ «Сборника для исторіи старообрядства, Н. И. Поповымъ» (см. Сборникъ т. 1-й, стр. 144), а равно и помѣщенныя въ духовной

№ 35, Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, Князя Дмитрія Владимировича Голицына, и его донесеніе Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 25 Іюля, 1838 г., за № 452-мъ).

газетъ: «Современномъ Листкѣ» (№ 11, 12 и 14, выше нами приведенныя).

Означенныя статьи возбудили въ общинѣ Безпоповцевъ снова старый Раскольничій вопросъ, то есть: о не моленіи за Царя, и о безбрачїи Оеодосіевцевъ Преображенцевъ.

Собраніе Безпоповцевъ происходило въ 1865 году, 24 Января, въ домѣ Михайла Филиппова Иванова, что въ Преображенскомъ, въ 9-й ротѣ.

Со стороны Поморскаго Согласія представителями были слѣдующія лица: Елисей Савичъ Морозовъ, Онисимъ Никифоровъ Бабушкинъ, Авдѣй Семеновъ Володимирскій, Василій Тимоеевъ, Алексѣй Михайловъ Мышинъ, Зарайскій, Иванъ Евграфовъ, и другіе; со стороны Оеодосіевцевъ: Власть Емельяновъ Кулешниковъ, Оедоръ Павловъ Ермиловъ, Иванъ Андреевъ Горшечниковъ, Михайло Филипповъ Ивановъ, Мартынъ Степановъ, наставникъ съ Преображенскаго кладбища: и другія лица, всего съ обѣихъ сторонъ до 200 человекъ. Къ сожалѣнію, изъ подобнаго собранія Безпоповцевъ не вышло ни чего путнаго. Каждая сторона осталась при своихъ мнѣніяхъ: Оеодосіевцы отрицали брачную жизнь у своихъ послѣдователей, а до вопроса: моленіе за Царя, даже и очередь не дошла. Вы знаете, что противъ этого нововведенія явилось и противодѣйствіе, за которымъ, къ сожалѣнію, на первомъ прѣвнїи осталась побѣда. Вирочемъ, обѣ партїи почти равносильны и упорство безбрачниковъ видимо ослабѣваетъ. Не протягивайте же имъ «руку помощи,» Г. Юрьевъ, какъ вы, по добротѣ своей, привыкли это дѣлать; предоставьте своей участи «упавшихъ духомъ и силами,» и тогда, въ настоящемъ случаѣ, вы поступите, быть можетъ, не такъ великодушно, какъ вы поступили съ сочинителемъ «Гражданскихъ думъ,» за то честно и добросовѣстно. *

Москва.

* См. газету «Современ. Листокъ» за 1865 г., № 41.

XX.

НАДГРОБНАЯ НОВОЖЕНУ.

Подъ камнемъ сямъ лежитъ
Отличный человѣкъ:
Ни холость, ни женать,
Онъ былъ во весь свой вѣкъ.
Святой иконой ихъ
Хотя благословляли,
Во скверности пожить
Святыней покрывали.
Онъ звалъ жену свою
Хозяйкою всегда,
Законною жь женой
По Вѣрѣ никогда.
Любовника отцы,
Пѣвцы что отпѣвали,
Съ любовницей его
Друзья здѣсь провожали.

Андрей Сергѣевъ.

С.-Петербургъ.
13 Октября, 1836 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Оеодосіевцы Преображенскаго кладбища.

Стр.

Портретъ Илья Алексѣева Ковылина и объясненіе къ нему.....	I.
I. Житіе Оеодосія Васильева, основателя Оеодосіевскаго Согласія.....	1
II. О началѣ раздора Оеодосіевыхъ съ Выгорѣцкимъ общежительствомъ и о причинѣ того, чего ради оный бысть.....	21
III. Второе посланіе изъ Польши, писанное отъ Оеодосія Васильевича въ Поморье, объ общемъ и братскомъ совѣтѣ о церковныхъ догматѣхъ..	43
IV. Отъ посланія изъ Москвы въ Ярославль къ Балчужнымъ въ 7292 лѣто (1782 г.).....	107
V. Преложеніе Оеодосіевцевъ Поморцамъ о соединеніи въ одно Согласіе.	110
VI. Предложеніе Илья Алексѣева Ковылина Поморцамъ или Исповѣданіе..	114
VII. Письмо Илья Алексѣева Ковылина Петру Оеодорову въ Поморье.....	121
VIII. Прошеніе Илья Алексѣева Ковылина Императору Александру Павловичу объ упроченіи Преображенскаго кладбища.....	127
IX. Планъ или изъяснительное начертаніе мѣстнаго положенія и внутренняго распорядка богадѣленнаго дома съ больницами, Московскимъ Старообрядческимъ обществомъ построеннаго.....	131
X. Указъ Государя Императора о Преображенскомъ богадѣленномъ домѣ.	139
XI. Разсмотрѣніе Илья Алексѣева Ковылина, кто отъ сотворенной твари наче всѣхъ согрѣши, на небеса и на земли.....	40
XII. Посланіе Казанскимъ Христіанамъ объ Іаковѣ Петровѣ, за противное его писанію мудрованіе.....	161
XIII. Показаніе правильныхъ вѣнъ, препятствующихъ соединенію нашему въ сообщеніе съ монастырскими, то есть, Оеодосіевцамъ съ Поморскими.	169

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Монинское согласіе въ Москвѣ.

	Стр.
Портретъ Гаврила Ларіонова Скачкова и объясненіе къ нему.....	I.
Вступленіе.....	13
I. Уставъ брачный Правовѣрнаго Старовѣрчества, Павла Любопытнаго...	29
II. Порядокъ присоединенія приходящихъ въ Монинское Согласіе.....	40
III. Канонъ, пѣваемый во время сочетанія брака или Чинъ брачному молитвословію.....	46
IV. Епитимейникъ.....	58
V. Рѣчь Гаврила Ларіонова Скачкова при вступленіи въ должность Насто- ятеля и духовника Покровской Монинской часовни.....	70
VI. Прошеніе Гаврила Ларіонова Скачкова, объ увольненіи его отъ долж- ности Настоятеля Монинской часовни.....	84
VII. Постановленіе на оное прошеніе.....	86
VIII. Уставъ или правила для прихожанъ Монинской часовни.....	90
IX. О церковномъ мирѣ. Монинскій согласовникъ съ Преображенскимъ клад- бищемъ Гаврила Ларіонова Скачкова. 1814 года.....	98
X. О мѣнѣяхъ Θεодосіевцевъ Преображенскаго кладбища.....	100
XI. Списокъ прихожанъ Покровской Монинской часовни въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія.....	103
XII. Поморскіе противу Θεодосіевцевъ содержать что.....	107
XIII. Письмо Захара Θεодорова Бронина о церковномъ мирѣ.....	109
XIV. О моленіи за Папу Римскаго.....	116
XV. Возникшее новоженство въ согласіяхъ безбрачныхъ Старообрядцевъ, Андреяна Сергѣева.....	126
XVI. Извѣстіе о новоженцахъ, Андреяна Сергѣева.....	131
XVII. Показаніе, яко воздержностію своею Θεодосіево Согласіе и подобіи имъ древнихъ еретиковъ многія ереси обновища, Лукьяна Даровченцева.....	139
XVIII. Заблужденія Θεодосіянъ, Филипповыхъ и Аристова Согласія, Павла Любопытнаго.....	154
XIX. Замѣтки.....	156
1. Брачный обрядъ духовныхъ Христіанъ или Молоканъ.....	158
2. Безбрачіе Θεодосіевцевъ въ дѣйствительности.....	164
3. Для Старообрядцевъ Безпоповцевъ Преображенскаго кладбища.....	171
4. Замѣчанія на статью «Расколъ и Единотѣріе» Г. Юрьева.....	177
XX. Надгробіе Новожену, Андреяна Сергѣева.....	184

ЗАПИСКАХЪ

ЮРЬЕВСКАГО АРХИМАНДРИТА ФОТІЯ.

Въ 1-й книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1868 года (отд. V, стр. 261—272) напечатаны «Извлеченія изъ Записокъ Фотія.» Злорадство и гордыня сочинителя «Записокъ» выразились въ нихъ во всей наготѣ своей. Издатель, впрочемъ, предвѣщаетъ читателей, что слѣдуетъ «осторожно» принимать показанія и отзывы такого страстнаго человѣка, сличать ихъ съ показаніями и отзывами другихъ, болѣе хладнокровныхъ и безпристрастныхъ современниковъ, то же не хуже его знакомыхъ съ тѣмъ, что рассказываетъ онъ.» Передаваемое же имъ о Филаретѣ и его о немъ сужденіе онъ совѣтуетъ «сличить и повѣрить съ извѣстіями другихъ и съ разсказами самаго Владыки, какъ извѣстно, справедливѣйшаго человѣка нашихъ дней сохраненными потомству въ «Запискахъ о жизни и времени Святителя.» Тогда правда выйдетъ наружу, что бы ни говорили нерасположеніе, зависть и злоба къ мужу, который составляетъ лучшее

¹ Сочинитель «Записокъ о жизни и времени М. М. Филарета» приготовляетъ свой трудъ къ посмертному, какъ говорить, изданію. Иное изъ пополненій и поясненій онъ помѣщаетъ въ повременныхъ изданіяхъ. Предлагаемая статья войдетъ въ число приложеній, къ стр. 105. Такъ «Замѣтка на замѣтку» — отвѣтъ «Русскому Архиву» во 2 кн. 1868 г. «Чтеній въ Общ. Ист. и Др. Рос.,» относится къ стр. 200; нѣсколько словъ въ 1-й кн. того же года «Чтеній» по поводу занимательныхъ разсказовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» «Изъ прошлаго», къ стр. 223 и т. д. О. Б.

украшеніе и гордость не только современной Россіи, но и всего Православнаго міра....»

Фотій, не столько страстный, сколько властолюбивый, коварный и завистливый, самъ себя обличаетъ передъ судомъ потомства въ своихъ сказаніяхъ на столько же и даже больше, нежели обличился въ своихъ запискахъ Синодскій Оберъ-Прокуроръ Яковлевъ.

Облагодѣтельствованный, по собственному признанію, Филаретомъ, ² неблагодарный Фотій клеветаетъ на него и силится затемнить его свѣтлый путь на земли.

Не возражая на явное безуміе вражды, утверждающей, будто бы Святитель принадлежалъ къ одной изъ масонскихъ ложъ, и даже письменно просилъ начальника секты «включить и считать его въ ложѣ;» не упоминая также и о ненависти клеветника къ Библейскому Обществу, которое, какъ въ зеркалѣ, отражается въ отчетливомъ трудѣ А. Н. Пыпина, ³ приведу разныя попытки Фотія, въ сущности жалкаго, страннаго, смѣшнаго изувѣра-самохвала, ⁴ запятнать чистое имя своего благодѣтеля.

Вытребовалъ Аракчеевъ съ Дону на Неву Есаула Котельникова, затѣявшаго новую секту Духоносцевъ. Фотій взялся обратить его на путь истины. Хитрецъ хитреца издалика чувствуетъ. От-

² «Чтенія въ Моск. Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія,» 1868 г., кн. IV, стр. 104—111.

³ «Вѣстникъ Европы» 1867 г., Авг., Сент., Ноябрь и Декабрь.

⁴ См. «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1868 г., кн. IV, стр. 79—80: объ истребленіи художественной, драгоценной вещицы (каме). Не смѣшно ли, что Архимандритъ кликалъ Графиню А. А. Орлову-Чесменскую и пожилую, дружную съ ней, А. И. Жадовскую, какъ дѣвченочъ: «Анна! Аграфена!..» Самохвалство же его еще недавно выказалось въ ничтожныхъ выпискахъ изъ его Записокъ (6 тетрадь Русскаго Архива на 1869 г.), на примѣръ: «Авва Фотій» — такъ величаетъ онъ себя — «поддержалъ Митрополита Серафима; примирилъ съ нимъ Князя А. Н. Голицына; въ Петербургѣ честили его знатные и ученые Бояре и Боярыни; Императоръ Александръ Павловичъ кланялся ему въ ноги, стоялъ предъ нимъ на коѣннѣхъ, цѣловалъ десницу его!» и т. д.

щепенецъ разгадалъ ханжу и удовлетворилъ его тщеславной само-надеянности: онъ, немного поспоривъ, ударился въ отчаянное раскаяніе, и былъ отпущенъ на родину, да еще и съ наградой. Ему дано 1,000 р., какъ означено въ «Запискахъ Шишкова.»⁵ Зная, какимъ богатствомъ распоряжается буйно-строгой и грубо-настойчивый духовникъ Графини Орловой-Чесменской, по ея слѣпой, необъяснимо безпредѣльной, ему послушности, лукавый Казакъ пытался выманить отъ него не одну тысячу, да не удалось. Раздосадованный до неистовства своей неудачей, онъ сбросилъ съ себя личину, ругательно насмѣялся простотѣ повѣрившихъ его штиному обращенію, въ своемъ еретическомъ сочиненіи: «Острый серпъ,» и послалъ свою рукопись⁶ къ разнымъ лицамъ. Московскій Архіепископъ вовсе не заботился о Котельниковѣ. Фотій его обратилъ Фотій его наградилъ, Фотій же его и управилъ въ Соловки, гдѣ тотъ и умеръ. Однако Юрьевскій самоуправецъ съумѣлъ и тутъ накинуть тѣнь на Святителя: «Филаретъ», сказано въ его Запискахъ, видя въ письмѣ Котельникова (при которомъ присланъ будто бы ему «Острый серпъ»), что онъ до небесъ восхваленъ за терпимость ереси и хладнокровность къ Православію (!), Митрополитъ же Серафимъ весьма очерненъ, а Фотій самыми скверными красками расписанъ, и надѣясь симъ сильнымъ ругательнымъ письмомъ привести въ подозрѣніе Фотія, послалъ въ собственныя руки Его Величества; но Государь принялъ сей поступокъ Филарета Московскаго за весьма дурной, о чемъ изволилъ сказать Аракчееву, и бумагу передалъ для разсмотрѣнія Серафиму, а послѣ Фотію.»

Участь Котельникова рѣшена зимой 1824 г., когда было поднято гоненіе на Филарета, бывшаго въ ту пору въ Москвѣ и отстаивавшаго запрещенный Катихизисъ: могъ ли же онъ, гонимый и въ опалѣ, обратиться къ Императору съ письмомъ и книгой раскольника, уже осужденнаго? Имѣлъ ли онъ право писать къ Государю непосредственно о чемъ и когда вздумается?

⁵ «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1868 г., кн. 3.

⁶ По словамъ Шишкова и Фотія «книгу.»

Гдѣ предлогъ войти въ дѣло, чуждое Московской каведрѣ? Было ли еще получено имъ письмо Котельникова? Гдѣ же оно, гдѣ и всеподданническое письмо Архіепископа? Согласно ли съ безпримѣрной сдержанностью Александра показаніе, что онъ «принялъ сей поступокъ Филарета Московскаго за весьма дурной?» и таковъ ли былъ Аракчеевъ, чтобъ наединѣ ему сказанное передавать кому бы то ни было? Наконецъ, какъ могло случиться, чтобы «бумага,» послѣ разсмотрѣнія Первоприсутствующаго въ Святѣйшемъ Синодѣ, была предоставлена заключенію Юрьевскаго Архимандрита?... Ограничу предложенными вопросами опроверженіе этого сказанія.

На 108—111 стр. моихъ «Записокъ о М. Филаретѣ» напечатанъ, со словъ его, рассказъ А. Н. Муравьева, повѣренный мною личнымъ вновь, по моей просьбѣ, рассказомъ мнѣ Владыки, о запрещеніи въ 1818 — 1819 г. сочиненія Станевича «Плачь (бесѣда) надъ гробомъ младенца.» ⁷ Въ 1824 г. Шишковъ съумѣлъ измѣнить взглядъ на «Плачь» и исходатайствовать Высочайшее разрѣшеніе на выпускъ въ свѣтъ не безсмертнаго творенія Станевича. ⁸ Въ 1815 г. оно было одобрено Архимандритомъ Иннокентіемъ. Митрополитъ Михаилъ и Ректоръ Петербургской Духовной Академіи Филаретъ, признали нужнымъ иное въ немъ исправить и перемѣнить; но Князь Голицынъ представилъ свои на него замѣчанія Императору, и оно было запрещено. Цензоръ, однако, тогда же возведенъ въ санъ Епископа Оренбургскаго. Что же говорить Фотію? «Дабы удалить его, подъ благовиднымъ предлогомъ, дѣйствовалъ съ Духовной стороны Филаретъ, Ректоръ Академіи. Онъ далъ свое мнѣніе о книгѣ.» Стало быть, Епископство—предлогъ къ ссылкѣ и наказанію. А какъ же назвать ходатайство Филарета о порученіи Иннокентію «вмѣсто Оренбургской Епархіи, Пензенской, болѣе по климату ему благопріятной?» По логикѣ Фотія это — злоба, ненависть, преслѣдованіе и т. п.

⁷ Первоначально напечатанъ въ «Чтеніяхъ Общества и Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1861 года, кн. 1, отд. V, стр. 201—202. О. Б.

⁸ Напечатано въ первый разъ тоже въ «Чтеніяхъ» 1861 г., кн. 2-й, отд. V, стр. 201—202. О. Б.

«Онъ (Филаретъ) написалъ книжицу: «Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ», въ духѣ не Православныхъ, советуя каждому оставаться въ своей Вѣрѣ, въ какой родился (о книжицѣ говорено въ моихъ «Запискахъ», стр. 82—84 и Приложениіи ХVІІ); переводъ Священнаго Писанія, со своими учениками, новотворилъ (т. е., «Записки на книгу Бытія, Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи и т. п.!!!);» «для повсемѣстнаго распространенія своего духа принаровилъ Катихизисъ пространнѣй и краткѣй, въ которыхъ Символъ Вѣры, Заповѣди Господни и Молитва Господня изложены на простонародномъ языкѣ.» Вопросъ о Катихизисахъ давно рѣшенъ: на различныхъ языкахъ, въ разныхъ, даже не Православныхъ, Церквахъ, они преподаются и въ Азіи и въ Америкѣ.

«Какъ писаніями своими, такъ и словомъ и дѣломъ (продолжаетъ Фотій), Филаретъ Московскій не сдѣлалъ Православной Церкви и Вѣрѣ ни какой пользы, кромѣ услугъ нововведеніямъ и не Православію и всему, что угодно было тайному обществу!» Филаретъ—безполезный человѣкъ и на словахъ и на дѣлѣ!... Труды его, ученые, историческіе, догматическіе, его проповѣди, извѣстныя на обоихъ полушаріяхъ земли, его честное, до послѣдняго вздоха искренно ревностное, служеніе Церкви, Государству, человечеству, его любовь къ просвѣщенію, воспитавшая столько извѣстныхъ служителей, проповѣдниковъ и столповъ Православія, вся долготѣнная жизнь его, исполненная трудовъ и подвиговъ Вѣры, любви, благочестія, благотворительности, все отринуто неистовою завистью клеветника!... Жалокъ Фотій, невыразимо жалокъ бѣдный Фотій!...

Далѣе идетъ рѣчь о Князѣ Голицынѣ, мелькаютъ нѣкоторые имена членовъ Библейскаго Общества и Масоновъ, т. е., почтенныхъ дѣятелей почтеннаго Дружескаго Общества, упоминается о Госнерѣ, о Феслерѣ, о Теофилактѣ.

Фотій спуталъ Феслера, о которомъ подробно рассказано въ «Запискахъ» моихъ (стр. 39—41), съ Ансильономъ (стр. 91—94), и относитъ извѣстную полемику Ректора Духовной Академіи, Филарета, съ Членомъ Синода, Теофилактомъ, по поводу Эстетики

Амсилона, къ рецензіи справедливыхъ замѣчаній Преосвященнаго⁹ на конспектъ Философскихъ наукъ Профессора Феслера, къ рецензіи ужь, конечно, не въ защиту чьихъ либо заблужденій. Что до Госнера, я не упомянулъ по тому объ его преданной огню книгѣ (Толкованіе на Евангеліе отъ Матвея), что дѣло о переводѣ ея (съ Нѣмецкаго на Русскій) и о напечатаніи давно и достаточно извѣстно по производству суда надъ Поповымъ,¹⁰ а также и надъ привлеченными къ дѣлу Гречемъ и другими, въ Государственномъ Совѣтѣ оправданными.

Довольно. Все, приведенное изъ Записокъ Юрьевскаго Архимандрита, ярко обличаетъ его недобросовѣстность. Въ заключеніе сопоставлю его разнорѣчащія о Филаретѣ отзывы въ три разные поры. Одна пора 1814—1817, когда молодой Ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими учеными трудами, краснорѣчіемъ глубокомысленныхъ проповѣдей, твердостью догматическихъ свѣдѣній, и слава его росла «не по днямъ а по часамъ.» Вторая пора 1824—1825, когда козни нѣсколькихъ узкомыслящихъ ханжей и низкопоклонниковъ Аракчеева пособили послѣдному охладить Александра I-го къ Князю Голицыну; когда продолжалось еще гоненіе на преподавателей въ С.-Петербургскомъ Университетѣ¹¹ и на Библейское Общество; когда Московскій Архіепископъ подвергся преслѣдованіямъ.¹² Третья пора 1827 — 1837, когда Фотій догадался, что

⁹ Феофилакта, помѣщенной въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1859 г., кн. 2, отд. V, стр. 115—123. О. Б.

¹⁰ См.: «Мнѣніе Сенатора Муравьева-Апостола по дѣлу Д. С. С. Попова о Цензурѣ,» въ защиту Попова, въ 4-ой кн. «Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1859 г., отд. V, стр. 37—42; а противъ Попова и Муравьева тамъ же (стр. 43—48): «Мнѣніе Сенатора Сумарокова,» и Адмирала Шишкова, въ его «Запискахъ,» напечатанныхъ тамъ же, въ «Чтеніяхъ» 1869 г., кн. 3-ей, отд. 2, стр. 88 и слѣд. О. Б.

¹¹ См. «Дѣло о С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1821 году,» въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1866 г., кн. 3, отд. V, стр. 61—164. О. Б.

¹² Непримиримымъ гонителемъ его былъ одинъ Фотій. Шишковъ, возставая на

Митрополитъ Московскій въ свѣтъ славы Святительской стяжалъ уваженіе и въ чуждыхъ странахъ; что любовь, довѣріе и благоговѣніе къ нему народа безпредѣльно; что онъ проченъ на своей каеедрѣ.

Отзѣвы Фотія о Филаретѣ.

1814—1817.

Разсказавъ объ его благодѣяніяхъ, отъ вступительнаго испытанія, своего поступленія въ Духовную Академію, выпуска преподавателемъ въ училищѣ при Семинаріи, а потомъ въ Кадетскомъ Корпусѣ, и до постриженія, Фотій вспоминаетъ, какъ Филаретъ помогалъ ему деньгами, и какъ много заботился объ излѣченіи его отъ болѣзни, пригласивъ къ себѣ знаменитаго О. К. Каменецкаго (а не Каменскаго), позже Лейбъ-Медика. Далѣе онъ превозноситъ его такъ: «Сила, красота, достоинство и слава Духовной Академіи былъ одинъ Филаретъ.» «Когда часы кончались ему преподавать, всегда оставалось великое усердіе слушать его еще болѣе безъ ястія и питія».... «Сердоболень, милостивъ... Видъ лица его былъ яко Ангела Божія.... отъ устъ его никогда ни одного слова не слыхалъ напротивъ Вѣры Православной, напротивъ Церкви Восточной Христовой; онъ молчаливъ былъ, кротокъ, тихъ; каждое слово его имѣло вѣсъ и силу; человекъ былъ, исполненъ многого ученія».... «Филаретъ не былъ единого духа съ лукавыми. Въ оное время былъ союзъ любви между Филаретомъ и Иннокентіемъ, и яко друзи были искренніе, искренніе свѣтильники, подававшіе надежду собою во благо Церкви?...»

Катихизисы, только повторялъ внушенія Фотія; Кикинъ хлопоталъ лишь о «Бесѣдѣ» Станевича; Магницкій не шелъ явно противъ Московскаго Пастыря; Аракчеевъ хотѣлъ только уронить Голицына. Митрополитъ Серафимъ, страдательное оружіе овладѣвшихъ имъ, не прерывалъ возможно добрыхъ сношеній съ Филаретомъ, не порицалъ, хотя и не отстаивалъ, «Катихизисовъ», уважалъ гонимаго и въ послѣдствіи дорожилъ его совѣтами. Шатка наша бѣдная человѣческая природа! Грустно вспомнить, что такіе честные люди, какъ добродушный Шишковъ и Стасъ-Секретарь Кикинъ, могли поддаться вліянію Фотія!

1824—1825.

Похоже ли въ эту пору сказанное о немъ съ тѣмъ, что говорено въ 1814—1817? Тогда онъ: «витія, писатель, ученѣйшій мужъ, образователь всѣхъ отличныхъ духовныхъ заведеній» и т. д. Теперь онъ: «человѣкъ вредный Православію—«и ничего-то путнаго не сказалъ, не написалъ, не сдѣлалъ!»..

1827—1830—1837.

Въ 1827 г. Фотій вновь напоминаетъ Филарету объ его благодѣяніяхъ; въ письмѣ, отъ 26 Ноября 1830, онъ радуется его служенію въ Церкви Божіей словомъ и дѣломъ и восклицаетъ: «Всеблагій и дивный во святыхъ своихъ Господь, удивляя въ тебѣ вся хотѣнія своя, благоволилъ тебе сохранить подъ сѣнію покровя своего отъ чуднаго недуга, отъ многихъ лѣтъ въ писаніи явленнаго (отъ холеры). Спасеніе твое отъ летящаго недуга среди паствы твоея есть дѣйствіе перста Божія. Не дивлюся сему въ тебѣ. Кто не видитъ и во всемъ съ тобою перста Божіаго, Святитель Божій!.. Ты нуженъ Церкви Божіей!.. Да свѣтитъ свѣтъ Господень въ тебѣ всѣмъ и мнѣ, да между всѣми тѣнь сладости свѣтлѣнія твоего въ дѣлѣ благодати коснется и гортани сердца моего.» Наконецъ въ письмѣ къ Жадовской, отъ 26 Ноября, 1837 г., онъ говоритъ: «Я за знаменіе Божіей благодати полагаю въ томъ, кто изъ Москвичей своего пастыря, наставника и учителя, Святителя Филарета, почитаетъ, по Бозѣ истинно слушаетъ. Я скажу то, что никогда инаго слова не слышалъ отъ Филарета Митрополита, какъ на пользу души.... Никогда не посылалъ Богъ такого мудраго пастыря граду Москвѣ, какъ Филарета. Жизнь его лучше Платона, какъ серебро олова. Его намѣренія всегда человѣколюбны и превосходны. Пастырь, Ангелъ Господень! Есть нѣкая настоятельница въ паствѣ его, и почитаетъ его за святаго: и я ее почитаю единственно за праведную въ женахъ, что праведно поступаетъ, такъ почитаю своего Святителя. Ея душа не погибнетъ: благословеніе Архіерейское исполнить въ ней мѣру совершенства во спасеніе. Правда, не всегда Филаретъ по природѣ разливается въ чувствахъ нѣжныхъ, но бываютъ черты

премилая сердцу въ свѣтлости его лица и очесъ. Я объ одномъ болѣе всего Бога молю, дабы быть ему во Святыхъ.»

Какого же довѣрія заслуживаютъ сказанія Фотія? Какой плодъ принесутъ онѣ? Глушенье и соблазны!... Правда: «не возможно не прійти соблазнамъ, но горе тому, чрезъ кого они приходятъ» (Лук. гл. XVII 2, 5).

Только ничтожность и незавидная посредственность, пребывають въ мирѣ съ міромъ.... Кого же и преслѣдовать клеветѣй человеческой и молвъ людской, какъ не Филарета?

Нельзя, конечно, требовать, чтобы всѣ поняли, оцѣнили и полюбили одинаково кого бы то ни было. Независящія отъ насъ въ жизни встрѣчи, случаи и недоразумѣнія, не рѣдко оставляють въ душѣ слѣды непріятныхъ столкновений. Такъ не любилъ Московскаго Филарета ученый и даровитый ученикъ его, Павскій (мои «Записки» стр. 89 — 91); такъ не отдавалъ ему сираведливости просвѣщенный и полезный служитель Церкви, Оеофилактъ;¹² такъ извѣстный писатель и дѣятель духовный, Филаретъ, Черниговскій, Ректоръ Московской Духовной Академіи до Архіерейства, порой досадовалъ на него за нѣкоторыя замѣчанія на свои труды (тамъ же стр. 86); такъ и всеуважаемые Іерархи, оба Иннокентія, Пензенскій и Таврическій, не вполне понимали его. Пензенскій, однако, хоть не скоро, да убѣдился въ его правотѣ и искренности: недоразумѣнія съ обѣихъ сторонъ были легко забыты; Филаретъ постоянно отзывался объ Иннокентіѣ дружелюбно; Иннокентій прекратилъ свои сѣто-

¹² А вотъ что сказалъ о немъ незлобивый Филаретъ въ письмѣ къ Гавріилу, Архіепископу Тверскому, отъ 29 Мая, 1824 г.: «Вы помогли мнѣ оплакивать Пресвященнаго Симеона (Ярославскаго), а теперь помогите оплакивать Пресвященнаго Оеофилакта. Служилъ, обѣдалъ, почивалъ, проснулся, исповѣдался, скончался. Едва вѣрю, но нельзя не вѣрить: нишу оттуда Пресвященному Викарію. Да будутъ блаженны умирающіе о «Господѣ! Не должно ли сказать и то, что за тѣми словами слѣдуетъ у тайновидца: «Горе живущимъ на землѣ?» См.: «Душеполезное Чтеніе» Апр. 1869 г. Не надо смѣшивать писемъ Московскаго Митрополита къ Гавріилу Тверскому, помѣщенныхъ въ «Душепол. Чтеніи», съ его же письмами къ другому Гавріилу Рязанскому, которыя напечатаны въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1869 г. кн. 1.

ванія на Филарета, особенно же когда не стало тѣхъ лицъ, которыя, по ревности не по разуму, и не понимая послѣдняго, смущали перваго. Правда, они также повинились потомъ въ своей несправедливости къ порицаемому ими туне; но въ то время большое имѣли значеніе опрометчивыя сужденія такихъ особъ, какъ, на примѣръ, Кн. С. С. Мещерская, бывшая въ силѣ при Дворѣ и въ такой милости у Императора, что ей, съ Княгиней Голицыной, пожаловано 100 т. р. изъ Инвалиднаго капитала. Такой слухъ носился по Петербургу. Пусть же теперь литературные сыщики выкапываютъ и ловятъ какую ни будь строчку, намекъ, слово на безмолвно переносившаго пересуды: не собрать имъ такой обильной пищи злорадству, какую приготовилъ имъ Фотій. Записки послѣдняго хранятся въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ. Внутреннее достоинство ихъ достаточно уже раскрыто отрывками, выше обсужденными и разъясненными. Но какъ бы ни пристрастны, какъ бы ни лживы были онѣ, все же необходимо ихъ огласить вполнѣ, чтобъ отдѣлить все достовѣрное отъ невѣрнаго въ повѣствованіяхъ Фотія о событіяхъ и лицахъ. Не уже ли Московская Духовная Академія не позаботится о толковомъ изданіи его «Записокъ,» съ изслѣдованіями и поясненіями историческими, біографическими, хронологическими и т. д.? Тогда только окажется, какъ говорилъ Филаретъ, что тутъ правда и неправда. Впрочемъ, если Академія, при другихъ занятіяхъ своихъ, не можетъ приступить къ такому труду вскорѣ, то Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, безъ сомнѣнія, не отказалось бы отъ него, если бы рукопись Фотія была передана Обществу, а также и всѣ, относящіяся къ ней, свѣдѣнія, какія могутъ найтись въ Академіи, бумаги, письма и т. п. Что до Иннокентія Херсонскаго и Таврическаго, нелюбовно отзывался онъ о Московскомъ Митрополитѣ въ письмахъ къ Архіепископу Гавріилу Рязанскому. ¹⁴ Онъ пишетъ, на примѣръ: «Москва, по старой привычкѣ своей, не уمدлила сдѣлать изъ меня явной оппозиціи своему (къ сожалѣнію, не любимому) Владыкѣ... Онъ самъ принялъ меня, по видимому, съ искреннимъ участіемъ, но съ

¹⁴ Чтенія въ Обществѣ Ист. и Древн. Россійскихъ, 1869 г., кн. 1, отд. V, стр. 57—158.

какимъ то вмѣстѣ замѣшательствомъ и какъ бы стыдомъ. Замѣтилъ, что я не учащаю моихъ посѣщеній къ нему, хотя жилъ въ Москвѣ недѣлю.» Потомъ: «Въ праздникъ Алексѣя Митрополита я имѣлъ удовольствіе въ первый разъ слышать Преосвященнаго Филарета проповѣдающимъ. Слово было написано очень умно, но по всѣмъ правиламъ школы, безъ приспособленія къ понятію слушателей; произнесено хорошо, но такъ, какъ произносятъ по Указу Консисторіи. Такому огромному таланту теряться въ ребяческихъ формахъ!... Истинно жалы!...»

Не уже ли соперничество съ великимъ проповѣдникомъ внушило ему такой странный отзывъ? «Истинно жалы!» его же словами скажу на это. Нелюбимому Владыкѣ великую, однако, любовь обнаружилъ Москва по кончинѣ его.

Далѣе: Митрополитъ принялъ его «съ замѣшательствомъ и стыдомъ!» Эти слова объясняются мрачнымъ, въ 1841 году, настроеніемъ духа его передъ отъѣздомъ изъ Кіева въ Вологду. Сказавъ, что онъ оставилъ безъ отвѣта поздравительное письмо Оберъ-Прокурора, Графа Протасова, «съ возведеніемъ его на степень Епархіальнаго Епископа;» что «его нагло отрываютъ отъ своего мѣста, любимаго круга занятій и, безъ особенной причины и цѣли, бросаютъ въ отдаленный Сѣверъ,» онъ потомъ рассказываетъ, какъ назначеніе его подѣйствовало на другихъ: «Кіевъ завопилъ противъ него всею силою своего голоса; въ слѣдъ за тѣмъ понеслись со всѣхъ сторонъ сожалѣнія и недоумѣнія. На бѣду этому тревоженію содѣйствовали самые столпы Церкви. Владыка Кіевскій пріѣзжаетъ провѣдать больного, и при людяхъ закликаетъ именемъ Божіимъ перенести искушеніе. Владыка Московскій пишетъ съ великимъ сожалѣніемъ о случившемся и съ желаніемъ, чтобы я своею славою (о! о!) озарилъ Вологду. Пишетъ непосредственно въ другой разъ къ Владыкѣ Кіевскому съ увѣдомленіемъ, что они рѣшились единодушно представить меня въ Каменецъ, изъ уваженія къ состоянію моего здоровья. О томъ же пишетъ Преосвященный Іона, и проситъ помолиться объ успѣхѣхъ предпріятія. Такой жалобный хоръ не могъ не смутить всякаго, а я долженъ былъ слушать его на одрѣ болѣзненномъ.»

Не останавливаясь на восклицаніи: «о! о!»—знакъ явнаго неблаговоленія проповѣдника къ проповѣднику, раскрою источникъ не мирныхъ чувствъ одного къ другому. Кто смолodu, кромѣ развѣ совершенно сухихъ, холодныхъ, лѣживыхъ умовъ, не увлекался подъ частъ, невольно, безсознательно, новизной смѣлой мысли, пышною на показъ рѣчью (*phrase gonflante*), даже удачнымъ только выраженіемъ? Многіе ли же изъ юноученныхъ мыслителей вовсе не поддавались порой вліянію современныхъ стремленій той или другой школы Философіи на Западѣ и не ослѣплялись, такъ сказать, космополито-религіозными блестящими въ разглагольствованіяхъ мечтателей? Такъ и нашъ молодой ученый Иннокентій, при началѣ своего поприща, увлекался навѣянными со стороны умопредставленіями (идеями). Филаретъ замѣчалъ его увлеченія, и нерѣдко въ бесѣдахъ своихъ съ нимъ обличалъ то или другое уклоненіе его отъ строго Православнаго ученія.

Но обличаемый, или побѣждаемый, едва ли когда бываетъ признателемъ и любовенъ къ своему обличителю и побѣдителю. Не легко признать себя меньшимъ предъ кѣмъ бы то ни было!

Таковы были ихъ отношенія съ 1826 по 1829. Не менѣе того Митрополитъ, уже извѣстный учитель и проповѣдникъ, цѣнилъ даровитость новаго учителя и проповѣдника, и тѣмъ болѣе, что послѣдній, мужая духомъ и богатѣя свѣдѣніями, чистосердечно отказался отъ заблужденій, въ которыхъ укорялъ его Московскій Первосвятитель. И вотъ какъ это случилось: Синодъ, отдавая справедливость ученой и служебной дѣятельности Архимандрита, желалъ возвести его въ санъ Епископа. Нѣкоторые изъ Членовъ сомнѣвались въ чистотѣ догматическихъ убѣжденій Иннокентія. Первоприсутствующій, при обычной перѣшительности своей, не могъ дать себѣ отвѣта на возникшій въ душѣ его вопросъ: кого обрѣтетъ въ новомъ Архіереѣ Церковь: пастыря ли добраго, или же колеблемаго вѣтромъ ученія по стихіямъ міра? Онъ прибѣгаетъ къ единственному средству: онъ возлагаетъ на Филарета испытать Иннокентія. Испытатель принялъ испытуемаго уже не какъ гостя и собесѣдника, а какъ Архипастырь монаха, какъ вліятельнѣйшій Членъ Св. Правительствующаго Синода, какъ учитель и просвѣтитель духовенства двухъ столицъ съ ихъ Епархіями.

Онъ повелъ съ нимъ не ту уже мягкую, бережную рѣчь, какою, убѣждая его дотола, щадилъ въ немъ щекотливость самолюбія; онъ потребовалъ отъ него полной, такъ сказать, исповѣди. Иннокентій высказался честно. Филаретъ обратилъ тогда къ нему то мощное и съ тѣмъ вмѣстѣ строго-любтивное Апостольское слово, по ученію и догматамъ Восточной Церкви, слово крѣпкое крѣпостию глубокосердечной вѣры проповѣдника, слово самой истины, на которое нѣтъ возраженій.... Иннокентій сознался въ своихъ заблужденіяхъ и былъ тронутъ до того, что, какъ пронесся тогда слухъ, заплакалъ.... Но слезы не потопили человѣческое въ немъ тщеславіе и гордость самолюбія.

Испытатель поручился за него—и онъ былъ возведенъ въ санъ Епископа. Митрополитъ слѣдилъ за нимъ, и радовался его успѣхамъ ученымъ и проповѣдническимъ. А Иннокентій, какъ выше указано, умалялъ, даже уничтожалъ его славу, какъ проповѣдника!.. Филаретъ не хвалилъ только его коммунистическія рѣчи (на пр., въ «Москвитянинѣ») и многія мѣста тамъ и сямъ черезъ чуръ драматическія и лирическія, на показъ (эффектныя). Нѣтъ искренности въ рисованіи; плохо вѣрится возгласамъ; кафедра не зрѣлище, проповѣдникъ не актеръ. Такія мѣста встрѣчаются даже и въ «Седмицахъ.» ¹⁵ Правда, неожиданныя выходы

¹⁵ Въ подтвержденіе сказаннаго и рассказаннаго здѣсь, приведемъ слова самаго Святителя изъ изданія А. Н. М.: «Письма М. М. Филарета. Кіевъ, 1869.» Настоящая статья поступила въ редакцію вскорѣ по выходѣ 2-й кн. нашихъ «Чтеній,» а изданіе Муравьева появилось въ Москвѣ лишь недавно. Вотъ слова Владыки (письмо 10, стр. 21): «Бесѣды Страстной Недѣли получилъ до Вашего письма, а имъ побужденъ былъ прочесть нѣкоторыя. Отлично много способностей: но, какъ Вамъ угодно, а я желалъ бы, чтобы спокойный разумъ прощелъ по работѣ живаго и сильнаго воображенія, и очистилъ дѣло. Проповѣдь: «Старецъ сказалъ монахамъ: Будемъ плакать!—и мы будемъ плакать при гробѣ Господнемъ,» не знаю, понравится ли разуму, если не дать себѣ ослѣпиться поверхностными блесками. Какъ малъ примѣръ для самаго великаго предмета! Какъ небрежно, неполно и невѣрно пересказана проповѣдь С. Макарія! На Голгоѣ не было, видишь, проповѣди! Какъ легко остроуміе убиваетъ истину! Проповѣдь: «Дщери Иерусалимски, не плачьтеся о мнѣ,» и пр., не есть ли точно проповѣдь, и не могла ли быть ближайшимъ образцомъ разбираемой теперь, нежели изреченіе С. Макарія? А: «Совершишася!» не есть ли сіе величайшая

производятъ впечатлѣніе на слушателей, но оно мимолетно, какъ музыка, цвѣты, благоуханіе, ласкающіе чувства: умолкла музыка, увяли цвѣты, испарился запахъ, и—пріятныя ощущенія забыты. Не побѣдилъ онъ Филарета, порываясь дѣйствовать на сердце, и дѣйствуя преимущественно на чувства. Московскій Златоустъ дѣйствуетъ на разумъ, поучаетъ, убѣждаетъ, трогаетъ, укрѣпляетъ, исправляетъ и принятое головой поствѣвается въ сердцѣ, и многіе,

изъ проповѣдей? И Сотникъ сказалъ свою проповѣдь: «Во истину Божій Сынъ бѣ сей.» Проповѣдь сія не много короче разбираемой, и развѣ по тому только не проповѣдь, что Сотникъ не былъ Докторъ Богословія, и произнесъ ее безъ аналогіи и каедръ.» Издатель въ своихъ поясненіяхъ говоритъ (стр. 23): «Мнѣніе его (Филарета) о проповѣдяхъ Пр. Иннокентія, показываетъ всю глубину и проникаемость его критическаго взгляда. Мнѣ случилось присутствовать при бесѣдѣ снхъ двухъ гениальныхъ людей, но Иннокентій казался далеко не въ уровень предъ Филаретомъ, и критическій молотъ сего великаго старца разбивалъ въ пухъ всѣ легкія восторженныя сужденія юнаго Епископа.» Много любопытнаго въ поясненіяхъ А. Н. М., но много же и неудовлетворительнаго, уклончиваго, невѣрнаго, ошибочнаго. На примѣръ (стр. 95): «Община Одигитріева была основана недалеко отъ Новаго Іерусалима благочестивою Княгинею Мещерскою, которая впоследствии была тамъ первою Игуменьею, а послѣ нея, ея племянница, Озерова.» Въ Словахъ и Рѣчахъ (ч. III, стр. 170—172), Бесѣда 19, о дивныхъ судьбахъ Троице-Одигитріевскаго Общежитія, приписывается основаніе его Грузинской Царевнѣ Тамарѣ, какъ это видно изъ письма Митрополита къ Муравьеву (стр. 94), названной въ изданіи Тамарой. Княгиня же Мещерская основала Аносинское Борисо-Глѣбское женское общежитіе, гдѣ и теперь Игуменіей внучка ея (Озерова). Княгиня Е. Н. Мещерская названа даже въ оглавленіи Бесѣды при открытіи общежитія (ч. II, стр. 13). Но предоставимъ спеціалистамъ провѣрить и оцѣнить снѣдвія, мелькающія въ объясненіяхъ, оговоркахъ, особенно же словопрвнїяхъ и самооправданіяхъ издателя. Мы укажемъ только на важнѣйшія, по своему содержанію, три письма Филарета: «О времени предложенія Св. даровъ.» (Душепол. Чтеніе Сент. 1869). В. П. Нечаевъ, почтенный редакторъ журнала, по истинѣ душѣ полезнаго, помѣстилъ ихъ, вмѣстѣ съ письмами А. Н. М., въ дополненіе къ своей прекрасной статьѣ: «О Св. возношеніи въ Литургіи вѣрныхъ.» Для исторической правды, или хоть ради библіографіи, слѣдовало бы сказать, что эта переписка, за полтора года до изданія писемъ Митрополита къ М., помѣщена въ «Запискахъ Сушкова о жизни и времени Святителя, » и тѣмъ болѣе, что издатель писемъ (стр. 215) говоритъ, что списки

* Прилож. стр. 173—149.

конечно, благодатно уразумѣли и уразумѣютъ изреченіе учителя: «Покоренный умъ позналъ и сердцемъ пріялъ вѣчныя истины.»

Такъ и самая «преданность Богу, зачатая отъ убѣжденія ума, перерождается въ живое чувство сердца. См.: «Слова и рѣчи Филарета М. М. ч. 1, стр. 159.

полемики «появились въ печати, но не въ удовлетворительномъ видѣ.» Это, впрочемъ, еще вопросъ, который будетъ разъясненъ повѣркой напечатаннаго, какъ въ Запискахъ Сушкова, такъ и въ изданной книгѣ А. Н. М., съ тѣми дополненіями и списками, которые переданы самимъ Филаретомъ въ Московскую Духовную Академію. Во всякомъ случаѣ едва ли можно назвать полемикой (таже 215), съ одной стороны вопросы и защитительныя писанія мірянина, вовсе не богослова, съ другой отвѣты и опроверженія догматика, святителя; проповѣдника; другими словами: заблужденія ученика и назиданія учителя. Странно и непріятно читать въ предисловіи къ полемикѣ: «Началась между нами (между Филаретомъ и Муравьевымъ!) странная и не совсѣмъ пріятная переписка» (таже 215). Видно Іерархъ не убѣдилъ писателя. Не возьметъ ли на себя Московская Духовная Академія разъяснить весь ходъ этой переписки благосклоннаго наставника съ настойчивымъ совопросникомъ? И кому же, какъ не ей, да Обществу Любителей Духовнаго Просвѣщенія слѣдить за всѣмъ, что теперь пишется, печатается и разглаговствуется о Святителѣ, чтобы разгонять тѣни, накидываемыя на свѣтлое имя его, когда завистью и клеветкою, когда невѣжествомъ и упрямствомъ, когда спесью и тщеславіемъ? Легко живущему еще на землѣ сказать свое послѣднее слово взятому съ земли: изъ за могилы не боишься обличенія. Такъ и многія, даже очень многія, письма, изданныя Г. Муравьевымъ, нужно разъяснить опредѣлительнѣе, особенно же когда рѣчь идетъ о догматическихъ и церковныхъ вопросахъ, на примѣръ: письма 437—441, гдѣ, между прочимъ, видно, что не радуется Митрополитъ тому, что «свѣтская особа» сочиняетъ Акаѳистъ Апостолу Андрею Первозванному; также отзывы къ вразумленію извѣстнаго Овербека (стр. 640—644) и касательно нѣкоего Аббата Маундреля (657 — 661). Не Мандрюэль ли? А сколько неудовлетворительно объясненныхъ, или пройденныхъ молчаніемъ, событій и случаевъ въ продолженіе 35-лѣтней переписки, совѣтовъ, уроковъ и назиданій въ письмахъ, указаній издателя ихъ, требовавшихъ справокъ, изслѣдованій, опроверженій и т. п., его, наконецъ, недоразумѣній, столкновеній, подозрѣній и жалобъ на мірянъ и на духовныхъ лицъ: на Князю Циціанову, на Секретаря Владыки Святославскаго, на Економа Троицкаго подворья (пристанище Московскихъ Перво-святителей въ Петербургѣ), на редакторовъ газетъ и журналовъ: Протоіерея Н. А. Сергіевского, Аксакова и иныхъ, и на многихъ и на многое!... Все это

И такъ источникъ неблаговоленія Архіепископа къ Митрополиту—ревнивое чувство соперничества..... Но миръ вамъ, понявшимъ и не понявшимъ Московскаго Филарета! Миръ и добрая память!... За могилой нѣтъ недоразумѣній и соперничества. Каждый получить заслуженное воздаяніе, каждый обрѣтеть мѣсто: «Въ дому отца моего обители многи суть» (Іоан. XIV, 2).

Николай Сушковъ.

требуется строгой повѣрки и исторической оцѣнки, не только писемъ, но и оговорокъ, оправданій, рассказовъ, сужденій издателя. «Вся же искушающе, добрая держите,» и «отъ всякія вещи злыя отгребайтесь» (1 Солун. 5, 20—21).
О. Б.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

О Б Ъ

ИГОЛЬЧАТЫХЪ РУЖЬЯХЪ.

Разгромъ Австрійцевъ при Кёдигингрецъ, или Садовой, возбуждалъ вниманіе всѣхъ военныхъ людей. Каждый, какъ говорится, съѣлъ на своемъ кончикѣ: Баронъ Жоини приписываетъ успѣхъ Прусаковъ стратегическому, мудро составленному, плану, въ слѣдствіе котораго обѣ Прусскія арміи (1-я и 2-я), направленные съ разныхъ сторонъ, соединились въ данное время для пораженія непріятеля; при этомъ знаменитый стратегикъ даетъ игольчатому ружью второстепенное уже значеніе. Сторонники артиллеріи выставляютъ ее, какъ могущественно повліявшую на разгромленіе арміи Бенедекъ и т. д. Господствующее же мнѣніе приписываетъ главный успѣхъ Прусаковъ ихъ игольчатому ружью.

На сколько каждое изъ этихъ мнѣній основательно, судить не буду, но думаю, что главною причиною разгрома едва ли не былъ составъ противоборствовавшихъ армій: Прусская, за малымъ исключеніемъ (Познанцевъ-Католиковъ), была вся составлена изъ одной соплеменной народности, одного Вѣроисповѣданія, языка и обычаевъ, между тѣмъ какъ Австрійская представляла изъ себя какъ бы мозаику, сложенную изъ различныхъ племенъ и народовъ, съ рѣзкими противоположностями характеристическихъ свойствъ и политическихъ мнѣній, стремленій, надеждъ; здѣсь были особенные по областямъ полки Австрійцевъ и другихъ Нѣмцевъ, Венгерцевъ, Итальянцевъ, Тирольцевъ, жи-

телей Баната, Буковины, Трансильваніи, Чехіи, Моравіи, Далмаціи, Хорваціи, Крайны, Хорутаніи, Штиріи, Галиціи, Поляковъ и т. п., что все дѣлало части Австрійской арміи совершенно не похожими одна на другую, иногда же совершенно противоположными, не одинаково сочувствующими славѣ Имперіи; были и такіе, которые тайно вовсе не желали торжества Австрійской арміи, хотя и составляли часть оной, какъ, на примѣръ, Венгерцы, которымъ, для достиженія своего заповѣднаго желанія, предстояло легче справиться съ пораженными, нежели съ торжествующими, Габсбургами, что теперь очень ясно и обнаружилось. За Венгерцами и Чехи начали заявлять свои права несравненно крѣпче, нежели когда либо, и стали домогаться того же, что даровано Венгріи; за ними пробудились и другіи Славянскія племена Австріи, чего, повторяю, не могло бы быть, если бы Австрія въ 1866 году вышла побѣдительницей, и тогда силой Нѣмецкаго элемента могла бы подавлять всякія подобныя попытки.

Изъ таковыхъ-то элементовъ была сложена Австрійская армія: Присоединивъ же къ этому еще и то, что въ головѣ Прусаковъ при Садовой стоялъ самъ Король и главными дѣятелями были: одной арміи Наслѣдный Принцъ, другой братъ его; между тѣмъ у Австрійцевъ, какъ въ послѣдствіи оказалось, Фельдмаршалъ Бенедекъ былъ стѣсненъ не вполне еще исчезнувшимъ въ Австріи Гофъ-Кригсъ-Ратомъ, то такое положеніе не могло не имѣть совершенно противоположнаго вліянія на ту и на другую армію. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что, независимо отъ всего выше сказаннаго, Австрійская армія, до начала еще Садовской битвы, была въ половину уже побѣждена, въ особенности нравственно, зная себя вооруженной не тѣмъ оружіемъ, какими были вооружены ея противники и о которомъ рассказы, еще болѣе увеличенные, нежели были въ дѣйствительности, заронили въ солдатъ недоувѣренность, какъ близкій синонимъ страха. Не всѣ племена обладаютъ тѣми неподражаемыми качествами, которыми одарены Русскіе, кои въ послѣднее время торжественно подтвердили это въ Севастополѣ и вообще въ Крымской кампаніи; ибо въ отношеніи вооруженія мы были противъ союзниковъ въ томъ же положеніи, какъ въ Садовской Австрійцы противъ Прусаковъ, а разобравъ ближе, то, пожалуй, еще и въ худшемъ.

Почтенный сочинитель превосходной статьи: «Австро-Прусская война 1866 года» (Воен. Сборн. 1867 г., № 3, 6), рассуждая о томъ, что игольчатое ружье не у каждаго въ рукахъ окажетъ одинаковое дѣйствіе, и исчисляя успѣхи Прусаковъ, съ глубокою практическою точностью (нынѣ столь рѣдкою въ военныхъ сочиненіяхъ) опредѣляетъ ихъ, ставя зависимость отъ предварительнаго приготовленія солдата, его нравственно-политическаго состоянія, и, исходя изъ этой точки, относитъ разгромъ Австрійцевъ не исключительно однимъ только ружьямъ Прусаковъ, дѣлая между прочими слѣдующее заключеніе (№ 6, стр. 215): «Въ военное время долженъ былъ битъ тотъ, кого бьютъ въ мирное время, если онъ только встрѣтитъ ся съ небитымъ.» Само собой разумѣется, что это относится къ различію дисциплинарныхъ уставовъ, существовавшихъ, или доселѣ еще существующихъ, въ обѣихъ арміяхъ. Сознаюсь, что я далеко не раздѣляю этого вывода въ общемъ его смыслѣ, и едва ли онъ можетъ быть приложенъ ко всѣмъ, чтобы «битый въ мирное время долженъ быть битымъ въ военное не битымъ.» Въ каждомъ Государствѣ дисциплинарные уставы основываются на общихъ свойствахъ народа и на степени его просвѣщенія. Мы видимъ, что въ настоящее время Англія, въ извѣстныхъ случаяхъ, вновь ввела въ свои законы тѣлесныя наказанія, и даже очень жестокія. На грубаго, нравственно ¹ не развитаго, человѣка можетъ дѣйствовать только страхъ физическій; его животная природа не признаетъ иного; всякое другое впечатлѣніе скользнуть на немъ.

У насъ, когда не только что розги и палки, но тесаки и шомпола были въ полномъ ходу, не мѣшало же, однако, намъ, битымъ въ мирное время, бить и въ военное тѣхъ, которые вовсе не подвергались тѣлесному наказанію. Мы громили Прусаковъ, бывшихъ подъ предводительствомъ генія-полковода-Государя, Фридриха Великаго, въ то самое время, когда онъ разбивалъ Австрійцевъ и Французовъ; мы разбивали его и овла-

¹ Во флотѣ же тѣлесныя дисциплинарныя взысканія никогда не прекращались, и имъ подвергаются Мичманы, даже часто сыновья Лордовъ!

дѣла столицей Пруссіи. Въ Ларгѣ и Кагулѣ громили Турокъ, никогда въ мирное время не подвергавшихся тѣлесному наказанію; исключая прямого лишенія жизни. Въ Италіи громили Французовъ, вовсе изъятыхъ отъ такихъ наказаній; въ 1812—1815 тоже и пр. Теперь и мы сдѣлались полунебитыми: смягченіе нравовъ и развивающееся умственное образованіе того требовали.²

Но какъ бы то ни было, а общій авторитетъ, повторяю, отнесъ разгромленіе Австрійцевъ скорострѣльному оружію Прусаковъ, и всѣ Государства поспѣшили вооружать свои арміи по образцу Прусской системы Дрейзена, съ нѣкоторыми измѣненіями, усовершенствованіями и т. п.

До сихъ поръ мы видѣли только Прусаковъ, вооруженныхъ такими скорострѣлками противъ Австрійцевъ, не имѣвшихъ оныхъ; Французовъ, съ «своими шасспо,» противъ Гарибальдійцевъ, болѣею частію босыхъ мальчишекъ съ револьверами и бѣлымъ оружіемъ, и наконецъ въ Абисиніи, гдѣ Непиръ, съ своими Англичанами, испыталъ дѣйствіе скорострѣлокъ противъ арміи, или лучше сказать, сброда, скученнаго Императоромъ Теодоромъ и преимущественно вооруженнаго колотушками. Въ этѣхъ трехъ случаяхъ успѣхъ остался на сторонѣ скорострѣлокъ, и Французскій Генералъ, командовавшій при Монтанѣ, въ донесеніи своемъ говоритъ: «Шасспо творилъ чудеса!»³

Было бы безразсудно не признавать преимущества скорострѣлокъ, и при томъ еще посылающихъ пули несравненно далѣе противъ ружей прежнихъ системъ, и въ этомъ отношеніи превос-

² Не слѣдуетъ, однако же, думать, что и тогда палки и т. п. была общеупотребительны и чтобы правило это было общимъ. Были полки одной и той же бригады, изъ коихъ въ одномъ употреблялось тѣлесное наказаніе, а въ другомъ не знали онаго, но знали, что шефъ, или полковой командиръ, были въ правѣ употреблять его, который замѣнялъ его другими дисциплинарными взысканіями и исполнѣ успѣвалъ. Я могъ бы, съ 1807 г., назвать многіе полки и шефовъ, такъ дѣйствовавшихъ.

³ У Французовъ такія выраженія ни по чемъ. Давно ли мы читали рапортъ Французскаго Маршала, начинающійся словами: «Le canon du Votre Majesté a grondé» и т. д?

ходящихъ систему Минье, также, и въ недавнее еще время, на-
дѣлавшей столько шуму, не смотря на важные недостатки свои
въ прицѣлѣ на быстро приближающагося непріятеля. ⁴ Съ другой
же стороны безразсудно отвергать общее значеніе скорострѣлокъ
въ битвахъ прежде столкновенія двухъ армій, одинаково воору-
женныхъ и при одинаковыхъ условіяхъ. Здѣсь уже не теорія, а
практика (послѣ опытовъ и разсмотрѣнія предмета со всѣхъ сто-
ронъ, изобразивъ ясно все то, что можно сказать объ этомъ пред-
метѣ «за и противъ») произнесетъ свой приговоръ. До тѣхъ же
поръ превозносить губительное дѣйствіе этого оружія значить
колебать, пугать тѣхъ, у которыхъ поднесъ тверда еще Суво-
ровская поговорка: «Пуля—дура, штыкъ—молодецъ.» Мнѣ случалось
уже слышать, какое грустное вліяніе производитъ описаніе убій-
ственного дѣйствія этого ружья на молодыхъ, неопытныхъ еще, го-
ловы; и это очень понятно: имъ представляется только одна ли-
цевая сторона, а взглянувъ на изнанку, увидимъ, что битвы съ
этѣмъ ужаснымъ оружіемъ сдѣлались несравненно менѣе крово-
пролитными, а по тому, вопреки безусловнымъ сторонникамъ ско-
рострѣлокъ, и жизнь въ битвахъ подвергается меньшей опасности
противъ прежнихъ битвъ съ ружьями старыхъ системъ, какъ это
увидимъ далѣе.

Неоспоримо, что ружье новѣйшей системы, при оборонѣ тѣс-
нинъ, ущелій, деревень и другихъ строеній, опушки лѣса, сло-
вомъ, вездѣ тамъ, гдѣ обороняющійся можетъ быть болѣе или
менѣе прикрытъ какимъ либо предметомъ, конечно, губительно,
но тому что вооруженные имъ, будучи болѣе или менѣе прикры-
тыми, такъ сказать, невидимыми, начинаютъ вредить наступаю-
щему учащенно, посылая въ него пули на разстояніе, несравненно

⁴ По теоріи, вооруженные штуцерами Минье, должны были истреблять против-
ника въ нѣсколько мннута; на практикѣ же вышло совсѣмъ другое. Адмиралъ
Нахимовъ, въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, служилъ для нихъ цѣлью, на самый
вѣрный прицѣлъ, и только послѣ столь долгаго времени, когда въ него послано
было, можетъ быть, нѣсколько тысячъ пуль, роковая и, къ отчаянію штуцер-
мановъ, еще не штуцерная, а простая, пуля сложила героя. Въ другомъ
мѣстѣ я говорилъ объ этомъ подробно (см. «Матеріалы для Отечественной войны
1812 г. Спб. 1867,» стр. 9).

дальнѣйшее противъ прежнихъ ружей. Но въ полевыхъ Генеральныхъ битвахъ всѣ преимущества этѣ должны почти не только что исчезнуть, но, очень можетъ быть, повлекутъ за собой, для нѣкоторыхъ армій, и гибельныя послѣдствія, о чемъ скажу далѣе, а теперь попытаюсь навести ученыхъ на предметъ, который до сихъ поръ, кажется, не былъ еще принятъ въ соображеніе, и вотъ именно на что:

Каждый народъ имѣетъ свои характеристическія свойства, свои нравы, обычаи, привычки и пр. Все это никогда и нигдѣ не обнаруживается такъ сильно, какъ во время войны, и особенно въ день битвы, при встрѣчѣ лицомъ къ лицу со смертію, когда человѣкъ обнажаетъ всѣ свои природныя свойства, всѣ свои страсти, которыя, въ мирное время, на учебныхъ мѣстахъ, не возбуждаются, гдѣ обязанность дисциплины, необходимость вытѣрживанія наставленій, обуздываетъ его природу. По тому-то мы и встрѣчаемъ разительныя противоположности во вліяніи однихъ и тѣхъ же опасностей на тотъ, или другой, народъ.⁵

⁵ Мы видимъ, что устрашающее однихъ возбуждаетъ мужество въ другихъ; средство, употребленное съ успѣхомъ противъ войскъ одного Государства, не дѣйствуетъ противъ другой страны; однихъ можно одушевить тѣмъ, отъ чего другіе теряютъ духъ; опасность положенія надѣляетъ мужествомъ одного, тогда какъ другой отъ того же самаго приходитъ въ робость; одни безстрашно выдерживаютъ огонь артиллеріи, но теряютъ присутствіе духа отъ свиста пуль, между тѣмъ какъ другіе, почитая тучи сихъ послѣднихъ за ни что, спасаются бѣгствомъ отъ свиста одного ядра, котораго часто страшатся даже болѣе, чѣмъ самой густой картечи. Ночныя тревоги имѣютъ пагубное вліяніе на однихъ, на другихъ же производятъ дѣйствіе совершенно противное; паническій страхъ, это, доселѣ не разгаданное чувство, дѣйствуетъ на одного сильно, но непродолжительно; между тѣмъ какъ другіе подвергаются какъ бы легче, но не скоро отъ онаго освобождаются, такъ что слѣды этой боязни замѣчаются въ нихъ часто въ продолженіе цѣлой компаніи, а иногда и всей войны. Одни упорно обороняются въ крѣпости, когда она обложена кругомъ, но тотчасъ же пользуются случаемъ, если видятъ одну сторону, не занятую непріателемъ, чтобы оставить знамена и бѣжать; на другихъ это не имѣетъ ни какого вліянія, а, напротивъ, надѣляетъ еще ихъ большею отвагой. Одни упорно защищаютъ родную, когда вторгается въ нее непріатель, но не проявляютъ той отваги, когда дѣйствуютъ внѣ отечества своего. Другіе же, напротивъ, дѣйствуютъ мужественнѣе внѣ границъ своихъ, нежели тогда, когда непріатель вторгается къ

Словомъ, по моему крайнему разумѣнію, при введеніи новой системы ружей, должно быть принято во вниманіе главное: природныя характеристическія свойства народовъ, ихъ темпераментъ, естественно истекающій отъ климата, образа издавна существующаго духа правительственнаго строя, обычаевъ и т. п. Въ мирное время успѣхъ въ образованіи солдатъ дѣйствовать скорострѣлками, вѣроятно, будетъ одинаковъ у всѣхъ народовъ, но не то окажется въ военное. Скорострѣлка въ рукахъ Шведа, Датчанина, нѣкоторыхъ племенъ Сѣверной Пруссіи, Голландца, Англичанина (о Русскомъ скажу особо), будетъ имѣть преимущественное значеніе противъ скорострѣлки, находящейся въ рукахъ Француза, Испанца, Итальянца, Грека, Турка и другихъ народностей, рожденныхъ въ странахъ, гдѣ пылкость есть условіе свойствъ климатическихъ, дѣйствующихъ невольно, въ моменты крайностей, на свое природное произведеніе, и гдѣ разсудокъ, хладнокровіе, образованіе въ мирныхъ наставленіяхъ мѣста имѣть не могутъ. Ставъ лицомъ къ лицу со смертію, повторяю, природное свойство беретъ верхъ надъ всѣмъ. Принцъ Карлъ-Фридрихъ, Главнокомандующій 1-ой арміей, почитаемый лучшимъ въ настоящее время полководцемъ, сознаетъ эту истину. Въ инструкціи, составленной имъ для его арміи, встрѣчаемъ, между прочимъ. (Воен. Сб. № 3): «Моральная сила, воображеніе и т. п., до того играютъ важную роль» и т. д. Въ другомъ мѣстѣ: «къ стрѣльбѣ залпами дозволяется прибѣгать не далѣе, какъ на 200 и 300 шаговъ до непріятеля. На такомъ разстояніи можно, конечно, опасаться потери хладнокровія. (Какъ же это было въ наше-то время, когда перестрѣливались не иначе, какъ несравненно ближе?) и беспорядочной стрѣльбы, къ которой заряжаемое съ казны оружіе представляетъ такое удобство.» Чтобы не допускать солдата до безтолковой трескотни, не позволяется заряжать ружье прежде, чѣмъ сойдутся, а заряжать его мгновенно, чего съ прежнимъ ружьемъ сдѣлать было не возможно; и если ружье заряжено, то нельзя рассчитывать, чтобы

нимъ. Исторія всѣхъ временъ представляетъ примѣры тому. Это послѣднее Французы въ наше время доказали, и именно въ 1814 и 1815 годахъ. И я того убѣжденія, что Пруссійскій Ландверъ и Ландштурмъ проявятъ то же самое.

не нашелся въ батальонѣ человекъ, на столько не хладнокровный, чтобы выстрѣлить безъ команды, а за однимъ выстрѣломъ послѣдуютъ сотни, и огонь обратится въ то, что, да и прекратить его становится почти не возможнымъ.» Вообще инструкция пропитана практическими замѣчаніями, основанными на познаніи человека въ минуту очевидной опасности. Приведу еще слѣдующее (стр. 60): «Не нужно перестрѣливаться больше, чѣмъ слѣдуетъ, ⁶ но ограничиться крайне необходимымъ, такъ какъ при продолжительной перестрѣлкѣ потеря въ людяхъ и потронахъ велика, и перестрѣлка никогда не рѣшитъ дѣла, и только служить подготовленіемъ.» И послѣ залповъ отбросить въ штыки. Въ другомъ мѣстѣ: «Если непріятель не будетъ остановленъ залпами и сблизится на 50 — 80 шаговъ, то атаковать его въ штыки;» и еще (стр. 65): «Въ разговорахъ съ солдатами должно растолковать имъ, что съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, ни одна большая побѣда не была выиграна боемъ на большихъ разстояніяхъ. Необходимо схватиться съ врагомъ, т. е., атаковать штыками, если набѣгъ стрѣлковъ недостаточенъ. Въ большей части случаевъ, выраженныхъ атакой, рѣшимость схватиться въ штыки, до того дѣйствуетъ на непріятеля, что онъ поворачиваетъ кругомъ до свалки.» (Стр. 66): «Если непріятель рѣшился насъ атаковать въ штыки, то, предупредивъ людей о нашемъ намѣреніи, открыть дальнюю и частую стрѣлбу, и въ послѣдній моментъ, на разстояніи отъ 20 до 60 шаговъ, броситься впередъ.»

Изъ сего видно, что Принцъ возлагаетъ въ битвахъ главную надежду на успѣхъ не на игольчатое ружье, котораго такъ безсознательно пугаются, а на Суворовскій штыкъ. Здѣсь заслуживаетъ еще вниманія, какъ это видно изъ послѣдней ссылки, что по непріятелю, предпринявшему атаку въ штыки, начинается съ дальняго разстоянія учащенная стрѣлба, а онъ,

⁶ Выраженіе, ни чего не опредѣляющее: взгляды начальниковъ не одинаковы: одинъ будетъ находить, что слѣдуетъ уже прекратить перестрѣлку, другой, что слѣдуетъ еще продолжать оную и т. д.

не смотря на ужасное (предполагаемое) дѣйствіе скорострѣлокъ посылающихъ на весьма дальнее разстояніе свои пули, подходитъ на 20 шаговъ!! Вѣдь теорія должна была давно уже истребить наступающаго до послѣдняго человѣка?

Дѣйствительно, повторю, при оборонѣ закрытыхъ мѣстностей, огонь изъ такихъ ружей долженъ быть чрезвычайно губителенъ, по тому что, кромѣ учащенности своей изъ прикрытаго мѣста, ⁷ огонь этотъ обладаетъ и значительною дальностію пораженія, а по тому наступающій, не будучи прикрытымъ, долженъ подвергать себя огню на несравненно большемъ противъ прежняго пространствѣ, которое, при тогдашнихъ условіяхъ, проходило бы быстрымъ напоромъ ⁸ скорѣе, нежели можно это дѣлать теперь.

Въ линійныхъ же генеральныхъ сраженіяхъ, при одинаковомъ вооруженіи противниковъ (чего еще мы не видали), бой уравнивается, и тогда за штыкомъ, который и въ Инструкціи Прусскаго Принца занимаетъ первую роль въ битвахъ, окажутся тѣ же самыя послѣдствія, какъ и при прежнемъ вооруженіи, съ тою только разницей, что они будутъ несравненно менѣе кровопролитны, нежели были прежніе, когда снаряды дальняго полета были еще не извѣстны.

Въ прежнихъ битвахъ процентъ потерь былъ несравненно выше настоящаго. Министръ Государственной Печати, Графъ Мельмсбери, въ произнесенной имъ рѣчи, 23 Іюля, 1868 г., въ Палатѣ Лордовъ, между прочимъ сказалъ: «Одинъ изъ Фран-

⁷ По инструкціи Принца Карла-Фридриха Прусскаго (Воев. Сборн. 1867 г., № 3, стр. 60), войско должно располагаться въ возможно закрытой позиціи, для произведенія залповъ въ наступающаго непріятеля.

⁸ Подъ Лейпцигомъ, 6-го Октября, Наслѣдній Принцъ Шведскій, пославъ Графа Воронцова съ его отрядомъ (корпуса Барона Винцегероде), атаковать сильно укрѣпленную и упорно до того времени, съ 5-го Октября, защищавшуюся противъ арміи Блюхера деревню Шенфельдъ, приказалъ разрядить ружья, чтобы не заниматься перестрѣлкой, замедляющей приступъ. Воронцовъ съ полками Красовскаго и сводными гренадерами Тимашева мгновенно влетѣлъ въ укрѣпленіе, что въ настоящее время, при дальнихъ полетахъ изъ артиллерійскихъ орудій и ружей, было бы сдѣлано не такъ легко.

цузскихъ Офицеровъ, находящійся въ близкихъ отношеніяхъ съ Парижскимъ Военнымъ Министромъ, вручилъ мнѣ свѣдѣнія, изъ которыхъ оказывается, что въ продолженіе великихъ войнъ въ началѣ нынѣшняго вѣка, жизнь людей истреблялась гораздо болѣе, чѣмъ въ наши дни. Въ битвѣ подъ Фридландомъ Французы лишились 14 процентовъ, Русскіе 30, а Австрійцы 44%, или почти половины арміи.⁹ Подъ Ваграмомъ Французы лишились 13%, а Австрійцы 14. Въ Бородинской битвѣ Французы лишились 33%, а Русскіе 44. Подъ Ватерло Французы потеряли 36, а союзники 30. Сорокъ лѣтъ спустя со времени введенія новаго оружія, Французы потеряли подъ Манджентой 7% своей арміи, Австрійцы тоже 7%. Подъ Сольферино Французы и Сардинцы лишились 10%, а Австрійцы только 8%. Объяснить этѣхъ данныхъ я и не берусь, но изъ нихъ оказывается, что процентное содержаніе людей, погибающихъ во время сраженія, уменьшилось введеніемъ новаго оружія почти вдвое.

Взглянувъ съ этой точки на Австро-Прусскую войну 1866 года, оказывается, что у Австріи съ ея союзниками (исключая Италію) выставлено было въ поле противъ Пруссакъ 360 тыс. человекъ, а всей потери (не считая плѣнныхъ), вмѣстѣ съ Кёнигингрецомъ, было только 21,200 человекъ, что составляетъ шесть процентовъ. У Пруссакъ въ 1 и 2, въ Эльбской и Майнцкой арміяхъ было всего дѣйствующихъ 363,109, а потери, считая тоже и Кёнигингрецъ, было 18,469 человекъ, т. е., пять процентовъ. Изъ сего слѣдуетъ, что Кёнигингрецкая битва, такъ многихъ напугавшая, далеко не была битвой упорной, каковыми были въ 1812 году, на примѣръ, Смоленская, Малоярославецкая и въ особенности Бородинская, гдѣ потери достигали до 50 проц.,¹⁰ а потери составляютъ единственную оцѣнку упорства борьбы; другой оцѣнки и быть не можетъ. Въ Бородинѣ, съ каждой сто-

⁹ Должно быть что либо выпущено въ Спб. Вѣдомостяхъ (№ 194, 1868 г.); ибо подъ Фридландомъ Австрійцевъ не было.

¹⁰ Однихъ Генераловъ въ эту послѣднюю битву убито и ранено: у насъ 23, у Французовъ 49. Здѣсь уже не можетъ быть ни какого и приблизительнаго сравненія съ пресловутой Садовой.

роны было по тысячѣ плѣнныхъ, израненныхъ, ¹¹ и такихъ же по одному Генералу, а подъ Садовой Австрійцы взяли у Пруссаковъ 3023 человекъ въ плѣнъ, а Пруссаки у нихъ 21,700 человекъ и 174 орудія, конечно, несравненно большею частию не защищавшихся, а брошенныхъ. Въ Бородинѣ же съ каждой стороны потеряно 14—18 пушекъ: мы взяли ихъ въ полѣ, а Французы въ люнетахъ или редутахъ (не вполне сооруженныхъ), большею частию подбитыми. Ни съ той, ни съ другой, стороны не было потеряно ни одного знамени.

Но вотъ еще обстоятельство, заслуживающее вниманіе: изъ Прусскихъ отчетовъ видно, что въ кругломъ счетѣ израсходовано во всю кампанію на ружье по семи патроновъ; что по числу дѣйствовавшихъ войскъ, 363,109 человекъ, выпущено патроновъ 2,541,763. Изъ этихъ цифръ выходитъ, что изъ 118 ружейныхъ пуль только одна достигала своей цѣли; ибо вся потеря Австрійцевъ, какъ видѣли выше, заключается только въ 21,200 человекъ; въ Бородинской же битвѣ Французы израсходовали почти въ половину менѣе, и именно: 1,400,000 ружейныхъ зарядовъ; а изъ этого слѣдуетъ, что тогда не 118, а 25 ¹² пуль достигала предмета. Здѣсь не привожу дѣйствія изъ орудій, какъ при Садовой, такъ и при Бородинѣ, не мало содѣйствовавшихъ къ избіенію противниковъ; а принявъ въ расчетъ и ея дѣйствіе, на долю игольчатыхъ ружей достанется немного, въ особенности, когда изъ отчетовъ видно, что артиллерія 1 и 2 только арміи выпустила 37,000 зарядовъ. ¹³ Слѣдуетъ еще замѣтить, что Прус-

¹¹ Сверхъ того на нашемъ лѣвомъ флангѣ было подобрано около такого же числа умирающихъ.

¹² См.: «Кому и въ какой степени принадлежитъ честь Бородинскаго дня?» Спб. 1867, стр. 94.

¹³ Въ «Артил. журналѣ» 1866 г., стр. 661, сказано, что «въ Прусской 1-й и 2-й арміяхъ во всю войну израсходовано въ среднемъ числѣ пзъ 12 фунт. пушекъ, по 13 зарядовъ, изъ 6 ф. парѣзныхъ около 40, а изъ 4 ф. парѣзныхъ же по 88 зарядовъ, что среднимъ числомъ пзъ находившихся при этихъ арміяхъ 800 орудій и выходитъ 37 т. Газета Время (Times, стр. 542), заключаетъ, что при Кеннигсгрейнѣ среднимъ числомъ сдѣлано по 60 выстрѣловъ; что изъ 500 такихъ

сія и Австрія имѣли болѣе орудій въ Кёнигсгрецѣ, нежели Русскіе и Французы при Бородинѣ, и при томъ у Австрійцевъ всѣ орудія были нарѣзныя, слѣдовательно, несравненно дальнѣйшаго полета противъ дѣйствовавшихъ въ 1812 г. У Пруссакъ же нарѣзныхъ было только 500 орудій, а остальные 300 гладкія.¹⁴

Такимъ образомъ изъ дѣйствій 1866 года двухъ армій, такихъ громадныхъ размѣровъ (въ которыхъ и во время Наполеоновскихъ войскъ встрѣчается только одинъ разъ, но и то приблизительно, подъ Лейпцигомъ 1813 года, 6 Октября, соединенныхъ на одномъ мѣстѣ), и изъ коихъ одна была вооружена игольчатыми ружьями дальняго полета, другая ружьями старой системы, окузывается итогъ въ потеряхъ почти одинаковый. Принявъ же въ соображеніе, что послѣдняя была составлена изъ множества разнородныхъ племенъ, болѣе или менѣе враждебныхъ между собой, различныхъ языковъ и нарѣчій и трехъ Вѣроисповѣданій, между тѣмъ, какъ составъ Прусской былъ одного народа,¹⁵ языка, Вѣроисповѣданія, въ головѣ которой стоялъ самъ Король съ двумя сыновьями своими, то, при такихъ рѣзкихъ противоположностяхъ обѣихъ армій, потеря почти равная, въ 5 и 6 процентовъ, приводитъ ко многимъ размышленіямъ, которыя объяснятся только тогда, когда двѣ арміи, одинаково вооруженныя, одной народности, схватятся между собой съ одинаковымъ воодушевленіемъ и при одинаковыхъ условіяхъ опытности и знанія дѣла вождей, тогда только военная наука произнесетъ свое мнѣніе, свой приговоръ. Во всякомъ, однако же, случаѣ, по моему крайнему разумѣнію, ни игольчатые ружья, ни нарѣзныя

орудій и составляетъ 3,000. Слѣдовательно, остальные 7,000 зарядовъ должно отнести къ другимъ дѣйствіямъ этихъ армій. Что же до Эльбской и Майнцкой армій, я не встрѣтилъ данныхъ, и если судить объ ихъ численности (141,400) и по встрѣчамъ, которыя они имѣли, то и здѣсь количество выстрѣловъ должно быть значительно. По свѣдѣніямъ этой же газеты, Австрійцы сдѣлали несравненно болѣе выстрѣловъ изъ своихъ орудій, нежели Пруссаки.

¹⁴ Артил. журн. 1866 г., № 12, стр. 624.

¹⁵ Малая часть Католиковъ Познанскихъ.

пушки, ни металлическіе патроны, ни гранаты-шрапнели, ни «mitrailleuse», которую только обѣщаютъ еще пустить въ ходъ, ¹⁶ не произведутъ кореннаго измѣненія въ военной наукѣ или, лучше сказать, нынѣшняго образа дѣйствія. Такое измѣненіе можетъ послѣдовать тогда только, когда воздухъ подчинится волѣ челоѣвка, подобно тому, какъ пары измѣнили морскую тактику. Тогда, конечно, и общія войны, если и не совершенно прекратятся, то уже, конечно, будутъ явленіемъ необыкновеннымъ, лишеннымъ всякаго здраваго смысла. До того же времени каре Румянцова, колонны Суворова, густыя цѣпи застрѣльщиковъ, «puées de tirailleurs» Бонапарта, ¹⁷ усовершенствованный батальный огонь развернутаго фронта Веллингтона, останутся неизмѣнными на полѣ битвы; а за тѣмъ уже умѣнье сосредоточивать знатную силу огня

¹⁶ Пугали же насъ въ 1827 и 1828 годахъ паровою пушкой Перкенса! Да и теперь мало ли говорить объ изобрѣтеніи истребительныхъ средствъ, хранимыхъ будто бы въ тайнѣ и т. п.? Все это шарлатанство. Во вновь устроенномъ въ Петербургской Петропавловской крѣпости арсеналѣ, можно видѣть, что многое, почитаемое нынѣ за новозобрѣтеніе, было давно уже извѣстно, въ особенности заряденіе съ казенной части, но оно не усвоилось, и не усвоилось при томъ въ тѣ времена, когда Государя были гениальными пожеланіями, а изъ сего слѣдуетъ, что это мнимо-новое изобрѣтеніе ожидаетъ еще испытанія на практикѣ, и тогда, можетъ быть, тоже поступить въ арсеналы, какъ кунштукъ для потомства.

¹⁷ Разсыпной строй получилъ рожденіе свое въ борьбѣ съ Шуапами и Вандейцами и усовершенствованъ Наполеономъ. Колонны его почти всегда были предшествуемы густою цѣпью застрѣльщиковъ, производившихъ какъ бы батальный огонь, что съ 1812 года часто употреблялось и нами. У насъ основателемъ егерей (егеря, стрѣлки, штуцерные и т. п., почти одно и тоже) былъ Графъ П. И. Панинъ, видѣвшій легкую пѣхоту въ Семилѣтнюю войну. Начальствуя въ 1763 и 1764 годахъ войсками, расположенными въ Финляндіи, гдѣ мѣстоположеніе страны не дозволяло, въ случаѣ надобности, употреблять легкую конницу, сформировалъ онъ особый егерскій отрядъ въ 300 челоѣкъ. Польза была признана всѣми, и число егерей у насъ постоянно увеличивалось, такъ что въ 1812 году у насъ было уже 50 егерскихъ полковъ армейскихъ и два гвардейскіе (конные егеря были основаны Княземъ Потемкинымъ въ 1788 году). Въ 1807 г., когда я началъ службу, въ егерскихъ полкахъ были штуцера или винтовки, слѣдовательно, и это не ново. Нова только коническая пуля, поражающая на болѣе дальнее разстояніе. Впрочемъ, за 200 лѣтъ предъ симъ, въ Европѣ были уже карабинеры, вооруженные винтовыми ружьями.

артиллеріи на данные пункты; умѣнье соединять и строить конныя массы и своевременно направлять ихъ для стремительныхъ атакъ, а штыкъ, одинъ штыкъ, будетъ всегда занимать первое мѣсто и довершать побѣду, что ясно даетъ понимать въ своей Инструкціи арміи передъ походомъ 1866 года и Прусскій Принцъ Карлъ-Фридрихъ, принимавшій блистательное участіе въ этой войнѣ.¹⁸ Нѣкоторые изъ военныхъ теоретиковъ начерчиваютъ уже тактическія правила, измѣняющія прежнія, такъ какъ игольчатое ружье требуетъ этого; конница не можетъ уже дѣйствовать такъ, какъ она дѣйствовала прежде: теперь, изволите видѣть, на рѣзныя пушки и игольчатые ружья бьютъ издали! Но мы видимъ, однако же (Воен. Сб., Австрійско-Прусская война, 1866 года), что подъ Кёнигсгрецомъ одинъ кирасирскій Полковникъ, умнымъ распоряженіемъ своимъ, умѣлъ сберечь свой полкъ отъ этихъ ужасающихъ снарядовъ; слѣдовательно, если одинъ умѣлъ, то должны умѣть и другіе, если они достойно предводительствуютъ своими частями. Военное дѣло подъ огнемъ требуетъ прозорливости: тогда всякому губительному огню найдется свое противоядіе.

Искусный и опытный военачальникъ скоро ознакомится съ своимъ положеніемъ и прозритъ все то, чѣмъ непріятель можетъ превосходить насъ въ своихъ дѣйствіяхъ и, конечно, найдетъ, по примѣру предшествовавшихъ великихъ полководцевъ, возможность противопоставить ему преграду преимуществамъ, которыя бы имѣлъ предъ нами, и тѣмъ не только уравнять борьбу, но извлечь еще выгоду. Это доказывается Финляндской войной 1808 года, когда мы, по существу оной, должны были брать шагъ за шагомъ крѣпкія позиціи, занятые искусными Саволацкими, Карель-

¹⁸ Огнѣны того или другого измѣненія, замѣненія въ военномъ дѣлѣ, были и будутъ всегда; но перемѣны эти не будутъ касаться прямо военныхъ дѣйствій, а только административнаго управленія: снабженія арміи снарядами, продовольствіемъ, одеждою и вообще аммуниціею и т. п. Впрочемъ, и эти измѣненія требуютъ не менѣе практической опытности. Продовольствовать и одѣвать армію во время военныхъ дѣйствій, особенно влѣ границъ, не то, что дѣлать это въ мирное время. Здѣсь останавливаюсь; ибо важный предметъ этотъ потребовалъ бы пространнаго изложенія, основывающагося на примѣрахъ.

оками и Нюландскими стрѣлками, вооруженными ружьями, бывшими всеравненно на большее разстояніе противъ нашихъ. Атака такихъ позицій днемъ влекла за собой значительныя, часто бесполезныя, потери, и по тому, если не представлялось возможности дѣлать обходы,¹⁹ то, по предварительному изученію позицій и объясненію на мѣстѣ предпріятія лицамъ, которыя предназначались къ передовому дѣйствію, атаквали оную ночью, иногда даже до полуночи, какъ это было въ Гернефорсѣ. Такія ночныя атаки, всегда увѣчивались полнымъ успѣхомъ и не сопровождалась тѣми потерями, которыя, и при успѣшномъ исходѣ предпріятія, бывали сильными; ибо ночью наступающіе не представляли изъ себя мишени искуснымъ Финскимъ стрѣлкамъ.²⁰ Одинаково и Шведы неоднократно атаквали насъ ночью и, конечно, не изъ опасенія нашего ружейнаго огня, а артиллеріи, которая у насъ была многочисленнѣе неприятельской.

Чтобы игольчатыя ружья оказались на практикѣ столь же губительными, какъ до теоріи, это очень сомнительно, принимая

¹⁹ Въ ту пору обходы имѣли весьма сильное вліяніе на духъ нашихъ противниковъ, что скоро было подмѣчено нашими предводителями. Такіе обходы иногда составлялись изъ нѣсколькихъ десятковъ егерей, которые заявляли свое присутствіе въ тылу непріятеля; лѣсистая же мѣстность не позволяла сему легко видѣть численность, а по тому оцѣ находилъ всегда благоразуміе оставлять позицію и занимать другую.

²⁰ Большая часть такихъ предпріятій днемъ была неудачна; не говоря уже о Идейсальскомъ дѣлѣ, 13-го Октября, гдѣ погибъ Князь М. П. Долгорукой, но и самое Аравайское дѣло, одѣлавшее славу Графу Н. М. Каменскому и предпріятое днемъ, было съ огромными потерями, отбываемо нѣсколько разъ до самаго лагеря, и только съ наступленіемъ ночи мы могли занять позицію непріятеля, который при концѣ дня получилъ повелѣніе отступить, чтобы не быть отрѣзаннымъ. Кульневъ, выставивъ передовую почную цѣпь, услышалъ на неприятельской позиціи необычайный стукъ колесъ, донесъ Графу, и атака тотчасъ возобновилась и т. д. Вообще мы приступали къ атакамъ днемъ тогда только, когда не было возможности выжидать ночи. Самая атака главной арміи Шведовъ на Орѣ назначена была по диспозиціи Графа Каменскаго на полночь; но, получивъ извѣстіе о высадкѣ въ тылъ Графа Вахтмейстера, опъ, вмѣсто этого, поспѣшилъ на лѣвый берегъ р. Умео къ Севару, гдѣ уже нельзя было ожидать ночи, а съ ранняго утра предпріяли атаку.

во вниманіе Инструкцію Принца Карла-Фридриха Прусскаго, который, указывая на дистанцію, съ которой должно начаться дѣйствіе изъ ружей по наступающему непріятелю, говорить, что «стрѣльбы не должно начинать прежде, нежели непріятель не приблизится на 300 шаговъ, и тогда дѣйствовать въ него залпами, и еслии это не остановитъ его, и онъ подойдетъ на 20 шаговъ, тогда принять его въ штыки.» Здѣсь ясно, что огонь изъ игольчатыхъ ружей не такъ смертоносенъ, какъ бы должно было предполагать изъ опытовъ въ мирное время: пройти 280 шаговъ подъ учащеннымъ огнемъ скорострѣлокъ, сохранить себя въ такомъ еще положеніи, чтобы вызвать на атаку въ штыки, не допускаю возможности: наступающіе должны быть всѣ перестрѣлены прежде, нежели достигнуть 20 шаговъ, а по тому какъ изъ сего, такъ и изъ другихъ мѣстъ упомянутой Инструкціи я заключаю, что дѣйствіе такими ружьями, въ особенности, когда и противники будутъ также вооружены, не такъ губительно, какъ по теоріи, что ясно доказывается ничтожною потерей Австрійцевъ подъ Садовой; вооруженныхъ ружьями старой системы, да еще и нанесшихъ Прусакамъ почти одинаковый уронъ.¹¹

Допустимъ, наконецъ, что ружья новыхъ системъ имѣютъ большое преимущество предъ ружьями прежнихъ системъ, что очень справедливо и безспорно, и по тому преимущества эти, какъ замѣчено выше, едва ли не ограничиваются только обороной тѣснинъ и т. п.; то, что же будетъ мѣшать начинать наступательныя дѣйствія въ ночной темнотѣ, какъ это дѣлалось въ Финляндскую войну? Надо полагать, что мысль эта уже проведена у Французовъ; ибо, мѣсяца три тому назадъ, я встрѣтилъ въ журналахъ, что Французы упражняютъ свои войска въ эволюціяхъ ночью.¹² Мы же, Русскіе, имѣемъ для сего преимущества,

¹¹ Не то ли было и въ Крымскую войну, когда непріятель былъ вооруженъ оружіемъ системы Минье, а у насъ, исключая одного баталіона, всѣ другіе имѣли старыя ружья, между же тѣмъ во всѣхъ дѣлахъ потеря непріятеля, въ особенности Генералами и Офицерами, превышала потери съ нашей стороны, исключая дѣла на Бедюхннхъ горахъ, которое, впрочемъ, имѣло особенный источникъ.

¹² Въ 1857 году, говоря о штуцерахъ Минье, между прочимъ замѣтилъ я (Собраніе

которые лишены всѣ другія Европейскія Государства. Мы обладаемъ пространными степями и болѣе или менѣе открытыми мѣстностями; а извѣстно, что жители такихъ мѣстъ одарены предъ жителями горъ зоркостью глаза и особенностію, но врожденному инстинкту, отличать предметы ночью, а этимъ послѣднимъ обладаютъ и нѣкоторые изъ жителей нашего Сѣвера, болѣе глѣбистаго, и усвоившіе темноту, гдѣ цѣлевая стрѣльба составляетъ жизненную ихъ необходимость для своего существованія охотой; такой же наставникъ могущественнѣе другихъ. Изъ набора рекрутъ съ помнятыхъ пространствъ могли бы быть составлены исключительнѣе стрѣльцовыя баталіоны, которые, по предназначенію своему, или защищаютъ глѣбины, или предшествуютъ колоннамъ, прикрывая ихъ фланги и т. п., и въ такихъ случаяхъ были бы незаменимы: природная способность владѣть ружьемъ, видѣть лучше другихъ мѣстность ночью и различать предметы на такомъ разстояніи, что не для всѣхъ доступно, несомнѣнно принесли бы великую пользу, которой отъ другихъ ожидать нельзя.²¹ А наши Казаки, и въ особенности Калмыки, обладаютъ такимъ глазомъ,

статей о 1812 годѣ, Спб. 1867, стр. 50), что Офицеръ Генеральнаго Штаба «долженъ приучиться различать мѣстность ночью почти также, какъ и днемъ» и проч., и говорилъ это на основаніи собственного опыта. Въ Шведскую войну 1808 г., будучи поставленъ въ необходимость такого изученія, въ началѣ казавшагося весьма труднымъ и почти не возможнымъ, но приобретая навыкъ и пользуясь данными отъ Казаковъ, мы мало по малу привыкли къ такимъ рекогносцировкамъ, и въ послѣдствіи то, что сперва казалось не возможнымъ, выполнялось удовлетворительно. Помнятыя слова мои въ статьѣ подняли противъ меня теоретистовъ, которые обрушились на всю статью всею силой своего Профессорскаго званія: что я, де, «не образованъ;» что «берусь учить уму-разуму,» и т. д., и т. д., и, не имѣя достаточно силы опровергнуть научно, всѣхъ ветерановъ обозвали «облыбившими, обезублеппыми, не слѣдящими за развитіемъ человѣческихъ знаній» и пр., и пр., что можно видѣть въ Военномъ Сборникѣ 1858 года, № 1, и въ нѣсколькихъ нумерахъ Русскаго Инвалида. Прошло десять лѣтъ,—и Французы признали полезнымъ то, что было мною слегка только замѣчено.

²¹ Не знаю, какъ теперь, а въ мое время изъ рекрутъ Малороссіянъ выбирались люди преимущественно въ конницу. По какимъ достаточно уважительнымъ причинамъ это дѣлалось, до сихъ поръ не могу уяснить себѣ. Изъ всѣхъ Русскихъ крестьянъ Малороссійскихъ менѣе другихъ знакомъ съ лошадыю; воны

который не только что днемъ усматриваетъ предметы на изумительно дальнихъ разстояніяхъ, но и ночью видитъ то, чего другой наблюдатель ни какъ замѣтить не можетъ. При всемъ этомъ у Кзаваконъ вообще столько практическихъ примѣтъ, что невольно подчиняешься имъ въ минуты, гдѣ теоретическое знаніе совершенно ступшевывается. Я имѣлъ случай слегка коснуться сего въ упомянутой же книгѣ.

И такъ, вотъ у насъ и конница, какой ни одинъ изъ Европейскихъ народовъ имѣть не можетъ. Слѣдовательно, обладая такими элементами и принявъ съ практической точки зрѣнія заблаговременно мѣры, чтобы съ пользой употребить ихъ въ данный моментъ, тогда для насъ ружья Дрейзена, Шасспо и инт. подобныя не будутъ страшны.

Изложивъ вкратцѣ лицевую сторону игольчатыхъ ружей, такъ какъ она представляется съ теоретической точки зрѣнія, а съ практической досель только въ Садовой, въ Монтанѣ и Абисиніи,²⁴ противъ непріятеля, не имѣвшего оныхъ (и еще повторяя,

составляютъ все его хозяйство.* Правда, многіе изъ нашихъ легкоконныхъ полковъ формировались въ Малороссіи и носили пмена городовъ; но эти полки составлялись преимущественно изъ Сербовъ, Молдоваляховъ и Болгаръ, поселенныхъ со временъ Петра Великаго, Елисаветы и Екатерины II, въ тѣхъ мѣстахъ. Тогда попасть малая часть и Малороссійскихъ Казаковъ, которые всѣ по преимуществу были пѣшіе. Замѣчательно тутъ и то, что въ послѣдствіи Малороссовъ выбирали не въ легкоконные полки, а въ тяжелую конницу: въ кирасиры, драгуны. Я говорю это мимоходомъ.

²⁴ О мишенныхъ данныхъ въ мирное время я умалчиваю; ибо замѣтилъ уже, что въ дѣйствіи противъ непріятеля они не могутъ быть одинаково оцѣняемы.

* По тѣмъ достаточно уважительнымъ причинамъ выбирались и выбираются Малороссіане въ конницу, что они—природные Казаки. Ни кто изъ 3-хъ Русскихъ народовъ такъ скоро не дѣлается лихихъ наездниковъ, какъ Малоруссъ, не смотря на то, что въ мирное время возится онъ по преимуществу съ волами. Стелъ и стелъ—его училище въ этомъ случаѣ. Сербъ, Болгаръ и Молдоваляхъ составляли во время оно далеко ничтожную часть въ конницѣ Русской противъ Малороссіанъ, а теперь первыхъ двухъ и совсѣмъ не видавъ въ оной, крохъ, развѣ, единица. О. Б.

что въ извѣстныхъ случаяхъ преимущество ихъ неоспоримо), для вѣрной оцѣнки слѣдуетъ взглянуть на нихъ и съ противоположной стороны.

Принцъ Карлъ-Фридрихъ Прусскій, въ своей Инструкціи, обращаетъ особенное вниманіе на сбереженіе патроновъ, запрещая производить пальбу съ дальняго разстоянія, хотя полетъ пули и могъ бы достигать до непріятеля; приказываетъ отбирать патроны отъ убитыхъ и раненыхъ и т. д. Забота эта очень понятна: игольчатое ружье требуетъ въ этомъ отношеніи несравненно болѣе, нежели это было при употребленіи прежняго ружья, и именно вотъ до чему:

Смотрѣть за сохраненіемъ патроновъ въ линійномъ сраженіи представляется еще возможность; здѣсь, нѣкоторымъ образомъ, начальники могутъ имѣть контроль за ихъ расходомъ, въ особенности при выполненіи Инструкціи Принца, которою приказывается, при движеніи линій или колоннъ на непріятеля, ити съ незаряженными ружьями, изъ опасенія, чтобы въ баталіонѣ не нашелся какой малодушный и не выстрѣлилъ прежде команды, и что за такимъ выстрѣломъ неотмѣнно откроется безпорядочная стрѣльба, которую было бы весьма трудно остановить, а приказывается ожидать команды на зарядженіе оныхъ въ моментъ, избранный для начала стрѣльбы. Одинаково и стоя на позиціи въ оборонительномъ положеніи ожидать того же приказанія, для открытія дѣйствія залпами. Въ этихъ случаяхъ можно еще наблюдать за сохраненіемъ патроновъ; количество употребленія оныхъ обуславливается числомъ залповъ. Въ батальномъ огнѣ будетъ гораздо затруднительнѣе;²⁵ въ разсыпномъ же строѣ, особенно въ лѣсу, при защитѣ городовъ, селеній и т. п., такой надзоръ не возможенъ. Здѣсь почти безусловно должно подчиниться произволу солдата; глазъ даже взводнаго начальника безсиленъ; въ такихъ случаяхъ каждый дѣйствуетъ по своему темпераменту.

²⁵ Но и здѣсь многое будетъ зависеть отъ случайностей; такъ, на примѣръ, убитъ баталіонный командиръ—порядокъ разстроивается, пока не примется начальство другое, и т. д.

Все это не ново; такъ было и прежде. Но теперь разница въ слѣдующемъ: при прежней системѣ ружей, солдату, при безпрерывной и произвольной стрѣльбѣ, нуженъ былъ, по крайней мѣрѣ, часъ времени, чтобы израсходовать имѣвшіеся при немъ 60 патроновъ, между тѣмъ какъ игольчатое ружье можетъ израсходовать такое же число въ 5, 6 минутъ, и остаться безъ патроновъ въ такой моментъ, гдѣ они были бы необходимо ему нужны. Снабженіе патронами въ линіи еще можетъ производиться во время, но въ лѣсу, при оборонѣ деревень, гдѣ люди разбѣяны по разнымъ прикрывающимъ ихъ мѣстамъ, очень трудно, и въ живой перестрѣлкѣ очень часто случается, что солдаты, несущіе къ цѣпи въ сумахъ патроны, на пути бываютъ убиты, ранены, не будучи замѣченными. Удерживать же въ такихъ мѣстахъ людей отъ произвола стрѣльбы, можно только на бумагѣ: здѣсь почти никогда нѣтъ мѣста ни благоразумію, ни хладнокровію; солдатъ предается вполне господству врожденныхъ ему свойствъ: одинъ будетъ выжидать, пока ему не представится удобный случай пустить пулю въ стрѣлка, пускающаго въ него свою; другой, (а такихъ не соразмѣрно болѣе первыхъ), отвѣчаетъ на каждую просвищѣвшую около него пулю, не замѣчая даже, не только что противника, но и мѣста, откуда она пущена. Это было такъ прежде, такъ будетъ и теперь: природный темпераментъ человѣка, повторяю, не измѣняется. Въ мирное время, на ученьяхъ, онъ обуздывается наставленіями, и часто убѣждается въ ихъ пользѣ; но ставъ лицомъ къ лицу со смертію, природное свойство беретъ верхъ: не много людей, которые въ подобныя минуты сохраняютъ присутствіе духа; словомъ, въ разсыпномъ строю, особенно въ лѣсу и при защитѣ селеній, удерживать людей отъ произвольнаго расходованія патроновъ не возможно. При прежнихъ ружьяхъ такой произвольный расходъ могъ продолжаться болѣе часа, при настоящихъ же не продолжится и десяти минутъ. Къ этому слѣдуетъ еще присоединить и то, что, какъ это бывало прежде, и нѣтъ причины полагать, чтобы не было и нынѣ, что люди выбрасывали изъ сумъ патроны, съ цѣлію быть замѣненными свѣжею цѣпью, что, по необходимости, конечно, и будетъ дѣлаться. А это должно будетъ дѣлаться чаще, нежели дѣлалось прежде, по тому уже одному, что, какъ утверждаютъ, стволъ скорострѣлки, послѣ двадцати выстрѣловъ, разгорячается до того, что рука

отказывается держать его, и что для охлаждения его потребно довольно времени, въ продолженіе котораго стрѣлокъ остается безъ ружья, и, чтобы избавить себя отъ такого положенія, естественно, онъ прибѣгнетъ къ освобожденію сумы отъ остающихся патроновъ, чтобы быть замѣненнымъ свѣжею цѣпью.²⁶ Прежнія ружья разогрѣвались не такъ скоро, по тому, что между выстрѣлами проходило болѣе времени, нежели между выстрѣлами нынѣшней системы. Сверхъ того утверждаютъ, что игольчатые ружья часто портятся въ казенной части и требуютъ особеннаго вниманія стрѣлка, чтобы оградить себя отъ обратнаго движенія пули и т. д.; но это техника, которой я достаточно не понимаю, а по тому ограничиваюсь только замѣчаніемъ, которое я слышалъ отъ лицъ, болѣе съ этимъ предметомъ знакомыхъ. Съ своей же стороны замѣчу только то, что кратковременная Садовская кампанія недостаточно еще доказала прочность скорострѣлокъ, а что для сего нужно будетъ кампаній, подобныхъ прежнимъ, продолжавшихся годами и лѣто и зиму. Обращусь къ предмету.

Быстрота расходованія патроновъ изъ скорострѣлокъ доказывалась, какъ свидѣтельствуемъ Артиллер. Журналъ (1866, № 12, стр. 682), тѣмъ, что послѣ сраженія при Садовой, всѣ парковые колонны, а послѣ дѣла при Пресбургѣ, нѣкоторыя колонны 4-го корпуса, должны были отходить назадъ на нѣсколько переходовъ «для пополненія себя изъ колоннъ полевого резервнаго парка, и за тѣмъ опять догонять армію.» Значитъ, два раза расходовался запасъ зарядовъ²⁷ въ столь непродолжительную кам-

²⁶ Графъ Кутайсовъ, предъ Бородинскимъ дѣломъ, издалъ безсмертное приказаніе по артиллеріи, на счетъ сохраненія зарядовъ до послѣдней минуты, присовокупивъ при томъ, чтобы орудія не снимались, какъ бы непріятель ни былъ близокъ отъ нихъ; что послѣдній картечный выстрѣлъ, пущенный въ него, далеко выкупаютъ потерянное орудіе и т. д. Храбрые артиллеристы свято выполняли это завѣщаніе, и погибали на своихъ орудіяхъ, что свидѣтельствуется всѣми иноземными писателями (см.: «Кому и въ какой степени принадлежить честь Бородинскаго дня?» Спб. 1867 г.).

²⁷ Здѣсь встрѣчается какъ бы недоумѣніе. Изъ общаго отчета видно, что среднимъ числомъ на каждое ружье израсходовано около шести патроновъ, а солдаты при себѣ имѣли почти въ десять разъ болѣе. Если же корпусныя парковыя

пятью и тавъ мало: кровопролитную: какъ это доказывается убитыиъ людьми отъ огня. Изъ этого какъ-то цевольно заключаешь, что въ эту войну было болѣе трескотни, нежели цѣлевой стрѣльбы, какъ изъ наръзныхъ пушекъ, такъ и изъ игольчатыхъ ружей, блистательно отличающихся на смотрахъ сихъ послѣднихъ, иногда всаживающихъ въ отдаленную мишень: всѣ выпускаемые заряды. Впрочемъ, относительно ружей, здѣсь ни чего нельзя прибавить къ тому, что сказано о дѣйстви оными Г. Драгомировымъ (Русск. Инвал. № 13, 1809 г.). Мнѣніе его основано на вѣрномъ практическомъ заключеніи, которое и я исполнѣ раздѣляю.

Нельзя не сказать здѣсь нѣсколькихъ словъ о металлическихъ патронахъ, которые, по моему разумѣнію, едва ли оправдываютъ ожиданія теоретиковъ и экзерциръ-мейстеровъ, выводящихъ заключение изъ опытовъ, почерпаемыхъ въ мирномъ упражненіи, или, какъ теперь принято, основывать все на Садовской кампаніи, продолжающейся нѣсколько дней, пожалуй, въ сущности только нѣсколько часовъ. Принявъ же въ соображеніе войны продолжительныя, въ которыхъ огромныя массы войскъ находятся въ непрерывныхъ схваткахъ, какъ, на прим., беволитомъ вочно въ 1812, 1813 и 1814 годахъ, крайне сомнительно, чтобы металлическіе патроны, требующіе въ приготовленіи оныхъ особой точности, безъ которой, по многимъ отношеніямъ, они не только что не окажутъ ожидаемой пользы, но и могутъ быть пагубны, могли быть самыми лучшими. Трудно изготовлять миллионы непрерывно потребныхъ патроновъ, съ соблюденіемъ той математической точности, которая для сего требуется, какъ то видно изъ описаній (Русск. Инв., №, ст. В. Чебышева).

колонны отправлялись снабжать себя за нѣсколько переходовъ назадъ только пушечными снарядами, то изъ этого ясно, что количество выпущенныхъ зарядовъ было громадно и не могло не поразить значительнаго числа непріятеля: не стрѣляди же на вѣтеръ! Въ такомъ случаѣ, пораженныхъ изъ игольчатыхъ ружей приходится немного изъ показанной во всю войну потери, какъ это видно выше.

Не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что отправлявшіеся парки въ резервный паркъ снабжали себя и ружейными снарядами. Во всякомъ случаѣ замѣчательно такое движеніе назадъ, для пополненія себя, когда у непріятеля убыль такъ незначительна.

Нѣсколько же несчастныхъ случаевъ въ баталіонѣ, во время битвы (а такіе случаи бываютъ и на ученьяхъ, гдѣ есть возможность тщательно сохранять оружіе), будетъ достаточно, чтобы поселить въ солдатъ недовѣріе къ своему оружію и породить въ немъ то, чего должно всячески избѣгать; ибо ни что не роняетъ столько духа, какъ недовѣріе вообще и въ частности.¹¹ Здѣсь я разсуждаю не такъ, какъ специалистъ и теоретикъ, но какъ практикъ; вывожу, можетъ быть, заключеніе и очень странное, но вполне убѣжденъ въ ономъ: въ кратковременномъ столкновѣніи, при всѣхъ удобствахъ путей, не далеко отдѣляющихъ дѣйствующихъ войска отъ своихъ запасовъ, такіе патроны могутъ быть еще употреблены съ пользою; но въ долговременную войну, продолжающуюся нѣсколько лѣтъ въ частыхъ битвахъ, въ отдаленіи отъ своихъ арсеналовъ, думаю, что «армія съ прежними патронами получитъ неминуемую поверхность надъ той, которая будетъ продолжать дѣйствовать металлическими патронами.»

Сдѣлавъ краткій очеркъ послѣдствій дѣйствій игольчатыхъ ружей и личное мое о нихъ заключеніе по тѣмъ даннымъ, которыя приводятся при начертаніи войны 1866 года, я прихожу, во первыхъ, къ тому, что такъ какъ до сихъ поръ мы не видѣли еще двухъ армій, вступавшихъ въ борьбу, одинаково вооруженныхъ, то и положительнаго заключенія о губительномъ дѣйствіи игольчатыхъ ружей сдѣлать нельзя. Во вторыхъ, что и самое это заключеніе тогда только можетъ быть основательно, когда каж-

¹¹ Гдѣ-то я читалъ, что латунь, употребляемая для металлическихъ патроновъ, будучи не надлежащаго достоинства, можетъ прильнуть въ стволѣ, и что, не очистивъ онаго, слѣдующій зарядъ можетъ подвергнутъ опяи разрыву, но что это устраняется тѣмъ, что ружье, заряжающееся съ казенной части, представляетъ всю возможность замѣтить это, такъ какъ стволъ сквозной! Изъ этого слѣдуетъ, что послѣ каждого выстрѣла солдатъ долженъ будетъ заглядывать въ стволъ. Что же онъ сдѣлаетъ, замѣтивъ засѣвшую оболочку патрона въ стволѣ? Вѣдь онъ долженъ имѣть при себѣ необходимый для очищенія онаго какой-либо инструментъ? Ну, пусть его снабдятъ имъ, а время ли ему будетъ заниматься симъ въ цѣли и вообще въ строю? Сознаюсь въ невѣжествѣ по части теоретической и технической, но съ точки практической не допускаю полезной возможности даже и въ употребленіи на все количество патроновъ для долговременной войны необходимаго достоинства латуни и т. д., и т. д.

дая сторона окажетъ упорство; ибо Садовская битва, относительно разсматриваемаго предмета, ни чего не доказываетъ: обѣ арміи были въ равныхъ силахъ, съ многочисленною артиллеріей; одна изъ армій была вооружена игольчатыми ружьями и представляла болѣе единства въ своихъ частяхъ, другая же имѣла ружья прежней системы, лишенная всякаго единства, а между тѣмъ каждая изъ оныхъ понесла почти равныя потери, совершенно ничтожныя относительно громадныхъ политическихъ послѣдствій, а именно, убыли изъ паличнаго бившагося числа въ 5, 6 процентовъ! Изъ сего слѣдуетъ, что между ними не было ни упорства, ни натиска: большое число пѣхотныхъ Австрійцевъ и потеря ими множества орудій есть обычное явленіе въ рядахъ, ихъ, что отнюдь нельзя приписывать игольчатымъ ружьямъ.

Въ третьихъ, ближайшее наблюденіе покажетъ, какой народъ способенъ болѣе или менѣе владѣть такимъ ружьемъ, которое менѣе, чѣмъ въ десять минутъ можетъ остаться безъ патрона, а на этомъ, по моему мнѣнію, основывается все: народы различныхъ свойствъ въ мирныхъ упражненіяхъ всѣ почти одинаковы, но предъ наводимымъ въ него дуломъ—далеко не одинаковы.

И наконецъ, въ четвертыхъ, положительно уже доказано, что битвы, по окончаніи великой эпохи въ 1815 году, постепенно дѣлаются менѣе кровопролитными, не смотря на непрерывно изобрѣтаемыя усовершенствованія смертоносныхъ орудій, съ того времени увеличившихъ свой полетъ вчетверо и болѣе прежнихъ, равно какъ не смотря и на дѣйствіе снарядовъ въ битвахъ, рѣшающихъ участи Государствъ потерей только пяти, шести процентовъ съ выставленной рати на защиту ихъ.²⁹ Я воздержусь опредѣлять причины тому, и отнесу ихъ къ появившемуся нынѣ выраженію: «гуманности, прогрессу человѣчества.»

И дѣйствительно, эта гуманность, этотъ прогрессъ человѣчества, заявляютъ себя постепенно. Такъ сначала являлись забавники

²⁹ Можно предполагать, что если изобрѣтенія оружія дальняго полета пойдутъ впередъ тою же пропорціей, то столицы могутъ перестрѣливаться между собою, не сходясь на полѣ другихъ битвъ.

изъ гражданъ, составившихъ общество для проповѣданія всеобщаго мира, между тѣмъ какъ съ заводовъ своихъ снабжали всѣхъ желающихъ оружіемъ, снарядами и всѣми принадлежностями войны, и своихъ и иноземцевъ; таковы, на примѣръ, въ Англіи члены Общества Мира, съ 1821 по 1827 годъ, снабжали снарядами и т. п. въ одно время и своихъ Грековъ и Турокъ, словомъ, всѣхъ, желавшихъ подраться, и въ упомянутое время часто одинъ и тотъ же корабль, отправлявшійся изъ Англіи съ оружіемъ, заказаннымъ возставшими противъ Турокъ Греками, сдавалъ его симъ послѣднимъ, и тутъ же продолжалъ плаваніе въ Константинополь съ частью, заказанною Турками и т. п. Мысль о возможности внушенія владыкамъ Государствъ миролюбія не удалась; начали образовываться еще болѣе смѣшныя «Конгрессы мира,» на которые стекались со всѣхъ сторонъ лица, болѣе другихъ извѣстныя за ярыхъ демагоговъ и республиканцевъ, по существу своему жаждущихъ смутъ, крови, чтобъ трактовать о всеобщемъ мирѣ!! Послѣдствіемъ этѣхъ съѣздовъ было, съ одной стороны, разлитіе самыхъ демагогическихъ и республиканскихъ идей и, рядомъ съ ними, забавный проектъ о неприкосновенности раненыхъ, попадающихся въ плѣнъ и т. п. Къ такому размышленію могли прійти только люди, коимъ война и ея случайности извѣстны лишь изъ романовъ, да и то самыхъ плохихъ. Желательно было бы видѣть, какія мѣры приняло бы Женевское общество о неприкосновенности раненыхъ ³⁰ противъ Наполеона, который въ Смоленскѣ и въ Москвѣ буквально выбрасывалъ, иногда даже чрезъ окна, изъ госпиталей и обывательскихъ домовъ, оставленныхъ нами тяжело раненыхъ, и, такъ очистивъ мѣсто, помѣщалъ своихъ. Впрочемъ, взглянувъ на это съ настоящей точки зрѣнія, то, независимо отъ нѣкоторыхъ жестокихъ мѣръ, безъ которыхъ можно было бы обойтись, Наполеонъ иначе и не могъ поступить: не своихъ же раненыхъ оставлять безъ крова и призрѣнія, когда другихъ помѣщеній не было! Иное дѣло общее распоряженіе, сдѣланное имъ по занятіи Москвы, о пристрѣливаніи плѣн-

³⁰ Къ начертанному этѣмъ Обществомъ проекту приступили нѣкоторыя Государства, конечно, по тому только, что цѣль благонамѣренная, хотя и недостижимая; въ чемъ едва ли кто можетъ сомнѣваться.

ныхъ, безъ чего очень бы можно было обойтись.³¹ Ни что не остановило бы Наполеона въ припятіи помянутыхъ мѣръ относительно раненыхъ, и, конечно, встрѣченные его арміею непріятельскіе раненые въ фургонахъ, украшенныхъ значками и т. п. по образцамъ Женевскимъ, были бы опорожнены и назначались бы служить раненымъ Французамъ. Мы видѣли ихъ поступки и прежде войны 1812 года въ мѣстахъ, гдѣ, не трогая Русскихъ, было достаточно помѣщенія, но и это не соблюдалось, какъ, напр., въ Фридландѣ, гдѣ не только раненые солдаты и Офицеры были вытаснены изъ своихъ помѣщеній, но и Генералъ Маковскій вынесенъ былъ на улицу, гдѣ и умеръ. Не правила Женевского Общества о неприкосновенности раненыхъ могутъ быть могущественнымъ двигателемъ къ состраданію; это лежитъ въ сердцахъ чловѣка, какъ это доказалъ Императоръ Александръ I-й и Великій Князь Константинъ Павловичъ въ Вильнѣ, заваленной непріятельскими ранеными: никто не былъ пошевеленъ, напротивъ Государь и Великій Князь посѣщали сіи Госпитали, не смотря на развившійся тифъ, заботились объ оказаніи чужимъ помощи, точно также, какъ и своимъ; сами Французы говорятъ о семъ и свидѣтельствуютъ, что многіе изъ нихъ, по выздоровленіи, были еще и облагодѣтельствованы. Слѣдовательно, облегченіе раненыхъ зависѣло, и будетъ зависѣть, отъ лицъ, управляющихъ войной, и отъ ея случайностей.

Къ этому же разряду благопожеланій принадлежитъ еще и другое: «изъятіе употребленія въ битвахъ разрывныхъ пуль.» Конечно, и эта мысль то же чловѣчная и своевременно выраженная починомъ и, конечно, искренно. Но будетъ ли она безусловно соблюдаться всѣми Державами? Я позволяю себѣ думать, что положительно нѣтъ. Развѣ только одна Россія искренно послѣдуетъ, согласно съ заключеніемъ. Другіе, если признаютъ неупотребленіе разрывныхъ снарядовъ, то не остановятся употреблять ихъ золотникомъ, или нѣсколькими, ниже опредѣленнаго вѣса, что

³¹ Предметъ этотъ вполне разсмотрѣнъ въ книгѣ: «Кому и въ какой степени принадлежитъ честь Бородинскаго дня?» Спб. 1867 г.

будетъ столь же, если не болѣе, ужаснымъ. Вѣдь, не притянуть же такого нарушителя къ Мировому Суду!

Оставивъ тридцать семь лѣтъ тому назадъ военную службу, что мнѣ, однако же, не мѣшало, по привычкѣ и пристрастію къ оной, слѣдить за всѣмъ, совершающимся на этомъ поприщѣ, я, въ изложенныхъ мною, преимущественно практическихъ, взглядахъ и сужденіяхъ о нынѣшнемъ развитіи теоретическихъ предположеній, могъ, конечно ошибиться, какъ и каждый. Всякая наука, и въ особенности военная, есть дѣло общее; оно можетъ вырабатываться одною только полемикой, людьми, въ своихъ мнѣніяхъ независимыми отъ вліянія тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ настоящее и будущее. Опровергать, или даже только обсуждать, планы такихъ лицъ, какъ говорится, не приходится, а между тѣмъ въ такомъ дѣлѣ «одинъ человекъ сдѣлать всего не въ состояніи и можетъ заблуждаться; гдѣ нѣтъ критики, тамъ нѣтъ ни искусства, ни науки; въ такихъ случаяхъ похвала—злая насмѣшка,» какъ это сказалъ Полковникъ Астафьевъ въ своемъ превосходномъ сочиненіи: «О современномъ военномъ искусствѣ.»

Н. Липранди.

1869 г. Май.

ЗАПИСКА

**Министра Финансовъ, Графа В. Ф. Канкринъ, для
Генераль-Фельдмаршала Графа И. И. Дибича-Забалканскаго,**

въ началѣ войны съ поляками 1830 года.

Довѣренный чиновникъ, прибывшій изъ обѣихъ Литовскихъ Губерній, объясняетъ:

1. Шляхты и высшее дворянство въ дурномъ духѣ.
2. На бывшій Литовскій корпусъ нельзя полагаться: офицеры, самъ сынъ Влодека, говорятъ дурно, полки увязли на шѣстахъ разными заведеніями, и прежде дошли свѣденія, что артиллерія не держала положенныхъ лошадей, что полковые командиры, неопытные, только по фронту отличившіеся офицеры, мало общаются.
3. Управление въ Вилнѣ такъ дурно, что повѣрить нельзя; слабый Корсаковъ былъ окруженъ какъ бы корою плутовъ. Духъ въ Вилнѣ очень дуренъ. Вицегубернатора Листовскаго надобно остерегаться.

О семъ будетъ представлено Его Величеству.

Прокуроръ Ботвинко не хорошъ.

Отъ препонъ сихъ людей и Комисія Скурыдина не имѣла успѣховъ.

4. Казаки на Голиденскомъ кордонѣ всѣ взяты въ пленъ.

Я долгомъ счелъ уведомить о семъ Ваше Сіятельство, присовокупляя свидѣтельство моего отличнаго почтенія.

Канкринъ.

СП. 16 Дек. 1830.

Это собственноручная записка Канкринъ, съ сохраненіемъ его правописанія. Напечатанное разрядкой подчеркнуто краснымъ карандашомъ.

П И С Ь М О

А. Н. Оленина къ Григорію Ивановичу Спаскому.*

23 Маія, 1821. Понедѣльникъ.

Премного, чувствительно, благодаренъ любезному и досужему моему Григорію Ивановичу за любопытную выписку изъ Китайской Исторіи. Но этого теперь не довольно, а надобно по пословицѣ: «Кормилъ до бороды, корми же до усовъ.» Это по нашему называется глухая исповѣдь. Наша братья, древностей копальщики, любили во всякомъ случаѣ знать всю подноготную, а по тому прошу намъ сказать: 1-ое, что это за Китайская Исторія, въ Китаѣ ли Китайцами она писана, или здѣсь Европейцами? 2-е Напечатана ли она, или нѣтъ, и на какомъ языкѣ? 3-е. Если напечатана, то гдѣ? когда? въ какомъ форматѣ? и какой ей точно данъ титулъ? и наконецъ, четвертое, на какой страницѣ сказано то, что въ выпискѣ написано. Вотъ что надобно знать преданному вамъ

Алексѣю Оленину,

Его Высокоблагородію
Григорію Ивановичу Спаскому.

На конвертѣ письма:

Отъ Оленина.

Прошу отвѣта, а если свободны, то прошу ко мнѣ обѣдать въ три часа.

* Въ то же время издалъ Сибирскаго (1818—1825 г.), и Азіатскаго (1825—1828) Вѣстника, Горнаго Словаря (М. 1841—43), 3 тома, Книги большому чертежу (по порученію Императ. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1846 г., коего былъ Дѣйствительнымъ Членомъ), Босфора Киммерійскаго (М. 1846), Археолого-Музизматическаго Сборника (М. 1850), и т. д.; сконч. 1864 г., Апрѣля 29, и похороненъ въ Московскомъ Девичьемъ монастырѣ. О. Б.

П И С Ь М О

И. И. Дмитриева къ тому же.

Милостивый Государь мой,

Григорій Ивановичъ!

Съ чувствомъ искренней благодарности, я имѣлъ удовольствіе получить послѣднюю книжку Сибирскаго, и первую Азіятскаго Вѣстника.

Нѣтъ сомнѣнія, чтобы послѣдній не имѣлъ успѣха, равнаго успѣхамъ его предшественника, даже можно обѣщать еще и большаго: съ нѣкоторыхъ лѣтъ Азія обращаетъ на себя вниманіе всей ученой Европы. Вы можете много заимствовать изъ актовъ Азіятическаго Общества, существующаго въ Парижѣ, и изъ записокъ объ Азіи Г. Клапрота, въ коихъ находятся двѣ довольно любопытныя статьи: 1, О границахъ Руской и Китайской, и 2, Описаніе Россіи; переводы съ Китайскаго.

Относительно сего Государства, желательно было бы, чтобы вы могли воспользоваться выписками изъ записокъ и переводовъ бывшаго Архимандрита нашего Іакинфа.

Простите меня, если я вмѣшался не въ свое дѣло. Одно только живѣйшее участіе во всемъ служить къ пользѣ и чести Отечества заставило меня сказать, можетъ быть больше, нежели сколько требовало приличіе.

Между тѣмъ прошу васъ принять искреннее увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и уваженіи, съ коими навсегда имѣло честь быть,

Милостивый Государь мой,
покорнѣйшимъ вашимъ слугою

Иванъ Дмитріевъ.

Москва.
1825,
Февраля 4 дня.

П И С Ь М О

**Рижскаго Епископа Филарета къ Гавріилу, Архіепископу
Рязанскому, о нуждахъ Православія.**

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастырь!

Давно хотѣлось писать къ Вашему Высокопреосвященству съ изъясненіемъ душевнаго уваженія и благодарности къ любви Вашей и съ объясненіемъ нуждъ своихъ: но отъ сихъ послѣднихъ такъ тѣсно, что оставлялъ нѣсколько разъ возбуждавшееся намѣреніе. Что дѣлать? Видно, такова воля Господня о мнѣ грѣшномъ. Ваше Высокопреосвященство изволите уже частію знать обстоятельства мои, а рассказывать о нихъ обстоятельно означало бы писать толстую исторію. Да и на душѣ нѣтъ расположенія касаться горькаго предмета. Такъ онъ истомилъ душу! Благодареніе Господу и за то, что меня грѣшнаго не вывели точно также, какъ вывели предшественника; * пока держусь кое какъ милостію Божіею. Что будетъ, Господу извѣстно. Лучшаго себѣ не ожидаю; далъ бы Богъ, чтобы не было хуже. Тотъ, кто ходитъ по пожару среди пламени, счастливымъ себя считаетъ, если самъ не сгорѣлъ: точно также и я. Все дѣло въ томъ, что не хотятъ, ни за что не хотятъ, чтобы было здѣсь Православіе. Отседѣ чего не дѣлаютъ? Но Господь—Судія.

Какъ бы много я сталъ молить Господа за тѣхъ, кто назначилъ бы мнѣ другое мѣсто служенія! Но надежды нѣтъ, и остается молчать.

* Иринарха въ 1841 году, нынѣ Архіепископа Рязанскаго на покой съ Августа 1867 въ Рязанскомъ Спасскомъ монастырѣ. О. Б.

Нѣсколько представлений препровождено мною къ Высокопреосвященѣйшему Нааанаилу, * которыя, по содержанію ихъ, должны бы быть и въ виду Вашего Высокопреосвященства. Но не знаю, достигли ли они до Васъ, или же укрылись въ смиренномъ мѣстѣ? Одно касается Раскольниковъ; въ немъ заключается нѣсколько донесеній объ открытіи новыхъ молебенъ Раскольниками и о буйствѣ ихъ; желалъ бы, чтобы возвращена была милость угнетенному здѣсь Православію—посылать со стороны духовной депутата при слѣдствіяхъ о Раскольникахъ, безъ чего здѣсь нѣтъ ни какой возможности имѣть какое либо дѣло въ Судѣ. Другимъ испрашивается разрѣшеніе: можно ли присоединять къ Православію дѣтей, когда отецъ, или мать, присоединяясь къ Православію, желаетъ присоединить ихъ? Здѣсь это рѣшительно запрещаютъ. Третіе съ предположеніемъ о прибавленіи, или назначеніи, окладовъ причтамъ. Съ своей стороны я старался о томъ только, чтобы причты не боролись съ нуждами и не казались такимъ образомъ низкими въ глазахъ Иновѣрцевъ; о достаткѣ, или избыткѣ, забылъ я думать. Положеніе здѣшнихъ причтовъ по двумъ причинамъ бѣдственно: во первыхъ, и болѣе всего, по тому, что дороговизна здѣсь на всѣ жизненныя потребности необыкновенная: на нѣкоторые предметы цѣны гораздо выше даже тѣхъ, какія существуютъ въ Петербургѣ; о другихъ городахъ и говорить нечего; во вторыхъ, по тому, что въ большей части приходоѣ прихожанъ Православныхъ весьма мало, или же живутъ въ отдаленности. По тому-то за грѣхъ совѣсти считалъ я не предположить назначеніе увеличенія окладовъ въ томъ видѣ, въ какомъ препровождено назначеніе къ Его Высокопреосвященству. Но Высокопреосвященный, какъ слышно, уменьшаетъ, и очень уменьшаетъ, оклады. Онъ, конечно, судить по тому, какъ идутъ дѣла во Псковѣ. Но грѣшно, именно грѣшно, такъ судить. По двумъ другимъ предметамъ (по Благочинію и Правленію) доселѣ не представлено мною предположеній собственно по тому, что безъ Священниковъ, доселѣ недостающихъ въ Ригѣ, нѣтъ возможности представить, или составить, предположенія. Нужды есть, и большія, сдѣлать, или точнѣе, предположить перемѣны въ

* Архіепископу Псковскому съ 1834 года, скончавшемуся 1848. О. Б.

Правленіи и завѣдываніи Благочиніемъ: людей рѣшительно нѣтъ, кромѣ уже извѣстныхъ по дѣяніямъ своимъ. Остается молчать и терпѣть. Не знаю, кого-то Господь дастъ въ Ректора, или Смотрителя Училищъ? Или кто будутъ наставники? Для меня все это не извѣстно.

Желадъ бы услышать, что дѣлается съ «Исторією Отцевъ Церкви,» * которой часть Ваше Высокопреосвященство читали? Странствуетъ ли она гдѣ ни будь, или лежитъ на покоѣ? Что съ нею думаютъ дѣлать? Куда ее назначаютъ? Много было трудовъ, и съ намѣреніемъ принести посильную пользу. А по тому признаюсь, жалко будетъ, если придется сказать: «Oleum perdidit et laborem.» Окажите вспоможеніе, въ чемъ можно будетъ.

Изъявляя искреннее душевное уваженіе, имѣю честь быть,

Вашего Высокопреосвященства,

Милостивѣйшаго Архипастыря,

покорнѣйшій слуга

Викарій Псковскій и Епископъ Рижскій **Филаретъ.**

Р. S. Много скорбей ждалъ, когда ѣхалъ въ Ригу: но далеко больше увидалъ, прибывъ въ Ригу. Не оставьте въ Архипасторской молитвѣ Вашей.

* Сочиненіе самаго Филарета, иначе Патристика. О. Б.

ТРИ ПИСЬМА

ЮСИФА, МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКАГО,

къ

ГАВРИЛУ, АРХІЕПИСКОПУ РЯЗАНСКОМУ.

I.

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивый Государы!

Почтенный Графъ Павелъ Дмитріевичъ * вручилъ мнѣ на дняхъ письмо Вашего Высопреосвященства и приложенную при немъ подлинную Грамоту. Не знаю, имѣетъ ли моя фамилія какую связь съ упоминаемымъ въ Грамотѣ Иваномъ Симашкомъ: но мнѣ пріятно видѣть, что одинъ изъ моихъ однофамильцевъ удостоился вниманія Русскаго Царя за сто восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ;** а еще пріятнѣе, что этимъ свѣдѣніемъ обязанъ я благосклонному о мнѣ памятованію Вашего Высокопреосвященства, за которое искреннѣйше благодарю. Въ торопяхъ я забылъ спросить Графа, гдѣ онъ здѣсь остановился и когда возвращается на Бѣлорусь; и если не случится видѣться съ нимъ, то не премину Грамоту препроводить обратно къ Вашему Высопреосвященству по почтѣ.

Примите увѣреніе въ чувствахъ истиннаго почтенія и преданности, кои питаю къ вамъ съ перваго знакомства и съ коими пребуду на всегда

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Юсифъ, Епископъ Литовскій.

22 Декабря,
1836 года.

* Киселевъ? О. Б.

** Гавріилъ былъ съ 1831 по 1837 годъ на Епархіи Могилевской. О. Б.

II.

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивый Архипастырь!

Прошу Ваше Высокопреосвященство принять отъ меня девять Словъ, при семъ прилагаемыхъ, не какъ литературное произведение, но какъ добрую вѣсть о воскресшемъ и утвердившемся уже, Божіею милостию, въ Литовскомъ краѣ древнемъ Православіи. Другой экземпляръ этихъ Словъ прошу передать въ Библіотеку Рязанской Семинаріи. Я душевно желаю бы, чтобы всѣ края Руси Православной сроднились съ ново-возстановленною Литовскою паствою, и чтобы паства сія занимала не одно только мѣсто по списку Православныхъ Епархій, но была съ цѣлою Православною Церковью въ тѣснѣйшемъ духовномъ и молитвенномъ общеніи. Вашему Высокопреосвященству въ особенности не чужда наша страна; * и надѣюсь, Вы болѣе другихъ примете къ сердцу добрыя о ней вѣсти.

Поручая себя молитвамъ Вашимъ и братской любви, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Высокопреосвященства

сослужитель о Господѣ,

Юсифъ, Митрополитъ Литовскій и Виленскій.

29 Апрѣля,

1852 года.

Вильна.

Его Высокопреосвященству,

Гавріилу,

Архіепископу Рязанскому.

* Сличите съ симъ мое 6-ое примѣчаніе къ статьѣ Н. В. Сушкова: «Воспоминанія о Литовскомъ Митрополитѣ Юсифѣ», помѣщенной въ 1-ой книгѣ «Чтеній» 1869 г., отд. V, стр. 162—164. О. Б.

III.

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивый Архипастырь!

Въ знакъ добраго памятованія, примите отъ меня, Ваше Высокопреосвященство, два Слова, къ послѣднее время напечатанныя; только не осудите, если что покажется рѣзкимъ; — тридцать пять лѣтъ стою я лицомъ къ лицу противу неправдъ Запада, и естественно долженъ говорить иначе, какъ другіе.

Поручая себя памяти и молитвамъ Вашимъ, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Высопреосвященства

покорнѣйшій слуга,

Юсифъ, Митрополитъ Литовскій.

13 Іюня,
1855 года.

Вильна.

Сообщ. Св. Н. Гумилевъ.

ПРИВѢТСТВІЕ

ЧЕХАМЪ ВЪ ПЯТИСОТЛѢТІЕ РОЖДЕНІЯ

ІОАННА ГУСА.

**Чешскому Распорядительному Комитету для празднованія 500-лѣтней
памяти рожденія Іоанна Гуса 4—7-го Сентября, 1869 года.**

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ спѣшитъ привѣтствовать братьевъ Чеховъ съ свѣтлымъ празднествомъ 500-лѣтней годовщины рожденія своего Іоанна Гуса, безсмертнаго борца за свободу людей во всѣхъ ея законныхъ проявленіяхъ, и желаетъ всѣми силами души, да отнынѣ всѣ предначертанія, стремленія и мѣропріятія Чеховъ, направленныя къ охраненію и утвержденію народной самобытности и самодѣтельности, вѣнчаются на всѣхъ путехъ своихъ благопоспѣшеніемъ и совершеніемъ, къ счастью, радости и славѣ необъятнаго и могучаго отечества Славянскихъ племенъ.

Августа 17-го дня,

1869 года.

Москва.

ПРИВѢТСТВІЕ

КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ,

ВЪ ДЕНЬ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ ЕЯ ПО ПРЕОБРАЗОВАНІИ,

28-го СЕНТЯБРЯ, 1869 ГОДА,

ОТЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ привѣтствуетъ Кіевскую Духовную Академію съ торжественнымъ празднованіемъ Пятидесятилѣтія ея по преобразованіи, отъ всей души желая, да, въ матери градомъ Роусьскимъ, колыбели Православія и Царства Русскаго, первоисточникъ и разсадникъ Русскаго просвѣщенія и ученія, воззванный къ жизни братскимъ согласіемъ и любовію къ своему роду, Вѣрѣ и самобытію, никогда не оскудѣваетъ и неприкосновенно охраняетъ сіи основы Руси и въ грядущія времена и лѣта, въ своей многополезной и примѣрной дѣятельности производя намъ новыхъ Захаріевъ, Исаевъ, Іоанникиевъ, Димитріевъ, Стефановъ, Теофановъ, Сильвестровъ, Рафаиловъ, Георгіевъ, Самуиловъ, Іоанновъ, Иринеевъ, Иннокентіевъ на служеніи Церкви; Хмельницкихъ, Безбородьковъ, Заводовскихъ, Троцинскихъ на полѣ ратномъ и полѣ мирномъ; Барскихъ, Сковородъ, «измѣрившихъ стопами своими и пядію удалийъ глубину и горъ знатныхъ высоту», вѣдѣнія ради и размноженія его между братіей; Прокоповичей-Антонскихъ, Сохацкихъ, Тимковскихъ, Веланскихъ въ храмъ научномъ; Березовскихъ, Веделей въ храмъ славословія Божія и духовныхъ пѣснопѣній; да цвѣтетъ и процвѣтаетъ онъ,

какъ цвѣтутъ и процвѣтають вертограды Южнорусскіе; да обилуетъ и преизобилуетъ всѣмъ, яже на потребу, какъ обилуютъ и преизоби уютъ пажити окрестъ его; да висится и превозносится имя Могило-Заборовской Академіи, какъ висятся и превозносятся тополи Кіевскихъ вершинъ надъ всѣми сорастущими древесами; да та, отъ коей, «аки съ преславныхъ оныхъ Аѳинъ, вся Россія источникъ премудрости почерпала, и вся своя новозаведенныя училищныя колоніи напоила и израстила,» согласно предсмертному желанію виновника своего бытія, старшаго брата въ Богоявленскомъ Братствѣ, благодѣтеля и попечителя Кіевскихъ высокихъ школъ, «вѣчно пребываетъ, ради умноженія славы Божіей и воспитанія дѣтей Православно-Русскихъ!»

Сентября 25, 1869 г.

Москва.

О П Е Ч А Т К И.

Въ 1-й кн. «Чтеній» 1869 г., отд. V.

Напечатано:

Читайте:

Стран. Строк.

154 5 снизу: 19,

18

Въ 3-й книгѣ, отд. V:

116, 6 сверху: Андрея

Андреяна

126, 6 — Андрея

Андреяна

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

	Стран.
О соединеніи подѣ общимъ управленіемъ Болгарскаго Рыльского и Русскаго Аѳонскаго монастырей. Д. Чл. Архимандрита Леопида.....	1 — 6
О времени сдачи Поляками Русскимъ Кремля въ 1612 году. Д. Члена П. С. Казанскаго.....	7 — 15

II.

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Славны бубны за горами или путешествіе мое кое-куда 1810 года. Сочиненіе Князя Ивана Михайловича Долгорукаго (Окончаніе).....	171 — 356
Русскія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ. Часть 1. Пѣсни обрядныя.....	365 — 410

III.

МАТЕРІАЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Очеркъ исторіи Чешскаго Вѣроисповѣднаго движенія. Д. Члена А. С. Клеванова. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. Введеніе.....	1 — 116
--	---------

IV.

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Подробное описаніе путешествія Голштинскаго Посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, составленное Секретаремъ Посольства Адамомъ Олеаріемъ. Переводъ съ Нѣмецкаго П. П. Барсова. Книга V, повѣствующая о Персидскомъ Государствѣ и его обитателяхъ.	693 — 796
---	-----------

ОГЛАВЛЕНИЕ.

V.

С М Ъ С Ъ.

	Стран.
Двѣ грамоты изъ смутнаго времени Русскаго Государства.....	1 — 5
Знакъ отличія безпорочной службы и нѣкоторые Профессоры Московскаго Университета.....	6 — 12
Матеріалы для Исторіи Безпоповщинскихъ Согласій въ Москвѣ: II. Монинское Согласіе. Собранные Николаемъ Поповымъ. Съ портретомъ Гавріла Ларионова Скачкова.....	13 — 186
О Запискахъ Юрьевскаго Архимандрита Фотія. Д. Члена Н. В. Сушкова.....	187 — 202
Нѣсколько мыслей объ игольчатыхъ ружьяхъ. Д. Члена И. П. Липранди.....	203 — 229
Записка Министра Финансовъ, Е. Ф. Канкринна, для Генералъ-Фельдмаршала Графа И. И. Дибича-Забалканскаго, въ началѣ войны съ Поляками 1830 года.....	230
Письмо А. Н. Оленина къ Г. И. Спасскому.....	231
Письмо И. И. Дмитріева къ тому же.....	232
Письмо Рязскаго Епископа, Филарета, къ Гаврілу, Архіепископу Рязанскому, о нуждахъ Православія.....	233 — 235
Три письма Іосифа, Митрополита Литовскаго, къ Гаврілу, Архіепископу Рязанскому.....	236 — 238
Привѣтствіе Чехамъ въ пятисотлѣтіе рожденія Іоанна Гуса.....	239
Привѣтствіе Кіевской Духовной Академіи, въ день пятидесятилѣтія ея по преобразованіи.....	240 — 241

THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW

RENEWED BOOKS ARE SUBJECT TO IMMEDIATE
RECALL

UCD LIBRARY
~~DUE JUN 30 1991~~
DUE JUN 30 1992

JUN - 9 1992 REC'D

UCD LIBRARY
DUE JUN 30 2004
JAN 15 2004 REC'D

LIBRARY, UNIVERSITY OF CALIFORNIA, DAVIS

Book Slip-85m-7,'62 (D296s4) 458

Moscow

DK3
M6
v. 70

260291

UNIVERSITY OF CALIFORNIA-DAVIS

3 1175 01487 7941

